Литературное наследство

ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ

III

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

Р Е Д А К Ц И Я
В. В. ВИНОГРАДОВ (ГЛАВ. РЕД.), И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
С. А. МАКАШИН и М. Б. ХРАПЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 5 · 6

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящей книгой «Литературного наследства» завершается издание материалов «пражской коллекции» архива Герцена и Огарева, начатое и продолженное в двух предыдущих томах*.

В первом томе (№ 61) помещены произведения и письма Герцена и Огарева; во втором томе (№ 62) — письма к Герцену и Огареву. В третьем томе (№ 63) предполагалось напечатать все остальные рукописи «пражской коллекции», отобранные для публикации, и сверх того группу документов, извлеченных из архивных фондов III Отделения и Министерства иностранных дел России. Развернувшаяся работа над изданием, занявшая несколько лет, внесла поправки в этот план. Систематическое и детальное изучение «пражской коллекции», а затем выход в свет первого тома, привели к новым и весьма крупным архивно-документальным открытиям в области «герценианы». Неизвестные ранее материалы, количество которых исчисляется многими сотнями рукописных листов, поступили в «Литературное наследство» из многих собраний Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Подавляющая часть не изданных руколисей вновь выявленной «герценианы» будет опубликована в следующем томе «Литературного наследства» (№ 64) — «Герцен в заграничных коллекциях». Исключение составляет «софийская коллекция»**. Обнародование ее материалов, начатое во втором томе, продолжено и завершено в настоящем томе. Что касается рукописей других заграничных коллекций, то из них в публикации настоящего тома попало лишь несколько документов из Амстердама и Кракова.

Большое количество новых материалов, выявленных «Литературным наследством» в процессе работы над настоящим изданием, заставило внести изменения в завершающий том. Редакция оказалась вынужденной отказаться от предполагавшейся и начатой разработки темы — «Герцен и Огарев в документах III Отделения и Министерства иностранных дел». Взамен этого возникла необходимость ввести отсутствовавшие прежде отделы «Неизвестные страницы Герцена» и «Письма Герцена и Огарева», дополняющие и продолжающие соответствующие отделы первого тома.

В отличие от двух предыдущих томов настоящий том состоит из гораздо большего числа групп разнотемных материалов. Они касаются таких разнообразных вопросов, как литературное творчество Герцена 30-х годов, отношения Герцена и Огарева к различным общественным и идейным течениям и отдельным деятелям освободительного движения эпохи, редакторской работы издателей «Колокола», конфликтов с «молодой эмиграцией», биографической проблематики и пр.

Определить значение для герценоведения всех документальных материалов, вводимых в исследование публикациями настоящего тома, можно было бы только в большой статье. Ограничимся ориентирующей характеристикой общего содержания каждого из семи отделов тома и указаниями на материалы, более других связанные с основной для герценоведения проблемой — формирования и эволюции социальных и политических взглядов издателей «Колокола».

В первом отделе публикуются произведения, принадлежащие перу Герцена: четыре статьи, извлеченные из французских газет 50—60-х годов (в их числе два отклика на гражданскую казнь Чернышевского), и рукопись заготовленной, но непроизнесенной речи по поводу обнародования манифеста 19 февраля 1861 г. Последний текст является важным документом для установления политической стратегии и тактики Герцена в момент отмены крепостного права. В том же отделе помещено исследование о ранней автобиографической повести Герцена «О себе». Отправляясь от некоторых документов «пражской коллекции», автор исследования произвел всесторонний

---

* «Пражская коллекция», принесенная в дар Академии наук СССР правительством Чехословацкой республики, в составе фонда Русского заграничного исторического архива, хранилась в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР). В 1956 г. все связанные с Герценом и Огаревым материалы этой коллекции были переданы на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ).

** «Софийская коллекция», полученная «Литературным наследством» в дар от Болгарской Академии наук, передана редакцией на постоянное хранение в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

анализ известных воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет». В результате он сделал научное открытие, найдя на страницах этих воспоминаний несколько глав и фрагментов первой автобиографической повести Герцена, считавшихся утраченными.

В эпистолярном отделе читатель найдет 19 писем Герцена и Огарева к различным корреспондентам. Выдающийся интерес представляют два больших письма Огарева к В. И. Баксту и другим членам русского революционного центра в Гейдельберге. Эти программные документы, распространявшиеся в литографированном виде, существенно дополняют имевшиеся до сих пор сведения о том плане революционной пропаганды, который был разработан Огаревым весной 1862 г. Среди других писем укажем: чрезвычайно важное письмо Герцена к В. О. Ковалевскому, касающееся проекта организации русского революционного легиона для оказания помощи полякам во время восстания 1863 г., письмо Огарева к участнику финского национально-освободительного движения поэту Э. Квантену, приоткрывающее одну из забытых, но ярких страниц в истории общения революционной России с Финляндией, письмо Герцена к А. А. Слепцову и в редакцию газеты «Morning Star», рисующие отношения между издателями «Колокола» и обществом «Земля и воля», наконец, письмо Огарева к М. А. Бакунину, содержащее разъяснения позиции издателей «Колокола» в славянском вопросе.

Архив «Колокола», оставшийся по некоторым сведениям в Англии, до нас или не дошел или до сих пор не разыскан. Тем бо́льшую ценность представляет то немногое, что сохранилось из этого фонда в бумагах «пражской» и «софийской» коллекций. Материалы, сгруппированные в отделе «Из архива „Колокола" и других изданий „Вольной русской типографии"», представляют интерес в двух отношениях. Они важны для истории издательской деятельности Герцена и Огарева, для характеристики приемов и методов их редакторской работы, а более всего для установления тех разнообразных связей, которые существовали между редакцией заграничного органа русской демократии и его многочисленными и столь от личными между собой корреспондентами. Вместе с тем значение некоторых докум тов выходит за рамки темы «Колокола». Самостоятельный интерес имеет, наприм «Записка о деле петрашевцев» Ф. Н. Львова с замечаниями М. В. Буташевича-П рашевского. Это новый и первоклассный источник для изучения кружка петрашевцев.

Следующий отдел образует группа материалов, извлеченных из русских и заграничных полицейских архивов — «Герцен и Огарев в документах политической полиции». Наибольший интерес представляют здесь протоколы допросов Герцена и Огарева после ареста 1834 г. и следственные показания о поездках в Лондон Н. Н. Пестерева (весной 1864 г.) и И. П. Ворожцова (в начале 1865 г.). Показания эти, дающие много нового для изучения истории поздних связей издателей «Колокола» с Россией, содержат, между прочим, чрезвычайно любопытную характеристику личности Герцена и важные сведения о причастности Герцена к замыслу освобождения Чернышевского из Сибири.

Многочисленные публикации отдела «Биографические материалы и исследования» касаются как самого Герцена, так и членов его семьи, а также его ближайших друзей. Сохранившиеся в «пражской коллекции» бумаги семейного архива позволили впервые создать развернутые документальные характеристики матери Герцена, его брата Егора Ивановича, жены Натальи Александровны, старшей дочери Таты, а также Натальи Алексеевны Тучковой-Огаревой. В этом же отделе печатаются два мемуарных источника — записки о Герцене Т. А. Астраковой, посвященные его отъезду из России в 1847 г., и неизвестные страницы из воспоминаний Н. А. Белоголового, о взаимоотношениях Герцена с «молодой эмиграцией».

В двух завершающих отделах — «Сообщения» и «Обзоры и описания» — учтены все остальные материалы «пражской» и «софийской» коллекций.

Всего в трех «герцено-огаревских» томах «Литературного наследства» опубликовано около 800 документов. Из них свыше 100 содержат неизвестные ранее произведения Герцена и Огарева, свыше 250 являются их письмами и около 300 письмами к ним. Остальные материалы относятся к деятельности редакции «Колокола», к истории революционной борьбы, к биографическим темам и пр.

Опубликование «пражской» и «софийской» коллекций существенно и многосторонне расширило документальную базу не только герценоведения, но и изучения всей эпохи революционно-освободительного движения 1840—1860 гг.

В архивно-текстологической и редакционной подготовке герцено-огаревских томов принимали участие А. Н. Дубовиков, Л. Р. Ланский, Н. А. Роскина и Н. Д. Эфрос. Последней принадлежит, кроме того, подбор иллюстраций, осуществленный при содействии Н. П. Анциферова. В литературном редактировании многих публикаций первого и второго томов участвовала Л. К. Чуковская, в подготовке к печати иноязычных текстов трехтомника — М. Г. Ашукина.

Своими указаниями, советами и замечаниями редакции оказывали помощь Б. П. Козьмин и М. В. Нечкина.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРЦЕНА

А. И. ГЕРЦЕН

Рисунок итальянским карандашом А. Л. Витберга, 1836 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

«О СЕБЕ»

РАННЯЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ *

Исследование и публикация А. Н. Дубовикова

ВВЕДЕНИЕ

Автобиографическая повесть Герцена «О себе», над которой он работал в тридцатые годы, неоднократно привлекала внимание исследователей. О ней писали Е. С. Некрасова и М. К. Лемке, в последние годы — В. А. Путинцев и Л. Я. Гинзбург. В результате их работ было установлено место этой повести в творчестве Герцена, ее значение как зерна, из которого выросли впоследствии «Записки одного молодого человека» и еще позднее— «Былое и думы». На основании переписки Герцена с Н. А. Захарьиной, по приведенным там названиям глав и кратким замечаниям об их содержании, был выяснен почти полностью состав повести и последовательность написания отдельных глав. Наиболее полное освещение этот вопрос получил в книге В. А. Путинцева «Герцен-писатель» (М., 1952, стр. 26—32); итоговая сводка всех относящихся к нему данных приведена в составленных Л. Я. Гинзбург комментариях к первому тому Собрания сочинений Герцена, издаваемого Академией наук СССР (М., 1954, стр. 502—504).

Но самый текст повести до сих пор оставался почти неизвестным. В научной литературе прочно утвердилось мнение, что он утрачен. «Среди „белых пятен", которыми изобилует для нас раннее творчество Герцена, утрата рукописи его автобиографии особенно досадна» (В. А. Путинцев. Указ. соч., стр. 32). Считается, что из всей повести «О себе» до нас дошел в составе воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет» лишь один отрывок, помещенный ею в заключительной главе первого тома, названной «Последний праздник дружбы» (у Лемке под заглавием «О себе» — II, 163—175; то же в изд. АН, т. 1, стр. 170—182). Другой отрывок, также сохранившийся в книге Пассек и, как мы постараемся ниже доказать, относящийся к той же повести или, во всяком случае, примыкающий к ней, был напечатан Лемке под 1835 г. с произвольным заглавием «Арест и высылка» (I, 180—186) и не поставлен в связь с повестью «О себе»; так же рассматривает этот отрывок и В. А. Путинцев, причисляющий его к серии отдельных автобиографических заметок, которые могли быть использованы Герценом впоследствии «для его большой автобиографии тридцатых годов, условно называемой „О себе"». При этом В. А. Путинцев отмечает, что отрывок известен нам «из вторых рук и потому с текстом сомнительной достоверности» (В. А. Путинцев. Указ. соч., стр. 23).

Материалы «пражской коллекции», в частности сохранившиеся в ней письма Т. П. Пассек к Огареву и к М. К. Рейхель, дали возможность

---

* При ссылках в настоящей работе приняты следующие сокращения:
П.— Т. П. Пассек. Из дальних лет, тт. I—III. Второе издание, СПб., 1905—1906.
Р. С.— «Русская старина».
Изд. АН — А. И. Герцен. Собр. соч. Изд-во АН СССР, т. I, М., 1954.

прояснить вопрос об источниках, которыми пользовалась Пассек при печатании в своих записках отрывков из повести «О себе». Л. Я. Гинзбург привела в названных выше комментариях выдержку из письма Пассек к Огареву от 19 ноября/1 декабря 1873 г. с сообщением о найденной в московском доме брата Герцена, Егора Ивановича, тетради с «юными записками» Герцена. Однако, располагая этим и некоторыми другими ценнейшими показаниями Пассек, Л. Я. Гинзбург не сделала из них необходимых выводов и не произвела всех разысканий, на которые наталкивали сообщения Пассек, сделанные ею в письмах к ее заграничным друзьям.

Первые упоминания о наличии у Пассек рукописей Герцена 30-х годов мы находим в ее февральских письмах 1873 г.: «Так, у меня есть несколько брошенных бумаг воспоминаний Саши, писанных в 30-х годах, — конечно, не печатанных — они идут среди моих записок под титлом „Из брошенных листков“» (письмо к Рейхель, без даты — ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 274, л. 35—35 об.). Сколь же лаконично сказано об этом в письме к Огареву от 14 февраля: «У меня есть „брошенные листки“ сашиных записок 30-х годов — из них идут выписки под названием „Из брошенных листков“» (там же, ед. хр. 162, л. 79 об.).

Более подробный рассказ, с некоторыми любопытными деталями, содержится в ноябрьских письмах того же года. 30 ноября 1873 г. Пассек писала Рейхель о своей работе над записками:

«...Идут легко и хорошо. Чувствую, что крепну. Надеюсь, пройдут в печати. Много есть из *брошенных листков Саши.* Саша о них вспоминал в своем предисловии к „Былому и думам“ и решил, что их нет. А я спасла их случайно. Саша писал Егору Ивановичу, чтобы передал мне его книги; но книги оказались раскрадены; кой-какие разрозненные части валялись в кладовой у Ивана Алексеевича — старые книги и бумаги; в одном ящике с соломой я увидела истрепанные, испачканные несколько листов руки Саши,— пожалела их и взяла, да долго и не читала, так — вспомнить берегла. Прочтя увидела — его юные записки, многого нет, изорвано, пропало, но что есть, то теперь среди моих воспоминаний идет, да сохранится каждая строчка его в России и каждая черта его жизни» (л. 62 об.).

19 ноября/1 декабря того же года Пассек писала о том же Огареву:

«...Взгляни в предисловие „Былого и дум“, том третий — Саша говорит: „Всего досаднее, что нет целой тетради между первым напечатанным отрывком и вторым. Я помню, что в ней был наш университетский курс и что тетрадь оканчивалась „соборной поездкой“ в Архангельское, описанием обеда и пира возле оранжереи, и проч. — Эта тетрадь, довольно большая, Ник, у меня и идет в моих записках под названием „Из брошенных листков А. И. Герцена“.

Саша писал Егору Ивановичу, когда мы виделись с ним в Париже, чтобы он передал мне все его книги и бумаги. Книги оказались раскраденными,— кой-какое старье осталось и несколько разрозненных томов нового — все не стоило ничего; бумаг тоже ничего, все пережгли и побросали. Только между хлама увидала я растрепанную тетрадь,— рукой Саши писана,— на поганейшей бумаге,— благоговейно собрала я что было и берегла, как все, что его и о нем говорит. А вот оказывается, что это юные его записки—продолжение „Записок одного молодого человека“,— он жалеет, что их нет, а судьба, через меня, сохранила — и напечатаются в России, с воспоминаниями о нем и о тебе, так горячо им любимом...» (лл. 67—68).

Оба эти взаимно дополняющие друг друга сообщения позволяют прежде всего установить время, когда были найдены «брошенные листки». Герцен писал Егору Ивановичу из Парижа, когда встретился там с Пассек,

то есть в 1861 г. Сразу после возвращения она, вероятно, навестила старый дом Яковлева, где и обнаружила остатки герценовских рукописей. Они пролежали у нее до 1872 г., когда, в связи с начатой работой над воспоминаниями о Герцене, она обратилась к ним. Таким образом, приходится признать ошибочным указание Л. Я. Гинзбург, что Пассек нашла рукопись Герцена в 1872 г.

Нельзя не обратить внимание на заявление Пассек, что в ее записках «много есть из брошенных листков Саши». Соответствует ли это выражение тому, что до сих пор было выявлено в качестве герценовского текста в ее записках? Вряд ли она употребила бы это выражение, если бы нашла всего лишь один-два фрагмента. Перед исследователем возникает задача внимательного изучения всех записок Пассек — в поисках, не скрыты ли в них еще другие отрывки из той же ранней автобиографической повести, которую Герцен в письмах к Н. А. Захарьиной называл «Юность и мечты», «Моя жизнь», «Юность», а чаще всего — «О себе».

Как нами рассказано в другом месте (см. настоящий том, стр. 620—621), Пассек нашла в московском доме Егора Ивановича оставшиеся там после отъезда Герцена за границу рукописи произведений Герцена тридцатых-сороковых годов — от повести «О себе» до «Сороки-воровки». Но формулу *«брошенные листки»* Пассек употребляла в письмах к Огареву и к Рейхель, а также в тексте своих воспоминаний применительно *только к найденным ею автобиографическим запискам Герцена тридцатых годов.* В таком ограниченном смысле это выражение используется и нами в настоящей работе.

Предпринятый нами критический анализ воспоминаний Пассек «Из дальних лет», с привлечением данных ее переписки с Огаревым, М. К. Рейхель, Н. А. Тучковой-Огаревой, Т. А. Астраковой, М. И. Семевским и другими лицами, а также материалов из архива «Русской старины» и документов С.-Петербургского цензурного комитета, привел нас к выводу, что традиционный взгляд на книгу Пассек как на источник весьма сомнительной достоверности должен быть пересмотрен. Этот вывод относится как к мемуарным свидетельствам самой Пассек, так и к другим воспоминаниям и документам, приведенным в ее книге (подробное обоснование этого вывода и изложение результатов исследования см. в нашей работе, публикуемой в настоящем томе, стр. 565—646). Особенно важно отметить, что при использовании текстов Герцена Пассек всегда стремилась к более или менее точной их передаче. Но цензурные условия вынуждали ее нередко прибегать к сокращениям и перифразам, а недостаточная опытность в деле публикации текстов (особенно по рукописям) приводила ее к отдельным ошибкам и неточностям, которые, однако, были обычны в практике документальных публикаций семидесятых-восьмидесятых годов XIX в. Во всяком случае, она всегда добивалась верной передачи смысла чужого произведения или отрывка и никогда не выдавала свой текст за принадлежащий Герцену. Это обязывает нас со вниманием и доверием отнестись ко всем тем случаям, когда Пассек, прямо или косвенно, указывает на принадлежность Герцену печатаемых ею текстов. Мы намеренно говорим «прямо или косвенно», потому что ей во многих случаях приходилось с помощью различных приемов маскировать свои заимствования из произведений Герцена, поскольку выписки из них, как и прямые ссылки на Герцена, были категорически запрещены цензурой (см. в настоящем томе стр. 624 и след.).

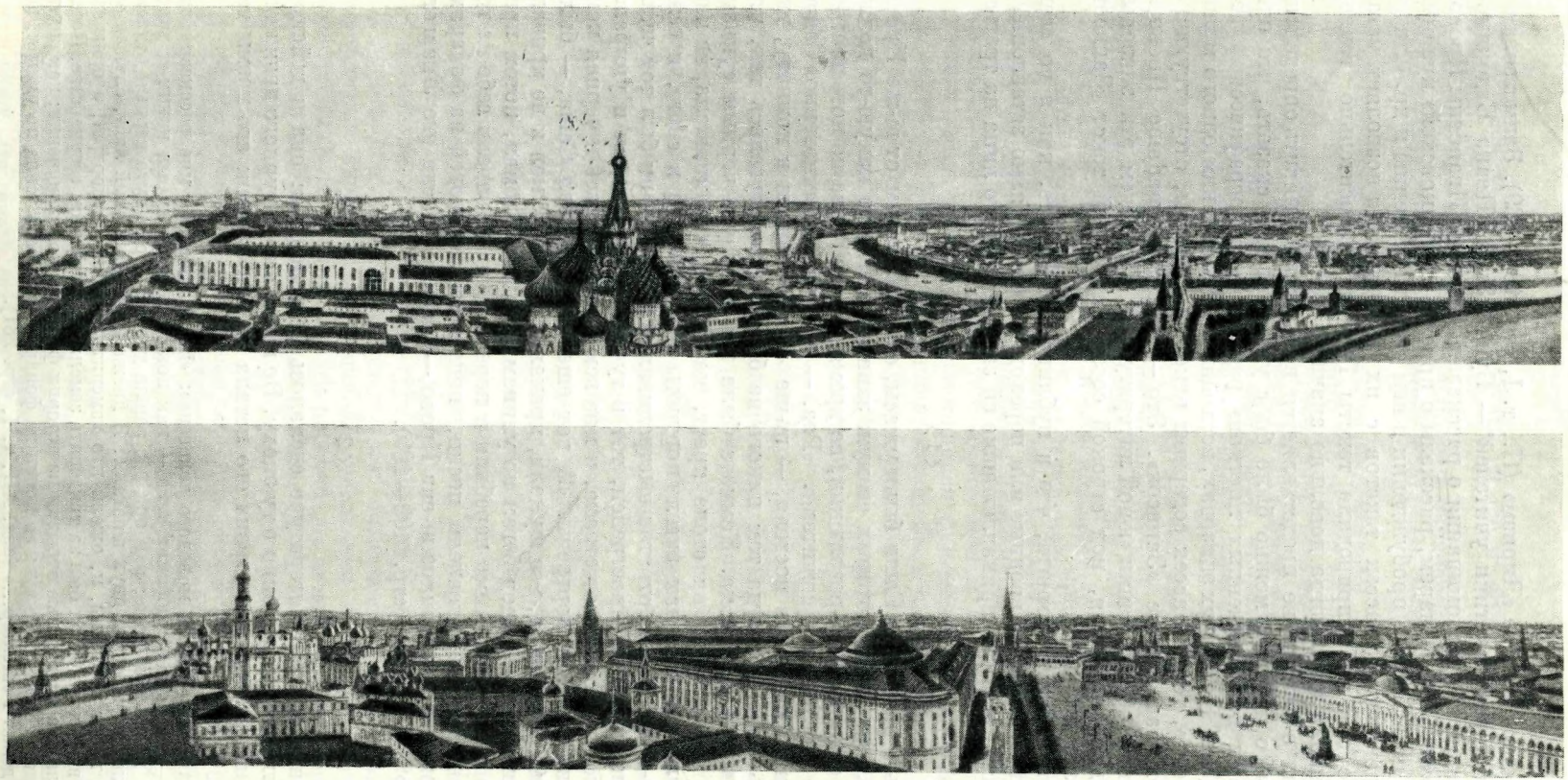
Применяя выводы, сделанные на материале анализа воспоминаний Пассек в целом, к решению частного вопроса о судьбе найденных ею «брошенных листков», мы можем установить, что она значительно более широко использовала рукопись герценовской автобиографии тридцатых годов, чем это до сих пор предполагалось. А сопоставление выявленных нами

фрагментов повести «О себе» с известными нам названиями входивших в нее глав позволяет утверждать, что текст этой повести дошел до нас в составе книги Пассек, если не в полном виде, то, несомненно, в значительной своей части. Располагая точными данными о приемах обработки текстов Герцена из «Былого и дум» и «Записок одного молодого человека» и включения этих текстов в книгу Пассек, мы не можем быть убеждены, что она всюду точно воспроизвела и страницы из «брошенных листков». В одних случаях она приводила текст в неприкосновенном виде, но в других случаях она его несколько препарировала, прибегая к сокращениям, к замене первого лица третьим, к превращению связного повествовательного изложения в диалог. Иногда она соединяла отрывки связующими фразами или целыми абзацами, написанными ею самой. Все это затрудняет задачу выявления герценовских текстов, но не делает ее совершенно неразрешимой. Опираясь на различные доступные нам материалы, касающиеся истории работы Пассек над ее воспоминаниями, в частности, сопоставляя текст отдельного издания «Из дальних лет» с текстом журнальной публикации, а также с сохранившимися корректурами, мы получаем возможность доказать принадлежность к «брошенным листкам» Герцена ряда фрагментов, опубликованных Пассек. В систему наших доказательств мы вводим и элементы стилевой характеристики подлежащих анализу отрывков, поскольку своеобразный, неповторимый в своей резкой индивидуальности стиль Герцена явственно выделяется в большинстве случаев на фоне литературно грамотного, но неизмеримо менее богатого языка самой Пассек. Повторяем, у нас нет уверенности, что она сохранила отрывки из повести «О себе» в неприкосновенном виде; но что эти отрывки принадлежат Герцену, в этом, как будет показано ниже, не может быть никакого сомнения. И только прочно утвердившимся в научной литературе недоверием к Пассек, поддержанным всей силой герценоведческого авторитета Лемке, можно объяснить странный на первый взгляд факт, что до сих пор никем из исследователей жизни и творчества Герцена этот материал не был обнаружен.

ГЛАВЫ О ДЕТСТВЕ

О первых шести главах повести «О себе», вошедших в тетрадь, привезенную Кетчером в марте 1838 г. Н. А. Захарьиной, нам известно очень немного. Они охватывали время от 1812 г. до ранней юности, то есть, вероятно, до поступления в университет, поскольку следующая после них седьмая глава называлась «Студент». В переписке Герцена с Н. А. Захарьиной упоминаются названия четырех глав: «Дитя», «Огарев», «Деревня» и «Пропилеи». От остальных двух глав не сохранилось и названий — гадать об их содержании, не имея никаких отправных точек, — бесцельно. Можно только предположить, что в них, как и в главе «Дитя», Герцен вспоминал о жизни своей и своих близких от 1812 до 1825 г., то есть о том периоде своей жизни, который он сам назвал своим «ребячеством».

Анализ тех глав воспоминаний Пассек, в которых рассказано о детстве Герцена, а также изучение находящихся в нашем распоряжении материалов позволяют установить источники почти всех эпизодов, в той или иной мере заимствованных у Герцена. Чаще всего Пассек обращалась к тексту «Былого и дум». Отсюда она перенесла в свои записки характеристики Ивана Алексеевича и Сенатора, а также других обитателей и посетителей яковлевского дома. К «Былому и думам» восходят и некоторые бытовые эпизоды, например, рассказ о праздновании именин и дня рождения Саши. Многие страницы рассматриваемых глав книги Пассек заимствованы ею из «Записок одного молодого человека» — прямую ссылку на них она



ПАНОРАМА МОСКВЫ
Картина маслом А. Кадоля, 1820-е гг.
Музей истории и реконструкции Москвы

дает, например, в главе «Лиризм» (П., т. I, стр. 188—189). Заимствованы портреты и характеристики учителей — Бушо, Экка, Ивана Евдокимовича Протопопова, воспоминания о рассказах Лизаветы Ивановны Прово, эпизод с волшебным фонарем, рассказы о приезде «меленковской» кузины, о дружбе с нею Саши, о пробуждении в нем страсти к чтению и др. Сличение приведенных у Пассек текстов с их источниками позволяет установить, что она либо приводила тексты Герцена относительно точно, либо сокращала их, иногда довольно значительно.

В главах о детстве не представляется возможным выявить определенные тексты, о которых можно было бы с уверенностью сказать, что они заимствованы из «брошенных листков» ранней автобиографической повести Герцена. Но в двух эпизодах, восходящих к «Запискам одного молодого человека», текст Пассек содержит некоторые детали, отсутствующие в известном нам тексте «Записок». Это — рассказы madame Прово и воспоминания об увлечении «юной литературой». Приведем эти эпизоды, помещая, для сравнения, под строкой соответствующий текст «Записок одного молодого человека».

Читатель должен помнить, что в публикуемом тексте, как и во всех последующих, имеются вводные или переходные фразы, явно вставленные самой Пассек, а также принадлежащие ей замены первого лица на третье.

〈1〉

Любимым рассказом Саши были ужасы, слышанные им от m-me Прово о масонах, при ложе которых ее муж занимал когда-то какую-то должность, и о французской революции, во время которой едва не повесили на фонаре ее почтенного сожителя. «Раз, — начинал обыкновенно Саша, смирно лежа зашитый в постели, — m-me Прово попала в комнату, где собирались масоны, когда там никого не было, и перепугалась так, что чуть не умерла со страха. Комната была вся обтянута черным сукном, посредине стоял стол, на столе крест, на кресте два кинжала, на них мертвая голова. На стенах висели портреты всех масонов в свете, и если в который-нибудь из портретов выстреливали, то где бы ни был тот человек, чей портрет был прострелен, тот в ту же минуту падал и умирал». Слушая это, я дрожала от страха, и мне всюду мерещилась и черная комната, и кинжалы, и портреты. «А вот еще, — говаривал Саша, — была во Франции революция, все шумели, кричали, кто не шумел и не кричал, тем рубили головы, народ бегал по улицам, все бил, ломал, потом прибежали во дворец и там все перебили и переломали да надели себе на головы красные колпаки, запели песни, пошли вешать людей на фонарях, хотели повесить на фонаре m-eur Прово,— насилу спасла его Лизавета Ивановна»* (П., т. I, стр. 108—109).

〈2〉

Поклонение юной литературе сделалось безусловным: она и действительно могла увлечь, именно в ту эпоху. Во главе литературного движения явился Пушкин; каждая строка его летала из рук в руки; его поэмы чи-

---

* В «Записках одного молодого человека»: «Но что же она мне рассказывала? Во-первых,— это была ее любимая тема,— как покойный муж ее был каким-то метр-д'отелем в масонской ложе; как она раз зашла туда: все обтянуто черным сукном, а на столе лежит череп на двух шпагах... Я дрожал, как осиновый лист, слушая ее. На стенках висят портреты, и, ежели кто изменит, стреляют в портрет, а оригинал падает мертвый, хотя бы он был за тридевять земель, в тридесятом государстве. Потом рассказывала она интересные отрывки из истории французской революции: как опять-таки покойный сожитель ее чуть не попал на фонарь, как кровь текла по улицам, какие ужасы делал *Робеспьер*...» (изд. АН, т. I, стр. 261).

тали в списках, твердили наизусть, «Горе от ума» сводило всех с ума, волновало всю Москву.

«Московский телеграф», только что начавший свое поприще, быстро передавал современное умственное состояние Европы и читался с увлечением.

Войнаровский и думы Рылеева возбуждали дух гражданственности. Козлов переводил Байрона. Типы его героев водворялись в жизнь общества, облагораживали его и отражались в поэмах и повестях. Шиллер передавался в прелестных переводах Жуковского. Альманахи сыпались. В воздухе веяло верованиями, надеждами, увлечениями. Когда появился «Евгений Онегин»— его приветствовал всеобщий восторг* (П., т. I, стр. 200).

Вопрос, откуда Пассек взяла оба эти отрывка, до выявления новых документальных материалов не может быть в полной мере разрешен. Первый из них заключен у Пассек в кавычки — серьезное указание на то, что перед нами текст Герцена: как показывает анализ воспоминаний Пассек в целом, она пользовалась кавычками только при введении чужого текста и никогда не выделяла таким способом своего собственного изложения. Но второй отрывок не выделен кавычками, хотя его соотношение с текстом «Записок» Герцена таково же, как и первого. Не исключено, что перед нами случайно сохранившиеся фрагменты из первых глав повести «О себе». Поскольку, однако, может быть выдвинуто и другое предположение,— что Пассек от себя дополнила текст «Записок одного молодого человека», опираясь на собственные воспоминания, пробужденные чтением Герцена,— мы воздерживаемся от каких-либо определенных выводов об этих двух отрывках.

Столь же неясным представляется вопрос об источниках еще одного эпизода из воспоминаний Пассек. В главе XVI первого тома она очень коротко пересказала историю трех жертв крепостного рабства — повара Алексея, принадлежавшего Сенатору, живописца Летунова и скульптора, ученика Витали (П., т. I, стр. 258—259). Известно, что о судьбе повара Алексея рассказано в «Былом и думах». Текст Пассек не добавляет ничего к тому, что мы знаем по рассказу Герцена. В дошедшей до нас корректуре этой главы, которая должна была войти в майскую книгу «Русской старины» 1875 г., но была запрещена цензурой (подробнее об этой корректуре см. ниже, на стр. 626—628), история повара Алексея была изложена значительно более подробно и притом с рядом деталей, отсутствующих в тексте «Былого и дум». Хотя и здесь можно предполагать, что Пассек дополнила Герцена, опираясь на собственную память, это не лишает ее вариант интереса для читателей и исследователей «Былого и дум». Также значительно полнее рассказана в этой корректуре и история безымянного скульптора, не отразившаяся в «Былом и думах», но, несомненно, навеянная чтением герценовских страниц, посвященных рассказам о людях, загубленных гнетом рабства. Приводим оба эти рассказа по тексту первой корректуры, хранящейся в Пушкинском доме (ф. 265, № 18, лл. 191—192).

---

* В «Записках одного молодого человека»: «Зато поклонение юной литературе сделалось безусловно,— да она и могла увлечь именно в ту эпоху, о которой идет речь. Великий Пушкин явился царем-властителем литературного движения; каждая строка его летала из рук в руки; печатные экземпляры „не удовлетворяли“, списки ходили по рукам. „Горе от ума“ наделало более шума в Москве, нежели все книги, писанные по-русски, от „Путешествия Коробейникова к святым местам“ до „Плодов чувствований“ князя Шаликова. „Телеграф“ начинал энергически свое поприще и неполными, угловатыми знаками своими быстро передавал европеизм; альманахи с прекрасными стихами, поэмы сыпались со всех сторон; Жуковский переводил Шиллера, Козлов — Байрона, и во всем, у всех была бездна надежд, упований, верований горячих и сердечных. Что за восторг, что за восхищенье, когда я стал читать только что вышедшую первую главу „Онегина“!» (изд. АН, т. I, стр. 268).

〈3〉

Обед у Сенатора в торжественные дни готовил всегда его знаменитый повар Алексей. Служивши в английском клубе, Алексей нажил хорошее состояние, женился и стал жить по-барски. Нанял хорошую квартиру, прислугу, ездил в коляске, давал обеды и вечера, которые украшались посетителями с звездой на груди. Жену рядил в шелк и бархат. Он считал себя больше поэтом, чем поваром: сочинял стихи, говорил отборными словами и постоянно мучился мыслью, что он — крепостной человек. Зная, что Сенатор не любит отпускать свою прислугу на волю, Алексей после долгого колебания решился, помолясь богу, идти к барину и предложил ему за себя пять тысяч ассигнациями. Сенатор, гордясь своим поваром, отказался от денег, говоря, что по смерти своей отпустит его даром.

Отказ так поразил Алексея, что он начал пить горькую чашу, спустил весь свой капитал, стал служить по домам, но нигде не мог ужиться, наконец, о нем запал и самый слух,— как вдруг полиция привела его к Сенатору, оборванного, одичалого. Жалея его, Сенатор дал ему отдельную комнату, одел, не сделал ни малейшего выговора; но Алексей продолжал пить, шуметь и говорить стихами,— тогда Сенатор отдал его Ивану Алексеевичу на исправление, надеясь, что тот урезонит его, и вскоре сам внезапно скончался. Иван Алексеевич тотчас дал Алексею вольную, но было уже поздно. Так он и пропал без вести 〈...〉

Одно из самых грустных воспоминаний оставил по себе крепостной скульптор. Он принадлежал одному из наших родственников. Сделанный им бюст императора Николая Павловича из белого мрамора, в лавровом венке, показал замечательный талант, обратил на себя всеобщее внимание на художественной выставке, в Москве и, сколько мне помнится, получил первую награду. Этот скульптор постоянно страдал чувством своей неволи. Он страстно любил свое искусство, болезненно жаждал видеть лучшие произведения резца, учиться под голубым небом Италии, мечтал о славе; может, и был бы славою России.

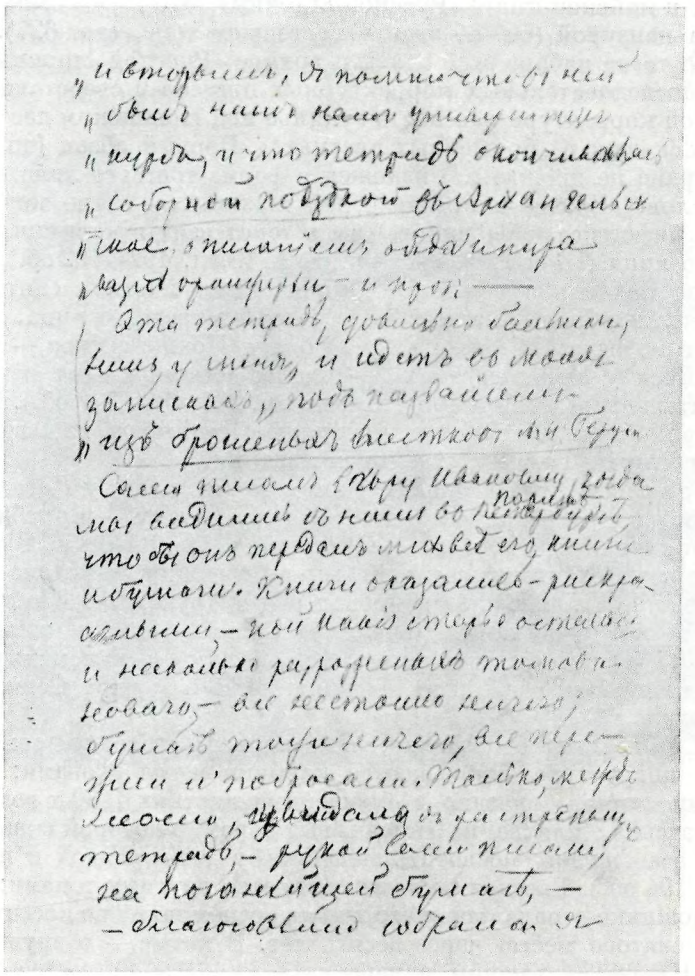
Я помню, с каким восторгом говорили о сделанной им статуе — гения в цепях; а самого его крепостная цепь держала, как собаку, на привязи. Господин гордился своим скульптором точно так же, как Сенатор своим поваром, и ни за какие деньги, ни по каким просьбам и представлениям самых близких и уважаемых им людей не согласился отпустить его на волю. Этот несчастный художник, жертва крепостного быта, за что-то наказанный телесно, был так поражен этим, что впал в чахотку и кончил жизнь свою в молодости.

ОГАРЕВ

В отношении приведенных нами выше фрагментов мы не могли пойти дальше предположений и условных допущений. Но в отношении текста из главы «Огарев» мы можем опираться на гораздо более веские и убедительные аргументы.

XVI глава отдельного издания первого тома «Из дальних лет» (в «Русской старине» она напечатана как глава XV) содержит живой и выразительный рассказ о гуляньe под Новинским и о первом обеде Герцена и Огарева в «ресторации». Непосредственно за ним следует рассказ об их прогулках на Воробьевы горы и о данной ими клятве. Заканчивается вся эта часть главы воспоминанием о том, как десять лет спустя Герцен и его жена проездом остановились у Воробьевых гор и пошли на «святое место», где «художником-страдальцем» был заложен храм (П., т. I, стр. 259—264).

В[1] отрывке, лишенном каких бы то ни было ссылок на источники и переведенном в форму изложения от третьего лица, сохранилась юношеская патетика Герцена, его неповторимый стиль. В «Былом и думах» об этих эпизодах рассказано по-иному, значительно короче, а о последнем — вообще нет ничего. Считать отрывок вольным сочинением Пассек по канве «Былого и дум» — невозможно: она для этого не располагала ни детальным



АВТОГРАФ ПИСЬМА Т. П. ПАССЕК К ОГАРЕВУ ОТ 19 НОЯБРЯ / 1 ДЕКАБРЯ 1873 г. С УПОМИНАНИЕМ О НАЙДЕННОЙ ЕЮ ТЕТРАДИ С РУКОПИСЯМИ ГЕРЦЕНА 1830-х гг.

Пассек сообщает, что печатает эти рукописи в своих записках под названием: «Из брошенных листков А. И. Герцена»

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

знанием описываемых событий, о которых идет речь, ни ярким литературным талантом, печатью которого отмечен весь рассматриваемый отрывок. Рассказ ведется с необыкновенным изяществом и непринужденностью, кисть художника свободно и легко переходит от одной детали картины к другой, живо набрасывая беглые, но выразительные образы посетителей гулянья под Новинским. Неожиданные сопоставления и антитезы,

остроты и каламбуры, внезапные переходы от иронического нравоописания к лирическим раздумьям — во всем этом нельзя не узнать искрометный стиль Герцена. Так писать умел только он.

Все эти наши соображения и наблюдения мы имеем возможность подкрепить дополнительно весьма серьезными доказательствами документального характера.

Названные эпизоды входят в состав той главы, которая должна была появиться в майской книге «Русской старины» 1875 г., но была полностью запрещена цензурой (см. об этом в настоящем томе, стр. 627). От подготовленного тогда набора этой главы в архиве «Русской старины» сохранились два последовательных корректурных оттиска в сверстанных листах.

В первой корректуре рассказ о гулянье под Новинским дается со ссылкой: «Как сказано в „брошенных листках"». Первый абзац (до двустишия «Какое сердце не дрожит...») изложен в форме третьего лица и без кавычек. От слов: «Ежели в прозаической жизни...» — и до конца эпизода («...после бифстекса и рябчиков») весь текст взят в кавычки и приведен от первого лица (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, л. 192—192 об.). Во второй корректуре начальная ссылка на «брошенные листки» снята, кавычки перед «Ежели» убраны, изложение ведется от третьего лица. В середине рассказа говорится: «Спокон веку любил я Подновинское,— писал дядя в хранящихся у меня листках»,— и далее до конца — от первого лица, с заключительными кавычками (там же, лл. 201 об.— 202 об.). В журнальном тексте кавычки сняты, ссылка на дядю отсутствует, изложение ведется от третьего лица. То же в отдельном издании.

Вслед за рассказом о Подновинском в той же главе у Пассек (в первой корректуре) идет абзац, вводящий в новую тему,— Воробьевы горы: «Лужники находятся на низменной стороне Москвы-реки, против Воробьевых гор, которые колоссальная мысль художника хотела превратить в храм божий, а Саша опоэтизировал своей дружбой с Ником» (л. 193). Во второй корректуре конец (от слов «а Саша...») снят и заменен многоточием; в «Русской старине» исчезло и оно. В отдельном издании (т. I, стр. 261) весь абзац расширен, но упоминание о дружбе Саши и Ника не восстановлено.

После этого вводного абзаца, написанного, очевидно, самой Пассек, в первой корректуре открываются кавычки перед словами: «И вот мы на вершине горы,— сказано в „брошенных листках 1830-х годов"». Далее следует рассказ о клятве на Воробьевых горах, о которой сказано: «...поклялись всю жизнь посвятить на борьбу с неправдой и пороками...» (лл. 193—194 об.). Рассказ о клятве сменяется другими темами: размышления о художнике-страдальце и его храме, воспоминания о посещении вместе с женой «святого места» через десять лет. В конце — о дружеской переписке с Ником, уехавшим в деревню.

Во второй корректуре начало эпизода (конец его не сохранился) дано так же, как и в первой, осталась форма изложения от первого лица, но в кавычки заключен только первый абзац (лл. 202 об. — 203 об.). В «Русской старине» ссылка на «брошенные листки» убрана, кавычки исчезли, первое лицо («мы») всюду заменено третьим. В таком виде эпизод перешел в отдельное издание (П., т. I, стр. 261—264). При этом в конце его исчезла характеристика писем и разговоров обоих друзей, текст приведенных в первой корректуре двух записок и заключительная мысль о «кинжальных уверениях в дружбе» (лл. 194 об. — 195).

Сравнение обоих текстов этого отрывка — в первой журнальной корректуре и в отдельном издании «Из дальних лет» — дает возможность не только доказать, что текст был извлечен из «брошенных листков» Герцена: оно позволяет непосредственно проследить, каков был характер той обработки, которой Пассек вынуждена была подвергать герценовский

текст, чтобы затушевать факт прямого его использования в своей книге. При этом легко установить несколько категорий, по которым могут быть распределены ее переделки.

К первой категории мы относим изменения, явно вызванные оглядкой на цензуру. Сюда может быть отнесен, например, пропуск слов «усталые от Ефимон» (в описании людей, идущих под Новинское встречать весну): упоминание в таком контексте великопостной церковной службы, конечно, могло быть сочтено цензурой непозволительным. Такого же рода, по нашему мнению, пропуск строк из описания клятвы на Воробьевых горах: «Долго мы не могли насмотреться друг на друга. Казалось, бытие наше просветилось. Мы смотрели, на себя, как на апостолов, как на людей,

ДОМ И. А. ЯКОВЛЕВА НА УГЛУ СИВЦЕВА-ВРАЖКА И МАЛОГО ВЛАСЬЕВСКОГО ПЕРЕУЛКА В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 25/9). ЗДЕСЬ ГЕРЦЕН ЖИЛ В 1833—1834 гг. ДО СВОЕГО АРЕСТА И ССЫЛКИ В ВЯТКУ И ПОЗДНЕЕ В 1846—1847 гг. ДО ОТЪЕЗДА ЗА ГРАНИЦУ

Фотография, 1930-е гг.

Литературный музей, Москва

избранных богом, обреченных на великое дело, на великие страдания. С тех пор гора эта нам священна обоим». Особенно показателен в этом смысле пример с переделкой социально заостренной, проникнутой отрицанием крепостничества зарисовкой «доброго мужичка» на празднике: «Там вы увидите нашего доброго мужичка, отделенного от враждебного ему племени фрачников одной перегородкой; увидите, как он, выпивши стаканчик, забыл, что он нищ, а его барин богат; что он день и ночь работает, а его барин день и ночь ничего не делает, и с детской простотой души хохочет над паясом и обезьяной». В отдельном издании этому соответствует совершенно нейтральный, обезличенный текст: «Там вы увидите, как наш добрый мужичок, отделенный перегородкой от посыпанной песком дорожки, выпивши стаканчик вина, с детской простой души хохочет над паяцем и обезьяной» (П., т. I, стр. 259).

Ко второй категории можно отнести случаи замены отдельных слов или с целью смягчить резкие выражения (например, пропуск слова «с рожей»

во фразе: «И паяс в белой рубашке, в конической шапке, с *рожей*, выпачканной сажей!») или для нивеллировки языка («под визг одной скрипки» — вместо герценовского «под *скрып* одной скрыпки»).

Третью категорию составляют случаи, в которых трудно распознать мотивы их возникновения. Пассек прибегала иногда к пересказу своими словами герценовской речи, устраняя тем самым ее живую интонацию (например: «Саша велел ямщику остановиться, подал руку жене и вместе пошли на святое место»—вместо: «Стой!» — закричал я ямщику, подал руку Наташе и пошел на святое место»). Примыкают к этому и примеры сокращения, сжатия текста.

Значительный интерес представляют строки, вводящие в заключительный эпизод отрывка — посещение Воробьевых гор с женой. Непонятное с точки зрения маршрута поездки и бессмысленное указание в печатном тексте («Саша с женой въезжал в Москву на Можайскую дорогу, огибая ее») заменило собою первоначальное: «Мы огибали Москву, выезжая с Владимирской дороги на Можайскую». Как известно, Герцен получил от губернатора разрешение на поездку в Покровское для свидания с отцом, но при этом должен был дать слово не заезжать в Москву, почему ему и пришлось сделать объезд вдоль окраин города. В подстрочном примечании сохранилась дата эпизода — *23 июля 1838* г., до сих пор остававшаяся неизвестной (в канве у Лемке сказано неопределенно: «после 14 июля»— XXII, 214). Из подстрочного примечания явствует также, что эта часть текста была написана Герценом дополнительно, — вероятно, под свежим впечатлением пережитого, вскоре, после возвращения во Владимир (в августе 1838 г.). Этим легко разрешается возможное недоумение — как в главу «Огарев», написанную в январе, могло попасть описание событий, происходивших в июле.

В итоге сказанного мы имеем полное право утверждать, что в первой корректуре Р. С. в наибольшей полноте сохранился текст Герцена. Исключение, с нашей точки зрения, составляют последние странички (от слов: «Возвращаюсь опять к 1829 году»), в которых драгоценные для нас частицы подлинного текста Герцена вкраплены в довольно бесцветный и краткий пересказ; в нем, вероятно, сохранен смысл герценовского повествования, но в значительной мере утрачена неповторимая индивидуальность его литературного стиля.

Текст первой корректуры важен для нас не только тем, что он дает возможность восстановить в первоначальном виде данный фрагмент из главы «Огарев». Он является еще одной убедительной иллюстрацией того, что обработка герценовского текста, производившаяся Пассек, хотя и нарушала целостность стиля и языка Герцена, но не искажала смысла. А самое главное—Пассек не прибегала к произвольным вставкам своего собственного текста в текст Герцена.

Приводим текст из главы «Огарев»:

Вскоре после рождения Саши наступила Святая неделя, с гулянием под Новинским, и он первый раз обедал в ресторации. Денег ему почти вовсе не давалось, а когда и давалось, то в таких гомеопатических приемах, что гомеопатическая диэта производилась по необходимости. Таким образом, на Святой неделе 1830 года, сказано в «брошенных листках», на третий день, при свидетельствовании казны, оказалось в ней 20 рублей, то есть полуимпериал, а праздничных дней предстояло четыре. Обсудив, он решился (и всегда руководствовался после этими мудрыми правилами домашней экономии) прогулять их разом, а с четверга приняться за дело, si toutefois* не будет болеть голова, как в Новый год. Решившись, он

* если только (франц.).

претщательно повязал платок с бантом papillonnée*, надел новый сюртук и, в первом часу, отправился с бадинкой** в руке, с лорнетом в другой и с полуимпериалом в кармане, под Новинское.

Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя! ***

Ежели в прозаической жизни огромной Москвы есть что-нибудь фантастического, поэтического, то это ее гулянья, ее Подновинское, ее 1-е мая. Люди, усталые от зимы, город, перемерзнувший от стужи, идут под Новинское встретить весну; люди, усталые от поста, усталые от Ефимон, идут под Новинское встретить праздник. Там гуртом торжествуют Святую неделю, там все, от князя Дм. Вл. Голицына до нашего дворника Бучкина, пирует, веселится, радуется празднику божию и празднику природы. Экспромтом построенный город, с кабаком в начале, ресторацией «Яра» в конце и комедиями в середине, зовет всех: кого весной, кого барабаном и музыкой, кого дорожкой, посыпанной песком. Там вы увидите нашего доброго мужичка, отделенного от враждебного ему племени фрачников одной перегородкой; увидите, как он, выпивши стаканчик, забыл, что он нищ, а его барин богат; что он день и ночь работает, а его барин день и ночь ничего не делает, и с детской простотой души хохочет над паясом и обезьяной. Там увидите писцов, забывших о существовании канцелярии, экзекутора, секретаря — в бархатных галстуках и жилетах, в панталонах с лампасами, с шляпой набекрень. Там и щеголи московские— дурные издания щеголей парижских, нечто в роде брюссельских контрфакций; там и beau monde**** в итальянских шляпах и в корсетах madame Кё,—бледный, больной, кружевной, блондовый; там люди эполет, аксельбантов, выпушек и петличек; правительствующий сенат и медико-хирургическая академия. Спокон веку любил я Подновинское. Сначала я видел его издали, из кареты, под охраною нянюшек и мамушек; карета останавливалась против каждой комедии, где комедианты выходили на балкон. Какие наряды, какой язык у этого чудовища в медвежьей шкуре, и паяс в белой рубашке, в конической шапке, с рожей, выпачканной сажей! О как бы я был счастлив, ежели бы мог заглянуть туда — в балаган; я вздыхал и не смел надеяться. Прошли и эти времена, я обхаживал все комедии: и Турнье, и Молдуано, и три панорамы, каждая с Ниагарским водопадом, с экспедицией Росса и с мадамой у входа. Наконец, комедии стали менее занимать. Я уже посещал их не все, а на выбор, две-три; но страсть к Подновинскому не уменьшалась, и я чуть не плакал, когда дождь уменьшал днем или двумя Святую неделю.

Итак, я с новой тросточкой и с 20 рублями отправился погулять. Встретился с Ником и, вместе, посидевши на жердочке, как попугаи, пошли с ним обедать к «Яру». В первый раз от роду обедать в ресторации — равняется первому выезду в собрание шестнадцатилетней барышни, танцевавшей до того в танц-классах под фортепиано и под скрып одной скрыпки. Чтоб показаться настоящим roué*****, я потребовал карту и, блуждая по номенклатуре, гораздо менее известной, нежели Вернерова минералогическая, я остановился на oucha au sterled et au champagne и на труфелях, как на самом дорогом, и по той же причине потребовал бутылку Иоганнисберга, старее самого Меттерниха... Другие товарищи, явившиеся также к «Яру», с смирением спросили в 5 р. обед и в 5 р. лафит; наелись досыта,

---

* бабочкой (франц.).
** тросточкой (от франц. «la badine»).
*** Из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».—*А. Д.*
**** высший свет (франц.).
***** видавшим виды (франц.).

напились досыта. Для нас, бедных, обед кончился не так благодатно. Ухи ни я ни Ник не могли в рот взять, а раковиной труфелей не будет сыт и бедуин в степи. А между тем оказалось, что не только мои заветные 20 рублей, но даже и Никовы деньги были истреблены, и потому, закуривши натощак сигары, поглядывали мы d'un œil de convoitise* на соседей, облизывавшихся после бифстекса и рябчиков.

С наступлением весны Иван Алексеевич стал заговаривать о Васильевском, а пока, чтобы пользоваться прелестной погодой, которая стояла в этом году почти каждый день, возил нас в Лужники. Лужники находятся на низменной стороне Москвы-реки, против Воробьевых гор, которые колоссальная мысль художника хотела превратить в храм божий, а Саша опоэтизировал своей дружбой с Ником.

И вот мы на вершине горы,— сказано в «брошенных листках 1830-х годов».— Бесконечная Москва стлалась и исчезала в неопределенной дали, пышно освещенная заходящим солнцем, лучи которого опирались на золотые маковки церквей... дивный вид, кто его не знает в Москве? Император Павел привел сюда madame Lebrun, чтобы она его сняла. Lebrun простояла час, с благоговением сказала: «не смею» и бросила свою палитру. Император Александр хотел тут молиться за спасение отечества. Раз вечером были мы с Ником на самом месте закладки храма. Солнце садилось, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горою. Долго мы стояли молча, глубоко тронутые величественной картиной; потом взглянули друг на друга, со слезами бросились друг другу на шею и перед природой и солнцем поклялись всю жизнь посвятить на борьбу с неправдой и пороками...

Ребячество, ребячество! скажу и я, и прибавлю слова Христа: «О, будьте детьми!».

Прошло несколько лет, мы ушли вперед и иначе поняли жизнь; но поднимитесь выше, взгляните на начало, из которого истекала вся детская восторженность того времени. Неужели вы не видите в них того высокого инстинкта, по которому человек стремится разлить во вселенную дух свой; неужели не видите всемогущей, всепоглощающей любви, связующей людей и человечество? И какая откровенность! Какое бескорыстие во всех мечтах! Благословляю их. Долго мы не могли насмотреться друг на друга. Казалось, бытие наше просветилось. Мы смотрели на себя, как на апостолов, как на людей, избранных богом, обреченных на великое дело, на великие страдания. С тех пор гора эта нам священна обоим. Сколько раз после того всходили мы на нее и примеривали, так ли, впору ли нашей душе и вид, и гора. Сколько раз ходили мы туда, чтобы смыть с души наседавшую на нее пыль, и возвращались чистыми.

Еще раз Воробьевы горы — через 10 лет**.

Мы огибали Москву, выезжая с Владимирской дороги на Можайскую. Весьма немногие знают этот лабиринт проселочных дорог, пересекающихся, узеньких, грязных, которые окружают Москву. Дождь из проливного превратился в осенний, похожий на мокрое облако. Глубоко врезывались колеса в глинистую почву. Город был в версте или — много — в двух, но его почти не было видно из-за тумана; несколько зданий неопределенно пробивались из-за влажной завесы, большею частью старые знакомые, родные, давно невиданные... Сердце билось, глядя на них... Симонов монастырь, где я так часто бродил между надгробными памятниками; Крутицкие казармы, Донской монастырь, густые массы Нескучного сада,

---

* с вожделением (франц.).

** Уже давно была написана торжественная прогулка на Воробьевы горы, когда я опять увидался с ними. Это было 23 июня 1838 года. Господи! сколько прожито в эти десять лет. Пусть последнее свидание с ними станет рядом с первым. — *Примеч. Герцена.*

ВИД НА МОСКВУ

Литография Энгельмана с рисунка А. Кадоля, 1825 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Весьма немногие знают этот лабиринт проселочных дорог, пересекающихся, узеньких, грязных, которые окружают Москву... Город был в версте, или — много — в двух... Шагом въезжали мы по совершенно непроезжаемой дороге в гору» («О себе»)

Девичий монастырь и Лужники — нижняя ступенька Воробьевых гор... Шагом въезжали мы по совершенно непроезжаемой дороге в гору. Я не узнал ее, потому что никогда не подъезжал с этой стороны. Колокольня Девичьего монастыря указала, что это именно Воробьевы горы. Их я не мог, не должен был миновать, проехать подле, не посетивши места закладки двух храмов, храма во имя Спасителя и храма во имя любви, которую проповедовал Спаситель.

«Стой!»— закричал я ямщику, подал руку Наташе и пошел на святое место.

Дождь не унимался, мы скользили по глине; ветер дул прямо в лицо. Чувство, наполнявшее мою душу, было то, с которым мы приближаемся к могиле друга, к единственному, осязаемому, видимому знаку прошедшей жизни, некогда близкой вам. Вот тропинка, по которой так часто всходили мы; вот Москва-река, опоясавшая гору, она тогда отделяла нас от толпы; она была нашим Гангесом, очищающим нас перед восходом на гору. Наше посещение носило печать чего-то литургического, важно-таинственного и священного.

— Тут, бывало, стояли мы, — сказал я Наташе и снял с благоговением шляпу.

Лет пять не видал я горы. В эти пять лет видел я один раз мельком, на минуту, друга, и теперь явился один. Ник, где же ты? зачем тебя здесь нет! Какую радостную слезу пролил бы ты. Я вспомнил наши клятвы, я исповедовался на этом месте, где они были произнесены полуребяческими устами. Нет, не изменился я, ни самое счастье не изменило меня. Я только пошел дальше, поднялся в более обширную сферу духа; но любовь не иссякла, но частная жизнь не затмила универсальной. Многие мечты погибли, но я с ними не схоронил всех надежд своих.

Но как переменилась гора! Где то торжественное солнце, тот городисполин, то ликование света, воздуха, растений? где каменный ковчег, в котором хранились зародыши храма? где место, благословенное царем благословенным, художником и народом,— место обета? Разбросанные камни лежали около ямы; дождь сеялся и ветер уродовал форму деревьев, которые едва могли стоять. Тяжелое чувство грусти теснилось в грудь от могильного вида и всплывало над восторгом. Я вспомнил художника-страдальца: на мою грудь склонял он, вдохновенный, главу свою, убеленную не летами, а горестями; из его уст слышал я его дивную жизнь, в которой сочетались апофеоза художника с анафемой. И ему представились образы из этой поэмы, так живо и так ясно. Вот тот юноша с голубыми глазами, стоит рядом с ним и, вдохновенный творческою властию призвания, говорит: «Да будет он тут». Еще он безвестный, еще царь не знает его; но он знает себя, он утвердил уже свой проект тем чувством: «добр бо есть», которым господь сопровождает свое творение. Для его храм совершен, он в этом уверен, как в своем существовании... Вот он высится перед ним, торжественный, крестообразный, увенчанный ротондой... Юноша видит свой храм, более того, он сам превращается в него. Его череп раздвинулся в гигантский купол колоссальной мыслью; иконы, статуи — это его фантазия; эти звуки меди — его песнь, песнь призыва и ликования; эти колоннады — его объятия; в этих капителях, барельефах и фресках — его плоть, его душа, тайна его бытия,— тайна, которую он сам иначе понять не мог, как выводя ее из целой горы, написав мрамором, гранитом и поставив в виду целого города.

Но вот идет царь великого народа смиренно богу отдать победу; тихо восходит он по излучистой тропинке, за ним его православный народ. Развеваются хоругви, раздаются псалмы; народ, рукою царя, идет положить первый камень будущего храма. Кто встречает царя? Юноша. Но уже не безвестный, уже славный и превознесенный. Он стоит светлый,

радостный и кладет второй камень и с трепетом и молитвою приступает к таинству создания. Счастлив юноша, в тебе узнали того, кого ты проявил в себе, и склонились перед тобой. Ты жил для того, чтобы прославить его храмом, и тебя славят, ты — храм его.

Потом я перенесся в дальний край. Нужды материальные давят художника. Он унижен, сослан, очернен, обременен большим семейством, он беден; сын его души, его храм, убит во чреве матери, а на рождение его употребил он все силы свои... Живо представился он ему в своем заключении. Художник доселе живет в своем великом чертеже, в своем храме. Храм — это его объективы, его теодицея, исполнение всех мечтаний, выражение всех фантазий, ответ на все вопросы и... и он существует,— что за дело, на чертеже или в художнике. Он отделывает его части,— здесь прибавляет удар резца, там барельеф. Вспомнились мне его беседы: везде являлся он тем сильным, великим, который сознавал себя достойным создателем; вспомнил его детскую доверчивость, его гордость артиста, свежесть, юность чувства. Бедный страдалец! Несчастный? нет он не несчастен... одна толпа несчастна от внешнего. Силен человек, когда он оторвется от душных низких забот полуживотной жизни и поднимется в область духа. Он не может быть в ней несчастлив. Тяжелая грусть отлетела, просветлел взор мой, и я радостно оставил горы.

Возвращаюсь опять к 1829 году. После их прогулки с Ником, они сделались неразлучны. Светлые дни юношеских мечтаний, светлые дни симпатии! Они чертили колоссальные планы, они верили в исполнение их со всей восторженностью первой любви, они много занимались, готовя себя для апостольства. Они были счастливы, а недели и месяцы летели. Иногда Ник уезжал в деревню или на дачу, тогда они беспрестанно переписывались. «Жаль, что эти письма не сохранились,— говорит Саша.— Любопытно бы было их сравнить с теми письмами, которые я писал к Темире в 1825 и в 1827 году. Любопытно бы было взглянуть, как росла душа, как и что изменилось в ней; взвесить в тех и других долю ребенка и долю будущего человека, постепенное исчезновение одной доли и постепенное возрастание другой». Письма их и разговоры были наполнены политическими идеями, пророчествами, выписками из читанного, дружбою и ребяческими выходками. Помню, как он, побеждая большие затруднения, посылал своего камердинера в Кунцево с записками следующего содержания:

«Друг! в нескольких выражениях твоего письма видно самолюбие, даже больше — жажда власти, остерегись! О, неужели я, как Макс, должен буду, любя тебя, тебя покинуть — и ты разлюбишь меня, твоего Рафаила» etc.

А он отвечал:

«Агатон! будь ты не Максом, а самим Веррино, ежели я сделаюсь Фиеско, и я благословляю кинжал, который лишит меня жизни, да твоею рукой буду я наказан» etc.

Это не были подысканные фразы, натяжки; нет, они преоткровенно писали друг другу такие кинжальные уверения в дружбе.

Никогда ни разногласия, ни спора не было между ними, и при всем этом их характеры были совершенно не сходны, даже противоположны. Ник — флегматический по сложению, без энергии по наружности, но глубоко чувствующий в душе, нежно-чувствительный, поэтический, вечно был задумчив, говорил мало, двигался еще меньше; от тех мест, от которых Саша приходил в шумный восторг, он молча отирал слезы. Впоследствии один очень умный человек, странно выражавшийся, сказал про них: «Герцен — это вечно деятельный европеец, живущий экспансивной жизнью; он принимает идеи, чтобы, уяснив, развив их, разбрасывать. Огарев — это квиетическая Азия, в душе которой почила глубокая мысль, еще не

ясная ей самой». Много истины под кудрявой фразой Морошкина. И так они, видимо, разнились характерами. Высшее тождество душ равняло их. Противоположности в характере еще больше сближали. Они только вместе выражали полное. Ника — фантазия, глубокое чувство религиозности и поэзия; Саши — мысль, деятельность и практичность. Разделите их, и каждый потеряет долю души, существенную и необходимую.

«УНИВЕРСИТЕТ»

Первая тетрадь повести «О себе», посланная с Кетчером в марте 1838 г. из Владимира в Москву, заканчивалась главами «Деревня» и «Пропилеи». Некоторое представление об их содержании дает глава вторая «Записок одного молодого человека»—«Юность». Заключительные ее страницы рассказывают о впечатлениях, вынесенных Герценом летом, накануне поступления в университет (то есть в 1829 г.), от жизни в деревне: «...В деревне я сделал знакомство, достойное сделанного в Москве,— я в первый раз после ребячества явился лицом к лицу с природой, и ее выразительные черты сделались понятны для меня» (изд. АН, т. I, 1954, стр. 282). Заканчивается глава кратким рассказом о возвращении глубокой осенью в Москву: «Так доехал я чрез Драгомиловский мост до окончания первой части моей юности. Отсюда начинается новая жизнь, жизнь аудитории, жизнь студента; отселе не пустынные четыре стены родительского дома, а семья трехсотголовая, шумная и неугомонная...» (там же, стр. 283). Первая же часть этой главы посвящена лирическим размышлениям «о светлых днях юношеских мечтаний», протекавших под знаком пламенного увлечения Шиллером, тема которого здесь главенствует. Если мы вспомним, что в письме к невесте от 19 января 1838 г. Герцен объяснил заглавие «Пропилеи»: «У меня так названо вступление в юношество» — и при этом добавлял: «Ты увидишь из „Пропилей“, что̀ был для меня Шиллер» (II, 27—28), — то мы должны придти к выводу, что эта часть главы «Записок» восходит к «Пропилеям» повести «О себе».

В книге Пассек за рассмотренной выше главой, посвященной истории дружбы с Ником и клятвы на Воробьевых горах, следует глава XVII «Васильевское», в которой рассказывается о лете 1829 г., проведенном ею с Сашей в деревне (П., т. I, стр. 270—282). Бытовые эпизоды в этой главе (сборы, день отъезда, обед в Перхушкове, описание дома в Васильевском, посещение Д. П. Голохвастова в Покровском и др.) переплетаются с лирическими эпизодами — чтение «Философских писем» Шиллера, радость, пережитая во время утреннего катанья с Сашей на лодке, светлое впечатление от одной из прогулок в предзакатные часы. В этой главе, написанной очень живо, богатой описательными и жанровыми деталями, насыщенной глубоким лиризмом, чувствуются местами отблески герценовского стиля. Можно думать, что и при работе над ней Пассек обращалась к подлинному тексту Герцена. Но она не сделала никаких указаний или намеков на заимствованный характер каких-либо эпизодов этой главы. Ни рукопись, ни корректура, в которых можно было бы надеяться найти такие указания, не сохранились. Ввиду сказанного мы воздерживаемся от включения каких-либо частей главы «Васильевское» в «реконструируемый» текст повести «О себе».

По порядку описываемых событий вторая часть повести «О себе» должна была открываться главой VII «Студент». Но эта глава давалась Герцену трудней, и он приступил к ней несколько позднее, когда уже были написаны VIII и IX главы. 21 марта 1838 г. он писал Н. А. Захарьиной: «Теперь еще написаны VIII глава „Ландыш“, IX глава „Ανάγκη“ ⟨...⟩ начал, было, VII „Студент“, но вяло. А теми доволен» (II, 132). Спустя десять дней, 1 апреля, Герцен извещал свою невесту: «Ну, вот и переписана тетрадь

„О себе“, и кончена почти, не достает двух отделений: „Университет“ и „Молодежь“. Но этих я не могу теперь писать, для этого мне надо быть очень спокойну и веселу, чтоб игривое воспоминание беззаботных лет всплыло...» (II, 147). Герцен имел в виду здесь те тревоги и волнения, которые были связаны с подготовкой и осуществлением плана женитьбы на Н. А. Захарьиной. «Два месяца ⟨то есть март и апрель.— *А. Д.*⟩ прошли в беспрерывных хлопотах», — писал он в «Былом и думах» (XII, 462). 9 мая Наталья Александровна была освобождена из плена у княгини Хованской, и оба они уехали во Владимир. Переписка между ними, которая до последнего времени являлась единственным источником,

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ
Рисунок К. И. Рабуса, 1843 г.
Третьяковская галерея, Москва

отразившим процесс работы над повестью «О себе», естественно, прекратилась. Исследователи творчества Герцена обычно считали на этом основании, что работа над повестью «О себе» после марта не возобновлялась (см., например, названную выше книгу В. А. Путинцева, стр. 27). Между тем, трудно предположить, чтобы Герцен не вернулся к окончанию своей повести после того, как в его жизни наступила новая, радостная и спокойная полоса.

Новые данные по этому вопросу, полностью подтверждающие наше предположение, содержатся в недавно поступивших в распоряжение «Литературного наследства» из США письмах Герцена к его московским друзьям Астраковым (публикуются Е. Л. Рудницкой в томе 64 «Лит. наследства»).

В мае 1838 г. Герцен писал Н. И. Астракову: «Пришли с ним ⟨Сазоновым.— *А. Д.*⟩ все писанное, оставшееся от Наташи, и главное: „О себе“. Я теперь долго писать не буду, грешно; но зато какую я силу наберу в моем счастье, тут-то я окрепну...» И в последующие месяцы Герцен неоднократно повторяет свою просьбу, обращенную то к Астраковым,

то к Кетчеру, подчеркивая каждый раз, что ему важнее всего получить «писанную книгу», то есть рукопись «О себе». До конца года бумаги так и не были отосланы во Владимир. 31 декабря 1838 г. Герцен, потерявший надежду на возможность воспользоваться услугой Сазонова, писал Астракову: «Буде увидишься с Кетчером, скажи ему, что скоро будет оказия, по которой он может мне переслать все, что хочет, да книгу мою писанную, ежели и не хочет, пусть отдаст Егору Ивановичу».

Долгожданные бумаги были, очевидно, в ближайшие дни доставлены во Владимир. И тотчас же вслед за этим возобновилась творческая работа Герцена, прерванная событиями, связанными с его женитьбой. Уже 14 января 1839 г. он сообщал Астракову: «Первая часть „Лициния" готова, я опять принялся за свою биографию и довольно удачно, написал „Университет" и „Холера". Теперь пишу „Вятка". Смертельно хочется печататься — или уже подождать освобождения?»

Этим сообщением впервые со всей определенностью устанавливается факт, что Герцен в 1839 г. продолжал работу над повестью «О себе» и что в изложении своей ранней автобиографии он ввел тему ссылки, расширив таким образом ее хронологические рамки, им самим прежде определенные. Кроме того, перечень глав повести «О себе», известный нам из писем Герцена к Н. А. Захарьиной, теперь пополняется еще двумя названиями: «Холера» и «Вятка».

Каково же соотношение этих новых глав с ранее известными? Написанные в январе 1839 г. главы «Университет» и «Холера» заменили собою, очевидно, фигурировавшую в ранних письмах главу «Студент», которая писалась «вяло» и потому не была своевременно завершена. Но при этом неясной остается судьба главы «Молодежь», которая совсем не упоминается в цитированном выше письме к Астракову. Возможно, что главы «Университет» и «Холера» вобрали в себя материал и этой главы, но не исключено, что глава «Молодежь», после выделения из нее темы «холеры», все же сохранила свое самостоятельное место, но была написана после 14 января 1839 г.

Трудность окончательного решения этого вопроса увеличивается в связи с тем, что мы не знаем, как в первоначальном замысле Герцена материал его воспоминаний о студенческих годах распределялся между главами «Университет» и «Молодежь». Мы можем только предположительно думать, что к главе «Молодежь» могли быть отнесены воспоминания об идейных исканиях и общественных настроениях Герцена и его друзей — то есть о той части их жизни, которая проходила за стенами университетских аудиторий. Если принять эти соображения, то с главой «Молодежь» нужно связать только давно уже признанный герценовским рассказ о «студенческой оргии» и о «соборной поездке» в Архангельское. Все же остальные фрагменты, выявленные нами в воспоминаниях Пассек и относящиеся к университетским годам, естественно укладываются в рамки глав «Университет» — от момента поступления и до окончания,— и «Холера».

Интересующий нас материал мы сразу же обнаруживаем в главе XVIII «Университет» (характерно это прямое заимствование герценовского заглавия). Она следует непосредственно за двумя уже рассмотренными нами главами и как бы является их продолжением. В этом мы видим еще один аргумент, подкрепляющий наши наблюдения: принявшись за включение в текст «брошенных листков», Пассек, естественно, продолжала эту часть своей работы без перерыва, пока основной материал герценовской рукописи не был ею исчерпан.

Глава «Университет» открывается у Пассек сжатым рассказом о поступлении Саши в университет и о первом посещении лекций в сопровождении Зонненберга и камердинера Петра Федоровича. Ни в чем не проти-

вореча изложению этого эпизода в «Былом и думах», Пассек дает ряд отсутствующих там детальных живых зарисовок образа самого Герцена, глаза которого «горели радостью освобождения пленника», Зонненберга, «проникнутого достоинством ментора», Петра Федоровича, который «передружился со всеми университетскими солдатами» и «знал, по каким дням какие лекции читаются». Естественно предположить, что в этих набросках в изложение Пассек вмонтированы отдельные элементы из воспоминаний Герцена о его вступлении в университет. Но дальше она уже более открыто прибегает к рассказу Герцена: «Однажды Саша, будучи уже женатым на Наташе, при мне вместе с Вадимом Пассеком вспоминал о временах их студенческой жизни». После этого идет несколько строк, заключенных в кавычки,— общая оценка этой жизни. Далее — наталкивающая на продолжение рассказа просьба Наташи и, снова в кавычках, слова Саши о том, как трудно оживить в рассказе эту жизнь. Ниже, частью в кавычках, частью без них, приводится остроумная реплика Саши по поводу портного, украсившего своей вывеской окно комнаты, которую когда-то занимал Ник, подробные характеристики профессоров, рассказ о маловской истории, об аресте, ночных пирушках в карцере. После заключительного эпизода — чтение Сашей лекции в присутствии Гумбольдта и Уварова — у Пассек идет строка точек — ее можно истолковать как сигнал перехода от герценовского текста к собственному изложению, которым и заканчивается глава (кстати, данный ею в этом окончании перечень ученых обществ при университете в журнальном тексте главы отсутствовал — еще одно подтверждение, что этот привесок к Герцену отношения не имеет).

Принадлежность Герцену большей части главы «Университет» кажется нам несомненной. Иначе пришлось бы предположить, что Пассек через сорок с лишним лет сохранила в своей памяти точные и конкретные характеристики профессоров, детали маловской истории, когда-то слышанные ею от Герцена. Этот малоправдоподобный вариант, естественно, отпадает, и тогда остается сделать вывод, что единственным источником для данной главы могли быть только воспоминания, записанные самим Герценом. В печатных мемуарах Герцена это время или не освещено («Записки одного молодого человека») или описано иначе («Былое и думы»), чем в книге Пассек. Следовательно, перед нами текст из тех же «брошенных листков». Стоит отметить, что цензор, читавший в сентябре 1875 г. рукопись нескольких глав записок Пассек, куда входил и рассматриваемый нами сейчас материал, не сомневался в принадлежности его Герцену. В своем докладе С.-Петербургскому цензурному комитету он писал: «...Главное лицо в этих воспоминаниях, вокруг которого сгруппированы все события и которое придает особый интерес рассказу, есть товарищ молодости г-жи Пассек, сын ее дяди — Александр. Из его писем и заброшенных им листов приводятся целые выписки, напр., о холерном годе в Москве и о Московском университете в начале 30-х годов» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875 г., ед. хр. 49, л. 3).

<1>

Однажды Саша, будучи уже женатым на Наташе, при мне вместе с Вадимом Пассеком вспоминал о временах их студенческой жизни. «Жизнь эта, — говорил один из них, — оставила у нас память одного продолжительного пира дружбы, пира идей, пира науки и мечтаний, непрерывного, торжественного, иногда бурного, иногда мрачного, разгульного, но никогда порочного». Наташа попросила их сделать нам полный очерк того периода их жизни. Саша отвечал, «что оживить это прошедшее время, сделать вполне понятным в рассказе, невозможно; чтобы вспомнить все

Мечты, все увлечения,— продолжал он, — надобно очень многого не знать, очень многого не испытать, надобно перезабыть бездну фактов, стереть с души бездну пыли, соскоблить пятна, заживить рубцы, осветить весь мир алым светом востока, всем предметам дать положительные тени, утреннюю свежесть и разительную новость. Мало того, надобно, чтобы друзья юности собрались вместе в той же комнате, обитой красными обоями, с золотыми полосками, перед тем же мраморным камином и в том же дыму от трубок».

— Да,— заметил Вадим,— никто из нас не забудет этой заветной комнатки. Когда, возвратясь в Москву, я ехал мимо того дома, в котором она находится, то был грустно поражен, увидавши вывеску портного над ее окном, а на вывеске красовались ножницы с раскрытым ртом, зовущие проходящих снять мерку. Мне было смертельно жаль и досадна эта профанация храма юности.

— Я уверен, — шутя сказал Саша,— что если существуют духовные миазмы, то этот портной шьет мечтательные фраки, энциклопедические жилеты и фантастические сюртуки; уверен, что его работники мечтают сделаться великими портными и пересоздать фасоны; уверен, что он сам «ein bügeleisener Held»*, но не пойду к нему заказывать платья, чтобы не увидать утюга на месте бюстика Наполеона и мерки на месте Фауста, чтобы не увидать его самого на месте Ника.

Воспоминая и перебирая эпоху студенческой жизни, они сделали из нее тот вывод, что все это прошедшее группируется около двух начал, составляющих сущность тогдашней жизни. Начала эти — *наука* и *симпатия*, остальное — обстановка, рамки, полувнешнее, полупостороннее.

В величественном храме *науки* индивидуальность Саши не могла проявиться ни особенно резко, ни особенно самобытно; он тут был учеником,— положим, хорошим учеником, но все-таки учеником. Зато товарищество представляло ему самое многостороннее поприще выразить все изгибы тогдашней души; тут была жизнь, совершенно свойственная и его нраву, и его фантазиям, и его убеждениям. В университете он встретил, и не мог не встретить, между попутчиками, плывшими, как и он, по морю человеческого ве́дения, людей, близких душе. Он страстно бросился в их объятия, и они страстно открыли их ему.

— На нашем факультете, — говорил нам Саша,— царил почти такой же беспорядок, как и в моем домашнем воспитании. Физико-математический факультет распадался по своему составу на два различные, вместе соединенные, отделения. Обе отрасли преподавались не полно; но так как математические науки шли лучше, то большая часть студентов занималась исключительно математикой, значительно умножая собою число занимающихся ею действительно по призванию. Первым — математика ничего не принесла,— заметил он,— кроме учительского звания по окончании курса; строгая метода ее может сделать пользу только хорошо организованной голове; посредственные люди не сумеют перенести этой методы в другие области ве́дения; для них мощные средства анализа и синтеза, геометрии и алгебры совершенно бесполезны.

— Кто были у вас и считались лучшими профессорами математики?— спросила Сашу его жена.

— Профессор *Щепкин*, читавший дифференциальные и интегральные счисления, был не без достоинств; он имел хороший дар изложения, в чем состоял недостаток у весьма знающего профессора *Перевощикова*. Жаль только, что это был человек, мало следивший за движением науки. Высшую алгебру читал Ив. Ив. *Давыдов*, философ, филолог, историк, критик, латинист, эллинист и математик; в математике, к несчастию, мудрено отде-

* «утюжный герой» (нем.).

лываться кудрявыми фразами, алгебра неумолима. Преподавание физических наук представляло разнохарактерный дивертисмент.

Во главе профессоров природоведения стоял в то время Михаил Григорьевич *Павлов*, человек, от природы одаренный сильной логикой и убедительною речью. Он своим преподаванием начал новую эпоху в жизни университета. В Германии Павлов сроднился с натур-философией, с многообъемлющими взглядами на науку и в особенности с ее динамической физикой. Он открыл студентам сокровищницу германского мышления и направил их ум на несравненно высший способ исследования и познания природы, нежели тот, которым они могли почерпнуть что-нибудь в науке из преподавания до Павлова; но, что еще важнее, Павлов своей методой

ВИД БОЛЬШОЙ УЛИЦЫ ОТ ЗОЛОТЫХ ВОРОТ ВО ВЛАДИМИРЕ. СПРАВА (ПЕРВЫЙ) ДОМ, В КОТОРОМ В 1838—1839 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Фотография В. Кукушкина, 1860—1870-е гг.

Владимирский краеведческий музей

навел на самую философию. Вследствие этого многие принялись за Шеллинга и за Окена, и с тех пор московское юношество стало все больше и больше заниматься философией, заниматься отчетливо и успешно. Павлову принадлежит честь начала и споспешествования развитию философии в Московском университете.

Когда Саша вступил в университет, *Павлов* был в полном блеске своей славы. Польза его лекций была существенная, воззрение натур-философии уяснялось, взгляд становился шире, мышление привыкало к логической форме, методу Павлова стали применять к другим отраслям естествознания, они оживились, сочленились в одно целое, органическое, лишась своего странно-разбросанного характера, в котором являлись у атомистов.

— Павлову вторил,— продолжал Саша,— один *Максимович*, читавший органографию растений, остальные профессора естественных наук с ожесточением пользовались каждым случаем сострить над натур-философией и бросить смешное на преподавание физики. С своей стороны и Павлов не оставался в долгу и платил им с процентами и рекамбиями. Таким

образом преподавание на физико-математическом отделении было чисто полемическое. На эти полемические лекции студенты стекались со всех отделений. Разумеется, я ратовал под знаменами «idealistische Lehre»* и резался с нападавшими профессорами.

К числу профессоров, нападавших на Павлова, принадлежал и *Фишер-фон-Вальдгейм*, известный своей ученостью всей Европе. Профессора Московского университета начала 1830-х годов представляли два стана: один— из немцев, другой — из не-немцев. В числе первых были люди ученые и кроме Фишера — Лодер, Гильдебрандт и, пожалуй, Гейм. Они отличались незнанием русского языка и нежеланием его знать, равнодушием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и множеством крестов, которых никогда с себя не снимали.

Вскоре Саша занял первое место в аудитории по естественным наукам и последнее в обществе естествоиспытателей, где считался élève de la société**. Мало-помалу он сделался студентом с весом и шагнул в высшую аристократию аудитории. Занявши место на вершине зеленых талантов и разделяя его с весьма немногими, он, еще отчасти ребенок, видел в этом сбывающиеся мечты о славе, как вдруг одно обстоятельство поставило его еще выше.

Для того, чтобы рассказать это обстоятельство, надобно, вздохнувши, признаться, что в то время некоторые из студентов держали себя с таким недостатком самодостоинства относительно профессоров, что некоторые профессора позволяли себе бранить целую аудиторию самыми дерзкими выражениями. Наступала пора окончить этого рода неприятности.

Лета 1832-го, весной, студенты политического отделения, долго перенося грубости одного из профессоров, решились публично показать ему свое неудовольствие: при первой дерзости освистать его и выгнать из аудитории.

Приготовивши такой детский праздник, они кликнули клич в разные факультеты. Само собой разумеется, на зов все явились и не остались праздными зрителями. Детский праздник был весел до бесконечности. Профессор, по привычке, не замедлил сказать дерзость, и его изгнали не только из аудитории, но и с университетского двора.

Когда же это событие дошло до сведения императора Николая Павловича, он приказал этому профессору оставить университет.

На другой день вышеупомянутого детского праздника, в дом к Ивану Алексеевичу явился, не совсем в трезвом виде, университетский солдат (Саша уверял, что университетские солдаты никогда не бывают трезвы, оттого, что чад юных мечтателей переходит в их головы); он принес Саше записку от ректора, с приглашением явиться к нему в пять часов после обеда. Саша был уверен, что ректор приглашает его не за тем, чтобы свистать и топать, и потому il se hâtait lentement***; однако, не теряя бодрости, отправился, нарочно опоздавши часом.

Возвратясь домой, Саша прежде всего описал нам наружность ректора. «Вид его,— говорил он,— до того теократически назидателен, что один студент из семинаристов, пришедши к нему за табелью, подошел под благословение и постоянно называл его „ваше преподобие, отец ректор“». Потом рассказал, что ректор начал беседу с ним выговором, продолжавшимся добрых полчаса, сказанным,— добавил он шутливо,— очень дурным слогом, тем самым, которым написана его физика. Затем следовал фирман — написать, что́ происходило на шумной лекции, что́ делал он

---

* «идеалистического учения» (нем.).
** воспитанником общества (франц.).
*** медленно поспешал (франц.).

и что́ делали другие, и что, вероятно для поощрения, ректор заключил речь тем, что никак не теряет надежды, что Сашу и подобных ему карбонарий, пользуясь сей верной оказией, отдадут в солдаты. Имея такую перспективу, ежели не блестящую обстоятельствами, то блестящую пуговицами, он счел за благо от всего отпереться, сказав, что на лекции был, желая употребить на пользу свободный час, что шум слышал, но

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА ВО ВЛАДИМИРЕ. СКВОЗЬ ВОРОТА ВИДЕН ДОМ (ПЕРВЫЙ СПРАВА), В КОТОРОМ В 1838—1839 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Раскрашенная литография, 1850-е гг.

Владимирский краеведческий музей

кто, как, для чего шумел — знать не знает. Ректор взбесился,— говорил Саша,— разругал девчонку, подававшую в это время чай, и велел ему явиться на другой день в совет.

В совет явилось подсудимых четверо, Саша пятый. На допросе ничего не узнали и поехали к попечителю; там, обсудивши, решили всех пятерых посадить на неделю в карцер, на хлеб и на воду.

В семействе Саши все были встревожены и на следующий день с волнением ожидали его возвращения с лекции, но вместо его явился экипаж

с одним Петром Федоровичем. Он подал Ивану Алексеевичу записку от Саши, в которой тот извещал, что его посадили в карцер на неделю.

Вслед за Петром Федоровичем приехал Ник и сообщил подробности ареста.

— Саша,— говорил он,— спокойно явился в аудиторию и встречен был товарищами с громким приветом. Среди лекции пришел за ним в аудиторию унтер-офицер; толпа студентов, в том числе и он, Ник, встала с лавок, окружила его и триумфально проводила до карцера — род подвала в нижней части университета. Вход к ним,— добавил Ник,— запрещен, и потому товарищи в продолжение дня ограничиваются только тем, что подходят к решетчатому окну карцера.

При этом известии всеобщая тревога за Сашу перешла в огорчение, досаду на него и беспокойство за его здоровье. Отправлены были записки к Сенатору и Дмитрию Павловичу с приглашением немедленно приехать. По прибытии их составился родственный совет, что́ предпринять для скорейшего освобождения из подвала,— вероятно, сырого и нечистого,— слабого здоровьем Шушки. Решено было, чтобы Сенатор и Дмитрий Павлович обратились к влиятельным лицам и объяснили, как это событие расстроило старого, немощного отца Саши, и что неделя в подвале на хлебе и воде должна сильно повредить слабому здоровью молодого человека. Ходатайство было успешно, приказано было Сашу освободить после трехдневного заключения. По прошествии этого срока Саше объявлено было, что он свободен; вместе с тем Петр Федорович, ежедневно являвшийся к окну карцера узнавать, все ли обстоит благополучно, принес ему из дома записку Ивана Алексеевича, в которой сообщалось, что за ним отправляется экипаж. Саша этим оскорбился, ко всеобщему неудовольствию домашних от своего преждевременного освобождения отказался и присланные за ним дрожки отправил обратно домой, с запиской, что он не желает воспользоваться тем, чего лишены товарищи его по заключению.

— Сидите себе, пожалуй, если есть охота,— сказал ему ректор на его отказ и оставил его досидеть неделю. Саша понимал, какую глорию* разольет на него это семидневное заключение, и потому, оставляя мысль о будущих репримандах, с самоотвержением оставался в подвале.

Когда он появился домой, нельзя сказать, чтобы его приняли с восхищением, несмотря на то, что он предстал цветущий здоровьем, улыбающийся.

По выслушании продолжительной нотации и реприманд на половине отца, Саша спустился вниз на половину матери и там рассказал нам до подробности, как провел время в карцере; из его рассказа мы узнали, что он не был лишен ни приятного общества, ни хорошего продовольствия.

— Как только наступала ночь,— рассказывал он,— Ник и еще четверо товарищей, с помощью четвертаков и полтинников, являлись к нам; у кого в кармане ликер aux quatre fruits**, у кого паштет, у кого рябчики, у кого под шинелью бутылка клико. Разумеется, мы встречали с восторгом и друзей, и их съестные знаки дружбы. Свечей зажигать нам не позволялось. Опрокинувши стулья, мы делали около них юрту из шинелей, высекали огонь, зажигали принесенную свечу и ставили ее под стул таким образом, чтобы из окон нельзя было ее видеть, потом ложились на каменный пол, и начинался пир до позднего вечера, тут, кажется, и засыпали, а ночью опять праздник. И так — все семь дней.

К числу замечательных событий в продолжение пребывания Саши в университете принадлежит посещение Московского университета Гум-

---

* славу (лат. «gloria»).

** четырех плодов (франц.)

больдом и министром народного просвещения Уваровым. При министре велено было избрать на каждом факультете по студенту, которые публично прочитали бы по лекции из какого-нибудь предмета своего факультета. Саша избран был по части естественных наук и первый раз должен был выйти публично на сцену, притом при министре и московской аристократии. Самый предмет, о кристаллизации, дал ему возможность перейти от Рашеде-Пиля и Гайю к философским воззрениям; лекция его шла превосходно. Министр подвел его к генерал-губернатору... (П., т. I, стр. 285—292)

К университетскому периоду в книге Пассек относится еще один отрывок, принадлежащий Герцену,— о Москве во время холерной эпидемии (П., т. I, стр. 315—316; глава «Холерный год»). Он дан в виде письма: «Саша писал мне из Москвы...» На этом основании Лемке напечатал его как письмо Герцена к Пассек (I, 60—61). В журнальном тексте этот отрывок отсутствовал. В самом тексте его не обнаруживается никаких элементов эпистолярной формы. Зная по многим примерам (см. ниже, стр. 38), что Пассек пользовалась формулой «писал мне Саша» в целях маскировки, мы можем высказать предположение, что и этот отрывок является частью повести «О себе». Напомним, что в «Былом и думах» рассказ о холере включен в главу, посвященную университету (XII, 120—124). Замечательные строки отрывка о Москве как народном городе близки к тем, которыми Герцен в «Былом и думах» заканчивает эпизод о холере, хотя и не совпадают с ними в точности.

Все эти соображения, подкрепленные признанием самого Герцена в письме к Астракову, приводят нас к твердому выводу, что печатаемый ниже фрагмент также принадлежит к повести «О себе», а именно к главе «Холера», написанной в январе 1839 г.

<2>

Саша писал мне из Москвы:

«Множество закоснелых московских жителей, лет двадцать не ездивших дальше Девичьего монастыря и Нескучного сада, еще до учреждения карантинных мер разъехались по деревням и городам; в числе их уехал Платон Богданыч Огарев и увез с собою Ника. Грустно было прощаться с другом -- грустнее обыкновенного; почем знать, возвратится ли он, почем знать, возвратившись, найдет ли он меня в живых. Один внутренний голос говорит сквозь грустные возгласы: „Увидимся“. Вообще холера страшила меня немного издали, но когда она явилась лицом к лицу в Москве, ходила по университетскому коридору, таскалась по улицам, ездила в каретах в больницы, а в фурах из больницы, наконец, когда страх прошел, уверенность в будущее поглотила меня совершенно.

Сначала суета, рассказы, все это занимало, потом надоело, скучно стало слушать одно и то же; кроме двух-трех родных, к нам почти никто не ездит, с товарищами видаюсь редко, зато гуляю часто, что-то тяжелое видно на улицах: холерные кареты, фуры, чернь, толкующая об отравах. Замечательно, что во все времена, во всей Европе простой народ во время заразительных болезней не верил, что это эпидемия, а твердо был уверен, что его нарочно отравляют, так, как в голодные годы думают, что его нарочно морят с голоду.

Иногда в моих прогулках я доходил до заставы и долго смотрел на необыкновенное зрелище оцепления. Эти пикеты, расставленные по снежному валу, эти солдаты, лежащие вокруг разведенных огней, возы, приезжающие с одной стороны, возы, приезжающие с другой стороны, и все вместе — страшная рамка страшной болезни. Университет закрыт, весь медицинский факультет приглашен к участию в помощи несчастным забо-

левающим в 20-ти вновь учрежденных больницах на пожертвования купечества с какой-то роскошью, с избытком удобства. Сверх медицинского факультета, юноши других отделений предложили себя в эти больницы, расстаются с мечтами о будущем, разрывают связи с обществом и семействами, дружатся с мыслью о смерти, прощаются с жизнью, и все это, чтобы помочь страждущим, чтобы помочь в бедствии. Вся Москва отзывается с горячим сочувствием. Москва всегда становится в уровень с обстоятельствами, когда над Россией гремит гроза, как в 1612 и в 1812 гг.; явилась холера, и народный город снова явился полный энергии и любви».

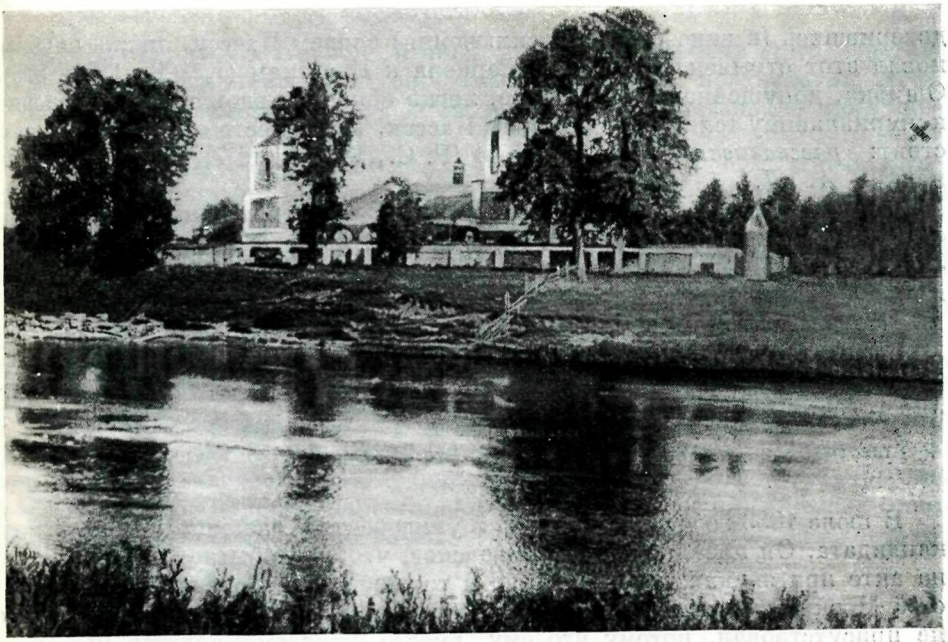
«Университетские» главы повести «О себе» заканчивались рассказом о «студенческой оргии» и о «соборной поездке» в Архангельское. Этот рассказ, вошедший в книгу Пассек в качестве самостоятельной главы, озаглавленной «Последний праздник дружбы» и завершающий первый том «Из дальних лет» (П., т. I, стр. 416—429), уже давно получил признание у герценоведов. Лемке ввел его как часть повести «О себе» (II, 163—175); под тем же заглавием, как единственный известный нам отрывок из этой повести, он вошел в последнее академическое издание сочинений Герцена (изд. АН, т. I, стр. 170—182). Ввиду этого мы не считаем нужным аргументировать принадлежность этой главы Герцену и перепечатывать ее в настоящей работе.

Второй том «Из дальних лет» открывается главой «Qual cuor tradisti»* (заглавие — слова из заключительной арии Нормы в опере Беллини «Норма» — заимствовано Пассек из «Былого и дум», гл. XXI). Начало главы повествует об окончании Сашей университета. На первых же страницах излагается содержание кандидатского сочинения Герцена, названного здесь «Историческое развитие Коперниковой системы» (П., т. II, стр. 5—6). Подлинный текст этого сочинения (точное заглавие: «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника») сохранился в авторизованной копии в университетском архиве и в настоящее время находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве. Лемке, впервые напечатавший это сочинение (I, 91—105), упоминает в комментарии, что содержание этого сочинения приведено у Пассек, и признает, что она в общем правильно излагает ход мыслей Герцена. Но каким образом Пассек могла дать верное изложение работы, посвященной сложной натур-философской теме? Если даже сделать маловероятное допущение, что Герцен знакомил кузину со своими мыслями, то все же остается загадкой, как женщина, далекая от проблем теоретического естествознания, могла так прочно усвоить эти мысли и логический ход их развития. Архивных розысков она не производила — следовательно, подлинного текста сочинения знать не могла. Таким образом, нам остается сделать сам собой напрашивающийся вывод: комментируемый текст принадлежит не Пассек, а Герцену — единственному человеку, который мог правильно восстановить содержание своего кандидатского сочинения, вспоминая в автобиографической повести «О себе» об этом знаменательном моменте своей жизни.

Дальнейший рассказ об окончании университета представлен у Пассек в виде выдержек из письма Герцена: «Когда окончился экзамен,— писал нам Саша...» (П., т. II, стр. 6). В «Былом и думах», касаясь этого эпизода, Герцен в сноске вспоминает о двух письмах (от 26 июня и 6 июля 1833 г.), в которых он делился своими переживаниями после экзамена и присуждения звания кандидата (XII, 141). Но это были письма к «*кузине*, бывшей тогда в деревне, с княгиней», то есть к Н. А. Захарьиной. О письме же к Пассекам на ту же тему нам ничего неизвестно. Тем не менее, Лемке,

---

* «Какое сердце ты предал» (итал.).



ВАСИЛЬЕВСКОЕ. ЦЕРКОВЬ

Справа (сверху) знаком + отмечено место, где стоял старый господский дом И. А. Яковлева

Фотография 1900-х гг., сохранившаяся в «пражской коллекции»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ВАСИЛЬЕВСКОЕ

Фотография В. С. Молчанова, 1949 г.

Литературный музей, Москва

«Я мало видел мест изящнее Васильевского... На отлогой стороне село, церковь и старый господский дом. По другую сторону гора... Там построил мой отец новый дом. Вид из него обнимал верст пятнадцать кругом. Озера нив, колеблясь, стелились без конца... Леса разных цветов делали полукруглую раму, и через все — голубая тесьма Москвы-реки» («Былое и думы»)

доверившись (в виде редкого исключения) словам Пассек, также опубликовал этот отрывок как *письмо* Герцена к Пассекам (I, 109—110 и 526). Ошибка, допущенная здесь Лемке, легко обнаруживается при обращении к журнальному тексту той же главы Пассек. Там, вместо «*писал* нам Саша», стоит: «*рассказывал нам Александр*» (Р. С., 1876 г., № 7, стр. 527; курсив наш. — *А. Д.*).

Самое это колебание убеждает нас в том, что перед нами один из приемов, призванных маскировать прямые выписки из сочинений Герцена. Этот фрагмент должен быть исключен из раздела писем Герцена и помещен в ряду отрывков повести «О себе».

Что касается места этого фрагмента, то естественнее всего было бы думать, что вместе с рассказом об «оргии» и о поездке в Архангельское он входил в главу «Молодежь» и заканчивал собою раздел воспоминаний о годах студенчества.

〈3〉

В июле 1833 года Саша держал в университете экзамен и выдержал на кандидата. Он писал нам в Васильевское, что это событие было возвещено на акте при звуках труб и литавр и торжественном собрании знаменитостей Москвы, в тридцать градусов жары, но что он лично при торжестве не присутствовал, потому что ему, вместо ожидаемой золотой медали за сочинение, дали серебряную. Профессор Перевощиков, задававший тему, нашел в сочинении Саши слишком много философии и слишком мало формул. Золотую медаль получил студент, который, говорили тогда, выписал свою диссертацию из астрономии Био и растянул на листах формулы.

Темой сочинения было *историческое развитие Коперниковой системы*; тут было можно развернуться. Саша взял Птоломееву Альмагесту, Коперника и астрономию Бальи. Ему ярко представилась последовательность развития астрономии от бессвязных отдельных замечаний египтян до ее высокого состояния, в котором она является в руках Ньютона, и показал, как отдельные сведения и наблюдения, являясь из разных начал, умножаясь, соединились в Альмагесте, этом первом опыте как науки, и образовали из нее систематический сборник. Потом, еще не касаясь Коперника, он представил общее направление мысли в его великом веке; высшие требования на науку, нежели во времена Птоломея; несостоятельность астрономии относительно этих требований и гениальное провидение Коперника. Но, чтобы дать понятие, как уничтожилось древнее воззрение и как дало начало истинному гениальное слово Коперника, и оценить величие его дела, недостаточно было только указать на него, надобно было проследить самое это развитие; то Саша, доведя историю астрономии до теории тяготения, изложил всю важность коперниковой системы, показал необходимость Коперника именно в ту эпоху, в которую он жил; затем, показавши требования XVI века на науку,— старался раскрыть, насколько им ответила астрономия Ньютоном и, наконец, Лапласом, и доказать, что наука развивается по законам в уровень с человечеством и по одним и тем же законам, как и мышление.

«Когда окончился экзамен,— писал нам Саша,— все студенты одного со мною курса собрались в небольшую кучку и ждали, не выйдет ли кто из совета, чтобы узнать свою участь, быть или не быть». Несмотря на то, что я казался веселым, на душе было тревожно. Я слышал, что Павлов, у которого я ревностно занимался, поставил мне 2 за то, что я раз возмутил против него аудиторию и раза два уговорил студентов нейти к нему на лекции, потому что Павлов, делая выговор какому-то студенту, сказал: «Стол и солдат у двери столько же меня понимают, как и амфитеатр». Из этого вышло дело, его разбирал Дмитрий Павлович Голохвастов. Он

вызвал к себе вместе Павлова и меня. Павлов не мог мне этого простить. На вопрос из динамики я дурно отвечал, поэтому предполагал, что и Перевощиков, верно, больше двух не поставит. Остальное шло превосходно.

Когда вышел к студентам *Гейман*, все бросились к нему. «Поздравляю вас — вы кандидат», — сказал он мне.— «Еще кто? кто?»— «Такой-то и такой-то». Мне разом сделалось и весело, и грустно.

Когда я по чугунной лестнице университета выходил *кандидатом* и с тем вместе из школы на божий свет, тогда иначе взглянул на все. Чувство самобытности и совершеннолетия никогда не бывает так ярко, как в минуту окончания публичного воспитания. Испанские башмаки, шнуровавшие душу, лопаются, и фантазия гуляет на свободе. Нет более ни правил, ни направления извне. Это медовый мёсяц совершеннолетия.

С чувством собственного достоинства и достоинства кандидатской степени я явился домой и посвятил Нептуну мокрое платье, в котором плавал три года по схоластическому болоту на ловлю идей, то есть, говоря презренной прозой, подарил первогодичным студентам толстые тетради лекций, выучившие меня стенографии и разучившие писать удобочитаемо (П., т. II, стр. 5—7).

«ЛАНДЫШ»

Вслед за VII главой «Студент» в повести «О себе» шла глава VIII— «Ландыш». Известно из воспоминаний Т. П. Пассек, что Герцен и «Гаэтана» (Людмила Пассек) тщательно скрывали свое чувство от нее и от ее мужа. Маловероятно, чтобы Герцен исповедовался перед нею в этом увлечении. И тем не менее Пассек рассказывает о нем в своей книге. Каковы же могли быть источники этого ее рассказа? С одной стороны, внешняя история этой любви могла быть памятна ей самой — они с Вадимом случайно проникли в тайну влюбленных. С другой стороны, она читала в «Былом и думах» (гл. XX «Сирота») лирические страницы, посвященные воспоминаниям о Гаэтане (XII, 428—430), и использовала их в своей книге (П., т. II, стр. 21—22). Но за вычетом этого остается в рассказе еще некоторая его часть, происхождение которой может быть объяснено только тем, что Пассек была знакома глава «Ландыш». Правда, образ ландыша намеком дан и в «Былом и думах» — в виде лирического вопроса: «Когда же ландыши зимуют?» Но название главы VIII дает возможность думать, что этот образ лежал в основе раннего герценовского рассказа. Любопытно отметить, что Пассек не раз вводит этот образ в свое изложение: «...Тут была девушка белокурая, прелестная, как весенний ландыш,— сговоренная невеста» (П., т. I, стр. 409); «Теперь уже ничего не мешало Саше упиваться любовью к своему ландышу...» (П., т. II, стр. 7).

В отрывках, приводимых ниже, отдельные фразы заключены в кавычки, со ссылкой на слова Саши, например: «В женском обществе,— говорил Саша,— я чувствую себя не на месте. Мой юмор и мои восторги испугали бы своим карбонаризмом» (П., т. I, стр. 408; в «Русской старине» было несколько полнее: «...не на месте, точно морской офицер на лошади...»); «Мне смертельно хотелось,— сказывал Саша,— чтобы у меня вырвали язык...» (П., т. I, стр. 410); «Спустя несколько лет, анализируя это, уже угаснувшее чувство, он, как бы в оправдание перед самим собой, говорил: «Любовь моя была одностороння...» (П., т. II, стр. 7—8). Обратим внимание, что, ссылаясь несколько ниже на «Былое и думы», Пассек указывала: «Спустя много лет, Саша, вспоминая об этой любви, говорил...» (П., т. II, стр. 21). Не следует ли из этого заключить, что слова, сказанные «спустя несколько лет», были взяты из повести, писавшейся в 1838 г., то есть из повести «О себе», и что предыдущие высказывания Саши взяты оттуда же?

Эта догадка подкрепляется и стилем отрывков, который звучит совершенно по-герценовски, по крайней мере, местами. Надо думать, что в этих отрывках перед нами подлинный текст Герцена, но подвергшийся большей обработке и данный более фрагментарно, чем это мы наблюдали в предшествующих случаях.

<1>

Со времени моего замужества Саша стал бывать у нас почти каждый день и так сблизился со всеми, что матушка смотрела на него, как на сына, а братья и сестры — как на брата. Холодное *вы* — заменилось задушевным *ты*.

Между тем, несмотря на дружеские отношения, на ученые и учебные занятия, несмотря на юношеские мечты, товарищество, вакханалии и оргии, у Саши оставалась еще неопределенная масса сил и чувств, незанятая, искавшая определиться, выступить наружу,— так велик избыток сил в юности. Эта неопределенная масса могла сплавиться только в чистый кристалл. Развилась потребность любви, ждала деву — Теклу, Беатрису Шиллера, и приготовляла ей в дар мечты юности, пламень двадцатилетнего сердца. Он уж любил ее неведомую. Трудно ли было после того в самом деле влюбиться?

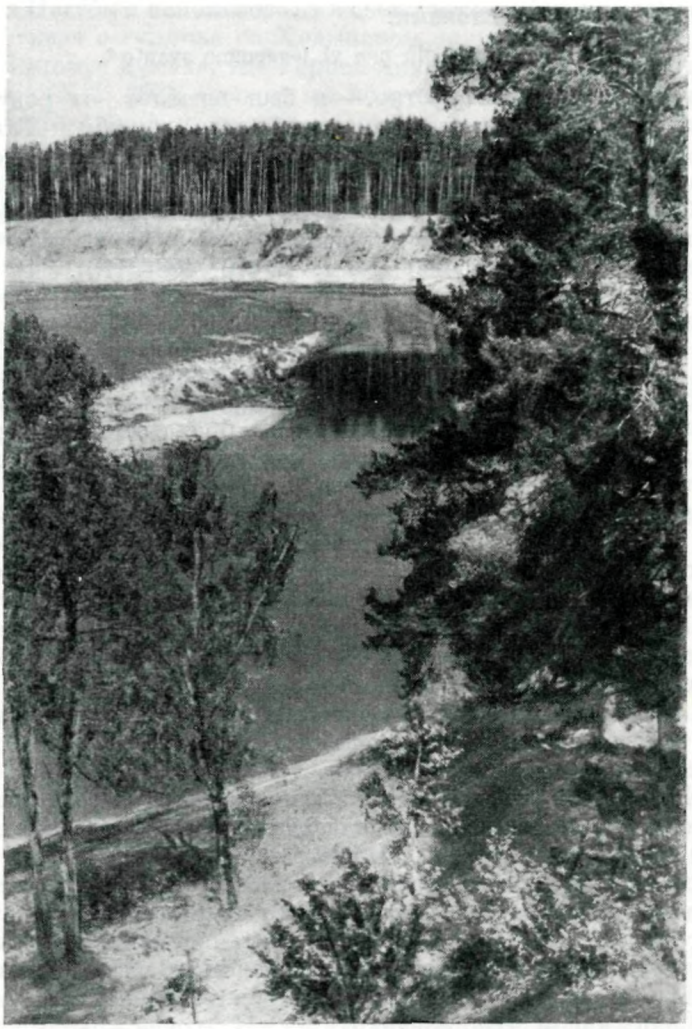
Правда, мало ундин и сильфид залетали в затворничество их дома, мало Саша и выезжал — сначала по приказанию отца, потом по собственному желанию. Увлеченный наукой и мечтами в замкнутый круг университетского товарищества, он после моего замужества сделался совсем чужой в женском обществе. Ежели он не приносил в него грязных сапог, латинских слов, то из этого еще не следует, что он там был дома. Дома он был в студенческом кругу, председатель литературно-фантастическо-политических прений, за полуизломанными столами, заваленными книгами, фуражками, табачной золой. Тут кровь кипела, фантазия искрилась, бросала огонь на все стороны; поэзия, дружба, вино — все пенилось, все лилось через край. «В женском обществе,— говорил Саша,— я чувствую себя не на месте. Мой юмор и мои восторги испугали бы своим карбонаризмом». Сверх всего, голова у него была набита чистой математикой и математикой прикладной, зоологией и геогнозией, да вереница студенческих анекдотов летала и протеснялась между всем этим. В светском же обществе он видел всегда оскорбляющую его аристократию, и стеснительные формы той жизни заставляли его беситься, как бешеную молодую лошадь, которая чувствует на спине своей седло без седока. Была и еще причина, по которой он терпеть не мог светского общества: это были гонения Ивана Алексеевича за малейшее неисполнение каких-нибудь принятых обычаев. Ясно, что избранная его, вследствие всех этих условий, должна была явиться на другом театре,— путь к его сердцу лежал через либеральные идеи и через аудиторию. Так и случилось.

Около половины университетского курса он познакомился с семейством одного из своих товарищей. Большая редкость: весь этот круг с семействами друзей своих никогда не знакомился. Они приходили куда-нибудь на антресоли, валялись без сюртуков по диванам, между книг, тетрадей и пыли. Но в этом семействе было все то, что́ могло тогда привлечь его.

Семейство это охраняло несчастие...

В этой семье он встретил ту, которой принес юную любовь свою, облеченную в студенческие мечты... Тут не было ни аристократических форм жизни, ни богатства, а была восторженность, вера в себя,— тут была девушка белокурая, прелестная, как весенний ландыш — сговоренная невеста. Жених был в отсутствии — она грустила. Александр находил ее грусть беспредельно милою, поэтической, но такой грустью, которая

может утешиться слезою и стихом, исчезнуть от искреннего привета, и его-то она нашла в нем. Она долго удерживала слабое чувство к жениху из сердечного point d'honneur *,— он это видел и тихо-тихо вынимал знамя из ее рук, а когда она перестала его удерживать, он был влюблен. Чтобы развлечь ее, он приносил ей новые книги, новые стихи, читал с ней вместе



ВАСИЛЬЕВСКОЕ. ВИД НА МОСКВУ РЕКУ
Фотография В. С. Молчанова, 1949 г.
Литературный музей, Москва

повести. Страшное дело — читать повести молоденькой, белокурой девушке и быть студентом, быть полувлюбленным. Как это опасно, всего лучше знает Дант. Francesca da Rimini рассказывала ему на том свете, как от книги перешли к поцелую, а от поцелуя — к кинжальному удару. До второго Саша не доходил, но впоследствии говорил нам, как ему хотелось оставить книгу, сказать слово любви и продолжать повесть

* понятия о чести (франц.).

в действии; но что страх, ужасный страх держал в узде. Наконец, читая роман Сантина «Изувеченный» и кончив его, увлеченный, он спросил ее: «Хочешь быть моею Гаэтаной?» — «Не Гаэтаной, а Мариею»,— отвечала она. Он был в восторге. «Мне смертельно хотелось,— сказывал Саша,— чтобы у меня вырвали язык, отрубили руки, чтобы, подобно изувеченному, спрятаться в леса, мучиться поэмами и знаками передавать их Марии.

Я сжал ей руку с словами:

Quel giorno più non vi leggemmo avante *.

— Да,— добавлял он грустно,— я был влюблен от роду в первый раз, si toutefois** не замешивалась любовь в дружбу к Тане. Дружбе не было бы никакого дела до прически, но я поступаю по строгому смыслу X-го тома свода законов, определяющих совершеннолетие в двадцать один год. Сверх того, вскоре я получил на это право, как окончивший курс в одном из главных учебных заведений.

Они верили в свою любовь (П., т. I, стр. 408—410).

<2>

Теперь уже ничто не мешало Саше упиваться любовью к своему ландышу и любоваться им. Любовь его была искренна, как и все чувства юности. Он не делал себе анализа, пока страсть брала верх над всем, предложил Марии объявить семейству, что он просит ее руки, и, как только позволят обстоятельства, на ней женится.

— Если я объявлю о твоем предложении моему семейству — это тебя свяжет,— отвечала она; — я верю твоему благородству и — твоей любви... если же изменишься... да нет, это невозможно... сердце, как твое, изменять не может.

И он был уверен в неизменности своих чувств. Когда же, сверх чаяния, стал охладевать, то не мог устоять и не воспользоваться свободой, предоставленной ему этой благородной девушкой.

Спустя несколько лет, анализируя это, уже угаснувшее чувство, он, как бы в оправдание перед самим собою, говорил:

«Любовь моя была одностороння и отчасти натянута, тогда я этого не замечал. Чиста была эта любовь, как майское ясное небо; светлой речкой катилась она по зеленому полю надежды, только иногда волновалась, вспоминая о молодом человеке, бывшем женихе, и тем, что он скоро был забыт. Я отыскивал в своей душе давно забытые страницы сентиментальности, принаряжал ими душу, отчасти это чувствовал и к сентиментальности присоединял все мои либеральные мечтания. Я говорил ей и говорил от души, что за осуществление моих политических убеждений пожертвую моей любовью, пожертвую ею, и вполне верил в истинность и неизменность этих слов, так, как и чувствовал» (П., т. II, стр. 7—8).

«ΑΝΆΓΚΗ.»

Глава IX повести «О себе», названная Герценом греческим словом «Ανάγκη»***, охватывала, как он писал невесте, «самую черную эпоху» его жизни — от 9 до 20 июля (II, 124), то есть от ареста Огарева до ареста его самого. Ничего, относящегося к первой части этой главы, мы у Пассек не находим: либо листки, содержавшие эту часть, не сохранились,

---

* «В тот день мы больше не читали» (итал.)— стих из «Божественной комедии» Данте («Ад», гл. V).

** если только (франц.).

*** «Рок» (греч.).—Это слово вырезал Клод Фролло (персонаж романа Гюго «Собор Парижской богоматери») на стене одной из башен собора.

либо она из осторожности опустила неудобную в цензурном смысле тему ареста Огарева. Но другое событие, отмеченное Герценом в качестве знаменательной вехи в его жизни,— рассказ о прогулке на кладбище, совершенной 20 июля, накануне ареста,— Пассек отразила в главе XXVI «Арест и симпатия» (П., т. II, стр. 28—30). 16 марта 1838 г. Герцен писал Н. А. Захарьиной: «Наконец, я написал 20 июля, ты похожа» (II, 126). Этот эпизод Пассек и использовала в своих воспоминаниях. Он начинается у нее с рассказа о гулянье на Ходынском поле — деталь, которая отсутствует в «Былом и думах», где Герцен лишь коротко упомянул о встрече на кладбище (XII, 203). Отсюда мы получаем возможность точно установить, что местом этой памятной прогулки было Ваганьковское кладбище, расположенное в непосредственной близости к Ходынке.

Рассказ начинается у Пассек от третьего лица, но в нем уже легко распознаются характерные приметы стиля Герцена: «Народ, точно полипы всех видов, выползал из своих клеточек на Ходынку»; «Он стоял одиноко и смотрел на толпу, севшую, как туча саранчи, на поле,— на кареты, которые двигались между саранчи, как майские жуки, и был очень грустен». Второй абзац открывается кавычками и сопровождается указанием: «Говаривал впоследствии Александр»; дальше следует аналогичное примечание: «говорил он нам иногда». Содержание и манера изложения этих страниц не оставляют сомнения, что перед нами фрагмент повести Герцена.

⟨1⟩

19-го июля вся Москва ехала на скачку и гулянье, на Ходынское поле. Народ, точно полипы всех видов, выползал из своих клеточек на Ходынку. Отправился туда и Саша, потому что существующему человеку надобно же быть где-нибудь. Занимала ли его скачка — может судить всякий. Он стоял одиноко и смотрел на толпу, севшую, как туча саранчи на поле,— на кареты, которые двигались между саранчи, как майские жуки, и был очень грустен. Встречавшиеся знакомые толковали и о скакунах и уходили. Он молил бога ни с кем не встретиться, отворачивался и вдруг увидал в карете Марью Степановну и Наташу. Они звали его. Когда он подошел, Наташа с участием сказала ему вполголоса: «Что̀ ваш друг?» Саша был рад, что его видимое расстройство духа она отнесла к беспокойству о Нике,— и сочувственно взглянул на нее. Ему показалось в ее взоре что-то примиряющее. Он знал Наташу с ее поступления в дом княгини, звал кузиной, но близок не был никогда; напротив, больше удалялся, находил ее безжизненной, холодной, а теперь вдруг показалось ему, что он ее истинный друг.

«Я прежде судил о ней,— говаривал впоследствии Александр,— не понимая ее; огромное расстояние делило меня, студента-карбонара, от нее, религиозной, а между тем, мы шли бессознательно к одному и тому же миру, только с разных сторон. Религия чувством поднимает до созерцания тех истин, до которых разум доходит трудным путем,— сверх того, она кладет печать божественности на чело и не допускает короткости. Наташа мало знала свет и высшей целью жизни ставила стены монастыря, чтобы, как стих псалма, как аккорд оратории, горячей молитвой вознестись на небо».

«Я не мог вполне оценить ее прежде,— говорил он нам иногда,— увлеченный, рассеянный страстями, друзьями, науками, планами, оргиями, влюбленный. В этот же день, душа, взволнованная несчастием, взглянула другим взглядом — взглядом магнетизма».

Скачка кончилась. Они шли пешком к кладбищу. Первое, что́ открылось, был позлащенный шпиц высокой колокольни приходской церкви Николая. Переполненная душа Саши вылилась черным словом.

— И эта колокольня ничего не говорит больше вашему сердцу? посмотрите, куда она указывает,— сказала Наташа: — там утешатся все скорби!

— Там,— отвечал Саша,— а здесь иметь душу, полную сил, желаний добра, и быть не в состоянии что-нибудь выполнить!

— Разве в этом *Его* вина? От этого душа его не менее перед богом. Кто живет в боге, того оковать нельзя, сказал великий страдалец, снесший голову на плаху — апостол Павел.

В другое время Саша улыбнулся бы, а тут он не улыбнулся, однако возразил:

— Вы все ссылаетесь на тот свет, а здесь мой друг за любовь к людям гибнет неоцененный, неузнанный. Апостол Павел снес голову на плаху тогда, когда обратил целые страны в веру Христа.

— Неужели вы это говорите о рукоплесканиях? Сейчас мы видели, как их расточают лошадям. Одни поденщики требуют награды.

Александру показалось, что ему сделалось совестно, когда он вымерил расстояние ее воззрения от своего.

Они вошли на ниву божию. Человеку бывает всегда не по себе при виде крестов, холодных памятников. В церкви стоял покойник. «Для него нет больше ни страстей, ни тайны, тело не делит его от бога»,— сказала Наташа. На Сашу покойник сделал тяжелое впечатление, он опустил глаза и содрогнулся, думая, как и у него рука, живая, теплая, когда-нибудь скрестится с другой рукой на груди, и он уже не почувствует этого. На паперти стояли нищие старухи в лохмотьях, усердно молились богу и клали земные поклоны.

— Посмотрите,— сказал Саша, улыбаясь раздражительно: — вот настоящая вера: эти старушки дожили до 70-ти лет и не теряют надежды, что их молитвы услышатся.

— И вам смешно это доверие к богу? Все отрадное для простого народа — в молитве, ею он отрывается от гнетущей жизни, сама молитва ему наградой, а вы смеетесь. Вероятно, от того это, что вы одиноки теперь. Ах, если бы я могла хоть сколько-нибудь заменить вам его! Но какая разница он и я.

«Где же эта холодность,— думал Саша,— она не приближалась ко мне, пока считала себя ненужною, а теперь, видя меня страдающим, протянула мне руку. Она поняла, как это мне необходимо, и облегчила своим участием мое горе».

— Молитесь ли вы когда богу? — спросила Наташа.

— Не умею,— отвечал Александр.

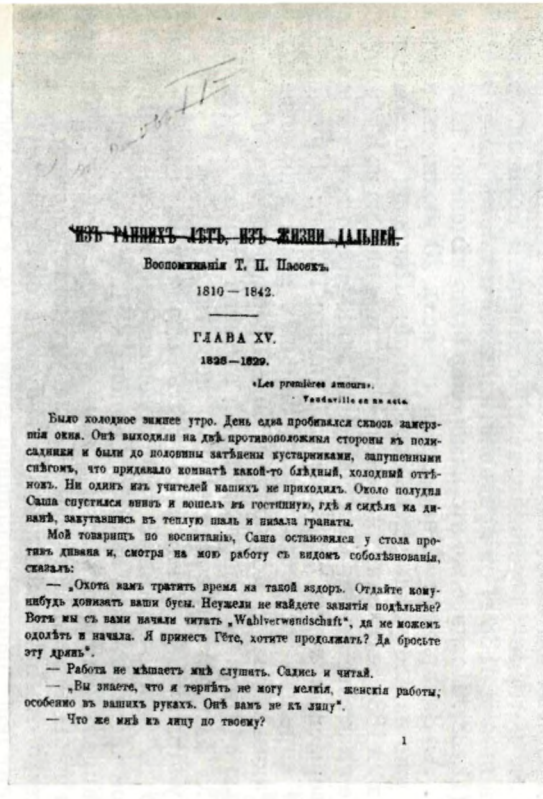
— Молитесь, и ему будет легче, и ваша душа успокоится, и я буду молиться утром и вечером.

— Один найду ли молитву в груди? Я завидую вам, жалок, мал кажусь я сам себе, а давно ли с самодовольством студента блистал я...

На этом слове речь его была прервана Марьей Степановной; она сказала, что время ехать домой (П., т. II, стр. 28—30).

«ЧАСОВ В ВОСЕМЬ НАВЕСТИЛ МЕНЯ...»

В той же главе «Арест и симпатия», в которой Пассек сохранила рассказ Герцена о 20 июля, содержатся и его воспоминания о свидании с Н. А. Захарьиной в Крутицах, об отправке в ссылку, о приключении при переправе через Волгу. Внезапно обрывая многоточием свой рассказ о приезде с мужем в село Спасское под Харьковом, Пассек следующим образом мотивирует приводимый ею ниже текст: «Чтобы пополнить мои воспоминания и помочь своей памяти, я часто прибегаю к моему дневнику



~~Изъ давнихъ лѣтъ, изъ жизни дальней.~~

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

1810 — 1842.

ГЛАВА XV.

1828—1829.

«Les premières amours».
Vaudeville en un acte.

Было холодное зимнее утро. День едва пробивался сквозь замерзшія окна. Онѣ выходили на двѣ противоположныя стороны въ полисадникѣ и были до половины затѣнены кустарниками, запушенными снѣгомъ, что придавало комнатѣ какой-то блѣдный, холодный оттѣнокъ. Ни одинъ изъ учителей нашихъ не приходилъ. Около полудня Саша спустился внизъ и вошелъ въ гостиную, гдѣ я сидѣла на диванѣ, закутавшись въ теплую шаль и пила гранатъ.

Мой товарищъ по воспитанію, Саша остановился у стола противъ дивана и, смотря на мою работу съ видомъ соболѣзнованія, сказалъ:

— „Охота вамъ тратить время на такой вздоръ. Отдайте кому-нибудь довязать ваши бусы. Неужели не найдете занятія подѣльнѣе? Вотъ мы съ вами начали читать „Wahlverwandschaft", да не можемъ одолѣть и начала. Я принесъ Гёте, хотите продолжать? Да бросьте эту дрянь".

— Работа не мѣшаетъ мнѣ слушать. Садись и читай.

— „Вы знаете, что я терпѣть не могу мелкія, женскія работы; особенно въ вашихъ рукахъ. Онѣ вамъ не къ лицу".

— Что же мнѣ къ лицу по твоему?

1

его щедушнаго я, зато пѣтъ ему и вѣчности; для любви нѣтъ я, это мы, мы—двоихъ, мы—всего рода человѣческаго, мы—всего творенія, и нѣтъ ей предѣловъ въ мірѣ конечномъ, она гостья оттуда....

— „Конечно", сказалъ Саша, „и какъ свѣтъ побѣждаетъ тяжесть, такъ и любовь должна побѣдить эгоизмъ. Тогда человѣкъ совершитъ земное, тогда природа совершитъ матеріальное".

— Если бы... это утѣшительно....

— „Счастье мое", прервалъ меня Саша, „что судьба послала мнѣ тебя, а „Wahlverwandschaft" насъ сблизило. Безъ тебя я былъ бы весь сосредоточенъ на себѣ и въ себѣ. Съ тобой научился заботиться о другихъ, любить, высказываться. Безъ тебя не встрѣчаю и тѣни симпатіи; одиночество, невысказанныя думы, чувства—подавляютъ".

— Ты бы писалъ свой дневникъ, Саша,—это своего рода исходъ изъ одиночества, замѣнъ друга.

— „Я дѣлалъ опыты; но, ужъ не говоря о томъ, что перо—такой холодильникъ, черезъ который рѣдко проходитъ, не замерзнувши, истинное, горячее чувство, кто же будетъ читать?"

— Самому будетъ легче, высказавшись.

— „Да неужели ты думаешь, что моей мысли тѣсно въ душѣ моей? Мнѣ надобно подѣлиться ею, а не выкинуть изъ головы; мнѣ надобно передать мысль и чувство живымъ словомъ, читать во взорѣ впечатлѣніе, сдѣланное моимъ словомъ,—тогда рождается магнетическое соотношеніе. Крокѣ того, я говорю съ кѣмъ хочу и насколько хочу; а писанное слово, если попадаетъ въ чужія руки въ часы досуга, является какой-то круглою сиротой: тутъ мою исповѣдь начнутъ разбирать по законамъ здраваго смысла, который составляетъ такую неотъемлемую принадлежность слоновъ, порядочныхъ людей и ньюфаундлендскихъ собакъ....".

Орловой

На этомъ мѣстѣ разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ горничной дѣвушки Марріаны. Она накрыла скатертью столъ передъ диваномъ, поставила на него бутылку люнеля и стала приготовлять завтракъ.

Прерванный разговоръ нашъ и отрывокъ изъ „Wahlverwandschaft" Саша вписалъ въ „брошенные листки" и добавилъ его новыми разсужденіями. Когда „брошенные листки" попали мнѣ въ руки и я перечитывала ихъ, утро это прошло передъ внутреннимъ взоромъ моимъ со всѣми впечатлѣніями.

— „Странное дѣло", такъ продолжается прерванный разговоръ, „въ брошенныхъ листкахъ", начинаясь отъ ньюфаундлендскихъ собакъ,— „вы слышите за стѣною пѣснь—и вамъ сейчасъ воображеніе представляетъ дѣву, которая поетъ, непремѣнно прекрасную, одушевленную

КОРРЕКТУРА XV ГЛАВЫ ВОСПОМИНАНИЙ Т. П. ПАССЕК, ПРЕДНАЗНАЧАВШЕЙСЯ ДЛЯ МАЙСКОЙ КНИГИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1875 г. ВАРИАНТ, ЗАПРЕЩЕННЫЙ ЦЕНЗУРОЙ

Начало главы и лист с текстом рассказа о «Прерванном разговоре»

Институт русской литературы Академии наук СССР, Ленинград

и ко множеству бумаг, оставшихся после Вадима. Между моим дневником попадаются заметки и записки, набросанные некоторыми из наших друзей, относящиеся к периоду времени, о котором говорится в моих воспоминаниях, а так как они пополняют их, то я и приведу из них выписки» (П., т. II, стр. 33). Это неоднократно применявшийся Пассек прием цензурной маскировки: ссылка на дневник и некие заметки и записки понадобилась ей, чтобы прикрыть заимствование из «брошенных листков» Герцена, занимающее шесть страниц ее книги.

Эти страницы признал принадлежащими Герцену еще Лемке. Но он не имел возможности определить их источник и потому поместил их, в соответствии со временем описанных здесь событий, под 1835 годом, придав им произвольное заглавие «Арест и высылка» (I, 180—186). В. А. Путинцев также причислил этот отрывок к числу «коротких и отрывочных, порой черновых» заметок Герцена, которые впоследствии могли бы быть использованы им «для его большой автобиографии тридцатых годов, условно называемой „О себе“» (указ. соч., стр. 23). В собрании сочинений Герцена, издаваемом Академией наук СССР, эти ошибки Лемке были исправлены: отрывок напечатан без заглавия и приурочен к 1838 г. (см. т. I, 1954, стр. 251—256 и 510). Но в комментарии к этому отрывку, названному по первым его словам: «Часов в восемь навестил меня...», с повестью «О себе» предположительно связывается только первая часть отрывка — Крутицкие казармы, свидание с Н. А. Захарьиной. Об остальных же двух разделах в комментариях сказано, что они «не могли относиться к этой автобиографической повести, так как она не охватывала ссылку» (изд. АН, т. I, стр. 510). Эта точка зрения прочно установилась в герценоведческой литературе.

Между тем, по этому вопросу может быть выдвинуто и другое мнение. Свидетельства самого Герцена в письмах к Н. А. Захарьиной о его работе над автобиографической повестью показывают, что хронологические границы повести, которые он устанавливал, с течением времени раздвигались. Так, в январе 1838 г. он предполагал закончить свое повествование 20-м июля (II, 22). Позднее же это намерение было изменено. 16 марта он извещал Н. А. Захарьину: «Наконец, я написал 20 июля, ты похожа» (II, 126), а уже на следующий день сообщал ей: «Писавши воспоминания о Кр⟨утицах⟩ и 1834, я сегодня снова перечитал мои письма из Кр⟨утиц⟩...» (II, 128). Не вызывающее никаких сомнений заявление о том, что этот раздел был завершен, находим в письме от 1 апреля 1838 г.: «Крутицы, сентенция и 9 апреля — все есть, много сильных мест, вдохновенных...» (II, 147). Таким образом, можно не в виде предположения, а с полной уверенностью считать, что первый раздел отрывка «Часов в восемь навестил меня...» был органической частью повести «О себе».

В пользу этого утверждения может быть выдвинут еще один аргумент, до сих пор не использованный герценоведами-текстологами. Приведенная в первой части отрывка записка Герцена к Н. А. Захарьиной, написанная 10 апреля, перед отъездом в ссылку, почти точно, с небольшим изменением заключительной фразы («Не забуду никогда своей прелестной кузины» вместо «Изгнанник никогда не забудет свою прелестную сестру»), воспроизводит текст начала подлинной записки (см. I, 173). Заслуживает внимания, что на подлиннике рукой Герцена сделана приписка, датированная 3 апреля 1838 г.,— свидетельство, что он перечитывал ее во время работы над автобиографией.

Вопрос о том, входили ли в состав той же повести «О себе» и другие два раздела, перешагнул ли Герцен в работе над автобиографией через знаменательный рубеж 9 апреля, теперь может быть также решен положительно. Еще 20 октября 1837 г., сообщая о работе над первой частью — «Дитя», Герцен писал невесте: «...Я дал себе слово не писать дольше 1835 года,—

это время и следующие 3 года только буду писать, когда увижу тебя *во второй* раз» (I, 486). После 9 мая 1838 г., когда началась их совместная жизнь во Владимире, Герцен мог приступить к выполнению этого своего намерения, но сделал он это, как мы уже знаем, не сразу, а больше чем через полгода. Только к этому времени он приобрел душевное равновесие, нужное для творческой работы. Присланная в начале января 1839 г. рукопись послужила толчком для возобновления и продолжения работы над автобиографией, которая охватила и тему вятской ссылки.

О том, что тема ссылки входила в широкий план Герцена, свидетельствует и содержание «Записок одного молодого человека», третья часть которых («Годы странствований») посвящена теме ссылки. Правда, эта часть писалась несколько позднее, в 1840—1841 гг. (см. соображения Я. Е. Эльсберга в кн.: А. И. Герцен. Повести и рассказы. М., 1934, стр. 488). Но ранние заготовки к этой теме могли быть написаны и в предшествующие годы, тем более, что, повидимому, резкого перерыва между работой над первым опытом автобиографии («О себе») и над «Записками одного молодого человека» у Герцена не было: вступление к «Запискам» датировано «весной 1838 г.». Правильное указание комментатора в академическом собрании сочинений Герцена, что содержание двух последних разделов отрывка «Часов в восемь навестил меня...» чрезвычайно близко («вплоть до текстуальных совпадений») к подлинному письму Герцена к Н. А. Захарьиной от 11 апреля 1837 г. (изд. АН, т. I, стр. 510), значительно подкрепляет наше предположение, поскольку мы знаем, что именно весной 1838 г. он перечитывал свои письма к невесте, которые оживляли в его творческом сознании пережитое.

Все сказанное убеждает нас в том, что все три раздела отрывка «Часов в восемь навестил меня...» входили в состав повести «О себе», почему в будущем она должна печататься не самостоятельно, а в качестве неотъемлемой части ранней автобиографии Герцена.

Поскольку текст этого отрывка уже давно введен в состав сочинений Герцена, мы считаем излишним перепечатывать его здесь.

«СИМПАТИЯ»

Намечая в письме к Н. А. Захарьиной от 14 января 1838 г. план своей биографии («Со временем это будет целая книга»), Герцен ограничивал содержание первой части изложением событий, имевших место до 20 июля 1834 г.; во вторую часть должны были войти «Встречи», «I Maestri» и «Симпатия». Как известно, в «Симпатии», писавшейся с июля 1837 г. по январь 1838 г., Герцен рассказывал о своей вятской дружбе с Полиной Тромпетер. Черновой отрывок этого очерка, повидимому набросок его заключительной части, сохранился в рукописном отделе ИРЛИ. Его ввел в собрание сочинений Герцена еще Лемке (XXII, 149—150; см. также изд. АН, т. I, стр. 324—325). Мы имеем основания утверждать, что Пассек в составе «брошенных листков» располагала и очерком «Симпатия», отрывки из которого она также ввела в книгу «Из дальних лет».

XVI главу отдельного издания I тома «Из дальних лет» Пассек начинает рассказом о том, как они с Сашей читали «Wahlverwandtschaft» * Гёте, и передает затем их «прерванный разговор» по поводу прочитанного — на тему о «симпатии» и «антипатии», «любви» и «эгоизме», их роли в человеческой жизни. В конце этой части главы следует ссылка: «Я с юных лет, от времени до времени, писала свой дневник. Перебирая бумаги, мне

---

* «Избирательное сродство» (нем.). Герцен переводит это название романа Гёте как «Выбор по сродству».

попались давно заброшенные листки дневника, и это давнопрошедшее утро прошло перед моим внутренним взором со всеми его впечатлениями» (П., т. I, стр. 254; то же в «Русской старине», 1876, № 4, стр. 818). Наш интерес к этому эпизоду неожиданно повышается, когда мы вспоминаем, что уже рассмотренный нами выше фрагмент о посещении Герцена Захарьиной в Крутицах («Часов в восемь навестил меня...») дан у Пассек тоже с ссылкой на ее мифический дневник. Естественно, является предположение, что и здесь перед нами отрывок, извлеченный из той же рукописи Герцена; и это находит подтверждение в сохранившихся корректурных листах этой главы (набор 1875 г.), где давалась прямая ссылка на «брошенные листки» Саши. В первой корректуре: «Прерванный разговор наш и отрывок из „Wahlverwandtschaft" Саша вписал в „брошенные листки" и добавил его новыми рассуждениями. Когда „брошенные листки" попали мне в руки и я переписывала их, утро это прошло перед внутренним взором моим со всеми впечатлениями» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, л. 189). Во второй корректуре сохранен этот же текст (но без слов: «Когда „брошенные листки" попали мне в руки»).

Свидетельство Пассек о том, что «прерванный разговор» взят ею из «брошенных листков», может быть подтверждено сопоставлением с письмами Герцена к Н. А. Захарьиной. В письме, помеченном «5 или 6 июля 1833», он писал: «И тут-то, тут-то иметь возле себя друга и ему перелить свои ощущения не через холодильник пера, а пламенной, каленой лавой речи» (I, 116). В тексте «прерванного разговора» мы встречаем ту же мысль, выраженную при помощи того же образа: «...перо — такой холодильник, через который редко проходит, не замерзнувши, истинное горячее чувство...». Если мы вспомним, что Герцен во время работы над ранней автобиографией (начало 1838 г.) перечитывал свои письма к невесте, которые она, по его настойчивым просьбам, пересылала во Владимир (см. II, 23, 77, 87), то приведенное повторение образа не только получит естественное объяснение, но и подкрепит наш тезис о принадлежности данного текста к «брошенным листкам». В конце «прерванного разговора» переданы мысли Саши о литературном труде: живое слово, песню он противопоставляет написанному пером, под которым истинное, горячее чувство замерзает; при мысли, что свой восторг, если он будет выражен в книге, придется продавать за 5 рублей ассигнациями, у него «всякая охота писать пропадает» (П., т. I, стр. 252—253). В письме к Н. А. Захарьиной от 9 февраля 1838 г. Герцен писал: «Да, я, было, и забыл сказать, что, несмотря на все мои выходки в „Симпатии" против продажи книг, я начинаю *промышлять*: за отрывок из повести я взял подписку на „Сына отечества"...» (II, 75).

Мы имеем право сделать вывод, что «прерванный разговор» представляет собой отрывок из «Симпатии» — вероятнее всего лирико-философское введение к главной теме — теме дружбы с Полиной. Такое заключение, опирающееся на прямое указание самого Герцена, представляется нам более обоснованным, чем другое, которое может быть выдвинуто: что «прерванный разговор» входил в главу «Пропилеи», поскольку в нем сильно звучит шиллеровская тема, которую Герцен, как уже указано выше, развивал именно в «Пропилеях».

«Прерванный разговор», вероятно, не вполне точно передан у Пассек: при сравнении четырех вариантов (обеих корректур, журнального текста и текста отдельного издания) обнаруживается, что Пассек меняла или вставляла отдельные слова, в диалоге производила некоторые перестановки, в частности реплики, первоначально вложенные в уста Саши, делала своими, и наоборот; местами она изменяла и последовательность рассказа. Но ход мыслей, все содержание отрывка остается неизменным во всех четырех вариантах. Наиболее близким к подлиннику является,

надо думать, текст первой корректуры, который мы и воспроизводим ниже (*с исправлением нескольких очевидных опечаток*).

Тема дружбы с Полиной представлена у Пассек в главе XXVII «Вятка» (П., т. II, стр. 44—49). Глава «Вятка» начинается описанием того, как Александр с помощью Зонненберга устроился на житье в Вятке. Как и в предыдущих случаях, Пассек прямо перенесла в свою книгу заглавие из рукописи Герцена, которое он сам привел в письме к Астракову («Теперь пишу „Вятка“»). Затем коротко упоминается об увлечении Александра «блондинкой» (П. П. Медведевой), после чего следуют заключенные в кавычки размышления Саши об этой любви. «Эта любовь,—говорил

ДОМ В ВЯТКЕ. ЗДЕСЬ В 1835—1837 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН
Фотография, 1955 г.
Литературный музей, Москва

нам Саша впоследствии, рассказывая о жизни своей в Вятке,—уяснила мне мои чувства к Наташе...». В дальнейшем подлинные куски текста Герцена также даются в кавычках и сопровождаются аналогичными указаниями: «говорил потом Саша, вспоминая о Наташе», «замечал Саша», «говорил Саша», «вспоминал о ней Саша». Между ними вставлены абзацы, служащие соединительными звеньями и напечатанные без кавычек как рассказ самой Пассек. Но, надо думать, и в этих случаях она использовала герценовский текст, несколько, может быть, перефразируя или сокращая его, но передавая достаточно близко его содержание. Это наше допущение может быть подкреплено выразительным сопоставлением. В одном из таких абзацев Пассек рассказывает о пении Полины, которым она утешала своего грустного друга (см. ниже, стр. 55),— и это место почти точно совпадает с текстом из упомянутого выше чернового отрывка «К „Симпатии“»: «Сколько раз в такие минуты приходил я к Полине, и душа оттаивала, и яд не так сильно действовал. Ее простодушные рассказы, ее сильное

чувство и чистое, как нагорный воздух, веяло здоровьем на больную душу, и, когда ничего не помогало, она убаюкивала меня песнями своей Германии, песнями своего Шиллера — она мне пела Теклу, „Das Mädchen aus der Fremde“ *, и баркароллу из „Фенеллы“, и молитву из „Фра-Диаволо“,— и много раз душа вылечивалась, раздирающая буря утихала; она, как месяц, всплывала из-за туч, и делалось ясно и светло; я благодарил ее взором и спокойно уходил домой» (изд. АН, т. I, стр. 324).

Учитывая сказанное, мы печатаем ниже, после «прерванного разговора», всю часть главы «Вятка», связанную с темой дружбы к Полине, по корректуре «Русской старины», 1875, № 5 (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 187—195).

〈1〉

Было холодное зимнее утро. День едва пробивался сквозь замерзшие окна. Они выходили на две противоположные стороны в палисадники и были до половины затенены кустарниками, запушенными снегом, что придавало комнате какой-то бледный, холодный оттенок. Ни один из учителей наших не приходил. Около полудня Саша спустился вниз и вошел в гостиную, где я сидела на диване, закутавшись в теплую шаль и низала гранаты.

Мой товарищ по воспитанию, Саша остановился у стола против дивана и, смотря на мою работу с видом соболезнования, сказал:

— Охота вам тратить время на такой вздор. Отдайте кому-нибудь донизать ваши бусы. Неужели не найдете занятия подельнее? Вот мы с вами начали читать «Wahlverwandtschaft», да не можем одолеть и начала. Я принес Гёте, хотите продолжать? Да бросьте эту дрянь.

— Работа не мешает мне слушать. Садись и читай.

— Вы знаете, что я терпеть не могу мелкие женские работы, особенно в ваших руках. Они вам не к лицу.

— Что же мне к лицу, по-твоему?

— Мало ли что! малиновое платье, локоны по плечам.

— Кажется, вопрос был о занятиях? Не хочу слушать Гёте. Убирайся.

— Ну, полноте сердиться! Бог с вами, нижите гранаты; они вам будут к лицу. Изгонять Гёте не за что, он ни в чем не виноват. Слушайте, я буду читать.

Он вынул из кармана небольшого формата том сочинений Гёте, сел на диван, и, медленно развертывая книгу, говорил:

— Гёте сравнивают с морем по широте и глубине гения, на дне которого сокровища. Быть может, но я лучше люблю Шиллера — эту германскую реку, этот Рейн, льющийся между феодальными замками и виноградниками, свидетель Тридцатилетней войны, отражающий Альпы и облака, покрывающие их вершины. Или я еще не дорос до Гёте? Быть может; но нет, у него в груди не бьется так нежно-человечески сердце, как у Шиллера. Шиллер с своим «Максом», с своим «Дон-Карлосом» всегда будет мне ближе.

— Посмотрим, что нам скажет Гёте о «Wahlverwandtschaft».

Только что мы прочитали начало разговора между Эдуардом, Шарлоттой и архитектором о химическом сродстве, как в гостиную вошла Луиза Ивановна 〈...〉 **

— Мы остановились на том,— сказал Саша, принимаясь за книгу,— что в природе есть тела родственные и тела чуждые друг другу. И стал читать.

---

* «Деву чужбины» (нем.).

** Опускаем текст Пассек: ее предложение ехать в театр, воркотня Саши и его согласие (см. П., т. I, стр. 248—249).

«—Вызвавши нас на разговор, ты так легко не отделаешься,— сказал Эдуард.— В этом явлении сложные случаи интереснее всего, по ним изучаются степени родства, более или менее близкие, отдаленные, крепкие. Но всего любопытнее их разъединение.

— Неужели это печальное слово, которое, к сожалению, слишком часто слышится в обществе, явилось и в естественных науках? — заметила Шарлотта.

— Конечно,— ответил Эдуард.— В прежние времена слово Scheidekünstler* было почетный титул, которым определяли химиков.

— Хорошо, что его уничтожили,— возразила Шарлотта,— соединять— великая наука, великая заслуга. Einungskünstler** будет всегда, везде желанным гостем. Так как вы теперь на ходу, то представьте мне два таких случая.

— Если вы этого желаете,— сказал архитектор,— вот вам пример: то, что мы называем известковым камнем, есть, в более или менее чистом виде, известковая земля, тесно соединенная с нежной кислотой, которая нам известна в воздухообразной форме. Едва только известковый камень придет в соприкосновение с разжиженной серной кислотой, как тотчас с нею соединится, и оба вместе являются гипсом. А нежная, воздушная кислота отлетит прочь. Тут было разъединение и новое соединение. Видя такие явления, химики считали себя в праве определить их словами: *выбор* (Wahl) и *выбор по сродству* (Wahlverwandtschaft),— и действительно, предпочтение одного тела другому делается как будто по выбору.

— Извините меня,— сказала Шарлотта,— в этом я вижу не выбор, а естественную необходимость, и то едва ли; легко быть может, что все это дело случайности. Когда речь идет о ваших телах природы, мне все кажется, что выбор одного тела другим находится в руках химиков. Раз соединены — и бог с ними. Жаль только нежную, воздушную кислоту, которая снова должна блуждать в бесконечном пространстве.

— От нее зависит,— заметил архитектор,— соединиться с водой и явиться в образе минерального, целебного источника.

— Хорошо говорить гипсу,— возразила Шарлотта,— он готов, он тело, он насыщен, а бедному изгнаннику придется, может, много перестрадать прежде, нежели он достигнет нового соединения.

— Если я не ошибаюсь,— сказал Эдуард, улыбаясь,— у тебя за этими словами таится задняя мысль. Признайся. Ты представляешь себе меня известью; архитектора — серной кислотой, которая насыщает меня; я превращаюсь в гипс и лишаюсь твоего милого присутствия.

— Если совесть заставляет тебя делать такое предположение, то нечего и объясняться,— отвечала Шарлотта.— Сравнения милы, они нравятся, ими любят играть; но человек на столько градусов выше элементов, что, роскошно наделивши эти явления красивыми названиями — „Wahl“ и „Wahlverwandtschaft“, хорошо сделает, если обратится к себе и подумает об истинном значении этих слов...».

— Значение этих слов ясно,— сказал Саша, положивши книгу,— химическое сродство есть основное начало симпатии и антипатии в людях.

— Что за потребность такая в душе человека симпатии? — заметила я. Не ведет ли она к тому высокому братству, которое будет в конечной эпохе человечества?

— Потребность симпатии свята уже тем, что прямо противоположна *эгоизму*,— отвечал Саша.—Мне представляется, что борьба *эгоизма* и *любви* в душе нашей выражается в физическом мире борьбой тяжести и света. Эгоизм мрачен, холоден, стремится к средоточию, к своему *я*, которое,

---

* мастер разъединения (нем.).
** мастер соединения (нем.).

как центр тягости, точка, нуль. Любовь светла, огненна, стремится расширить наше бытие; она, как солнце, освещает и греет.

— Да,— сказала я,— для эгоизма нет ничего на свете, кроме своего тщедушного *я*, зато нет ему и вечности; для любви нет я, это *мы*, *мы* — двоих, *мы* — всего рода человеческого, *мы* — всего творения, и нет ей пределов в мире конечном, она гостья оттуда...

— Конечно,— сказал Саша,— и как свет побеждает тяжесть, так и любовь должна победить эгоизм. Тогда человек совершит земное, тогда природа совершит материальное.

— Если бы... это утешительно...

— Счастье мое,— прервал меня Саша,— что судьба послала мне тебя, а «Wahlverwandtschaft» нас сблизило. Без тебя я был бы весь сосредоточен на себе и в себе. С тобой научился заботиться о других, любить, высказываться. Без тебя не встречаю и тени симпатии,— одиночество, невысказанные думы, чувства — подавляют.

— Ты бы писал свой дневник, Саша,— это своего рода исход из одиночества, замена друга.

— Я делал опыты; но, уже не говоря о том, что перо — такой холодильник, через который редко проходит, не замерзнувши, истинное, горячее чувство, кто же будет читать?

— Самому будет легче, высказавшись.

— Да неужели ты думаешь, что моей мысли тесно в душе моей? Мне надобно поделиться ею, а не выкинуть из головы; мне надобно передать мысль и чувство живым словом, читать во взоре впечатление, сделанное моим словом,— тогда рождается магнетическое соотношение. Кроме того, я говорю с кем хочу и насколько хочу; а писанное слово, если попадает в чужие руки в часы досуга, является какой-то круглой сиротой: тут мою исповедь начнут разбирать по законам здравого смысла, который составляет такую неотъемлемую принадлежность слонов, порядочных людей и ньюфаундлендских собак...

На этом месте разговор наш был прерван приходом горничной девушки Марианны. Она накрыла скатертью стол перед диваном, поставила на него бутылку люнеля и стала приготовлять завтрак.

Прерванный разговор наш и отрывок из «Wahlverwandtschaft» Саша вписал в «брошенные листки» и добавил его новыми рассуждениями. Когда «брошенные листки» попали мне в руки — и я перечитывала их, утро это прошло перед внутренним взором моим со всеми впечатлениями.

«Странное дело,— так продолжается прерванный разговор в „брошенных листках“, начинаясь от ньюфаундлендских собак,— вы слышите за стеною песню — и вам сейчас воображение представляет деву, которая поет, непременно прекрасную, одушевленную; а когда читаете книгу, оттого ли, что уж есть материальная опора — эта бумажная подкладка для мысли, о писавшем никто не думает, словно книга, как плесень, выросла из воздуха. Мало этого, если песня грустна, вы верите, что поющей грустно; а сочинителю никогда не дозволяют в самом деле иметь тех чувств, которые он высказывает. Ежели же находятся люди, которые дают себе труд представлять автора, то представляют его себе по своему вкусу и его же после винят, ежели он не таков. У меня есть знакомый, который пламенно любил Гюго до поездки своей в Париж; а как увидал, что его ланиты не покрыты бледностью могильной, что его глаза не восторженны, так он и перестал в него верить. Еще слово... а уж как дойдет до того, что я восторг свой, мысль свою буду продавать за 5 рублей ассигнациями, т. е. без вычета лажа, за 5 рублей 75 копеек, тогда всякая охота писать пропадает. Разумеется, человек, который покупает фунт сыра и мою книгу, имеет полное право требовать, чтобы сыр и книга были по его вкусу; имеет право обругать лавочника и меня, ежели ему за его 5 рублей дано

не то, чего ему хочется. Дивятся, зачем адепты прятали свою науку. Я больше дивлюсь решительности поэтов, которые внутреннейшую мысль свою дают толпе, а толпа, как обезьяна Крылова, понюхает, перевернет — и бросит. Сколько раз бывал я болен душой в театре при представлении Шекспира и Шиллера. Раз давали «Разбойников»: я, задыхаясь, смотрел на эту юношескую поэму, на это страдание Шиллера, принявшее плоть в Карле Море, на этот разврат его века, принявший плоть во Франце,— как почтенный сосед мой, через меня, громко спросил своего товарища:

— Как вы думаете, неужели столько ружей принадлежит дирекции?

— Помилуйте,— отвечал тот,— разве вы по погонам не видите, что это солдатские ружья.

Я взглянул на моего соседа с полной ненавистью; но он так добродушно, так спокойно сидел на своем кресле, так пользовался своим правом в силу пяти рублей ассигнациями, что я, вместо проклятия, попросил у него понюхать табаку, хотя в жизни никогда не нюхал.

— Ворошиловский,— сказал он мне, поднося табакерку с растворенным ртом.

Куда приятно после этого писать. Слово живое — то ли дело: оно свободно, вольно: это мое врожденное право, как песнь соловью,— оно несется в воздухе, ему не нужно ни сплюснуться в тисках, ни втесниться на бумагу. Между книгой и речью все различие, как между нотами и музыкой... Между словом живым и мертвой книгой есть среднее — это письмо.

Когда завтрак был готов, в гостиную вошла Луиза Ивановна» ⟨далее — рассказ о посещении театра⟩.

⟨2⟩

Долго не находил в Вятке Александр симпатичного себе человека, как 23-го ноября 1835 г. на одном вечере встретился с только что прибывшим в Вятку Александром Лаврентьевичем Витбергом. Саша снова услыхал давно отвыкнувшим ухом святые слова: изящное, поэзия; понял гениального человека, полюбил его — и они сблизились. Несмотря на то, что Витберг был много старше Саши, художник был рад найти человека, с которым мог говорить об искусстве. Так как семейство Витберга еще не приезжало, то он и поселился в одном доме с Сашей. Зонненберга уже не было, и они вдвоем устроили какую-то артистическую жизнь; что-то строгое, монастырское парило в их квартире. Целые дни они проводили в оживленных, нескончаемых беседах, часто вечерами засиживались до глубокой ночи, поверяя друг другу думы свои; в Витберге было высокое религиозное образование.

«Она,— говорил потом Саша, вспоминая о Наташе,— едва указала мне бога, и я стал веровать. Пламенная же душа артиста переходила границы и терялась в темном, но величественном мистицизме, и я нашел в мистицизме больше жизни и поэзии, нежели в философии. Благословляю то время!»

Когда приехало семейство Витберга, артист должен был низойти с поднебесья и хлопотать о нуждах будничной жизни. Беседы его с Александром сделались реже и короче.

«Странно,— замечал Саша,— что нет перехода между новым поколением и старым. Об искусствах, о науках мы никогда не спорили друг с другом, понимали друг друга, тут был артист; но как скоро доходило до жизни — овраг нас делил, и я с прискорбием прятал свою тайну в душу свою, боясь его полезного, опытного мнения».

Тысячу раз вертелось у Саши на языке высказать Витбергу о том, что̀ наполняло и что̀ тяготило его; но страшная мысль, что услышит

в ответ: «А думали ли вы о препятствиях и вполне ли убедились, что это не мечта?» — зажимала рот. А он бы, может, и не сказал этого никогда, вся вина его была — зачем он мог предполагать, что тот это скажет. Он молчал, жалея разрушить их дружбу, и находил, что с одной стороны одиночество его продолжается.

Около того времени Саша познакомился с семейством одного аптекаря. Аптекарь звал его много раз. В один вечер, не зная, что̀ делать, он отправился к нему. Его встретил самый теплый прием. Через час он был приятель, через два — короткий знакомый. Саша любил всегда немцев, любил их некрасивую радость, их простодушный разговор. Аптекарь был целиком из комедии Коцебу. Его рассказы о Греции, о Египте, вечный разговор об экономии чрезвычайно напоминали насмешки над немецкой расчетливостью и страсть к политике, к чалме с удивительными именами Али-паши, Ипсиланты, Мехмет-Али. Давно̀ уже дела Греции были сданы в архив, а немцы все еще продолжали говорить об Инсаре, Хиосе, Боцарисе. За то, что Саша удовлетворял его вопросы, он впадал в удивление к его талантам и часто говорил: «Es ist doch schändlich, der Freiherr so viel studirt und sind noch so jung» *, несмотря на то, что я почти ничему не учился и вовсе не был Freiherr, — говорил Саша. «Немец — это вещь технологическая,— замечал он,— немка — или кухарка, или существо идеальное». Жена аптекаря не была кухарка — бледная, болезненная, она напоминала чистейшее германское племя, какое только живет в Остзейских провинциях. Внутреннее сознание неизлечимой болезни развивало в ней, как и вообще в каждом человеке неизлечимо больном,— особую меланхолию. Александр заставал ее всегда молчащую и нередко со слезами на глазах. Муж не понимал ее. У них жила молодая девушка, приехавшая из Ревеля в эту даль, в эту глушь из пламенной дружбы к Луизе. Такое пожертвование было чистым героизмом. Семейство это прибыло в Вятку незадолго до приезда Александра и с восхищением слушало немецкий язык на чужой стороне.

Саше у них было приятно. Он начал ходить к ним иногда. Молодая девушка, прелестная собой, огненная, живая, наивная, как дитя, не знала света, не знала людей и с ребяческим удивлением смотрела на них, живя безотчетно, как ласточка в небе, как роза на ветке.

Глядя на нее, он думал, что общество, в которое она, Полина, попадет, обидит, убьет ее нежную душу,—ему стало жаль ее, и он сблизился с нею. Они сблизились шутя. Она откровенно радовалась его приходу, и едва узнала его, как отгадала священную мистерию его души и указала на нее полуребяческим перстом. Она больше поняла, нежели могла высказать. И вот для Саши открылось море симпатии и дружбы. Он подал руку Полине, так звали эту девушку, рассказал ей свою повесть и назвал другом, сестрою.

Возможность этого мудрено понять тому человеку, которого обстоятельства не отдаляли от всего родного, не забрасывали в чужой край, к чужим людям; мудрено понять и всю отраду симпатии, весь отдых от страдания, который содержится в глубоком, сердечном участии. Кто испытал, тот знает, тот поймет.

Девушка эта принесла с собой из своей Германии пламенную, мечтательную душу, взлелеянную нежным, эстетическим воспитанием.

«Как мило развертывался этот цветок перед моими глазами,— вспоминал о ней Саша.— Мне становилось грустно без нее. Я любил смотреть на ее огненные глаза, на ее темные кудри, любил смотреть на ее шалости. Я рассказывал ей нашу встречу, разлуку, переводил ей письма. Она еще

---

* «Это ужасно, барон так много учился и так еще молод» (нем.).

никогда не встречала эти бурные бытия, эти schwankende Gestalten * и робко поверяла мне свою мысль — мысль с улыбкой и слезой, и я берег эту мысль, напоминавшую мне ее. Она все больше привыкала ко мне, все больше и больше делалась мне сестрой. Сначала я боялся испугать ее пространным, безграничным миром фантазии; я переводил его на ее язык, и он легко на нем выражался; к языку порядочных людей я никак бы его не приладил. Ежели вы не понимаете, почему я, отданный навек одной, вдруг так сдвинул мое существование с этой девушкой, я не берусь объяснять».

Итак, maestro при своем обширном уме, по мнению Саши, не мог понять, а эта девушка поняла, и поняла потому, что смотрела просто глазами *природы*.

Часто утомленный, недовольный собою, Александр приходил к ней и отводил душу свою; она его, грустного, развлекала песнями Шиллера, пела ему «Das Mädchen aus der Fremde», и баркароллу из «Фенеллы», и молитву из «Фра-Диаволо»,— и много раз вылечивала его: волнение души утихало, и он спокойнее приходил домой. В другие минуты прибегал делиться с ней счастьем, рассказать мечты свои, и она ее — незнаемую — *любила* (П., т. II, стр. 46—49).

* * *

В нашу публикацию введено более полутора листов текста, восходящего к «брошенным листкам» — к рукописи автобиографической повести Герцена «О себе» и очерка «Симпатия», находившихся в распоряжении Пассек. Если к этому добавить два ранее выявленные отрывка из той же рукописи, то общий объем сохраненного Пассек текста ранней автобиографической прозы Герцена достигнет приблизительно двух с половиной листов. Для сравнения укажем, что в «Записках молодого человека» три авторских листа. Можно думать, что Пассек использовала в своей работе не отдельные, случайно выхваченные отрывки, а значительную часть повести «О себе».

Разумеется, степень близости обнаруженных нами у нее фрагментов к неизвестному нам подлинному тексту герценовского повествования различна: наряду с цельными кусками, представляющими в этом смысле наибольшую ценность (гуляние под Новинским и Воробьевы горы, университетская жизнь, прогулка на кладбище, последние отрывки из «Симпатии»), среди фрагментов есть отрывки, подвергшиеся обработке Пассек, которая прибегала к сокращениям, перефразировкам и другим подобным приемам. Но до тех пор, пока подлинная рукопись Герцена остается не найденной (поиски ее должны продолжаться), тексты, содержащиеся в книге «Из дальних лет», сохранят свою относительную ценность как единственный пока источник для суждения об автобиографии Герцена тридцатых годов. Перед исследователями открывается теперь возможность реального изучения раннего творческого опыта Герцена в жанре автобиографии. Результаты этого изучения несомненно обогатят наше представление о творческом развитии создателя «Былого и дум».

---

* зыбкие виденья (нем.).— Из посвящения к «Фаусту» Гёте.

«РУССКАЯ ПАСХА»

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «L'HOMME»

Публикация Н. Д. Эфрос

В газете «L'Homme», издававшейся на французском языке группой революционных эмигрантов и выходившей вначале на острове Джерси, а позднее в Лондоне, Герцен сотрудничал на протяжении всего времени ее существования — с 1853 по 1856 г. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 218 и след.). Статья о «Русской пасхе» помещена в № 25 газеты от 17 мая 1854 г. Как и некоторые другие статьи Герцена в «L'Homme», она напечатана без подписи. Однако принадлежность ее Герцену не вызывает сомнений и устанавливается собственным указанием писателя. В письме от 25 мая 1854 г. к одному из редакторов газеты, Луиджи Пианчиани (печатается в т. 64 «Лит. наследства»), обсуждая вопрос о дальнейшем своем участии в газете, Герцен говорит: «Вы советовали мне написать непосредственно Рибейролю, но в данное время мне нечего ему сообщить. И кроме того, между нами говоря, Рибейроль довольно долго находился в Лондоне и мог бы вспомнить о своем бедном сотруднике с Истон сквера». И он заканчивает этот перечень доводов против посылки статей в «L'Homme» напоминанием, что там уже есть одна из его работ, еще не увидевшая свет. «На прошлой неделе,— пишет он,— я передал Фору небольшую заметку о „пасхе в России"». Это напоминание Герцена было запоздалым. Получив статью от своего лондонского корреспондента Фора, редакция не замедлила ее напечатать и она появилась в ближайшем же номере «L'Homme» (газета выходила один раз в неделю).

Герцен прямо не называет статью о «Русской пасхе» своею, но из приведенного контекста его письма это явствует, нам кажется, достаточно убедительно. Трудно предположить, что речь идет здесь о чьей-то чужой, лишь переданной Герценом, а не о его собственной работе. К тому же в подтверждение авторства Герцена можно привести и другие аргументы.

Статья написана в связи с бомбардировкой Одессы англо-французским союзным флотом, производившейся в канун русской пасхи, и направлена против ханжеских сетований и возмущений по этому поводу русской официозной печати. Она посвящена русским событиям и полемизирует с русской прессой. Автором ее, следовательно, мог быть только русский. Но мы не знаем ни одного русского из числа тех, с кем Герцен в то время общался и кто мог бы написать такую статью. Отсюда, естественно, напрашивается вывод, что она написана самим Герценом.

Разоблачая фальшь петербургских официальных выступлений в защиту религии, автор статьи ссылается на события из истории русско-польских отношений и напоминает о жестокостях, совершавшихся царскими генералами в пасхальные дни во время русско-польских войн 1794 и 1831 гг. Автор статьи ставит, таким образом, своей целью агитацию против порабощения Польши, и эта польская тематика статьи, в свою очередь, может служить подтверждением авторства Герцена. Польский вопрос, в связи с развертывавшимися военными событиями в России, стоял тогда в центре внимания Герцена. Совсем незадолго до статьи о пасхе в России он поместил в той же газете свою прокламацию «Русскому воинству в Польше» («L'Homme», № 22 от 26 апреля 1854 г.). Не противоречит, наконец, авторству Герцена стиль и язык статьи, написанной в форме памфлета, к которому часто прибегал Герцен в своей публицистике.

LES PÂQUES RUSSES

Le rescrit de l'empereur Nicolas au général Osten Sacken, gouverneur d'Odessa, et les articles du Journal de St. Pétersbourg racontent avec une hypocrite indignation, que le bombardement d'Odessa a eu lieu *le Samedi-Saint* (d'après le calendrier erroné, conservé par l'église Grecque, malgré les rectifications des astronomes du XVI siècle).

A cet endroit *L'Homme* pourrait citer:

1. Le 16 avril 1831 — jour de Samedi-Saint, selon le calendrier russe, où les troupes de Nicolas entrèrent à Oszmiana et en massacrèrent les habitants.

2. Le lendemain, le 17 avril, *premier jour de Pâques*, le général Kreutz fort de 22 000 hommes et de plus de 40 canons, enveloppa 5000 Polonais à peine armés, commandés par le général Sierowski, et les extermina complètement.— *Le lundi Pâques*, 18 avril, continuant la célébration de la résurrection de Jésus-Christ, les soldats russes forcèrent la ville de Kzimiez et jettèrent dans la Vistule les insurgés en retraite.

3. Pour prouver quelle façon de célébrer les Pâques ont messieurs les princes de la maison germano-orthodoxe de Gottorp, il suffira de rappeler que l'impératrice Catherine II ordonna au général Igelström de préparer un massacre à Varsovie pour le 4 avril 1794, *Samedi-Saint*, lorsque le peuple s'assemblait dans les églises (tout à fait comme le dit le czar à propos d'Odessa); heureusement, ce projet fut déjoué et les Polonais s'insurgèrent le Vendredi et chassèrent Igelström.

Et maintenant le czar se récrie contre les obus sacrilèges lancés le Samedi-Saint de son calendrier, par des amiraux très dévots, trop dévots selon nous, mais, en tous cas, trop savants en astronomie, pour transposer l'équinoxe et observer les Pâques au gré de l'ignorant fanatisme de S. M. et en dépit de la science et des lois du mécanisme céleste!

Перевод:

РУССКАЯ ПАСХА

Рескрипт императора Николая на имя одесского губернатора, генерала Остен-Сакена, и статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях»[1] с лицемерным негодованием рассказывают о бомбардировке Одессы, производившейся в *страстную субботу* (по неправильному календарю, которого придерживается греческая церковь, невзирая на исправления, внесенные астрономами XVI века).

В связи с этим «L'Homme» мог бы напомнить:

1. 16 апреля 1831 г., когда войска Николая заняли *Ошмяны*[2] и учинили резню жителей, по русскому календарю приходилось на страстную субботу.

2. На завтра, 17 апреля, *в первый день пасхи* генерал Крейц[3], имея в своем распоряжении свыше 22 000 человек и 40 пушек, окружил 5000 едва вооруженных поляков, находившихся под командованием генерала Серовского, и полностью их уничтожил. В *понедельник на Святой неделе*, 18 апреля, продолжая торжественно отмечать воскресение Христово, русские солдаты с боем овладели городом Казимержем[4] и сбросили в Вислу отступавших поляков.

3. Дабы убедиться, какую манеру праздновать пасху усвоили себе господа государи германо-православного Готторпского дома, надо только вспомнить, что императрица Екатерина II приказала генералу Игельстрому устроить резню в Варшаве 4 апреля 1794 г.[5], в *страстную субботу*, когда народ соберется в церквах (в точности так, как об этом

говорит царь по поводу Одессы). К счастию, план этот был сорван: поляки подняли восстание в пятницу и прогнали Игельстрома.

А теперь царь возмущается святотатственными снарядами, пущенными в страстную субботу его календаря весьма благочестивыми адмиралами, а на наш взгляд даже не в меру благочестивыми, и уж, во всяком случае, достаточно сведущими в астрономии, чтобы определить день равноденствия и соблюсти пасху в срок, установленный прихотью невежественного фанатизма е. в. и наперекор науке и законам небесной механики!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рескрипт на имя генерала Остен-Сакена, на который ссылается Герцен, был помещен в «С.-Петербургских ведомостях» № 89 от 24 апреля 1854 г. Статьи о бомбардировке Одессы, негодующие против англо-французских адмиралов, выбравших «страстную субботу для разрушений христианского города», напечатаны в «С.-Петербургских ведомостях», № 86 от 21апреля и № 96 от 2 мая 1854 г. Аналогичные статьи печатались и в «Journal de St. Pétersbourg».

[2] Сражения в Ошмянах и у Казимержа, о которых говорится в статье, принадлежат к одним из самых трагических эпизодов польской войны 1831 г. Герцен пользуется, очевидно, польскими источниками, но даже русская официальная версия не может скрыть безжалостности всего происходившего. Так, например, военный историк Пузыревский, описывая «Ошмянское дело», говорит, что восстание в городе было подавлено ворвавшимися туда казаками в несколько часов и «в пылу схватки редко кто получил пощаду. Спокойствие было приобретено ценою 350 трупов инсургентов ‹...› Остатки революционеров,— пишет он далее,— разбежавшись по стране, распространяли повсюду страх и смятение; с тех пор слово „черкес“ ‹так поляки называли тогда казаков.— *Н. Э.*› производило устрашающее действие» (П у з ы р е в с к и й. Польско-русская война 1831 года, т. I. Изд. 2. СПб., 1890, стр. 165). Тот же историк, рассказывая о «Действиях барона Крейца против Серовского», хотя и дает меньшие, чем у Герцена, цифры потерь поляков, рисует страшную картину гибели польских войск, притиснутых русскими к берегу Вислы (там же, стр. 178—179).

[3] Киприян Антонович *Крейц* (1777—1850) — генерал от кавалерии; в 1831 г. командовал V резервным кавалерийским корпусом, с которым принял участие в военных действиях.

[4] Транскрипция названия быв. посада Казимержа, Ново-Александровского уезда, Люблинской губ, на правом берегу Вислы,— Kzimiez — неверна, следует K a z i m i e r z.

[5] Осип Андреевич *Игельстром*, бар. (1737 — 1817) — с конца 1793 г. командующий русскими войсками, расположенными в Польше.

Дата Варшавского восстания — 1794 г. — указана неточно. Оно происходило 5—6 апреля ст. ст., в четверг и пятницу на страстной неделе. Таким образом, страстная суббота приходилась на 7 апреля ст. ст., а не на 4-е, как пишет Герцен. Возможно, что это опечатка.

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ О 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Публикация Я. И. Линкова

Среди документов «пражской коллекции» хранится черновая рукопись — проект речи, которую Герцен собирался произнести на празднике, устроенном в честь «начала освобождения крестьян» 10 апреля 1861 г. В конце рукописи — подпись «И<сканде>р», обычная под статьями Герцена. Повидимому, Герцен намеревался опубликовать текст ее в «Колоколе».

Однако приготовленную речь он на празднике не произнес и в «Колоколе» ее не опубликовал.

Речь должна была закончиться тостом за Александра II, «освободителя крестьян». Это свидетельствует о том, что в Герцене еще живы были либеральные иллюзии, о которых Ленин писал: «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма *к* либерализму» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12). Но то, что Герцен этого тоста *не провозгласил* и приготовленной речи *не произнес*, еще раз иллюстрирует правильность дальнейших слов Ленина: «Однако, справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (там же).

Проект речи свидетельствует о либеральных заблуждениях Герцена, но в то же время и содержание речи и сама ее история являются еще одной яркой иллюстрацией не только к начальной, но и к заключительной части ленинской формулировки: при всех своих либеральных заблуждениях Герцен принадлежал к лагерю демократии и революции.

Задача освобождения крестьян с землей была той осью, вокруг которой вращались все революционные интересы Герцена в пятидесятых годах. «„Колокол“ (1857—1867),— писал Ленин,— встал горой за освобождение крестьян» (там же).

Напомним, к чему сводились *основные* требования программы Герцена и Огарева, опубликованные ими в обобщенном виде летом 1859 г., после многократного обсуждения крестьянского вопроса на страницах «Колокола» и «Полярной звезды»:

«1) Сохранить общинное владение землею и все общинное устройство при освобождении помещичьих крестьян <...>

2) Освобождать помещичьих крестьян с землею целыми общинами, но не отдельными лицами или семействами <...>

3) Произвести *полное освобождение разом, без всякого переходного состояния* <...>

4) Предоставить во владение общины то самое количество земли, которым она пользовалась по сие время <...>

5) Произвести освобождение одновременно и в один день по всей России <...>

6) Произвести освобождение *полное*, т. е. чтобы освобождением *прервать всякие обязательные отношения крестьян к помещику* и поставить освобожденных крестьян в те же условия, в каких находятся крестьяне государственные...» («Колокол», л. 44, от 1 июня 1859 г. — Курсив наш. — *Я. Л.*).

Либеральные и народнические историки, в частности В. И. Семевский, не замечали различия между проектом, выдвинутым Герценом, и проведенной впоследствии

в жизнь правительственной программой. Изложив герценовскую программу, В. И. Семевский резюмировал: «Вот программа по крестьянскому вопросу, выставленная „свободным органом" русской интеллигенции в конце царствования императора Николая; несколько лет позднее она сделалась и правительственною программою». Далее он добавлял: «Не было, однако, исполнено при уничтожении крепостного права одно из требований Герцена — необходимость сохранения за крестьянами всей земли, предоставленной им в пользование помещиками» (В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX веков, т. II. СПб., 1888, стр. 614—615). Этим «однако» Семевский, сам того не желая, опровергал свое предыдущее утверждение, ибо невозможно говорить о совпадении программ, если они расходятся в важнейшем вопросе — в вопросе о том, сколько крестьяне получат земли: всю ту, которой они фактически пользовались, или только часть ее?

Программа «Колокола» в такой же степени «совпадала» с правительственной программой, в какой интересы помещиков «совпадали» с интересами крестьян. Если б она была проведена в жизнь, она действительно обеспечила бы расчистку почвы от крепостничества. Программа Герцена — Огарева выражала революционно-демократические требования и, по существу, совпадала со взглядами Чернышевского и Добролюбова. Исходя из того, что земля, которой крестьяне фактически пользовались, им и принадлежит, Герцен считал необходимым, для восстановления исторической справедливости, наделить их этой землей безвозмездно, т. е. без всякого выкупа. И лишь в крайнем, наиболее неблагоприятном случае, так сказать, на худой конец, он и Огарев допускали возможность выкупа земли за счет государства.

В годы, предшествовавшие реформе, Герцен полагал, что главное для России — освободить крестьян с землею: «Будет ли это освобождение „сверху или снизу",— мы будем за него! <...> из-за средств спора мы не поднимем» (IX, 363). Какими именно средствами будет достигнуто освобождение, это, по мнению Герцена, зависело от дальнейшего хода исторического развития, от «поэтического каприза истории». Допуская возможность различных путей решения крестьянского вопроса, Герцен неизменно подчеркивал незыблемость своих принципиальных взглядов. В 1858 г., в статье «Нас упрекают», он писал: «... Мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас от ребячества до седых волос; в них у нас нет *легкомыслия*, нет *колебания*, нет *уступок*! Остальное <т. е. пути освобождения.— *Я. Л.*> нам кажется второстепенным...» (там же).

Такая точка зрения Герцена объясняется некоторыми особенностями его общественно-политических взглядов.

Герцен рассматривал самодержавие как силу, стоящую над обществом, над классами и потому могущую в какой-то исторический момент отозваться на запросы крестьянства. «Императорская власть у нас,— писал Герцен в 1862 г.,— *только власть*, то есть сила, устройство, *обзаведение*; содержания в ней нет, обязанностей на ней не лежит; она может сделаться татарским ханатом и французским комитетом общественного спасения — разве Пугачев не был императором Петром III?» (XV, 374). Эта глубоко ошибочная точка зрения объясняет либеральные ошибки Герцена в пятидесятых годах, его иллюзорные надежды на Александра II.

Освобождение крестьян понималось Герценом и Огаревым как крупный начальный шаг по пути социализма в России. Ленин писал:

«Герцен видел „социализм" в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее „права на землю". Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена <...> нет *ни грана* социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы „социализма 48-го года" на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861-ом году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея „права на землю" и „уравнительного раздела земли" есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение

помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» (В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11—12).

Герцен и Огарев с величайшим вниманием следили за ходом подготовлявшейся отмены крепостного права. Они шаг за шагом разоблачали на страницах «Колокола» все махинации правительственно-помещичьего лагеря, крепостническую сущность проектов и положений, подготовлявшихся в недрах бюрократических канцелярий и дворянских губернских комитетов, и горячо защищали интересы крестьян.

Приветствуя Александра II, заявившего о предстоящей отмене крепостного права, Герцен и Огарев, вместе с тем, подвергли резкой критике основные принципы крестьянской реформы, провозглашенные в «высочайших рескриптах». В «Колоколе» были критически рассмотрены проекты Главного комитета по крестьянскому делу от 16 мая 1858 г., административно-судебные и финансовые проекты Ростовцева, проекты положений Петербургского и Московского губернских комитетов, доклады редакционных комиссий и т. п.

Во многих случаях эта разоблачительная критика Герцена и Огарева вызывала недовольство и нападки со стороны либералов, так как позиция «Колокола» по некоторым конкретным вопросам реформы резко отличалась от позиции либералов.

18 февраля 1858 г., в статье «Через три года», написанной по поводу рескрипта царя от 20 ноября 1857 г., данного на имя виленского генерал-губернатора Назимова,— рескрипта, означавшего, что правительство приступает к крестьянской реформе,— Герцен обратился к Александру II со словами: «*Ты победил, Галилеянин!*» (IX, 126). Это обращение — апогей либеральных заблуждений Герцена. Однако и в разгар своих либеральных иллюзий Герцен со страниц «Колокола» неотступно напоминал о том, что если реформа, приемлемая для народных масс, не осуществится сверху, то массы восстанут, и «Колокол» будет приветствовать крестьянскую революцию, призывать к ней.

Идея крестьянской революции никогда не покидала Герцена. Общее направление всей русской пропаганды Герцена в конечном счете было подчинено этой великой идее. Ею были проникнуты первые издания «Вольной русской типографии». О ней говорилось на страницах «Полярной звезды». Многие статьи «Колокола», принадлежавшие перу самого Герцена и других представителей лагеря революционной демократии, содержали призыв к подготовке революции. Идея крестьянской революции разрабатывалась в конспиративных документах Огарева — Герцена как практическая задача русского революционного движения.

Герцен никогда не прекращал борьбы с помещичьим классом. В той же статье «Через три года», наряду со слащавым обращением к Александру II, мы находим сильные, бичующие строки по адресу помещиков-крепостников:

«Посмотрели бы мы, право, au grand jour* на этих защитников розог и крещеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами! Выходите же на арену, дайте же на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поумнели со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши? Знаете, что — до помещичьего права добираются, до вольности дворянской! Это мужика-то и не посечь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины, попробуйте не розгой, а пером, не в конюшне, а на белом свете высказаться.— Померяемтесь!» (IX, 127).

Питая иллюзии по отношению к Александру II, Герцен в то же время не питал никаких иллюзий относительно его министров и всего государственного аппарата царизма и показывал царских сановников на страницах «Колокола» в их истинном свете. Он писал:

«Где между *людьми*, его ⟨царя.— *Я. Л.*⟩ окружающими, какой-нибудь талант, какое-нибудь сильное убеждение, какая-нибудь резкая способность? ⟨...⟩

---

* в свете гласности (франц.).

Зачем остается Закревский в Москве? — грубый, неотесанный и (как говорят) нечистый на руку?

Что за министр Сухозанет с своим уморительным приказом, которым возвещал свое вступление в должность?

Что за министр Ланской с тупоумным циркуляром своим, направленным против государя?

А долговязый Панин, эта величайшая неспособность всей России?

А хромое министерство с Норовым и с автором „Русского бога", князем Вяземским, перешедшим на сторону „немецкого" и проповедующим инквизицию и цензуру!?» (VIII, 521—522).

По мере приближения дня опубликования манифеста Герцен все более убеждался в намерении царя провести реформу на крепостнический лад. Особенно возмутило Герцена назначение министром юстиции убежденного крепостника, реакционера Панина. Заметка об этом, помещенная в «Колоколе» в марте 1860 г., была окружена траурной рамкой, подобно некрологам:

«Невероятная новость о назначении Панина на место Ростовцева,— сказано в этой заметке,— подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян. С глубокой горестью узнали мы об этом. Но горевать недостаточно,— наше время слишком бойко. Это — вызов, это — дерзость, это — обдуманное оскорбление общественного мнения и уступка плантаторской партии. Тон царствования изменился, с ним должны измениться и все отношения ⟨...⟩

Ошибаться нечего,— длинная фигура Панина может служить шестом с шляпой, чтобы пугать, но она слишком *узка*, чтоб застить собою черты Николая второго ⟨...⟩

Что касается до нас, наша дорога ясна...» (X, 236—237).

«Мы думали, что самодержавие может еще в России совершить подвиг *освобождения крестьян с землею*⟨...⟩—писал Герцен в 1860 г. во «Введении» к сборнику статей «За пять лет».— Что же вышло? Самодержавие, никогда не задумывавшееся ни над чем, проливавшее кровь и слезы с бездушием локомотива, встречающего препятствия, застенчиво остановилось, произнеся слова *освобождение с землею*, и стало советоваться с генералами и бюрократами, с молодыми учеными и „ветхими" невежеством стариками. Этого было мало,— оно созвало каких-то нотаблей и велело им *молчать* свой совет» (X, 318). От самодержавного правительства ждать больше нечего, и сознательному меньшинству пора делать свои дела самим. С этим выводом Герцен встретил окончание подготовки реформы.

Герцен и Огарев предвидели уже, какова будет долгожданная «свобода» на самом деле. В статье «Колокола» «На новый 1861 год», написанной Огаревым, разоблачалось крепостническое существо реформы: «Как будет принято народом это освобождение? Каким бы оно ни было, — в первый день оно примется с восторгом. Не один шкалик откупного вина разольется в честь свободы... Но день пройдет, все оглянутся и увидят, что и вино поддельное, и свобода поддельная. Наступит пора страшного молчания, от которого много лиц побледнеет ⟨...⟩ Крестьяне увидят, что они такие же крепостные, как были; только их права, их собственность, их работа, все их отношения к помещику из неопределенности по отсутствию правил — перешли в неопределенность по бесчисленности правил...» («Колокол», л. 89 от 1 января 1861 г.).

1 марта 1861 г., т. е. тогда, когда Александр II уже поставил свою подпись под манифестом об освобождении крестьян, Герцен писал в заметке «Накануне»:

«Пришла великая суббота, скоро ударит колокол к заутрене... а на душе страшно и тяжело ⟨...⟩ И мы, как наши бедные крестьяне, стоим в раздумье ⟨...⟩ с непреодолимым чувством ненависти ⟨...⟩

Столько для России никогда не стояло на карте,—ни в 1612, ни в 1812 году» (XI, 37).

В последние недели перед появлением манифеста Герцен находился в напряженном, томительном ожидании. «Мы ждем, не переводя духа»,— писал он И. С. Тургеневу 1 марта 1861 г. (XI, 42); «... эти дни—не жизнь, а судорожное пережигание себя...»,— читаем мы в его письме от 7 марта Тургеневу (XI, 43). Об этом же он писал не только в письмах, но и в «Колоколе». В заметке «Духу недостало» говорилось: «Эта отсрочка, это ожидание — сверх сил человеческих» (XI, 46).

16 февраля в письме к М. К. Рейхель Герцен сообщал: «Указ об освобожд⟨ении⟩ будет 3 марта» (XI, 34). «Ты, вероятно, знаешь,— писал он 24 февраля сыну,— что 4 марта провозглашается *освобождение с землей* (доля земли неизвестна). Это, наверное, с освобождением Италии — важнейшие события в последние двадцать пять лет. Старайся прочесть как можно скорее. „Nord“ пишет, что в Петербурге везде толпится народ — в кабаках, в церквах, банях, на торгу, в театре,— все говорит об освобождении» (XI, 35).

ЧТЕНИЕ МАНИФЕСТА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН, ОБНАРОДОВАННОГО 5 МАРТА 1861 г.

Акварель неизвестного художника, 1861 г.

Исторический музей, Москва

Герцен принимал все меры, чтобы возможно скорее получить подробные известия о готовящейся реформе. По его просьбе, граф Кушелев телеграфировал в Петербург; ответ был: «Говорят, 3-го марта». «Вообще, Тургенев, ты уж теперь нас не забывай,— читаем мы в письме Герцена к И. С. Тургеневу от 7 марта 1861 г.,— и как что — пиши, а если очень важно, то и в телеграф сыграй» (XI, 43).

Герцен полагался на осведомленность Тургенева. Но информация Тургенева, жившего тогда в Париже, далеко не всегда была точной и вместе с тем не могла, в известной мере, не отражать его собственной политической позиции умеренного либерала.

В письме от 13 февраля Тургенев писал Герцену:

«Имею также сообщить тебе *самым достоверным образом*, что указ об эмансипации выйдет *скоро*; никаким другим слухам не верь; главные противники указа, кто бы ты

думал (не говорю о Гагарине, это само собою разумеется)? Муравьев, *Княжевич* и князь *А. М. Горчаков*!!» Далее (в письме от 9 марта) читаем:

«Буду сообщать тебе все новости неофициальные, но верные <...>

Из Петербурга попрежнему обещание (кажется, несомненное) объявить свободу 6/18 марта. Но обрезание надела едва ли понравится крестьянам, особенно в хлебопашных губерниях. Хорошо то, что глупейшего *переходного* времени не будет» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 137).

Введенный в заблуждение кем-то из своих петербургских знакомых, Тургенев *этой ложной информацией ввел в заблуждение* и Герцена, *питая тем самым его еще не* изжитые до конца либеральные иллюзии. Так, в следующем письме (дата не установлена) говорилось: «Вчера получены здесь письма от разных официальных лиц (Головнина и пр.) об окончании крестьянского вопроса. *Главные основания* редакционной комиссии приняты; переходное время будет продолжаться два года (а не 9 и не 6). Надел остается весь, с правом выкупа... Мне обещали доставить сегодня один уже *отпечатанный* экземпляр Положения, который прислали из Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебе.

Манифест (написанный Филаретом) выйдет в то *воскресенье*, т. е. через девять дней. Государю приходилось по иным пунктам быть в меньшинстве 9 человек против 27. Самыми либеральными людьми в этом деле оказались Кон<стантин> Ник<олаевич>, Блудов, Ланской, Бахтин и Чевкин» (там же, стр. 140).

На основании этого письма, буквально повторив некоторые его фразы, Герцен составил заметку, помещенную в л. 94 «Колокола»: «15 марта. Последние новости». Приведем текст этой заметки полностью для сопоставления с письмом Тургенева:

«Главные основания Редакционной комиссии приняты. Переходное время будет продолжаться *два года* (а не девять и не шесть). *Надел остается весь*, с правом выкупа. Манифест выйдет 12/24 марта. Государь до конца отстаивал крестьян с величайшей твердостью против рассвирепевших крепостников. Со стороны освобождения были: *Константин Николаевич, Блудов, Ланской, Бахтин и Чевкин*» (XI, 52).

В ответ на приведенное выше письмо Тургенева Герцен просил прислать полный текст «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: «Не сокращение, а копию или оригинал надобно; как можно скорее найми писца, заплати ему ценою злата и платины. Бога ради, достань» (XI, 53).

После опубликования манифеста Тургенев писал Герцену: «До сих пор телеграммы (печатные и частные) единогласно говорят о совершенной тишине, с которой принят манифест во всей России. Что-то будет дальше? Сам манифест явным образом написан был по-французски и переведен на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем. Вот фразы вроде: «Благодеятельно устроят» ... «Добрые патриархальные условия», — которых ни один русский мужик не поймет. Но самое дело он раскусит, и дело это устроено, по мере возможности, порядочно» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», цит. изд., стр. 138—139).

Разумеется, Герцен отнюдь не считал, подобно либералам, что реформа проведена «порядочно».

В л. 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г. появилась передовая под заголовком «Манифест», за подписью «И<сканде>р». В первом же абзаце статьи было выражено сомнение в том, окажется ли успешной объявленная реформа, ибо «все делается так шатко, так половинно и тяжело» (XI, 59). В этой статье, так же как и в проекте речи, манифест трактовался только как *начало* освобождения крестьян, и вывод делался такой: «Не отдых, не воля ждет народ, а новый страшный искус» (там же).

Но Герцен и здесь отдавал большую дань либеральным иллюзиям, приветствуя Александра II именем «освободителя». В значительной степени это объяснялось тем, что до Лондона еще не дошли приложенные к манифесту «Положения» (в числе 17), и подлинное социальное содержание крестьянской реформы, определявшееся этими «Положениями», не было еще вполне ясно Герцену.

Узнав из английских газет, что манифест, наконец, подписан царем, Герцен решил у себя в доме устроить в честь этого события торжество.

«У нас будет праздник,— сообщал он 21 марта в письмо к сыну ⟨...⟩—Обед для всех работников типографии и вечер для всех неработающих, т. е. раут ⟨...⟩ День не назначен, потому что мы ждем подробности постановлений для того, чтобы знать, стоит ли Алекс⟨андр⟩ II, чтоб я предложил его тост» (XI, 55—56).

В следующем письме к сыну (март 1861 г.) Герцен возвратился к той же теме: «Я пишу тебе, чтоб сказать, что наш праздник может быть отложен до 5 апреля, но не дальше» (XI, 56).

25 марта Герцен писал С. Тхоржевскому: «Манифест получен. Он не дурен, а потому наш праздник назначается *5 апреля...*» (XI, 57).

Наконец, 28 марта Герцен извещал И. С. Тургенева: «У нас 5 или 8 в Orsett House праздник-монстр эмансипационный. Приглашаются все русские, кто бы ни были. Обед с тостом, коего речь пришлется на галльском языке»* (XI, 58).

Обед состоялся не 5-го, не 8-го, а только 10 апреля. Об обеде было извещено в л. 95 «Колокола» в следующей заметке под заголовком «Освобождение крестьян»: «Вольная русская типография в Лондоне и издатели „Колокола" празднуют вечером 10 апреля начало освобождения крестьян в Orsett House, Wesbourne terrace. *Каждый русский*, какой бы партии он ни был, сочувствующий великому делу, будет принят братски» (XI, 65).

Текст речи, которую Герцен собирался произнести на празднике, датирован 24 марта. Следовательно, написан он был под первым непосредственным впечатлением от знакомства с манифестом, полученным в Лондоне не раньше 22 марта и не позже 24-го (а не 25 марта, как указывал Лемке в «Летописи жизни Герцена» — XXII, 312). В письме к сыну от 21 марта, касаясь крестьянской реформы и сообщая подробно о готовящемся празднике, Герцен еще не упоминает о манифесте, что он, конечно, не преминул бы сделать, если бы манифест уже был получен.

В проекте речи Герцен дает лишь самую общую оценку манифеста 19 февраля. Характерно, что, работая над проектом, Герцен зачеркнул слова «о величайшем событии в нашей жизни» и выделил курсивом слова «*начало освобождения крестьян*». Реформа 19 февраля отнюдь не завершала, в представлении Герцена, борьбу за освобождение крестьян; в то время как либералы видели в реформе «свободу» — в глазах Герцена она была лишь «робким», «усеченным» началом освобождения.

«Манифест 19 февраля — подорожная; дорога еще вся впереди, а почта в руках свирепейших татарских ямщиков и немецких берейторов,— писал Герцен в проекте речи. — Они сделают все, чтоб опрокинуть или увязить повозку. А обличить их козни в России нельзя. Слово отстало — оно у нас попрежнему *крепко* цензуре — оттого-то печатание за границей и необходимо...». И дальше он писал о предстоящей борьбе с самодержавием, с царскими сатрапами и чиновниками: «Мы выведем их на лобное место, мы привяжем их, в их собственной грязи, к позорному столбу — всех этих Муравьевых-вешателей, князей-подьячих, как Гагарин, и сиятельных жандармов, как Долгорукий; этих бездушных стяжателей и казнокрадов, крамольников во имя рабства, рыцарей розги...».

Текст заготовленной речи кончался призывом к дальнейшей революционной борьбе: «Наш труд теперь только порядком начинается. А потому, друзья, к нашим станкам! На нашу службу русскому народу и человеческой вольности...». После речи Герцен намеревался провозгласить два тоста: «За здоровье наших освобожденных братий и в честь Александра Николаевича» и «Второй тост за народ польский, за его свободу и равенство, за полную независимость Польши от России и за дружеское соединение русских с поляками».

Таким образом, проект речи весьма противоречив: в нем нашли выражение и сильные и слабые стороны мировоззрения Герцена той поры.

Оценивая реформу 19 февраля с позиции революционной демократии, Герцен видел в ней только робкое, изуродованное крепостниками начало освобождения крестьян с землей. Но в этом же документе Герцен отдал большую дань либеральным заблужде-

* Повидимому, Герцен намеревался послать И. С. Тургеневу, для опубликования в парижской печати, французский перевод своей речи.

ниям: он готов был предложить тост в честь Александра II — «освободителя» и противопоставлял царя помещичье-правительственной верхушке Российской империи.

Текст речи публикуется по черновому автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 2).

Друзья и товарищи!

Сегодня мы оставили наш станок вольного русского слова—для того, чтоб братски отпраздновать * *начало освобождения крестьян* в России. Что для нас значит это освобождение — вы знаете **. В освобождении крестьян *с землею* лежит вся будущность Руси — не самодержавной, не помещичьей, не завоевательной, не московско ***-татарской, не петербургско-немецкой, а Руси народной, общинной — свободной!

Первое слово нашей типографии было слово о *Юрьеве дне.*

Первая книжка, вышедшая из нее, была о *Крещеной собственности.*

«Полярная звезда» и «Колокол» поставили своим девизом: *освобождение крестьян и слова!*

И вот начало его возвещено **** — робко, с усечениями — *но возвещено!*

Сильно переменились события с тех пор как мы печатали первые листы ***** в 1853. Все вокруг было мрачно и безнадежно. Тяжелая оргия реакции дошла до последней степени — приходилось сложить руки — а мы начали какую-то странную работу, засевая****** на каменистом мусоре чужих развалин зерна, назначенные для дальней *******, отрезанной от нас родины. На что мы надеялись? Не знаю, а скажу лично о себе — оттого ли, что я не был тогда в России и не испытывал прямого прикосновения произвола, от другого ли, *но я верил в Россию — тогда, когда все сомневались в ней!* ********

С тех пор много воды утекло.

Обращаюсь к ********* свидетелям наших начинаний ********** и спрашиваю вас, что бы вы подумали о человеке, который в 1853 году сказал бы, что мы через восемь лет соберемся *********** на дружеский пир и что героем этого пира будет русский царь! Вы подумали бы, что он сумасшедший или хуже... Я с своей стороны откровенно признаюсь, что мне этого никогда не приходило в голову ************.

По счастью, господа, в этом никто из нас не виноват — в этом виноват исключительно один человек, то есть он сам.

За то, что я отдал ему справедливость, меня будут бранить революционные схимники и ригористы — меня за многие слова бранили. Но если я говорил свое мнение, когда за это сажали в тюрьму и посылали в Вятку, если я не боялся ************ раздражить надменный аристократизм

---

* *Далее зачеркнуто:* величайшее событие в нашей жизни.

** *Далее зачеркнуто:* Это была наша мечта с детских лет, в этом вопросе все, что мы любили, все, что мы ненавидели

*** *Далее зачеркнуто:* византийской и

**** *Далее зачеркнуто:* не прямо

***** *Далее зачеркнуто:* в которых излагали нашу дальнюю надежду. Это было

****** *Далее зачеркнуто:* слабые зерна

******* *Далее зачеркнуто:* запертой

******** *Далее зачеркнуто:* Вы видите, что иной раз вера бывает не всуе

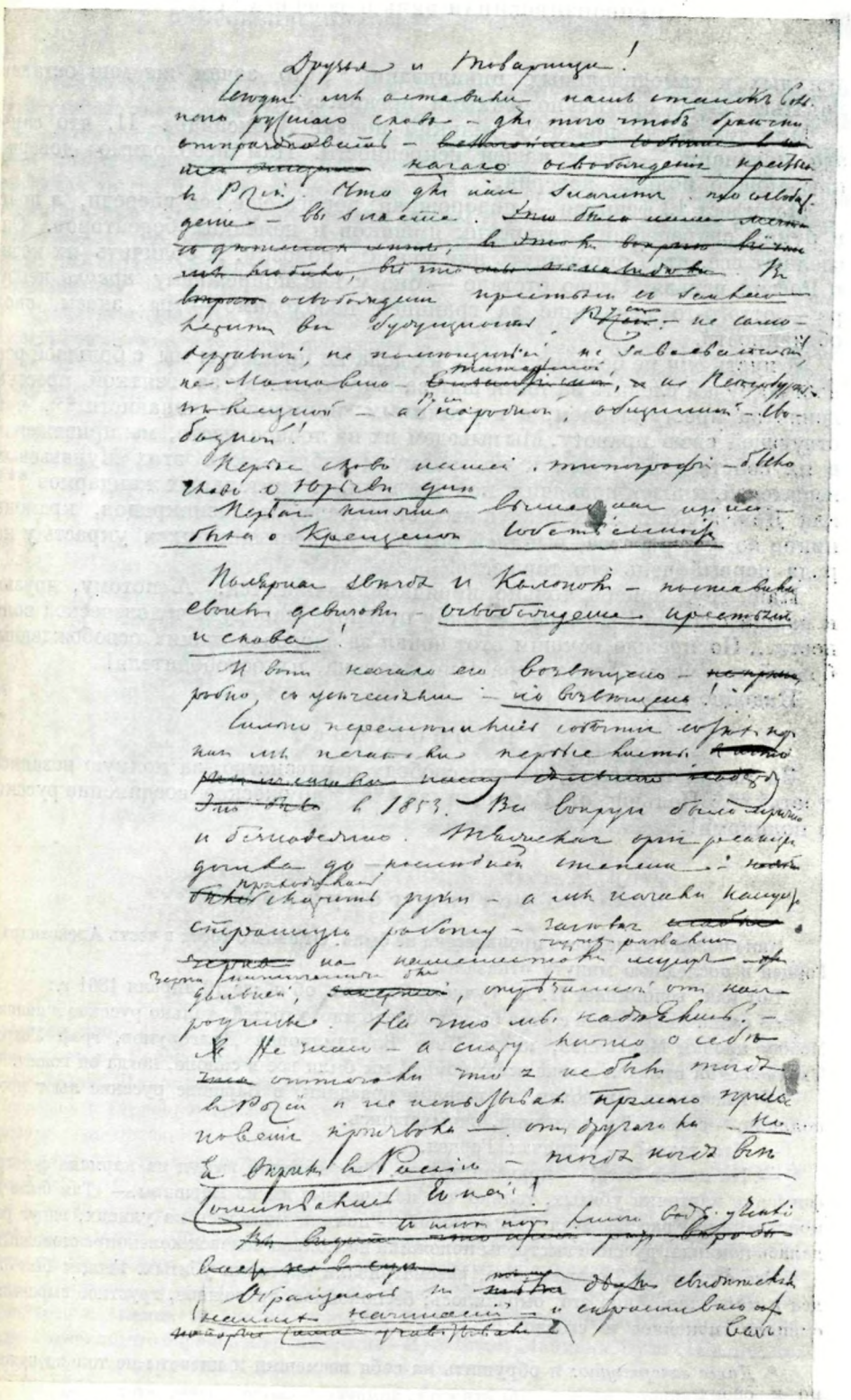
********* *Ранее было:* тем двум свидетелям, которые сами участвовали в

********** *В другом черновом, перечеркнутом варианте это место читается так:* Обращаясь к вам, Чернецкий, и к вам, Тхоржевский, как к двум свидетелям и участникам начала русской типографии

*********** *Далее зачеркнуто:* в Лондоне

************ *Далее зачеркнуто:* по крайней мере, до рескрипта 20 ноября 1857.

************* *Далее зачеркнуто:* правдой



АВТОГРАФ ТЕКСТА НЕПРОИЗНЕСЕННОЙ РЕЧИ ГЕРЦЕНА О 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

Лист 1

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

дряхлых и самодовольных цивилизаций *, то зачем же мне останавливаться перед противуположными предрассудками?

Мне тем легче признать великий подвиг Александра II, что самое это признание — залог нашей искренности. Нам необходимо доверие, как можно больше доверия.

Манифест 19 февраля — подорожная; дорога еще вся впереди, а почта в руках свирепейших татарских ямщиков и немецких берейторов. Они сделают все, чтоб опрокинуть или увязить повозку. А обличить их козни в России нельзя. Слово отстало — оно у нас попрежнему *крепко* цензуре — оттого-то печатание за границей необходимо — мы знаем свою обязанность.

И пусть *они* не беспокоятся — их дела не пропадут: мы с большой ревностью будем следить за ними шаг за шагом, взятку за взяткой, преступление за преступлением, с неутомимым вниманием ненависти **, чувствующей свою правоту. Мы выведем их на лобное место, мы привяжем их в их собственной грязи к позорному столбу — всех этих Муравьевых-вешателей, князей подьячих, как Гагарин, и сиятельных жандармов ***, как Долгорукий; этих бездушных стяжателей и казнокрадов, крамольников во имя рабства, рыцарей розги — не постыдившихся украсть у народа первый день его торжеств!

Наш труд теперь только порядком начинается. А потому, друзья, к нашим станкам! На нашу службу русскому народу и человеческой вольности... Но прежде осушим этот бокал за здоровье наших освобожденных братий и в честь Александра Николаевича, их освободителя!

Надобно 〈?〉 ура

Второй тост

За народ польский, за его свободу и равенство, за полную независимость**** Польши от России и за ***** дружеское соединение русских с поляками!

Тост за государя

Как сказано выше, речь произнесена не была. От своего тоста в честь Александра II Герцен в последнюю минуту отказался.

Вот как вспоминает Н. А. Тучкова-Огарева об обеде 10 апреля 1861 г.:

«В назначенный день с утра было не очень много гостей, только русские и поляки. Между прочим Мартьянов, князь Петр Владимирович Долгоруков, граф Уваров; Тхоржевский приехал позже всех; помню, мы были все в салоне, когда он вошел.

— Александр Иванович, не веселый праздник, в Варшаве русские льют кровь поляков,— сказал Тхоржевский, запыхавшись.

— Что такое? — вскричал Герцен.

— Не может быть! — кричали другие. Тхоржевский вынул из кармана фотографические карточки убитых, только что полученные им из Варшавы.— «Там были демонстрации,— рассказывал Тхоржевский,— поляки молились на улицах, вдруг раздалась команда, русские выстрелы положили несколько человек коленопреклоненных».

Все окружили Тхоржевского, рассматривали карточки убитых. Герцен был бледен и молчалив. Лицо его омрачилось; беспокойное, тревожное, грустное выражение сменило спокойное и светлое.

---

* *Далее зачеркнуто:* и обрушить на себя насмешки и клеветы не только чужих, но и своих

** *Далее зачеркнуто:* оправданной совестью

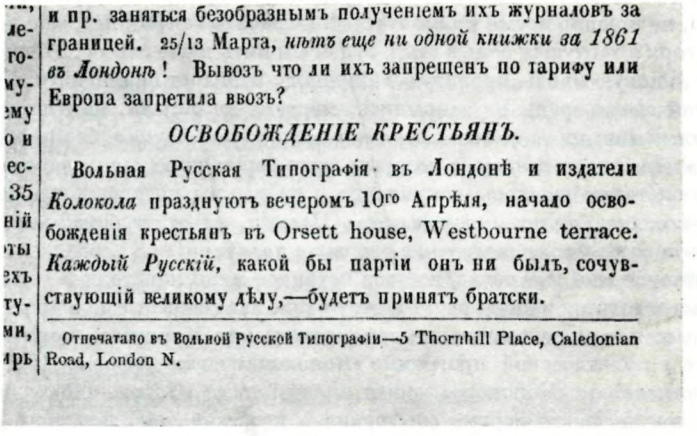
*** *Далее зачеркнуто:* со всей олигархической шайкой

**** *Далее зачеркнуто:* за его равенство, за его свободу от петербургского деспотизма и шляхетской аристократии — за отделение Польши

***** *Далее зачеркнуто:* братское

Жюль доложил, что обед подан. Все спустились в столовую, на всех лицах заметно было тяжелое настроение. Обед прошел тихо. Когда подали шампанское, Герцен встал с бокалом в руке и провозгласил тост за Россию, за ее преуспевание, за ее благоденствие, совершенствованье и проч. Все встали с бокалами в руках, горячо отвечали, провозглашая другие тосты, и чокались горячо. У всех сердце усиленно билось... Герцен сказал краткую речь, из которой помню начало: «Господа, наш праздник омрачен неожиданной вестью, кровь льется в Варшаве, славянская кровь, и льют ее братья-славяне!». Все стихло, все молча уселись на свои места» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 301—302).

Существует еще одно воспоминание другого участника обеда 10 апреля 1861 г.— Агапия Гончаренко, в то время наборщика Вольной русской типографии, содержащее некоторые неизвестные ценные детали (см. о Гончаренко в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 588).



и пр. заняться безобразнымъ полученіемъ ихъ журналовъ за границей. 25/13 Марта, *нѣтъ еще ни одной книжки за 1861 въ Лондонѣ*! Вывозъ что ли ихъ запрещенъ по тарифу или Европа запретила ввозъ?

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Вольная Русская Типографія въ Лондонѣ и издатели *Колокола* празднуютъ вечеромъ 10го Апрѣля, начало освобожденія крестьянъ въ Orsett house, Westbourne terrace. *Каждый Русскій*, какой бы партіи онъ ни былъ, сочувствующій великому дѣлу,—будетъ принятъ братски.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ «НАЧАЛА ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН», ОРГАНИЗОВАННЫЙ ГЕРЦЕНОМ

«Колокол», л. 95 от 1 апреля 1861 г.

«9 апреля я получил от Александра Ивановича письмо, где он приглашал меня на праздник освобождения (передал его Михаилу Павлычу, издателю ⟨газеты⟩ „Народ", оно хранится в Львовском музее). На следующий день я оделся в бархатную куртку... Князь Юрий Николаевич Голицын гремел на балконе свою пьесу „освобождения". Я подошел к Герцену и сказал: „Ах! Александр Иванович,—уж эта резня в Варшаве испортит наш праздник" ⟨...⟩

10 апреля, утром, газетные мальчики кричали на улицах Лондона: „Slaughter in Warshaw!" *

В 3 часа пополудни я вскочил из омнибуса в нашу „Вольную русскую типографию", чтобы в компании с другими ехать к Герцену, где застал Станислава Тхоржевского, Людвига Чернецкого, Восания Динго ⟨?⟩ и других поляков в горячей размолвке о вчерашней резне. В связках лежали на столе отпечатанные речи Герцена, по 25 экземпляров в связке, по-русски, польски, английски и французски, для раздачи на балу. Говорили, что европейские либералы—Луи Блан, Маццини, Оуэн ⟨!⟩ и другие будут пить тост за царя-освободителя.

В этом горячем разговоре мы порешили: бросить брошюры в горящий очаг. Что и было причиной уныния Герцена на балу. И не пили тост... Хотя в толпе при синем свете пуншевого огня Герцен старался быть веселым, Наташа, дочь его, выдала отца,

* «Резня в Варшаве!» (англ.).

крикнув ему: „Папа! Ты так грустен!“» (М. В и л ь ч у р. Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918, изд. «Первого русского издательства в Америке», стр. 13—14).

Утверждение Гончаренко о том, что речь Герцена была предварительно отпечатана, вполне правдоподобно, хотя в нашем распоряжении нет никаких других свидетельств, подтверждающих это. Вместе с тем следует учитывать, что цитированные строки из письма Гончаренко написаны их автором в 1915 г., т. е. через много лет после описываемого события, и требуют критического к себе отношения.

Упоминаемое письмо Герцена к Гончаренко, переданное в Львовский музей, осталось нам неизвестным.

В ближайшем же листе «Колокола» (л. 96) была помещена статья Герцена «10 апреля 1861 года и убийства в Варшаве». Статья исчерпывающе объясняет, почему подготовленная и заранее написанная речь осталась непроизнесенной:

«Праздник наш был мрачен. Я не знаю дня, в который бы разорванность давила беспощаднее и тяжелее, где бы плошки ‹для иллюминации› были так близки к слезам... Нет, русский не должен забываться: не пришло еще время нам торжествовать светло и беззаботно, не пришло время прямо и гордо подымать взгляд; нет, еще не от избытка радости, а с горя и заглушая боль и стыд, будем мы пить наше вино ‹...› рука наша опустилась: через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти. Преступленье было слишком свежо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губах наших. Выпивши *за освобожденного русского крестьянина*, без речей, без шума, с тем печальным благоговением, с которым люди берут иную чашу, иного воспоминания, в котором также смешаны искупление и казнь, мы предложили один тост:

«За полную, безусловную независимость Польши, за ее освобождение от России и от Германии и за братское соединение русских с поляками!» (XI, 68).

Самодержавие еще раз показало свое истинное лицо карателя и угнетателя. Герцен не произнес заготовленную речь, и этот отказ знаменовал еще шаг на пути утверждения Герцена на тех революционно-демократических позициях, которые так четко обозначились в политической программе «Колокола» после реформы 1861 г.

Когда до издателя «Колокола» дошел полный текст «Положений» с местными его вариантами, когда дошли первые сообщения о крестьянском движении, развернувшемся в ответ на реформу, в «Колоколе» (л. 101 от 15 июня 1861 г.) набатом прозвучал протест против грабительской сущности реформы. В статье Огарева под разоблачающим названием «Разбор нового крепостного права, обнародованного 19 февраля 1861 года в „Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости“», кратко и выразительно определялся характер реформы: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено. Народ царем обманут!*» («Колокол», л. 101).

В последующих листах «Колокола» продолжалось подробное разоблачение социальной сущности реформы 19 февраля. В л. 105 от 15 августа 1861 г., в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», Герцен обращается к русскому крестьянству с теми словами, которые впоследствии цитировал Ленин в знаменитой статье «Памяти Герцена»: «Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними и они его. Его ты видишь теперь — ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги» (XI, 194).

Эти гневные слова Герцена — одно из ярких доказательств решительного поворота в развитии его революционно-демократических взглядов, — поворота, происшедшего тогда, когда он, по определению Ленина, увидел революционный народ в России и «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 14).

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ «LE TEMPS» и «DAILY NEWS»

Публикация Л. Р. Ланского

19 мая 1864 г. в Петербурге, на Мытнинской площади, состоялось публичное объявление приговора Н. Г. Чернышевскому и обряд «гражданской казни», которому самодержавие подвергло великого русского революционера. Подробности «казни» были вскоре сообщены Герцену. В постскриптуме к своей статье «Н. Г. Чернышевский», помещенной в л. 186 «Колокола» от 3/15 июня 1864 г., Герцен процитировал следующие строки из письма очевидца: «Чернышевский сильно изменился; бледное лицо его опухло и носит следы скорбута. Его поставили на колени, переломили шпагу *и выставили на четверть часа у позорного столба*. Какая-то девица бросила в карету Чернышевского венок; ее арестовали. Известный литератор П. Якушкин крикнул ему: „Прощай!“ — и был арестован. Ссылая Михайлова и Обручева, *они* делали выставку в 4 часа утра, теперь — белым днем!..».

«Поздравляем всех различных Катковых,— восклицал Герцен, комментируя эти строки,— над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе? Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия, на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье и, если возможно,— месть!». И, обращаясь к русским художникам, Герцен советовал им запечатлеть на полотне обряд гражданской казни Чернышевского. «Этот обличительный холст,— писал Герцен, — будет образ для будущих поколений и закрепит шельмование тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников, делая его товарищем креста» (XVII, 261).

Желая сделать известными западноевропейской общественности подробности совершенного над Чернышевским преступления, Герцен напечатал в распространенных газетах — лондонской и парижской — два открытых письма; с гневом и возмущением описывал он в них расправу над «знаменитым русским публицистом, руководителем „Современника“, самым крупным литературным талантом нынешней России». Первое из этих писем, датируемое 12 июня, адресовано, повидимому, Ш.-Э. Хоецкому. Оно появилось в парижской газете «Le Temps» 16 июня 1864 г., в сопровождении следующих слов от редакции: «Нам сообщают нижеследующее письмо главного редактора „Колокола“...». Второе письмо, датированное 13 июня, обращено к издателю лондонской либеральной газеты «Daily News» и появилось там на следующий день. Парижская ежедневная газета «Le Siècle», повидимому в соответствии с желанием Герцена, перепечатала это письмо 16 июня под заголовком «La liberté en Russie».

22 июня 1864 г. ученик Чернышевского Николай Утин, под впечатлением прочитанных им в западноевропейской печати писем Герцена, писал Огареву: «Хочется сказать юношеское спасибо Александру Иванычу за его статью в „Daily News“, „Siècle“, „Temps“ etc» («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 658).

Эти строки из письма Утина и позволили нам обнаружить публикуемые ниже и оставшиеся до сих пор неизвестными открытые письма Герцена. Автографы их остаются неразысканными, и письма публикуются по тексту «Le Temps» и «Le Siècle».

1

Bournemouth (Angleterre). 12 juin ⟨1864⟩

Mon cher ami,

Nous avons devant nous une lettre de Saint-Pétersbourg, qui raconte des détails odieux de la peine infligée au célèbre publiciste russe, le directeur du «Contemporain», le plus grand talent littéraire du jour en Russie, N. Tchernischewsky. Il me semble que ces infâmes procédés de l'absolutisme russe doivent être connus en Europe.

N. Tchernischewsky a été arrêté il y a près de deux ans, il les a passés en prison cellulaire; après une enquête inquisitoriale et secrète, il fut jugé par le Sénat. Le gouvernement n'a rien publié sur le fond du procès, et cela par une bonne raison: il n'y avait rien à charge que des opinions émises dans des articles *censurés*, que l'influence de Tchernischewsky sur les jeunes gens et la *prétendue* participation à une publication clandestine. On voulait se défaire d'un antagoniste habile, ardent, on l'a condamné *à huit*[1] *ans de travaux forcés en Sibérie et a une déportation perpétuelle.*

Ce n'est pas tout. Le 19/31 mai, au milieu du jour, Tchernischwsky a été conduit sur une place publique à Pétersbourg. On lui lut la sentence, on le força de se mettre à genoux, on brisa son épée sur sa tête, on le dégrada, et après tout cela *on l'attacha à un pilori*, et on le laissa contempler par la foule. Une jeune demoiselle[2] lui jeta des fleurs, elle fut arrêtée. Un littérateur très connu, P. Yakouschkine, lui cria: «Adieu, ami!» — il est en prison. Il semble qu'en bon fils, l'empereur Alexandre II veuille réhabiliter la mémoire de son père. Je ne connais rien de plus odieux pendant les trente années du règne de Nicolas. Alexandre H e r z e n

Перевод:

Борнемут (Англия) 12 июня ⟨1864 г.⟩

Дорогой друг,

Пред нами письмо из Санкт-Петербурга, сообщающее гнусные подробности о наказании, которому был подвергнут знаменитый русский публицист, руководитель «Современника», самый крупный литературный талант нынешней России, Н. Чернышевский. Мне кажется, что эти позорные действия русского самодержавия должны стать известными Европе.

Н. Чернышевский был арестован около двух лет тому назад, он провел эти годы в одиночном заключении. После инквизиторского и тайного следствия он был судим сенатом. Правительство ничего не сообщило о существе дела, и по понятной причине: ему нечего было поставить в вину, разве только мнения, высказанные в статьях, *прошедших через цензуру*, разве только влияние Чернышевского на молодых людей и *мнимое* участие в одном подпольном издании. Пожелали избавиться от искусного, страстного противника; его осудили *на восемь*[1] *лет каторжных работ в Сибири и на вечное поселение.*

Это еще не все. 19/31 мая, среди бела дня, Чернышевский был выведен на одну из петербургских площадей. Ему прочли приговор, заставили стать на колени, над его головой сломали шпагу, его разжаловали, затем *привязали к позорному столбу* и выставили на обозрение толпе. Молодая девушка[2] бросила ему цветы,— ее арестовали. Один широко известный литератор, П. Якушкин, крикнул ему: «Прощай, друг!» — и очутился в тюрьме. Повидимому, император Александр II в качестве доброго сына хочет реабилитировать память своего отца. Я не знаю ничего более гнусного за тридцать лет николаевского царствования. Александр Г е р ц е н

---

[1] Чернышевский, как известно, был осужден на семь лет каторжных работ.

[2] *Молодая девушка* — М. П. Михаэлис, свояченица Н. В. Шелгунова.

2

Monsieur, j'ai sous les yeux une lettre de Saint-Pétersbourg contenant de bien tristes détails sur la condamnation du célèbre écrivain N. Tchernischewsky, directeur du «Contemporain», et l'un des hommes de lettres les plus distingués qu'ait aujourd'hui la Russie. M. Tchernischewsky a été arrêté il y a près de deux ans et a été tenu depuis lors en prison; après une enquête secrète il a été jugé par le Sénat sans avoir pu présenter aucune défense. Le gouvernement n'a rien publié concernant la cause du procès, et cela pour une très bonne raison: il n'y avait rien à alléguer contre l'accusé, si ce n'est des opinions émises dans des articles censurés, l'influence de Tchernischewsky sur la jeunesse et sa prétendue participation à une publication clandestine. On voulait surtout se débarrasser d'un adversaire habile et ardent et il a en conséquence été condamné *à sept ans de travail forcé en Sibérie et à la transportation pour toute sa vie.* Ce n'est pas tout.

Le 31 mai Tchernischewsky a été conduit au milieu du jour sur une place publique de Saint-Pétersbourg. Sa sentance lui a été lue; on l'a forcé de se mettre à genoux, son épée lui a été cassée au-dessus de sa tête, et il a été attaché au pilori. Une jeune fille lui a jeté quelques fleurs; elle a été arrêtée. Un homme de lettres bien connu a crié: «Adieu, mon ami!» — et il est en prison. Comme un digne fils, l'empereur Alexandre fait revivre la mémoire de son père. Pourquoi l'Allemagne, qui met tant d'ardeur à revendiquer tout ce qui appartient au Holstein, ne demande-t-elle pas l'extradition de cette famille fatale, le malheur de la Russie?

En vous priant d'insérer ces lignes dans votre excellent journal, je suis, etc... — Al. Herzen

Helmfield House. Teddington. — 13 juin 1864.

Перевод:

Милостивый государь, у меня перед глазами письмо из Санкт-Петербурга, содержащее самые печальные подробности о приговоре знаменитому писателю Н. Чернышевскому, руководителю «Современника» и одному из замечательнейших литераторов нынешней России. Г-н Чернышевский был арестован около двух лет тому назад и с тех пор содержался в тюрьме; после тайного следствия он был судим сенатом, лишенный всякой возможности защищать себя. Правительство ничего не сообщило о процессе, и по вполне понятной причине: ему нечего было выдвинуть против обвиняемого, разве только мнения, высказанные им в статьях, прошедших через цензуру, разве только влияние Чернышевского на молодежь и его мнимое участие в одном подпольном издании. Главным желанием было избавиться от искусного и страстного противника, и в результате он был осужден *на семь лет каторжных работ в Сибири и на пожизненную ссылку.* Это еще не все.

31 мая Чернышевский был выведен среди бела дня на петербургскую площадь. Был прочтен приговор; его заставили стать на колени, переломили над головой шпагу и привязали к позорному столбу. Какая-то девушка бросила ему несколько цветков; ее арестовали. Один известный литератор крикнул: «Прощай, мой друг!» — и вот он в тюрьме. Император Александр, как достойный сын, воскрешает память своего отца. Почему Германия, вносящая столько страстности в требование вернуть ей то, что принадлежит Голштинии, не просит о выдаче этого рокового семейства, составляющего несчастье России?

Обращаясь с просьбой поместить эти строки в вашей превосходной газете, остаюсь и пр. ... — Ал. Герцен

Helmfield House. Теддингтон. 13 июня 1864 г.

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОЙ»

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «LE SIÈCLE»

Публикация С. А. Макашина

В герценовской переписке за август — октябрь 1869 г. не раз упоминается «дело Оболенской». Видно, что Герцен живо им интересовался, придавал ему большое значение. Однако до сих пор мы не знали, что «делу Оболенской», наделавшему в свое время много шуму в русской эмиграции, Герцен не только посвятил газетную статью, печатаемую ниже, но и пытался создать вокруг этого дела широкую общеевропейскую кампанию демократического протеста.

Содержание этого необычного «дела» связано с биографией бывшего московского губернатора, а потом сенатора генерал-лейтенанта князя А. В. Оболенского — человека, пользовавшегося неограниченным доверием и личной дружбой Александра II. Жена князя, урожденная Сумарокова, жила с тремя дочерьми отдельно от мужа в Италии и Швейцарии. Здесь она подружилась с Бакуниным и через него вошла в эмигрантскую среду. Когда в 1866 г. «княгиня-нигилистка» захотела познакомиться с Герценом и Огаревым, Бакунин дал ей рекомендательное письмо, в котором писал: «Она принадлежит к редкому числу тех женщин в России, которые не только сердцем и умом, но также и волею, а когда нужно и делом, сочувствуют нам» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 169). А через три года русский посланник в Швейцарии Н. К. Гирс доносил о ней в Петербург: «...подпав под пагубное влияние политических эмигрантов вреднейшего толка, эта дама, в конце концов, порвала узы, связывавшие ее с семьей и родиной» (см. ниже примеч. 1). Отказ Оболенской вернуться в Россию привел ее мужа в состояние крайнего ожесточения. В июле 1869 г. он вместе с братом приехал в Швейцарию. Заручившись, с помощью Гирса, содействием местных властей, Оболенский силой отобрал у своей бывшей жены двух младших дочерей и увез их в Россию. Через две недели Оболенский вновь появился в Швейцарии. Он искал скрывшуюся от него вместе с матерью старшую дочь Екатерину (позднее ставшую женой С. П. Боткина). Предводительствуя группой швейцарских жандармов, предоставленных в его распоряжение по указанию самого президента Вельте, Оболенский отправился в поход по квартирам русских, а также польских эмигрантов, производя обыски и аресты, сопровождавшиеся иногда и рукоприкладством. Ближайшие друзья Оболенской — Мрачковский, Утин, Щербаков, а также другие эмигранты, ставшие жертвами этого неслыханного произвола, пытались протестовать и сопротивляться. Но, говоря словами Салтыкова-Щедрина, они «не столько сражались, сколько были сражаемы». Утин, например, был сброшен с площадки железнодорожного вагона на рельсы, в результате чего получил ранения, Щербакова избили, Мрачковский был оскорблен подозрением в уголовном преступлении, на Трусова при обыске в его типографии навели пистолет, в квартире Жуковского выломали дверь. Многие из эмигрантов побывали под арестом и в тюрьмах. Над некоторыми нависла угроза высылки из Швейцарии, о чем неофициально ходатайствовал перед президентом Федерального совета посланник Гирс (цитированное выше донесение из Берна от 5/17 июля 1869 г.). Оболенская и ее дочь еще долгое время вынуждены были скрываться.

Первый известный нам отклик Герцена на «дело Оболенской», в письме к сыну от 24 августа 1869 г., носил несколько иронический оттенок. Информация начиналась словами: «...вот роман à la Radcliff и характеристика швейцарских властей...» (XXI, 428). Герцен имел некоторое основание вспомнить, в связи с разыгравшимися событиями, имя знаменитой создательницы «романа ужасов и тайн». В «пражской коллекции» сохранилась обширная записка на французском языке, написанная, вероятно, Эдуардом Бонгаром (Bongard), тоже жертвой «дела», приятелем Мрачковского и самой Оболенской. Он же является автором статьи о «деле Оболенской» в женевской газете «Suisse radicale». Судя по изложению событий в этой записке, они и в самом деле развивались, как в заправском приключенческом романе. Противники преследовали друг друга, устраивали погони, засады и переодевания.

Но Герцен был прежде всего политическим деятелем. При всей своей неприязни к Утину и его группе, он сразу же оценил серьезность и принципиальную важность их попыток противостоять помпадурским подвигам царского генерала в демократической республике. И Герцен тотчас же предложил «молодым» совместные действия для развертывания широкой кампании протеста против вопиющего произвола швейцарских властей и их пресмыкательства перед царским авторитетом, охранявшим самодурство Оболенского. Герцен давно наблюдал, как постепенно вырождалась в мещанской Швейцарской республике одна из «основных политических идей» ее прошлого — «право убежища». Разоблачительной кампанией по «делу Оболенской» Герцен хотел поднять-ся на «общую травлю швейцарской гнусности» (XXI, 488). Он горячо взялся за осуществление своего плана. Полученные «Лит. наследством» из Амстердама новые письма Герцена к Огареву (они печатаются в следующем томе) показывают, сколько энергии и боевого темперамента вложил Герцен в эту полемическую кампанию, каким запасом сил для политической борьбы еще располагал он незадолго до своей смерти. «Давно меня ничего так не двигало, как история Оболенской»,— признавался он Огареву в письме от 1 сентября 1869 г. («амстердамская коллекция»). Герцену удалось добиться появления заметки известного журналиста Камила Фарси в «La Liberté» (номер от 30 августа) и напечатать свою собственную статью в «Le Siècle» (номер от 1 сентября), ниже публикуемую. «1 сентября „Siècle" напечатал мою статейку о деле Оболенской,— извещал он Огарева 4 сентября.— Я ее завострил высылкой Маццини из Лугано» («амстердамская коллекция»).

Возможно, что Герцен не ограничился одним выступлением. В письме к Огареву от 1 сентября 1869 г. из Брюсселя он сообщал в связи с «делом Оболенской»: «Сегодня я пущу брандер в „Indépendance belge"» («амстердамская коллекция»). Отсутствие в библиотеках Москвы комплекта названной газеты не позволило установить, что́ скрывается за этими словами. Материалы о «деле Оболенской» появились еще в газетах «Rappel», «L'Univers», «Réveil», может быть, и в других. Подводя итоги своим попыткам «вздуть европейское дело», Герцен писал Огареву 7 сентября: «Я в Париже пошумел исправно о деле Оболенской» («амстердамская коллекция»).

Однако усилия Герцена не были поддержаны Утиным и его товарищами. Они не выступили в иностранной печати, опасаясь навлечь на себя недовольство швейцарских властей, и ограничились запоздалым изданием политически бесцветной и не затрагивавшей Швейцарию эмигрантской брошюры: «Протест против русского правительства кн. З. С. Оболенской» (Женева, 1870). «Неужели — спрашивал Герцен Огарева в письме от 1 сентября,— они все не только неспособны на „Народное дело", но и на свое собственное? Ведь Утин был бит. А сам Бакунин!» («амстердамская коллекция»). Но промолчали не только «молодые». За исключением Бакунина (статья «Бернские медведи и петербургский медведь») промолчала вся русская эмиграция, демонстрируя тем самым бессилие, на данном этапе, защищать свои интересы от натиска реакции.

Герцен остался в одиночестве и должен был с горечью констатировать: «...так же, как в деле Ковалевского, и в деле Оболенской, я ушел дальше бенефициантов — такая судьба» (XXI, 490). О том же, но более резко, сказал он по другому поводу: «Я бросил Швейцарию за гнусные поступки с Оболенской, за подкупленных адвокатов и жандармов. Я в Париже это дело поднял, но наши революционные утяты и бараны ничего не умеют делать и пропустили все сквозь руки» (XXI, 501).

Перепечатываемая из старой парижской газеты забытая статья Герцена является одним из последних по времени документов его борьбы с буржуазной реакцией Запада и, одновременно, его последней попыткой наладить сотрудничество с «молодой эмиграцией». Этим определяется интерес и значение публикуемого текста для герценовской биографии последнего периода.

Статья появилась в № 12552 «Siècle» от 1 сентября 1869 г. под рубрикой «Нам пишут из Женевы».

Un fait incroyable s'est produit nouvellement en Suisse. Nous serions heureux d'en douter, mais un article de la *Suisse radicale* confirme avec aggravation les récits qu'on nous a faits.

Une dame russe, la princesse Obolenski, séparée depuis longues années de son mari*, général au service de la Russie, vivait avec ses enfants près de Vevey. Sur un mot de l'empereur Alexandre, le prince voulut reprendre ses enfants et les mener en Russie. La princesse refusa d'obtempérer à sa demande. Au lieu de faire un procès à la princesse, le général russe, aidé par les voies diplomatiques, trama un complot avec la police fédérale et cantonale. Un beau matin, à sept heures, il tomba dans la maison habitée par la princesse, accompagné du sous-préfet Dupraz et de gendarmes; s'empara par force des enfants et les envoya à Berne. La fille ainée, n'était pas à la maison. Ayant appris ce qui s'était passé, elle se cacha. Alors commença une perquisition générale dans les maisons des réfugiés russes et polonais. *On ne trouva rien.* Obolenski se transporta à Genève; il trouva la même assistance empressée de la part de la police de Genève, et c'est là que se produisit le fait le plus monstrueux de cette triste histoire. Un général russe en service actif fouille, avec des gendarmes suisses, une des imprimeries des réfugiés russes. Pendant qu'il faisait cette visite domiciliaire, les deux imprimeurs étaient tenus par des gendarmes.

Nous n'entrons dans aucun détail; nous passons les arrestations illégales. Nous attendons comment le conseil fédéral couvrira l'illégalité évidente de ces procédés dans une république.

Lorsque, il y a quelques mois, on éloignait Mazzini malade sans motif sérieux de Lugano, nous pensâmes que la confédération marchait sur un plan incliné; pourtant, nous étions loin de nous imaginer qu'elle se ferait une succursale de la police de Pétersbourg.

A. Herzen

Перевод**:

Недавно в Швейцарии произошел невероятный случай. Мы бы с радостью подвергли его сомнению, но статья «Suisse radicale» подтверждает, даже сообщая отягчающие подробности, полученные нами известия.

Одна русская дама, княгиня Оболенская, уже много лет живущая врозь с мужем, генералом русской службы, поселилась со своими детьми около Веве. Исполняя волю императора Александра, князь решил отобрать у нее детей и отвезти их в Россию. Княгиня отказалась подчиниться его требованию. Вместо того, чтобы начать судебный процесс, русский генерал, при содействии дипломатических властей, вступил в заговор с федеральной и кантональной полицией[1]. В одно прекрасное утро, в семь часов, в сопровождении супрефекта Дюпра и жандармов, он ворвался в дом, занимаемый княгиней, силой захватил детей и отправил их в Берн. Старшей дочери не было дома. Узнав, что произошло, она скрылась. Тогда начались повальные обыски в домах русских и польских эми-

---

* По-французски оборот — совершенно неправильный.— *Ред.*

** Перевод М. В. Вахтеровой.

грантов. *Ничего не нашли*. Оболенский поехал в Женеву, где встретил столь же услужливое содействие со стороны женевской полиции, и там произошел самый вопиющий факт в этой печальной истории. Русский генерал, состоящий на действительной службе, обыскивает вместе со швейцарскими жандармами одну из типографий русских эмигрантов[2]. Пока он производил этот домашний обыск, жандармы держали под стражей двух служащих типографии.

Мы не входим ни в какие подробности, мы даже не говорим о незаконных арестах. Мы просто ждем, как оправдает федеральный совет явное беззаконие подобных приемов в республиканском государстве.

Когда несколько месяцев тому назад больного Маццини без всякой серьезной причины выслали из Лугано, мы подумали, что Швейцарская конфедерация катится по наклонной плоскости; однако мы и представить себе не могли, что она станет филиальным отделением петербургской полиции[3].

А. Герцен

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Содействие дипломатических властей, оказанное Оболенскому, документируется донесениями в Петербург русского посланника в Берне Н. К. Гирса. Приведем в переводе с французского первое и основное донесение (Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, 1869, д. 12, лл. 100—105). Оно обращено к сенатору Вестману:

Секретно

Берн 5/17 июля 1869 г.

Господин сенатор

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения о происшествии, вынудившем меня настойчиво хлопотать перед президентом федерального совета,— о происшествии, которому, вероятно, не миновать некоторой огласки в печати.

Вашему сиятельству, может быть, небезызвестны печальные семейные обстоятельства, в силу которых генерал-лейтенант, сенатор кн. Алексей Оболенский вынужден был приехать в Швейцарию с тем, чтобы забрать своих детей, находившихся при матери, уже несколько лет проживающей в кантоне Во, где, подпав под пагубное влияние политических эмигрантов вреднейшего толка, эта дама, в конце концов, порвала узы, связывавшие ее с семьей и родиной.

Тотчас по приезде в Берн кн. Оболенский пришел просить моего содействия в этом деликатном деле. Я с тем бо́льшим удовольствием согласился оказать ему свое содействие, так как из достоверного источника знал, что возвращение детей князя в Россию является равным образом волей нашего августейшего повелителя.

Убежденный, что лучшим средством достигнуть цели было бы прибегнуть к поддержке местных властей, я адресовался непосредственно к г-ну президенту Вельте за советом, как нам надлежало поступить в данных обстоятельствах.

Г-н президент с величайшей любезностью тотчас связал нас с одним из лучших адвокатов кантона Во г-ном Серезолем, обещая сверх того и свою помощь.

Ставя, таким образом, вопрос под защиту законов страны, я передоверил ведение дела местным властям, ограничивши свое вмешательство официальным заявлением, что кн. Оболенский правомочен располагать своей отцовской властью и, согласно нашим законам, имеет, следовательно, неоспоримое право забрать своих детей и увезти их в Россию.

Благодаря г-ну Серезолю, кантональные власти Во, признав законность моего заявления, высказали готовность, в случае надобности, прибегнуть к силе, дабы помочь кн. Оболенскому вернуть детей. Так оно и случилось, и только вследствие вмешательства жандармов детей удалось передать отцу. Сопротивление было оказано преимущественно эмигрантами из окружения княгини Оболенской.

Будучи вынужденным остановиться на несколько дней в Берне, кн. Оболенский вскоре убедился, что является мишенью для упомянутых эмигрантов, которые, последовав за ним в этот город, предприняли несколько попыток похитить у него детей. Я почел своим долгом помочь ему в этих тягостных обстоятельствах и взял его детей к себе в дом. Там наши преследователи не посмели нас беспокоить. Но в день отъезда князя, когда он садился в коляску, чтобы ехать ко мне за детьми и отвезти их на вокзал, на него напало восемь человек, пытавшихся задержать коляску. Благодаря ловкости кучера, кн. Оболенскому удалось прорваться, а нападающие, думая, что он направился к следующей станции, поторопились туда, чтобы помешать ему сесть

в базельский поезд. Они незамедлили распорядиться, чтобы на каждой станции, на всем пути следования несколько человек сторожило бы поезд кн. Оболенского.

Узнав об этих событиях, происшедших около пяти часов утра, я поспешил поставить о них в известность президента Вельте, прося его тотчас же принять необходимые меры для обеспечения безопасности семьи Оболенского и дать ему охрану до границы.

Согласно моей просьбе, г-н Вельте, не теряя ни минуты, сделал все, что требовалось в данных обстоятельствах, и предоставил в наше распоряжение кантонального жандармского начальника. В обществе этого официального лица кн. Оболенский доехал до Базеля. Почти на каждой станции он подвергался нападению поджидавших его эмигрантов, но они были отбиты, а пятеро из них арестованы и увезены в Берн. Имен их я еще не знаю, но мне кажется, что Утин был в их числе. Что до князя Оболенского— телеграммой из Берлина он сообщает мне, что благополучно достиг этого города и намерен без промедления продолжать свой путь в Россию.

Г-н Вельте уверяет, что швейцарское правительство собирается покарать упомянутых эмигрантов за совершенные ими преступления. Невероятная наглость, с которой они нарушали общественный порядок, естественно, не может оставаться безнаказанной, и нужно надеяться, что они будут высланы из страны. Как бы то ни было, но это происшествие имело и положительную сторону: оно показало нам эмигрантов в их настоящем свете, отняв у них ореол политического мученичества, который они себе присваивают, и ставя презренных авантюристов на подобающее им место.

Считаю своим долгом добавить, что старшая дочь кн. Оболенского, отсутствовавшая из дома, когда отец забирал детей, до сих пор не найдена. Я уже заручился поддержкой местных властей, чтобы обнаружить место, где укрывают бедного ребенка.

Примите, г-н сенатор, выражение моего глубокого уважения.

Гирс

Пометка о получении: 9 июля 1869 г.

[2] Обыск был произведен 14 августа 1869 г. в женевской типографии Трусова.

[3] В донесении Гирса в Петербург от 25 июля/6 августа 1869 г. излагаются дебаты на только что закончившейся сессии Федерального парламента Швейцарии. В центре дебатов стоял вопрос о высылке Маццини. Федеральное правительство подверглось при обсуждении этого вопроса сильной атаке со стороны радикальной партии. В решении изгнать Маццини из Швейцарии радикалы усматривали слабость правительства, уступающего иностранному (итальянскому) давлению. Они говорили о позорящем Швейцарию решении выдать политического изгнанника монархическому правительству Италии, лишить его традиционного права убежища и притом без всяких оснований. Далее в донесении излагается выступление президента швейцарской конфедерации Вельте, санкционировавшего, как сказано выше, все бесчинства Оболенского. Гирс остался очень доволен занятой Вельте позицией. Вельте дал общее разъяснение международного значения Швейцарии, как страны, предоставляющей право политического убежища для иностранцев, и охарактеризовал позицию федерального правительства по отношению к политическим изгнанникам. По словам Вельте, швейцарское правительство обязано и будет предоставлять право убежища эмигрантам лишь в той мере и до тех пор, «пока они не будут выходить за пределы своей частной деятельности». «Если политические эмигранты,— сказал Вельте,— приносят в Швейцарию нечто большее, чем самих себя и свои убеждения, если из нашей страны они хотят сделать центр активного политического движения, добиваясь осуществления своих целей любыми средствами,— федеральные власти имеют право пресечь такую деятельность».

Выступление Вельте, по словам Гирса, имело успех и «палата перешла к другим вопросам» (Архив внешней политики России, ф. Канцелярии, 1869, д. 12, лл. 55—57 об.).

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1844–1868 гг.

ПИСЬМА К В. И. БАКСТУ, М. А. БАКУНИНУ, В. Г. БЕЛИНСКОМУ, С. Г. ВОЛКОНСКОМУ, Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, В. Н. КАШПЕРОВУ, ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ, В. О. КОВАЛЕВСКОМУ, ПЬЕРУ ЛЕРУ, Н. Я. НИКОЛАДЗЕ, РЕДАКТОРУ «MORNING STAR», ПАВЛУ ПРУССКОМУ, ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ (ВЛАДИСЛАВУ МИЦКЕВИЧУ, ЮЛИАНУ КЛЯЧКО и САХНОВСКОМУ), О. Р. СКАРЯТИНОЙ и А. А. СЛЕПЦОВУ

ОГАРЕВ — ГЕРЦЕНУ и Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Публикация Л. Р. Ланского

Публикуемые два письма Огарева написаны во время его заграничного путешествия 1842—1845 гг. Как и в других письмах Огарева этого периода, большое место здесь уделено философским рассуждениям — в частности, Огарев развивает в первом письме из Берлина свою оригинальную и в высшей степени оптимистическую трактовку понятия «резигнация», столь распространенного у «людей сороковых годов» и обычно применявшегося в пессимистическом и фаталистическом значении.

Второе письмо написано Огаревым более чем год спустя, в Париже, перед возвращением на родину. Описывая свою парижскую жизнь, занятия и планы, Огарев сознавался, что не в состоянии был приняться тогда ни за какое серьезное дело.

Еще до получения этого письма Огарева, 3 октября 1845 г. Герцен сделал в своем дневнике следующую запись:

«На первом плане скитанье Огарева и все вести, приходящие об этом скитанье, ибо он сам не пишет. Вера в способность его ко всему прекрасному и высокому не может потрясена быть во мне, но что же в одной возможности, когда же наступит пора дела, что за противуречие между жизнью rentier*, бесцельной, без занятий, и этими *слезами* симпатии всему прекрасному? Я не токмо не против заграничной жизни, но допускаю в известных случаях экспатриацию, но не для того, чтоб жить там праздному и проживать все свое состояние пошло,—такое употребление богатства в наше время преступно. Да и такая жизнь за границей — безнравственное бегство» (изд. АН СССР, т. II, М., 1954, стр. 412).

Получив письмо Огарева, Герцен в ответном письме резко осудил дилетантское отношение его к своим литературным занятиям: «...в каждом письме ты пишешь, что принимаешься за работу, что скоро начнешь. Да не забыл ли ты, что 28 ноября 1813 года ⟨т. е. день рождения Огарева⟩ было 32 года тому назад? Да и отчего же необходимо ехать в Берлин, в Москву для того, чтобы *начать* что-нибудь делать? что за географическая зависимость? где судьба бросила, там и работай» (IV, 387—388).

Этот суровый упрек не мог не оказать воздействия на Огарева, отдавшегося по возвращении в Россию разносторонним научным и литературным занятиям.

Письма печатаются по автографам Отдела письменных источников ГИМ (ф. 345, ед. хр. 5, лл. 133—134 и ед. хр. 34, лл. 20—21).

---

* рантье (франц.).

1

〈Берлин.〉 14 июня 〈1844 г.〉

Сат〈ин〉[1] еще не кончил письма к вам[2], а мне смерть хочется писать; ergo, беру это полулистие и продолжаю. Сегодня видел я твоего зятя, профессор![3] Его лицо так мне напомнило Москву, что мне еще пуще захотелось домой. Так напомнило дом Гран〈овских〉 и все это странное время, по которого мне просто жаль, о котором я вспоминаю часто с глубокой грустью и живым наслаждением и долго, долго не могу отвязаться от него. В нем я еще сам себе кажуся так молод, душевно молод, свеж надеждами и тепел сердцем, что самые бушевания являются мне в лучшем свете, чем они, может быть, действительно были. И в них даже было меньше того капризного разгулья от нечего делать, которое меня теснило впоследствии. Тогда было на душе что-то чистое, и хотя профессор и жаловался, что мы тогда мало провели хороших минут, но все же я внутри был счастлив. Едва ли то же чувство повторится. Я предчувствую, что я сделаюсь угрюм в Москве. Но я ношу в себе резигнацию *. Не говорите, чтоб она была в прямом противуречии с жаждой блаженства; от этой жажды я не могу и не имею права отказаться, но готовность всякую горечь перенести спокойно — *вот что я называю резигнацией. Вопреки страданиям не усомниться в важности жизни и стремиться продолжать ее стройно, внутренно гармонически* — вот что я называю резигнацией. Резигнация есть вера в жизнь, а не бессмысленное склонение головы перед горем и судьбою. Во что же вера? Как во что? В то, что истина правит миром, а не ложь. Этого и довольно для того, чтоб любить жизнь, стремиться к блаженству и не гнуться перед *разочарованиями*.

Что же еще хотелось сказать? Я читаю не книгу, а нечто лучше книги: душу чистого человека, т. е. переписку покойного Станкевича[4]. Как ты, Грановский, я испытываю его благодетельное влияние. Пусть много незрелого, неопределенного (я еще в 1-м периоде его жизни) — но душа так близко говорит душе, что я зачитываюсь.

Писать я сбираюсь кое-что. Из всего прежнего, плохо начатого, я вижу, что меня преследует все одна задача, теперь

Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten...**

Но

Versuch'ich wohl euch diesmal festzuhalten?... ***[5]

Это-то и не ладится.

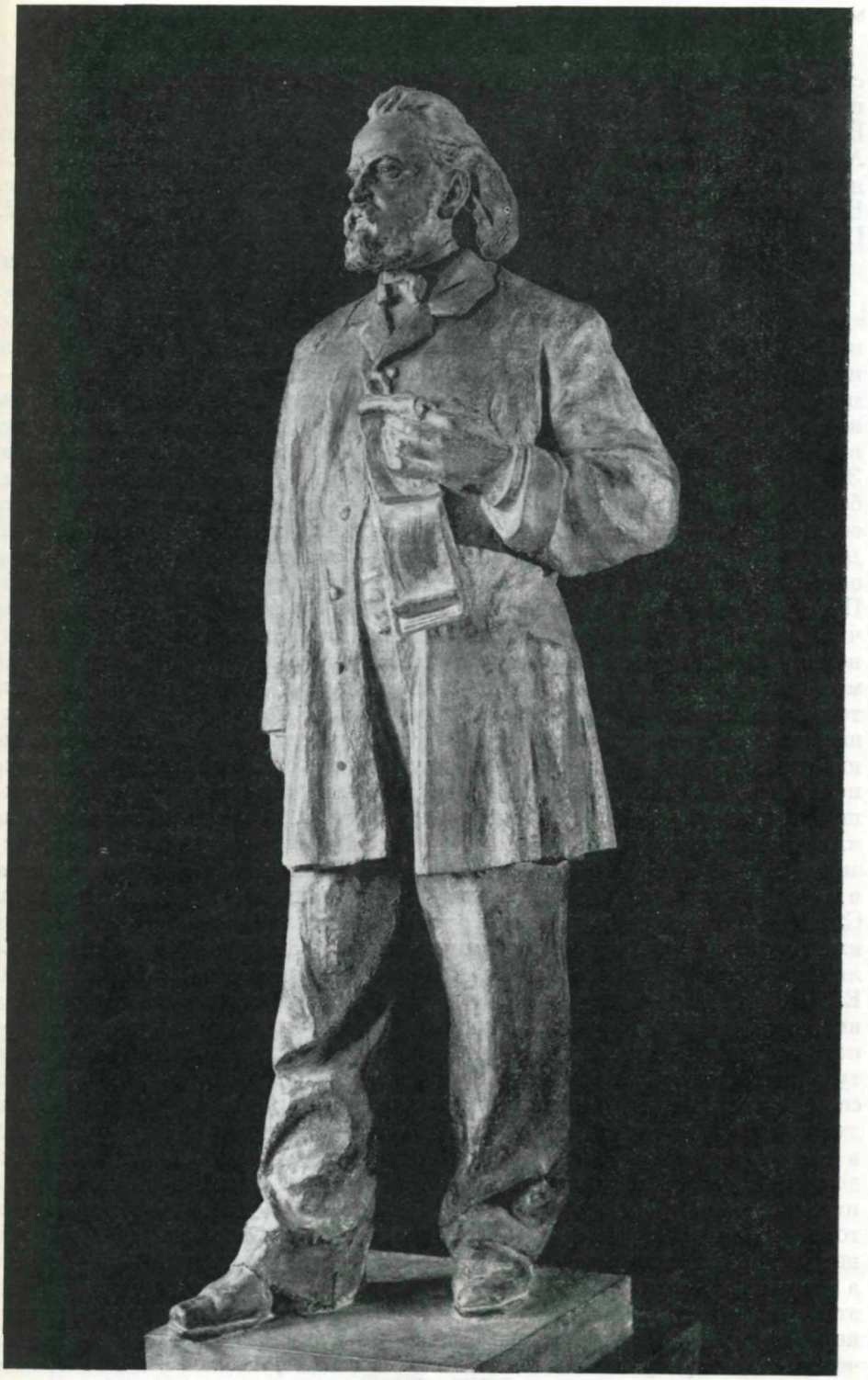
Все неопределенно, все не создается. Я не начинаю и думаю. Неужели не скажу? Не выясню себе ничего и ничего не напишу? Жаль будет, потому что страх писать хочется.

Сказать, чтоб не забыть: я справлялся у Ашера об издании Шекспира; он говорит, что переслал к Картену[6] в Петербург для пересылки Гран〈овскому〉 и что если вышереченный корреспондент не переслал, то, вероятно, распродал другим. Ergo, барон[7] должен написать, сколько у него livraisons ****, чтоб я мог добрать здесь остальные да написать поскорее, а то эдак я и уеду и все не буду знать, сколько livraisons приходится получить от Ашера.

Собрались было мы сегодня на лекцию к Шеллингу, но вследствие моего продолжительного одеванья опоздали; перечли в сенях роспись всех лекций, понюхали и пошли прочь. А у нас с Сат〈иным〉 важный идет спор о берлинском духе: он говорит, что пахнет лимбургским сыром, а я говорю, что пахнет г... . Вот уж две недели не можем сойтись на этот

---

* покорность, смирение перед судьбой (от франц. «résignation»).
** Опять вы приближаетесь, зыбкие виденья... (нем.).
*** Смогу ли я на этот раз вас удержать?.. (нем.).
**** выпусков (франц.).



ГЕРЦЕН

Скульптура (гипс) работы М. И. Мильбергера, 1954 г.

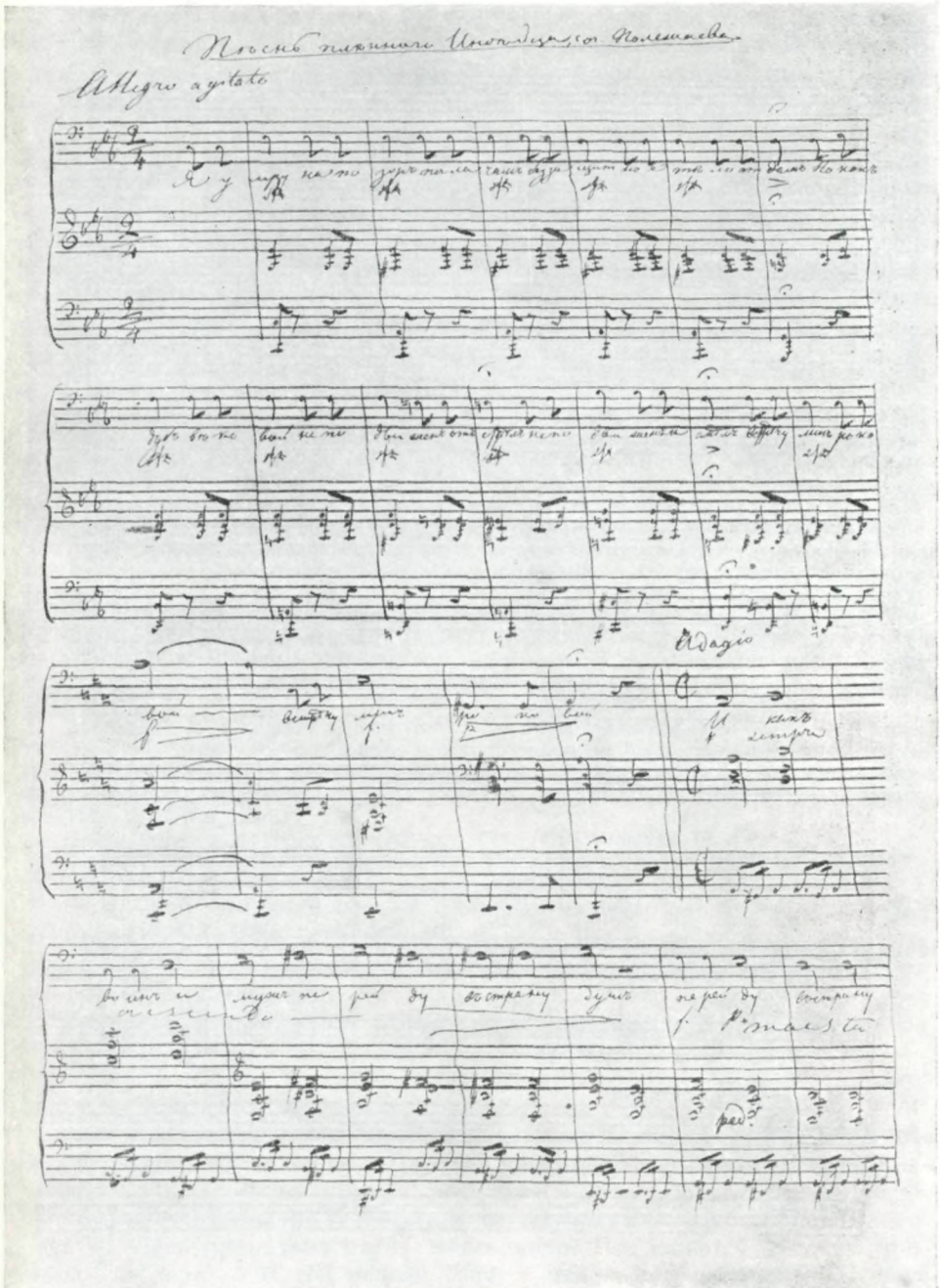
Музей латвийского и русского искусства, Рига

счет. Сегодня Сат⟨ину⟩ формовали ноги[8]. Я хочу сохранить гипсы для первой выставки художественных произведений. Засим прощайте пока. Выпиваю два стакана № I и ложусь спать. Кстати, у меня на бутылках № I и № II. Ганхен говорит, что это первый и одиннадцатый. Жалко, что я мало занимаюсь ее образованием, просто упрек останется на совести. Еще я сегодня видел хозяйку в рубашке: она что-то искала за пазухой. Преотвратительно.

15 июня н. ст.

Сат⟨ин⟩ письмо кончил. Засим остается мне кончить и отнести на почту. Начал Сат⟨ин⟩ с того, что не согласен со мною, а на поверку мы, кажется, и совсем согласны. С ним всегда так бывает. Мы можем три года не видаться или три месяца молчать, а когда свидимся или выскажемся — мы согласны. Наша симпатия имеет глубокие корни, или, лучше, мы ветви от одного корня; ветви могут различествовать наружно, но жизнь в них действует одна и та же, выходит одинакий цвет и одинакий плод. Эк фигурно сказано! а пальпабильно *. Что же касается до судьбы, то беда та, что ей что прощай, что не прощай — она не чувствует. Чувствуем ее в себе мы сами. Она существует настолько, насколько мы ее сознаем. Дело сводится на то, что не прощать ей — значит не верить в разумность общей жизни и проклинать единственно властвующий слепой случай. Прощать (впрочем, это неуместное слово) — значит сносить, сносить частное ради веры в разумность общей жизни, общего духа. Вот мы столкнемся, Александр, на давнишнюю твою вражду с случаем и на давнишнее мое непризнание случая. В общей гармонии есть диссонансы и скорбные тоны, но нет фальшивых тонов. Случай ни с того ни с сего был бы фальшивый тон, не выходящий ни из какого аккорда и не имеющий разрешения. Но едва ли тут не что иное, как только то, что не музыкальное ухо принимает за фальшивый тон не понятый им диссонанс, которому разрешение есть, но ухо его также не умеет уловить. Кто ж виноват? Симфония или слушающий? Да! случай есть диссонанс в жизни мира (извини: музыкальное сравнение мне понравилось). Диссонанс может разрешиться в moll'ный и *дур*-ный (не то, что дурнóй) аккорд[9], в грусть или торжество. Случай разрешится в душе в грусть или торжество, в звук страдания или звук радости, но все же гармонический, а не бессмысленно оскорбляющий звук. Мольный тон объясняет мне прелесть и святость страдания. Его нельзя выкинуть из музыки, не уничтожив музыки; страдания нельзя выкинуть из души, не погубив души. Пусть диссон⟨ан⟩сы доводят, смотря по своей натуре, до мольного или дýрного аккорда; пусть случай, по натуре своей, разрывает в душе страдание или силу; пожалуй, представь себе всю симфонию беспрерывной цепью беспрерывно разрешающихся диссонансов и жизнь беспрерывной цепью случаев, пробуждающих в душе страдание или блаженство,— но и диссонансы, и печальные и радостные тоны извлекают из общей натуры одной и той же вечной гармонии; и случаи, и страдания, и силы вытекают из общей натуры одного и того же вечного духа. Случай, так же мало произвольный, своенравный, нелепый факт в жизни, как диссонанс в музыке. Случай — не случай, а столько же разумное явление, как логический вывод. Что ж из всего этого, спросишь ты? Из этого то, что судьбе ни прощать, ни не прощать нечего, а только внешнее выражение судьбы, то есть случай — внутренно, человечески прочувствовать и сознать; и тогда не может быть ни проклятий, ни упадка души. Проклятие не дает силы и не побуждает к действию. К действию побуждает отрицание диссонанса и стремление примирить его в следующем аккорде. Быть может, целая жизнь человека пройдет в этом стремлении примирить противузвучие или противуречия, как

* ощутимо (от франц. «palpable»).

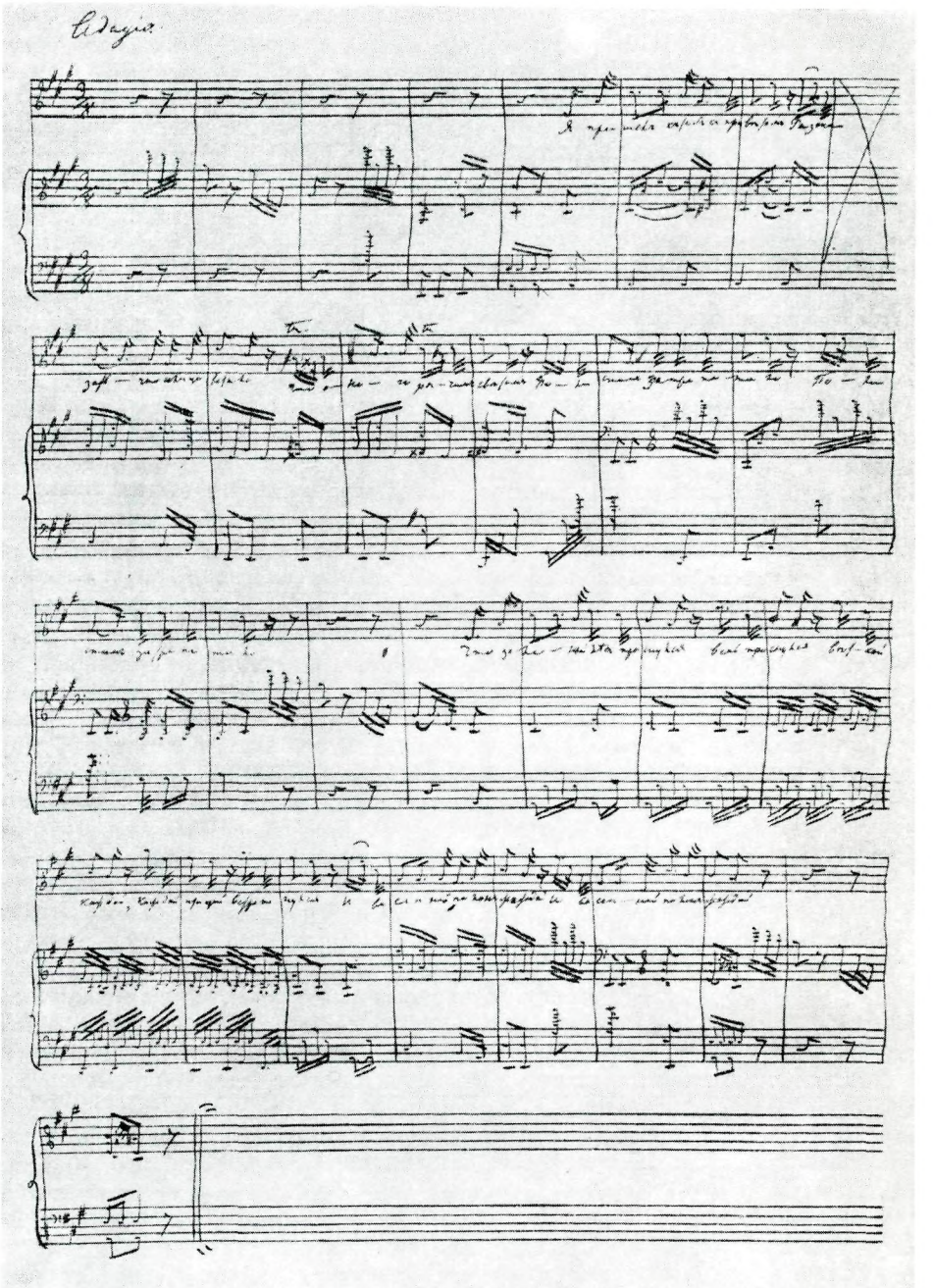


НОТНЫЙ АВТОГРАФ ОГАРЕВА

«Песнь пленного индейца». Романс на слова А. И. Полежаева, 1840-е гг.

Страница первая

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



НОТНЫЙ АВТОГРАФ ОГАРЕВА

«Песнь пленного индейца». Романс на слова А. И. Полежаева, 1840-е гг.

Страница последняя

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

целые эпохи истории проходят в том же; но есть сила для этого стремления, эта сила — сама натура духа, в которой заключена harmonia prehabilitata ⟨!⟩[10] всей жизни и которая не допускает безвыходных противузвучий.

Вот уж и целая страница чорт знает зачем. Если это только детскость — все же не смейтесь, друзья. Душе хочется вырваться из хаоса, а нет довольно логической силы, чтоб проникнуть и последовательно развить то, что так хочется уяснить себе. Не смейтесь же; обнимемся горячо из глубины души, так, как она любить может,— и простимся до следующего письма. Прощай и ты, моя милая Наташа[11], благослови за меня твоих детей. Да скажи мужу, чтоб поскорей писал ко мне, что мне надо от него писем. Addio. Жалею перо бросить: все будто я с вами вместе.

[1] Николай Михайлович *Сатин*, лечившийся за границей; в Берлине и впоследствии в Париже жил вместе с Огаревым.

[2] Это письмо Сатина неизвестно.

[3] *Профессор* — Т. Н. Грановский. «*Зять*» его (собственно, не зять, а шурин) — Федор Богданович Мильгаузен (1820—1878), окончивший в 1840 г. юридический факультет Московского университета; в 1843 г. он был послан за счет университета для усовершенствования в юридических науках за границу и провел по году в Германии, Франции и Англии. Впоследствии — профессор финансового права в Московском университете. В архиве Грановского сохранилось письмо к нему Мильгаузена от 29 мая 1845 г. из Парижа со следующим упоминанием об Огареве: «Огарев приехал недавно из Берлина и остановился также в Hôtel de la Gironde. Он нездоров и будет здесь лечиться; потом поедет на воды или воротится в Россию, смотря по обстоятельствам. В Берлине он занимался анатомией и слушал Мюллера (Johannes), теперь весь погружается в химию (Dumas). С Вердером он, как и я, не вступал в очень тесные связи; говорит только, что Вердер зимою был болен и не читал лекций» (ГИМ, ф. 345, ед. хр. 3, л. 124 и об.).

[4] Письма Н. В. Станкевича к друзьям и родным были собраны Н. Г. Фроловым, писавшим в это время его биографию, которая издана не была; рукопись в настоящее время хранится в Отделе письменных источников ГИМ. Впоследствии часть писем Станкевича была опубликована в монографии П. В. Анненкова (1857). Отдельным томом письма вышли в 1914 г.

[5] Первая и третья строки из «Фауста» Гёте («Посвящение»).

[6] *Картен* и *Ашер* — книготорговцы.

[7] *Барон* — дружеское прозвище (*барон упсальский*) Н. Х. Кетчера.

[8] Н. М. Сатин был болен тяжелой формой ревматизма.

[9] *Dur* — мажор, *moll* — минор.

[10] Слова «prehabilitata» на латинском языке нет, и, вероятно, оно сочинено самим Огаревым, тем не менее значение, которое ему придавал Огарев, совершенно ясно: «предустановленная гармония».

[11] *Наташа* — Наталья Александровна, жена Герцена.

2

Париж. $\frac{\text{Ноября 6}}{\text{октября 25}}$ ⟨1845 г.⟩

Давно я не писал к вам, друзья мои. Всякий день все мы сбираемся ехать, но средств ни малейших. Передай поскорее это письмо Алексею Алексеевичу[1].

Ну что ж вам сказать? Я не на шутку скучаю в большом городе, потому что не умею приняться ни за какое дело. Все кажется — зачем приниматься за дело — на той неделе уеду, а между тем все сижу и ничего не делаю. Кое-что пишу, и тогда мне хорошо бывает. Мне кажется, что я опять начинаю попадать на стих и берусь за свое дело. Не думай, чтоб я от этого отстал навек от науки. Это уже перестало быть Kulminationspunkt * истины. Но внутри составляется какой-то новый план трудов и исследований, но вообрази себе, что мне кажется, что без тебя и не дома, т. е. не на месте, я ничего не могу делать и не в силах преодолеть бродячести моей настоящей жизни. Хотя бы через месяц или полтора удалось уехать! А то неимоверно пусто. Я слыхал о химике, с которым ты позна-

* кульминационным пунктом (нем.).

комился, и хотелось бы вместе с вами работать. Из здешних ученых, которых лекций я теперь вовсе не посещаю, но в которых <!> из пределов ограниченной опытности и маленьких теорий один из немецких поэтов [2], который здесь занимается естественными науками, всего мне ближе по задачам широко развивающейся личности. С ним быть отрада. Здесь мы ограничиваемся самими собою; с французами знакомиться трудно, не зная самые резкие лица из их трудов — как мало охоты знакомиться. С немцами мне лучше было. Мне жаль, что не остался до сих пор в Германии. Вообще, это было для меня полезнее. Мы ничего не делаем и грешим, но все это слишком неудовлетворительно. Бодрости, однако, мы не теряем и дома надеемся жить построже. Жаль, что уже нельзя будет сбирать грибов с бароном, что́ я сам нахожу полезнее, чем спорить с славянофилами.

А здесь грибов мало и к ним питают презрение, как к существам ядовитым. Какая несправедливость! А я их немало высматривал, живши лето по окрестностям. Зато недавно я был на Океане[3], и хорошо мне было. А Сат⟨ин⟩ ездил в Бареж и почти вовсе не хромает, каков! — Когда я говорю: мы ничего не делаем,— нужно исключить Фрол⟨ова⟩[4], который целый день работает, слушает Беккереля[5] об электричестве и пр.— Потом что ж еще сказать? Право, ничего такого, чтоб сказать стоило. Мне жаль того времени, когда я мог писать письма на восьми страницах и думать, что говорил много дела. Теперь чувствую, что дельного мало говорил, ergo, надо добиться, чтоб опять придти в такой период, где можно думать, что говоришь дело, даже если и врешь. Тогда я буду писать длинные письмы по городской почте, если она заведена в Москве, а говорить я, кажется, охоч попрежнему.

А как хорош парижский туман порой меж волка и собаки[6], если б вы знали, carissimi! * Если б вы пошли в Jardin des plantes[7] и посмотрели бы с горы на город. А part l'histoire **, которая делает свое впечатление, но тоны необычайно хороши, какой-то в них свой характер. Я на этот счет напишу стихи и посвящу их Шевыреву или Погодину[8].

Вас⟨илий⟩ Петр⟨ович⟩[9] в Испании и влюбился в природу, так и смакует ее. Я рад за него; он оттуда вернется такой свеженький и миленький. Мы трое собираемся домой как можно скорее и все страдаем около сердца, т. е. карманами. Засим прощайте! Спешу передать послание Сат⟨ину⟩ и потом на почту.— Видел вчера зятя профес⟨сора⟩[10], который едет в Лондон.— Да! Я потом писал к профес⟨сору⟩[11], только письмо послал к моей сестре[12], так ей надо было, а она переменила намерение, взяла да и не отдала, как сама о том известила возлюбленного брата, т. е. меня. Ergo, можешь это письмо у ней взять. Вот вам и все. Дайте руки, скоро обнимемся и запоем, т. е. выпьем, хотел я сказать. Addio!

Рукой Н. М. Сатина:

Здравствуйте, мои милые! Думал обнять вас еще в октябре, а приехавши из Пиреней на три дня, сижу здесь два месяца. Похлопочите, чтобы Огареву выслали скорей деньги, от этого зависит наш отъезд. В Пиренеях мне было хорошо и здоровье поправилось и на душе было светлей. Заглянул в уголок Испании. Здесь опять порою скучно: надеясь на скорый отъезд, ни за что не хочется приняться, да к тому же я трус ужасный: все кажется не по силам, и от неумения себя ограничить труд иногда действительно становится непосилен. Ог⟨арев⟩ торопит и Фр⟨олову⟩ хочется приписать. Прощайте.

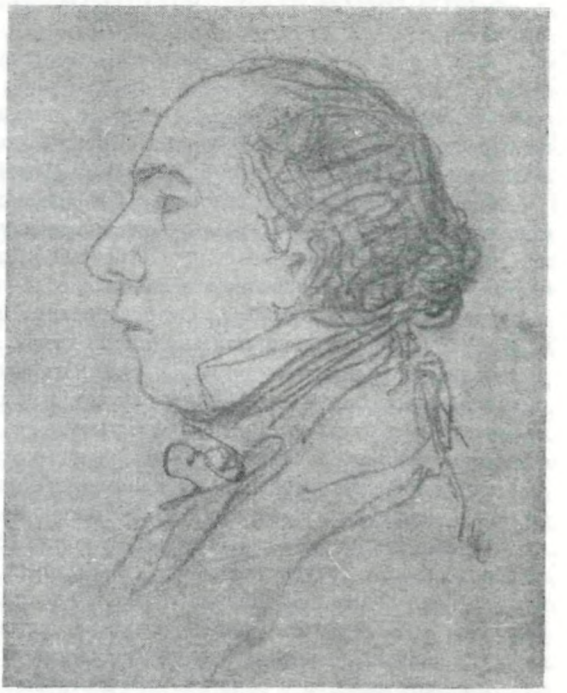
Рукой Огарева:

Пишите сюда poste restante и Ал. Ал. скажи, чтоб сюда прислать poste restante, что нужно[13].

---

* дражайшие (итал.).

** Не говоря уж об истории (франц.).



Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.

Третьяковская галерея, Москва

[1] *Алексей Алексеевич* — Тучков.

[2] *Один из немецких поэтов* — Г. Гервег. В неизданном письме от 5 августа 1845 г. берлинский знакомый Огарева Г. Мюллер-Стрюбинг писал ему: «Меня крайне удивило то, что ты пишешь о Гервеге. И не столько то, что ты говоришь о его семейной жизни, что она лучше, чище, чем нам ее изображали ‹...› Больше всего меня удивило то, что ты проникся к нему симпатией. Честно говоря, я ею никогда не проникался. Он был мне приятен, я дорожил его знакомством, но сердечной откровенности, бездумной близости, словом, полной непринужденности, не связанной с условностями и содержанием бесед, этого я никогда не испытывал, общаясь с ним. В его натуре было тогда что-то,— я хочу сказать, чтобы это было понято в самом благородном смысле,— но все же что-то фанатическое, что-то несвободное, что-то риторическое, совсем так же, как в его поэзии» (подлинник на немецком яз.—ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 194, лл. 1—2. См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 744).

[3] Огарев некоторое время лечился морскими купаниями в Сен-Мало (Бретань).

[4] Николай Григорьевич *Фролов* (1812—1855) — географ, близкий друг Грановского. В ответном письме Огареву Герцен ставил ему в пример Фролова: «Да, вот человек, действительно работающий, вот человек деятельной любви к науке» (IV, 388).

[5] Антуан-Цезарь *Беккерель* (1788—1878) — известный французский физик. Возглавлял кафедру в Музее естественных наук в Париже.

[6] *«порой меж волка и собаки»* (перевод французского выражения «entre chien et loup») — в сумерки. Огарев подразумевает следующие строки из IV главы (строфа XLVII) «Евгения Онегина»:

(...Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я).

[7] *Jardin des plantes*— парижский ботанический и зоологический сад.

[8] Это обещание посвятить стихи Шевыреву или Погодину имело, конечно, шуточный характер.

[9] *Вас‹илий› Петр‹ович›* — Боткин.

[10] Ф. Б. Мильгаузена. См. примеч. 3 к предыдущему письму.

[11] Это письмо Огарева к Грановскому неизвестно.

[12] Сестра Огарева — Анна Платоновна *Плаутина*. Упоминаемое ниже письмо ее к Огареву не сохранилось. Аннотации других ее писем к Огареву, хранящихся в «пражской коллекции», см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 747—751.

[13] Огарев ожидал от А. А. Тучкова денег, необходимых для возвращения в Россию.

ОГАРЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ и В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Публикация М. Я. Полякова

Публикуемое письмо Огарева является пока единственным известным нам письмом из переписки Огарева с Белинским. Письмо это сохранилось среди писем Сатина к Кетчеру и было послано вместе с письмом Сатина из Берлина от 17 октября 1844 г.

Личное знакомство Белинского с Огаревым состоялось в Москве в 1839 г., после окончания ссылки Огарева. Но отношения между ними завязались значительно раньше. Еще до возвращения в Москву Огарев посылал Кетчеру статьи и стихотворения для опубликования в «Московском наблюдателе» Белинского. Так, в письме к Кетчеру, написанном в феврале 1839 г., Огарев писал: «Посылаю статейку, можешь поместить в „Наблюдателе", если хочешь с подписью имени...» (ЛБ. М. 5185/18). Весь круг личных и литературных отношений сближал Огарева с лагерем Белинского. Известную роль в идейном становлении Огарева в эти годы сыграли статьи Белинского периода так называемого «примирения с действительностью». В письмах Огарева 1838—1839 гг., особенно в письмах к Герцену, значительное место занимают размышления их автора над проблемой «действительности» и методами борьбы с нею. Споры с Герценом помогли Огареву уяснить себе уже в конце 1839 г. ошибочные стороны этой теории «примирения».

Переезд Белинского в Петербург (в конце 1839 г.) ознаменовал новый этап в отношениях к нему Герцена и Огарева. В «Былом и думах» мы читаем: «Я не шел к нему. Огареву моя ссора с Белинским была очень прискорбна. Он понимал, что нелепое воззрение у Белинского была переходная болезнь, да и я понимал, но Огарев был добрее. Наконец, он натянул своими письмами свидание» (VIII, 20).

Это свидетельство о роли Огарева в отношениях Герцена и Белинского подтверждается и письмами Огарева и Кетчера, относящимися к этим годам. В мае — августе 1840 г. между Герценом, с одной стороны, и Огаревым и Кетчером, с другой, возникла полемическая переписка о значении Белинского в журналистике и характере отношений к нему. Из дошедших писем Огарева и Кетчера явствует, что Герцен в полемическом задоре противопоставил Белинскому — Губера, второстепенного поэта, переводчика и публициста. Это вызвало резкую отповедь со стороны его московских друзей. 16 мая 1840 г. Кетчер писал Герцену, что он «советовал бы не расходиться совершенно с Белинским и не слушать всех вздоров даже из уст Михайлы Александровича ⟨Бакунина⟩». Огарев в приписке к этому письму полностью сходился с Кетчером в оценке позиции Герцена по отношению к Белинскому. «Почтенный барон,— писал он о Кетчере,— уже побранил тебя, за что надо. А надо, саго,— как не стыдно было увлечься гегельянством Губера, который, судя по его философским статьям, если и читал Гегеля, то еще меньше понимает, чем Белинский понаслышке». Как явствует из письма Огарева, Герцен ответил на это не дошедшим до нас письмом, в котором защищал свою позицию, и 24 августа 1840 г. Огарев и Кетчер снова пишут ему письма в защиту Белинского («Русская мысль», 1889, № 1, стр. 11—12, 15—16). Письма Огарева 1840—1841 гг. пестрят просьбами передать Белинскому его стихи для опубликования в «Отечественных записках». В апреле 1841 г. Огарев уехал за границу. Встреча в Петербурге с Белинским еще более сблизила поэта и критика. Переписка, которая завязалась между ними в 1839 г. (до нас не дошли эти письма), возобновилась после отъезда Огарева за границу. В письме к Кетчеру от 25 августа 1841 г. Белинский сообщает: «Я получил письмо от Огарева из-за границы...» («Письма», т. II, СПб., 1914, стр. 259). Ко времени заграничного путешествия Огарева относится и публикуемое письмо, свидетельствующее о тесных дружеских связях критика и поэта*. Письмо содержит иронические оценки

* Летом 1874 г. в Лондоне находилась вдова Белинского, Мария Васильевна. Она посещала Огарева, жившего в Гринвиче (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 737). Прощаясь с М. В. Белинской перед ее отъездом в Россию, Огарев вручил ей рекомендательную записку, обращенную к его старинному приятелю и тестю А. А. Тучкову. Огарев писал: «К тебе едет жена моего покойного друга Белинского. Прими ее братски в мое воспоминание. Твой старый Ага». На обороте был надписан адрес: «А. А. Тучкову, Пензенской губернии, Инсарского уезда. В дер. Яхонтове или Акшине» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38).

по адресу представителей романтической школы в литературе и философии Германии, описание жизни Огарева за границей, его настроений и взглядов. Существенный интерес представляют слова Огарева о Бетховене и обещание написать статью о нем. Огарев, так же как Белинский и Герцен, был глубоким и увлеченным почитателем великого немецкого композитора. Высказывания Огарева и Герцена — в письмах и стихотворениях — о создателе «Героической симфонии» проникнуты восторженным отношением к свободолюбивым гражданским идеям и гуманизму бетховенской музыки (см. Ю. К р е м л е в. Русская мысль о музыке, т. I. М., 1954, стр. 44, 144).

Письмо публикуется по автографу Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (М. 5185. 24/3).

<Берлин. 17 октября 1844 г.>

Мое намерение быть отцом рушилось, барон. Родился недоносок, мертвый ребенок с такой жалобной физиономией, что я ее до сих пор забыть не могу. Сегодня уже 8 дней. Жена здорова. Странна диалектика судьбы: меняет *себе жизни*, разрушает *возможность нравственного прогресса*, etc. Но ты сам все это знаешь, и знаешь, как много надо внутренней силы, чтоб становиться выше случайностей и быть ровным, неразрушимым сосудом вечного духа. Теперь все осталось попрежнему.— Планы мои следующие: я solus * остаюсь в Берлине и учусь.— «Зачем не едешь домой?» — спросишь ты. Эх, друг мой! Хочется домой, да не хочется приехать в таком же брожении, как пребывал доселе, жизнь хочет определиться. Ins blaue hinaus ** жить надоело. Надо совершить в себе необходимое внутреннее развитие. И вот почему я остаюсь в Берлине. Занятия мои также не ins blaue hinaus, а *сообразно* плану, понятому и определенному. Ругать ты, вероятно, меня за это не будешь. А если будешь ругаться, барон, ругайся, как в последнем письме; в нем ругань твоя дышит нежностью. В нем я совершенно увидел тебя, как я тебя всегда видел. Твои резкие жесты, твоя брань,— барон, я их очень хорошо знаю. Это маска для прикрытия силы любви и нежности, которых pathos *** иначе заставил бы задохнуться. Обними меня, барон, и скажем оба: <1 *нрзб.*> если б мы были вместе. Ну! Да решено иначе. Ближе года увидимся, и тогда надолго будем вместе. Теперь я утешаюсь полным убеждением, что *я не для простого рысканья остаюсь одиноким*. Когда *я думаю о вас*, мне кажется, что я приношу жертву, оставаясь здесь; когда думаю о труде, мне кажется, что не остаться невозможно, т. е. внутренне невозможно. Что сказать тебе о результатах новейшей науки? Вы, кажется, слишком скоро схватили их и успокоились на них. Мне они до сих пор кажутся скачками, а не выводами; неопределенными заключениями, в которых не виден процесс развития истины. Они мне как-то напоминают участь учения Сократа в киренейской и цинической школах, где неразвитая всеобщность, абсолютная идея — помимо своего процесса — перешла к индивидуальности, не менее абстрактной. Едва *ли еще тут есть примирение* объективной истины и единичности.

Но будет говорить о науке. В нескольких строчках ничего не скажешь, а томы писать некогда. С Фрол<овым>[1] я сближаюсь теснее и теснее при каждом свидании. Этот человек дается не вдруг, но чем более ты заглядываешь in die Tiefe****, тем отраднее тебе открывается das Wesen *****.

П<анае>в уехал[2]. Я желал показать ему Берлин с лучших сторон, но, к сожалению, в Берлине лучших сторон не имеется; хорошо только то, что, живучи в Берлине, в тебе хорошее происходит, а извне — ничего не

---

* один (лат.).
** в мечтаниях (нем.).
*** пафос (греч.).
**** в глубь (нем.).
***** сущность (нем.).

возьмешь, особливо если *путешествуешь*. Я отказываюсь путешествовать. Глупее занятия приискать нельзя. Только в глазах рябит от всего, что видишь. Здешние выставки картин и изделий — обе подгуляли шибко. В музее есть «Io» — Correggio — такая славная, что не насмотришься. Но ⟨это?⟩ лучшее, что есть в Берлине.— С будущей недели начнутся лекции.

Прервал — напишу ужо. Теперь не расположен.

Прилагаемый вексель и письмо доставь по адресу *немедленно*.

Много благодарю вспомнивших меня и приписавших. Так и Мих´аил⟩ Сем⟨енович⟩ заехал в Питер. Вероятно, теперь уже вернулся в Москву. Если будешь писать к нему, то скажи, что его приписка меня тронула[3].

Ну, а ты, Виссарион,— как и что? Ходишь по комнате, рассуждая и досадуя. Вот так тебя, бульдога[4], и вижу. Как мне хотелось бы с вами напиться! Душу отвести. Но теперь я, carissimi*, трезв, как пустая бутылка. Вино выдохнулось. Стрела Амура немножко изувечила, и не вдруг доберешься до Вакха. Слышал я, что барон чистил себе желудок к моему приезду. Я весной прочищу свой желудок на водах и явлюсь совершенно способным наслаждаться вашими беззакатными ночами. Уж к тому времени и долго думавший, но мало прописавший муж, породивший исполина, должен прочистить себе желудок.— Нельзя ли прислать в г. Берлин сей год «Отечеств´енных⟩ записок»? Если Краевский не захочет дать даром, то я заплачу́ (а не запла́чу) по приезде; да я же ему готовлю статьи по 500 р. за лист. Нет, в самом деле, пришлите-ка «Записки»; ведь это легко сделать; а не то разучусь читать по-русски. Varnhagen читает Пушкина наизусть[5]. Каково?

Был на днях у Вердера[6], который так во что-то углубился, что слова от него не добьешься. Он смотрит с пренебрежением на все копсеквенции науки, до которых он не дошел; а все же человек хороший. Вчера была у нас Беттина. Много говорит, так много, что у меня происходят головокружения и я подконец ничего не понимаю; а славная женщина. В ее Briefwechsel Goethes есть ее разговоры с Бетговеном[7], перед которым я готов пасть на колени. Из немногих слов Бетговена можно развить всю философию музыки. Я намерен написать об этом статью в форме письма.

За сим прощайте, друзья мои. Что-то ничего порядочного сказать не в состоянии.

Обнимаю тебя крепко, барон. Не поленись, напиши поскорей. Хотя два слова. Когда буду очень хорошо расположен, напишу предлинное письмо. Прощай.

Рукой Сатина:

Так, например, ежели ты отдашь Краевскому мою «Ножку»[8], мог бы он за нее прислать экземпляр «Отечественных записок». Говорят, он разбогател, разбойник.

[1] О Николае Григорьевиче *Фролове* см. в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 169 и на стр. 89 настоящего тома.

[2] И. И. Панаев и его жена приехали в Берлин 3 октября 1844 г.

[3] М. С. Щепкин находился в 1844 г. на гастролях в Петербурге. Письмо с припискою Щепкина Огареву или об Огареве неизвестно.

[4] Намек на псевдоним Белинского «Петр Бульдогов».

[5] Варнгаген фон Энзе специально занимался Пушкиным: ему принадлежит статья о Пушкине.

[6] Карл *Вердер* (1806—1893) — профессор Берлинского университета. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 121.

[7] Речь идет о книге Беттины (Елизабет фон-Арним) «Переписка с Гёте».

[8] «*Ножка*» — поэма, единственное крупное поэтическое произведение Сатина (см. «Русские пропилеи», т. I, М., 1915, стр. 165—194).

---

* дражайшие (итал.).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГЕРЦЕНА с О. Р. СКАРЯТИНОЙ

Публикация Н. П. Анциферова

Публикуемая ниже переписка Герцена с Ольгой Ростиславовной *Скарятиной* (1834 — ?), передовой русской женщиной 1850—1860-х годов, порвавшей связи с реакционной дворянско-помещичьей средой, к которой она принадлежала по рождению и по замужеству, и связавшей свою судьбу с революционной эмиграцией, представляет живой интерес. Эта переписка является ценным свидетельством влияния Герцена на мировоззрение и быт русской молодежи.

Сведений об О. Р. Скарятиной сохранилось очень мало. Она была женой известного впоследствии крепостника В. Д. Скарятина, удачно названного П. В. Долгоруковым «борзописцем олигархов» (Петр. Владимирович Долгоруков. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934, стр. 267). Свою литературную работу он начал корреспонденциями из Италии в «Русском вестнике» 1860 г. В эти годы Скарятин выступал как умеренный либерал, поклонник английского парламентаризма. Однако уже тогда его реакционная сущность проявилась в резких выпадах против революционного движения. В 1862 г. Скарятин основал реакционную газету «Весть». Будучи ее издателем и редактором (вместе с Н. Юматовым), Скарятин неоднократно допускал злобные выпады против Герцена.

Увлекавшаяся передовыми идеями, почитательница Герцена и его сочинений, Скарятина неминуемо должна была разойтись во взглядах с мужем (хотя в своих письмах к Герцену она ни разу не мотивировала свой разрыв с ним идейным расхождением). Из ее писем явствует, что разрыв наступил уже в 1860 г. Желая получить медицинское образование, она покинула Россию и направилась в Италию (с Кавказа через Константинополь). Однако желание стать врачом не было достаточно твердым: разочарованная в личной жизни, неуверенная в своих силах и способности к самостоятельному труду, она решается на самоубийство. В таком состоянии душевного кризиса Скарятина обратилась к Герцену, ища у него нравственной поддержки. Ее первое письмо до нас не дошло. Ответ на него Герцена сохранился (в копии) в «софийской коллекции». Герцен писал:

7 сентября 1860

Письмо ваше я прочитал с вниманием. И могу, кажется, положа руку на сердце, сказать вам мое мнение. Ваша совершенная откровенность, серьезный тон вменяют мне обязанность отвечать вам искренно. Ваша жизнь впереди — а вы хотите ее окончить. Десять строк о впечатлении, которое сделала на вас природа в Константинополе и постоянное искание *полного* счастия, показывают, как вы молоды душой. Для чего же вы себя лишите жизни? Для чего покинете вашу дочь?

Вы постоянно, как почти все женщины, искали исключительно в одном чувстве, в чувстве любви к мужчине, *полного* удовлетворения, *долгого* удовлетворения. Но чувство любви только ⟨тогда⟩ удовлетворяет и надолго, когда есть другие интересы, т. е. работа, искусство, общие интересы, наконец воспитание детей. Ни одно личное чувство, ежели оно не основано на общем интересе, не достаточно; где ваше безличное святое, что́ бы вы любили всею душой? Если оно есть — ищите в нем счастья, если нету — раскройте вашу душу: оно влетит, как мотылек, в окно. До сих пор вы были сосредоточены на себе, на домашних, на возле стоящих — вместо того, чтоб смотреть в себя; посмотрите вокруг и не требуйте от людей, чтоб они были идеалы.

Жизнь — вещь случайная — дайте ей случайно окончиться. Речь идет не о праве человека убивать себя или нет. Этот вопрос разрешается ясно из всего воззрения моего,— а вы его знаете, иначе не стали бы писать ко мне; но это поступок слабый — без достаточных причин.

Вы искали человека; люди, встречавшиеся вам, далеко не подходили к тому искомому вашего сердца, о котором вы мечтали,— вы колебались, страдали и рассердились за то, что вы спрашивали больше, чем встретившиеся люди могли дать. Вам надо было встретить энергию и ум — которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную — которая бы вас вела... Вместо этого вы постоянно играли prim'y *, вам это опротивело, и вы хотите оставить дочь — вы этого не сделаете, я уверен.

Письмо ваше у меня. Позволите ли мне списать с него копию? Если нет, будьте уверены, что я его отошлю вам, не списывая **.

В своем ответе Герцен повторил мысли, развитые им ранее в романе «Кто виноват?», в статье «По поводу одной драмы» и в главе «Былого и дум» — «Раздумье по поводу затронутых вопросов». Неоднократно возвращался он к этим идеям и в своих письмах.

Письмо Скарятиной вызвало в Герцене не только сочувствие, но и глубокий интерес к ее личности, поскольку содержание этого письма подтверждало сложившиеся у него взгляды на проблемы любви и брака.

Неудовлетворенная ответом Герцена, болезненно самолюбивая и мнительная Скарятина написала ему обстоятельное «письмо-исповедь», автограф которого сохранился в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 106):

12 сентября <1860 г.>

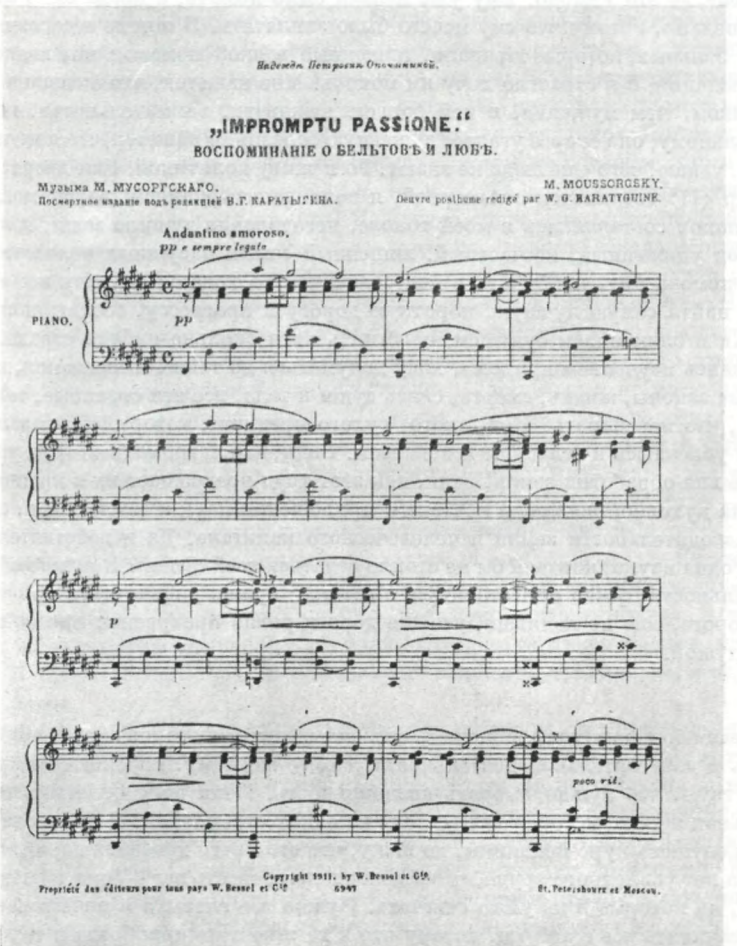
Я очень рада, что вам захотелось снять копию с моего письма,— вы просите отвечать, и это дает мне возможность еще поговорить с вами; без этой случайности я бы не стала вам писать. Ваше письмо меня не удовлетворило, отчего — и сама не знаю хорошенько, но чего-то я ждала другого. Еще вчера я получила его и долго думала — отчего оно подействовало нехорошо на меня, отчего мне захотелось упрекнуть вас за него. Мне хотелось, чтобы вы написали больше; чтобы вы развили и доказали ваше мнение, а между тем, обращаясь к вам, я сказала, что верю вашей опытности, уму и знанию человеческого сердца — значит, признала вас за авторитет. Вы говорите: нужно жить, а не сказали мне ни одного ласкового, ободряющего слова, которое бы подняло меня в моих глазах. Много я думала и пришла к тому: вы слишком заняты, вы поглощены одной идеей, одной деятельностью. Ваша цель так велика и благородна, что, конечно, перед ней должны исчезнуть интересы одной личности, и, конечно, я должна сказать вам искреннее спасибо и за те немногие слова, которые вы сказали мне; но все же вы далеко уже не тот Герцен, который писал «Кто виноват?», «Сороку воровку», «Доктора Крупова», «Былое и думы», — у того достало бы время и участия и для России, и для меня. Я высказываю вам это потому, что мне кажется недобросовестным поблагодарить вас за письмо и не сказать, что оно подействовало на меня нехорошо. Казалось бы, теперь нужно было только прибавить: копию с письма можете снять, поблагодарить вас за письмо и проститься, а я еще хочу с вами говорить. Я колебалась целый день; мне казалось неделикатным, без крайней необходимости, отнимать у вас время, но я решила следующее: писать вам и попросить вас отвечать мне только в таком случае, если у вас выберется свободное время и будет искреннее желание поговорить со мною; я пробуду здесь еще месяца два — значит, вам не нужно торопиться. Я знаю, что вы меня поймете и сделаете так, как я говорю, поймете, что мне будет грустно получить письмо, написанное так себе, только из приличия, что я предпочту лучше не получить вовсе ответа.

— Вы говорите, что я искала исключительно в любви счастья, полного удовлетворения. Нет, это не так — меня слишком живо интересуют умственные вопросы, чтобы я могла отступиться от них. Любить и только любить может один глупец; такая односторонность немыслима в умном человеке. Я только хотела, чтобы любовь занимала свое законное место среди других потребностей, чтобы ее не считали роскошью или детским препровождением времени, чтобы ее не сводили на степень привычки или стра-

* Здесь: первую скрипку (итал.).

** Повидимому, конец письма Герцена не сохранился, так как Скарятина в своем ответе ссылается на слова, которых в этом письме нет.— *Ред.*

сти. Меня раздражало и оскорбляло, когда Владимир*, лаская меня мимоходом, или от нечего делать, или в минуту страсти, хотел этим доказать, что любит меня. Если бы я могла ограничиться одной любовью, я бы полюбила Сер.**, который в продолжение четырех лет любил меня самой преданной, нежной, безграничной любовью; его чувство — почти идеал любви; однако я не полюбила его, не видя в нем достаточно силы,



«IMPROMPTU PASSIONE. ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛЬТОВЕ И ЛЮБЕ». МУЗЫКА М. П. МУСОРГСКОГО

Страница первая

Посмертное издание сочинений М. П. Мусоргского под редакцией В. Г. Каратыгина, СПб. — Москва, 1911 г.

энергии, которая кладет отпечаток на каждое слово, придает ему самостоятельность. Вы говорите: «Где ваше безличное святое? Если оно есть — ищите в нем спасения». В том-то и беда, что его слишком много, что оно слишком обширно. У меня одна из тех несчастных энциклопедических натур, которые равняются нулю. Я всему сочувствую, всем увлекаюсь до страсти, оттого-то, доживши до 26 лет, я и не сделала ничего. То мне кажется, что нет лучше деятельности, как медика, и хочу им сделаться. Я помню,

* В. Д. Скарятин.— *Н. А.*

** Кого имела в виду Скарятина, остается невыясненным. — *Н. А.*

как умирал мой сын, и мне кажется, что доктор был невнимателен, равнодушен, и мне кажется, что я бы помогла ему. Я помню один страшный вечер — я была у постели умирающего, он со стонами, слезами, раздирающим душу голосом молил дать ему лекарства; он держал меня за руку и все твердил: полечите меня, я выздоровлю. Он оставлял жену и дочь без куска хлеба. Боже, как он страдал! Страшно вообще умирать в таком положении, но думать: «Только бы были деньги на доктора, на лекарства, и я бы выздоровел», — это ужасно. Ему уже нельзя было помочь, а когда было можно, доктора не поехали, потому что ему нечего было заплатить. Я помню в деревнях тех несчастных больных, которые страдали, лишенные всякой помощи; мне видятся все эти слезы, страдания, и я страстно хочу им помочь. Мне кажется, что женщина будет лучшим медиком, чем мужчина, в ней больше нежности, внимательности, которые так нужны больному; она скорее угадает душевную болезнь. И кажется, что я многое, многое разгадаю, узнаю, чего еще люди не знают. То я живу политикой. Еще вчера, думая, что Александр ⟨II⟩ соединится с Австрией, я волновалась, как юноша, не могла уснуть; тысяча планов составлялась в моей голове, негодование душило меня, я видела русский народ униженный, несчастный, лишенный самых насущных человеческих прав, я хотела помочь ему, пробудить в нем сознание. То хочется изучить все социальные вопросы, найти самую лучшую, короткую дорогу к прогрессу, создать норму идеальной жизни в ближайшем будущем, облегчить хотя сколько-нибудь страдания людей. То, увлекаясь изучением природы, хочу додуматься до тайны мироздания, понять все: эти чудные законы, жизнь, смерть, связь души и тела, все эти странные, таинственные силы. Да, что перебирать? Нет такого сухого предмета, который бы казался мне сухим, — я увлекаюсь и сельским хозяйством. Видя, какой громадный труд употребляют крестьяне для обработки земли, видя, как этот труд превращает их в машину, не оставляя места духовной жизни, я мечтала о приложении наук к земледелию, об увеличении производительности земли и человеческого капитала. Да и действительно, разве есть хоть одна наука, которой бы не стоило отдаться всей душой? Как же выбрать одну? К специальности нужно приготовиться с детства; нужно подвинуться по одной какой-нибудь дороге, еще не понявши, что все дороги равно прекрасны, еще не полюбивши их всей душой.

16 сентября

Я совсем больна и хочу, пока есть еще силы, кончить это письмо. Меня мучает потребность в действительной деятельности, я хочу видимых, положительных результатов, чувствую, что нужно выбрать специальность. Меня не удовлетворяет более эта мечтательная жизнь, которая вся состоит из одних стремлений. Я приехала сюда с намерением слушать курс медицины, но вижу, что это почти невозможно; нужно бы было несколько лет усиленного труда, а моей дочери скоро шесть лет,— она делает мне бездну вопросов, на которые я не умею отвечать. Нужно все знать, а я ничего не знаю; приходится начинать все с азбуки, потому что в детстве я не приобрела и тех ничтожных знаний, которые обыкновенно даются у нас женщинам. Мне нужен труд, громадный, постоянный, а я одна с моей дочерью, — она беспрестанно говорит со мной, скучает одна, характер ее портится — и я не знаю, за что взяться. Я дошла до страшной разладицы. Вы видите, что я не расплываюсь в одних туманных стремлениях — быть полезной непосредственно человечеству, я бы с радостью заключила свою деятельность в самый тесный круг; но как это сделать, с чего начать? Два месяца тому назад во мне было много энергии, все казалось возможным, потом, вы знаете, во мне явилось сомнение в своих силах, в порядочности моей натуры, сомнение привело меня к полному разочарованию в себе — в это время я вам писала, потом силы оборвались, как обрывается слишком натянутая струна. Во мне явилось какое-то равнодушие к своему положению, я перестала страдать, я перестала думать о себе; у меня нет сил думать, потому что думать и не страдать — невозможно. Нельзя назвать апатией мое настоящее состояние, потому что, например, политика интересует меня в высшей степени,— все это время я с самым живым интересом слежу за ней. Я только не думала о себе. Я помню только, что решилась умереть, что убедилась в необходимости этого, но я только помню; теперь я не сознаю, не чувствую этой необходимости. Может быть, к этому состо-

янию привело меня то, что мне нужно еще долго жить: муж мой 9-го сентября был еще на Кавказе, а я не могу ничего предпринять, пока не получу от него ответа. Я надеялась, что к двадцатым числам сентября или он здесь будет, чтобы взять Надю, или я уеду в Россию. По натуре своей я очень деятельна, я не могу быть минуты в бездействии; между тем, теперь я не могу ни за что взяться, зная, что через два-три месяца нужно умереть.

18 сентября

Вот и еще раз принимаюсь писать вам. Может быть, было бы лучше совсем не писать. Но так как нужно написать хотя несколько слов, я не могу не высказать всего. Рассуждая, я не нахожу за что бы вас упрекнуть, но какое-то инстинктивное чувство говорит мне, что вы неправы, — письмо ваше слишком неудовлетворительно. Вы говорите: «Жизнь — вещь случайная, и дайте ей кончиться случайно». Потом «самоубийство — поступок слабый, без достаточных причин», потом вы говорите, что я употребляю слово *падение* неправильно, — «*падение не то*». Да разве самоубийство не есть такая же случайность, как и все другие? Известное сцепление случайностей привело меня к разочарованию в себе, а это последнее к мысли о самоубийстве. Могло бы случиться, может быть, иначе, могло бы случиться, что я не имела бы случая убедиться в своей слабости, была бы счастлива, стала бы жить,— все это случайности. Я не знаю, вообще ли вы считаете самоубийство слабостью или только для меня находите это поступком без достаточных причин? Я думаю, что вы это сказали только относительно меня. Да каких же нужно причин? Для меня жизнь — мученье; я не могу быть счастлива; к деятельности я не приготовлена — значит, не могу быть полезна; близким моим я могу дать только горе; нравственное влияние мое на дочь может быть только вредно (признавая, что мой взгляд на мое прошлое верен). Ведь жить, так нужно же иметь цель, а когда я знаю, что ни до одной цели я не дойду? я думала: религия — результат слабости людей; чувствуя потребность в утешении, в опоре вне себя, они создали религию; потерявши все, они еще надеются на счастие за гробом; там, где разум ясно доказывает невозможность надежды, они надеются на чудо; там, где неверующий доходит до разочарования в себе, до презрения к себе, верующий плачет, молится и верит, что раскаяние искупляет его падение. Все это очень выгодно, но такое жалкое, маленькое, ничтожное. Я хотела развить мою дочь насколько возможно правильнее, я верила, что она будет сильна.

Иногда я думала, что не лучше ли дать ей веру с детства, что после, если достанет сил, она и сама дойдет до отрицания; но потом, думая о той борьбе, чрез которую она должна будет дойти до отрицания, о том, сколько сил на это потребуется, о том, наконец, что религия кладет нелепый отпечаток на весь характер, лишает самостоятельности, ограничивает мысль, не дает простора анализу,— одним словом, сравнивая выгоды и невыгоды религии, я решилась исключить ее. Дочь моя совершенно самостоятельна и свободна; я могу ей только советовать, и она имеет право сказать мне, что не хочет слушать моего совета, и сделать по-своему. Дисциплины нет и тени. Вы понимаете, какого постоянного внимания, какого спокойствия с моей стороны требует эта система. Вы знаете, сколько я страдала в последнее время. Я не имела буквально минуты покоя, я была нетерпелива, раздражительна, невнимательна, и характер Нади очень испортился. Вы видите, какой громадный труд я взяла на себя, какую страшную ответственность, приняв эту систему воспитания; и теперь, когда я потеряла веру в себя и в свои собственные силы, как я буду продолжать воспитание Нади? Отчего вы не сказали, что́, по-вашему, *падение*. Я создала себе убеждения, у меня достало сил их сознать, но я отступилась от них в жизни — разве это не падение? Я не знаю теперь сама, что со мной будет, на что я решусь. Я в самом странном состоянии духа, которое, впрочем, объясняется теперь болезнью — и болезнь-то странная: я ослабела до того, что едва сижу, как будто долго была больна. Все мое несчастье в том, что у меня постоянно являются эти перерывы. Теперь я не страдаю, не думаю, силы опять укрепятся, и я сделаюсь способна вынести новые страдания. Не будь этих перерывов, я бы, может быть, и половины не вынесла бы того горя, которое пережила: я думала, что можно будет скоро умереть, а теперь приходится ждать и жить самою нелепою жизнью. Минутами является во мне жизнь, энергия, но все это только порывы, я сейчас же чув-

ствую, что нельзя жить с моим прошлым. Я чувствую потребность сделать что-нибудь, а глупо же делать, когда нужно умереть. Ничего нет страшнее, как вдруг переменить-ся. Как мне неловко получать теперь письма от людей, которые знали меня два года тому назад, которые привыкли ставить меня очень высоко; они говорят мне о том, как полезно мое влияние на них; они отдают мне отчет в своих действиях, рассказывают с радостью о том добром, что они сделали, ждут моего одобрения, приписывают это все моему влиянию; сознаются мне в дурном, как будто перед олицетворением совести. Как мне неловко, совестно; я их не обманывала прежде, а мне кажется, что точно обманывала; точно я присваиваю себе что-то, мне больше не принадлежащее. Чем выше они ставят, тем больше я чувствую себя униженной, тем больше мне и обиднее и за себя и за них. Неужели теперь вы скажете, что это не надение? Нет, мое чувство не обманывает меня. Теперь я говорю вам только факты, которые я понимаю, но не чувствую; теперь я не думаю о смерти, не страдаю, но я понимаю, что когда я опять сделаюсь способна чувствовать, я не буду в состоянии жить. Я думаю, что верование в переселение душ явилось в первый раз в уме человека, который находился в положении, подобном моему. Я вспоминаю прошлое — сердце рвется к нему, а возврат невозможен. Однако будет писать, я уж не возражаю давно на ваше письмо, а просто говорю о себе, высказываю все, что думаю и чувствую, забывая о вас. Когда пришлете мое письмо, напишите мне, почему вы хотели иметь с него копию. Прощайте. Какой вы счастливый — вы умеете быть полезным, может быть поэтому вы и не можете понять, как мне тяжело жить.

О. Скарятина

18 сентября 1860 года. Флоренция.

Рукой Герцена: Florence. Olga Skariatine
Via Maggio caro, Grazzini.

Упреки Скарятиной Герцену, как видно из его письма от 7 сентября, были лишены основания. Преследуя «великую и благородную цель», Герцен никогда не забывал «интересов одной личности». На первое письмо Скарятиной он отвечал немедленно, ободряя ее и выражая уверенность, что она одумается и откажется от мысли о самоубийстве. Ее второе письмо Герцену заключало в себе самоосуждение наряду с плохо скрытым самовосхвалением.

Скарятина не принадлежала к тем, кого Герцен называл «нигилистками». Она ближе к тому типу, к которому Герцен относил супругов Энгельсонов, к типу, сложившемуся, по его словам, в конце 40-х годов, до появления Чернышевского (XIII, 599), к типу людей «образованных», «даровитых», но «нервных, болезненных и поломанных».

Герцен ответил и на второе письмо Скарятиной. Ответ этот до нас не дошел, но о содержании и тоне его мы узнаем из ее ответного письма. Оно датировано 7 октября и относится к тому же 1860 г. Автограф его также сохранился в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 106).

7 октября <1860 г.>

Спасибо вам, добрый, милый Герцен, за ваше письмо. Если бы вы знали, как я ему была рада, вы бы были удовлетворены. Теперь я верю вашему участию. Я хочу ему верить. Теперь вы мне сказали то ободряющее слово, за недостаток которого в первом письме я вас упрекнула. Как хорошо я сделала, написавши вам, — я одна здесь, совсем одна, более месяца, как я не получаю писем, а теперь мне нужнее, чем когда-нибудь, слово участия и ободрения, и потому вы, зная уже, какая симпатичная для меня ваша личность, поймете, как я была рада вашему письму.

С тех пор, как я писала вам, во мне произошла перемена и такая странная, что я хочу вам сказать о ней. Я, кажется, писала вам, что ослабела не только нравственно, но даже и физически до того, что перестала даже думать о себе,— потому что думать и не страдать не могла, а страдать не было больше сил. Однако это состояние не было полная апатия; я следила с живым интересом за политикой, и голова моя работала с каждым днем деятельнее. Теперь я чувствую в себе новый прилив сил и энергии, опять мне кажется, что я многое, многое сделаю. Вы видите, что были правы, говоря, что я

еще не отжила; но вот вопрос теперь: справлюсь ли я с этими вновь вспыхнувшими силами? Я не в нормальном состоянии, я не покойна, я не вполне сознательной жизнью живу. Этот поток сил бессознательно, независимо от меня, увлекает меня в жизнь; но ведь я себя не оправдала, я не доказала себе, что чувство мое к Ухт⟨омскому⟩ не унизило меня безвозвратно. В моем сердце сделалась такая странная вещь, что я не знаю, как и назвать ее: мое прошлое стало мне как будто чужое; мне оно кажется нелепостью, которая не могла быть; только память говорит мне, что все это было действительно.

24 октября

Я не кончила мое письмо за один раз, а на другой день у меня не только не было желания вас поблагодарить за ваше письмо, но оно меня раздражило, огорчило и я не могла писать. Потом мне все казалось, что я должна написать вам, поблагодарить вас за ваше письмо, но я хотела сделать это искренне и до сих пор не могла. Сегодня на меня нашло светлое и спокойное состояние духа; я прочитала ваше письмо и хотя впечатление его почти то же, что и на другой день по получении, но оно меня не раздражило, и я вас оправдала; я поняла, что иначе вы не могли написать; я увидала, что я была не логична, желая найти в нем... Впрочем, зачем говорить о том, что я хотела найти и чего не нашла. Я рада, что я поняла, что вы правы; я рада, что ваша личность опять стала такой же светлой и человечной, как была прежде; я рада, что сегодня могу вам искренне сказать спасибо за письмо ваше. Я посылаю вам мой портрет: мне, на вашем месте, узнавши чью-нибудь жизнь так коротко, как вы узнали мою, непременно бы захотелось вообразить себе лицо этого человека — лицо многое может сказать, меня оно никогда не обманывало. Направо от меня — мой муж*.

Я упоминала в моем первом письме об Акимовой; эта женщина умная, добрая, развитая и с самым горячим желанием быть полезной. У ней есть маленькое состояние, она рвется к деятельности и выискивает средства как бы полезнее, лучше употребить свое состояние. Перед моим отъездом она хлопотала о составлении филантропического общества, цель этого общества «делать добро во всех его видах»; оно должно было быть тайным. Я, находя, что цель слишком туманна, неопределенна, что тайные общества вообще почти бесполезны, а в России ведут только к тому, что, возбудивши подозрения правительства, губят лучших членов, предложила ей основать общество на других началах. Мой план мне кажется довольно практичным и сообразным с деятельностью разных лиц. Если Акимова согласится привести в исполнение мою мысль,— я пришлю вам мой план, потому что прежде, чем просить разрешение правительства, я хочу, чтобы вы поправили этот проект. Если я умру прежде получения ответа Акимовой, я ей напишу, чтобы она ничего не предпринимала без вашего совета. В таком деле, конечно, у вас не будет недостатка ни во внимании, ни в участии.

Теперь еще мне хочется сказать вам одну мысль. На днях, прочитавши, что Декарт в высшей степени логически разумно, ясно выводит существование бога, я с жадностью принялась его читать; прочитавши три или четыре страницы, я бросила, мне показалось это просто глупостью. Мне пришло в голову несколько возражений, их то я и хочу вам сказать:

Бог бесконечен, совершенен, свободен, всемогущ и проч.

Бесконечность может быть только одна,— если более, начало другой будет конец первой. Творить — значит создавать что-нибудь вне себя, а у бога не могло быть вне себя, если он бесконечен.

Совершенство может быть только в одном виде и, или бог не был соверш⟨енен⟩, когда не творил, или когда сотворил.

Если бы он был свободен и всемогущ — все существующее должно бы было быть совершенно: он как совершенство не мог бы пожелать несовершенного.

Это главные возражения. Сперва я ими удовлетворилась, но теперь меня мучает сомнение в их справедливости. Мне кажется моя мысль такой простой, такой математической истиной, что я начинаю думать, что она просто нелепость,— не может быть, чтобы такая простая вещь (если она справедлива) не пришла в голову ни одному из

* Местонахождение этого портрета неизвестно. — *Н. А.*

всех этих гениальных людей, которые занимались философией. Я начинаю думать, что моя мысль — игра слов, загадка, самая бессмысленная, и все дело в том, что я не могу догадаться — в чем тут фокус.

Не сетуйте на меня, что еще вам надоедаю своими вопросами. Если бы вы знали, как меня мучает разрешение этого вопроса, а кроме вас мне некого спросить. Вы занимались философией, вы все читали, думали обо всем, значит, вы можете мне сказать, была ли эта мысль высказана и опровергнута; если да, то где, кем именно; если нет, вы скажете ваше мнение. Конечно, в том только случае, если найдете, что мысль моя верна, если же она бессмыслица — не стоит, чтобы вы трудились и отвечать,— не получивши ответа, я буду знать, что моя мысль нелепость. Но если моя мысль верна, буду жить, буду работать над ней, разовью ее в систему.

Прощайте. Еще раз благодарю вас за письмо. Пожалуйста, не считайте себя обязанным отвечать на это письмо. В одном только случае: если моя мысль верна, вы должны отвечать, потому что тогда на сцене уже не моя личность, а просто мысль, которая может быть полезна.

Прощайте.

О. Скарятина

Ответил ли Герцен на это письмо — установить не удалось.

В последующие годы Скарятина со своей дочерью Надей жила в Италии. Повидимому, здесь она встретилась с Л. И. Мечниковым — видным представителем «молодой эмиграции», гражданской женой которого стала.

В конце 1864 или в начале 1865 г., в Швейцарии, состоялась встреча Скарятиной с Герценом, который позаботился об устройстве в пансион ее дочери. Надя была помещена в пансион Фрелиха, о котором Герцен собрал положительные отзывы и куда поместил также свою дочь Ольгу. Однако Фрелих не оправдал его надежд. В письме к М. Мейзенбуг от 26 января 1866 г. Герцен писал: «Надю взяли от Фрелихов. Прощу ли я когда-нибудь нам всем и себе этот дурацкий опыт!?» (XVIII, 325).

Судьба Скарятиной продолжала интересовать его. 1 августа 1866 г. он писал Н. А. Огаревой: «...я с ужасом смотрю на растущую бедность Мечник<овых> и всех остальных». Бросив упрек Н. А. Тучковой-Огаревой по поводу ее презрения к деньгам, Герцен продолжает: «...а тут мы же удивляемся поведению Скарятиной... — она спасает кусок хлеба Наде. Какая работа ей достанет его?» (XIX, 37).

Войдя в среду «молодой эмиграции», Скарятина разделяла с ней все тяготы быта. Л. И. Маклакова писала в своих воспоминаниях: «Льва Ильича <Мечникова> угнетала мысль, что жена <его> жила раньше с первым мужем в довольстве и роскоши, не побоялась оставить его, чтобы соединить свою судьбу с бедным эмигрантом, и, несмотря на всю талантливость, на постоянную упорную работу и все усилия, он не мог доставить ей хотя бы только спокойного и безбедного существования. Он обожал свою жену» (рукописный отдел Государственного литературного музея).

Публикуемые ниже документы из архива III Отделения бросают некоторый свет на дальнейшую судьбу Скарятиной как человека, прочно связавшего себя с революционными кругами. Документы эти отражают некоторые эпизоды из истории борьбы русской реакционной печати против Герцена и его «Колокола».

1 апреля 1866 г. в л. 219 «Колокола» Герцен напечатал статью «1789», в которой сообщал об оппозиционных по отношению к правительству выступлениях реакционеров на собрании петербургского дворянства. «Ломайте, господа, ломайте пуще всего друг друга...», — восклицал Герцен, выражая надежду на неизбежное ослабление правящего лагеря в связи с растущими внутри него раздорами (XVIII, 365).

Приехавший весной 1866 г. в Женеву Скарятин отправил 17 апреля в свою газету корреспонденцию «Из Швейцарии», в которой со злорадством писал об упадке влияния «Колокола» и резко полемизировал со статьей «1789», обвиняя ее автора в том, что он интригами или клеветой старается «подорвать доверие между властию и дворянством» («Весть», 1866, № 30 от 21 апреля). Появление в газете этой корреспон-

денции совпало с кампанией, поднятой реакционной печатью в связи с выстрелом Каракозова. Скарятин не замедлил присоединиться к этой кампании. В № 29 (от 18 апреля 1866 г.) «Весть» напечатала письмо, полученное из Женевы, в котором утверждалось, что «истинная цель» покушения Каракозова «должна быть в замыслах революционеров всемирной пропаганды». Для того, чтобы придать видимость доказательности этому утверждению, автор письма прибегнул к провокационному намеку: «В Женеве (где издается „*Колокол*“ и другие революционные славянские издания) журналы печатали 6/18 апреля, что преступник — русский; люди, заведомо состоящие в сообщничестве с революционерами всех народов, утверждали, что преступник не только русский, но дворянин. Откуда знали они это 6/18 апреля утром, когда в Петербурге сделалось известным только 12/24 апреля — имя и звание преступника?»

Это письмо вызвало негодующий протест со стороны русских, проживавших в Женеве. Протест был направлен ими в «Колокол», но Герцен не напечатал его, а ограничился заметкой «Не стоит», в которой убеждал авторов протеста отказаться от их требования: «...нам кажется, что подымать эту тысяча первую клевету не стоит» (XVIII, 403).

Скарятина, не сомневавшаяся, что автором клеветнического письма был ее бывший муж, написала ему по этому поводу письмо (от 15 мая) с выражением своего крайнего возмущения. К этому времени Скарятин уже вернулся в Петербург, и письмо попало в руки III Отделения, в делах которого сохранилось его подробное изложение с обширными выписками:

«Выписка из письма без подписи из Женевы от 15 мая н. ст. 1866 г. к Владимиру Дмитриевичу Скарятину в СПб. в редакцию газеты „Весть“

к № 401

В начале ⟨О. Р. Скарятина⟩ говорит о „литературном доносе“ в газете „Весть“ на учителей пензенской гимназии.

Затем другой факт: вы пишете, что в эмиграционном кружке 6-го числа уже знали наверное, что стрелявший был не только русский, *но и дворянин*. Это донос и клевета в то же время. Никто этого не знал и даже „Колокол“ опоздал, потому что Герцен ждал известий. Из нашего кружка только я одна видалась с вами, но ведь не я же это вам сказала. Неужели же вы так исказили как-то раз высказанное мною *предположение, что, может, это и крепостник стрелял. Я помню, что я вам тогда же говорила* и давала даже честное слово, что это не нашей партии дело, что нам это страшно повредит и прибавила: „Это сделал или какой-нибудь фанатик или крепостник“.

Далее Скарятина обвиняет его в клевете на партию, в том, что на основании предположения он предает людей в руки кровожадного Муравьева. „Царя выстрел не ранил, а нас всех доканал“. За клевету вы получите деньги и это наследие оставите Наде» (ЦГИАМ, ф. III Отд., 2-й секретный архив, 1866 г., д. 174, ч. 401).

Скарятин, уличенный в клевете, прибегает к грубому маневру, чтобы отвести от себя обвинение. В № 36 «Вести» он напечатал «Важную поправку», в которой заявлялось: «Не желая вводить в заблуждение кого бы то ни было, мы считаем своим долгом пояснить, что *один из редакторов „Вести“ находился в то время в Женеве и ничего подобного не слыхал*» (XVIII, 403). Далее он высказывал предположение, что мифический автор письма был введен в заблуждение известием английского журнала «The Owl», который «напечатал, что преступник есть русский дворянин».

К выписке из письма Скарятиной агент III Отделения приложил справку о ее личности:

к № 401—66

Справка. Особа, писавшая прилагаемое у сего в выписке письмо, — жена В. Д. Скарятина, с которой он уже не живет лет пять или шесть. Она познакомилась во Флоренции с известным другом Бакунина и Герцена — Владимиром Мечниковым*

* Ошибка: речь идет о Льве Мечникове.— *Н. А.*

и с тех пор находится с ним в любовной связи. Они проживают в настоящее время в Женеве, где Мечников участвует в редакции «Колокола» и куда недавно ездил сам Скарятин с целью устроить дело о разводе с женой. Надя, о которой упоминается в письме, — дочь Скарятина, которой он постоянно высылает деньги на воспитание. Мечников пишет в «Современнике» под псевдонимом *Леона Бранди*. В. Д. Скарятин в скором времени опять отправится за границу, где он намерен пробыть до августа месяца.

12 мая 1866 г.

На полях: Участие Мечникова в редакции «Современника» и в редакции «Русского слова» обнаруживается и последующими перлюстрациями.

Из этой справки явствует, что О. Р. Скарятина уже давно находилась под наблюдением царской агентуры за границей. Видимо, Скарятина только в 1866 г. решила оформить свои отношения с Л. И. Мечниковым и развестись с мужем. Очевидно, она сделала это ради дочери, которая получила фамилию отчима. В письмах Герцен, продолжая называть Ольгу Ростиславовну Скарятиной, Надю всегда называл Мечниковой.

Лев Ильич Мечников, замечательный разносторонне одаренный ученый и пламенный революционер, был для О. Р. Скарятиной тем человеком, встречи с которым желал ей Герцен: «Встретить энергию и ум — которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную — которая бы вас вела».

Запутавшаяся в противоречиях женщина, стремившаяся найти свое место в жизни, встретила в Герцене отзывчивого и мудрого советчика, указавшего ей путь к разумной и осмысленной жизни.

ОГАРЕВ — С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

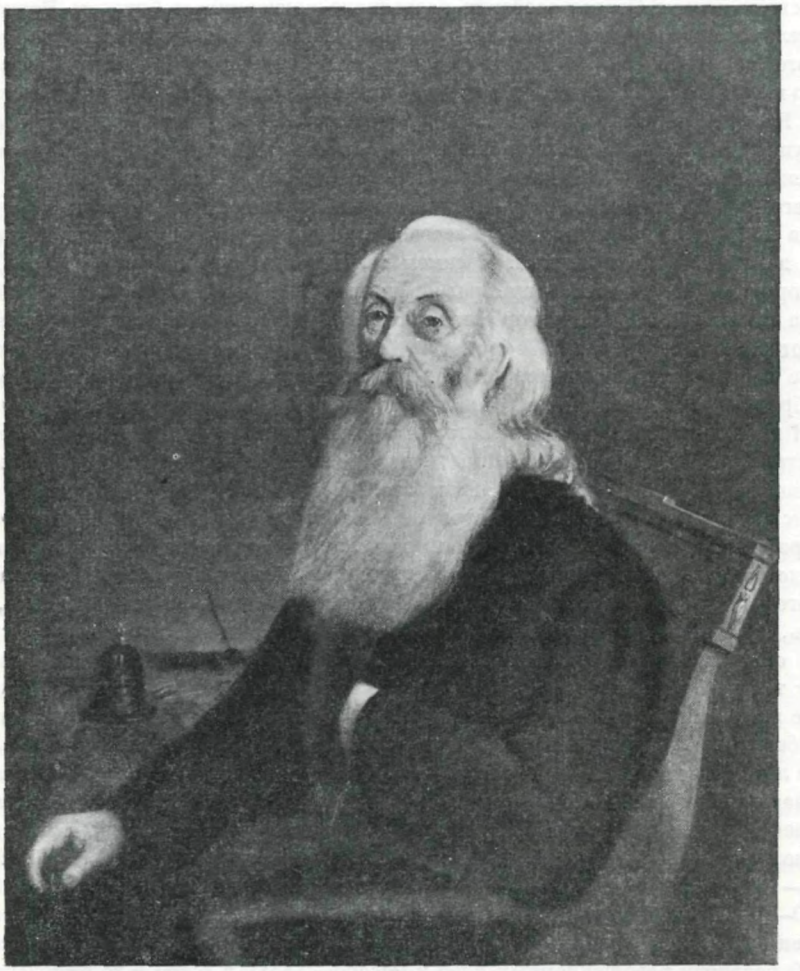
Публикация Ю. Г. Оксмана

Письмо Огарева к декабристу С. Г. Волконскому написано под непосредственным впечатлением рассказов Герцена о его встрече в Париже с последним из оставшихся в живых руководителей Южного общества, другом и соратником Пестеля. Эта встреча произошла в конце июня — в самом начале июля 1861 г. (XXII, 314). Около 8 июля н. ст. Герцен был уже в Лондоне, так что наиболее вероятной датой письма Огарева к Волконскому является 8 или 9 июля 1861 г.

Князь Сергей Григорьевич *Волконский* (1788—1865) — генерал-майор, командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, герой Отечественной войны, член Союза Благоденствия и Южного общества. После десятилетней каторги и двадцатилетней ссылки проживал под надзором полиции в Москве и в деревне дочери. В 1859 г. в первый раз выехал для лечения за границу; второе его пребывание за рубежом относится к 1860—1861 гг. Этой зимой с ним знакомится во Флоренции Л. Н. Толстой, обращающийся под впечатлением встреч с Волконским к замыслу романа о декабристах. Страницы о возвращении из Сибири в Москву Волконского (именно он является прототипом старика-декабриста Лабазова) Толстой читает в Париже И. С. Тургеневу и с большим удовлетворением передает его положительный отзыв о первых главах нового романа в письме от 26 марта 1861 г. к Герцену (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, стр. 374). Незадолго до этого о встрече с Волконским пишет Герцену и сам Тургенев («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 139). Осведомленные о приезде Волконского в Париж, Герцен и Огарев 28 марта 1861 г. передают ему привет по случаю манифеста об освобождении крестьян (XI, 59). О том впечатлении, которое произвело затем на Герцена его знакомство с Волконским, мы знаем из нескольких источников. Самым замечательным из них является рассказ Герцена в его четвертом «Письме к будущему другу»:

«В 1861 г. <...> я опять почувствовал себя молодым студентом. Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми

волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уже иным светом... Я слушал, слушал его — и, когда он кончил, хотел у него просить напутственного благословения в жизнь, забывая, что она уже прошла... И не одна она» (XVII, 99).



С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
Портрет маслом неизвестного художника, 1860-е гг.
Музей революции, Ленинград

Имя Волконского не было названо здесь открыто — он был еще жив, и дружеские строки в «Колоколе» могли ему повредить. Но после смерти декабриста Герцен, печатая в *«Колоколе» от 15 января 1866 г. его некролог, написанный* П. В. Долгоруковым, присоединил к этим поминальным страницам и те несколько слов о встрече с Волконским, которые появились впервые в «Письмах к будущему другу». К этим строкам он прибавил еще несколько слов: «Удивительный кряж людей... Откуда XVIII век брал творческую силу на создание гигантов везде, во всем, от Ниагары и Амазонской реки до Волги и Дона... Что за бойцы, что за характеры, что за *люди!*» (XVIII, 315).

Воспоминания Герцена о Волконском делают нам понятными не только тему, но и самую тональность тех рассказов о нем, под впечатлением которых Огарев обратился летом 1861 г. к Волконскому с печатаемым ниже личным письмом.

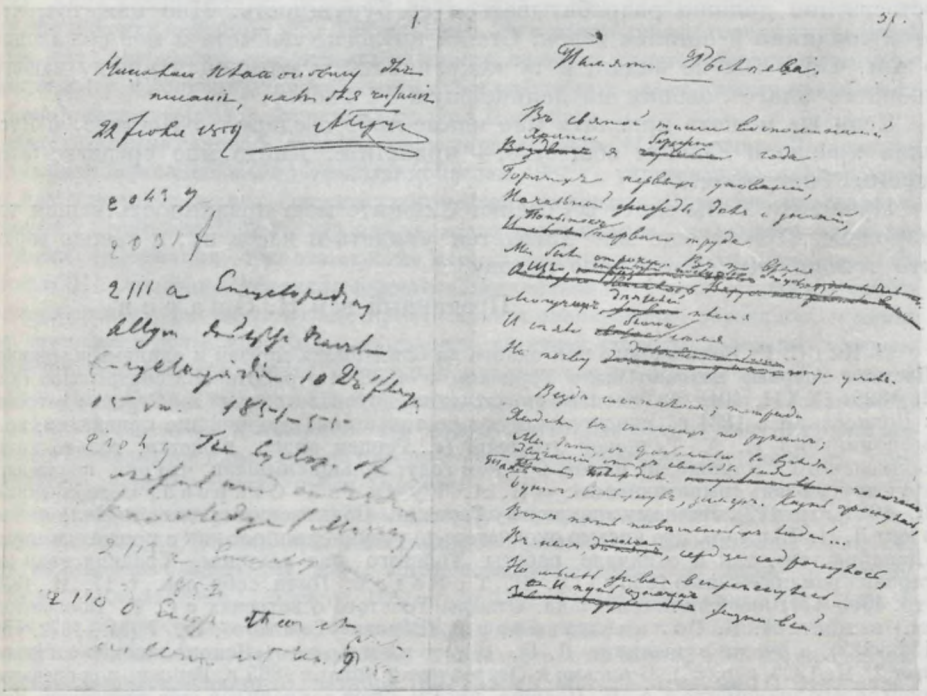
Это обращение нет оснований рассматривать лишь как простое изъявление чувств уважения и любви к Волконскому — одному из старейших носителей тех «традиций русской свободы», которые связывали деятелей Северного и Южного обществ с следующими поколениями русских революционеров.

В своем письме Огарев особенно настойчиво подчеркивает близость Волконского к Пестелю и исторически определяет его как представителя той «стороны» революционного движения 10—20-х годов, манифестом которой была «Русская правда». Именно к этому политическому документу Огарев возводит и генезис тех новых «взглядов на Россию», которые, по его мнению, вдохновляют и современных ему «борцов за ее будущность». Характерно, что Огарев, обращаясь к Волконскому, не считает нужным рекомендоваться — он как будто бы не сомневается в том, что адресат письма знает его не только как деятеля революционной эмиграции, ближайшего соратника Герцена по «Колоколу» и «Полярной звезде», но и как давнего апологета и популяризатора декабристских традиций. В самом деле, в литературном формуляре Огарева в эту пору уже был уничтожающий разбор книги М. А. Корфа о Николае I (в сборнике Герцена «14 декабря и император Николай», 1858), им была уже выпущена в свет «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861), он редактировал замечательное лондонское издание «Дум» Рылеева (1860), ему принадлежали воспоминания о встречах с декабристами, опубликованные под названием «Кавказские воды» («Полярная звезда на 1861 г.»), он же был, наконец, автором таких проникновенных стихотворений о декабристах, как «Я видел вас, питомцы дальних стран...», «О, если б мне пришлось прожить еще года...», «Памяти К. Ф. Рылеева».

Письмо Огарева говорит о его горячем желании стать историком Южного общества и биографом его вождей. Поэтому он и претендует на внимание Волконского, поэтому он и ждет от него конкретных советов и материалов, причем и здесь его занимают больше всего Пестель и «Русская правда». В строках об этом Огарев допускает, кстати сказать, существенную неточность — он утверждает, что деятельность Пестеля известна ему «только из смутных отрывков, упоминаемых Следственной комиссией». Между тем в «Донесении Следственной комиссии» мы не найдем ни слова о том, что больше всего занимало и Герцена, и Огарева — данных об аграрной программе Южного общества. Единственным источником сведений об этом в течение нескольких десятков лет была книга Н. И. Тургенева «Россия и русские», в которой мемуарист, рассказывая о своих спорах с Пестелем в 1824 г., попутно характеризовал его планы «обобществления земельной собственности» и квалифицировал их как русский вариант утопических теорий Роберта Оуэна и Фурье («La Russie et les Russes», t. I. Paris, 1847, p. 129—130; ср. перевод в книге: Н. И. Тургенев. Россия и русские, т. I. М., 1915, стр. 90—91). Полемизируя с Н. И. Тургеневым, Герцен, на основании данных своего же противника, сумел правильно определить платформу «Русской правды» еще в работе «О развитии революционных идей в России» (1851), а затем и во всех дальнейших своих писаниях о декабристах широко прокламировал революционный пафос Пестеля и национальное своеобразие проектируемого им нового социально-экономического законодательства. На этих же позициях стоял и Огарев, который, определяя в своем «Разборе книги Корфа» в 1858 г. программу Союза Благоденствия, солидаризировался не с составителями «Зеленой книги», а с «Русской правдой». «Пестель,— писал Огарев, ссылаясь на книгу Н. И. Тургенева,— шел далее; его задушевной мыслью было изменение экономического порядка в государстве, изменение собственности, так, чтобы все русские были земельными собственниками, чтобы все без исключения участвовали в землевладении и на этом основании пролетариат в России был бы невозможен» (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 224).

Эти принципы «Русской правды» Огарев понимал как принципы социалистические, лежащие в основе той традиции, которая перенята была деятелями революционного движения 30—50-х годов от их предшественников и которая кровно объединила «поко-

ление распятое» с поколением «принявшим завет и продолжающим задачу» (Н. П. О г а р е в. Кавказские воды — «Полярная звезда на 1861 г.». Лондон, 1861, стр. 350). Приведенные строки из воспоминаний Огарева о встречах его с декабристами на Кавказе в 1838 г. объясняют и просьбу его, обращенную к Волконскому, о «заочном благословении на дальнейшую работу». «Работа» мыслилась им, конечно, только как работа революционная, причем лично себя Огарев считал таким же обреченным, как и все предшествующее поколение, «распятое». Особенно красноречиво свидетельствуют об этом последние слова его письма к Волконскому.



ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ ОГАРЕВА, ПОДАРЕННАЯ ЕМУ ГЕРЦЕНОМ, И СТРАНИЦА ТЕТРАДИ СО СТИХОТВОРЕНИЕМ ОГАРЕВА «ПАМЯТИ ГЫЛЕЕВА»

Дарственная надпись Герцена: «Николаю Платоновичу для писания, нам для читания. А. Герцен, 22 июля 1859»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Историческое значение этого письма остается неизменным, независимо от того, было ли оно переписано и отправлено по назначению или осталось неперебеленным в бумагах Огарева, дошло ли оно до адресата или затерялось в пути.

Письмо Огарева печатается по черновому автографу, сохранившемуся в «софийской коллекции». Впервые частично опубликовано С. А. Макашиным в «Известиях Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1954, вып. 5, стр. 459—460.

〈Лондон. 8 или 9 июля 1861 г.〉

Князь Сергей Григорьевич,

Глубоко позавидовал я свиданию Герц〈ена〉 с вами, так же глубоко, как и был рад ему, как был тронут им[1]. Хотелось мне лично пожать вам руку *. Может, и я уже в том возрасте, когда жить остается недолго и

---

* *Далее вачеркнуто:* или, лучше, получить ваше благословение на дальнейший труд.

дела так много, что приходится наскоро сбирать и напрягать все силы, чтобы успеть что-нибудь сделать. Тем дороже становится та придача силы, которую вносит в нашу жизнь чувство связи с вами, чувство традиции русской свободы, принятое от вас и хранимое с религиозным благоговением. В этой традиции вы мне представляете ту сторону, которая мне всего ближе, которой летопись, к несчастию, наиболее утрачивается, сторону — Русской правды[2]. Деятельность Пестеля мне известна только из смутных отрывков, упомянутых следственной комиссией. Но и их было достаточно, чтобы обозначить взгляд на Россию и путь, по которому * естественно должна разрабатываться ее будущность. Мне кажется, что этой традиции я остался верен. Стало, вы легко поймете и мое сожаление о том, что я вас не видал, и ту искренность, с которой я прошу вашего заочного благословения на дальнейшую ** работу.

Если вы можете прислать мне какие-либо сведения о Пестеле, о Русской правде и Южном обществе,— пришлите. Дайте мне средство быть вашим биографом...[3]

Прощайте... Вы едете в Россию. Скажите мою преданность вашим товарищам. Может, еще мне доведется увидеть и вас и их; я твердо верю, что только там сложу мою голову.

Преданный вам Н. О г а р е в

[1] Имя С. Г. Волконского как одного из ближайших друзей и единомышленников Пестеля впервые названо было Герценом в 1858 г. в работе «La conspiration russe de 1825» (XXII, 101). О большом впечатлении, произведенном на Герцена встречей с Волконским в 1861 г., свидетельствуют не только его позднейшие признания, но и воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой («...Герцен видел, кажется, только князя Волконского в Париже, не помню в каком году; только слышала, что они показались друг другу очень симпатичными». — Н. А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания. Л., 1929, стр. 197). Личному знакомству Герцена с Волконским предшествовало письмо о нем Л. Н. Толстого. Это письмо окончательно уточняет вопрос как о прототипе героя «Декабристов», так и о начале работы Толстого над романом. Традиционная датировка романа «осенью 1863 г.» (Л. Н. Т о л с т о й. Поли. собр. соч., т. 17. М., 1936, стр. 469—471) явно несостоятельна. Отзывы Толстого о встречах с С. Г. Волконским см. в книге А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р а «Вблизи Толстого», т. I (М., 1922, стр. 126—127), а также в дневнике Д. П. М а к о в и ц к о г о («Яснополянские записки», вып.2. М.,1923, стр. 64). В письме к Огареву от 2 января 1865 г. Герцен, под впечатлением своего знакомства с А. В. Поджио, писал: «Этот сохранился еще энергичнее Волконского (который при смерти болен). Господи, что за кряж людей» (XVIII, 5).

[2] Платформа «Русской правды» после выхода в свет работы «О развитии революционных идей в России» популяризировалась Герценом в брошюре «Народный сход в память французской революции» (VIII, стр. 150) и в работах «La conspiration russe de 1825» (XXII, 99) и «Etudes historique sur les héros de 1825» (XX, 323—324). Ср. более развернутую характеристику Пестеля и «Русской правды» в брошюре Огарева «В память людям 14 декабря 1825 г. (Посвящено русскому войску)». Женева, 1870 (перепечатано в «Избранных социально-политических и философских произведениях», т. I. М., 1952, стр. 783—786). Высказывания Огарева о декабристах с наибольшею полнотою собраны и критически освещены в работе С. А. Переселенкова «Н. П. Огарев и декабристы» («Декабристы. Неизданные материалы и статьи». Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925, стр. 279—316).

[3] Огарев, видимо, не был осведомлен о том, что С. Г. Волконский уже приступил в это время к работе над своими воспоминаниями, в которых существенное место занимали и материалы о Пестеле, от первой встречи с ним мемуариста в 1819 г. до последнего свидания в Тульчине в декабре 1825 г. («Записки С. Г. Волконского». СПб., 1901, стр. 404, 417—418, 428—430, 436—438). Многие эпизоды в этих записках очень близки к эпизодам, переданным, со слов Волконского, П. В. Долгоруковым в «Колоколе» от 15 января 1866 г., л. 212. Впервые опубликованный здесь некролог Волконского перепечатан в книге: Петр Владимирович Д о л г о р у к о в. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934, стр. 369—375. О столкновении декабриста А. В. Поджио с П. В. Долгоруковым из-за этого некролога и о вмешательстве в этот конфликт Герцена см.: «Воспоминания и другие статьи» Н. А. Белоголового. Изд. 3. М., 1898, стр. 121, 125.

---

* *Далее зачеркнуто*: постоянно

** *Далее зачеркнуто:* трудную

ОГАРЕВ — В. И. БАКСТУ И ДРУГИМ ОРГАНИЗАТОРАМ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ЧИТАЛЬНИ

Публикация Я. З. Черняка*

16 сентября 1862 г. министр внутренних дел Валуев препроводил шефу жандармов кн. Долгорукову два литографированных письма Огарева. Экземпляры этих писем были присланы из Гейдельберга почтою в Пензу инспектору врачебной управы Холмскому. Холмский представил пакет по начальству — вице-губернатору, заявив при этом, что никаких знакомых ни в Гейдельберге, ни в каком другом городе за границей у него нет. Справившись у почтмейстера, много ли таких пакетов прошло через пензенскую почту, и получив успокоительный ответ («подобных писем никому присылаемо не было»), вице-губернатор отправил письма в Петербург.

Рассмотренные сперва Валуевым, затем управляющим III Отделением Потаповым, письма были пересланы в Следственную комиссию 1862 г., учрежденную в Петербурге под председательством кн. Голицына. Комиссия, возвращая Потапову присланное, сообщила 22 сентября 1862 г., что она «находит необходимым, по возмутительности их ⟨писем⟩ содержания, принять строгие меры к недопущению распространения сих листков». III Отделение, исполняя решение Следственной комиссии, отправило почтовому департаменту соответствующее предписание и одновременно обратилось к министру внутренних дел с просьбой предпринять, со своей стороны, «зависящие меры». «Возмутительные листки» снова совершили путешествие от Потапова к Валуеву и обратно. Возвращая 2 октября III Отделению литографии, на этот раз окончательно, Валуев уведомил шефа жандармов, что министерство разослало всем начальникам губерний специальное циркулярное письмо с указанием на особую необходимость препятствовать распространению писем Огарева.

Тем и завершились «строгие» и «зависящие» меры, предпринятые ведомством политической полиции. Экземпляры литографий, оказавшиеся в распоряжении властей, были подшиты к небольшому делу, заключающему изложенную выше переписку (ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 1-й эксп., 1862 г., № 230: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний. Часть 41. О возмутительном письме, присланном из Гейдельберга на имя инспектора врачебной управы Холмского». Начато 18 сентября 1862 г. На 9 листах). Итак, ни III Отделение, ни Следственная комиссия 1862 г. не только не установили кем, когда, с какой целью и в каком количестве были литографированы письма, но и не предприняли в этих целях сколько-нибудь серьезного расследования. Самое удивительное, что Следственная комиссия даже не связала факта посылки писем из Гейдельберга с известной уже ей политической деятельностью русской студенческой колонии в этом городе (см. об этой деятельности очерк Б. П. Козьмина в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 4—8).

А между тем, именно русские студенты в Гейдельберге, группировавшиеся вокруг созданной ими читальни, — своеобразного политического клуба,— имели ближайшее отношение к литографированию писем Огарева. Для III Отделения это обстоятельство в некоторой степени выяснилось только четыре года спустя, т. е. после каракозовского выстрела, в связи с арестами многих лиц, произведенными в мае и июне 1866 г. по требованию Следственной комиссии под председательством М. Н. Муравьева. Эти лица обвинялись в создании в Гейдельберге, под видом русской читальни, конспиративной организации, участвовавшей в противоправительственной пропаганде и связанной с Герценом и Огаревым. Цепь арестов началась с А. Л. Линева, портрет и адрес

* Смерть помешала автору довести до конца помещаемую здесь работу. В распоряжении редакции «Литературного наследства» оказался лишь *предварительный* вариант публикации. Принимая во внимание существенный интерес приводимых в работе документальных материалов, мы печатаем ее, устранив в некоторых местах разорванность изложения и добавив отдельные звенья аргументации. Публикуемые два письма Огарева были найдены в 1941 г. И. В. Дистлер. — *Ред.*

которого оказались в бумагах каракозовца Худякова. В свою очередь, в бумагах Линева нашлись письма за 1862—1864 гг. его товарища, кандидата Петербургского университета С. Т. Константинова, а при аресте Константинова были найдены весьма резкие в политическом отношении письма того же Линева. В 1862 г. Константинов находился в Лейпциге; помимо Линева, он состоял в переписке с эмигрантом П. С. Мошкаловым, автором известной прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Феротти». С другой стороны, у Линева, кроме писем Константинова, нашлись письма Н. И. Бакста, Я. В. Сабурова и др. Постепенно круг учредителей и членов гейдельбергской «читальни» становился ясен следствию. Были арестованы или вызваны в Следственную комиссию бывшие «гейдельбержцы» — А. Л. Линев, Вл. Нагель, Н. Л. Владимиров, Н. В. Альбертини, А. Ф. Стуарт, Г. С. Веселитский, С. Т. Константинов и др. При подробных перекрестных допросах, очных ставках и осмотрах бумаг арестованных Следственная комиссия установила ближайшую прикосновенность к делу В. И. Бакста и В. Ф. Лугинина, еще находившихся во время следствия за границей. Очень скоро возник перед следствием вопрос о литографированных письмах Огарева, присланных Линевым Константинову в Лейпциг осенью 1862 г. с предложением принять участие в рассылке их по России. Выяснилось, что одновременно проектировался, а может быть и рассылался, какой-то «адрес» или даже два «адреса» Александру II. Весьма удивительно, что, ведя допросы около двадцати лиц и каждого спрашивая о письмах Огарева и таинственном «революционном адресе», всеми средствами стараясь, по противоречивым показаниям, установить содержание этих документов,— ни следователи Комиссии, ни жандармские чиновники III Отделения, прикосновенные к ведению этого дела, повидимому, не знали, что в их руках находится существенная часть этих «криминальных» бумаг — самые письма Огарева. Во всяком случае, можно считать установленным, что Комиссия в течение всего периода следствия не предъявила никому из арестованных ни одного документа, за печатание и распространение которых они и привлекались к ответственности.

Огромное, на пятистах с лишним листах, дело Следственной комиссии* и еще более обширное дело III Отделения** и дела Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и II Отделения, относящиеся к вопросу о гейдельбергских пропагандистах 1862—1863 гг., не раз привлекались историками революционного движения шестидесятых годов (С. Сватиков, М. Лемке, Б. Козьмин и др.). Однако никем еще эти архивные источники не обследовались в связи с пропагандистским и революционным планом Огарева, изложенным в его рукописи 1862 г. «Заграничные общества» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502—511) и в публикуемых ниже двух литографированных письмах-инструкциях, обращенных, как это явствует из приводимых ниже документов, к «голове» гейдельбергской читальни — Владимиру Игнатьевичу Баксту (1835—1874) и его товарищам. Письма были литографированы в конце августа — начале сентября 1862 г. Линевым в Мангейме (по его показаниям, в количестве 70—80 экземпляров). Они различными путями распространялись как самим Линевым, так и его корреспондентами за границей и в России.

Одновременно, в связи с письмами Огарева, по показаниям того же Линева, распространялся и «адрес», будто бы с требованием конституции. Автором «адреса» Линев упорно называет Герцена, хотя, как увидим, он был написан Огаревым. Неясно, в каком количестве экземпляров был литографирован этот

---

* ЦГИАМ, ф. № 95, оп. 1, д. № 311. «Производство высочайше учрежденной под председательством генерала от инфантерии гр. М. Н. Муравьева Следственной комиссии о лицах, участвовавших в деятельности русской читальни, устроенной в Гейдельберге. Александр Линев, Тимофей Константинов, Николай Владимиров, Владимир Бакст, Владимир Лугинин, Гаврило Веселитский, Николай Альбертини, баров Александр Стуарт, Владимир Нагель, Николай Неклюдов, Николай Дубровин, Павел Капнист и Петр Новицкий». Начато 17 мая 1866 г. Конечно 10 апреля 1868 г. На 511 листах.

** ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 1-й эксп., 1866 г., № 222: «О лицах, бывших основателями или членами устроенной в Гейдельберге русской читальни, цель которой состояла в распространении революционной пропаганды». Начато 20 мая 1866 г. На 557 листах.

«адрес» и не рассылался ли он также в виде рукописных копий. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, сейчас же обратимся к рассмотрению *плана Огарева*.

В феврале 1862 г. на чрезвычайном собрании тверского дворянства было принято постановление, в котором отмечалась неудовлетворительность реформы 19 февраля и выдвигалось требование обязательного наделения крестьян землей, отмены дворянских преимуществ и прав и созыва «собрания выборных всей земли русской» — для предотвращения положения, грозящего «гибелью государству». Все эти требования были изложены в виде «всеподданнейшего адреса» и отправлены между 2 и 5 февраля 1862 г. почтою в Петербург, в Зимний дворец. Подписанный 113 дворянами (в их числе девятью уездными предводителями дворянства, а также исполняющим должность губернского предводителя), «адрес» быстро распространился в списках и произвел в различных кругах русского общества весьма сильное впечатление. Подобные «адресы» проектировались и в других губерниях. Вдохновителями «адреса» были А. М. Унковский и группа его сподвижников, выступавших в течение всего периода подготовки и осуществления реформы с гораздо более радикальными предложениями, чем те, которые исходили от правительства. Требуя более последовательного — в буржуазно-демократическом смысле — решения крестьянского вопроса, тверское дворянство стремилось тем самым предотвратить опасное нарастание революционных настроений в народе, обманутом реформой 19 февраля. Программа тверского дворянства нашла живой отклик среди либералов всех мастей и оттенков, в том числе среди студенческой молодежи. Большой интерес к тверскому «адресу» был проявлен и некоторыми гейдельбержцами — участниками читальни. Среди них в первую очередь следует назвать В. Ф. Лугинина, который принял непосредственное участие в борьбе, завязавшейся вокруг тверского «адреса». Лугинин выехал за границу в 1862 г., после студенческих волнений, и оставался там до 1867 г. Вот как характеризовало деятельность и политические связи Лугинина за границей III Отделение, в специальной справке, составленной 2 июля 1863 г., т. е. через год после его выезда из России:

«Отставной лейб-гвардии конной артиллерии поручик В. Ф. Лугинин выехал из С.-Петербурга за границу в марте 1862 года и поселился тогда же в Гейдельберге, где стал серьезно заниматься химиею и металлургиею. Он ездил на Лондонскую выставку и очень коротко сошелся там с Герценом, Огаревым и Бакуниным, с которыми по возвращении в Гейдельберг постоянно переписывался, помогая им в составлении статей, враждебных нашему правительству, что усматривается в особенности из письма к нему Огарева от 30 октября 1862 г., с коего получена частным образом копия. Из письма к нему Бакунина, таким же образом полученного в копии*, видно, что Лугинину было поручено переслать в ноябре 1862 г. письмо и посылку Фридлендеру в Бреславль, находившемуся в сношениях с польскими революционерами. В этом же письме Бакунин спрашивал Лугинина, скоро ли он дождется его большого письма.

Лугинин был членом образовавшегося в Гейдельберге закрытого клуба, называвшегося читальнею, в котором председательствовал русский врач Бакст. Там имелись все произведения русской нецензурной литературы, произносились демагогические и коммунистические речи и т. п. Прошедшею осенью в читальне возникли несогласия по поводу приема в члены Н. Неклюдова, который вместе с Лугининым и учителем Модзалевским требовали преобразования закрытого клуба в читальню общественную, открытую всем русским за месячный взнос одного гульдена. Пошли споры, и противники этого требования были побеждены».

Следует отметить, что донесения агента, на основании которых включено в «справку» это важное место, были поверхностны и не вскрывали содержания и глубины разногласий, возникших среди членов читальни осенью 1862 г. Из приведенных ниже показаний Г. С. Веселитского и А. Ф. Стуарта, рассказывающих, как и почему возник конфликт, можно сделать вывод, что требование превратить закрытую читальню в открытый для всех клуб означало на деле требование о ликвидации революционной

* Все эти «частным образом» полученные копии — организованная при сотрудничестве парижской полиции с заграничными агентами III Отделения систематическая перлюстрация писем русских эмигрантов, студентов, путешественников (см. ЦГИАМ, ф. 95, делопроизводство Следственной комиссии 1862 г., № 63).

деятельности группы, предъявленное «умеренными» к «красным». Как мы увидим, публикуемые письма Огарева имеют непосредственную связь с этим расколом в гейдельбергской читальне.

«Лугинин,— читаем дальше в «справке», — много занимался науками в Гейдельберге, а в конце февраля ‹1863 г.›, повидимому с той же целью, отправился вновь в Лондон, где почти ежедневно навещал Герцена, который, равно как и Огарев, были очень любезны с Лугининым и часто с ним шептались при посторонних; Лугинин рассказывал, между прочим, в Лондоне, каким образом он с студентом Владимировым выручали прошлым летом из сумасшедшего дома близ Стутгарта девицу Жерве, засаженную туда по проискам и желанию гр. Д. Н. Блудова. Во время пребывания Лугинина в Лондоне Герцен переписывался с Гейдельбергом через Лугинина» (ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 1-я эксп., 1865 г., № 180: «Об отставном гвардии конной артиллерии поручике Лугинине». Начато 31 мая 1865 г. Кончено 1 августа 1869 г. На 22 листах. Лл. 2—3).

Заграничные агенты оказались плохо осведомленными о Лугинине. Им осталось неизвестным, что, по поручению Герцена и Огарева, Лугинин на обратном пути из Лондона, в сентябре 1862 г., вел в Париже переговоры с И. С. Тургеневым относительно «адреса» Александру II с требованием Земского собора (XV, 480). Агентура не уловила связи с этим проектируемым «адресом» всей переписки с Лугининым — Огарева, Бакунина и других лиц. Те самые «частно полученные» копии с писем, о которых говорится в «справке», относились прежде всего именно к проекту «адреса», идея подачи которого принадлежала Лугинину. Агентуре оставалось неизвестным и то, что один из проектов «адреса», написанный Огаревым, был отпечатан литографским способом, как и письма Огарева, в Мангейме.

Предоставим место выдержкам из показаний Г. С. Веселитского-Божидаровича, одного из арестованных в 1866 г. членов гейдельбергской читальни, примыкавшего к группе «дворян» (впоследствии стал реакционным публицистом, сотрудником «Московских ведомостей» и «Нового времени»).

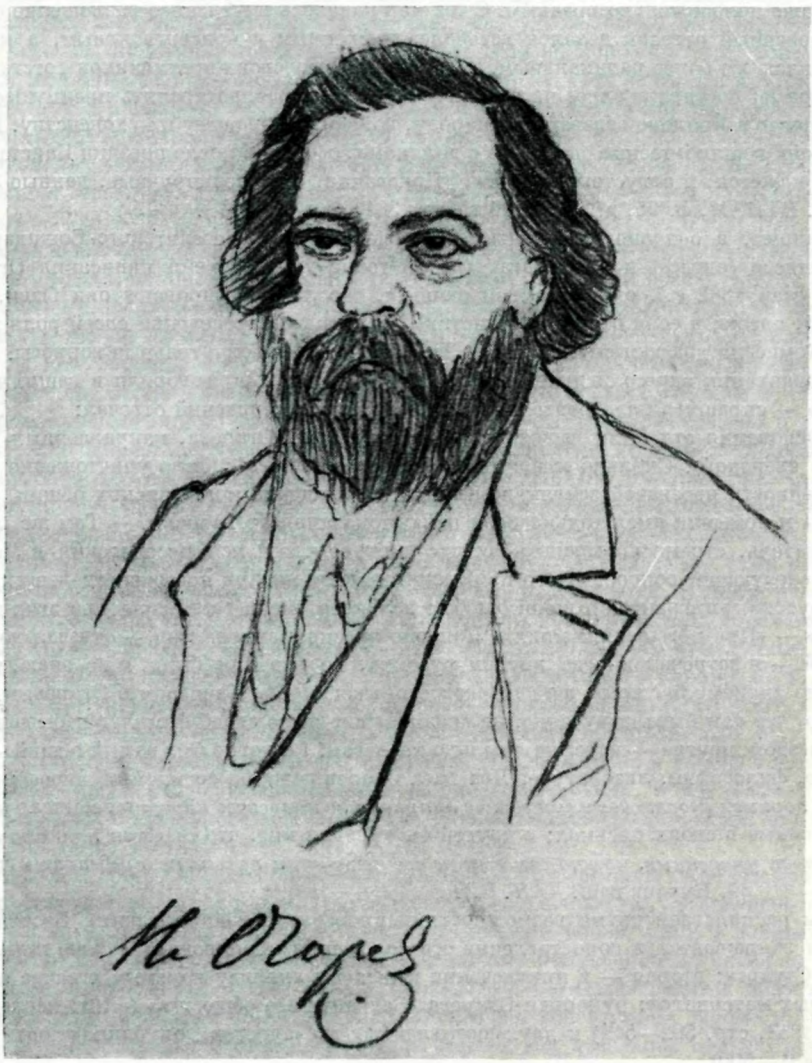
«...На всю молодежь за границей,— показывал Следственной комиссии Веселитский,— было произведено большое впечатление адресом тверского дворянства. Были слухи, что за ним последуют адреса дворянства других губерний *. Лугинин привез из России текст тверского адреса, отпечатал его во многих экземплярах и деятельно распространял эту мысль между членами читальни и другими русскими. Вскоре составились два мнения. Одно было за адрес совершенно в духе тверского; другое считало такой адрес противоречащим своим убеждениям и требовало другого, в духе социализма. За первый были все члены читальни из дворян-помещиков (исключая Стуарта), *т. е. Лугинин, Чаплыгин, Молоствов, Случевский и я; за второй — Бакст, Нагель* и Стуарт. Споры в читальне происходили почти исключительно между Бакстом и Лугининым, а остальные только выражали свое согласие и неодобрение. Случевский и Молоствов часто переходили со стороны на сторону. Когда мнение Бакста, казалось, должно было восторжествовать, то Чаплыгин и я объявили, что в таком случае выходим из читальни и вообще расходимся с остальными; не помню, объявил ли то же Лугинин, но думаю, что в то время он сделал бы то же самое. Бакст писал в Лондон и просил, чтобы его поддержали. Тогда Огарев прислал одно за другим два письма, которые были потом литографированы. В них он убеждал всех оставить «дворянский» адрес и пристать к «народному»; он высказывал даже мнение, что всякие адресы излишни, а нужны воззвания к народу.

В это время (кажется, в конце мая) я оставил Гейдельберг и вместе с моей матушкой и одним знакомым американским семейством (Dewolf Smith) поехал в Париж; после мы предполагали посетить лондонскую всемирную выставку. Бакст просил меня во время моего пребывания в Лондоне быть у тамошних русских выходцев и говорить с ними об адресе; с своей стороны он хотел писать к ним обо мне. Как мне казалось после, когда я уже с ним разошелся, он хотел, чтобы Герцен и другие чрезвычайно любезным приемом завлекли бы меня на их сторону, а через меня и других „дворян“.

---

* *Далее зачеркнуто:* В Гейдельберге тоже захотели подавать такой адрес.

Уехавши из России едва 18-ти лет* и увлеченный либеральными идеями за границей, я с радостью взялся за случай видеть представителей русского либерализма, которые были тогда в глазах всей молодежи великими людьми. Я видел в Лондоне Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсиева и узнал их очень хорошо, даже, может быть,



ОГАРЕВ

Портрет, отобранный при обыске у студента А. Ф. Ергина в июне 1862 г.
Центральный исторический архив, Москва

лучше, нежели они думали или желали. Говоря об адресе, я высказал им, что никогда не подпишу их адреса и буду стараться отговаривать своих знакомых. Наконец они согласились, как мне и тогда казалось, с тем, чтобы соединить этим адресом все мнения и потом предлагать дальнейшее. [Так после и оказалось]**. Огарев написал

---

* Восемнадцать лет Веселитскому было в 1859 г. (р. в 1841 г.).

** Эти слова взяты в квадратные скобки в тексте показаний (ЦГИАМ, ф 95, д. № 311, 1866 г., л. 33).

адрес, который был потом прислан в Гейдельберг и литографирован*. В этом адресе, так же как и в адресе тверского дворянства, заключалась просьба о созвании Земского собора из всех сословий. Адрес этот понравился умеренным, которые боялись, однако, давать свои подписи, подозревая, что адрес могут подменить и их подписи появятся под адресом другого содержания. С другой стороны, крайние считали его недостаточным, даже положительно вредным. С тех пор началось внутреннее разложение читальни; умеренный оттенок делался все более умеренным и консервативным, а красный становился все более радикальным. Наконец, прозвав своих противников „отсталыми", „передовые" поставили адрес на второй план и стали распространять преимущественно сочиняемые в Лондоне воззвания к народу, войску, дворянству и духовенству. В то же время они вошли в тесные сношения с поляками, особенно после поездки Бакста в Лондон — кажется, в августе 1862 г.» (Показания, собственноручные, данные 8 июля 1866 г. ЦГИАМ, ф. 95, д. 311, 1866 г., лл. 301 об.— 303 об.).

Таковы, в основном правдивые, показания Г. С. Веселитского-Божидаровича, касающиеся «адреса» и писем Огарева. Он точно указал время написания Огаревым писем (май 1862 г.), он правильно отметил, что литографированы они были, как и «адрес», позже, и если отступал от истины, то лишь в определении своей роли и позиции. Комиссия два дня спустя задала Веселитскому дополнительные вопросы. «Какие были основания адреса „в духе социализма", о котором вы говорили в ваших показаниях?» — спрашивал следователь. На этот вопрос Веселитский отвечал:

«Основания эти были выражены в двух письмах Огарева, направленных против адреса тверского. Сколько я помню, главной чертой его** было уничтожение личной собственности передачей земель помещиков во владение крестьянских общин, в которых бы и помещик имел только свой пай» (показания от 10 июля. — Там же, л. 308). Следователь, стремясь выяснить, с кем именно встречался Веселитский в Лондоне, задал следующий вопрос: «Кого из русских видели вы при посещениях ваших в Лондоне русских эмигрантов и какой вообще характер имели разговоры при этих посещениях?» — «При посещениях моих в Лондоне русских эмигрантов,— отвечал допрашиваемый,— я встречал иногда других русских, но кто они были, я не знаю, так как меня не знакомили с ними, и я сам интересовался только Герценом и Огаревым. Знаю, однако, что там бывали русские, не сказывавшие даже своей фамилии и бывшие только проездом, другие — известные только хозяевам. Разговор был самый общий — о политике, философии, литературе. Два раза Огарев говорил со мной об адресе; первый раз он *порицал дворянское и умеренное направление тверского адреса* и защищал мнения, выраженные в своих письмах; в другой он объявил мне, что *согласен написать адрес, как хотят умеренные, что что сам ему не сочувствует и пользы не предвидит*» (там же, л. 310—310 об. Курсив наш. — *Я. Ч.*).

Мы располагаем двумя возможностями проверки сказанного здесь Веселитским. Первая заключается в сопоставлении его сообщения с приводимым ниже показанием А. Ф. Стуарта; вторая — в привлечении к нашему анализу некоторых ранее опубликованных материалов: рукописи Огарева «Заграничные общества» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502—511) и двух составленных им «адресов», опубликованных Лемке (XV, 481—500).

При допросе А. Ф. Стуарта, принадлежавшего к «народным», или «красным», как их называет Веселитский, были предложены аналогичные вопросы. Стуарт также познакомился с Герценом и Огаревым при посещении Лондонской всемирной выставки весной 1862 г. «В бытность мою в Лондоне,— показывал Стуарт на допросе 26 июля 1866 г.,— при моих ежедневных осмотрах всемирной выставки я встретил в числе других посетителей в художественном отделении р⟨усской⟩ выставки один и⟨ли⟩ два раза одного уже почтенного старичка русского, который заговорил со мною...».

Из дальнейшего рассказа Стуарта выясняется, что его новый знакомый — не кто иной, как М. Хотинский. С невозмутимым видом, точно ему неизвестно, что Хотин-

---

* Эта фраза была написана первоначально в таком виде: «...адрес, который был потом литографирован и прислан в Гейдельберг». Затем была сделана перестановка порядка слов (там же, л. 303).

** Предложенного Огаревым проекта адреса «в духе социализма».— *Ред.*

ский давным-давно разоблачен Герценом в качестве шпиона III Отделения*, Стуарт рассказывает подробности о своих встречах и разговорах с «астрономом-наблюдателем». «Между разговора <!> он спросил меня,— пишет Стуарт,— был ли я у „наших лондонских старичков", как он выражался, и на мой отрицательный ответ он предложил занести мою карточку вместе с своею к ним, так как, по его удостоверению, стоило только занести им предварительную карточку свою утром, чтобы быть принятым в субботу вечером, когда они принимают всех. При этом он прибавил, что стоит у них побывать, ибо они очень любезны, и интересно видеть их хоть раз». «На другой день, в субботу, я был с ним у гг. Герцена и Огарева и с ним также в другую субботу. Где теперь Хотинский, мне неизвестно» (цит. дело, лл. 359 и сл.).

Наибольший интерес в показаниях Стуарта «о знакомстве с эмигрантами» представляют страницы о «субботних** приемах» в доме Герцена, которые мы и приведем:

«Посетителей в оба раза было много, но так как никого друг другу не представляли, то я и не знал, кто были эти лица. Кроме русских, были там и иностранцы. Один немец, которого звали, кажется, Штраух и про которого сказывали мне, что он был начальником отряда во время революции в Ю<жной> Германии в 1848 г. Герцен в первую субботу обращался ко мне дважды. Раз как-то мимоходом он спросил меня о моей фамилии, сострил что-то касательно моего происхождения от бывшей английской королевской фамилии. Другой раз он спросил меня, чем я занимаюсь, и узнав, что зоологиею, подвел меня к своему сыну, разговаривавшему с каким-то господином с большой бородою, и познакомил меня с ним. Тогда недавно только вышел первый том „Популярной зоологии" Герцена-сына, который я за два дня перед тем увидел в окне магазина, купил и читал. Так как в ней трактовалось о низших животных, мне более знакомых, то разговор скоро перешел на предметы зоологические, и он рассказывал мне много о своем путешествии в Исландию и т. п. предметах. В таких разговорах мы провели весь вечер. Посетителей было много, вследствие того образовались отдельные кружки, и общего разговора не было. Изредка лишь все прислушивались, когда г. Искандер с свойственным ему остроумием рассказывал о каком-нибудь происшествии. Часам к 11 попросили к закуске, которая продолжалась недолго; в это время говорили о недостатках расположения р<усского> отдела выставки, ибо р<усские> продукты были действительно дурно расположены. После закуски я вскоре удалился. На этом вечере поразила меня огромная фигура одного господина, и мне сказали, что это был Бакунин; в продолжение вечера его г. Герцен называл, и помнится, что в отношении других не делал <этого>.

Во вторую субботу посетителей было меньше. Общего разговора было больше. Говорил преимущественно г. Огарев. Предметом разговора был ход крестьянского вопроса. Г-н Огарев доказывал, что кр<естьянское> дело идет очень худо, в доказательство чего читал или сообщал словесно отрывки из разных полученных им писем из России, кот<орыми> подтверждал свое мнение; доказывал, что нужен скорый обязательный выкуп или же и на нынешний раз дело кончится пугачевщиною. Кроме того, он доказывал различными финансовыми расчетами, что так как крестьяне твердо стоят за свое право на землю и не станут работать на помещиков, то без введения обязательного выкупа Россия прямо идет на банкрот<ство>. При этом он говорил, что хотя он и не сочувствует мыслям тверского дворянства, но так как крестьяне от своего права никогда не отступятся, то они, со своей стороны, станут требовать свое, и потому, если дворянства других губерний последуют примеру тверского и будут требовать

* Заметка Герцена «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский» напечатана в «Колоколе» (л. 161 от 15 апреля 1863 г.—XVI, 214—215). Стуарт, без сомнения, читал не только эту заметку, но и статью Герцена «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский», напечатанную в «Колоколе» (л. 215 от 15 марта 1866 г.) за три месяца до ареста Стуарта (XVIII, 342—350). В этой статье Герцен писал о смерти Хотинского в начале 1866 г. Стуарт воспользовался возможностью, которая ему представлялась, и приписал Хотинскому инициативу своего знакомства с Герценом и Огаревым.

** Повидимому, Стуарт ошибся: в 1862 г. «приемы» устраивались по воскресеньям.

обязательного выкупа, то такие единодушные заявления со всех сторон непременно должны убедить правительство в его безусловной необходимости. Спор был довольно оживленный, но я не принимал в нем участия, так как не бывал никогда в деревне и решительно не мог знать условий сельской жизни и судить, насколько мал был надел, данный крестьянам по положению 19 февраля 1861 г.

Вл. Бакст, который был на этом вечере (в первую субботу его не было), поддакивал, соглашаясь с Огаревым, но не вступал сам в эти рассуждения.

Перед закускою, когда этот общий разговор прекратился, я спросил Владимира Бакст<а> о существе тверского адреса, о котором я читал еще прежде в корреспонденции „Indépendance Belge", но текста которого не читал; он сказал мне тогда, что если я зайду к нему завтра, то он может дать мне почитать текст его.

Зашедши к нему на другой день, я действительно прочитал у него текст оного адреса, из № „Колокола" или на отдельном листке напечатанном, не помню в точности, но вернее, что на отдельном листке. По поводу этого адреса он стал сильно нападать на дворянство, говоря, что крестьяне никогда не признавали крепостного права, что в Малороссии они и до сих пор помнят, что свободные их деды были закреплены и что справедливость требует, чтобы крестьянам даром были отданы участки земли приблизительно в том размере, в каком они владели землею до их закрепления, т. е. сколько каждый из них может обрабатывать, и что так как во многих уездах нет столько земли, чтобы удовлетворить всех, то государство должно уделить им землю в малонаселенных губерниях бесплатно. Я соглашался с ним, что такой надел был бы делом крайне полезным, но что закрепление великорусских крестьян совершилось так давно, что те, которые впоследствии купили имения на свои трудом выработанные деньги, решительно тому не причинны, и так как в большинстве случаев мелкопоместные дворяне, которые больше всего были бы разорены такою принудительною мерою, почти все владеют имениями не родовыми и что если в таких местах, как Бессарабская область, где я владею имением, наделение крестьян бесплатно землею не разорило бы помещиков, то справедливость требует, чтобы мелкопоместные помещики были награждены хотя из общегосударственных сумм. На это он сказал мне, что так или иначе, но было бы очень хорошо, если б кто-нибудь, знающий положение этого дела, составил бы адрес к государю, который, покрытый тысячами подписей, был бы потом ему поднесен. На это я говорил ему, что как бы такого рода выкуп ни производился, он, во всяком случае, потребует новых жертв от владеющего сословия, т. е. дворян, и что, следовательно, для того, чтобы он совершился, нужно, чтобы они того захотели, и без их желания ничего серьезного выйти не может, и адрес, не соответствующий их мыслям, нашел бы так мало подписей, что не мог бы служить выражением решительно никакой части общества Если б дворянство разных губерний воспользовалось своим правом выражать свои нужды, хотя в другой форме, нежели тверское, заявили бы такое свое желание, то я предполагал тогда, по возвращении своем в Россию, принять участие в Бессарабском адресе, если б таковой состоялся.

После того я слышал, что в Петербургском дворянском собрании и на публичных лекциях разносили такие адресы, что в Москве являлся к разным литераторам какой-то господин * с предложением подписать адрес, но это было без меня. Слышал также, что И. С. Тургенев был спрашиваем об адресе. Зимою и летом 1863 года читал о разных протестах русских по поводу польского дела. Зимою 1863—1864 г. слышал во Флоренции, что летом 1863 г. из Италии был послан протест некоторых русских, подписанный бывшим гарибальдийским майором Мечниковым. Текст его я читал в „Колоколе" зимой 1865—1866 г. в Гейдельберге.

В 1863 г. в Берне Владимир Бакст имел как-то разговор со мною об адресе и рассказал мне, что в прошлом году был Огаревым составлен адрес и что он подписал его, но сам теперь в том кается, потому что давно о нем ничего не слышал, и думает потому, что из него ничего не выйдет толку. С тех пор об адресах государю никогда ничего не слыхал и таких адресов не подписывал.

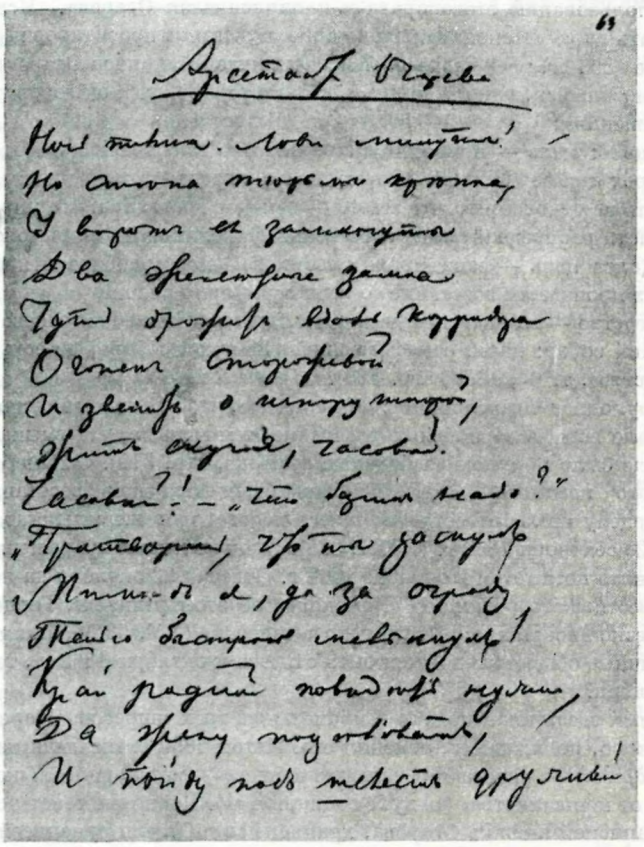
---

* Речь идет об Артуре Бенни (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 23—36).— *Ред.*

Г-на Герцена я с той поры, как видел его в Лондоне, встретил еще раз в бытность мою во Флоренции, в начале 1864 г.*, когда он, возвращаясь из Неаполя вместе с семейством своим, пришел осматривать музей естественных наук и, обозревши коллекции, зашел в кабинет директора, в смежной с которым комнате я тогда занимался. На другой день он выехал из Флоренции, и с тех пор я его не видел <...>

Г-на же Огарева я с тех пор никогда больше не видел» (цит. дело, лл. 359—361).

Воспроизведенная часть показаний Стуарта, касающаяся его знакомства и встреч с Герценом и Огаревым, позволяет, несмотря на умолчание о некоторых важных



СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «АРЕСТАНТ»
Был отобран при обыске у студента А. Ф. Ергина в июне 1862 г.
Центральный исторический архив, Москва

сторонах этих встреч и сношений, установить ряд существенных обстоятельств, относящихся к деятельности «Земли и воли» в 1862—1863 гг.

Герцен осенью 1863 г. говорил о Стуарте: «С такими заграничными Брунновыми не далеко уедешь» (XVI, 515), имея в виду возложенные на Стуарта обязанности одного из заграничных представителей «Земли и воли» (напомним, что Бруннов был русским послом в Англии). Об этой миссии Стуарта имеется и документальное свидетельство: в записной книжке агента III Отделения за границей Балашевича-Потоцкого скопирован документ, показывающий, что через Стуарта обращался центральный народный комитет общества «Земля и воля» к заграничным своим представителям (XVI, 95—97). Стуарт, кроме того, участвовал в создании второй «вольной» русской

* Стуарт намеренно передвинул дату этой встречи. Она состоялась в ноябре 1863 г. (XVI, 515).

типографии в Берне; он был тесно связан с выпуском ряда агитационных изданий в 1862—1863 гг., был одним из распорядителей шрифтов типографии и т. д. (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 11—12). Словом, если бы из других источников мы не знали о более близком участии Стуарта в делах эмиграции, можно было бы принять приведенное выше подробное его повествование за «откровенное показание». На самом деле он за «подробностями» скрыл главное — подлинный смысл всех своих конспиративных встреч. Он поступил так и по отношению к интересующему нас здесь вопросу об «адресах». Стуарт весьма искусно свел в конце концов все свое показание к рассуждениям о «легальном», «законном» праве дворянства выражать свои нужды. Но как раз к *тактическому использованию этого права и клонился план* Огарева. *Используя* право дворян подавать царю «всеподданнейшие адреса», Огарев проектировал подачу в конце 1862 — начале 1863 гг. трех «адресов». В упомянутой рукописи Огарева «Заграничные общества», относящейся, как мы считаем, к октябрю 1862 г.*, он говорит об этом в следующих выражениях:

«Теперь цель: цель — привести правительство к созванию Земского собора, на основаниях трех адресов (общего—формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), то есть на основаниях, что земли — земское достояние, что управление выборное и что области распределятся по собственному желанию на самостоятельные отделы федерации. Далее цель — если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом.

Общее средство — пропаганда всех трех адресов и значения отказа правительства созвать Земский собор: царь, отказывающий в Земском соборе, не есть земский царь» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 509).

В конце рукописи Огарев пишет: «Я не думаю, чтоб полякам можно было говорить о плане. Я мало верю в варшавское восстание, тем меньше, что вмешательство Мерославского везде было порукою за неуспех» (там же, стр. 510). О намерении польского революционного комитета начать в ближайшем будущем восстание в Варшаве Огареву и Герцену стало известно во время переговоров их с делегатами комитета в Лондоне 25—28 сентября 1862 г. (XXII, 325). Окончательное же решение о дне восстания было принято комитетом в октябре 1862 г. Отвечая 22 октября на письмо И. Цверцякевича, известившего редакцию «Колокола» об этом решении, Герцен писал, имея в виду варшавское восстание: «Итак, дело решено...» (XV, 534). Таким образом документ «Заграничные общества» должен быть отнесен к октябрю 1862 г., точнее говоря,— к началу октября.

Изложенный здесь план подачи и пропаганды трех «адресов» Огарев *начал* осуществлять, но скоро, повидимому, отменил его. Летом 1862 г. им были написаны тексты *двух первых «адресов»* — по его определению «общего—формального» («конституционного») и «адреса от меньшинства» («в духе социализма»). Черновые тексты обоих «адресов» находятся в записной книжке Огарева, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г—О. VI, 27, лл. 17—54). Тексты озаглавлены: *«Проект адреса № 1»* и *«Проект адреса № 2»*. Они имеют единую дату, проставленную в начале рукописи «Проекта № 1», — 19 июня 1862 г. Следующий по времени и по месту расположения текст, внесенный в записную книжку, датирован 3 июля. Следовательно, Огарев работал над проектами двух первых «адресов» с 19 июня по 3 июля 1862 г. Оба «адреса» известны в печати. Их опубликовал Лемке, но с неверным комментарием. Не располагая документом «Заграничные общества», не зная поэтому об огаревском «плане трех адресов», Лемке счел обнаруженные им в записной книжке Огарева тексты за две редакции *одного и того же* «адреса» (XV, 489—493, 499). В действительности, это были два самостоятельных агитационных произведения, предназначенных для распространения на дворянских съездах осенью 1862 г. Исходная ошибка Лемке породила ряд других. Главнейшая из них заключалась в утверждении, что литографирована была «вторая редакция», т. е. «адрес № 2», которую будто бы и распространяли Линев, Нагель, Веселитский и другие гейдельбержцы. На самом деле лито-

* Дата цитируемой рукописи определена М. В. Нечкиной приблизительно: «Документ, вероятнее всего, возник между мартом и каким-то осенним месяцем 1862 г.» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502).

графирована была «первая редакция» (по терминологии Лемке), т. е. «адрес № 1». В «пражской коллекции» сохранился экземпляр этой литографии (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 62б). Что же касается «адреса № 2» («второй редакции», по терминологии Лемке) — адреса «в духе социализма», то мы не располагаем никакими документальными данными, которые бы свидетельствовали о том, что и этот документ был налитографирован и распространен, подобно первому.

Подвергнутый допросу в Следственной комиссии Линев показал, что он литографировал «адрес» *вместе* с «письмами Огарева» и что письма эти предназначались для рассылки по России одновременно с «адресом».

Первая часть этого показания вполне соответствовала находившимся в распоряжении следствия документальным материалам. В изъятых при аресте С. Т. Константинова письмах к нему А. Л. Линева из Мангейма от 17 августа и 25 сентября 1862 г. также говорилось о литографировании *и* «адреса» *и* писем. Внешний вид документов не противоречит, а скорее подтверждает одновременность их изготовления. И «адрес» и письма отпечатаны на бумаге одинакового (синего) цвета и размера. Но первая часть следственного показания Линева, внешне вполне убедительная, впадает в одно важное противоречие со второй его частью, с утверждением, что одновременно литографированные письма Огарева предназначались для рассылки *вместе* с «адресом». Достаточно даже поверхностно сопоставить публикуемые письма с «адресом» (XV, 481—485), чтобы увидеть, в чем заключается это противоречие. Конституционное содержание «адреса» («адреса № 1») резко противостояло тому адресу «в духе социализма» («адресу № 2»), проект которого Огарев набросал в первом письме к Бакету, и той резкой критике дворянского либерализма, которая содержится во втором письме. Непонятно, как можно было бы *одновременно* рассылать по дворянским собраниям столь различные, хотя и являющиеся звеньями одного плана, документы. Обнаруживаются и другие противоречия. Из приведенных выше показаний Веселитского, а также из переписки Линева следует, что письма к Бакету были присланы Огаревым «одно за другим» в мае 1862 г. Литографировались же они, вместе с «адресом», лишь в конце августа или в начале сентября того же года. Но существует документ, из которого видно, что в конце октября 1862 г. Огарев *остановил* литографирование какого-то «адреса». В письме к Лугинину из Ричмонда от 30 октября 1862 г. Огарев писал: «Откладывая печатание адреса на 6 недель, я уже вскоре пришел к убеждению, что надо отложить на гораздо большее время. Вы знаете, что меня заставило спешить; шансы вполовину склоняются к необходимости воздержания, чему я был глубоко рад, ибо трубная революционная агитация для меня ненавистна; я из нее многое могу сюбировать*, как человек сюбирует град и молнии, но находить прелесть в движениях нерассчитанных, неверных и потому ненужных, для меня противно» (XV, 489).

Печатание какого «адреса» мог отложить Огарев в конце октября 1862 г. сначала на шесть недель, а затем и «на гораздо большее время»? Ведь «адрес № 1» был уже отпечатан. На этот важный вопрос мы не можем дать пока определенного ответа. Очевидно, однако, что приведенные слова не могли относиться к «адресу № 2» — «адресу в нашем смысле», адресу «в духе социализма». Огарев, очевидно, имел в виду «адрес № 1», который, возможно, предполагалось литографировать еще раз, в измененной редакции, которая могла бы более удовлетворить «умеренных», в том числе и И. С. Тургенева, отказавшихся подписать «адрес» в его первоначальной редакции. В том же письме к Лугинину от 30 октября Огарев писал: «Из поправок и вставок — вы увидите, что, может, И. С. ⟨Тургенéв⟩ удовлетворится более» (XV, 489—490). Очевидно, что этих «поправок и вставок» не было в том «адресе», который уже был налитографирован в августе-сентябре.

Несмотря на отмеченные противоречия и неясности, мы вправе сделать вывод, что и публикуемые письма к Бакету, и «адресы №№ 1 и 2», и рукопись «Заграничные общества» — являются документами одного и того же революционно-пропагандистского плана Огарева 1862 г. При этом в письмах к Бакету обсуждались, главным образом,

* выносить (от франц. «subir»).

политические условия проведения подготовки революционного восстания в 1863 г., а в рукописи «Заграничные общества» — условия организационные и военные. Если этот наш вывод правилен, то возникает вопрос, к кому была обращена рукопись «Заграничные общества»?

Мы полагаем, что, как и публикуемые письма к Бакста, рукопись «Заграничные общества» предназначена была служить руководством для деятельности гейдельбергской организации революционеров. Из ряда источников известно, что Герцен и Огарев опирались на эту организацию, в которой имели ряд сторонников.

Огарев придавал гейдельбергской организации, как раз в 1862 г., значение одного из тех зарубежных центров русского революционного движения, о предстоящем объединении которых говорит опубликованная М. В. Нечкиной рукопись «Заграничные общества». Руководители всех запроектированных Огаревым шестнадцати внутрирусских окружных центров «Земли и воли», по его словам, «должны быть друг с другом в постоянных сношениях и в постоянных сношениях *с тремя пунктами за границей: Берлин, Гейдельберг и Лондон*. Берлин необходим как пункт близкий к границе и удобно сносящийся и с Гейдельбергом и с Лондоном» («Лит. наследство», т. 61, стр. 509. Курсив наш. — *Я. Ч.*).

Таким образом, в одном из важнейших революционно-конспиративных документов шестидесятых годов Огарев называет Гейдельберг и Лондон чуть ли не на равных началах, как центральные пункты, с которыми должны быть связаны все комитеты и революционные организации в России. С людьми, входившими в состав русской студенческой организации в Гейдельберге, сложившейся в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, мы уже встречались выше, когда говорили об основателях и членах «читальни». Здесь мы должны дополнительно сообщить некоторые сведения об упоминавшемся выше энергичном деятеле гейдельбергской организации, Александре Логиновиче Линеве (1843—1918) — «печатальщике» публикуемых писем Огарева.

Арестованный в мае 1866 г. по делу гейдельбергской читальни и по делу Каракозова, Линев оказался в трудном и опасном положении. Его бумаги, т. е. письма товарищей и друзей, попали в руки следователей. Письма, принадлежавшие ему самому, нашлись у многих других арестованных. Противоправительственная деятельность его стала сразу же в центре следственного дела. Связи Линева с каракозовцем И. А. Худяковым, гейдельбержцем Н. Д. Ножиным, весьма интересным представителем материалистической философии 60-х годов (он умер накануне каракозовского выстрела), переписка с упомянутым выше С. Т. Константиновым, которого Следственная комиссия признала одним из самых опасных и крайних «нигилистов», письма Я. В. Сабурова и других лиц — все говорило о том, что революционная деятельность Линева была разнообразной, а проникнуть в его замыслы все же оказывалось невозможным. Линев избрал метод обороны не из легких. Он объявил свои прежние, за четыре года перед арестом сложившиеся отношения и мнения ошибочными. Давая терпеливые и подробные, большею частью внешне убедительные ответы на бесконечные вопросы следователей, он не уставал разъяснять и подчеркивать, что ныне он так не думает, что лишь тогда, в 1862 г., он разделял мнения «Колокола», а сейчас и во все прошедшие годы он осуждал их, и что Герцен ныне потерял всякую почву — ему уже не сочувствуют ни либеральная, ни консервативная партия в России. Большинству оправдательных показаний Линева Следственная комиссия не поверила и в заключительном всеподданнейшем докладе изобразила его опасным революционером (цит. дело, лл. 368 и сл.). На основании этого доклада Линев был приговорен к ссылке под надзор полиции в Тотьму, на пять лет.

Приведем из показаний Линева то, что имеет непосредственное отношение к публикуемым письмам Огарева и литографированному вместе с ними «адресу».

Как мы уже говорили, автором этого «адреса» Линев упорно называл в своих показаниях Герцена, а не Огарева. Версия Линева была не только зафиксирована, но, по-видимому, и принята Следственной комиссией без какой-либо проверки.

«При допросе,— говорится в одном из докладов,— Линев объяснил, что адрес Герцена и письма Огарева, сколько он припоминает, имели целью соединить интересы дворянства и интересы крестьян, дабы от имени всего народа стремиться к образо-

ванию у нас ограниченного правления» (цит. дело, л. 369 об.). Изображая революционно-пропагандистский план Огарева и содержащуюся в письмах резкую критику буржуазной демократии, конституционализма в качестве проповеди «ограниченного правления», Линев стремился смягчить свою вину «печатальщика» и распространителя нелегальных агитационных документов. Он показал далее, что, «разделяя в то время высказываемые в нем ‹адресе› и в письмах Огарева мнения о представительном конституционном правлении, решился распространить их в России, почему, получив этот адрес и письмо от Бакста, он налитографировал их в Мангейме и роздал несколько экземпляров, несколько же экземпляров переслал в Лейпциг к Константинову и экземпляра два отправил к отцу своему в Кострому» (там же, лл. 369 об. — 370).

Без сомнения, Линев назвал здесь Бакста как лицо, от которого он получил «адрес» и письма, главным образом потому, что Бакст находился в Швейцарии на положении эмигранта и был недосягаем для царской власти. Как увидим сейчас, показание это соответствовало истине. Линев действительно получил документы для литографирования от Бакста, которому они были направлены Огаревым как «старшему» в гейдельбергской организации.

В распоряжении Следственной комиссии имелось несколько писем Линева, написанных из Гейдельберга в Лейпциг и адресованных тому же Константинову, а также ответные письма Константинова. Из этой переписки обратило на себя особое внимание следующее письмо (здесь и далее, вместо отсутствующих подлинников, мы приводим данные, заключающиеся в актах Комиссии о разборе бумаг Линева и Константинова; лл. 26—28 того же дела):

«Письмо от 6 июля 1862. Говорится о русской либеральной партии (члены которой друзья Герцена) и о читальне гейдельбергской, в которой в известные часы собираются для чтения („Тут есть особая цель, вы молчите в Лейпциге, особенно Фуксам"). Говорится о „Колоколе", о статье Константинова для какого-то заграничного журнала. Между прочим, написано: „Что же касается до пожаров, то здесь общее мнение, что это сделала консервативная партия для острастки правительства и для того, чтобы остановить гнилые изменения, которые намерено делать правительство"» (в письме упоминаются ‹П. С.› Мошкалов, Аккерман, ‹Н. И.› Пирогов, ‹Н.› Дубровин, ‹Н. И.› Утин).

В связи с предметом настоящей публикации особый интерес представляют письма Линева от 17 августа, 25 сентября, 14 октября 1862 г. и без даты. В первом из них, которое следователь определяет как «письмо все противозаконного содержания», «говорится о каком-то революционном адресе, литографировании письма Огарева, берлинской кассе и читальне. Есть выражения, оскорбительные против правительства и особы его величества».

В письме от 25 сентября 1862 г. речь идет о присылке Константинову 20 экземпляров литографированного письма Огарева и о Katzenmusik, т. е. «о кошачьем концерте», устроенном студентами под окнами приехавшего в Гейдельберг министра просвещения Е. В. Путятина. Следователь приводит подлинные выражения из этого письма: «Оно, пожалуй, завлекает заниматься пропагандой, не чувствуешь, что для этого нужно быть гораздо более приготовленным, дабы эта роль политического деятеля не испортила себя» и «в России что-то глухо молчат».

В письме от 14 октября 1862 г., в котором говорится о преобразовании русской студенческой читальни в Гейдельберге, внимание следователя привлекли строки: «Цель прежней читальни была выработка, осмысление тех же „либеральных идей", возможно распространение их между приезжающими молодыми людьми. Завели ее несколько действительно развитых людей, принадлежащих к партии так называемых „красных"».

«Из письма видно,— заключает следователь,— что Линев принадлежит к этим „красным" и что „голова" читальни — ‹В. И.› Бакст».

Наконец, из недатированного письма, написанного, повидимому, в сентябре же или начале октября 1862 г., следователь приводит такой отрывок:

«Последнее время хлопотал о пропаганде адреса в России; этот адрес я посылаю вам с тем, чтобы, списавши его, вы переслали в Россию для распространения по

помещикам на дворянских собраниях, а также писем Огарева к одному из членов читальни (нашему „голове"). Это вам покажет прямо, как поступать далее, а собственное искусство покажет способ пропагандирования». Этот отрывок особенно интересен, так как в нем прямо сообщается, что «письма» Огарева были обращены к «голове» гейдельбергской читальни, т. е. к В. И. Баксту.

Из того же письма следователь приводит также следующее место: «Цель пропаганды, по вашему выражению, сманить серединных на свою сторону, встать в полежительном антагонизме с правительством и, исполнивши волю народа, т. е. отдавши землю в потомственное владение земства, встать на стороне народа, который бы, наконец, уразумел, что петербургское правительство только смердит в атмосфере и тормозит только, на время, неминуемую революцию» (цит. дело, л. 27).

Помимо приведенных отрывков из переписки Линева, в деле имеется несколько других, еще более резких, в частности, отражающих глубокую солидарность С. Т. Константинова и Линева с Чернышевским; как относящиеся к более позднему периоду (1864 г.), они оставлены нами в настоящей публикации без рассмотрения.

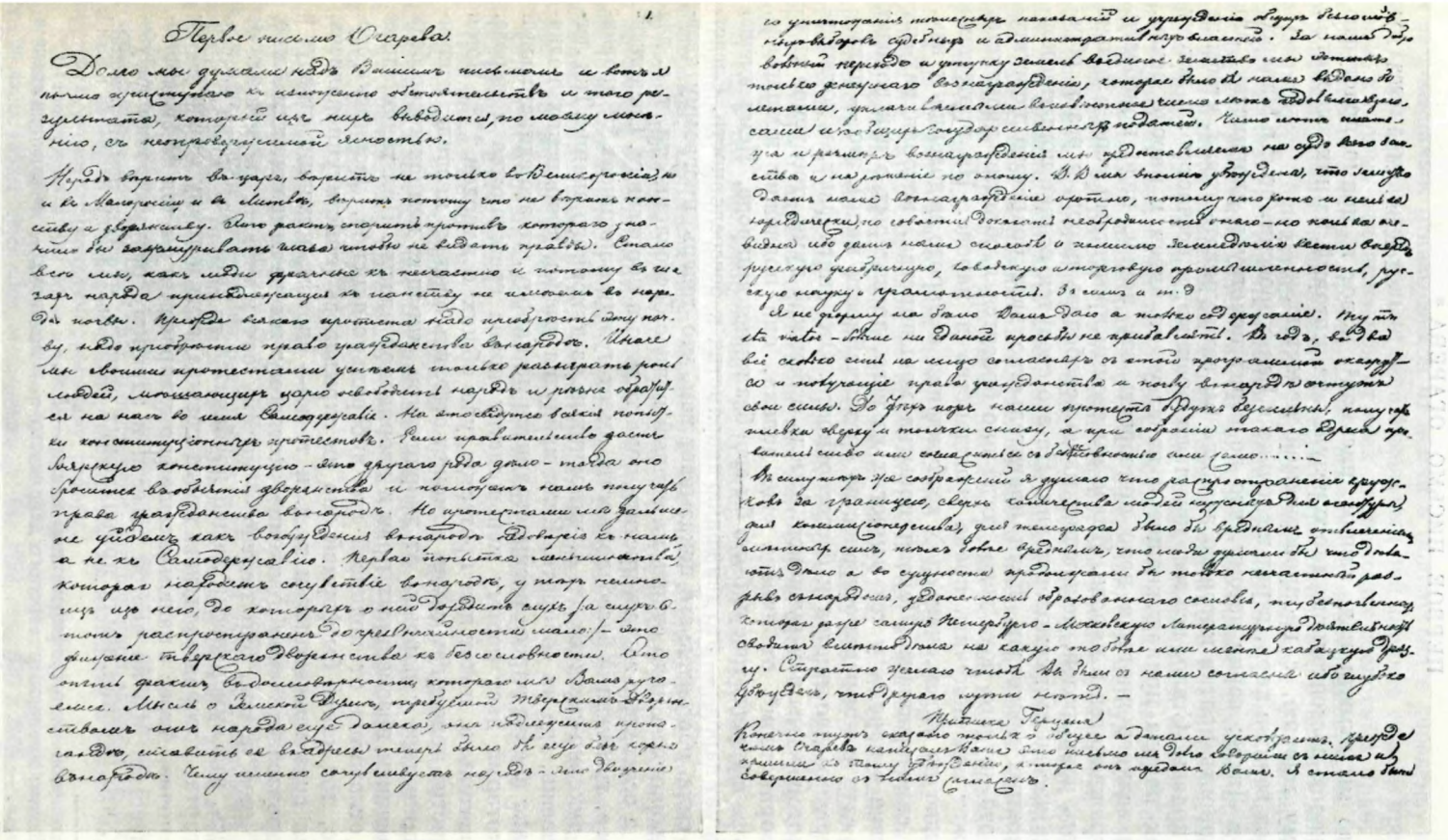
Итак, Следственная комиссия располагала достаточными документальными доказательствами особенной активности Линева в качестве пропагандиста революционных идей.

Но главные улики — литографированные Линевым «адрес» и письма Огарева — остались, как мы знаем, неизвестными Следственной комиссии и не были предъявлены обвиняемому, хотя экземпляр «писем» находился тогда в распоряжении властей. Почти девяносто лет пролежали эти документы в архиве III Отделения и лишь ныне становятся известными исследователям.

Публикуемые письма представляют, несомненно, значительный интерес. Как мы стремились показать, они существенно дополняют имевшиеся в литературе сведения о том плане революционной пропаганды, который был разработан Огаревым весной 1862 г. и к осуществлению которого он привлек ряд участников гейдельбергского центра.

Не менее важное значение имеют новые документы для определения отношения Огарева к дворянскому либерализму. Это отношение уясняется из сравнения политических позиций Огарева, с одной стороны, и авторов известного «адреса» тверского дворянства, с другой. Тверское дворянство в своем «адресе» 1862 г., о котором идет речь в письмах Огарева, настаивало, между прочим, на «полном слиянии» сословий, которое положило бы конец их «антагонизму». Огарев положительно относится к этому «движению тверского дворянства к бессословности», так как это, по его мнению, «первая попытка меньшинства, которая находит сочувствие в народе». Однако Огарев и авторы «тверского адреса» вкладывали *совершенно различное содержание* в понятие «бессословности». В представлении Унковского и его единомышленников «полное слияние» сословий сводилось к установлению формального равенства всех граждан перед законом. Огарев же расширял вопрос о «бессословности» до требования ликвидации не только дворянско-помещичьего, но всякого частнособственнического землевладения. Отказ дворянства от своих сословных прав и преимуществ, даже передача земли крестьянским общинам,— не являются, по мнению Огарева, «бессословностью». «...Не в общине — великороссийское дело,— заявляет Огарев,— а дело в безнаследственности народной поземельной собственности — общинной в Великороссии — и в безнаследственной поземельной собственности, как скоро она превышает размеры сельского, земского пая». В этом суть позиции Огарева, в корне отличающей его от тверских либералов, стремившихся к укреплению, а не к ликвидации частной поземельной собственности. Огарев же выступает не только против землевладельческой аристократии, но и против землевладельческой буржуазии, а она, по его словам, «неминуемо выпрет» при сохранении права наследования собственности на землю.

Так обнаруживается коренное расхождение между утопическим социалистом и революционером Огаревым, с одной стороны, и земскими либералами, с другой. Публикуемые письма, в которых разоблачение либерализма звучит с большой силой, являются новыми ценными документами для характеристики политических взглядов Огарева, а также и Герцена (см. его приписку к «первому письму»).



ЭКЗЕМПЛЯР ЛИТОГРАФИРОВАННОГО ПИСЬМА ОГАРЕВА К В. И. БАКСТУ С ПРИПИСКОЙ ГЕРЦЕНА, МАЙ 1862 г.

Листы первый и последний письма первого

Центральный исторический архив, Москва

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ОГАРЕВА *

〈Лондон. Май 1862 г.〉[1]

Долго мы думали над вашим письмом[2], и вот я прямо приступаю к изложению обстоятельств и того результата, который из них выводится, по моему мнению, с неопровержимой ясностью.

Народ верит в царя, верит не только в Великороссии, но и в Малороссии, и в Литве; верит потому, что не верит панству и дворянству. Это факт, спорить против которого значило бы зажмуривать глаза, чтобы не видать правды. Стало, все мы, как люди фрачные, к несчастию, и потому в глазах народа принадлежащие к панству, не имеем в народе почвы. Прежде всякого протеста надо приобресть эту почву, надо приобресть право гражданства в народе. Иначе мы своими протестами успеем только разыграть роль людей, мешающих царю освободить народ, и резня обратится на нас во имя самодержавия. На это сведутся всякие попытки конституционных протестов. Если правительство даст боярскую конституцию — это другого рода дело: тогда оно бросится в объятия дворянства и поможет нам получить права гражданства в народе. Но протестами мы дальше не уйдем, как 〈до〉 возбуждения в народе недоверия к нам, а не к самодержавию. Первая попытка меньшинства, которая находит сочувствие в народе, у тех немногих из него, до которых о ней доходит слух (а слух о том распространен до чрезвычайности мало), это — движение тверского дворянства к бессословности. Это опять факт, в достоверности которого мы вам ручаемся. Мысль о Земской думе, требуемая тверским дворянством[3], от народа еще далека, она подлежит пропаганде, ставить ее в адресы теперь было бы еще без корня в народе. Чему именно сочувствует народ — это движению дворянства к бессословности. Следственно, сила обстоятельств показывает вам, что теперь программу тверского дворянства надо сузить на единый вопрос бессословности, т. е. для адреса, а остальные задачи пустить пока только в пропаганду. Следственно, адрес, требующий бессословности, имеет нужду в подписях ** дворянских и духовно-светских, т. е. чиновников из духовного звания. Тем легче — знаешь, где их собирать. Если найдутся тысячи дворянских подписей и факт подачи адреса распространится по народу, то это единственный путь, который даст целому меньшинству права гражданства в народе, а следовательно, почву для протестов, уже общих с народом ***. Потом он расчистит поле и вам самим поможет отделить овец от козлищ, искренних общинников с народом от дворянчиков, ищущих немножко свободы с сохранением поземельных прав и дворянской власти. При таком адресе тотчас откажется от подписей все либерально-панское, дворянски-буржуазное, под какой бы формой оно ни скрывалось (конституционализма, введения суда присяжных и т. д. и т. д.)— словом, козлищи отойдут и могут производить свое движение, которому мы не мешаем, тем более, что, не имея почвы, оно тщетно — мы ему сочувствовать не можем. Не пугайтесь, что нумерически людей поубавится,— зато останется искренняя когорта, которая заслужит права гражданства и точку опоры на народной почве. Адрес в нашем смысле формулировал я бы так ****: «Ваше-де величество! Мы по чистой совести и здравому разуму дойдя до убеждения, что русская земля принадлежит народу, что она земля земская,

---

* Заголовок литографированной копии.— *Ред.*

** *Текст:* программу тверского дворянства ~ в подписях — *подчеркнут красным карандашом. — Ред.*

*** *Текст:* Если найдутся тысячи ~ общих с народом — *подчеркнут красным карандашом. — Ред.*

**** *Текст:* Адрес ~ бы так — *подчеркнут красным карандашом, а следующий далее текст адреса, до конца, отчеркнут на полях вертикальной чертой.*

а не помещичья, отказываемся от земли в пользу сел и деревень, в которых хотим сохранить только свой земельный пай наравне со всем крестьянством, и потому отказываемся от всех дворянских сословных прав, желая чтобы все те личные права, кроме земельной собственности, от которой отрекаемся, были предоставлены всему крестьянству, с нами больше нераздельному. Вследствие этого просим повсеместного уничтожения телесных наказаний и учреждения общих бессословных выборов судебных и административных властей. За наш добровольный переход и уступку земель в единое земство мы хотим только денежного вознаграждения, которое было бы нам выдано билетами, уплачиваемыми в известное число лет годовыми взносами из общих государственных податей. Число лет платежа и размер вознаграждения мы предоставляем на суд всего земства и на решение по оному Ваше величество, мы вполне убеждены, что земство даст нам вознаграждение охотно, потому что хотя и нельзя юридически, по совести доказать необходимость оного, но польза очевидна, ибо даст нам способ и помимо земледелия вести вперед русскую фабричную, заводскую и торговую промышленность, русскую науку и грамотность. За сим и пр.».

Я не форму набело вам даю, а только содержание. Тут sta, viator *, больше ни единой просьбы не прибавлять. В год, в два все, сколько есть налицо согласных с этой программой, окажутся, и получающие права гражданства и почву в народе сочтут свои силы. До тех пор наши протесты будут бессильны, получат плевки сверху и толчки снизу, а при собрании такого адреса правительство или согласится с бессословностью или само **...

В силу тех же соображений я думаю, что распространение кружков за границею, сверх количества людей, нужных для агентуры, для комиссионерства, для телеграфа, было бы вредным отвлечением местных сил, тем более вредным, что люди думали бы, что делают дело, а в сущности, продолжали бы только несчастный разрыв с народом, уединенность образованного сословия, ту беспочвенность, которая даже самую петербургско-московскую литературную деятельность сводит вместо дела на какую-то более или менее кабацкую дрязгу»[4].

Страстно желаю, чтобы вы были с нами согласны, ибо глубоко убежден, что другого пути нет.

Приписка Герцена:

Конечно, тут сказано только общее, а детали ускользают. Прежде чем Огарев написал вам это письмо, мы долго говорили с ним и пришли к тому убеждению, которое он передал вам. Я, стало быть, совершенно с ним согласен.

[1] Дата первого письма — май 1862 г.— устанавливается по упоминанию в тексте о требовании тверского дворянства созвать Земскую думу. Здесь имеется в виду адрес тверского дворянства, принятый на чрезвычайном дворянском собрании 2 февраля 1862 г. Адрес стал известен в Лондоне в начале марта и 22 марта был обнародован Герценом и Огаревым в «Колоколе» (л. 126). Вопрос о созыве Земской думы освещался в статьях Огарева в «Колоколе» в лл. 132—134 с 8 по 22 мая 1862 г.

[2] Письмо, на которое отвечает Огарев, неизвестно.

[3] Под влиянием тверских дворян требование Земской думы было выставлено также в выпущенной в Петербурге прокламации, датированной апрелем 1862 г. Прокламация извещала об образовании партии под тем же названием и кратко излагала умеренную «конституционную» программу реформ.

[4] Огарев писал о том же и в тех же выражениях («дрязга», «кабацкая литература») в письмах: к Н. В. Альбертини—от 11 мая 1862 г. и к Н. А. Серно-Соловьевичу — от 8/20 июня 1862 г. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 890 и 891).

* остановка; буквально— остановись, путник (лат.).

** Так в подлиннике.— *Ред.*

ВТОРОЕ ПИСЬМО ОГАРЕВА *

⟨Лондон. Май — начало июня 1862 г.⟩[1]

Вы видите, что я был прав, что отделение козлищ необходимо[2]; иначе вы рискуете попасть в ошибку того воеводы, который бы считал войско следующим образом: «Наших 10 т⟨ысяч⟩ да у врагов 10 т ысяч⟩, итого у нас 20 тысяч». Затем приходится повторять сказанное. Всякий дворянский адрес, просящий созвания Земской думы, метящий на землевладельческое особое сословие, хотя и на дворянское, будет народом не принят и не признан, а правительство всегда может выставить в глазах народа как попытку ограничить самодержавие в ущерб народному владению. Адрес о созвании земства удастся только тогда, когда его потребует земство или народ. Это до такой степени верно, что инстинкт этой правды двинул меньшинство дворянства к мысли о бессословности и сближении с народом. Что же такое значит бессословность и каким путем сблизиться с народом?

Неужели равенство перед законом значит бессословность? В таком случае Европа представляла бы бессословность, а она представляет чрезвычайно резкие сословности, а равенство сводится только на формальное, т. е. призрачное равенство пред законом уголовным. Неужели вы думаете, что создание землевладельческой буржуазии будет принято народом за бессословность и что земство подпишется под адресом землевладельческой буржуазии? Русский мужик слишком реалист, чтобы поддаться такому фантастическому движению верхушек (как он технически называет так называемые образованные классы)[3]; не в общине — великороссийское дело, а дело в безнаследственности народной поземельной собственности — общинной в Великороссии — и в безнаследственной поземельной собственности, как скоро она превышает размеры сельского, земского пая. Все, что русско-славянский смысл и действительная бессословность могут допустить,— это временный срочный наем лицам ненаселенных народных земель, пока они под население не потребуются, пока великорусская община не нуждается в выселке, а малороссийская — в новых раздельных наделах. Поземельное владение, поземельное пользование — единственное экономическое основание, на котором бессословность может вырасти; иначе земельная собственность неминуемо выпрет в землевладельческую аристократию или землевладельческую буржуазию. Следовательно, вопрос о бессословности сводится на вопрос о собственности, превышающей размер сельского, поземельного пая. Народ до такой степени имеет сознание этого принципа, что считает всю землю своею, и толковал в начале появления манифеста 19 февраля о том, останутся ли у господ господские усадьбы или нет.

Стало, если признание бессословности — единственный путь к сближению с народом, то отрицание безнаследственности земельной собственности и стремление к созданию землевладельческой буржуазии будут неодолимым препятствием к сближению с народом и к вызову в нем согласия на требование Земской думы. Поэтому оставьте для искренней когорты, для истинной дружины право на отдельный адрес о бессословности во имя земской земли, а остальным не мешайте действовать, как они хотят. Мало ли у них найдется коноводов: князь Петр Влад. Долгоруков, может и сам министр Головнин **[4]. Искренняя дружина им ни мешать, ни помогать не может; она должна идти своей дорогой к действительному сближению с народом и только пользоваться для своего дви-

---

* Заголовок литографированной копии. — *Ред.*

** *Текст:* Мало ли у них ~ министр Головнин — *подчеркнут красным карандашом.*

жения всеми другими, для нее посторонними, движениями. Нумерическое число важно, об этом я не спорю, но вы сами знаете, что складывать можно только однородные предметы и что сумма только тогда и представит силу, когда она сосредоточивает свои данные, а не тогда, когда берет смесь разнородных противоречащих элементов.

[1] Дата второго письма может быть установлена лишь приблизительно — май—начало июня 1862 г., поскольку один из арестованных в 1866 г. участников гейдельбергской читальни показал, что Огаревым, в ответ на письмо Бакста, были присланы «одно за другим два письма».

[2] Под «*отделением козлищ*» Огарев имеет в виду отмежевание от либеральных элементов, в сущности являвшихся врагами революционного движения, а не его союзниками. Что имеет в виду Огарев, указывая на своевременность своего предупреждения, трудно сказать; возможно, что начавшуюся в мае 1862 г. травлю Герцена в русской легальной печати, сразу же поддержанную либералами.

[3] Упоминание о «технически» применяемом народом к «образованным классам» ироническом названии «верхушки» свидетельствует о близости Огарева к П. А. Мартьянову, который писал о том же в своей брошюре «Народ и государство».

[4] Огарев вполне правильно сближает здесь позиции эмигранта П. В. Долгорукова, объявлявшего себя сторонником «конституции», с позицией А. В. Головнина, министра народного просвещения, сподвижника П. А. Валуева, вынашивавшего втайне, в тиши министерских кабинетов, проект олигархической «конституции».

ОГАРЕВ — В. Н. КАШПЕРОВУ

Публикация Е. И. Канн-Новиковой

Публикуемое письмо Огарева от 15 ноября 1862 г. обращено к близкому его приятелю, композитору и музыкальному деятелю Владимиру Никитичу *Кашперову* (характеристику В. Н. Кашперова и его взаимоотношений с Огаревым см. в нашей публикации, напечатанной в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 149—150).

В начале шестидесятых годов Огарев относился с особым интересом к проблемам русского поэтического и музыкального фольклора. Несомненно, что влияние Огарева и Герцена во многом способствовало развитию нового, революционно-демократического направления русской фольклористики. Одним из горячих сторонников этого направления являлся упоминаемый в письме Огарева известный собиратель народных песен П. И. Якушкин. По почину Якушкина и его идейных единомышленников, изучение и собирание народного творчества в России все более сближается с изучением жизни народа, с проникновением в его духовный мир, в историю его освободительной борьбы.

В прямую связь с этим действенным отношением к народному творчеству следует поставить и стремление Огарева использовать народную песню в агитационных целях.

В шестидесятых годах активизируется издательская деятельность Огарева и Герцена. Именно в это время ими широко пропагандируются и революционные песни. В этом отношении они опирались на опыт поэтов-декабристов, приспособлявших, как известно, антиправительственные сатирические тексты к наиболее популярным бытовым напевам. Этот метод стал руководящим и для Огарева. Публикация новых революционных текстов песен, как правило, сопровождалась указанием «голосов» (то есть мелодий), на которые они должны распеваться. Чаще всего для этих целей пользовались народными напевами. С начала шестидесятых годов в периодических изданиях Герцена и Огарева и в песенных сборниках, составленных при их участии, появляются революционные стихи Огарева: «на голос» песни «Среди долины ровные» в «Колоколе» 1862 г. публикуется отрывок из поэмы Огарева, посвященной ссыльному поэту М. Л. Михайлову; на мотив излюбленной в народе «разинской» песни «Вниз по матушке, по Волге» в том же 1862 г. печатается в «Полярной звезде» отрывок из поэмы Огарева «Забытье» («Из-за матушки за Волги, со широкого раздолья»).

Помимо народных мелодий, на которые делались указания в нелегальных песенных сборниках, Огарев привлекал и классические музыкальные произведения, осо-

бенно популярные в русских демократических кругах. Характерно, что созданный в России в 1861 г. для нелегальной студенческой оперы гимн с революционным текстом «Славься, свобода и честный наш труд», который распевался на мотив глинкинского «Славься», был перепечатан в 1863 г. в собрании «Свободных русских песен» с указанием на этот же мотив. Сборник этот, как доказано в публикации Б. Козьмина и Е. Кушевой (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 85) печатался не в Лондоне, в Вольной русской типографии, а в Берне. Тем не менее участие в нем Огарева едва ли может вызывать сомнение (убедительные соображения по этому поводу высказаны В. Е. Гусевым в статье «Герцен и народная поэзия» — «Советская этнография», 1951, № 3). Повидимому, именно народный склад музыки Глинки, ощущение ее русской разночинной демократией как *народного* гимна и обусловило включение его в состав сборника «Свободных русских песен».

В публикуемом письме Огарева к В. Н. Кашперову содержится ценное высказывание о революционно-демократической пропаганде средствами песенного фольклора. Значительный интерес представляет выраженное здесь намерение Огарева издавать сборники революционных песен с фортепианным сопровождением, которые должны были отвечать духу и складу русской народной песни. Факт выдвижения Огаревым такой музыкальной проблемы весьма знаменателен. Нельзя не усмотреть здесь тесной связи ее с литературными поисками «слога, понятного вообще для простолюдина». Огарев писал, имея в виду поэзию: «...если мы не будем говорить языком, для народа понятным,— нам не удастся разрушить веру, которая есть поддержание властей и угнетений <...> Все будет <...> непонятно именно для того населения, без участия которого никакой переворот не может быть возможен...» (Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. М.—Л., 1937, стр. XX).

Такую же целеустремленность и тонкое чутье проявил поэт и к музыкальной стороне издаваемых им революционных песен, утверждая, что, если они не будут выдержаны в народном духе, «слова не пойдут в пропаганду».

Письмо печатается по перлюстрационной копии «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

Lombardy, al Signor Kaschperoff
Villa Lessa. *Como*
15 ноября <1862 г.> Лондон[1]

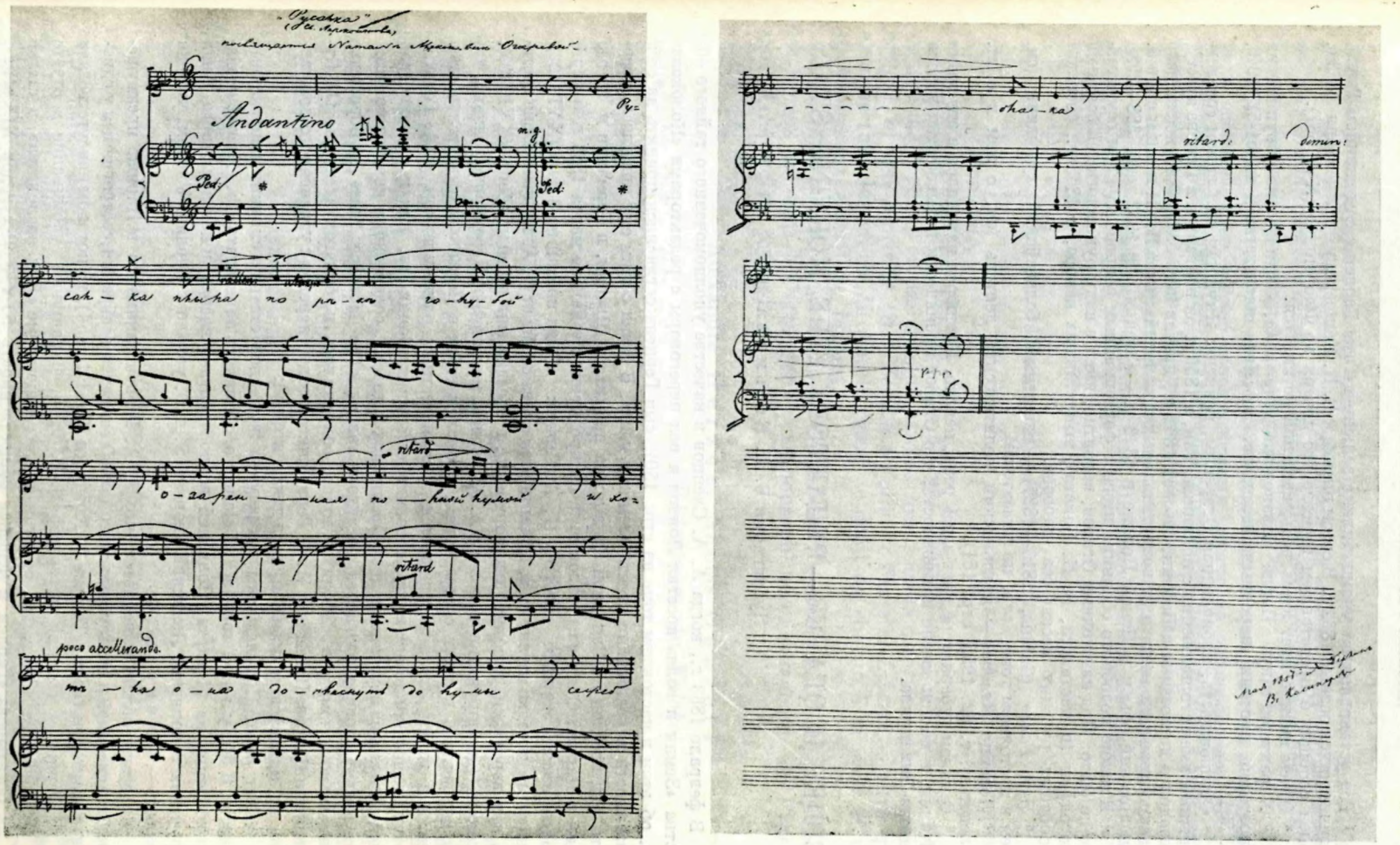
Вы, чай, думаете, что я вас вовсе забыл, мой милый Кашперов, а в самом-то деле было столько дела, что не мог спокойно приняться написать двух строк. Вы не сомневайтесь, что я глубоко сочувствую, только не думаю, чтоб теперь было время что-либо сделать по этой части. Лет через десять, когда гражданское дело станет в какие-нибудь пазы, оно примется легко, а теперь вы на то и денег не найдете (в России ни у кого нет), ни времени[2]. Только не унывайте, сделайте немножко, что положит основание будущему, но не обманывайте себя, не думайте, чтобы вы на сию минуту могли организовать что-нибудь в большом размере. Якушкин[3] в Берлине; я не писал ответа, потому что я прусской переписки избегаю, и лучше пусть он меня побранит за неучтивость, чем я предал бы его своей перепиской[4]. И так уже неосторожность похитила много наших.

Теперь вам скажу о музыкальных вещицах: если кто к вам явится от моего имени для подобрания народных напевов на слова новые и написания аккомпанементов для издания во вред царящему, то вы возьмитесь за этот труд с преданностью к делу, только в народном духе. Иначе слова не пойдут в пропаганду — намерение издателей недурно[5].

Вот вам новость: Тата, которую ждем из Брюсселя, училась там живописи под руководством Gallait[6] (первого художника), живопись — ее специальность. На зиму едет с miss Meysenbug в Флоренцию; она увидит вас, вашу жену и передаст об наших планах... Поговорите с Валерио[7] и напишите ваше мнение. А все же я вашего губернатора не люблю **[8].

---

* На этом письмо обрывается.— *Ред.*



«РУСАЛКА», РОМАНС В. Н. КАШПЕРОВА НА СЛОВА ЛЕРМОНТОВА. ПОСВЯЩЕН Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ, 1857 г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

[1] Год установлен по упоминанию о занятиях Таты Герцен с художником Галлэ, закончившихся осенью 1862 г. В своем письме к В. Н. Кашперову от 12 декабря 1862 г. Герцен сообщил о предстоящем приезде его дочери во Флоренцию (XV, 567).

[2] О чем именно идет здесь речь, сведений не имеется.

[3] Характеристику Павла Ивановича *Якушкина*, одного из крупнейших собирателей русских народных песен, см. в «Лит. наследстве», т. 51-52, 1949, стр. 564.

[4] Осторожность, проявленная Огаревым, понятна: Якушкин был лицом «поднадзорным» и имел столкновения с полицией. Так, в 1859 г. он подвергся в Пскове аресту, а незадолго до поездки в Берлин, весной 1862 г., против него было возбуждено дело о распространении «печатных возмутительных воззваний» (см. И. Ильинский. Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.— «Звенья», I, 1932, стр. 388—392).

[5] Издание подобного сборника песен с фортепианным сопровождением осуществлено не было. Под издателями Огарев, вероятно, имел в виду руководителей бернской типографии (в частности, В. И. Бакста), выпустивших вскоре, в 1863 г., собрание «Свободных русских песен» без напевов.

[6] Луи *Галлэ* (Gallait, 1810—1887) — известный бельгийский художник (см. о нем в настоящем томе, стр. по указателю).

[7] Лоренцо *Валерио* — итальянский политический деятель (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 151).

[8] О каком губернаторе идет здесь речь, неясно. Кашперов находился в это время в Италии, и не исключена возможность, что Огарев иронически называет так короля Виктора-Эммануила.

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ — РЕДАКТОРУ «THE MORNING STAR»

Публикация Б. П. Козьмина

В феврале 1863 г., когда А. А. Слепцов в качестве уполномоченного тайного общества «Земля и воля» посетил Лондон и вел переговоры с редакторами «Колокола» (см. об этом в настоящем томе на стр. 150), сын Герцена согласился принять на себя обязанности заграничного агента «Земли и воли». В связи с этим ему пришлось совершить ряд поездок по Западной Европе: он побывал в Швеции, в Германии и не раз ездил в Париж. Одну из поездок туда он предпринял в начале марта 1863 г. 5 марта Герцен писал старшей дочери, Н. А. Герцен: «Саша поехал на 3 *дня*» (XVI, 122). Однако эта поездка затянулась. 12 марта отец снова сообщал Н. А. Герцен: «Саша третьего дня воротился, исполнив все поручения и съездив еще в Гейдельберг» (XVI, 135). Какие именно поручения исполнял А. А. Герцен, неизвестно. Несомненно, однако, что они находились в связи с восстанием, происходившим в Польше, и с деятельностью «Земли и воли». Это подтверждается и не известным ранее письмом А. А. Герцена к отцу, дошедшим до нас в перлюстрационной копии. Копия эта, как и приложенная к ней вырезка из неустановленной французской газеты, содержащая перевод совместного письма Герцена и Огарева редактору газеты «The Morning Star» и обращение Центрального комитета «Земли и воли», сохранились в бумагах агентуры III Отделения в Царстве Польском. А. А. Герцен писал отцу (перевод с утраченного подлинника на английском языке принадлежит агенту):

«Cher papa! Посылаю вам вырезку из журналов статьи о слиянии центральных обществ. Я был у г-на Gerouille<?> Delamarre, обещались напечатать. Ch. Edmond назначил собрание на 14 марта. Польский вопрос двигаем вперед, и надежды много. Ваши поручения исполнены. Левицкий хворает. S. и D. уехали в Берлин. Увидим, что они сделают. — Александр».

Из этого письма выясняется, что А. А. Герцен занимался в Париже преимущественно агитацией в пользу польского дела. О секретном собрании, состоявшемся у одного из редакторов газеты «Temps» Э. Хоецкого (Ch. Edmond), на котором присутствовали А. А. Герцен и чешский литератор И.-В. Фрич, сохранилось упоминание в отчете III Отделения за 1863 г. (см. об этом в следующем томе «Лит. наследства», в статье Ш. Ш. Богатырева «Герцен и чешская общественность 50-х — 60-х годов XIX века». Деламарр, которого также навестил А. А. Герцен, представлял редакцию газеты

«Patrie». К сожалению, нам не удалось определить, кто скрывался под инициалами S. и D., об отъезде которых в Берлин Герцен-сын сообщал отцу, но, несомненно, что и их поездка стояла в связи с восстанием в Польше. Что касается Левицкого, то это, как известно, двоюродный брат Герцена.

Обращение Центрального комитета «Земли и воли» ко всем русским, находившимся за границей, относительно сбора денежных средств на революционное дело, по содержанию своему совпадало с аналогичным обращением, печатавшимся в ряде листов «Колокола» от имени Совета общества «Земля и воля» (см. стр. 151).

Письмо и обращение печатаются по тексту вырезки из неустановленной французской газеты, перепечатавшей их из «Morning Star» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

1

Au rédacteur du *Morning Star*

⟨Londres. Le 28 février 1863⟩

Monsieur,

Toutes les sociétés secrètes qui étaient éparpillées en Russie, se sont réunies maintenant en une grande association, sous la direction d'un comité central, et qui a pris le titre *Zemlia i Volia — Terre et Liberté* — titre qui exprime tous les vœux du peuple russe: le droit de chacun à la terre et un gouvernement électif et fédéral.

Le comité central nous a chargé de publier l'annonce suivante pour tous les Russes qui sont à l'etranger. Vous nous obligerez beaucoup en l'insérant dans votre journal.

Agreez etc.

Alexandre Herzen, Nicolas Ogareff

Rédacteurs du *Kolokol*

Londres, 28 février 1863.

Перевод:

Редактору «The Morning Star»

⟨Лондон. 28 февраля 1863 г.⟩

Милостивый государь,

Все тайные общества в России, до сих пор распыленные, в настоящее время соединились под руководством центрального комитета в одно большое общество под названием «Земля и воля»,— названием, выражающим все желания русского народа: право каждого на землю, и выборное и федеральное правительство.

Центральный комитет поручил нам опубликовать следующее обращение ко всем русским, находящимся за границей. Вы очень обяжете нас, напечатав его в вашей газете.

Примите и пр.

Александр Герцен, Николай Огарев

Редакторы «Колокола»

Лондон. 28 февраля 1863 г.

2

Le comité central de l'Association «Terre et Liberté»
à tous les Russes se trouvant à l'étranger

Le comité central invite tous les Russes à contribuer au fond destiné aux exilés en Sibérie et aux dépenses que peut exiger notre cause commune populaire. Les Russes qui voyagent ou qui résident à l'étranger peuvent envoyer leurs contributions aux rédacteurs du *Kolokol* à Londres et sont priés

de signer leur envoi par quelque lettre ou chiffre. Le *Kolokol* publiera immédiatement le chiffre et la somme. Ceux qui désirent avoir des reçus pourront en obtenir. Les rédacteurs du *Kolokol* sont responsables de la transmission des fonds à leur déstination.

Russie, février 1863.

Перевод:

Центральный комитет общества «Земля и воля» ко всем русским, находящимся за границей

Центральный комитет призывает всех русских поддержать фонд, предназначаемый сосланным в Сибирь и на расходы, которые может потребовать наше общее народное дело. Путешествующие или проживающие за границей русские могут направлять свои взносы редакторам «Колокола» в Лондон и приглашаются подписывать свои посылки буквами или шифрами. «Колокол» будет незамедлительно печатать все шифры и суммы. Желающие иметь расписки смогут их получить. Редакторы «Колокола» несут ответственность за передачу средств по назначению.

Россия, февраль 1863 г.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОГАРЕВА С ПАВЛОМ ПРУССКИМ (П. И. ЛЕДНЕВЫМ)

Публикация П. Г. Рындзюнского

В период подъема освободительного движения в России, на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, в поисках путей сближения с народом некоторые революционеры уделяли особое внимание религиозно-оппозиционному движению — старообрядчеству и сектантству. Повышенный интерес к преследуемым вероучениям был характерен, в частности, для Огарева, ставшего, как известно, во главе особого органа революционной эмиграции — журнала «Общее вече».

Общественную сущность и идейное содержание старообрядчества, как мы теперь знаем, Огарев понимал, в основном, неправильно: он идеализировал старообрядчество. Это было типично не для него одного, но и для большинства передовых общественных деятелей эпохи. Огарев не замечал классовых противоречий между различными социальными группами приверженцев старообрядчества и не учитывал прочной связи старообрядческой верхушки с консервативными кругами русской буржуазии. Он считал, что свобода веры и развитие религиозных течений «составляют единственный путь к освобождению масс от умственного застоя и огромную пружину к их участию в деле общественном» («Письма к „одному из многих“». — Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 665).

Огарев и Герцен пытались установить и укрепить связи с различными толками старообрядчества (об их сношениях с представителями так называемой поповщины см. в письмах В. И. Кельсиева и О. С. Гончарова, напечатанных в т. 62 «Лит. наследства»); из видных представителей беспоповщинского толка их особым вниманием пользовался глава зарубежной общины беспоповцев Павел Прусский.

Петр Иванович *Леднев*, известный впоследствии под именем *Павла Прусского* (1821—1895), родился в богатой купеческой семье в городе Сызрани. Еще в молодости, в родном городе, он стал активным проповедником беспоповщинского федосеевского толка, а потом на короткое время, в 1846—1848 гг., оказался в главном центре этого направления старообрядчества, в московской Преображенской общине (Преображенском кладбище).

В то время все дела этой общины целиком контролировались крупнейшим московским фабрикантом Е. Ф. Гучковым. Взамен падавшей в своем значении Преображенской общины, Гучков основное внимание уделял новому беспоповщинскому мона-

стырю, который был создан по его инициативе за пределами России, близко от ее границы, на территории, принадлежавшей тогда Пруссии, в городке Иоганнисбурге (ныне г. Пиш). Повидимому, Гучков создал зарубежный центр беспоповщины не для того, чтоб укрепить религиозно-оппозиционную организацию — к ней он давно охладел и даже формально из нее вышел,— он руководствовался более всего своими предпринимательскими интересами: община создавалась в районе текстильного производства, конкурировавшего с московской промышленностью.

Во главе новой общины был поставлен Петр Леднев. При перекрещении он получил имя Павел, а взамен прежней фамилии — прозвище *Прусский*, по местонахождению возглавлявшейся им общины. Павел Прусский управлял зарубежными старообрядцами-беспоповцами длительное время — с 1848 по 1867 г., с коротким перерывом. В старообрядческих кругах он стал известен благодаря интенсивной литературной деятельности, осуществлявшейся им совместно с его помощником и единомышленником Константином Голубовым. Большое значение имело и то, что федосеевская община располагала в Иоганнисбурге собственной типографией, которая обслуживала старообрядцев беспоповщинского толка.

Основные факты биографии Павла Прусского указывают на его большую близость к кругам крупной буржуазии, ставленником которой он был. Характерно, что проповедовавшаяся им реформа федосеевского согласия была направлена на смягчение и сглаживание тех его особенностей, которые заставляли считать это согласие одним из наиболее радикальных течений в беспоповщине. Реформирование это должно было приблизить толк федосеевский к толку поморскому, к которому, в силу его умеренности, тяготели наиболее зажиточные федосеевцы.

В 1868 г. Павел Прусский перешел в единоверие и вернулся в Россию, где стал одним из наиболее активных «обличителей» и гонителей старообрядчества и всякого религиозного разномыслия. Он до своей смерти являлся настоятелем Никольского единоверческого монастыря в Москве, в который была преобразована часть старообрядческой общины (Преображенского кладбища). Павел Прусский в этот последний период своей жизни занимал крайне реакционную идейно-политическую позицию, будучи ближайшим сподвижником ярого консерватора Н. И. Субботина.

Разумеется, что раскрытые теперь прочные связи Павла Прусского с крупными промышленниками-капиталистами и его идейная позиция в период пребывания в беспоповщине не были достаточно ясны общественным деятелям того времени. Для них на первый план выступали иные стороны жизни и деятельности этого старообрядца. Приверженность Павла Прусского к наиболее радикальному религиозно-оппозиционному течению, его пребывание в недосягаемом для царского правительства месте почти на положении эмигранта, склонность к самостоятельному мышлению и литературному труду, а также находившийся в его распоряжении типографский станок— все это определяло повышенный интерес к нему некоторых революционных деятелей.

Первое непосредственное общение представителя русской революционной эмиграции с Павлом Прусским относится к 1862 г. — времени секретного приезда в Россию В. И. Кельсиева. При содействии А. А. Серно-Соловьевича Кельсиев встретился в Петербурге с находившимся там тайно, как и он сам, знаменитым беспоповцем; на обратном пути в Лондон Кельсиев посетил Павла Прусского в Иоганнисбурге, где пробыл у него в монастыре три дня, во время которых продолжались начатые в Петербурге переговоры. Об этих встречах Кельсиев довольно подробно рассказал на страницах своей «Исповеди» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 329—333); о том же писал и Павел Прусский («О моем знакомстве с Кельсиевым».— «Братское слово», т. II, 1889, стр. 69). Оба они к этому времени уже раскаялись в былой антиправительственной деятельности, и это отрицательно сказалось на точности сообщаемых ими сведений, однако основной факт — отказ Павла Прусского сотрудничать с революционными кругами — в том и другом повествовании передан, повидимому, верно.

Вместе с тем, как явствует из показаний Кельсиева, Павел Прусский не отвергал возможности продолжения сношений с эмигрантами — он, в частности, намеревался наладить с их помощью издание в Лондоне старообрядческих сочинений в более широких масштабах, чем это делалось в Иоганнисбурге.

В «Исповеди» Кельсиев вспоминал о том оптимистическом настроении, которое у него создалось в результате общения с Павлом Прусским; это заставляет подозревать, что он договорился с ним не только об издании старообрядческих книг, но и о более существенном — возможно, об участии Павла Прусского в уже предполагавшемся тогда особом периодическом издании для старообрядцев. «Мы шли разной дорогой, наши верования были диаметрально противуположны, но любовь к людям была у нас обоих единственной пружиной всех действий. Мы оба на все были готовы, только бы доброе сделать»,— писал Кельсиев в «Исповеди» (цит. соч., стр. 334). Далее он сообщал, что сами старообрядцы, поповцы и беспоповцы, просили его «завести для них газетку» (там же, стр. 343). Из сказанного Кельсиевым о «цензуре» Огарева следует, что ко времени подготовки первого номера «Общего веча» его редакторы уже располагали какими-то статьями старообрядцев, возможно привезенными Кельсиевым; число таких статей значительно увеличилось после выхода первого номера журнала.

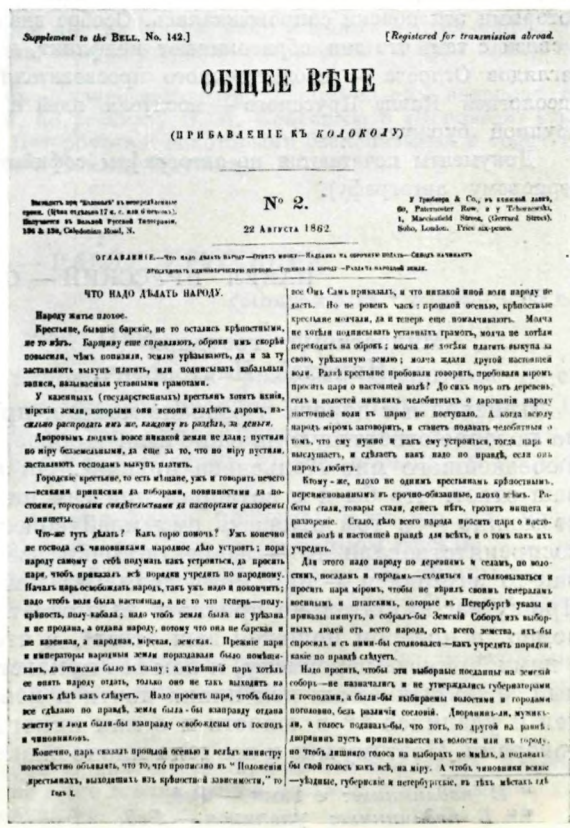
Эти обстоятельства помогают понять первый из публикуемых здесь документов — письмо Павла Прусского к Огареву от 4 марта 1863 г. Из него видно, что редакторы «Общего веча» в не дошедших до нас письмах просили настоятеля беспоповщинской общины продолжать дискуссию, поднятую в статье Огарева «Ответ на письмо об „Общем вече"» («Общее вече», № 2 от 22 августа 1862 г., стр. 12—14). В этой статье, начинающейся с обращения к некоему иноку, приводится небольшая выдержка из письма к редактору, в котором «инок» защищал принцип частной собственности на землю, как якобы необходимое условие для экономического прогресса; вся же статья, написанная Огаревым, посвящена доказательству противоположного тезиса — что общественное владение землей не только открывает невиданные перспективы для хозяйственного развития, но и гарантирует справедливое разрешение социального вопроса, ликвидируя имущественное неравенство. Просьбы Огарева и Кельсиева о продолжении дискуссии заставляют думать, что первое письмо, на которое отвечал Огарев в журнале, написанное от имени некоего инока, было прислано в редакцию самим Павлом Прусским или кем-либо из его близких сподвижников, возможно Голубовым. Это предположение подкрепляется содержанием следующего публикуемого здесь документа — письма Огарева к Павлу Прусскому. В последней его части Огарев, несмотря на отказ старообрядца продолжать споры, все же возобновляет обсуждение тех больших общественных вопросов, которые были предметом дискуссии, начатой во втором номере «Общего веча». Прямая связь «Ответа» Огарева в журнале с черновым текстом его личного письма Павлу Прусскому заставляет думать, что и печатный «Ответ», написанный в форме открытого письма, адресовался к нему же. Добавим к сказанному, что издания типографии в Иоганнисбурге более позднего времени не ограничивались богословскими текстами, а нередко содержали в себе статьи на широкие общественные темы.

Содержание публикуемого здесь письма Огарева весьма интересно. В нем сжато и отчетливо высказаны мысли о том большом значении, какое имеет лозунг свободы совести в ряду других демократических требований. Огарев заявляет, что он признает «свободу веры без ограничения». Надо особо отметить развитую в этом письме мысль, что «свобода веры неразрывно связана со всеми вопросами гражданской свободы» и что «освобождение совести от владычества господствующей казенной церкви ⟨...⟩ без коренного изменения общественного устройства немыслимо, невозможно». Эти передовые и очень верные мысли о связи борьбы за свободу совести с борьбой за всестороннее освобождение народа были весьма характерны именно для русского демократического движения — они прошли через всю его историю. Руководствуясь этими положениями, Огарев в своей революционно-пропагандистской деятельности, в частности в работе по журналу «Общее вече», постоянно сочетал разоблачение казенной церкви и призывы к борьбе за свободу совести с рассмотрением более общих вопросов коренного общественно-политического преобразования. Показательным примером именно такого тесного сочетания является рассматриваемое письмо, в котором от доказательств необходимости борьбы за свободу веры автор постепенно переходит к пропаганде социалистического общественного строя.

Но в этом же письме заметны и слабые стороны позиции Огарева — его уверен-

ность в том, что можно путем горячих убеждений изменить идейную позицию старообрядческого начетчика. Между тем, глубокий консерватизм Павла Прусского обусловливался не только его приверженностью к не терпящему никакой «новизны» вероучению, но и более существенными факторами. Известная уже нам тесная и всесторонняя связь Павла Прусского с миром капиталистов-предпринимателей делала его сознательным приверженцем частнособственнического эксплуататорского строя и сторонником бесправного положения народа. В его воззрениях имело место сочетание таких элементов, которое Огареву, видимо, казалось невозможным — умеренная оппозиционность в религиозно-церковных вопросах и сугубый консерватизм в общественно-политических взглядах.

Последний документ предлагаемой публикации представляет собой сочетание статьи для «Общего веча», написанной в форме послания или обращения «К братьям-старообрядцам», и личного письма к Огареву от 4 июня/23 мая 1864 г. Авторство Павла Прусского устанавливается на основании содержащейся в письме просьбы возвратить книгу «Поморские ответы», которую пишущий ранее вручил Кельсиеву, а в «Исповеди» Кельсиева сказано, что после договоренности с Павлом Прусским об издании в Лондоне книг для старообрядцев «он мне ⟨т. е. Кельсиеву⟩ тотчас же дал „Поморские ответы“ для печатания» («Исповедь», цит. изд., стр. 334). Правда, полной уверенности в том, что статья и письмо написаны одним и тем же лицом, нет. В связи с этим обращает на себя внимание, что автор статьи говорит в одном месте об отношении московских старообрядцев к текущим событиям, в то время как Павел Прусский находился еще в зарубежной общине. Но это не исключает его авторства: община в Иоганнисбурге существовала в качестве филиала Преображенского кладбища, и ее настоятель фактически оставался членом коллектива московской старообрядческой организации. Во всяком случае несомненно, что статья принадлежит перу старообрядца-беспоповца: автор упоминает «о заслугах нашего Ермилова», называвшего себя прихожанином Преображенского кладбища.



Supplement to the BELL. No. 142.] [*Registered for transmission abroad.*

ОБЩЕЕ ВѢЧЕ

(ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ *КОЛОКОЛУ*)

Выходитъ при „Колоколѣ“ въ неопредѣленные сроки. (Цѣна отдѣльно 12 с. г. или 6 пенсовъ). Печатается въ Вольной Русской Типографіи. 186 & 188, Caledonian Road, N.

№ 2.

22 Августа 1862.

У Трюбнера & Со., въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row и у Tchernecki, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street). Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Что надо дѣлать народу.—Отвѣтъ москвѣ.—Надежда на скорую помощь.—Совѣтъ начинать [illegible] единодушно.—Голосъ за народъ.—Радость народной земли.

ЧТО НАДО ДѢЛАТЬ НАРОДУ.

Народу житье плохое.

Крестьяне, бывшіе барскіе, не то остались крѣпостными, не то нѣтъ. Барщину еще справляютъ, оброки имъ скорѣй повысили, чѣмъ понизили, землю урѣзываютъ, да и за ту заставляютъ выкупъ платить, или подписывать кабальныя записи, называемыя уставными грамотами.

У казенныхъ (государственныхъ) крестьянъ хотятъ взять, мірскія земли, которыми они всякій владѣютъ даровъ, насильно распродать имъ же, каждому въ раздѣлъ, за деньги.

Дворовымъ людямъ вовсе никакой земли не дали; пустили по міру безземельными, да еще за то, что по міру пустили, заставляютъ господамъ выкупъ платить.

Городскіе крестьяне, то есть мѣщане, ужъ и говорить нечего —всякими прищепки да поборами, повинностями да постоями, торговыми свидѣтельствами да паспортами разорены до нищеты.

Что-же тутъ дѣлать? Какъ горю помочь? Умъ конечно не господа съ чиновниками народное дѣло устроитъ: пора народу самому о себѣ подумать какъ устроиться, да просить царя, чтобъ приказалъ всѣ порядки учредить по народному. Началъ царь освобождать народъ, такъ ужъ надо и покончить: надо чтобъ воля была настоящая, а не то что теперь—помужицкому, полу-кабала; надо чтобъ земля была не урѣзана и не продана, а отдана народу, потому что она не барская и не казенная, а народная, мірская, земская. Прежніе цари и императоры вотчинныя земли порядкавали было покупать, да отказали было въ казну; а нынѣшній царь хотѣлъ ее опять народу отдать, только оно не такъ выходить на самомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ. Надо просить царя, чтобъ было все сдѣлано по правдѣ, земля была-бы взаправду отдана землеу и люди были-бы взаправду освобождены отъ господъ и чиновниковъ.

Конечно, царь сказалъ прошлой осенью и всѣмъ министру повелѣнію объявлять, что то, что прописано въ "Положеніи крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости," то такъ и все Онъ Самъ приказалъ, и что никакой иной воли народу не дасть. Но не ровенъ часъ: прошлой осенью, крѣпостные крестьяне молчали, да и теперь еще помалчиваютъ. Молча не хотѣли подписывать уставныхъ грамотъ, молча не хотѣли переходить на оброкъ; молча не хотѣли платить выкупа за свою, урѣзанную землю; молча ждали другой настоящей воли. Развѣ крестьяне пробовали говорить, пробовали міромъ просить царя о настоящей волѣ? До сихъ поръ отъ деревень, селъ и волостей никакихъ челобитныхъ о дарованіи народу настоящей воли къ царю не поступало. А когда всему народу міромъ заговорить, и станетъ подавать челобитные о томъ, что ему нужно и какъ ему устроиться, тогда царь и выслушаетъ, и сдѣлаетъ какъ надо по правдѣ, если онъ народъ любитъ.

Ктому-же, плохо не однимъ крестьянамъ крѣпостнымъ, переименованнымъ въ срочно-обязанные, плохо живется. Работы стали, товары стали, деньгъ нѣтъ, тронуть нищета и разоренье. Стало, ѣдко всего народа просить царя о настоящей волѣ и настоящей правдѣ для всѣхъ, и о томъ какъ ихъ учредить.

Для этого надо народу по деревнямъ и селамъ, по волостямъ, посламъ и городамъ—сходиться и сговариваться и просить царя міромъ, чтобы не вѣрилъ своимъ генераламъ косматымъ и шатаемымъ, которые въ Петербургѣ указы и приказы пишутъ, а собралъ-бы Земскій Соборъ изъ выборныхъ людей отъ всего народа, отъ всего земства, ихъ-бы спросилъ и съ ними-бы сговаривался—какъ учредить порядки какіе по правдѣ слѣдуетъ.

Надо просить, чтобы эти выборные посланны на земскій соборъ—не назначались и не утверждались губернаторами и господами, а были-бы выбираемы волостями и городами поголовно, безъ различія сословій. Дворянамъ-же, мужикамъ, а голосъ подавать-бы, что тотъ, то другой на равнѣ. Дворянинъ пусть приписывается къ волости или къ городу, но чтобъ лишняго голоса на выборахъ не имѣлъ, а подавалъ бы свой голосъ какъ всѣ, на міру. А чтобъ чиновники всякіе —уѣздные, губернскіе и петербургскіе, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ

«ОБЩЕЕ ВЕЧЕ» № 2
ОТ 22 АВГУСТА 1862 г.

Здесь была напечатана статья Огарева «Ответ на письмо об „Общем вече“»

Первая страница

Статья, присланная в редакцию «Общего веча», не была опубликована: журнал окончил свое существование, а главное — основное содержание статьи делало совершенно невозможным помещение ее на страницах органа революционной эмиграции. Высказав свое отрицательное отношение к клеветническим нападкам на «Общее вече» и удовлетворив тем самым пожелание редакции журнала, автор затем все оставшееся в статье место отводит «доказательствам» бытия бога и «обоснованию» тезиса, что каждый «умный человек» якобы не может сомневаться в его существовании. Можно предполагать, что такое построение корреспонденции являлось сознательным трюком, рассчитанным на то, чтобы ценой удовлетворения просьбы редакции и содействия ей в текущей политической работе изменить общую идейную направленность журнала, превратив его в проповедника религии. Разумеется, Огарев не мог пойти на такую сделку, и редакторский карандаш вычеркнул из статьи все богословские рассуждения. Но после этого статья самым резким образом изменила свой смысл.

Этот эпизод интересен тем, что он на конкретном примере показывает те большие трудности, которые вставали перед Огаревым. «Общее вече» было задумано в качестве органа революционного просветительства, но оно вместе с тем было рассчитано на сотрудничество в нем руководителей старообрядчества, носителей самых реакционных взглядов.

Можно догадаться на основании дошедшего до нас запроса Герцена и Огарева от 10—14 марта 1864 г., адресованного О. С. Гончарову (XVII, 134), что свое отрицательное отношение к выступлению журнала «Европеец» против «Общего веча» Павел Прусский — предполагаемый автор рассматриваемой статьи — высказал, вероятно, по специальной просьбе его издателей. Видимо, с подобными же просьбами они обращались и к руководителям иных направлений старообрядчества.

Публикуемые документы дают новый ценный материал для разработки важной исследовательской темы о поисках русскими революционерами,— в данном случае Огаревым,— путей к сближению с народными массами и о тех достижениях и ошибках, которыми эти поиски сопровождались. Особое значение эти материалы приобретают в связи с тем, что они обрисовывают конфликт, возникший на основе столкновения взглядов Огарева — революционного просветителя, демократа — с консервативной идеологией Павла Прусского — носителя идей и взглядов, свойственных кругам крупной буржуазии.

Документы печатаются по автографам «софийской коллекции» (письмо № 2 — по черновому автографу).

1

ПАВЕЛ ПРУССКИЙ — ОГАРЕВУ

<4 марта 1863 г.>[1]

Милостивый государь
Николай Платонович,

Приехал я с дороги в феврале месяце, прочел посланное вами письмо, на которое ответствую на ваше имя. Первое, благодарю вас за пересылку любезнейшего мне Кельсиева письма[2]. Он в письме просит ответить на ваш ответ, что бы я и сотворил при сем письме, потому что мне сделать возможно — в том отказать ему моей совести тяжко за его любовь, но воспрепятствовало то — ваши листочки все у меня соблюдаются, а этот как-то затерялся — или кому дали без меня, или на почте затерялся. Прошу вас вторительно прислать ваш ответ, то есть «Общее вече» — тот номер, в котором положен ваш ответ[3], а что вы, любезнейший, желаете с нами * иметь переписку, я вам без лукавства говорю: я человек не ученый, а политических дел плана почти и вовсе не знаю, от коммерческих дел я удалился ** в юности и о них никогда не занимался почти и разговорами. Поэтому мне и все дела плохо знакомы; взошла в меня ревность,

* *В подлиннике:* с вами.— *Ред.*
** *В подлиннике:* улалился.— *Ред.*

что в некоторых старообрядцах упущен брак, чрезо что и много они должны страдать бедствий; о этом, как о знакомом деле, сколько моих сил, попещись понудился[4], а о других делах мне сообразить план и трудно, а не сообразя вступаться — не хочется быть подобно слепому стрельцу, а есть ли бы и вступил, то я, человек, плененный христовой славой, иначе судить не могу, только в сходство христианских положений, посему и прошу вас от такового дела, которо выше моей силы, меня уволить и не огорчись на меня, милостивый государь,— я, може, что и грубо или невежественно пишу. Я чувствую ваши к старообрядцам благосклонности и благодарю, но потому отказываюсь — я человек простой, со учеными людьми мне вступаться в беседу — только себя стыдить, да и с Кельсиевым я подружился — только-то меня завлекло, что на искусе увидели его простоту, и тот поступок заставил меня его любить и дружбу с ним иметь. Не рассматривая моего невежества, меня из ученых и в Питере кое-кто завлекали в беседу[5], но я отскочил. Извини меня, честный муж, и не огорчись на мои слова — я не вас зазираю, но себя сужу недостаточного к вашей переписке: часом что неследующее напишу и будет после стыдно. Прошу меня простить, что я так пишу — без политики, навык я жить христианской прямизной.

Кланяюсь тебе

убогий о⟨тец⟩ П а в е л

Марта 4.

[1] Год указывается в соответствии с датой номера «Общего веча», о котором говорится в письме, и с публикуемым ниже письмом Огарева (№ 2), которое является ответом на данное письмо.

[2] Письма Огарева и В И. Кельсиева, о которых здесь идет речь, нам неизвестны.

[3] Статья Огарева «Ответ на письмо об „Общем вече“», помещенная во втором номере «Общего веча» от 22 августа 1862 г., стр. 12—14.

[4] Павел Прусский был автором многих статей, направленных против запрещения у федосеевцев оформленных браков; вопрос о браках он разрешал в духе поморского согласия.

[5] О ком из «ученых» идет речь — точно неизвестно. Одним из них, очевидно, был А. А. Серно-Соловьевич, который, по рассказу В. И. Кельсиева в «Исповеди» (указ. изд., стр. 329), имел сношения в Петербурге с некоторыми беспоповцами и содействовал устройству встречи Кельсиева с Павлом Прусским.

2

ОГАРЕВ — ПАВЛУ ПРУССКОМУ

⟨Лондон.⟩ 29 * марта ⟨1863 г.⟩[1]

Многоуважаемый отец Павел,

Письмо ваше получил и виноват, что за разными хлопотами до сих пор не писал к вам. «Вече» с ответом вам послано уже четыре дня тому назад. Сегодня посылаю еще раз на имя отца Андрея, боясь, чтобы как не пропало; я не знаю, как власти у вас смотрят на эту посылку и не останавливают ли **.

В⟨асилию⟩ И⟨вановичу⟩ письмо ваше послал[2]. Как же он рад-то будет! Он об вас часто спрашивает, чуть ли не во всяком письме. Он уже давно не у нас, а в Царьграде, о чем, впрочем, никому без нужды не сказывайте. Работает он усердно, пишет ко мне часто. Семейство его еще здесь, но сбирается туда же.

Я не скрою от вас, что ваше письмо меня огорчило. У вас слишком много понимания, чтобы вы могли с каким-то недоверием к собственным

* *Ранее было:* 30

** *Далее зачеркнуто:* Мой ответ вам, напечатанный, я вышлю вам завтра. Я боюсь, чтоб его на почте не задержали; от этого в один день с письмом и не посылаю, чтоб не обратить постороннего внимания.

силам отстранять от себя нас, людей вам преданных, и общественные вопросы. Я мало уважаю ученость * книжников; я человек простой и уважаю только здравый смысл и сердечную искренность в деле истины. Поэтому вам отстраняться от меня из-за какой-то мнимой учености несправедливо. Признавая свободу веры без ограничения, я никогда не взгляну на вашу деятельность иначе как с уважением. Дотолковаться до правды мы можем только взаимно уважая свободу убеждения. От этого первое дело, первый долг — работать, для того чтобы никакая власть не стесняла ничьей веры, чтобы человек имел право гласно, а не тайно, принадлежать к избранной им церкви. А эта свобода веры неразрывно связана со всеми вопросами гражданской свободы и поставления человека в возможность обеспечить себя и достоянием и законом настолько, чтоб подчиняться единому долгу, признанному по внутреннему убеждению, по совести, а не долгу, извне насилием налагаемому.

Поэтому меня в самом деле огорчает глубоко то, что вы отказываетесь от участия в деле общественном. Неужели вы думаете, что человек может найти душевное спасение, оставаясь равнодушным к устройству общества человеческого? Ведь это значит коренное равнодушие к ближнему! Это значит тяжкий грех, а не спасение. Апостолы отрицали зло мира сего и сооружали церковь во спасение человечеству и мученически гибли за святое дело. Теперь настает время освобождения церкви, освобождения совести от владычества господствующей, казенной церкви, которое освобождение без коренного изменения общественного устройства немыслимо, невозможно. И в это-то время мы останемся равнодушными свидетелями совершающегося и не то что мученичество приемлем, а даже слова своего не скажем? Нет, нет и тысячу раз нет! В этом равнодушии я вижу грех, а не спасение.

Если вы, сильный человек, остаетесь чуждым устройству общества человеческого, что же скажут слабые люди? Они и вовсе отстранятся.

Кто же поможет освобождению церкви, не убоясь самого мученичества?

Куда же денется свобода веры?

О! как это равнодушие далеко — если не от буквы писания, то от сердца апостольского, от того глубоко убежденного, деятельного самопожертвования на благо общее, которое ведет на крест и на спасение.

Отец Павел, не сетуйте на эти строки, они писаны из любви; в них больше плача, чем горечи. Дайте мне вас братски обнять, и надеяться, и ждать от вас участия в общем деле сердечного, преданного, деятельного, апостольского **. Человек неимущий, человек голодный — всегда раб человека имущего[3]. Имущий поддерживает все власти начальствующие для сохранения своего превосходства, а власти поддерживают имущих ***, чтоб посредством их господствовать. От этого происходят и господствующие церкви и грабящие чиновники, и большая часть рода человеческого, нужды ради, склоняется и живет не по своей вере, не смеет признаться в своей вере, прячет ее и утрачивает свою чистоту сердечную. Если мы говорим о земле как о собственности народа, а не частного человека, то это потому, что только при таком порядке вещей каждый человек может иметь право на свою долю из общей земли,— следственно, каждый может быть огражден от бездомничества, обеспечен в крайних необходимостях своего существования. Следственно, он не пойдет из нужды работать за бесценок, а только за цену безобидную. Стало, имея свой клок земли по неотъемлемому праву, он не продаст своего труда в кабалу богатому, ни

---

* *Далее зачеркнуто:* мира сего

** *Здесь первоначально оканчивался текст и следовала подпись:* Ваш Николай Платонов. *Далее Огарев приписал:* Не оставьте меня без отзыва. Много преград и скорбей на пути. Будем же друг другу поддержкою и помощью.

*** *Далее зачеркнуто:* противу голодных, для того

своей совести в кабалу сильным мира сего. Вы видите, что это не отнимает средств по мере таланта приобретать, но дает то основное обеспечение, при котором * из человека не вымучивается труд и совесть, при котором тело и дух перестают быть продажными и осужденными на рабство.

Неужто это ученость книжников? Ах, отец Павел, отец Павел! Как вам не стыдно взваливать на меня какое-то высокомерие, которого я не причастен и которое считаю за грех. Как вам не грешно ставить между нами какой-то дух состязания, вместо духа любви. Если б вы знали мою ненависть к книжникам и фарисеям современного мира и мою простодушную преданность истине, вы бы не отнеслись ко мне так безучастно, а братски помогли бы подумать общими силами о благе человеческом и о том, что́ нам, бескорыстно ему служащим, должно говорить и делать **.

[1] Год указан на основании помещенных в письме сведений о семье Кельсиева.
[2] Письмо Павла Прусского к В. И. Кельсиеву неизвестно.
[3] Отсюда и далее Огарев продолжает развивать мысли, которые составляют содержание его статьи «Ответ на письмо об „Общем вече“» во втором номере журнала.

3

ПАВЕЛ ПРУССКИЙ <?> — ОГАРЕВУ

От старообрядца — старообрядцам[1]

<4 июня / 23 мая 64 г.>

Братья старообрядцы!

Долго молчали мы, взирая с прилежанием, что творится в мире нашей русской политики. Наконец решились из среды нашей издать глас восклицания в опровержение лжи и в утверждение правды.

Возник в сонме заграничной журналистики какой-то «Европеец». Из первого же листа мы поняли его подрывное завистливое направление против издателей «Общего веча», и прискорбно нам, что зависть и гордость затуманивает общеполезную деятельность ложным, но гласным, к несчастию, объявлением на старообрядцев, будто бы которые пренебрегли правду, извещаемую в «Общем вече» ради благопознания его издателя и будто бы решили «всех лондонцев предать проклятию, листки их сжечь и никогда не читать»[2]. Ложь, чистая ложь! Напрасно издатель «Европейца» так безопасно раскачивается по каменисто-овражной лжи, где можно нечаянно разбиться. «Погубит господь вся глаголящие лжю, мужа кровий и льстива гнушается господь» ***.

Старообрядцы видят, что в «Вече» не печатают статьи о безбожии, но о свободе всех религий, о свободе, которой жаждут наипаче старообрядцы и продолжают читать с должным к правде уважением. Старообрядцы в Москве подлинно знают, что из среды нашей старообрядческой вышли в свет напечатанные в «Общем вече» сочинения, а потому и не сомневаются в искреннем убеждении оных, но продолжают читать с должным к правде усердием ****.

Говорю утвердительно, что старообрядцы не верят тому, чтобы человек, умом одаренный, мог помыслить о безбожии, мы полагаем, что только безумный умозаключает: «*несть бога*».

Умный человек, видя неизмеримое пространство, в котором стройно плавают планеты и сохраняются в неизменном положении, не может сказать, что нет создателя и правителя всему видимому, не может сказать: *несть бога*.

---

* *Далее зачеркнуто:* даже и слабый человек не вынужден продавать
** *Далее зачеркнуто:* Вопрос о браке
*** Псалом 5, с. 7.— *Примеч. автора письма.*
**** *Далее текст, до слов:* Да! Кстати, *перечеркнут карандашом.*

Умный человек, видя жизненные процессы, совершающиеся на земли с животными словесными, бессловесными и недвижимыми, в неизменном как бы определенном положении сложения и разложения, не может сказать, что все само беспромысленно совершается, не может сказать: *несть бога.*

Наконец, умный человек, взирая на библейскую историю и на подтверждающий оную род еврейский, над которым ныне царит особый промысл казни, и на христианство, которое посредством <?> без их проповедателей, несмотря на все препятствия и не уступая всего мира гонениям и противлениям, так сильно возросло и укоренилось, не может сказать, что все это совершалось и совершается беспромысленно, не может сказать: *несть бога.*

Умный человек, видя ныне в мире существующие разноверия и разнообрядоисполнения, должен, несомненно, умозаключать, что всему этому попущено продолжаться до того времени, пока божественный соединительный глас все услышат, и тогда будут «едино стадо и един пастырь». Кажется, довлеет сказанное во утверждение правды и на попрание лжи.

Личность г-на Блуммера[3] нам неизвестна, но деяния его уверяют нас умозаключать об нем незавидно.

Да! Кстати не преминем сказать о *оказанных заслугах нашего Ермилова*[4] (писанное вам доложат, есть ли хотите, г-н редактор)[5].

Николай Платонович!

Василью Ивановичу мы дали книгу древлеписменную «Поморские ответы»[6].— Есть ли она ему или вам не надобна, просим, пришлите, пожалуйста. Еще у вас есть «Окружное послание» Антониево[7]— может, вы благоволили бы одолжить нам на короткое времячко, мы бы вам отослали его опосля.

Остаемся, уважая ваши труды и дружбу к нам,

преданный вам С т а р о о б р я д е ц

4 июня / 23 мая 64 г.

[1] Под таким названием — «От старообрядца — старообрядцам» — в разных номерах «Общего веча» был опубликован ряд статей.

[2] *«Европеец»* — газета на русском языке, издававшаяся в Дрездене русским эмигрантом Л. П. Блюммером с февраля 1864 г. В первом номере издатель газеты резко выступил против «Общего веча». Он уверял, что старообрядцы не желают читать это издание, так как будто бы все они преданы правительству, и что их раздражение против «Общего веча» особенно усилилось после того, как они узнали, что авторы всех помещенных в журнале статей якобы не верят в бога и что, выступая на страницах журнала под именем старообрядцев, на самом деле будто бы таковыми не являются. Огарев и Герцен обращались к старообрядцам с предложением опровергнуть эти измышления. Их письмо по этому поводу к Гончарову, где цитируется статья Блюммера, см. XVII, 134.

[3] О Л. П. *Блюммере* см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 816; т. 62, 1955, стр. 737–738.

[4] Федор *Ермилов* — влиятельный прихожанин московской Преображенской общины беспоповцев, выступил в 1863 г. на страницах газеты «Современная летопись», являвшейся воскресным приложением к реакционной газете Каткова «Московские ведомости», с тремя статьями: «Гражданские думы старообрядца-беспоповца» (№ 33, сентябрь 1863 г., стр. 12—15), «Еще несколько слов к гражданским думам старообрядца-беспоповца» (№ 37, октябрь 1863, стр. 37) и «Продолжение „гражданских дум старообрядца-беспоповца“» (№ 44, декабрь 1863 г., стр. 6—8). Содержание всех этих статей крайне реакционно.

[5] Смысл этой фразы непонятен.

[6] *Василий Иванович* — Кельсиев. *«Поморские ответы»* — основное догматическое сочинение старообрядцев-беспоповцев, написанное в Выговском старообрядческом монастыре в 1723 г. Основным автором их был Андрей Денисов. Ответы даны на вопросы присланного в монастырь агента правительства и официальной церкви иеромонаха Неофита. Павел Прусский после своего обращения в единоверие опубликовал составленное им опровержение «Поморских ответов».

[7] *«Окружное послание»* — старообрядческое сочинение, призывавшее к примирению с господствовавшей церковью. В нем содержался отказ от прежних обвинений правящей церкви в искажении догматов и обрядов. Окружное послание было принято духовным советом (собором) старообрядцев-поповцев в Москве 24 февраля 1862 г. текст его написан Иларионом Егоровичем Кабановым (Ксеносом). В принятии «Окружного послания» сказалась тенденция значительной части верхушки старообрядчества поповского толка к сближению с царским правительством и официальной церковью Первым подписавшим послание был владимирский архиепископ Антоний — фактический глава московского центра старообрядчества. Среди старообрядцев было много противников послания, во главе которых до 1869 г. стоял белокриницкий митрополит Кирилл.

А. А. ГЕРЦЕН и А. И. ГЕРЦЕН — В. О. КОВАЛЕВСКОМУ

Публикация И. М. Белявской

Публикуемое письмо является чрезвычайно важным документом для раскрытия позиции издателей «Колокола» в период польского восстания 1863 г., в частности — по вопросу об участии в восстании русских революционеров. Известно, что Герцен был поборником независимости польского народа. Он неустанно оказывал морально-политическую и практическую поддержку польскому национально-освободительному движению. Когда в 1863 г. в Польше началось восстание, Герцен не только желал ему успеха, но и надеялся, что в России весной и летом 1863 г. развернется борьба крестьян против самодержавия и помещиков и русское освободительное движение сомкнется с польским восстанием. Важнейшим условием, при котором польское восстание могло способствовать развитию народного движения как в Польше, так и в России, Герцен *считал следующее: польская революция должна* принять за основу «аграрное начало», признать «волю областей» (XVI, 532). Издатели «Колокола» полагали, что польское восстание будет развиваться именно в этом направлении и окажет действенное влияние на развертывание освободительного движения в России. «Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию,— писал Герцен В. И. Касаткину 27 марта 1863 г.,— чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. С весною это примет настоящие размеры» (XVI, 150). В то же время издатели «Колокола» понимали ограниченность польских повстанцев в социальных вопросах и их национализм. В этом смысле издатели «Колокола» и считали «польское дело чужим». Вместе с тем, они не переставали видеть в польском восстании дело свободы. Так, Огарев, говоря в своей статье «Надгробное слово» о польском деле, как о чужом «по многой розни в постановке общественных вопросов», одновременно указывал, что оно и свое дело, «потому что оно дело свободы» («Колокол», л. 162 от 1 мая 1863 г.). Вопрос об участии русских революционеров в польском восстании издатели «Колокола» ставили в зависимость от того, какой в конечном счете оно примет характер, какие тенденции в нем будут преобладать. «Перейдет ли польское дело из национального в крестьянское и, с литовской окраины, как дрожжи, зашевелит всю Россию?» — ставили вопрос издатели «Колокола» (там же). Эти же вопросы поднимаются и в инструктивной записке Огарева «Три вопроса...», составленной в конце марта — начале апреля 1863 г., то есть тогда же, когда писалось публикуемое письмо (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 518—522). Как в записке «Три вопроса...», так и в публикуемом письме отражены сомнения издателей «Колокола» в том, примет ли польское восстание народный характер. Именно в этой связи Герцен в публикуемом письме и ставит вопрос: «Не поберечь ли свои силы на свое дело?». Во второй половине 1863 г., когда уже не было никаких сомнений относительно того, что польское восстание не может послужить «ферментом» для подъема революционного движения в России, Герцен прямо заявлял, что польское дело «*не наше дело*, хотя и правое относительно» (XVI, 492).

Публикуемое письмо дошло до нас в перлюстрационной копии агента III Отделения. Хотя на конверте фамилию адресата агент обозначил «J. Kowalewski», письмо,

несомненно, адресовано Владимиру Онуфриевичу *Ковалевскому*, выдающемуся русскому ученому-палеонтологу, *хорошо знавшему* Герцена и *принявшему вместе со* своим другом П. И. Якоби непосредственное участие в польском восстании (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 259—262). То, что адресатом публикуемого письма был В. О. Ковалевский, находит подтверждение в его письме к Герцену от 22 октября 1863 г. из Кракова, в котором он объясняет свой приезд в Краков желанием увидеть Якоби, «о котором и вместе с которым,—замечает Ковалевский,— я писал вам еще в апреле» (там же, стр. 260).

Письмо публикуется по копии «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

Рукой А. А. Герцена:

Лондон. Orsett House. Westbourne Terrace
7 апреля ⟨1863 г.⟩[1]

Любезный Ковалевский! Не думайте, чтобы я забыл свое обещание написать вам некоторые подробности о проекте вашего приятеля[2]. Мое письмо опоздало, потому что моя поездка[3] продолжалась несколько дней более, чем я ожидал, а, во-вторых, в последние дни новости были таковы, что поневоле заставляли приостановиться и призадуматься. Это вы, верно, оба сами почувствовали. Теперь дела идут опять лучше, силы оживают снова, и однако, несмотря на это, я не решился бы именно в такую минуту на благородное, но фанатическое предприятие вашего приятеля. Но тут советовать очень трудно: это дело должен каждый порешить окончательно в своей совести. У нас тоже в Лондоне нечто подобное готовится. Но вот вопрос: куда теперь обратиться? Лангевича нет[4]. Неужели к Мерославскому[5] в Краков или Чарторыйскому[6] в Штокгольм? Я вам скажу, что *я* сделал бы: *я* подождал бы 2, 3, 4 недели, чтобы дать время польскому национальному движению принять окончательное положительно-политическое направление, установиться и придти в равновесие среди разных партий, враждебных между собою. А кто может предвидеть, которая из этих партий возьмет верх и увлечет за собой все восстание? Ежели ваш приятель, несмотря на эти печальные мысли, решится,— то с богом! Попросите его только тогда заехать прежде сюда на два, три дня. Это очень важно, и мы ему все облегчим, насколько возможно. Вас удивит, что я пишу не совсем тем тоном, которым писал в последний раз, но тогда я еще не знал всего, что знаю теперь, и был убежден в удаче того, что, кажется, не удалось, т. е. в экспедиции в Жмудь[7]. Возможность еще есть, чтобы дело приняло там другой, *наш* характер, этого и надо выждать.

Прощайте.

А. А. Герцен (junior)

Рукой А. И. Герцена:

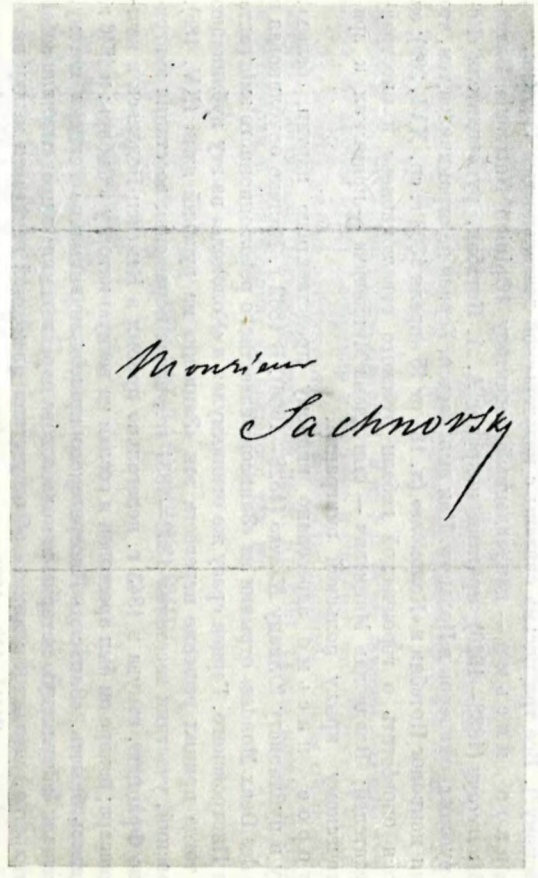
Я тоже думаю так, вопрос очень важный. Будет ли в Литве народное восстание? Оно могло быть, но многое изменилось. Не поберечь ли свои силы на свое дело? В Польше *правое* дело, необходимость заявления со стороны русских была очевидна. Может, составление русского легиона сделало бы чрезвычайную пользу для России, но возможно ли это? Офицеров много готовых для этого предприятия: из 3-го округа нас извещают, что, кроме Рыковых, много других уже ушло в польские ⟨отря⟩ды *[8]. Во всяком случае, *мы* ⟨согла⟩сны * помогать. Будьте здоровы.

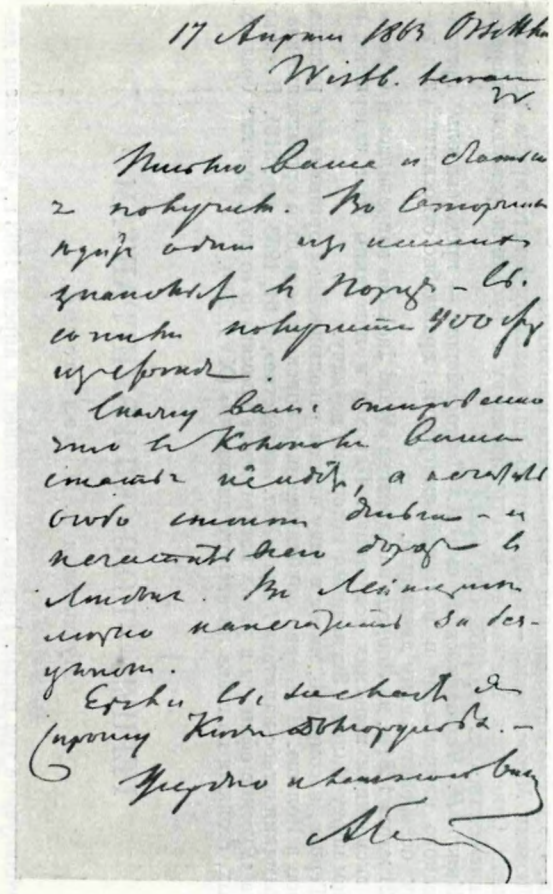
Преданный вам А. Герцен (senior)

На конверте: Germany, Herrn J. Kowalewski
Glocksstrasse, 32, in Heidelberg

---

* Край листа поврежден.— *Ред.*





АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К САХНОВСКОМУ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1863 г. и КОНВЕРТ ПИСЬМА
Библиотека Польской Академии наук, Краков

[1] Год устанавливается в связи с упоминанием в письме событий, связанных с польским восстанием 1863 г.

[2] Речь идет о проекте П. И. Якоби — об участии русских революционеров в польском восстании («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 259—260).

[3] О поездке А. А. Герцена в Париж в марте 1863 г. см. на стр. 128 этого тома.

[4] В начале марта 1863 г. партия «белых» провозгласила Мариана Лангевича диктатором восстания. Однако Лангевич потерпел поражение и отступил на территорию Галиции, где и был интернирован австрийскими властями.

[5] Людвиг *Мерославский* — представитель националистического крыла польской эмиграции. Относился враждебно к сотрудничеству с русскими революционерами («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 432).

[6] Князь *В. Чарторыйский*, сын А. Чарторыйского — представитель аристократического направления в польской эмиграции, враждебно относившийся к народному освободительному движению.

[7] 21 марта 1861 г. из Лондона на пароходе «Ward Jackson» направилась к берегам Литвы экспедиция польских повстанцев. Пароход и повстанцы были задержаны в шведском порту Мальме. Экспедиция потерпела неудачу.

[8] Герцен, несомненно, имеет в виду членов революционной организации русских офицеров в Польше. В недавно опубликованном списке членов этой организации значится фамилия штабс-капитана Рыка («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 516). В статье Герцена «Русские офицеры в рядах инсургентов» упомянуто «о двух русских братьях Рыковых, стоящих во главе литовского движения» (XVI, 209).

ГЕРЦЕН — ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ

Публикация И. М. Белявской

Публикуемые три письма Герцена, относящиеся к апрелю 1863 г., адресованы деятелям польской эмиграции — Владиславу Мицкевичу, Юлиану Клячко и Сахновскому (Сохновскому?). Все три письма связаны с издательской деятельностью Герцена.

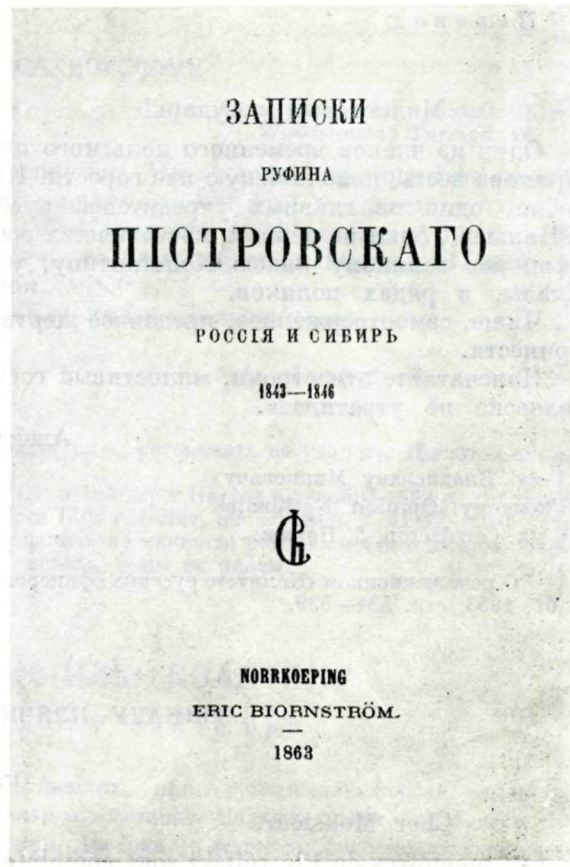
Первое письмо — направленный редактору «Opinion National» Владиславу *Мицкевичу* (1838—1926) краткий некролог А. А. Потебни, руководителя «Комитета русских офицеров в Польше». Как выясняется, Герцен не ограничился тем, что поместил некролог Потебни в «Колоколе» (л. 161 от 15 апреля 1863 г. ср. XVI, 209); он стремился оповестить о героической гибели русского революционера и иностранных читателей; Владислав Мицкевич — сын Адама Мицкевича — примыкал к аристократическому крылу польской эмиграции.

Второе письмо адресовано видному представителю партии «белых», критику и публицисту Юлиану *Клячко* (1828—1906). В 1862 г. Клячко опубликовал в «Revue des Deux Mondes» отрывки из «Записок» известного революционного эмигранта Руфина Пиотровского. Герцен сразу же откликнулся в «Колоколе» на эту публикацию и уже тогда принял решение перевести эти «Записки» на русский язык (XV, 188). Пиотровский, участник восстания 1830—1831 гг., после поражения восстания эмигрировал во Францию, откуда в 1843 г. нелегально прибыл в Каменец-Подольск в качестве эмиссара; вскоре он был арестован и сослан на вечную каторгу в Сибирь; в 1846 г. ему удалось бежать. «Записки» Пиотровского привлекли внимание Герцена потому, что освещали «закулисную историю николаевского царствования» и представляли собой «свидетельство, сделанное поляком» об отсутствии племенной ненависти между поляками и русскими (XV, 188—189).

Публикуемое письмо позволяет точно установить время выхода в свет русского перевода «Записок» Пиотровского в бернской типографии (ср. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 14).

Третье письмо адресовано человеку, о котором мы знаем очень мало (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 64). Единственное ранее известное письмо Герцена Сахновскому (Сохновскому?), напечатанное Лемке (от 4 апреля 1863 г.; XVI, 201), свидетельствует о большом доверии Герцена к адресату, о существовавших между ними конспиративных связях. Из этого письма явствует, что Сахновский несомненно принимал участие в общем революционном деле. «Скажите нашим, чтобы не торопились отъездом,— писал Герцен,— время еще не пришло, надо приготовиться ⟨...⟩ Вы

ЗАПИСКИ
РУФИНА ПИОТРОВСКОГО
Русский перевод, изданный по инициативе Герцена, 1863 г.
Книга была отпечатана в Бернской типографии


ЗАПИСКИ
РУФИНА
ПІОТРОВСКАГО
РОССІЯ И СИБИРЬ
1843—1846
NORRKOEPING
ERIC BIORNSTRÖM.
1863

поедете в Россию,— это лучше Кракова, и от Вас будет зависеть удачное исполнение плана. 10 апреля будет Александр в Париже и сообщит, что нужно» (XVI, 201).

Два первых письма публикуются по перлюстрационным копиям «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков). Третье письмо публикуется по фотокопии с подлинника, хранящегося там же.

1

ВЛАДИСЛАВУ МИЦКЕВИЧУ

Londres. 14 avril 1863.

Monsieur!

Un des membres du gouvernement provisoire polonais nous a communiqué de Cracovie une nouvelle qui nous a remplis de douleur. Notre intime ami André Potebnia, un des principaux fondateurs du Comité des officiers russes en Pologne[1], un des premiers signateurs de l'adresse des officiers russes au grand duc Constantin, a été tué à la bataille de Piaskowa Skala, dans le rang des Polonais.

La Russie ne pouvait immoler une victime d'expiation plus pure, plus désintéressée, plus dévouée.

Insérez ces lignes, M⟨onsieu⟩r, afin que la mémoire de cet homme ne soit point perdue.

Alexandre Herzen

A. Mr. Ladislas Mickiewiez
à Bureau *l'Opinion Nationale*
rue Coq-Héron, 5, Paris

Перевод:

Лондон. 14 апреля 1863 г.

Милостивый государь!

Один из членов временного польского правительства сообщил нам из Кракова весть, исполнившую нас горести. Наш близкий друг Андрей Потебня, один из главных учредителей русского офицерского комитета в Польше[1], один из первых поставивших свою подпись на адресе русских офицеров великому князю Константину, убит в сражении у Песковой Скалы, в рядах поляков.

Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищения Россия не могла принести.

Напечатайте эти строки, милостивый государь, чтобы память об этом человеке не утратилась.

Александр Герцен

Г-ну Владиславу Мицкевичу
В контору «Opinion Nationale»
ул. Coq-Héron, 5, Париж.

[1] О революционном «Комитете русских офицеров» в Польше см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 534—539.

2

ЮЛИАНУ КЛЯЧКО

16 avr⟨il⟩ ⟨1863⟩[1]
Orsett House. West⟨bourn⟩ Terrace

Cher Monsieur,

Les mémoires de Piotroffski sont complètement terminés. B.[2] en a honoré; il viendra dans 5 jours chez vous. Si vous voulez avoir immédiatement les copies, écrivez-moi. Tout cela est en Suisse.

A. Herzen

M. J. Klaczko
Quai d'Orléans, 6.

Перевод:

16 апр⟨еля⟩ ⟨1863 г.⟩[1]
Orsett House. West⟨bourn⟩ Terrace

Милостивый государь,

«Записки» Пиотровского полностью закончены. Это заслуга Б⟨акс⟩та[2]; он будет у вас через 5 дней. Если вы хотите немедленно получить оригиналы, напишите мне. Все находится в Швейцарии.

А. Герцен

Г. Ю. Клячко
Quai d'Orléans, 6.

[1] Год устанавливается на основании следующих данных: в публикуемом письме говорится, что печатание «Записок» закончено. Между тем, еще 15 декабря 1862 г. Герцен осведомлялся у В. И. Бакста, принялся ли он за работу над «Записками» Пиотровского (XV, 568), а Бакст в своем письме к Огареву от 22 марта 1863 г. сообщал, что из-за отсутствия предисловия работа приостановилась («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 62—63). Так как публикуемое письмо датировано 16 апреля, то очевидно, что оно относится к 1863 г.

[2] О В. И. *Бакste* см. на стр. 107—125 настоящего тома.

3

САХНОВСКОМУ

17 апреля 1863. Orsett House.
Westb⟨ourn⟩ Terrace. W.

Письмо ваше и статью[1] я получил. Во вторник едет один из наших знакомых в Париж — вы с ним получите 400 фр.[2] из фонда.

Скажу вам откровенно, что в «Колоколе» ваша статья не идет, а печатать особо стоит деньги—и печатать всего дороже в Лондоне. В Лейпциге можно напечатать за бесценок.

Ежели вы желаете, я спрошу князя Долгорукова.

Усердно кланяюсь вам.

А. Герцен

На обороте: Monsieur Sachnovsky.

[1] О какой статье Сахновского идет речь, установить не удалось. Письмо Сахновского также неизвестно.

[2] Об отправке такой же суммы Сахновскому в Париж в декабре 1862 г. говорится в письме Бакста к Огареву от 22 марта 1863 г. («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 63—64). Очевидно, эти деньги назначались на какие-то революционные нужды. Через кого собирался Герцен пересылать деньги — мы не знаем.

ОГАРЕВ — ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ

Публикация С. А. Макашина

В январе 1863 г. в польских землях, принадлежавших России,— Царстве Польском, — вспыхнуло освободительное восстание. Царское правительство немедля приступило, при содействии Пруссии и Австрии, к решительному подавлению движения. *Эти события серьезно осложнили связи с родиной русской революционной эмиграции* и ее лондонского центра. Пути сношений Герцена и Огарева с революционерами внутри страны и коммуникации, по которым шла доставка агитационной литературы в Россию, проходили, в основном, через западную границу империи, а граница эта оказалась закрытой. Перед издателями «Колокола» со всей остротой стал вопрос о необходимости изыскания других средств связи. Было решено попытаться создать новые опорные пункты для деятельности эмиграции: один вблизи северной границы России, другой — вблизи южной. Северный пункт предполагалось организовать при участии финских революционеров. Однако его местонахождением была избрана не Финляндия, находившаяся под властью царя и под контролем его политической полиции, а Швеция, в которой проживало много финнов. Для установления контакта с финскими революционерами и устройства с их помощью новых путей сношений с Россией, *в Швецию был направлен сын Герцена («Junior»), только что принявший на себя* (в феврале 1863 г.), по предложению А. А. Слепцова, обязанности заграничного агента «Земли и воли». Он отправился из Лондона в Стокгольм «в субботу» 16 мая 1863 г. (XVI, 263). С собой он вез две секретные бумаги. Обе были написаны Огаревым. Одна являлась инструкцией или директивой, которой должен был руководствоваться посланец лондонского центра при предстоящих переговорах. Другая — текст ее мы публикуем по авторской копии, оставшейся у Огарева, —была рекомендательным письмом, *или своего рода мандатом. Огарев представлял адресату сына Герцена и сообщал* о цели его поездки. По соображениям конспирации имя адресата не было названо в тексте. Но установить его не трудно. Письмо обращено к известному деятелю финского национально-освободительного движения, поэту Эмилю *Квантену*. Когда Герцен ознакомился с составленным Огаревым проектом записки, посвященной сношениям русской революционной организации «Земля и воля» с финскими революционерами, он порекомендовал превратить эту записку — «финское письмо» — в два документа:

«Насчет финского письма скажу ‹...› Я бы долею содержание ‹его› написал для Саши, а квинт-эс‹сенцию› — Квантену» (письмо к Огареву от 29 апреля 1863 г.— XVI, 233—234). Огарев так и сделал. Он изготовил записку-директиву для сына Герцена и составил письмо для Квантена. Наше предположение находит документальное подтверждение в переписке Герцена с сыном, относящейся ко времени пребывания последнего в Швеции. Из этой переписки видно, что главное содействие сыну Герцена в выполнении задач, порученных ему революционным центром, оказал именно Эмиль Квантен.

Однако содержание публикуемого письма значительно шире его прямого, «служебного», назначения. Воспользовавшись подходящим случаем, Огарев изложил в письме свои и, разумеется, Герцена общие взгляды по так называемому финскому вопросу.

Как и все русские революционные демократы и социалисты, Огарев выступает решительным сторонником самостоятельного политического существования финского народа. Он верит в большое историческое будущее независимой демократической Финляндии — страны дружественной и союзной по отношению к освобожденной революцией России. Путь в это будущее он усматривает в совместной борьбе русского и финского народов против царизма. С этой целью Огарев предполагает заключить союз между деятелями финского национально-освободительного движения и русскими революционерами. Он предлагает двум «тайным обществам» — русскому («Земля и воля») и финскому (конспиративное крыло партии «финноманов») — объединить свои усилия и договориться о программе совместных действий и согласованной пропаганды.

Публикуемый документ заслуживает пристального внимания. Он приоткрывает одну из забытых, но важных и светлых страниц в истории общения передовых людей России и Финляндии. «Для нас,— писал Огарев, — самостоятельность Финляндии становится такою же дорогою, внутреннею мыслью и целью, как для финнов коренное преобразование России из петербургской в народную и федеративную» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 521).

Письмо Огарева к Квантену — выражение тех чувств, которые питала русская демократия к финскому народу в годы царизма. Вместе с тем это памятник преемственности русских революционных традиций в национальном вопросе — тех славных традиций, которые подготовили провозглашение независимости Финляндии, как только народы России стали полновластными хозяевами своей страны.

Письмо публикуется по фотокопии с рукописи Огарева, хранящейся в Международном институте социальной истории в Амстердаме («амстердамская коллекция»).

Le 15 mai ‹1863›

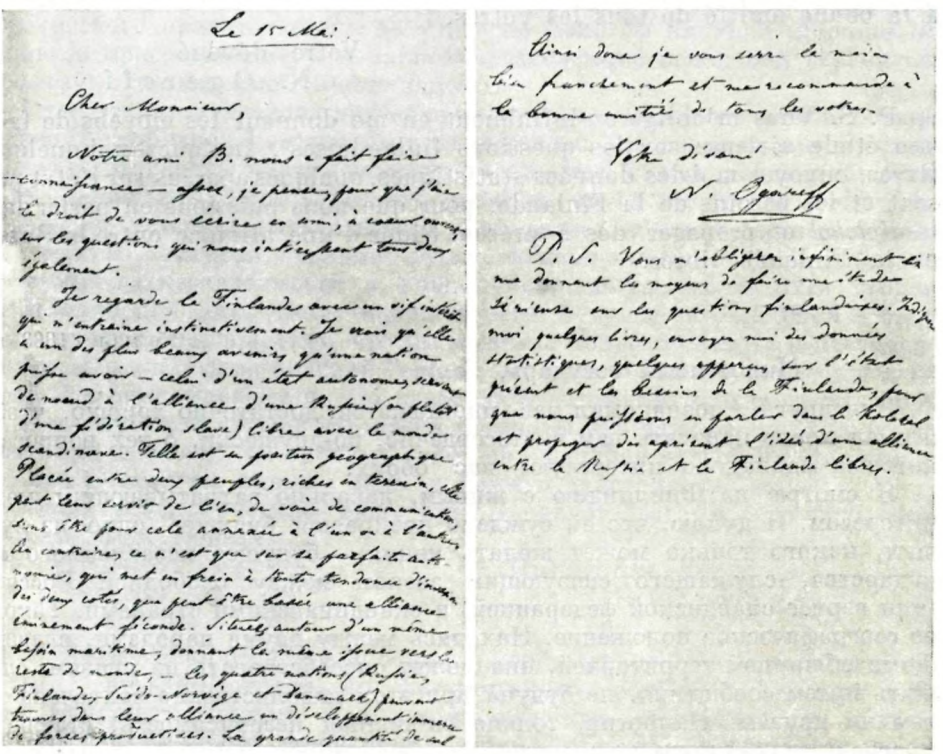
Cher Monsieur,

Notre ami B.[1] nous a fait faire connaissance — assez, je pense, pour que j'aie le droit de vous écrire en ami, à cœur ouvert, sur les questions qui nous intéressent tous deux également.

Je regarde la Finlande avec un vif intérêt qui m'entraîne instinctivement. Je crois qu'elle a un des plus beaux avenirs qu'une nation puisse avoir — celui d'un Etat autonome, servant de nœud à l'alliance d'une Russie (ou plutôt d'une fédération slave) libre avec le monde scandinave. Telle est sa position géographique. Placée entre deux peuples, riches en terrain, elle peut leur servir de lien, de voie de communication, sans être pour cela annexée à l'un ou à l'autre. Au contraire, ce n'est que sur sa parfaite autonomia, qui met un frein à toute tendance d'invasion des deux côtes, que peut-être basée une alliance éminement féconde. Situées autour d'un même bassin maritime, donnant la même issue vers le reste du monde,— les quatre nations (Russie, Finlande, Suèdo-Norvege[2] et Danemark) peuvent trouver dans leur alliance un développement immense de forces productives. La grande quantité de sol par rapport à la population, et le principe paysan leur donnent un fond d'intérêts analogues. Remarquez bien que les paysans ont une part

dans la représentation nationale en Suède[3] et que toute réforme en Russie ne peut aboutir qu'à un résultat semblable. Nos nations agricoles, campagnardes, paysannes — ne peuvent former qu'une alliance toute naturelle vis-à-vis de l'Europe féodale, citadine et bourgeoise.

L'annexation de la Finlande à la Russie[4] n'a jamais été considérée par le gros de la nation russe qu'avec l'étonnement et l'indifférence que suscitait l'inutilité de la chose. Jamais, avant la conquête, notre peuple n'a cru voir des ennemis dans les Finlandais, jamais, depuis la conquête, il ne les a cru des sujets russes. Le gouvernement lui-même ne savait trop pourquoi il est allé conquérir la Finlande et ne sait pas mieux pourquoi il la garde.



АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА К ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ ОТ 15 МАЯ 1863 г.
Листы первый и последний
Международный институт социальной истории, Амстердам

Les gens pensants ont toujours vu dans l'annexation autant d'inutilité inique qu'ils verraient dans l'alliance avec une Finlande autonome l'élément d'une prospérité croissante. La Finlande n'a pas même besoin de verser son sang pour devenir autonome; elle n'a besoin que de concentrer ses hommes intelligents, de les placer à la tête de l'opinion publique et, en déclarant sa neutralité, faire immanquablement reconnaître son autonomie par les voisins des deux côtés. D'ailleurs, je ne crois pas que la Suède désirerait autre chose, et quant à la Russie délivrée du joug pétersbourgeois[5], elle n'aurait aucun motif pour maintenir l'annexation, et une totalité de motifs pour vouloir l'alliance avec une Finlande autonome.

Aussi, c'est à vous et à vos amis de faire dès à présent le commencement de cette alliance avec la Russie libre. Vu les circonstances, ni vous ni nous — nous ne pouvons agir autrement que par l'alliance de nos sociétés secrètes[6] et leur propagande, jusqu'à ce que nous ayons les forces nécessaires pour

nous déclarer hautement et pour ajouter sur notre drapeau, au su de tout le monde, le titre de l'alliance slave-finno-scandinave, basée sur l'autonomie et l'égalité de droits des parties contractantes.

C'est pour fixer notre union si pleine d'avenir, et pour déterminer tous les détails de ce que nous pouvons et devons faire à l'heure qui est,— que le jeune Herzen va vous trouver; nous lui avons donné toutes les instructions nécessaires[7]. Nous ne doutons pas que vos compatriotes lui accordent un accueil fraternel et que désormais nous pouvons compter sur une activité réunie, concertée, sur une union qui fera réciproquement notre force et notre salut.

Ainsi donc je vous serre la main bien franchement et me recommande à la bonne amitié de tous les vôtres.

Votre dévoué
N. Ogareff

P. S. Vous m'obligerez infiniment en me donnant les moyens de faire une étude sérieuse sur les questions finlandaises[8]. Indiquez-moi quelques livres, envoyez-moi des données statistiques, quelques aperçus sur l'état présent et les besoins de la Finlande, pour que nous puissions en parler dans le *Kolokol* et propager dès à présent l'idée d'une alliance entre la Russie et la Finlande libres.

Перевод *:

15 мая <1863 г.>

Милостивый государь,

Наш друг Б.[1] познакомил нас, мне кажется, достаточно хорошо, чтобы я имел право написать вам чистосердечно, по-дружески, о тех вопросах, которые одинаково интересуют нас обоих.

Я смотрю на Финляндию с живым, невольно захватывающим меня интересом. Я думаю, что ей суждено прекрасное будущее, одно из лучших, какого только может желать нация,— будущее независимого государства, служащего связующим звеном между свободной Россией (или вернее славянской федерацией) и скандинавскими странами. Таково ее географическое положение. Находясь между двумя народами, владеющими обширной территорией, она может способствовать их связям, служить путем сообщения, не будучи при этом насильственно захвачена ни тем ни другим. Напротив, только ее полная независимость, ставящая преграду всякой попытке вторжения с обеих сторон, может служить основой этого в высшей степени плодотворного союза. Расположенные вокруг общего водного бассейна, открывающего им общий выход к остальной Европе, эти четыре страны (Россия, Финляндия, Шведо-Норвегия[2] и Дания) могут обрести в своем содружестве огромные возможности для развития производительных сил. Обширность земельных пространств в сравнении с малой плотностью населения и преобладание крестьянского сословия является причиной общности их интересов. Заметьте при этом, что в Швеции крестьяне участвуют в народном представительстве[3] и что любая реформа в России неизбежно приведет к подобному же результату. Наши страны — земледельческие, деревенские, крестьянские — естественно должны объединиться в союз против феодальной, городской и буржуазной Европы.

Большинство русского населения никогда не воспринимало присоединение Россией Финляндии[4] иначе как с удивлением и равнодушием, вызванным бесполезностью этого шага. Никогда до завоевания наш народ не смотрел на финнов как на врагов; никогда после завоевания он не считал

* Перевод М. В. Вахтеревой.

их русскими подданными. Само правительство не понимало хорошенько, зачем ему понадобилось завоевать Финляндию, и еще меньше понимает, для чего надо удерживать ее за собой. Людям мыслящим этот насильственный захват всегда представлялся настолько же бесполезным и несправедливым, насколько союз с независимой Финляндией представился бы им залогом все возрастающего благоденствия. Финляндии даже не надо проливать свою кровь, чтобы добиться независимости. Она должна лишь объединить умных людей страны и, поставив их во главе общественного мнения, провозгласить свой нейтралитет, чем неминуемо заставит соседей с обеих сторон признать ее независимость. К тому же, я не думаю, чтобы Швеция воспротивилась этому, а что касается России, освобожденной от ига петербургского правительства[5], то у нее не было бы никакой причины отстаивать присоединение,— и напротив, множество оснований стремиться к союзу с независимой Финляндией.

Итак, от вас и от ваших друзей зависит теперь положить начало объединению со свободной Россией. При современных условиях ни вы, ни мы не можем действовать иначе, как путем слияния наших тайных обществ[6] и их пропаганды, вплоть до того времени, когда мы станем достаточно сильны, чтобы выступить открыто и на глазах у всего света начертать на нашем знамени: славяно-русско-финско-скандинавский союз, основанный на независимости и равноправии договаривающихся сторон.

Именно для того, чтобы скрепить наше будущее объединение и обсудить во всех подробностях, что мы можем и должны сделать в настоящее время, к вам и послан молодой Герцен; ему даны все необходимые инструкции[7]. Мы не сомневаемся, что ваши соотечественники окажут ему братский прием и что отныне мы можем рассчитывать на объединенные согласованные действия, на прочный союз, являющийся для обеих сторон одинаково — залогом нашей силы и нашего спасения.

Итак, я искренне жму вашу руку и свидетельствую свои дружеские чувства всем вашим.

Преданный вам
Н. Огарев

P. S. Вы меня бесконечно обяжете, предоставив мне возможность написать серьезный обзор по финляндскому вопросу. Укажите мне, пожалуйста, несколько книг, пришлите мне статистические данные, очерки современного положения и нужд Финляндии, чтобы мы могли поговорить об этом в «Колоколе» и уже теперь начать пропагандировать идею союза между Россией и освобожденной Финляндией[8].

[1] Бакунин. Он приехал в Швейцарию в конце марта 1863 г. и завязал здесь связи с финскими революционерами. Именно Бакунин рекомендовал Герцену и Огареву Квантена и связал с ним сына Герцена, но сам он скоро разошелся с Квантеном.

[2] В 1814 г. Норвегия была вынуждена заключить унию со Швецией. Отделилась Норвегия от Швеции в 1905 г.

[3] Шведский риксдаг имел так называемую «крестьянскую палату», в которую входили представители зажиточных крестьян-арендаторов.

[4] Финляндия отошла к России по Фридрихсгамскому миру, которым завершилась шведско-русская война 1808—1809 гг.

[5] Т. е. самодержавно-императорского правительства.

[6] Имеется в виду русское тайное революционное общество «Земля и воля» и финская конспиративная организация, складывавшаяся в это время внутри буржуазной национально-освободительной партии финноманов. В письме к издателям «Колокола» из Стокгольма от 19 августа 1863 г. Бакунин упоминает о том, что «партия деятельных финноманов» организовалась в «тайное общество» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 241).

[7] Эти инструкции до нас не дошли, но известна «записка» Огарева, на основании которой эти инструкции были составлены. Записка опубликована М. В. Нечкиной в т. 61 «Лит. наследства» (стр. 518—522) под условным заглавием «Три вопроса».

[8] Летом и осенью 1863 г. «Колокол» поместил ряд материалов по финскому вопросу, среди них две статьи — «Финляндия» (л. 164 от 1 июня) и «Голос из Финляндии» (л. 173 от 15 ноября). Первая статья принадлежала Бакунину (см. об этом в письме Огарева к А. А. Герцену от 25 мая 1863 г., публикуемом в т. 64 «Лит. наследства»); авторство второй, подписанной псевдонимом «Финляндец», не установлено. Намерение Огарева написать «серьезный обзор по финляндскому вопросу», повидимому, не было осуществлено.

ОГАРЕВ и ГЕРЦЕН — А. А. СЛЕПЦОВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Член Центрального комитета тайного общества «Земля и воля» Александр Александрович *Слепцов* (1835—1906) в середине января н. ст. 1863 г. выехал по поручению Центрального комитета из Петербурга за границу. Ему было поручено вербовать заграничных агентов «Земли и воли» и обеспечить печатание и доставку в Россию прокламаций и иной революционной литературы в количестве, достаточном для ведения широкой пропаганды в народе. По дороге, в Варшаве, Слепцова застало начало польского восстания. Он был свидетелем неожиданного нападения повстанцев на русские войска и первых боевых схваток. В Варшаве Слепцов вступил в переговоры с руководителями восстания — Зигмундом Падлевским и Агатоном Гиллером, а также написал прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь...», изданную и распространенную от имени «Земли и воли» (см. XVI, 151—155). Из Варшавы Слепцов направился в Лондон на свидание с Герценом и Огаревым. Он прибыл туда в начале февраля. В «Былом и думах» Герцен не без юмора рассказывает о появлении Слепцова в Лондоне и о тоне, принятом им на первых порах в переговорах с Герценом, Огаревым и Бакуниным.

«*Уполномоченный*,— писал Герцен,— *был полон важности своей миссии и пригласил* нас сделаться *агентами* общества „Земли и воли". Я отклонил это, к крайнему удивлению не только Бакунина, но Огарева... Я сказал, что мне не нравится это битое французское название. Уполномоченный трактовал нас так, как комиссары конвента 1793 г. трактовали генералов в дальних армиях. Мне и это не понравилось» (XIV, 440).

Интересным дополнением к этому сообщению Герцена является вариант, имеющийся в рукописи «Былого и дум». Здесь Герцен рассказывает, что Слепцов «хотел из редакции „Колокола" сделать заграничный аванпост общества», на что Бакунин и Огарев, по словам Герцена, соглашались. «...Но мне было что-то противно играть постоянно роль холодильника — и я предложил вступить просто-напросто с ними в союз и быть их друзьями, а не агентами» (А. И. Герцен. Былое и думы, т. V. М., 1939, стр. 558).

Отпор, полученный от Герцена, заставил Слепцова сбавить тон. С другой стороны, и Герцен, считаясь с настояниями Огарева и Бакунина, проявил уступчивость. Впоследствии *он в этом раскаивался, хотя и понимал неизбежность уступок в политических условиях того времени*, когда восстание, происходившее в Польше, и надежды на неминуемую народную революцию в России к весне 1863 г. требовали сплочения революционных сил. В конце 1864 г. в письме к неизвестному Герцен сообщал: «Я не хотел и не должен был мешать, я осадил свой скептицизм и наделал ряд ошибок...» («Лит. наследство», т. 61, 1953. стр. 276). Однако по некоторым вопросам, обсуждавшимся во время переговоров со Слепцовым, Герцен проявил непоколебимую твердость. Он категорически отверг требование уполномоченного «Земли и воли» сделать «Колокол» органом тайного общества, настаивая на полной самостоятельности этого издания, и отказался обратить на нужды «Земли и воли» деньги, полученные им от П. А. Бахметева, на чем настаивал Слепцов («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 276) *.

---

* Пользуюсь случаем, чтобы устранить некоторые неточности и ошибки, допущенные мною при комментировании указанного письма Герцена. Упомянутый в нем

Таким образом, даже под давлением Огарева и Бакунина, Герцен далеко не во всем уступил Слепцову. В письме к Огареву от 15 февраля 1863 г. он писал относительно руководителей «Земли и воли»: «Пусть же они докажут, что *они — сила*. Что мы с ними и со всеми, кто идет тем же путем, это они знают. Но, стоя на построенном нами фундаменте одиноко, пока не убедимся, что их прочнее, мы не будем увлечены в fiasco или нелепость. Служить им я буду, но прежде, чем брать солидарную ответственность, хочу видеть их журнал, их profession de foi». И далее: «...Я не знаю, чего именно ты хочешь от меня. Смешать 0 нашего фонда с 0 их? Можно. С⟨лепцов⟩ говорит, что мы можем распоряжаться, а C_1 приедет да задаст не такую гонку. Это даже Бак⟨унин⟩ не принимает» (XVI, 68—69) *.

К чему же свелись результаты переговоров Слепцова с редакторами «Колокола»? В ближайшем же после отъезда Слепцова из Лондона номере «Колокола» (л. 157 от 1 марта 1863 г.) появилась передовая статья, извещавшая, что «столичные и областные круги, соединясь между собой и с офицерскими комитетами, сомкнулись в одно общество» и что «общество это приняло название „Земля и воля“». В том же листе «Колокола» было напечатано обращение совета общества «Земля и воля» с призывом ко «всем русским на денежное пожертвование в пользу сосланных и ссылаемых и на сопряженные с общим делом расходы» (см. стр. 129 настоящего тома). Это обращение было повторено и в следующих номерах «Колокола».

Что же представлял собою совет общества «Земля и воля»? Впервые о нем стало известно из прокламации «Офицерам всех войск от общества „Земля и воля“», написанной в феврале 1863 г. Огаревым совместно со Слепцовым. В ней мы читаем: «Наше общество не погибло. Напротив того, оно упрочилось и увеличилось. Учредился совет общества». К этим словам сделана подстрочная сноска: «В России, а не за границей, хотя мы и за границей имеем друзей, преданных нашему общему народному делу» (XVI, 40). По всей вероятности, это последнее указание было сделано из конспиративных соображений**; в действительности же совет общества «Земля и воля» было решено учредить в Лондоне при редакции «Колокола». Кто персонально вошел в состав совета и каковы должны были быть его взаимоотношения с Центральным комитетом «Земли и воли», остается неизвестным. Записи на этот счет, сделанные Огаревым в записной книжке и опубликованные М. К. Лемке (там же, 93—95), вопреки его мнению, относятся не к февралю 1863 г., когда Слепцов находился в Лондоне, а к значительно более позднему времени, к осени или к началу зимы, когда общество «Земля и воля» фактически уже не существовало ***. Поэтому судить о полномочиях совета по этим записям невозможно. Надо полагать, что совет мыслился участниками лондонских переговоров как учреждение, стоящее не над Центральным комитетом, а при нем — в качестве совещательного органа ****.

«Б» — не В. И. Бакст, а Бахметев. Далее, в словах Герцена: «На одной сильной личности держалось движение, а сослали — где продолжение?» — имеется в виду не Н. А. Серно-Соловьевич, по делу которого во время написания Герценом письма приговор еще не был вынесен, а,— как правильно указал покойный Я. З. Черняк,— Н. Г. Чернышевский, уже сосланный на каторгу и находившийся в Сибири.

* По поводу переговоров редакторов «Колокола» со Слепцовым Я. З. Черняк писал: «Необходимо отметить, что все действия редакции „Колокола“, т. е. Герцена и Огарева, по отношению к „Земле и воле“ и начавшемуся польскому восстанию были вполне единодушны» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 556). Как показывают приведенные в тексте высказывания Герцена, утверждение Я. З. Черняка, вполне правильное по отношению к польскому восстанию, ибо в этом вопросе Герцен и Огарев были действительно единодушны, никак не может быть признано соответствующим действительности в части, касающейся взаимоотношений Герцена с представителем «Земли и воли».

** Такое предположение было высказано Я. И. Линковым. См. его статью «Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности „Земли и воли“».— «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 123.

*** См. об этом в названной работе Я. И. Линкова, на той же странице.

**** Как это ни странно, Я. И. Линков, справедливо усумнившийся в правильности датировки записей Огарева, сделанной Лемке, тем не менее, в противоречии с самим собою, счел возможным на основании этих записей разрешать вопрос относительно функции совета «Земли и воли» и даже сделал совершенно невероятное заключение,

Все то немногое, что нам известно относительно совета «Земли и воли», дает основание думать, что деятельность его на практике свелась к опубликованию объявления относительно сбора денег на революционные нужды. К тому же существование совета вряд ли было продолжительным, так как вскоре связь между Лондоном и центром «Земли и воли» прервалась. Что же касается, в частности, самого Слепцова, то уже в начале мая Огареву пришлось «умолять» его не устраняться от участия в революционном движении, так как под влиянием хода событий в России Слепцов пришел к выводу, что «кровавые перевороты были бесплодны, если мысль не дозрела, а если мысль дозрела, то не нужно было кровавых переворотов» (там же, 91).

17 февраля Слепцов в сопровождении сына Герцена, согласившегося принять на себя обязанности агента тайного общества «Земли и воли», выехал из Лондона в Париж. Оттуда он, после переговоров с руководителями польской эмиграции, намеревался возвратиться на родину. Однако под впечатлением неудач польского восстания и крушения надежд на народную революцию в России, которая, по убеждению русских революционеров того времени, должна была вспыхнуть к весне 1863 г., Слепцов, как указано выше, начал испытывать сомнения в правильности революционного пути. Опасаясь репрессий, которые могли ждать его в случае возвращения на родину, он решил остаться на продолжительное время за границей. Вскоре же этот случайный в революционном движении человек навсегда отошел от участия в нем. В 1868 г. Герцен, встретившийся со Слепцовым в Ницце, писал Огареву: «Слепцов боится ходить ко мне — хорош» (XX, 131).

Вскоре после этого Слепцов, наконец, осмелился возвратиться на родину. Все его былые прегрешения оказались забытыми, и никаким преследованиям со стороны правительства он не подвергся. Превратившись в мирного чиновника, числившегося в либералах, он дожил до 1906 г.

Письмо печатается по перлюстрационной копии «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

А. СЛЕПЦОВУ *

Париж, 9, Rue de Grammont
21 мая <1863 г.> Лондон

Любезный Александр Александрович, я думал, что вы уже уехали, и теперь рад, узнавши, что остались. Я думаю, теперь, летом, полезнее остаться и лечиться. Герцен посылает вам письмо к Мишле; кажется, что можно найти литературную работу в парижских журналах, где, по известной азбуке, можно провести многое[1]. Пишите, что и как, и поедете ли вы к Fleury[2]. До другого раза — сегодня некогда.

Огарев

Рукой Герцена **:

Насчет занятий, которые бы давали, сверх рассеяния, выгоду — во Франции, в стране скупости и эксплуатации талантов, я не могу ничего придумать. H. de La Veaux[3] и теперь еще переводит «La Cloche». Посылаю вам письмо к Мишле, от вас будет зависеть сблизиться с ним, он добр и мил, но француз. Я был сердит на него за последнюю *брошюру*[4]. Если вы желаете, я пришлю письмо к Charles Edmond'у, т. е. Хоецкому,— он вас сведет с Прудоном, несмотря на то, что Прудон мне короче знаком,

---

будто на совещаниях, происходивших в Лондоне, было принято «решение возглавить „Землю и волю" редакцией „Колокола"» (см. там же). Конечно, ни Слепцов, ни даже Центральный комитет «Земли и воли» не могли принять такого решения, ибо это значило бы поступиться своей самостоятельностью. Да и Герцен не принял бы на себя такой роли; хорошо известно, что он считал невозможным руководить из-за границы работой революционной организации в России.

* *Рукой перлюстратора на верхнем поле надписи:* Копия *и* К № 587—68.

** *Перед текстом Герцена перлюстратором надписано:* Другой руки

но я с ним en cérémonie, как говорит Наполеон III, когда он в ссоре. Посылаю вам карточку к Хоецкому, он в сенате, хотя и не на Галерной[5], — 18, Rue de l'Odéon.

Если вы желаете устроить дела с Ник. Ив. Тургеневым или с Трубецким (в Фонтенебло)[6], я вышлю эпистолы.

Александр* уехал[7], до 15 будет там — я получил от ваших петербургских родных письмо[8].

А. Герцен

A Mr Слепцов.

[1] Решившись *остаться надолго за границей, Слепцов искал* какую-нибудь литературную работу. Письмо Герцена к Мишле, содержавшее рекомендацию Слепцова, было послано в тот же день, что и комментируемое письмо. Таким образом, очевидно, что Лемке опубликовал письмо с ошибочной датой — 21 марта (mars) 1863 г. вместо правильной 21 мая (mai) (XVI, 145—146).

[2] Об этом же Флери Огарев запрашивал Слепцова в письме от 8 мая 1863 г.: «Отчего вы не ездили к Fleury? Отчего вам теперь к нему не ехать?» (XVI, 92). Печатая письмо Огарева, Лемке высказал предположение, что упомянутый в нем Флери — быть может, A. Fleury, комиссар временного правительства 1848 г., изгнанный из Франции после наполеоновского переворота 2 декабря 1851 г. Возможно, однако, что это был Эдуард *Флери* (1815—1883), историк и археолог, автор «Etudes révolutionnaires» (1848—1859) и других произведений.

[3] H. *Delaveau* (Делаво)—французский писатель, переводчик на французский язык «Былого и дум» и других произведений Герцена. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, по указателю.

[4] Повидимому, Герцен имеет в виду вышедшую в 1863 г. брошюру Мишле «La Pologne martyre. Russie. Danube».

[5] Хоецкий был французским сенатором. На Галерной ул. помещался сенат в Петербурге.

[6] О Н. И. *Тургеневе* и Н. И. *Трубецком* см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 828, и т. 62, 1955, стр. 582.

[7] А. А. Герцен в это время находился в качестве агента «Земли и воли» в Швеции. Сообщая старшей дочери о предстоявшем его отъезде, Герцен писал: «Саша едет не *сражаться, а по делам книжным и дипломатическим...*» (XVI, 243). Целью поездки А. А. Герцена было, в частности, упорядочение переправки в Россию через Финляндию революционной литературы и оружия (см. выше, примеч. на стр. 145).

[8] Под петербургскими «родными» Слепцова Герцен, несомненно, имел в виду его товарищей по Центральному комитету «Земли и воли». Между тем III Отделение, получив от своего агента копию публикуемого выше письма, вообразило, что в нем речь идет действительно о родственниках Слепцова, и потому приложило к справке о Слепцове список четырех его родных братьев: Алексея (подпоручика), Николая (председателя Рязанской гражданской палаты), Дмитрия (отставного поручика) и Василия (чиновника департамента герольдии), подозревая их в переписке с Герценом.

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ

Публикация С. А. Никитина

Печатаемое ниже письмо Огарева относится ко второй половине шестидесятых годов, точнее — к 1867 г., когда вопрос об отношении русской революционной эмиграции к славянству, его освободительной борьбе и политике царского правительства в отношении славян приобрел особую остроту. 1866—1867 гг. были временем подъема *южнославянского национально-освободительного движения против* турецкого господства. В эти годы формировался союз Сербии, Черногории, Болгарии, Греции и Румынии с целью совместных вооруженных действий против Турции и завоевания независимости для подвластных Турции народов. Этот союз создавался правящими кругами заинтересованных стран при поддержке со стороны русской дипломатии, усиливавшей в эти годы свою активность в славянском вопросе.

В то же время московский Славянский комитет, организованный еще в 1858 г. группой панславистски настроенных деятелей (М. П. Погодин, И. С. Аксаков,

* *К имени* Александр *рукой перлюстратора на копии добавлено:* сын

А. С. Хомяков, М. Н. Катков и др.) и находившийся в тесной связи с министерством иностранных дел, воспользовался открывавшейся в Москве этнографической выставкой, на которую прибыли славянские гости, для организации славянского съезда. В задачи съезда входило сближение между восточными, с одной стороны, и западными и южными славянами, с другой. Скрытая цель московских панславистов заключалась в том, чтобы шире развернуть свою пропаганду и попытаться добиться признания за Россией, в частности за Славянским комитетом, главенствующей роли в славянском движении. В съезде, происходившем в Москве 16—20 мая 1867 г., участвовало около восьмидесяти славянских гостей, большая часть которых представляла австро-венгерских славян; значительной была депутация из Сербского княжества. Подвластные Австро-Венгрии чехи, словаки, хорваты, сербы, ведшие борьбу за национальные права в связи с дуалистической реорганизацией империи, также искали поддержки для этой борьбы вовне. Еще до московской этнографической выставки лидер чешских буржуазных кругов Ф. Палацкий ездил с этой целью в Париж. Когда же надежды на помощь со стороны французского правительства оказались обманутыми, он отправился в Москву. Возглавлявшаяся им и Ригером делегация состояла из 27 человек и широко представляла основные группировки тогдашнего чешского буржуазно-национального движения. Депутация Сербского княжества в значительной части состояла из официальных лиц и возглавлялась официальным представителем правительства. Ее приезд стоял в связи с деятельностью Балканского союза. Поляки на съезд не приехали. Остальные славяне были представлены единичными депутатами. Славянский съезд привлек внимание прессы (отрицательное — немецкой прессы, сочувственное — славянской) и вызвал враждебную настороженность со стороны правительства Австро-Венгрии.

Все эти события способствовали в различных общественных кругах России и других стран усилению интереса к славянской проблеме. Они привлекли к себе внимание и Герцена. Он откликнулся на них рядом статей, напечатанных в «Колоколе»: «Славянская агитация» (л. 241 от 15 мая 1867 г.), «Этнографическая агитация в Москве» (л. 242 от 1 июня), «Мазурка» (л. 243 от 15 июня), «Котам игра — мышам слезы» (л. 244-245 от 1 июля). В первой из этих статей Герцен писал: «Успеха этнографическому, всеславянскому собору мы желаем от души. Может, и правительство наше увлечется хорошим примером, и, наслушавшись, как скверно славянам под гнетом австриаков и турок, вспомнит, что есть еще несчастные славяне, их соотчичи, разоряемые беспорядком, задавленные немцами, расстреливаемые генералитетом, и созовет их на *общую думу* вместе погоревать, потужить да посоветоваться сообща, как горю пособить» (XIX, 312).

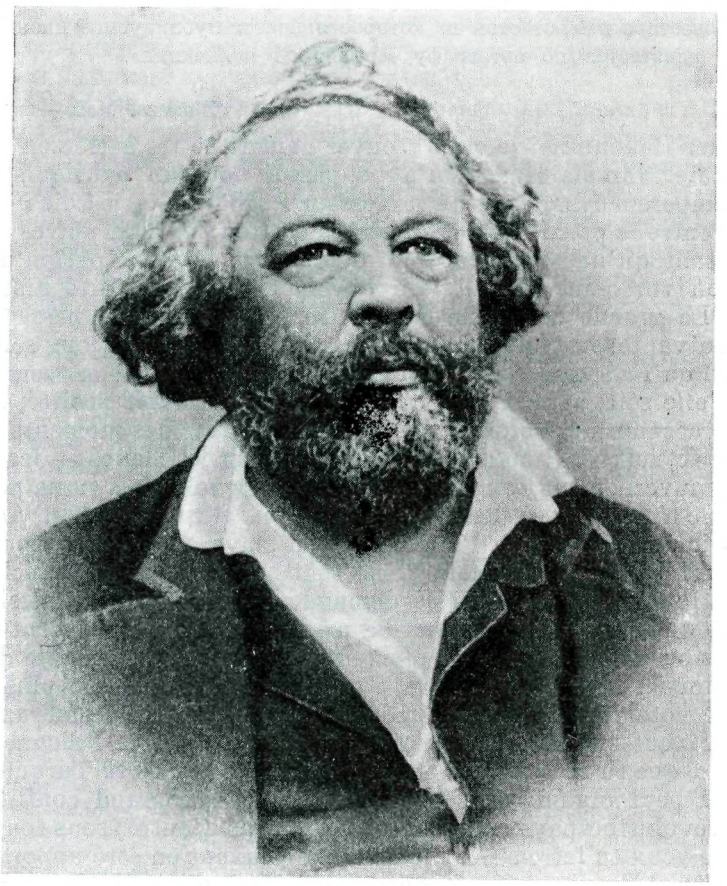
В статье «Мазурка» Герцен коснулся выступлений на Славянском съезде, касавшихся поляков. Не упоминая о том, что первым заговорил об этом чешский представитель Ригер, Герцен заявил, что лишь «один Погодин сказал человеческое слово» о Польше, и тут же сочувственно привел это «слово»: «Мы жалеем об этой розни *мы плачем о ней*». Вслед за тем Герцен обрушился на речь близкого к славянофилам кн. В. А. Черкасского (который был в 1863—1867 гг. заместителем наместника Царства Польского), заявившего, что поляков охотно примут, если они возвратятся «в нашу среду не строптивым членом ее, а как *блудный сын, кающийся в своих грехах*» (XIX, 355). Заклеймив эту «дикую фразу» гневной насмешкой, Герцен предупредил, что на этой почве примирения не произойдет.

Сочувственное упоминание Герценом выступления Погодина на славянском съезде вызвало недовольство со стороны Бакунина. Он отозвался на статью «Мазурка» письмом от 23 июня, в котором упрекал Герцена за «тон» готовности «на полусделки с людьми, с которыми для последовательного социалиста примирение невозможно». «Ты все, как будто, церемонишься,— писал Бакунин,— и как будто бережешь людей не только славянофильской партии, но начинаешь разговаривать menschlich* даже с Катковым, точно, как будто, одни из них не решительные продажные мерзавцы, а другие не гнилые покойники. Ты, как будто, предчувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебе можно будет идти, говорить и действовать заодно с ними» (XIX, 355).

* по-человечески (нем.).

Бакунин отрицал возможность какого-либо сотрудничества с официальной Россией в славянском вопросе.

Эти же мысли Бакунин развивал в более раннем письме, от 7 мая 1867 г., адресованном совместно Герцену и Огареву и написанном спустя три дня после переезда русской границы славянскими депутатами, отправлявшимися на съезд. Бакунин писал: «Ты все горюешь о том, Герцен, que nous avons manqué notre vocation* и что не умели стать



М. А. БАКУНИН

Фотография, сохранившаяся в «пражской коллекции», 1860-е гг.
Центральный архив литературы и искусства, Москва

во-время практическими людьми. Но практика невозможна без объективного политически-социального основания, а в официальной России для нас с нашим социально-аналитическим, противогосударственным направлением, его для нас быть не может. Ты как будто завидуешь настоящей деятельности Аксакова, Самарина et comp⟨anie⟩ ⟨...⟩ А я не верю в восточную войну ⟨...⟩, наше государство ее загрязнит и испортит своим вмешательством. Оно ищет на Востоке не новой жизни, а возмездия и вознаграждения за нанесенный урок старой жизни Крымскою кампаниею, надеется восстановить ее новыми победами под крутой шумок ⟨...⟩ Все это официальное кокетничанье с славянами отвратительно, гадко...» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 303.— Уточнено по автографу «пражской коллекции»).

* что мы упустили свое призвание (франц.).

Публикуемое письмо Огарева отражает, как мы думаем, именно эти обострившиеся под влиянием событий разногласия по славянскому вопросу. На этом основании его можно датировать маем — первой половиной июля 1867 г. Стремление разъяснить и защитить позицию Герцена, отвести от него, как необоснованные, упреки в сближении с панславизмом Погодина — все это представляет круг вопросов, связанных и по содержанию и хронологически с тем, что происходило в славянском движении в начале лета 1867 г. Если наши соображения о дате документа справедливы, то очевидно, что, кроме цитированного выше письма Бакунина к Герцену от 23 июня 1867 г., было и другое, неизвестное нам, ответом на которое является публикуемое письмо Огарева.

Письмо печатается по автографу «софийской коллекции».

〈Женева. Май — июнь 1867 г.〉

Mon cher Bakounine, je crois trouver dans ta lettre à Herzen une erreur fondamentale. Jamais Herzen n'a pu passer pour un panslaviste dans le sens de l'empereur Nicolas et du professeur Pogodine, et je vois une parfaite différence entre le panslavisme et l'émancipation des races slaves, le panslavisme n'étant qu'une fantaisie philologique et l'émancipation de dessous l'oppression turco-austro-madgiare devenant une nécessité historique et humaine. La grande contradiction qui se présente sur le passage c'est la question suivante: les Slaves ont-ils la force de secouer le joug seuls? C'est la question qu'ils se sont posée et qui les entraîne fatalement vers la Russie quelle qu'elle soit, sauf, à s'en détacher après en avoir profité, si elle n'a pas encore accompli sa réforme. Il pourra se trouver des moments où le gouvernement actuel russe tout en promettant d'aider les Slaves — les trompera, comme le gouvernement français trompe la Pologne[1]. Mais tu ne peux pas ne pas voir que tôt ou tard la Russie et rien que la Russie (car il n'y a personne d'autre) viendra en aide à l'émancipation slave. C'est une tendance, une gravitation historique à laquelle il est tout aussi impossible d'échaper qu'à la gravitation terrestre. Aussi je demande — avons nous le droit de nous méler de la question, si nous avons des principes qui nous séparent et d'apparaître plus ou moins comme un élément qui empêche la marche des choses? Ou bien devons-nous laisser faire, sauf à dire notre pensée plus tard?

Moi, je vote pour le dernier moyen. Car ce n'est pas la France monarchique qui peut organiser la révolution; ce n'est pas la Pologne, plus aristocratique que tu ne le penses et qui appelle à son aide la Turquie[2] l'Autriche[3] — qui peut organiser la révolution. C'est du grand conflit que doit jaillir la révolution paysanne (et il n'y en a pas d'autre) sous toutes ses formes et que veux tu faire si les éléments ne peuvent en être apportés que par l'orient slave? Tu ne peux pas ne pas le voir à moins de fermer les yeux[4].

Перевод*:

〈Женева. Май — июнь 1867 г.〉

Дорогой Бакунин, мне кажется, что твое письмо к Герцену содержит коренную ошибку. Никогда Герцен не мог сойти за панслависта в духе императора Николая и профессора Погодина, и я вижу глубокое различие между панславизмом и освобождением славянских народов, ибо панславизм — всего только филологическая фантазия, тогда как освобождение из-под турко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности. Большое противоречие, возникающее на этом пути, заключается в следующем вопросе: станет ли у славян силы, чтобы самим сбросить ярмо? Это вопрос, который они себе поставили и который неизбежно влечет их к России, какова бы она ни была, с тем, чтобы, воспользовавшись ее помощью, потом порвать с нею, если она к тому времени не осуществит у себя реформу. Возможно такое

* Перевод М. Г. Ашукиной.

положение, при котором русское правительство, несмотря на обещание поддержать славян, обманет их, подобно тому, как французское правительство обманывает Польшу[1]. Но ты не можешь не видеть, что рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет), придет на помощь освобождению славян. Это стремление — историческое тяготение, от которого так же невозможно уйти, как от земного тяготения. Вот почему я и спрашиваю, имеем ли мы право вмешиваться в эти дела, если существуют некоторые разъединяющие нас убеждения, и служить так или иначе элементом, препятствующим ходу вещей. Или мы должны все предоставить естественному течению, с тем, чтобы высказаться позднее?

Я голосую за последнее. Ибо не монархическая Франция в состоянии поднять революцию; не Польша — более аристократическая, нежели ты думаешь, и притом призывающая на помощь Турцию[2] и Австрию[3], — в состоянии поднять революцию. Из великого столкновения должна разгореться крестьянская революция (другой и не существует) во всех ее формах, и что поделаешь, если элементы ее могут быть порождены одним лишь славянским Востоком? Ты не можешь не видеть этого, разве что закроешь глаза.

[1] Имеются в виду события, связанные с польским восстанием 1863 г. Французское правительство обещало восставшим полякам свою поддержку, но дальше дипломатических выступлений не пошло.

[2] После неудачных восстаний 1830 и 1863 гг. часть повстанцев эмигрировала в Турцию. В связи с Крымской войной эмигранты пошли на военную службу к турецкому правительству. Был оформлен казачий отряд (казак-алай) из польских эмигрантов, турок и болгар во главе с Михаилом Чайковским (Садык-пашой), который участвовал в нескольких столкновениях с русской армией. После войны отряд был превращен в регулярную воинскую часть. На участие в борьбе за независимость Польши польских войск, сформированных в Турции, возлагали надежду и центры польской эмиграции. В 1855 г. великий польский поэт А. Мицкевич побывал в Турции и ознакомился с отрядом Чайковского. В своем письме к А. Чарторыйскому он писал, что если бы эта организация приобрела более широкие размеры, то «могла бы стать оружием польского дела». Однако объективно функция казак-алая была далекой от этих мечтаний и не отличалась от роли других турецких воинских частей. Казак-алай передвигали в порядке военных демонстраций на границы соседних государств, использовали для усмирения национально-освободительной борьбы в Сирии (1858 г.), в Болгарии и т. д. (см. И. К. Стойчев. Казак алаят на Чайковски. София, 1944).

[3] В 1861 г. Галицийский сейм обратился с благодарностью к императору за некоторое расширение автономии. В 1866 г. после назначения наместником Галиции поляка Голуховского усилилось движение сторонников австрийской ориентации. В декабре того же года сейм, по предложению консерваторов, принял верноподданнический адрес, в котором заявлял императору: «При тебе, светлейший государь, стоим и стоять желаем».

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ

Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева

1

В напряженной литературно-общественной деятельности Герцена 1867 г. большое место занимает его полемика с И. С. Аксаковым. Она возникла после того, как Аксаков присоединился к возобновившейся в 1867 г. кампании русской реакционной печати, обвинявшей Герцена и других деятелей революционной эмиграции в подстрекательстве к поджогам.

Помимо ответа в «Колоколе» на клеветническую статью, опубликованную в «Варшавском дневнике» и перепечатанную затем в «Голосе» (XIX, 244—245), Герцен рассчитывал поместить опровержение и в легальных изданиях, выходивших в России. Одно из таких опровержений, в форме письма к И. С. Аксакову, было направлено в

редактировавшуюся последним газету «Москва». Однако Аксаков еще до получения письма Герцена перепечатал статью из «Варшавского дневника», а затем опубликовал и письмо к нему Герцена с припиской, показывавшей, что Аксаков также поддерживал гнусные наветы на революционный лагерь. Допуская, что Герцен не принимал непосредственного участия в «обществе поджигателей», Аксаков все же вменял ему в вину «косвенное и нравственное участие» в нем.

Вслед за тем Герцен напечатал в «Колоколе» свое письмо к И. С. Аксакову с припиской, в которой полностью процитировал примечания Аксакова, состоявшие «сплошь из ахиллесовых пяток», и высказал обещание ответить «спокойно и просто» в следующем номере. Об этом своем намерении написать серьезный ответ Аксакову Герцен говорит и в публикуемой ниже записке к Огареву, при которой он отправил из Ниццы свою приписку для публикации в «Колоколе».

Вопрос о том, как реагировать на поведение Аксакова, обсуждался и в других письмах Герцена и Огарева друг к другу (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 430, 441; XIX, 249, 257, 259). Обещанный подробный ответ Аксакову был написан Герценом в Ницце 6 апреля 1867 г. и опубликован в л. 240 «Колокола» от 1 мая 1867 г. под названием «Ответ И. С. Аксакову» (XIX, 278—287).

Записка Герцена Огареву характеризует атмосферу, в которой приходилось им работать в последний год существования «Колокола» на русском языке, и указывает на значение, какое придавал Герцен борьбе с главой реакционного славянофильства.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, он. 1, ед. хр. 196).— Публикация П. Г. Рындзюнского.

〈Ницца. 5 апреля 1867 г.〉

Примечания ad usum * Ник〈олая〉 Платонов〈ича〉.

Ответ Аксакову должен быть очень серьезен, и его надобно консертировать**, а не с бухты-барахты написать издали. Я прошу напечатать эти строки, а письмо приготовлю к 1 маю. Это очень важный случай — я хочу и Кельсиева оправдать[2]. Баку〈нин〉 не пишет[3], да я порядком его адреса не знаю — послал ему второе письмо (одно posta firma ***, другое по стар〈ому〉 адресу)[3].

Посылайте «Кол〈окол〉» как можно больше и в редакции и в Москву. Статья о Греции должна быть известна[4].

[1] Дата и место написания определяются указанием Герцена на его приписку к «Письму к И. С. Аксакову» (XIX, 269—270).

[2] Во время клеветнической кампании, поднятой «Варшавским дневником», повторялись прежние измышления Каткова о том, что «поджигателями» будто бы выступали «агенты Герцена», поселившиеся в Тульче, то есть, в первую очередь, братья Кельсиевы. Герцену в «Ответе И. С. Аксакову», как и ранее, в 1865 г. (XVIII, 203—205, 243), вновь приходилось доказывать непричастность Кельсиевых к так называемым «поджогам» (XIX, 284).

[3] Обвинения в «зажигательстве» и в «нанесении ущерба России» были брошены Аксаковым и в адрес Бакунина, причем после фамилии Герцена, при перепечатке статьи из «Варшавского дневника», был поставлен в скобках вопросительный знак, Бакунин же обвинялся безусловно. Герцен дважды обращался к Бакунину с предложением лично ответить на клевету. «К Бакун〈ину〉 я писал; я сам его на свой страх не беру»,—писал он Огареву (XIX, 249). Ссылка на молчание Бакунина должна была объяснить Огареву, почему Герцен в посылаемой приписке к «Письму к И. С. Аксакову» не выступает на защиту Бакунина. Позднее Бакунин на призыв к нему Герцена откликнулся двумя письмами, на которые в примечании к своей статье «Ответ И. С. Аксакову» и сослался Герцен (XIX, 284); они были полностью опубликованы в следующем номере «Колокола». Полный их текст дан в комментарии Лемке (XIX, 288—291).

[4] Имеется в виду статья Герцена «На площади св. Марка» (XIX, 259—260). Герцен называл ее своим «манифестом о греках» (XIX, 245). Эта статья явилась откликом на восстание греков против турок на острове Кипр. «Мы вполне, безусловно за греков, хотящих слиться с греками»,—писал Герцен в этой статье (XIX, 259).

---

* для (лат.).

** согласовать (от франц. concerter).

*** до востребования (итал.).

2

Публикуемый автограф представляет собою отрывок из чернового наброска письма Герцена к Огареву в Женеву. Он содержит замечания Герцена к материалам, намечавшимся для публикации в «Колоколе». Датируется по упоминанию о книге Д. Л. Мордовцева «Самозванцы и понизовая вольница» (т. I. СПб., 1867).

Первая часть публикуемого отрывка, вероятно, относится к неизвестной нам статье Огарева, касавшейся царствования Екатерины II (до замужества — Ангальт-Цербстской принцессы).

Далее Герцен обращается с «допросными пунктами» к Л. И. Мечникову, также находившемуся тогда в Женеве. Статьи Мечникова в 1863—1868 гг. печатались в русском, а затем французском изданиях «Колокола» (см. об этом во вступительной заметке Б. П. Козьмина к публикации писем Мечникова к Герцену и Огареву — «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 390). О какой статье Мечникова идет речь в данном случае, остается неясным: ни за подписью автора, ни анонимно она напечатана в «Колоколе» не была. Следует заметить, что в переписке Герцена этих лет неоднократно встречаются упоминания о статьях Мечникова, предназначавшихся для «Колокола», но по разным причинам не увидевших света,— см. письмо Герцена к Огареву от 11 ноября 1863 г. (XVI, 514) и письмо Л. И. Мечникова к Герцену от 7 октября 1865 г. («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 392).

Письмо печатается по автографу «софийской коллекции». — Публикация В. А. Путинцева.

<Конец 1867—1868 гг.>

Мне не нравится маненько ухарский тон. Как в руководстве писать «канапатить в тюрьму»... родительская розга

далее «Цербст», а не «Церпст».

Ни Новиков, ни Радищев не были на каторге, даже Новиков не был в Сибири, а сидел в Петропавловской крепости.

На грех тебе дал Мордовца — о Стефане Малом... Много строк — пять и без Юрья Владимир<овича>.

Мечникову допросные пункты:

1) Откуда он знает, что декабристы хотели освободить *с землею*?
2) Откуда он знает, что Петрашевский — Петрушевский?
3) Что такое — они были из «ученого сословия»? Мандарины в Китае *.

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ

Публикация Л. Р. Ланского

Имя Пьера *Леру* (1797—1871), известного французского социалиста-утописта, пользовалось огромной популярностью среди русской революционной интеллигенции сороковых годов. К его почитателям принадлежали и Герцен, и Белинский. С любовью и уважением следили они за деятельностью этого человека, «стоявшего в числе глав социального движения, полного энергии и любви,—человека, которого речь, проникнутая негодованием и сочувствием к меньшей братии, потрясала сердца» (XIV, 751). В дальнейшем Герцен отрицательно отнесся к политической и творческой эволюции Леру и резко осудил его последние книги.

Когда состоялось их личное знакомство,— точно неизвестно. Возможно, что еще в конце сороковых годов. В «Былом и думах» Герцен упоминает о том, как в это время он «хаживал иногда в клубы, участвовал в трех-четырех банкетах <...>, слушая Пьера Леру, отца Кабэ и подтягивая Марсельезу» (XIII, 313). Декабрьский переворот 1851 г. вынудил Леру покинуть Францию. После продолжительного пребывания на острове Джерси он в 1859 г. возвратился в Париж. В 1867 г. Леру приехал в Швейцарию для

* Конец письма не сохранился.— *Ред.*

чтения публичных лекций и часто посещал в Женеве дом Герцена, подолгу у него засиживаясь. Одинокий старик горячо привязался к Герцену, с восхищением смотрел на него и, по собственным его словам, не мог насмотреться, приходя в восторг и от оригинальной внешности Герцена, и от его «энергии иной расы» (XIX, 325).

В памяти Герцена ярко запечатлелся «коренастый, растрепанный старик с крупными, резкими, запущенными чертами», в лице которого «были зря перемешаны гений и безумие, фанатизм и ирония, озлобление ветхозаветного пророка и якобинца 1793 г.» (XIII, 590).

В это время у Герцена возникла мысль об издании «Колокола» на французском языке. Леру охотно взял на себя исправление «слога» статей. Подобную же услугу намерен был оказать Леру Герцену и при издании французского перевода его сочинений.

В одно из своих посещений Леру принес Герцену свою последнюю книгу — драму «Иов», прося непременно прочесть ее. Книга эта опечалила и ужаснула Герцена. Он увидел в ней бессмысленный бред «поэта-лунатика <...>, у которого сохранились чувства, воспоминания, формы, но *разум* не сохранился, или, если и уцелел, то для того, чтобы идти вспять...» (XIV, 751).

Безотрадное впечатление Леру произвел и на Огарева (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 448—449), которого Герцен познакомил с этими «руинами 1830-х годов» 8 июня 1867 г. Именно этим числом датирована публикуемая нами записка Герцена, в которой он извещал Леру, что Огарев очень желал быть ему представленным.

6 августа 1867 г., обсуждая вопрос об издании французской брошюры Огарева, Герцен писал последнему: «Слогом ее были недовольны *все* французы. Посоветуйся с P. Leroux» (XIX, 425). На это Огарев отвечал: «К Петру Рыжему* ужасно не хотелось бы идти. Он сумасшедший, и у нас ничего нет общего» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 459).

Не относясь с такой нетерпимостью, как Огарев, к пережившему себя замечательному писателю, Герцен продолжал поддерживать с Леру личные отношения и не без теплоты отзывался в своей переписке об этом «чистом и преданном» человеке. Но он не мог без огорчения, смешанного с изумлением, думать, что «такого ясного мрака, такой стройной путаницы, такой силы ума, доведенной до абсурда, как у этого старика», он «никогда не видал» (XIX, 309).

Письмо печатается по фотокопии с автографа, хранящегося во Французской Национальной библиотеке (Париж).

8 juin 1867. Samedi

Très cher monsieur,

Nous vous attendons à 5 ou $5^1/_2$ aujourd'hui.— Il n'y aura personne à l'exception d'Ogareff, qui désire beaucoup de vous être présenté. Vous pouvez vous imaginer — quelle sensation a produit dans notre cercle la nouvelle du coup de pistolet tiré sur le tsar.

Au revoir — avec sympathie et respect —

tout à vous

A. Herzen

Monsieur Pierre Leroux
Campagne Bamgarten. Saint Jean.

Перевод:

<Женева.> 8 июня 1867 г. Суббота [1]

Дорогой господин Леру,

Мы ждем вас сегодня в пять или в половине шестого. У нас никого не будет, кроме Огарева, который очень желает быть вам представленным.

---

* Так Пьера Леру в шутку называл Белинский, переводя его фамилию буквально.— *Л. Л.*

Вы можете вообразить, какую сенсацию произвело в нашем кружке известие о пистолетном выстреле в царя[2].

До свидания — с симпатией и уважением —

весь ваш А. Герцен

Господину Пьеру Леру
Деревня Баумгартен. Сен-Жан.

[1] Публикуемая записка была напечатана в книге: P.-Félix Thomas. Pierre Leroux, sa vie, son œuvre, sa doctrine. Contribution à l'histoire des idées au XIX siècle. Paris, 1904, p. 326.

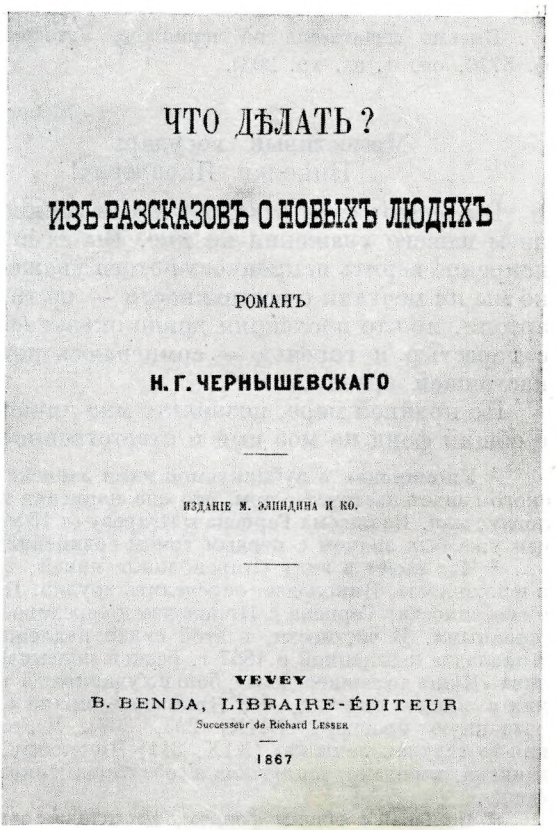
[2] *Пистолетный выстрел в царя* — неудачное покушение А. Березовского на Александра II в Париже 6 июня 1867 г.

ОГАРЕВ — Н. Я. НИКОЛАДЗЕ

Публикация Б. П. Козьмина

Печатаемая ниже записка Огарева, адресованная Николаю Яковлевичу *Николадзе* (см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 402—412), стоит в связи с изданием собрания сочинений Чернышевского, предпринятым во второй половине шестидесятых годов русскими эмигрантами в Швейцарии.

В 1867 г. был выпущен в Женеве роман Чернышевского «Что делать?». На обложке книги перед заглавием было напечатано: «Сочинения Н. Г. Чернышевского. Первое полное издание». Таким образом, выход книги был задуман как начало большого издания. Вслед за романом «Что делать?» появилось еще пять томов этого издания, претендовавшего на наименование «Первого полного собрания сочинений Чернышевского»:


ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ

РОМАНЪ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ИЗДАНІЕ М. ЭЛПИДИНА И КО.

VEVEY
B. BENDA, LIBRAIRE-ÉDITEUR
Successeur de Richard Lesser

1867

РОМАН Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?». ИЗДАНИЕ М. К. ЭЛПИДИНА, ЖЕНЕВА, 1867 г.
Титульный лист

первый том, заключавший в себе «литературную критику» 1853—1855 гг., вышел в 1868 г.; второй, в котором были помещены «литературная критика» 1855—1856 гг. и «Полемические красоты»,— в 1869 г.; третий и четвертый, посвященные «Политической экономии» Д.-С. Милля с дополнениями и примечаниями Чернышевского,— в 1869—1870 гг. и, наконец, пятый, заключавший в себе статьи Чернышевского об общинном владении землей,— в 1872 г. (2-е издание — в 1879 г.). Роман «Что делать?» и все тома собрания сочинений печатались в Женеве, в типографии Элпидина.

Кто из эмигрантов принимал участие в издании сочинений Чернышевского или,— употребляя выражение Огарева,— был членом «артели», образовавшейся для этого дела, по недостатку материалов, имеющихся в нашем распоряжении, сказать трудно. Известно, что, помимо Элпидина и Николадзе, которым, повидимому, принадлежала инициатива издания, в подготовке к печати «Что делать?» активно участвовал А. А. Серно-Соловьевич, позднее отстранившийся от изданий сочинений Чернышевского, вследствие разрыва с Николадзе. Несомненно, в издании и в сборе денежных средств для издания участвовали и другие эмигранты. Однако были среди них и такие, которые, относясь отрицательно к Элпидину и Николадзе, не пожелали оказывать им поддержку. Об этом можно судить по предисловию к четвертому тому сочинений Чернышевского, написанному, вероятно, Элпидиным. Автор предисловия жаловался на то, что редакция огаревско-нечаевского «Колокола» и редакция утинского «Народного дела» не отозвались на обращение за денежной поддержкой для издания этого тома сочинений Чернышевского. Что касается пятого тома, то к изданию его, повидимому, имел отношение кружок М. А. Натансона, представитель которого, В. М. Александров, в то время жил в Женеве и принял на себя заведование типографией Элпидина.

В предисловии к первому тому сочинений Чернышевского, между прочим, было отмечено сочувственное отношение к этому изданию польского эмигранта Бенды, владельца книжного магазина и издательства в Веве. Бенда принимал участие в издании как книгопродавец и оказал кредит, получая скидку в размере пятидесяти процентов.

Письмо печатается по черновому автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 203).

<Женева. Первая половина мая 1868 г.?>[1]

Милостивый государь
Николай Яковлевич!

Вы мне от себя отдали 1-й том сочинений Чернышевского с изъявлением вашего уважения ко мне. Вы сами знаете, с каких пор я не могу искренне верить искренности этого уважения[2]. Вы сами знаете, что сколько мы ни мечтали о возможности — не то что общего фонда — а трудовой артели, но что последняя давно оказалась невозможною. Я — признаюсь с горестью и горечью — сомневаюсь даже в продолжительности вашей настоящей артели.

По крайней мере, позвольте мне лично вам помочь и списать ваш долг в общий фонд на мое имя и ответственность[3].

[1] Упоминание в публикуемой нами записке о первом томе сочинений Чернышевского свидетельствует о том, что она написана в 1868 г.— повидимому, в первой половине мая. Из письма Герцена к Огареву от 15 мая 1868 г. видно, что в это время Герцен уже был знаком с первым томом сочинений Чернышевского (XX, 275).

[2] Что имеет в виду Огарев, когда пишет, что с некоторого времени он не верит в искренность Николадзе, определить трудно. Несомненно, что отношения Огарева и, в особенности, Герцена с Николадзе к середине шестидесятых годов были весьма обостренными. В частности, в этой связи надлежит отметить сочувственное отношение Николадзе к изданной в 1867 г. резкой полемической брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», больно ударившей по Герцену. Последний в своих письмах с обидою отмечал, что Николадзе вместе с Элпидиным полностью оправдывали названную брошюру (XIX, 293, 306). К этому присоединилась в мае 1867 г. какая-то «глупая записка» (XIX, 311) Николадзе, крайне раздражившая Герцена. Эта записка, вероятно, заключала в себе отказ Николадзе от дальнейшего участия в общем фонде.

[3] Порывая с общим фондом, Николадзе оставил непогашенным свой долг в его кассу.

ИЗ АРХИВА «КОЛОКОЛА» И ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ

РУКОПИСЬ Ф. И. ЛЬВОВА С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО

Публикация В. Р. Лейкиной-Свирской

В «софийской коллекции» сохранилось несколько черновых рукописей петрашевца Ф. Н. Львова, относящихся к концу 1859 — началу 1861 гг.: «Записка о деле петрашевцев», две полемических статьи об управлении гр. Н. Н. Муравьевым-Амурским Восточной Сибирью и заметка о так называемой «иркутской дуэли»*. Здесь же находится черновик обращения Львова к министру внутренних дел С. С. Ланскому с жалобой на преследования, которым он стал подвергаться со стороны Муравьева-Амурского. Работал Львов над этими материалами частью в Иркутске, частью в с. Олонках Иркутской губернии, в доме декабриста В. Ф. Раевского (к которому Львов переехал через несколько месяцев после увольнения его со службы в январе 1860 г.).

Большой интерес представляет печатаемая ниже «Записка о деле петрашевцев» (это название дано документу Герценом при публикации небольшого отрывка из него в «Колоколе»). «Записка» составлена при непосредственном участии М. В. Буташевича-Петрашевского. На первом листе имеется надпись неустановленным почерком: «Александру Ивановичу» и неразборчивая подпись.

Каким же образом черновые рукописи Львова попали в Лондон к Герцену?

Повидимому, Герцен имел в это время корреспондентов в Восточной Сибири. Об этом можно судить по обилию материалов в «Колоколе» и листках «Под суд!» по поводу «иркутской дуэли», преследований Петрашевского Муравьевым, процесса над судьями, подвергшими наказанию дуэлянта Беклемишева и пр. Герцен получил и напечатал также кассационные прошения Петрашевского и его жалобу министру Ланскому.

С наибольшей вероятностью можно предположить, что рукописи Львова были доставлены Герцену известным впоследствии врачом и общественным деятелем Н. А. Белоголовым.

В своих воспоминаниях «Три встречи с Герценом» Белоголовый сообщает, что в июне 1861 г. он отправился из Москвы за границу со специальной целью — лично передать Герцену правду о поведении муравьевской клики в связи с «иркутской дуэлью». Не застав Герцена в Лондоне, Белоголовый отыскал его в Париже.

Во время этого свидания, как указывает сам Белоголовый, он передал Герцену «кой-какие документы по сибирскому управлению» для напечатания в «Колоколе» (Н. А. Белоголовый. Воспоминания. СПб., 1901, стр. 538). Материалы «софийской коллекции» позволяют утверждать, что этими «документами» являлись, прежде всего, упомянутые выше рукописи двух полемических статей Львова о Муравьеве и его режиме управления Восточной Сибирью. Несомненно, тогда же была передана Герцену заметка Львова об «иркутской дуэли», прямо обращенная к издателю листка «Под суд!». Вскоре после этого в «Колоколе» было напечатано злободневное письмо из Сибири под названием «Опять об иркутской дуэли» (л. 101 от 15 июня 1861 г.).

---

* Заметка эта публикуется в настоящем томе.— *Ред.*

Оно было посвящено «вопиющему делу» — процессу членов Иркутско-Верхоленского окружного суда, присудивших в 1859 г. к суровому наказанию организаторов дуэли. Новый процесс разоблачался в письме как акт мести судьям со стороны муравьевской администрации за проявленную ими независимость. Кто являлся автором этой статьи, до сих пор не было известно. Сейчас мы имеем возможность установить, что статья «Опять об иркутской дуэли» была написана все тем же Львовым.

В статье смело подтверждается влияние Петрашевского и Львова на судей, выносивших приговор по делу о дуэли. Кроме того, авторство Львова устанавливается дословным совпадением многих мест в этой статье с текстом письма Львова к Д. И. Завалишину от 25 февраля 1861 г., в котором Львов выражал свое негодование по поводу процесса над судьями («Русская старина», 1881, № 10, стр. 404—405). Подлинник статьи «Опять об иркутской дуэли», опубликованной в «Колоколе», не сохранился в «софийской коллекции» — он, вероятно, остался в типографии.

Не вызывает сомнения, что вместе с указанными четырьмя рукописями Львова Белоголовый передал Герцену пятую рукопись — «Записку о деле петрашевцев». О том, что к Герцену попала эта рукопись, он сам засвидетельствовал в «Колоколе» (л. 139 от 15 июля 1862 г.).

«Записка о деле петрашевцев» написана рукой Львова. Петрашевским в этой рукописи сделаны многочисленные добавления в виде примечаний, заметок и поправок. В рукописи содержатся сведения, сообщенные Львову Петрашевским. Таким образом, эту записку можно считать произведением обоих авторов.

Публикуемый документ не мог возникнуть позже февраля 1860 г., так как в конце этого месяца авторы его были разлучены высылкой Петрашевского из Иркутска. С другой стороны, имеющееся в конце записки указание, что Петрашевский и Львов «и теперь страдают еще в Сибири от представителя самовластия и произвола, великого либерала, графа Муравьева-Амурского», говорит о том, что она была закончена не ранее января 1860 г., когда на них обоих, действительно, обрушилась «опала» вернувшегося в Иркутск генерал-губернатора. Вместе с тем упоминание о том, что петрашевцы «пострадали десять лет тому назад», позволяет уточнить время работы над рукописью и отнести ее к концу 1859 г., так как до ноября 1859 г. Львов находился вне Иркутска.

Замысел «Записки о деле петрашевцев» должен быть, повидимому, поставлен в связь с опубликованием осенью 1859 г. в «Колоколе» (под заголовком «Юстиция и М. В. Буташевич-Петрашевский» — лл. 49 и 50 от 1 и 15 августа) кассационных прошений Петрашевского, направленных им в сенат в 1855—1856 гг. Известно, что Петрашевский настойчиво стремился опротестовать и добиться аннулирования незаконного, как он утверждал, приговора по делу петрашевцев. Протесты Петрашевского имели в его собственных глазах чисто принципиальное значение — таким образом он продолжал свою борьбу против политического произвола царизма. Эта борьба не сулила ему, разумеется, никакого успеха и лишь отягчала его положение.

Пересылка Герцену копий с прошений Петрашевского, находившихся в правительственных учреждениях, говорит о существовании неизвестных нам друзей Петрашевского, связанных с издателем «Колокола». Через некоторое время в «Колоколе» (л. 92-93 от 15 февраля 1861 г.) появилась также жалоба Петрашевского министру внутренних дел от 9 мая 1860 г. из Минусинска, излагавшая обстоятельства его административной высылки из Иркутска 27 февраля 1860 г. Этот материал был послан Герцену в ответ на его заметку «Тиранство сибирского Муравьева» («Колокол», л. 89 от 1 октября 1860 г.) по поводу высылки Петрашевского. Здесь Герцен замечал «прогрессивному генерал-губернатору», что «вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических сосланных времен Николая, т. е. невинных, преступно» (X, 401).

Эти факты говорят о большом внимании и уважении Герцена к Петрашевскому, в котором он видел борца с самодержавием. Еще в 1851 г. Герцен пытался познакомить с его именем европейское общественное мнение, послав французскому историку и журналисту Мишле биографию Петрашевского, написанную В. А. Энгельсоном.

Опубликование Герценом кассационных прошений Петрашевского свидетельствует о том, с каким интересом и вниманием отнеслась к делу петрашевцев демократическая общественность шестидесятых годов; оно могло внушить Петрашевскому и Львову

ГЕРЦЕН

Фотография 1861 г. с дарственной надписью неустановленному лицу: «В память встречи в Лондоне 19 июля 1862 г. от А. Герцена»

С фотографии (подлинник в Польше)

желание оставить для истории свое прямое и подробное свидетельство об этом деле, дать обществу новые сведения о кружке петрашевцев и о расправе с ним правительства. Помимо фактов, изложенных в «Записке», авторы обещали также «рассказать в другой раз» историю ссылки некоторых петрашевцев.

«Записка» состоит из четырех разделов. Первый раздел, не имеющий заголовка, посвящен деятельности кружка петрашевцев; он занимает свыше трети рукописи. Далее идет небольшой раздел «Закулисные поводы преследования», затем раздел «Следственная комиссия и усовершенствованный застенок», конец которого утрачен. Утрачено также начало последнего раздела — об обряде казни петрашевцев.

В трех последних разделах позиция авторов, рассказывающих о столкновениях петрашевцев с правительством и о поведении их перед лицом политических врагов, ясна и последовательна; в первой же части «Записки», повествующей о деятельности кружка петрашевцев, бросается в глаза внутренняя противоречивость. Стремление дать исторически правдивое изложение сочетается здесь с явной тенденцией затушевать политическую направленность деятельности кружка и отчетливо проявляется при дальнейшей редакционной обработке рукописи как самим Львовым, так и Петрашевским.

В изложении Львова сильно звучат либеральные ноты; особенно в рассказе о «совещании пяти», где он настойчиво подчеркивает, что, будто бы, замышлявшаяся тайная организация не имела политического характера. Но Львов не может скрыть ряда подробностей, ускользнувших от следствия и подтверждающих, что некоторые петрашевцы искали путей для революционного действия. Большой интерес представляет приводимое Львовым высказывание Петрашевского по поводу речи К. Тимковского, понятой как призыв ускорить выступление «на площади». Петрашевский воспринимал подобные призывы как возвращение к ошибочной тактике декабристов, восстание которых не опиралось на народные массы. Вместе с тем он не отрицал необходимости боевых выступлений. На подозрения в робости он отвечал, что выйдет на площадь последним, но зато последним и сойдет с нее.

Львов отмечает переход кружка к обсуждению существенно важных практических вопросов русской действительности. Он вносит новые значительные подробности в рассказ о споре Петрашевского с Головинским по поводу методов скорейшего разрешения крестьянского вопроса. «Крестьянам надобно диктатора, который бы повел их»,— сказал Головинский. Эти слова показывают, что речь шла об участии революционной интеллигенции в крестьянском восстании.

Львов не может затушевать значения «Солдатской беседы» — «юмористического рассказа» Н. Григорьева. «Солдатская беседа» явилась попыткой создать агитационную литературу для солдат. Львов подробно останавливается на «совещании пяти» о тайном обществе и впервые указывает точные даты заседаний. Излагая идейные разногласия участников совещаний, он по-новому передает слова Спешнева, признававшего лучшим способом политического действия — действие «открытою силою», «а средством к тому — бунт крестьян».

Первый раздел «Записки» содержит многочисленные добавления и поправки, которыми Петрашевский старался подчеркнуть юридическую легальность действий кружка. Он отмечал также несоразмерность наказания с поступками и приводил в пример Ханыкова, подвергшегося осуждению только за произнесенную на обеде речь.

Описывая со слов Петрашевского секретные беседы Спешнева и Петрашевского с Черносвитовым о близких перспективах крестьянского восстания, Львов отмечает, какое важное значение придавали они участию горнорабочих в восстании. Сам Львов отрицал возможность политического движения на нерчинских и алтайских «заводах», обслуживавшихся трудом каторжан. Но Петрашевский замечает: «О сем ничего ⟨не⟩ следует сообщать» — и вычеркивает все относящееся к этим беседам.

Львов приписывает Кашкину речь республиканского содержания. Петрашевский замечает, что это необходимо проверить и без согласия участников собраний об этом не следует сообщать.

К рассказу Львова о занятой Петрашевским позиции по вопросу о программе тайного общества последний делает характерное уточнение, добавляя, что он «изложил

образ действия лиги об отмене хлебных пошлин в Англии и указал на О'Коннеля, как на образец, как должно действовать, желая реформ в государстве». Таким образом, Петрашевский в этом рассказе перенес центр тяжести с планов революционной пропаганды проектируемого тайного общества на конституционные методы политической борьбы.

Слова Львова о том, что тайное общество «рушилось в самом начале», Петрашевский заменяет более осторожной формулировкой: «Из разговоров о составлении тайного общества ничего не вышло».

С какой целью Петрашевский вносил все эти смягчения? Было бы неправильным рассматривать их как попытку реабилитировать деятельность петрашевцев. Петрашевский не был и не стал либералом, но в его идеологии, оформлявшейся в сороковых годах в направлении к революционному демократизму, оставалась известная незавершенность, противоречивость. Дополнения, внесенные Петрашевским в «Записку», стоят в прямой связи с теми идейными мотивами, которыми диктовались его аргументы в поданной им кассации.

В своем кассационном прошении Петрашевский доказывал не только незаконность применения военного суда по отношению к подсудимым, но и нарушение судом установленных форм судопроизводства. Он писал, что при ведении дела не были соблюдены условия, без которых «образ содержания в С.-Петербургской крепости мог получить характер истязательный, а допросы могли носить отпечаток пристрастия». В дополнительных объяснениях он возражал на тот, очевидно часто им слышанный мотив, будто петрашевцы, дело о которых получило высочайшую конфирмацию, объявлены «вне всякого закона». Он протестовал против того, что защиты закона лишаются люди, чьи «преступления» заключались «в мысли, мнениях или форме выражения мыслей или мнений»; «при других условиях общественного развития или в другом государстве» это «не могло бы быть отнесено не только к разряду преступлений», но даже к полицейскому проступку»(В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.— «Голос минувшего», 1915, № 1, стр. 78, 81). Приговор «столько же соответствовал делу, как слон мухе»,— писал Петрашевский своей сестре 11 мая 1856 г. («Звенья», II, 1933, стр. 311).

Второй раздел «Записки» — «Закулисные поводы преследования» — написан, в основном, по рассказам Петрашевского. Здесь впервые подробно освещены такие интересные факты, как борьба на дворянских выборах в феврале 1848 г. в Петербурге вокруг вопроса об адресе царю и выступление Петрашевского против предложенного свыше адреса, одобрявшего контрреволюционную политику царизма по отношению к Западной Европе. Впервые также излагается, к сожалению слишком неполно, содержание литографированной «программы» деятельности Петербургской городской думы, написанной Петрашевским в связи с его попыткой получить место городского секретаря в 1846 г.

Сохранившаяся часть третьего раздела — «Следственная комиссия и усовершенствованный застенок» — содержит ряд новых подробностей о методах следствия, о пытках, применявшихся к Петрашевскому, Н. Григорьеву, Н. Момбелли, а также, повидимому, к В. Катеневу, умершему в тюремной больнице для душевнобольных. Сведения о пытке, состоявшей в раздражении нервной системы отравляющим веществом, исходят непосредственно от Петрашевского и Григорьева.

Авторы «Записки» связывают применение пытки с подозрениями Следственной комиссии о существовании в кругу петрашевцев тайного общества. «Записка» несколько разъясняет методы, посредством которых Спешнева вынуждали давать откровенные показания. Известно, что у него была обнаружена «подписка» для членов тайного общества. Львов и Петрашевский пытаются найти объяснение загадочному для них поведению Спешнева на следствии. Спешнев предполагал, думают они, что, действуя так, он спасет «других и один сделается интересною жертвою», но Следственная комиссия сумела превратить его показания в «ловушку» для его товарищей.

Чрезвычайно интересен уцелевший кусок последнего раздела об обряде казни, где сохранены слова осужденных петрашевцев, произнесенные на эшафоте. Так, религиозно настроенный Достоевский в ожидании казни сказал по-французски Спешневу:

«Мы будем вместе с Христом». Материалист и атеист Спешнев, усмехаясь, возразил: «Горстью праха».— «Кто просил?» — заметил Дуров в ответ на оглашение царской конфирмации, отменявшей смертную казнь. Живо описана бравада Петрашевского, прямо с места казни отправленного в Сибирь.

Как отнесся Герцен к попавшему в его руки важному документу о деле Петрашевского? Он не мог не оценить его значения. «Записка» Львова и Петрашевского представляла огромный интерес для современников как неизвестная страница из недавней истории русского освободительного движения, как обличение недавно минувшего политического режима Николая I. Однако опубликовать «Записку» полностью Герцен не мог, так как в ней шла речь о многих живых людях, которым это могло повредить. Кое-что из «Записки» Львова и Петрашевского Герцен, тем не менее, использовал для обличения политического интриганства реакционнейшего бюрократа-крепостника П. П. Гагарина, назначенного в 1862 г. председателем Государственного совета и Комитета об устройстве сельского состояния. Герцен обнародовал сообщение о том, как Гагарин, являвшийся фактическим руководителем следствия по делу петрашевцев, добивался в то время от Львова, чтоб он оговорил тогдашнего наследника, будущего царя Александра II, который, по слухам, предостерег Момбелли по поводу его литературных вечеров. Таким образом, Гагарин хотел «погубить сына, подслужившись отцу доносом на него». «В наших бумагах,— писал Герцен,— есть *подробное изложение* этих драматических сцен между князем-сыщиком и благородным арестантом» («Павел Гагарин».— «Колокол», л. 139 от 15 июля 1862 г.; ср. XV, 339—340).

В следующем листе «Колокола» и был напечатан «Отрывок из записки о деле Петрашевского» под названием «Львов и Гагарин» (л. 140 от 1 августа 1862 г.). Это — рассказ о допросе Львова Гагариным, наталкивавшим его на нужное признание. По наводящим вопросам Гагарина Львов понял, что речь шла об известном ему факте: наследник престола, тогда начальник гвардейской дивизии, просил прекратить литературные вечера у офицера л.-гв. Московского полка Момбелли, у которого в 1846—1847 гг. собирались офицеры, так как «в городе носились слухи о их чрезвычайном либерализме». Львов довольно точно передал свой ответ Гагарину, обещавшему ему помилование за донос. Вот как выглядит это показание в тексте «Колокола»: «Все, что до сих пор мною было показано, сделано было для скорейшего разъяснения дела и для того, чтобы были скорее освобождены совершенно невинные, томящиеся, подобно мне, в тяжком крепостном заключении. И если Комиссия из моих показаний открыла что-нибудь новое, то я покорнейше прошу не прилагать ко мне статьи свода законов, показанные кн. Гагариным, потому что на этом основании я милости государя императора не желаю и не заслуживаю и к прежним показаниям ничего прибавить не могу».

Секретный допрос Львова Гагариным не отражен в следственном деле Львова, но с его рассказом согласуются заключительные слова, написанные им после показания о переговорах по поводу тайного общества; он отказывался от роли доносчика. Он сделал показание «не потому, что желал помилования себе», написал его прежде, чем Гагарин показал ему соответствующую статью свода законов. Он сделал это «для скорейшего окончания дела и освобождения тех из нас, несчастных заключенных, которые, может быть, невинны или, по крайней мере, мало виновны», а потому просил не испрашивать ему высочайшего помилования на основании этой статьи, «ибо я его в этом смысле не заслуживаю» («Дело петрашевцев», т. I, 1937, стр. 422).

Рассказ Львова по тексту «Колокола» мы воспроизводим в подстрочном примечании. Он занимал часть отсутствующих в нашей рукописи восьми страниц, изъятых, очевидно, при подготовке к печати этого рассказа. Опубликованный в «Колоколе» текст Львова отредактирован Герценом. Явно принадлежит Герцену позднейшая вставка от слов: «Вот чего хотелось Гагарину» до конца абзаца. Здесь высказано предположение, что «олигархическая партия», предвидя, что «сын отнимет у нее рабов», стремилась поссорить Николая с наследником, чтобы заставить последнего отказаться от престола.

Печатаемая «Записка», дополняемая текстом, опубликованным в «Колоколе», является весьма ценным источником для изучения истории кружка петрашевцев.

‹ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ›

‹I›

‹СОБРАНИЯ ПЕТРАШЕВЦЕВ›

Новые стремления в Европе, выразившиеся революциею 1848 года, имели сильное влияние на образованную молодежь в России и преимущественно в Петербурге. Надобно было видеть, с какою жадностью читались газеты того времени и какое сочувствие возбуждали первые успехи социализма. Апатическая дотоле молодежь встрепенулась, ожила. Несмотря на все затруднения, сочинения Прудона, Луи Блана, фурьеристов, сен-симонистов переходили из рук в руки; все старались познакомиться с новыми началами, во имя которых произошла революция. Неудивительно, что те, которые до 48-го года были уже знакомы с социальными учениями, которые имели у себя почти полную библиотеку всех последователей нового направления, сделались, естественно, центрами притяжения для всех мыслящих молодых людей. К числу таких центров принадлежал Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, который, вместе с кружком около него собравшимся, должен был сделаться козлом очищения — жертвою вечернею * за грехи русского народа.

Еще в начале 40-х годов Петрашевский познакомился с социальными учениями и по влечению страстной натуры своей сделался их усердным пропагатором. Получая около трех тысяч рублей серебром годового дохода, он имел возможность принимать у себя довольно многочисленное общество, состоявшее преимущественно из фурьеристов; но с 1848 года эти собрания получили некоторую организацию. По предложению хозяина, назначено было собираться вечером по пятницам и посвящать это время на критический разбор различных социальных систем, а для большего порядка во время прений, которые могли возникнуть, старший по летам должен был при помощи колокольчика восстановлять тишину в собрании. (Колокольчик этот впоследствии казался страшным орудием революции для следователей.) Многие приняли на себя обязанность сделать изложение социальных систем (напр.: Данилевский — фурьеризма, Спешнев — коммунизма), а Петрашевский предложил, что, прежде чем говорить о социализме, полезно было бы возобновить в памяти начала политической экономии, чтобы яснее понимать настоящие экономические отношения общества, которые так строго осуждаются социальными теориями. Эту обязанность принял на себя Ястрежембский.

Вечера начались осенью 1848 года. В пять-шесть сеансов Ястрежембский изложил главные начала политической экономии. Взгляд его на эту науку приближался всего более к Миллю. Во все время он позволил себе одну только либеральную выходку. «Правительство,— говорил он,— в смысле политико-экономическом, есть тоже товар: граждане в виде податей и налогов покупают себе внешнюю и внутреннюю безопасность, т. е. жертвуют частью своего достояния, чтобы иметь войско, флот, суды, администрацию, полицию и т. п. Следовательно, если товар этот дешев и хорошего качества, то содержание правительства не противоречит политико-экономическим началам. Если божиею милостью купец Чаплин продает нам дешево хороший чай, то мы все покупаем у него; но если он начинает продавать дорого худой, то мы обращаем‹ся› к другому, который тоже купец божиею милостью».

После этих интересных бесед порядок, в котором предполагалось их продолжать, нарушился[1]: Данилевский должен был отлучиться из Петер-

* Аресты политических преступников производятся всегда ночью.— *Примеч. Львова.*

бурга, а Спешнев отказался от изложения учения коммунистов. А потому некоторые из посетителей этих вечерних собраний читали свои разъяснения о разных вопросах, напр.: Толль — «О происхождении религиозного чувства», Львов — «О связи между наукой и промышленностью», «Об энциклопедическом и специальном образовании» и т. п. Из них рассуждение Толля заслуживает внимания по тому обороту, какое дала ему Следственная комиссия. Толль (лютеранин) старался доказать, что чувство подавленности человека пред громадными и неведомыми силами природы послужило основанием религиозному чувству и что этим страхом воспользовались умные люди, чтобы провести нравственные законы для человеческих обществ, под авторитетом тех существ, которые управляют этими силами. (Следственная комиссия назвала эту диссертацию — речью против бога.)

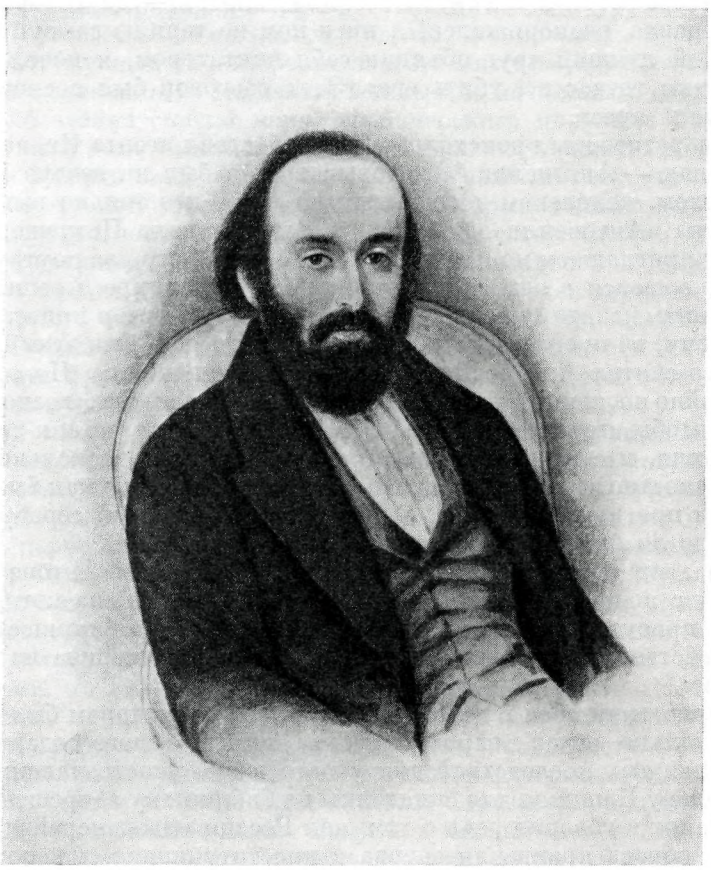
В ноябре месяце Тимковский прочитал речь, в которой вызывал всех к действию. Пока, говорил он, мы здесь толкуем о превосходстве одной социальной системы перед другою, которые, по моему мнению, только концентрические круги, описанные из одного центра,— реакция задавит социальное движение. Вы, слабые, не страшитесь моих слов — я вас не зову на площадь! Вы, сильные, не торопитесь! Но пусть каждый из нас в своем кружке действует, как он знает, для торжества новых идей[2].

Речь эта вызвала несколько рукоплесканий, но произвела вообще очень дурной эффект. Пышный набор фраз, заимствованный из последней речи какого-то депутата Национального собрания, оказался не больше не меньше как фейерверком. В самом деле: неужели можно было надеяться, что тридцать, сорок петербургских юношей остановят начинавшийся поток реакции в Европе. Кто такие были слабые и сильные в этом собрании? Зачем понадобилась площадь? Все это было неуместно и не могло принести никакой практической пользы для людей, которым надобно было только политическое воспитание. Более всех недоволен был этою речью сам хозяин Петрашевский: разговаривая со Львовым и со многими другими, он говорил, что увлечь на площадь сотню, тысячу пылкой молодежи легко, но к чему бы это послужило? Их перестреляли бы картечью или повесили бы не только без всякой пользы для дела, которого они хотели быть защитниками, но и во вред ему. А на подозрения в робости он отвечал: «Я, конечно, выйду последним на площадь, если даже этого потребует необходимость, но зато последним и сойду с нее».

Черносвитов также находил, что все теории — прекрасные вещи, но что, дескать, они мало подвигают дело. Мастер говорить, он увлекал и других к либеральничанью, которое совершенно безвредно теперь и которое было так опасно тогда.

Наконец в 1849 году в марте месяце один молодой человек (девятнадцати лет) Головинский высказался яснее: что мы рассуждаем о таких вопросах, которые в настоящую минуту не могут быть практически решены в России, займемся лучше такими, которые представляют существенный интерес. «Пожалуй,— отвечал Петрашевский.— У нас в России три жизненных вопроса: вопрос о судопроизводстве и судоустройстве, вопрос крестьянский и вопрос о свободе слова. Я,— продолжал он,— ставлю вопрос о реформе суда первым, и вот почему: прежде всего надобно удовлетворить общей потребности, а в справедливости нуждаются все в государстве. Крестьянский вопрос заденет интересы дворян, вопрос же об улучшении судопроизводства найдет в большей части граждан полное сочувствие». Показав потом всю важность учреждения открытого суда и присяжных, он заключил, что и самый крестьянский вопрос подвинется, потому что пред всеми откроется все безобразие и вся несостоятельность крепостного права из частных дел, решаемых публично в суде.

Для достижения этой реформы стоило только, по его мнению, дворянским и городским обществам всех губерний воспользоваться, на основании своих грамот, правом рассуждать о своих нуждах и потребностях, в числе которых, разумеется, первое место должно занимать правосудие, и обратиться потом с адресами или с прошениями к правительству об измене-



М. В. БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ
Акварель, 1840-е гг.
Отдел истории русской культуры Эрмитажа, Ленинград

нии судоустройства и судопроизводства. Без явного нарушения справедливости, по его же мнению, правительство не могло бы отказать в этом, тем более, что это не представляло бы для него ни малейшей опасности.

Головинский едва мог дождаться окончания длинной речи Петрашевского. «Нет! — вскричал он,— самая вопиющая несправедливость есть рабство 60 миллионов крестьян (ему заметили, что их только 20 миллионов). Все равно!» — продолжал он и говорил очень горячо и очень хорошо против рабства, против эксплуатации человека человеком и т. п.— «Все это так,— возразил Петрашевский,— и все это мы очень хорошо знаем, но каким же образом можно будет достигнуть освобождения крестьян? У нас у всех может быть наберется тысячи две, три душ. Если мы их отпустим на волю, мы будем только дураками: сами лишимся состояния, а их *положения не улучшим, они перейдут только от одного помещика* к другому, худшему — к государству, к окружным начальникам».— «Нет! —

возразил Головинский,— крестьяне не могут долее сносить своего положения, они готовы восстать».— «Неужели вас может прельщать перспектива пугачевщины?» — заметил ему Львов. «Или вы желаете,— сказал Петрашевский,—чтобы власть перешла в руки попов — другого образованного сословия после дворян?» — «Нет! — возразил Головинский.— Крестьянам надобно диктатора, который бы повел их!» — «Как! — прервал его Петрашевский тихим, но твердым голосом,— диктатора! который бы самоуправно распоряжался! я ни в ком не терплю самоуправства, и если бы мой лучший друг объявил себя диктатором, я почел бы своею обязанностью тотчас же убить его». Этот разговор был последний — он мотивировал арест.

Все эти разговоры происходили в присутствии агента Ивана Петровича Липранди — Антонелли *, который введен был на вечера Петрашевского Толлем, человеком доверчивым ко всем, кто только выдавал себя за либерала. Антонелли давно уже вертелся около Петрашевского, но не был им приглашаем на пятницы. Толль, увидя его раз поутру у Петрашевского, сошелся с ним за бутылкою вина в трактире и решился с ним вместе нанять квартиру и в первый же после того вечер привез его к Петрашевскому, не предварив его о том. Петрашевский был этим недоволен, потому что считал Антонелли пустоголовым мальчиком. Но этот мерзавец, достойно носящий фамилию знаменитого кардинала, воспользовался случаем, чтобы втереться не только к Петрашевскому, но и к другим знакомым Толля, и совершенно безвинно предал их на несколько тяжелых недель крепостного заключения. Но будем справедливы: как было устоять Антонелли против искушения — получить 1000 рублей серебром награды? И мало ли нашлось бы Антонеллей в то время?

Кроме этих вечеров у Петрашевского, о которых Антонелли делал еженедельно подробный донос, были другие собрания, на которых Антонелли не присутствовал, но о которых Следственная комиссия узнала уже из собственных показаний заключенных. Главнейшие из них были следующие:

Фурьеристский обед в день смерти Фурье[3], на котором было произнесено несколько речей, впрочем весьма миролюбивого содержания, не имевших важных последствий для участи в нем участвовавших **.

Собрание у Кашкина для складчины на библиотеку запрещенных книг, причем Кашкин говорил речь о том, как Россия может перейти от монархического образа правления сперва к конституционному и потом к республиканскому ***.

Вечера у Дурова происходили на складчину 14 человек. На них участвовали наполовину литераторы и музыканты, хотя и бывавшие у Петрашевского, но не очень симпатизировавшие с ним; им казалось, что у него

---

* *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Примеч. Петрашевский познакомился с Антонелли случайно, в СПб. управе благочиния, куда как тот, ⟨так⟩ и другой пришли по делу. Мундир министерства иностранных дел, который был на Антонелли (он служил в казначействе М. И. Д.), был поводом к сближению. Потом Антонелли явился к Петрашевскому с просьбою совета по делам о наследстве. Антонелли Петрашевскому едва ⟨ли⟩ не был обязан хорошим исходом своих дел, т. е. получением 6 или 10 тысяч сер. наследства, а Толлю едва ли не жизнью, ибо он без Толля был бы выброшен из окна Преображенских казарм.

О провокаторских действиях Антонелли и Липранди могут быть сообщены известия Толлем.

** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Примеч. Этого нельзя сказать безусловно. Для некоторых и это обстоятельство послужило поводом к обвинениям и осуждениям—как, напр., Ханыков единственно за речь на сем обеде подвергся осуждению.

*** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Примеч. Едва ли это справедливо. О сем обстоятельстве следует справиться у Кашкина и без согласия лиц, которые при сем находились, делать ошибочно ⟨?⟩ сообщение не следует[4].

недостает теплого чувства, что у него один только холодный ум, и, наконец, что он упрям, как бык, который уперся рогами в одно место и с него не сходит. Половина этих вечеров посвящалась музыке, а другая — литературным чтениям, не имевшим никакого почти значения, и частным разговорам, разумеется, очень свободным, о событиях дня, о новостях из Европы, о их значении и т. п. Зашла было на этих вечерах речь о заведении домашней литографии для распространения нецензурных сочинений, но Федор Достоевский не согласился на это, и замечательно, что он один именно и был осужден за намерение завести литографию (как внимательно делались обвинения!)[5]. Но самым важным по печальным своим последствиям было чтение сказки конно-гренадерского поручика Григорьева. Это было уже в доме Спешнева, который пригласил вместо обычного вечера к себе обедать всех собиравшихся у Дурова, потому что начали замечать каких-то подозрительных людей, которые ходили около дверей квартиры Дурова, когда собиралось у него общество. Сказка эта была не что иное как истинный рассказ о том, как «незабвенный»[6] собственноручно поколотил в кабаке двух матросов за то, что они, едва держась на ногах, предпочли войти в пристань, а не салютовать ему при встрече снятием фуражек. Рассказ заключился вообще рассуждением о плохом житье-бытье солдата фронтового и бессрочно-отпускного. Дорого же обошелся этот юмористический рассказ Григорьеву! *.

Разговор между Черносвитовым, Спешневым и Петрашевским заслуживает внимания потому только, что в деле этому хотели придать особенную важность. Говорил Черносвитов о том, возможен ли бунт в России и откуда он мог бы с успехом начаться. По его предположению, бунт мог бы начаться с нерчинских заводов, потом на Алтае и на Урале и, наконец, в России, в Петербурге. Он основывал это на всеобщем неудовольствии горных рабочих, которые будто всегда готовы подняться, и на том, что такие местные восстания, начиная с самых отдаленных мест государства, заставят удалить войска из Центра. Если Черносвитов не был агентом-провокатором, то это была только самая пустая и нелепая фанфаронада с его стороны, начиная с бунта на нерчинских и алтайских заводах, потому что кто хотя сколько-нибудь знает эти заводы, тотчас поймет всю невозможность какого-либо политического движения из этого источника**[8].

Наконец, самым важным пред глазами Следственной комиссии было совещание 5-ти, известное между ними под именем «перепелечьего сыра». Момбелли, разговаривая со Львовым о всех пакостях высоких сановников, которые не страшатся нисколько общественного мнения, тем более, что оно почти и не существовало не только в России, но и в Петербурге, сказал: «А недурно было бы составить тайное общество, которое бы имело целью направлять общественное мнение против всего мерзкого, подлого, рабского, против произвола и насилия и возвышать все хорошее, доброе, гражданскую доблесть и пр., а также выдвигать всех не только передовых, но и вообще честных и умных людей, стараться, чтобы они заняли влиятельное положение как на службе, так и в обществе. Какая была бы сила у нас через несколько лет!» — «Да,— отвечал Львов,— такое общество могло бы принести и другую пользу: если в России

---

* *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Примеч. Для Григорьева этот рассказ слишком много получил значения в смысле обвинения, ибо он был написан печатными буквами. А Спешенев, у которого он был найден, обещался Григорьеву взять это на себя, но при следствии объявил, что это сочинено Григорьевым, которого следователи почли распространителем и других вещей, которые будто бы ходили по городу[7].

** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* О сем ничего ⟨не⟩ следует сообщать. М. В. П. *Весь предыдущий абзац, к которому относится это замечание, начиная со слова* Разговор, *зачеркнут им же.*

совершится когда-нибудь политический переворот, то из этого общества могут выйти готовые политические деятели». Так рассуждали двадцатитрехлетние юноши под неостывшим еще впечатлением «Juif errant»![9]. Эту мысль Момбелли сообщил Петрашевскому, который после одного вечера в пятницу попросил Львова, только что с ним познакомившегося, остаться, когда все разойдутся, и затем предложил ему внезапно вопрос о тайном обществе. На этом первом совещании же положено было не давать политического направления обществу, если оно составится, но только, отбросив всякую личность, братски помогать друг другу к достижению предположенной цели: т. е. направлять известным образом общественное мнение и выводить вперед людей достойных и, разумеется, не приверженцев самовластия. Тут же положено было пригласить Спешнева для обсуждения этого дела. По получении его согласия назначено было 7 декабря собраться к Спешневу вечером. Петрашевский, всегда несколько подозрительный, предполагал, что Момбелли и Львов будут действовать всегда заодно, и, не надеясь на Спешнева, пригласил еще от себя Дебу, на поддержку которого он рассчитывал и думал таким образом привести в равновесие все влияния *. 7, 14 и 23 декабря происходили совещания, на которых всякий почередно излагал свое мнение. Момбелли и Львов остались верными своей программе; Львов только прибавил, что членов мало для того, чтобы совещаться об организации общества, и о том, как устроить его аффилиации. Петрашевский прибавил к первоначальной программе и пропаганду социальных учений, а в особенности фурьеризма **. Но Дебу к общему удивлению объявил, что он видит только спасение настоящего общества в осуществлении системы Фурье, а потому он будет ее пропагировать; все же другие реформы в общественном и политическом быте он считает бесполезными, потому что конечный результат их такое же (разумеется, с фурьеристской точки зрения) ложное и вредное положение, как и теперь. И что, следовательно, он готов быть членом, но для того только, чтобы пропагировать свою религию. Наконец, в последний вечер Спешнев говорил ***: «Есть три способа для достижения какой-либо политической цели: иезуитский, тайной интриги, как предлагают Момбелли, Львов и отчасти Петрашевский, явной пропаганды, как предлагает Дебу, и открытою силою. Если бы мне нужно было действовать, я бы избрал последний, а средством к тому — бунт крестьян! Теперь я предлагаю, что, если хотя один член не будет согласен на составление тайного общества, то обществу не быть, и этот член я». Впоследствии, когда сделана была попытка нового сближения с ним, он отвечал письмом ****, в котором писал между прочим, что, по его понятию, занятием общества будет chasse aux places *****. Таким образом общество рушилось в самом начале, и между расшедшимися членами было постановлено никому не говорить об этой неудачной попытке ******. Как узнала об этом Следственная

---

* *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Еще потому, что, зная миролюбивый характер Дебу, сим надеялся воздержать других от крайностей и неблагоразумных решимостей.

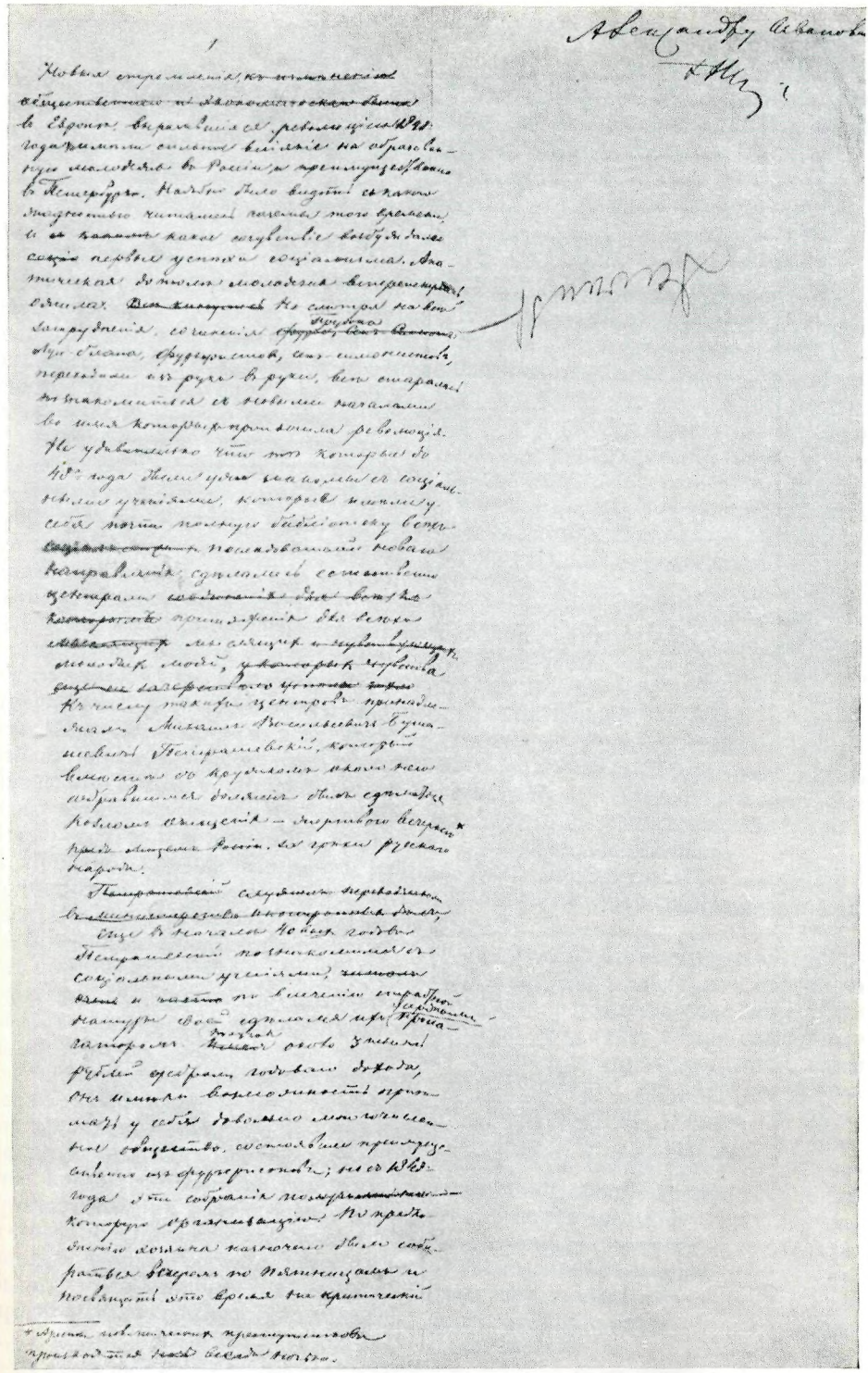
** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Петрашевский указывал и изложил образ действия лиги об отмене хлебных пошлин в Англии и указал на О'Коннеля, как на образец, как должно действовать, желая реформ в государстве[10].

*** *К слову* говорил *М. В. Буташевичем-Петрашевским сделано примечание:* (прочитал по рукописи. Рукопись эта тогда же была сожжена).

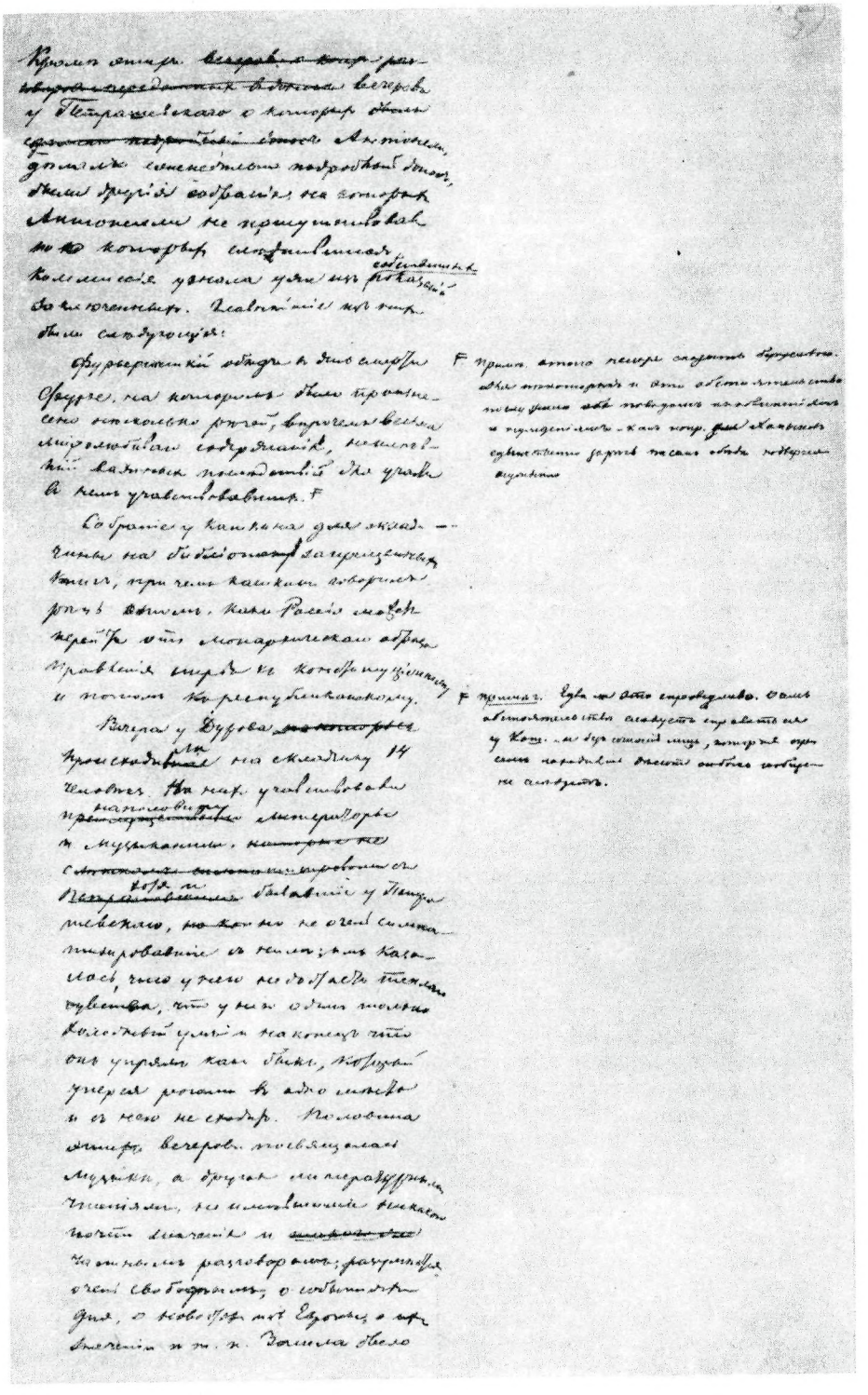
**** *Слова* когда ~ письмом *зачеркнуты Петрашевским и вместо них вставлено:* Спешенев написал письмо, в котором, оправдывая свое мнение и упорство в нем, изъяснил, что все другое, кроме крестьянского немедленного освобождения.

***** Погоня за местами (франц.).

****** *Слова* общество ~ попытке *изменены М. В. Буташевичем-Петрашевским на:* из разговоров о составлении тайного общества ничего не вышло. Все разговорившиеся об этом обязались никому не говорить.



ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ, 1860 г.
Автограф Ф. Н. Львова. Сверху помета неустановленной руки.
Лист 1
Из бумаг Герцена — Огарева, полученных АН СССР в дар от Болгарской Академии наук («Софийская коллекция»), Москва



ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ, 1860 г.

Лист с примечаниями рукой М. В. Буташевича-Петрашевского

Из бумаг Герцена — Огарева, полученных АН СССР в дар от Болгарской Академии наук («Софийская коллекция»), Москва

комиссия — это тайна; верно только, что ни Львов, ни Момбелли, ни Петрашевский этого не выдали. Спешнев же впоследствии вообще отказывался от всех разговоров, касающихся до дела *.

II

ЗАКУЛИСНЫЕ ПОВОДЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Всем известно, что арест Петрашевского и его знакомых последовал по доносу Ивана Липранди, без участия III Отделения и жандармов. Действительный статский советник Липранди служил в Министерстве внутренних дел и известен был своими преследованиями раскольников, составлявшими для него выгодную статью дохода. Это была для него золотая россыпь, из которой он хищнически добывал драгоценный металл. Жадный к деньгам, он не гнушался никаким делом и запутался наконец в деле наследников золотопромышленника Мясникова, так что, несмотря на поддержку министра внутренних дел Перовского, он мог рисковать идти на поселение. Надобно было оказать такую услугу Николаю Павловичу, которая бы навсегда упрочила его положение. Зная честолюбие Перовского, он внушал ему, что вся полиция как тайная, так и явная должна быть сосредоточена у него в руках, тем более, что III Отделение ничего не делает, что оно даже не следит за революционными собраниями, известными всему Петербургу, что он берется устроить дело таким образом, что государь увидит ревность Министерства внутренних дел к охранению государства от внутренних и опасных врагов и недеятельность жандармов. Конечно, Перовский согласился. Желая же угодить Орлову, он думал затянуть в общество Петрашевского золотопромышленников, дабы Орлов мог найти удобный предлог воспользоваться теми россыпями, которые останутся неразработанными по удалении их хозяев в крепости или в ссылку. Но, к сожалению, последний расчет ему не удался.

Понятно, почему Липранди избрал преимущественно Петрашевского предметом своей нежной заботливости: Петрашевский был лично ненавистен Николаю Павловичу и Перовскому **.

При самом начале французской революции в С.-Петербургской губернии были дворянские выборы. Под рукой дано было знать, что государю будет приятно, если дворяне поднесут ему адрес, в котором будет осуждаться движение Западной Европы, и ответом на этот адрес готовился знаменитый манифест «С нами бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами бог»[12]. Но Петрашевский, как член петербургского дворянства, начал доказывать всю неуместность осуждения политических дел; он говорил, что дворянское собрание не вправе рассуждать о том, что по закону принадлежит только Государственному совету, что петербургское дворянство, как бы вызывая на бой этим адресом всю Европу, не зная желаний других сословий государства, должно одно взять на себя тягость войны и что, наконец, самое выражение верноподданнических чувств дворянства, которые дворяне всосали вместе с молоком и которое перешло в их кровь, было, по его мнению, излишним; потому что можно бы подумать, что правительство сомневается в этом, или что верховная власть требует

---

* *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского на полях:* Так, Петрашевскому он объявил, что он ему ничего не скажет, ибо, пожалуй, это может Петрашевский огласить, вместе с тем давая ему понять, что форма подписки в вступление его в общество была им написана по требованию следователей и потом обращена в обвинительный акт против него и послужила ловушкою для других,— что такой же характер ловушки имел дневник его, написанный в СПб. крепости. Ибо ничего не значит форма, чужой ответ или показание ни для кого не обязательно, всякий может отпереться [11].

** *Последнюю фразу М. В. Буташевич-Петрашевский переделал так:* Петрашевский мог быть неприятен Николаю Павловичу и лично ненавистен Перовскому.

подкрепления и т. п., и в заключение он сказал: «A mon avis, ça ne sera pas une adresse, mais une véritable maladresse»*.

Результатом всего этого было то, что 142 голосами против 42 подписом своих имен отвергнуто было осуждение движения Западной Европы и положено было только выразить в адресе верноподданнические чувства государю. Следствием этого был отказ в принятии адреса, и Николай Павлович, призвав к себе некоторых из дворян, передал им, что он не сомневается в чувствах дворянства, и уверял их, что они могут быть покойны насчет крестьян, что он даже никогда не думал об их освобождении, а также, что журналистика русская более не будет затрогивать этого вопроса.

Петрашевский, верный своей идее, налитографировал также в восьми пунктах предложения дворянскому сословию — заняться обсуждением того, что касалось их нужд и потребностей. В числе их между прочим было: а) о дозволении купцам покупать заселенные имения под условием делать крестьян обязанными, б) изменение судоустройства и судопроизводства и в) надзор за административными властями,— и предлагал по обсуждении его предложений просить правительство об утверждении новых учреждений (земледельческих банков, приходских касс и т. п.) и реформ. Его не допустили прочесть пред собранием этих предложений, потому что он явился не в мундире **.

Перовский же сделался личным врагом Петрашевского по следующему обстоятельству. В преобразованной Петербургской городской думе Петрашевский предложил себя к выбору в секретари думы и налитографировал программу, из которой видно было, что полиция будет устранена от многих хозяйственных распоряжений по городу, а домохозяева получат определенные гарантии относительно неисправных жильцов и против притязания полиции. Министерство предложило своего кандидата и неправильными выборами доставило ему место секретаря. Петрашевский завел с министерством по этому случаю процесс в Сенате и уже в крепости получил отказ на свою просьбу.

Наконец, падение Петрашевского и его кружка, поклонников гнющего Запада, могло быть приятно ультраславянофильской московской партии и могло примирить их с правительством, что при тогдашнем положении дел было очень важно.

Таким образом все предвещало блестящий успех г. Липранди.

III

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ И УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ ЗАСТЕНОК

В ночь с 23-го на 24 апреля 1849 года все собиравшиеся у Петрашевского и даже многие носившие одинаковую фамилию с его знакомыми, были арестованы[14], исключая Львова, вместо которого взяли его однофамильца и однополчанина; забраны были все бумаги и все книги, и все это было свезено сначала в III Отделение, а потом в крепость. В городе распустили слух, что арестовали злоумышленников, собиравшихся в каких-то подземельях, что у них был умысел убить царя на разводе 23 апреля

---

* Непереводимая игра слов, основанная на созвучии слов «adresse» и «maladresse»; букв.: «По-моему, это будет не адрес, а поистине неловкий поступок» (франц.).

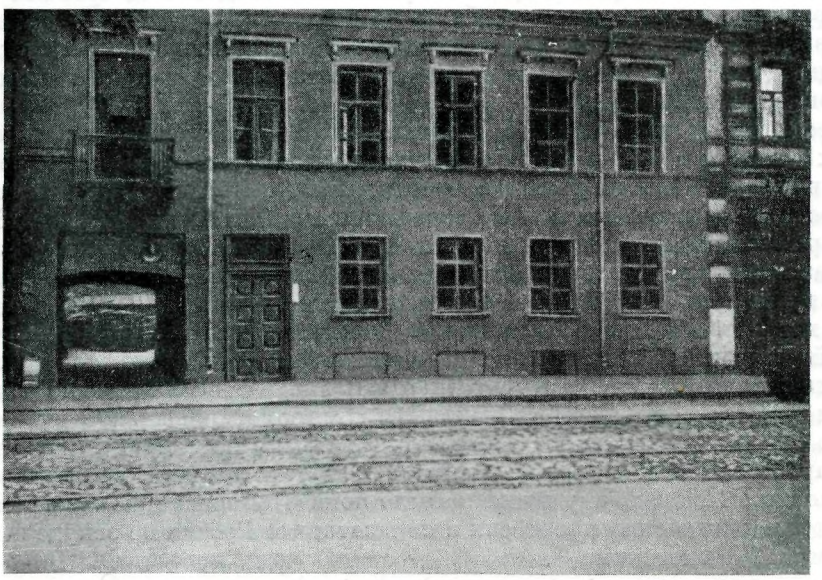
** *Рукою Петрашевского добавлено на полях:* Петрашевский по убеждению губернского предводителя дворянства Потемкина этих предложений не сделал, а вместо этого литографированную программу распространил в собрании, что было причиною того, что и некоторые другие из СПб. дворян тоже приготовленные у них проекты о вопросах, до крестьян относящихся, не предложили, ибо под рукой говорили, что если это сделается, то дворянское собрание для выборов закроется и все лица будут оставлены на прежних должностях или назначены от правительства.

Ответом на это и послужило забаллотирование адреса подпискою [13].

(отчего и парадный этот развод был отменен), а также, что это люди были безбожные, которые будто бы испражнялись на образа, и т. п. нелепости.

Следователями назначены были: Набоков, старый солдат, змей — князь Павел Павлович Гагарин, Иаков — энтузиаст Ростовцев, надутый барскою спесью князь Долгоруков (теперешний шеф жандармов) и известный Леонтий Васильевич Дубельт. Самым благонамеренным из этих членов был... Дубельт!

Сначала следователи всякого уверяли, что дело очень важно, что оно имеет характер государственного преступления, что открыт будто бы заговор, замысел бунта и т. п. и что только чистосердечное признание может спасти заключенного; вместе с тем они внушали, по крайней мере весьма



ДОМ № 14 НА УЛИЦЕ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА (РАНЕЕ КИРОЧНОЙ) В ЛЕНИНГРАДЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. А. СПЕШНЕВУ

Здесь в 1848—1849 гг. собирались петрашевцы

Фотография 1955 г.

многим, менее компрометированным доносом Антонелли, что их еще завлекали, что не открывали настоящих намерений, и требовали в доказательство их невинности подробного рассказа о всем виденном и слышанном на вечерах Петрашевского и других знакомых. Часто очень они льстили уму молодых людей, удивлялись, как они могли связаться avec cette canaille-là *, и т. п. Одним из обыкновенных приемов их политики было то, что один член начинал нападать, угрожать даже, а другой отстаивать и как бы ссориться со своим сочленом, для того чтобы приобрести расположение к себе подсудимого, и если этот маневр удавался, то в келейной беседе друг-следователь старался выудить из неопытного юноши все, что было нужно. Вслед за этим стали появляться угрозы более сильные. «Что с ним церемониться,— говорил Гагарин про Спешнева,— надобно его под палки поставить!» Но Ростовцев закричал, что он этого не позволит, потому что Спешнев все-таки еще дворянин, хотя и преступный. «Мы вас штыком приткнем к стене, если вы не будете отвечать»,— говорил Гагарин Петрашевскому, когда он отказался отвечать на какой-то

* с этой сволочью (франц.).

вопрос, не относящийся к делу. «Что ж, вы думаете, что получите ответ? — возразил спокойно Петрашевский,— немножко крови и больше ничего».

Неудивительно, что через шесть или семь недель Комиссия знала все, что только можно было знать о содержавшихся в крепости, и даже больше. Всякий менее компрометированный рассказал все, что только слышал, желая тем показать, что он не участвовал ни в каком заговоре и что даже разговоры, им слышанные, не могли заставить его думать о существовании какого-либо серьезного замысла. С другой стороны, строгое одиночное заключение заставляло разыгрываться фантазию молодых людей, по большей части владеющих хорошо пером, и они давали простор своей сочинительской привычке, описывая свои чувствования, свои впечатления и вдаваясь в анализ своих и чужих стремлений. Они не подозревали того, что просто выдумывали и на себя, и на других, что то, что им казалось действительностью, было следствием их расстроенного воображения и болезненного чувства одиночества, развившихся в мрачном каземате Петропавловской крепости.

Несмотря на все старания Следственной комиссии, она не нашла никаких фактов, которые бы обнаруживали преступление против первых двух пунктов[15]; справедливость требовала бы освобождения из тяжкого крепостного заключения почти полсотни молодых людей, и все, что самая подозрительная политика могла бы сделать для своей безопасности,— это разослать эту молодежь на жительство по разным уголкам империи и представить пред публикою все их совещания в смешном виде. Но не того хотелось Николаю Павловичу. Он желал показать пример неумолимой строгости против всякого дерзнувшего подумать, что его правление не есть идеал совершенства. Хитрый князь Гагарин очень хорошо понимал это, и к тому же ему казалось неловким компрометировать правительство, будто оно без достаточного основания решилось на такую крутую меру, как арестование нескольких десятков молодых людей и заключение их в крепость; наконец, ему надобно было показать свои гениальные способности в политических процессах и показать, что Россия не оскудела Ушаковыми и Шешковскими [16].

Следствие превратилось в procès de tendences, в процесс о стремлениях[17]. Задачею Гагарина стало отыскать не факты, а принципы заключенных и вывести из них, какой бы вред эти молодые люди впоследствии сделали бы государству по примеру Франции и Германии. Показания заключенных, разбор их бумаг особою Комиссиею, в которой заседал Липранди, давали уже достаточно к тому материалов, но Гагарину казалось этого мало: он потребовал от многих profession de foi* о разных политических и социальных вопросах в виде мнений и употребил самую ужасную пытку.

Тут пошли вопросы о том, что вы думаете о коммунизме? о фурьеризме? Что, по вашему мнению, выше — человечество, государство или семейство? и т. п. Чтобы показать, какие выводы он умел делать из этих показаний, достаточно рассказать, что на последний вопрос Львов отвечал, что понятие о человечестве, как общее, выше понятия частного: о государстве и семействе. «Следовательно,— прибавил Гагарин,— если бы интересы человечества не сходились с интересами государства и семейства, вы бы ими пожертвовали для воображаемого вами блага человечества — я этого и ожидал. Это совершенно согласно с мнением вашего учителя»[18]. Петрашевскому даже предложен был вопрос: как он желает, чтобы над ним произведено было следствие? На это он отвечал: есть два способа производить следствие: первый, существующий в наших законах, который охарактеризован словами великой Екатерины: «Лучше простить десять

* исповедание веры (франц.).

виновных, нежели наказать одного невинного». Другой — придуманный кардиналом Ришелье, который говорил: «Дайте мне десять слов, написанных рукою подсудимого, я его обвиню в преступлении, заслуживающем смертную казнь». Разумеется, я желаю первого рода следствия, но по всему вижу, что оно будет второго рода, потому что Дубельт в обвинение мое смел сказать: «Мы знаем, что у вас сожжены некоторые бумаги, и я даже видел пепел». Если бы кардинал Ришелье встал из гроба, то он на коленях бы признал себя школьником перед Леонтием Васильевичем, потому что тот основывал свое обвинение все-таки на каком-нибудь факте, а Л. В. основывает его на кучке пепла, случайно оставшегося от раскуривания трубки[19].

Для чего же понадобилась пытка, когда все откровенно излагали свои мнения, а на них только и основывалось осуждение? А вот для чего: у Спешнева нашли в доме типографский станок[20] и оторванный листок бумаги, на котором было что-то вроде проекта подписки какому-то русскому тайному обществу. У Григорьева найдена была в палке шпага с какою-то масонскою надписью, у Григорьева, который недавно приехал в Петербург, успел познакомиться с либералами и социалистами и выдвинулся вперед со своею возмутительною сказкою. Для Комиссии ясно было, что существует русское тайное общество, что, вероятно, оно не одно и что Григорьев — агент которого-нибудь из них, посланный в Петербург, чтобы разведать, что там делается; тем более, что у него нашли тетрадь, в которой были физиологические очерки встречавшихся ему людей в разных уголках России и, вероятно, отличавшихся какими-нибудь особенностями. Это почтено было за список, и вот собрали этих бедных людей и убедились, что между ними не было никакой связи, а в голове у них ни одной политической идеи[21]. «А сказка? Непременно написана она для возбуждения гвардии к мятежу», — думала Следственная комиссия и принялась за дело.

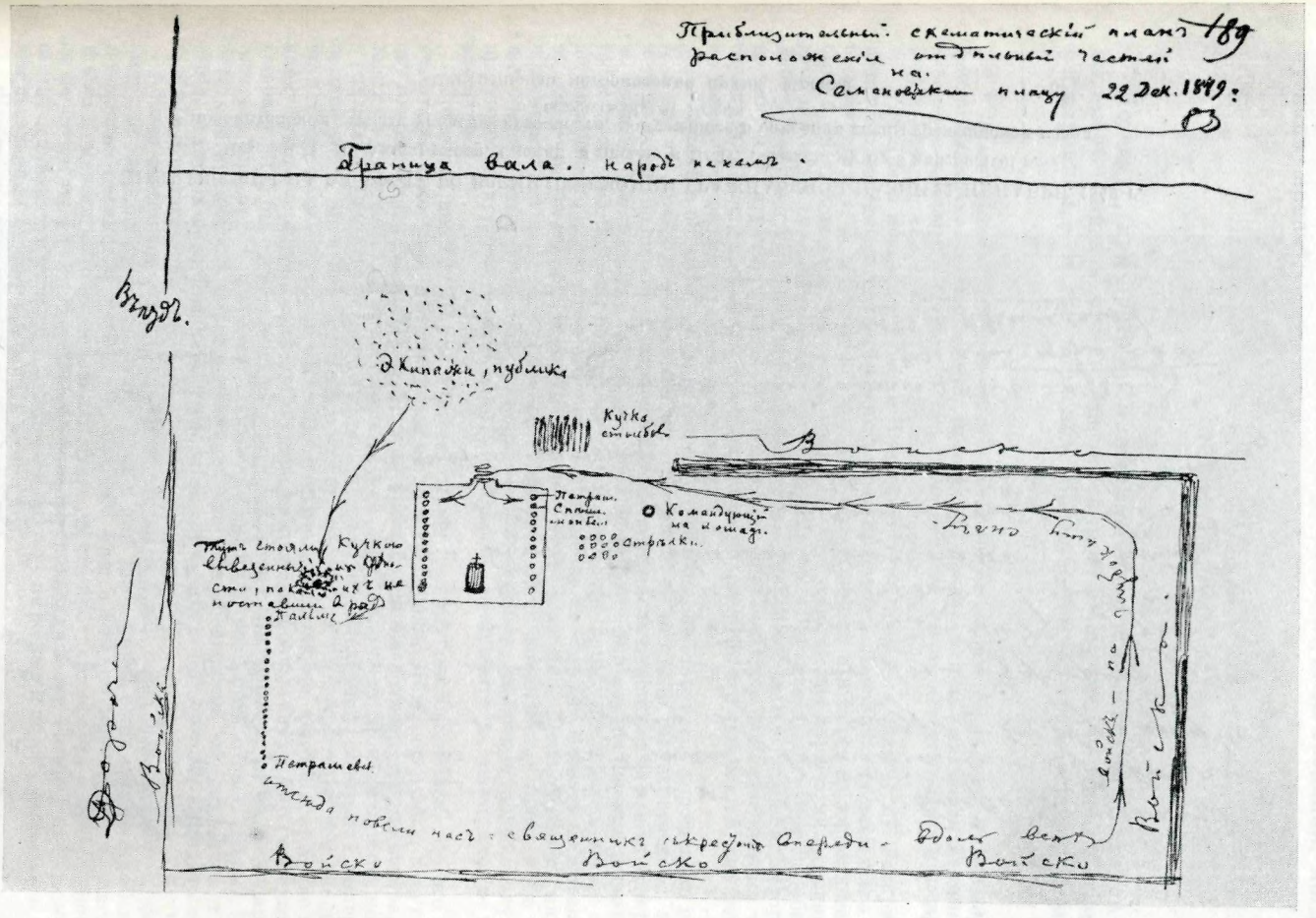
Спешнева морили три дня голодом; надобно полагать, что он сдался и сделал те открытия, какие только мог. Его показания, написанные в виде журнала, послужили для Комиссии драгоценным материалом; в них почти ничего не было забыто, даже ничтожная басня «Запасные магазины», сочиненная на министра государственных имуществ и кем-то рассказанная[22]. Надобно, однако, отдать справедливость Спешневу: тон его показаний был тон насмешки — презрения ко всем почти участвовавшим в этом деле. Он хотел показать, что серьезного дела нельзя было и замышлять с такими ничтожными людьми и что он один только между ними имел преступные намерения, а отвернулся от этой молодежи потому, что не находил в них опоры. Он предполагал, может быть, что спасет этим других и один сделается интересною жертвою. Но Комиссия извлекла из его показаний все разговоры, которые клонились к осуждению правительственных лиц и распоряжений, и возвела их в преступления. Усиливая тон насмешки или презрения, господствовавший в показаниях Спешнева, она раздражала допрашиваемых против него самого или против других, кому она влагала в уста этот тон. Форма журнала способствовала уличать запиравшегося в словах, им произнесенных, потому что небольшие выдержки из него, показываемые или читаемые, наводили на мысль, что этот журнал был захвачен у кого-то вместе с бумагами и что, следовательно, он был написан до начала следствия. И в наказание Спешневу Комиссия помиловала его: вместо бессрочной он был осужден на десять лет каторжной работы и заклеймен в приговоре особенным уважением ее к искреннему его раскаянию и важным открытиям, им сделанным.

Но эта пытка была слишком проста, она могла открыть только факты, а не сокровенные мысли: прибегли к систематической отраве наркотическими средствами, преимущественно белладонной. Жертвами были

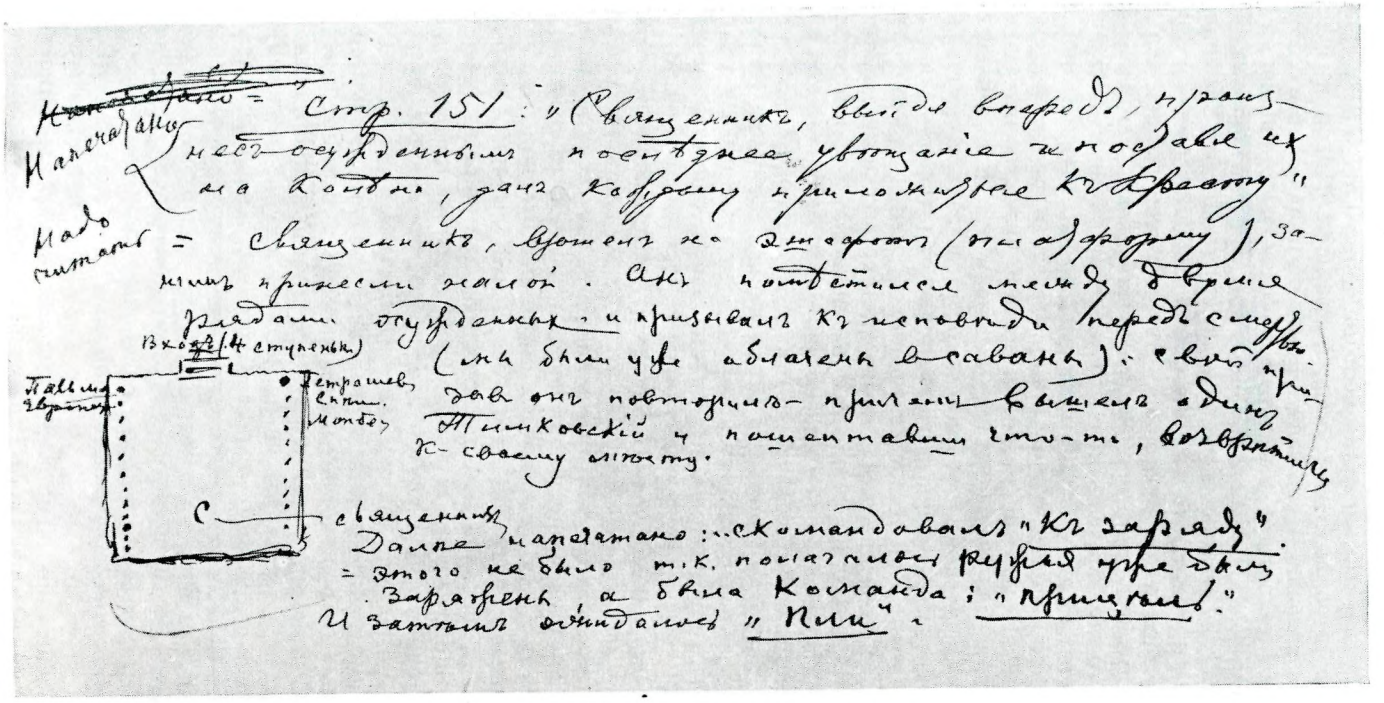
преимущественно Петрашевский и Григорьев, вероятно Катенев и отчасти Момбелли.

Вот в какое положение приводили несчастных страдальцев. Расширение зрачка, видение мух или искры перед глазами, приливы крови к голове, запор на низ, жиление, которое оканчивалось у некоторых выпадением заднепроходной кишки и разрывом промежности; страшное раздражение слуха и осязания до такой степени, что кажется вся кожа слышала, а малейший стук казался пушечным выстрелом. Упадок воли, чрезвычайное развитие фантазии и воображения. Неудержимая наклонность к нелепым действиям (напр. улететь в форточку). Галлюцинации, бешенство и продолжительные обмороки. И в это-то время за стенами начинались разговоры, казалось, что невидимые духи окружают несчастного и терзают его, казалось, что летающие призраки, мухи говорят и неотвязно жужжат около него иногда одно нелепое или бранное какое-нибудь слово. В другое время слышался рассказ, что будто в Петербурге произошла революция и все товарищи во главе временного правительства, а пытаемого оставили будто в крепости, потому что не хотят с ним разделить власти; или что крепость еще держится и пробрались только смельчаки, которые требуют приказания, что делать с императором. Если ты боишься сказать, то плюнь, когда пробьют часы,—это будет значить, что его надобно убить. Но более всех досталось Григорьеву. Не зная с какой стороны его взять, они окружали его то мнимыми франкмасонами, то иллюминатами, то староверами или раскольниками, то иезуитами-поляками и даже евреями, и все они обещали его освободить, если он скажет, что он их. Староверы обещали его увезти, когда приедут чистить отхожие места, франкмасоны уверяли, что стоит им ударить молотками и Николашка все сделает, и т. п. нелепости, которые только выводили из терпения несчастного. В исступлении он вскрикивал: «Что вам, черти проклятые, от меня надобно?» — и получал в ответ: «Нет, Кокоша (Григорьева зовут Николай Петрович), скажи, что тебе было надобно?» и ответ сопровождался сатанинским хохотом. Не имея почти никаких сведений в естественных науках, почти не знакомый ни с целями, ни с средствами тайных и мистических обществ и перед крепостным заключением страдавший печенью, он окончательно погиб и помешался на сверхъестественном влиянии тайных обществ. Жизнь его с этих пор стала постоянным сном, ум его работает только над воспроизведением образов; для него не существует ни места, ни времени. Его рассказ, когда он говорил еще много, переносился из Испании в Палестину, оттуда в Шотландию, в Крым, в Запорожскую Сечь, в Россию и сводил вместе личности разных надий и племен: князей Телятевских с какими-то шотландскими баронами, с Гиреями, с Нарышкиными, с Робеспьером и, наконец, с совершенно не существовавшими никогда Малиновыми Крулями, каким-то Петром Ивановичем и какою-то бабушкой, которая из дыры дует в медные трубы и заставляет его страдать. Все они резались, умирали, воскресали при содействии иезуитов, франкмасонов, тамплиеров и т. п. В первое время в ссылке ему помогали еще слабительные и на него находили светлые минуты, но сильное подозрение, которое он имел ко всему, что ему давали, воображая, что это яд, заставило его наконец с упорством и даже бешенством от всего отказываться, и он погрузился, если еще живет, в непробудный умственный сон[23].

Петрашевский был крепче его и выдержал: он не верит ни во что сверхъестественное и понимал свое положение. Раз в крепости, сидя в ванне и только пришедши в чувство, он говорил рыжему доктору по-латыни: «Ты видишь, что я умучен, возврати мне своею наукою здоровье и рассудок, он мне теперь всего нужнее». Но доктор, приложив руку к его голове, отвечал как будто кому другому: «У него голова еще не очень горяча».



НА СЕМЕНОВСКОМ ПЛАЦУ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ КАЗНИ ПЕТРАШЕВЦЕВ 22 ДЕКАБРЯ 1849 г.
Чертеж Д. Д. Ахшарумова. Сделан в письме к В. И. Семевскому от 5 апреля 1901 г.
Центральный исторический архив, Москва



ПЕТРАШЕВЦЫ НА ЭШАФОТЕ ВО ВРЕМЯ ЦЕРЕМОНИИ ГРАЖДАНСКОЙ КАЗНИ 22 ДЕКАБРЯ 1849 г.

Чертеж Д. Д. Ахшарумова. Сделан в письме к В. И. Семевскому от 5 апреля 1901 г.

В пояснительном тексте указаны неточности, допущенные в описании сцены гражданской казни в записках М. А. Корфа

Центральный исторический архив, Москва

В бешенстве Петрашевский выломал дверь, несколько времени был в сумасшедшей рубашке привязан к постели и вероятно несколько дней был в совершенном беспамятстве, потому что он не имел сознания, когда ему пускали кровь*

⟨IV⟩

⟨ОБРЯД КАЗНИ⟩

⟨. . . . . .⟩**

Но вдруг, как будто опомнясь, прибавил полицейским тоном: «А разве вы имеете сказать что-нибудь особенное?». «Ничего!— отвечал Момбелли с презрением,— я так спросил». Вслед за тем Петрашевского, Момбелли

---

* *Далее в рукописи отсутствует два двойных листа, т. е. 8 страниц. Нижеследующий текст, частично восполняющий пропуск в рукописи, был напечатан Герценом под названием «Львов и Гагарин (Отрывок из записки о деле петрашевцев)» и воспроизводится здесь по «Колоколу» (л. 140, от 1 августа 1862 г.)*:

Раз Львов потребован был в Комиссию; в комнате был один П. П. Гагарин (нынешний председатель совета). Он начал расспрашивать Львова с участием о его летах, о семействе и т. п. и потом сказал: «Вы штаб-офицер, и в таких молодых летах (ему было 25 лет) потерять все — это ужасно».— «Я совершенно верю в милосердие государя и в вашу справедливость»,— отвечал Львов. «Да милость государя надобно чем-нибудь заслужить»,— тут доблестный князь указал на статью законов, которая доносчику дает эту милость. Львов был очень удивлен этим оборотом, потому что его спрашивали почти последним и все было уже открыто до его показаний; ему непонятно было, как он может быть доносчиком.

«Слушайте внимательно и не перебивайте меня, но старайтесь хорошенько понять. Все, что вы до сих пор показывали,— пустяки; но это дело государственное, тут никого не нужно щадить. Вы человек умный, вы не могли надеяться на ваших товарищей: вы должны были искать опоры для себя посильнее для осуществления ваших идей. Скажите же, на кого вы надеялись? Не бойтесь, это вам будет очень полезно: как бы ни было высоко поставлено это лицо,— я конечно не могу его назвать по имени,— но вы назовите, повторяю, как бы высоко, выше всех нас, исключительно ни было поставлено это лицо, назовите его! Конечно, оно с вами может быть и не имело непосредственных сношений, но тут все важно: улыбка, одобрение, слово, полуслово, предупреждение, все важно! Вот вам бумага, подумайте и напишите в вашем каземате».

Грустный пришел Львов в казематы, он был глубоко оскорблен, что его могли считать за доносчика. Но что такое от него требовали? Долго он думал, вдруг стало ему все понятно: года за два перед этим у Момбелли были литературные вечера, в которых он участвовал. Из арестованных их только было двое, Момбелли и он, которые о них знали. Вечера эти прекратились потому, что наследник, нынешний император, бывший тогда дивизионным начальником, просил их прекратить на том основании, что в городе носились слухи о их чрезвычайном либерализме, и хотя он этому не верит, но ему будет неприятно, если до государя дойдут эти ложные слухи. Вот чего хотелось Гагарину. Что́ бы последовало за этим открытием? Повторилось ли бы дело царевича Алексея, или просто это было лакейское желание поссорить отца с сыном? Может быть, олигархическая партия действительно уже предвидела, что сын отнимет у нее рабов, и хотела воспользоваться удобным случаем для того, чтобы заставить его отказаться от престола.

Львов сейчас сел и написал: «Все, что до сих пор мною было показано, сделано было для скорейшего разъяснения дела и для того, чтобы были скорее освобождены совершенно невинные, томящиеся, подобно мне, в тяжком крепостном заключении. И если Комиссия из моих показаний открыла что-нибудь новое, то я покорнейше прошу не прилагать ко мне статьи свода законов, показанные кн. Гагариным, потому что, на этом основании, я милости государя императора не желаю и не заслуживаю и к прежним показаниям ничего прибавить не могу».

«Что вы тут написали? Я вас не о том спрашивал, вы меня не поняли — не хотели понять! И к чему это неуместное самолюбие: милость государя всегда прекрасна. Последнее выражение вам много повредит» — прибавил Гагарин. Потом он как будто расчувствовался, хотел дать переписать эту бумагу, в которой можно было бы выключить последние слова, но вдруг был остановлен каким-то вошедшим чиновником в мундире военного министерства, который занимал иногда место стенографа при допросах; он посоветовал это сделать в другой раз; тем дело и кончилось.

** Начало главы IV в рукописи отсутствует.— *Ред.*

и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза. «Момбелли, подымите ноги выше,— сказал Петрашевский,— а то с насморком придете в царство небесное». Между тем на эшафоте все стояли очень прилично, у большей части была на лицах неизъяснимо спокойная улыбка, только один Тимковский пошел к священнику исповедоваться. Достоевский был несколько восторжен, вспоминал «Последний день осужденного на смерть» Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: «Nous serons avec le Christ». «Un peu de poussière» *,— отвечал тот с усмешкою. Чрез пять минут отвязали жертвы от столбов и привели обратно на эшафот. Объявили, что император дарует преступникам жизнь и заменяет казнь другими наказаниями. «Кто просил?»— заметил раздражительный Дуров. Но в то же время на правой стороне раздался один голос: «Да здравствует император Николай!»[24]. Отзыва не было,— и как бы в извинение тот же голос продолжал: «Для меня великодушие заразительно».

Все, как известно, были приговорены к смертной казни за более или менее преступные намерения, клонившиеся к изменению общественного быта в России,— и вдруг какая разница. Петрашевского ссылают без срока на каторгу в рудники, а Пальма переводят тем же чином в армию!

Тут же на эшафоте Петрашевского заковали в кандалы, он протестовал (дворяне свободны от телесных наказаний, в списке которые первыми помещены оковы), но его не слушали**. Подана была повозка с жандармом и другая с фельдъегерским офицером. «Что прикажете сказать вашей матушке?» — спросил у Петрашевского жандармский штаб-офицер.— «Скажите, что я поехал путешествовать в Сибирь на казенный счет».— И затем, опершись одною рукою, несмотря на восьмифунтовые (по закону должны быть четырехсполовинойфунтовые) кандалы, перепрыгнул через сани и сел уже в них с другой стороны. «Вишь, каналья, скачет!»—заметил жандармский штаб-офицер, официальный душеприказчик Петрашевского. Но колокольчик зазвенел, и помчалась первая тройка в Сибирь, пролагая путь другим. Она долетела в десятый день до Тобольска.

Остальные тем же порядком были отвезены в крепость. Им позволили целый час видеться с родными, потом с 23-го на 24 декабря по ночам стали отправлять остальных по четыре и по трое, также скованных в тяжелых кандалах. «Ma tête a fait tort à mes pieds» ***,— заметил кто-то из них.

Всем известны последствия этого дела. Цензура сделалась невыносимо строга, философия и (о, верх безумия!) политическая экономия, верная поддержка statu quo, были изгнаны из всех учебных заведений. В университетах ограничили число студентов и затруднили доступ в них податным сословиям. Все, что было мыслящего, заключилось в раковину. Казалось, это была последняя вспышка либерализма в России!.. Могущественный властелин ее торжествовал победу и над внешними, и над внутренними крамольниками. Но не прошло десяти лет, как все призраки могущества ее властелина исчезли. Тяжелый сон рабов прерван. Новый властелин видит, что без разумной свободы, без науки — нет силы в государстве, и вся Россия занимается теми вопросами, за которые пострадали десять лет тому назад так называемые злоумышленники. Двое из них (Петрашевский и Львов) и теперь страдают еще в Сибири от представителя самовластия и произвола, великого либерала, графа Муравьева-Амурского[25].

---

* «Мы будем вместе с Христом».— «Горстью праха» (франц.).

** *Рукою М. В. Буташевича-Петрашевского добавлено*: Петрашевский на эшафоте объявил, что он подвергался пытке и будет требовать пересмотра дела и что приговор юридически недействителен.

*** Моя голова повредила ногам (франц.).

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ РУКОПИСИ

Страница 171

Строка 4. После: Новые стремления — *было*: к изменению общественного и экономического быта
Строка 14. Перед: последователей — *было*: социалистических
Строка 15. После: молодых людей — *было*: у которых чувства еще не зачерствели
Строка 18. После: вечернею — *было*: перед лицом России
Строка 50. После: бесед — *было*: которым началось осуществление сделанного

Страница 172

Строка 14. Перед: В ноябре — *было*: Львов читал две статьи: «О специальном и энциклопедическом образовании» и «О связи между наукой и промышленностью». О других рассуждениях, как не заслуживших особенного внимания Следственной комиссии, мы умалчиваем.

Страница 174

Строка 13. После: Антонелли — *было*: человека очень недальнего ума
Строка 15. После: либерала—*было*: этим только можно и объяснить неосторожность Толля. Странно, что Толль не обратил внимания, что с Антонелли он познакомился у Петрашевского, но

Страница 178

Строка 30. После: религию — *было*: Последний вечер (на котором, как и на предыдущих, съедено было много перепелечьего сыру)
Строка 31. После: Спешнев — *было*: окончательно разрушил весь этот неудачный зародыш общества

Страница 182

Строка 50. После: учителя — *было*: Фурье

Страница 184

Строка 2. После: Момбелли — *было*: и Львов. Последнего, кажется, спасло его знание химии и осторожность в пище.
Строка 53. После: говорил — *было*: доктору (если не ошибаемся, молодому Окелю)

Страница 188

Строка 35. После: из них — *было*: История ссылки некоторых из них будет рассказана в другой раз

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Последовательность бесед в кружке Петрашевского здесь излагается неверно: беседы Н. Я. Данилевского о фурьеризме происходили весной 1848 г., а беседы И. Л. Ястржембского о политической экономии — зимой 1848—1849 гг. Львов опустил весь предшествовавший период истории кружка, существовавшего с 1845 г.

[2] Львов показал на следствии, что речь К. И. Тимковского — «самая замечательная изо всего, что было говорено, кроме уже спрошенного» («Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1937, стр. 409).

[3] Обед в память дня рождения Фурье был устроен 7 апреля 1849 г. на квартире А. И. Европеуса членами кружка Н. С. Кашкина, с участием Петрашевского.

[4] Львову и Петрашевскому о собраниях у Кашкина было известно только понаслышке. О складчине на библиотеку Петрашевский знал, так как его просили выписать книги. Известная по следственному делу речь Кашкина имела не политический, а философский характер. Возможно, что здесь отражены сведения о политических высказываниях Д. Д. Ахшарумова в его «Автобиографической записке».

[5] Львов был активным посетителем собраний у С. Ф. Дурова. Он прекрасно знал о переходе участников собраний к планам политической агитации, что было достаточно выяснено и следствием. Сам Львов, по поручению товарищей, определял вопрос о том, во сколько обойдется заведение домашней литографии. Намерение завести литографию приписывалось не одному Ф. М. Достоевскому, но и Дурову.

[6] «Незабвенный» — саркастическое прозвище Николая I.

[7] Сведения о том, что Н. А. Спешнев обещал Н. П. Григорьеву «взять на себя» авторство «Солдатской беседы», исходили, повидимому, от Н. А. Момбелли, которому Спешнев после ареста, в III Отделении, сказал, что эта рукопись у него и «что он доносчиком не будет». Момбелли передал это Григорьеву, с которым вместе был отвезен в крепость («Дело петрашевцев», т. I, стр. 359—360).

[8] Сам Львов не участвовал в разговоре о перспективах «бунта». Изложение разговора сделано им неправильно: опущено обсуждение стратегического плана восстания и вовлечения в него крестьянских районов России. Р. А. Черносвитов не был агентом, но подобное предположение о нем высказывалось некоторыми петрашевцами.

[9] Имеется в виду фабула романа Е. Сю «Вечный жид».

[10] Даниэль *О'Коннель* (1775—1847) — чрезвычайно популярный в сороковых годах парламентский деятель, борец за независимость Ирландии.

[11] Авторы «Записки» неправильно поняли, будто подписка для членов тайного общества была составлена Спешневым во время следствия. Проект подписки, найденный в бумагах Спешнева, служил одним из самых тяжелых пунктов его обвинения. Спешнев доказывал на следствии, что этот проект был им написан в 1845 г. и не имел никакого реального значения. Он рассказал о безрезультатных совещаниях группы петрашевцев по поводу тайного общества с целью убедить следователей, подозревавших его в участии в тайном обществе, что такое общество не существовало. Мнение же авторов «Записки», что Спешнев написал свои показания в форме дневника, объясняется, вероятно, подробностью и литературной формой показаний Спешнева (см. отрывок из его показаний в «Деле петрашевцев», т. III. М.— Л., 1951, стр. 457—462).

[12] Имеется в виду манифест Николая I от 14 марта 1848 г., по поводу революционных событий в Западной Европе.

[13] Приводимые Львовым и Петрашевским сведения о прямом несогласии дворян подать царю адрес, одобряющий его контрреволюционную внешнюю политику, значительно дополняют скудные данные, имеющиеся об этом в литературе (см. «Материалы для истории упразднения крепостного состояния», т. I. Берлин, 1860, стр. 76—77; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. II. СПб., 1888, стр. 189).

[14] В действительности арест петрашевцев состоялся в ночь с 22-го на 23 апреля.

[15] Под преступлениями «против первых двух пунктов» Уголовного уложения подразумевались: 1) злоумышление против императора и членов императорского дома и поношение их «злыми и вредительными словами», 2) бунт или измена против государя и государства.

[16] А. И. *Ушаков* — начальник тайной розыскной канцелярии при Анне и Елизавете. С. И. *Шешковский* — начальник тайной экспедиции при Екатерине.

[17] Этим термином характеризовал процесс сам Петрашевский в показании 28 мая 1849 г. (см. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 51).

[18] Разговор Львова с Гагариным о человечестве и государстве пространно изложен в анонимной статье «Vorläufer des russischen Nihilismus» («Предшественники русского нигилизма») в журнале «Deutsche Rundschau». Bd. XXV, 1880, стр. 127—128, в примечании к имени Гагарина.

[19] Рассуждение о двух методах следствия и сопоставление кардинала Ришелье с членом Следственной комиссии, управляющим III Отделением, Л. В. Дубельтом, находим в первом показании Петрашевского (между 19 и 26 мая 1849 г.—См. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 12—13).

[20] Оборудование для типографского станка, собранное в квартире Спешнева, не было обнаружено во время следствия.

[21] Эти сведения о найденных у Н. П. Григорьева вещах и документах не подтверждаются следственным делом. Григорьев показал, что «изучал людей» («Дело петрашевцев», т. III, стр. 250), но его бумаги не привлекли внимания Следственной комиссии (кроме «Солдатской беседы», найденной у Спешнева). Сведения о допросе людей по его тетради, возможно, отражают факт допроса многих знакомых П. Г. Шапошникова, который проходил в процессе под именем Петра Григорьева.

[22] Показание Спешнева о том, что Львов читал басню о запасных магазинах, см. в «Деле петрашевцев», т. III, стр. 458. Спрошенный об этом Львов привел басню в своих показаниях (там же, т. I, стр. 412—413). Как произведение бесцензурной рукописной литературы басня была перепечатана в сборнике «Потаенная русская литература», изданном Огаревым (Лондон, 1861, стр. 288—289).

[23] Н. П. Григорьев, выпущенный, по манифесту 26 августа 1856 г., на поселение, как и другие петрашевцы, был отдан родным вследствие «меланхолического помешательства» и в феврале 1857 г. привезен в Нижний-Новгород. Умер он в 1886 г. Дуров, у которого Григорьев жил в Омске *после отбытия каторги*, рассказывал Г. Н. Потанину о сумасшествии Григорьева. Выведенный на расстрел, он увидел солдат своей роты под командованием своего любимого фельдфебеля. «Он был помешан на мысли о мести Николаю» (В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. М.— Л., 1947, стр. 39).

[24] Вероятно, это был возглас А. И. Пальма (см. «Из записок М. А. Корфа».— «Русская старина», 1900, № 5, стр. 280).

[25] В декабре 1862 г. Львов получил разрешение возвратиться в Европейскую Россию и в 1863 г. оставил Сибирь. Петрашевского же сибирские власти «смиряли» административными высылками и даже тюрьмой вплоть до его смерти (в селе Бельском Енисейского округа) 7 декабря 1866 г.

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПАМФЛЕТ НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА II

Публикация С. С. Дмитриева

В трудных для России обстоятельствах вступил на престол 18 февраля 1855 г. царь Александр II. Шла Крымская война. Уже около полугода славные защитники Севастополя оборонялись от превосходящих вражеских сил. Военные испытания вскрыли бессилие крепостнической России, ее экономическую, политическую, военную отсталость. Парижский мир завершил в марте 1856 г. проигранную самодержавием Крымскую войну. Только после этих событий на очередь встал вопрос о традиционной коронации нового царя.

Коронование Александра II происходило 26 августа 1856 г. в Успенском соборе Московского кремля. Царский двор провел в Москве более месяца (с 15 августа по 23 сентября). Все это время непрерывным потоком следовали официальные приемы и выходы, пышные балы, торжественные богослужения, парадные обеды и спектакли, помпезные публичные заседания, народные гулянья, иллюминации и фейерверки. Приложены были большие усилия, истрачены огромные деньги, чтобы поразить великолепием и богатством, заставить забыть о только что проигранной войне, постараться восстановить потускневший международный престиж самодержавия.

Подобная трата колоссальных средств в то время, когда русский народ находился в страшной нищете, еще более обостренной последствиями неудачной войны, вызывала резкое недовольство в демократических кругах как внутри страны, так и за границей.

Огарев написал по поводу коронации большую статью — «Разбор манифеста 26 августа 1856 года», напечатанную в «Полярной звезде на 1857 год». В той же книжке «Полярной звезды» он поместил другую статью — «Движение русского законодательства в 1856 году», где, между прочим, писал: «Грустно поражает нас и огромность расходов при коронации в то время, когда финансы государства совсем не в блестящем положении. Насколько удивили эти расходы Европу, это еще очень сомнительно. Да и нужно ли было удивлять Европу за счет карманов русского народа?».

Среди бумаг «софийской коллекции» сохранилась рукописная копия стихотворения, озаглавленного «На празднества, бывшие в Москве по случаю коронации императора Александра II в августе и сентябре 1856 года».

Стихотворение это, любопытный памятник русской потаенной обличительной литературы, не вошло ни в составленный Огаревым сборник «Русская потаенная литература XIX века» (Лондон, 1861), ни в многократно переиздававшийся сборник «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений, изд. Э. Л. Каспрович».

Список стихотворения, сохранившийся в «софийской коллекции», был известен Герцену. Об этом свидетельствует сделанная им на первой странице надпись: «Начало очень хорошо».

Понравившееся Герцену начало стихотворения представляет собой резкую характеристику «презренного повелителя» Франции, «венчанного вора» — Наполеона III, желающего скрыть «под бархатом порфир» свои темные дела.

Обращаясь далее к Александру II, автор стихотворения упрекает его за бессмысленное подражание французскому императору, описывает тяжелое положение русского народа, клеймит придворную чернь и хищное чиновничество и призывает царя уничтожить крепостное право. Эта часть стихотворения, в которой Александр II характеризуется как «законный царь покорного народа», а русский народ изображается верным законному царю и почитающим его за бога, повидимому, не встретила сочувствия со стороны Герцена и Огарева, и этим, вероятно, объясняется то, что стихотворение не появилось ни в одном из изданий Вольной русской типографии.

В том же 1856 г., в четвертой книжке «Голосов из России», было опубликовано «Письмо к издателю» П. Л. Лаврова, в котором, как он сам признавался впоследствии, «выражалось еще слишком много надежд на начавшееся царствование Александра II»

(П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. I. М,. 1934, стр. 78). Автор касался в этом письме вопроса о подпольной политической поэзии в России. К письму было приложено пять политических стихотворений самого Лаврова (там же, стр. 20). Три из них были тогда же напечатаны Герценом (разумеется, без указания имени автора). Это были стихотворения «Пророчество», «Русскому народу» и «Французам». Остальные два стихотворения Лаврова, посланные им Герцену, в печати не появились.

Сопоставление стихотворения «На празднества...» с перечисленными выше стихотворениями Лаврова, в особенности со стихотворением «Русскому народу», дает основание предполагать, что все они принадлежат одному автору. Во всех четырех стихотворениях развертывается одна и та же социально-политическая программа. Сходно в них и отношение к личности Наполеона III. Многие образы, речевые обороты и даже целые стихи в напечатанных стихотворениях Лаврова совпадают и иногда даже текстуально повторяются в стихотворении «На празднества...» *.

По всей вероятности, перед нами копия одного из тех пяти стихотворений, которые в 1856 г. Лавров отправил Герцену **.

Стихотворение печатается по рукописи «софийской коллекции».

НА ПРАЗДНЕСТВА, БЫВШИЕ В МОСКВЕ ПО СЛУЧАЮ КОРОНАЦИИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II В АВГУСТЕ И СЕНТЯБРЕ 1856 ГОДА ***

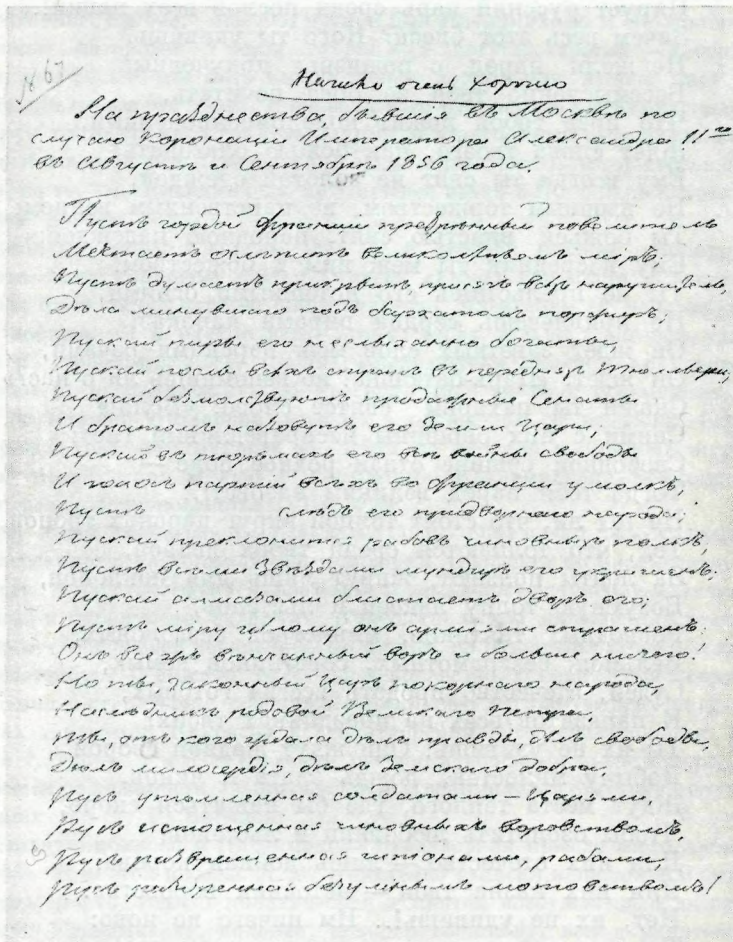
Пусть гордой Франции презренный повелитель
Мечтает ослепить великолепьем мир;
Пусть думает прикрыть, присяг всех нарушитель,
Дела минувшего под бархатом порфир;
Пускай пиры его неслыханно богаты,
Пускай послы всех стран в передних Тюильри;
Пускай безмолвствуют продажные сенаты
И братом назовут его земли цари;
Пускай в тюрьмах его все воины свободы
И голос партий всех во Франции умолк;
Пусть ⟨*пропуск в копии*⟩ след его придворного народа;
Пускай преклонится рабов чиновных полк;
Пусть всеми звездами мундир его украшен;
Пускай алмазами блистает двор его;
Пусть миру целому он армиями страшен:
Он все ж венчанный вор и больше ничего!
Но ты, законный царь покорного народа,
Наследник родовой Великого Петра,
Ты, от кого ждала дел правды, дел свободы,
Дел милосердия, дел земского добра
Русь, утомленная солдатами-царями,
Русь, истощенная чиновных воровством,
Русь, развращенная шпионами, рабами,
Русь, разоренная безумным мотовством!
Ты, в ком мы с радостью встречали человека,
Ты, в ком приветствовал ум новую зарю,
Надежду лучшего, живительного века,

* Лингвистико-стилистическое сопоставление стихотворения «На празднества...» с политическими стихотворениями П. Л. Лаврова, относящимися к 1852—1854 гг., было сделано, по нашей просьбе, проф. С. А. Копорским, за что приносим ему свою благодарность.

** Предположение о том, что одним из возможных авторов рассматриваемого стихотворения мог быть Лавров, принадлежит Б. П. Козьмину.

*** *На л. 1, сверху, надпись рукой Герцена:* Начало очень хорошо.

Кому Русь,— верная законному царю,—
Шептала: «Душно мне под ступенями трона,
Мне тесно, мне темно; сними мне бремя с плеч!
Дай мне свет знания, дай воздух мне закона!
Освободи мою закованную речь!..»



СПИСОК АНОНИМНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ: «НА ПРАЗДНЕСТВА, БЫВШИЕ В МОСКВЕ...» С ПОМЕТОЙ ГЕРЦЕНА: «НАЧАЛО ОЧЕНЬ ХОРОШО», 1856 г.

Автор стихотворения вероятно П. Л. Лавров

Лист 1

Из бумаг Герцена — Огарева, полученных АН СССР в дар от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»), Москва

Ты тоже захотел блеснуть пред целым миром,
Восточной роскошью народы ослепить,
Сравниться мишурой с французским лжекумиром
И в пышных празднествах мильоны рассорить!..
Мильоны те добыл колодник из Сибири,
Их по́том вырастил голодный твой мужик,
Их с нищего в судах содрал за герб пронырь,
От пьяных в кабаке украл их откупщик...

А там неурожай... там голод, мор в народе,
Дорог нет, нету школ, аптек нет, нет врачей,
Невежество растет в России на свободе,
Продажность, рабство, лень, все низости людей!
А вся Москва горит в огне иллюминаций,
Стараясь превзойти ликующий Париж;
Пирует русский царь среди послов всех наций!..
Зачем весь этот блеск? Кого ты удивишь?
Не жели народ, с рожденья приученный
Бессмысленно тебя за бога почитать,
Что пред тобой лежит коленопреклоненный,
Ждет слова твоего, как божью благодать?
Ему всегда ты свят не золотой одеждой,
Не пышным торжеством, не царственным венцом;
Ты божьей властью свят, народною надеждой;
Ему посредник ты меж ним и божеством!
Ты не прельстишь его потешными огнями,
Не привлечешь сердца пирами напоказ!
Он ждет заветных слов меж царскими речами,
Он ждет: «Царь-батюшка! не вспомнишь ли о нас?»
Скажи ты пахарям святое слово: «Воля!»
Сними с них барщины несправедливый гнет;
Свободной общине отдай родное поле —
Тогда тебя народ великим назовет!..
Не тех ли, что стоят толпой вкруг царских тронов,
Тех, что толкаются среди твоих дворов,
За ленты ползают, живут лишь для поклонов,
Безумную толпу лакеев и льстецов,
Разводных тактиков, министров безголовых,
Вельмож безграмотных, советников немых,
Судей, отечество продать всегда готовых,
И паразитов всех на праздниках твоих?
Ты их не удивишь! Они ждут жадной сворой
Добычу милостей, дождь злата и чинов,
Ждут места теплого, где бы нажиться скоро,
Чтобы озолотить любовниц и льстецов!
Для них отечество — лишь дойная корова;
Для них казна твоя — источник воровства.
Нет, их не удивишь!.. Им ничего не ново:
Ты для карманов их устроил торжества!..
Иль тех, что далеко от царского престола,
Стоят спокойные средь суетных детей,
Другому, вышнему послушные глаголу,
Твоих непризванных, неведомых судей?
Во имя истины, во имя человека,
Они поставлены свершать свой строгий суд,
И суд тот передать сынам другого века,
И правнуки его в истории прочтут.
Для них цари земли — служители народа,
Для них короны блеск — лишь отраженный свет,
Для них не свят престол, свята одна свобода
И, кроме истины, других законов нет;
И говорят они: твой пир есть расхищенье
Народного труда, народных свежих сил;
России собственность — твои все помышленья,
А в пышных торжествах ты долг царя забыл.

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ

Публикация С. С. Дмитриева

Среди документов «пражской коллекции» находится рукопись письма от «русских людей в Париже» к Клейнмихелю. На письме дата: «(18)57. Августа 6. Париж». Судя по содержанию письма, при нем послан был Клейнмихелю и «Колокол». Первый лист «Колокола» датирован 1 июля, второй — 1 августа, третий — 1 сентября 1857 г. Значит, при письме мог быть послан только первый или второй лист герценовского издания или же оба эти листа. В первом листе «Колокола» Клейнмихель не упоминался. Во втором листе упоминался *«прогнанный и ненавистный всем Клейнмихель»* — в статье, озаглавленной «Из Петербурга (Письмо к издателю)». Автор статьи сетовал, между прочим, на то, что «Клейнмихелю не запрещен въезд в Петербург и Москву даже по его железной дороге».

Несколько ранее, в апреле 1857 г., в третьей книжке «Полярной звезды на 1857 год» была помещена статья Огарева «Разбор манифеста 26 августа 1856 года». В статье были такие строки: «Говорят, что Александр II человек благонамеренный и добрый. И я охотно верю этому: стоит только вспомнить удаление Клейнмихеля и Дуббельта...». К имени Клейнмихеля сделано примечание: «А зачем этот человек, ненавидимый всею Россией, имел место в церемониях коронаций?». В той же книжке «Полярной звезды» в обращении от издателя Герцен иронически выражал надежду никогда не дойти до издания в Лондоне журнала под заглавием «Андреевская звезда» с портретами Клейнмихеля, Бенкендорфа, Чернышева и даже Политковского» (VIII, 427).

Граф Петр Андреевич *Клейнмихель* (1793—1869) начал свою карьеру еще во времена Александра I как ближайший помощник Аракчеева по управлению военными поселениями. В царствование Николая I он занимал пост главноначальствующего путями сообщений и публичными зданиями. В качестве главы инженерного ведомства и лица, пользовавшегося особой доверенностью у царя, он руководил строительством железной дороги Петербург — Москва. Бесстыдное воровство, гомерические взятки, жестокость в отношении к строителям создали Клейнмихелю достойную репутацию. Его гнусные «подвиги» заклеймил Некрасов в стихотворении «Железная дорога». В год смерти Николая I, вскоре после оставления русскими войсками Севастополя, Клейнмихель был отрешен от должности. Одновременно с Клейнмихелем отставку получил и министр внутренних дел Д. Г. Бибиков.

Отставку Бибикова и Клейнмихеля праздновали прежде всего либералы, приписывая себе честь этой победы. А. В. Никитенко записал в дневнике 9 октября 1855 г.: «Еще одна смерть, только политическая и притом возбуждающая общую радость, а не печаль. Клейнмихель, наконец, подобно Бибикову, пал и уничтожился. Вчера, говорят, он получил из Николаева от государя записку, в которой ему предлагают подать в отставку» (А. В. Никитенко. Дневник, т. I. М., 1955, стр. 422). 12 октября 1855 г. Никитенко отметил: «Продолжение всеобщей радости по случаю падения Клейнмихеля. Все поздравляют друг друга с победою, которая, за недостатком настоящих побед, составляет истинное общественное торжество» (там же; см. также стр. 423).

Восторги и ликование по поводу отставки Бибикова и Клейнмихеля довольно скоро, однако, потускнели. Новый царь уволил явного казнокрада Клейнмихеля «по прошению». Увольняемый получил весьма милостивый рескрипт, оканчивавшийся словами: «Пребываю к вам навсегда благосклонный. Александр». Клейнмихеля не только не отдали под суд, но оставили в высоком звании члена Государственного совета, в должности генерал-адъютанта царя.

Клейнмихель продолжал оставаться силой — реакционной, грубой, прямолинейной, живым остатком традиций аракчеевщины. В Государственном совете он отстаивал неприкосновенность крепостнических порядков. В день внесения проекта положений крестьянской реформы 1861 г. на обсуждение Государственного совета Клейнмихель в своем выступлении напоминал царю: «Ваше величество изволили

обещать предоставить помещикам полицейскую вотчинную власть над крестьянами» (А. В. Никитенко. Цит. соч., т. II. 1955, стр. 174).

Даже либералы, в большинстве своем, понимали, что Клейнмихель лишь убран с авансцены, но не лишен власти. Это вызывало у них тревогу.

Понимание опасности, которую представлял Клейнмихель и в отставке, продиктовало «русским людям в Париже» их письмо-прокламацию. Вряд ли удастся когда-нибудь выяснить, кто были авторы этого анонимного письма. Русских в Западной Европе в 1857 г. было очень много. Много их было, в частности, в Париже. Появление первых листов «Колокола» с новой силой привлекло общественное внимание к Герцену и свободной русской печати. В письме к М. К. Рейхель из Лондона от 29 июня 1857 г. Герцен писал: «Получаю бездну писем с симпатиями и Höflichkeiten'ами * от русских из Парижа и из Германии» (VIII, 547). Из слов письма, обращенных к Клейнмихелю: «Вам первому подарок наш, вам — главе, вам — атаману этой шайки разбойников без отваги, лакеев-грабителей своей страны» — можно предполагать о намерении составителей письма разослать свои «подарки», т. е. экземпляры «Колокола», и другим высокопоставленным лицам.

Публикуемое письмо является любопытным памятником той обличительной литературы, которая быстро развивалась во время подъема и обострения общественно-политической борьбы, наступивших в конце пятидесятых годов. Составители письма, так энергично обличавшие Клейнмихеля, ни словом не упомянули, однако, о царе, который являлся главным оплотом «клейнмихелей». Это обстоятельство заставляет вспомнить слова «Русского человека» в знаменитом «Письме из провинции», напечатанном в «Колоколе» спустя два с половиной года после письма «русских людей в Париже»: «...Клейнмихеля нужно было ему ⟨царю⟩ прогнать по известному правилу Макиавелли — в новое царствование жертвовать народной ненависти любимым министром прежнего царствования, и вот Клейнмихель очутился козлом отпущения за царствование Николая. Согласитесь, ведь жертва ничтожна? Но как бы то ни было, либералы восторгались и этим фактом, забыв, что Николай так же прогнал Аракчеева; что же из этого? Неужели на эту удочку всегда будут поддаваться?» (X, 227).

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 54).

⟨Париж. 6 августа 1857 г.⟩

Русские люди в Париже посылают вам журнал «Колокол» как семя кары, наступающей для вас — извергов, обкрадывающих отечество, для вас, гнетущих тот народ, который от детской чистоты своей долго не мог понять предательства, отплачивая за него своим мучителям истинной любовью, истинным самоотвержением. Вам первому подарок наш, вам — главе, вам — атаману этой шайки разбойников без отваги, лакеев-грабителей своей страны. Знайте, Клейнмихель, что скоро пробьет тот час, когда имя ваше станет во всех концах России именем нравственно прокаженного. Знайте, что с той же самой минуты собственные ваши дети проклянут вас за передачу им наследия-срама, наследия-позора и даже, может быть, для очистки себя перед лицом народа, подымут на вас — отца — вместе с нами свои руки, как на зло отечества, как на ядовитую, живущую еще рану его.

Кайтесь! Сорвите нарост коры с вашего сердца, откройте совесть и молите ее изжечь вас быстрее, раньше встречи с теми ужасами, которые растут и мужают на конце вашей бесчестной, гнусной дороги.

Не примите строки наши за строки личности: мы вас не знаем, мы вас не видели, и наши мнения в письме есть мнения наших братий, нашей бедной, всеми проданной, разграбленной России.

57. Августа 6. Париж.

---

* любезностями (нем.).

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ

«РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»

Публикация П. Г. Рындзюнского

В период общественного подъема пятидесятых-шестидесятых годов борьба за свободу совести, против духовного порабощения народа религией органически входила в программу русской революционной демократии. В церкви она справедливо видела порождение крепостнического строя и вместе с тем — его защитницу. Понимание того, какое громадное общественно-политическое значение имело просвещение народа, также побуждало передовую интеллигенцию к активным выступлениям, направленным на разоблачение церковников как врагов науки и на распространение знаний в народе. Тема обличения реакционной роли церкви представлена в литературном наследии почти каждого демократического писателя и общественного деятеля середины XIX века, у некоторых из них она стала главной темой публицистической деятельности (И. Г. Прыжов, И. А. Худяков и др.). Публикуемый здесь, по рукописи «софийской коллекции», «Разбор» книги «Описание сельского духовенства» целиком посвящен этой теме и потому вполне типичен для своего времени. Являясь одним из наиболее ранних атеистических сочинений в литературе разночинского периода, он выделяется своим радикализмом и боевым духом.

Автором анонимно изданной за границей книги «Описание сельского духовенства», подвергнувшейся критическому разбору в печатаемой нами рукописи, был известный в свое время священник Иван Степанович *Белюстин* (или Беллюстин, 1820—1890), автор ряда сочинений по так называемым церковно-общественным вопросам. Вскоре после своего выхода в свет, книга Белюстина о сельском духовенстве стала предметом оживленной дискуссии, несмотря на то, что она была запрещена в России. В этой дискуссии обсуждению подверглись вопросы, относящиеся к общественной роли русского духовенства, преимущественно низших его рангов, о том — приносит ли это сословие какую-нибудь пользу обществу и оправдывает ли оно те средства, которые идут на его содержание.

Белюстин отвечал на эти вопросы отрицательно. Обосновывая и иллюстрируя свои отрицательные суждения, он дал уничтожающую характеристику духовенству, показал во всей неприглядности чрезвычайно низкий моральный, интеллектуальный и бытовой облик служителей церкви.

Разумеется, книга «Описание сельского духовенства» была крайне враждебно встречена верхами официальной церкви в России. В качестве контрмеры церковники издали в Берлине в 1859 г. книгу «Русское духовенство», а в России — книгу «Мысли светского человека о книге „Описание сельского духовенства“» (СПб., 1859), содержавшие самые резкие отзывы о Белюстине и о его сочинении. За этим выступлением последовали другие. Во главе гонителей крамольного священника стал митрополит московский Филарет и надзирательные органы синода; против него ополчилась и церковная цензура, о чем вспоминал сам Белюстин в автобиографии (С. А. Венгеров. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых, т. VI. СПб., 1897, стр. 430—431).

Однако основные положения книги Белюстина не могли быть приняты и представителями демократического лагеря.

Белюстин более всего был озабочен тем, чтобы восстановить пошатнувшиеся позиции церковников, поднять и укрепить их авторитет в народной среде. Он возражал поэтому против всех предложений, которые могли привести к слишком тесному сближению быта сельских церковнослужителей с крестьянским бытом. Главным средством для исправления существующего положения Белюстин считал реформу семинарского образования, конечно, не с точки зрения содержания, а лишь с точки зрения методов преподавания. Разумеется, он был сторонником религиозного воспитания народа и усиления влияния церковников на народ. Характерно, что выступление Белюстина было

поддержано таким консерватором, как М. П. Погодин. Это было в период его сочувствия умеренно-либеральным реформам. Именно при содействии Погодина книга была завершена и опубликована за границей (см. «Русский вестник», 1859, № 5, Современная летопись, стр. 44). По основной своей направленности «Описание сельского духовенства» примыкает к ряду других выступлений сторонников буржуазных реформ, которые в годы революционной ситуации почувствовали необходимость некоторых изменений в существующих порядках.

Когда, уже в пореформенное время, о книге Белюстина можно было говорить открыто, она получила самый одобрительный отзыв в буржуазно-либеральном «Вестнике Европы» (1871, № 4, стр. 910—911), а последующие работы этого же автора одобрялись даже в церковном журнале «Странник» (1871, т. I, стр. 85—107).

Но в книге Белюстина имелся большой и красочно поданный материал, разоблачавший служителей церкви, который не вязался с умеренными взглядами автора. Именно эта главная особенность книги Белюстина обусловила ее популярность среди прогрессивно мыслящих современников. Некоторые страницы ее написаны столь ярко и остро, что до известной степени оправдывали то прозвище «духовного Щедрина», которое получил Белюстин в разгар полемики от обер-прокурора синода.

В «Описании сельского духовенства» дается чрезвычайно резкая характеристика семинариста, закончившего курс обучения, и рассказывается о разного рода беззакониях, с которыми связано его поступление на службу,— беззакониях, обличающих своекорыстие и беспринципность церковников. Самыми отрицательными чертами наделяются деревенские священники, а в особенности причетники: дьяконы, дьячки и пономари — их дикое невежество и жадность. Описание того, как церковники отправляют требы в крестьянских избах и собирают очередные даяния «по приходу», сделаны Белюстиным с силой, равной лучшим образцам современной ему литературы обличительно-демократического направления.

В «Описании сельского духовенства» ярко проявилось недовольство служителей церкви низших разрядов духовенством высших степеней, и сановники церкви, в особенности из черного духовенства, получили там самую нелестную характеристику.

Говоря о бедности крестьян и об их слабом духовном развитии, Белюстин не раз указывает на прямых виновников этого — помещиков, которые грабят и притесняют крестьян. Он откровенно говорит о том, с каким презрением и недружелюбием относятся крестьяне, народ ко всем служителям церкви, как они пренебрегают религией. Аналогичные темы, в той мере, в какой это можно было сделать в легальной литературе, затрагивались в русской демократической публицистике (см., например, «Отечественные записки», 1858, № 5, Современная хроника России, стр. 13—15).

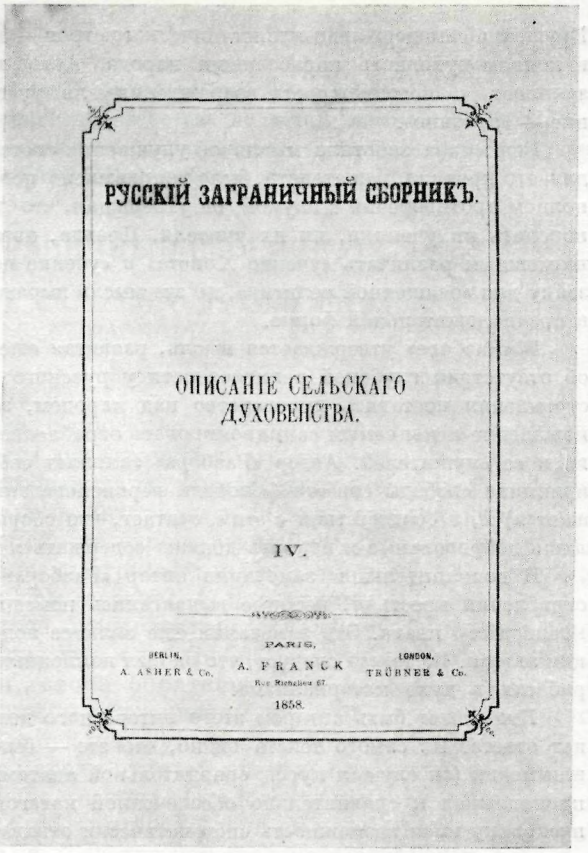
Несмотря на запрещение, «Описание сельского духовенства» стало широко известно в России, в особенности среди учащейся молодежи. Как с горечью отмечали анонимные авторы упомянутой выше официозной книги «Русское духовенство», сочинение Белюстина появилось в России «неизвестным путем во множестве экземпляров», в чем они, не без основания, усматривали один из признаков широкого распространения вольномыслия в различных кругах русской общественности («Русское духовенство». Введение. Берлин, 1859, стр. XII). Из записи в дневнике А. В. Никитенко видно, что уже в год своего выхода в свет книга Белюстина волновала умы учащейся молодежи в Петербурге, в частности студентов духовной академии. Открыто ими выраженное недовольство системой обучения в академии начальство объясняло влиянием этой книги (А. В. Никитенко. Дневник, т. II. М., 1955, стр. 38).

Разумеется, что прямые отклики на книгу Белюстина со стороны революционно-демократического лагеря не могли проникать в русскую легальную печать. В «Современнике» были помещены две статьи Н. А. Добролюбова, посвященные критическому разбору книг, изданных в опровержение книги Белюстина, в защиту позиций официальной церкви: «Мнение светского человека о книге „Описание сельского духовенства“» («Современник», 1859, № 6, стр. 340—344. См. «Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова в шести томах», т. IV, стр. 343—347) и «Заграничные прения о положении русского духовенства» («Современник», 1860, № 3, отд. 2, стр. 1—18; см. «Полное собрание сочинений Добролюбова». Цит. изд., т. IV, стр. 237—252). Несмотря на то, что

КНИГА И. С. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»

Анонимное заграничное издание, 1858 г.

Титульный лист


РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

IV.

BERLIN, A. ASHER & Co. PARIS, A. FRANCK LONDON, TRÜBNER & Co.

1858.

в этих статьях разбирались книги противников Белюстина, фактически речь в них шла и о книге «Описание сельского духовенства». Добролюбов знакомил с ней русского читателя, хотя из осторожности должен был заявить, что сам он якобы ее не знает. Не одобряя основных исходных позиций Белюстина, Добролюбов вместе с тем брал его под свою защиту, опровергая доводы его реакционных критиков.

О книге «Описание сельского духовенства» нельзя было писать прямо в легальной печати, но рукописные отзывы на нее, очевидно, имелись, о чем свидетельствует публикуемый здесь «Разбор». Имя его автора нам неизвестно, но идейный его облик вырисовывается из самого текста рукописи. Это — представитель передовой молодежи, демократ, атеист; разбор книги о сельском духовенстве показывает в авторе страстное стремление к борьбе за материальное и духовное освобождение народа.

Автор «Разбора» отдает должное Белюстину за его яркие обличения «низости и подлости» духовенства. Но основная задача рецензента другая, остро критическая: вскрыть подлинную цель, которую преследовал Белюстин своей книгой,— цель реформатора, озабоченного судьбой своего сословия — духовенства — и стремящегося не ослабить, а, наоборот, укрепить влияние религии на народ. В «Разборе» раскрывается непоследовательность Белюстина; его позиции противопоставляются революционно-демократические взгляды на вопросы церкви и религии.

В противоположность Белюстину, его критик видит главную причину упадка церкви и религии не в плохой постановке преподавания церковных дисциплин. Он усматривает эту причину в успехах просвещения, в достижениях общественного прогресса и уверен в необратимости процесса распада церкви.

Автор «Разбора» стоит на просветительских позициях. В своей критике он, разумеется, не мог еще раскрыть истинные социальные корни религии, но замечательна его мысль о связи религии и церкви со всей общественно-политической системой.

Крушение самодержавно-крепостнического строя — автор верит в его близость — будет и концом духовного порабощения народа. Автор публикуемого текста решительно заявляет о невозможности возрождения для русского духовенства: его разложение — «законно».

Белюстина заботила мысль об улучшении системы преподавания богословия, но для его критика, как атеиста, было неприемлемо церковное «учение», находящееся в полном противоречии с наукой; он утверждал, что в богословские предметы не могут поверить ни ученики, ни их учителя. Правда, автор «Разбора» как будто считал возможным различать «учение Христа» и «учение церкви» и тем самым оставлял лазейку для «очищенной религии», но эта мысль выражена в тексте очень кратко и лишь в предположительной форме.

В «Разборе» утверждается мысль, развитая еще в письме Белинского к Гоголю, об отсутствии глубокой религиозности у русского народа; выражен протест против стремления поставить духовенство над народом, закрепить его привилегированное положение и тем самым санкционировать ограбление народных средств в пользу церкви и ее служителей. Автор «Разбора» заявляет себя сторонником демократического принципа свободы совести («свободы вероисповеданий и убеждений» — как он выражается) и, в соответствии с этим, считает, что сборы на нужды церкви должны быть лишь добровольные и церковь должна содержаться лишь на средства верующих.

В дополнительном замечании автор «Разбора» высказывается против проектов ограбления крестьян, которые выдвигались помещиками в ходе подготовки отмены крепостного права. Эти замечания еще сильнее подчеркивают демократические позиции автора. Из текста следует, что он был поклонником Герцена и воспитывался на его работах в духе материализма.

Кто может быть автором этого интересного документа? — На этот вопрос у нас нет ответа. Из самого текста видно, что это — бывший студент,— очевидно, биолог или медик (он слушал курсы сравнительной анатомии и физиологии); он, как видно, принадлежал к сравнительно обеспеченной категории воспитанников университета, поскольку имел возможность систематически отдавать в переписку конспекты лекций и тем материально поддерживать семинаристов, занимавшихся этой работой. Общеизвестен подъем радикальных настроений среди студенчества в годы революционной ситуации, поэтому принадлежность этого текста недавнему студенту вполне вероятна; с этим согласуется и известная незрелость литературной формы «Разбора». Примечание о проектах, разбиравшихся в Харьковском дворянском комитете по освобождению крестьян, указывает, что у автора был особый интерес к делам Харьковской губернии и он был осведомлен в них (представители разных точек зрения имелись в комитетах всех губерний, где они были открыты). Это наталкивает на мысль о возможной принадлежности автора к кругу харьковских студентов, среди которых в пятидесятых годах происходило движение протеста. То, что известно о «Пасквильном комитете» или «Литературном обществе», созданных харьковскими студентами, а именно — знакомство их членов с эмигрантской литературой, повышенный их интерес к вопросам атеизма и освобождения крестьян, критическое реферирование выходивших из печати сочинений,— все это позволяет высказать предположение, что автора публикуемого «Разбора» книги Белюстина следует искать среди участников именно этих студенческих организаций. То обстоятельство, что год выхода книги (1858) и, возможно, год составления данной рецензии оказался критическим для революционно настроенного харьковского студенчества, когда существовавшие организации должны были закрыться, а их активные участники были репрессированы,— это обстоятельство не исключает того, что начатая работа продолжалась в иных организационных формах, и не только в Харькове, но и в других университетских городах, куда попадали бывшие харьковские студенты (см. Б. П. К о з ь м и н. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков, 1930). Один из доводов в пользу высказанного предположения мы усматриваем и в том, что рукопись «Разбора» сохранилась в непосредственном соседстве с бумагами, посланными издателям «Колокола» харьковскими студентами.

Как выражение взглядов молодого поколения русских революционеров середины XIX века публикуемый текст представляет большой интерес. Он свидетельствует о

широком распространении материалистического воззрения и о том, как в условиях общественного подъема революционно-демократическая публицистика умело сочетала пропаганду атеизма с широкими вопросами освободительного движения. Критический разбор книги «Описание сельского духовенства» является интересным эпизодом из истории борьбы развивающейся революционно-демократической мысли с буржуазным либерализмом в переломный период исторического развития России.

РУССКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИК. IV. 1858

ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА (РАЗБОР)

I

Г-н А. Франк, в Париже, милостиво приглашающий всех верующих во Христа и законные власти участвовать в его сборнике, издал на днях книгу, заглавие которой мы выписали. Книга стоит того, чтоб о ней поговорить, чтобы раскрыть цель автора и досказать умолчанное им.

В книге не беллетрической, не строго ученой мы прежде всего ищем цель, с которой она написана, смотрим на нее как на памфлет. Какую же цель имеет наш духовный памфлетист? А вот увидим.

В то время как на Западе бесчисленные революции боролись с церковью, с старым верованием, как оно дробилось, гибло, возрождалось, переходило все оттенки и, снова обратившись в католическую грязь, стекало в старую яму догнивать под защитой св. отца,— церковь восточная оставалась спокойна и, повидимому, крепка; бороться с ней было невозможно, в вознаграждение сразу отнятой власти, она стала под защиту государства — смерть ее была решена. Становясь под эту защиту, церковь наша, с одной стороны, обеспечивала себя от нападений, с другой — осуждала себя на коснение, на уродство как следствие остановки развития. Осужденная на вечный покой, на рабство, она могла действовать в самой тесной мелкой среде, управляемая рукой царской, смысл ее утратился, и она, утрачивая влияние, вырождаясь, наконец до того ослабла, что не в состоянии скрывать своих пороков; у ней нет сил натянуть на себя свалившееся рубище, чтобы закрыть свои раны. С ней, грязной, голодной, никто не вступал в борьбу, ей бросали кусок хлеба и отходили прочь.

Но настает горячее время: то, что презирали, с чем мирились за его слабость — могут выбросить вон как ненужную вещь; настает расчет с наследьем, со всем давившим, кусавшим, заражавшим воздух — беда неминучая и церкви — как быть! нужно выйти, нужно усилиться, иначе вековая добыча уйдет и последние жалкие крохи пойдут мимо рта. Где же взять силы? Что связывает руки, что поставило духовенство в такое жалкое положение? Невежество — от недостатка образования, неуважение народа — за невежество и рабскую ложь; недостаток времени для упрочивания влияния — за хлопотами о насущном хлебе. И вот наш иерей берет перо и ратует за свою братию, оправдывает ее пороки, силится поднять ее и расчистить поле будущей власти. Напрасный труд, св. отец; то, что потеряно вами, не возвратится, власти вашей конец — ваше царство уже не от мира сего! Человечество не создано вечно верить всяким нелепостям; ложь должна быть разоблачена, и те, которые выдавали ее за истину, погибнут как уличенные обманщики. Прошло то время, когда, приведя бога и царя к одному знаменателю, вы безнаказанно, систематически могли задурять человечество. Балаган ваш дал трещины, которые вы не в силах замазать, и человеку нет надобности врываться за кулисы, чтобы видеть веревки, которыми вы возносите разных духов. «*Человечеству*,— сказал Гейне,— *нужны блюда повкуснее тела и крови христовой*».

Полноте же метить в отдаленную цель, мечты ваши не осуществятся. Оглянитe Европу, везде — где у человека есть хоть немного свободы — везде он тянет руку, чтобы пришибить вашего брата; не забудьте, что брат ваш сильней вас, и успокойтесь — разложение ваше законно. А что оно идет так спокойно, что вы догниваете в забытье — горя мало, и вам и другим спокойнее. Теперь вопрос уже не в том, должна ли церковь или нет, стоять под защитой государства и жить его средствами, а в том, должна ли она вообще жить, не вредное ли это наследье отцов. И не в том вопрос, какая должна быть церковь; будь она католическая, греческая, протестантская — она все церковь и требует средств, государство их не дает или дает мало — нужно искать мимо; каким путем? — единственным: путем неволи лица, основанной на обмане, который исключает всякое разумное развитие.

Наши ли это вопросы,— спросят многие,— таково положение Европы, но у нас... Успокойтесь, мы не далеко отстали. Мы не ратовали, правда, ни словом ни делом против нашей церкви, но мы крепли, когда она слабела; мы молча внимательно следили за борьбой на Западе и подбирали ее результаты, с ними мы обратились к своей церкви, которая, связанная по рукам и ногам, валялась в грязи. Мы осмотрели ее с ног до головы, без боязни, как смотрят на запертого в клетке зверя, высмотрели все раны, все слабые места, отвернулись от нее с отвращением — и все было кончено. Вырвется ли зверь из клетки, или нет — он уже не страшен, слабые места открыты, и свобода его ускорит только смерть. Трудно представить себе нацию, более свободную от предрассудков, легче разделывающуюся с старым и усваивающую новое — как русская; столкнувшись с Европой, она разом глотает то, что та разжевывала десятки лет, годами переживает века. Представьте же себе положение невежественного духовенства среди такой нации; не имея сил властвовать умами, лишенное человеческого образа, оно быстро сошло в то положение, в каком оно теперь. И вот оно, грязное, сальное, с испитым лицом, в минуту возрождения подымает и свою голову, тянет трясущуюся руку, чтобы захватить клочок власти... Назад! — Всему возрождение, только не вам. Падайте молча, глубже, вы этого достойны; раз став рабами власти царской, вы должны были видеть, что свобода не для вас. Вы задуряли народ, он наказывает вас презрением — и вы бессильны. Вы меж двух огней; власть царская окрепла при вашей помощи, теперь вы ей не нужны — не нужны вы также и народу, он больше не верит вам, он привык видеть в вас грабителей и холопов царских. Прошло, говорю я, то время, когда верили, что «*самый развратный служитель бога выше святейшего мирянина*» *; утратилась и сила заповеди: «*Все люди даже и сильные мира должны преклонять голову пред священником*» **,— роли переменились.

Если церковь стойт еще, то по какому-то недоразумению, не знают, что с ней делать. История давно доказала нелепость церкви, ее вред развитию государства и лица в особенности, боятся только нарушить порядок решительным ударом, да полузадуренные, отсталые массы с похмелья верят еще в какого-то бога и его будущий суд.

Грустно видеть, как иногда лучшие умы, восклицая: «Sortons des songes! Quittons l'enfance, il est bien temps d'être des hommes» ***—силятся проснуться — и не могут; стараются смотреть своими глазами, слушать собственными ушами — и ничего не видят, ничего не слышат; перед глазами мелькает образ нового Ману, ухо все еще тревожится звуками последней трубы. Но, как бы то ни было, смерть церкви решена; ее не поддерживают даже верующие, они догадались, наконец, что и верить можно без при-

* Слова Pilichdorf'a — *Примеч. автора статьи.*

** Слова, ложно приписываемые ап. Петру.— *Примеч. автора статьи.*

*** «Оставим мечты! Выйдем из детства, давно пора быть взрослыми» (франц.).

ставов; наука делает свое и скоро вырвет из рук попов власть *вязати и решити* и отдаст ее обществу — что вы тогда будете делать, св. отцы? Но,

Все это только род вступленья.

чтобы перейти к самой книге.

II

Желание поднять духовенство русское, поставить его в независимое состояние, чтобы оно удобнее могло пасти, стричь и, по временам, резать овец стада христова — видно на каждой странице; говорит ли автор об образовании духовного юношества, об отношении ли попов к властям, помещикам, крестьянам, клиру — везде, под видом требования восстановления только человеческого достоинства, скрывается одна цель — восстановление власти. Мы не преувеличиваем нимало; цель автора, такая, как мы ее поняли, проступает во всякой жалобе, не станем больше порицать ее, а посмотрим, осуществима ли она — духовенство русское способно ли к возрождению? Ответ прям и короток — нет. Если его западные братья, более сильные, падают с высоты,— как оно, грязное, пьяное, задавленное, ползающее, может подняться? Нет! нет! это невозможно; достаточно прочесть книгу, нами разбираемую, чтобы убедиться в этом.

Наш автор не без основания кладет много зол на долю образования духовного юношества; недостаток образования действительно погубил много сил, имевших способность развиться до того, что трудно было бы справиться с ними; но есть ли теперь хоть остаток этих сил? Где та почва, на которой вы думаете сеять ваше семя духовное? Ее вспахали и засеяли без вас таким семенем, всходы которого глушат ваше слабое, не дающее почти корня зерно. Не способ преподавания виной того, что учение не прививается, вина в самом учении. Ужели автор думает, что можно находить услаждение, освежение в катехизисе и богословии? Разве не прав ученик, скучая за этими науками, которые, кроме лжи, ничего не дают? Он стороной знает, что есть другие науки по логике, он переписывал студентам лекции, и вы думаете он, если у него есть человеческий смысл, станет после зубрить триипостасные разглагольствия ваших профессоров? Нет, он лучше перепишет студенту две-три лекции, заработает деньги да и научится чему-нибудь. Переписывать интересные лекции для семинариста самая веселая работа; и тут иногда он теряет свои родовые добродетели, т. е. жадность к деньгам. Вот один случай. Я был еще студентом. Семинарист переписывал мне составленные мной начерно лекции сравнительной анатомии и физиологии; плата была хорошая, он работал скоро, но не механически, а стараясь понять, что пишет,— от этого не делал вечных ошибок; чего не понимал, принося записки, он непременно требовал растолковать, и приходилось иногда читать ему целые лекции; он внимательно слушал и легко понимал. Раз, поленившись, я не составил черновых тетрадей, моему приятелю не было работы; чтобы занять его, я дал ему переписать несколько довольно редких теперь статеек И⟨сканде⟩ра, помещенных в старых журналах,— я собирал их. Прошла неделя, приятель мой не нес статеек, другая — нет; записок накопилось много, я послал за ним. На другой день он принес и, краснея, извинялся, говоря, что увлекся содержанием статей и давал их потом читать товарищам; книги действительно хранили следы рук многих читателей — я их опять ему отдал. При расплате за работу итог его записки не сходился с моим — мой был больше; я просмотрел его записку и не нашел там платы за переписку статей И⟨сканде⟩ра. Я ему заметил ошибку.— «Помилуйте, я не возьму денег за эту работу — она вознаграждена удовольствием, которое я имел, занимаясь ею, а вот если вы мне дадите остальные статьи,— я скажу вам спасибо».— Такие семинаристы, конечно, не выходят попами

И от профессора богословия автор требует невозможного; разве можно читать эту науку живо, увлекательно? И прав профессор, читая ее вяло, сонно; прав и ученик, интересуясь в равной степени тем — когда жил Астиаг, и тем — действительно ли бог троичен в лицах и Мария родила в девстве. Я понимаю, чего вы хотите, но это будет противно корню вашего учения,— стало быть, невозможно. Тут уж ошибка вековая, ошибка Христа, который снес закон от бога, а не вывел его из природы человека, а этому и остается только заучивать: «*Обязанности к богу такие-то, к ближнему такие-то*»; почему — об этом не спрашивай!

«Возьмешь философию,— говорит автор.— Смешно и горько видеть, что и как преподается в семинариях под этим громким названием». Это правда, но разве можно преподавать иначе философию наряду с богословием? Разве можно говорить, как, с первых дней, эта наука пошла вразрез с богословием и до чего она договорилась? — Нет? Конечно. Пусть автор честно признается нам, как он признался в пороках своей братьи, возможно ли теперь прочное образование, если в основе его должно лежать учение, не скажу Христа, но церкви, которая имеет дерзость называться его церковью? Ответ один; если он честен, мы не станем вынуждать его у автора. Богословие, говорят, цветет на Западе; действительно, здесь учатся ему прилежно, как средству держать паству в руках. Наше духовенство на влияние рассчитывать не имеет права. Что же вы от него требуете бескорыстного изучения этой науки систематического задурения? Семинарист прав, презирая свое учение; он должен насиловать свой рассудок, чтобы усвоить себе явную ложь — ложь, не приносящую притом пользы. Кто же себе враг? И вот, споткнувшись о ложь, о сухость, гниль преподаваемых наук, получив к ним отвращение, молодой человек силится вырваться из семинарии; если он сохранил уважение к науке вообще и имеет средства, он рвется в университет; нет — он бросается в первый выход; вырвался — он счастлив, но его могут и не выпустить; отец хочет унаследить его местом, начинается борьба — и если случай не помог — не выручила смерть отца или что-нибудь подобное — он догнивает до конца курса, теряет человеческий образ, выходит, словом, таким, каким его рисует нам автор на 47-й и следующих страницах. Я спрошу автора, этот будущий служитель господа, такой, каким он его рисует, способен на что-нибудь хорошее? Обеспечение его положения остановит его от хищничества?.. Из-за чего же вы хлопочете! — Но есть и хорошие — много ли? — смеем спросить.— Да на стр. 32-й вы сами признаетесь, что таких попадается изо ста — два-три. Виноваты во всем училища.— Полно же, как ни дурны духовные училища,— мы их знаем,— но мало чем хуже светских по способу преподавания — те, однако, не выпускают таких троглодитов. Виновато, скажу еще раз, само учение, в котором, как ни верти его, нет жизни. Я не удивлю никого, если скажу, что все попы, или иереи, как их называет автор, пользующиеся уважением, не верят ни крохе того учения, которое им вбивали в голову, что они потому только и стали людьми, что забыли его и заменили верование знанием; поговорите с таким, он вам расскажет то, что иному и в голову не приходило, он вам скажет, что и он был бы человек, если бы его не жала ряса. Автор, надеюсь, спорить не станет.

III

Следим за развитием. Личинка превратилась в гусеницу — нужен корм. Семинарист, такой, каким мы его видим, посылается на место священником; входит в столкновение с приходом и причтом. Приход безнравствен, причт непокорен — заносчивость попа еще не сбита: он гремит, грозит судом божиим — ему никто не верит; причт смеется и говорит: «*Толкуй! Знаем мы сами эти сказки*»; приход говорит, что берет пример

с их же братьи, что он не первый, который начинал так, а кончал иначе, что и его надеются после обедни видеть у кого-нибудь совсем в другом расположении — и надежды сбываются, поп напоен и держит иную речь. Что ж, тут поможет независимость от прихода? Поп будет пить водку не у прихожанина, а на свои деньги в кабаке — это, конечно, лучше, но тоже несбыточно.

Дурное обращение архиереев с попами, конечно, есть следствие презрения к ним, а можно ли презирать служителей господних, если верить самому господу?— опять неверие в самой главе духовенства.

Словом, все зло, все жалкое положение духовенства, какое нам рисует автор, зависит от его полного атеизма — факт давно понятый, нечего на нем долго стоять.

Но зло велико! Много соков выжимает оно у русского народа. Чем пособить? Мы, право, затрудняемся сказать; средние меры нам не приходят в голову, когда видим надобность в крайней. Автор предлагает два средства: возвращение к *десятине* и содержание духовенства правительством. Первое так нелепо, так явно ведет к власти духовенства над мирянами, что о выполнении его и говорить нечего — счастье, что десятина выведена. Поможет ли второе? Трудно верить, зная алчность попов.

В этих двух предложениях автора проглядывает сильней всего стремление автора поставить свою братью в независимое положение. Его вражда против *дохода* и земледелия ведет к тому же. Доход, как налог на дары, которые вы раздаете верующим, в наших глазах естественнее, чем поголовный платеж; следует его повысить, строго, однако, определив maximum и дать не только свободу вероисповедания, но и убеждений. Кто верует в вас — будет вам платить свою долю, и вы будете сыты; кому же естественнее содержать вас, как не тем, кому вы нужны? Как инструмент в руках правительства вы могли рассчитывать на поддержку с его стороны, но время прошло, и вы слишком поздно начали хлопотать. «*Незабвенному*» вы как-то снова понадобились, после переполоху, чтобы пугнуть народ,— он и хотел поддержать вас — не успел, сердечный; вы и за намерение восылаете мольбы, что если б сделал?— у бога, чай, полопались бы барабанные перепонки в ушах.

Не понимаем, отчего автор восстает против земель, отводимых церковным служителям? Земледелие, говорит он, грубит дух, чувство — это для нас новость, такая же новость, как мнение некоторых плантаторов, говорящих*, будто *собственность развращает крестьянина*. Знает ли автор, что такие попы, каких он рисует на стр. 73, в большем уважении у крестьян, чем разглагольствующие в церкви о смирении, посте и муках ада, а потом отправляющиеся пьянствовать к помещику? Знает ли он, что крестьянин с большей охотой целует руку, пропитанную «азотом», чем ту, на которой он постоянно видит перчатки? Знает ли... Конечно, знает. К чему ж эти трогательные выходки? Жалованьем, конечно, брать спокойнее,— спору нет. Священнику нет надобности возиться самому с навозом, он может обрабатывать землю наймом; вот «*пóмочь*» так следовало бы уничтожить: священника она не развратит, вопреки мнению автора, больше того, как он развращен, уже прибегая к ней,— а крестьянину она вредна. Того, что рассказал автор об этом способе обработки церковных

---

* И пишущих даже — жаль, что не печатающих. Блестящая мысль эта из проекта Вяч. *Пассек*, проекта, представленного в Комитет харьковских дворян по делу освобождения крестьян (мы не верим Безобразову и его *улучшениям*). Мы надеемся поговорить об этом проекте; обилие поэтических мест необыкновенно; дело, как можно предполагать, не обходится без «зияющей бездны Кавказа», Севастополя, Москвы в 12 году — все это, чтобы рельефнее выставить дворянство *как оплот престола* и доказать, что *собственность развратит и погубит крестьян* — этот перещеголял и Безобразова.— *Примеч. автора статьи.*

земель, мало; он умолчал о том, по одним воскресеньям ли только сбирается «пóмочь». Она всегда готова; первый крестик в календаре — а в нашем их немало,— и она есть. Народ русский никогда не прочь попраздновать; попу нужны рабочие на известный день; придравшись к крестику, поп объявляет день этот праздничным и ждет. День пришел, поп велит звонить к обедне, наскоро отхватывает ее и, собрав охотников, отправляется делать, что ему нужно. Кто тут кого развращает: крестьяне попа или поп крестьян?

Еще на один вопрос просим ответа. Как думает автор, если бы приход добровольно обязался платить попу натурой за требы, давать ему все средства жизни, с избытком даже, отказался ли бы поп от хищничества? Ответ труден. Мы поможем автору: *нет*. Мы видим примеры, что помещики помогали попам добровольно значительными средствами, прося об одном — не прижимать крестьян при требах. И что же? Так же точно за свадьбы выжималось 5—7 р., так же точно попадья являлась обирать у крестьян кур, холсты, нитки и пр., а когда помещик запрещал крестьянам давать попу что-нибудь, говоря, что сам ему платит, поп, в виде репрессалии, стал отказываться от треб — грабленное, верно, вкуснее. Если правительство назначит жалованье, будет ли лучше? Во сто раз хуже! Нет, никакие обеспечения не искоренят зла, оно будет существовать до тех пор, пока существует духовенство. Не прикидывайтесь же, святые отцы, такими несчастными; исключив все ваши позволенные и непозволенные доходы, вы имеете, одними добровольными пожертвованиями, то, что далеко не заставляет вас голодать. Жадность, разбой, низость — это ваши вековые добродетели; для них лекарства нет — есть, впрочем, но... молчу.

В заключение все-таки не можем не поблагодарить автора за его книгу, за ту откровенность, с которой он указал нам в своей книге ту глубину низости и подлости, в которой ползает наше растленное духовенство,— на это нужно было много самоотвержения. Наш иерей, как новый Курций, *затеял спасти свою братью* и *бросился в бездну* — *бездна закрылась* за ним, но братья не спасется. Жаль, что он один бросился,— что бы уж со всею братьею — соборне. Теперь всякий, начинающий сомневаться в непогрешимости попов, имеет средство укрепить сомнения; теперь, с книгой нашего автора в руках, можно идти на споры с самыми отчаянными поклонниками «*византийского бога*»; чего лучше желать — книга написана самим служителем этого бога. Но книга могла бы обойтись — и это немало для ее успеха — без подобных выходок, какие мы встречаем на страницах 18, 26, 35, 36, 72, 149 и пр. К чему такое православие? Мы уверены, что писавший хорошо понимает вещи,—к чему же это? Стыдно, право! К чему упрекать *выходцев с Запада за вражду к православию*; к чему говорить, *что служение священническое настолько выше гражданского, насколько небо выше земли* и пр.? Кто также поверит вам теперь *

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»

Публикация Л. Р. Ланского

В шестидесятом листе «Колокола», вышедшем в свет 1 января 1860 г., Герцен поместил небольшую заметку «Академия художеств в осадном и иконописном положении» (X, 195—196). В основу этой заметки была положена корреспонденция из Петербурга, *описывавшая новые порядки в Академии художеств*, администрация которой усердно внедряла, наряду с византийской манерой живописи, различные мероприятия полицейского характера. Эта корреспонденция вызвала к себе сочувственное

* Конец рукописи не сохранился.— *Ред.*

отношение со стороны Герцена, перу которого, вне всякого сомнения, принадлежат, помимо саркастических примечаний, заключительные строки заметки о президенте Академии — великой княгине Марии Николаевне.

Бездушное, чиновничье отношение к художникам, господствовавшее как в придворных сферах, так и в Академии, возмущало Герцена. Это особенно отчетливо выразилось в его известном некрологе А. А. Иванова, также помещенном в «Колоколе».

Печатаемая ниже корреспонденция, предназначавшаяся для опубликования в «Колоколе» и написанная более чем за год до появления заметки «Академия художеств в осадном и иконописном положении», обнаружена нами среди бумаг известного экономиста И. К. Бабста. Кто является ее автором, установить не представляется возможным. Несомненно, что автор принадлежал к числу людей, близко стоявших к Академии. Не исключена возможность, что и цитированная выше корреспонденция была также написана им. Автор письма энергично осуждает предстоящую перестройку Академии и введение нового устава, составленного под руководством князя Г. Г. Гагарина, которому особенно достается в письме. Действительно, назначенный вице-президентом Академии Гагарин не проявил административных способностей. Однако он не был и пустым светским фатом, каким рисует его корреспонденция, а талантливым рисовальщиком, произведения которого не потеряли своего значения и до настоящего времени. Гагарин не внес и не мог внести каких-либо существенных изменений в дух, господствовавший в Академии, где усиленно насаждались принципы казенного искусства, глубоко враждебные новым веяниям, волновавшим русское общество. Конфликт между реакционной академической системой художественного воспитания и демократическими стремлениями молодых прогрессивных художников вскоре привел, как известно, к разрыву с Академией ряда талантливейших ее учеников, во главе с И. Н. Крамским.

Корреспонденция «русского художника» в «Колоколе» не появилась. Судя по тому, что подлинник письма обнаружен среди бумаг И. К. Бабста, письмо так и не попало в Лондон. Бабст именно в это время поддерживал сношения с Герценом и пересылал ему материалы для публикации в «Колоколе» (см. IX, 388). Повидимому, «русский художник» поручил Бабсту отправить в «Колокол» свои корреспонденции, но Бабст, по каким-то соображениям, не выполнил этого поручения, и рукопись осталась в его архиве.

Письмо печатается по автографу Отдела письменных источников ГИМ (ф. 44, ед. хр. 5, лл. 26—27).

С.-Петербург. 27 сентября 1858 г.

Господин издатель газеты «Колокол»!

Вероятно, не в первый раз вам получать от ваших земляков благодарность за ваши умные и добрые статьи; примите же и от меня русское спасибо; читая их, невольно много узнаешь грустного и худого, делающегося в нашем отечестве. Вот еще одно вопиющее дело. Вы знаете, говорят: «Что у кого болит, тот о том и говорит»,— совершенная истина! Блаженной памяти Николай I имел особенное несчастие в выборе людей, в том числе назначение быть президентом Академии художеств в юбке или кринолине было тоже одною его неловкостью. Дочь его Мария Николаевна [1], правда, что при ее средствах и обстановке могла бы много покровительствовать и одобрять художников и художества в России, к сожалению чего она не делает, а придумала (натурально, как женщина, любящая *перемены*) переделать и преобразовать состав * Академии, написанный Бецким и другими сановниками царствования Екатерины II, столь обильного замечательными государственными людьми; для этого августейший президент подобрал людей, одинаково далеко видящих, как и он сам! Князя Гагарина Г. Г.[2], которого не знают куда деть и что из него сделать, свиты генерал-майор, которому, однако, нельзя доверить ни полк, ни дать губернию в управление, князь, видите, рисует,— да кто же нынче

* Так в рукописи. Повидимому, автор имел в виду «устав».— *Ред.*

не рисует?— и предан византийской живописи, которой он, однако, не понимает, то его и готовят в администраторы, в вице-президенты Академии, а покамест он состоит при президенте. Хорош администратор: пришлось ему получать деньги в Академии, то он не сумел расписаться в получении их по-русски, просил дозволить расписаться по-французски!!! Это русский князь, это будущий начальник Академии художеств в России. Другое лицо, составлявшее новый штат,— это Львов Ф. Ф.[3], весьма ограниченный господин, который даже в семье Львовых всегда почитался *глупеньким*! Вот новые Бецкие, сановники, избранные ее высочеством Марией Николаевною для *улучшения* состава и преобразования Академии! Штат, ими составленный и одобренный мудрым президентом, представлен уж министру двора, который поручил его рассмотреть г. Арапетову [4]; одно к другому: Арапетов — чиновник, замечательный не по части административной, а по части сладострастия, и предпочитающий мужчин — женщинам; конечно, о вкусах не спорят! Он очень хорошо обрисован в двух стихах, посвященных его портрету:

Удав для подчиненных,
Перед Перовским — глист! [5]

Он был прежде директором канцелярии Министерства уделов, а теперь состоит по Министерству двора. Можно ли ожидать чего-либо доброго от всей этой честнóй компании?

С.-Петербургская Академия художеств с учреждения своего произвела столько замечательных художников, что, право, она ничем не уступает другим европейским академиям. Не говоря о живых, у нас были живописцы: Лосенко, Боровиковский, Левитский, Козлов, Брюллов, А. Иванов и др.; скульпторы: Гордеев, Козловский, Ф. Щедрин, Мартос, Егоров, Шебуев, С. Щедрин, Ставассер и др.; архитекторы: Кокоринов, Старов, Бажанов, Захаров, Воронихин, Волков и др.; граверы: Чемесов, Берсеньев, Скотников, Ухтомский, Галактионов. Все эти имена знакомы не только России, но и Европе, и в девяносто лет, что у нас есть Академия художеств, право, было довольно и талантов и замечательных художников. Чем же недовольно наше правительство, что нужно нашему *великому* президенту?

Примите же ропот художников, ваших соотечественников, дайте им несколько строк в вашем журнале, который так охотно читается во всех слоях общества нашей матушки России!

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть покорнейшим слугою

Русский художник

[1] Великая княгиня Мария Николаевна была назначена президентом Академии художеств в 1852 г.

[2] Подробно о кн. Г. Г. Гагарине см. в книге: А. Савинов. Григорий Григорьевич Гагарин. М., 1951; в его же статье: «Лермонтов и художник Г. Г. Гагарин» («Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 433—472) и в статье: Э. Найдич. Пушкин и художник Г. Г. Гагарин («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 269—278).

[3] Федор Федорович *Львов* — в это время секретарь Общества поощрения художников, вскоре назначенный конференц-секретарем Академии художеств. По поручению Гагарина, Львов, совместно с И. П. Арапетовым, составил новый устав Академии художеств, вошедший в действие с 1860 г.

[4] Иван Павлович *Арапетов* (1811—1887) — литератор и видный чиновник. Герцен встречался с Арапетовым в студенческие годы — оба были участниками «маловской истории», в результате которой подверглись кратковременному аресту. Огарев в одном из стихотворений также характеризует Арапетова как человека бездарного («Стихотворения и поэмы», Л., 1938, т. II, стр. 345—346).

[5] Цитата из сатирического стихотворения Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева и А. В. Дружинина «Загадка», резко высмеивающего И. П. Арапетова. Стихотворение начинается словами:

Художества любитель, тупейший, как бревно...

ПРОТЕСТ ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА» ЧИЧЕРИНА

К ВОПРОСУ О РАЗНОГЛАСИЯХ СРЕДИ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Публикация С. С. Дмитриева

Известна острая политическая полемика, возникшая в связи с появлением в л. 29 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. статьи либерального профессора Б. Н. Чичерина «Обвинительный акт». Эта статья продолжала длительные и безуспешные попытки либералов подчинить Герцена идеологии либерализма.

Опубликованию статьи предшествовало посещение Чичериным Герцена в Лондоне в сентябре 1858 г. Чичерин объяснял свое посещение так: «Мне хотелось основательно с ним переговорить о современном положении и посмотреть, нельзя ли направить его в смысле, полезном для России» («Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу». М., 1932, стр. 49). Попытка Чичерина при личной встрече убедить Герцена в необходимости соблюдать умеренность и кроткий тон по отношению к самодержавию, затевавшему реформы, разумеется, потерпела неудачу. Такая же участь постигла письменное обращение Чичерина. 11 октября того же 1858 г. он обратился к Герцену из Парижа с письмом, в котором вновь советовал «умерить тон», уверовать в благие начинания царя Александра II («Вольное слово», Женева, 1883, № 61-62). На это письмо Герцен ответил публично. Его заметка «Нас упрекают», опубликованная в л. 27 «Колокола» от 1 ноября 1858 г., содержала острую критику взглядов либералов, подобных Чичерину. Конечно, Герцен не назвал имени Чичерина, но верно определил принадлежность его к «доктринерам» и «либеральным консерваторам». На заметку Герцена Чичерин ответил большой статьей, полной нападок на революционно-демократический лагерь, на боевой дух «Колокола». В сопроводительном письме от 11 ноября 1858 г. Чичерин писал: «Мне, признаюсь, хотелось заявить публично, что, по крайней мере, часть русской литературы не сочувствует вашему направлению» (IX, 407).

Герцен напечатал присланную Чичериным статью под заглавием «Обвинительный акт», обозначив автора, согласно его желанию, инициалом *Ч*. Во вступлении к статье Герцен подчеркнул всю глубину своего разрыва с чичеринским либерализмом. «Обвинительное письмо, печатаемое нами сегодня,— заявлял Герцен,— существенно отличается от прошлых писем против „Колокола". В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна. Ничего подобного в этом письме. Те были писаны с *нашей стороны*, оттого в самых несогласиях и упреках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно *противной* точки зрения, т. е. с точки зрения административного прогресса, гувернементального доктринаризма» (IX, 405).

«Обвинительный акт» Чичерина явился программным документом всего либерального направления конца пятидесятых годов, сознательно противопоставлявшего себя идеологии революционных демократов. Однако резкий тон статьи, напористость и прямолинейность ее автора в обнаружении сущности либерализма как политического направления, державшего курс на сотрудничество с самодержавием, понравились не всем либералам. Е. Ф. Корш и Н. Х. Кетчер вполне поддержали Чичерина за его решительный тон. В то же время К. Д. Кавелин направил Чичерину протест против «Обвинительного акта» и письмо за подписями И. С. Тургенева, П. В. Анненкова, И. К. Бабста, Н. Н. Тютчева, А. Д. Галахова, И. И. Маслова, А. И. Скребицкого, в котором они солидаризировались с кавелинским протестом. Кавелин упрекал Чичерина в том, что он в своем выступлении обращался к Герцену, как к решительному революционеру, в то время как Герцена, по мнению Кавелина, следовало рассматривать прежде всего как публициста, не исключавшего и пути мирных реформ. Таким образом, разногласия, возникшие между Кавелиным и Чичериным, касались лишь вопроса об отношении к Герцену, о возможности и средствах привлечения Герцена в свой лагерь.

«Основная мысль вашего письма как нельзя вернее»,— обращался к Чичерину

Кавелин в своем протесте (IX, 418). Именно поэтому Кавелин и высказал прямое нежелание увидеть свое письмо-протест напечатанным в «Колоколе» или где бы то ни было. Он ограничился просьбою к Чичерину переслать его письмо-протест к Герцену «для собственного только сведения».

Между тем «Обвинительный акт» Чичерина вызвал много откликов современников и возбудил большую полемику. В редакцию «Колокола» поступило значительное количество писем, главным образом с критикой «Обвинительного акта».

Некоторые из писем были помещены в «Колоколе». В л. 30-31 Герцен напечатал неподписанное письмо, сопровождавшее статью, направленную против Чичерина. Как установил Лемке, материалы эти были присланы В. А. Панаевым (IX, 441, 485—495). В том же л. 30-31 Герцен писал: «...decorum oblige* не печатать статей за себя» (IX, 440). На это В. А. Панаев отвечал Герцену: «Позвольте мне вам заметить, что если вы прочтете еще раз наш протест, то вы увидите, что основной смысл его — не защита вас, но защита принципа...». Герцен согласился и в л. 32-33 напечатал и это «Письмо к издателю „Колокола“» (подпись: «Русский») и ранее присланную статью В. А. Панаева, озаглавленную «Автору „Обвинительного акта“ г. Ч.» (без подписи). В том же листе Герцен счел нужным опубликовать со своим примечанием также и «Письмо в защиту г. Ч<ичерина>» (подпись: «А. Спартанский»).

В л. 39 от 1 апреля 1859 г., в заметке «Еще и еще письма против „Обвинительного акта“, помещенного в 29-м листе „Колокола“», Герцен благодарит русских людей, оказывающих ему поддержку в борьбе с Чичериным, но вновь заявляет о своем намерении отказаться от дальнейшего помещения статей против «Обвинительного акта». Вместе с тем Герцен писал в этой заметке: «В последних письмах, сверх диатриб против ученого критика моего, множество чрезвычайно интересных вещей о России,— их мы помещаем с искреннейшим удовольствием» (IX, 532). Далее, под заголовком «Из первого письма», следовало сообщение о положении в России.

12 марта Герцен писал М. К. Рейхель: «Будет ли второе в „Кол<околе>“, не знаю». В приписке же к этому письму, сделанной 17 марта, Герцен извещал свою корреспондентку: «Получил ваше второе письмо; лучше, кажется, не печатать письма,— бог с ними». А спустя еще десять дней, в новом письме к Рейхель, от 27 марта, Герцен сообщал: «Отрывок из письма против Ч. будет, но всего не хочу помещать, надоело» (IX, 529—530, 531).

Можно предположить, что «второе письмо», о котором говорится в переписке с Рейхель и которое было получено от неизвестного нам лица при ее содействии, и было тем текстом, который Герцен частично напечатал под заголовком «Из второго письма» в следующем, 40-41, листе «Колокола» от 15 апреля 1859 г.

Выражая свое удовлетворение по поводу этой демонстрации сочувствия к «Колоколу» и его издателям, Герцен в письме к М. К. Рейхель от 25 марта/6 апреля 1859 г. следующим образом характеризовал суть позиций — своей и Чичерина: «Зато, надобно правду сказать, я и не ждал той симпатии, которой завален. Всякую неделю приходят письма; вся молодежь за меня. Разделение это с прародительских времен идет: якобинцы и жиронда, дерзость наша канцелярски-шляхетная» (IX, 535).

В бумагах «пражской коллекции» сохранился подлинник этого «второго письма». Несколько листов из середины и конца рукописи отсутствуют. Однако и в таком виде рукопись дает возможность ознакомиться с текстом больших купюр, произведенных Герценом. Герцен сделал оговорку, что печатает письмо не полностью, и дал ему вместо имевшегося в автографе заглавия «Письмо из России по поводу обвинительного акта г. Ч.» новый заголовок — «Из второго письма» и следующее подстрочное примечание: «Мы просим вспомнить несколько строк, помещенных нами в начале прошлого листа перед отрывками „Из первого письма“». Выпущенные при печатании в «Колоколе» места представляют значительный интерес для понимания внутренних течений в либеральном лагере.

Письмо-протест Кавелина по поводу «Обвинительного акта» Чичерина свидетельствовало о тактических разногласиях среди либералов — разногласиях по вопросу

* внешнее приличие обязывает (лат. и франц.).

об отношении к Герцену и «Колоколу», об оценке направления Герцена. «Письмо из России по поводу обвинительного акта г. Ч.» указывало на наличие и других разногласий. Оно свидетельствовало о том, что среди деятелей, относивших себя к представителям «истинно либеральных начал» и действительно являвшихся либералами, есть лица, которые расходятся с «либеральными консерваторами» типа Чичерина не только в вопросе об отношении к Герцену.

Автор «Письма из России» от имени всех тех людей, «которым омерзительно подавать и дружелюбно жать руку существующему у нас порядку или беспорядку,— это все равно», от имени «всех, в ком свежи чувства свободы, в ком истинно либеральные начала не поражены еще старческим одряхлением», выражает возмущение и протест против «Обвинительного акта» Чичерина. В дальнейшем автор подвергает острой и последовательной критике ту «составную часть» либерального направления, которая вполне выразилась в «Обвинительном акте» как часть, деятели которой «час от часу все более и более обнаруживаются страшными *охранителями*», часть, представляющую «самое полное выражение» «скопчески-либерального направления». Обвинительное письмо Чичерина лишено «живой души», оно «несравненно хуже даже Выбранной переписки Гоголя, с которой по духу и направлению совершенно сходно». Все содержание письма указывает, что автор его рассматривает политические позиции Чичерина именно как позиции «либерального консерватизма», по меткому слову Герцена. Автор с сожалением констатирует, что «с каждым днем все больше и больше обнаруживается», что русские либералы «не люди Декабря», а «люди слов», робеющие «перед всяким честным гражданским делом». Но в то же время автор благодарит Герцена за то, что он «не доктринер, а книгопечатальщик людей, страдающих в России», что издатель «Колокола» — «общий наш голос, вопиющий и взывающий к [нашему доброму] царю,— а он [не слышит или] не хочет слышать,— так ⟨и⟩ к здравому смыслу, который, наверно, проснется же в русской земле, так богато, говорят, им наделенной» (слова, взятые в прямые скобки, были исключены Герценом при напечатании письма в «Колоколе»).

Автор возмущен выпадом Чичерина против «фарса, сочиненного на Панина» и напечатанного в «Колоколе», и с гневом пишет о придворной камарилье, «которая окружает государя и сквернит его дорогое имя в народе». Автор выражает чувство боли, чувство ненависти против злоупотреблений и подлостей правительства, но «дорогое имя» царя, видимо, еще дорого для него самого. Автор заявляет, что у него и людей, ему подобных, нет программы, определяющей их действия. Автор всецело за смелое обличительное слово Герцена, но с его точки зрения напрасно люди, подобные Чичерину, упрекают Герцена в недостатке осторожности, обдуманности, «как будто вы и в самом деле печатаете воззвания, пишете проекты, как учредить республику, как распорядиться с существующими властями».

Кто был автором этого интересного письма, выяснить пока не представляется возможным. Текст письма кое в чем близок к упомянутым откликам В. А. Панаева на «Обвинительный акт» Чичерина, однако все эти отклики имели довольно определенную программу и выражали значительно более радикальные настроения в тактических вопросах.

Сохранившийся в «пражской коллекции» подлинник письма позволяет, как сказано, конкретнее представить себе разногласия среди либералов конца пятидесятых годов, обнаружившиеся в связи с появлением «Обвинительного акта» Чичерина. Не следует, конечно, переоценивать степень глубины и серьезности этих разногласий. Но для историка нет оснований и игнорировать их. Сопоставление рассматриваемого письма с письмом-протестом Кавелина показывает, что лица, от имени которых написано «Письмо из России...», в отличие от Кавелина, расходились с Чичериным не только в тактических вопросах.

Ниже печатается сводный текст «Письма из России по поводу обвинительного акта г. Ч.». Места, отсутствующие в рукописи, воспроизводятся по печатному тексту «Колокола». Зачеркнутый Герценом в рукописи текст приводится нами в прямых скобках. Основные разночтения с текстом «Колокола» — результат прямого редакторского вмешательства Герцена — даются в подстрочных примечаниях.

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ ПО ПОВОДУ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА г. Ч.

[Письмо г. Ч., напечатанное вами в 29 №, поразило, возмутило всех, в ком свежи чувства свободы, в ком истинно либеральные начала не поражены еще старческим одряхлением. На людей, которые не привыкли, которым омерзительно подавать и дружелюбно жать руку существующему у нас порядку или беспорядку,— это все равно,—на людей, не только размышляющих, но вместе с тем, как вы прекрасно сказали, и страдающих, это письмо произвело самое тяжкое, гнетущее впечатление. Мы спешим всеми силами протестовать против него и как умеем заявляем вам этот протест.

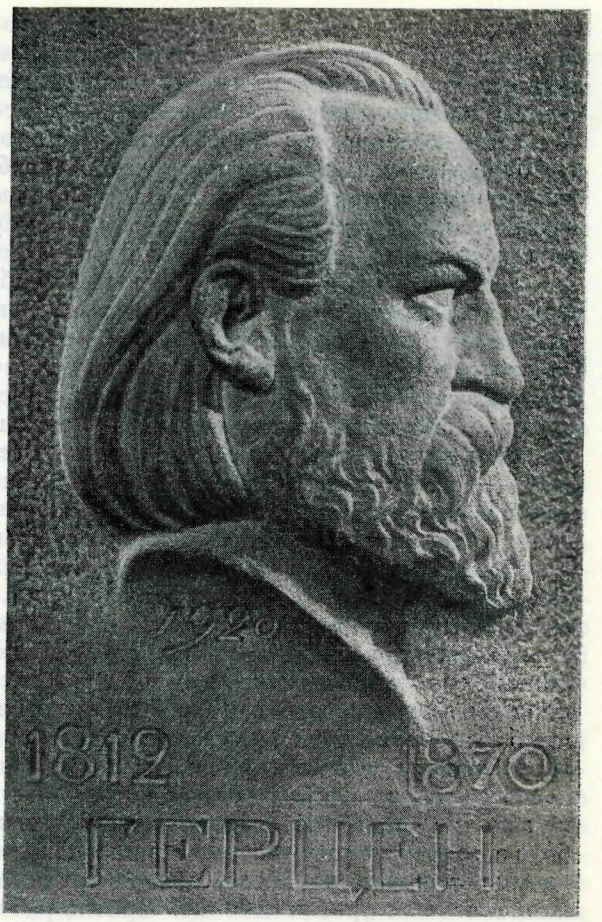
Письмо г. Ч., как какой химический реагент, тотчас обнаружило, уяснило составные части нашего либерального направления. Все мы взглянули друг другу в глаза, все мы увидели, что интересы наши, главным образом, вращаются около пустейшей, высокопарной болтовни, которою в наивности мы утешались как действительным делом и которая поэтому вполне заменила для нас дело.

Мы увидели, что весь либерализм некоторых господ был не что иное, как мираж, потешный огонь остроумия. С горестию мы увидели, что другие люди, которых прежде по многим весьма уважительным причинам ставили мы слишком высоко, как, например, честных, стойких, неподкупных представителей и поборников всех свободных начал, возможных здесь для человека, для общества, что и эти люди совсем не так тверды, как казалось, что и они час от часу все более и более обнаруживаются страшными *охранителями*. Мы вообще увидели, что письмо г. Ч. есть самое полное выражение того скопчески-либерального направления, которое обладает здесь довольно полновесными голосами, и которое, при совершенной отрешенности от живого сочувствия всякой свободе и живого непосредственного чувства нашей действительности, претендует на глубокое знание и понимание насущных потребностей русского общества и их разумного удовлетворения.]

Да! удивили нас наши либералы *. О, Николай Павлович! как он ошибался в русских людях, преследуя, тесня их за либеральные... о ужас! даже за революционные стремления и тенденции. Он, невинный, вовсе не догадывался, что весь наш либерализм дальше острых и резких слов, дальше шумной беседы никуда не шел; он не догадывался, что эти-то самые преследования, эти строжайшие надзоры полиции, обыски, ссылки ставили нас только в ложное положение, придавали нам фальшивое освещение, делали самых невинных добрых людей как будто в самом деле либералами, накидывая на них яркую тогу отчаянных головорезов, демократов, демагогов. А мы просто-напросто были только болтуны и остроумники, не щадившие лишь для красного словца, как говорится, ни матери, ни отца. Умер Николай Павлович. Унес он с собою весь наш либерализм, унес, по крайней мере, точку нашей опоры. Теперь мы летим со всех ног. Николаевский тугой ** канат, который мы из всех сил тянули своим остроумием,— порвался. Образ действий изменился. Слов, и одних слов, за которые мы прослыли такими *красными*, стало недостаточно. Пришло время действовать, делать что-нибудь. В самом воздухе носится потребность дела. Но что же, как же мы будем делать, когда все лучшие годы наши провели только в бесплодной и пустой болтовне, шуме, крике? Разве возможно нам понять теперь, что слово не есть дело, разве возможно это понять, когда Николай Павлович наши слова принимал за дела и, как за дела, строжайше нас преследовал за вздорные, хотя и бой-

* *Слово* либералы — *в «Колоколе» выделено курсивом.*
** *Слова* Николаевский тугой — *в «Колоколе» отсутствуют.*

ГЕРЦЕН
Рельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г.
Третьяковская галерея, Москва



кие, резкие речи? При такой высокой и высочайшей оценке нашей болтовни нельзя было не убедиться кажому говоруну, что он и в самом деле что-нибудь значит, т. е. делает дело. Но канат, натягивавший нас на либерализм, порвался. Небо как будто несколько прояснилось; в сплошной массе густых, темных облаков стали показываться, как говорят, окошки, в которые время от времени пробиваются оживляющие, согревающие лучи солнца. Поверите ли, а ведь это правда: мы, либералы, почти* удовлетворились. Да и как было не удовлетвориться? По правде сказать, ведь, собственно, мы ничего не искали, ничего не требовали, а потому ничего не ожидали. Целей у нас никаких не было. Мы почувствовали себя совершенно облагодетельствованными и громко заголосили против даже малейшего сомнения, что погода *не разгуляется* да и не может разгулять-ся, потому что направление ветра остается все то же... Инстинктивно, по чувству самосохранения, стали мы на сторону так называемого правительства, потому что эта позиция совершенно освобождает нас от всякого дела. Правительство делает хорошо, либерально — следовательно, нам можно сидеть сложа руки и попрежнему только словопреть о том, как смелые головы, люди, жаждущие работы и работающие, *портят дело*. С большим усердием и заботою мы *охраняем* почти каждый шаг правительственных распоряжений. Чуть где раздастся звонкое свободное слово, явится действие, поступок, обнаруживающий единственно только потребность самостоятельного, не крепостного существования,— мы кри-

* *После:* почти — *в «Колоколе»:* совсем

чим из всех сил, что это мальчишество, что это ни на что не похоже, что этим испортят все дело. Никак не можем мы этого понять, что если дают крохи, оскребки какой-нибудь самостоятельности, свободы, так ведь нужно же кому-нибудь ее брать и во имя ее действовать. Делать нечего, если мы не умеем ею пользоваться и продолжаем только словопреть. Не будем мешать другим, пусть кроха свободного действия берется детски неопытною рукою, когда наши опытные в либерализме руки привыкли только тыкать в воздухе для более усиленных доказательств при наших словопрениях. Нет, с каждым днем все больше и больше обнаруживается, что мы — увы!— не люди Декабря, что мы, собственно, люди слов, что перед всяким честным гражданским делом мы просто робеем, пугаемся и не решаемся ни на что. Под самым нашим носом проходят, задевая нередко и нас самих, вопиющие безобразия... Правда, мы и здесь кричим, но не от боли оскорбленного чувства, а так, «шумим, братец, шумим», сходимся, советуемся, толкуем, спорим чуть не до драки и тем кончаем дело или свое участие в деле. Всякий поступок, решительный шаг — для нас нож вострый. Как этого никто не поймет, что в отношении всякого практического дела мы не способны соломинки поднять, что все наши таланты и силы только в одних словах?

[Вот причина, почему мы так обрадовались и письму г. Ч., обрадовались, смешно и горько сказать, заодно с заматерелыми николаевскими генералами, заодно с заматерелыми грабителями и мироедами, наполняющими наше правительство. Это письмо как нельзя лучше угодило нам. Заявив свои высокие требования, которые, очень понятно, в настоящую пору ни все русское общество и ни один из современных русских людей, где бы он ни был, ни даже сам автор со всеми мыслящими и просвещенными людьми выполнить не может,— это письмо тем самым совершенно освободило нас от всякой положительной работы; мы обрадовались ему, как якорю спасения, как программе, по которой можем с большею свободою, определенностию и полнотою продолжать свой подвиг — нескончаемые словопрения с беспощадной критикой и неистощимым остроумием, направленным против кого же? Против рабочих, которым во всех смыслах и отношениях мы обязаны бы помогать всеми силами и которым мы даже не даем и того, что у нас слишком изобильно,— слов, слов одобрения, столько оживляющих трудную, тяжелую работу.— Да! слова и слова, рассуждения и осуждения, эквилибристика ума — точно как в филаретовских проповедях.]

Но где же сердце, где ж накипевшая горечь всякой неправды, какую мы каждый день и каждый час видим перед собой, под своим носом? Где ж чувство человека, оскорбленное и постоянно оскорбляемое презрением от всякого рода властей, не только министров, генерал-губернаторов, но даже будочников? Неужели и в самом деле все зло, в котором мы купаемся, есть только предмет остроумия и болтовни? Неужели наше чувство так заматерело в этой праздной и шумной * болтовне, что им уже не шевелит ни одно свежее, живое стремление к свободе, и боже мой, к какой свободе? к сохранению только прав человеческого достоинства, которые попираются презрительно всеми пошлыми и подлыми ногами, так самодержавно расхаживающими по нашей родной, забитой и закабаленной Руси.

[Но будет о наших либералах, о которых без горести и без горечи мы не можем и помыслить. Перед нами письмо г. Ч. — Документ прекурьезный.— С первого раза мы здесь не видим «живой души»— в этом отношении оно несравненно хуже даже Выбранной переписки Гоголя, с которой по духу и направлению совершенно сходно. Неужели это голос человека,

* *В «Колоколе»:* пустой

который одною жизнию с народом принимал к сердцу его боли? Нет, это сухое резонерство немца-теоретика, отыскавшее равновесие государственных властей там, где есть только орда грабителей и разного рода шулеров, подтасовывающих официальные указы, высочайшие повеления, отчеты и т. д. и наверняка обыгрывающих государя и православный народ. «Какая почва для политического писателя,— восклицает Ч.— правительство, ищущее опоры...». И потом поучает, что для политической деятельности необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное понимание вещей, спокойное обсуждение цели и средств. Что у нас общество должно купить себе право на свободу разумным самообладанием... Что нам нужно независимое общественное мнение, умеренное, стойкое, с серьезным взглядом на вещи, с крепким закалом политической мысли...». Все это аксиомы. Но к какой стороне относятся эти запросы и требования? Какую утопию они разрисовывают?— Правительство! Не правда ли, как это слово, совершенно понятное и разумное, в связи с целою теориею государственного права, странно звучит в наших русских ушах.]

Правительство ищет опоры! * Кто же это ищет, какая власть, какое лицо — чем обнаруживается это искание? Какой опоры ищет? ** Ищет ли опоры государственный совет, комитет министров, Панин, Муравьев, Тимашев, митрополит Григорий, Закревский, московское губернское правление, такой-то земский суд, такой-то частный пристав, такой-то секретарь, столоначальник?.. Ведь все эти лица — правительство. Где у нас органы его, которые имели бы право объявить, что ищут опоры и какой именно? Где у нас идеальное равновесие властей? [Боже мой! Да разве неизвестно автору, отчего вся эта страшная разладица, все это безобразие в нашей земле, как не от того, что] *нет у нас правительства* и [что] организация властей такова, что самый добросовестный ***, честный человек принужден бывает сознаться в невозможности действовать на общую пользу? Разве неизвестно, что вместо правительства существуют у нас иерархически составленные полки чиновников, волею и неволею обманывающие друг друга в миллионах бумаг; что обман, ложь, лицемерие и всякая писанная неправда служит нам законом и покрывает все наши законы, что министры нагло надувают государя, нагло делают распоряжения помимо его повелений и решений, так что, в сущности, неограниченность нашего самодержца — вообще дело сомнительное. Во многих случаях Орлов, Панин, Закревский да и всякий министр, всякий генерал-губернатор являются выше власти государя и всегда заставляют ее плясать по своей дудочке. В этом громадном сцеплении обманов, лицемерия, лжи, надувательства трудно, совсем невозможно сложить на кого-либо одного всю вину. Здесь всё рука руку моет. И после того вам говорят, что вы могли бы умеренностью, осторожностью и разумным обсуждением общественных вопросов внушить к себе доверие этого почтенного правительства,— какая глубокая несообразность этих слов с действительностью! Можно ли ожидать доверия там, где, какого бы вопроса вы ни коснулись, особенно серьезным образом, вы непременно наткнетесь на такую правду о предержащих теперешних властях, обнаружение которой они, конечно, не простят никому и, само собою разумеется, постараются представить вас опасным революционером, которого следует отдать под строжайший надзор полиции. Остается одно: лицемерить перед каждою властью для того только, чтоб убедить ее в разумности ваших требований, желаний. Но это значит ронять свое человеческое достоинство и окончательно губить дело честной, откровенной, неподкупной гласности, кото-

* *Слова:* Правительство ищет опоры — *в «Колоколе» выделены курсивом.*

** *Далее в «Колоколе»:* и где?

*** *Следующий далее текст, до слов:* и уж самое меньшее—*приводится по «Колоколу». Соответствующие листы рукописи не сохранились.*

рая — рано ли, поздно ли,— а восторжествует. Правительство ищет опоры! Да это только можно говорить в каком-нибудь *прекрасном далеко*, откуда писал свою избранную переписку Гоголь. Здесь мы и признаков не видим, чтоб правительство к чему-нибудь прислушивалось. Оно еще так верит в свою непогрешительность, в могущество и разумность самого себя, что и в голову ему не приходит отыскивать опоры где-либо в другом месте, кроме III Отделения. Наоборот, оно тотчас же уничтожает всякое благородное, благонамеренное, честное стремление помочь ему. Оно презирает едва, едва оживающее мнение, вместе с литературою, которую вообще считает ребячеством. В каждом проявлении общественного мнения, которое, естественно, весьма редко совпадает с видами правительства, т. е. Панина, Ковалевского, Буткова и братии, оно видит протест, демонстрацию против законных властей. В каждом свободно, хотя бы и очень умеренно сказанном слове оно слышит революционный возглас, призвание к топору. Не только «Колокол» считается революционным, но некоторые из наших журналов называются *красными*. С точки зрения нашего правительства, все почитается *красным*, что только заявляет какой-либо самостоятельный, свободный голос. Нет, наше правительство еще не привыкло, даже не думает привыкать к свободной речи. Да что говорить о правительстве — на самих нас еще как-то странно действует всякая свободная речь; в слове, в котором иной раз ничего более не выражается, как только чувство свободного достоинства, мы сами еще видим чуть не дерзость, оскорбление величества, революционный возглас. Удастся на обеде или печатно вымолвить простое слово, заявить свободную мысль, сказать что-нибудь по-человечески, а не по-лакейски, простым словом здравого смысла, а не риторикой холопства, — мы в каком-то угаре от своей храбрости и чувствуем, что поступили страшно геройски. Да и может ли быть иначе? Если каждый самостоятельный, свободный шаг признается от правительства за революционный, то как же в самом деле не признать и себя революционером, красным республиканцем, произнеся два-три свободных слова? С вас таинственно берут подписку в публике не обедать и речей на обедах не говорить. Как же не почувствовать себя страшным либералом? И посмотрите, в каком мы бываем торжестве, если подчас удается нам сквозь цензурную решетку показать, как говорится, кукиш в кармане.

Только что подумаешь, вот, слава богу, кажется, все идет порядочно: в литературе запах весны, и царь-батюшка услышит же, наконец, наши споры, наши вздоры... Ничуть... смотришь, цензор удален... смотришь, Ковалевский составил цензурный устав, не только со включением всех николаевских циркуляров, но даже и с собственными прибавлениями, еще позаористее тех циркуляров, так что даже Блудов, которому до этого дела не было, принужден был протестовать, объясняя просвещенному министру, что николаевские циркуляры были мерою временною, вызванною тогдашними обстоятельствами, и что теперь они не только не полезны, но даже и вредны. Правительство ищет опоры! Ну, положим, что вы, я, другой, третий желает подать руку помощи, желает раскрыть такие-то и такие-то злоупотребления, раскрыть после источники добра, и т. д. Как бы вы довели это до сведения правительства? Если оно узнает, что вы открываете ему себя помощником, маленькою точкою опоры — да оно сотрет вас с лица земли. «Военный сборник», например, передан другой редакции, потому что прежняя редакция открыто желала принести пользу правительству, желала по силам ответить пресловутому исканию опоры. Автора статьи «О сельском духовенстве», напечатанной в «Заграничном сборнике», чуть было не сослали на каторгу * и уж, самое меньшее,

* *Далее текст нами приводится снова по рукописи.*

ОТКЛИК «ИСКРЫ» НА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ «КОЛОКОЛА»

Карикатура неизвестного художника, гравюра Н. Куренкова

«Искра», 1862 г., № 49

— Говори правду—есть у тебя колоколъ?
— Есть батюшка, только одинъ край выбитъ...
— А — а — а, борода, такъ ты колоколъ держишь въ домѣ, а не хочешь ли въ часть...

хотели отправить его в Соловки. Говорят, фамилия * его отстояла. А все-таки, по общему признанию даже всех консерваторов, ему не сдобровать и на прежнем своем месте не усидеть. Так как он священник, то ему хотят сделать милость, награду — угнать из России куда-нибудь на место при посольстве. Следовательно, что ж? Полезного деятеля, на которого правительство действительно могло бы опереться в данном случае, оно удаляет как человека, ему вредного и опасного. Но любопытен слух, что фамилия его отстояла. Подобные слухи часто ходят у нас. То государь отстоял, то государыня отстояла, отпечаловалась за какую-нибудь жертву *или* за какое-нибудь дело, справедливое, но погибавшее от подтасовки шулеров-олигархов. Вот вы тут и рассказывайте, что у нас правление самодержавное и неограниченное. Православный народ лучше всякого публициста-теоретика очень ясно и отчетливо понимает, что оно весьма и весьма ограничено и что воля царя никогда до нас не доходит в своем непосредственном, прямом смысле, особенно если коснется каких-либо льгот, облегчений и вообще проявит так называемый либерализм в деле управления.

[Если так идут дела, то позвольте спросить вас, г. Ч., что такое это *разумное самообладание*, посредством которого вы советуете русскому обществу приобрести себе право на свободу? Да и о какой свободе вы говорите? Понятие о свободе ведь не для всех еще одинаково. Неужели вы и в самом деле думаете, что мы желаем какой-нибудь свободы заморской, английской, французской, американской? Далеко нам до таких идеалов, да и где нам? мы еще не рассуждать собираемся о законах, налоги вотировать или держать вольные митинги. Нас еще бьет и грабит квартальный, нас еще сажает по произволу в тюрьму, на съезжую чуть не всякая

---

* *Слово:* фамилия — *здесь и далее выделено в «Колоколе» курсивом.*

власть, какой подвернемся под руку, мы еще не то, что от сильного, да и от слабого обидчика не знаем, где найти себе управу. Где тут обольщать себя мыслию о разумном самообладании? Как тут понять весьма понятные, только не для нас, слова и поучения: в вас не должно быть нетерпения, пылкости, неустойчивых требований, неразборчивости в средствах, когда приходится хлопотать еще только о самых первых насущных потребностях благоустроенной гражданской жизни. Хлеба нет у нас, хлеба. Мы умираем с голода, а вы умничаете и проповедуете нам об умеренности, терпении, осторожности, разборчивости в средствах. Нет, милостивый государь, не верьте этим голосам. Так могут говорить или дряхлые говоруны-либералы, не привыкшие ни к какому серьезному делу, или молодость, еще не жившая нашею действительностию и пока еще только участвующая, обсуждающая насущные наши вопросы, а не ощущающая их жизненной силы и тягости. Человек с сердцем, глубоко сочувствующим нужде и бедствию, глубоко оскорбленным неправдою и насилием, которые ежечасно совершаются пред нашими глазами и стали уж явлением обыкновенным, такой человек не станет резонерствовать, не станет спесиво и холодно рассуждать там, где, кроме плача и стонов, ничего не слышно. Это люди *мыслящие*, для которых всякое зло, всякая неправда, как бы ни была она вопиюща, есть только предмет для размышления и рассуждения, а не предмет сердечной боли и глубокого негодования. Трудно им, людям аксиом, математических формул, логических отвлеченностей, понять, почувствовать живое слово действительности. Еще не таких упреков они вам наделают за иные слова, за иные фразы. Как им понять, например, что фарс, сочиненный на Панина и вами напечатанный, есть типическое изображение этого господина, что в действительности вся деятельность Панина есть не что иное, как фарс, составленный из тысячей нелепостей, одна другой поразительнее, и что напечатанный фарс вполне, типически характеризует эту пошлую деятельность? Знает ли г. Ч., что при всех этих нелепостях, о которых все говорят со смехом, но немногие со скорбию и негодованием, долговременное управление этого человека, его кредит, тайные интриги и сделки, которыми он держится, принадлежат к числу самых грустных и в то же время самых сильных доказательств огромного, всеобщего разврата в нашем управлении, неспособности и круглой недобросовестности нашего правительства или этой шайки официальных шулеров, которая окружает государя и сквернит его дорогое имя в народе.]

Нет, *милостивый государь, глубоко, от всего сердца* мы благодарны вам за то, что вы не доктринер, а книгопечатальщик людей, страдающих в России *; что вы общий наш голос, вопиющий и взывающий к нашему доброму ** царю,— а он не слышит или *** не хочет слышать,— так 〈и〉 к здравому смыслу, который, наверно, проснется же в русской земле, так богато, говорят, им наделенной. На долю нашу выпало чувство боли, чувство ненависти; у нас нет программы, определяющей наши действия, мы заявляем свой протест воплем и не виноваты, если не очень разборчивы на слова; нам некогда обдумывать свои протесты, мы не рассуждаем, а страдаем ****. Какие тут понимания, темпераменты, когда вас обижают, грабят, режут на большой дороге, называемой русским правительством?

[Милостивый государь, в 30 № «Колокола» вы сказали, что не будете печатать протестов против письма г. Ч., в которых, разумеется, по необ-

---

* *Слова:* книгопечатальщик людей, страдающих в России — *в «Колоколе» выделены курсивом.*

** *Слова:* нашему доброму — *в «Колоколе» опущены.*

*** *Слова:* не слышит или — *в «Колоколе» опущены.*

**** *Вместо:* а страдаем — *в «Колоколе»:* и не осуждаем.

ходимости будет высказываться, особенно вам, сочувствие. Нам кажется, вы не имеете на это права. Если вы отдали свое дело на общий суд, то обязаны делать гласным каждое показание по этому предмету. Тем более, что в настоящем нашем протесте, который идет от значительного большинства людей, страдающих в России, мы, кажется, ни слова не сказали собственно о вашем лице, да и не намерены говорить вам о вас же самих. Но как же удержаться и как скрыть нам от вас, что «Колокол», несмотря на осуждение людей мыслящих и просвещенных, все-таки, по их же признанию, сила и власть... *]

Если «Колокол», по сознанию наших противников,— *сила и власть* в русском государстве, то, конечно, не потому, что в нем печатались длинные статьи чисто цензурного содержания, которые, следовательно, могли бы быть напечатаны и здесь. Нет, он сила и власть только по строкам противуцензурным, потому что страшно и неимоверно ярко освещает темные, мрачные, зловонные углы нашей правительственной системы, которые не только государю, да и нам-то мало известны. Он — наша высшая инстанция, наше спасение от другой силы и власти в русском государстве, от тысячеглавого зверя, именуемого бюрократизмом, чиновничеством,— хвост которого повертывается в земских судах, а голова осклабляется у трона, который ежеминутно отводит глаза государя, чтоб спокойнее пожирать, истреблять свежие, молодые силы даровитого народа. Зверь этот только и боится вашего свободного звона, как и всякого свободного звука; он чувствует, что в этих звуках его смерть. Он чувствует, что только одним «Колоколом» может достигнуть царского уха раздирающий душу народный вопль. Оттого-то он давно успел обойти, уверить, убедить государя, что это призывный звон к крамольному вечу, и царское ухо, к несчастию, воспитанное только военною музыкою да послащенною холопскою речью, может быть, и не различает еще ясно, что в этих звуках, действительно, наши боли, наши стоны. Ошибиться легко, когда кто сроду не слыхивал, как плачет человек! Ну мы будем звонить. Человеческое сердце — не камень!

Знаете ли, чего еще не выносят наши рабские уши в свободной вашей речи?...—вашего обращения с чтимыми авторитетами. Знаете ли, что между вашим совершенно освобожденным русским словом и нашими холопскими еще пока понятиями и представлениями лежит целая бездна? Оттого, когда вы называете подлецами, мерзавцами лица, о которых все мы очень хорошо знаем, что они подлецы и мерзавцы,— нас это смущает. Они так у нас не называются. Мы привыкли называть их министрами, генералами, действительными тайными советниками и т. д.; о дальнейшей свободе вашего слова и говорить нечего...

«Все же,— говорят,—так выражаться нельзя!». Поймете ли вы теперь, до какой глубины развращены мы лицемерием и холопством? Вас упрекают в недостатке разумного самообладания, умеренности, осторожности, обдуманности, как будто вы и в самом деле печатаете воззвания, пишете проекты, как учредить республику, как распорядиться с существующими властями. Все эти обдуманности и самообладания выставляются — увы!— по поводу резких, слишком свободных для непривыкших ушей выражений и фраз. Эти фразы, видите, все дело портят. Хорошо же, стало быть, дело, которое может вдребезги разлететься от одной только фразы! Хорош же, стало быть, либерализм правительства, что от одной фразы может тотчас же свихнуть на николаевский деспотизм? А тут еще у нас мечтают об общественном мнении с крепким закалом политической мысли!

---

* Дальнейший текст в рукописи отсутствует и приводится нами по «Колоколу».—*Ред.*

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Публикация З. П. Базилевой

Среди обширной корреспонденции, поступавшей в «Колокол» из России в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, было немало такой, которую Герцен выразительно называл «балластом писем». «Всякий писал, что попало,— вспоминал Герцен об этом времени,—один, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя уверить, что он опасный человек...» (XIV, 375). Но для Герцена и эти письма не были лишены интереса, как любопытные свидетельства об отношении к «Колоколу» обывателей, враждебно настроенных кругов. Они содержали также небесполезные сведения и факты. Он их внимательно читал, классифицировал, отбирал для хранения и даже, как он говорит в «Былом и думах», имел намерение поделиться ими с читателями в конце одной из частей (XIV, 376). Выполнить это намерение ему не пришлось. Письма остались в недрах архива «Колокола». Несколько таких не лишенных интереса писем обнаружено в «пражской коллекции».

Ниже публикуется одно из этих писем и, кроме того, конец другого письма, начало которого не сохранилось.

Первое письмо прямо обращено к издателю «Колокола». Второе представляет собой открытое письмо Александру II, предназначавшееся для опубликования в «Колоколе», но по каким-то причинам не напечатанное.

Авторов обоих писем установить не удается. Первое из них не подписано, второе — подписано инициалом S.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, он. 1, ед. хр. 126).

1

<Конец 1858 — начало 1859 г.>

Милостивый государь!

Россия покрыта таким глубоким мраком, что даже свет одной *Полярной звезды* и звон отдаленного *Колокола* обнаруживают много скорбных болезней и горького зла и будят заснувшие угнетенные силы, которых начинающаяся деятельность принесла уже добрые, хотя еще болезненные плоды. Когда начнут разноситься тучи и вслед за *Полярной звездой* начнут появляться другие светила и, наконец, яркий свет и целебная теплота общественного мнения оживит и разовьет семена народных сил и доблестей?

Много сочувствия и живой признательности проявляется к вам и много надежд обращено на вас. Уничтожьте проявившийся страх, что будто бы ваши издания или изменят направление, или вовсе перестанут издаваться, объявлением лживости слухов. Это принесет отраду и успокоение всем искренно вас уважающим и признательным.

Напечатайте это письмо, исправив, если можно, его литературные недостатки.

Как радостно принимаются всеми благомыслящими всякое дельное распоряжение, всякое удачное назначение, всякое внимание к уму, к истинным достоинствам и к полезной деятельности. Всякому добросовестному труженику слышится в этом поощрение и оживляется в нем надежда, что и его труд может быть примечен и оценен. Напротив того, как жестоко поражается все доброе назначением в вышние обязанности людей недостойных. Тогда пронырство, плутовство, воровство, низкопоклонность, клевета и лесть сгруппировываются около своего представителя, и горе всему, что не лжет в глаза, не ворует и не кланяется. Недаром говорится: рука руку моет.

Избранию в министры, товарищи их и директоры департаментов должно предшествовать полное рассмотрение характера, способностей, образования, всей службы и всех предстоявших случаев к развитию. По таким данным можно составить довольно точное понятие о достоинствах и способности занимать высокую обязанность.

Какие данные, например, имеет г. Ростовцев, глава обширного, важного министерства внутренних дел? Разобрав все его прошлое, нет возможности понять, что могло быть причиною этого горького назначения.

БЕДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Картина маслом неизвестного художника, 1850-е гг.
Исторический музей, Москва

Какие дела и заслуги были причиною назначения Краббе директором департамента Морского министерства, а теперь пожалованного в генерал-адъютанты и, видимо, выдвигаемого на дорогу в министры? Неужели это может состояться? Печальна и жалка будущность флота нашего. Директором театров — вот его место, и на это он имеет много положительных достоинств, но потребностей флота, средств его развития, знания службы и достоинств морского офицера он понимать не может[1].

Считаясь, но не служив и ⟨не⟩ служа во флоте, он состоял при особе князя и для его потехи копировал перед ним разных людей и рассказывал анекдоты, большею частию площадные. Впоследствии круг его деятельности расширился, и Краббе бил ямщиков и смотрителей и быстротой езды не уступал фельдъегерям. Надо отдать ему справедливость: во всем этом он до сих пор еще настоящим артистом. Кроме того, он имеет самое дружеское знакомство с прислугою генерал-адмирала[3] и знает всегда расположение духа, все разговоры и мнения его и при докладах как будто случайно сходится с ним в мыслях и к тому еще во-время искусно

расскажет анекдот и тут же представит кого-нибудь и тем приводит в хорошее расположение духа, заставляет смеяться и смело достигает своей цели.

Вот наши строгие ценители и судьи.

Неужели у нас нет людей умных, добросовестных, любящих Россию (не как средство нажиться), которых бы жизнь, деятельность и честолюбие слились бы с пользами и славою народа?— Есть они, и много их. Умейте избирать.

Неужели недостаточно представляет Крымская война примеров вопиющего, преступного, повседневного зла, людей, недостойно избранных, с одной стороны, и высокого пожертвования и имуществом и жизнию — с другой, что нет страха злу сверху, по невозможности видеть и слышать его при этой системе лжи и лести и взаимного охранения облеченных властию плутов, между тем как тысячи достойных снизу видят, чувствуют на себе зло и могли бы обнажать его и класть клеймо презрения и позора на недостойных и возвышать признательностию и уважением доблестных граждан. Тогда только избирающая и действующая власть имела бы достойных помощников, и благоденствие народа и слава дорогого нам отечества охранялась бы достоинством и доблестию, поддерживаемыми общественным мнением.

Дайте свободу мысли и речи, без них нельзя видеть и искоренять зла, получившего гражданственность.

На обороте 2-го листа:

Г-ну Герцену

[1] Слух о назначении Я. И. Ростовцева министром внутренних дел, а Н. К. Краббе — морским министром циркулировал в России в конце 1859 — начале 1860 г. Этим мотивируется приблизительная дата письма.

[2] *Генерал-адмирал* — вел. князь Владимир Александрович.

2

⟨Февраль — апрель 1860 г.⟩[1]

*пусть же прозвонит над вами Колокол лондонский, но тоже с русским телепнем [2], и этот звон над холопом слышнее будет барину звона всех колоколов всех православнейших церквей России.

О! государь! Вы доселе не знали, конечно, этого гнусного поступка Панина [3], но, узнав, какую веру вы ему дадите в каком бы ни было деле, в особенности столь важном, как об уничтожении крепостного состояния в России?

Дикое, невежественное племя корыстных эгоистов окружает трон ваш; сдавайте их в архив скорее, а к жизни деятельной вызовите новые, свежие силы; тогда, государь, вы увидите и собственные силу и благородство, затоптанные в грязь Муравьевыми, Панинами и др.: ваше ничтожество — их сила. Бедный государь!

[1] Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о гр. В. Н. Панине, назначенном в феврале 1860 г. председателем редакционной комиссии.

[2] *Телепень* (стар.) — язык у колокола.

[3] Что именно имел здесь в виду автор письма, точно установить не удалось. 23 июня 1860 г. Герцен писал И. С. Тургеневу: «Панин начал делать невероятные мерзости, но нет документов и подробностей» (X, 352). В 7-й книжке «Голосов из России» Герцен напечатал «жизнеописание» Панина. См. также X, 386.

---

* Начало письма не сохранилось.—*Ред.*

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Публикация Я. И. Линкова

Публикуемый ниже отрывок из статьи неизвестного автора, присланной в «Колокол», но не появившейся в нем, относится, несомненно, ко второй половине 1861 г. В отрывке содержится характеристика социально-экономической обстановки, сложившейся в русской деревне в первые месяцы после 19 февраля. Характеристика эта представляет несомненный интерес как свидетельство хорошо осведомленного современника.

Автор статьи в очень четкой форме отмечает крайнее обострение классовых противоречий в деревне в связи с крестьянской реформой: «...с нетерпением, какого в них ⟨крестьянах.— *Я. Л.*⟩ прежде не замечалось, ждут минуты, когда им можно будет окончательно сбросить с себя последние изъяны крепостного отношения».

Характеризуя первую революционную ситуацию в России, В. И. Ленин указывал, как на один из важнейших ее признаков, на возбуждение крестьян, которых очень часто «приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять „Положение", обдирающее их, как липку...» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26—27).

Это возбуждение крестьянства и фактическое неприятие им реформы и «положений» 19 февраля констатируется в отрывке с достаточной определенностью и конкретностью. «Крестьяне ⟨...⟩,— пишет автор,— уклончиво отстраняют от себя то, что от них требуется во имя закона ⟨...⟩, и страшно растет раздражение, пределы которого неизвестны».

Подмечено автором и такое явление, как ожидание нового царского манифеста с «истинной волей», характерное для умонастроения широких масс русского крестьянства того времени.

Однако к оценке пореформенной действительности автор статьи подходит с либеральных позиций. Характеризуя крестьянские настроения накануне реформы 19 февраля, он пишет: «Поскуда дело не начиналось, терпению, казалось, ни меры ни конца не будет». Это вполне соответствует либеральной легенде о том, что русское крестьянство будто бы покорно и смиренно ожидало монаршей милости— манифеста об отмене крепостного права. Можно думать, что именно эта позиция автора и привела к тому, что статья не была напечатана на страницах «Колокола». Во всяком случае, сделанные Герценом или Огаревым пометки на рукописи (они указаны в подстрочных примечаниях), с полной очевидностью свидетельствуют об отрицательном отношении издателей «Колокола» к либерально-монархическим взглядам автора.

Текст печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 127).

*но в явных делах и вещах, в явном положении всей страны: чтобы понять и увидеть ее, довольно вспомнить о совершающемся у нас преобразовании, о неразрешенном споре с помещиками и крестьянами, об упорстве, с которым помещики отстаивают свое мнимое, уже потерянное достояние, о их крайней нужде в капиталах для устройства хозяйств и в наличных деньгах для взноса процентов по займам в кредитные установления, о их неумении взяться за труд с наемными ⟨рабочими⟩, о их крайнем опасении окончательно разориться.

Должно вспомнить также о массе неугомонных крестьян, взволнованной своим недоверием, своими опасениями и особенно своими ожиданиями и всегда готовой по первому случайному и нелепому слуху поверить в умышленный обман и повторить сцены Старорусского[1] или Галицийского[2] восстания.

---

* Начало письма не сохранилось.— *Ред.*

Положение крестьян частию улучшилось *, им, казалось бы, следовало быть довольнее прежнего; однако же это не порядок, но психологическая истина: они именно вследствие того, что положение их стало сноснее **, сами стали недовольнее; они с нетерпением, какого в них прежде не замечалось, ждут минуты, когда им можно будет окончательно сбросить *с себя последние изъяны крепостного отношения*. Покуда дело не начиналось, терпению, казалось, ни меры, ни конца не будет, но после, когда дело уже исполняется и уже приходит к концу, людей внезапно охватывает порыв нетерпения, и тогда и самая тень того, что сносилось прежде, становится им несноснее прежней действительной тяжести.

При общем финансовом расстройстве заработки крестьян уменьшились и стали заруднительнее, а несмотря на то усиленные подати, несносные барские оброки, какие-то новые волостные сборы и слухи о еще ожидаемых в будущем сборах стали несноснее.

Помещики, ссылаясь на положение писанное, требуют точного применения закона и требуют часто невозможного; крестьяне же, с своей стороны, сквозь безграмотный бред своего недоверия, своего непонимания статей положения и своего инстинктивного, невольного тяготения в сторону своих вещественных выгод, ссылаются на свое действительное положение, на свои действительные обстоятельства и уклончиво отстраняют от себя то, что от них требуется во имя закона. Понятно, что при этом возбуждается упорство с обеих сторон и страшно растет раздражение, пределы которого неизвестны.

Несмотря на циркулярное объявление по всем волостям, крестьяне, тем не менее, настойчиво ждут манифеста о новой воле, а в тех объявлениях, которыми старались разуверить их, они видят, по их выражению, дворянскую руку.

[1] Восстание новгородских военных поселян в районе Старой Руссы в 1831 г., связанное со свирепствовавшей тогда холерной эпидемией.

[2] Крестьянское восстание в Галиции в 1846 г.

АВТОР «NON POSSUMUS» — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Л. Леонидова

В листе 222 «Колокола» от 16 июля 1866 г. было напечатано извещение редакции о получении ею «превосходной статьи» под названием «Non possumus»***.

В конце марта 1867 г., в связи с проектом издания нового журнала, Огарев сообщил Н. И. Утину, что в его издательском портфеле, среди статей политического и научного характера, которые с задачей журнала не находятся в противоречии и могут принести несомненную пользу, имеется «статья чья-то „Non possumus“» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 64). В переписке Герцена также сохранилось два упоминания об этой статье. 8 февраля 1867 г. он писал Огареву из Флоренции о том, что «Non possumus» следует поместить в проектируемом журнале (XIX, 206), а 5—6 декабря того же года, обсуждая план готовящихся номеров «Kolokol», Герцен осведомился у Огарева: «А что же „Non possumus“?» (XX, 44).

Статья под таким названием в изданиях Герцена не появилась, и никаких подробностей о ней известно не было. Теперь же рукопись «Non possumus» обнаружена в «пражской коллекции».

---

* *Слова:* частию улучшилось — *подчеркнуты красным карандашом, и рядом карандашом же поставлен знак вопроса.*

** *Слово:* сноснее — *подчеркнуто красным карандашом.*

*** «Не можем» (лат.).

Это тетрадь среднего формата, содержащая двадцать страниц текста. На титульной странице, непосредственно под заглавием, вписано печатаемое ниже небольшое письмо автора статьи, без подписи, адресованное Герцену и, повидимому, относящееся к началу июня 1866 г. На самом верху той же страницы рукой Герцена сделана надпись: «Не мешать дворян». Смысл этой надписи неясен.

Статья «Non possumus», состоящая из глав: «Церковь и государство», «Религия для народа», «Христианство и демократия», «Нравственность» и «Внутренний закон», представляет собой антиклерикальный памфлет, в котором резко осуждается лицемерие христианства и официальной религии вообще. «Наше время,— пишет автор «Non possumus»,— разглядело, наконец, тот страшный, чудовищный узел, которым в продолжение нескольких тысяч лет накрепко затягивалась всякая жизнь в человеческом обществе. Мы знаем теперь, что узел этот состоит из двух петлей: из государственной церкви и церковного государства». «Вся задача христианства,— пишет он далее,— есть отрицанье видимого, реального мира. А реальный мир — это и есть демократия в истинном ее смысле, почва, основа, сама земля, народ, живущий на земле и землею. Все, идущее не снизу, не от почвы, для демократии смертоносно, все фиктивное ей чуждо. Не ясно ли, что христианство есть отрицание демократии? [Если христианство антинародно, то по какой логике выходит оно для народа нужно? Ненужное, оно нужное? 〈...〉

Пусть народ смотрит на религию как на superflu*, я бы ничего не имел против такого взгляда. Но когда религия не есть роскошь, а нужда, когда она является как признак нравственной нищеты в народе, недостатка самодеятельной совести и самостоятельной бытовой идеи, тогда она противна как лохмотья, до которых охотники одни жалкие жанристы. Это старческая болезнь Европы».] Автор «Non possumus» подробно доказывает, что христианство, несмотря на свой внешний демократизм,— антинародно, что сохранение его влияния на массы выгодно только правящим классам. В заключительной части статьи автор заявляет: «Наступит для людей час окончательного выбора между церковью и логикой; они обе говорят: „Non possumus“», — и призывает Россию поскорей обрадовать своим первым самобытным криком, «этим первым протестом новорожденного человека против попа и восприемника».

Кто автор этой статьи — установить не удалось.

В той же папке «пражской коллекции», в которой находится рукопись «Non possumus», лежат автографы еще пяти статей, написанных тем же почерком. Это: «Изменник России», «Четырнадцатое декабря», «Истинные славянофилы в России — остзейские немцы», «La Russie, prisonnière des Slaves. Lettre à l'Empereur de toutes les Russies» («Россия, пленница славян. Письмо к императору всея Руси») и «La logique de l'histoire. Lettre à M. le comte de Bismarck» («Логика истории. Письмо к графу Бисмарку»). Тем же почерком написана еще одна рукопись, хранящаяся в «софийской коллекции» — «Ответ турка на циркуляр к императорско-российским посольствам и миссиям от 18 октября 1867 года», подписанная *Фазиль-Митхад-Ага*.

Первые две статьи напечатаны во втором номере «Русских прибавлений к „Kolokol“» и подписаны *Изменник* и *Z*. Остальные статьи, как и «Non possumus», повидимому, не были опубликованы.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 56).

〈Первая половина июля 1866 г.〉

Посылаю вам, Александр Иванович, статью, состоящую из нескольких маленьких статеек. Если найдете ее пригодною для «Колокола», то напечатайте, не разделяя на несколько номеров, а все вместе. Разделенье слишком вредит единству и энергии общей мысли.

До свиданья. Кланяюсь вам и всем вашим.

Предоставляю вам полное право прибавлять и убавлять, усиливать, а вместе с тем прошу соблюсти имя мое в тайне.

* излишнее (франц.).

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»

Публикация С. С. Дмитриева

В первом номере «Русского прибавления к „Kolokol“», изданном в Женеве 1 января 1868 г. под заголовком «Циркуляры III Отделения», помещены были два секретных письма шефа корпуса жандармов и начальника III Отделения гр. П. А. Шувалова. Первое, от июня 1867 г., было адресовано в Ригу, генерал-губернатору Северо-Западного края П. П. Альбединскому, второе, от 13 июля 1867 г.,— в Николаев, военному губернатору Б. А. фон Глазенапу. Оба письма по содержанию очень близки друг другу. Шеф жандармов инструктировал в них своих адресатов о мерах, которые должны были быть приняты при проезде Александра II через Ригу на возвратном пути из Парижа в Петербург 14—16 июня 1867 г. и через Николаев при проезде царя из Петербурга в Ливадию во второй половине июля того же года.

Письмо к Альбединскому, отправленное из Варшавы, было опубликовано Герценом, повидимому, по списку, снятому с черновика. На нем не была обозначена дата отправления и не было подписи. Письмо к Глазенапу, отправленное из С.-Петербурга, в публикации «Kolokol» имело полную подпись: «Граф Петр Шувалов».

В обоих письмах выражалась серьезная озабоченность относительно мер по охране особы царя. Шеф жандармов сообщал о направлении в Ригу десяти человек секретной охранной стражи во главе с чиновником секретной полиции и о приемах, при помощи которых следует «не подпускать народ во время оваций близко к экипажу государя-императора»: народ должен быть «удаляем с тротуаров не менее как на десять шагов в каждую сторону, когда изволит его величество садиться в экипаж». Шеф жандармов предлагал предупредить жителей о строгом воспрещении личной подачи прошений царю; рекомендовал ставить в первые ряды толпы переодетых тайных полицейских агентов; наконец, предписывал, чтобы крики «ура!» и прочие приветственные возгласы «через посредство внушений полиции» «были выражаемы прилично и умеренно, не взрывами, и так, чтобы не могли обеспокоить и (чего боже упаси!) испугать особу его величества своею неожиданностью». В письмах напоминалось о покушениях на Александра II: Каракозова — в Петербурге и Березовского — в Париже.

На первом письме было обозначено: «Конфиденциально-строжайше», *на втором —* «Конфиденциально». Тем не менее письма оказались опубликованными в вольной русской печати. Под вторым письмом помещены были следующие строки от автора: «Препровождая эти два документа в редакцию „Колокола“, мы считаем долгом отвечать за их совершенную подлинность. — *Русский либерал*».

Как известно, в первой части «Голосов из России» 1856 г. за подписью «Русский либерал» помещено было «Письмо к издателю». Авторы его — К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин. Кто воспользовался этим же псевдонимом спустя одиннадцать лет, сказать трудно. Можно только с уверенностью утверждать, что «Русский либерал», приславший в «Колокол» копии писем Шувалова, не имел никакого отношения ни к Кавелину, ни к Чичерину. В бумагах «софийской коллекции» сохранилось публикуемое ниже письмо за подписью «Русский либерал», при котором присланы были в редакцию «Колокола» упомянутые секретные документы.

Рассказав весьма замысловатую и явно беллетризированную историю снятия копий с писем Шувалова, автор письма давал свое согласие на опубликование их Герценом. Из текста письма видно, что автор счел нужным скрыть свое имя также и от издателей «Русского прибавления к „Kolokol“». Герцен не без недоверия отнесся к этой корреспонденции. «Детали шуваловские мне не нравятся,— писал он Огареву.— Вся история кабака и добывания бумаг некрасива. Нужна ли она? В тексте есть прибавочки, ex. gr. (сохрани, боже)» (XX, 40). Вследствие этого Герцен сопроводил публикуемые материалы следующим примечанием: «Помещаем два любопытные документа, которых достоверность остается на ответственности неизвестного нам корреспондента».

Письмо печатается по автографу «софийской коллекции».

Препровождая эти два документа в редакцию «Колокола», я считаю долгом сделать оговорки и изложить, каким образом мне удалось достать

эти копии. *Оговорки следующие*: оба эти документа мы лично видели в подлиннике, в чем заверяем почтенных издателей честным словом, но были ли они отправлены по назначению, не знаем, так как только второй видели подписанным Шуваловым, первый же хотя был отлично переписан, но был еще кем-то исправляем, что нами и оговорено в выносках, вероятно, судя по пометке на боку, самим шефом жандармов. Мы его переписали с буквальною точностью.— Где видны неоговоренные ошибки — это ошибки уже наши, при переписке, так как ниже вы узнаете, что первый список делается очень поспешно и карандашом, а настоящий уже под диктовку с первой копии.

В отношении же того, как мы добыли эти редкости, мы сообщаем следующее, ручаясь за достоверность тоже честным словом. — Вскоре после каракозовской истории мы стали встречаться в одном месте с офицером лейб-гренадерского полка, поручиком или штабс-капитаном, по фамилии нам пока неизвестным. Его фамилию мы когда-нибудь вам сообщим, узнав. Из разговора мы могли им заинтересоваться. Он не скрывал, что был лично известен Муравьеву в Вильне и что его теперь Муравьев пригласил в комиссию по каракозовскому делу как *опытного* человека. Нас это заинтересовало, тем более, что у него есть неоцененное качество — болтливость и страсть к пиву. Мы тотчас же сочли своим долгом поддерживать с ним некоторое знакомство (уличное). Он между прочим сообщал нам о каком-то письме Еденауера к Муравьеву о способе добиться от бедного Каракозова ответов — гальванизированием его. (Не знаю, правда ли это. Не знаете ли вы что-нибудь об этом?) Впрочем, этот слух я слышал потом и в публике. Говорят, Муравьев запрашивал у «ученого», а «ученый» и дал этот совет.

Недавно я вечером захожу в гостиницу «Пекин» на углу Моховой и вижу моего знакомца за чаем. Мы уселись и разговорились. По счастью или по несчастью, не знаю, как вы найдете это, милостивый государь, у меня есть портфель, совершенно похожий на таковой же у этого господина. Он-то и помог!— Мы слушали органа, говорили и проч.— вдруг ему понадобилось выйти за известною надобностью. Он ушел, а мне нужно было заглянуть на одну бумагу у себя в портфеле. По рассеянности, я беру чужой, разворачиваю, тяну — и о, ужас! Бланк, другой, третий — III Отделения. Меня это огорошило и раскрыло все. Гляжу — подпись Шувалова, бегу глазами — что-то в высшей степени интересное и *строжайше конфиденциально*. У меня сейчас же составился план. Я кладу все на место. Собеседник возвращается, мы пьем пиво, а потом водку еще часа три и затем выходим. Я нарочно не позволяю ему ехать, идем, его водка разбирает, и мне удается его уговорить ехать ко мне ночевать. Соглашается.— Когда он отлично уснул — да будет мне это прощено, что же делать? Может, и нехорошо,— я достаю бумаги, тихонько уношу к соседу по комнате — студенту, и он вмиг переписывает, а я ложусь пока на свое место. К утру бумаги все на месте, и офицер императорской русской гвардии и, как очевидно, служащий в III Отделении и близкое лицо почему-то гр. Шувалову уезжает от меня, ничего не подозревая. Теперь уже мы с ним не встречаемся, и я его не боюсь. Можете публиковать и эту историю, если сочтете необходимым. А фамилию его я тоже вам сообщу.

Русский либерал

Зачем все это было у этого господина, каким образом к нему попало,— наконец, было ли все это отправлено Альбединскому и Глазенапу — не знаем, но что сами видели все это писанным на печатных бланках — опять-таки ручаемся. Повторяем, на второй копии была и подпись Шувалова.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»

Публикация Б. Г. Кубалова

Публикуемое «письмо», направленное Герцену для помещения в листке: «Под суд!», является возражением на статью «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым», помещенную в №№ 6 и 7 того же листка от 1 и 15 июля 1860 г., написанную М. А. Бакуниным.

Подлинник статьи, предназначенной для напечатания в герценовском издании, не подписан. Однако автор «письма» устанавливается без труда. Оно принадлежит ссыльному петрашевцу Ф. Н. Львову и написано его рукой (см. стр. 165 наст. тома).

Весной 1859 г. в Иркутске произошла скандальная история, получившая шумный отклик и привлекшая к себе внимание сибирской общественности и правящих кругов России.

Молодой человек М. С. Неклюдов в продолжение некоторого времени подвергался клеветническим нападкам со стороны ряда чиновников, группировавшихся вокруг всесильного генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Потребовав объяснений у одного из этих клеветников, Ф. А. Беклемишева, обозвавшего его вором, и не получив удовлетворительного ответа, Неклюдов дал ему пощечину, после чего был сильно избит прислугой Беклемишева и арестован. Выпущенный на свободу, Неклюдов отказался от дуэли, предложенной ему Беклемишевым, вследствие чего началась организованная травля его друзьями Беклемишева, закончившаяся вынужденным согласием Неклюдова на дуэль. Исход дуэли, состоявшейся 16 апреля 1859 г., оказался трагическим — Неклюдов был убит. Кровавая развязка первой в Сибири дуэли, попустительство властей, знавших о том, что она предстоит, вызвали сильное возмущение в демократических кругах Иркутска. Беклемишева и его секундантов называли убийцами и требовали суда над ними. В квартире Беклемишева были выбиты стекла. Похороны Неклюдова превратились в демонстрацию, в которой приняло участие до десяти тысяч человек.

Восточносибирские власти во главе с Муравьевым принимали все меры к тому, чтобы замять дело о дуэли и выгородить Беклемишева и его соучастников — крупных сибирских чиновников, приближенных Муравьева.

Активное участие во всей этой истории приняли проживавшие в Иркутске политические ссыльные, в особенности М. В. Буташевич-Петрашевский, Ф. Н. Львов, декабрист В. Ф. Раевский. Судя по письмам участников дуэли и других осведомленных лиц, хранящимся в Московском областном историческом архиве (ф. 864, д. 20—23) и Центральном государственном историческом архиве (ф. 109, д. 128 и 104), Петрашевский, Львов и другие распространяли по городу слухи и даже прокламации о том, что Неклюдов был предательски убит, что Беклемишев и его соучастники — шайка убийц и разбойников и т. п. По предложению Петрашевского, были отпечатаны и распространены среди населения Иркутска специальные объявления о дне и часе похорон Неклюдова. «Известные вам афишки о погребении,— писал 21 апреля 1859 г. М. С. Корсакову начальник штаба войск Восточной Сибири Б. К. Кукель,— раздавались под качелями ⟨на народных гуляньях во время пасхальной недели.— *Б. К.*⟩

Петрашевским с комментариями, выбрасывались на Большой улице прохожим из публичной библиотеки. Все это привело на похороны страшную массу народа — до 10 тысяч человек...» (там же, д. 22, л. 226). Петрашевский выступил и у могилы Неклюдова, резко обличая участников дуэли и тех, кто не захотел предупредить ее.

На второй день после похорон Неклюдова Ф. Н. Львов поместил в «Иркутских губернских ведомостях» (1859, № 17, неофициальная часть, стр. 1—3) статью о недопустимости дуэли в цивилизованном обществе. «...Неужели аргументом нам непременно должен быть кулак или пуля?..»,— негодовал Львов. Очень осторожно, но настойчиво он проводил мысль, что дуэль Беклемишева с Неклюдовым — гнусное убийство.

Характерно, что тогда же — в следующем номере «Иркутских губернских ведомостей» — с яркой статьей «Сельские сцены. Предисловие» выступил В. Ф. Раевский, разделявший в то время умонастроения Петрашевского и Львова (1859, № 18, неофициальная часть, стр. 5). В статье осуждалось жестокое и бесчеловечное обращение с крестьянами разных начальников и «благородий» (есть основание предполагать, что Раевский метил и в Беклемишева). Пользуясь случаем, отметим, что статья эта осталась неизвестной исследователям наследия «первого русского декабриста», а между тем она чрезвычайно знаменательна и своим антикрепостническим направлением и той страстной полемикой, которую Раевский ведет с реакционными публицистами, доказывавшими в столичной печати необходимость телесных наказаний и вред грамотности для крестьян. Раевский обещал читателям «Губернских ведомостей» продолжение «Сельских сцен», но его не последовало: местные власти запретили дальнейшее печатание.

Агитация Петрашевского, Львова, Раевского имела несомненный успех у местной интеллигенции. Они нашли сочувствующих и единомышленников в газете «Губернские ведомости», среди читателей публичной библиотеки и в салоне Е. П. Ротчевой, образованной, прогрессивно настроенной женщины.

Очевидно, что Петрашевский, Раевский пытались использовать дуэль и убийство Неклюдова для возбуждения широкого общественного негодования против существующих порядков, в частности — против произвола Муравьева и его клевретов. Для осуществления этой задачи необходимо было, не ограничиваясь агитацией на месте, предать дело об иркутской дуэли широкой гласности. Этому активно содействовал доктор Н. А. Белоголовый, который, повидимому, свел присланные ему из Иркутска несколько писем в статью «Убийство Неклюдова в Иркутске» и переслал ее Герцену (см. Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1898, стр. 662). Статья была напечатана Герценом в приложении к «Колоколу»—«Под суд!» (№ 2 от 15 ноября 1859 г.). В ней излагались обстоятельства дуэли, ставился вопрос, не является ли она убийством «беззащитного человека», сообщалось, что «в огромной толпе народа, следовавшей за гробом убитого, слово „убийство" было на устах у каждого». Главный же смысл статьи заключался в разоблачении заправлявшей Сибирью клики дворян типа Беклемишева, вывезенных Муравьевым из Европейской России и назначенных им на самые высокие посты в управлении Сибирью. Презрительно называя этих навезенных администраторов «навозными», автор статьи писал, что их поведение до крайности возмущает население той части России, «где не существовало касты вельможного дворянства и где в течение 30 лет действовало влияние таких благородных, развитых личностей, какими были декабристы».

Лист «Под суд!» со статьей об убийстве Неклюдова дошел до Иркутска и, естественно, вызвал здесь оживленные толки. Общественное недовольство Муравьевым, его приближенными и всеми порядками, установившимися в Сибири, усилилось. Возможно, что не без влияния «Колокола», в «Иркутских губернских ведомостях» и в новой *частной* (издававшейся М. В. Загоскиным) газете «Амур», начавшей выходить в Иркутске с января 1860 г., появился ряд статей в защиту гласности, гражданских прав, общественного мнения (см. например, статью Петрашевского в первом номере «Амура»), которые привлекли к себе внимание читателей и вызвали недовольство Муравьева и Корсакова. Слухи о волнениях в Иркутске дошли до столицы. Именно к этому времени относится вопрос управляющего делами Сибирского комитета Буткова, заданный одному из иркутских чиновников: «Нет ли чего нового и ⟨не⟩ произошло ⟨ли⟩ какого-либо буйства в Сибири?» (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, д. 23, л. 286).

«Муравьисты» забеспокоились. Тогда с опровержением статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске» решил выступить на страницах «Колокола» высланный в Сибирь М. А. Бакунин, прибывший незадолго до этого в Иркутск из Томска. Известно, что Бакунин в то время усиленно восхвалял своего дядю генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, видя в нем «будущность России», «своего лучшего друга», и уверял Герцена, что он «крепко наш и лучший и сильнейший из нас» (см. письмо Бакунина к Герцену от 8 декабря 1860 г., перепечатанное М. К. Лемке — X, 402—407). Неудивительно, что в связи с иркутской дуэлью Бакунин с самого начала занял позицию, прямо враждебную позиции Петрашевского, Львова, Раевского. Жившая тогда в Иркутске «смолянка» Е. Быкова вспоминает, как Бакунин, выступая 13 апреля в зале дворянского собрания, заявил, что «Нек<людо>ва нужно заставить стреляться, а если он не захочет, то высечь его. Разжигая молодежь таким способом, Бакунин достиг цели: он навербовал человек 15, которые в случае нужды готовы были подписать свои имена, что действительно секли виновного оскорбителя» (Е. Быкова. Записки старой смолянки. 1858—1878 гг., ч. II. СПб., 1899, стр. 47). В неопубликованном письме к Корсакову от 27 ноября 1859 г. Бакунин осыпает Петрашевского и Львова самой грубой бранью, сожалея, что молодые люди, прибывшие в Иркутск с университетским аттестатом, «вполне предались зловредному, огрязняющему влиянию Петрашевского и Львова...». «В продолжение целого лета и осени,— пишет Бакунин,— эти господа отравляли их своею злоумышленностью и сделали их врагами всего порядка вещей в Восточной Сибири, врагами всех и каждого, сколько-нибудь принадлежащего к официальному миру...» (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, д. 22, л. 659).

Не лишено оснований предположение, что выступить в «Колоколе» с опровержением статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске» рекомендовали Бакунину Муравьев и Корсаков, что им было известно и содержание опровержения. Так или иначе в конце 1859 г. Бакунин направил Герцену «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым». Герцен напечатал его, как уже было сказано, в №№ 6 и 7 «Под суд!» от 1 и 15 июля 1860 г., снабдив рядом полемических примечаний (см. X, 358—360). Никаких сомнений в принадлежности этого «Письма в редакцию» Бакунину быть не может. Об этом писал Н. А. Белоголовый («Воспоминания и другие статьи». М., 1898, стр. 533) и Мехеда (см. ниже), об этом свидетельствует чрезвычайная близость содержания «Письма в редакцию» к содержанию других писем Бакунина к Герцену.

Горячо защищая Беклемишева, его друзей и покровительствовавшего ему генерал-губернатора Муравьева, Бакунин одновременно выступал с нападками на затравленного ими и убитого Неклюдова, на Буташевича-Петрашевского, на Львова, на иркутское учительство, которое он обвинял в подстрекательстве молодежи, и в особенности на В. Ф. Раевского, называя его «хитрым пронырливым приказчиком по питейной части», «агентом питейной инквизиции» и утверждая, что он из мести клеветал на Беклемишева. Повидимому, Бакунин считал Раевского автором статьи «Убийство Неклюдова в Иркутске».

Статья Бакунина вызвала негодование в кругах сибиряков, враждебно относившихся к Муравьеву и его клевретам.

Офицер штаба войск Восточной Сибири, Мехеда, в письме от 15 октября 1860 г., отправленном из Иркутска А. А. Карганову и задержанном агентами III Отделения, восклицал: «Неужели Герцен не знает о страшном падении своего бывшего друга? Кажется, знает; так, по крайней мере, позволяют думать замечания редакции на письме Бакунина в защиту дуэли. Какое подлое письмо! Все состряпано с целью упрочить свое положение в материальном отношении. С одной стороны, бесконечная похвала, с другой — грубая насмешка над мертвецом; письмо представляет собою крайность и выражает одну только сторону медали, представляет в светлом виде муравьистов...» (М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. IV. М., 1935, стр. 591).

Несколько позднее и сам Бакунин понял, что в «Письме в редакцию по поводу дуэли Беклемишева» он зашел слишком далеко. Вот почему в письме к Герцену от 7 ноября 1860 г. он старался ослабить некоторые прежние оценки и, в частности, признавал, что Раевский «с ног до головы демократ <...> социалист quand-même»*. Вместе

* несмотря ни на что (франц.).

с тем здесь же он снова пытался убедить Герцена в том, что «злоба» Раевского к Муравьеву началась тогда, когда «Муравьев сбросил его с себя...». «И нет для меня сомнения в том,— добавлял Бакунин,— что прямо или косвенно эта злоба отзывается в вашем „Колоколе“» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 151—152). Среди лиц, возмущенных статьей Бакунина, был и Львов.

В публикуемой статье Львов защищает Петрашевского и его сотоварищей от возводимых на них обвинений и полностью реабилитирует декабриста Раевского, для биографии которого статья приобретает значение первоклассного источника.

В последней части статьи Львова довольно живо и точно нарисована картина расправы с иркутскими «крикунами» и «смутьянами». Дело об иркутской дуэли, после долгого хождения по всем судебным инстанциям, было решено самым вопиющим образом. Беклемишев и организаторы дуэли в конце концов отделались страхом и церковным покаянием, но зато Сенат дал указание «подвергнуть рассмотрению в Совете главного управления Восточной Сибири» действия членов окружного Иркутско-Верхоленского суда, который в свое время приговорил Беклемишева и других участников дуэли к 20 годам каторги. Так был затеян «суд над судьями». Его главная роль заключалась едва ли не в том, чтобы доказать, что решение окружного суда было принято под влиянием Петрашевского и Львова. Во всяком случае Муравьев, решительно защищавший своих любимцев, надеялся, что «Петрашевский будет в числе виновных и, вероятно, Львов, ибо они играли немалую роль в пристрастных приговорах окружного суда и Ольдекопа*» (из письма к Корсакову от 20 августа 1860 г. Моск. обл. историч. архив, ф. 864, д. 23, л. 526). Однако привлечь к ответственности Петрашевского и Львова не удалось. Тогда сибирские власти расправились с ними без всякого суда: Петрашевский был выслан из Иркутска в отдаленный Минусинский округ, а Львов был уволен со службы и вынужден был уехать в с. Олонки (километрах в восьмидесяти от Иркутска) к приютившему его В. Ф. Раевскому. Пострадали и многие лица, сочувствовавшие Петрашевскому и Львову. У Раевского, вероятно, и была написана публикуемая статья со столь ценными сведениями о «первом декабристе».

Кроме этой статьи, Львов направил в «Колокол» заметку, которая была напечатана Герценом в л. 101 «Колокола» от 15 июня 1861 г. под названием «Опять об иркутской дуэли» (о принадлежности ее Львову см. в настоящем томе, стр. 166). Эта заметка — в ней рассказывалось о «суде над судьями Беклемишева» — примечательна следующим смелым заявлением Львова, сделанным, наверное, не только от своего имени: «Муравьеву и его protegés хочется непременно открыть, что судьи писали свой приговор под диктовку Петрашевского или, по крайней мере, что они были в это время под его и Львова с К° влиянием. Разумеется, открыть этого нельзя, потому что между ними не было никаких сношений. Но если бы это даже и действительно было, то что ж из этого? Оно доказало бы только нравственную силу Петрашевского и К°, которая сильнее генерал-губернаторского деспотизма, простиравшегося до угрозы расстрелять и повесить Петрашевского с его друзьями и всех, кто с ними имеет сношение».

В 1859—1861 гг. Герцен поместил в «Колоколе» еще несколько заметок об иркутской дуэли и управлении Муравьева в Сибири (см. лл. 40-41, 82, 109). В них он разоблачал произвол и «пиратство», царящие в Сибири, и горячо ратовал за Петрашевского и его друзей. Письма Бакунина в защиту Муравьева не убедили Герцена, и он продолжал бичевать сибирского сатрапа за дикое самоуправство, беззаконие, допущенное в деле о дуэли, преследование Петрашевского и т. д. В последней из этих заметок «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники», прямо направленной против писем Бакунина, восхваляющих Муравьева, Герцен заявил, что к делу о дуэли, несмотря на полученные новые материалы, «Колокол» возвращаться не будет — «оно надоело и нам и читателям» (XI, 251). Действительно, вопрос был исчерпан, и «Колокол» сделал все, что мог. Поэтому публикуемая статья Львова в «Колоколе» не появилась.

---

* Карл Карлович *Ольдекоп* — советник иркутского губернского суда. Привлекался в свое время по делу петрашевцев, но был вскоре освобожден. При рассмотрении в сентябре 1859 г. дела о дуэли в губернском суде поддерживал суровый приговор, вынесенный окружным судом. Особое мнение Ольдекопа было в копии направлено Герцену, который признал формулировку Ольдекопа сделанной «мастерски».

‹ОБ ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ›

Два номера вашего «Под суд!», в котором находится неудачная защита иркутских дуэлистов и управления Восточною Сибирью Муравьева, попались мне в руки очень поздно и притом в рукописи с некоторыми пропусками [1]. Надобно думать, что автор или авторы этих статей, предполагая, что первая статья[2] была писана мною или, по крайней мере, под моим влиянием, вероятно сами озаботились сообщить свой громовой ответ мне. Но они ошиблись: статья написана была не мною; я даже не знал о ее существовании, считал посдинок ли, убийство ли Неклюдова делом не столь важным, чтобы огласить его чрез лондонскую русскую газету; но теперь, когда дело это так трагически разыгралось для всех не только осмелившихся осуждать его частным образом, но даже ‹для› лиц, призванных к тому законом, когда оно выразило все самовластие Муравьева и безумное пристрастие его к своим любимцам,— молчать было бы преступлением.

Если факты и слухи, сообщенные вам первыми письмами, господа защитники дуэлистов и Муравьева назвали клеветою, то их писание есть действительно клевета или злая насмешка над правдою и даже над Муравьевым.

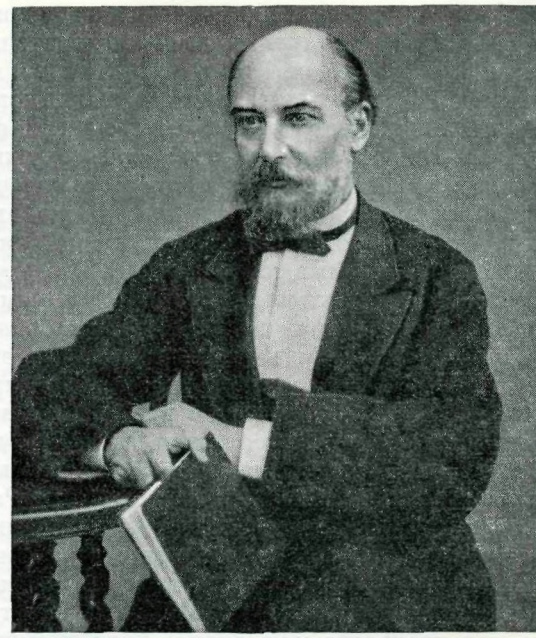
Неправда, во-первых, что будто бы Неклюдову советовали драться на дуэли его знакомые: Львов, Петрашевский, Ольдекоп и др.— Ольдекоп в первый раз видел Неклюдова в гробу, Петрашевский с ним не был знаком вовсе, Львов видел его у некоторых общих знакомых *.

Известно, однако, что Неклюдов был после драки у Львова и Петрашевского, но последнего не застал дома. Чтó он говорил со Львовым — неиз-

---

* *Далее зачеркнуто:* Вот известная нам часть разговора Неклюдова со Львовым: «Вы, может быть, знаете,— начал Неклюдов,— что Беклемишев всякими средствами старался повредить моей репутации. Злоба его против меня началась с того, что, играя у меня в карты, золотая молодежь стала уговаривать меня играть с ними. Не будучи охотником до карт, я хотел отшутиться и вынес им старые свои панталоны, которые предлагал для розыгрыша, за неимением лишних денег. Эта шутка им не понравилась. С тех пор наши отношения сделались очень холодны, особливо с Беклемишевым. Летом этот господин распустил слух, наводивший несправедливое подозрение на связь мою с одной дамой, что едва не было причиною серьезной ссоры с ее мужем. Потом Беклемишев и Гурьев [3], по возвращении из Пекина, хотели меня вывести из собрания, потому что я не получил приглашения. Но надобно заметить, что я приехал туда потому, что Муравьев мне сказал при представлении: „Надеюсь, мы с вами увидимся вечером, на бале“. На это я отвечал, что не получал приглашения, но Муравьев сказал: „Ну это ничего, позабыли послать билет, поезжайте“. Наконец, Беклемишев назвал меня публично вором в доме генерал-губернатора в ночь светлого воскресения. Вы, может быть, уже слышали, что по Иркутску разнесся слух, что я при проезде через Монголию не платил прогонов. Это отчасти правда, монголы были действительно недовольны моею платою, потому что в первый путь я ехал с Хитрово, и нам отпущено было на каждый станок по десяти рублей, а в обратный путь мне одному отпущено было только пять рублей. На страстной неделе, когда дошли до меня эти слухи, я явился к Муравьеву, объяснил ему все и просил его, если он верит всему, что про меня рассказывают, так чтобы он нарядил формальное следствие по этому делу. Муравьев отвечал, что если бы он верил этому, то давно бы нарядил следствие. „Но,— прибавил он,—вам все-таки здесь не следует оставаться — уезжайте“.

На другой день Пасхи я встретился с Беклемишевым у Венцеля [4]. Надобно было видеть этот дерзкий взгляд, это презрение, которое он старался мне показать, чтобы понять, как мне трудно было из приличия и из уважения к семейству Венцеля выдержать эту пытку. Вслед за ним я вышел от Венцеля и, придя к Беклемишеву на квартиру, сказал ему: „М-г Беклемишев, deux mots, s'il vous plaît“ ‹на два слова, пожалуйста (франц.)›.— „Да надобно знать, захочу ли я с вами объясняться. Эй, люди“. Тогда я не выдержал, дал ему три оплеухи и...».— «И вы подрались?» — спросил Львов. «Да». — «Как это дурно, как это дурно!» — Затем следовал рассказ об отводе его под арест, об освобождении, о вызове на дуэль и пр. И, наконец, в заключение он сказал: «Теперь я хочу знать, должен ли я принять его вызов или объявить ему, что он может искать удовлетворения тем порядком, которым начал, т. е. с полицейским».



Ф. Н. ЛЬВОВ
Фотография, 1860-е гг.
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

вестно. Львов был всегда противником дуэлей, но, может быть, в этом случае он не счел нужным в пользах Неклюдова советовать ему отказаться от дуэли, потому что мог предполагать, что происшествие тотчас же разнесется по городу, что и действительно случилось,— и начальство разведет противников.

Совершенная ложь, что будто бы агенты приказчика питейного откупа Владимира Федосеева Раевского после смерти Неклюдова произвели волнение в городе — по той простой причине, что Раевского там и не было; он живет в семидесяти верстах от Иркутска, в Александровском заводе, и вот уже два года как оттуда не выезжал[5]; о происшествии он узнал уже после похорон Неклюдова. Да и что это за могущественный такой приказчик винного откупа да еще с акцизно-откупной совестью? Что это за презренная личность такая?

А вот кто *: Владимир Федосеевич Раевский ** вступил в 1819 году в Союз Общественного благоденствия (Общество Зеленой книги[6]) и явился первым деятельным пропагатором либеральных идей ***. Будучи майором 32-го Егерского полка, двадцатичетырехлетний Раевский уговорил Орлова[7] завести при 16-й пехотной дивизии школу для юнкеров и солдат, где он распространял чистые, человеческие идеи. Всегда резкий на правду, он отзывался неодобрительно о пристрастном следствии генерала Сабанеева [8] по случаю бунта в Охотском и Камчатском полках ****. Сабанеев, которому это было передано, обратил тотчас внимание на школы, которыми управлял Раевский, и приступил к тайному расследованию и, наконец, в 1822 году арестовал его, забрав все его бумаги, равно как и все учебные книги и тетради в школах. Шесть лет таскали Раевского по крепостям: из Тирасполя в Петропавловскую, а оттуда в Замостье. В это время над

---

* *Далее зачеркнуто:* Это первый либеральный человек, который был первою жертвою

** *Далее зачеркнуто:* известной русской фамилии

*** *Далее зачеркнуто:* и, разумеется, был и первою жертвою

**** *Далее зачеркнуто:* «Кто вам это сказал?»—спросил Львов.—«Мне сказал это Г. М.».— Затем продолжал:

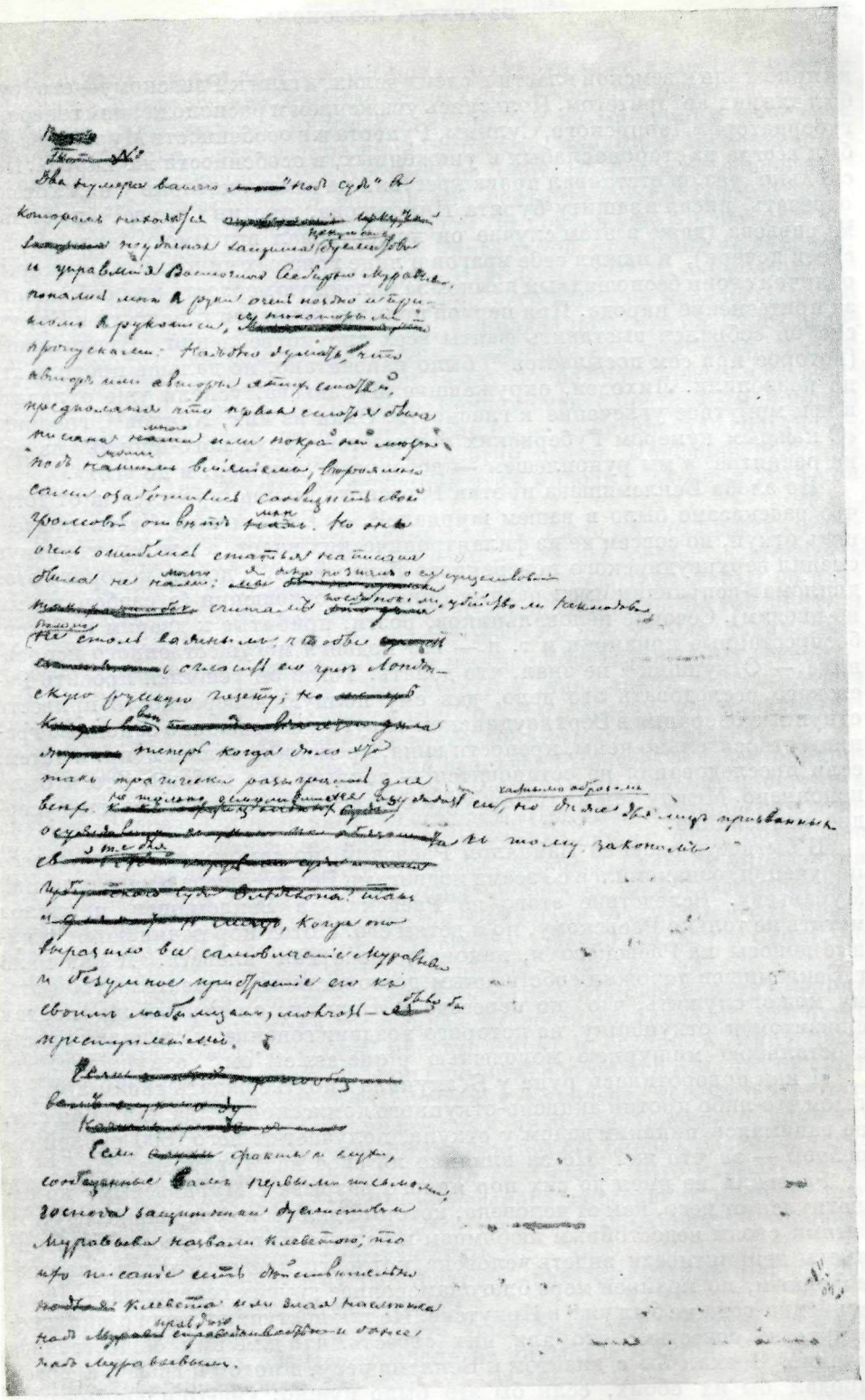
ним было произведено два следствия, и три раза его судили*. Мужественно защищался он пред своими следователями и судьями, между коими первый был Сабанеев. Этому помогло и то, что он приобрел такую любовь между солдатами своего полка, что при допросах Сабанеева они все в голос отвечали придуманную ими самими фразу для оправдания своего майора: «Богу и великому государю служить до последней капли крови приказывал нам всегда майор Раевский». И действительно, ни по следствию, ни по суду нельзя было ничего открыть, тем более, что в 1821 году, как известно, Общество Зеленой книги перестало существовать [9], а новое образовалось только ⟨в⟩ 1823 году, когда Раевский был уже в крепости,— следовательно, в государственном преступлении обвинить было нельзя. Но несмотря ⟨на то⟩, что сам Сабанеев полагал «отставить Раевского от службы и удалить его в один из отдаленных городов России навсегда», что два раза по суду он был оправдан, цесаревич Константин Павлович полагал даже его возвратить на службу с вознаграждением, но наконец он был лишен чинов, орденов и дворянства и сослан в 1828 году на поселение за вредные правила и вредный образ мыслей. Нельзя оставить при этом без внимания той твердости Раевского, с которою он два раза отказался подписать выписку из дела, произведенного Сабанеевым, и протестовал против нее. Вот еще черта акцизно-откупной совести Раевского. Главною причиною ареста Раевского было желание Сабанеева узнать что-нибудь о тайном обществе, к которому он принадлежал, потому что правительство уже знало, хотя и смутно, о его существовании.

Император Александр I поручил начальнику штаба 2-й армии г. Киселеву (теперь послом в Париже) спросить Раевского, какой тайный союз существует в России, и если он, Раевский, откроет его, то возвратить ему шпагу. На это Раевский отвечал: «По какому праву вы считаете меня таким низким человеком, чтобы я продал за шпагу мою честь и совесть? Ваше предложение, если бы я действительно принадлежал к какому-нибудь обществу, поставило уже меня в необходимость молчать». Киселев потребовал письменного ответа — Раевский отвечал, что он ничего не знает. Вот предшествовавшее откупного приказчика Владимира Федосеева Раевского.

Посмотрим на его тридцатидвухлетнее пребывание в Сибири. Богатый в России, он приехал в Сибирь бедняком. Родственники, как это почти всегда бывает, очень рады бы⟨ли⟩ завладеть его имением. Надобно было трудиться. Некоторое время он управлял *винокурением*, делом ему знакомым, потому что имел и прежде свои заводы, потом занимался по золотым промыслам[10]. Наконец, бóльшую часть времени был доверенным от откупа по развозу вина. Согласитесь, что подряжать на перевозку вина и принимать его из казенных магазинов — это все равно, что перевозить всякую другую кладь. Тут постыдного нет ничего (да по моему мнению — откупная система, хотя и весьма скверная вещь, но не только откупные поверенные, но даже и самые откупщики могут оставаться честными людьми). Но этого мало, что он честно исполнял свои обязанности к откупу, он обогатил сотни окрестных крестьян этою перевозкою вина, потому что, устранив всякое вмешательство чиновников в эту операцию, он сам, конечно, не брал ничего с крестьян за допущение к выгодной перевозке, и таким образом обе стороны — и откуп, от которого он получал жалованье, и крестьяне, занимающиеся перевозкою, остались в выгоде. В особенности же он много сделал для селения Олонки, в котором был приписан крестьянином и где женился на тамошней крестьянке[11]. Там он был настоящим мирным судьею. Крестьяне этого селения почти

---

* *Далее зачеркнуто:* Он отвергал все обвинения, на него возводимые, и не выдал никого.



СТАТЬЯ Ф. Н. ЛЬВОВА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ», 1860 г.

Автограф

Лист 1

Из бумаг Герцена — Огарева, полученных в дар АН СССР от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»), Москва

не прибегали к земской власти в своих делах, а шли к Раевскому—его суд был для них авторитетом. Пользуясь уважением и расположением генерал-губернаторов Лавинского, Сулимы, Руперта и в особенности Муравьева, он был всегда на стороне слабых и униженных, в особенности же народа. Несколько раз он отстаивал права крестьян на земли, которые у них хотели отрезать, писал в защиту бурята Пирожкова, против Струве[12], любимца Муравьева (даже в этом случае он пожертвовал выгодною партиею для своей дочери), и нажил себе врагов в лице грязных чиновников, которых обличал своим беспощадным языком за малейшую мерзость и в особенности за притеснение народа. При первой попытке печатной гласности в Иркутске он собрался выставить факты всех злоупотреблений. Предисловие (которое при сем посылается[13]) было напечатано, но дальше продолжать не позволили. Лиходеи, окружавшие Муравьева, успели уже охладить в нем минутное увлечение к гласности. Один из них, Карпов[14], говорил: «С каждым нумером Губернских ведомостей ведут кого-нибудь из нас на распятие, а мы рукоплещем — доберутся, наконец, и до всех».

Но злоба Беклемишева против Раевского именно проистекла от того, что рассказано было в вашем журнале[15]. — Беклемишев[16] стал притеснять откуп, но совсем не из филантропических видов, а потому что откуп сменил верхнеудинского поверенного Генерозова, с домом которого этот дипломат-исправник имел разные приятные отношения (в разбор их мы не входим). Сечение целовальников, розги, прибитые к дверям кабаков, беспрестанные придирки и т. п.— вот подвиги могущественного исправника.— Откупщик[17] не знал, что делать. Тогда он решился просить Раевского исследовать это дело, дав ему полную доверенность привести откупные операции в Верхнеудинском округе в совершенно законные границы относительно цены, крепости вина, времени продажи и пр. и затем, если преследования не остановятся,— закрыть все кабаки. Это и было исполнено. Между тем из Петербурга остановили слишком большое усердие исправника.

В бытность свою за Байкалом Раевский, по самому свойству своего поручения, ознакомился со всеми подвигами Беклемишева и передал о них Муравьеву. Вследствие этого не Раевский, а Беклемишев поклялся мстить не только Раевскому, но и детям его. С этих пор начинаются лживые доносы на Раевского и, наконец, печатная клевета. А как мало г. Беклемишев дорожил собственным достоинством, доказательством этому может служить, что, по переезде в Иркутск, он первый же поехал с визитом к откупщику, на которого воздвиг гонение, и сделался вместе с остальною мишурною молодежью pique-assiett'ом * откупщика.

И как поворотилась рука у Б⟨акунина⟩ подтверждать своим авторитетом что-либо против акцизно-откупного комиссионерства, когда он сам, не занимаясь никаким делом у откупа, получает от него 1800 рублей серебром — за что же? Не за влияние ли свое на Муравьева?

Раевский не имел до сих пор явного разрыва с Муравьевым, но отшатнулся от него, как от человека, который дал себя совершенно опутать сетями своим недостойным любимцам и ведется ими на позор. Чтобы не иметь неприятности видеть человека, которого прежде считал благонамеренным, по крайней мере благонамереннее других генералов,— Раевский два года не был уже в Иркутске. Не так поступают люди с акцизно-откупною совестью: что для них совесть? что для них общественное мнение? Поехал бы с визитом к Беклемишеву, а потом к графу, а потом продал бы их обоих, если бы это было нужно: ума-то и образования у Раевского побольше, чем в сумме у обоих, так это дело было бы легкое, и, во всяком случае, более выгодное, чем дать приют гонимому Львову.

* блюдолизом (франц.).

Все, что касается до учителей иркутских, это тоже клевета и притом гнусная,— никто из них никогда не подучал учеников никаким демонстрациям, а объяснение будто бы злобы их на мишурную молодежь за предпочтение, оказываемое ей иркутскими дамами и за первенство в танцах,— так смешно, что и говорить не стоит. Вообразить себе почтенного П.[18], отплясывающего польку или сентиментальничающего с дамами,— просто невозможно, да и в других, не говоря уже о женатых и пожилых, но и в самых молодых из них никто такой претензии не замечал.

К чему все эти похвалы Венцелю, Извольскому[19]? К чему этот неудачный дифирамб Муравьеву? Дело до него вовсе не касалось, никто не думал идти против него; напротив, все надеялись, что он будет недоволен демократическим послаблением, сделанным его любимцам, и если и будет за них хлопотать, то, во всяком случае, не будет преследовать никого за них и притом так, как будто Беклемишев с братиею были члены царствующего дома и недоброжелатели их — политическая партия.— Да! уронил, запачкал себя Муравьев этим делом. Поневоле родилось у многих подозрение, что он сообщник этих молодых людей в этом или другом преступлении.

Не станем ничего говорить о самой дуэли: было ли это просто убийство, изменническая или честная дуэль — это все равно[20],— доказать это теперь почти невозможно; не станем даже приводить факты из прошедшего как самого Муравьева, так и его сподвижников, по той простой причине, что называть имена крестьян, мещан и других маленьких лиц, на себе испытавших благодетельное и честное управление оных господ,— опасно: они могут, пожалуй, быть стерты с лица земли в буквальном смысле этого слова. Но обратимся только к тем жертвам, которые пострадали за осуждение Беклемишева и его доблестных товарищей.

Первою жертвою был губернский казначей Рыкачев, человек примерной честности, родственник Муравьева,— он вынужден был оставить службу. Львову, который написал статью в «Иркутских губернских ведомостях» о дуэли, вообще не касаясь нисколько самого дола, объявлено было, что он не должен продолжать более службы в Главном управлении Восточной Сибири за то, что имеет понятия о чести, не согласные с графскими,— ему оставалось прослужить только один год, чтобы иметь право возвратиться в Россию.— Львов, говорят, подавал жалобу в Сенат, но какое решение последует или последовало,— неизвестно.

Петрашевский, который никогда и нигде не стеснялся в своих мнениях и говорил громко против явной несправедливости, был схвачен, как будто совершивший государственное преступление, и сослан в Минусинск, а преступление его, к которому прицепились, состояло в том, что он спросил у действительного статского советника Сукачева, почему в аттестате об отставке Львова не прописали всех причин его увольнения от службы? И за то, что в канцелярии губернатора, где без его спроса распорядились его собственными деньгами, он сказал г. Лидову: «Это называется захватом»[21]. Но и в Минусинске Петрашевского не оставили в покое: сменили для это〈го〉 князя Кострова[22] и посадили Романовича[23], подвиги которого вам, вероятно, уже известны.

Советника казенной палаты Кочетова, как доставившего свидетеля по делу, также вытеснили со службы.

Какого-то бедного канцеляриста, под хмельком декламировавшего стихи против новых витязей, сослали на службу в Якутск.

Но и это еще ничего.

Факт смерти Неклюдова — дело бесспорное; что он умер от раны, нанесенной Беклемишевым,— в честном или бесчестном поединке,— также дело бесспорное. Значение этих фактов по данным каждый может понимать по своей совести, по своему крайнему разумению. Сенат признал дуэль

честною, основываясь на объяснении Венцеля — попустителя преступления, и в этом случае он разошелся во мнениях с членами окружного суда и члена губернского суда Ольдекопа. Это случается ежедневно, но вот что неслыханно: по настоянию Муравьева, сенат нашел мнение судей — судейскими рассуждениями и приказал рассмотреть их действия в Совете главного управления (не забудьте, Беклемишев был член его), а Совету прямо приказано было Муравьевым отдать всех судей под суд губернского суда, в том числе и Ольдекопа, который был членом этого же суда! Как вам это нравится? Может ли суд, уже не говоря о том, что он руководится клевретом Муравьева — Милютиным[24], осмелиться оправдать невинных судей, имея такой живой пример — своего товарища перед собою? Но и это еще не самая вопиющая вещь! Молчанов и Анненков, преступники по решению Сената, просидели первый полтора, а второй три месяца в тюрьме и выпущены, а судьи их сидят в остроге уже пять месяцев и просидят, может быть, и год и два до произнесения над ними приговора, да они сидят в остроге не комфортабельно, как аристократические юноши, а в строжайшем заключении. У них остались жены и дети, которым есть нечего, так они много набрали взяток на службе! И к чему было мешать какую-то сибирскую партию, каких-то взяточников, грабителей народа, которых с бешенством преследовали Муравьев, Рыкачев, Львов, Ольдекоп, Петрашевский — это, что ли, сибирская партия взяточников?!! Это уж просто нелепость.

Что же, спросите вы, Муравьев помешался, что ли? Да, у него совсем закружилась голова от власти и отсутствия всякого контроля. Но каково же стране быть под безусловною зависимостью бешеного паши? Неужели никогда не образумятся, не поймут, что неограниченная власть генерал-губернаторов не может быть терпима не только для блага управляемых, но даже и для самого принципа монархической власти, опирающейся на законы. Говорят, Муравьев уезжает[25], но оставляет свою креатуру — Корсакова, человека с весьма ограниченным умом и сухим сердцем. Бедная Восточная Сибирь!

Есть еще одно вопиющее дело. Какой-то солдат или казак, проходя в пьяном виде мимо квартиры Беклемишева, завел шум. Беклемишев велел его вести в полицию, но тот отвечал, что его не за что весть в полицию, он никого не убил, как Беклемишев.— Знаете ли, что последовало этому человеку? Его прогнали сквозь строй и сослали на десять лет в каторжную работу. Все это сделалось домашним образом — судьба таких людей находится совершенно в руках генерал-губернатора и никем не контролируется.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет о статье Бакунина: «Письмо в редакцию по поводу дуэли Беклемишева с Неклюдовым», помещенной в №№ 6 и 7 «Под суд!» от 1 и 15 июля 1860 г.

[2] Статья «Убийство Неклюдова в Иркутске», опубликованная в № 2 «Под суд!» от 15 ноября 1859 г.

[3] Дмитрий Николаевич *Гурьев* — иркутский исправник, один из организаторов и секундантов дуэли Неклюдова с Беклемишевым.

[4] Карл Карлович *Венцель* — председатель Совета Главного управления Восточной Сибири и военный губернатор.

[5] Утверждение о том, что Раевский два года (1859—1860 гг.) не выезжал из Олонок, не совсем точно. Сохранилось письмо Е. П. Ротчевой к Корсакову от 22 января 1860 г., в котором она отрицает факт составления у нее в салоне Раевским письма, помещенного в л. 2 «Под суд!», и сообщает, что Раевский был у нее 26 января 1859 г. (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, св. 3, д. 23, л. 34). И позднее Раевский наездами бывал у петрашевцев, в редакции «Иркутских губернских ведомостей», в публичной библиотеке М. П. Шестунова. Здесь он мог встречаться и с Бакуниным.

[6] Союз Благоденствия (членом которого Раевский был с 1820 г., а не с 1819 г.) известен под названием «Общество Зеленой книги», по цвету обложки книги, в которую был вписан устав этой организации.

[7] Михаил Федорович *Орлов*—декабрист, в то время командир 16-й пехотной дивизии.

[8] Иван Васильевич *Сабанеев* — генерал от инфантерии.

[9] Сведения, сообщаемые здесь Львовым, не точны. После закрытия Союза Благоденствия московским съездом в январе 1821 г. деятельность тайного общества на юге не прекращалась.

[10] Раевский контрактовал рабочих на Бирюсинские *золотые промыслы*.

[11] Раевский был женат на олонской крестьянке Евдокии Моисеевне Середкиной.

[12] Бернгардт Васильевич *Струве* — адъютант Муравьева, впоследствии председатель Иркутского губернского правления.

[13] «Предисловия» при «письме» Львова не оказалось. Оно напечатано в № 18 «Иркутских губернских ведомостей» за 1859 г. (неофициальная часть, стр. 5) под заглавием: «Сельские сцены. Предисловие». Статья написана в защиту крестьян, подвергавшихся экзекуциям со стороны начальников и разных «благородий». Перечисляя ряд известных ему фактов насилия таких начальников над сибирскими крестьянами (читатели по приведенным фактам могли легко догадаться, что камень брошен в сторону Беклемишева), Раевский клеймил изуверов, доказывавших в печати необходимость порки крестьян.

«Как поправить зло?» — спрашивает Раевский. И, верный своим антикрепостническим *взглядам, отвечает: «Трудно, но возможно!»*

«Прежде всего пусть те, которые вымогают себе право сечь крестьян, будут сами примером справедливости, честности, бескорыстия, человеколюбия, трезвости, уважения к законам и точного выполнения их. А если это требование слишком велико, так пусть они откажутся от присвоенного ими права и не наказывают своих пороков на теле тружеников, которые в поте лица добывают хлеб и для себя и для тех, которые отстаивают право сечь их и держать в невежестве.

2-е. Дайте детям простолюдинов грамотность, а в училищах буквари, в которых не глупые шутки и побасенки составляли бы половину книги, но буквари, где бы объяснялись первые догматы веры, правила нравственности и необходимые для крестьянского знания законы. Пока этого не будет сделано, все останется по-старому. Дайте этот толчок, и жизнь народная пойдет развиваться широко и правильно.

Мое предисловие кончено. На высказанную мною тему я собрал несколько фактов, *которые надеюсь передать* в форме „Сельских сцен". А потому позвольте сказать, что продолжение будет впредь».

[14] Василий Дмитриевич *Карпов* — кяхтинский пограничный комиссар.

[15] То есть в статье Бакунина (№№ 6 и 7 «Под суд!»).

[16] Федор Андреевич *Беклемишев* в 1859 г. был членом Совета Главного управления Восточной Сибири, а ранее — верхнеудинским исправником.

[17] Дмитрий Егорович *Бенардаки* — крупный капиталист. В его руках с 1855 г. был винный откуп в Восточной Сибири.

[18] «*П*» — Петр Иванович *Полынцев*, старший учитель математики Иркутской губернской гимназии.

[19] Петр Александрович *Ивольский* — гражданский губернатор Восточной Сибири.

[20] В Иркутске ходили упорные слухи, что Неклюдов пал жертвой преднамеренного и гнусного убийства. Приводим в этой связи выписки из неопубликованного письма Гурьева к Корсакову от 23 апреля 1859 г. (Моск. обл. историч. архив, ф. 864, св. 3, д. 22, л. 208). «Говорят,— пишет Гурьев,— что нас было во время дуэли семеро против одного, что Молчанов ‹секундант Неклюдова.— *Б. К.*› нами подкуплен, что у Неклюдова две раны и что обе они получены не от Беклемишева, а со стороны... Все эти слухи Петрашевский усердно распространил между народом, который щедро награждает нас названием убийц... Иначе как с оружием мы теперь из дома выходить не должны ‹...› Кончу мое письмо тем, что Петрашевский — поселенец и что если он себя в городе держать не умеет, то слишком легко его препроводить в дальние округа и даже дать ему тридцать плетей без всякой за то ответственности... Найдено одно писанное объявление, в нем сказано, что шайка разбойников, состоящая из Беклемишева, Анненкова ‹друг и секундант Беклемишева›, Гурьева, Сухотина ‹иркутский полицмейстер› — всех 13 — принимает заказы на убийства. В числе 13 подразумеваются деятели Николая Николаевича. Петрашевский говорит, что он тут не виноват, но он врет».

[21] Петрашевскому на имя губернатора было прислано матерью 125 рублей. Губернатор без ведома и согласия Петрашевского приказал перелать эти деньги в казну в уплату долга, числившегося за Петрашевским. Андрей Иванович *Лидов* — начальник отделения Общего губернского управления.

[22] Князь *Костров* — минусинский окружной начальник, доброжелательно относившийся к Петрашевскому.

[23] *Романович* — окружной начальник, назначенный вместо Кострова.

[24] Борис Алексеевич *Милютин* — брат Д. А. и Н. А. Милютиных; в 1860 г. был назначен Муравьевым товарищем председателя губернского суда.

[25] Н. Н. Муравьев уехал из Иркутска 17 января 1861 г. и был заменен на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсаковым. Этот факт дает возможность отнести дату написания публикуемой статьи Ф. Н. Львова к декабрю 1860 г.

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»

Публикация Е. Л. Рудницкой

Анонимный автор публикуемого ниже письма из Ниццы от 6 марта 1862 г. подверг критике направление «Колокола» с позиций революционно-демократического лагеря. Требуя от редактора последовательного проведения революционной линии, не допускающей никаких либеральных отступлений, он особенно подчеркивал ответственность политического органа в условиях, когда страна «находится накануне страшной, кровавой битвы» и когда задача революционной пропаганды состоит в том, чтобы воспитывать людей «опытных, твердо держащих знамя революции, способных проникнуть толпу единством убеждений и смело повести ее на бой».

Наиболее резкий пример «странного колебания», проявившегося в последних номерах «Колокола», автор письма увидел в том, что среди материалов, характеризующих студенческие волнения в Петербурге и Москве, редакция поместила «две статьи, совершенно противоположные по направлению».

Студенческое движение 1861—1862 гг. было одним из проявлений сложившейся в стране революционной ситуации; оно нашло на страницах «Колокола» самое широкое освещение. Редакция выразила свое отношение к событиям, происходившим в Петербургском и Московском университетах, с предельной ясностью в передовых статьях «Колокола»: «Третья кровь» (л. 112 от 15 ноября 1861 г.) и «По поводу студентских избиений» (л. 113 от 22 ноября 1861 г.), содержавших призыв к студентам не щадить сил, борясь с самодержавием, выступая в едином потоке общей борьбы — крестьян за землю и Польши за ее освобождение. В «Колоколе», начиная с л. 114, был введен специальный раздел «Материалы для истории гонения студентов при Александре II». В этом разделе из номера в номер публиковались документы о ходе студенческого движения. Здесь же (л. 119-120) была помещена «Записка об университетском деле» («записка об университете», как она именуется в письме), автором которой был К. Д. Кавелин, предназначавшийся ее для ознакомления правительственных верхов с историей «студенческих беспорядков» 1861 г. Подробно излагая всю внешнюю, фактическую историю «беспорядков» в Петербургском университете, Кавелин пытался доказать, что они явились результатом несоответствия новым общественным условиям устаревших форм университетской жизни, закрепленных уставом и распоряжениями властей. С позиций умеренно-либеральной критики правительственного курса в области просвещения Кавелин излагал «разумные» меры использования сложившихся форм общественной жизни студенчества для наиболее эффективного воспитательного воздействия на студентов в духе, угодном правительству. Печатая эту статью, редакция «Колокола» не снабдила ее никакими комментариями.

Одновременно с выходом в свет л. 119-120 «Колокола» было выпущено специальное «Прибавление» к этому листу, озаглавленное «Михайлов и студентское дело». «Прибавление» от начала до конца было проникнуто революционным духом и призывало молодое поколение к борьбе. Оно открывалось стихотворением Огарева «Михайлову». За ним следовало обращенное к Михайлову стихотворение «Узнику» и «Ответ» на него Михайлова. Сообщение о приговоре Михайлову, озаглавленное «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге», было подписано псевдонимом Герцена — *Искандер*. Далее была напечатана статья Огарева «Университеты закрывают!», содержавшая развернутую программу деятельности революционной молодежи в условиях открытой борьбы с правительством и подготовки общенародной революции.

Таким образом, собственная позиция редакторов «Колокола» в студенческом вопросе была совершенно ясна. Однако упреки анонимного корреспондента не были лишены основания: публикация на страницах «Колокола» «Записки» Кавелина без всякой оценки действительно могла вызвать в читателе чувство недоумения.

В л. 127 «Колокола» от 1 апреля 1862 г., в отделе «Смесь», был помещен следующий ответ редакции на это письмо:

«Один корреспондент упрекает нас в непоследовательности, основываясь на том, что мнение Огарева о закрытии университетов вовсе не сходится с мнением составителя

полуофициальной записки, помещенной нами в „Колоколе". Корреспондент наш еще больше рассердится, увидя донос московских профессоров на студентов и Тучкова, не только не согласный с мнением нашим, но и совершенно противоположный ему. Как же почтенный корреспондент не подумал, что мнение, высказанное Огаревым,— мнение *наше*, мнение наших друзей, „Колокола", а в статьях‹!› под заглавием „Материалы для составления истории гонения студентов при Александре II" входят весьма разные *документы*. Из двух помещенных записок* одна была читана в Комитете министров и отличается необыкновенно умным и ясным изложением,— ее приписывают Кавелину; мы ее считаем очень замечательным материалом, особенно если ее сравнить с *липрандиадой* московских жандармов науки и квартальных просвещения» (XV, 100).

Однако, отвергая критику неизвестного корреспондента как неосновательную, редакторы «Колокола» все же, повидимому, не оставили ее без внимания. В этом же л. 127 «Колокола», под рубрикой «Материалы для истории гонения студентов при Александре II», было помещено окончание упомянутой в ответе «Исторической записки» о событиях в Московском университете. Редакторы озаглавили ее «Донос московских профессоров», а в конце, после профессорских подписей, прибавили «Студенты, вероятно, не забудут исторические имена подписавшихся». Здесь уже не оставалось места для сомнений о сочувственном характере отношения редакции к публикуемому материалу.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126).

Господин редактор! В последних номерах вашего журнала стало заметно странное колебание: то вы громко зовете русских к составлению тайных обществ, к всеобщему восстанию, то, вдруг, переменив тон, начинаете уговаривать правительство исправиться и стараетесь поддержать пьяного императора на пошатнувшемся престоле. Возьмем для примера 119 и 120 листы «Колокола». В них рядом помещены две статьи, совершенно противоположные по направлению. Одна из них г. Огарева — «Университеты закрывают», в высшей степени революционная, настоящий клич к бою; другая — неизвестного корреспондента, написанная совершенно в духе правительства. Как удалось им попасть в один и тот же номер, решительно нельзя понять, если не предположить явную нелепость, то есть что они там напечатаны просто для контраста. Для подтверждения наших слов выпишем из каждой из них по нескольку слов. Начнем с записки об университете... Дело идет о сходках... И автор взывает к правительству: не закрывайте их, не закрывайте. «Закрытие их в университете повлечет за собой открытие их *вне университета, по домам*, а преследование всюду обратит их из *явных* в *тайные* собрания, что *гораздо хуже и опаснее*». Напротив, сходки надо позволить, но пусть, продолжает автор, правительство примет их под свое отеческое крылышко, пошлет на них шпионов, напишет программу, о чем должны толковать студенты, и тогда нечего будет бояться от них тех гибельных последствий, какие мы видим теперь, то есть изъявлений сочувствия, как поясняет далее остроумный корреспондент, к страдальцам-полякам и прочих нелепых манифестаций. Затем наш beau masque ** заводит речь о Правилах вообще и, сообщив о том, какое впечатление произвели они на всех, замечает с возмутительной наивностью, что эти Правила могли быть введены без волнений только весьма *искусной* рукой (уж не самого ли корреспондента?), обычной в обращении с университетом и студентами и при помощи значительных смягчений по крайней мере *на первое*

---

* Под второй запиской имелась в виду «Историческая записка, составленная Университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре 1861 г. беспорядков между студентами Московского университета».— *Ред.*

** прекрасная маска (франц.).

время, но что, к несчастию, правительство поторопилось и испортило все дело...

Кажется, довольно. Бьюсь об заклад, что на вопрос, где напечатана подобная статья, изо ста человек, читавших когда-нибудь прежде «Колокол» и «Норд», девяносто девять ответят: в «Nord'e». И оно понятно.

Теперь вот несколько строк из превосходной статьи г. Огарева: «Нам надобно было странствующих учителей... У нас их не было; правительство их создает — невольно, нечаянно, бессмысленно. *Умейте же пользоваться случаем!*» Пусть «молодежь скажет народу, что земля ему отдается, что пришла пора соединиться, что ⟨пора⟩ учредить всюду свое управление выборное — наместо казенного, чиновничьего, самовластного. Молодежь скажет народу, что она приносит ему в помощь все средства, которые дала ей наука, и не пощадит для него ни трудов, ни *жизни*... Вперед же, юное поколение! Из душных аудиторий схоластики в мир свободного пониманья и общественной деятельности! Оставь мертвую букву и создай живую мысль. Иди *воином* во имя общей истины и народной свободы!»

Подумайте, г. редактор, какой ералаш должен произвести ваш нынешний «Колокол» в головах людей, привыкнувших верить вам на слово!

Россия находится накануне страшной, кровавой битвы. Она нуждается в людях опытных, твердо держащих знамя революции, способных проникнуть толпу единством убеждений и смело повести ее на бой, а вы с своим журналом вносите только сомнение и нерешительность в читающую вас молодежь, которым в грозный час суждено, быть может, превратиться *в потоки бесполезно пролитой крови*. Верьте, г. редактор, что, пиша это письмо, от меня была далека мысль оскорбить вас или даже задеть ваше самолюбие. Я думал только об *общем деле*, которому все мы обязаны служить.

1862. Марта 6
Ницца.

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА

Публикация Л. З. Черняка

Публикуемое письмо, адресованное редакции «Колокола», повидимому, предназначалось для печати. Оно является откликом на анонимную заметку Огарева, напечатанную в «Прибавочном листе к первому десятилетию „Колокола“» от 1 августа 1867 г. (стр. 14—15). Заметка эта, начинавшаяся словами: «Благо есть место...» (см. ее текст в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 548—549), подвергала критике реакционную статью Н. И. Соловьева, появившуюся во «Всемирном труде» и направленную против Писарева. В конце заметки Огарев, считая статью Соловьева выражением направления «чрезвычайно ретроградного» и явлением, «нравственно опасным для русского развития», изъявлял готовность вступить с автором в «подробную полемику».

Целью публикуемого письма было предупредить редакцию «Колокола» о нецелесообразности дальнейшей полемики со столь ничтожным и маловлиятельным автором, как Н. И. Соловьев. Автор его обратил внимание на заметку «Колокола» о «Всемирном труде» и присяжном критике этого журнала Соловьеве, потому что он и сам был весьма отрицательно настроен и к журналу и к критику. Это видно из того, что у него в Париже оказалась при себе вырезка из русской газеты более чем полугодовой давности — объявление некоего Алексея Ивановича Скибинского, готового за полцены переуступить годовую подписку на журнал «Всемирный труд» «первому попавшемуся» и даже сделать еще бóльшую уступку «при торгах». Объявление написано в явно сатирическом духе и ставило своей целью подорвать авторитет «Всемирного труда» в глазах

подписчиков. По словам автора письма, лицо, названное в объявлении,— А. И. Скибинский — «не злостный и не молодой человек и не столичный житель». Стиль, которым написано объявление,— стиль едкой насмешки,— чрезвычайно похож на стиль письма самого Новосветина. «Знакомство» Скибинского и Новосветина и тот факт, что мелкое газетное объявление, сделанное Скибинским, оказалось за границей у Новосветина, подсказывает предположение: не является ли автор приложенного к письму объявления также и автором письма в редакцию «Колокола»?

Фамилии *Новосветин* мы не нашли ни в справочниках, ни в словарях литературных и политических деятелей, включая словари псевдонимов. Не удалось никаких сведений собрать и об А. И. Скибинском. Не исключена возможность, что обе эти фамилии или одна из них — вымышленные.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 128).

Париж, 23 августа ⟨1867 г.⟩

Редакция «Колокола», как видно, не заглядывает вовсе или, по крайней мере, весьма редко и в весьма немногие журналы, издаваемые в России. Иначе она бы не встревожилась совершенно напрасно г. Соловьевым, который совершенно безвреден для «русского развития» по двум причинам, о которых ниже, и который вовсе не «недавнее явление», так как уже несколько лет подвизается в русской журналистике, преимущественно же в «Отечественных записках», где, вероятно, заменяет покойного г. Дудышкина и с успехом: статьи первого не читаются, как не читались — последнего.

Г-н Соловьев потому безвреден, во-первых, что статьи его, повторяю, никем не читаются, ни даже самым благонамеренным юношеством. Что говорю я! — ни даже в захолустьях, где иногда с горя чорт знает что будешь читать! В этом последнем случае все-таки в журнале, в том месте, где помещена его статья, замечается лишь несколько разрезанных полулистов, ибо, к сожалению, в заголовке статьи он не пишет, что «читать меня не стоит. Я так только, чтобы место занять да деньги получить. Читатель! Ведь ты меня не согласен даром кормить да одевать!».

Г-н Соловьев безвреден, во-вторых, потому, что кто его и начнет читать, тот все-таки ничего не поймет. Что касается до его цитат из своих противников, то есть тех, противу которых он как будто бы ратует и которые его не замечают по вышеприведенной причине, то недоверчивый читатель или просто памятливый легко могут заметить его милую добросовестность при этом... Распространяться не стоит! Избави боже вас, редакция, вступать с ним в полемику! Это — унижать то, что хотите защищать! Он «полает да отстанет!». Напрасно вы обратили на него внимание. Посмотрите!— станет еще сильнее лаять, бедняжка!

Что касается до самого журнала «Всемирный труд», то предлагаю вам отзыв о нем вовсе не злостного и не молодого человека и не столичного жителя[1].

А. Новосветин

На обороте: Genève
à Monsieur L. Czerniecki.
Ancien Hôtel des Postes,
Place Bel-Air (редакции «Колокола»)

Почтовый штемпель: 26 août. 67, Rue Bonaparte.

[1] К письму приложена следующая вырезка из газеты «Санктпетербургские ведомости» от 10 февраля 1867 г.:

«О б ъ я в л е н и е. Получив на днях первую книгу журнала „Всемирный труд", издаваемого под редакцией г. Хана, я желал бы переуступить право на получение журнала „Всемирный труд" первому попавшемуся за половину цены (за 7½ р. сер.). А при торгах могу сделать и уступку. Алексей Иванович С к и б и н с к и й (Черниговской губернии в г. Стародубе, дом Неймича)».

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «КОЛОКОЛА»

Публикация Е. Л. Рудницкой

В бумагах архива «Колокола» в «пражской коллекции» сохранился отрывок документа, который можно условно назвать «программой преобразования „Колокола“».

Отрывок этот заключает в себе окончание вступительной части программы, ее общие положения и самую программу. Согласно этой программе, «Колокол» должен был изменить свой характер, усилив на своих страницах теоретико-экономический элемент — и притом в духе народнически-догматическом, поскольку это определение может относиться к шестидесятым годам. Указывая на «связь, действительно существующую между фактами политической и экономической жизни Европы и теориями социализма», авторы программы особо подчеркивают необходимость «обратить внимание на то, что появление на общественном поприще русской народности проливает совершенно новый свет на многие из вопросов общественной науки, радикально изменяет решения, данные им деятелями, принимавшими в соображение только факты и категории, выработанные западноевропейским бытом».

Той же задаче разработки теоретических вопросов социализма, наряду с политическим обозрением и экономическим отделом журнала, должен был служить исторический отдел.

В специальных отделах: «Внутренняя летопись России», «Журналистика и библиография» и «Смесь» — должна была найти отражение вся русская текущая жизнь.

Значительное внимание, которое уделено в программе проблемам общеевропейской жизни, критике социальных теорий Запада, дает основание полагать, что программа эта исходила не из России, а из кругов русской революционной эмиграции. Действительно, вопрос о «Колоколе» в 1864—1865 гг. занимал центральное место во взаимоотношениях Герцена и Огарева с «молодой эмиграцией». Уже с 1863 г., когда в России определился спад революционной волны и реакция охватила все стороны общественной жизни, русские связи «Колокола» и его влияние пошатнулись. Изменившаяся политическая обстановка ставила перед пропагандой новые задачи. Издатели «Колокола» глубоко сознавали необходимость привлечения свежих сил, связанных с практикой революционной работы в России.

Когда в 1863 г. в Лондоне появился бежавший из Петербурга от ареста молодой, активный революционный деятель, член ЦК «Земли и воли» — Н. И. Утин, издатели «Колокола», дружески встретив его, вскоре же предложили ему участвовать в редакции «Колокола». Утин не принял этого предложения, мотивируя свой отказ тем, что не считает себя достаточно подготовленным к этой работе.

Возникший в 1864 г. план перевода Вольной русской типографии из Лондона в Женеву был прямым следствием желания Герцена и Огарева использовать свой станок для дела всей русской революционной эмиграции. Опубликованные Б. П. Козьминым в т. 62 «Литературного наследства» письма Н. И. Утина к Огареву и Герцену дают представление о том, с каким нетерпением «молодая эмиграция» ожидала переезда Вольной типографии в Женеву.

В условиях вынужденной эмиграции пропаганда была наиболее эффективной формой воздействия на русское революционное движение со стороны его эмигрировавших участников. И именно только через заграничный орган могла быть решена задача пропаганды. Естественно, что все интересы русской революционной эмиграции были устремлены к «Колоколу». Еще до женевского съезда эмигрантов (29 декабря 1864 г.— январь 1865 г.), на котором обсуждалась вся совокупность вопросов, связанных с участием «молодой эмиграции» в издании «Колокола», в их среде шло обсуждение программы преобразования «Колокола». Перед заграничным органом теперь ставилась прежде всего задача пропаганды среди русской молодежи социалистического учения, задача теоретического вооружения деятелей будущей революции.

В письме к Огареву от 22 июня 1864 г. Н. Утин, исходя из новых условий революционной работы в России, подробно аргументировал необходимость реформы «в изда-

нии и содержании „Колокола“». Предлагая строго определить «программу и направление преобразованного „Колокола“», Утин обещал «завтра или, вернее, послезавтра» прислать «подробное изложение своего мнения о том, как должен быть преобразован „Колокол“» («Лит. наследство», т. 62, 1953, стр. 657—658). Это обещание Утин не выполнил. Следующее письмо к Огареву было им написано 9 июля 1864 г. Ставя в этом письме вопросы о перспективе консолидации революционных сил в России и необходимости заграничного центра, Утин сообщал Огареву, что составил целый план образа действий за границею». «В этом плане,— писал Утин,— я изложил подробно и *программу* преобразованного „Колокола“...» (там же, стр. 663).

Однако обещанный Утиным план действий революционной эмиграции, составной частью которого была программа преобразованного «Колокола», неизвестен. Возникает, естественно, вопрос, не является ли отрывок, сохранившийся в бумагах редакции «Колокола», отрывком именно этой не конспиративной части плана Утина.

Сопоставление отдельных конкретных замечаний о желательном направлении преобразования «Колокола», разбросанных в цитированных выше письмах Утина, не противоречит содержанию публикуемого документа. Утин осуждал «нерасширение программы» «Колокола» (там же, стр. 658). В цитированном письме от 9 июля 1864 г. он отводит упрек Огарева в игнорировании обличительной стороны журнала. В публикуемой программе обличительному материалу хотя отводится определенное место, но он занимает совершенно подчиненное положение по сравнению с общетеоретической частью. Однако приведенные соображения недостаточны для категорического утверждения, что автором программы является Утин. Об этом можно говорить только в виде предположения.

План преобразования «Колокола», изложенный в данном документе, предлагается не от одного лица; за ним стоит какая-то группа. Возможно, это именно те лица, которых называет Утин в письме к Огареву от 22 июня 1864 г. и которые, по его мнению, должны были принять участие в издании. Это Гулевич, К. (Касаткин), Л. Мечников, Н. С. Курочкин. Их круг мог быть и шире и включать в себя значительную часть участников женевского съезда, на котором было принято соглашение относительно «Колокола» — молодежь сделала Герцену конкретное предложение, касавшееся дальнейшего издания «Колокола» и своего участия в нем.

Несомненно одно — публикуемый документ относится к 1864—1865 гг., когда стоял вопрос о практическом участии революционной эмиграции в дальнейшем издании «Колокола», и поэтому в этой среде шло оживленное обсуждение программы его преобразования.

Отрывок печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп, 1, ед. хр. 61).

* Современное политическое и экономическое положение всех стран Европы может служить блистательным доказательством тому, что ни государственным, ни гражданским путем идти некуда. Но связь, действительно существующая между фактами политической и экономической жизни Европы и теориями социализма, не каждому очевидна и может быть приведена в ясность не иначе как более или менее глубоким разбором разнообразных явлений политического мира. Для этого мы и желали бы установить при вольном русском журнале специальный отдел:

А) *Политическое обозрение*, которое было бы посвящено разъяснению указанной здесь стороны текущих политических событий.

Самым существенным отделом должен бы быть:

В) *Отдел экономический*, который вместил бы в себя, кроме критики политико-экономических фикций, пользующихся научною репутацией, а также и прусских экономических воззрений (Шульц-Делич), представляющих вовсе ненужный и логически несостоятельный компромисс

* Начало документа не сохранилось.— *Ред.*

между теодицеею капитала и социализмом... кроме всего этого, говорим мы, этот отдел преобразованного «Колокола» должен бы вмещать в себя следующее:

a) Статьи теоретические, написанные в положительном социальном направлении, устанавливающие и выясняющие истинно народные начала общественной экономии.

При этом необходимо обратить внимание на то, что появление на общественном поприще русской народности проливает совершенно новый свет на многие из вопросов общественной науки, радикально изменяет решения, данные им деятелями, принимавшими в соображение только факты и категории, выработанные западноевропейским бытом.

b) Летопись и критику учреждений, попыток и предположений практически социального решения общественных вопросов.

c) Уяснение тесной связи между юридическими и экономическими условиями быта. Критику юридических теорий и постановлений, почему-либо обращающих на себя внимание.

Затем, новый отдел «Колокола» должен бы быть посвящен:

C) *Исторической разработке вопросов*, находящихся в связи с общим направлением журнала.

Сверх того необходимы:

D) *Внутренняя летопись России.* Сюда входят:

a) постоянные экстракты из русских газет, перечень важнейших распоряжений правительства;

b) этот отдел должен быть обогащен всевозможными интересными сведениями о России, помещаемыми и в заграничных изданиях;

c) корреспонденции и вести, получаемые не из газет, а прямыми, частными путями из России.

E) *Журналистика и библиография.*

F) *Смесь*, заметки, запросы, обличения и справки.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ И ТИПОГРАФСКИМ ДЕЛАМ

ПИСЬМА В. И. КАСАТКИНА

Публикация Я. З. Черняка

Ниже публикуются два письма активного участника движения шестидесятых годов, члена общества «Земля и воля» Виктора Ивановича *Касаткина* (1831—1867). Данные о его деятельности, главным образом заграничной, собраны Б. П. Козьминым в его работе «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 8—9, 11—12 и след.).

В 1862—1866 гг. Касаткин принимал активное участие как в деятельности обеих вольных типографий — лондонской и бернской,— так и в распространении изданий Герцена и Огарева в России. Особенный интерес представляет история проекта Касаткина и других лиц — создать из двух упомянутых типографий, конкурировавших между собой, единую типографию на континенте.

Основываясь на анализе многих писем и документов, Б. П. Козьмин пишет: «...Никаких подробностей относительно содержания проекта <...> мы не знаем. Известно только, что в процессе его обсуждения возникло предположение рассматривать задуманное объединенное издательство в качестве заграничного предприятия тайного общества „Земля и воля“, на что ее представитель А. А. Слепцов, находившийся в то время за границей, дал согласие. Известно также, что проект „акционерной компании“ не осуществился. Можно предполагать, что одной из причин этого — а может быть, и главной — было отрицательное отношение к нему Герцена» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 13).

Бернская типография и проект объединения ее с лондонской были делом «молодой эмиграции» и присоединившегося к ней Касаткина. Публикуемое ниже письмо от 27 ноября 1866 г. относится к другому предприятию, связанному с именем Касаткина,— к той издательско-типографской акционерной компании, в состав которой никто из «молодой эмиграции» не входил и «Правила» которой, писанные рукой В. И. Касаткина и подписанные рядом лиц, хранятся ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Эта «акционерная компания», проект которой был принят в январе 1865 г. (XVIII, 14), просуществовала, как пишет Касаткин 27 ноября 1866 г., *всего год*. Мы на этом основании полагаем, что после утверждения проекта прошло не менее восьми-девяти месяцев, прежде чем типография «компании» начала действовать на новых основаниях. Мы останавливаемся на этом вопросе потому, что история превращения в 1865—1867 гг. Вольной типографии Герцена в акционерное предприятие и затем в собственность Л. Чернецкого освещена в литературе недостаточно. Публикуемое письмо кое-что разъясняет и уточняет в этой истории. Мы узнаем, что из пятидесяти четырех выпущенных акций двадцать пять с самого начала принадлежали Чернецкому, по десяти — Герцену и Касаткину, пять — П. В. Долгорукову и четыре — разным лицам. Герцен, как видно из текста письма, вопреки Касаткину, не рассматривал «акционерную компанию» с коммерческой точки зрения, а ставил, в первую очередь, задачи пропаганды. Так как письмо это по тону своему и содержанию имеет явно выраженный конфликтный характер и обнажает подчеркнуто денежный

характер претензий Касаткина, становится ясным, что именно им был поставлен вопрос о ликвидации компании и возврате внесенных за акции сумм. Мелочность претензий Касаткина, изложенных в письме, как нельзя лучше подтверждает распространенное о нем представление как о человеке раздражительном и придирчивом, восстановившем против себя всех товарищей по эмиграции.

Ноябрьские письма Герцена за 1866 г. не содержат никаких упоминаний о Касаткине; печатаемое нами письмо побудило Герцена немедленно ликвидировать материальные (кажется, и всякие другие) отношения с его автором (XIX, 135).

До самой смерти Касаткина, последовавшей в декабре 1867 г., Герцен не возобновлял с ним сношений. Упоминания его имени в переписке 1867—1868 гг. крайне редки и носят враждебный характер (см. XX, 164).

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 151).

1

ОГАРЕВУ

Женева, 24 марта 1865 г.
Boissière, 88

Я напрасно медлил ответом несколько дней. До сих пор нет ни вещей, ни даже avis * об них[1]. Директор транспортной конторы (petite vitesse **) уверяет меня, что в пятнадцать дней вещи никогда не приходят из Лондона. Будут они у меня не раньше недели от сего дня. Avis, говорит он, вперед не приходит, а является вместе с вещами. Я просил его принять вещи, не давая рыться в таможне. Он обещал сделать все, что следует. Расписку в уплате денег за отправленное А⟨лександр⟩ И⟨ванович⟩ мне выслал. Как видите, я не могу дать вам нужных сведений о приходе вещей. Но, судя по уверениям комиссионера, нужно полагать, что все дойдет благополучно. Стало, не мешкая можете отправлять и следующие транспорты. Я приму их с должным вниманием.

Дом нанят окончательно[2]. Можете занимать его, когда угодно. Контракт должен подписать сам Г⟨ерце⟩н. Срок найма только на один год, с правом возобновить контракт еще на год, если château*** к тому времени не будет продан.

Словолитен в Женеве нет. Все шрифты покупаются в Базеле или Франкфурте. Старый шрифт можно приобресть дешево. А новым — определенная цена, смотря по тому, какой выберете. Добыть его можно когда угодно и без всяких затруднений.

Кассы, разумеется, гораздо *выгоднее* приобресть здесь, нежели тащить из Лондона. У меня есть приятель, эксперт по этой части, который устроит нам все и дешево и сердито. А старые кассы продайте в Лондоне за что можно.

Квартира для типогр⟨афии⟩ и Ч⟨ернецко⟩го[3] имеется в виду поблизости: пять комнат за 500 fr. в год. Нужно, впрочем, чтоб эту статью решил сам Ч⟨ернецк⟩ий, которому мой искренний привет.

Здесь стоят никогда не бывалые холода. Снегу на горах еще бездна, но весеннее солнце в несколько дней возьмет свое, чего я и жду с нетерпением.

Собирайтесь же скорее, дорогой Николай Платонович, и везите с собой светлые, теплые весенние дни.

Как скоро прибудут вещи, я немедленно пишу ответ на все ваши вопросы.

В моей семье все обстоит благополучно.

Будьте здоровы и до свидания.

Ваш В. Касаткин

---

* извещения (франц.).
** малой скоростью (франц.).
*** зáмок (франц.).

[1] Речь идет о первой партии вещей и оборудования Вольной русской типографии и редакции «Колокола», перевозившихся из Лондона в Женеву (XVIII, 20 и 71).
[2] О найме дома Касаткиным см. в переписке Герцена (XVIII, 5, 60).
[3] Одновременно с Огаревым переехал в Женеву Л. Чернецкий, заведовавший типографией Герцена.

2

ГЕРЦЕНУ

‹Женева.› 27 ноября 1866.

Милостивый государь
Александр Иванович!

Г-н Тхоржевский, взявший с меня расписку в получении от вас денег, должен знать и помнить, что проценты с 5000 были уплачены по июнь текущего (1866-го) года.

Кроме того, вы остались мне должны 9 fr. за «Daily Telegraph», взятый по вашей просьбе пополам с серклем*[1]; 5 fr., выданные на похороны садовника Monay, и 5 fr., заплаченные мною за ваш билет в польский концерт. Итого 19 fr.

Сколько вы остались должны в серкль — об этом вас уведомит г. Цверцякевич[2], так как он обязан заплатить за журналы etc. к концу этого года.

Я никак не могу согласиться с вами, что «обстоятельство вашего и кн. Долгорукова отказа от всей суммы в пользу типографии не имеет влияния на цену акций». Наоборот — имеет, и весьма не пустое. За уничтожением ваших *десяти* и кн. Долгорукова *пяти* акций, остается налицо:

1) Чернецкого	— 25	акций
2) моих	— 10	»
3) неизвестных	— 4	»
Всего	39	акций

Допуская даже вашу незначительную оценку всей типографии в 7000 fr. и разделив эту сумму на 39 акций, приходится на каждую акцию 179 fr. 50 с., а не 128 fr.

На такую ликвидацию, т. е. на получение вместо 200 fr. за каждую акцию 179 fr. 50 с.,— я согласен.

От вас зависит принять этот расчет или расчет предшествующего письма[3].

Больших уступок я не могу сделать потому, что далеко не так богат, как вы.

Я должен еще раз повторить, что ваши и г. Огарева письма ко мне, а также и мои к вам, акции и наш устав доказывают вполне, что мы *все*, без исключения, заводили здесь типографию на *коммерческом* основании.

Я не менее вас хорошо понимал, что такая типография должна служить пропаганде; потому-то я и взошел в ассоциацию. А для торговли я сумел бы завести дело, не нуждаясь ни в ком. Недоразумение вышло из того, что мы заводили типографию не на один год и не *на 54* акции, а вам она надоела в течение одного года, и капитал наличными 5800 fr. не вырос ни на один сантим.

Ваш покорный слуга В. Касаткин

[1] *Серкль* — славянский кружок, который образовался в Женеве из эмигрантов различных национальностей (XVIII, 92).
[2] Иосиф *Цверцякевич* — польский революционер. См. о нем на стр. 259 настоящего тома.
[3] Это письмо Касаткина в печати неизвестно.

---

* кружком (франц.).

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО

Публикация Я. И. Линкова

Людвиг *Чернецкий* (1828—1872), польский эмигрант, участник революционного движения, бессменно заведовал Вольной русской типографией с самого ее основания— сначала в Лондоне, а затем в Женеве. Его бескорыстная преданность делу, самоотверженность в труде и исполнительность высоко ценились Герценом. Обращаясь к Чернецкому, он писал в предисловии к сборнику, посвященному десятилетию Вольной русской типографии (1863): «Дайте вашу руку на новое десятилетие и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что я вам сто раз говорил наедине. Помощь, которую вы мне сделали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мне облегчила весь труд. Братская вам благодарность за это; в лице вашем польская помощь и участие в нашем деле не перемежались... Спасибо вам!» (XVI, 130).

Публикуемые нами шестнадцать писем Чернецкого к Герцену и Огареву* относятся к 1865—1869 гг.; они затрагивают вопросы издания «Колокола» в последние годы его существования и судьбу Вольной русской типографии после ее перевода из Лондона на континент, в Женеву. То, что было известно о деятельности и финансовом положении Вольной русской типографии из ранее изданных писем Герцена и Огарева и других источников, получает существенное дополнение в этих письмах.

Вместе с тем, они содержат интересный материал для характеристики их автора как ближайшего сотрудника Герцена по издательской деятельности.

Вторая половина шестидесятых годов, когда написана большая часть писем Чернецкого, была временем упадка Вольной русской типографии. Разгром русских революционных организаций и наступившая реакция нарушили русские связи Герцена и Огарева и обусловили резкое сокращение выпуска изданий Вольной типографии. Стремясь восстановить все более слабеющую связь с родиной, Герцен перенес в 1865 г. типографию из Лондона в Женеву, где он надеялся привлечь к участию в своих периодических изданиях, и в первую очередь в «Колоколе», русскую революционную эмиграцию, обосновавшуюся в Женеве. Однако принятые меры не имели успеха. Без живых связей с Россией журнал не мог быть боевым органом революционного движения. Выпустив 1 июля 1867 г. 244-245-й лист «Колокола», Герцен и Огарев, как известно, прекратили издание газеты. Не дало благоприятных результатов и предпринятое в 1868 г. издание «Колокола» на французском языке.

Каково же было отношение Герцена к задачам типографии и ее работе в период, затрагиваемый письмами Чернецкого?

И после переезда на континент, когда с мая 1865 г. Вольная русская типография начала работать уже не в Лондоне, а в Женеве, Герцен не ослабил заботы о ней. Правда, его заботы приняли теперь несколько иные формы. Это объясняется, помимо всего прочего, и тем, что Герцен бывал в те годы большей частью вне Женевы, в постоянных разъездах по Западной Европе. С конца 1864 — начала 1865 г. Герцен стремится меньше заниматься организационно хозяйственными делами, связанными с типографией. Еще до перевода типографии в Женеву, в связи с обсуждением проекта превращения ее в акционерную компанию в письме к Огареву от 12 января 1865 г. Герцен писал: «Заведовать морально буду я, голландскою сажей ⟨т. е. непосредственным производственным процессом⟩ — Чернецкий, Кас⟨аткин⟩ associé**» (XVIII, 14).

Проект превращения Вольной русской типографии в акционерное общество, разработанный Герценом, Огаревым и Касаткиным как мероприятие для усиления ее деятельности, был принят тогда же (в январе 1865 г.), но функционировать на новых основаниях типография начала лишь осенью 1865 г. Чернецкий вошел в число учредителей общества, наряду с Герценом, Огаревым, В. И. Касаткиным, П. В. Долгоруковым и В. Ф. Лугининым (см. выше публикацию писем В. И. Касаткина).

---

* Всего в «пражской коллекции» сохранилось 18 писем Чернецкого к Герцену и Огареву. Два письма к Огареву 1869—1870 гг. печатаются в отделе сообщений, на стр. 700 и 711—712 настоящего тома.—*Ред.*

** компаньоном (франц.).

В качестве одного из средств оживления все более суживавшейся сферы издательской деятельности типографии в январе 1866 г. была предпринята попытка принимать заказы не только на русском, но и на польском, сербском, французском и английском языках, о чем было помещено объявление в л. 212 «Колокола».

Однако превращение Вольной русской типографии в акционерное предприятие не дало ожидаемых Герценом результатов и мало что изменило в фактическом положении дел. «Дела типографии идут очень дурно, она вся снова упала на мои плечи», — писал Герцен сыну в апреле 1866 г. (XVIII, 373). В середине 1866 г. Герцен передал типографию в собственность Чернецкому. Но и это, казалось бы, радикальное мероприятие не избавило Герцена от дальнейших забот о ее судьбе.

«Плохо идут дела типографии, и я не придумаю, что сделать»,— сообщал он в начале января 1867 г. Тхоржевскому (XIX, 180). В том же духе писал он через несколько дней Огареву: «Дела типографии идут плохо. Пора и ее сдать в архив. Подумай об этом» (XIX, 181). Не принес перемен и следующий год. «...В нынешнем ⟨1868⟩ году,— писал он Огареву,—вся печать „Кол⟨окола⟩“ и „Пол⟨ярной⟩ зв⟨езды⟩“ на моих плечах, а я не Раппо*, поднимавший карету шестериком, нагруженную свинцом» (XXI, 14).

Плачевное положение типографии определялось тем, что она никогда не была и не могла стать коммерческим предприятием. Типография хорошо работала в годы успеха лондонской пропаганды и оказалась в тяжелом положении, когда пришли трудные времена для «Колокола». И революционер Чернецкий, так много сделавший для Вольной типографии в период расцвета пропаганды Герцена и Огарева, оказался совсем непригодным для роли «хозяина» коммерческого предприятия. Все время после передачи Вольной русской типографии Чернецкому ею непрерывно занимались Герцен и Огарев, и передача была только номинальной.

Чернецкий отдавал себе в этом отчет. Он сам называет себя в одном из публикуемых писем «номинальным акционером» (см. ниже, стр. 254). На почве постоянных затруднений у Чернецкого не раз возникали недоразумения с Герценом.

Судьба типографии и ее «хозяина» никогда не переставала самым живым образом интересовать Герцена. В частности, он рекомендовал Чернецкому для поправления дел попытаться соединить типографию с каким-либо издательским предприятием в Женеве или другом городе, надеясь, что это поможет ей выйти из того тупика, в котором она находилась.

В письмах Герцена к Огареву, жившему в то время в Женеве, можно найти и другие проекты. «На обороте ты прочтешь мой ультиматум Чернецкому,— пишет Герцен Огареву 17 марта 1869 г.—Отошли его ему и пригласи гуманно потолковать. Я готов ему сейчас прислать 500 и по окончании ликвидации 500— разумеется, в полный квит. Уговори его продать или идти в типографию к другому. Он не вынырнет. Все, что мы печатаем за границей по-русски,— филантропия и себяобман, — ничего не идет» (XXI, 328). Герцен выдвигал один за другим проекты объединения или же передачи типографии другому владельцу. В письме к сыну от 18 июня 1869 г. он писал: «Несмотря на то, что ты почти совсем не пишешь, я пишу о разных делах и начну с самого важного, о чем прошу очень обдумать и отвечать очень внимательно. Есть некий Gay, издатель библиографических книг. Он печатает уже четыре года у Чернецкого и теперь заводит книжную лавку или издательскую в Генуе, куда и едет через месяц с семейством. Этот Gay предлагает Чернецкому перевести типографию в Геную и ассоциироваться с ним. Работы у него на два года вперед есть. Чернецкий может ассоциироваться или начать на свои деньги». Далее Герцен детализировал свое предложение: «Не хочешь ли ты вступить особо в ассоциацию с Чернецким и тем отстранить меня вовсе и самому вести дело с ним на торговом основании? Я мог бы тогда сделать опыт и выделить сначала 5000 тебе... потом усилить, если пойдет. Контроль и участие в ведении типогр⟨афии⟩ непременно должны равно принадлежать тебе и ему». Герцен особо отмечал в этом письме: «Боюсь для Чернецк⟨ого⟩ незнания языка и его непривычки к делам, зато за честность его можно отвечать» (XXI, 397—398).

---

* *Раппо* — известный силач.— *Ред.*

Ни один из многочисленных проектов подобного рода так и не был осуществлен.

На протяжении этих лет всплывали и другие планы загрузки типографии. В январе 1869 г. Герцен в письме к Огареву, отмечая большой успех в «молодом Париже» отрывков из «Былого и дум», напечатанных во французском «Колоколе», выдвигает предложение выпустить их отдельным изданием. «Тогда Чернецк⟨ому⟩ работы на два года» (XXI, 278). Но и это намерение не было осуществлено.

Для оказания любой реальной помощи типографии Герцен всегда был готов идти на серьезные материальные затраты. «Если Чернецкий возьмет работу срочную с уступкой, я готов взять *на себя* уступку на целый год»,— писал он Огареву в марте 1869 г. (XXI, 329). Финансовая поддержка Герценом типографии и лично Чернецкого во второй половине шестидесятых годов носила систематический характер и принимала разнообразные формы. О том, как она осуществлялась практически, можно судить по письмам Герцена к Огареву. В одном из них, извещая о своем согласии дать необходимую Чернецкому в тот момент сумму (1500 франков), Герцен писал: «Весь спор последнего времени состоял у меня с ним ⟨Чернецким⟩ в том, что он требовал деньги взаймы, а я их давал, говоря, что это мое ему приношение» (XXI, 95).

Среди многих ассигнований Герцена на типографию в этот период можно упомянуть 4500 франков, выданных в начале 1868 г. Чернецкому «на его искупление из Banque Suisse*» (XXI, 253). Чернецкий в письме от 31 октября 1869 г. (см. ниже) исчислял полученную им от Герцена за пять лет «субсидию» в 5000 франков.

В августе 1869 г. Герцен, вновь и вновь возвращаясь к вопросу финансирования типографии, писал Огареву: «Чернецкому 3000 (и больше) дать готов ⟨...⟩ под залог с пятью %. И для него я сделал все до сатурации**. Если хочет, пусть пишет подробно» (XXI, 422).

Необходимо заметить, что Герцену хотелось, в частности, объединить типографию с другой Женевской эмигрантской типографией, принадлежавшей группе «Народного дела». В письме к Утину в июле 1869 г., посвященном очередному проекту объединения типографий, Герцен писал: «Я, с своей стороны, и теперь *считаю непоследовательным, что люди, понимающие экономическую сторону вопросов, дробят материальные силы, вместо того, чтобы их соединять*. Мысль о соединении типографии не Бакунина, а моя. Может, было бы хорошо, если бы Трусов еще поговорил с Чернецким» (XXI, 414. Курсив наш.— *Я. Л.*).

В январе 1869 г. типография Чернецкого осталась без всяких заказов, рабочих пришлось распустить, остался лишь один наборщик — серб Данич.

В августе 1869 г. Герцен в письме к Огареву с грустной иронией замечал: «... У меня Тхоржевский и Чернецкий с типографией, в которой ничего не печатается, и с швейцарами, стоящими у поезда ⟨подъезда?⟩ к Альпам» (XXI, 424).

В 1872 г., незадолго до смерти, Чернецкий продал типографию, сыгравшую такую славную историческую роль в русском революционном движении. (О судьбе Вольной русской типографии в конце шестидесятых годов см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 365—573; т. 41-42, 1941, стр. 18, 25).

Итак, на каких формальных условиях ни существовала Вольная русская типография во второй половине шестидесятых годов: находилась ли она в ведении акционерного общества, была ли собственностью Чернецкого — это не меняло существа дела, и Герцен до последнего дня своей жизни не выпускал ее из поля своего зрения. Он держал типографию при себе, не теряя, как видно, надежды вновь широко использовать ее печатные станки для великого дела политического освобождения России, как это было в годы демократического подъема конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Именно это решающее обстоятельство объясняет подлинную суть отношений, существовавших между Герценом и Чернецким, тот основной мотив, который определял кровную заинтересованность Герцена в делах типографии. Все это нашло отражение в публикуемых письмах.

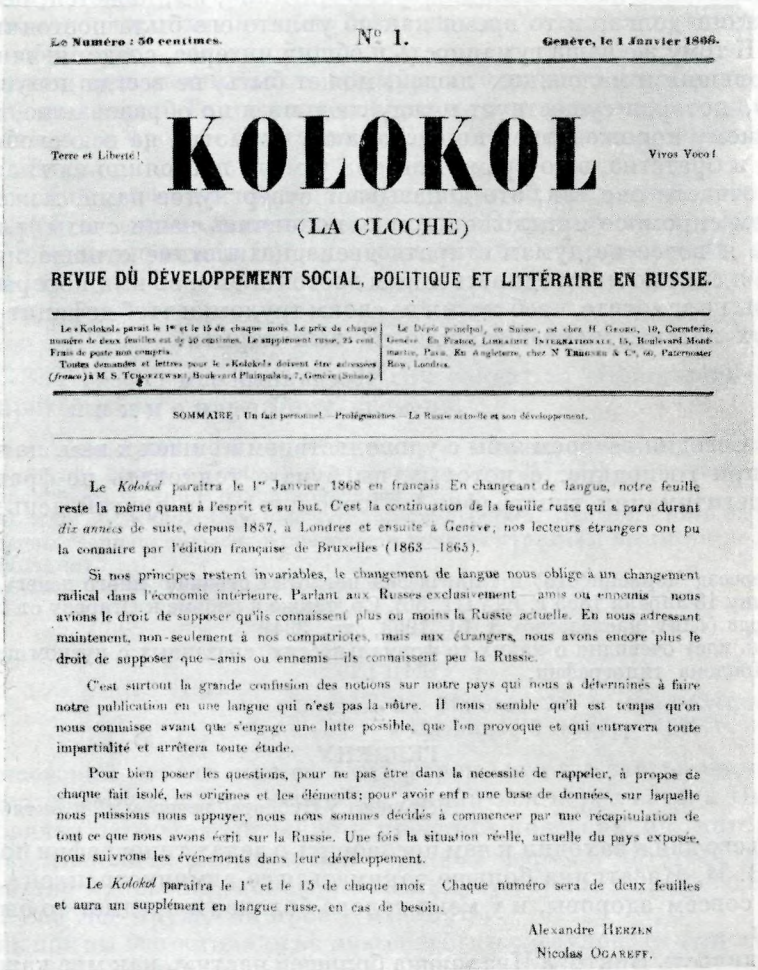
---

* Швейцарского банка (франц.).

** насыщения (от франц. «saturation»).

Они свидетельствуют вместе с тем и о постоянной заботе Герцена лично о Чернецком как о близком и преданном человеке и соратнике по революционной борьбе, с которым была связана деятельность Вольной русской типографии.

В долголетнем сотрудничестве с Герценом скромного труженика революции — Чернецкого — мы видим и один из конкретных примеров русско-польского революционного союза в действии.



Le Numéro : 50 centimes. № 1. Genève, le 1 Janvier 1868.

Terre et Liberté! **KOLOKOL** Vivos Voco!

(LA CLOCHE)

REVUE DU DÉVELOPPEMENT SOCIAL, POLITIQUE ET LITTÉRAIRE EN RUSSIE.

Le «Kolokol» paraît le 1er et le 15 de chaque mois. Le prix de chaque numéro de deux feuilles est de 50 centimes. Le supplément russe, 25 cent. Frais de poste non compris.
Toutes demandes et lettres pour le «Kolokol» doivent être adressées (franco) à M. S. Tchorjewski, Boulevard Plainpalais, 7, Genève (Suisse).

Le Dépôt principal, en Suisse, est chez H. George, 10, Corraterie, Genève. En France, Librairie Internationale, 15, Boulevard Montmartre, Paris. En Angleterre, chez N. Trübner & Cie, 60, Paternoster Row, Londres.

SOMMAIRE. Un fait personnel. — Prolégomènes. — La Russie actuelle et son développement.

Le *Kolokol* paraîtra le 1er Janvier 1868 en français. En changeant de langue, notre feuille reste la même quant à l'esprit et au but. C'est la continuation de la feuille russe qui a paru durant *dix années* de suite, depuis 1857, à Londres et ensuite à Genève, nos lecteurs étrangers ont pu la connaître par l'édition française de Bruxelles (1863—1865).

Si nos principes restent invariables, le changement de langue nous oblige à un changement radical dans l'économie intérieure. Parlant aux Russes exclusivement — amis ou ennemis — nous avions le droit de supposer qu'ils connaissent plus ou moins la Russie actuelle. En nous adressant maintenant, non-seulement à nos compatriotes, mais aux étrangers, nous avons encore plus le droit de supposer que — amis ou ennemis — ils connaissent peu la Russie.

C'est surtout la grande confusion des notions sur notre pays qui nous a déterminés à faire notre publication en une langue qui n'est pas la nôtre. Il nous semble qu'il est temps qu'on nous connaisse avant que s'engage une lutte possible, que l'on provoque et qui entravera toute impartialité et arrêtera toute étude.

Pour bien poser les questions, pour ne pas être dans la nécessité de rappeler, à propos de chaque fait isolé, les origines et les éléments; pour avoir enfin une base de données, sur laquelle nous puissions nous appuyer, nous nous sommes décidés à commencer par une récapitulation de tout ce que nous avons écrit sur la Russie. Une fois la situation réelle, actuelle du pays exposée, nous suivrons les événements dans leur développement.

Le *Kolokol* paraîtra le 1er et le 15 de chaque mois. Chaque numéro sera de deux feuilles et aura un supplément en langue russe, en cas de besoin.

Alexandre Herzen
Nicolas Ogareff.

ИЗДАНИЕ «КОЛОКОЛА» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ № 1 от 1-го января 1868 г.

До настоящего времени письма Чернецкого к Герцену в печати не появлялись, и среди корреспондентов Герцена имя Чернецкого не значилось. Однако публикуемыми письмами переписка его с Герценом не исчерпывается. Что касается писем Герцена к Чернецкому, упоминания о которых встречаются в настоящей переписке, в переписке Герцена с Огаревым и в других источниках, то ни одно из них не обнаружено.

Письма Чернецкого написаны на русском языке, которым он не вполне свободно владел; они изобилуют полонизмами, что иногда затрудняет их понимание. Неправильности и особенности языка Чернецкого при публикации нами сохранены. Исправления внесены только в его орфографию и пунктуацию.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 120 и 139).

1

ГЕРЦЕНУ

Женева, 11 мая 1865. Четверг утром

Мне бесконечно жаль, что простое объяснение мое вы приняли за какую-то недостойную месть, между тем как все это — одно недоразумение. Делая замечание насчет великих трат в Англии[1], вы, кажется, не думали о взыскании долга, в то время как об уплате его была постоянная моя забота. К тому же ваша гуманность и общий интерес, соединяющий очень часто больших и маленьких людей, может быть, не всегда допускали ту разницу, которая существует между людьми и по образованию, и по общественному положению, и по состоянию, несмотря на всю свободу, равенство и братство, в то время как она у меня постоянно на глазах.

Что отчасти оно так, это доказывает отвергнутое вами, может быть, не совсем скромное предложение мое покончить наши счеты разом, по которым я вовсе не думал стирать двенадцатилетние отношения наши, которые я считаю моим единственным достоянием и во имя которых, я надеюсь, вы не захотите, чтоб я жил не своим трудом, и чтоб дефицит последних двух лет пал исключительно на ваш карман.

Преданный вам
Чернецкий

P. S. Сегодня вечером я бы с удовольствием пришел к вам, но что мне делать при господине, с которым вы будете толковать по-французски насчет легитимации типографии[2]. Позвольте уж в другой день придти к вам.

[1] «Переезд Чернецк〈ого〉 и типографии поглотил страшно много денег»,— писал Герцен сыну 18 апреля 1865 г. (XVIII, 86). Ср. также в письме к Огареву от 10 апреля того же года («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 394).

[2] Речь идет очевидно о каких-то формальностях, связанных с пуском переведенной из Лондона типографии.

2

ГЕРЦЕНУ

〈Женева.〉 Суббота вечером, 28 октября 1865

Третьего дня я заходил к вам поговорить о делах типографии по поводу отказа В. И. Касаткина больше заниматься ее администрацией[1]. Но вы были не совсем здоровы, и у меня голова болела, и предмет-то был вовсе не весел.

Обидчивость Виктора Ивановича большей частию, как мне кажется,— следствие его коммерческого взгляда на дела типографии и незнания, что я только номинальный акционер, а сущность принадлежит вам, как это оказалось по сведенным с вами счетам с переезда в Женеву. Стало, я тут не имею никаких выгод как акционер. Пусть же Виктор Иванович знает, что, трудясь в продолжение двенадцати лет для свободного русского слова, я исполнял только обязанность человека, любящего свою родину и желающего принесть ей лепту скромного и убогого труда. Я всегда мало заботился о материальной стороне жизни, а смотрел больше за пользой общего дела. Я мог ошибаться, но таково было мое понимание и такова вера.

Если б я думал иначе, у меня, наверно, было бы пятьсот фунтов стерлингов в банке, как меня подозревали мои соотечественники в Лондоне, и в Женеве не стал бы трудиться из-за 200 франков в месяц, которых нехватает на самую скромную жизнь, лишенную всякого удовольствия; трудясь с раннего утра до ночи и исполняя всякую должность, начиная

с директора Вольной русской типографии, как выразился сумасшедший Шапошников[2], и оканчивая подметыванием ее, открыванием и закрыванием ставней. Но я вовсе не роптаю на это и не унижаюсь этим, это участь всех неимущих, честных, но глупых людей, но я не хочу, чтоб кто-нибудь, особенно люди, которых я еще уважаю, принимали меня за какого-то коммерчески-политического спекулянта.

Поэтому я вас раз еще искренно прошу уволить меня от почетного имени акционера и положительно отказываюсь от всякого участия в заседаниях общества.

Двадцать пять акций [3], т. е. сумму моего долга, которые вы недавно прислали мне через Тхоржевского, опять вам возвращу назад при первом свидании, с просьбой оставить их у себя до тех пор, пока я вам не уплачу долга.

Об условиях моих на второе полугодие, чтоб продолжать заниматься типографией и ее администрацией, напишу Обществу акционеров в другой раз, а пока дружески прошу извинить мою откровенность, слишком наболело на душе.

Весь ваш
Чернецкий

P. S. Завтра вечером печатник [4] сам зайдет за «Колоколом», будьте добры приготовить его к этому времени.

[1] О взаимоотношениях В. И. Касаткина с Вольной русской типографией см. в публикации его писем к Герцену и Огареву на стр. 247—249 настоящего тома.
[2] *Шапошников* — лицо неустановленное.
[3] Речь идет об акциях Вольной русской типографии. Двадцать пять из них были предоставлены Чернецкому (см. в настоящем томе на стр. 247 и предисловие к настоящей публикации).
[4] *Печатник* — см. примеч. 2 к письму № 16.

3

ГЕРЦЕНУ

Chemin du Marché, № 1 Pré-l'Evêque, Genève
Пятница, 3 ноября 1865 г.

Тхоржевский сказал мне сегодня утром, что вы завтра едете где-то на неделю, поэтому спешу дружески извиниться перед вами и Николаем Платоновичем за мое объяснение в прошлый понедельник, которое, может быть, лишенное тех мягких и изящных форм, к которым вы оба и все семейство привыкли, помешало на минуту гармонии вашего светлого кружка. Раз еще дружески прошу извинить.

Но так как вы все оставили на мою совесть и рассудок, то я много думал с тех пор и решил принять все доброе, сделанное вами не только для общей свободы нашей, но и для меня лично, со всеми замечаниями вашими, справедливыми или несправедливыми.

С другой стороны, взявши во внимание, что в продолжение двенадцати лет, трудясь для русского свободного слова, я извлекал не только насущный, но и духовный хлеб, и что вдвоем, не бог знает с какими нуждами, нужно очень мало, я решился просить вас и все представительство русской свободной мысли принять двадцать акций в пользу общего дела пропаганды как искреннее пожертвование. Пять же акций я желал бы оставить за собой, чтоб расплатиться с квартирой за прошлые и будущие шесть месяцев и с В. И. Касаткиным.

Будь же то мое искреннее прошение, не в упрек кому бы то ни было, а к великому прискорбию моему, отвергнуто русской свободной мыслию, то я решился, за вычетом нужных мне пяти акций, т. е. 1000 франков, и за вычетом 30 фунтов стерлингов, или 750 франков, заплаченных

за переезд мой с мебелью, пожертвовать остальное, т. е. 3250 франков в пользу польской Батиниольской школы в Париже.

Конечно, сегодня акции эти — мертвая буква, а при ликвидации типографии выйдет, может быть, очень мало, но больше я не могу сделать и за будущее я не отвечаю. А пока я в ваших распоряжениях, буду продолжать, как я вам уже говорил и писал, трудиться с той любовью и интересом, как до сих пор, без всяких условий с моей стороны.

Весь ваш C z e r n i e c k i L o u i s

P. S. За журналы премного благодарю. По пересмотрении передам их в клуб.

4

ГЕРЦЕНУ

<Женева.> Воскресенье утром
12 августа 1866 г.

Многоуважаемый Александр Иванович,

Вчера, прочитавши вашу записку, я просил Н. П. Огарева передать вам слова два объяснения, что, в сущности, срок условия насчет отпечатания четвертого тома «Былое и думы» — новый год 1867 [1], а не 10 числа августа 1866. Что, рассуждая вместе с вами о времени издания книги, я сказал, что ее очень легко издать к тем порам, считая даже не больше, как лист в неделю.

Поэтому грустно сделалось на душе от обвинения в нарушении условия, которое, как всякое нарушение условия, конечно, дело очень несправедливое. И, прочитав сегодня еще раз с должным вниманием вашу записку, я считаю нужным прибавить, что особенных причин на то, что, по вашему расчету, 1-й лист «Былого и дум» опоздал днем или двумя,— у нас в типографии нет.

Меры же (вероятно, заем 2000 франков), о которых вы говорите, ничего не переменили, т. е. ни прибавили, ни уменьшили работящих рук, и лучше совладать подробностями работ, как до сих пор и при настоящих условиях, признаюсь, я не чувствую себя способным. Об этом я уже писал в начале этой недели кн. П. В. Долгорукову [2] и теперь то же самое повторяю вам — я отдал мои лучшие силы и способности, больше дать не могу, Александр Иванович.

Временно приобретенные мною орудия работы легко передать в другие руки, тем паче, что «Колокол» вскоре будет издаваться на французском языке [3], а мне позвольте считать ваше обвинение как заблаговременное уведомление, что я вам больше не нужен.

К новому году, а может и раньше, все работы будут кончены и всё приведено в надлежащий порядок.

Тхоржевский, как интересованная сторона, до сих пор еще не обвинил меня в нарушении условия.

Преданный вам
Ч е р н е ц к и й

Наталии Алексеевне с Лизкой [4] наш дружеский поклон.
Ч е р н е ц к и й

[1] Четвертый том первого отдельного издания «Былого и дум» вышел из печати 1 ноября 1866 г.

[2] О П. В. *Долгорукове* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 126—132 и на стр. 708—709 настоящего тома.

[3] «Колокол» («Kolokol») на французском языке выходил с 1 января по 1 декабря 1868 г.

[4] *Наталья Алексеевна* — Тучкова-Огарева; *Лизка* — Лиза, дочь Герцена и Огаревой. Чернецкий называет ее по-польски.

5

ГЕРЦЕНУ

〈Женева.〉 Вторник, 21 января 1868

Извините, что я вас потревожил моим письмом, в котором просил вас гарантировать 1000 франков в банке. Но раньше или позже пришлось бы это сделать, лучше же когда вы сами заговорили, наконец, об этом.

СТАНИСЛАВ ТХОРЖЕВСКИЙ
Фотография, 1860-е гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Вчера я видел Николая Платоновича О〈гарева〉, и вот что он мне передал:

1. Что диспонибельного* капитала у вас нет, что едва сводите концы с концами и что если одолжите мне 1000 франков, то «Полярную звезду» нельзя будет напечатать, разве на деньги Бах〈метевского〉 фонда.

* наличного (от франц. «disponible».— *Ред.*).

2. Что насчет типографии он ничего придумать не может, а кроме осуществления счастливой мысли Тхорж⟨евского⟩, другого выхода не видит[1].

Конечно, «на нет и суда нет». Но чтоб дело было ясно и понятно для нас всех, позвольте вам, Александр Иванович, представить его цифрами, начиная с переезда в Женеву и оканчивая 1 января 1868, не для того, чтоб вас уговаривать в чем бы то ни было, а просто как отчет общего труда и усилий, который будьте добры прочесть с вниманием и сохранить его.

Начнемте с общего взгляда на *Crédit* и *Débit*, т. е. *увеличение* и *расходы*:

a) Шрифт из Базеля для кн. Долгорукова	1000 fr.
b) » из Лондона для работ Гея[2]	2029
c) » и кассы для него же из Базеля	150
d) Долг Иовановича[3] и других	1000
Итого	4179 fr.

Расходы, или

a) Долг банка в Женеве	3000
b) » Кеслону[4] за шрифты Гея	1642
c) » Haas et Ce	150
d) Акции Касаткина	1100
e) Заем итальянских бумаг	450
f) Долг за бумагу в Невшателе	200
g) Жалование Даничу за три месяца	300
h) Квартира типографии и моя часть за полгода	375
i) Отопление обоих	100
Итого	7317 fr.

Баланс

Долгов (Débit)	7317 fr.
Увеличение (Crédit)	4179 fr.

3138 fr. дефицита

Сумма не так велика, когда вспомним, что в последние два года, особенно в последние шесть месяцев, работы почти не было, и если б можно было предвидеть какую-нибудь работу, то дефицит этот в два-три года легко покрыть.

Впрочем, всякий знает, и вы это понимаете, что каждое предприятие, особенно без достаточного запасного капитала, в первые два-три года ничего не выигрывает. Но тут-то и финал. Больше у меня не на что занимать, как вы увидите сейчас из расчета моего с вами. Вот он, Crédit и Débit наш:

Crédit

Типография до переезда представляла	5000 fr.	
Новые шрифты по переезде, означенные в общем Crédit *a*, *b* и *c*	3179 fr.	
Итого	8179 fr.	
Долг банка в Женеве	3000	
» Кеслону за шрифты	1642	
» в Базеле » »	150	
Акции Касаткина	1100	
Итого	5892 fr.	5892 fr.
На остающиеся	2287	

я вовсе не претендую, потому что типография без работ и без хода не сто́ит и той суммы, т. е. 5892 франков, которые придется вам со временем уплатить, как большей частию гарантированные вами и обеспеченные ее в отношении к вам с моей стороны. Поэтому с 1 мая я ее передам целиком и довольно хорошо теперь монтированную. Но так как у вас нет диспонибельного капитала, чтоб ее вести самому и я искренно желаю, чтоб вы ничего не потеряли, то я с приездом вашим в Женеву попробую перца.

Что же касается нового и последнего займа в 1000 франков, которые я у вас просил и которые мне необходимы в конце этого месяца, чтоб уплатить обе квартиры и жить нам самим, то они обеспечены работой Гея и «Колокола» до 1 мая, как равно и 1000 франков, которые все-таки я надеюсь получить от Иовановича и других.

Плана на будущее у меня никакого нет и быть не может. Какая может быть будущность у работника в сорок лет, без особенных способностей и научного развития? Одно существование, сведенное на minimum,— вот и все, по крайней мере на 1868 год. Прежде я думал об Америке, хотя, признаться, симпатии к ней не имею, но теперь надо подождать, что будет с весной в Европе.

Как скоро прочтете «Прибавление»[5], будьте добры возвратить его. Боюсь, что этот номер опоздает. Н. П. Огарев только вчера отдал начало своей статьи[6]. Сегодня обещал больше. Где Любанский[7], бог его знает. Никогда не пишет своего адреса.

Цверцякевича[8] увижу завтра.

Поклон Наталии Алексеевне с Лизой от нас всех.

Прощайте.

Л. Чернецкий

[1] Речь идет, очевидно, о каком-то предложении по улучшению деятельности типографии. Установить, в чем состояла «счастливая мысль» Тхоржевского, не удалось.

[2] *Гей* — женевский издатель, которого Герцен предполагал сделать компаньоном Чернецкого (см. выше вступительную статью к настоящей публикации и XXI, 397—398).

[3] Владимир *Иованович* — сербский демократический деятель. Посетил Герцена в июне 1864 г. в Лондоне (XVII, 266). В л. 167 «Колокола» за 1864 г. было напечатано объявление о предстоящем выходе в свет книги известного сербского патриота Владимира Иовановича «The Serbian nation and the Eastern question by Vladimir Jovanovith» («Сербский народ и восточный вопрос»). Книга рекомендовалась вниманию русских читателей (XVI, 201). В л. 187 «Колокола» за тот же 1864 г. сообщалось об издании в Женеве сербского радикального журнала «Свобода» под редакцией Владимира Иовановича. Вольная русская типография выполняла, очевидно, какой-то заказ для Иовановича.

[4] *Кеслон* — парижский книгопродавец и издатель.

[5] «Русское прибавление к „Kolokol“», выходившее с 1 января по 15 июня 1868 г. Поскольку обсуждение содержания номера происходило в конце января (см. следующее письмо), речь может идти о втором или третьем номерах «Прибавлений», вышедших в свет 1 февраля и 1 марта 1868 г.

[6] О какой статье Огарева пишет Чернецкий, неясно. В этих номерах «Прибавлений» нет ни одной статьи, подписанной Огаревым. Отсутствует в них и отдел «Смесь», для которого Огарев часто писал. Все статьи второго и третьего номеров «Прибавлений» вышли под псевдонимами. Возможно, что под одним из них скрывается Огарев. Так, Я. З. Черняк считал, что Огарев является автором второго ответа на письмо в редакцию «Колокола», помещенного в статье «Не для печати» в третьем номере «Прибавлений», и ему принадлежит криптоним I., который стоит под этим ответом (см. «Библиографическое описание произведений Н. П. Огарева в русской заграничной печати 1856—1870 гг.». Составил Я. З. Черняк. Рукопись. Не опубликована). Вопрос этот не может, однако, считаться решенным и требует специального исследования.

[7] *Любанский* — лицо неустановленное.

[8] Иосиф *Цверцякевич*—польский эмигрант, в 1863 г. уполномоченный представитель в Лондоне Временного польского правительства. Во второй половине шестидесятых годов жил в Женеве.

6

ГЕРЦЕНУ

⟨Женева.⟩ 27 января 1868

Только сегодня утром я получил ваше письмо от 24 числа и спешу поблагодарить вас за ваше дружеское предложение, но должен сказать откровенно, что я не считаю себя вправе пользоваться больше вашей добротой, потому что нет возможности, даже с новыми пожертвованиями вашими, вести типографию без запасного капитала. Поэтому 1 мая, как я вам уже писал, ее надо или закрыть, или соединить с кем бы то ни было.

Во всяком случае с 1 мая я ее вам передам как обеспечение суммы 5892 франков.

Относительно 1000 франков, о которых я вас просил, они не входят в общую сумму долга, а обеспечиваются работами до 1 мая. Но так как срок на них очень не терпит и нет времени, чтоб их достать помимо вас, то я повторяю мою просьбу: одолжите ими до 1 мая.

Н. П. Огарев обещал сегодня принести недостающий материал в французский и русский «Колокол»[1], стало, передам ему, что́ я вам теперь написал, и услышу от него, что́ вы ему писали.

Может быть, и Тхорж⟨евский⟩ придет, тогда передам ему вашу записку.

Наталии Алексеевне с Лизой наш поклон.

Преданный вам
Л. Чернецкий

Александру Ивановичу

[1] *Недостающий материал* — очевидно, статьи для № 4 «Kolokol», вышедшего в свет 15 февраля, и № 2 или № 3 «Русских прибавлений», вышедших 1 февраля и 1 марта 1868 г. В № 4 «Kolokol» было помещено продолжение очерка Огарева: «La Russie actuelle et son développement» («Современная Россия и ее развитие») и его же статья «La famine en Russie» («Голод в России»). Для «Русских прибавлений» Огарев принес, вероятно, окончание статьи, начало которой уже было ранее сдано Чернецкому (см. предыдущее письмо и примеч. 6 к нему).

7

ГЕРЦЕНУ

⟨Женева.⟩ 40. Pré-l'Evêque
11 марта 1868

Я вам премного благодарен за облегчение, которое вы делаете, ни нуждаясь теперь в уплате работами 1000 франков, авансированных в январе.

Остается только повторить то, что я вам писал в Ниццу, — что все мои усилия стремятся к одному — уплатить все долги типографии как можно скорее.

Надеюсь, что при постоянных работах в продолжение трех-четырех лет успею их все уплатить. А пока 3000 франков в банке, которые вы перевели на себя, и 1000 авансированных в январе считаю личным долгом своим, обеспеченным типографией. Все это не мешает вам не предоставлять за собой никакого права на нее, но для меня пока есть еще надежда на работы и силы для исполнения их, иначе считать нельзя.

Дружески жму вам руку.

Л. Чернецкий

8

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
19 апреля 1868

Вчера я послал вам *sous bande** окончание Каразина в № 8 к 15 мая[1]. Прежнее и посланное вчера составит около 7 страниц (14 колонок).

Цѣна 25 сантимовъ № 1. Женева 1 Января 1868.

Земля и Воля! **КОЛОКОЛЪ** Vivos Voco!

(РУССКОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ)

"Русское Прибавленіе" къ нѣкоторымъ изданіямъ не всякій разъ.
Писемъ и Редакцію и деньги (chargés impressés) В^е Pistorplaats, 7, Genève (Suisse).

Главное депо: въ Швейцаріи H. Georg, Corraterie, 10, Genève. Во Франціи Librairie Internationale, 19 Montmartre, 15, Paris. въ Англіи N. Trübner & Cº, Paternoster Row, 60, Londres.

ОГЛАВЛЕНІЕ. О колоколѣ "Колоколѣ" на французскомъ языкѣ.—Перепечатки 10 отдѣленія.—Изъ Корреспонденціи.—"Радость".—Общій вопросъ.

Колоколъ съ 1го Января 1868 года будетъ выходить на французскомъ языкѣ. Намъ кажется, что на сію минуту, полезнѣе говорить о Россіи, чѣмъ говорить съ нею.

Пріостановившись на нашемъ достиженіи — мы хотѣли не только перевести духъ, но еще разъ "спокойно, безъ развлеченій вглядѣться въ то, что дѣлается дома".

Общій выводъ вовсе не ведетъ къ тому, чтобъ сложить руки, но-мы сомнѣвались, чтобъ наше русское изданіе было *теперь* полезнѣе французскаго. Французскій языкъ доступенъ большей части нашихъ читателей — то, что мы пишемъ по русски не существуетъ для Европы.

Ожесточеніе противъ насъ, которое слѣдовало было послѣ Крымской войны, снова усиливается и растетъ съ польскаго дѣла, не объ двинь, а по часамъ. Вмѣстѣ съ ненавистью — страшная смутность понятій. Наши полуофиціальные защитники раздуютъ вражду, усиливая ошибочный языкъ, выгораживая, оправдывая всѣ дики нѣры правительства и всѣ дикія мнѣнія общества. Ихъ свидѣтельство въ Европѣ принимается за улику, за собственное сознаніе. Пусть-же она услышитъ голосъ другой стороны.

Что касается до нашей русской рѣчи, мы сказали почти все, что имѣли сказать и слова наши не пропали безплодно. Мы умѣемъ узнавать ихъ эхо и отраженіе, какъ-бы звуки и черты не были искажены. Одна изъ нашихъ лучшихъ наградъ — состоитъ именно въ томъ, *что мы меньше нужны*.

Мы считали наше дѣло необходимымъ, не только тогда, когда мы первые подняли свободную русскую рѣчь — и были встрѣчены общимъ рукоплесканіемъ — но и тогда, когда звучавшееся общественное мнѣніе — осталось насъ. Мы не замолчали, потому что не утратили вѣры, потому что голосъ протеста былъ необходимъ для будущей очистки. Слова одинокіе и безъ перебиваннаго эха, мы не устали ни пять безполезнѣйшей реакціи и безпощаднѣйшаго патріотизму; на насъ нѣтъ ни одного кроваваго пятна... мы не осворбили ни одной падшей жертвы. За это насъ винили, это намъ поставили въ заслугу — въ первый день полной тревоги.

Теперь надобно бороться не противъ кроваваго патріотизма, а противъ патріотизма *умѣреннаго*, и съ нимъ не такъ трудно прекратить дома, какъ показать Европѣ, что у насъ за душею не только одна мысль о судорожномъ сохраненіи цѣлости государства, на которое никто не нападаетъ, и что вообще иконописной драконъ не въ самомъ дѣлѣ такъ страшенъ, какъ его малюютъ зами Маратъ единой и нераздѣльной имперіи.

Пока общественное мнѣніе не можетъ переработать и обобщить всѣ эти бездушныя теоріи поглощающаго государства, цѣлыми кускы изъ тѣхъ нѣмецкихъ источниковъ, изъ которыхъ вышелъ русскій бонапартизмъ, глубокій послѣдователь свободу Германіи съ единствомъ — съ нимъ говорить трудно. Привилегированные журналисты наши похожи на удачнаго мальчишку, которому попался барабанъ, вы его ничѣмъ не остановите, пока онъ вообразитъ, что его всѣ боятся и что за нимъ цѣлая армія.

По счастью, кругомъ, вездѣ, вблизи идетъ другая работа безъ шума и треска и изъ за сомнѣ дѣлъ вырабатывается ткань и матеріалъ будущей исторіи.

Она вырабатывается трудно, иначе чѣмъ ожидали, чѣмъ требуетъ здравый смыслъ — все идетъ проселками и буераками, *но идетъ въ нуже сторону*. Къ неправильнымъ, запутаннымъ, уродливымъ развитіямъ исторія насъ пріучила. Она какъ дѣти любитъ наступать въ грязь (мыло что грязь не всегда отъ дождя крови) и тамъ гдѣ можно сухо провести — а у насъ вездѣ грязь по колѣно и болота по поясъ. Главное лишь бы она не останавливалась.

Дѣло нашего *спокойнаго развитія*, несмотря на всѣ помѣхи и ошибки, идетъ своимъ медленнымъ, но *безповоротнымъ путемъ*. Вмѣстѣ съ нимъ двигаются впередъ политическій смыслъ и въ особенности *смыслъ юридическій*, въ немъ приходятъ къ сознанію и выходятъ на свѣтъ такія народныя понятія и оттѣнки, которыя, выростая и окрѣпнувъ, вправѣ принудятъ-ли за вѣру справедливости юридическое *міропорядокъ* Европы.

Правительственная реакція — труба, глупа, но не глубока. Она сама такъ неустроена въ убѣжденіяхъ, такъ колеблется, связавшись съ николаевскаго якоря, что въ ней вообще ничего нѣтъ ни глубокаго, ни прочнаго. Въ послѣднее время явился у ней товарищъ, который хоть кого заведетъ въ лѣсъ. Съ такимъ попутчикомъ въ реакціи, какъ дворянская партія далеко не уѣдешь.

Остановить *общаго броженія* нельзя. Посѣвъ сѣланъ, часть работы подъ землей, другая неудобима по своей повсюдности и разсыпчатости, потому что она лежитъ въ необходимости новаго положенія, къ которому Россія стремится глухо. Само правительство, не чувствуя, двигается какъ лавина по тому-же склону, твердо уѣренное въ своей упругой неподвижности.

Многихъ сбиваетъ, что прогрессъ *не тамъ*, гдѣ мы привыкли его искать. Умственные и дѣятельные узлы перенѣ-

РУССКОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «КОЛОКОЛА» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ
№ 1 от 1-го января 1868 г.

Рукопись на остальное Тхоржевский обещает доставить к двадцатому. Русское прибавление выйдет к 1 мая, как желаете.

На другой стороне оценка листа формата ваших «Былое и думы» для Miss Meysenboug[2]. Будьте добры переслать ее ей и сказать, что образчики шрифтов она найдет в 7 № французского «Колокола», а именно: № 10

* бандеролью (франц.).

«Pièce justicative»* и № 9 «De Londres. Faits divers»**, № 9 «De Bâle—Karazine»***. Последний самый сжатый шрифт и поэтому всего больше—стоит дороже[2]. Чтение Давида[3] заключается в этой цене, но нет авторских поправок, которые нельзя вперед обозначить. Впрочем, он не должен быть значительным, если рукопись была прежде пересмотрена.

Прощаясь с вами, я ⟨у⟩ вас просил 500 франков к 1 мая из отложенных вами 1000 франков на черный день для меня. Я забыл, что к 1 мая, кроме обеих квартир, приходится еще заплатить в Базеле 200 франков за шрифты. Если вам все равно, то будьте добры написать Тхорж⟨евскому⟩, чтоб он выплатил мне все 1000 франков к 30 апреля[4]. В этот день срок для Базеля.

Наш поклон Наталии Алексеевне с Лизой, и вам тоже дружески кланяемся.

Л. Чернецкий

[1] Очерк А. И. Герцена «Император Александр I и В. И. Каразин» был впервые напечатан во втором выпуске седьмой книги «Полярной звезды» и затем, во французском переводе, в №№ 6—8 «Kolokol» за 1868 г.

[2] В типографии Чернецкого был напечатан первый том «Мемуаров идеалистки» М. Мейзенбуг (на франц. яз.).

[3] *Давид* — Данич, наборщик типографии. Он же читал первую корректуру.

[4] По поводу этой просьбы Чернецкого Герцен писал Огареву 22 апреля 1868 г.: «Что за милейший необыкновенник Чернецкий, der edle Exploitator ****. В чувствительном объяснении в день отъезда он просил к 1 мая 500 фр⟨анков⟩ *вперед*. Я сказал, что это невозможно, но что я готов дать ему ⟨...⟩ 500 из последней 1000, подаренной мною или отложенной для него. Он помялся и согласился. Работой завален. Делает мало. Вчера от него письмо, — просит к 1 мая не 500, а 1000. Я решительно не дам больше 500. Он оборвет меня» (XX, 258).

9

ГЕРЦЕНУ

⟨Женева.⟩ Воскресенье. 26 апреля 1868 г.

Дружеское письмо ваше от 23 числа получил [1]. Сегодня я написал Н. П. Огареву о вашем leading article ***** и С. Т⟨хоржевскому⟩, чтоб он вам выслал вместе с «Голосом» тот номер «Колокола», в котором описано почтенное русское семейство на станции железной дороги в Лозанне.

Остается еще уверить вас, что, имей я и на 100 000 франков работы, то без запасного капитала, как я это старался объяснить вам при прощании, я ничего не сделаю, особенно, если приходится из заработка уплачивать старые долги — как проценты в здешнем банке 161 франк, акции Касаткина, шрифты из Базеля, шрифты из Лондона. Вот вам новое доказательство, что всякое заведение, особенно типографское, постоянно нуждается в запасном капитале. Третьего дня здешний издатель по религиозной части, в роде Геев, г. Леруа, увидев в «Колоколе» объявление о лондонских шрифтах, пришел дать напечатать два тома в 20 листов каждый, но оказалось, что шрифта, которым печатаем leading articles в французском «Колоколе» и который ему понравился, очень мало для этого предприятия. Будь у меня 16 фунтов стерлингов послать Кеслену на прежний долг, я бы сейчас заказал больше. Без этого нельзя.

Прося же ⟨у⟩ вас теперь вместо 500—1000 франков, которые вы отложили для меня, я действительно имел в виду оставшееся от них послать Кеслену и искренно думал, что вам все равно, возьму я их сегодня или

---

* «Оправдательный документ» (франц.).
** «Из Лондона. Происшествия» (франц.).
*** «Из Базеля — Каразин» (франц.).
**** благородный эксплуататор (нем.).
***** передовой статье (англ.).

через десять лет; несчастие мое, что, прощаясь с вами и прося только 500, я забыл совершенно базельскую уплату к 30 апреля, вследствие чего вы, естественно, заключили, что этот мот Чернецкий, пожалуй, всякий месяц будет просить по 1000 франков [2].

Все-таки дружески вам кланяюсь и Наталии Алексеевне с Лизой.

Л. Чернецкий

P. S. Приложенное «Смесь» в «Прибавление»[3] недостает еще на целую колонну. Написал об этом Н. П. Огареву, послав другую копию ему. Mise-en-pages* «Русского прибавления» могу вам прислать, но оно тогда не выйдет к 1 мая.

[1] Это письмо, как и другие письма Герцена к Чернецкому,— неизвестно; о содержании его можно судить по письму Герцена к Огареву от 22 апреля 1868 г. (см. примеч. 4 к предыдущему письму).

[2] 28 апреля 1868 г., очевидно получив публикуемое письмо Чернецкого, Герцен писал Огареву: «Посылаю Чернец‹кому› 500 фр. Он мне отвечал не грубо, но кисло. Уморительный человек! Да двиньте вы общими силами его на деятельность ‹...› Он завален работой и не работает, а ждет „запасного капитала“» (XX, 262).

[3] Речь идет о «Смеси» «Русских прибавлений к „Kolokol“».

10

~~ГЕРЦЕНУ~~ Огареву

‹Женева.› Пятница утром. 1 мая 1868

Только что получил письмо Чаплии с «Заметкой» [1] на место второго письма «Клеветники» и записку к вам.

Так как «Заметка» составит именно то, что нужно для пятого номера «Прибавлений», чтоб взошла вся «Смесь», то ее я оставил, чтоб сейчас ее набрать.

Таким образом, пятый номер составят: «Письмо к издателю „Колокола“», «Еще прискорбнее», т. е. заметка Чаплии на место второго его письма «Клеветники», и вся «Смесь». В шестом номере к 15 мая будет второе письмо к издателю, которое вчера я вам послал, полученное из Ниццы и набранное уже, второе письмо Чаплии «Клеветники»[2]. Завтра я вам пришлю уже набранную «Заметку».

А пока прощайте.

Л. Чернецкий

[1] О *Чаплии* см. на стр. 697—699 настоящего тома. Публикуемое письмо написано на письме Чаплии к Чернецкому.

[2] Намеченное Чернецким распределение материалов пятого и шестого номеров «Русского прибавления» не было осуществлено. «Прибавление» вышло сдвоенным 5-6 номером. В него вошло: первое и второе письмо «К издателям „Колокола“», продолжение статьи Чаплии «Клеветники», его заметка «Еще прискорбнее», а также «Смесь».

11

ОГАРЕВУ

‹Женева.› 15 декабря 1868 г.

Письмо Вихерского к Трепову [1] составит *два* листа in gr., 8° (32 стр.). Лист в 500 экз. обойдется в 60 fr. с бумагой. Стало,

два листа à 60 fr.	120
500 обверток, без которых нельзя обойтись при 2 л., платить	16
Брошировка 500 экз.	10
Всего	146 fr.

Кроме авторских поправок, которых не предполагается.

* верстку (франц.).

Факт произвола и гнусного деспотизма, обличенный Вихерским,— один из сотен, которые мне случалось читать в «Дневнике познанском». Тем не менее, если бы у меня были 150 fr., я бы его напечатал на свой счет, так он ясно и просто изложен. Но у меня их нет, и, признаюсь вам, для меня даже трудно дать ему трехмесячный кредит, не потому, чтоб я сомневался в получении, а просто потому, что, расходуя наличные деньги, которых едва хватает, слишком долго ждать на их возврат, пользуясь очень умеренным процентом. Поэтому будьте добры передать ему оценку его рукописи и сказать, что типография почти всегда печатает только на наличные деньги [2]. А при отсутствии А. И. Герцена очень трудно найти издателя в Женеве.

Впрочем, напишите, как знаете, но для меня очень трудно рисковать 150 fr.

Будьте здоровы.

Чернецкий

[1] Речь идет о статье польского эмигранта Ф. Вихерского «Письмо к генералу Ф. Ф. Трепову». Статья была издана отдельной брошюрой и отпечатана в типографии Чернецкого (Женева, 1869). В «софийской коллекции» сохранился список этой статьи. Отрывок из публикуемого письма приведен в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 738.

[2] Об отказе Чернецкого печатать брошюру в кредит Огарев известил Герцена: «3-го дня,— сообщал он,— я писал тебе о статье Вихерского и послал его письмо к тебе. Я не навязывал ее Чернецкому, он сам предложил сделать на 3 месяца кредит от типографии <...> Вчера прислал мне расчет в 146 фр. (с бумагой) и отказ печатать в кредит» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 494, с неправильной датой письма: *9*, вместо *16* декабря 1868 г.). Герцена заинтересовала статья Вихерского. В письме к Огареву от 17 декабря 1868 г. он дал следующее указание: «Брошюру поляка непременно печатать <...> Никаких стеснительных мер уплаты не нужно. Я Чернецк<ому> заплачу» и далее: «Польскую книгу, т. е. Вихерского, вели сейчас набирать» (XXI, 251, 252). О ходе набора и печатании брошюры Огарев регулярно информировал Герцена, жалуясь на медлительность Чернецкого, который выпустил ее только 25 января 1869 г. (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 500—502, 505, 508—510; т. 62, 1955, стр. 738—741).

12

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
8 апреля 1869 г.

Благодаря вас, Александр Иванович, за письмо ваше от 17 марта, мне хотелось вместе написать вам что-нибудь определительнее насчет типографии. Из всех проектов и планов до сих пор ничего путного не вышло, между тем время быстро идет, и 1 мая мы должны переехать на другую квартиру. Типографию же, кажется, можно будет оставить еще на три месяца на том месте, где теперь. Впрочем, на будущей неделе вопрос кооперативной ассоциации с Перрон и К⁰ должен разрешиться. Сегодня я отдал Мрочковскому [2] свои условия для перевода их на французский язык. Как скоро он их переведет, пришлю вам копию с них, а может быть, и окончательное решение.

Не надеясь много на кооперативную ассоциацию, хочу вас просить, когда поедете в Париж, повидаться с Хоецким [3] и Браницким [4]. Оба они люди влиятельные и имеющие много знакомых в мире литературном, коммерческом и банкирском, особенно в последнем. Не удалось бы ли чрез них достать мне место в конторе для ведения книг, счетов, посылок, что-нибудь. Работу в типографии я бы достал мимо их, но, признаться, после шестнадцатилетнего заключения хотелось бы поискать приключений, немножко свежего воздуха, а может, и тюрьмы, гораздо хуже типографской.

Во всяком случае, пользуюсь вашим предложением 500 франков, которые очень пригодятся теперь, чтоб расплатиться с моими доверителями и переехать на маленькую квартиру.

Весь ваш Л. Чернецкий

P. S. Получили ли вы шесть экземпляров образчиков шрифтов типографии (каталог), которые я вам послал месяц тому назад по почте *sous bande?**

[1] Шарль *Перрон* — один из редакторов газеты «L 'Egalité», органа женевской секции I Интернационала; редактором ее был в то время и М. А. Бакунин. Чернецкий имеет в виду очередной неосуществленный проект создания совместно с Перроном «кооперативной ассоциации» типографско-издательского характера.

По поводу этого проекта Огарев писал Герцену 28 марта 1869 г.: «Черн‹ецкий› приходил вчера также советоваться о вновь предлагаемой ему компании на кооперативных началах: известный процент на капитал, а остальной барыш разделяется между рабочими. Компания выбрала своим предводителем некоего *Перрон*, который пользуется славою человека, коммерчески ловкого и который берет на себя руководство заведения и ответственность за капитал ‹...› Это мне сказывал Черн‹ецкий›, говоря, что он ожидает более подробного устава, чтоб присоединиться ‹...›, но что его больше всего отталкивает то, что это диктатура и что он не может войти в компань, не имея хозяйского голоса» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 542).

[2] В *Мрочковский* (1840—1889) — польский эмигрант.

[3] О. *Хоецком* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 533.

[4] Граф Ксаверий Брониславович *Браницкий* (1812—1899) — один из руководителей польской аристократической эмиграции.

13

ОГАРЕВУ

‹Женева.› Пятница утром. 16 апреля 1869

Вчера я не успел зайти к вам, чтоб вас поблагодарить за дружеские замечания ваши. Разумеется, вы совершенно правы насчет первого пункта, но не надо забывать, что это только проект условий и что прежде подписания контракта я не буду довольствоваться одними словами, а потребую доказательств капитала или равносильной ему гарантии. Насчет фирмы типографии, я не знаю, право, может ли устранение моего имени в ней устранить ответственность мою, условленную контрактом? Между тем, приобревши уже маленькую польскую клиентелю и отношения, разославши мой каталог, я все-таки надеюсь от времени до времени получать маленькие работы. Я вовсе не обладаю чувством пустого ванитета**, доказательством этому мой тринадцатилетний тихий труд в деле русской пропаганды. Никто не знал Чернецкого, а знали Вольную русскую типографию, представляемую сначала А. И. Герценом, а после — Н. П. Огаревым, и все шло прекрасно. Но Искандеров и Огаревых не бог знает какая пропасть в мире, поэтому, заключая контракт в предполагаемом предприятии Перрона, я не поступлюсь этим параграфом ни за что. Назовите это, если хотите, ванитетом, но у меня есть причины на это, со временем вы их узнаете[1].

Когда будете писать в Ниццу, присовокупите приложенные при этом мои условия или проект условий [2].

Если успею, постараюсь зайти к вам сегодня вечером, а пока дружески кланяюсь вам.

Л. Чернецкий

[1] 18 апреля 1869 г. Огарев сообщил Герцену о переговорах Чернецкого с Перроном: «Зато тебе проект Чернецкого, на который никто не согласится ‹...› Он мне прислал (совета ради) первую французск‹ую› рукопись ‹...› Что же касается до его, Чернецкого, шефства, то оно только вводит его в лишнюю и невозможную ответственность.

* бандеролью (франц.).

** тщеславия (от франц. «vanité»).

Я ему писал, что лучше бросить все маленькие ванитеты и именно войти в согласие, где можно жить сыто и спокойно» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 552).

[2] В это время Герцен находился в Ницце. Просьбу Чернецкого — переслать Герцену проект соглашения с Перроном — Огарев выполнил (см. цитированное в примеч. 1 письмо Огарева Герцену).

14

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
27 апреля 1869

Вчера только получил ответ Perron на мои условия, прождавши на него почти *две недели*. Оказывается, что у него нет никакого капитала, между тем в письме своем говорит, что он предполагал скорее купить типографию, чем входить в кооперативную ассоциацию. Кроме того, он предлагал купить типографию Blanchard'a, но все-таки без капитала,— словом, это настоящий «humbug»*, несмотря на то, что он закадычный друг М. Б. и В. М.[1], которые мне его рекомендовали как своего человека, отличнейшего и прекраснейшего.

Итак, как я вам писал, что мало надежды на кооперацию отличнейших людей, все оправдалось, к моему сожалению, и вдобавок я очутился на улице, потому что Тхоржевский, которому вы поручили передать мне 500 франков, вместо к 12 мая, может возвратиться к 12 июня. Но делать нечего. На улицу выбросить меня не могут, если заплачу за 3 месяца, оставшись хотя бы одну неделю после 1 мая.

Относительно оценки типографии в 10 тысяч, она вовсе невысокая для ассоциации[2]. Не забывайте, что с переезда в Женеву выписано от Кеслона и из Базеля одних французских шрифтов на пять тысяч франков. Кроме того, есть еще русские и машины и станки,— словом, весь прибор. Мне недавно случилось видеть счет за шрифты на два листа in 8° «Народного дела»[3] в две тысячи франков. А у нас русского шрифта на десять листов.

Конечно, продавая на наличные деньги, я отдам за пять тысяч франков и вдобавок у покупающего руку поцелую.

В предполагаемых вами работах и об аккуратном исполнении их нечего писать, потому что сомневаюсь, в состоянии ли я буду начать их. А вот о поездке вашей в Париж усердно вас прошу. Везде поеду, кроме Галиции и Америки. Непременно хочу выучиться французскому языку. А после хотя бы и в Москву работать на железной дороге Ротшильда[4] или Александра Николаевича[5], все равно.

Н. П. О⟨гарева⟩ я посещаю почти всякий вечер. Ничего особенного, жалуется только, что его находят всякие молоканы и мясоеды[6]. На прошлой неделе он был болен, но припадок был вовсе не сильный. Вообще мне кажется, что его здоровье лучше.

Вчера он мне говорил, что вскоре ожидает вас в Женеве, т. е. в половине мая, а может быть, и раньше. Тем лучше.

А пока прощайте.

Л. Чернецкий

Дамам поклон от нас обоих.

[1] *М. Б.* — Михаил Бакунин; *В. М.* — Валерьян Мрочковский.

[2] В цитированном выше письме от 18 апреля 1869 г. Огарев писал Герцену: «Своей типографии Чернец⟨кий⟩ не имеет права ценить в 10 тысяч» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 552). Очевидно, Герцен был того же мнения.

[3] *«Народное дело»* — журнал, издававшийся в Женеве с сентября 1868 г. по сентябрь 1870 г. группой представителей «молодой эмиграции».

[4] Герцен предпринял, повидимому, в это время какие-то шаги, чтобы помочь Чернецкому осуществить это желание; но устроить Чернецкого на железной дороге ему

* «хвастун» (англ.).

не удалось. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой из Парижа Герцен писал: «На железной дороге нет для Чернецкого места: Ротшильд не определяет никого старее 35 лет» (XXI, 427).

[5] *Александр Николаевич* — Александр II.

[6] Имеется в виду Николай Алексеевич *Шевелев* (см. о нем ниже, на стр. 708—711 настоящего тома). В 1868—1869 гг. Шевелев жил в Женеве. О нем ходили упорные слухи, как об агенте русской полиции. Шевелев — автор книги «Вероисповедание

Prix : 50 centimes. Genève, le 15 Février 1869.

SUPPLÉMENT DU

Terre et Liberté! **KOLOKOL** Vivos Voco!

(LA CLOCHE)

REVUE DU DÉVELOPPEMENT SOCIAL, POLITIQUE ET LITTÉRAIRE EN RUSSIE.

Les collections du «Kolokol», russe et français, depuis 1857, plus ou moins complètes, se trouvent au dépôt principal chez H. Georg, libraire.
Toutes demandes et lettres pour le «Kolokol» doivent être adressées (*franco*) à M. S. Tchorzewski, Genève (Suisse).

Le Dépôt principal, en Suisse, est chez H. Georg, 10, Corraterie, Genève. En France, Librairie Internationale, 15, Boulevard Montmartre, Paris. En Angleterre, chez N. Trübner & C°, 60, Paternoster Row, Londres.

SOMMAIRE : Mon assassin futur et son calendrier.—Réponse à M. G. Wyrouboff.—«Cogitata et Visa» (Fragments des Mémoires d'Iscander).—Documents et papiers du prince Pierre Dolgoroukoff.—Голодъ и новый годъ.—Annonces.

MON ASSASSIN FUTUR
ET
SON CALENDRIER (*)

Depuis quelques années nous avons cessé de recevoir des lettres de menaces et d'objurgations. C'était un mauvais signe pour notre propagande; mais, comme fiche de consolation, au moment même du dernier branle de notre *Cloche*, on nous envoie, de la «ville éternelle,» une lettre *non signée*, que nos lecteurs apprécieront eux-mêmes.

D'abord, voilà l'original dans toute la splendeur de sa syntaxe.

16/28 Ноября.

М. Г.

Если Вы и Ваши сообщники не перестанете писать дурнаго противъ Россіи и добрыхъ людей клеветать *только за деньги*, точно также какъ вы пишите хорошое тоже только за деньги, то даемъ вамъ слово черезъ годъ Васъ не станетъ и тогда вашъ дохлый трупъ поганой скотины какъ Вы зароютъ гдѣ нибудь какъ бѣшеную собаку.

N. N.

Замѣтьте число, только четыре мѣсяца остается.

Sur l'enveloppe: Suisse, Genève

M. le Rédacteur de la Gazette *Colocol*
M. Herzen
(Timbre de la poste): Roma, 27 Novem. 1868.

(*) J'ai trouvé cette lettre en venant de Zurich à Genève, le 2 décembre — trop tard pour l'insérer dans notre dernière feuille.

Tâchons de traduire mot à mot ce galimatias de notre farouche, mais peu lettré, assassin, sans en perdre le fion et le bouquet.

« Monsieur,

« Si Vous et Vos complices ne cesseront d'écrire de mauvaises choses contre la Russie et calomnier les bonnes et honnêtes gens *pour de l'argent* — comme aussi les bonnes choses que Vous écrivez sont écrites pour de l'argent —nous Vous donnons notre parole que dans une année Vous n'existerez pas, et que votre cadavre d'animal impur, en putréfaction, sera enfoui dans la terre comme un chien enragé.

N. N.

« Remarquez la date, il ne reste *que quatre mois.* »

Ce n'est pas beau, mais c'est fort. Nous n'avons rien à ajouter à ces lignes et pourtant il y a deux choses qui m'intriguent individuellement, moi *le futur assassiné*. Pourquoi, lorsqu'on se met sur un tel pied d'intimité avec un individu, qu'on lui promet de l'assassiner derrière un mur et de lui préparer l'enterrement d'un chien enragé, pourquoi alors le grand V aux pronoms qui s'adressent à lui ?

La seconde chose manque complétement de clé. C'est le terme *d'une année* que nous donne le tueur

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «КОЛОКОЛА» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ОТ 15 ФЕВРАЛЯ 1869 г.

Первый и единственный вышедший номер прибавления

духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» (Женева, Вольная русская типография, 1865). В герцено-огаревской переписке он упоминается под именем «молокан» (ср. XX, 300; «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 483, 486, 488).

15

ОГАРЕВУ

⟨Женева. Между 17—20 августа 1869 г.⟩[1]

Вчера я был у вас. Вопрос о равенстве, наконец, решен, т. е. о «Egalité». В среду я должен заключить контракт с ними[2]. А знаете, кто еще

заключил контракт, но другого рода и гораздо выгоднее? — Серно-Соловьевич угорел себя. Перрон нашел его уже разлагающимся! Недаром он сидел некоторое время в доме сумасшедших. Воля вольная.

[1] Время написания записки устанавливается по встречающемуся в ней упоминанию о самоубийстве А. А. Серно-Соловьевича, который покончил с собою 16 августа 1869 г. Окружающие узнали о смерти Серно-Соловьевича лишь несколько дней спустя после самоубийства, но, вероятно, не позднее 20 августа, так как 22 августа Герцен, находившийся тогда в Париже, уже знал о случившемся.

[2] Контракт заключен не был: см. прим. 1 к письму 12.

16

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
31 октября 1869

Сегодня почти три недели, когда я вам рассказал со всей точностью о делах типографии и окончил письмо просьбой решить как можно скорее: нужна ли вам она, или нет [1], потому что, кроме Данича, есть еще батырщик [2], у которого есть работы на неделю-две и которого нужно предупредить во-время.

Может быть, я неясно пишу по-русски или срок двух недель был недостаточен для вас, чтоб решить вопрос. Но как бы то ни было, мне пришлось плохо за все это, т. е. пришлось остаться в Женеве еще три месяца, не имея ни для себя, ни для двух товарищей никакой работы.

Вчера только, как бы в утешение, Тхоржевский передал мне, что вы придумываете какую-то работу. Работа никогда не повредит, особенно теперь, когда нет копейки на черный день.

Но главное для меня — ваше решение: нужна ли нам типография или нет. Если нужна, я вам ее отдаю за 5000 франков, считая 5000 франков, полученные от вас в продолжение этих пяти лет как субсидия, т. е. я ее ценю в 10 000 франков.

Не нужна,— ее придется продать с аукциона, объявивши себя банкрутом. Другого выхода нет.

А пока присылайте всякую работу, какая вам попадется, и решитесь, наконец — так или иначе, не забывая, что теперь я уже стар для всех Ротшильдов и железных дорог, а может быть, и для компании водородного освещения [3], а что будет через два-три года? Сторожем, разве, придется умереть у какого-нибудь буржуа.

Будьте здоровы.

Л. Чернецкий

P. S. Тхоржевский выплатил мне вчера 70 франков, которые вы поручились за Бакунина, бывши здесь летом, а другие 70 франков, которые он остался мне должен, уехавши отсюда третьего дня, вероятно, пропадут [4].

[1] Герцен не имел желания снова стать владельцем типографии. «Типографии покупать не хочу,— писал он Огареву 14 ноября 1869 г.,—я просил пока Тхор‹жевского› дать Чернецк‹ому› авансу 500 фр., потом увидим. Да пусть он продает, если может, все за 4000» (XXI, 525). И в другом письме от 15 декабря того же года: «Чернец‹кому› я пишу с Тх‹оржевским›. Разумеется, что я не куплю типографию ни в каком случае, и, разумеется, что он имеет право ее продать ‹...› Я предлагаю ему пока до работы платить по 100 фр. в месяц от себя» (XXI, 537).

[2] *Батырщик*, или батырь — название типографского рабочего, занятого накаткой краски на набор. В современных типографиях, оборудованных усовершенствованными печатными машинами, эта должность упразднена. Надо думать, что в скромной типографии Чернецкого батырщик и печатник объединялись в одном лице.

[3] Очевидно, Герцен хлопотал о работе для Чернецкого у своего старого приятеля — химика Тесье дю Мотэ, в те годы занимавшего пост директора газовой компании в Париже. «Чернец‹кий›,— сообщал Огарев Герцену в Париж 2 октября 1869 г.,— беспокоится о том, чтоб оставить типографию, и тоже, вероятно, будет к тебе писать; кажется, хотел бы поместиться у Тесье» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 559).

[4] На обороте письма цифровые выкладки, написанные Герценом.

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

I. ДОПРОСЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ИЮЛЕ 1834 г.

Публикация В. П. Гурьянова

«Дело о лицах, певших в Москве пасквильные стихи», началось при следующих обстоятельствах. 24 июня 1834 г. Егор Петрович Машковцев по случаю окончания им Московского университета пригласил на завтрак несколько своих приятелей. По его же показанию, в гостях у него были чиновник Алексей Васильевич Уткин, художник Михаил Федорович Сорокин, окончивший вместе с Е. П. Машковцевым словесное отделение университета Николай Михайлович Киндяков, студент III курса нравственно-политического отделения, грек по национальности, Николай Степанович Убини, двоюродный брат Е. П. Машковцева — Иван Михайлович Масленников, приехавший из Вятки в Москву для поступления в университет, кандидат отделения словесных наук Московского университета Иван Афанасьевич Оболенский, студент III курса словесного отделения Николай Алексеевич Иванов, окончивший университет по словесному отделению Михаил Дмитриевич Перемышлевский, полицейский агент Иван Иванович Скаретка, младший брат Е. П. Машковцева — Аркадий, учившийся в коммерческой академии, и еще несколько человек, которых Е. П. Машковцев, по его словам, забыл (Моск. обл. гос. историч. архив, ф. 46, оп. 1, д. 147, л. 138). Дату этой приятельской пирушки —24 июня — совершенно точно указывает Герцен (XII, 225)*. И. А. Оболенский подтвердил, что он и Уткин были 24 июня у Е. Машковцева (цит. выше арх. дело, л. 301), вспомнил об этом и Убини (там же, л. 325). Из близких знакомых Герцена и Огарева на этом завтраке присутствовал один только Оболенский.

Скаретка, услышав на этой пирушке песни, «наполненные гнусными и злоумышленными выражениями против верноподданнической присяги», немедленно решил связаться с жандармами. Ему удалось устроить 8 июля 1834 г. с провокационной целью пирушку, на которой присутствовали чиновники — друзья поэта В. Соколовского, а также несколько студентов Московского университета. Все, кто явился на эту пирушку, были схвачены московской полицией. На другой же день, 9 июля, был арестован Огарев, у которого при следствии были найдены письма Герцена, обнаруживавшие «опасное вольнодумство» обоих. 20 июля был арестован и Герцен.

Следствие над Герценом, Огаревым и другими арестованными необходимо разделить на два этапа. Первый из них связан с работой Следственной комиссии, созданной в Москве генерал-губернатором Д. В. Голицыным под председательством обер-полицмейстера Цынского, а второй — с деятельностью Следственной комиссии, созданной по приказу Николая I под председательством попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына, в составе представителя III Отделения камергера

* Лемке ошибочно отнес ее к 8 июля (XII, 332).

А. Ф. Голицына, московского коменданта К. Г. Сталя, жандармского полковника Шубинского и других лиц.

О второй Следственной комиссии в литературе имеются материалы. Лемке опубликовал наиболее важные документы из дел III Отделения и московского военного генерал-губернатора, раскрыл весь ход ее работы и напечатал приговор Герцену и Огареву по «делу» 1834 г. (XII, 325—326).

Что касается первой Следственной комиссии, материалы которой наиболее широко освещают деятельность Герцена и Огарева в начале тридцатых годов, то о ее деятельности не было известно до настоящего времени ничего, за исключением краткой справки, составленной Лемке по донесениям обер-полицмейстера Цынского московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну от 10 июля 1834 г.

Настоящая публикация основана на изучении «дела» канцелярии московского обер-полицмейстера (хранится в Моск. обл. гос. историч. архиве, ф. 46, оп. 1, д. 142). В этом деле, кроме обширной переписки военного генерал-губернатора и других официальных лиц с обер-полицмейстером (более двухсот листов), находятся протоколы первых допросов арестованных.

Первая Следственная комиссия заседала с 24 июля по 7 августа 1834 г. За это время были допрошены Герцен (24 июля), Оболенский (25 июля), Машковцев, Убини и Киндяков (28 июля), Ибаев (30 июля), Огарев (июль), Сорокин (31 июля), Горье (2 августа), Соколовский (3 августа), Масленников (август), а также Уткин и Бернгард.

В деле сохранились протоколы допросов всех названных лиц, за исключением Уткина и Бернгарда. 7 августа состоялось заключительное заседание комиссии, которая подвела итог своей деятельности и передала «дела» «высочайше утвержденной Следственной комиссии» во главе с С. М. Голицыным.

Ниже публикуются протоколы допросов Герцена и Огарева. Тексты документов печатаются полностью. Опускаются лишь заверительные подписи допрашиваемых, стоящие *под каждым* их ответом: «К сему ответному пункту руку приложил титулярный советник Александр Иванов сын Герцен» и «К сему ответному пункту Главного московского архива Министерства иностранных дел студент Николай Огарев руку приложил».

Герцен, не обладавший к этому времени опытом политического конспиратора, держался на допросе с присущей ему прямотой, открыто; признавался в осуждении крепостного права, в знакомстве с вольнолюбивыми стихами Пушкина и Полежаева и сообщил перечень своих литературных трудов. Именно это придает его показаниям большую ценность для исследователя: они позволяют пополнить список известных ранее литературных работ Герцена начала тридцатых годов, в них содержится подробный перечень лиц, с которыми был знаком или встречался Герцен.

Ответы Огарева свидетельствуют о его большей зрелости как революционера-конспиратора. Избрав тактику запирательства, он по большинству вопросов отговаривался незнанием или ограничивался минимумом подробностей. Очевидно этим ему удалось на какое-то время ввести в заблуждение комиссию, которая сочла возможным 12 июля освободить его на поруки. Вторично он был арестован 31 июля. Показания Огарева также содержат новые сведения о его литературных переводах.

Кроме публикуемого нами текста показаний Герцена, написанных им собственноручно, в деле сохранился черновик, написанный рукой писаря, с поправками Герцена (лл. 210—214). В этом черновике содержатся ответы на первые десять вопросов, после чего следует запись: «1834 года, июля 25 дня титулярный советник Александр Герцен продолжал ответствовать» (л. 214). Эта запись дает основание думать, что допрос Герцена, начатый 24 июля, был продолжен на следующий день, когда им были даны ответы на вопросы 11—15.

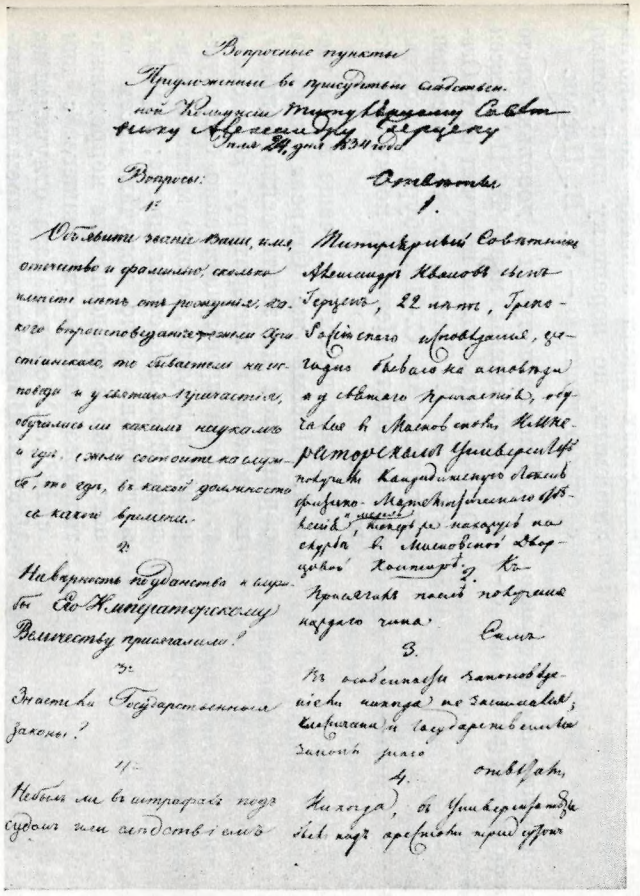
Материалы из протоколов допросов остальных арестованных, не представляющие самостоятельного интереса, используются нами при комментировании публикуемых документов.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В ПРИСУТСТВИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ ИЮЛЯ 24 ДНЯ 1834 ГОДА

Вопросы	Ответы
1. Объявите звание ваше, имя, отчество и фамилию, сколько имеете лет от рождения, какого вероисповедания, ежели христианского, то бываете ли на исповеди и у святого причастия, обучались ли каким наукам и где, ежели состоите на службе, то где, в какой должности и с какого времени?	1. Титулярный советник Александр Иванов сын Герцен, 22 лет, греко-российского исповедания, ежегодно бываю на исповеди и у святого причастия, обучался в Московском императорском университете, получил кандидатскую степень физико-математического отделения и медаль, теперь же нахожусь на службе в Московской дворцовой конторе.
2. На верность подданства и службы его императорскому величеству присягали ли?	2. Присягал после получения каждого чина.
3. Знаете ли государственные законы?	3. В особенности законоведением никогда не занимался, классические и государственные законы знаю.
4. Не был ли в штрафах, под судом или следствием, когда, по какому делу, кончено ли оно и кем?	4. Никогда, в университете же был под арестом трое суток по известной истории против профессора Малова [1].
5. Где имеете жительство, и буде женаты, то имеете ли детей?	5. Пречистенской части, квартала не помню, в приходе св. Власия, в доме за № 155, г. Яковлева. Не женат
6. Есть ли принадлежащее вам или родителям вашим какое-либо недвижимое имение, в чем оно состоит, какие имеете способы к содержанию себя?	6. Будучи воспитанником Ивана Алексеевича Яковлева, имения не имею и живу у него в доме и на его содержании.
7. С кем из живущих в Москве и находящихся вне оной имеете близкое знакомство, где с ними виделись, об чем наиболее говорили при свиданиях?	7. В Москве из числа наиболее мне знакомых суть: студент Архива Иностранных дел Н. П. Огарев, служащий при г. военном генерал-губернаторе Н. П. Голохвастов, студенты императорского Москов⟨ского⟩ универс⟨итета⟩ Н. М. Сатин, кандидат Лукьянов [2] (в Ярославле), кандидат Петров [3], очень близкого знакомства с другими не имел, имею честь бывать у его высокопревосходительства Ивана Ивановича Дмитриева, у их прев⟨осходительств⟩ Льва Алексеевича Яковлева, Михаила Федоровича Орлова, Егора Александровича Дурасова, Дмитрия Николаевича Волховского, Михайла Александровича Салтыкова, его высокопр⟨евосходительства⟩ Петра Ивановича Озерова и мн. др., в числе их

Н. А. и К. А. Полевые, Ал. Ал. Яковлев. Из г.г. профессоров довольно коротко знаю его пр⟨евосходительство⟩ Григория Ивановича Фишера, сына его и зятя Р. Г. Геймана, г. Максимовича, его пр⟨евосходительство⟩ Федора Андреевича Гильтебранта и др., весьма знаком с домом г. Сухово-Кобылина, где также познакомился коротко с адъюнктом Морошкиным Федором Лукичем; в числе прочих знакомых припоминаю Октавия Тобиевича Вода[4], Василия Ивановича Оболенского[5] — учителя при гимназии, Ивана Афанасьевича Оболенского[6] — кандидата Московского императорского университета, Александра Ивановича Соколова[7], Егора Николаевича Челищева[8] — оба действительные студенты здешнего университета.

С г. Огаревым видался наичаще у себя дома, ибо он родственник, бывал также и у него, знакомство наше с самого детства, с Сатиным познакомился в университете, также и с некоторыми другими. Видался с Сатиным наиболее у него (Сатина), а впоследствии у г. Огарева, где на некоторое время г. Сатин жил; у них встречался я еще с другими гостями, с коими был знаком; но почти никто не бывал у меня и я у них. Часто посещал я его пр⟨евосходительство⟩ Льва Алексеевича Яковлева и Дм⟨итрия⟩ Ник⟨олаевича⟩ Болховского, ее сиятельство княгиню Марью Алексеевну Хованскую, сестрицу батюшки моего, также двоюродную сестру мою Т. П. Пассек (урожденную Кучину) и с их семейством весьма знаком; впрочем, более вел всегда жизнь уединенную, имея больного отца и занимаясь беспрерывно науками. Разговоры, наичаще бывшие между мною и коротко знакомыми людьми, имели предметом разные ученые предметы, притом с г. Огаревым, который занимается филологиею, более всего было разговоров о немецкой литературе, также часто о филологии; с другими преимущественно говорено было о естественных науках,— впрочем, в продолжение долгого знакомства с некоторыми разговоры касались до разных предметов и часто до журналов, как русских, так и иностранных, до новостей литературных и политических.



Вопросные пункты

Предложенные в присутствии Следственной Комиссии Титулярному Советнику Александру Герцену

Сего 24 дня 1834 года

Вопросы:

1. Объявить звание ваше, имя, отчество и фамилию, сколько имеете имать от рождения, какого вероисповедания и где оные воспринимали, где воспитывались, обучались ли каким наукам и где, и ныне состоите на службе, то где, в какой должности и с какого времени.

2. Не имеете ли родственных и свойственных Его Императорскому Величеству приключений?

3. Знаете ли Государственные законы?

4. Не были ли в штрафах перед судом или следствие были

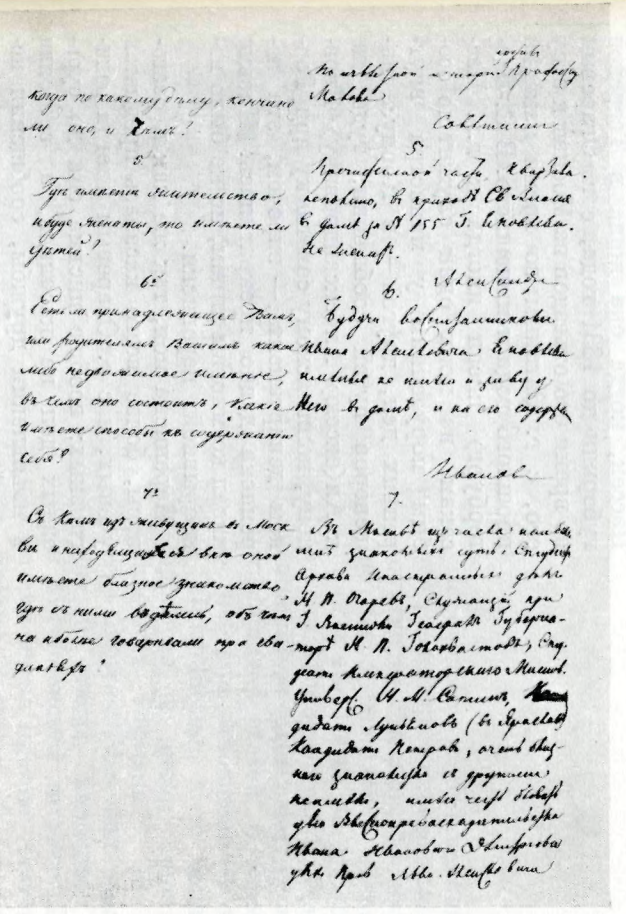
Ответствовал

1. Титулярный Советник Александр Иванов сын Герцев, 22 лет, Греко-Российского исповедания, от рождения бывало на исповеди и у святого причастия, обучался в Московском Коммерческом Университете по нравственному Отделению, по окончании курса в Университете Кандидатского достоинства по Физико-Математическому Отделению, поступил на службу в Министерство Внутренних Дел Коллежским Регистратором. Ныне имею чин Титулярного Советника.

2. Не имею.

3. Из законов Государственных никогда не занимался; впрочем и о государственных законах знаю столько, сколько

4. Никогда, ни у Университетского суда, ни перед судом не



когда по какому делу, кончено ли оно, и чем?

5. Имеете ли Вы какое-нибудь Свидетельство, что имеете ли чины?

5. Нравственного часа Губернского Правления, в оном в Московской Губернии в Дмитровском уезде в селе Знаменском.

6. Есть ли принадлежащие Вам или родителям Вашим какие-либо недвижимые имения, в чем оные состоят, какие имеете способы к содержанию себя?

6. Московской Губернии Дмитровского уезда в селе Знаменском будучи воспитанником Иваном Ивановым Яковлевым имеет за ними в доме, и на его содержании

7. Не имеете ли с кем-нибудь из Москвы и иногородных тесных связей или знакомства, дружбы с ними водились, об чем по каким поводам?

7. Из Москвы с кем имеет знакомство Студент Императорского Московского Университета Николай Михайлович Сатин, Кандидат Кетчер (в Пресненской части), Студент Императорского Московского Университета Николай Иванович Сатин, Кандидат Кетчер, с ними знакомство с другими нет, имеет через Надворного Советника Ивана Иванова Дмитриева

ПОКАЗАНИЯ, ДАННЫЕ ГЕРЦЕНОМ НА ДОПРОСЕ ПЕРВОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 24 ИЮЛЯ 1834 г.

Автограф Герцена

Листы 1, 2

Московский областной исторический архив

8. С кем имели вы переписку и об чем особенно писали?

8. Непрерывную переписку я имел сперва с двоюродною сестрою Т. П. Пассек, когда она жила в Тверской губернии до 1831 года, с г. Огаревым во время его отъездов из Москвы к отцу его, с г. Сатиным во время вакаций прошлого года и нынешнего. В С.-П⟨етербург⟩ писал иногда к г.г. Пассекам, из коих один служит по особым поручениям у министра внутренних дел, другой — в Корпусе инженеров путей сообщения; туда же к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ Яковлеву, коллежскому советнику при Горном департаменте,— впрочем, эта переписка давно прекратилась. Письма писал ко многим лицам, но не было непрерывной переписки.

Переписка моя, так же как и разговоры, более всего касалась предметов ученых, и с г. Огаревым иногда религиозных; вообще письма сии до сурьезных дел не касались, а состояли в изъявлении дружбы, сообщении новостей и т. д.

Здесь в Москве я в некоторых обстоятельствах писал записки ко многим знакомым, но переписку имел только с одною девицею — Л. В. Пассек.

9. Не было ли вами получаемо от кого-либо писем; какого они содержания?

9. Письма получал я довольно часто от родственницы моей Т. П. Пассек до 1831 года, потом получал от г. Огарева, от г. Сатина, от г.г. Пассеков, служащих в С.-Петербурге, получал от кандидата Петрова, коему раз отвечал.

Предмет писем был чаще всего ученый. Письма же Огарева наиболее обращаются на эстетические вопросы, на поэзию и литературу. В письмах г. Сатина преимущественно были уверения в дружбе, общие места о деревенской жизни, стихи иногда; впрочем, я довольно мало получал писем от него, ибо в продолжение непродолжительного знакомства нашего с ним (с 1832 г.) он два раза отлучался из Москвы. В продолжение времени получал я письма от других лиц, но не имел непрерывной переписки.

Здесь в Москве получал от знакомых записки по разным неважным делам и чаще всего от девицы Л. В. Пассек.

10. Не принадлежите ли, или прежде не принадлежали ли к ка-

10. К тайным обществам никогда не принадлежал и в том дал подписку

ким-либо тайным обществам; не знаете ли существования где-либо подобных обществ, где они, под каким наименованием, кто начальствующие в оных и члены, в чем заключается цель их и какие предположены средства к достижению ее?

в Московской дворцовой конторе и о существовании таковых не знаю.

11. Не занимались ли вы сочинениями и переводами с иностранных языков, каких авторов, не переводили ли чего-либо запрещенного; равно и в сочинениях своих не излагали ли чего противного правилам христианской религии и государственным постановлениям? Кто внушал вам подобные мысли, и с кем разделяли оные?

11. Переводами и сочинениями занимался[9], некоторые переводные статьи были помещены в московских журналах и ныне особо печатается сокращение из «Rapport sur l'état de l'instruction publique en Allmagne» par V. Cousin*[10]. Из сочинений печатных нет, но в рукописи несколько статей: о человеке в зоогностическом отношении [11], о книге Бюше «Introduction à la science du développement du genre humain»**[12], о сочинениях Гофмана [13], 28 января (о Петре Великом)[14] и еще некоторые разборы и этюды, наиболее касающиеся до германской литературы[15], все статьи сии писал прозою; статей против правил религии Христовой нет, равно же нет статей против государственных постановлений Российской империи; мысли, в моих статьях изложенные, принадлежат мне, их я почти ни с кем не делил, ибо статей своих, кроме двух-трех знакомых, никогда никому не читал. Запрещенных книг и статей не переводил,— впрочем, точного сведения о запрещенных книгах не имею. Две первые статьи, мною упомянутые, находятся у Н. Ал. Полевого. Читана первая профессором Максимовичем и Огаревым. Вторая читана им же, Огаревым. Статья о Петре Великом назначена была мною послать в Петербург г. Пассеку, но не знаю по каким причинам осталась у меня. Статья о Гофмане назначена мною в один из журналов. Еще начаты мною сцены из развития христианской религии[16].

12. Кому на словах или на бумаге сообщали вы ваши сочинения или переводы и какие получали об оных отзывы?

12. Сообщал я мои сочинения и переводы г.г. Полевому, Максимовичу, Огареву, некоторые г. Сатину и г.г. Пассекам; вообще получал отзывы довольно лестные,— впрочем, может оное происходило из деликатности и к писавшему.

---

* «Доклада о состоянии народного просвещения в Германии» В. Кузена (франц.).
** «Введение в науку о развитии рода человеческого» (франц.).

13. Не получали ли сами от кого подобных сочинений или переводов?

13. От г. профессора Максимовича я получал рукописные статьи по части естественных наук, от г. Огарева — стихи под заглавием «I tempi»*, «Слава», «Гений» (Байрон, Гете и Шиллер)[17], других не припомню; от г. Сатина имел стих под заглавием «Умирающий художник»[18] и переводную статью из какого-то французского журнала «О упадке искусства»; сверх сего, предполагая переводить сокращенную историю Италии Сисмонди, я просил г. Стрекалова мне помочь, и сей последний, с каким я, впрочем, решительно никакого знакомства не имею, доставил мне две тетради сего перевода, но как я не выполнил своего труда, то оный и остался у меня. Сверх сего, желая издавать «Минералогию» Бедана, мне вспомоществовал г. Носков[19] — кандидат Московского императорского университета, и, кажется, тетради сии у меня.

14. Не случалось ли вам в Москве или вне оной быть у кого-либо в таких беседах или сообществах, где бы происходили вольные и даже дерзкие против правительства разговоры; в чем они заключались, кто в них участвовал, не было ли кем вслух читано подобных сочинений или пето таких же песен?

14. Имея весьма ограниченный круг знакомых, я редко бывал в многочисленных беседах и никогда в таких, где бы делались бесчинные и дерзкие против правительства разговоры. С знакомыми же моими имел разговоры о правительстве, осуждал некоторые учреждения и всего чаще стесненное состояние крестьян помещичьих, доказывая сие произволом налогов со стороны господ, обремененными трудами и находя, что сие состояние вредит развитию промышленности. Что же касается до самодержавия, я отдаю оному решительное преимущество над смешанными правлениями, ссылаясь на мои статьи, где упоминается о конституционности. Разговоры о крестьянах имел я со многими знакомыми и родственниками, в том числе мой батюшка, Лев Алексеевич Яковлев, Николай Николаевич Бахметьев и др. Николаем Платоновичем Огаревым, коего мнение о сем предмете не помню. Они по большей части опровергали меня. Вообще сии разговоры были редки, ибо по большей части мои беседы касались до ученых предметов. Песни знал я Беранжера и некоторые другие, более нечистые, нежели возмутительные. Лет пять тому назад слышал я и получил

* «Времена» (итал.).

ВИДЫ МОСКВЫ ИЗ ОКОН РОГОЖСКОЙ ЧАСТИ

Рисунки А. В. Уткина, арестованного по общему с Герценом и Огаревым делу. Сохранились в черновом следственном деле. На верхнем рисунке вид Андроникова монастыря, 1834—1835 гг.

Центральный исторический архив, Москва

стихи Пушкина «Ода на свободу», «Кинжал», Полежаева — не помню под каким заглавием — от г. Паца[20], кандидата Московского императорского университета, но, находя неприличным иметь таковые стихи, я их сжег, и теперь, кажется, ничего подобного не имею*.

15. Не имели ли вы связей и сношений с людьми, желающими ниспровергнуть государственный порядок, наименуйте, кто сии лица. Не составляют ли они особого общества, где оно имеет собрания, в чем состоят главнейшие намерения его и какие предприняты или предположены средства к приведению оных в действие? Не имеют ли сообщники какого-либо принятого для себя устава, не обязываются ли какими подписками или клятвою; нет ли у них условных знаков или тайных письмян, коими передают друг другу мысли свои?

15. Ни к каким тайным обществам не принадлежал и о существовании таковых не знаю, равно и людей, желающих ниспровергнуть государственный порядок; так же не давал подписок, ни клятвенных обещаний, а будучи связан верноподданнической присягою его императорскому величеству, сделать сего не мог.

МОГИА, ф. 46, оп. 1, № 142, лл. 367—382.

[1] В «Былом и думах» (XII, 114) Герцен указывает, что он сидел в карцере восьмеро суток.

[2] Яков Афанасьевич *Лукьянов* (1806—1860) — из крепостных. Учился в университете с 1827 по 1833 г. и окончил физико-математический факультет со званием кандидата. По окончании университета преподавал физику в ярославской гимназии (1833), затем был профессором математических наук в ярославском Демидовском лицее (1833—1846) и профессором прикладной математики в одесском Ришельевском лицее (1852—1860). Автор ряда работ по математике.

[3] Василий Петрович *Петров* — из вольноотпущенных. Приятель Белинского. В 1828—1833 гг. учился на физико-математическом факультете, успешно окончил его в звании кандидата, после чего был учителем математики и физики в Орловской губернской гимназии. Имя его Герцен упоминает в письме к М. П. Носкову от

---

* *Приводим сохранившийся в протоколе черновой текст ответа № 14:*

Имея весьма ограниченный круг знакомства, я редко бывал в многочисленных беседах и никогда в таких, где бы делались какие-нибудь бесчинства. С знакомыми в разные времена имел разговор о правительстве, иногда худо понимал некоторые учреждения, судил об них; наичаще разговоры сии касались до стесненного положения крепостных людей и помещичьих крестьян, разговоры о сем предмете имел я даже с моим отцом и большею частию знакомых, с г. Огаревым, с Львом Ал. Яковлевым. Сие стесненное состояние сих классов находил я в произволе господ, налогах, оброке, заставлять работать, отрывать от семейств, находил вредное действие оного на развитие духа промышленности. В сих разговорах обык⟨новенно⟩ батюшка меня опровергал, равно и бо́льшая часть знакомых. Что же касается до разговоров о самодержавной власти, я всегда отдавал оной преимущество над смешанными правлениями, шлюсь на многие насмешки над конституционным правлением почти во всех статьях моих, где касается до политики. Но собственно дерзких разговоров против правительства не было. Сочинений запрещенных никто не читал, песни же певал я сам Беранжеровы и другие французские, сочиненные не с нравственной целью,— впрочем, в числе сих песен, слышанных мною в разные времена именно от каких лиц — назвать не припомню, большая часть имела смысл непристойный и сальный, нежели возмутительный. Из русских сочинений, дерзких и вольных, я слышал некоторые стихи Пушкина «Ода на свободу», «Кинжал», и Полежаева не помню под каким заглавием. Стихи сии я слышал весьма давно — лет пять или шесть тому назад от г. Паца [20], кандидата унив⟨ерситета⟩, которого совершенно потерял из вида. Имел их списанными, но, находя сие неприличным, сжег их.

«ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРСКИЙ ДОМ» НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ
ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИЛИ ДОПРОСЫ ГЕРЦЕНА
В 1834 г.

Фототипия, 1913 г.

ЗДАНИЕ ПЕТРОВСКИХ КАЗАРМ ЖАНДАРМСКОГО ДИВИЗИОНА НА ПЕТРОВКЕ
В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В ИЮЛЕ — НОЯБРЕ 1834 г. СОДЕРЖАЛСЯ ПОД АРЕСТОМ ОГАРЕВ

Фототипия, 1913 г.

3 марта 1833 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 186). Публикаторы неверно указывают, что Герцен имел в виду Павла Яковлевича Петрова.

[4] Октавий (Октавиус Алексис) Тобиевич *Водо* (1806—1879) — с 1820 по 1873 г. служил в Московской экспедиции Кремлевского строения (затем Московская дворцовая контора), где познакомился с Герценом и его братом Егором Ивановичем. Участник строительства Большого кремлевского дворца.

[5] Василий Иванович *Оболенский* (1790—1847) — окончил словесное отделение Московского университета (1810), затем преподавал латинский и греческий языки в Тверской губернской гимназии, в Благородном пансионе при Московском университете, в Московской губернской гимназии, а с 1833 г.— в Московском университете. Имел ученую степень магистра словесных наук (1824), был автором ряда учебных пособий.

[6] Иван Афанасьевич *Оболенский* (1813—1849) — университетский товарищ Белинского и Сханкевича, впоследствии письмоводитель Московского губернского правления.

[7] Александр Иванович *Соколов* (1814—?)—сын поручика, дворянина Херсонской губернии. Учился на физико-математическом факультете в 1830—1834 гг., окончил его со званием действительного студента. Его дружеские отношения с Герценом и Огаревым, как теперь видно, начались в студенческие годы. Соколов был знаком с Белинским, Грановским, Гоголем и с другими видными литературными, а также театральными деятелями.

[8] Егор Николаевич *Челищев* (1816—?) — сын штабс-капитана, калужского дворянина. В 1831—1834 гг. учился на физико-математическом факультете и окончил его со званием действительного студента. Его брат Михаил (1815—?) в то же время учился на словесном отделении, которое окончил также со званием действительного студента. В своих показаниях Соколовский назвал братьев Челищевых в числе своих московских знакомых (л. 263). Е. Челищева знал также Сатин. Братья Челищевы — дальние родственники декабриста А. А. Челищева.

[9] Переводы и сочинения Герцена начала 1830-х годов (до его ареста) полностью до нас не дошли (см. А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, изд. АН СССР, т. I. М., 1954, стр. 535—537).

[10] В делах Московского цензурного комитета имеется запись о том, что 15 июня 1834 г. туда поступила от титулярного советника Герцена рукопись «Состояние народного просвещения в некоторых странах Германии». Объем ее — 62 листа. В тот же день рукопись была отдана цензору и разрешена им к печати 3 июля. Тогда же Герцен и взял рукопись обратно (МОГИА, ф. 31, оп. 5, св. 388, д. № 88, лл. 146 об.— 147). Дальнейшая судьба рукописи неизвестна.

[11] Статья Герцена под таким названием неизвестна. Возможно, это лишь другое название дошедшей до нас первой философской работы Герцена «О месте человека в природе» (А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, цит. изд., т. I, стр. 13—25 и 536).

[12] Эта статья считается утраченной.

[13] Статья «Гофман» опубликована в «Телескопе», 1836, № 10.

[14] Статья при жизни Герцена не печаталась. Впервые опубликована Лемке («Былое», 1907, № 7).

[15] Эти наброски нам неизвестны.

[16] По мнению С. А. Макашина, речь здесь идет об отрывке «Из римских сцен». В нем ставятся философско-исторические вопросы о «развитии христианской религии». Отрывок был впервые опубликован Т. П. Пассек в ее воспоминаниях «Из дальних лет» по герценовской рукописи, позднее утраченной («Русская старина», 1876, № 11, стр. 552—559). Отрывок имеет авторскую дату: «1838 г. Владимир-на-Клязьме». Как видно из комментируемого текста, она фиксирует время *позднейшей* доработки произведения. Задумано же и начато оно было еще в 1834 г. (ср. А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, цит. изд., т. I, стр. 183—195 и 505—508).

[17] Стихотворение Огарева «Поэты (Байрон, Гете и Шиллер)» не опубликовано. Местонахождение его неизвестно.

[18] Стихотворение Сатина «Умирающий художник» опубликовано Лемке («Голос минувшего», 1913, № 11).

[19] Михаил Павлович *Носков* — студент, друг Герцена и Огарева. Учился в 1828—1832 гг. на физико-математическом факультете Московского университета, который окончил в 1832 г. По окончании университета служил в Петербурге помощником контролера при артиллерийском департаменте военного министерства. В 1854—1856 гг. был воспитателем, а в 1857—1862 гг.— инспектором классов в Петербургском коммерческом училище, после чего вышел в отставку. Огарев в 1873 г. тепло вспоминал о Носкове. Он писал Пассек: «Сегодня мне пришел на память наш старый друг Носков, так что я не могу отделаться от воспоминания его юношеского образа и преданной дружбы. Напиши мне, если знаешь, жив он или нет» (Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. III. СПб., 1906, стр. 16).

[20] Григорий Минаевич *Пац‹ев›* (ок. 1800 —?). В 1819 г. поступил на нравственно-политическое отделение Московского университета, которое окончил в 1823 г. со званием действительного студента, а затем в 1824 г.— кандидата. Слушал также лекции профессоров словесного и физико-математического факультетов.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, ‹ПРЕДЛОЖЕННЫЕ› В ПРИСУТСТВИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ СЛУЖАЩЕМУ В ГЛАВНОМ МОСКОВСКОМ АРХИВЕ В МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СТУДЕНТУ НИКОЛАЮ ПЛАТОНОВИЧУ ОГАРЕВУ ИЮЛЯ... ДНЯ 1834 ГОДА[1]

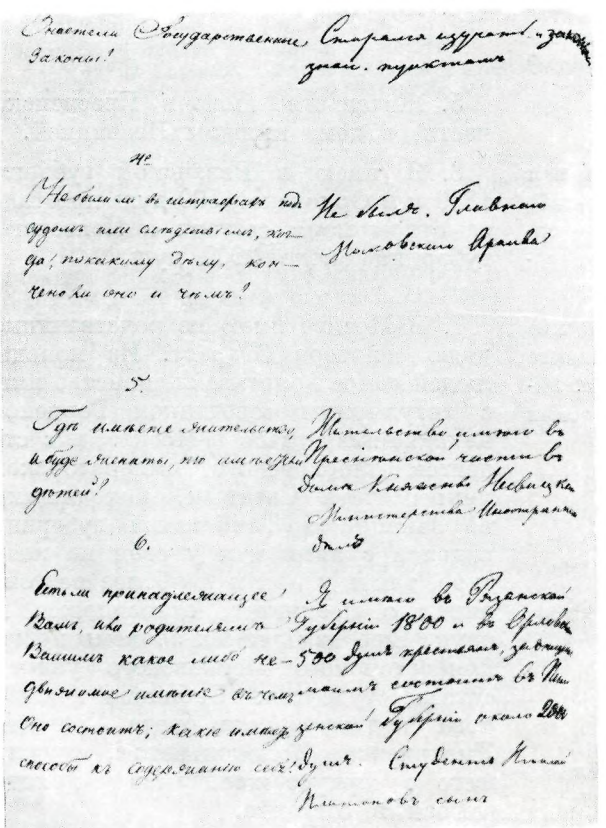
Вопросы	Ответы
1. Объявите звание ваше, имя, отчество и фамилию, сколько имеете лет от рождения, какого вероисповедания, ежели христианского, то бываете ли на исповеди и у святого причастия, обучались ли каким наукам и где, ежели состоите на службе, то где, в какой должности и с какого времени?	1. Главного Московского архива Министерства иностранных дел студент Николай Платонов сын Огарев имеет от роду 21 год, вероисповедания христианского греко-российской церкви, на исповеди и у святого причастия бывал ежегодно, кроме сего 1834 года, в котором не был, по болезни, воспрещавшей мне выходить из дому во весь великий пост, обучался дома разным наукам, на службе состою в Министерстве иностранных дел при Главном архиве с 1832 года.
2. На верность подданства и службы его императорскому величеству присягали ли?	2. Присягал при вступлении в службу.
3. Знаете ли государственные законы?	3. Старался изучать и законы знал.
4. Не был ли в штрафах, под судом или следствием, когда, по какому делу, кончено ли оно и кем?	4. Не был.
5. Где имеете жительство, и буде женаты, то имеете ли детей?	5. Жительство имею в Пресненской части, в доме княжны Несвицкой.
6. Есть ли принадлежащее вам или родителям вашим какое-либо недвижимое имение, в чем оно состоит, какие имеете способы к содержанию себя?	6. Я имею в Рязанской губернии 1800 и в Орловской 500 душ крестьян, за отцом моим состоит в Пензенской губернии около 2000 душ.
7. С кем из живущих в Москве и находящихся вне оной имеете близкое знакомство, где с ними виделись, об чем наиболее говорили при свиданиях?	7. В Москве имею из родственников дядю сенатора Огарева. Из молодых людей самое короткое знакомство имею с титулярным советником Герценом, находящимся здесь в Москве, и с студентом Московского императорского университета Сатиным, находящимся на вакации в Тамбовской губернии, видался с ними как у себя на квартире, так и у них и наиболее разговаривал о предметах, относящихся до наук. Еще из близких знакомых имею императорского Московского университета студентов: Бибикова[2], Сазонова и двоюродного брата Григория Дмитриевича Колокольцева[3], служившего в корпусе жандармов и находящегося в отставке.

8. С кем имели вы переписку и об чем особенно писали?

8. Имею переписку с родителем моим, проживающим в Пензенской губернии, Инсарском уезде. Имел переписку с двоюродным братом Григорием Дмитриевичем Колокольцевым, находящимся в Харькове; с титулярным советником Герценом, когда мне случалось уезжать из Москвы. Имею еще теперь переписку с императорского Московского университета студентом Сатиным, находящимся в Тамбовской губернии. Предметы переписок моих были или мысли о каких-либо ученых предметах, или излияния моих чувствований, или описание каких-либо случайных обстоятельств, которые входили в круг моей частной жизни.

9. Не было ли вами получаемо от кого-либо писем; какого они содержания?

9. От родителя моего. От двоюродного брата Григория Дмитриевича Колокольцева. От титулярного советника Герцена. От императорского Московского университета студента Сатина о предметах, касающихся до наук и до обстоятельств, случившихся с помянутыми лицами.



ПОКАЗАНИЯ, ДАННЫЕ ОГАРЕВЫМ НА ДОПРОСЕ ПЕРВОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ. ИЮЛЬ 1834 г.

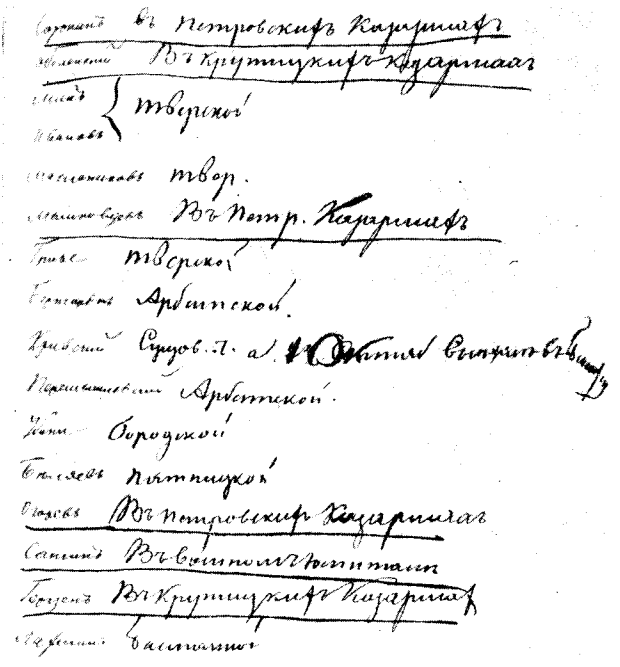
Автограф Огарева. Дата допроса не обозначена

Лист 2

Московский областной исторический архив

СПИСОК ЛИЦ, АРЕСТОВАННЫХ ПО ОБЩЕМУ С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ ДЕЛУ, С УКАЗАНИЕМ МЕСТ ИХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, 1834 г. Сохранился в бумагах первой Следственной комиссии

Московский областной исторический архив



10. Не принадлежите ли, или прежде не принадлежали ли к каким-либо тайным обществам; не знаете ли существования где-либо подобных обществ, где они, под каким наименованием, кто начальствующие в оных и члены, в чем заключается цель их и какие предположены средства к достижению ее?

10. Ни к какому тайному обществу не принадлежу и не принадлежал и о существовании таковых нигде, ни под каким наименованием и о цели и средствах такового не знаю. К таковому был обязан подпискою при вступлении в службу.

11. Не занимаетесь ли вы сочинениями и переводами с иностранных языков, каких авторов, не переводили ли чего-либо запрещенного; равно и в сочинениях своих не излагали ли чего противного правилам христианской религии и государственным постановлениям? Кто внушал вам подобные мысли и с кем разделяли оные?

11. Сочинениями и переводами с иностранных языков занимался для себя, но не для печати [4], авторов различных древних и новых. Из древних в особенности Цицерона и Тацита, из новых Шеллинга. Из Цицерона переводил Тускуланские споры, письма к Бруту; из Тацита — жизнь Агриколы, из Шеллинга — «Письма о догматизме» — критицизм. Запрещенного ничего не переводил и в сочинениях противного правилам христианской религии и государственным постановлениям не писал. Ни от кого подобных мыслей не имею и ни с кем оных не разделял.

12. Кому на словах или на бумаге сообщали вы ваши сочинения или переводы и какие получали об оных отзывы?

12. Наиболее г-ну Герцену и Сатину показывал стихи моего сочинения, о которых получал различные отзывы, смотря по достоинству. Переводов же и других сочинений никому не показывал и по большей части уничтожал их, не будучи ими доволен.

13. Не получали ли сами от кого подобных сочинений или переводов?

13. Ни от кого не получал.

14. Не случалось ли вам в Москве или вне оной быть у кого-либо в таких беседах или сообществах, где бы происходили вольные и даже дерзкие против правительства разговоры; в чем они заключались, кто в них участвовал, не было ли кем вслух читано подобных сочинений или пето таких же песен?

14. Ни в Москве, ни вне оной не случалось нигде бывать в беседах, где бы происходили вольные или дерзкие противоправительственные разговоры и сочинений таковых никто при мне не читал; песни же на голос «Боже, царя храни», в коей были оскорбительные выражения против царской фамилии, слышал от г-на Соколовского, когда, где и по какому случаю и при ком — не припомню, и оной песни не знаю [5].

15. Не случалось ли вам письменно выражать мысли свои, или изустно с кем-либо рассуждать о образе правления в Российском государстве, сравнивать его с правлениями других государств, и как вы в сем случае изъяснялись, и какие слышали от других о том суждения?

15. О образе правления в Российском государстве ни письменно выражать, ни изустно с кем-либо рассуждать, ни сравнивать его с правлениями других государств не случалось и ни от кого о том никаких суждений не слыхал.

16. Ежели вы касались суждениями своими государственного порядка, в России существующего, то как изъяснялись об оном, и в особенности о неравенстве состояний?

16. Не касался и по сему не мог никак изъясняться об оном, равно как и о неравенстве состояний.

17. Не входили ли в состав суждений ваших изъяснения о сделании каких-либо перемен в порядке государственном и как о том было между вами говорено, или не было ли даже кем из известных вам лиц о предмете сем писано?

17. Суждений о сделании перемен в порядке государственном ни с кем не имел и никем из известных мне лиц о сем предмете не было писано.

18. Все ли вы в сих ответах показали сущую правду и не имеете ли объяснить чего-либо еще сверх вами сказанного?

18. В сих ответах все мной показанное справедливо и ничего более объяснить и дополнить я не имею.

МОГИА, ф. 46, оп. 1, № 142, лл. 279—291.

[1] Точная дата допроса в протоколе не указана. Очевидно, допрос Огарева происходил в первые дни после его вторичного ареста, который состоялся в июле (XII, 326).

[2] Матвей Павлович *Бибиков* (1812—1856)— сын коллежского асессора. В 1830 г. поступил на словесное отделение Московского университета; в мае 1835 г., не окончив университета, уволился. Впоследствии беллетрист и художник. Сотрудничал в «Отечественных записках», «Москвитянине», «Русской беседе», «Русском вестнике» и «Московских ведомостях».

[3] О Григории Дмитриевиче *Колокольцеве* упоминает Т. П. Пассек («Из дальних лет», т. II, СПб., 1906, стр. 193—194). См. о нем также «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 647 и 695.

[4] Огарев скрыл опубликованные им две переводные статьи в «Телескопе». Первая из них — «Сравнительное представление всеобщей пирамиды языков (из философии истории Ф. Шлегеля)» («Телескоп», 1831, ч. IV, № 15), вторая — «Современное назначение философии (предисловие к Кузенову переводу „Истории философии“ Тенемана)» (Телескоп», 1832, ч. XI, № 20).

[5] Об этом пункте показаний Огарева см. ниже, на стр. 287.

II. ДОПРОС ОГАРЕВА 24 СЕНТЯБРЯ 1834 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО А. К. ЛАХТИНА К ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

«Высочайше учрежденная Следственная комиссия», созданная по докладу Бенкендорфа 21 июля 1834 г. для ведения дела «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи», 9 августа приняла дела от комиссии, действовавшей в Москве под председательством обер-полицмейстера Цынского.

Новая комиссия под председательством попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына продолжала следствие в направлении, которое было заранее определено начальником московского округа жандармов полковником Шубинским. Целью этого следствия было раскрытие предполагаемого тайного политического общества. Однако ни первая, ни вторая комиссия не располагали никакими данными, доказывающими существование такого общества. Недовольство ходом ведения дела, высказанное Николаем при его посещении Москвы в сентябре 1834 г., вызвало активизацию следствия: дополнительные расследования и допросы, в их числе новый допрос Огарева — 24 сентября. Это был его третий допрос с начала следствия. Выше опубликован первый допрос Огарева — в комиссии под председательством Цынского в июле 1834 г. Второй допрос — в комиссии под председательством кн. С. М. Голицына — был 20 августа (опубликован по писарской копии — XII, 335—342). На основании этих допросов комиссия в предварительной записке о результате расследования характеризовала Огарева, как «упорного и скрытного фанатика» (XII, 335). Уже первый вопрос, предложенный ему 24 сентября, свидетельствовал о недовольствии следствия Огаревым и о том нажиме, который был на него в этой связи оказан. «В ответах, доселе данных вами на предложенные вопросы, не было изъявлено вами чистосердечного признания, ни раскаяния в проступках, которые обнаружены уже перед правительством. Почему предлагается вам вновь представить самое справедливое объяснение, как в образе мыслей ваших, так равно в связях с людьми, подобно вам мыслящим, и о цели, какая предположена».

Огареву в Следственной комиссии были предъявлены два основных пункта обвинения: пение «пасквильных стихов» и знакомство с лицами, певшими эти «стихи», и недозволенный образ мышления, который был обнаружен в его переписке.

Однако Огарев в течение всего следствия категорически отрицал свое участие в пении «пасквильных стихов». 1 ноября 1834 г. на очной ставке Огарева с провокатором Скареткой, который выдвинул против него это обвинение, Скаретка вынужден был свое обвинение снять. Что же касается самих стихов, то на допросе в первой Следственной комиссии Огарев сознался, что слышал их от поэта В. Соколовского, одного из главных обвиняемых по этому делу. Огарев ошибочно полагал, что именно Соколовский его и выдал (см. предыдущую публикацию и указанную публикацию Лемке). Узнав о своей ошибке, Огарев на допросе 24 сентября снял свое первоначальное показание и оставил открытым вопрос, от кого он слышал антиправительственные песни.

Основное внимание следствия в отношении Огарева было направлено на расследование его «образа мыслей». Допрос Огарева 24 сентября состоял в основном в требовании объяснить содержание его переписки, взятой при аресте его самого и Герцена.

Темы, которые были затронуты в письмах Герцена и Огарева, а также в письме Лахтина к Огареву, привлекших особое внимание Следственной комиссии, входили в круг основных идейных интересов, которыми жил юношеский кружок Герцена — Огарева. Проблема движущих сил исторического развития и проблема гармонического общественного устройства находились в центре этих интересов. Справедливо считая себя продолжателями дела декабристов и осмысливая их исторический опыт, Герцен, Огарев и ближайшие их друзья ставили перед собой вопрос: «Почему русское дворянство в отличие от западноевропейского революционно?». Одной из попыток дать на него ответ была работа Огарева над статьей «О перехождении в дворянское сословие»,

о которой он сообщал Герцену в письме от 3 сентября 1832 г., привлекшем внимание Следственной комиссии.

На допросе 24 сентября Огарев пытался внушить Следственной комиссии, что замысел его статьи на историческую тему возник как бы случайно, и отказался отвечать на вопросы, связанные со статьей. В действительности же Огарев систематически работал над историко-философскими темами. Так, в 1831 г., впервые выступив в печати, Огарев поместил в «Телескопе» перевод из философии истории Ф. Шлегеля; через год в том же журнале был напечатан его перевод предисловия Кузена к «Истории философии» Тенемана. Среди бумаг Огарева, взятых при аресте, были рукописи нескольких его статей и неоконченных набросков, которые Следственная комиссия квалифицировала как «переписку в конституционном духе».

К числу этих бумаг относился «План системы в изучении политических наук», а также тезисы пробной студенческой лекции, посвященной классификации наук. Несмотря на академический характер тезисов и идеализм исходных предпосылок, в этих работах отразилось стремление Огарева к осмыслению и обобщению многообразия человеческого знания, к выработке единого принципа познания, к единству умозрения и эмпирического метода. В этом последнем отношении названные рукописи Огарева, так же как и отрывок «Первый предмет, представляющийся нашему сознанию...», могут быть сопоставлены с первыми философскими работами Герцена: «О месте человека в природе» и «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». Огареву принадлежит и находившаяся в его бумагах при аресте неоконченная критическая заметка по поводу статьи в «Телескопе», автор которой с крайне реакционных позиций оценивал результаты французской революции для европейской цивилизации (заметка ошибочно опубликована в № 3 «Литературного архива» —1951 г.— как варианта статьи Герцена «Развитие человечества, как и одного человека...»).

В руки жандармов при аресте Огарева попал рукописный набросок мыслей об идеальной общественной организации будущего. Этот небольшой текст написан рукой Огарева на немецком языке. Скорее всего это выписка из какого-то сочинения иностранного автора, утопического социалиста. Но не исключена возможность, что автором этих строк является сам Огарев, с какой-то целью прибегнувший для изложения своих мыслей к немецкому языку. Однако доказать авторство Огарева затруднительно. Но и в том случае, если перед нами всего лишь выписка, она интересна для характеристики идейных исканий Огарева тех лет. Приводим текст незаконченного отрывка полностью в русском переводе:

«Европа требует новой жизни; век всеразрушающего анализа пал. Но в чем должна состоять новая жизнь? В новой организации всего мира. В чем же должна состоять эта организация, на какой основе она должна развиваться? Вот в чем вопрос.

Человечеству должна открываться новая великая идея, эта идея должна стать его верой, без которой оно впадет в гибельное состояние скептицизма и даже в отчаяние. Итак, вера, вера в живительную идею, которая одна только может спасти человечество. Но где же следует искать сущности этой веры? Там, где небо сливается с землей, где небо открывает себя земле, где божество говорит с человеком. Следовательно, этой новой верой должна быть религия. Но что такое религия? Она всегда была чем-то сверхъестественным, таинственным, являющимся только под покровом; должна ли она и теперь явиться в том же виде? Нет — верой современного человечества должна быть сияющая идея, которая, будучи всеми понятой, поведет людей к их истинной цели и».

Занятия Огарева философией истории носили в эти годы систематический характер. Они являлись частью общей работы по философии, социологии, истории, праву и политической экономии, которая велась в кружке в 1833—1834 гг. В феврале 1834 г. Герцен уже разработал план журнала, сотрудниками которого должны были стать основные участники кружка.

Литературные интересы и «специализация» будущих авторов определили их участие в разных отделах журнала. Огарев должен был писать статьи для отделов «философия истории» и «теория литературы». Другим специалистом по истории считался университетский товарищ Огарева, Алексей Кузьмич *Лахтин* (1808—1838). Сын московского купца, Лахтин в 1828 г. окончил словесное отделение Московского уни-

верситета, но после этого стал слушать лекции на физико-математическом факультете. Знакомство с ним Герцена и Огарева — первая завязь их студенческого кружка. По своим служебным обязанностям и семейному положению (Лахтин служил в Московском главном архиве Министерства иностранных дел в должности старшего переводчика, был женат и в 1834 г. имел уже двоих детей) он не мог быть таким деятельным участником герценовского кружка, как остальные его основные участники. Но он жил научными и теоретическими интересами кружка. Отличаясь, как писал Огарев, «ученым трудолюбием», Лахтин приступил в 1833 г. вместе с Герценом к осуществлению широкой программы самообразования. Он и Герцен должны были быть авторами оригинальных «исторических отрывков» и, кроме того, Лахтин должен был стать постоянным участником «статистического отделения» исторической части журнала.

Летом 1833 г. между Лахтиным и Огаревым, жившим тогда в деревне, завязалась «сложная переписка о философии истории». Однако переписка не удовлетворяла Огарева: «Несколько писем — это слишком тесная рамка; мне хочется лучше и пространнее изложить то, что думаю об этом предмете, и если друзья мои одобрят, стану печатать» (письмо Огарева к Герцену от 29—30 июля 1833 г.— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 716). Из этой переписки до нас дошло письмо Лахтина к Огареву от 28 июня 1834 г. Мы печатаем документ в приложении к настоящей публикации. Письмо Лахтина к Огареву прямо перекликается со статьей Герцена 1833 г. «Двадцать осьмое января». Закономерность исторического процесса, роль личности в истории, «среднее состояние», сопоставление «общего» и «своеобразного» в истории России и в истории стран Западной Европы — таков круг вопросов, над которыми работал Лахтин. Письмо Лахтина свидетельствует о широте постановки исторических проблем в юношеском кружке Герцена и Огарева. В этом письме содержится попытка обосновать исторически «революционность» русского дворянства, как ее ошибочно тогда понимали в кружке. Лахтин полагал, что русское дворянство, в отличие от западноевропейского, не сложилось в аристократию в европейском смысле, так как оно составилось из выходцев разных сословий в ходе централизации Русского государства; русское дворянство, по выражению Лахтина, — parvenu, поэтому оно не образует аристократической оппозиции верховной власти, а носит в себе элементы революционности. Таким образом, становится понятным содержание, которое вкладывал Огарев в понятие «перехождение», вводя этот термин в заглавие своей юношеской работы на историческую тему «О перехождении в дворянское состояние».

Идеализация русского дворянства неизбежно приходила в столкновение с утверждавшимся в кружке представлением о народе как решающей силе исторического процесса и будущего общественного переворота. Не случайно, что среди творений Шиллера Огарева начинают привлекать теперь не герои-одиночки раннего Шиллера — борцы против деспотизма Карл Моор и маркиз Поза, а такое зрелое произведение, как «Вильгельм Телль», проникнутое идеей народного суверенитета. Именно на него обращает Огарев внимание Герцена в той части письма к нему от 29—30 июля 1833 г., которое по этой причине стало в Следственной комиссии документом обвинения против Огарева.

Протокол допроса Огарева печатается полностью. Опускается лишь его заверительная подпись, имеющаяся *под каждым* ответом: «К сему показанию Главного московского архива Министерства иностранных дел студент Николай Огарев руку приложил».

ЦГИАМ, ф. № 91, оп. 1, ед. хр. 85, лл. 296—310.

[1] Комментарий к письмам Огарева к Герцену, отрывки из которых цитируются в публикуемых вопросных пунктах Следственной комиссии, см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 703—718.

[2] Письмо Огарева к Герцену от 29—30 июля 1833 г. См. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 715—717.

[3] Письмо Огарева к Герцену от 3—4 сентября 1832 г. См. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 706—710.

[4] Письмо Огарева к Герцену от 10 июля 1833 г. Опубликовано в «Голосе минувшего», 1919, № 1—4, стр. 68—69.

ДОПРОС ОГАРЕВА

24 сентября 1834 г.

Вопросы	Ответы
1. В ответах, доселе данных вами на предложенные вопросы, не было изъявлено вами ни чистосердечного признания, ни раскаяния в таких поступках, которые обнаружены уже пред правительством. Почему предлагается вам вновь представить самое справедливое объяснение, как в образе мыслей ваших, так равно о связях с людьми, подобно вам мыслящими, и о цели, какая предположена.	1. Какие поступки мои обнаружены пред правительством, я не знаю, ибо не помню за собой никаких поступков, противных правительству. Если здесь разумеется то, что я слышал песню от г. Соколовского, то я сие показывал, только припоминая слышанное от г. Оболенского, и даже теперь не уверен в том, справедливо ли я показывал, что слышал песню от г. Соколовского. Мне только помнилось, что я когда-то оную песню слышал; от Киндякова и Скаретки, с которыми я не так давно бывал довольно часто вместе, очень помню, что никогда не слыхал. Посему я, полагая, что Соколовский меня обвинил, уверился, что я слышал от него. Сам же я никогда подобных песней не певал и никогда бы не осмелился оного сделать. Если же в том я виноват, что слышал и не донес, то сего я не сделал потому, что не почитаю Соколовского вредным для правительства. В ветреном же поведении моем, которое есть одна вина моя в сем случае, вполне раскаиваюсь. Образ же моих мыслей из прежних показаний моих известен. Я думаю, что его разделяет г. Герцен; более я ни с кем о подобных предметах не говорил. Цель же была одна — умствовать (philosopher).
2. Знакомясь с молодыми людьми, вы позволяли себе даже петь в присутствии их оскорбительные для высочайшей особы стихи. С каким намерением вы это делали?	2. Я нигде сего не делал и если кто-нибудь сие на меня показывает, то сие весьма ложно, и я готов убедить моего обвинителя на очной ставке, что он показывает ложно.
3. Кем писано оказываемое вам при сем письмо? С тем вместе дайте изъяснение на содержащиеся в нем слова: «Отчего материальное развитие (внешнее) России предшествовало ее духовному развитию; отчего не проявились в ней те стихии, которые проявились в других государствах Европы, тогда как самобытность ее утверждалась на основаниях, общих всем новейшим государствам; отчего завоеванная древненорманская система не породила	3. Письмо сие писано сослуживцем моим Лахтиным. Он изъясняет здесь, что сила России, приобретенная присоединениями к ней разных земель, прежде развилась, нежели внутреннее народное образование. Дворянство в государствах европейских составилось, по разысканиям новейших историков (Тьери и другие), таким образом, что народ-завоеватель сделался классом высшим, дворянством, а народ завоеванный составил низкий класс. Так, лорды английские суть потомки

В. И. СОКОЛОВСКИЙ
Гравюра, помещенная в 3-м издании стихотворений поэта, 1867 г.

у нас оппозиции, не образовала класса дворянства в смысле европейском («наше собственное нынешнее дворянство есть порождение централизации России, остаток уделизма, выходство, parvenu*»). Далее в сем же письме сказано: «Отчего направление нашего века есть направление историческое, отчего после форм сказочной, ораторской, критической, политической, философской она ⟨история⟩ принимает теперь форму народную (populaire), смотрит на массы народа, а не на отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему пружины?»

4. В письме от 26 августа между прочим писали вы к Герцену: «Что́ все труды мои, ночи, проведенные в мечтах, что́ вся эта поэзия души, когда одно происшествие остановило полет мысли и принесло с собою сомнения и горести; над кем, бишь, в древности висел меч на волоске, между тем как утопал в наслаждеи норманов, а народ — потомки англосаксов. У нас же разбор сей исторической задачи затруднительнее, происшествия темнее; посему Лахтин делает предположение, что наше дворянство не составилось ⟨ли⟩ через то, что, по мере присоединения уделов к великому княжеству, удельные князья переходили в сословие дворян. Под народною формою истории Лахтин разумеет то, что историки стали обращать внимание не на лицы предводителей народных, князей, но на самые массы народа, и в самой их характеристике стали находить их движения, переселения, завоевания и прочее.

4. Это, помнится мне, известие о том, что я нахожусь под надзором полиции, известие, сообщенное мне соседкою нашей Екатериной Николаевной Чулковой. Это известие меня очень беспокоило и потому более, что я боялся, чтобы оно не дошло до моего отца.

---

* выскочка (франц.).

ниях? Это я, это изображение моего состояния»[1]. Объясните значение слов сих и о каком упоминаете происшествии, которое остановило вас?

5. Для чего советовали вы, в письме своем к Герцену[2], как можно чаще читать «Вильгельма Телль»?

5. Потому что это, по моему мнению, лучшее творение Шиллера, одного из любимых моих поэтов; в нем видна личность драматического создания, между тем как в прочих [творениях] трагедиях Шиллера видна недоконченность. Может быть, меня подозревают в том, что я сей совет дал потому, что в «Вильгельме Телле» есть заговор и возмущение; подозревают меня в либерализме, но в шиллеровском «Дон-Карлосе» несравненно более либеральных идей, а я нахожу его самою худшею шиллеровой пьесой и никогда не посоветовал бы часто его читать.

6. Что значат присовокупленные вами в том же письме слова: «Эта пьеса представляет эпоху кризиса? Ах, что я чувствовал, когда читал ее, ты не можешь себе представить; ты поймешь, когда перечтешь еще раз, особенно же в минуту ожесточения, досады, ненависти.— Но все это мысль разрушения, а мне хочется созидать; из общих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциаций»?

6. Действительно, в «Вильгельме Телле» выставлена эпоха кризиса, но такая, где разрушается старое, а не созидается новое. Состояние же ожесточения, вероятно, тогда было произведено каким-нибудь обстоятельством, известием ли о том, что я нахожусь под надзором, или чем другим, не припомню. План же универсальной ассоциации объяснен мною в первом пункте показаний, в прошедший раз мной деланных.

7. В письме к нему же, к Герцену, от 3 сентября (№ 45)[3] при сем оказываемом, между прочим, вы, говоря о заданных вам Герценом вопросах, пишете: «О цивилизации, идет (вошел) в предположенную мной статью о перехождении в дворянское сословие; подумай на воле, мне кажется, что наша цивилизация не XIX, но XVIII века». — Далее, советуя Герцену прочесть «Philosophie du droit»* соч. Лерминье, пишете следующее: «Друг! прочти их, непременно прочти. Я воспламенился от них, innere Fülle (внутренняя полнота) так и забушевала, хотелось бы что-нибудь творить, и с досадою и ужасом вижу, что мне 18 лет и что я в деревне. Но вдруг я вспомнил вас, друзья мои, сравнил то, о чем

7. Что за статья сия, я не помню и впоследствии не писал. О том, что наша цивилизация XVIII века, а не XIX, я думал потому, что [в Европе XIX столетия] во Франции, которая мне кажется как бы вождем европейской цивилизации, во Франции в XIX веке наибольшая власть в руках среднего сословия, а у нас в руках высшего сословия, как то было во Франции в XVIII столетии; у нас в XIX столетии аристократия еще наследственная, а во Франции аристократия промышленников — денежная. Кажется, эта мысль должна была служить основанием предположенной статье. Не помню [что], о каком [именно] [заключалось] месте из книги «Philosophie du droit» я помянул в письме. Творить мне хотелось бы на поприще гражданской деятель-

* «Философия права» (франц.).

говорит Лерминье, с нами, и что-то сладостно заговорила в душе будущность, сколько надежд и упований» и проч.

Объясните смысл всего этого письма и в особенности, какую статью вы предполагали написать о *перехождении в дворянское сословие* и что вы разумеете под словами: «Наша цивилизация не XIX, но XVIII века». Что значат слова: «Хотелось бы творить, но с досадой и ужасом вижу, что мне 18 лет» и проч.?

ности, но для сего надобна служба и влияние. 18-летнему мальчику это невозможно, и это тогда мне было очень досадно.

8. В письме своем к Герцену от 10 июля 1833 г.[4] между прочим писали вы: «Происшествие в Гебелевом семействе меня *ужаснуло*. Я целые сутки бесился и все черное мне казалось чернее, чем когда-нибудь. Одного тебя прошу, с первым же письмом напиши, что делает в этом случае Ив. Оболенский? Да ради бога, не доводи себя до дуэли, вспомни, кто ты и для чего?».

Объясните, какая история была в семействе Гебеля, какое брал в оной участие Оболенский, о какой он упоминает дуэли и с кем; и смысл слов: «*вспомни кто ты и для чего*».

8. История между Почекою и Гебелевой дочерью была мной помянута в прежних показаниях. Мне хотелось знать, как о ней думает Ив. Оболенский, который был с Почекою в приязни. Герцен мог бы высказать свои чувства о сем предмете г-ну Почеке, и тот мог бы его вызвать на дуэль. Я через сие напоминаю Герцену, что он человек умный и посему назначен быть полезным для человечества, а не губить себя дуэлью с кем бы то ни было, а наиболее же в истории, которая до него не касается.

9. В том же письме далее высказали вы: «Но об какой новости ты еще намекаешь, что еще такое? Не оставляй в недоумении, дай испить до дна чашу горести»; и что все ваше блаженство заключается в мгновенной смерти. Дайте на сие объяснение.

9. Кажется, Герцен намекал о том, что я под надзором полиции. Мысль же о смерти мне в продолжение некоторого времени казалась чрезвычайно утешительной.

10. Для чего имели вы железную цепочку, и кто еще из известных вам лиц носил на себе подобные цепочки?

10. Железную цепочку я, кажется, унес у Оболенского и куда девал, не помню; более ни у кого не видал.

11. Кому дали вы от себя железную цепочку и с каким намерением?

11. Кому дал, не помню, и без всякого намерения решительно. В этом я могу поручиться честным словом, клятвою, если ее потребуют.

12. Известно, что вы с некоторыми из ваших знакомых до взятия вас под арест, в вечернее время, собираясь на бульварах и ходя по оным, пели и декламировали пасквильные стихи. *Напишите здесь* стихи сии, наименуйте сочинителя их и всех тех лиц, которые пели их вместе с вами, читали и слушали.

12. Никогда я ни с кем не собирался на бульварах и не [пел дурны] декламировал пасквильных стихов. Кто такую ложь на меня показывает, прошу с тем дозволить мне иметь очную ставку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО А. К. ЛАХТИНА К ОГАРЕВУ[1]

〈Москва. 28 июня 1833 г.〉

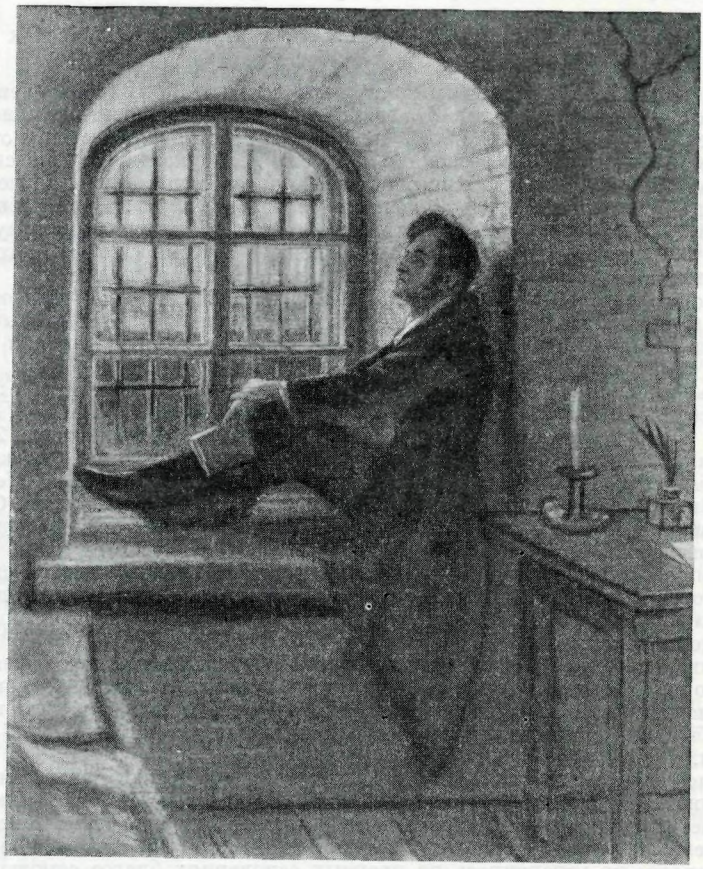
Это чудо, Огарев,— какая-нибудь нечистая сила околдовала и перо мое и мысли! Ни в голову ничего, ни из головы... Сто раз принимался писать к тебе, врал чушь, и еще преглупую, откладывал и не исправлял до сего дня. Что-то будет нынче. За обедом у Пассека мы прочли твою приписку к Герцену. Тебе и писать-то некогда — все гости... Воображаю, как ты хорош.— Ты также потерял мой адрес, и это также немудреная вещь. Вместо кресел обещанных, мне доставили после тебя необещанный билет на «Телеграф».— Да это все ничего... но к делу. С какими ты идеями... что твои стихи для оратории, что твой «Потерянный рай»?[2]. Герцен сказал, что ты совсем погрузился в нем. Это мне любо. Ты воображаешь человечество в переходном состоянии, от потери к приобретению. Тут много чувств, много мыслей и много философии. Это можно доказывать самым человеком. Куда постепенно влечет его внутреннее чувство, зачем в самых наслаждениях он ищет чего-нибудь другого, ему неизвестного, едва постигаемого; что это за идея небесного, невидимого отечества, где мы привыкли представлять себе все совершенным? — Это все великие задачи... вырази их в буквах и пусть Гебель выразит в звуках... Ты обещаешь принести славную жертву на алтарь двух великих богинь,— смотри ж, выполни свои собственные требования, не давай дремать уму, стряхни с себя всю материальную дрянь и возвратись к нам обновленный и духом и плотью.— Что я буду говорить тебе о самом себе? Человечество во всех видах и формах своих обнимает вполне всю мою душу, она живет им, бьется им. Все великие идеи, постигнутые и выраженные Гердером, Вико, Нибуром, Мишеле, Гизо, радуют, восхищают, но не удовлетворяют требований моих... Историк должен быть и пророком. Он верно, положительно обязан показать мне будущность человечества. Если он из собранных фактов о нем постиг законы, его движущие, то не в праве ли мы требовать от него, чтобы он из тех же законов мог судить о его цели жизни, его движении, его явлениях, его самосущности, его изменениях, его направлении и, наконец,— его пределе. Потому что есть всему предел, за который не перейдешь. Вот одни вопросы, на которых останавливается ум. Но они были бы сносны, если бы не убивала какая-то удивительная бездеятельность ума, хладнокровие к тому, что греет душу. Посмотреть, как эти общие законы человечества действовали и отражались на ветвях его, как оно, будучи политически разделено на виды, от причин местных и потом других причин, не зависящих, не заметных прежде, ускоряло сравнительно ход свой, опережало другие в направлении к мечте своей, действовало там решительнее, здесь слабее, как каждый вид имел свою господствующую идею, для которой он живет и действует, выражал ее в одном месте глубже и явственнее, а в другом темнее. Посмотреть потом, как те же законы человечества выражаются в особенности, индивидуальности его — в человеке, как каждый имеет также свою идею, которую выражает в действии и для которой живет; как тот, который лучше, обстоятельнее постиг и потребность века своего и нужды того века, к которому он принадлежит, увлекает его за собою, действует на него, благотворя ему, а иногда употребляет во зло власть свою.— Определить отношение единицы к целому, всей массы к частям и наоборот — составляет ряд других вопросов исторических, столь же важных, как и первые. Это, так сказать, общий предмет моих мыслей; другой — частный — исторический предмет — Россия. Стихии бытия ее, азиатского и европейского, формы, вид, гражданственность, идеи, направление, ход, развитие, цель.— Отчего* материальное развитие (внешнее) России предшествовало (разительно) ее духовному развитию; отчего не проявились в ней те стихии, которые проявились в других государствах Европы, тогда как самобытность ее утверждалась на основаниях, общих всем новейшим государствам? Отчего завоевательная наша древняя (норманская) система не породила у нас оппо-

---

* *От слов:* Отчего материальное развитие... *до слова* parvenu — *подчеркнуто в Следственной комиссии.*

зиции, не образовала класса дворянства в смысле европейском (наше собственное нынешнее дворянство есть порождение централизации России, остаток уделизма, выходство, parvenu)???

Теперь: отчего направление нашего века есть направление историческое; отчего *после форм сказочной, ораторской, критической, политической, философской,* она ⟨история⟩ принимает теперь форму народную, populaire (Тьери, Капефиг)? Смотрит на массы народа, а не на отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему



ГЕРЦЕН В КРУТИЦКИХ КАЗАРМАХ
Рисунок О. А. Дмитриева, 1956 г.
Литературный музей, Москва

пружины[3]? Отчего историки принялись за новую разработку хроник, смотрят на них с другой точки, ищут других идей.

Ты своим рассеянием заставил меня выставить все вопросы, о которых мы должны будем говорить в письмах наших; и если б ты не потерял моего адреса, то мы давно б приступили к делу. Только начнешь ли ты что-нибудь со своими гостями и вместо «Потерянного рая» не напиши чего-нибудь в делилевском роде, хоть, например, *поэму:* «Псовая охота». И тут будут свои красоты и восторги.

Amitié pour * ⟨1 *нрзб.*⟩ А. Лахтин

Герцен — кандидат и хотел *писать к тебе в один день со мною.* Пассек собирается в деревню, а Сатин уехал.

---

* Дружба к... (франц.).

Куда адресовать следующее письмо к тебе?

Напиши, чтобы прислали мне кресла, и спроси согласие на биллиард и цену.

Жена тебе кланяется.

Мой адрес: В переулке, между Старой Басманной улицей и Гороховским полем, в доме Герке.

1833. Июня 28.

Голохв⟨астов⟩ отказал Пассеку в кафедре по причинам достаточным.

Автограф ЦГИАМ, ф. III Отд., 1-я эксп., оп. 1, Приложение № 84 к д. № 239, лл. 131—134.

[1] Это письмо было единственным компрометирующим Лахтина документом, изобличавшим его связь с делом «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Установив из допроса Огарева (24 сентября 1834 г.), что автором письма к нему от 28 июня 1833 г. был А. К. Лахтин, Следственная комиссия дала указание московскому обер-полицмейстеру Цынскому немедленно опечатать бумаги Лахтина «как навлекшего⟨...⟩ подозрения на себя» письмом, «наполненным свободомыслием». Бумаги было приказано доставить в Комиссию для рассмотрения, а самого Лахтина подвергнуть домашнему аресту. 27 сентября Лахтин был препровожден в Комиссию и с него был снят допрос. Арестован он не был, но был взят под гласный надзор полиции.

После окончания следствия Лахтин был сослан в Саратов под надзор местного начальства. Срок ссылки не был обозначен. Бессмысленная жестокость приговора (был объявлен 31 марта 1835 г.) надломила Лахтина. Оторванный от семьи и друзей, он через три года умер в Саратове.

[2] В письме к Герцену от 7 июня 1833 г. Огарев сообщал, что «начал писать оратории для Гебеля — „Потерянный рай“» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 714). 10 июля 1833 г. он уже писал Герцену, что «первая часть оратории кончена, 2-я начата». В бумагах, взятых при аресте Огарева, имеется его рукопись на немецком языке, занимающая четыре листа большого формата. Рукопись озаглавлена «Die Weltgeister»*. Она состоит из двух частей прозы и отдельных стихотворных набросков. Содержание ее дает основание предполагать, что это и есть начало задуманной оратории, которую Огарев не довел до конца.

[3] На допросе в Следственной комиссии в ответ на требование объяснить смысл письма от слов: «Отчего материальное развитие...» до слов: «...ищет в ней одной ко всему пружины»,— Лахтин так же, как и Огарев, затушевал его истинный смысл. Приводим это место из показания Лахтина:

«В сем письме я хотел обратить его внимание на ту сторону, с которой еще не смотрели на историю России. Я хотел сказать, что для положительного точного изучения российской истории мало одного изучения летописей; что надо рассмотреть и различить настоящий быт нашего общества; что можно идти другим путем к изучению отечественной истории.

В предложенных в письме к Огареву вопросах я хотел представить ему те точки, которые отличают нашу историю от всеобщей. Говоря о том, что в России материальное развитие предшествовало духовному ее развитию, обращаю внимание на иго моголов и от сего развитие внешних сил России. Говорю, что у нас не было борьбы между классами народа, но утвердилось на прочных основаниях благое самодержавие.

Говорю, что наше дворянство не принадлежало, как в других государствах, ко классу завоевательному, не составляло товарищества с предводителем, с королем, но произошло от удельных, подвластных князей. Говоря о том, что история принимает форму народную, я обращаю его внимание на новейших историков» (ЦГИАМ, ф. № 91, оп. 1, ед. хр. 85, лл. 318, 320).

---

* «Мировые духи» (нем.).

ГЕРЦЕН ПОД НАДЗОРОМ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Публикация С. И. Кузьмина

В главе XXXIII «Былого и дум», в разделе «Еще раз Дубельт», Герцен описывает свой последний визит в III Отделение, накануне отъезда из России. В руках принимавшего его Дубельта находилась «толстая тетрадь». «...Что́ б я дал — прочесть ее всю! — писал Герцен.— В 1850 г. я видел в кабинете Карлье мое „досье" в Париже; интересно было бы сличить...» (XIII, 199—200). «Тетрадь», которую держал Дубельт, была тем делом 1-й экспедиции III Отделения (1839 г., № 232, ч. XIV), которое было широко использовано еще Лемке. Парижское же «досье» до сих пор остается недоступным для исследователей.

Но в нашем распоряжении находится другое «досье», которое составлялось в Брюсселе и которое Герцен также видел в руках «начальника бельгийской общественной безопасности» (XIV, 740). Это «Дело Управления общественной безопасности Министерства юстиции Бельгии» за № 120483. Один документ из этого дела — автограф письма Герцена на имя министра юстиции Бельгии от 5 октября 1859 г.— был передан в 1935 г. через депутата бельгийской палаты представителей г. Пьерара (Piérard) Советскому Союзу и в последующие годы хранился в Государственном литературном музее. Это письмо было опубликовано в «Звеньях», VIII, М., 1950, стр. 30—31 (автограф в настоящее время находится в ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 58). В 1937 г. все «дело» № 120483 было передано Министерством иностранных дел Бельгии Правительству СССР, и, таким образом, его содержание стало доступно для исследователей. Дело находится в настоящее время также в ЦГАЛИ (ф. 129, оп. 1, ед. хр. 12).

Документы этого «дела», вероятно, уступают по количеству и разнообразию документам парижского «досье». Но тем не менее и они представляют интерес для изучения политической биографии Герцена и позволяют внести ряд уточнений в уже известные нам по письмам Герцена факты его жизни. Вместе с тем, они дают возможность, на примере Бельгии, судить о том, насколько опасной представлялась его революционная и публицистическая деятельность реакционным правительствам европейских стран, организовавшим многолетнее полицейское наблюдение за Герценом и не желавшим допустить его пребывания на территории страны. Брюссельское «досье» не содержит никаких данных, которые свидетельствовали бы о связи русского самодержавия и его тайной полиции с полицейскими органами Бельгии. Но зато оно неопровержимо свидетельствует о том прочном контакте и взаимной согласованности действий, которые существовали между бельгийским Управлением общественной безопасности и соответствующими органами Франции Наполеона III. И те и другие осуществляли одну общую программу — программу европейской реакции.

Бельгийская полиция начала интересоваться Герценом с 1852 г., когда уже сложилась его репутация как одного из виднейших деятелей русской и международной революционной эмиграции, автора многочисленных книг и публицистических статей. На первых порах слежка не имела определенной цели и сводилась к собиранию различных газетных сообщений о Герцене. В «деле» сохранились следующие выписки подобного рода:

1) л. 17. Из газеты «L'Avenir de Nice» от 20 мая 1852 г.— сообщение о пожертвованиях Герцена, сделанных им в связи с семейными утратами в пользу общественных учреждений Ниццы.

2) л. 18. Из газеты «L'Homme» от 25 января 1854 г.— о том, что «Александр Герцен должен опубликовать „О развитии революционных идей в России“» (выписка датирована 16 марта 1854 г.);

3) л. 29. Из той же газеты от 21 февраля 1855 г.— о том, что в «L'Almanach de l'Exil» на 1855 г. помещена статья Герцена под заглавием «Дуализм — это монархия»;

4) л. 13. Из газеты «National» от 12 апреля 1855 г.: «Изгнанник Герцен собирается опубликовать в Лондоне на французском языке „Полярную звезду“, которая предназначена для борьбы против „Journal du Nord“, как только эта газета начнет выходит в Брюсселе».

Интерес бельгийской полиции к личности русского эмигранта приобрел практический характер в 1856 г., когда Герцен впервые принял решение покинуть Англию и перевести Вольную русскую типографию на континент — в Швейцарию. Осуществлению этого проекта помешал тогда отказ французского правительства в визе на проезд через Францию, о чем Герцен рассказал в «Былом и думах», в главе «La belle France» (XIV, 739). В той же главе рассказано и о его переговорах с бельгийским консулом в Лондоне Дельпьером насчет возможности перевести типографию в Брюссель и о полученном им отказе: «Консулу вашему было стыдно письменно сообщить министерский ответ, и он просил передать мне эту весть, как общего знакомого, Луи Блана» (XIV, 741).

Документы бельгийского дела, относящиеся к этому эпизоду, не содержат никаких упоминаний о типографии: повидимому, этот вопрос был действительно разрешен без официального оформления. Но возможно, что рассказ Герцена в этой части неточен и что он ставил перед бельгийским консулом вопрос только о въезде в Бельгию. Во всяком случае, в этих документах речь идет лишь о намерении Герцена на некоторое время приехать в Брюссель.

16 июля 1856 г. бельгийский консул в Лондоне переслал в Брюссель паспорт Герцена и обратился к начальнику Управления общественной безопасности со следующим запросом (здесь и далее текст документов приводится в переводе с французского):

«Человек, паспорт которого я имею честь вам представить, будучи выслан из Франции без объяснений, поселился в Лондоне, где спокойно живет уже около двух лет. Так как он желал бы приехать в Бельгию на один-два месяца, честь имею просить вас сообщить мне, нет ли препятствий к тому, чтобы визировать его паспорт» (л. 19).

Управление сочло необходимым запросить справку о Герцене у префекта парижской полиции, поскольку оно не располагало о нем достаточными данными. Черновик этого письма, датированный 18 июля 1856 г., сохранился в «деле»:

«Честь имею просить вас не отказать препроводить мне, если возможно, кое-какие справки о некоем господине Герцене Александре, около сорока четырех лет от роду, который, повидимому, был выслан из Франции и жил с тех пор в Швейцарии, а затем в Англии, где находится и в настоящее время. Мне было бы полезно ознакомиться с обстоятельствами, по-

служившими поводом к высылке г. Герцена из Франции, и выяснить, не является ли этот иностранец русским изгнанником, широко известным своими политическими сочинениями, своими статьями, опубликованными в „L'Homme", в „Almanach de l'exil" и т. д.

Я был бы вам чрезвычайно обязан, если бы вы соблаговолили возможно скорее сообщить мне сведения, которыми вы, вероятно, располагаете насчет вышеназванного господина Герцена.

Примите...

P. S. Господину Александру Герцену принадлежит паспорт, выданный 24 июня 1856 г. в Фрибурге, в котором он значится как уроженец Шашель сюр Мораль (кантон Фрибург)» (л. 20).

В связи с задержкой ответа из Парижа решение вопроса откладывалось. 7 августа консул Дельпьер повторил свой запрос в Управление, ссылаясь на то, что «один иностранец» (имя Герцена здесь также не названо) «пришел получить указанный паспорт и объяснил, что если он не получит разрешения, то изменит маршрут своей поездки» (л. 21). 11 августа в Лондон был направлен категорический отказ:

«В ответ на ваше письмо от 7 сего месяца честь имею сообщить вам, что Александру Герцену разрешение на въезд в Бельгию не дано. Этот иностранец — русский эмигрант, автор революционных памфлетов, сотрудничавший, кроме того, во многих демагогических изданиях, как „Le Démocrate Polonais", газета „L'Homme" и др. При сем прилагается паспорт этого иностранца. Примите и пр. ...» (л. 22).

Об этом отказе Герцен сообщил М. К. Рейхель 16 августа: «...двинуться не могу; совсем было нарахтился ехать, а бельгийское правительство повелело меня, разбойника и вора, не пускать. Вот я и у Юрьева дня» (VIII, 324).

Любопытно, что Герцену было отказано в визе до того, как прибыл ответ из Парижа, который мог только укрепить бельгийское правительство в занятой им позиции. Письмо префекта парижской полиции от 13 августа 1856 г., утвержденное главой кабинета министров, гласило:

«Честь имею сообщить вам сведения, которые вы у меня запросили 18 июля сего года о господине Александре Герцене, около сорока шести лет, проживающем в данный момент в Англии.

Г-н Герцен (Александр), русский подданный, был, по предложению одного из моих предшественников, выслан из Франции 16 апреля 1850 г. в качестве одного из главных руководителей анархической организации, известной под названием „Европейский революционный комитет". Он активно вел политические интриги и был в постоянной связи с эмигрантами всех стран.

Это именно он, как вы и предполагаете, посылал статьи в газету „L'Homme". Он опубликовал большое количество политических сочинений.

Г-н Герцен обладает большим состоянием, которому дает отвратительное применение, снабжая средствами демагогические газеты. Это опасный человек, заслуживающий особого внимания ⟨...⟩» (л. 9).

Очевидно, после отказа, полученного из Бельгии, Герцен обратился к французским властям. О результатах этого обращения он извещал М. Мейзенбуг 8 сентября 1856 г.: «Последняя надежда на путешествие погибла. Французский министр внутренних дел положительно запретил визировать мой паспорт („личность очень опасная, путешествует с политической целью; тот самый, который пишет под именем Искандер"); следовательно, приходится покориться» (VIII, 330).

В течение ближайших лет «дело» пополнялось новыми документами, свидетельствующими, что внимание бельгийской полиции к Герцену и его деятельности не ослабевало. 7 апреля 1858 г. датировано донесение

из Остенде, подписанное контролером (очевидно, полицейским контролером на таможне) и содержащее сообщение о прибытии в адрес книжного магазина в Брюсселе посылки весом в 6 кг, с книгами, в числе которых одна — на русском языке (л. 24). Следующий документ — «конфиденциальное сообщение от 2 ноября 1858 г.». На нем нет подписи, но, как увидим ниже, оно исходило от бельгийского консула в Дрездене Кернера, который писал начальнику Управления общественной безопасности:

«Наиболее активные, а также наиболее опасные для России революционеры — это двое русских, Герцен и Огарев. Оба они живут в Лондоне, собираясь в одном и том же доме, и постоянно поддерживают связи с обеими странами, как посредством писем через фирму Трюбнер и К°, 60 Paternoster Row в Лондоне, так и с помощью профессора Фогта в Цюрихе.

Герцен-сын в настоящее время путешествует по Швейцарии и Германии.

Сочинения на четырех языках «Записки императрицы Екатерины» будут очень расхватываться. Рукопись будто бы получена от видного служащего императорской библиотеки и попала в руки Герцена и Огарева при посредстве Фогта» (л. 25).

Повидимому, из того же источника получено было еще одно сообщение о Герцене, в котором достоверные сведения сочетались со вздорным вымыслом:

«Александр Герцен, портрет которого прилагается, приехал в Германию также под именем Рейхеля, учителя музыки из Данцига. Он получает письма с континента на адрес: „Mr Stanislas, 10 Greek street, Soho London". Это адрес книжного магазина, который рассылает и продает все революционные сочинения, напечатанные в Джерси» (л. 35).

В «деле» сохранился упомянутый здесь портрет Герцена — экземпляр известной литографии Ноэля (1847).

Как явствует из первого донесения Кернера, в поле зрения бельгийских властей попал также и сын Герцена, имя которого фигурирует еще в нескольких документах. 10 января 1859 г. начальник Управления извещал Кернера, ссылаясь на его конфиденциальное сообщение № 48, что Александр Герцен (сын) 22 сентября прошлого года «вернулся из Пруссии, направляясь в Англию. 5 января сего года он снова высадился в Остенде и направился в Кельн <...>» (л. 23). 24 февраля того же года Кернер благодарил за эту информацию и спешил сообщить, что, «как установлено в результате расследования, сын Александра Герцена еще до сих пор не появлялся в Кельне и не останавливался в кельнских отелях» (л. 5 об.).

В процессе наблюдения за Герценом Управление прибегало не только к услугам консульской сети, но обращалось и к печатным источникам. В «деле» сохранилась выписка из «Словаря современников» Вапро («Dictionnaire des contemporains par Vapereau», Paris, 1858) с биографией Герцена. Насколько нам известно, в литературе о Герцене этот материал до сих пор не привлекался. Поэтому приводим полный текст выписки, не исправляя ошибок:

«Герцен Александр, русский романист, родился в 1816 г. в Москве.

Не вполне закончив образование в Московском университете, одним из самых блестящих студентов которого он был, Герцен был арестован вместе с некоторыми из своих соучеников по обвинению во враждебном отношении к правительству (1834 г.).

После довольно длительного тюремного заключения он был приговорен к ссылке (1835 г.) и выслан в Пермь, недалеко от Сибири, затем в Вятку и в Новгород. Так как ему было разрешено поступить на гражданскую службу, он занимал различные административные и судебные должности до момента, когда получил разрешение возвратиться в Москву.

ГЕРЦЕН

Литография Л. Ноэля, 1847 г.

Экземпляр, сохранившийся в «деле» о Герцене бельгийской полиции

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Здесь он провел некоторое время, занимаясь исключительно литературным трудом, затем без особых трудностей получил разрешение на путешествие по Европе. С тех пор он жил то во Франции, то в Англии. В Париже он был свидетелем волнующих событий февральской революции. По возвращении из поездки на юг, он поселяется в Лондоне (1851 г.) и оборудует типографию, предназначенную для выпуска политической литературы для России. В настоящее время это один из самых пламенных революционеров в Европе.

Свою литературную деятельность г. Герцен начал серией писем, напечатанных в петербургском журнале под названием „Дилетантизм в науке" (1842 г.) и подписанных „Искандер" — псевдонимом, который он сохранил в России для всех своих других произведений. Ободренный первым успехом, он выпустил новую серию набросков „Письма об изучении природы" (1845—1846 гг.), где раскрывает принцип Гегеля и особенно Фейербаха о все более и более полном слиянии науки и философии. В 1847 г. появились его романы и новеллы, среди которых „Кто виноват?" и „Доктор Крупов", которые создали г. Герцену популярность.

Затем появились его привлекательные рассказы, написанные в Париже: „Путевые воспоминания" (1848 г.), „С того берега" и „Письма из Франции и Италии" (1850 г.); „Философские беседы", прекрасно принятые в Германии, где они были переведены с русского манускрипта.

Политические произведения, изданные г. Герценом в Лондоне, выдают ум беспокойный, но великодушный и искренний.

Мы можем отметить: „О развитии революционных идей в России" (1851 г.), не лишенную глубоких наблюдений и удачных острот, где характер и роль славянской расы оценены замечательно верно, „Крещеная собственность" (1853 г.), т. е. „Крепостничество", и, наконец, „Тюрьма и ссылка" (1854 г.).

В этом последнем произведении г. Герцен рассказывает с сдержанностью, достойной похвалы, о годах, проведенных им в русских тюрьмах, в краях, граничащих с Сибирью, предназначенных для поселения известной категории осужденных. Это интересный рассказ, куда вставлено несколько любопытных картинок современной жизни и скандалов в административной среде» (лл. 27—28).

Целая группа документов 1859—1860 гг. связана с известной по биографии Герцена новой его попыткой покинуть Англию и поселиться на несколько лет в Брюсселе. С целью выяснить возможности в этом смысле, он с сыном приехал в Брюссель 1 октября 1859 г. и в тот же день писал М. К. Рейхель: «Возьму, думаю, и съезжу; не удастся — посадят на съезжую,— была не была 〈...〉 А переезжать все же, кажется, не модель. Оно и посветлее здесь и финзерв в котлеты, ну, а в туманной вериной берлоге как-то поспокойнее» (X, 127—128). Судя по письму к Огареву от 2 октября (X, 129—130), Герцен очень быстро понял, что из его проекта ничего не выйдет, но, тем не менее, обратился 5 октября с письмом на имя министра юстиции, в котором излагал свои намерения (опубликовано в «Звеньях», VIII, 1950, стр. 30—31). Повидимому, это письмо было написано в результате беседы с начальником Управления общественной безопасности, о которой Герцен рассказал в уже упоминавшейся главе «La belle France» (XIV, 740—742). Документы этой группы открываются записью, помеченной 4 октября. Возможно, что перед нами памятная записка, составленная после беседы с Герценом:

«Г-н Александр Герцен сегодня в три часа уезжает в Лондон; его сын также сегодня уезжает в Берн.

Г-н Герцен будет ходатайствовать о разрешении проживать со своими двумя дочерьми и сыном в Бельгии, обязуясь при этом не заниматься европейской политикой.

В 1851 году он был принят в швейцарское подданство в Морале в кантоне Фрибург.

Целью настоящей поездки Герцена было остановиться в Брюсселе, чтобы ознакомиться с ним и выяснить, действительно ли, как он полагает, там жизнь приятнее и дешевле, нежели в Англии. Он сказал, что страдает тоской по континенту».

5 октября, не дожидаясь ответа на поданное им письмо, Герцен выехал из Брюсселя в Лондон. Факт его отъезда был немедленно отмечен в донесении контролера от 7 октября:

«Г-н Герцен Александр 5 октября покинул Брюссель, направляясь, по его заявлению, через Остенде в Лондон, но он сказал содержателю отеля Belle vue, что собирается провести часть зимы в Брюсселе» (л. 30).

24 ноября Герцен писал из Лондона М. А. Маркович: «Из Брюсселя никакого ответа не было: они, верно (чтобы не оставлять документа), сообщили в посольство, а я не хочу идти, да и ехать невозможно» (X, 158). Документы «дела» показывают, что Герцен думал о бельгийских полицейских чиновниках лучше, чем они этого заслуживали: прямого ответа на письмо Герцена так и не последовало. 22 октября 1859 г. начальник Управления общественной безопасности обратился к министру юстиции с запросом, сопроводив его характеристикой Герцена, почерпнутой из накопленных ранее документов публикуемого нами «дела»:

«Г-н Герцен Александр, русский эмигрант, который провел недавно 4 дня в Брюсселе, ходатайствует о разрешении вернуться в Брюссель и обосноваться там со своей семьей на несколько лет.

Владелец типографии в Лондоне и редактор русского журнала и русской газеты, г. Герцен имеет намерение продолжать свои издания в Брюсселе, обязуясь воздержаться от публикаций не на русском языке и от газетной полемики.

В свое время Герцен сотрудничал в газете „L'Homme“ и в „L'Almanach de l'exil“. Все его сочинения позволяют оценить резкость и возбужденность его взглядов.

Сверх этого, он поддерживает связь с тридцатью, по меньшей мере, членами европейской демагогической партии, и его присутствие в Брюсселе может, на мой взгляд, привести к значительным затруднениям.

Тем не менее, соблаговолите, г. министр, сообщить мне, считаете ли вы уместным удовлетворить просьбу г. Герцена» (л. 12).

О принятой министерством юстиции тактике намеренного оттягивания ответа по делу Герцена наглядно свидетельствует тот факт, что тот же чиновник вторично обратился к министру с просьбой решить вопрос только 15 февраля 1860 г. (л. 15). За четыре с лишним месяца дело не сдвинулось с мертвой точки. На документе пометы: «Поселился ли здесь г. Герцен? Опубликовал ли он что-нибудь?». Ответ на эти вопросы последовал еще через два месяца, 16 апреля:

«Г-н Герцен не возвращался в Бельгию с тех пор, как он направил вам свое ходатайство от 5 октября 1859 г. Я не имею также сведений о том, чтобы он здесь что-либо опубликовал. Мое отношение от 29 октября имело целью лишь получить ваше разрешение на случай возвращения г. Герцена с намерением проживать здесь постоянно».

На документе — резолюция, которая достойно завершала весь этот эпизод: «Отложить до новой просьбы или появления в Бельгии».

Следующий документ позволяет установить оставшийся неизвестным Лемке (см. XXII, 326) факт приезда Герцена в Брюссель в ноябре 1862 г. Еще 22 октября он писал Н. А. Герцен, занимавшейся в это время в Брюсселе живописью: «Кстати, приехать (если ничего не будет особенного) я готов. Напиши мне очень обстоятельно, когда, ты думаешь, мне

надобно приехать» (XV, 536). В донесении от 19 ноября некий Жансен (очевидно, агент полиции) писал:

«Согласно собранным сведениям, г. Александр Герцен 18 сего месяца уехал из отеля Сакс и направился в Англию; содержатель отеля не помнит, принимал ли у себя гостей этот иностранец, и прибавляет, что в отеле он не обедал» (л. 7).

Последняя большая группа документов «дела» относится к 1869 г. и связана с еще одной попыткой Герцена получить разрешение поселиться в Брюсселе. 2 июля он прибыл из Метца в Брюссель, а 7 августа писал Огареву: «Одна новость, но лучше двадцати одной: вчера получил повестку, чтобы явиться сегодня в министерство юстиции, в sécurité publique* и пр. Недолго ждали» (XXI, 418). Повестка эта, датированная 6 августа, сохранилась в «деле» (л. 6).

В шесть часов вечера того же дня Герцен закончил письмо к Огареву, спеша сообщить ему о результатах беседы: «„Tout finit par chansons“**. Говорили, говорили: зачем, к чему, будет ли „Колок⟨ол⟩“ изд⟨аваться⟩ в Брюсселе и что другое, буду ли я писать в журналах, а кончили, что просто жить. Учтивости страшные; детали после. А, все же, остаться не хочу надолго» (XXI, 419). Через два дня, 9 августа, Герцен писал о том же сыну, приняв уже к этому времени твердое решение вернуться в Швейцарию: «Вот тебе важнейшая новость об нас. Меня приглашал к себе начальник здешней тайной полиции; с разными учтивостями он меня расспросил, почему, зачем, для чего, cur, quando, quibus auxiliis*** и пр. Был очень рад, что я не намерен ничего в Брюсселе печатать. Это заставило меня принять иное решение и ехать через некоторое время обратно в Швейцарию, а, может, на зиму в Турин или Комо» (XXI, 419). И еще яснее в письме к Огареву, написанном в тот же день: «Я могу здесь жить сколько хочу, но хочу не много ⟨...⟩ Прощай. Бельгию, стало, по боку» (XXI, 420—421). 18 августа Герцен покинул Брюссель.

Все изложенное может быть теперь дополнено на основании материалов брюссельского «дела», в котором сохранилась запись беседы с Герценом некоего полицейского чина, происходившей 7 августа:

«Г-н Герцен Александр явился сегодня ко мне в кабинет по приглашению, которое я ему накануне направил. Он заявил, что причиной, побудившей его прибыть в Бельгию, было желание переменить на некоторое время место жительства, так как с Италией и Швейцарией он уже достаточно ознакомился.

„Никакой политический замысел,— сказал он,— не руководил мною, когда я просил гостеприимства Бельгии. Во время моего пребывания здесь я не рассчитываю заниматься какими бы то ни было периодическими изданиями. Издание „Колокола“ на французском языке прекращено с 1 января с. г. В Женеве продолжается издание „Полярной звезды“. Я заключил договор с г. Лакруа Фербакховен и К° на переиздание всех моих сочинений. Мне неизвестно, будет ли это издание печататься в Париже или Брюсселе. Я рассчитываю провести несколько дней в Париже, чтобы закончить эти переговоры. Пребывание во Франции мне не запрещено, хотя я был выслан оттуда в 1850 г. Вы можете в этом убедиться по письму, которое написал мне префект полиции...**** 1851 г. (это письмо, написанное от имени императора, разрешает г. Герцену проживать во Франции).

Мне еще неизвестно, сколько дней я проведу в Бельгии. Я имел намерение купить здесь дом, но отказался от этого проекта. Я не подумал о том, чтобы получить разрешение на проживание здесь по той причине,

---

* в Управление общественной безопасности (франц.).

** «Все кончается песнями» (франц.) — цитата из «Женитьбы Фигаро» Бомарше.

*** зачем, когда, на какой предмет (лат.).

**** Многоточие в документе.— *Ред.*

что, как мне казалось, современные политические события делают эту формальность бесполезной. Впрочем, я убежден, что никто и не подумает сетовать на мое пребывание здесь. Сына и двух дочерей я оставил во Флоренции. Здесь я проживаю на Парижской улице, № 18, с женой и двухлетней дочерью"» (л. 31).

После кратковременного пребывания в Париже Герцен 29 августа вновь приехал в Брюссель и пробыл там до 23 сентября. И на этот раз за ним установлен был полицейский надзор, нашедший отражение в конфиденциальной переписке между Управлением общественной безопасности и брюссельским бургомистром (лл. 10, 11, 26, 32, 33). К этому же времени относится выписка из газеты «Avenir de Liège» от 2—3 октября 1869 г., № 233: «Нам пишут из С.-Петербурга, что русские эмигранты — Бакунин, Герцен и другие, которые начали издавать в Швейцарии брошюры и революционные прокламации, будто бы смогли переслать их в Россию. Некоторое количество их якобы обнаружено в Тверской губернии» (л. 8).

Кроме охарактеризованных и приведенных выше документов, бельгийское «дело» Герцена содержит еще 12 бюллетеней паспортного отдела брюссельской полиции, в которых регистрировались прописки и передвижения Герцена и его сына, № 38 газеты «Observateur Belge» от 7 февраля 1863 г. с перепечаткой из «Колокола» обращения Герцена к русским солдатам; № 121 газеты «Homme» от 7 июня 1856 г. (Лондон) с публикацией перевода статьи Герцена «Вперед! Вперед!» и некоторое количество газетных вырезок — статей Герцена и о Герцене. Приводим их перечень:

1. Из «Nation» от 19 июня 1853 г. с выдержками из обращения Герцена «Братьям на Руси» (перевод из «Democrata Polska»).

2. Из «Echo de Bruxelles» от 7 июня 1861 г. — об ожидании в Париже «знаменитого славянского изгнанника Герцена».

3. Из «National» от 14 февраля 1857 г. с описанием похорон Ворцеля. Среди присутствовавших упоминается Герцен.

4. Из «Echo de Bruxelles» от 2 декабря 1861 г. — о слухах, циркулирующих в Париже, об аресте Герцена в России и ссылке его в Сибирь. Газета выражает надежду, что слухи эти не подтвердятся.

5. Из «Echo de Bruxelles» от 22 октября 1861 г. с выдержками из письма Герцена к русскому послу по поводу полученного Герценом сообщения о намерении русского правительства убить или похитить его. Газета отмечает, что письмо Герцена вызвало в брюссельских клубах множество толков.

6. Из «Etoile» от 22 сентября 1862 г. — об издании в Брюсселе первого номера газеты «Cloche».

7. Из «Marseillaise» от 2 и 3 марта 1870 г. с публикацией статьи М. А. Бакунина «Герцен» (см. стр. 524—528 настоящего тома).

8. Из «Pays» от 23 января 1870 г. — о смерти Герцена (см. стр. 537 настоящего тома).

9. Из «Etoile Belge» от 29 января 1870 г. — анекдот о разоблачении Герценом шпиона (см. стр. 538 настоящего тома).

10. Из «Marseillaise» от 27 апреля 1870 г., озаглавленная «Письмо г-жи Герцен», с публикацией письма Н. А. Тучковой-Огаревой к редактору.

11. Из «Internationale» с некрологом Герцена (А. Таландье) — перепечатка из «La Démocratie» (см. стр. 529 настоящего тома).

12. Из «Indépendance» от 27 апреля 1864 г. с публикацией подробностей о посещении Гарибальди дома Герцена.

13. Из «Journal de Gand» от 9 января 1865 г. с публикацией анекдота о разоблачении Герценом шпиона (см. стр. 538 настоящего тома).

14. Из «Journal de Charleroi» и «Echo de Bruxelles» от 23 января 1870 г. — о смерти Герцена (см. стр. 537 настоящего тома).

ГЕРЦЕН В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1861 г.

ПИСЬМА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ В. П. БУТКОВА К ШЕФУ ЖАНДАРМОВ кн. В. А. ДОЛГОРУКОВУ

Сообщение Н. Г. Розенблюма

В мае 1861 г. занемогла младшая дочь Герцена Ольга, жившая со своей воспитательницей Мальвидой Мейзенбуг в Париже. Герцен, которому был запрещен въезд во Францию, обратился к властям с просьбой разрешить ему кратковременную поездку в Париж. После первоначального отказа он получил согласие и 21 июня приехал, вместе со старшей дочерью Татой, во французскую столицу. Он пробыл здесь немногим более двух недель и 6—8 июля вернулся с семьей в Лондон. В «Былом и думах», в главе «La belle France» Герцен рассказал о своих впечатлениях от нового и враждебного ему Парижа Второй империи. «Тяжело мне было в Париже,— писал Герцен,— и я только свободно вздохнул, когда через месяц, сквозь дождь и туман, опять увидел грязно-белые меловые берега Англии. Все, что жало, как узкие башмаки, при Людовике-Филиппе, жало теперь, как колодка <...> Это не тот Париж, который я любил и ненавидел, не тот, в который я стремился с детства, не тот, которыи покидал с проклятием на губах. Это — Париж, утративший свою личность, равнодушный, откипевший. Сильная рука давила его везде и всякую минуту готова была притянуть вожжи, но это было не нужно: Париж *принял* tout de bon * вторую империю, у него едва оставались наружные привычки прежнего времени» (XIV, 747).

Герцен сам сообщил очень мало о своей парижской поездке 1861 г. Некоторые дополнения к его собственным указаниям в «Былом и думах» и в письмах, содержатся в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой и Н. А. Белоголового. Сейчас мы имеем возможность познакомить читателей еще с одним источником, в котором содержатся сведения, относящиеся к этой малоизвестной странице в биографии Герцена.

Мы публикуем, в извлечениях, три письма из Парижа статс-секретаря В. П. Буткова к начальнику III Отделения кн. В. А. Долгорукову, относящиеся к августу 1861 г. Государственный секретарь Российской империи, человек, лично близкий к царю, в недалеком будущем один из главных деятелей судебной реформы, выступает в этих письмах в необычной для сановника его ранга и положения роли добровольного осведомителя шефа жандармов.

Бутков не называет тех «довольно верных и положительных источников», из которых он почерпнул свои сообщения о Герцене и его сотрудниках. Следует полагать, что в большей своей части эти сообщения восходят к агентурным сведениям французской политической полиции, следившей за каждым шагом Герцена в Париже. В первом из публикуемых писем Бутков извещает своего корреспондента: «Во время пребывания здесь Герцен был под наблюдением». Результаты этих наблюдений, вероятно, и суммируются в письмах Буткова.

Как всякие сведения, основанные на агентурных донесениях политической полиции, сообщения Буткова требуют, разумеется, осторожного к себе отношения.

Письма публикуются по подлинникам ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92, лл. 4—6, 10—12, 25—26.

---

* всерьез (франц.).

1

Секретно

Париж. $\frac{7 \text{ августа}}{26 \text{ июля}}$ 1861 г.

...После посещения всех исчисленных вод я прибыл в Париж. Здесь теперь немного противу обыкновенного русских ⟨...⟩ В Париже я старался узнать о пребывании здесь Герцена и вот что я узнал из разных, довольно верных и положительных источников.

Герцен желал быть в Париже сам по своим делам. Хлопотали о дозволении ему приехать сюда покойный Чарторижский и особенно граф Браницкий. Император дал это позволение, но с тем, чтобы Герцен не вмешивался ни в какие политические дела[1]. Он приехал сюда с старшею дочерью, которая очень недурна собою. Он пробыл в Париже около 10 дней, осматривал весь Париж и все его постройки, был в Мабиле[2], где видели его многие русские, но никто из них с ним не ходил и не говорил. Чаще всех русских он виделся с знаменитым князем Николаем Ивановичем Трубецким, который теперь курьером отправился в Петербург[3]. Герцен был у нашего (кавказского) Ханыкова, но не застал его дома. Ханыков отдал ему визит, но тоже не застал[4]. Преимущественно Герцен виделся с поляками. Обед Герцену давал князь Н. И. Трубецкой. На этом обеде было всего 5 человек. Сам князь, Герцен с дочерью, Ханыков и Боткин (сочинитель писем об Испании, московский купец, находящийся в чахотке, живший зиму во Флоренции, а теперь здесь)[5].

Князь Трубецкой и Ханыков преимущественно старались за обедом уговаривать Герцена оставить его путь, но он был непреклонен и раздражителен. Его мучит мысль, что с его смертью кончится в его семье роль ажитатора. Сын его, как говорят, чрезвычайно любит Россию, мало разделяет идеи отца, вовсе не занимается политическими вопросами, пристрастился к ботанике и зоологии и теперь поехал с профессором Фохтом в Норвегию собирать растения[6]. Старшая дочь Герцена, бывшая в Париже, только и думает о России. Герцену хочется выдать ее замуж за русского. Она говорила здесь, что хочет писать сама прямо государю и просить его позволения приехать ей одной в Россию по следующему обстоятельству: какая-то есть деревня, Герцену принадлежавшая, доходы с которой будто бы поступают в ваше III Отделение*. Этих доходов за все время она с отцом насчитывают до 120 тысяч франков[7]. Сумму эту Герцен назначил ей в приданое, если оную ей выдадут. Об этом-то она и хочет хлопотать. Но между тем дела Герцена находятся теперь в опасном положении, самая большая часть его капиталов в Америке, и он страшно боится за потерю их.

Во время пребывания здесь Герцен был под наблюдением. Поляки поднесли ему благодарственный адрес за выраженное им сочувствие к Польше, и, едва получив адрес, Герцен поспешил уехать из Парижа.

За обедом у Трубецкого Герцену делали сильные упреки за его намерение относительно восстановления всей Польши, но он отвечал, что увлекся идеями поляков, но что на последнем митинге поляков в Лондоне он положительно выразил, что восстановление возможно только в тех русских присоединенных от Польши провинциях, население коих само пожелает этого[8].

О своих сотрудниках Герцен говорил, что Огарев находится теперь в стесненном положении, а что Кельциев, дьякон Афинской церкви, издавший сочинение о раскольниках, отправился в Норвегию, где намерен в северной ее части, по соседству с нашею Архангельской губернией,

* *Помета рукой В. А. Долгорукова:* Я наведу об этом справку, но сомневаюсь.

завести русскую типографию и издавать там русскую газету, предназначаемую им исключительно для распространения между раскольниками, которых очень много и в Архангельской и в Олонецкой губерниях[9].

Герцен жаловался вообще на затруднительность иметь корреспондентов в России, говорил, что ныне менее было у него русских, чем прежде, и относил все это к строгости правительства. Вот все, что я до сих пор мог узнать о пребывании здесь Герцена; впрочем, если еще что-нибудь узнаю, то вам напишу <...>*

[1] Историю о том, как ему удалось попасть в 1861 г. в Париж, Герцен рассказал в «Былом и думах», в главе «La belle France» (XIV, 742—743).

[2] *Мабиль* (Bal Mabil) — танцевальный зал в Париже, пользовавшийся популярностью в 1840—1870-х гг.

[3] Князь Николай Иванович *Трубецкой* (1804—1874). С начала 1850-х годов он жил во Франции и там перешел в католичество, хотя считал себя приверженцем славянофилов. Издал во Франции ряд брошюр о политической жизни России. Герцен назвал их «глупыми». См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 582.

[4] Николай Владимирович *Ханыков* (1822—1878) — известный ученый-востоковед. Он служил в дипломатической канцелярии Главного управления Закавказского края, почему Бутков и называет его «кавказским». С начала 60-х годов жил в Париже. О нем и его взаимоотношениях с Герценом см. в «Лит. наследстве», т. 62, стр. 699—701. Вскоре после отъезда Герцена из Парижа, 13 июля 1861 г., Ханыков писал Н. А. Милютину: «Здесь после вашего отъезда новости были те, что приезжал Герцен, против которого составился и открылся заговор, будто зародившийся в Германии! Кроме того, ходили слухи, что его попробовали отравить, но что он во-время принял противоядие и отделался коликами. Сколько в этом правды, богу известно» (ГПБ, собр. Вакселя, ед. хр. 4581, л. 1).

[5] Сведения о встрече В. П. Боткина на обеде у кн. Н. И. Трубецкого с Герценом Долгоруков имел, очевидно, еще до сообщения Буткова. В личном фонде кн. В. А. Долгорукова (ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92, л. 27) имеется справка от 28 июля 1861 г.:

«Василий Петрович Боткин, московский почетный гражданин. В 1845 г. он печатал в „Современнике" письма об Испании, которые изданы отдельною книгой в 1857 г. Как это сочинение, так и другие статьи его, изредка помещавшиеся в разных журналах, не заключают в себе ничего неблагонамеренного. О поездке за границу Боткина сведений в III Отделении не имеется».

[6] Сын Герцена действительно хотел в это время вернуться в Россию, и Герцен был «не прочь его отпустить» на определенных условиях (XV, 15—16). Сообщение, что А. А. Герцен «вовсе не занимается политическими вопросами», не совсем верно. Он принимал в это время довольно активное участие в революционной работе. В поездку по Норвегии и Исландии А. А. Герцен отправился вместе с К. Фогтом 12 мая и вернулся в октябре 1861 г.

[7] Сообщение Буткова о доходах с принадлежавшего Герцену костромского имения, будто бы поступавших в III Отделение, не осталось без отклика. Письмо Буткова было получено Долгоруковым 31 июля, о чем имеется помета на письме, а уже 4 августа последовал приказ царя узнать «о положении капитала Герцена». 21 августа московский генерал-губернатор уведомил III Отделение, что все капиталы Герцена были переданы в 1853 г. в Чухломскую опеку (XXII, 316—317). Подробнее см. об этом в настоящем томе, в публикации писем Е. И. Герцена к М. К. Рейхель.

[8] В статье «Vivat Polonia», появившейся в л. 94 «Колокола» (от 15 марта 1861 г.), Герцен указывал, что на очереди стоит вопрос о *«государственной самобытности Польши и соединении отрезанных частей ее»* (XI, 50). Эти требования Герцен повторял в каждом своем выступлении по польскому вопросу.

[9] *Кельциев* — Василий Иванович Кельсиев. См. о нем и о его отношениях с Герценом и Огаревым в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 159—218. Проект устройства типографии в северной части Норвегии с целью издания русской газеты для раскольников действительно существовал. Однако дальше проекта дело не пошло, и Кельсиев в Норвегию не ездил. См. об этом в «Исповеди» Кельсиева («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 292—293).

В комментируемом письме Бутков спутал Кельсиева с Агапием Гончаренко, дьяконом афинской церкви, бежавшим от преследований в Лондон, где он работал наборщиком в Вольной русской типографии. В отчете шефа жандармов за 1861 г., представленном царю в начале 1862 г., упоминалось о некоем Олимпии, бывшем дьяконе при российском посольстве в Афинах, продолжающем «заниматься у Герцена» (XI, 376). См. следующее письмо Буткова.

---

* *Внизу помета рукой сотрудника III Отделения о чтении письма царем:* parafé A II.

2

Секретно

Париж $\frac{29 \text{ июля}}{10 \text{ августа}}$ 1861 г.

В дополнение к тому письму, которое я отправил на этой неделе к вашему сиятельству, считаю долгом сообщить еще следующее:

Ханыков и Боткин, быв приглашены князем Н. И. Трубецким на обед с Герценом, вовсе не знали, что на этом обеде будет Герцен. Князь в своей записке ничего об этом не сказал. Поэтому винить их в участии в этом обеде не следует. Обед происходил не в Париже, а в Фонтенебло.

Адрес, поданный Герцену поляками, подписан 240 лицами. Все подписавшие адрес лично подали оный ему, целою толпою запрудили улицу, где жил Герцен, и заставили полицию велеть толпе разойтиться[1].

Герцен рассказывал, что к нему беспрестанно являются русские в Лондоне за деньгами и что очень немногие из приезжающих к нему русских не занимали у него денег. Между прочим упоминал он о каком-то Тулубьеве, который, служа прежде под Севастополем, ушел оттуда, явился к Герцену, сообщил ему некоторые сведения о минувшей кампании, занял у него в разное время до 3 тысяч франков, уехал из Лондона, не заплатив денег и даже не простясь, явился к Гарибальди от имени Герцена и имел дерзость просить потом Герцена рекомендовать его Гарибальди, но Герцен написал к Гарибальди, чтобы тот не только не принимал Тулубьева, но велел бы его пристрелить при первом случае[2].

Последний из русских, поступивших к Герцену, был какой-то князь Трубецкой, служивший адъютантом при ком-то в Варшаве. Герцен дал ему место наборщика в типографии[3].

Кельциев, уехавший в Норвегию для издания там русского журнала[4], вовсе не дьякон Афинской церкви, как я вам писал, но чиновник Министерства внутренних дел. Типографию свою он хотел открыть в Христиании или в Дортмунде. Корреспондентом его какой-то чиновник раскольничьего отделения в Министерстве внутренних дел. Фамилию я постараюсь узнать.

Книгу, напечатанную в 1860 году за границею под названием «Материалы для истории освобождения помещичьих крестьян в России», где мы все так жестоко разруганы, составил и напечатал тоже чиновник Министерства внутр⟨енних⟩ дел — немецкой фамилии, командированный в 1860 году Министерством на казенный счет за границу по табачному делу. Фамилию его я вам также узнаю⟨...⟩[5]

Я вижусь с Убри[6] довольно часто, но вообще и он и прочие чины всех наших посольств знают очень немного из того, что делается вне официальной их сферы. Яков Толстой играет здесь роль самую ничтожную: я убежден в полной его беспомощности *. Говорят также люди довольно верные, что лондонский агент очень мало сведущ. Не знаю, как в Лондоне, но в Париже знать всё, что делается, право, нетрудно: это город сплетней⟨...⟩

[1] Об этом адресе, в отличие от сообщения Буткова, Герцен писал: «Четвертого июля несколько польских изгнанников пришли ко мне от имени своих товарищей, живущих во Франции, чтоб братски пожать руку и в моем лице сказать спасибо русским, разделяющим наше мнение о *правоте* польского дела. Они вручили мне адрес, подписанный *четырьмя стами тридцатью шестью* польскими изгнанниками, живущими в Париже» (XI, 156).

Сведения о посещении поляками Герцена нашли отражение и в отчете шефа жандармов царю за 1861 г., где указывалось, что «Герцен был в июне месяце в Париже ⟨...⟩ Ему сделана была в Париже овация со стороны польских выходцев, соединившихся для сего в числе до 500 человек...» (XI, 375).

[2] В письме к М. Мейзенбуг от 18 января 1857 г. Герцен писал: «...Не давайте

* *Помета рукой царя Александра II:* И я тоже.

денег Тулубьеву — у меня есть на это основания» (VIII, 394). В письме к ней же от 24 января 1858 г.: «Он не разделяет ни одного из наших мнений» (IX, 117).

[3] Князь Николай Платонович *Трубецкой*— штабс-капитан гвардейской артиллерии, адъютант герцога Мекленбургского. К Герцену явился в конце 1860 г. и работал некоторое время наборщиком. Дальнейшие сведения о его жизни отрывочны и противоречивы. По указанию Лемке, Трубецкой ездил в 1862 г. в Россию, где принимал участие в организации «Земли и воли», помогая польскому революционеру Сигизмунду Падлевскому (XI, 30 и «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 609). О близости Трубецкого с Падлевским говорится также в книжке члена Виленской особой следственной по политическим делам комиссии Н. В. Гогеля «Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа» (Вильно, 1867, изд. 2, стр. 122—123 и 135). В ней Гогель сообщает ряд сведений о Трубецком и приводит показание «одного из сотрудников Огрызки» о своем посещении в Петербурге Падлевского, где он застал уезжающего в Лондон Трубецкого за подготовкой совместно с Падлевским статьи для опубликования в «Колоколе».

[4] См. примеч. 9 к письму № 1.

[5] Книга «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II» была издана в 1860 г. в Берлине товарищем министра государственных имуществ Дмитрием Петровичем Хрущовым (X, 443). 9 ноября 1860 г. Герцен писал Тургеневу: «Не знаешь ли ты, любезный Тургенев, кто издал „Исторические материалы по делу об освобождении крестьян“ в Берлине? Замечательно хорошо и умно составленная книга...».

[6] Павел Петрович *Убри* — первый советник посольства в Париже с 1856 г. Яков Николаевич *Толстой* — сотрудник посольства, парижский агент III Отделения (см. «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 563—662). О нем Бутков в одном из неопубликованных писем 1861 г. к кн. В. А. Долгорукову писал: «Агент наш в Париже Яков Толстой напечатал брошюру в нашу защиту, но эта брошюра так слаба, что лучше было бы не издавать ее вовсе» (ЦГИАЛ, ф. 930, ед. хр. 92).

3

〈Петербург.〉 Суббота, 26 августа 1861 г.

...Из Дрездена я отправился чрез Берлин, Ковно в СПбург, куда прибыл 23 августа. Но прежде чем опишу вашему сиятельству мою дорогу, расскажу вам, что узнал в последние дни моего пребывания в Париже.

За три дня до моего отъезда из Парижа возвратился из Баден-Бадена граф П. Д. Киселев с братом его Николаем[1]. Он встретил меня как родного сына и заставил бывать у него ежедневно. Беседовали мы о многом, но, конечно, более всего о польском вопросе. 〈...〉 Все случившееся в Польше и случающееся в Европе гр. Киселев относит к силе и действиям тайных обществ. Корень и основание их в Италии, ветви пущены повсюду; в Польше они сильны, в России только начинаются.

При этом сказали мне, что Герцен принадлежит к числу деятельных членов тайных обществ. Я старался узнать, не предлагает ли он русским вступать в сии общества, но мне положительно сказали люди, хорошо знающие Герцена, что он не скрывает своего участия в тайных обществах, но говорит всегда, что никого из русских не звал в общества, зная что это может быть гибельно для участников, живущих в России 〈...〉[2]

В Париже сказали мне, что ваше сиятельство будто командировали за границу г. Геденштрёма для собрания сведений относительно Герцена и русских выходцев. Не скрою от вас, что лучше было бы послать для этого лицо частное, к III Отделению не принадлежащее. Не так скоро узнали бы о цели командировки 〈...〉[3]

[1] Павел Дмитриевич *Киселев* — посол в Париже с 1856 по 1862 г. Николай Дмитриевич *Киселев* — посол при папском дворе с 1856 по 1864 г.

[2] Кельсиев в своей «Исповеди», рассказывая о том, что́ «твердил он 〈Герцен〉 каждому приезжему» о тайных обществах, почти дословно повторяет слова Буткова («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 280).

[3] *Геденштрём* — несомненно Александр Карлович Гедерштерн, сотрудник III Отделения. Еще в 1858 г. в заметке «Предостережения» Герцен писал: «Старший чиновник III Отделения, действительный статский советник Гедерштерн, путешествует по Европе с *специально-учеными* целями» (IX, 341). Сообщал он о нем и весной 1860 г. в заметке: «Тайный советник в квадрате» (X, 315).

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНИХ СВЯЗЕЙ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА С РОССИЕЙ

1. ПЕСТЕРЕВ У ГЕРЦЕНА
2. СВЯЗИ ВОРОЖЦОВА С ОГАРЕВЫМ

Статья и публикация В. Н. Шульгина

I

ПЕСТЕРЕВ У ГЕРЦЕНА

Весной 1864 г. к Герцену в Лондон приехал иркутский купец Николай Николаевич *Пестерев* (1832 — ?). Он пробыл в английской столице, точнее в ее предместье Теддингтоне, четыре дня. Встречи его с Герценом происходили ежедневно. А в начале следующего, 1865, года Англию посетил знакомый Пестерева, спичечный фабрикант из города Слободского Вятской губернии, Иван Прокофьевич *Ворожцов* (1836 — ?). Герцена в ту пору не оказалось в Лондоне, и Ворожцов мог встретиться только с Огаревым.

Свидания Н. Н. Пестерева и И. П. Ворожцова с русскими изгнанниками до сих пор не привлекали должного внимания исследователей, хотя еще в 1930 г. Б. П. Козьмин опубликовал в № 1 (38) «Красного архива» любопытное письмо Огарева к Ворожцову, а в 1950 г. мы процитировали в № 8 журнала «Октябрь» несколько строк из интереснейшего рассказа Пестерева о его посещении Герцена.

А между тем, вне всякого сомнения, вопрос о знакомстве русских купцов с издателями «Колокола» представляет существенный интерес и потому, что знакомство это состоялось в ту пору, когда в обстановке реакционного натиска в России многие и многие отвернулись от Герцена и опустела русская тропа в Лондон; и потому, что свидания происходили в то время, когда шли острые и напряженные переговоры Герцена с «молодою эмиграцией», и Пестерев не только знал об этом, но и настаивал в беседах с Герценом, А. А. Серно-Соловьевичем и Н. И. Утиным на необходимости иметь единую линию, добиться единства действия; и потому, что Герцен вел с Пестеревым разговоры о таком важном деле, как план организации побега Чернышевского с каторги; и потому, наконец, что у Пестерева было большое знакомство среди политических ссыльных и каторжан в Сибири, так же как и среди революционных борцов, общественных деятелей и демократов в России. Он знал лично Трубецкого, Поджио, Муханова, Веденяпина, Н. Бестужева, Волконского, Бечаснова, Завалишина, Эржину, Мрозовского, Петрашевского, Спешнева, Львова, Бакунина, Шелгунова, его жену, мать и дочь Зайцевых, Сулина, Европеуса, Благосветлова, Потанина... Он мог рассказать Герцену о положении России и о том, что говорят, что думают оставшиеся на воле революционеры, в чем состоят их планы. Перед самым своим отъездом он повидал многих из них, и рассказать он мог не о каком-то, пусть очень важном, но все же одном пункте, а о России в целом — перед поездкой

в Европу он побывал на Урале, Волге, Дону, посетил Пермь и Саратов, Ростов-на-Дону и Казань, Москву и Нижний-Новгород, Тверь и Петербург. К тому же он был человеком ясного, трезвого ума, неуемной энергии, большой наблюдательности. Он умел передавать тонко, точно и в то же время наглядно суть того, что видел и слышал. Ему было что сказать. Этим, конечно, и объясняется то, что его разговоры с Герценом продолжались четыре вечера.

Об этих разговорах, как и о его прошлом, мы узнаем из обширных и чрезвычайно подробных показаний, данных в 1866 и 1867 гг. сначала московскому обер-полицмейстеру, а затем петербургской Следственной комиссии по делу Каракозова, а также из многочисленных других документов, хранящихся в «деле Пестерева» *.

История возникновения этого дела такова.

В 1866 г. во время следствия по делу каракозовцев было установлено, что некоторые из них намеревались освободить Чернышевского. Н. Странден должеч был поехать с этой целью в Сибирь. Чтобы облегчить его миссию, И. Худяков снабдил Странденa рекомендательными письмами: к чиновнику Наумову в Тобольске, к находившимся в Сибири Мурашко, Гриневичу, Вышинскому, Кухарскому, Ямонтам и, наконец, к Пестереву в Иркутске (д. 302, лл. 340—341). Так впервые узнало о Пестереве III Отделение и заинтересовалось им. Председатель учрежденной в Петербурге Следственной комиссии по каракозовскому делу, Муравьев, по соглашению с шефом жандармов Шуваловым, предписал омскому жандармскому штаб-офицеру произвести самое строгое и подробное расследование о замысле освобождения Чернышевского. В Омске тогда же была учреждена своя Следственная комиссия. Работать она начала 24 сентября 1866 г. Пестерева ей удалось найти не сразу. Искали его в Иркутске, а его там не было с мая 1863 г. Отыскали Пестерева в Москве во временной долговой тюрьме, где он содержался за частные долги с января 1866 г.

Пока он сидел в «яме» (так называлось долговое отделение тюрьмы), никто не интересовался ни его перепиской, ни его записями. Задолженность подтверждалась другими документами, и их было совершенно достаточно, чтоб доказать ее. Но теперь возникло новое дело: об участии Пестерева в политической борьбе, и поэтому понадобились его заметки и письма. Было дано распоряжение произвести обыск в его квартире в Иркутске, ознакомиться с бумагами, находившимися с ним в «яме», допросить его о том, где хранятся остальные бумаги, произвести обыск у его гражданской жены Веры Яковлевны Ковальковой, взять с нее подписку о невыезде, отобрать хранившийся у нее альбом с фотографиями. У купца Дунаева был найден какой-то ящик Пестерева с бумагами, который должен был быть отправлен в Иркутск. В этом ящике не нашли, правда, того, что искали, того, на что указывал сам Пестерев, как на находившееся в нем,— возможно, потому, что это был другой ящик, а тот, который искали, все же был отослан в Иркутск и где-то затерялся в пути или был своевременно отправлен куда-то и надежно спрятан там — этого

---

* Материалы «дела Пестерева» сосредоточены в двух делопроизводствах III Отделения:

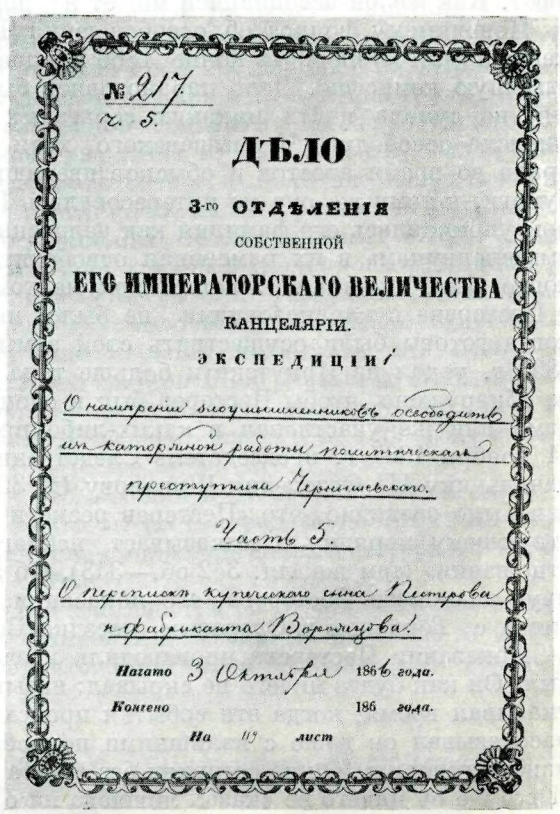
1. ЦГИАМ, ф. 109, д. 217, ч. 1—5, 1866 г.: «О намерении злоумышленников освободить из каторжной работы политического преступника Чернышевского». Часть 5-я этого дела называется так: «О переписке купеческого сына Пестерева и фабриканта Ворожцова». В дальнейших ссылках — д. 217 с указанием листов.

2. ЦГИАМ, ф. 95, д. 302, ч. 4, 1866 г.: «Об иркутском купеческом сыне Николае Пестереве, слободском купце Иване Ворожцове и курляндском уроженце Вильгельме Лапре» и приложения к этому делу за №№156—160. В дальнейших ссылках—д. 302 с указанием листов.

так и не узнали. Но и то, что нашли в этом ящике, и то, что выяснилось из первых же показаний его владельца, позволило III Отделению сделать вывод, что Пестерев «является личностию, сбитою направлением людей, враждебно относящихся к настоящему порядку государственного строя», что круг знакомств его подозрительно обширен, разнообразен, а главное не типичен для купца, и что образ мыслей его — «противоправительственный». Так и писал шефу жандармов московский обер-полицмейстер генерал-майор Арапов 18 октября 1866 г. (там же, лл. 46—48 об.).

16 октября 1866 г. Пестерев был переведен из долгового отделения московской тюрьмы в политическое, находившееся при городской полицейской части, а затем направлен в Петербург и 24 декабря водворен в Петропавловскую крепость.

Хотя III Отделение, как сказано, заинтересовалось Пестеревым потому, что его имя было упомянуто в связи с обнаруженным намерением «злоумышленников» освободить Чернышевского из Нерчинской каторги, его допрашивали не только об этом, но и о потанинцах, и о поездке к Герцену, и о Ворожцове, допрашивали, повидимому, с пристрастием особенно тогда, когда дело шло о потанинцах, так как в его тетрадях сохранились такие записи: «Предложили мне вопрос по делу об сибирском сепаратизме и об лицах, в нем участвующих, что я знаю и что между мной и этим делом общего〈...〉 Все это меня до того ошеломило, что я положительно был вне себя целый день〈...〉 Что у меня может быть общего в деле, где на волос нет здравого смысла?» А его вновь допрашивали, «даже с остраткой». «Что рассказывать? Нечего. Ибо в этом деле я меньше их самих что понимаю. Кроме отъявленной ребячьей глупости» (д. 302, «Приложение», № 156, л. 93).


№ 217.
г. 5.

ДѢЛО

3-го ОТДѢЛЕНІЯ

СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ.

ЭКСПЕДИЦІИ

О намѣреніи злоумышленниковъ освободить
изъ каторжной работы политическаго
преступника Чернышевскаго.

Часть 5.

О переписк купеческаго сына Пестерова
и фабриканта Ворожцова.

Начато 3 Октября 1866 года.

Кончено 186 года.

На 119 лист

ОБЛОЖКА ДЕЛА III-го ОТДЕЛЕНИЯ О ПЕСТЕРЕВЕ И ВОРОЖЦОВЕ, 1866 г.

Центральный исторический архив, Москва

«Другое дело об увозе Чернышевского,— писал он,— хоть и то не больно умно придумано, ну да все же не так стыдно, да и толк есть» (там же, л. 94). «Но тут с ерундистами мальчишками приравнять. Даже досадно, что жандарм-то заподозрил» (там же). Он резко отрицательно относился к идее отделения Сибири от России («в сути галиматья»), но не скрывал ни того, что знал манифест потанинцев, ни того, что помогал организовать сибирское студенческое землячество, что собирал для него деньги. Но это же студенты, умиравшие с голоду, разутые и раздетые, как же им не помочь! Он заявлял, что не мог даже предполагать, как из этого такое политическое дело «выйдет». Но в том, что участвовать в освобождении Чернышевского «не так стыдно», что в этом «толк есть», об этом заявлял он открыто. Политические, экономические, философские идеи Чернышевского ему были близки. Да еще об одном не прекращал говорить он в течение всех дней допроса: о своей основной идее — ассоциации, которая имела бы в своем распоряжении фабрики и заводы, фотоателье и торговые организации. Деятельность ассоциации должна была, по его замыслу, распространяться на всю Россию и частично на заграницу. Ему хотелось, чтобы все ответственные должности в ассоциации были заняты поднадзорными, ссыльными, эмигрантами, и на вопросы руководителей Следственной комиссии, чиновников III Отделения, спрашивавших, зачем это, он отвечал: для торгового и фабричного предприятия, основанного на принципах ассоциации, нужны честные люди, а политические ссыльные не крадут — самый это надежный народ. Этими или другими какими-либо соображениями в действительности руководился Пестерев, об этом можно спорить. Бесспорно одно: во всех своих показаниях он неизменно приводил этот мотив. По его утверждению, именно это «дело» привело его к Герцену, который любит народ, а купцы его обирают. Как же он ассоциацией может не дорожить? Помочь ей должен.

Повидимому, вопрос об освобождении Чернышевского каракозовцами меньше всего теперь (в конце 1866 и начале 1867 г.) интересовал Следственную комиссию. Дело каракозовцев было закончено. Омская комиссия не сумела найти никаких серьезных доказательств существования замысла освободить Чернышевского, хотя обшарила всю Россию и отобрала во время арестов и обысков двенадцать тысяч листов исписанной бумаги, к тому же она не интересовалась Пестеревым, а письмо, в котором упоминалась его фамилия как человека, который может помочь «злоумышленникам» в их намерении освободить Чернышевского из Сибири, могло быть признано лучшим документом, доказывающим, что связи у Пестерева с каракозовцами не было, иначе они знали бы в 1866 г., когда готовы были осуществить свой замысел, что Пестерев еще в мае 1863 г. уехал из Иркутска и больше туда не возвращался. «Следствием не обнаружено, чтобы Пестерев был в сношениях с вышеназванными лицами или же участвовал в каких-либо преступных замыслах»,— писал 11 ноября 1867 г. председатель Следственной комиссии П. П. Ланской начальнику III Отделения Шувалову (д. 302, л. 341 об.). Но для комиссии было очевидно, что «Пестерев резко и враждебно относится к существующему порядку и выказывает неблагонадежность в политическом отношении» (там же, лл. 342 об.—343). Об этом говорили, по ее мнению, круг знакомств Пестерева, его показания, его поездка за границу, его связи с Герценом и Огаревым, поездка Ворожцова за границу.

Показания Пестерева производили впечатление искренних, откровенных Он как будто ничего не скрывал: называл фамилии, города, события, указывал время, когда эти события происходили. Могло показаться, что рассказывал он даже с излишними подробностями. Но такова была его манера говорить. Он не оставлял без ответа ни один заданный ему вопрос. И все же он ничего не сказал лишнего ни о себе, ни о других. Он сам ве-

ликолепно знал эту свою особенность и так говорил о переводчике Вильгельме Лапре, сопровождавшем его за границу: «Об сути моих дел Лапре знал и понимал не более других, сталкивающихся со мной личностей, то есть ровно ничего. Потому что я не имел привычки высказываться ни перед кем» (там же, л. 267).

Но о цели поездки за границу Пестерев не умолчал, он припомнил и повод, и даже разговор, который помог сложиться окончательному решению. По его утверждению дело обстояло так: «В это же время ⟨в 1862 г.⟩ проездом через Иркутск в Забайкалье был в Иркутске Шелгунов, с которым мне советовали познакомиться, как с дельным, передовым человеком, который едет провожать Михайлова; такая рекомендация мне не понравилась: тогда я не знал ⟨их⟩ близких отношений и думал, что это просто овация против правительства ⟨...⟩ Но когда, по истечении некоторого времени, Шелгунова привезли из Забайкалья* с женою и ребенком, и я с ним встретился в библиотеке Шестунова, где он просил последнего ознакомить его с экономически-промышленною и ремесленною статьею в Иркутске, и Шестунов указал на меня, как на человека знакомого с этим специально, то Шелгунов просил его непременно познакомить, а таким образом я, сойдясь с Шелгуновым, занимался с ним ежедневно в фотографии с 8 часов и до 11 вечера, в которой в это время посетителей не было, а оставались только Вера Яковлевна Ковалькова и чернорабочий. Я рассказывал ему о житье-бытье рабочего сословия вообще и о ссыльных в особенности, указал при этом на рабочий дом, основанный сначала из ссыльно-каторжных мастеровых, из которых лучших по технике оставляли в особо устроенном рабочем помещении; сначала они работали на казну под присмотром, а по прошествии срока селились около, и из этого составилась целая слобода лучших ремесленников и граждан. Шелгунов все выслушивал и делал на бумаге заметки, чтобы не забыть, даже некоторые мои фразы записывал другие ⟨!⟩ целиком**. Я старался указать на взгляд и отношения России к Сибири и на ссыльное заселение; особенно мне хотелось указать на дурное отношение труда к капиталу. В Шелгунове я встретил человека мыслящего и крайне работящего, который до педантизма обнаруживал уважение и, так сказать, был пронизан экономическими принципами в нравственном и политическом отношении, чего именно в русской жизни и недостает, то есть уважения к чужой собственности и к труду, а в особенности это выглядывает в кругу людей коммерческого состава; об этом шли у меня с Шелгуновым длинные разговоры, причем о делах политических мы не рассуждали, так как он молчал, и мне, знавшему его двусмысленное положение относительно правительства, неделикатно было первому поднимать или возбуждать этот вопрос. Из моих рассказов о Сибири Шелгуновым и была написана статья „Иркутск и его жители“ — не припомню, кажется так или в этом роде, напечатанная в книжке „Русского слова“ за 1863 год» (там же, лл. 194—195 об.).

Пестерев не скрыл и того, что заходил к Шелгунову. Но и здесь, как и у себя, он с Шелгуновым будто бы не говорил «о политике ни слова»; он давал ему материал о Сибири, вполне легальный материал, который тот использовал в своей статье.

«Я у него был в квартире раз или два, где он отрекомендовал мне свою жену Людмилу Петровну, с которой я в особенный разговор не вступал. Когда же пришло известие, что Шелгунова требуют в С.-Петербург,

---

* *В подлиннике:* Забалкана.

** Действительно, в статье Шелгунова «Гражданские элементы Иркутского края» («Русское слово», 1863, № 10) есть мысли, очень близкие тем, которые мы находим в следственных показаниях Пестерева.

но не объяснено — одного или с женою, то наши власти порешили отправить их обоих не медля. Шелгунов стал просить меня починить его тарантас, зная, что по моим отношениям к мастеровым они для меня сделают ко времени.

На другой день Шелгунов пришел ко мне совершенно расстроенный и объявляет, что его посылают одного, а что Людинька, как он звал свою жену, остается с сыном одна и что он не знает, что делать и как быть. Я сказал, что пусть не беспокоится и положится на меня: я устрою ее и похлопочу и сделаю все, что от меня будет зависеть. Шелгунова увезли. Жена его с малюткой осталась на моем попечении. Я обыкновенно к ней заходил каждое утро в восемь часов и заставал ее за работою перевода Шлоссера и бывал иногда вечером. Такие отношения меня сблизили с Шелгуновой, а через это из ее рассказов я узнал о событиях того времени и о настроении общества в С.-Петербурге, что подало мне мысль сойтись со всем этим кружком. А случай был под рукою: ехать провожать Шелгунову, а чрез то ознакомиться со всеми передовыми, прогрессивными личностями и особенно с литературой, которая для меня была нужна как проводник моих идей и воззрений, тем более, что дома, на месте, ничего не оставалось делать; опыты относительно женского труда и развития торговли на иных началах и ремесленно-фабричной промышленности были сделаны, также и пристройство к этим работам ссыльных было испытано, и я убедился в полезности моего предприятия. Нужны были средства и огласка дела; добыть средства на месте не было возможности, дать известность делу тоже, и вот я, задавшись всем этим, вздумал поехать искать сотрудников и денег» (там же, л. 197—197 об.). И логика развития того дела, которое увлекало Пестерева,— организация ассоциации,— и положение России, и знакомство с Шелгуновым — все толкало Пестерева, по его словам, в центр, а затем за границу.

9 мая 1863 г., получив разрешение, Л. П. Шелгунова в сопровождении Пестерева выехала из Иркутска. Ехали двумя экипажами: в одном — она с няней и ребенком, какая-то женщина, ехавшая в Пермь к дочери, и молодой приказчик из Кяхты; в другом — Пестерев. Из Томска поехали в Тюмень на буксирном пароходе. В Перми они расстались: Шелгунова поехала в Петербург, а Пестерев остался на некоторое время в Перми.

Во время дороги, по словам Пестерева, Шелгунова рассказывала ему подробно о Николае Серно-Соловьевиче, о его библиотеках, о работе в них женщин, о М. И. Михайлове, о роли людей, группировавшихся вокруг «Современника» и «Русского слова», а Пестерев занимался изучением французского языка. Шли разговоры и о политике, он не скрывал этого. По некоторым вопросам возникали споры, и споры резкие. Отголоском одного из споров является следующая любопытная фраза: «Людмила Петровна! Вы нас не понимаете потому, что вы все-таки барыня, и при всем моем к вам уважении, в случае чего, я первый накину на вас петлю» (л. 199). «В случае чего» означает, конечно, «в случае революции». В ту пору, в годы демократического подъема в стране, Пестерев ясно противопоставлял свою политическую позицию — позиции тех, кто «все-таки барыня».

Несмотря на всю противоречивость и неотчеканенность взглядов, несмотря на свое социальное положение, Пестерев все же сознавал себя мужиком, и революционно настроенным мужиком. Сам он дает такое объяснение своему резко отрицательному отношению к барам, денежной аристократии:

«Причина этому была та, что я, вращаясь в кругу приказчиков, лавочных мальчиков, прислуги, получил по их воззрениям если не ненависть, то полную отрицательность в полезном существовании дворян,

ГЕРЦЕН

«Фотография с дарственной надписью неустановленному лицу: «Простите великодушно старичка. Фев. 1865»

Исторический музей, Москва

и денежного аристократа. Я смотрел на них, как на гнетущих других, — одним словом, это было то самое, что Жуковский * высказал в вопросе „К молодому поколению“» (там же, л. 122). Он хорошо знал всю подноготную рождавшейся, крепнувшей буржуазии, слышал оценку ее дел со стороны тех, кто испытывал на себе ее гнет; мало этого, он видел невероятную нищету, чудовищный произвол, царивший тогда в Сибири, видел царскую каторгу. Вращаясь с детства в кругу политических каторжан, он испытывал на себе их влияние. Рассказывая о своей любви к П. М. Барковской, польке, жившей в Сибири среди ссыльных, которая его тоже любила, он останавливается подробно на том, как восстали против их брака и ссыльные, и купцы. «... Эта любовь имела роковое влияние на всю мою жизнь, ибо с той поры,— пишет он,— я окончательно шел вразрез с обществом и принятыми им воззрениями и убеждениями» (там же, л. 124). «И хотя сделали меня несчастным не из злобы, а скорее из любви по-своему, но я понял, что виновником моего горя весь общественный строй русской жизни» (там же, л. 128 об.). С ним и хотел бороться Пестерев.

Он оценивал встречавшихся ему людей преимущественно с одной точки зрения: ему важно было, в какой мере они способны участвовать и участвуют в этой борьбе.

* Так в подлиннике. Как известно, прокламация «К молодому поколению» была написана М. И. Михайловым совместно с Н. В. Шелгуновым.

Этот критерий определил его суровое отношение к ссыльным петрашевцам, потерявшим, по его мнению, всю энергию борьбы.

«По возвращении из заводов Петрашевского, Спешнева и Львова я постарался познакомиться с ними, что мне было весьма легко по торговле в магазине»,— пишет Пестерев и переходит затем к характеристикам своих новых знакомцев.

«В Петрашевском я нашел политического, помешанного на легальном порядке, чудака, все, об чем бы ни шла речь, всего, по его мнению, можно рано или поздно добиться легальным порядком 〈...〉 Спешнев — в некотором смысле философ, решивший, что все делается потому, что так должно делаться,— скверно ли, хорошо ли, но ничего иначе быть не может. Львов, тот даже и этого не думал, а жил и старался только найти средства к жизни, которые у них у всех были крайне ограничены» (там же, лл. 137—138). И еще раз в своих показаниях Пестерев счел нужным вернуться к Львову и рассказал о встрече с ним в Петербурге в 1864 г., т. е. после освобождения Львова из ссылки: «Был у меня приятель по Сибири, Львов, товарищ Петрашевского, у которого, между прочими визитами, я был в С.-Петербурге. Я застал его в несказанной радости от того, что генерал-губернатор Суворов был восприемным отцом родившегося у него сына 〈...〉 При этом Львов мне объяснил, что служит у него в канцелярии. Вот, думаю, куда пошло; но ничего, особенно меня это не огорчило, не удивило — видел еще не такие камуфлеты» (там же, л. 215).

Купеческий сын Пестерев думал в ту пору не так, как Львов, Спешнев, Петрашевский. Он был убежден, что ничто само собой не придет, что того, чего он хотел добиться, «легальным порядком» добиться нельзя. И он осуждал тех, кто дальше легального порядка не шел.

Правда, в показаниях Пестерева, написанных после ареста, в тюрьме, в 1866—1867 гг., когда революционная ситуация была в прошлом, когда, объехав пол-России, съездив в Европу, он пришел к выводу, что в стране и за границей нет партии, способной подготовить революцию,—есть утверждения, которые можно понять как осуждение революционеров, как капитуляцию перед царизмом. Таковы, например, записи, относящиеся к выстрелу Каракозова.

«Пришло 4 апреля,— читаем мы в показаниях о выстреле Каракозова.—Меня это событие поразило с нескольких сторон: подлость, глупость, сумасшествие» (л. 221 об.).

Конечно, у Пестерева были свои основания негодовать на каракозовцев. Их процесс был причиною его ареста, допроса, крушения дела его жизни, его замыслов. К тому же он был несогласен с тем, что убийство царя что-либо разрешает; он считал, что только революция сметет остатки крепостничества, приведет к уничтожению эксплуатации, бесправия, гнета,— к социализму. У него не было единства взглядов и с потанинцами; при всей любви к Сибири он отвергал в корне идею сепаратизма, отделения Сибири от России, но по отношению к потанинцам он нашел другие слова.

Вслед за приведенной записью следует еще одна, также относящаяся к делу Каракозова.

«Тут получил письмо от Лапре,— сообщал Пестерев,— что у нас снялся Комиссаров Костромской... и был весьма рад, что снялся Комиссаров» (л. 222).

Это показание как будто усиливает предшествующую формулировку резко отрицательного отношения Пестерева к выстрелу Каракозова. Можно подумать, что Пестерев не только осуждает индивидуальный террор, но и высказывает радость по поводу того, что тот, кто спас царя от смерти,— награжден, превознесен, обласкан. Но следующие же строки

ставят такое предположение под сомнение, больше того — отвергают его: «...а тут еще,— продолжает Пестерев,— услыхал и от содержавшегося фотографа Эйхенвальда, что карточки Комиссарова, моей фотографии, запрещено продавать и что сама фотография закрыта, так как на карточках оказались ослиные уши. Начинаю рассматривать и вижу сложившуюся складку от драпировки» (л. 222).

При этом добавлении слова: «весьма рад, что снялся Комиссаров»— приобретают иной смысл. То, что эта фотография принадлежала Пестереву, никто не знал и не должен был знать, так как ее продали бы немедля и из вырученных денег погасили бы часть его задолженности; обвинения в том, что в его фотографии печатаются такие карточки, никто ему не предъявлял — следовательно, объяснений по данному вопросу он мог бы и не давать. Это объяснение не для следователей. В нем явное издевательство над Комиссаровым Костромским, над «царскими милостями», на него посыпавшимися. Пестерева радовало, конечно, не то, что закрыли его фотографию и тем лишили его дохода и надежды выйти из долговой тюрьмы, а то, что по рукам ходят фотографии, где Комиссаров изображен «с ослиными ушами».

И еще один раз Пестерев возвращается к Каракозову, но совсем в другой связи. Он счел нужным вскрыть в своих показаниях причины, порождающие нигилизм, порождающие каракозовщину.

Без ничего ничего не бывает,— говорит он. «Меры ко всему этому* ученью были: грубость, ругань, розги, побои, плети, кнут, шпицрутен и всякое насилие. Ну, поймите сами,— обращается он к шефу жандармов, председателю Следственной комиссии, царю,— какое тут будет уваженье. Опять нигилизм и выйдет» (л. 226 об.). «Такие-то преследования довели до нигилизма, каракозовщины» (л. 229).

Бесправие, террор, угнетение, царящие в самодержавной России,— вот причины нигилизма и каракозовщины, по мнению Пестерева, а их устранить убийством царя нельзя. В непонимании этого он видит ошибку Каракозова, за это его клеймит. А то, что Каракозов видел в царе «карателя», не хотел мириться с царизмом, в этом он прав и в этом он не одинок — так думает вся Россия.

«А что нигилизм болтает о государственных порядках, задает головоломные работы и дурно отзывается о порядках нашей жизни и о самом правительстве, так это и не нигилисты, а вся Россия-матушка болтает и настолько же недовольна правительством... Вот мой взгляд на нашу политику и вот мои понимания» (л. 229—229 об.). Но у Пестерева есть еще одно «понимание», которое он высказывает тут же. Мало «болтать», мало быть «недовольным», надо иметь партию, которая могла бы возглавить недовольных, сорганизовать их, направить к определенной цели. Без этого царизма свалить нельзя. А партии такой нет. «Но скажу,— продолжает он,— что найди я в России серьезную и полезную для народа политическую партию, я непременно пристал бы к ней, но видя ‹...›, что все, что ни делается хорошего и полезного на Руси для массы и ее развития, истекает из среды правительства, я сдаюсь душой и телом в полное его распоряжение, заметив, между прочим,— не ради личных интересов, а ради правды» (л. 229 об.). Царизм победил. Ради «правды» Пестерев открыто признает это. Но он продолжает думать, что реформа не разрешила задачи, поставленной историей перед Россией. Причины недовольства масс не устранены, революция неизбежна. Пестерев из тюрьмы продолжает разъяснять причину этой неизбежности. Он писал: «...а случиться ‹революция› весьма может,

---

* Пестерев говорит о мерах, которыми пользуется царизм для внушения уважения к старикам, наставникам, правительству.

да не от тех, которых сажают», а от миллионов, «которые сидят без солито, да под таким административным порядком...». «Я хоть и не пророк, а думаю, что недолго протянется. Потому положение ненормальное. Теперь все ждут, что будет, потому что царь обещал, а Россия царскому слову верит... А между прочим, нет-нет, да и прорвется: „Чаво-то, паря, все по-старому“» (тетрадь 5, л. 81—81 об.).

Вот из чего может всего скорее «сшиться знамя русской революции» (там же, л. 91). Из того, что «все по-старому», из того, что чернорабочая трудовая Россия с этим не будет мириться. «Не старая пора». И он кончает нить размышлений так: «А все же я посоветую, кому до этого дело есть, порассмотреть бы настоящее положение дела». Он продолжает думать, что революция неизбежна (там же, л. 82).

В 1863 г. Пестерев считал себя соучастником этой «чернорабочей трудовой» России; поэтому и говорил Шелгуновой о своей ненависти к барам так прямолинейно и резко.

Вернемся к поездке Пестерева из Сибири в центральную Россию. Отправив Шелгунову из Перми в Петербург, Пестерев через несколько дней двинулся на юг. Побывал в Саратове, Сарепте, Ростове-на-Дону, заглянул и в другие пункты, затем в Казань и в июле прибыл в Москву, но задержался здесь ненадолго и опять уехал на Волгу. Был в Нижнем-Новгороде, на ярмарке, оттуда отправился в Вологду, затем «за деньгами» к родным в Верхотурье и в декабре 1863 г. вновь приехал в Москву. Гнали его дела торговые: для своей фабрики, находившейся в Иркутске, на которой впервые начали работать женщины, он покупал табак, какие-то еще товары. По его рассказам и встречи были все деловые. Так ли это? Как следует его об этом не допросили. А он промолчал. Но из ответов на другие вопросы видно, что в июне 1863 г. на волжском пароходе он в первый раз встретился с видным участником революционного движения шестидесятых годов Яковом Сулиным. Он ехал, по словам Пестерева, «на Дон», и не по своей инициативе. Он был только что освобожден из заключения, к которому был приговорен по делу «Об издании и о распространении запрещенных сочинений и прокламаций». Но и освободившись, Сулин был оставлен под подозрением в связи с делом Чернышевского и, в первую очередь, в связи с печатанием прокламации «Барским крестьянам». Он отправился под гласный надзор в назначенное ему место жительства. Едва ли он склонен был разговаривать об этом с первым встречным на пароходе, тем более, что не кончено было еще дело о служащих пароходной компании, подозреваемых в распространении нелегальщины, использовании воскресных школ для революционной пропаганды. Но с Пестеревым он говорил. По утверждению Пестерева, их разговор носил такой характер: «Я трунил над новым направлением молодежи. Сулин сердился» (л. 271). Ясно, что беседа не имела ничего общего с вопросами торговли.

Во время этой же поездки Пестеров встретился с Европеусом и — в Нижнем-Новгороде — с Ворожцовым. Едва ли дело ограничилось разговорами с ними о торговле. Да и трудно было ими ограничиться, тем более находясь в Поволжье, где только что был раскрыт так называемый «казанский заговор». Ему было придано огромное значение, и дело велось с несвойственной царизму энергией. В первых числах мая 1863 г. были арестованы один за другим главные участники заговора: Н. Иваницкий, С. Я. Жеманов, А. Мрочек, Кувязев. Искали остальных.

У этих людей были связи не только в Поволжье, но и на Урале и в Вологде, в Москве и в Петербурге и в ряде других городов, куда как раз в это время ездил Пестерев.

А он, как мы знаем, отправился в свое путешествие, особенно в Москву и в Петербург, не только по торговым делам, но и для того, чтобы

«ознакомиться со всеми передовыми, прогрессивными личностями» (см. л. 197).

Не успел Пестерев приехать в Москву, как к нему явились Зайцевы. Он так рассказывает о цели их прихода: «Прожив два дня в Казани, я выехал в Москву, куда только что приехал и успел остановиться на Воейковском подворье, как пришли ко мне две барыни — это были Зайцевы, дочь с матерью, и, отрекомендовавшись как знакомые Шелгуновой, от которой я слышал про них, объяснили, что Шелгунова поручила им взять забытый ею в моем чемодане чай и что Людмила Петровна теперь в С.-Петербурге, причем просили навестить их в Богородске, где они живут на даче. Вручив им чай Шелгуновой, я дня через четыре или пять поехал к ним, но не застал их дома» (д.302, лл. 202—203). Это было в июле 1863 г.*. Ясно, что свое обещание познакомить Пестерева «со всеми передовыми, прогрессивными личностями» Шелгунова выполняла. Из Москвы Пестерев уехал в Нижний-Новгород, затем в Вологду и в декабре вернулся вновь в Москву. «Живя в Москве,— рассказывает он,— я часто бывал у моего земляка, иркутского почетного гражданина Иннокентия Никаноровича Трапезникова» (там же, л. 203—206 об.). И с ним были не только торговые разговоры. От него Пестерев получил деньги на поездку за границу. 8 апреля следующего, 1864, года он выехал в Петербург. По дороге он остановился в Твери, чтобы повидаться с артисткой Николаевой, которую знал раньше. 11 апреля Пестерев был в Питере.

Оказавшись в столице, Пестерев, не теряя времени, стал энергично осуществлять свой замысел — «ознакомиться со всеми передовыми, прогрессивными личностями».

Извлечем из обширных показаний Пестерева о его петербургских знакомых несколько отрывков.

«В это же время я вошел в семейство Зайцевых; в матери Зайцевой я нашел женщину весьма мягкую, добрую и симпатичную старушку, любящую своих детей до страсти, а в дочери ее молодую, хорошенькую и очень развитую девицу, в сыне же труженика; он тогда работал для „Русского слова“ и дирижировал изданием перевода Шлоссера; сестра нередко пособляла ему держать корректуру и занималась английским языком. В доме у них бывала молодежь, а именно: Ковалевский, который имел у них стол, а вечером иногда собирались Яков Сулин, Орлов, Завонский. Я знал, что Варвара Зайцева замешана по делу о бегстве Кельсиева и что дело производится в Сенате, что мне казалось весьма оригинальным — девушка шестнадцати лет участвует в политическом деле. Знал, что Сулин сидел в крепости и выпущен; но обо всем этом разговора не было — он больше касался литературы, корректуры и о прочем издательском деле, иногда же были рассуждения о женском труде 〈...〉 Впоследствии же содержанием разговоров упомянутых выше лиц были также рассуждения о полемике, возникшей между „Русским словом“ и „Современником“, т. е. говорилось о Пыпине и Антоновиче» (там же, л. 208—208 об.).

«Марья Федоровна мне предложила познакомиться с Маркеловою, рекомендуя ее как ближайшую приятельницу Шелгуновой» (там же, л. 209). Пестерев сообщает, что Маркелова работает в «С.-Петербургских ведомостях», «основала коммуну, которая уже распалась и над которой еще в то время подтрунивали» (там же, л. 209).

Этими знакомствами дело не ограничилось. Пестерев познакомился с Головачевой и с известной «нигилисткой» Макуловой. Маркелова, по

* Зайцева выехала из Москвы в Петербург 20 июля 1863 г. (III Отд., 1-я эксп., д. № 97, ч. 70, л. 352). Она принимала участие в организации побега Кельсиева, к чему имели отношение члены московской группы, арестованные и посаженные в крепость в сентябре 1863 г.

его утверждению, жаловалась ему на то, что у нее «ничего не выходит». «На это я ей объяснил, что именно теория фурьеризма, если не нелогична, то — утопия, что надо пятьсот лет времени, чтобы привить ее к нравам, к самому у нас воспитанию, так как все складывается вследствие известных только условий, а склеить из ничего что-нибудь вследствие одного размышления и фантазии можно только на бумаге, на которой оно, пожалуй, выйдет и хорошо, а на деле-то кавардак, как и ваша коммуна; что жизнь и работа артелями — вовсе не новость, что это искони русское достояние, не переводящееся и сейчас, что у нас артелями на разбой ходят и на заработки...» (там же, л. 210—211). «В доме Зайцевой я познакомился с матерью и сестрою Шелгуновой, которые и просили меня, зная, что я еду за границу, отвезти к Шелгуновой ее старую кухарку, на что я согласился и выехал из Петербурга за границу за день или за два до конфирмации Чернышевского на площади. В кружке, с которым я был знаком, шли речи об этом, но, насколько я замечал, больше с обыденной стороны, как к знакомому, а не как к политическому деятелю и как к собрату по ремеслу ⟨...⟩ Через Зайцева я познакомился с Благосветловым, с целию, чтобы через „Русское слово" говорить о сибирских делах» (л. 211—211 об.).

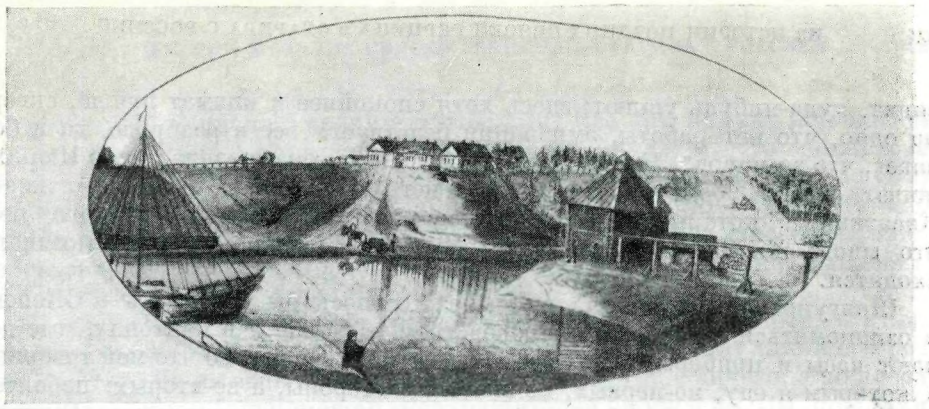
Так накануне поездки Пестерева за границу Зайцева познакомила его со многими своими знакомыми и знакомыми Шелгуновой. Мысль сойтись со всем этим кружком, возникшая, по утверждению Пестерева, во время разговора с Шелгуновой, оказалась в какой-то мере осуществленной.

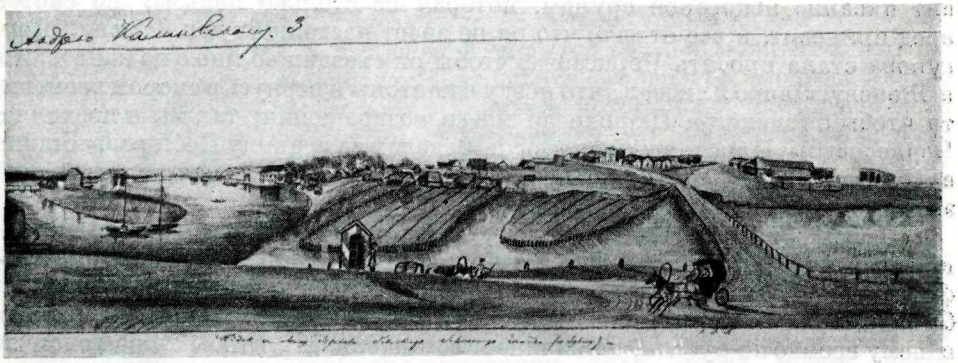
Для новых знакомых Пестерева — участников демократических кружков Петербурга — не было секретом, что он едет за границу: мать Шелгуновой дала ему поручение отвезти кухарку. Только ли она давала поручение или давали и другие, только ли это поручение дала мать Шелгуновой? Пестерев об этом не сказал, а Следственная комиссия его не спросила. Во всяком случае, к моменту отъезда за границу он был хорошо осведомлен о политическом положении страны, о том, что делалось в литературных кругах, о том, что думали и делали люди, связанные с Чернышевским, Серно-Соловьевичем, Шелгуновым, Михайловым, Утиным. А мысль использовать Пестерева не только для доставки кухарки Шелгуновой могла возникнуть у новых знакомых, и могла она казаться очень удачной, так как в преданности Пестерева никто не сомневался, и существовала уверенность, что за ним не следят.

Когда Пестерев выехал из Петербурга, точно установить не удалось. Это могло быть 17 или 18 мая 1864 г. («за день или за два до конфирмации Чернышевского на площади»)*. Как уже было упомянуто, ехал он в сопровождении переводчика Вильгельма Лапре. Первая его остановка была в Берлине. На другой же день он выехал в Швейцарию, в Цюрих, так как «не прочь был от знакомства с эмиграцией» (там же, л. 244). В Цюрихе в это время находилась Шелгунова, у которой он и остановился.

«У Шелгуновой, — показал Пестерев на допросе в канцелярии московского полицмейстера 17—30 октября 1866 г., — я встретил Серно-Соловьевича и Черкесова. Серно-Соловьевич жил в Цюрихе, приехав с вод; он был больной, раздражительный и собирался ехать опять на воды. Черкесов занимался в цюрихской технологической школе. Шелгунову я нашел не такою, как она была в Сибири — живая, мыслящая и работящая: она как будто опустилась; больным ее ногам было если не лучше, то и не хуже. Заговорили о России, думает ли она вернуться?— говорит: „Можно, боюсь только неприятности будут. Николай Васильевич ⟨Шелгунов⟩

* В другом месте своих показаний (л. 244) Пестерев сообщает, что он выехал за границу «тотчас после святой», т. е. в двадцатых числах апреля, так как пасха была в 1864 г. 19 апреля.





ВИДЫ СОЛЕВАРЕННОГО ЗАВОДА (УСОЛЬЯ). СЮДА ЛЕТОМ 1864 г. БЫЛ ПРИВЕЗЕН (В ОКОВАХ) ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ КАТОРЖНЫХ РАБОТ

Рисунки Ст. Катырла, находившегося на каторге вместе с Чернышевским. Были сделаны в письмах ссыльных каторжан к товарищам и задержаны III-м Отделением

Центральный исторический архив, Москва

сидит, куда-нибудь ушлют; здесь хотя спокойнее и климат лучше, скверно одно, что нет работы, эмиграция бедствует, всё в разброде, да и бог знает, что за народ". На вопрос, кто здесь есть, она сказала, что в Цюрихе живет Якоби, больной, но она у него не бывает. В Женеве живет Касаткин, с которым она не в ладах, и что больше никого нет, что много поляков, но они хотя бедствуют ужасно, а с русскими не сходятся.

Шелгуновой я объявил, что мне хотелось бы побывать в Женеве и ознакомиться с часовым производством, а также и в кантонах, где делают часы и приборы, а также хочу быть у Герцена, но что мой товарищ, с которым я еду, во-первых, не знает той стороны, а во-вторых, побоится ехать, край же тот любопытно посмотреть, да посещение мое Герцена может быть полезно, по крайней мере в том отношении, ⟨что⟩ остановит писание некоторой ерунды, которая не столько пользы, но скорее вред приносит, и все оттого, что он не знает настоящих дел России. Шелгунова стала просить Черкесова, чтобы он съездил со мною по кантонам и в Женеву. Лапре я сказал, что поеду в кантоны и вернусь в скором времени, то чтобы он пожил в Цюрихе до моего возвращения; так мы и поехали с Черкесовым». Приехавший по торговым делам за границу Пестерев, оставив в Цюрихе своего спутника, начал знакомиться с русской политической эмиграцией» (л. 151).

«Приехав в Женеву,— продолжает Пестерев свой рассказ,— я познакомился с Касаткиным, был у него в доме. Касаткин — москвич, библиофил, собирает всякие старые или редкие книги и ужасный оригинал; бывало, ходим с ним по улицам Женевы ночью, и как только я обращаюсь к нему громко по-русски, он начинает останавливать, чтобы тише говорил. Ему все казалось, что за ним подсматривают и подслушивают. Жена его — весьма милая барыня. У них в доме я познакомился с Утиным Николаем, кажется, также эмигрировавшим из России, с девицею, фамилию которой позабыл,— его невеста. Утин жаловался, что у него нет никаких средств к жизни, что он жил в Лондоне и некоторое время писал в „Колоколе", что Герцен предлагал ему взять и вести „Колокол", но он это нашел неудобным; что Герцен, впрочем, будет писать, тем более, что из России за последнее время нет никаких сообщений; что во взглядах на многое он с Герценом расходится, а потому и выехал в Женеву, но еще не знает, чем заняться, думает издавать для России отдельные брошюры» (л. 151—151 об.).

В Следственной комиссии по делу Каракозова Пестерев дал дополнительные показания о своих сношениях с русскими революционными эмигрантами в Швейцарии. Вот что он показал на допросе в Петербурге 7 сентября 1867 г.:

«Когда я в Цюрихе обратился (в присутствии Александра Серно-Соловьевича) с вопросом к Шелгуновой: много тут русских эмигрантов? что поделывает Герцен с своим „Колоколом"?— она отвечала, что русских — пропасть. „Куда ни пойди, непременно наткнешься на соотечественника. Есть и эмигранты, но все они живут по углам и друг с другом не сходятся. Я решительно из русских здесь ни с кем не знакома, кроме вот Серно-Соловьевича и Черкесова, который живет у меня, а Соловьевич был на водах и опять завтра едет. Не знакомлюсь потому, чтобы сплетен не было, а во вторых, признаться, что мне и надоело".— „Все они подлецы,— отозвался резко Соловьевич.— И хваленый Герцен с своим „Колоколом" и старыми взглядами гроша не стоит. Тут надо свежие, молодые силы. Вот, как у Чернышевского. А то эти два старые засели в Лондоне у станка на коврах, да и хвалятся: „Мы-де дело делаем". А какое чорт-те дело! И листка-то своевременно не издадут. Здесь вот по месяцу не получается. Да и что они двое-то наработают? Огарев крестьянский

вопрос тянет, Герцен со своими шуточками. Все они никуда не годятся. Вы нам привезите Чернышевского — так мы покажем, что можно сделать".—„Далеко, мол, ехать",—было моим ответом» (д. 302, л. 256). Так впервые, еще до отправки Чернышевского в Сибирь, был поставлен вопрос о его освобождении. В Чернышевском видел Александр Серно-Соловьевич человека, который мог сплотить силы эмиграции, направить и организовать их борьбу.

«Когда Серно-Соловьевич вышел,— продолжает Пестерев,— и мы остались одни ⟨с Шелгуновой⟩, то я спросил: „Что значит такой его резкий тон?"— „Да он ведь не совсем здоров. Теперь еще ничего, а до поездки на воды совсем был помешан. Раздражителен он ужасно. Вы, пожалуйста, говорите с ним осторожно. А что в „Колоколе" действительно ничего нет, да правда, что и на глаза редко попадается, точно как будто его не существует".

При встрече с Утиным в Женеве я спросил, как и чем живет и что делает? Он отвечал, что живет плохо, что почти без средств, что отец ничего не посылает. Первое время жил у Герцена, который предлагал передать ему „Колокол" и станок, но он не согласился, потому что не разделяет мнений по программе изданий с Герценом и что вот выехал в Женеву с предположением издавать свой журнал, что средства он надеется достать от Касаткина и что программа его журнала совершенно противоположная „Колоколу", что он будет больше рассчитывать на сбыт в Европе, так как русских за границей бывает и живет немало, а газеты русские по случаю пошлины дороги, то если издавать газету, собирая статьи из русских и иностранных газет и имея оригинальный личный отдел об России в свободно-умеренном духе, тогда может пойти и в Россию на правах, как идут иностранные газеты. И если какой-нибудь нумер и остановили бы, не пустили в публику, то об нем бы узнали, кому ведать надлежит, то есть власти, а то, что же теперь „Колокол"? Его никто не видит, да и Герцен устарел и упорно смотрит глазами сороковых годов. Для него и Россия и правительство как будто те же, когда на самом деле совсем другое время и другие обстоятельства» (там же, л. 256 об.—257).

В Женеве Пестерев пробыл два дня и выехал затем в Англию к Герцену. Проводил его в Лондон, по его просьбе, Черкесов. Герцену Пестерев отрекомендовался, «как знакомый Бакунина по Сибири» (там же, л. 252). Рассказ Пестерева о его встречах с Герценом представляет выдающийся интерес, и мы приведем его полностью.

На допросе у московского обер-полицмейстера Пестерев показал: «Из Женевы после этого я отправился в Лондон и остановился в предместье, где жил Герцен *. Квартира у Герцена барская, мягкая отличная мебель, комфорт и прочие житейские удобства. На пороге встретил меня пожилой человек, служитель, русский, который обрадовался, услыхав русскую речь; объявил, что Александр Иванович уехал в Лондон, а Огарев ушел гулять и скоро вернется. Мы вошли в комнаты, и нас встретила премилая девочка, лет восьми, весьма любезно и ласково. Чрез несколько времени пришел и Огарев, повидимому еще не старый, но с болезненным оттенком на лице (я узнал после, что он страдает падучею болезнью). Он распорядился чаем, к которому вышла m-me Огарева. Мы рекомендовались. Она, видимо, обрадовалась посещению русского. Принесли самовар. И вот и самовар русский, что вы здесь редко встретите. Разговор начался общий, откуда и нет ли общих знакомых; как живут в Сибири, где Михайлов, что Чернышевский, как крестьянский вопрос, лучше ли мужикам? Огарева жаловалась, что ее беспокоят дети, что

* В Теддингтоне. Герцен жил здесь с 1 до 15 июня (нов. ст.) 1864 г. — *В. Ш.*

будут воспитаны не в России и что надежды вернуться в Россию нет никакой, а вследствие этого воспитания дети ее, при такой обстановке, будут какими-то отщепенцами, не будет у них любви к родине.

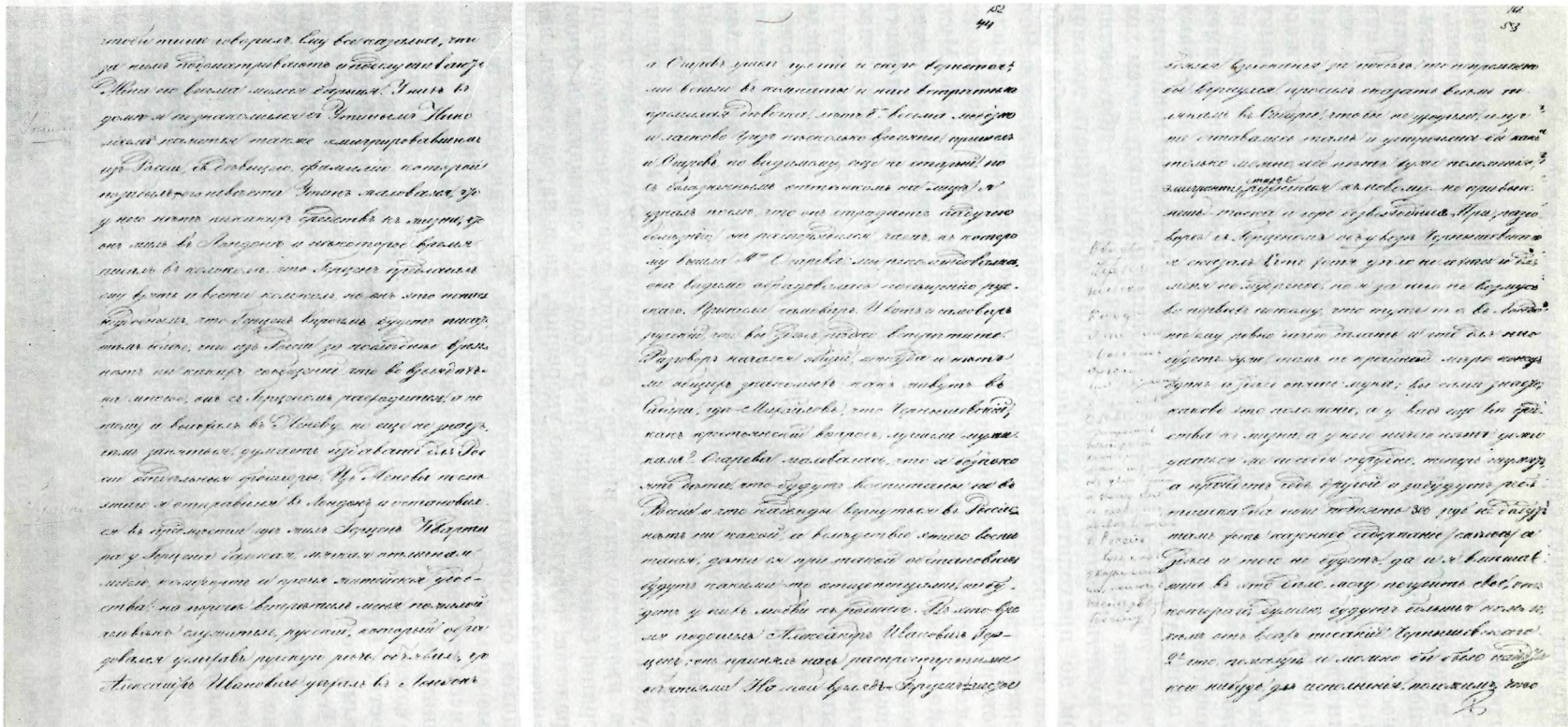
В это время подошел Александр Иванович Герцен. Он принял нас с распростертыми объятиями. На мой взгляд Герцен — чистое типическое лицо русского человека,— человека, как говорится, бывалого, ловкого, что называется с подходцем, а за словом в карман не полезет, что ни слово — то острота и добродушная ирония.

Вообще Герцен собеседник увлекательный и располагающий в свою пользу. Он крайне симпатичен. Встречаясь с ним, вы как будто чувствуете, что век знакомы; ну, куда бы судьба ни забросила такого человека, он всегда будет, как говорится, впереди и свой. Мне он представляется так: попади он на вечеринку деревенскую и пойди вприсядку, все от него будут в восторге; попади он в подорожные, непременно будет атаманом с рыцарскими замашками, с юмором отмочит какое-нибудь коленце. Лучше я описать типа Герцена не умею; русская распущенность и добродушие смешаны с энергией и не то ⟨что⟩ со злобою, а какою-то злою, непоколебимою удалью, которая подчас расплачется и при виде царапины, ⟨но⟩ не дрогнет собственною рукою прирезать кого хотите. По приходе он совершенно завладел речью, рассказывал о недавнем посещении его Гарибальди, об обеде, бывшем у него для Гарибальди, подтрунивал весьма мило по этому поводу над англичанами, как те по приходе обставили Гарибальди, чтобы не допустить к нему всех. И как он чуть не самодёром попал к Гарибальди – по милости настойчивости и громкого голоса,— который подозвал Герцена и согласился или напросился у него обедать, не помню. Какую овацию устроили лондонские рабочие, собравшись массою на дороге от Лондона до его квартиры, когда проезжал Гарибальди, и в каком комическом положении была лондонская полиция, когда Гарибальди обратился за столом к Маццини со следующими словами: „Если я сделал что-нибудь для народа, то обязан своему учителю Маццини". Что когда Гарибальди обратился с речью к нему, Герцену, то он, Герцен, от волнения не мог ответить и послал на другой день к нему письмо. Огарева добавила, что когда шел Гарибальди, то женщины приподымали ребятишек и хватали за шарф. В таких разговорах прошло время до ужина. За ужином Герцен, поднося мне абсент, заметил, что здесь вино не такое, как в России, а крепкое. Я ему отвечал, что он ошибается, что Россия теперь не та, а что у нас вино тридцать восемь градусов. Герцен расспрашивал о Петрашевском, объяснял, что семья его ⟨Герцена⟩— две дочери и сын—в Венеции, что одна из дочерей занимается живописью, а сын весь погрузился в ученость, и вспоминал о Вятке.

После ужина мы с Герценом остались одни, и разговор принял серьезное направление. Герцен возбуждал вопросы такого рода: что Россия? как администрация? что крестьянская реформа? что печать? что молодежь? Какая причина, что прежде ему от русских посетителей покоя не было, а в последнее время его как бы все оставили? Что „Колокол" не расходится, что думают в России насчет Польши и какое вообще направление общества?»

Герцена, таким образом, интересовали все основные вопросы русской жизни. И на них ему должен был ответить Пестерев. Пестерев мало, скупо передает, как Герцен сам отвечал на поставленные вопросы, но довольно подробно излагает свои ответы Герцену.

«Я на все эти вопросы отвечал нижеследующее: что Россия ничего; что покуда еще разговоры ведем и дел еще мало; что крестьянское дело идет и, по моим понятиям, должно окончиться в их пользу не потому, что, как говорят, им мирволят посредники, и не потому, что за них наши доморощенные либералы, пишущие прокламации „о земле и воле", из чего



СЛЕДСТВЕННОЕ ПОКАЗАНИЕ (ЗАПИСКА) ПЕСТЕРЕВА О ПОСЕЩЕНИИ ИМ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ЛОНДОНЕ ВЕСНОЙ 1864 г. И О БЕСЕДАХ С ГЕРЦЕНОМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОБЕГА ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Листы с пометами одного из руководителей III Отделения, 1867 г.

Центральный исторический архив, Москва

подымается громадный шум, воображается какая-то громадная революционная партия, а в конце концов оказывается до десятка человек, да и те руками и ногами отмахиваются и говорят: „Не мы-де". Мужики не доверяют господам и чиновникам, несмотря на то, что многие помещики предлагают весьма выгодные условия, чтобы только развязаться с ними, артачатся и, естественно, хлопочут, требуя еще бо́льших выгод. Из этого возникают иногда смуты и бунты, вроде описанных Якушкиным в „Современнике" под рубрикою „Велик бог земли русской", но таких ужасов, как пишется у вас в „Колоколе", нет, а просто выходит глупость и шум, делаемые нашими административными мерами. В большинстве же и на практике дело идет так: помещики неспособны да и средств не имеют, чтобы пользоваться излишнею землею от надела, а потому и стараются спустить ее; продавать ее можно только тем же крестьянам и не в значительных случаях разночинцам; поэтому мужики покупают почем хотят или отдельно, или складчиной, покупают не торопясь, ибо сметили, что кроме их купить некому, а самому барину обрабатывать вольнонаемным трудом не приходится; многие бары свои даже усадьбы побросали, оставили или передали крестьянам; по крайней мере, так в Вологодской губернии, где я жил и видел все близко; помещики бросились было на винокурение, но конкуренция и неспособность их делать дело привели только к затрате деньжонок; начали теперь и их бросать. Мужики, где только позволяет местность, пустились в торговлю, чем вытесняют купеческое и мещанское кулачество на крестьянское кулачество, которое, во всяком случае, полезнее. Это делается в деревнях. Относительно денежных повинностей — мужикам тяжелее, но это заставит их хлопотать, быть внимательнее к делу, вести его разумнее и искать средств в промысле,— это, одним словом, развивает их, призывая к усиленной деятельности. Ожидаются земские учреждения. Из деревень вытесняют мироедов и взяточничество. На города реформа действует иначе; помещики, сосчитав правильнее свои доходы, не имея кредита и наличных денег, кроме выкупных свидетельств, зажили умереннее на остатках, которые проедают, не умея ничем заработать, кроме государственной службы. Государственная же служба в последнее время не дает тех доходов, какие предоставляла прежде; с одним уничтожением откупов сколько потеряно! Сами чиновники как-то боятся и застыдились отчаянного казнокрадства, воруют далеко умереннее, да и народ давать взятки перестает, считая это священнозаконною обязанностию; а эти данные уменьшили доход от государственной службы, а когда будут введены новые гласные суды и мировые учреждения, то доходы, кроме прямого жалования, иссякнут вовсе. Уменьшение доходов помещичьих и чиновничьих повлияло и на купечество: собственно городская торговля упала в цифре и само потребление предметов изменилось да изменились и барыши купечества. Прежде шло более предметов роскоши. Покупатели легко нажитыми деньгами не дорожили, цен не знали, поэтому бери, что хочешь. Теперь более идет предметов необходимости, в которых, при частом употреблении и расчетливости каждой копейки, лучше и зря втридорога не возьмешь.

При известном общественном развитии в массе публики заявилась потребность во многих таких вещах и предметах, на которые прежде спрос был незначительный. Приготовление же этих предметов не увеличилось, по дурной нашей промышленно-ремесленной, заводской и земледельческой технике, а вследствие этого стала дороже и самая жизнь; на этот экономический кризис у нас взглянули как на политический. Итак, жизнь вздорожала еще и от образовавшегося осадка дворянства, чиновничества, частию мещанства и детей духовенства, не имеющих собственных доходов, службы и определенных занятий. По воспитанию не

приученные к практическому занятию, которое бы дало приличное насущное пропитание, а у пашенек и маменек питаться они привыкли больше белым хлебом, и поэтому и заработок от них потребовался высшей стоимости, чем прежний или крестьянский, среди которого довольствуется хлебом с мякиной и не всегда с солью,— крестьянин довольствуется лаптями и сермягой, городской обыватель-мещанин — грубым сапогом, дешевым тулупом и хлебом без мякины, каждый день солью и чаем; для таких неприхотливых потребителей было достаточно самого незначительного заработка, кое-чем и кое-как вспаханной земли, поденной мужской работы за 30 коп. на своем содержании и женской — за гривенник; для городского же жителя и его семьи нужен другой заработок — заработок маклаченьем, кулачеством, мелочным торгом дешевеньким материалом и мастерством, как шитье сапог, женщинам — шитье белья и платья, мытье полов, стирка белья,— хотя плохо, но все-таки удовлетворяет их потребностям. Но люди, вскормленные белым хлебом, выучась грамоте и еще кое-чему и кое-что вычитав, естественно, имеют потребность и лучше есть, и чище одеться, и не быть битым насильственно-нравственно. Практика же их жизненной деятельности по односторонне-му, если можно так выразиться, нереальному воспитанию, этого не давала и даже повседневных требований не удовлетворяла. Люди стали втупик: что же это значит? и хороший я человек, и не глупый, и не крайне требовательный в жизни, а все живется скверно, да и кругом скверно; 30 миллионов населения не всегда соль имеют, о мясе и говорить нечего. Везде грязь и бедность материальная, грязь и бедность, ложь и разврат нравственный. Зачем же и отчего в других местах лучше живут? А верно там правительство лучше, все зависит от правительства, а наше ничего не делает полезного для народа, дай разберем его порядки управления, и оказалось при разборе точно скверно. Как же заявить этого дела не дозволяют? Поедем за море, есть там такой человек, все напечатает; ну, и поехали сначала, из потребы, люди дельные, а за ними всякие из моды, чтобы похвастать, что и мы-де не лыком шиты, вот и валило к вам народу; а как стало на Руси помаленьку дозволяться писать да говорить о своих же недостатках, стали обещать их исправлять да применять на самом деле к практике, явилась крестьянская реформа, а за ней судебная, свобода слова и мысли, ну, дельные люди и остановились ездить к вам и занялись дома, на модных же прикрикнули, и те отстали, ездить не смеют. А вот мне пришла насущная надобность видеть вас, я и поехал, не боясь ответственности,— заявить вам, что теперь вопрос России экономический, но не понятый и не уясненный, и что всякое действие вне этого вопроса принесет для России только вред, а не пользу. Настоящее направление вашего „Колокола" для России устарело, руганья и административных обличений довольно с нас и в нашей журналистике, нам уж это надоело. Девять рублей за ваш номер никто теперь не даст, потому он и идет худо, да и продавать вы не умеете, у вас и за границею я видел в одном только месте, где мне его открыто сунули в руку, а то все надобно идти и спрашивать в книжных лавках, хотя бы и здесь в Лондоне, и кто мне поручится за то, что тут где-нибудь вблизи нет агента от нашего правительства и по возвращении на родину мне за это чтение не достанется? Что же касается польского вопроса, то массе публики до него нет дела. Выражаются обыкновенно так: „Опять поляк бунтует"; другая часть: „На какого нам лешего эта Польша?— только разорение одно; что́ они ее не отдадут? ну их совсем, живи они как знают"; истые, но бестолковые патриоты кричат, что все и в России движется скверно от полонизма, что полонизм растлевает молодежь и если не вырвется с корнем, то мы доживем до революции и анархии. Часть общества сочувствует Польше, но тоже по-своему, оставя именно националь-

ность, и сочувствует просто, как за людей, что вот-де за привязанность к родине умирают, идут на каторгу, теряют состояние; наслали к ним туда наших чиновников да таких-то, что и нам-то не годились, а там поди что они делают? Мой личный взгляд на эти дела такой—это было года два назад,— что Польша своими восстаниями будет тратить и свою и нашу кровь и останавливать свое и наше прогрессивное движение к экономическому благоустройству их самих и нас, что Польша всем этим будет только (увеличивать) народонаселение Сибири, а мы его тоже израсходуем безалаберно, без пользы для края; это я основываю на таких данных, что полякам с нами не справиться — мы всегда их придавим, а поляки ни за что не отступят, что возмущение 1830 года было чисто аристократическое, настоящее возмущение будет* барское и мещанское, а поэтому и народа к нам (в Сибирь) прибудет больше; в следующее же — еще больше, потому что ввяжется крестьянское; по-моему, один выход — примирение, но на чем оснуется — ничего теперь сказать нельзя, да это не моего ума дело —я человек настоящего, и моя задача экономическая, на политику я смотрю как на мешающий элемент в экономии — или совсем, если возможно, отстранить ее, пусть она идет сама по себе, а экономический вопрос сам по себе, но, к несчастью, этого нельзя, и невольно приходится впутываться в политические дела и события. Печать наша, грешным делом, возбуждает вопросов кучу, а разрешать их не умеет. Всему причиною, что публицисты наши — народ непрактичный, жизни русской не знающие, теорий нахватались отвсюду и сыплют ими и вправо и влево. Так, „Современник", попав всех вернее на требование России вопроса экономического, не умеет объяснить этот вопрос, пускается в социализм и коммунизм, накидывается на дворянство, на собственность, ругает администрацию. „Весть", по силе возможности, защищает и собственность, и дворянство и тоже, в свою очередь, ругает администрацию. „Русское слово" пародирует „Современник" и с ним непременно поругается (что и было по вопросу о Базарове).

Московские публицисты, вооружась бронею патриотизма, кричат на „Современник", „Русское слово" и на всю петербургскую журналистику, что эти люди — зловредные безбожники, полонисты, что они хотят погубить Россию, и ругают администрацию до неприличия, даже Валуева заподозрили. После моего уже разговора с Герценом во главе революционной партии и Константина Николаевича заподозрили в измене. Вообще хаос в русской журналистике неподражаемый, и из всего этого выйдет то, что в один прескверный день скажет им правительство „Молчать!", и дело печати пойдет вспять (пророчество мое сбылось), а тогда понадобится ваш „Колокол", но чтобы он принес истинную пользу, для этого нужно, чтобы русская эмиграция жила не разбросанно, а вместе, чтобы было кому писать; сбор вместе нужен и в том отношении, что у нас экономический вопрос принят за политический, поэтому начнутся всякие преследования, явятся эмигранты и ссыльные; эмигранты по большей части без средств и уменья приобрести и заработать, поэтому для них необходимо просто мирное занятие, но хоть некоторым предоставить исполнять корреспонденцию для наших газет,— ведь все равно пишут же и получают за труд теперешние корреспонденты, и пусть издают русскую газету, прямо русскую, перепечатывая новости из русских газет; русских теперь много ездит за границу и живут через дороговизну, да не везде есть русские газеты, а для многих было бы полезно и интересно знать, что делается в России, и такая русская газета пойдет непременно и даст многим хлеб, могут заняться здесь покупкою для России и продажею ее произведений за границею — по крайней мере, положе-

* *В рукописи:* было

ние их будет обеспечено и ⟨голодать⟩ не придется,— как рассказывают, в Савойе умер какой-то русский эмигрант от нужды; что же касается положения ссыльных в Сибири, то я приму все меры, чтобы сделать как можно сноснее их материальное положение, и что у меня для этого мысль организовать торгово-промышленную компанию и тем самым дать работу как ссыльным, так и этим ищущим лучшего экономического положения, которых приняли за революционеров, и что, собственно, в России нет, да и быть не может, говоря серьезно, никакой революционной партии, что Россию нельзя ставить на одну ногу с другими государствами Европы; у ней свой взгляд, своя жизнь, и она пойдет своим дельным путем к развитию и благосостоянию; сила обстоятельств возьмет свое, и ее надо только поддерживать, но отнюдь не насиловать по придуманному плану воображения.

Герцен согласился со мною во многом, сомневаясь в исполнении моего предприятия, во-первых, оттого, что на него никто не даст гроша,— что всего более относительно Сибири интерес поляков, но они изверились в русский либерализм, так как их на каждом шагу обманывали. Такие у меня разговоры с Герценом велись вечера четыре, тут же я вспомнил об отделении Сибири и спросил, не получил ли он чего, и как я предполагал, он ничего не получил, а потому я и просил, что если что получит, то чтобы не печатал и не придавал бы такому сведению никакого значения, что это ерунда и что такие слова приносят только вред краю, что вообще из ⟨!⟩ корреспонденции из России он должен быть крайне осмотрителен, ибо можно нагородить вздору, который другим будет стоить недешево. Он согласился и сказал, что теперь никакой почти корреспонденции из России не получает, так что иной раз и листка напечатать нечем и приходится писать ему или Огареву...» (д. 302, лл. 151 об.— 160 об.).

Во время разговоров с Пестеревым Герцен поставил перед ним вопрос о Чернышевском, о возможности организации его побега из заключения.

«При разговоре с Герценом об увозе Чернышевского я сказал:

1) что хотя дело не ахти для меня мудреное, но я за него не возьмусь, во-первых, потому, что тут, то есть в Лондоне, ему Чернышевскому⟩ ровно нечего делать и что для него будет хуже. Там, по крайней мере, конец один, а здесь опять му́ка; вы сами знаете, каково это положение, а у вас еще все средства к жизни, а у него ничего нет, дожидаться же пособия трудно —теперь шумят, а пройдет год-другой и забудут ребятишек на ноги поднять, 300 рублей не дадут; там хоть казенное содержание (смеюсь), а здесь и того не будет, да и я, вмешавшись в это дело, могу погубить свое, от которого, думаю, будет больше пользы, чем от всех писаний Чернышевского*; 2) что, пожалуй, и можно бы было найти кого-нибудь для исполнения, положим, что нашелся бы человек, готовый рискнуть собою, потому что все же тут риск: может, удастся, а может и нет; захочет ли, наконец, сам Чернышевский рисковать, потому что неудача в побеге пахнет расстрелянием; ну, положим, все захотят и даже не попадутся, что будет с семьей, кто будет воспитывать детей? Ведь небось никто 20 тысяч в ломбард не положит. —„Да“,— сказал Герцен. Тем разговор об увозе Чернышевского и покончился» (там же, л. 161—161 об.).

Если бы это было и так, если бы на этом разговор действительно кончился, то все же он очень важен, и не только потому, что он показывает,

---

* *На полях у этого места карандашом рукой одного из руководителей III Отделения:* Об увозе Чернышевского. Когда это было? Московская организация задумала о Чернышевском в 1865 и 1866 гг. Запросить Пестерева: кому принадлежит мысль об увозе Чернышевского и кому он ее сообщал по возвращении в Россию. Худяков указывал на помощь Пестерева. Почему?

как Герцен относился к Чернышевскому, не только потому, что вопрос о побеге Чернышевского Герцен ставил уже в мае 1864 г., в дни гражданской казни Чернышевского, но и потому, что вопрос этот Герцен ставил конкретно. Речь шла не вообще о пожелании «увоза» Чернышевского, а намечался план увоза.

Один раз Герцен разговаривал с Пестеревым о Чернышевском или несколько? Пестерев не сказал. Но в ответах на вопросы о «Колоколе», предложенных Следственной комиссией по делу Каракозова, он сообщил ряд дополнительных подробностей.

«Когда Герцен спросил у меня, что говорят в России о „Колоколе" и о нем, я отвечал, что последнее время Россия „Колокола" не видит почти, а на смену вас у нас есть свой публицист, которым увлекаются,— это Чернышевский. „Колокол" ваш уж для нас плох, а главное, мода на вас прошла.— „Да, это я вижу,— было мне ответом.— Ни посетителей у меня последнее время нету, и издание совсем нейдет: хоть бросай. Сведений из России тоже не получаю, даже журналы и газеты запаздывают, да и работаем только вдвоем с Огаревым. Он же больной, что тут сделаешь? Сын у меня совсем ученый, политики просто не понимает. Предлагал было Утину, тот отказался. Как же тут винить меня? Пусть приедет Чернышевский, я с руками передам ему мой станок. А что, ведь от вас уйти можно? Бакунин ушел же?"— „Рискуя головой, чего нельзя? Но не всем бакунинское счастье! Того ведь сами в порт сдали да на своей лодке и на американский пароход перевезли".

Огарев о Чернышевском ничего не говорил, но на дурное положение „Колокола" жаловался. Из всех вышеизложенных данных я вывел такое заключение, что если таковая мысль западает Герцену в Лондоне, то может запасть и в России, и хоть я был почти уверен, что в исполнение она не приведется, но могут быть попытки или даже просто болтовня. Но все же для моего дела она вредна, и я решил, насколько смогу, выследить и помешать» (там же, л. 257 и об.). О том, как Пестерев, вернувшись в Россию, пытался «помешать» увозу Чернышевского, мы скажем ниже, а сейчас закончим рассказ о заграничном путешествии Пестерева.

В Лондоне Пестерев пробыл, как он показал, четыре дня (там же, л. 252). Внимание к нему Герцена не ограничилось домашним гостеприимством. «Герцен,— сообщает Пестерев,— показал мне типографический станок, наделавший столько хлопот и неприятностей нашим властям. Сводил в книжную лавку, где торгует поляк, фамилию забыл, всеми запрещенными книгами, из которых я не взял ни одной, кроме песенника, который, впрочем, я приобрел еще в Женеве от Утина» (там же, л. 161 об.).

На обратном пути из Лондона Пестерев остановился на несколько дней в Париже. Здесь он познакомился через Черкесова (повидимому, сопутствовавшего ему во все время лондонской поездки) с В. Ф. Лугининым (л. 245) и несколько раз побывал у него, затем у Ленца и Олибера, которых знал по Сибири, и, наконец, у Е. В. Салиас. Затем через Швейцарию Пестерев уехал домой, в Россию. В Женеве проездом он вновь виделся с Касаткиным и Утиным. Об этом заключительном этапе своего путешествия Пестерев дал очень скупые показания:

«Из Лондона я проехал в Париж, где познакомился с одним русским молодым человеком, фамилии не знаю, знаю только, что он изучал французские ассоциации рабочих и где-то чему-то учился, чуть ли не математике. Через день я выехал из Парижа, опять в Цюрих, где нашел моего товарища Лапре в самом грустном настроении от неизвестности, куда я девался. Я наврал ему не помню уже что и, проживши дня два или три в Цюрихе, выехал с ним в Париж (...) В Париже из подозрительных

лиц ни с кем не виделся, разве, если можно назвать подозрительным лицом, виделся с графинею Салиас, у которой был один раз. Старуха с пукольками, тоскует о сыне, что сын скучает и уехал куда-то прогуливаться, ахает, какое-де грустное положение польской эмиграции, что ее отовсюду гонят и что у ней даже приличного платья нет! Погоревал я с ней вместе и ушел. Из Парижа я проехал в Женеву и остановился в гостинице и, зная, где тот трактир, в котором постоянно играет на биллиарде Касаткин, пришел туда и действительно нашел Касаткина играющим с дьячком русской церкви; зная его боязливость и шопот во время прогулок, я выждал, пока он сам не подошел ко мне и не увел к себе; был потом у Утина, который просил похлопотать у брата о высылке ему денег, и тут же объявил ему мои впечатления, что вся эта эмиграция мне крайне смешна и глядит в разные углы, что даже закваски никакой нет, а так — бросила судьба людей и живут день до вечера. Тяжело и грустно. Наутро я выехал в Россию.

Утин проводил меня до моста...» (лл. 161 об.—162 об.).

В Петербург Пестерев вернулся в июне 1864 г. Общие «впечатления» из всего виденного и слышанного им в русских эмигрантских центрах Западной Европы он изложил перед следственными властями в следующих словах: «Я вывез из-за границы ‹...› убеждение, что никакой серьезной противоправительственной русской партии за границей нет и что все эти люди — болтуны, опустившие крылья, и в моем предприятии полезными быть не могут» (там же, л. 162 об.).

Но Пестерев вывез из-за границы не только «впечатления»; он вывез деловые планы и поручения. О некоторых из них он упоминает в своих

О. С. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

показаниях властям, хотя и очень скупо, о других, вероятно, умалчивает, третьи тщательно маскирует политически безобидными и даже благонамеренными версиями.

Наиболее важное дело, план которого был разработан Пестеревым за границей, с участием или даже по инициативе Герцена и Серно-Соловьевича, было связано с замыслом освобождения Чернышевского.

За выполнение этого замысла Пестерев принялся, как только вернулся в Россию. О предпринятых им практических мерах он рассказал в своих следственных показаниях, но рассказал так, что придал этим мероприятиям смысл, диаметрально противоположный тому, какой они имели в действительности. Такой эзоповской манерой, кстати сказать, были изложены Пестеревым и его приведенные выше разговоры с Герценом. По-иному Пестерев излагать и не мог. Он писал не воспоминания о былом, а следственные показания о живых людях. Он писал их в тюрьме, по требованию властей, и хорошо знал, что от того, как он их пишет, зависит дальнейшая судьба этих людей и его собственная. Пестерев привлекался по делу о намерении «освободить из каторжной работы государственного преступника Чернышевского». Он понимал, в частности, что от его ответов зависит в первую очередь судьба Ольги Сократовны Чернышевской, которая, по его планам, являлась, повидимому, одним из главных орудий в предполагаемом увозе Чернышевского. Пестерев поставил перед собой задачу рассеять подозрение властей, что он принимал участие в попытках освободить Чернышевского и что он привлек к этому его жену. С этой целью он подчинил свои показания доказательствам прямо противоположного тезиса: узнав, что революционеры задумали побег Чернышевского, он, Пестерев, постарался насколько мог помешать осуществлению этих замыслов и «орудием для этого» сделал Ольгу Сократовну.

«Самое лучшее орудие для этого была жена Чернышевского, и потому, воротившись в Россию, я отыскал ее в Москве. Она думала, что я привез ей известие от мужа, но я сам спрашивал о нем и предложил ей свои услуги, что не думает ли она поехать к мужу, что я в таком случае могу быть ей полезен. „Я бы поехала, да далеко, дорого, да я и больная всё, без доктора куда, да и Н. Г. особенно не желал, чтобы я приехала к нему, что мне там беспокойно будет“.—„А как он там без вас соскучится да вздумает уйти? а это болтают“.— „Э, это-то вздор! Н. Г. не такого характера, чтобы решился уйти. Он не за себя побоится, а ни за что не решится подвергнуть ответственности кого бы то ни было, но я бы поехала, если бы было с кем“.— „Я вам сыщу попутчика, даже доктора, до Иркутска он вас проводит, а там уж не так далеко. Хотите —пришлю“.— „Пожалуй“.

И я рекомендовал доктора Павлинова, моего земляка.

Потом я Чернышевскую видал не часто, ибо был вне Москвы...» (там же, лл. 257 об.—258).

В предшествующем допросе, снятом в канцелярии московского обер-полицмейстера, Пестерев показал по тому же вопросу:

«Узнавши, что Пыпин — родственник Чернышевской, я был у него — узнать, где она живет. Мне сказали, что в Москве. Я выпросил ее адрес 〈...〉 Я был у Чернышевской и нашел ее больною с маленьким сыном; я стал ее спрашивать, поедет ли она к мужу; она говорила, что она бы с удовольствием отправилась, но не знает, как ехать больной и без средств. Я ей объяснил, что денег для поездки нужно не бог знает сколько, при этом указал на обязанность редакции „Современника“ помочь ей, так как муж ее Чернышевский возвысил его значение и своим сотрудничеством доставлял немало подписчиков. Напомнил о родных, но она жаловалась, что ей все худо помогают, и рассчитывала только на про-

дажу своего дома в Саратове*. Тут же я ей заметил, что слышал о сборах к увозу ее мужа, и убедил, что это ни к чему не послужит и что лучше ей ехать к нему и там облегчить его участь. Она вполне согласилась, и я дал ей слово исполнить все относительно устройства ее поездки в Сибирь. О Чернышевской я слыхал от Шелгуновой, как о пустой и ветреной женщине, которая мотала только мужнины деньги и занималась развлечениями да волокитством за ней молодых людей. Для меня это было все равно: была ли Чернышевская пустая или ветреная. Для меня было довольно принять в ней участие, как в женщине, поставленной обстоятельствами в дурное положение, муж которой, как я слыхал, любил ее до безумия, а трудно было допустить, чтобы Чернышевский, при его уме, мог любить дурную женщину» (л. 165). «Узнав ее короче, я убедился, что она женщина как женщина, плохо воспитанная, но хозяйка и добрая мать; дома всегда занималась делом и сама учила своего сынишку; итак, определяя, что для нее будет лучше ехать к мужу, да и Чернышевский, имея столь дорогое около себя лицо, заживет и не будет как сам мечтать, так и другие не будут заботиться о его побеге, который ни в каком случае не принес бы никому пользы, а только вред. Я просил моего знакомого доктора Павлинова, приехавшего из Иркутска держать экзамен, чтобы он согласился быть ее домашним врачом, и, окончивши экзамен, не отставал бы ⟨!⟩ сопутствовать ее в поездке до Иркутска. Павлинов на все согласился, и я отрекомендовал его Чернышевской как земляка и хорошего моего знакомого» (там же, лл. 163 и 165—165 об.).

Итак, чтобы «соскучившийся» без Ольги Сократовны Чернышевский не «ушел», Пестерев направляет к нему Ольгу Сократовну, хотя она заявляет, что Чернышевский «особенно не желал», чтобы она приезжала на каторгу. Какой же смысл было настаивать на поездке Ольги Сократовны, если Пестерев на самом деле думал помешать Чернышевскому бежать? Или он думал, что Ольга Сократовна хуже его знает настроения и мысли Чернышевского, его характер? Так думать не было никаких оснований. Пестерев ни разу не встречался с Чернышевским. Но поездка Ольги Сократовны на каторгу вместе с детьми устраняла как раз все те мотивы, которые препятствовали побегу. Чернышевский, по словам Ольги Сократовны, не «уйдет», так как не «решится подвергнуть ответственности кого бы то ни было». Кого же? Ведь не тюремщиков же своих. И, с другой стороны, не революционеров, которые захотели бы сделать попытку освободить своего вождя. Несомненно, Чернышевский опасался в первую очередь подвергнуть суровой ответственности Ольгу Сократовну. Ехать к нему на каторгу жить он ей запретил. А бежать вместе с ней? Если Ольга Сократовна сказала что-либо об этом Пестереву, то он скрыл это от Следственной комиссии.

Пестерев располагал широкими и прочными знакомствами в мире политической ссылки и каторги в Сибири. С другой стороны, в качестве иркутского купца, он поддерживал деловой и дружеский контакт с сибирскими купцами. Многие из них вели обширную торговлю с Китаем. Их караваны, повозки, постоянно двигались туда и обратно. Им ведомы были все пути и дороги. Их экипажи были известны страже, и пассажиры не могли внушить ей никаких подозрений. И вот, быть может в качестве не то служащего, не то гостя сибирских купцов, на их рысаках и должен был, по плану Пестерева, проехать Чернышевский до границы. Граница была всего в тридцати верстах. И то, что он ехал бы с женой и детьми должно было еще больше усыпить бдительность. Разве с детьми из каторги бегут?

---

* Купчая крепость на продажу дома Чернышевского в Саратове совершена во II Департаменте Петербургской палаты гражданского суда 4 марта 1864 г. — *В. Ш.*

Разумеется, это не более чем наше предположение. В семейной переписке Пыпиных об этих замыслах нет ничего.Тем более нет о них ничего в следственных показаниях Пестерева. Он добился того, чего хотел: рассеял подозрения властей о своей причастности к замыслам «увоза» Чернышевского.

11 ноября 1867 г. шеф жандармов Шувалов получил из Следственной комиссии по делу Каракозова бумагу, в которой можно было прочесть: «Пестерев старался даже воспрепятствовать осуществлению этой мысли и для этого, по возвращении в Россию, немедленно отправился в Москву, уговорил Чернышевскую ехать к мужу и приискал ей попутчика, доктора Павлинова» (д. 302, ч. IV, л. 342 об.). Бумага была подписана Ланским.

Следственная комиссия не нашла в действиях Пестерева состава преступления, отвергла подозрение, что Пестерев принимал участие в попытках освободить Чернышевского. Но это ни в какой мере, конечно, не означает, что замысла освободить Чернышевского у Пестерева действительно не было. «Пестерев не сочувствовал этой мысли, так как, имея в виду издавать в Иркутске газету с сельскохозяйственным и промышленным направлением, сам намерен был воспользоваться знаниями и литературным талантом Чернышевского»,— пишет Ланской (там же, л. 342 об.). Такое заявление Пестерев сделал.

Но если даже Ланской и в самом деле был уверен, что Пестерев не сочувствовал «увозу» Чернышевского, то местные власти в течение ряда лет подозревали Ольгу Сократовну в том, что она принимала участие в попытке освободить Чернышевского.

Подтверждение этому, хотя и косвенное, можно найти в воспоминаниях М. Н. Чернышевского:

«До Иркутска мы ехали вначале благополучно, без всяких неприятностей и задержек, но в Иркутске совершенно неожиданно пришлось прервать наше путешествие на довольно продолжительное время. У местного начальства явилось сомнение в наших личностях. За несколько времени перед тем распространились слухи, что двое каких-то людей отправились для освобождения Чернышевского. Осмотрительному начальству, в лице тогдашнего губернатора Шелашникова, показалось, что мы-то и есть эти двое людей. Потребовалось навести справки. Слава богу, что оставили нас на свободе и не засадили в тюрьму...» («Чернышевский в Сибири», СПб., 1912, вып. 1, стр. 176).

Ольгу Сократовну и Павлинова задержали в Иркутске и установили за ними надзор. Теперь за ней по пятам ходили два казака и частный пристав. Почему? Потому что сомневались в их «личностях», как пишет М. Н. Чернышевский? Конечно, нет. В личности Ольги Сократовны и Павлинова никто не сомневался и справок об этом никто не наводил. Это бесспорно. Об этом ясно говорит дело Чернышевского. Но ясно и другое. Подозревали, что Ольга Сократовна и Павлинов и были теми двумя личностями, которые спешили летом 1866 г. на каторгу, чтобы освободить Чернышевского. Что было делать? Дать им возможность ехать туда, где жил Чернышевский, и там арестовать в момент совершения побега? Но где гарантия, что момент не будет упущен? Шелашников не желал рисковать. Он задержал Ольгу Сократовну в Иркутске. Это нарушало директиву центра. Но бумаги, привезенные Ольгой Сократовной, были подписаны лицами, на которых падала ответственность за то, что они не сумели предупредить раздавшийся 4 апреля 1866 г. выстрел. Имели ли теперь силу эти бумаги? К тому же они находились в противоречии с высочайшим повелением, последовавшим по поводу государственных преступников, высланных в Сибирь в 1826 г. Им не разрешались свидания с женами, жены могли последовать за ними,

только отказавшись от гражданских прав. «Я отказал в упомянутой просьбе г. Чернышевской, — писал Шелашников,— поручив объявить ей, что если она желает следовать к мужу в Нерчинские заводы, то должна оставаться навсегда в Сибири (до смерти мужа) и подчиниться всем тем ограничениям, какие постановлены для жен государственных преступников, разделяющих участь своих мужей» (ЦГИАМ, III Отд., 1-я эксп., 1862 г., д. № 230, ч. 26, лл. 272—273).Согласие Ольги Сократовны на предложение Шелашникова устраняло какое-либо беспокойство. Арестовать и поселить на каторге, лишив всех прав того, кто приехал с целью освободить Чернышевского из каторги,— что могло быть более заманчивым для Шелашникова? Но Ольга Сократовна не согласилась на его предложение, она настаивала на выполнении тех обязательств, тех гарантий, которые были даны ей в Петербурге. И тогда, организовав строгий надзор за ней, Шелашников написал шефу жандармов П. А. Шувалову письмо с просьбой дать указания.

«...Я долгом считаю,— продолжал Шелашников,— обратиться с покорнейшею просьбою о том разрешении, какое последует на означенную просьбу, почтить меня уведомлением по телеграфу в уважение того, что г-жа Чернышевская по болезненному своему состоянию должна возвратиться обратно в течение нынешнего же лета» (там же).

Ясно, что О. С. Чернышевская ехала в Сибирь не для того, чтобы остаться там, а чтобы участвовать в освобождении Чернышевского. Для этого Пестерев ее туда и направлял.Но теперь об освобождении не могло быть и речи. Замысел был раскрыт, хотя далеко не полностью. Искали доказательств, подтверждающих подозрение, здесь, в Сибири, ждали сообщения о них из Петербурга. Но и Шувалов не хотел взять на себя ответственность за результаты свидания Чернышевского с женой. 30 июля доложили императору, 31-го Мезенцов отправил телеграмму: «Свидание разрешено на ваших условиях, жандармскому офицеру сопровождать Чернышевскую, не допустив никаких секретных сообщений, письменных или словесных» (там же, л. 274).

12 августа Ольга Сократовна выехала в Кадай. С ней рядом сидел теперь не Павлинов, а жандармский офицер Хмелевский. Ее везли, как возили каторжан. По возвращении ее из Сибири, в ноябре 1866 г., по распоряжению шефа жандармов, за ней был установлен «строгий полицейский надзор». А когда она пожелала вновь съездить в Сибирь, у нее взяли подписку о невыезде из Петербурга и отобрали паспорт. Поводом к этому послужило письмо генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова к шефу жандармов от 18 октября 1868 г. Вот его текст:

«Усматривая из доложенных мне сведений о государственном преступнике Николае Чернышевском, что жена его, проживающая в настоящее время в С.-Петербурге, предполагает приехать в Александровский завод Нерчинского округа, где Чернышевский содержится, я долгом считаю заявить вашему сиятельству, что подобный приезд, ввиду известного вам желания польской эмиграции освободить этого преступника, может послужить содействию к осуществлению вышеупомянутого желания. На этом основании я, с своей стороны, не считаю удобным, чтобы г-же Чернышевской было дано разрешение на приезд в Восточную Сибирь» (там же, л. 288).

Таким образом, и теперь, через два года после первой поездки Чернышевской в Сибирь, генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков опасался, как и прежний губернатор Шелашников, что присутствие Ольги Сократовны «может послужить содействию» в намерении революционеров освободить Чернышевского.

Итак, Пестерев разговор с Герценом о возможности увоза Чернышевского попытался реализовать. Позже Ольга Сократовна не раз встречалась с Павлиновым; ее сын, Михаил Николаевич Чернышевский, отзывается о нем очень тепло и сердечно. Пестерев сумел отыскать именно того, кто был нужен в этом сложном, опасном предприятии.

После возвращения из-за границы Пестерев, по просьбе Александра Серно-Соловьевича, занялся хлопотами, связанными с его книжным магазином в Петербурге. Это было большое дело, довольно расстроенное вследствие эмиграции Александра Серно-Соловьевича и ареста его брата и совладельца — Николая.

Книжный магазин Серно-Соловьевичей не был торговым предприятием в собственном смысле этого слова. Он имел политико-просветительные цели, и поэтому предложение Серно-Соловьевича «принять ведение дела по книжному магазину на себя или же передать таковой в надежные руки» (д. 302, л. 174) заинтересовало Пестерева. Пестерев был у Рихтера, и тот предложил ему принять дело, заявив при этом, что он отказывается от денег, которые ему был должен магазин. Пестерев обратился за советом к В. О. Ковалевскому, который управлял типографией Голицына. В беседе с Ковалевским возникла мысль объединить типографию Голицына с книжным магазином Серно-Соловьевича. Пестерев полагал, что при таких условиях можно будет основать «общую издательскую компанию с книжною торговлею», и заявил по этому поводу: «К чему и я был не прочь пристать, сбывать книги в Сибири и других местах». Заведование магазином можно было бы передать Зайцевым, «так как они знакомы с литературным кружком и самим делом» (там же, л. 174 об.).

Из показаний Пестерева не ясно, чем кончился этот замысел. Во всяком случае, он продолжал интересовать Пестерева и дальше. Деловые связи у него продолжали существовать, так как в долговую тюрьму к нему в 1866 г. приходил Черкесов. Пестерев так рассказывает об этом, пытаясь выгородить Черкесова: «Между прочим, зашел ко мне Черкесов, кажется, высидевший месяца два в крепости, с объявлением, что он со мной ничего общего не имеет, что все это пустяки. Никаких компаний составлять не нужно и нос в большие дела, особенно с политической закваской, совать нечего» (там же, л. 221).

Повидимому, и еще ряд поручений, исходивших от русских революционеров, находившихся в эмиграции, выполнил Пестерев, и не в одиночку, а привлекая к этому знакомых. Это видно из «дела Ворожцова».

2

СВЯЗИ ВОРОЖЦОВА С ОГАРЕВЫМ

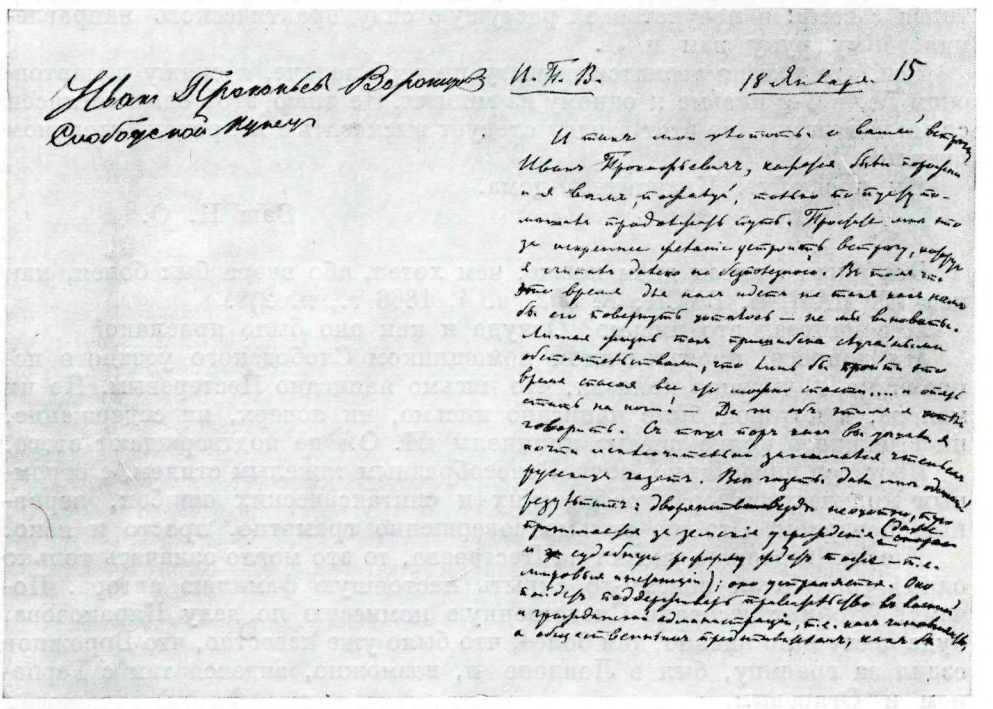
13 октября 1866 г., при обыске, произведенном в квартире приятеля Пестерева — купца Ивана Прокофьевича Ворожцова, в городе Слободском, Вятской губернии, было отобрано письмо, написанное мелким четким почерком на двух листках голубой бумаги небольшого формата.

Оно отличалось от всех остальных писем тем, что не было в нем ничего ни о торговле, ни о фабричных делах. Повидимому, они очень мало интересовали автора, и все же он был чем-то связан с И. П. Ворожцовым, «фабрикантом спичек, слободским (Вятской губернии) купцом», даже близок ему: «... зачем я это пишу? Затем, чтоб протянуть вам руку сочувствия...». Незнакомому, идейно чуждому человеку «руку сочувствия» не протягивают. Близость была, и именно политическая близость. Письмо говорило о политике ясно и в то же время осторожно. Оно ка-

салось и личных семейных вопросов, волновавших автора. Такие письма далеким, малознакомым не пишут.

И. П. В. 18 января <1865 г.>

Итак, мои хлопоты о вашей встрече, Иван Прокофьевич, кажется, были порожни, и я вам, пожалуй, только попусту помешал продолжать путь. Простите мне это за искреннее желание устроить встречу, которую я считал далеко не бесполезною. В том, что это время для нас идет



АВТОГРАФ ПИСЬМА ОГАРЕВА К И. П. ВОРОЖЦОВУ ОТ 18 ЯНВАРЯ 1865 г.

Было найдено при обыске у Ворожцова. Слева подпись Ворожцова

Лист 1

Центральный исторический архив, Москва

не так, как нам бы его повернуть хотелось,— не мы виноваты. Личная жизнь так пришиблена случайными обстоятельствами, что лишь бы пройти это время, спасая все, что можно спасти... и опять стать на ноги!— Да не об этом я хотел говорить. С тех пор, как вы уехали, я почти исключительно занимался чтеньем русских газет. Все газеты дали мне одинакий результат: дворянство везде неохотно, туго принимается за земские учреждения [скорее] (даже и [за] судебную реформу ждет тоже — т. е. мировые инстанции); оно устраняется. Оно пойдет поддерживать правительство в военной и гражданской администрации, т. е. как чиновничество, а общественным представителем, как бы ни было ограничено это представительство, не будет или будет очень вялое и редкое. Для меня это из газет очевидно; вместе с этим очевидно убеждение, что за общественные должности должны горячо схватиться разночинцы (купцы, семинаристы, университетцы и т. подоб.), ибо в этом явится путь: развитие понятия выборности, способов явной оппозиции, сбли-

жения со всеми слоями общества для всякой оппозиции. Пора, кроме литературного дела, которое вертится в крошечном кружку и наиболее указывает на идеалы, даже не всегда ясно выработанные, пора приняться за практический труд, который близко ли далеко ли ставит свой идеал, но развивает случающиеся обстоятельства, без развития которых ни шагу нельзя шагнуть. Но вы это сами хорошо понимаете и, может, спросите, зачем я это пишу? Затем, чтоб протянуть вам руку сочувствия, которая поддержала бы ваше убеждение, если встретятся люди, даже и хорошие, но смотрящие на дело с иной стороны... может, не с уясненной стороны. Кончу тем, что скажу вам: да, я страшно рад, что встретился с вами: я почувствовал растущую силу практического направления. Жму руку вам и Л.

Все, что у меня теснится в мозгу по этой задаче, я скажу в мартовском №, в 3-м письме к одному из многих. Не знаю, этот один согласен со мной или нет, но этот взгляд следует высказать в непродолжительном времени.

Ну прощайте. Кланяйтесь дома.

Ваш Н. О.

Это письмо писал днем позже, чем хотел, ибо вчера был болен, как пес» (ЦГИАМ, ф. ВУСК, № 302, ч. 4, 1866 г., л. 2)*.

Кто написал это письмо? Откуда и как оно было прислано?

На допросе, произведенном помощником Слободского уездного исправника, Ворожцов показал, что письмо написано Пестеревым. Но ни манера, в которой было написано письмо, ни почерк, ни содержание, ни стоящие в конце письма инициалы «Н. О.» не подтверждают этого.

Пестерев писал ярко, сочно, своеобразным тяжелым стилем, с огромным количеством орфографических и синтаксических ошибок, неровным почерком. Это же письмо совершенно грамотно, просто и ясно.

И если Ворожцов указал на Пестерева, то это могло означать только одно — он желал почему-то скрыть настоящую фамилию автора. Почему? Это интересовало Следственную комиссию по делу Каракозова, куда поступило письмо, тем более, что было уже известно, что Ворожцов ездил за границу, был в Лондоне и, возможно, виделся там с Герценом и Огаревым.

8 августа 1867 г. Следственная комиссия предъявила подлинник письма Василию Кельсиеву, недавно вернувшемуся в Россию, после того, как он порвал с Герценом и Огаревым, порвал с революционным лагерем и сделался ренегатом. Это был авторитетный эксперт.

Письменное заключение Кельсиева гласило:

«Почерк предъявленного мне письма я без всякого колебания признаю почерком Н. П. Огарева — ошибиться мне в этом невозможно. В. И. Кельсиев» (д. 302, л. 236).

Так была документально установлена связь Ворожцова с Огаревым. Тем самым становилась очевидной и «преступная» деятельность Ворожцова. Теперь дело уже шло о том, как долго она продолжалась, в чем она конкретно проявлялась. Ответ на этот вопрос, так же, как и на вопрос о связях с издателями «Колокола» Пестерева, Следственная комиссия пожелала получить от того же Кельсиева. Он показал:

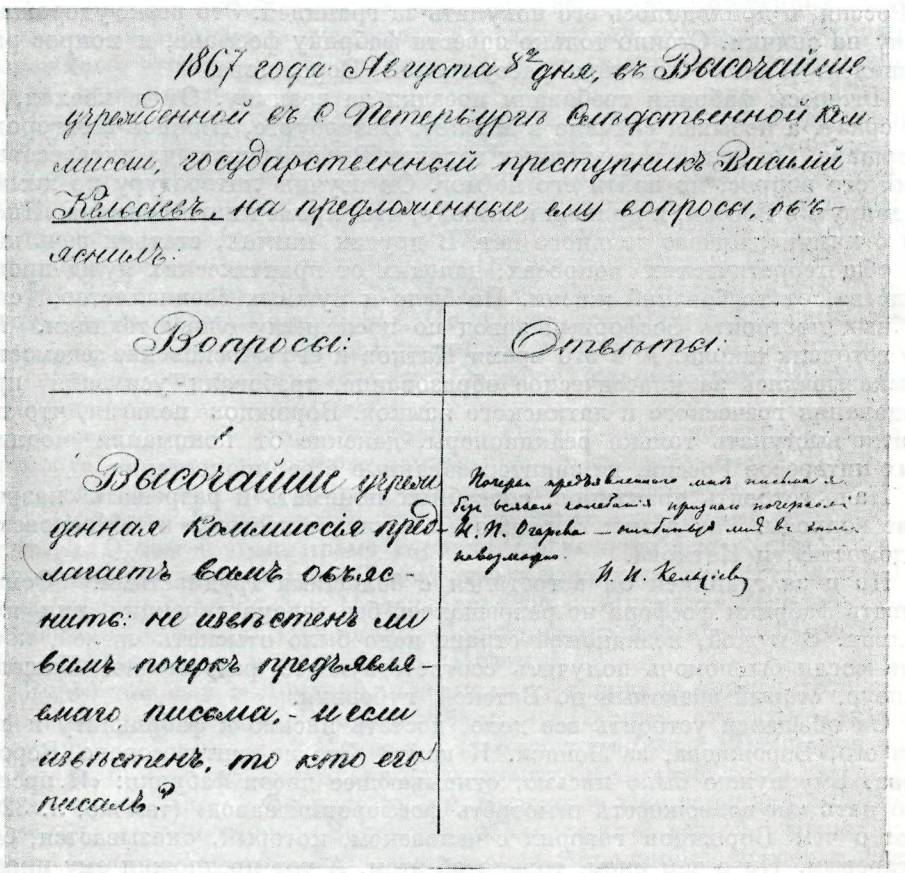
«Личности эти мне даже по имени не известны. Полагаю, что они были в сношениях с Герценом и Огаревым после сентября 1862 г., когда я выехал из Лондона, если только они были с ними в сношениях. В. И. Кельсиев» (там же, л. 237).

---

* Впервые опубликовано Б. П. Козьминым — «Красный архив», 1930, № 1 (38), стр. 172—173.

Нет никаких оснований видеть в оговорке «если» какую-либо попытку спасти Ворожцова, скрыть его связи. Ответ говорил только об одном: до сентября 1862 г. Пестерева и Ворожцова русские изгнанники не знали.

12 сентября Следственная комиссия потребовала новых объяснений от Ворожцова. Ему было предъявлено письмо Огарева с указанием, что следствие установило принадлежность письма руке «изгнанника Николая Огарева».



1867 года Августа 8го дня, въ Высочайше учрежденной въ С. Петербургѣ Слѣдственной Коммиссіи, государственный преступникъ Василій Кельсіевъ, на предложенные ему вопросы, объяснилъ:

Вопросы:	Отвѣты:
Высочайше учрежденная Коммиссія предлагаетъ вамъ объяснить: не извѣстенъ ли вамъ почеркъ предъявляемаго письма, - и если извѣстенъ, то кто его писалъ?	Почеркъ предъявленнаго мнѣ письма я безъ всякаго колебанія признаю почеркомъ Н. П. Огарева — ошибиться мнѣ въ этомъ невозможно. В. И. Кельсіевъ

ПОКАЗАНИЕ В. И. КЕЛЬСИЕВА ОТ 8 АВГУСТА 1867 г., УДОСТОВЕРЯЮЩЕЕ, ЧТО ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ У ВОРОЖЦОВА, НАПИСАНО ОГАРЕВЫМ

Центральный исторический архив, Москва

«...Я полагал, что письмо от Пестерева,— отвечал Ворожцов,— но если по сличению руки оно действительно Огарева, то значит, что Шнеур к нему меня и завозил, я только помню, что личность эта высокого роста с седыми на голове волосами и бородой» (там же, л. 318).

Это все, что он помнил, да еще он знал твердо, что писем никому в Лондоне и в Лондон он не писал и ответов на письма не посылал. Таким образом, Ворожцов не отрицал возможную встречу с Огаревым, к которому его мог завезти его спутник, вятский знакомый Шнеур. Он говорил только, что если встреча и состоялась, то он не знал, что это был Огарев.

«Огарев ли это был, я положительно сказать не могу, а основываясь на сходстве рук, я пишу об Огареве» (там же, л. 323). Ворожцов готов

верить Следственной комиссии, что это был Огарев. «Познакомился я с ним чрез Шнеура, за Лондоном, вероятно в его квартире, встреч было не более двух, если не одна, и именно в вышеописанном месте, названия которого не припомню» (там же). Посетить человека, может быть даже не один раз, и затем забыть его фамилию — трудно. Это должно было показаться малоправдоподобным, но у Ворожцова были свои объяснения. Он был фабрикантом спичек и его интересовал фосфор. Собственно, из-за него он и приехал в Лондон. Фосфор не вырабатывался в России, и приходилось его покупать за границей. Это резко удорожало цену на спички. Стоило только завести фабрику фосфора, и вопрос разрешался. Таков был ход рассуждений Ворожцова.

Интересы фабрики требовали поездки за границу. Он и поехал, но не сразу, а побывал сначала в Москве, Петербурге, Нижнем-Новгороде, Варшаве. Он искал в различных городах России ответа на интересовавший его вопрос, но найти его не мог. Он изучил литературу по химии, изданную в России, и пришел к выводу, что, кроме книги Геймана «Письма о химии», ничего дельного нет. В других книгах, статьях речь шла об общетеоретических вопросах, далеких от практических нужд производства, от требований жизни. Не было и нужных специалистов, способных построить фосфорный завод по последнему слову техники. Их не готовила школа. А в это время Катков и его «Московские ведомости» высказывались за классическое образование, требовали усиления преподавания греческого и латинского языков. Ворожцов полагал, что так могли выступать только реакционеры, далекие от понимания подлинных интересов России, не заинтересованные в ее процветании.

Надо готовить практиков, способных понимать и разрешать назревшие вопросы. Так думал Ворожцов и осуждал поэтому и «Московские ведомости», и Каткова.

Но и за границей он встретился с большими трудностями. Осматривать фабрики фосфора не разрешалось без ведома дирекции или владельца. В чужой, незнакомой стране надо было отыскать людей, которые могли бы помочь получить соответствующее разрешение. Нашелся Шнеур, старый знакомый по Вятской губернии.

Он обещался устроить все дело, достать письмо к фабриканту и повез его, Ворожцова, за Лондон. К кому? Это не интересовало Ворожцова. Ему нужно было письмо, открывающее двери фабрики: «Я просил его дать мне возможность осмотреть фосфоровый завод» (там же, л. 320). Вот о чем Ворожцов говорил с человеком, который, оказывается, был Огаревым. Ни о чем ином, только об этом. А тот предложил ему продавать в России книги. И в этом не было ничего необычного. Услуга за услугу. Фабрикант и купец Ворожцов в своих показаниях все время подчеркивал, что цели его поездки за границу были чисто коммерческими, что все встречи, которые он имел там, были вызваны «делом».

Дело привело его и в квартиру Огарева. И там шли те же разговоры. Незнакомец, оказавшийся, по утверждению Следственной комиссии, Огаревым, рассуждал, по свидетельству Ворожцова, так же, как спичечный фабрикант.

«Ты мне поможешь в моем деле, книги продашь в России, я тебе помогу в твоем — познакомлю с фабрикантом». Вот и все. Огарев это был или кто другой — это было безразлично Ворожцову, поэтому он и фамилию забыл.

«Я хлопотал достать письмо от Шнеура на фосфорную фабрику, Шнеур же мне обещал, что он даже со мной съездит к хозяину фабрики. Об этом, как видно, был разговор и у Огарева» (там же, л. 321). И это было удобно Ворожцову, который не знал ни одного иностранного языка. «Но кончилось тем, что с меня Шнеур взял деньги, а потому Огарев, вероят-

но, и счел нужным написать ко мне письмо, чтобы извиниться, что встречи с хозяином завода, несмотря на всю пользу для меня в том, они с Шнеуром устроить не могли и только попусту отняли у меня время, задерживая в Лондоне. Других же встреч никаких Огарев и Шнеур не обещали мне устроить ⟨...⟩ Что Огарев также обещал хлопотать об этой встрече, то это очень естественно, ибо из меня хотели сделать, как я думаю, по их предложению, торгаша книгами, но по отказе моем в том сочли бесполезным хлопотать о моем деле» (там же).

Так письмо, разоблачавшее «преступную» связь Ворожцова с Огаревым, превращалось в документ, доказывавший полную невиновность Ворожцова, его нежелание принимать участие в пересылке и распространении нелегальщины.

И действительно, первые строчки письма Огарева Ворожцову говорят о хлопотах Огарева, о попытке устроить встречу с кем-то и о том, что она не удалась. «Итак, мои хлопоты о вашей встрече, Иван Прокофьевич, кажется, были порожни, и я вам, пожалуй, только попусту помешал продолжать путь» (там же, л. 2). Обещание было Огаревым дано. Это бесспорно. Но с кем хотел познакомить Огарев Ворожцова? С фабрикантом фосфора? Но почему Огарев не сказал об этом в письме ясно? Боялся скомпрометировать Ворожцова? Но разве фамилия фабриканта могла раскрыть «преступные» связи Ворожцова? Конечно, нет. О какой-то другой встрече, повидимому, хлопотал Огарев. О какой? С кем? Может быть, с Герценом.

«Простите мне это,— продолжал Огарев,— за искреннее желание устроить встречу, которую я считал далеко не бесполезною. В том, что это время для нас идет не так, как нам бы его повернуть хотелось,— не мы виноваты. Личная жизнь так пришиблена случайными обстоятельствами...». О ком другом, кроме Герцена, могла идти в этих строках речь? Повидимому, только о нем: Огарев имеет в виду смерть двух детей Герцена, последовавшую 3 и 11 декабря 1864 г. Именно с Герценом хотел познакомить Огарев Ворожцова. И считал это далеко не бесполезным. Но это оказалось невозможным. Почему?

Ворожцов был в Лондоне, повидимому, в начале января 1865 г. Где был в то время Герцен? В конце 1864 г.— в Париже, откуда уехал в Женеву, затем, 7 января, в Монпелье. И Ворожцов был в Швейцарии и Париже, но был он там несколько дней, может быть, даже тогда, когда Герцена там не было: в феврале 1865 г. Ворожцов уже вернулся в С.-Петербург. Во всяком случае, Ворожцов добивался этой встречи, может быть, ждал приезда Герцена. Это ясно из слов Ворожцова: Огарев и Шнеур «попусту отняли у меня время». Только одно слово из огаревского письма вносит сомнение в такое толкование. Это слово «кажется». «Итак, мои хлопоты о вашей встрече, Иван Прокофьевич, кажется, были порожни». Огарев должен был знать, состоялась встреча у Ворожцова с Герценом или нет. Откуда это «кажется»? Но объяснение этому легко найти. Огарев писал письмо 18 января н. ст., когда Герцен был в Монпелье и когда Огарев в Лондоне мог еще не знать, состоялось ли свиданье. Его категорически отрицал Ворожцов.

«Комиссии известно также, что вы посетили за границей изгнанника Герцена».

«С Герценом, я утвердительно могу сказать, что нигде не встречался и никогда не был знаком, и так как мне случалось за границей видать его портрет у Шнеура, то я не ошибся бы, если бы он встретился мне в числе неотрекомендованных» (там же, л. 329). Возможно, что это было так. Во всяком случае, Герцен нигде не упоминает о Ворожцове. С другой стороны, Пестерев утверждает, что разговоры у Ворожцова с Герценом были (там же, л. 262). Установив, что письмо к Ворожцову было

написано не Пестеревым, а Огаревым, и что «фабрикант фосфорного завода», с которым Огарев обещал познакомить Ворожцова, был не кем иным, как главой русской эмиграции Герценом, Следственная комиссия должна была придти к выводу, что круг интересов Ворожцова не мог ограничиваться торговыми делами. Его интересовала политика. Поэтому Следственная комиссия хотела получить от Ворожцова объяснение каждой фразы письма Огарева, поэтому она требовала подробного рассказа о всех разговорах с ним. Но Ворожцов одно «забыл», другое помнил неясно. У него остались в памяти только мелочи, самые невинные, подробности, не имевшие никакого политического значения. «Всего разговору я припомнить не могу,— пишет он. — Но что о земстве мог быть разговор, то это очень естественно, и что я верю в то, что земские учреждения очень полезны, в том я отказаться не могу» (там же, л. 322). Он даже припомнил, что поводом к разговору о земстве послужили статьи, напечатанные в «Русских ведомостях»,— он заявил, что Огарев настаивал на том, чтобы «податные сословия» приняли участие в выборах в земство, «потому-то, вероятно, Огарев и пишет в письме, чтобы и я принял участие в земских выборах» (там же), но и эти сведения не выходили за пределы того, что можно было узнать из письма. Правда, он сообщил и о том, что́ он ответил Огареву на его предложение, но этот «ответ», как и остальные подробности, говорил только об одном: его пытались вовлечь в политическую работу, а он отказывался. «Я человек, не привыкший к обществу, я посвятил себя практической химии и буду жизнь мою хлопотать о развитии в России тех продуктов, которые теперь достаем из-за границы».

Ворожцов говорил, таким образом, в Лондоне о том, о чем можно было говорить открыто и в России, и там, среди эмигрантов, он думал только о своей фабрике и ее развитии. Да и эмигранты не могли с ним разговаривать на другие темы — так далеки от него, так чужды они ему были: «Об оппозиции против правительства я не помню, был ли разговор и кто в ней участвует, никого не слыхал от Огарева, да и ему невозможно, я думаю, высказывать имен таких личностей человеку, который не участвовал ни в одной демонстрации против правительства, хотя и каждый год бывал в Москве и Казани. Это доказывает, что я с студентами знакомств не имел. Что же касается того, что он написал ко мне такое интимное письмо, то я считаю, что так как он с Шнеуром виноват, что не устроил мне осмотра фабрики, то должен был вежливо и сочувственно извиниться предо мной» (там же, л. 325).

А когда Следственная комиссия предлагала Ворожцову вскрыть смысл неясных для нее строк и выражений в письме Огарева, Ворожцов обошел эти вопросы. Что мог, в самом деле, ответить человек, не знакомый даже со студентами?

Только на один каверзный вопрос он ответил: «В заключении письма Огарева сказано: „Жму руку вам и Л... *Кланяйтесь дома*“. Обязываетесь объяснить, кто такой Л., где он находится, когда и по какому случаю он познакомился с Огаревым и какие имел или имеет с ним сношения. Кому именно под словом *дома* поручал вам Огарев кланяться?»,—спрашивала Следственная комиссия (там же, л. 326). «Так как Огарев мне не сказывал ни одной фамилии, то это могло относиться только к Лапре, о котором, вероятно, я поминал, как о товарище путешествия», — отвечал Ворожцов. А что касается «поклонов», то Ворожцов сказал, что никому о свидании с Огаревым не рассказывал, может быть, «упомянул только» в связи с Шнеуром, если только упомянул, да и то потому, что Шнеура все знали и «упомянуть» поэтому о том, что Шнеур возил его к какому-то незнакомцу, было естественно, так же естественно, как и то, что Огарев, человек крайне вежливый, посылал поклон и жал руку Лапре, которого он никогда не видел, Лапре, который сопровождал Ворожцова за границу.

Да, еще по одному вопросу дал Ворожцов очень подробное показание, по вопросу о литературе. Его спросили о том, знаком ли он с ней, читал ли он Герцена. Да. Он читал его. Было это в России в 1861, 1862 гг., на Нижегородской ярмарке. Тогда Герцена читали все. Читал и он. «Сколько могу припомнить, читал „Кто виноват?" до издания ее в России... „Колокол" не припомню сколько номеров и каких годов, рассказы о былом Герцена и какие-то еще мелкие брошюры, которые я приобрел на Нижегородской ярмарке от разносчика Павла, фамилии же его не знаю. Это, кажется, было в 1861 и 1862 гг. А потом приобрел в Лондоне, в лавке, имени которой не помню, „Полярную звезду", сколько-то №№ „Колокола", „С того берега", „Евангелие" в русском переводе и более, кажется, ничего ⟨...⟩ Все вышеозначенные книги, за исключением, кажется, одной о духовенстве, сжег, когда узнал, что мало того, что их лишишься, но и подвергнешься за них преследованию как человек вредный обществу» (там же, л. 324 об.— 325). Он даже не скрыл, что давал читать их брату. Все было ясно. Знал о Герцене еще в 1861 г., читал в течение пяти лет и сжег привезенные книги до обыска, узнав в 1865 г., что читать Герцена и хранить его книги опасно. Зачем покупал? Да к тому же покупал тогда, когда отказался торговать и пересылать их в Россию. Этот вопрос мы обязаны поставить. Он не был поставлен Следственной комиссией, на него не дал ответа Ворожцов. А он очень важен. Он связан с рядом других вопросов. Ворожцов утверждал, что ему предлагали транспортировать нелегальщину. Кто? Огарев. Ворожцов был не раз в «лавке», он говорил не раз с ее владельцем. Он «забыл» его фамилию, но помнил, что был в лавке. Это было тогда, когда Огарев «хлопотал» о встрече с фабрикантом. Ворожцов делал вид, что договаривается о торговле книгами, Огарев—что хлопочет о свидании с «фабрикантом». Опять та же мысль, которая проходила через все ответы Ворожцова. Купцы торгуются и пытаются надуть один другого. Ворожцов, чтобы получить письмо, делает вид, что его интересует «предложение» Огарева, Огарев делает вид, что «хлопочет», ожидая, когда Ворожцов начнет отправку литературы. В результате и тот и другой... не выполняют своих обязательств. Мы уже видели, что все разговоры о фабричных делах — маскировка, которой пользовался Ворожцов. Она помогала скрывать то, что речь шла о транспортировке литературы. Следственная комиссия спрашивала Ворожцова:

«Пестерев поручал вам устроить контрабандный ввоз из-за границы запрещенных книг и изданий. Назовите те книги и издания, которые поручал вам Пестерев доставить в Россию...» (там же, л. 327). Он отвечал: «Пестерев ⟨...⟩, получив, как выше сказано, мой отказ, прекратил этот разговор...» (там же, л. 327 об.). «Устроился ли через кого-либо провоз этих книг, я не знаю и не думаю, чтобы устроился, ибо Пестерев бы предложил мне их для чтения, а этого никогда не бывало» (там же). Пестерев подтверждал в своих показаниях, что Ворожцов отказался перевозить нелегальщину. Таким образом, отрицательное отношение Ворожцова к перевозке нелегальщины доказано. Но здесь следует остановиться и попытаться внимательней разобраться в вопросе.

Пестерев говорит о транспортировке других книг. Этого не заметила Следственная комиссия. Перед отъездом Ворожцова за границу Пестерев поручил Ворожцову побывать не у Герцена, а у Утина. К Утину направляет он его с теми же двумя делами, с какими Ворожцов был и в Лондоне у Огарева. Утин должен был Ворожцова познакомить с «фабрикантами, изготовлявшими фосфор», Утин же должен был снабдить его и нелегальными изданиями.

«С Утиным Ворожцов сносился именно по моей просьбе» (там же, л. 262),— писал в своих показаниях Пестерев и подробно рассказывал, как

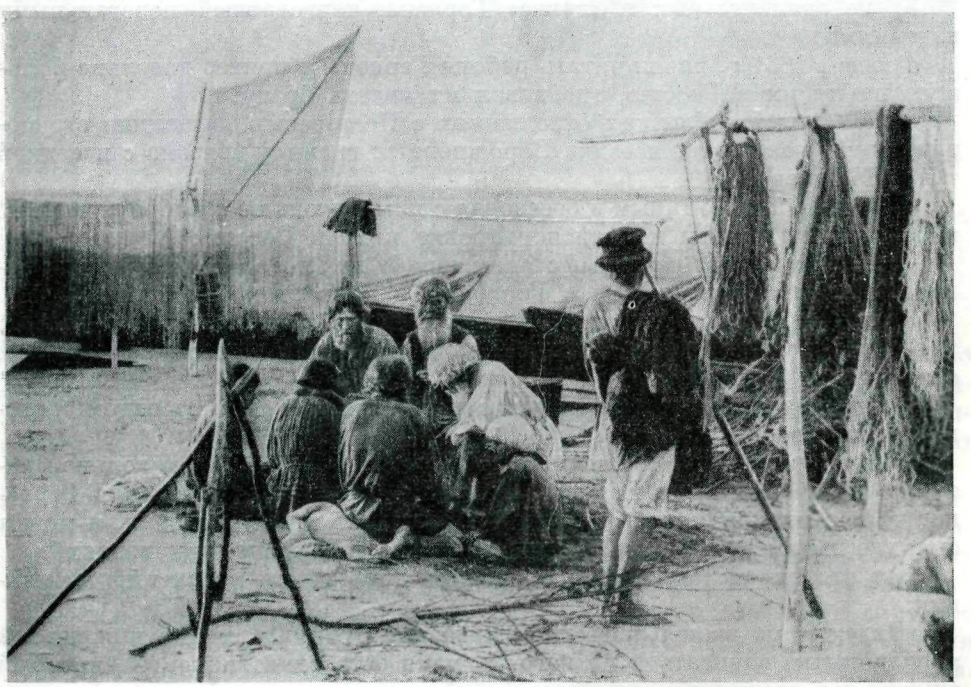
и когда это произошло. Выходило так, что когда Ворожцов задумал ехать за границу, чтобы посмотреть там заводы, изготовлявшие фосфор, он обратился к Пестереву с вопросом, нет ли у него за границей знакомых, которые могли бы ему помочь в этом. Вот тогда-то Пестерев назвал Утина. «И он, что можно для тебя сделать, сделает. А ты, между прочим, выпроси у него для меня журнал, если он таковой начал издавать, и книги его издания».— «Да ведь это будут книги запрещенные. На таможне попадешь».— «Книги должны быть действительно не совсем позволительные, и попадаться тебе с ними боже сохрани. Пожалуй, прогуляешься по Владимирке. Но можно всего этого избежать, тем более, что ты думаешь купить фосфор и в таможне хлопотать не станешь сам, а сдашь комиссионеру. Люди эти 〈...〉 не только спустят несколько листов газеты, так хоть целую запрещенную библиотеку и за такую безделицу возьмут немного» (там же, л. 263).

Таким образом, Ворожцов должен был привезти журналы и книги, изданные не Герценом, а Утиным. А они еще изданы не были. Поручение Пестерева поэтому он выполнить не мог. Провоз «этих книг,— уверенно заявил Ворожцов во время следствия,— я не думаю, чтобы устроился» (там же, л. 327 об.).

То, чего не было, переслать нельзя. Но за границей Ворожцов говорил не только с Утиным, но и с Огаревым. Были ли пересланы им издания Герцена? Именно об этом и спрашивала Следственная комиссия. А он говорил об Утине. Повидимому, в массовом количестве не были отправлены и книги Герцена, но по одному экземпляру какие-то книги Ворожцов провез. Были ли это только те книги, которые он назвал, или их было больше, этого мы не знаем. Но мы знаем другое: Ворожцов купил за границей печатный станок, и он был привезен им и оставлен в Петербурге.

Согласно заявлению Пестерева и показаниям Ворожцова, за границу Ворожцов ездил для того, чтобы познакомиться с работой фосфорных заводов, а привез в Россию не фосфор, а книги, изданные Герценом, да вдобавок печатную машину. Он завел там знакомства, но не в деловых кругах,— это ему удалось плохо,—а среди эмигрантов. Как и где приобрел он печатный станок, кто помогал ему в этом? Об этом он не сказал. А на вопрос, для чего ему понадобился станок, Ворожцов отвечал, что предполагал печатать этикетки для спичечных коробков. Но и здесь выяснилась подробность, ставившая под сомнение и это заявление Ворожцова. Дело в том, что привезенная из-за границы машина не была отправлена в Вятскую губернию. Думал ли Ворожцов печатать этикетки для спичечных коробков в Петербурге, чтобы оттуда посылать их на фабрику? Это было бы неудобно, дорого, нелепо. Зачем надо было покупать машину, создавать типографию в Петербурге и в ней печатать этикетки для спичек, которые затем надо было отсылать в Вятскую губернию? Их можно было напечатать в любой типографии. И Ворожцов прекрасно понимал, что такому объяснению никто не поверит. Он заявил поэтому, что печатать этикетки он думал на месте. У него на фабрике был прекрасный механик. Он мог сделать машину не хуже, чем делали за границей. Но нужно было иметь чертежи, а чертежей не было. Вот Ворожцов и купил машину, снял чертежи и увез их в Вятку. Зачем же было везти машину за сотни верст, если там ее «мог сделать механик» по чертежам? И машина была бы, конечно, сделана, если бы механик внезапно не умер.

Следственная комиссия не заинтересовалась механиком, возможно, именно потому, что Ворожцов заявил, что он умер. Но Ворожцов не назвал ни имени, ни отчества, ни фамилии этого механика. Ясно, что он вводил в заблуждение следователей.



ВОЛЖСКИЕ ТИПЫ

Фотографии, сохранившиеся в «пражской коллекции»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Между тем, шрифт для машины был приобретен, и приобретен при помощи того же Пестерева. «Количество шрифта я не знаю,— заявил он,— ибо Ворожцов получал сам. Я же привез Ворожцова к Ковалевскому и просил последнего дать немного разного шрифта, чтобы можно было тискать карточки и ярлыки. Ручаясь за Ворожцова, что он не сделает из него дурного употребления, я оставил Ворожцова у Ковалевского» (там же, л. 264). Но верность этого показания Пестерева отрицает Ворожцов. А между тем, Пестерев не только не пытался взвалить на него небывалого, но все делал, чтобы всю вину взять на себя. Если припомнить, что Пестерев предполагал организовать типографию, издавать газету в Сибири, а ее редактором должен был быть Чернышевский; если припомнить, что он настаивал на том, чтобы Утин приступил к изданию газеты за границей, и подсказывал ему мысль о широком использовании материала из газет, издававшихся легально в России; если припомнить, что Ворожцов, по поручению Пестерева, должен был наладить пересылку изданий Утина и бесспорно не по своей инициативе, а по предложению того же Пестерева он говорил с книжной «лавочкой» Герцена и с Огаревым, то невольно встает вопрос: собирался ли когда-нибудь Ворожцов посылать машину в Слободской уезд Вятской губернии, думал ли когда-либо использовать ее для печатания этикеток или, может быть, после серьезного обсуждения с Огаревым, Тхоржевским, Утиным пришел к выводу, что практичнее, чем переправлять нелегальную литературу из-за границы, печатать ее в России. Такое предположение вероятно. Но бесспорно установленным надо считать, что Ворожцов:

1) виделся в Лондоне, и не один раз, с Огаревым;

2) приехав в Россию, получил от Огарева письмо, содержавшее политические директивы и говорившее о близком знакомстве;

3) не один раз был в «лавке» Герцена, торговавшей нелегальными изданиями;

4) еще с 1861 г. начал читать работы Герцена и привез довольно большую пачку их в Россию, где давал их читать брату;

5) находился в близких отношениях с Пестеревым, выполнял его поручения; в частности, поездка Ворожцова за границу связана с поездкой туда Пестерева;

6) встречался с Утиным и беседовал с ним отнюдь не о фабричном деле, а об издании газеты и транспортировке книг в Россию;

7) купил и привез печатный станок, шрифт для которого получил у Ковалевского, встречавшегося с Герценом в конце декабря 1864 г.;

8) пытался скрыть от следственных органов фамилию автора письма, т. е. Огарева, и разговор с Огаревым, и смысл его письма, а также все, связанное с Утиным;

9) умело завязывал политические связи и делал это под видом торговых переговоров.

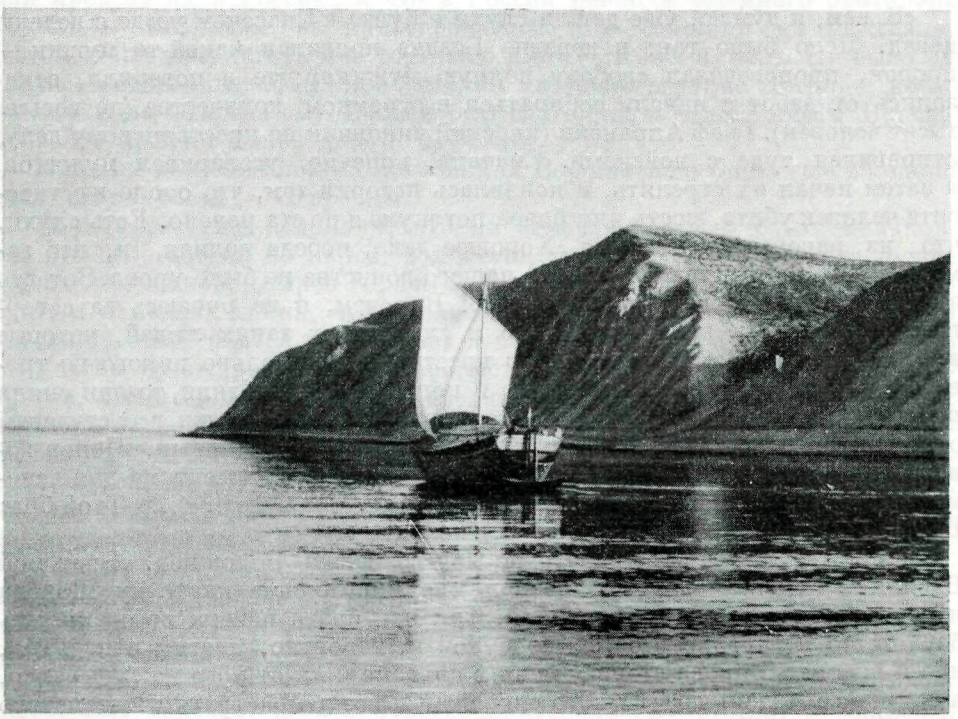
Можно считать установленным и еще один факт,— что не только брату, по возвращении из Европы, Ворожцов давал читать издания Герцена, но и с племянником, жившим в Казани, об этом беседовал, а может быть, и пытался наладить распространение в Казани этих изданий.

Вот что писал Ворожцову 23 ноября 1865 г. его казанский племянник:

«Надежда на звон в известном магазине рухнула именно при первой моей попытке записаться на него. У меня есть один знакомый, который служит тут приказчиком и которого я просил передать хозяину его желание мое получать звон. Но получил положительный отказ в невозможности получить его, потому что хозяин обжегся на молоке уже раз и теперь дует на воду. Так то-с. А потому прощай надежда до будущих благоприятных времен, а когда оные сойдут на нашу бедную Русь, про то

ведает бог. „Современник" уже успел получить первое предостережение от министра за августовскую книжку. Подлецы» (там же, л. 307 об.).

Следственная комиссия правильно расшифровала и слово «звон» и то, к кому относится характеристика «подлецы», и потребовала объяснений. Объяснения были даны. Племянник Ворожцова, В. Н. Ворожцов, занимавшийся делами своего дяди Михаила Прокофьевича Ворожцова, признал письмо своим, подтвердил правильность расшифровки слова



ВОЛГА. УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА
Фотография, сохранившаяся в «пражской коллекции»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

«звон», что же касается выражения «подлецы», то, по его утверждению, оно «относится к редакции, потому что, не успев воспользоваться дарованным тогда правом свободы печати, редакция успела в непродолжительном времени заслужить уже предостережение от министерства» (там же, л. 305).

Жандармский полковник Ларионов сообщал 26 сентября 1867 г. шефу жандармов: «По сделанной же в делах моих справке оказывается, что в 1865 году действительно не в августе или сентябре, как говорит Ворожцов, а в марте месяце магазин братьев Петрик был подвергнут обыску и временно запечатан по случаю найденных у него заграничного издания и воспрещенных к обращению в публике книг...». Разъяснения жандармского полковника не опровергают того, что писал Ворожцов. Наоборот, подтверждают, что Петрик торговал нелегальщиной. Вот с ним-то по этим делам был связан племянник Ворожцова и после «временного запечатания магазина». По его утверждению, осенью 1865 г. владелец магазина отказался доставлять «Колокол». Возможно, что это было и так. Но сообщение жандармского полковника заставляет нас

поставить вопрос: откуда магазин Петрика получал нелегальную литературу? По утверждению жандармского полковника, она была найдена в магазине Петрика в марте 1865 г., а в феврале 1865 г. вернулся из-за границы Ворожцов. Нет ли между этими двумя фактами связи? Данные дела не позволяют сделать окончательного вывода, но они заставляют вспомнить о письме, отосланном тому же Ивану Прокофьевичу Ворожцову другим его братом, Василием Прокофьевичем, из той же Казани еще в 1861 г. Вот его текст:

«К вам, я думаю, уже дошли слухи о бунте в Спасском уезде с неделю назад. Дело было так: в деревне Бездне появился какой-то мужик — пророк, проповедовал свободу полную мужикам; те и поверили, отказались от работ и начали собираться в огромном количестве (до восьми тысяч человек). Граф Апраксин (царский чиновник по крестьянскому делу) отправился туда с войсками. Сначала, конечно, уговаривал мужиков, а затем начал их стрелять, и кончилась история тем, что около шестидесяти человек убито, шесть или более потонуло и до ста ранено. Есть слухи, что из раненых живы трое. Хорошее дело, победа полная, и, что замечательно, со стороны храброго нашего воинства не было урона. Вот что значит хороший начальник. Грустно! Впрочем, я не ручаюсь за совершенную верность переданного, но я слышал от таких людей, которые врать не будут. Замечательно, что крестьяне решительно никого не тронули, не было пьянства и буйства, и когда в них стреляли, то они сняли шапки и крестились. Великолепная картина! Вчера почти все студенты отправились на кладбище и служили панихиду об убиенных. Щапов говорил речь, и сегодня делается подписка (публично) студентами для вспомоществования семействам убитых и раненых. Что будет!? <...> Твой брат Ворожцов» (д. 302, л. 333 и об.).

И против этой улики ничего не мог возразить Ворожцов. «Брат мой Василий, теперь покойный, послал мне при письме карточку Щапова и речь его*, сказанную 18 апреля. Так как брата почерк не очень разборчив, то я переписал ее своею рукой и, вероятно, многим показывал, ибо и портрет Щапова стоял у меня в альбоме и ни от кого не скрывался, а так как в Казань ездит много слобожан и все демонстрации Казанского университета в Слободском бывают известны, то и эта речь была известна...» (л. 331). Итак, «незнакомство» со студентами не помешало Ворожцову знать о всех демонстрациях Казанского университета, читать и переписывать речь Щапова, показывать ее другим. Связь Ворожцовых с революционными организациями Казани, таким образом, не мимолетна. Она продолжалась несколько лет (по крайней мере, с 1861 по 1865 г.). Как глубока она была, сказать трудно. Возможно, что и связь с Герценом и Огаревым была не так мимолетна. Об этом говорит тон письма Огарева, его теплота и интимность. Вряд ли дело ограничилось двумя встречами. Возможно, что с Огаревым о Ворожцове говорил Пестерев. Вероятно, и Ворожцов говорил о Пестереве с Огаревым; возможно, что Огарев знал о связях Ворожцова с Казанью, а Ворожцов — о связях казанцев с Герценом и Огаревым. «Мы получили еще три письма о подробностях казанского дела,— писал Герцен.— Главные черты события те же самые. Мы не станем их повторять, особенно после признания в „С.-Петербургских ведомостях“». Кто писал Герцену эти и ранее присланные письма из Казани? Не было ли среди них тех, «кто врать не будет», кого лично знал брат Ворожцова, возможно и он сам?

В дополнительных показаниях, которые принудили сделать Ворожцова, он несколько подробнее рассказал о разговоре, который вели с ним в Женеве у Утина.

* Текст этого списка несколько отличается от опубликованных текстов. Список находится в ЦГИАМ (ф. 109, 1 эксп., 1866 г., д. 217, ч. 5, л. 12).

«Разговор запомнил об том, что надо распространять сочинения Герцена и Долгорукова, но так как последнего сочинения я еще не видел, то они принесли в листках что-то, сколько могу припомнить вроде „Правды", где я нашел биографии придворных. Я сказал, что эти истории я за ужином на новый год слышал. Потом они говорили, что непременно надо ввозить учебники, в особенности исторические, что они надеются перезвать в Женеву Герцена и издавать эти учебники с помощью его, что цена им будет дешевая, что только они не могут найти верной дороги для провоза их в Россию, а что в России нашлось бы много охотников торговать ими даже из книгопродавцев. Но фамилии не называли. Потом стали предлагать мне торговлю ими» (там же, л. 335). Не было ли среди «неназванных» фамилий фамилии казанского купца Петрика, не по указанию ли Огарева ему должен был сдать привезенные книги Ворожцов? Это требует дальнейшего изучения.

В тех же дополнительных показаниях Ворожцов сообщил еще об одной теме своих бесед с Огаревым:

«У Огарева еще вспомнил, что на замечание мое о бунте поляков, что это дело затеял не народ, а шляхта, которая угнетает народ лучше наших помещиков, Огарев горячо заступился за них, говоря, что это не бунт, а народная война, что поляков непременно поддержат извне, что эта война продолжится десятки лет и что в России должны стараться об том, чтобы не отстраниться от знакомства с ссыльными поляками, а, напротив, всеми силами стараться вводить их в общество и учиться у них страдать за родину, что и они, эмигранты, надеются через поляков воротиться в Россию» (там же, л. 335). Это позволяет сделать вывод, что разговоры Огарева и Ворожцова, несомненно, касались политических тем.

Есть еще один вопрос, который следует поставить в связи с Пестеревым, хотя ответа на него нет.

Дело в том, что ни один журнал того времени с такой силой, яркостью, глубиной не отозвался на расправу царизма с Чернышевским, как «Колокол». Конечно, у «Колокола» были к этому особые основания.

Герцен не мог простить себе, что он написал и передал Ветошникову те несколько строк, которые послужили поводом к аресту Чернышевского. Но, конечно, не это чувство диктовало ему статьи, а общность борьбы, которую вели и Герцен, и Чернышевский. В этом была сила, страсть статей в «Колоколе». Они шли почти из листа в лист (186, 187, 189, 190, 193, 194, 203) на протяжении ряда месяцев. Первая печаталась в пору, когда Пестерев был за границей; остальные — тогда, когда ездил в Лондон, Швейцарию и Париж, по его поручению, Ворожцов, а сам Пестерев предпринимал меры к тому, чтобы отправить Ольгу Сократовну к Чернышевскому на каторгу, когда приходилось встречаться ему с людьми, группировавшимися вокруг «Современника» и «Русского слова».

В «Колоколе», кроме Герцена и Огарева, печатались Александр Серно-Соловьевич, Зайцев, Утин; в нем печатались также материалы дела Чернышевского.

«Что Чернышевский?» — этот вопрос задал Пестереву Огарев.

«А что, ведь от вас уйти можно? Бакунин ушел же?» — Так подсказывал ему мысль о необходимости организовать побег Герцен.

Только устно, только в часы свидания за границей отвечал им Пестерев? Или, приехав в Россию и рассказав оставшимся на воле революционным борцам о том, что говорили о деле Чернышевского Герцен, Серно-Соловьевич, Утин, он принял меры к тому, чтобы собрать и отослать в «Колокол» материалы этого дела? Если припомнить, как много времени и сил потратил Пестерев на организацию отправки Ольги Сократовны в Сибирь с целью освободить Чернышевского, то едва ли могут быть сомнения в допустимости предположения, что он принял участие

в собирании и отправке тех материалов о Чернышевском, на основании которых писались о нем некоторые статьи и заметки в «Колоколе».

В передаче информации о Чернышевском участвовал и Ворожцов. Об этом свидетельствует письмо Герцена к Огареву от 12 января 1865 г.

«Я думаю,— писал Герцен,— что анекдоты о цветах и об исповеди можно рассказать, прибавляя „*говорят*, будто"; важности особой нет. О Пестер‹еве› я начинаю догадываться; может, он и прав (подробности расскажу при свидании). Я связываю тут один его промах с твоей вестью об иркутском жителе», т. е. Пестереве (XVIII, 14; уточнено по автографу ЛБ. У Лемке ошибочно: Пестрж).

Письмо это написано за шесть дней до письма Огарева Ворожцову; оно — ответ на письмо Огарева, в котором тот сообщает об «иркутском жителе». Ясно, что при свидании Ворожцов говорил с Огаревым о Пестереве, и о Пестереве писал Огарев Герцену, и Ворожцову говорил и писал, что считает встречу Ворожцова с Герценом «далеко не бесполезною». В письме Огарева и Герцена идет речь о цветах, брошенных Михаэлис на помост во время гражданской казни Чернышевского. Повидимому, об этом рассказал Ворожцов. Иначе Герцен не писал бы «можно рассказать, прибавляя: „*говорят*, будто"». Огарев воспользовался этим советом. В его заметке о деле Чернышевского, помещенной в л. 194 «Колокола» от 1 февраля 1865 г. (стр. 1595), есть такие слова: «Когда государю докладывали об этих цветах, говорят, он с гневом сказал, что „эту девчонку следовало бы послать в монастырь. К кому сочувствие?.. я уменьшил 7 лет каторги, а он за это не хотел поблагодарить, причастившись святых тайн"». Ясно, что к этой заметке в «Колоколе» имел отношение Ворожцов. Ясно, что Пестерев выполнил еще одно поручение Герцена — старался снабдить его материалами о деле Чернышевского.

Может быть, следует вспомнить здесь еще раз о том, что поводом к поискам, аресту, заключению в крепость Пестерева послужило письмо И. Худякова, в котором перечислялись те лица, которые могут помочь Н. Страндену в его попытке освободить Чернышевского. Среди них был назван Пестерев. Известно, что Худяков в ноябре 1865 г. был у Герцена (XVIII, 256). Едва ли возможно, что он не сказал Герцену о замысле освободить Чернышевского; едва ли во время этой встречи Герцен промолчал о разговоре с Пестеревым относительно освобождения Чернышевского, не спросил Худякова, почему не был реализован этот замысел. Вероятно, такой разговор был. Как по-иному можно понять, что Худяков рекомендовал Страндену связаться в этих целях в Иркутске с Пестеревым. Видеть Пестерева и говорить с ним Худяков по приезде в Россию не мог, так как Пестерева не было ни в Москве, ни в Петербурге. Отсюда и ошибка Худякова — он считал, что Странден может встретиться с Пестеревым в Иркутске, тогда когда Пестерев уехал оттуда еще в 1863 г. А то, что Герцен и Огарев хорошо помнили Пестерева в 1865 г., подтверждается показаниями Ворожцова: «Припоминаю, что Огарев нашел в „Русском слове" под каким-то псевдонимом будто бы статью Пестерева и выразился, что этот писатель много обещает» (д. 302, л. 326).

Таким образом, связь Огарева и Герцена с Пестеревым и Ворожцовым продолжалась до ареста Пестерева, до привлечения к ответственности Ворожцова, до 1866 г.

11 ноября 1867 г. Ланской сообщал шефу жандармов Шувалову, что царь утвердил заключение Следственной комиссии. За Ворожцовым учреждался полицейский надзор, Пестерева возвращали в долговую тюрьму с указанием, что «по окончании срока его заключения» в ней его надлежит «выслать на родину в г. Иркутск, с учреждением за ним полицейского надзора и с воспрещением въезда в столицы» (л. 343 об.). В конце 1869 г. Пестерев был отправлен из Москвы в Иркутск.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНА)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

ВВЕДЕНИЕ. I. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ: 1. «ПЛАН АВТОБИОГРАФИИ». 2. ИЗ «ЗАПИСОК» 1848 ГОДА. II. ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН к Т. А. АСТРАКОВОЙ, Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, М. К. РЕЙХЕЛЬ. *ПРИЛОЖЕНИЯ:* I. ПИСЬМА к Н. А. ГЕРЦЕН: И. П. ГАЛАХОВА, М. Ф. КОРШ, С. Н. КЕТЧЕР. II. ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ Н. А. ГЕРЦЕН: ПИСЬМО М. Ф. КОРШ К ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация Н. П. Анциферова

«... Глядя на твои письма, на портрет, думая о моих письмах <...> мне захотелось перешагнуть лет за сто и посмотреть, какая будет их участь <...> Останется ли в них сила их, их душа? Разбудят ли, согреют ли они чье сердце, расскажут ли нашу повесть, наши страдания, нашу любовь?»

Из письма Н. А. Герцен, процитированного в «Былом и думах» (XII, 442).

ВВЕДЕНИЕ

Наталья Александровна Герцен (урожденная Захарьина) была замечательной женщиной, принадлежавшей к поколению передовых русских людей сороковых годов. Известно, какую значительную роль она сыграла в жизни и творчестве Герцена.

Многие материалы из ее переписки и литературного наследия опубликованы. Начало этим публикациям положил сам Герцен, напечатавший в «Былом и думах» отрывки из писем Натальи Александровны к нему. Впоследствии большое количество ее писем к Герцену было опубликовано Е. С. Некрасовой в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (М., 1897) и в томе VII Собрания сочинений Герцена, изд. Павленкова (СПб., 1905); выдержки из этих писем напечатаны Лемке в комментариях к письмам Герцена). В «Русских пропилеях» (т. I, М., 1915) были опубликованы ее дневник и письма к Н. А. Тучковой-Огаревой, в «Русской мысли» 1889 г. (№№ 5 и 6) — письма к Огареву и к Ю. Ф. Куруте, в «Русской старине» 1892 г. (№ 3) — письма к А. Г. Клиентовой. Письма Н. А. Герцен к П. В. Анненкову вошли в сборник «П. В. Анненков и его друзья» (СПб., 1892); выдержки из ее писем к Т. А. Астраковой приведены в воспоминаниях Т. П. Пассек «Из дальних лет» (изд. 2-е, СПб., 1905). Несколько писем Натальи Александровны к Гервегу опубликованы в переводе на английский язык Э. Карром в его книге: «The romantic exiles». London, 1933*.

Несмотря на обилие опубликованных материалов, жизнь и личность Н. А. Герцен, а также ее литературное наследие до настоящего времени оставались почти неизученными.

---

* В следующем (64) томе «Литературного наследства» будет дан обзор всех писем Н. А. Герцен к Гервегу, хранящихся в Британском музее и частично процитированных в книге Карра. Фотографии с них в настоящее время находятся в распоряжении редакции. — *Ред.*

Публикуемые ниже материалы из бумаг Н. А. Герцен, сохранившиеся в «пражской коллекции», в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в Колумбийском университете (США), а также напечатанные в парижском журнале «Русские записки», значительно восполняют и углубляют наше представление о личности и мировоззрении жены Герцена.

В публикуемых ниже документах можно выделить несколько наиболее значительных тем. Первая из них — отклики на революционные события 1848 г. в Италии и во Франции. В этих откликах многое созвучно написанному самим Герценом, но в то же время в них ярко выражена и своеобразная личность Н. А. Герцен. В ее письме к Астраковой от 23 июня 1848 г. мы находим приписку Герцена, сделанную неделю спустя — наиболее раннее и непосредственное его высказывание об июньских днях в Париже, которым он впоследствии уделил столько внимания в своем творчестве и которые оказали исключительно большое влияние на развитие его мировоззрения.

Вторая тема — отношение Н. А. Герцен и самого Герцена к их прежним московским друзьям. Отзвуки распада московского кружка сороковых годов, мотивы переоценки личных отношений, сложившихся раньше в этом кружке, звучат как в письмах Натальи Александровны, так и во многих письмах к ней. Как известно, в основе этой переоценки лежали глубокие идейные расхождения, которые Герцен подробно характеризовал в «Былом и думах».

Третья тема, материал для освещения которой дают публикуемые документы, касается изучения некоторых вопросов творчества самого Герцена и прежде всего изучения вопроса о соотношении созданных им в «Былом и думах» образов с их реальными прототипами, т. е. вопроса о герценовском мастерстве литературного портрета.

Особое значение приобретает вопрос о литературном портрете самой Н. А. Герцен, который постепенно, черта за чертой, вырисовывается на страницах «Былого и дум». Публикуемые материалы дают возможность для сопоставления созданного Герценом образа с тем, который возникает при ознакомлении с письмами Натальи Александровны, ее замыслами и письмами к ней.

Публикуемое в приложении письмо Серафимы Кетчер также дает ценный материал для сопоставления с литературным портретом этой женщины в «Былом и думах», для оценки реалистического мастерства автора этого портрета.

Как известно, значение Натальи Александровны в жизни Герцена было исключительно велико. До конца своих дней Герцен свято чтил ее память. В седьмую годовщину смерти жены Герцен писал сыну: «Вот я доживаю пятый десяток, но, веришь ли ты, что такой великой женщины я не видал. У нее ум и сердце, изящество форм и душевное благородство были неразрывны. А эта беспредельная любовь к вам... Да, это был высший идеал женщины!» (IX, 556).

Публикуя автобиографические документы и письма Н. А. Герцен, мы должны дать себе отчет, насколько можно довериться этим словам. Ответ на этот вопрос существенен не только для истинного понимания Натальи Александровны, но и для характеристики самого Герцена, так как его любовь к ней выражает и его самого.

Обратимся к высказываниям о Наталье Александровне выдающихся людей, лично знавших ее, столь различных, как Огарев, Белинский, Грановский, а также Бакунин и Анненков.

Для Огарева Герцены (муж и жена) представляли неразрывное единство. Он считал своего друга «Наташу» самой «изящной» женщиной из тех, кого он знал («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 378. Слово «изящный» в те времена употреблялось в смысле «прекрасный»).

Н. А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНА)
Рисунок неизвестного художника с акварели, 1848 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В другом письме он признавался, что имел к ней «религиозное уважение и любовь» (там же, стр. 405).

Особый интерес представляют отзывы Белинского. В июне 1841 г. он писал В. П. Боткину о жене Герцена: «...Что это за женственное, благороднейшее создание, полное любви, кротости, нежности и тихой грации! И он стòит ее...» (В. Г. Белинский. Письма, т. II. СПб., 1914, стр. 251). После посещения Покровского-Засекина Белинский восхищался всем свободным строем жизни дома Герцена и обращением с гостями его жены. 15 октября 1843 г. он писал своей невесте М. В. Орловой о Наталье Александровне: «Эта женщина ‹...›, больная, низкого роста, худая, прекрасная, тихая, кроткая, с тоненьким голоском, но страшно энергичная: скажет тихо — и бык остановится с почтением, упрется рогами в землю перед этим кротким взглядом и тихим голосом ‹...› Она вывела бы вас из затруднительного положения и указала бы вашей совести большую дорогу» (там же, т. III, стр. 67—68). После встречи с Герценами в Москве Белинский писал жене 1 мая 1846 г.: «Наталья Александровна (к которой я питаю какое-то немножко восторженно-идеальное чувство) ‹...› так была мне рада, что я даже почувствовал к себе некоторое уважение. Вот как!» (там же, т. III, стр. 112).

Молодой Бакунин разделял всеобщее восхищение Н. А. Герцен. В июне 1840 г. он писал из Берлина сестрам Веер: «Герцен, а особливо жена его были моею отрадою в Петербурге; он — прекрасный, умный, благородный человек; а она — святое, любящее, истинно женственное существо. Я был дома с ними» (М. А. Бакунин. Собр. соч. и писем, т. III. М., 1934, стр. 6). И Грановский, самый близкий в Москве друг Герцена (во время пребывания Огарева за границей), писал своей жене о Наталье Александровне: «Дорòгою я, кажется, еще более полюбил ее» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 259).

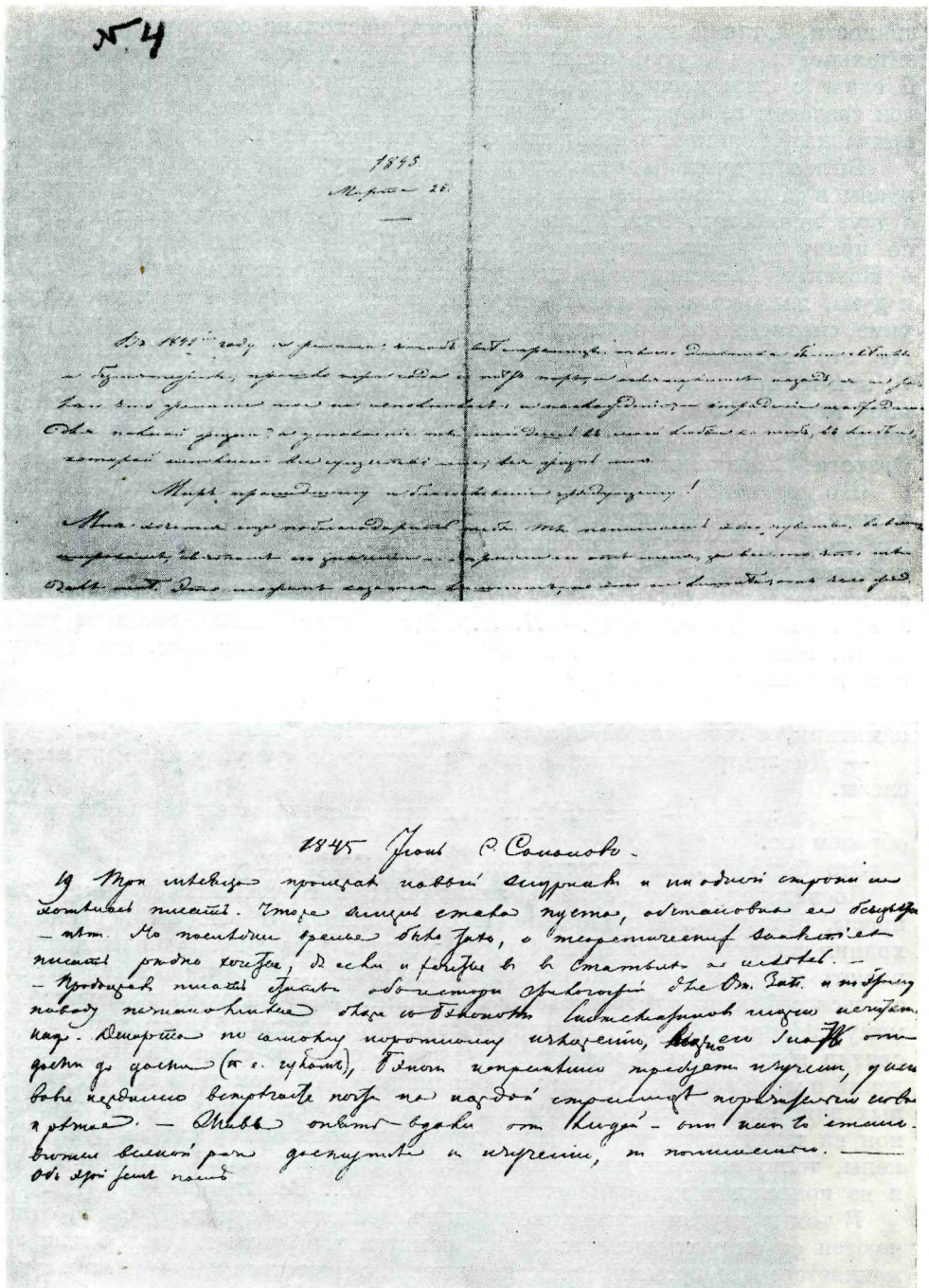
В эти отзывы и признания резким диссонансом врывается недоброжелательная характеристика Н. А. Герцен, данная А. Я. Панаевой. В своих известных «Воспоминаниях» она критикует жену Герцена за «слишком явное ее самомнение», за ее любовь к разговорам на возвышенные темы (стр. 147; М., 1948). Самолюбивая Панаева, привыкшая играть в обществе видную роль, питала недобрые чувства к Наталье Александровне, к которой все окружающие относились с искренним уважением. Однако Панаева правильно отметила, в тех же «Воспоминаниях», перемену отношения к Н. А. Герцен у некоторых членов кружка Герцена к концу сороковых годов.

Горячей защитницей Натальи Александровны была Т. А. Астракова, обычно столь требовательная к людям (см. ее воспоминания в записках Пассек «Из дальних лет», а также ниже, в настоящем томе, стр. 541—559).

Большое внимание Н. А. Герцен уделил в своих воспоминаниях П. В. Анненков, который бывал у Герцена в Москве и в Соколове в 1845 г. и в Париже в 1848 г., во время революционных событий. Анненков с большой симпатией отзывался о ней: «Жена Г‹ерцена›, со своим мягким, едва слышным голоском, со своей ласковой и болезненной улыбкой, со всем своим детски-нежным, хрупким и страдающим видом, обладала еще страстностью характера, пламенным воображением и очень сильной волей...» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 401—402).

Итак, друзья Герцена отмечали в ней столь редко встречающееся в одном человеке сочетание хрупкости, нежности с энергией, страстностью и силой воли.

То особое место, которое принадлежало Наталье Александровне в жизни Герцена и в его творческой биографии, обязывает нас определить, что̀ дают публикуемые материалы из ее архива для понимания ее



ЗАПИСЬ, СДЕЛАННАЯ Н. А. ГЕРЦЕН ДЛЯ ГЕРЦЕНА В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ 25 МАРТА 1845 г. НА ЛИСТКЕ ИЗ ЕГО ДНЕВНИКА, И ЗАПИСЬ САМОГО ГЕРЦЕНА ОТ 19 ИЮНЯ 1845 г. НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ ТОГО ЖЕ ЛИСТКА

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

личности, а также для решения вопроса, насколько соответствует действительности ее образ, представленный Герценом в «Былом и думах». В связи с этим последним вопросом необходимо рассмотреть, как Герцен создавал ее образ в своей гениальной книге (эта тема до сих пор не привлекала внимания исследователей творчества Герцена).

«Былое и думы» Герцен посвятил Огареву; имя Натальи Александровны в посвящении не названо: «В этой книге всего больше говорится о двух личностях. Одной уже нет, ты еще остался, а потому тебе, друг, по праву принадлежит она» (XII, 3). На протяжении сотни страниц о Наталье Александровне нет упоминаний. Блестящий стиль «Былого и дум», легкость и яркость авторской речи, насыщенной мыслью, остроумие, сменяющееся то вспышками гнева, ненависти, то печалью раздумья, все это подчинено энергичному ритму герценовского повествования. И как-то совершенно неожиданно, как-то застенчиво проникает сюда иной мотив — мотив глубокого лиризма. Так, в главе VIII Герцен вспоминает о своих переговорах с обер-полицмейстером по поводу ареста Огарева. Внезапно рассказ обрывается:

«Но когда все небо заволокло серыми тучами, и длинная ночь ссылки и тюрьмы приближалась, светлый луч сошел на меня. Несколько слов глубокой симпатии, сказанные семнадцатилетней девушкой, которую я считал ребенком, воскресили меня. Первый раз в моем рассказе является женский образ... и, *собственно, один женский образ является во всей моей жизни* (курсив наш.— *Н. А.*). Мимолетные, юные, весенние увлечения, волновавшие душу, побледнели, исчезли перед ним, как туманные картины; новых, других не пришло.

Мы встретились на кладбище. Она стояла, опершись на надгробный памятник, и говорила об Огареве, и грусть моя улеглась.

— До завтра,— сказала она и подала мне руку, улыбаясь сквозь слезы.

— До завтра!— ответил я... и долго смотрел вслед за исчезавшим образом ее.

Это было девятнадцатого июля 1834» (XII, 202—203).

Последовал арест Герцена, заключение в Крутицких казармах, допросы, приговор. И пришел вновь день, память о котором Герцен сохранил на всю жизнь: «Еще бы раз увидеть мою юную утешительницу, пожать ей руку, как я пожал ей на кладбище... В ее лице хотел я проститься с былым и встретиться с будущим... Мы увиделись на несколько минут 9 апреля 1835 г., накануне моего отправления в ссылку. Долго святил я этот день в моей памяти, это — одно из счастливейших мгновений в моей жизни... Зачем же воспоминания об этом дне и обо всех светлых днях моего былого напоминают так много страшного?.. Могилу, венок из темнокрасных роз, двух детей, которых я держал за руки, факелы, толпу изгнанников, месяц, теплое море под горой, речь, которую я не понимал и которая резала мое сердце... Все прошло!» (XII, 238).

В том и другом отрывке всего лишь несколько строк. Как они отличаются от окружающего текста! Стремительный ритм повествования замедляется; одновременно он становится и торжественным и вместе с тем простым. Интонация сдержанно взволнованная. Не стилистический прием, эти многоточия, это повторное умолчание имени, эта вновь выделенная дата. Все это знаки того глубокого волнения, которое охватывало автора, когда он подходил к заветной теме своей личной жизни.

Так постепенно вплетался мотив любви в описание Герценом своего былого. В этих отрывках прекрасно выражено отношение Герцена к Наталье Александровне, ее значение для него, но здесь еще нет ее образа. Герцену как художнику трудно было создать ее портрет. Для этого нужно было смотреть со стороны, а он, «неразнимчато» связанный с ней,

ПОХОРОНЫ Н. А. ГЕРЦЕН
Картина маслом Ипполита Каффи, 1852 г.
«Пражская коллекция»
Литературный музей, Москва

отойти от нее не мог. Образ Натальи Александровны создается в книге постепенно; Герцен накладывает черту за чертой, определяющие духовный и физический облик его жены.

Непосредственно к образу Н. А. Герцен он подошел лишь в третьей части — «Владимир-на-Клязьме». Он вспоминает «большие глаза, окаймленные темной полоской ⟨...⟩, томную усталь и вечную грусть» двенадцатилетней девочки, отмеченной «особым знамением красоты и преждевременной думы» (XII, 421). Характеризуя ее душевный склад, Герцен прежде всего останавливается на условиях воспитания «сироты» в доме «грозной княгини» Хованской (так и в романе «Кто виноват?» он строил образ Любоньки, рисуя ее жизнь в доме генерала Негрова). Конкретнее становится этот образ при описании тайного свидания 3 марта 1838 г. «Она взошла вся в белом, ослепительно прекрасна; три года разлуки и вынесенная борьба окончили черты и выражение. „Это ты?“ — сказала она своим тихим, кротким голосом ⟨...⟩ Выражение счастия в ее глазах доходило до страдания» (XII, 461). При описании совместной жизни в «венчальном городе» Владимире Герцен отмечает полную гармонию их молодой жизни: «Мы сверяли наши думы и мечты и с удивлением видели, как бесконечно шло наше сочувствие...» (XII, 473). При этом он подчеркивает: «Natalie вносила в наш союз элемент тихий, кроткий, грациозный, элемент молодой девушки со всей поэзией любящей женщины...» (XII, 473).

В полном созвучии с образом Натальи Александровны в третьей части «Былого и дум» находятся ее письма к Герцену из Владимира в Петербург. Не раз цитировал он в «Былом и думах» письма своей жены, и они органически вплетались в канву его повествования, но писем владимирского периода он не приводил. Ограничимся одним примером, характеризующим Наталью Александровну и как жену и как мать: «Ах, Александр,— писала она Герцену 13 декабря 1839 г.,— что будет из него ⟨*из сына.— Н. А.*⟩. Нет, мы *мало строги к себе*, мы *мало* думаем о том, сколько лежит на нас... сколько внимания к его пище, а чем будет питаться его душа? О, мой друг! Мы так очищались, так приготовлялись, чтобы достойными друг друга соединиться, тогда нам предстояло блаженство, счастье *только наше*, теперь смотри — то, что мы должны приготовлять, вплетается в человечество и с ним будет бесконечно» (Сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, стр. 84).

Это сознание ответственности родителей за духовную жизнь детей, которых они должны подготовить для родины, Наталья Александровна пронесла через всю жизнь. Перед смертью она писала М. К. Рейхель: «На них я надеюсь, на детей, на них *так ясна печать истинности и полноты этого союза* ⟨союза их родителей.— *Н. А.*⟩. И с ней они не погибнут...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 321).

После «Владимира на Клязьме» в «Былом и думах» образ Натальи Александровны отступает на второй план. Лишь в «Grübelei» (глава XXVIII) Герцен возвращается к развитию ее образа. Здесь описан кризис, пережитый Натальей Александровной в середине сороковых годов в связи с утратой верования в «заветные святыни». По дошедшим до нас источникам трудно судить, насколько взгляды, складывавшиеся под воздействием Герцена, под влиянием материалистических идей, которые он развивал в эти годы в статьях «О дилетантизме в науке» и в «Письмах об изучении природы», переродили Наталью Александровну. Возможно, что она до конца хранила в душе пережитки былой экзальтированной религиозности. Намек на это можно найти у Герцена. По поводу душевного состояния своей жены после июньских дней он писал: «...не воспоминания девичьих слез и христианского романтизма всплыли еще раз надо всем в душе Natalie...» (XIII, 486). Следовательно, они

еще *могли* «всплывать надо всем». Герцен связывал этот кризис и с потрясением в личной жизни, которое получило такое взволнованное отражение в его «Дневнике»: «Грустно сосредоточивалась Natalie больше и больше,— вера ее в меня поколебалась, идол был разрушен» (XIII, 88). Вновь сопоставим слова Герцена с признаниями его жены. Она писала 2 октября 1846 г.: «Да, Александр, и романтизм отлетел ⟨...⟩, это не время идолопоклонства,— все это давно там, позади; не вижу ни пьедестала, на котором ты стоял, ни сияния около главы твоей... Но вижу ясно и чувствую глубоко то, что я ужасно много люблю тебя, что этой любовью полно все существо мое, что из нее состоит оно, что она — плоть моя» (ЛБ, Г.—О. IX, 201). Это «освобождение» от религиозных верований и от романтизма помогло Наталье Александровне в «соколовских спорах» с Грановским и его друзьями стать на сторону Герцена и Огарева.

Далее в «Былом и думах» образ Натальи Александровны вырисовывается на фоне Парижа 1848 года. Ее письма того времени, публикуемые нами, дают возможность показать, насколько в этом отношении верно, реалистически правдиво Герцен обрисовал ее в «Былом и думах», охваченную гневом против усмирителей, скорбью о погибших иллюзиях. В связи с этой трагедией «общего» Герцен писал и о «личном»; вновь описывал Наталью Александровну-мать, содрогающуюся при мысли о судьбе детей в этом страшном мире.

В пятой части «Былого и дум» Герцен описал свою семейную драму— увлечение его жены «зловещей птицей», поэтом Гервегом, гибель своей матери и сына Коли, смерть Натальи Александровны. Эта часть была издана лишь в 1919 г. Тургенев читал ее в рукописи. Про эти страницы он сказал, что «все это написано слезами, кровью: это — горит и жжет» (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11. М., 1949, стр. 306). Глава «Летом» (V часть «Былого и дум») посвящена «святому времени примирения», тем дням, которыми «торжественно заключилась» его «личная жизнь» (XIII, 534—535). Рисуя внешний облик Натальи Александровны в вечер свидания в Турине, Герцен писал: «...и при первом свидании нашем, когда я приезжал из ссылки, она была также вся в белом, и венчальное платье было белое. Даже лицо ее, носившее резкие следы глубоких потрясений, забот, дум и страданий, напоминало выражением черты того времени» (XIII, 533).

Так Герцен по-своему связывал «концы и начала». Смерть ее он описал как «апофеоз умирающей матери» (XIII, 556). Герцен постоянно посещал могилу жены и требовал, чтобы дети его чтили память своей матери и заботились о ее могиле. После одного из посещений он писал: «*Она не тут*; здесь ее нет,— она жива во мне» (XIII, 571).

В созданном Герценом образе Натальи Александровны правда жизни и правда художественного создания не противоречат друг другу.

О пройденном жизненном пути Герцен писал в своем обращении к «Братьям на Руси»: «Прошедшее живо во мне, я его продолжаю, я не хочу его заключить, а хочу говорить, потому что я один могу свидетельствовать об нем» (VII, 155). И Герцен сумел рассказать историю «двух жизней, с ужасным богатством счастья и бедствий» (VII, 156).

Когда Тургенев прочитал воспоминания Герцена, он писал ему 16 января 1857 г.: «Впечатление было сильное и хорошее: в этих главах чрезвычайно много поэзии и юности, лицо твоей жены ⟨...⟩ привлекательно и живо, отрывки из ее писем дают понятие о замечательной натуре» (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11, М., 1949, стр. 165). Публикуемые нами материалы значительно углубляют и расширяют «понятие о замечательной натуре» жены Герцена. А сильный, яркий язык печатаемых записок и писем Н. А. Герцен дает представление о ее незаурядном литературном таланте.

I. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

1. «ПЛАН АВТОБИОГРАФИИ»

«План автобиографии», написанный Натальей Александровной в последние годы ее жизни, печатается по публикации в журнале «Русские записки» (Париж, 1939, XIV, стр. 118—119). О ее желании написать свои воспоминания Герцен писал в «Былом и думах»: «...Мысль, несколько раз прежде мелькавшая у Natalie, занимала ее теперь ⟨в 1851 г.⟩ больше и больше: она хотела написать свою исповедь. Она была недовольна ее началом, жгла листки; одно *длинное письмо* и одна *страничка* ⟨курсив наш.— *Н. А.*⟩ уцелели... По ним можно судить о том, что пропало ⟨...⟩ В этих строках можно было уловить, как мучительная борьба переходила в новый закал и боль — в мысль» (XIII, 535).

Какое «длинное письмо» Герцен имел в виду, мы не знаем. Что же касается названной им «странички», то мы можем с уверенностью считать, что это и был публикуемый нами сейчас «План автобиографии». В «Былом и думах», описывая детство Натальи Александровны в доме княгини Хованской, он использовал отдельные слова и выражения из этого плана: «*Кругом* было *старое*, *дурное*, *холодное*, *мертвое*, *ложное*; мое *воспитание началось* с упреков и оскорблений, вследствие этого — *отчуждение от всех людей*, *недоверчивость к их ласкам*, *отвращение от их участия*, *углубление в самое себя*...» (XII, 420.— Курсивом выделены заимствования из «Плана»).

Герцен утверждал, что мысль писать о своем былом мелькала у его жены не раз (XIII, 535). Впервые эту мысль подсказал ей он сам. Об этом она писала еще во Владимир 22 марта 1838 г.: «Ты хочешь, чтоб и я написала мою жизнь и 9 апреля,— хорошо, я расскажу ее тебе в особых письмах ⟨...⟩ Но письма — не иначе, потому что *иначе* я писать не могу. Помню и детство мое до 8 лет, в эти 8 лет я испила все, что может быть сладкое и горькое в этот возраст, и ярко воспоминание того и другого, удивительно ярко. Я опишу *тебе* малейшие подробности с первого воспоминания, покажу тебе твою Наташу 4-х лет и жизнь 4-хлетней Наташи, счастливейшего ребенка в мире, а потом... но вот увидишь там» (А. И. Герцен. Соч. и переписка с Н. А. Захарьиной, т. VII. СПб., 1905, стр. 530). В своем «Дневнике» она также упоминала о намерении написать воспоминания («Русские пропилеи», т. I, стр. 233). Тогда же, в 1838 г., Наталья Александровна записала несколько эпизодов из своей жизни — об этом она сообщала Герцену в письме от 31 марта 1838 г. (там же, стр. 544—545).

Публикуемый «План автобиографии» является глубоко волнующим документом. В его лаконичных рубриках раскрывается богатая внутренним содержанием, полная драматизма жизнь человека, сумевшего в тяжелых условиях противостоять домашнему деспотизму, окружающей лжи и лицемерию. Этому посвящены первые разделы «плана», который начинается с того времени, когда «сирота» была взята на воспитание «грозной княгиней». О своей жизни в доме Хованской Наталья Александровна писала Герцену 31 января 1838 г.: «...Первый год, как *они* взяли меня, *все* меня ужасало, но раз княгиня что-то сказала слишком, я бегу к Саше Вырлиной (с первой минуты моего *взятия* у меня никого не было, кроме ее в *их* дому), в слезах прощаюсь с ней. „Куда вы?“ —„Прощай, бегу, не могу привыкнуть у вас, не могу переносить“. Было лето, ясный день, и я хотела (помню очень) идти в дом папеньки и там просить, чтобы меня отвезли в Шацк» (куда была отправлена ее мать Аксинья Ивановна; там же, стр. 445).

О «стыде» своего «рождения» глухо писал и Герцен во второй главе «Былого и дум» (XII, 28). Это сознание оторванности от рода пробудило в них обоих сознание свободы от семейных традиций. «Герцен прошедшего не имеет. Герценов только двое: Наталия и Александр...»,— писал Герцен 21 января 1838 г. (II, 29). И несколько позднее, 13 февраля: «Мы жертвы искупления всей *их* фамилии, и наши страдания смоют их пятна...» (II, 81). В ответ Наталья Александровна писала, что они потребуют *«всего* от самих себя, ничего от других». В этих словах сказалась та скрытая сила, которую ощущали современники в хрупкой Наталье Александровне.

А И ЗАХАРЬИНА (ФРОЛОВА?), МАТЬ Н А. ГЕРЦЕН
Миниатюра на слоновой кости неизвестного художника, 1810-е гг.
Литературный музей, Москва

Далее в «плане» выражено то мучительное сознание «противоположности слов и действий», о котором она много раз писала. Она отмечает дисгармонию и в области религиозной жизни — противопоставление «скуки в церкви» «своему образу религиозности» и «боготворению природы». После слов: «Увелич⟨ение⟩ симпатии к А⟨лександру⟩. Его взятие»— стоит: «Боготворение А⟨лександра⟩». Действительно, в письмах Захарьиной ярко отражено это «боготворение» Герцена. Ограничимся одним примером из письма от 21 сентября 1836 г.: «Твой образ должен сохраниться на земле, пока она будет существовать; имя твое должно звучать до тех пор, пока голос человеческий будет слышен...» (А. И. Герцен. Соч. и переписка с Н. А. Захарьиной, цит. изд., стр. 143).

Если первые разделы «плана» посвящены уже известным по прежним публикациям условиям жизни Натальи Александровны, то последние его разделы бросают новый яркий свет на ее личность и мировоззрение. Борьба с «дисгармонией» окружающей жизни, ее преодоление привели Наталью Александровну к глубокой идее, которую она определила формулой: «Любовь к человечеству, сквозь все личное». Эта идея, родившаяся у нее под влиянием Герцена (а также Огарева), раскрыла перед ней новый смысл жизни: «Преданность идее революции. Свобода». В эти краткие

рубрики вложено богатое содержание, которое раскрывается в публикуемых ниже ее «Записках» 1848 года и в письмах к Т. А. Астраковой. Эти документы свидетельствуют о том, как она была захвачена во время путешествия в Италию бурной атмосферой национально-освободительного подъема, с каким ликованием она откликнулась на революционные события в Париже.

Глубоким трагизмом звучат последние рубрики «плана», следующие непосредственно за словом «Свобода»: «Отчаяние.— Пустота.— Усталь.— Одиночество». После подъема — крушение всех иллюзий, утрата веры в близкое обновление мира. Заключительное слово — «Одиночество»— заставляет по-новому осмыслить ее жизнь после 1848 г.: очевидно все, что она и Герцен пережили в грозные июньские дни, заставило каждого из них замкнуться в себе, и это привело на какое-то время к одиночеству, сменившему прежнюю духовную близость и гармонию.

Публикуемые ниже «Записки» 1848 года и письмо к Грановскому в значительной мере раскрывают то, что скрыто за последними рубриками «плана». Это душевное состояние и могло побудить ее обратиться к своему прошлому, подвести итог закончившемуся этапу своей жизни. На этом основании мы можем датировать «план» 1849—1850 гг.

Вместе с тем это душевное состояние привело Наталью Александровну в дальнейшем к «страшной ошибке», допустившей ее «увлечься в фантастический мир, блуждать в нем и чуть не погубить себя» и все то, что она любила (письмо к М. К. Рейхель от середины марта 1852 г.— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 321).

1. Как в лесу, пойманный зверек. Кругом старое, дурное, холодное, мертвое, ложное. Одно существо привлекает — Саша.

Воспитанье началось с того, что меня убедили в стыде моего рожденья, моего существованья, вследствие этого — отчужденье от всех людей,

М. А. ХОВАНСКАЯ

Миниатюра на слоновой кости неизвестного художника, 1810-е гг.

Литературный музей, Москва

А. А. ЯКОВЛЕВ (ОТЕЦ Н. А. ГЕРЦЕН)
Портрет маслом неизвестного художника, 1790-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

недоверчивость к их ласкам, *отвращенье* от их участия, углубленье в самое себя, требованье *всего* от самое себя.

2. Ничего от других. Начало борьбы внутренней: *долг* любить и верить благодетелям и *невозможность* этого. Удивление от противоположности слов и действий: мне — грех есть до обеда, ей не грех просфорой напитаться.

Обращенье со слугами, с бедными людьми, ложь со знакомыми.

3. Скука в церкви и за молитвой. Свой образ религиозности, молиться на небо по ночам, а вместо молитвы читать — шалить. Намеренье убежать, беспрестанная грусть. Равнодушие ко всему, клятва, данная ⟨с⟩ Сашей друг другу, желание смерти.

Александр. Чтение ур⟨оков?⟩ ур⟨ывками?⟩. Стыд моего невежества.

4. Евангелье. Боготворение природы. Увелич⟨ение⟩ симпатии к А⟨лександру⟩. Его взятие. Боготворение А⟨лександра⟩. Брак по любви.

5. Женитьба Огарева, вера в его жену. Мы четверо — одно.

Принуждение идти замуж.—3-е марта.—8-е мая.— Детская жизнь.— Саша.— Свидание с Огаревым.— Расстройство здоровья.— Неудовлетворенность жизнью.— Друзья.— Любовь к человечеству, сквозь все личное.— Путешествие.— Преданность идее революции.— Свобода.— Отчаянье.— Пустота.— Усталь.— Одиночество.

2. ИЗ «ЗАПИСОК» 1848 ГОДА

Этот условно озаглавленный нами документ печатается по фотокопии с подлинника, хранящегося в Колумбийском университете (США). В публикации «Русских записок» (Париж, 1939, XIV, стр. 108—114) документ воспроизведен в качестве письма Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой. Но в нем

отсутствует обращение к адресату и вообще нет никаких следов эпистолярной формы. Это — разговор с собой, раздумья о пережитом. Отчасти эти записи напоминают дневник, и их, пожалуй, можно рассматривать как продолжение московского дневника Натальи Александровны, который она вела в конце 1846 г. (см. «Русские пропилеи», т. I. М., 1915). Но в них нет и характерных элементов дневника: дат отдельных записей, рассказа о конкретных событиях прошедшего дня. Учитывая сказанное, мы определяем жанр публикуемого документа как «Записки».

В этих «Записках» с большой силой запечатлены переживания Натальи Александровны, вызванные революционным подъемом 1848 г. и затем разгромом восстания парижского пролетариата в июньские дни.

Начав «Записки» с воспоминаний о «страшной дисгармонии», которая еще с детства раздирала ее душу, она противополагает этому мрачному прошлому радостное предчувствие «гармонии». Наступающее «время всемирной перестройки» воспринимается ею как «море единодушия, свободы», волнам которого она с упоением отдается. «Записки» показывают, насколько точной и искренней была ее фраза в «Плане автобиографии» о «преданности идее революции».

Потрясенная июньской бойней, Наталья Александровна вновь сознает себя в отрыве от общественной жизни, в ней вновь возникает острое чувство дисгармонии. Окружающий мир с «кровавым следом» стал ей отвратителен. Ее описания собраний в доме Герцена при свете одной свечи, с беседами шопотом, в те часы, когда расстреливали повстанцев, заставляют вспомнить строки Герцена: «Вечером 26 июня мы услышали 〈...〉 правильные залпы с небольшими расстановками... Мы все взглянули друг на друга, у всех лица были зеленые... „Ведь это расстреливают“,— сказали мы в один голос и отвернулись друг от друга. Я прижал лоб к стеклу окна. За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. *Горе тем, кто прощает такие минуты*» (XIII, 484—485).

Как потрясена была Наталья Александровна свирепым подавлением восстания рабочих, до какого отчаяния она была доведена — лучше всего свидетельствуют ее слова: «Были минуты, в которые я желала быть уничтожена *со всей семьей*». Эти слова находят объяснение в выдержках из письма Натальи Александровны к Н. А. Тучковой, включенных Герценом в главу «1848» «Былого и дум»: «Я смотрю на детей и плачу; мне становится страшно; я не смею больше желать, *чтоб они были живы*: может, и их ждет такая же страшная, ужасная доля» (XIII, 486). Герцен тут же пояснил эти мысли своей жены: «Как много надобно было пострадать, чтоб мысль эта могла явиться в сердце матери, страстно любившей детей, и насколько больше, чтобы найти силу высказать ее, да еще письменно» (А. И. Герцен. Былое и думы. Л., 1947, стр. 467).

Наталья Александровна обладала чувством исключительной ответственности за судьбу своих детей. Н. А. Тучковой, своей «Консуэле», она писала 21 декабря 1848 г.: «...Мне иногда так страшно становится глядя на своих детей — что за смелость, что за дерзость сделать новое существо, *заставить* его жить и не иметь ничего, ничего для того, чтоб сделать жизнь его счастливою...» («Русские пропилеи», цит. изд., стр. 256).

Материнская любовь подчиняется у Натальи Александровны великому чувству любви к свободе и человечеству. Она возвышается до подлинного трагического пафоса в напутствии своему первенцу Александру: «А там, может быть, ты дойдешь до гильотины твоим шагом, мой милый Саша, — иди, иди лишь своим шагом, твой след будет — свобода; она переживет гильотину, и ты не умрешь в ней. Свобода! Я, кажется, люблю тебя более детей моих». Нельзя не сопоставить с этими словами другие

слова, сказанные Герценом в знаменитом посвящении книги «С того берега» сыну: «Лучше с революцией погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции» (V, 382).

В «Записках» Натальи Александровны мы, естественно, не найдем такого глубокого политического и социального анализа пережитых событий, как в произведениях Герцена. Она сосредоточивает свое внимание на выяснении возможного значения этих событий в будущих судьбах детей, как ее собственных, так и чужих. Но отход ее в личную жизнь был

ПАРК В ЗАГОРЬЕ, ИМЕНИИ М. А. ХОВАНСКОЙ, ГДЕ Н. А. ЗАХАРЬИНА ОБЫЧНО ПРОВОДИЛА ЛЕТО

Фотография 1937 г.

Литературный музей, Москва

«Прелестное местоположение... Рано утром я встаю, отправляюсь гулять, из родника пью воду и хожу по аллеям» (Из письма Н. А. Захарьиной к Герцену, Загорье, 26 июня 1835 г.)

иным, чем у Герцена, который, «удаляясь от трескучей деятельности больших городов» в тогда еще «тихую» Ниццу (VI, 108, 109), продолжал борьбу с «одряхлевшим миром» своими «Письмами из Франции», размышляя о союзе крестьян с рабочими, как о важнейшей основе «настоящей революции народных масс». В тринадцатом «Письме из Франции», 1 июня 1851 г., Герцен писал: «Но революция не остановилась. Вместо неосторожных попыток и заговоров, работник думает крепкую думу и ищет связи не с цеховыми революционерами, не с редакторами журналов, а с *крестьянами*... В груди крестьянина собирается тяжелая буря ⟨...⟩, он ⟨...⟩ слушает работника. Когда он его дослушает и хорошенько поймет ⟨...⟩тогда он сочтет свои силы, а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс» (VI, 121).

Такого предвидения грядущего хода истории у Натальи Александровны, конечно, не было. Но она разделяла мысли мужа о том, что капиталистический строй изжил себя, и хотела по-своему участвовать в разрушении старого. Она писала Н. А. Тучковой 17 октября 1848 г.: «Старое здание все приближается более и более к разрушению, искусственные подпорки недолго поддержат его; камни падают вокруг, иные совсем превратились в песок и сыпятся... Не только жить, даже участвовать в создании нового нам не удастся, ну хоть помогать разрушенью старого!..» («Русские пропилеи», цит. изд., стр. 251).

Думая о пройденном ею пути духовного развития, она подводила итоги: «Все имеет время экзальтации и время разумного сознанья» (там же, стр. 247).

27 января 1849 г. она писала Н. А. Тучковой: «Чему мы поверили, что мы приняли существенным, то было только пророчество очень раннее» (там же, стр. 262). Наталья Александровна сохранила веру в конечное торжество революции и хотела воспитать своего сына, как это явствует из ее письма к Грановскому, как революционного борца, обрекая его в будущем на тяжелый путь борьбы со старым миром. Ее «Marchons! Marchons!»* перекликается со знаменитым девизом Герцена «Semper in motu»**.

Наталье Александровне не пришлось участвовать в разрушении старого, тем более в созидании нового: жизнь ее близилась к концу. Герцен, пережив тяжелую семейную драму, обратил свои взоры к России, и его могучий талант публициста помог ему участвовать в разрушении старого и тем самым содействовать созданию нового.

Последние записи говорят об уходе Натальи Александровны в личную жизнь, которую она называла в письме к Н. А. Тучковой в 1848 г. «многоцветной» («Русские пропилеи», цит. изд., стр. 246). «Дома у меня хорошо...» (8 октября 1848 г., там же, стр. 252). Но найти только в своем «личном» успокоение, удовлетворение она не могла. «Что личное счастие, богатство, истина жизни личной, ведь общее, как воздух, охватывает тебя, а этот воздух исполнен только предсмертным, заразительным дыханием» (27 января 1849 г.).

Был ли Герцен знаком с этими «Записками»? Дать точный ответ на этот вопрос нельзя. В «Былом и думах» он нигде их не цитирует. Однако, характеризуя душевный надрыв, который пережила Наталья Александровна после краха так ярко расцветших надежд, Герцен с чутким пониманием описал его в «Былом и думах»: «... Скорбь истинная, тяжелая, не по женским плечам. Живой интерес Natalie к общему не охладел, он сделался *живою болью*. Это было сокрушение сестры, материнский плач на печальном поле только что миновавшей битвы» (XIII, 486).

Эту «скорбь истинную, тяжелую», эту *живую боль* мы ощущаем в каждой строчке ее «Записок».

Герцен правильно отметил, что хотя Наталья Александровна и говорила о своем равнодушии ко всему происходящему, в ней «не охладел» интерес к общественной борьбе. Замечательны ее слова о своем мнимом равнодушии: «...мне самой становится страшно этого равнодушия, и если бы под его светлой, гладкой поверхностью не таился целый волкан, готовый пересоздать весь мир или уничтожить все и, прежде всего, самое меня,— я презирала б себя».

Эти «Записки», этот своеобразный дневник и содержанием и формой несколько напоминает статьи Герцена «С того берега». Это тоже «с того берега» его жены.

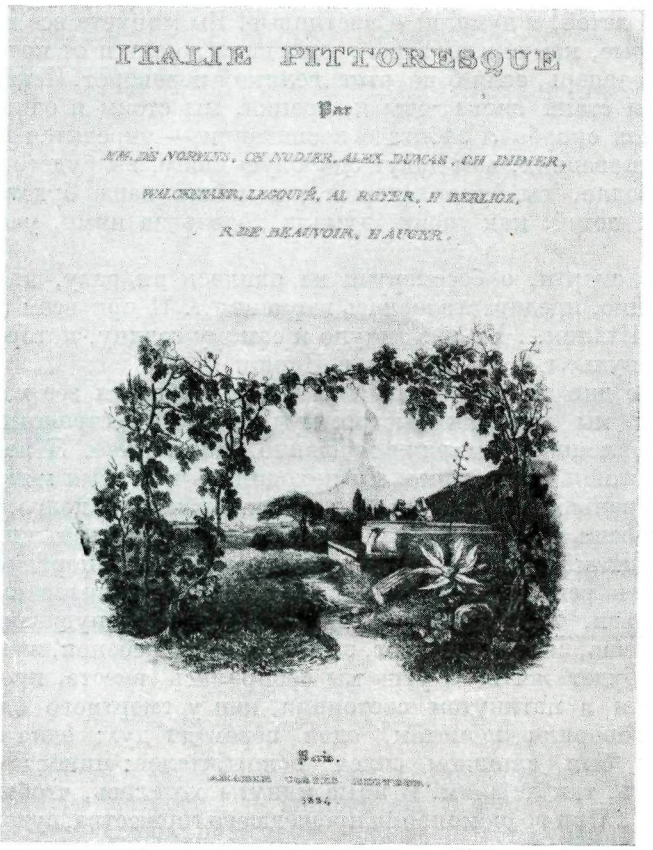
---

* «Вперед! Вперед!» (франц.; из «Марсельезы»).
** «Всегда в движении» (лат.).

〈Париж, июнь 1848 г.〉

Еще с детства мне казалось странным все, что делается вокруг меня, и до тридцати лет я не могла привыкнуть к этому порядку или беспорядку: страшная дисгармония, раздирающая душу, все так нелепо, так наизнанку.

Перед революцией становилось свободнее дышать, казалось настает время всемирной перестройки,— все существо мое исполнилось надеждой, любовью, деятельностью. Человечество, ползающее до тех пор как



«ЖИВОПИСНАЯ ИТАЛИЯ»

Титульный лист издания 1834 г.

Рассматривая эту книгу, Н. А. Герцен писала Герцену: «Глядя на волны Адриатики, я воображала, как и мы с тобою когда-нибудь будем ими носимы, как пойдем по Риальто, не на картинке увидим церковь св. Марка и всю красавицу Венецию» (Из письма 1839 г.)

ребенок, удерживаемое на помочах, запуганное, угнетенное, встает, разрывает узы... Прежние властители, или, лучше, дядьки, пугалы, расчищают дорогу, прячутся позади всех,— человечество расправляет члены, высоко держит голову, шаги его быстры и тверды, будто оно разом сознало свою силу. Каждое мгновенье заключало в себе столетия, началась жизнь широкая, полная — все личное, семейное, домашнее перестало быть пошлым, исключительным, приняло характер всемирный, казалось, не существует больше собственности, отечества — море единодушия, свободы! И мы с упоением отдались волнам его...

Я была долго на площади, в толпе; мне бы не показалось странно, если бы она вошла к нам и взяла, что ей нужно; каждый был свой, для каждого готов был отдать жизнь.

«Совершилось!» — думала я — недаром были все наши страдания, недаром при всех условиях наслаждаться жизнью каждая минута ее была отравлена, недаром, держа полную чашу в руках, мы томились жаждой, не имея духа хлебнуть, малейшее самоудовлетворенье казалось преступленьем... Недаром это негодованье, этот скрежет, при мысли о своей ничтожности, о своем бессилии сделать что-нибудь — теперь мы всемогущи!

Глядя на детей, я думала: «Счастливые! Вы минуете все противуречия, сквозь которые, как сквозь строй, нас гнала жизнь и от которых раны не зажили бы и теперь, если б не этот великий переворот. Искаженные, изувеченные, мы стали снова юны и крепки, мы стоим в один ряд с вами! Окончена моя скорбная забота о воспитании,— учредятся новые школы, на новых основаньях, вам дадут здоровую пищу, вы будете расти, развиваться свободно, вы будете хороши, и жизнь ваша будет хороша! И я любила всех детей, как своих, думала ходить за ними, участвовать в их развитии.

Мысль о смерти, о бессмертии не явилась ни разу, настоящее было слишком полно, предчувствовалась гармония... И при всем этом изящная обстановка Италии... Но нас тянуло к самому сердцу, которое заставляет биться все пульсы,— мы летели в Париж.

Июньские дни не замедлили явиться, подробности все известны. Пять дней кряду мы умирали быстро, мучительно, в страшных судорогах, потом, обессиленные, умирали медленно, томительно. Я не умею вернее передать состоянье, в котором мы находились во время митральяды улиц и расстреливанья инсургентов,— оно продолжалось долго, очень долго; бывало откроешь окно, и все кажется иронией: и пенье птиц, и освещенье солнца, и зеленый цвет листьев — ведь, это обман, декорация, за которою льется кровь реками. Все чувства смутны, парализованы, с усилием вслушиваешься, чтоб различить детский говор от пушечных выстрелов, и не понимаешь, зачем стреляют, зачем лепечет ребенок, зачем живет он, наконец, и будет жить? С утра мы собирались вместе, просиживали до поздней ночи в натянутом состоянии, как у смертного одра любимого человека, говорили шопотом, едва переводя дух; одна свеча горела, свет лампы был слишком силен, оскорбителен; никогда тело не было так в тягость, так лишним. В иные минуты хотелось, чтобы бомба упала посреди нас... При воспоминании прошедшего торжества, судорожная улыбка появилась на лицах — не сон ли это был? — Чудный сон!

Но прошло много времени, и после тяжелого сна два великие мгновения канули в вечность. От первого заструился светлый круг и исчез. Долго виднелся кровавый след после другого—и исчез... А море жизни волнуется все так же гордо и небрежно... и — недостаток ли это любви или любила я слишком много,— только теперь я сижу на берегу этого моря, смотрю на него — и то слезы навернутся на глазах, то мелькнет улыбка; я сочувствую его волненью, но отдаться ему, броситься в него — желанья нет более. Теперь я чувствую себя отдельно, живу отдельною жизнью. Моя жизнь терялась, как капля в море, теперь море теряется в этой капле...

Личность моя стала сосредоточеннее, все лучи сведены на один фокус...

Когда меня спрашивают, что я делаю хорошего, мне всегда хочется сказать в ответ: «Живу!»

С каждым днем я не только привыкаю — отвыкаю от всего, что делается на сем свете. Вчерашние, давешние события мне кажутся сказкой, преданьем варварских времен. Самые лица — никогда вид животного не производит такого возмутительного впечатления! Я не выхожу от этого

по воскресеньям, все залито безобразием. Мне нужно после этого долго отдыхать, постоять долго у моего окна, всмотреться в зелень, в солнце, проглядывающее сквозь листья, хоть и оно бледно в Париже,— словом, мне нужно отсутствие человека, нужно забыть о его существовании. И пока я не окрепну, меня возмущает даже вид детей, моей маленькой Наташи. Снова является потребность новой жизни, хоть не для себя, для них, обдает новым ужасом от всего старого, искаженного, в котором не только мы, но и они должны провлачить жизнь.

Я всегда ужасно устаю, сидя в театре, мне все хочется прыгнуть на сцену и участвовать в игре, если пьеса со смыслом, если ж нет— хочется

ВЕНЕЦИЯ
Гравюра из «Живописной Италии», 1834 г.

разогнать их, ужасно унизительно видеть самого плохого актера в пошлой роли. В театре несносно, а каково же в жизни? Сидеть весь век прикованным к своему месту и смотреть, как весь свет дурачится! Это меня бесит, я больна от этого и не выздоровлю никогда.

Зачем нельзя забыться неделю в себе, в том, что хорошо мне. Когда меня несли на Везувий четверо лазарони, я ужасно устала, помогая им мысленно нести себя. Так всю жизнь мою без отдыха я помогаю развитию человечества. И что же? Хоть бы распяли меня,— но веры больше нет в искупленье!

Сумасшедшие они или звери, не знаю, только у меня судорожно сжимаются зубы и кулаки, при мысли о них.

Вчера было воскресенье, меня насильно вытащили погулять — никогда Париж не залит так грязною толпою, как в праздник, я смотрела, смотрела на них и подумала: что, если прокатить картечью вдоль этой ползающей грязи? Я б с радостью увидала льющуюся кровь — надо же расчистить место человеку! Наконец, из одного эгоизма я желала б гибель этому миру, при всех условиях наслаждаться столетье целое — я считаю жизнь мгновеньями, остальное скрежет, мука.

Не знаю, кому бы я решилась сказать, до какой степени доходит иногда мое равнодушие ко всему происходящему вне моего внутреннего мира,— ко всем восстаниям, революциям; мне самой становится страшно этого равнодушия, и если бы под его светлой, гладкой поверхностью не таился целый волкан, готовый пересоздать весь мир или уничтожить все и, прежде всего, самое меня,— я презирала б себя.

Народы, как цветы, прозябают одни дольше, другие меньше. Смерть одних будто удобряет почву для других.

Вот Египет возвышает свой пышный, тучный цвет. Греция — свой цвет, исполненный красоты и благоуханья. Рим величественный, но покрытый кровавыми жилами от чувственной жизни. И много других цвело цветов прекрасных, и отцвели все, и следа иных не осталось вовсе.

В итоге человек становится человечественнее, а поколенья незаметно потребляются на выработку его. И я восхищаюсь человеком, поклоняюсь ему, более—люблю его, еще более—я сама человек, а до химической лаборатории мне дела нет, наконец! Слишком много потрачено на нее, много закоптелось, много выгорело. Non voglio più servire *. В деревне, в живой, теплый день, когда вижу деревья, высокую траву, мне б хотелось затеряться в ней, забыть всех и чтоб и меня забыли. Я сливаюсь с теплым, благоуханным дыханьем природы, исчезаю с ним в воздухе или игривой, пестрой бабочкой перелетаю с цветка на цветок (пчелой быть я б не желала, пчела слишком трудолюбива), красуюсь на солнце или так, какая есть, с руками и с ногами, уношусь куда-нибудь далеко, на коне или уплываю в океан... Да, если бы забыться! Да, человечество и можно б забыть с его ретортой, но детей моих я не могу забыть!

Мне все *кажется*, что я нужна им, что без меня ничего не сделается; я не могу оторваться от них, мы все так же тесно соединены, как в продолжение девяти месяцев,— одна смерть отдалит меня от них, как засохший цвет от зрелого плода, и я не умру прежде, чем они дозреют. А когда увижу их людьми, умру, не жалея о жизни. И верую, что умру, не жалея о жизни. Все недоразвитое во мне, подавленное, несовершившееся — все исполнится в них. То, о чем предчувствие одно было для меня счастием, делало меня человеком, осуществится, воплотится в них.

В них я разовьюсь до себя.

Все, что делается теперь с громом пушек, с пролитием крови, — мне кажется ничтожнее воспитанья, я совершаю будущее и какое чистое, сильное будущее! Их минует все, что вынесено мною, оттого, что оно уже вынесено мною. Все предрассудки, эти ржавые осколки орудий, которыми отживающий старец порабощал мир и которыми, добивая в предсмертных судорогах отходящее с ним поколение, грозит строго закону,— не коснутся их! Эти ядовитые осколки отразит твердый щит, а этот щит — я. Мою баррикаду не разрушит никакая сила.

А там, может быть, ты дойдешь до гильотины твоим шагом, мой милый Саша,— иди, иди лишь своим шагом, твой след будет — свобода, она переживет гильотину, и ты не умрешь в ней. Свобода! Я, кажется, люблю тебя более детей моих.

Как взор отдыхает, освобождаясь от предметов, теряясь там, вдали, где все сливается в туманную синь, как ум освобождается от своей работы в винных парах,— так в симпатии освобождаешься от всего, от всего,— отдыхаешь даже от привязанности. Это праздник человека.

---

* Не хочу более служить (итал.).

II. ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН

1. ПИСЬМА К Т. А. АСТРАКОВОЙ

Первое из публикуемых писем Натальи Александровны к ее верному московскому другу Т. А. Астраковой (см. о ней в настоящем томе, стр. 540—546) написано из Рима 14 марта 1848 г.

Поездка Герцена с женой в Италию была осуществлением мечты их юности. 16 марта 1836 г. Наталья Александровна писала своему жениху в Вятку: «Итак, мы поедем в Италию? Это не мечта? О, сколько нам счастья впереди!» (А. И. Герцен. Соч. и переписка с Н. А. Захарьиной, цит. изд., т. VII, стр. 74). Их мечты об Италии отражены и во многих других письмах (см. там же, стр. 34, 69, 213, 259, 487, 506).

Большую роль в возникновении этой мечты сыграло увлечение Герцена Данте. В своей камере в Крутицких казармах он изучил итальянский язык. Написанную в тюрьме «Легенду» он щедро насытил цитатами из «Божественной комедии».

Позднее Наталья Александровна писала мужу из Владимира в Петербург о художественном альбоме «L'Italie pittoresque»: «Глядя на волны Адриатики, я воображала, как и мы с тобою когда-нибудь будем ими носимы, как пойдем по Риальто, не на картинке увидим церковь св. Марка и всю красавицу Венецию...» (Е. С. Некрасова. Из владимирской жизни Герценов. Сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1897, стр. 71).

Пребывание в Италии не обмануло их мечты. Покидая эту страну, Герцен писал: «Я ехал из Италии, влюбленный в нее ⟨...⟩ там встретил я не только великие события, но и первых симпатичных мне людей» (XIII, 290). В «Письмах из Франции и Италии» (письма из Италии первоначально публиковались под названием «Письма с Via del Corso») Герцен создал прекрасные образы ее городов, памятников искусства, ее природы. Но не эти впечатления составляют пафос «Писем». Герцен и Наталья Александровна были увлечены «великими событиями», свидетелями которых они сделались в Риме и Неаполе. Италия на их глазах пробуждалась к революционной борьбе за свое освобождение. Это было время расцвета надежд на обновление не только Италии, но и всего мира. То впечатление, которое произвела на Наталью Александровну Италия, нашло выражение в ее предсмертной мечте вновь увидеть эту страну. В главе «Смерть» Герцен писал: «Ей хотелось выздороветь, хотелось жить, хотелось в Италию» (XIII, 553).

В Италию Герцен и его спутники прибыли в конце ноября 1847 г. и покинули ее в начале марта 1848 г.,— они спешили в Париж, где была объявлена республика.

Публикуемое письмо из Рима содержит замечательное описание панорамы неаполитанской бухты, построенное на контрасте мятежного вулкана и спокойного моря, озаренного луной. Вид, о котором пишет Н. А. Герцен, она могла наблюдать из окна отеля на набережной Киайе (лучший квартал Неаполя): «Вместо окна в каждой комнате была стеклянная дверь, выходившая на маленький балкон с видом на море: вдали красный огонек и виднелась темная струйка дыма на Везувии» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 68).

Письмо Н. А. Герцен дает возможность пополнить некоторыми деталями рассказ самого Герцена об их жизни в Неаполе. Ни в «Былом и думах», ни в «Письмах с Via del Corso» он не отметил посещения Геркуланума и Помпеи, а также восхождения на Везувий. М. К. Рейхель и Н. А. Тучкова-Огарева сообщают в своих воспоминаниях еще о поездке в Сорренто и о посещении Лазурного грота на острове Капри

(М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 55—58; Н. А. Тучкова-Огарева. Цит. изд., стр. 68).

В заключительных строках письма, в мягких упреках по адресу Астраковой, еще сохранявшей придирчивую нетерпимость в отношении к друзьям, выражена потребность в новых, более свободных отношениях с людьми — свидетельство того, что Н. А. Герцен уже далеко отошла от того «нескончаемого хождения все в одну сторону, по-солонь», о котором писал Анненков, передавая слова Натальи Александровны (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.— Л., 1928, стр. 523).

Второе письмо к Астраковой написано из Парижа. Начато оно было 23 июня, а закончено, вероятно, 30 июня. Этой датой помечена краткая приписка Герцена к письму. Приписка представляет большой интерес как самый ранний из дошедших до нас откликов Герцена на потрясшие его события июньских дней, с такой силой заклейменные им и в статьях «С того берега», и в последних «Письмах из Франции и Италии», и в «Былом и думах».

Герцен выразил надежду, что июньские события раскроют глаза всем честным людям, в том числе В. П. Боткину, который протестовал против критики Герценом буржуазии в «Письмах из Avenue Marigny» (см. «П. В. Анненков и его друзья», стр. 550—553). Как известно, В. П. Боткин не только не прозрел, но становился все более «реаком», как Герцен называл реакционеров.

Оба письма впервые, но крайне неисправно напечатаны в журнале «Русские записки» (Париж, 1939, XIV, стр. 104—106 и 106—108). Второе письмо, с припиской Герцена, публикуется по фотокопии с подлинника, хранящегося ныне в Колумбийском университете (США).

1

Рим. 1848 год, март 14

* Теперь бы следовало извиненья или, по крайней мере, объясненья, почему я не писала давно; не стану тратить слов ни на то, ни на другое,— суди, как знаешь, как умеешь, какова я есть. Не писала и все тут... Нужно б видеться, говорить, ни в какую форму не укладывается то, что сказал бы живым языком, и бросишь перо, и ломает тебя невозможность передать все, что бы хотелось,— это меня утомляет страшно, даже физически...

Сколько отрадных явлений, сколько минут, полных жизни живой, и все мимо вас. Ну, так буду же списывать тебе нашу прогулку в Неаполь. Вот две недели, как мы воротились оттуда. Мария Федоровна с Колей и Наташей оставались в Риме. А мы все с семейством Тучковых провели три недели в Неаполе. Это лучшее время из всего путешествия по Италии. Чудный город! Все наши окна были обращены к Средиземному морю, там вдали дымящийся Везувий, целые часы, целые дни я с упоением смотрела на эту беспрерывно меняющуюся панораму, даже в дождь, даже в ненастье, так везде хорошо,— хорошо и кататься, хорошо и дома сидеть у окна, бесконечно хорошо, начиная с рассвета. Так, миг за мигом, я упивалась этой живой картиной. Наконец, ночь. Мрачный, величественный Везувий каждую минуту выбрасывает огненный сноп, и опять поток лавы опоясывает его, теряется в море. Я полюбила его как друга, эту гору, я так сочувствую ее вулканической жизни... меня физически тянет в ее огонь, а тут месяц светлый тихо, тихо поднимается, серебрит море, и глаза невольно обращаются туда, рыбачьи лодки так беззаботно скользят,

* Начало письма в публикации «Русских записок» отсутствует.

НЕАПОЛЬ

Гравюра] из «Живописной Италии», 1834 г.

будто играют, забываешь труд бедняка и так же беззаботно ложишься в постель и засыпаешь спокойно.

Новый день, новые наслаждения. С утра мы брали обыкновенно две коляски, потому что нас 10 человек, отправлялись смотреть древности Геркуланума, Помпеи и т. д., даже взбирались на Везувий; возвращались домой к 5-ти часам, прямо к table d'hôte; тут уж новая комедия, все эти лица, иные разговоры — иногда смерть грустно, иногда смертельно смешно. Спальня у каждого была особенная, и сходились мы вместе в одну гостиную.

На меня бесконечно хорошее влияние имела встреча с молодыми Тучковыми и близость с ними, особенно с Натали,— богатая натура и что за развитие! Их не пощадила жизнь, сколько подавлено, измято, убито, сколько устали от ненужной борьбы, а кто же знал, что она не нужна? Так ли уж случилось, но в самом деле, глядя на них, у меня много набралось новых сил. На что? На жизнь, новую связь с жизнью.

Три недели прошли, как три дня, и в первый раз пришлось мне испытать совершенно незнакомую мне беззаботность насчет детей, только было больно, что я врозь с ними, иногда тоска давила, хотелось взглянуть на них, услышать их голосок... но это тревожное, не дающее забыться ни на минуту чувство не существовало вовсе, потому что они были с Марией Федоровной. Это же самое часто отравляло самые прекрасные минуты, мне так было больно, что она не разделяет их с нами; конечно, для нее было вознаграждение в самом этом лишении, потому что быть полезным другим для нее, кажется, выше всех наслаждений,— и все же мне было больно и совестно бесконечно. Эти три недели — светлая, яркая полоса, несмотря на то, что целая неделя прошла в розысках украденного портфеля со всеми бумагами и документами.

В Риме гадко, погода ужасная, мрачность, сырость, мешает даже жить прошедшей жизнью; куда поедешь в такой ливень? Мы скоро уезжаем отсюда, куда — не знаю; хотели воротиться в Неаполь, показать его Марии Федоровне, потом в Палермо, но все спешат беспрерывно, верно ничего не знаю...

Возвращаюсь к твоему письму — на первой странице я невольно остановилась на этом слове: «И в этот день я была неимоверно счастлива». Вот не требуй больше от жизни, уж и то слишком много, что можно быть счастливой в иной день и целый день. С радостью и с завистью читаю я описание твоих и Грановского именин. Потом, моя Таня, скажу тебе откровенно, что я горько улыбнулась, читая твои детские вопросы: «Уж не рассердилась ли ты на меня, уж не забыла ли, не разлюбила ли?» Да станем же во весь рост, бросим все сердечки, медальончики, обещания, клятвы, уверенья в дружбе, — чем истиннее, чем глубже любишь, тем ненужнее все это. Я пишу тебе все откровенно и не думаю, чтобы ты рассердилась, ведь это унижает.

Я как-то так привыкла широко и свободно любить. Болезненный период прошел для меня совершенно, я не могу, как прежде, *устраивать* прочно дружбу, обносить ее высокой оградой и крепко-накрепко запирать ворота, чтобы непосвященный не смел перешагнуть порог; это — детство, это — неуверенность в том, что охраняешь; я более чем когда люблю всех моих друзей, более чем когда-нибудь верю им и не требую ничего и не люблю ничего; чем более живу, тем более убеждаюсь, что единственное существенное благо в жизни — это симпатия, — кто же подвергнет его даром влиянию чего бы то ни было? Если же оно таково, что легко можно иметь влияние на него, я отказываюсь от такого непрочного блага; одной игрушкой меньше...

Продолжаю читать твое письмо и, наконец, улыбаюсь: «Неужели ты не выбралась, Наташа, считать каждую женщину за сплетницу, врага и так далее?»

О, Таня, Таня! я не буду отвечать тебе на это,— это просто бред. Ты бы должна довольно знать мою историю. Сначала я была дика и ни к кому не подходила, потом подходила робко, но с полною доверенностью, уж если подходила,— теперь я не могу не подходить, и все равно — женщина или мужчина, лишь бы внутренний голос сказал мне, что есть общее. Я этому голосу доверяю бесконечно.

2

Париж. 1848, июня 23-го

Только что послала тебе письмо, получила твое, моя Таня, моя хорошая Таня! Хоть многое в нем давно писано, но я все-таки читала и перечитывала его с большой любовью. Люблю тебя, Таня, хорошее ты существо, несмотря на все недостатки и претензии твои, да, претензии. Не сердись, оно так. Претензии не от бедности натуры, не от пошлости, а от того, что жизнь не вселила доверия к себе. Лучше сказать, не претензия, а требовательность, она и законна, так как справедлива, но не хотелось бы ее иногда, оттого, что не хотелось бы, чтоб ты страдала; а не страдала бы,— была бы бедная натура. Так лучше оставайся тем, чем есть.

Когда мы увидимся, не знаю. Из Италии ты велела уехать, а и здесь я не здоровее, напротив, скучно быть больной, унизительно, досадно, особенно теперь,— никогда не нужно мне было так здоровье, как теперь,— жизнь так хороша, хотелось бы жить и для себя, и для других. Принялась серьезно лечиться, авось мне будет лучше. Саша пока здоров, понемножку всем занимается, доктора говорят, что до 18 лет необходимо бесконечное внимание и попечительность для его деликатного сложения — в ученье, в игре, в содержанье, — словом, *беспрерывная* осторожность,— ты поймешь, стало, Таня, как бы я желала быть здоровой! Коля и Наташа милы и здоровы, растут, умнеют. Потом, Таня, ты знаешь, как Александр тревожится всегда о моем здоровье, и это все сильней и сильней в нем становится.

От вас вести хорошие. Ел⟨изавета⟩ Б⟨огдановна⟩ мне пишет ⟨?⟩, что и Корш и Кав⟨елин⟩ имеют место в Петербурге. Легче стало на душе. А как посмотрела бы на всех вас... пиши мне, Таня, все, все обо всех.

Хорошо, что ты занимаешься. Ты увидишь, как при малейшем успехе тебя будет все более и более утягивать в изучение чего б то ни было. Есть люди, которых довольно увидеть мимоходом, чтоб узнать, что в них есть много или будет много хорошего — к этим людям принадлежит Вал. Ф. Корш — я его вовсе не знаю, ничего не слыхала о нем, видела раз и уверена, что хороший человек, хоть может и будет много ломки и переработки.

Как страшно за Огарева, пиши мне о нем подробнее. На днях мы узнали о смерти Белинского — бесконечно жаль! Чудный был человек, какая нелепая и глупая вещь смерть.

Жаль мне, вот что, Таня, ты ждешь нас так, как будто мы сейчас приедем, а я не знаю, когда мы поедем, — нет ничего хуже, как такая ошибка. Перенес бы тебя как-нибудь сюда.

В августе или в сентябре ты увидишь Тучковых; ведь ты дикарка, не бойся, я тебя заранее познакомила, то есть с двумя девушками, Hélène и Natalie. Каждая в своем роде хороша, встреча с ними дорога мне, она принесла мне много юности, свежести, наслаждения в мою душу; уж не говоря ни о чем другом, великое счастье любить так, как я их люблю. Хорош мой внутренний мир, Таня, так полон, полон,— я не говорю:

одного светлого, но я не отдала б ни одной капли того горького, что в нем. Писать не хочется — а следовало бы ответить.

Итак вы остаетесь⟨!⟩... Кто сторожил мои мысли... Как тебе плохо будет, Таня, с твоей живой и симпатичной натурой, это одиночество. Ну, прощай пока. Мне советуют и Саше ездить верхом — сегодня отправляемся. Скоро начну его купать. Здоровье его заметно поправляется. Вожу его в гимнастику. И знаешь мою радость: я воображала, что у него нет ни слуха, ни способности к музыке — напротив, ему дает уроки хороший музыкант и говорит, что, если Саша будет продолжать так учиться, так через год порядочно будет играть. Мне кажется иногда, что я снова переживаю жизнь...

24 июня на слове жизнь я была прервана пушечными выстрелами, которые продолжались день и ночь *четыре дня*, город до сих пор en état de siège*, убитых, говорят, 8000. Вот все; подробностей не достает духа описывать. Как мы живы, удивляюсь, но живы только физически, Таня; были минуты, в которые я желала быть уничтожена *со всей семьей*. Не знаю, оживем ли настолько, чтоб что-нибудь в жизни еще вызвало искреннюю улыбку. Кланяйся всем.

⟨*P. S.*⟩ Давно писано это письмо, но все-таки посылаю его тебе,—оно тебе даст понятие о нашем житье-бытье. М⟨ария⟩, Ф⟨едоровна⟩ жмет тебе руку. М⟨ария⟩ К⟨аспаровна⟩ сама пишет.

Приписка Герцена:

30 июня. Что мы видели, что мы слышали эти дни... мы все стали зеленые, похудели, у всех с утра какой-то жар. Преступленье четырех дней совершилось возле нас, около нас.— Домы упали от ядер, площади не могли обсохнуть от крови. Теперь кончились ядры и картечи — началась мелкая охота по блузникам. Свирепость национальной гвардии и Собранья превышает все, что вы когда-нибудь слыхали. Я полагаю,что Вас⟨илий⟩ Петр⟨ович⟩ перестанет спорить о буржуази. Если б не Кавеньяк, то пленных расстреляли бы всех.

На обороте рукой Герцена: Татьяне Алексеевне Астраковой на Девичьем поле в собст⟨венном⟩ доме, в приходе Рождества на Овражках.

2. ПИСЬМО к Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Публикуемое письмо написано приблизительно в одно время с «Записками» Натальи Александровны (см. выше, стр. 367) и является ценным дополнением к ним. В нем то же восторженное приветствие революции и та же горечь по поводу ее подавления; в нем признание, что борьба не окончена («Мы переживем нашу смерть»). Наталья Александровна верила, что она будет жить в своем сыне, которого она поведет по пути революции: «Marchons! Marchons!». В этом письме преобладает бодрый тон — она хотела в лице Грановского внушить московским друзьям веру в революционный путь и подчеркнуть свою (а вместе с тем, конечно, и Герцена) преданность этому пути.

Письмо публикуется по автографу из рукописного отдела Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ЛБ, Г.— О. IX, 218).

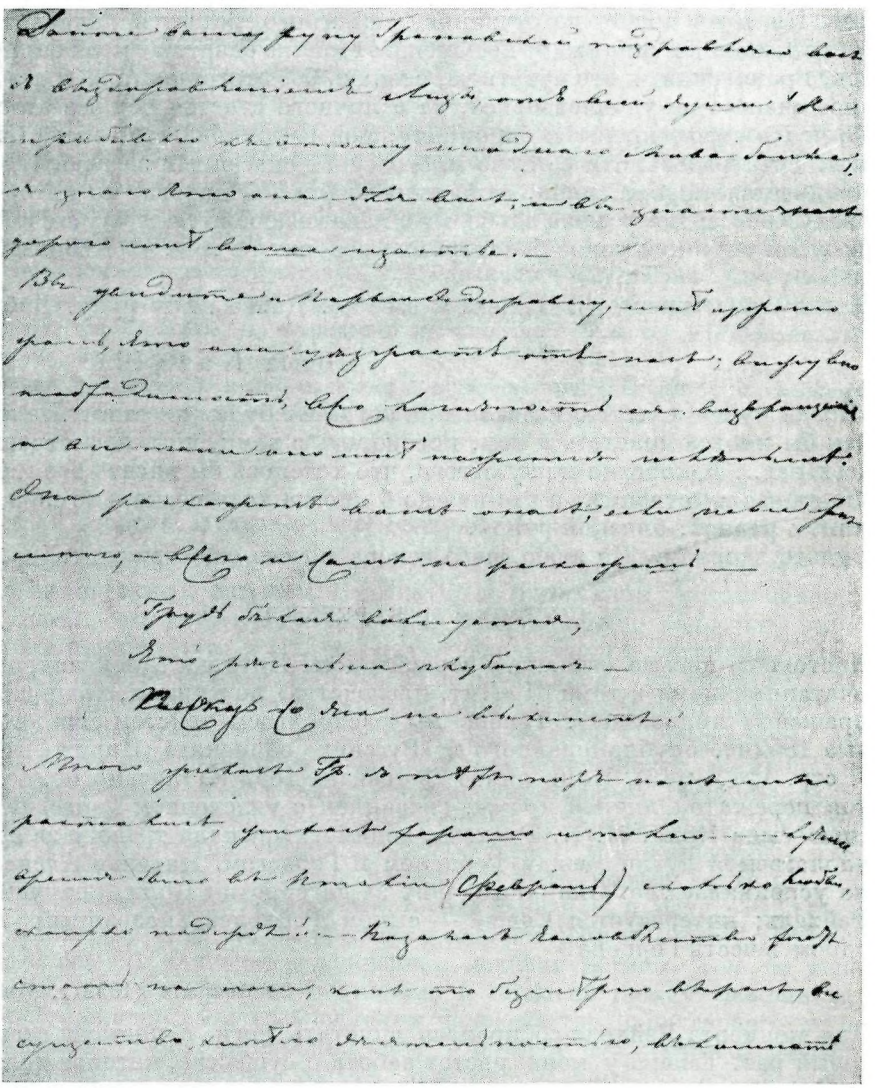
⟨Париж. 1848 июнь — июль⟩

Дайте вашу руку, Грановский, поздравляю вас с выздоровлением Лизы от всей души! Не прибавлю к этому ни одного слова более, я знаю, что́ она для вас, и вы знаете, как дорого мне ваше счастье.

---

* на осадном положении (франц.).

Вы увидите Марию Федоровну, мне ужасно жаль, что она уезжает от нас; вижу всю необходимость, верю логичности ее возвращения, и все-таки оно мне кажется нелепым. Она расскажет вам о нас, если не все, так много, — всего и сама не расскажешь.



АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, от июня—июля 1848 г.
Лист 1
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Грудь белая волнуется.
Что реченька глубокая —
Песку со дна не выкинет.

Много жилось, Грановский, с тех пор как мы расстались, жилось хорошо и полно; лучшее время было в Италии (февраль), сколько любви, сколько надежд!.. Казалось, человечество хочет стать на ноги, как-то безмерно выросло; все существо кипело деятельностью, в комнате

делалось неловким оставаться, мы были дома на улице, там встречались все, как родные братья. Потом мы летели в Париж... тут пусть расскажет вам Мария Федоровна, одно воспоминание разлагает меня даже физически, теперь я не могу писать об этом. Полжизни убито, все надежды разбиты. Мы не сделаем ничего, мы не увидим ничего... Мы переживем нашу смерть. Но я не дошла до отчаяния, еще много остается делать, и ни Кавеньяк, никакая сила в мире не помешают мне, не разрушат моей баррикады, да, Грановский, я это чувствую, сознаю, без этого не стала б и жить. Личное счастье не удовлетворяет, да и личного счастья нет без этого; я знаю, что я строю крепкую баррикаду, моя баррикада это — мой Саша! Может быть, разобьют и ее... но много будет спасенных за нею. Иногда мне виднеется тюрьма, цепи, гильотина вдали той дороги, по которой я его веду, но сердце у меня не болит и пока не дрожит; я держу его крепко за руку, внутренний голос беспрерывно говорит во мне: «Marchons! Marchons!»

Когда будем вместе, поможете и вы мне. Дайте вашу руку. Дайте и обнять вас обоих.

Ваша Natalie

«Когда будем вместе», сказала я, а когда мы будем вместе? ...Не знаю. О, как бы иногда полететь к вам, поговорить с вами, хоть посмотреть бы на всех вас... Я коротко пишу оттого, что хотелось бы писать без конца. Давно от вас ни строки... а что нужно б иногда хоть несколько слов, написанных родной, близкой рукой.

Будьте здоровы. Не знаю, чего теперь можно еще пожелать?

3. ПИСЬМО к М. К. РЕЙХЕЛЬ

Настоящее письмо связано с серией писем Натальи Александровны, напечатанных нами в томе 61 «Лит. наследства» по копиям, хранящимся в «пражской коллекции». Теперь мы располагаем текстом еще одного письма 1852 г., опубликованного в «Русских записках» (Париж, 1939, XIV, стр. 114 — 116). Написанное 29 февраля 1852 г., письмо полно отзвуков пережитой личной драмы, связанной с увлечением Гервегом и с гибелью сына Коли. М. К. Рейхель, видимо, выражала тревогу за исход предполагаемой дуэли между Герценом и Гервегом. Наталья Александровна успокаивает ее. Она благодарит за дагерротип Коли, полученный от Рейхель; интересуется Сашей — сыном Рейхелей, названным Александром в честь Герцена.

29 февраля ⟨1852 г. Ницца⟩

Для концерта Рейхеля собиралась спустить ноги с постели сегодня в первый раз. Теперь у меня растет забота о существе, которое должно явиться на свет через четыре месяца. Сколько перестрадало оно со мною! Что-то будет с ним?

Ты боишься за фактическое окончание,— А⟨лександр⟩ слишком много проповедовал о разрушении старого и создании нового мира, чтоб уступить предрассудку первого; может, и уступил бы,—но не там, где раздавить ногой уж много чести. Будь покойна...

А страшно встать, увидишь море, милый, милый ангел! Хоть бы на могилке его посидеть, хоть бы могилку его обнять и целовать, целовать,— цветами бы украсили... ничего нет; шумит себе безумное, как будто ничего не было.

Благодарю, целую портрет.

Напиши о Саше, что-то *он* — продолжает расти по-богатырски? Дети и я обнимаем вас...

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ПИСЬМА к Н. А. ГЕРЦЕН

1. ПИСЬМО И. П. ГАЛАХОВА

В «пражской коллекции» хранится несколько писем Ивана Павловича Галахова к Герцену. Они опубликованы в т. 62 «Лит. наследства» (стр. 64—68). Там же читатель найдет характеристику личности Галахова. Здесь мы публикуем его письмо к Н. А. Герцен.

Это письмо написано незадолго до последнего свидания Герцена с Галаховым в Италии, в конце 1847 г. Вспоминая об этом свидании в «Былом и думах», Герцен писал о Галахове: «Итальянское движение закипало тогда, он был увлечен им. Вместе с взглядом, исполненным иронии, он хранил романтические надежды и все еще рвался к каким-то верованиям» (XIII, 107). О «пробудившейся, восторженной Италии», о радости «искренних поисков истины», о необходимости «служения людям» говорится и в публикуемом письме. Факт обращения с этим письмом к Наталье Александровне показывает, что Галахов был убежден в значительной общности идейных взглядов Герцена и его жены.

Письмо публикуется в переводе с французского подлинника *, находящегося в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, он. 1, ед. хр. 77).

24 сентября ⟨1847 г.⟩
Баден-Баден

Дорогая Наталья Александровна!

Несколько слов ваших [1], так глубоко выражающих вашу личность, пробудили во мне живое ощущение симпатии и понимания, установившихся между нами. Это впечатление было для меня большой радостью; однако по той же причине, что и вы, я испытал сожаление от сознания, что мы разлучены и не можем согласовать наше пребывание за границей. Нам (я разумею здесь вашего мужа так же, как и вас) постоянно нужно сообщать друг другу множество вещей, чувствовать себя в присутствии друг друга, словно объединенными взаимным проникновением, умственным и душевным; и эта реальная связь, это непосредственное, исполненное понимания согласие, раскрывающееся в слове, приносит большое удовлетворение, создает непринужденность, обогащает; и я сомневаюсь, чтобы на земле существовали бóльшие радости и, быть может, более реальная цель, чем связь между личностями и их единение в истине или в той части истины, которая им раскрылась и неопровержимо о себе свидетельствует, и еще их единение в искреннем искании истины. Тем не менее, я добавлю, что этот предел понимания и согласия между людьми превзойден стремлениями и требованиями человечества, ожидающего от них осуществления добра, выявления идеи, в которой они достигли согласия, и, следовательно, служения людям, действия и противодействия в сообществе с ними. Современное общество предчувствует это и тревожится этим, и вы, в частности, также призываете нас, к тому же отдавая себе в то же время отчет в том, что нам недостает энергии, преданности и единства принципов и выводов из них. В оправдание нам и скромности ради надо сознаться, что мы не избранники и что зло, темнота и труд [2] охватывают еще все общество, в котором мы затерялись, как более или менее честные и разумные рудокопы под землей.

Что до меня, то я должен еще усилить дозу скромности и смирения, так как мне были отпущены посредственные способности и состояние моего здоровья препятствует тому, чтобы я применил их так действенно, как мне бы того хотелось. В Баппаре, как вы знаете, у меня был

* Перевод М. Г. Ашукиной.

приступ нервного заболевания, сильно меня потрясшего и обессилевшего; с тех пор я прошел через медленное исцеление с помощью хорошего врача. Эти обстоятельства помешали мне тотчас же ответить на ваше письмо, ибо у меня болела рука и я не мог писать. Хотя мне и лучше, я вынужден еще беречь руку и прибегать к услугам жены. Сердечно благодарю вас, что вы не замедлили отнестись к ней с доброжелательством и доверием. Она достойна и того и другого, уверяю вас, и она может оспаривать у вас преимущество в чувствах, внушенных ей вами. Я принуждаю ее писать вам то, что я ей диктую, ибо у меня потребность сказать вам, что она добра и нежна; ее присутствие — благодеяние для меня (я устал от одиночества). Лишь бы болезнь моя не причинила ей слишком много огорчений, в остальном я ей вполне пришелся по душе. Элиза [3] и сестра моя [4] очень сожалели, что не застали вас в Париже, тем более, что покинуть его вас заставило недомогание моего дорогого Саши [5]. Мы часто гадали о его здоровье и о всех вас. Даст бог, здоровье маленького полностью восстановится, вы, дорогой друг, наберетесь сил и вернетесь в Париж довольной, полной мужества и веры в будущее. Я вас настоятельно прошу сообщать мне известия обо всем, что вас касается; я должен быть спокоен за Сашу. Если вы сможете написать на другой день после получения настоящего письма, адресуйте ваше письмо в Баден-Баден (Великое герцогство Баденское), просто, не указывая «до востребования». Если вы опоздаете, то адресуйте в Ниццу Приморскую [6] (Королевство Сардиния, Италия). Вы видите, что я невысокого мнения о ваших сведениях по географии, несмотря на карты, которые я всегда видел перед вами. Герцен еще менее способен знать ⟨ее⟩ и может попросту поставить «г-ну Галахову». Врач нашел необходимым, чтобы я провел зиму в Ницце, и таким образом нам пришлось расстаться с сестрой, которая хотела провести эту зиму в Дрездене, ближе к моей сестре Плец [7]; ей, впрочем, Ницца совсем не подходит. А вы, останетесь ли вы в Париже — в этой сумятице интересов, мыслей, повседневных событий и критики, или вы отправитесь в пробудившуюся, восторженную Италию, полную приветственных кликов и восхвалений благородного Пия IX? Независимо от политики и социализма, вы должны были бы серьезно выбрать климат, который вам подойдет и который в будущем укрепит ваши силы. Я получаю письма от Фролова [8], посетившего своих друзей в Москве и в настоящее время в Петербурге, установившего отношения с журналом «Современник» [9], которому он уже поставляет статьи,— и баста, раз мы не можем говорить устно. Целую ваши руки; обнимаю Герцена в качестве неложного друга и союзника во многих, многих вопросах, если не во всех. Говорят, что он у дела; пусть не забудет доставить мне оттиск [10]. Прошу вас передать мое почтение и дружеские заверения мадемуазель Корш, а также искренний поклон господам из вашего кружка, включая и господина Белинского [11], которого я хотел бы видеть на пути к выздоровлению.

Рассчитываю на вести от вас.

Ваш Г а л а х о в

Я также, дорогая мадам Герцен, шлю вам сердечный привет и поддерживаю просьбу Галахова о том, чтобы вы нам поскорее написали, что вы поделываете и как поживаете.

Сердечно ваша Э⟨лиза⟩ Г⟨а л а х о в а⟩

[1] Это письмо к И. П. Галахову неизвестно.

[2] Галахов, взроятно, имеет в виду труд эксплуатируемых.

[3] *Элиза* — жена И. П. Галахова, рожд. Боуэн, англичанка, с которой он обвенчался в Париже 17 мая 1847 г. Свидетелями бракосочетания были Герцен и П. В. Анненков.

[4] *Сестра* И. П. Галахова — Мария Павловна, вдова англичанина Кенни.

[5] *Саша* — старший сын Герцена.

[6] В Ницце в ноябре 1847 г. состоялась встреча Галахова с семьею Герцена и имели место споры между ними, отраженные в «С того берега».

[7] Надежда Павловна фон *Плец*.

[8] Николай Григорьевич *Фролов* (1812—1855) — географ, переводчик «Космоса» А. Гумбольдта. Был женат на сестре И. П. Галахова Елизавете Павловне, умершей в 1840 г. В Берлине у него был салон, в котором русские встречались с немецкими знаменитостями. Был другом Грановского и Станкевича.

[9] В «Современнике» за 1847 г. были напечатаны статьи Фролова «Исправительные тюрьмы в Швейцарии» и «Александр фон Гумбольдт и его „Космос"».

[10] В Париже Герцен работал над «Письмами из Avenue Marigny».

[11] С Белинским Галахов встречался в доме Герцена (см. «Письма Белинского», т. III, стр. 248, 254, 260; П. В. Анненков. Литературные воспоминания, цит. изд., стр. 595, а также: «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 161 и 168).

2. ПИСЬМО М. Ф. КОРШ

В «пражской коллекции» сохранилось лишь одно письмо из переписки М. Ф. Корш с Н. А. Герцен. Оно написано вскоре по возвращении Корш в 1848 г. в Москву из Парижа, где она жила в семье Герцена, помогая Наталье Александровне в ее заботах о детях. М. Ф. Корш после встречи со старыми друзьями погрузилась в атмосферу московского кружка, который в отсутствие Герцена поблек. В ней ожили волновавшие ее вопросы, связанные с перепиской членов кружка сороковых годов, с преодолением романтических увлечений. Термин «романтизм», постоянно встречавшийся в их переписке тех лет, нужно понимать в данном случае не в том философском или литературном смысле, в котором он употреблялся в окружении Герцена. Этот термин главным образом применялся к оценке личных, дружественных отношений членов кружка. Под романтизмом они понимали повышенные требования друг к другу, вытекавшие из идеализации близких друзей, романтизмом также называли эмоциональную напряженность этих отношений, их экзальтированность. В письме к Герцену (в Петербург) М. Ф. Корш писала 3 октября 1846 г. после прощальной беседы: «Вследствие ваших размышлений, когда вы ехали на извозчике за день до вашего отъезда, я думаю, что вам не покажется смешно, что я пишу вам. Даже Огарев находит, что это не романтизм. Жаль только, что ему кажется это не романтизмом потому, что мы с вами расстались только три дня. По его мнению, если бы я написала к вам, не видав вас два года,— это был бы романтизм. Впрочем, я знаю, что он не чувствует» (ЛБ., Г.— О. Х, 45).

«Соколовские споры» и разлад внутри кружка, вызванный глубокими идейными расхождениями, обострившимися также на бытовой почве,— поставили вопрос и о романтизме отношений. Огарев среди друзей выделялся смелостью и крайностью своих суждений. Его считали наиболее свободным от всех условностей. Этим объясняются и ссылки на разговор с ним в цитируемом письме.

Письмо публикуется по автографу (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 102, лл. 8—9).

〈Ноябрь 1848 г.[1] Москва〉

Вы, Наталья Александровна, правы, говоря, что в вас романтизму более, нежели во мне, потому что жизнь вас баловала более, нежели меня. Со мной жизнь не совсем ласково поступала; теперь еще она как-то лучше обращается; может, это кажется мне, потому что я сама стала меньше требовать от людей. Вы хотите знать, почему я думаю, что в вас больше романтизму, нежели во мне. Да вот даже эта страсть, с которою вы предаетесь всякой новой симпатичной встрече,— романтизм.

Без романтизма этого нельзя, можно глубоко любить людей, но предаваться с страстью страшно — это значит слишком опираться на личности и рисковать страшно ушибиться. Я боюсь, что вы подумаете, что я сделалась холодное, нелюбящее существо, но, право, право, это не так. Я, может быть, теперь крепче и больше люблю, но привязываюсь не слепо. Понимаю прекрасное и дурное — и потому у меня не может быть

полного увлечения, а привязанность глубокая может быть, потому что я знаю, почему должно быть это хорошее и дурное в человеке. Не знаю, ясно ли я написала, я вообще писать не мастерица.

Ну, что же сказать вам о всех наших? В сию минуту они здоровы. Евгений[2] работает, Грановский — также, он назначен быть исправляющим должность ординарного профессора и хочет начать писать докторскую диссертацию[3]. Недели две тому назад он съездил в Орел и надеется теперь, что имение, оставленное ему матерью, будет спасено. По возвращении из Орла он было очень занемог, но теперь опять здоров и несколько веселее прежнего, хотя все, что делается теперь на белом свете, все-таки сильно тревожит и его и прочих друзей наших[4]. Елизавета Богдановна[5] также теперь довольно здорова,— она очень бережется и занимается, берет уроки естественной истории у Сергея Ивановича[6] и много играет[7]. Грановские оба хотели писать вам и прислать мне письмо, чтобы послать с моим; во времена романтизма я бы не написала вам о них, а теперь все-таки на всякий случай пишу,— я знаю, что им хочется писать вам, но со всем тем знаю, что они, может быть, еще отложат. Видите ли, Александр Иванович, что я смотрю на вещи как следует, а от этого право*

Сейчас был у нас Мельгунов[8]; привез часть описаний видов и дал слово привезти остальные через несколько дней. Он так убедительно просил меня вам кланяться, что я кланяюсь.

[1] Письмо датируется на основании указания на подготовку диссертации Грановского и упоминания о поездке в Орел для утверждения прав на наследство матери. 1 декабря 1848 г. Грановский писал жене о своих хлопотах в Орле («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 279).

[2] *Евгений* — брат М. Ф. Корш.

[3] Докторская диссертация Грановского «Аббат Сугерий» появилась в печати осенью 1849 г.

[4] Речь идет о политических событиях 1848 г.— подавлении революции во Франции и росте реакции в Европе и России.

[5] *Елизавета Богдановна* — жена Грановского.

[6] *Сергей Иванович* — Астраков. О нем см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 9—22.

[7] Е. Б. Грановская была превосходной пианисткой.

[8] О *Мельгунове* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 308—322.

3. ПИСЬМО СЕРАФИМЫ КЕТЧЕР к Н. А., А. И. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

Письмо Серафимы Николаевны Кетчер (с приписками ее мужа и М. Ф. Корш) представляет особый интерес как прекрасная иллюстрация к главе «Былого и дум» — «Н. Х. Кетчер (1842—1847)».

В своей эпопее, охватывающей все социальные слои Европы, ее востока и запада, Герцен уделял внимание не только таким «горным вершинам», как Гарибальди, но и рядовым людям, вскрывал в их судьбах типические черты, отражающие сущность исторических процессов. Много внимания он уделял тем «неудавшимся людям», которые «сорвались с общего пути, тяжелого и безобразного, и никогда не попадали на свой собственный, искали его и на этом искании останавливались» (XIII, 204).

Эта остановка в исканиях и разлучила Кетчера с его былым другом. Он стал отходить от автора «Писем об изучении природы» и постепенно перешел в лагерь врагов Герцена, в лагерь реакции. В главе «Н. Х. Кетчер» рассказана история распада кружка «московских друзей» Герцена. В ней освещена преимущественно бытовая сторона жизни кружка этих лет, со всеми мелочами, засорявшими светлые, дружеские отношения, которыми так дорожили все члены кружка. О глубоких идейных причинах, которыми объяснялась борьба внутри этого кружка, ознаменовавшая начало размежевания между демократией и либерализмом в русском освободительном движении,

* Окончание письма отсутствует. Со слова «Сейчас» — приписка, сделанная на первом листе.

С. Н. КЕТЧЕР

Рисунок К. А. Горбунова 1845 г. из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Герцен писал в XXXII главе («Последняя поездка в Соколово.— Теоретический разрыв.— Натянутое положение.— Dahin! Dahin!»).

В том, что дружеские отношения испортились, немало был виноват Н. Х. Кетчер,— взятая им на себя «роль доброго, но ворчащего дяди часто была хуже, чем смешна» (XIII, 209). Герцен винил и его жену, сыгравшую ту же роль в отчуждении мужа от его друзей, что и Тереза — жена Руссо.

Круглая сирота, Серафима Николаевна была принята в раскольнический скит; уйдя оттуда, она стала работать в какой-то мастерской. Герцен назвал эту женщину «представительницей пролетариата», и этим объясняется особый интерес к ней в демократически настроенном кружке Герцена. Кетчер сошелся с ней; у них родился ребенок, который вскоре умер. Связь между ними ослабла и, казалось, порвалась после переезда Кетчера в Петербург. Вынести разлуку Серафима не смогла: усиленно работая, она накопила денег и добралась до Петербурга, чтобы быть около Кетчера. Эта преданность покинутой женщины потрясла Кетчера, и он женился на ней. По переезде в Москву Кетчер ввел ее в кружок Герцена — Грановского.

«Первый дом, открывшийся с любовью, с теплотой сердца, был наш дом. Natalie поехала к ней и силой привезла к нам. С год времени Серафима держалась тихо и дичилась чужих; пугливая и застенчивая, как прежде, она была полна тогда своего рода народной поэзией. Ни малейшего желания обращать на себя внимание своей странностью; напротив, желание, чтобы ее не заметили. Как дитя, как слабый зверек, она прибегала под крыло Natalie; ее преданности тогда не было границ. Часы целые любила она играть с Сашей и рассказывала ему и нам подробности своего ребячества, своей жизни у раскольников, своих горестей в *ученье*, т. е. в мастерской. Она сделалась игрушкой нашего круга; это, наконец, ей понравилось; она поняла, что ее положение, что она сама *оригинальны*, и с этой минуты она пошла ко дну...» (XIII, 222).

Герцен понимал ту серьезную ошибку, которую он сам и его близкие совершили в отношении Серафимы: «Ее оригинальность нравилась, мы хотели ее сберечь и обломили последнюю возможность развития, отняли у нее охоту к нему, уверив ее, *что и так хорошо*. Но оставаться *просто* попрежнему ей самой не хотелось. Что же вышло? Мы, революционеры, социалисты, защитники женского освобождения, сделали из наивного, преданного, простодушного существа *московскую мещанку*» (XIII, 222).

В размышлениях Герцена о судьбе Серафимы указаны причины, помешавшие ее нравственному развитию: и следы воспитания в раскольническом скиту («она из него вынесла способность изуверства, идолопоклонства, способность упорного, сосредоточенного фанатизма и безграничной преданности» — XIII, 215), и «та неповоротливость мозга, которую мы часто встречаем в людях, совершенно непривычных к отвлеченной работе» (XIII, 219), и тот «огромный страшный обрыв», который столь резко обнаружился между Серафимой и кружком «детей новой России» (XIII, 216).

Такова Серафима на страницах «Былого и дум». Близкий этому образ возникает и при чтении ее письма, состоящего из трех частей (первая часть письма адресована Наталье Александровне, вторая — Герцену, третья — их сыну). В письме звучит голос человека, горячо тянувшегося своим «развитым сердцем» к людям, человека, легко ранимого, с уязвленным самолюбием, которое сказывается в готовности к самоуничижению. Слова ее письма: «И голова и без того пустая и глупая» — заставляют вспомнить другое ее высказывание, переданное Герценом: «Видно уж такая глупая и бесталанная и в могилу сойду» (XIII, 223), а также слова, приведенные в «Былом и думах»: «Бог с ней, с Н. А., разлюбила она меня, бедную» (XIII, 223).

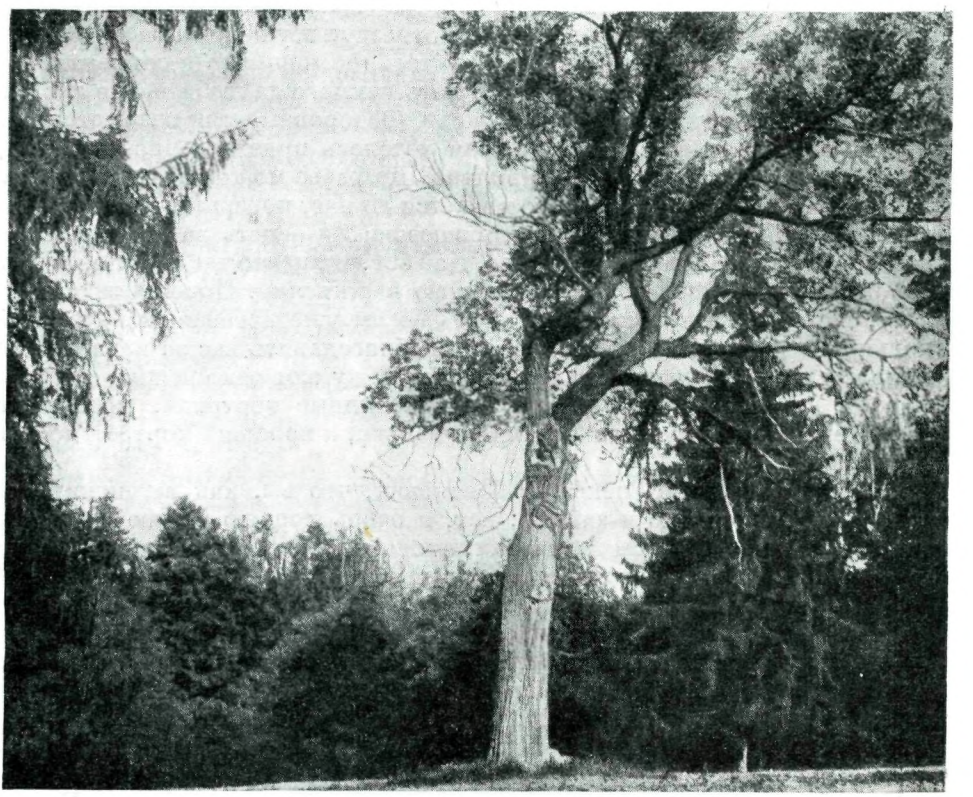
Вместе с тем, следует отметить, что язык письма С. Н. Кетчер, выразительно отражая ее душевный склад, мало чем отличается от языка образованного круга женщин той эпохи и несколько нарушает представление о ее отсталости. Но в нем попадаются и чисто народные выражения.

Непосредственнее проявила себя Серафима в письме к Саше. Здесь ее язык живее и своеобразнее. Это письмо, видимо, явилось ответом на два письма Саши: первое было написано им при посылке подарков, второе — значительно позднее. Эта связь про-

стых людей с детьми отмечалась неоднократно в свидетельствах того времени, в частности — самим Герценом в «Былом и думах»; она явственно сказалась в письме «Сирки» к «другу Саше», которому она когда-то сказывала сказки и которого звала теперь гулять не на Елисейских полях, а на родных «соколовских».

И в письме С. Н. Кетчер, и в приписке ее мужа интересно признание, как много утратили московские друзья с отъездом Герцена.

Итак, публикуемое письмо — ценный комментарий к соответствующей главе «Былого и дум», посвященной Кетчеру и его жене. Оно содействует достижению



ПАРК В СОКОЛОВЕ. НА ДАЧЕ В СОКОЛОВЕ ГЕРЦЕН ПРОВЕЛ ЛЕТО 1845 и 1846 гг.
Фотография 1937 г.
Литературный музей, Москва

цели, которую ставил перед собою Герцен, пробуя «спасти ⟨...⟩ от полного забвения» тех, кого «уж теперь едва видно из-за серого тумана, из-за которого только и вырезываются вершины гор и утесов» (XIII, 233). Этими словами Герцен закончил главу, посвященную Н. Х. Кетчеру и его жене.

Письмо С. Н. Кетчер в основном обращено к Н. А. Герцен, поэтому мы печатаем его в ряду писем к ней.

Письмо печатается по подлиннику «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 226, лл. 22—23).

⟨Москва, 28 января 1849 г.⟩

Старый, первый друг мой, Наталья Александровна, извините меня в том, что я до сих пор не послала вам ни строчки, и не думайте, ради бога, что я вас забыла, потому что мне это было бы очень больно; вы и сами знаете очень хорошо, что такие вещи никогда не забываются, иметь друзей и

потом потерять их — это страшное несчастье. Не знаю, как все это случилось, знать уж так самой природой устроено, чтоб человек испытывал всё: и горькое, и сладкое; на мою долю досталось, кажется, больше горького, да что же делать? Судьба ведь не свой брат, с ней спорить не станешь, что хочет, то и делает, и не рад, да будь готов. Я сколько раз принималась вам писать, да никогда не кончала; мне делалось так грустно, что сердце замирало, и голова, и без того пустая и глупая, становилась еще пустей, и все кончалось одними слезами. Как вспомнишь страстную пятницу и потом последнее время и отчего все это случилось — и станет страшно[1]. Я часто гляжу на вашу записку[2], которую вы оставили Сатину, чтобы передать мне после вашего отъезду; неужели вы в самом деле от души писали эту записку? Не сердитесь на меня, что я сомневаюсь, я все-таки думаю, что вы и до сих пор хоть немного да любите еще нас (это я с радостью видела даже из слов Марьи Федоровны), так разве это правда, что вы писали в записке, что вам хотелось приехать проститься, да вы побоялись, что нам будет неприятно? Да разве можно бояться сделать этим неприятность друзьям? Что касается до нас, поверьте, нам очень хотелось бы забыть все неприятное прошедшего и видеть вас не хорошими знакомыми, а друзьями, как прежде. Дай бог, чтобы это так и было. Будьте здоровы и счастливы, целую и обнимаю вас крепко. Поцелуйте за меня Сашу, Колю и Тату. Виновата, я думаю вы уже догадались, что я нисколько не поумнела и потому забыла поблагодарить вас за подарки, которые вы мне прислали: благодарю, но скажу вам откровенно, я променяла бы их на ваш и на Сашин дагерротипные портреты, потому что вещи всегда можно купить — были бы деньги, а хороший портрет достать трудно.

Ну, а вы, добрый Александр Иванович, что вы, как вы поживаете? Вы думаете, что я вас и забыла; нет, я очень хорошо помню последние слова ваши, которые вы мне сказали, прощаясь со мною на Черной Грязи; вы говорили, что дай бог нам встретиться не такими, какими расстаемся. Да, дай бог, чтобы это было так; думаю, это больше зависит от вас. Вы всегда у меня спрашивали: «Сирфовна, а ведь вы когда-то меня любили?» Это было и есть так: я вас любила и люблю до сих пор; в глаза это говорить как-то неловко, за глаза легче. Если бы вы поглядели, как у нас без вас все пусто, мы все сидим, как тараканы в щелях, видимся редко, а Кешка[3], если б вы знали, какой стал дрянной; все эти два года был болен, совсем расклеился.

Милый друг Саша, от души благодарю тебя за память обо мне. Письма твои я получила и розан твоей работы и браслет, который я ношу другой год, не снимая с руки. Первому письму твоему я так обрадовалась, что плакала, будто видала тебя самого. Ты еще не забыл, милый друг мой, как видел меня в первый раз у пруда в синем салопчике; помнишь и ты, как ходил есть блины и пироги, и я помню, как вы жили в бабушкином доме[4], как тогда было весело, как ты любил меня; когда я приходила, ты от радости бегал по всем комнатам на четвереньках, крича: «Мама, Сирка пришла», и начнешь, бывало, приставать, чтобы я сказывала сказки. Теперь ты стал уже больше и умнее и, верно, не станешь слушать глупую сказку про обманщицу лису, а будешь меня самое учить уму да разуму. Я очень рада, что тебе так весело; ты звал меня гулять в Елисейские поля, и рада бы, да нельзя, милый друг мой; как возвратитесь, так мы уж погуляем на полях соколовских[5]. Прощай, до свиданья, будь здоров и весел, целую тебя крепко и Тату и Колю, а коробочки жду — я буду в нее класть дорогие мои вещи.

Приписка Н. Х. Кетчера:

Здравствуйте, друзья, крепко жму вам руку; не сетуйте, что не пишем. Очень знаю, как приятно получить вдали хоть строчку от людей

близких; но что ж писать? Уверять в дружбе? Я знаю, убежден глубоко, что, несмотря на неприятности последнего времени, вы никогда в ней не сомневались. Мы живем все попрежнему, так — со дня на день, более скучно, чем весело; часто вспоминаем о вас и в веселую минуту жалеем, что вас нет с нами. Прощайте же, будьте здоровы, поцелуйте от меня детей. А Саша, верно, так уж вырос, что в самом деле ему придется, когда возвратится, вместо слушанья сказок, разве лазить со мною по осыпям. Окреп ли он телом?

Января 28 дня 1849 г.

Приписка М. Ф. Корш:

Стинька принесла мне надписать это письмо, и потому я не могла утерпеть, чтобы не пожать вам руки и не попросить расцеловать мою Тату и Сашу. Пожалуйста, пишите — хочется знать, что с вами. Мне что-то это время особенно грустно по вас.

Ваша М. Корш

[1] Возможно, что С. Н. Кетчер вспоминает резкое столкновение ее мужа с Герценом весной 1846 г. (XIII, 224).

[2] Записка эта, писанная карандашом рукою Н. А. Герцен, хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г. — О. М, 5185 8/6):

«От Н. Герценой

Если вы нисколько не верите в меня — бросьте это письмо, не читая далее этого слова.

Прощайте, Кетчер!

Прощайте, Силенька!

Мне очень хотелось быть у вас, но я боялась, что мое посещение будет вам неприятно; я и без того притесняла вас тем, что слишком много любила вас, слишком горячо желала вам счастья. Теперь это для вас будет не занятно.

Прощайте! Обнимаю вас обоих. Может быть, до свиданья, а может быть, и нет.

Всей душой вас любящая,

Н. Герцен».

[3] *Кешка* — Н. Х. Кетчер.

[4] *Бабушкин дом* — дом, в котором жила мать Герцена, Луиза Ивановна, и в который он переехал после смерти И. А. Яковлева в апреле 1846 г. (ныне Сивцев Вражек, № 25).

[5] *Соколовские поля* — Соколово, дачное место под Москвой, в котором Герцен со своими друзьями провел лето 1845 и 1846 гг.

III. ОТКЛИК НА СМЕРТЬ Н. А. ГЕРЦЕН

ПИСЬМО М. Ф. КОРШ К ГЕРЦЕНУ

Мы заканчиваем публикацию материалов для биографии Н. А. Герцен письмом М. Ф. Корш, которым она отозвалась на дошедшее до Москвы известие о кончине Натальи Александровны.

Дата письма определяется на основании письма Грановского к А. В. и Е. К. Станкевичам, в котором он сообщает, что в начале июня <1852 г.> он покинул Москву.

Письмо публикуется по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 102, лл. 10—11).

Петербург. <Конец мая — начало июня 1852 г.>

Хотя я желала, но не могла писать вам тотчас по получении горького извещения о кончине Натальи Александровны; мой милый, добрый друг, мне было так грустно и тяжело, что недостало сил говорить с вами. И за что это вдруг столько горя на человека?— Я не умею говорить утешительных слов, да их и приискать трудно в таком несчастии. Желала бы

только иметь возможность крепко пожать вам руку, крепко приласкать вас и поговорить с вами.

Вы давно не порадовали меня ни одной строчкой. Я писала вам много раз и ни на одно письмо не получила ответа. Так что уже думала, что вы меня совсем хотите покинуть, но когда узнала о смерти Натальи Александровны, мне так стало жаль и ее и вас, так почувствовала я, что крепко люблю вас обоих, что мне показалось невозможным, чтобы совсем от меня отшатнулись.

Весть эту я получила в Москве, куда ездила на две недели повидаться с друзьями [1]; и мне пришлось объявить об этом Тимоше [2]. Вы можете вообразить, как подействовало на него это известие. Лизе [3] мы тогда не смели сказать, но Тимоша, со временем приготовив ее, объявит ей.

Что же намерены вы делать? Куда поедете? Насчет детей вы распорядились как нельзя лучше [4]. Одно бы надо устроить, чтобы вам быть к ним поближе. Воображаю, как горька была для вас эта новая разлука.

Что делает Саша? Мария Каспаровна писала мне, что он очень развился и душевно и телесно. Скоро уж он будет молодым человеком и вашим другом. Поцелуйте его за меня в головку и скажите, что этот поцелуй от Маволеньки, если он еще меня помнит.

Прощайте, мой добрый, мой славный. Порадуйте же нас хоть несколькими строчками. Енюша [6] и жена его крепко жмут вам руку, нечего и говорить, какое участие принимают они и все другие наши в вашем горе.

[1] В связи с переездом Е. Ф. Корша в Петербург Марья Федоровна также покинула Москву, чтобы не разлучаться с братом и его сыном Федей, своим воспитанником.

[2] *Тимоша* — Тимофей Николаевич Грановский.

[3] *Лиза* — Елизавета Богдановна, жена Грановского.

[4] Герцен после смерти жены временно поручил своих дочерей Тату и Ольгу попечениям М. К. Рейхель, а сына Сашу оставил при себе.

[5] *Маволенька* — дружеское прозвище М. Ф. Корш.

[6] *Енюша* — Евгений Федорович Корш.

ПИСЬМА О ГЕРЦЕНЕ В БУМАГАХ М. К. РЕЙХЕЛЬ

ИЗ ПИСЕМ Л. И. ГААГ

Публикация Н. Д. Эфрос

Среди бумаг Марии Каспаровны Рейхель в «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 267) сохранились 38 писем к ней матери Герцена, Луизы Ивановны Гааг *. Несмотря на всю непритязательность этих писем, основное содержание которых составляют события семейного характера, они, бесспорно, не лишены интереса и как источник для биографии Герцена и как материал для комментария к «Былому и думам».

Адресат писем, М. К. Рейхель, друг семьи Герцена, была особенно близка с Луизой Ивановной. Машенька Эрн, как она звалась до замужества, выросла в ее доме и та любила ее как родную дочь. От Машеньки у Луизы Ивановны не было тайн, письма к ней отличаются искренностью и откровенностью.

Письма датированы ноябрем 1850 — июлем 1851 гг. и написаны из Ниццы, где, после переезда туда Герцена (в июне 1850 г.), поселилась и его мать. Любовно и неторопливо отмечает она все, чему была свидетелем: горести и радости герценовской семьи, ее быт, уклад, интересы. Время написания писем — один из наиболее трудных и, вместе с тем, значительных периодов в жизни Герцена. Это — время окончательного отказа от возвращения в Россию и решения натурализоваться в Швейцарии; время все усиливающейся европейской реакции и преследований писателя; время выхода в свет одного из крупнейших его произведений — книги «О развитии революционных идей в России» и, наконец, время наибольшего обострения его семейной драмы. Все это находит некоторое отражение в публикуемых письмах.

Отдельные факты, сообщаемые Луизой Ивановной, известны из «Былого и дум». Все же и в ее изложении они не могут не привлечь внимания исследователей, являясь непосредственным откликом на события и в то же время пополняя сведения об этих событиях новыми данными. Интересны и встречающиеся в письмах указания на не дошедшую до нас переписку Герцена.

---

* Биографы Герцена очень мало, или совсем ничего не говорят о женщине, которая была матерью великого писателя. В этом отчасти повинен сам Герцен. Он не включил ее портрета в портретную галерею современников и близких, созданную в «Былом и думах», ограничившись на страницах своей книги лишь отдельными о ней упоминаниями. Не находим мы ее характеристики и в других автобиографических произведениях Герцена и в дневниковых его записях. За небольшим исключением, не сохранилась и переписка Герцена с Луизой Ивановной. Столь же бедна данными о ней и мемуарная литература. Это побудило нас собрать немногочисленные и разбросанные сведения о Л. И. Гааг в биографическую справку. Она помещается ниже, в приложении к настоящей публикации.

Публикуемые письма—ценный источник и для характеристики самой Луизы Ивановны, о которой до нас дошло, как мы уже сказали, мало сведений.

И сам Герцен, и все знавшие Луизу Ивановну говорят о ней как о женщине исключительной доброты и отзывчивости, пользовавшейся общей любовью и уважением окружающих. «Старушка Прово и вся дворня,— пишет Герцен в «Былом и думах»,—любили без памяти мою мать...» (XII, 27). «Луиза Ивановна, — вспоминает М. К. Рейхель, — была очень добрая женщина <...> Все люди в доме, тогда еще крепостные, любили ее и находили в ней заступницу («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена». М., 1903, стр. 24—25; далее сокращенно: Р е й х е л ь). Т. П. Пассек отмечает «ко всем человеческое отношение и ласку» Луизы Ивановны (см. в настоящем томе, стр. 580) и называет ее «добросердечной до бесконечности» (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет т. I, изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 38; далее сокращенно: П а с с е к). Такой встает она и со страниц своих писем. «В них,— писала об этих письмах полвека спустя М. К. Рейхель Е. С. Некрасовой,— столько неподдельной привязанности, что, после стольких лет читая их, я всегда тронута» (14 января 1900 г.— ЛБ, Некр. 1/4, лл. 9 об. — 10).

Письма свидетельствуют о нерастраченном запасе душевных сил их автора. Луиза Ивановна исполнена интереса к жизни, ее волнуют происходящие политические события, судьбы людей; она восхищается природой, строит планы путешествий. Знакомясь с этими письмами, трудно себе представить, что за плечами писавшей тяжелая, безрадостно прожитая жизнь, рядом с человеком, при появлении которого, по словам Герцена, «улыбка пропадала с лица <...>, останавливалась речь» (XII, 82).

Луиза Ивановна была малообразованной женщиной, однако, как утверждает М. К. Рейхель, «она принимала живое участие в интересах сына и, если сама не получила образования, то многого наслушалась и многое читала, чтобы быть в состоянии понимать своего богато одаренного Александра» (Р е й х е л ь, стр. 15).

«Луиза Ивановна, — рассказывает также М. К. Рейхель,—хорошо говорила по-русски, хотя и не без ошибок» (там же, стр. 24). Все же писать она предпочитала на родном языке, и письма ее написаны по-немецки. Правда, Луиза Ивановна не твердо знала правила и своей отечественной грамматики и пунктуации. Это не мешало ей, тем не менее, легко и ясно выражать свою мысль.

Публикуемые письма адресованы в Париж, куда в октябре 1850 г. переехала из Ниццы М. К. Рейхель. Ответные письма М. К. Рейхель к Луизе Ивановне до нас не дошли.

Для настоящей публикации мы выбрали и перевели с немецкого лишь те места из писем, которые имеют непосредственное отношение к Герцену или представляют общий интерес.

* * *

Письма открываются сообщением о семейном событии — рождении младшей дочери Герцена, Ольги, и описанием жизни в Ницце, с поездками и прогулками по ее окрестностям. В этих прогулках принимает участие и Гервег, вместе с Луизой Ивановной приехавший в Ниццу (август 1850 г.). «Все быстро неслось к развязке. Ее задержало рождение Ольги,— писал об этих днях Герцен в рассказе о своей семейной драме («Былое и думы», ч. V—XIII, стр. 517). Что же касается Гервега, то он, очевидно, еще не успел тогда принять «вид Вертера в последней степени отчаяния», который, по словам Герцена, «он принял недели через две-три, после своего приезда» (там же).

Л. И. ГААГ

Портрет маслом И. З. Летунова, 1820-е гг.

Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Ницца. 20 ‹ноября 1850 г.›

...Сегодня в три часа Natalie разрешилась прелестной дочкой, я только что от нее.

‹Ницца.› 25 ноября ‹1850 г.›

...Мы совершенно не замечаем, как проходит время, о скуке и думать нечего. Обедаем мы чаще всего там ‹у Герценов›. В пятницу ходили все пешком на Вилла Франка, а домой вернулись морем ‹...› Гервег был в полном восторге, он все время пел. Погода у нас и по сей день прекрасная. Раньше именин Александра Natalie еще нельзя будет встать с постели; тогда все сразу и отпразднуем.

Но очень скоро в спокойном повествовании Луизы Ивановны начинают слышаться тревожные ноты. Рассказы о домашних развлечениях, об уроках танцев детей Герцена, о планах новых поездок прерываются сообщениями о головных болях и нездоровье Герцена, а отношения с Гервегами получают название надоевшей «старой истории».

Ницца. 3 декабря ‹1850 г.›

...Дети продолжают еще танцевать у меня. Вчера они в первый раз танцевали под музыку. И получается довольно хорошо ‹...› У Александра уже второй день сильная головная боль и целую неделю болят зубы.

‹Ницца.› 5 декабря ‹1850 г.›

...Твое письмо застало нас всех у Natalie. Она в первый раз вышла в гостиную. Я пришла со всеми детьми, с учителем танцев и музыкой. Тата и Саша научились танцевать польку. Это доставило всем большое удовольствие. Никто об этом не знал. Natalie была просто счастлива, и как это у них красиво выходило.

Луиза Ивановна передает далее забавные словечки маленького Коли Герцена, над которыми «Гервег и Александр смеялись, как сумасшедшие».

‹Ницца.› 10 декабря ‹1850 г.›

...Александр уже несколько дней нездоров, и к тому же у него так сильно болели зубы, что пришлось вчера вырвать еще один. Natalie и малютка совершенно здоровы. Natalie 7-го уже выходила на воздух ‹...› С Гервегами тянется все старая история, что мне очень надоело. Мы собираемся совершить поездку, т. е. я, Александр и Гервег. Мы живем действительно очень приятно, да и может ли быть иначе под таким чудесным небом?

‹Ницца.› 13 декабря ‹1850 г.›

...Мне очень хочется попутешествовать с Гервегом недельку, другую. Если удастся, без Эммы.

В последних письмах 1850 г. Луиза Ивановна рассказывает о приготовлениях к елке и возмущении, высказанном Герценом по поводу большого количества подарков, которые должны были получить дети, что не лишено интереса для характеристики его взглядов на воспитание. Она упоминает знаменитую певицу Зонтаг (1805—1854), выступавшую в Петербурге и Москве в 1830—1837 гг., которую Герцен мог, следовательно, слышать не позднее первой половины 1834 г., т. е. до своего ареста и ссылки. В сообщении Луизы Ивановны о праздновании у нее сочельника упомянуты почти в полном составе те же лица, которые присутствовали у нее же и на встрече нового, 1851, года, описанной Герценом в «Былом и думах» (XIII, 518).

И. А. ЯКОВЛЕВ

Портрет маслом И. З. Летунова, 1820-е гг.

Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

〈Ницца.〉 20 〈декабря 1850 г.〉

Страшная непогода. Море доходит до половины улицы 〈...〉 Я устрою на новый год елку〈...〉 Александр просто вне себя, что дети получают так много игрушек 〈...〉

Мне очень интересно, понравится ли тебе г-жа Зонтаг. Я ее слышала, наверное, двадцать лет назад. Не может быть, чтобы голос у нее еще сохранился. Алекс〈андр〉 уверяет, что прошло наверное пятнадцать или шестнадцать лет с тех пор как она была в Москве, а я уверяю, что двадцать. Ведь все то время, что ты жила у нас, она не приезжала. Ты напишешь, понравилась ли она тебе. Нарядись хорошенько, ведь Рейхель еще не видел тебя нарядной.

〈Ницца.〉 25 декабря 〈1850 г.〉

...Вечером в десять часов к нам пришли Александр, Саша, Гервег, Эмма, Горас, Фогт, и с нашего балкона был пущен фейерверк. Это доставило всем нам большое удовольствие.

Корреспонденции 1851 г. начинаются известием об отъезде Гервегов из Ниццы. Обстоятельства этого отъезда хорошо известны по «Былому и думам». Однако в сообщениях Луизы Ивановны встречаются подробности, которых в «Былом и думах» нет. Так, она рассказывает о письме Герцена, посланном в Геную по поводу гервеговских детей. Это письмо Герцена до нас не дошло. Затрагивает она и вопрос об отношении Н. А. Герцен к разрыву с Гервегом, но ограничивается лишь кратким и глухим упоминанием о реакции на случившееся «другой стороны». «Луиза Ивановна была добрая женщина, и отношение к Наталье Александровне было хорошее»,— писала М. К. Рейхель 25/12 апреля 1902 г. Е. С. Некрасовой (ЛБ, Некр. 1/4, № 6).

Публикуемые письма позволяют несколько точнее, нежели это делалось до сих пор, обозначить дату отъезда Гервега. Лемке определяет ее так: «После 1 января 1851 г., на третий день после объяснения с женой» (XXII, 253). Теперь мы видим, что Гервег уехал не позднее 13 января, ибо 14 января, по словам Луизы Ивановны, Герцен уже писал ему в Геную.

〈Ницца.〉 14 января 1851 г.

Милая Маша, хотя от тебя давно нет писем, я все же хочу тебе написать, так как тебе, конечно, приятно будет узнать кое-какие здешние новости. Александр словно из тюрьмы выпущен; он так рад, что сбросил обузу с плеч; а так ли это *с другой стороны*, об этом я не хочу *высказывать своего мнения*. Но я так счастлива, что наконец-то со всем покончено. Они в Генуе. И представь себе наше удивление, они прислали Гораса одного с попутным экипажем назад в Ниццу и написали, чтобы за ним, как и за Аддой, *присмотрели*, пока они не заберут обоих детей к себе. Представляешь себе такое бесстыдство! Все были этим возмущены; конечно, на такое никто, кроме Гервегов, не способен. Александр написал в Геную и запросил, куда ему отправить детей. Вот так-то обстоят дела. Фогт запакует все вещи и будет держать их наготове для отправки. Не могу и выразить, как я боюсь, чтобы они не вернулись. От этих людей можно всего ожидать. Когда дети уедут, я, может быть, переберусь туда 〈в дом Сю〉 〈...〉

Жаннета не остается у Эммы, она здесь везде столько задолжала; если хочешь послушаться моего совета, не выполняй никаких поручений Эммы, она не сможет ничего оплатить; да и вообще может обойтись и без парижских вещей. Теперь она достигла, чего хотела, теперь ее *Георг* принадлежит ей *одной*, но я не желала бы быть на ее месте.

<Ницца.> 15 января <1851 г.>

...Никаких перемен. Из Генуи все еще нет ответа относительно детей. Вчера вечером и у меня был Фогт. Он считает вполне возможным, что, если у них не будет денег, они в конце концов вернутся; это меня тревожит. Наши собираются совершить поездку, и в их отсутствие я должна буду жить у них, но пока дети здесь, я не хочу переезжать. Гервеги могут узнать, что я живу там одна, и явиться. Что я тогда буду делать?

<Ницца.> 16 января <1851 г.>

Ничего нового не произошло, если не считать того, что Александр очень расстроен тем, что ничего не пишут о детях. Я раньше очень любила Эмму, но за ее отношение к собственным детям я ее презираю, Александр решил, если в течение недели ответ не будет получен, отправить детей в Берлин к ее отцу. Ужасно!

В письмах, датированных февралем 1851 г., Луиза Ивановна рассказывает о неосуществленном плане поездки Герцена в Испанию. Луиза Ивановна сообщает, что поездка в Испанию не состоялась из-за того, что Герцену необходимо было раньше получить где-нибудь новое гражданство, а оформление его натурализации в Швейцарии (Женевском кантоне) затягивалось. Луиза Ивановна упоминает о возникшей в связи с этим переписке Герцена с Фази. Эта переписка до сих пор не обнаружена. Объясняя, что побудило его решиться на натурализацию, Герцен писал: «Будущее было темно, печально... Я мог умереть, и мысль, что тот же краснеющий консул <русский консул в Ницце> явится распоряжаться в доме, захватит бумаги, заставляла меня думать о получении где-нибудь прав гражданства» (XIII, 423). Тревогой о будущем, о семье было вызвано, очевидно, и составление Герценом, в том же феврале 1851 г., духовного завещания, о чем также рассказывает Луиза Ивановна. Герценовское завещание 1851 г. неизвестно. Возможно, что оно было уничтожено по составлении более позднего завещания 1852 г.

В февральских письмах Луиза Ивановна неоднократно возвращается к гервеговской истории, высказывая опасение, как бы Гервеги не вернулись в Ниццу. «...Все носило следы бури <...> Праздные дни, ночи без сна... тоска... тоска»,— писал Герцен вскоре после отъезда Гервега (XIII, 527). Луиза Ивановна не могла, разумеется, не замечать тяжелого душевного состояния сына. Она с грустью отмечает, что жизнь в Ницце утратила прежнюю прелесть. Впрочем, вскоре она уже сообщает своей корреспондентке, что Гервег полностью забыт, словно его никогда и не было. Между тем мы знаем, что Гервег не переставал тогда писать к Наталье Александровне и напоминать о себе. Это, очевидно, оставалось Луизе Ивановне неизвестным.

Упоминая о живших тогда в Ницце Головине и Карле Фогте, Луиза Ивановна высказывает неудовольствие по поводу двойственного, по ее мнению, поведения последнего в гервеговском деле. Однако, как известно, в дальнейшем Фогт всецело стал на сторону Герцена и порвал с Гервегом. Отмечает Луиза Ивановна и приезд в Ниццу Энгельсонов и начало знакомства с ними Герцена.

Указанное Луизой Ивановной письмо Герцена и Н. А. Герцен к М. К. Рейхель от начала февраля 1851 г. — неизвестно. Не дошла до нас и переписка Луизы Ивановны с Е. И. Герценом, о которой говорится в публикуемых письмах. Луиза Ивановна была в дружеских отношениях с Е. И. Герценом (см. в настоящем томе, стр. 416).

Софи — сестра Н. А. Герцен, Софья Александровна; П<расковья> П<етровна> — Медведева (см. о них там же, стр. 418).

1 февраля 1851 г. Ницца

...Ты, должно быть, уже знаешь, что поездка в Испанию откладывается, потому что нельзя уезжать, пока Александр не получит где-нибудь гражданства. Затем, нужно будет еще составить завещание. Ведь, если бы с Александром что-нибудь случилось, прежде чем он где-нибудь натурализовался, дети окажутся в опасности. Если бы с ним, упаси боже, что-нибудь произошло, тогда Natalie и детей, говорят, могут выслать в Россию. Надо сделать все возможное, чтобы от этого уберечься. Он еще раз написал *Фази*. Если тот не захочет ничего предпринять, то он ⟨Александр⟩ попробует устроиться здесь, но в Швейцарии было бы лучше. Все, что ты написала об Эмме,— будто она хочет вернуться,— я уже слышала, но я этому не верю — этого не может быть. Но я хорошо понимаю, что она окажется в ужасном положении. Тому, о чем рассказывает Фогт, я тоже верю. Эмма не раз уже хотела так поступить, ведь они совсем без денег. Но больше всего во всей этой истории жаль обоих детей. Я не совсем доверяю толстому Фогту: он так любит с каждым поговорить, каждому посочувствовать, словом, в этом отношении я не совсем им довольна.

У меня был длинный разговор с Александром по поводу Гервегов; он говорит, что никому не может запретить приехать в Ниццу, но что у него никто из членов семьи Гервегов больше бывать не будет. Но, как говорится, чем чорт не шутит. И вот я ему сказала, что ежели Гервег опять поселится с ним в одном доме, я через несколько же дней уеду в Щ⟨*нрзб*⟩. И я сдержу слово. Отсюда ты видишь, дорогая Маша, что и наша приятная, хорошая жизнь нарушена.

Ницца. 2 февраля 1851 г.

...Да, ты права, мы не можем жить на одном месте. Что касается меня, то я дала бы тотчас же согласие остаться здесь, в Италии ⟨...⟩ Мы бы устроили так, чтобы жить вместе; но до тех пор, пока Александр не получит ответа из Женевы, ни о чем нельзя говорить, но и ждать нельзя, надо что-то делать. Я всецело за то, чтоб навсегда остаться в Италии.

Ницца. 8 февраля ⟨1851 г.⟩

...Четыре дня была страшная буря, а сейчас опять чудесный воздух, словно все ждало дождя, чтобы все освежилось и мы в том числе. Гервеги поселились в Генуе на четвертом этаже и, повидимому, надолго. От наших ты также должна была получить письмо. Дела все еще не закончены. Из Женевы ответа еще нет. Александр очень расстроен долгим молчанием. От Егора Ивановича попрежнему ничего нового. Что Софи при нем — это лучше, чем П⟨расковья⟩ П⟨етровна⟩; я думаю, она лучше за ним присмотрит, чем чужие люди. Шпильманом мы очень довольны, Коля делает большие успехи во всем ⟨...⟩ Сказать тебе, что он, не слыша, лучше танцует чем Тата,— ты не поверишь.

Теперь я жду, чтобы Александр закончил свои дела и, если наши не уедут на некоторое время из Ниццы, мы съездим на несколько дней в Монако или ⟨*1 нрзб*⟩. Александр нанял теперь весь дом *Сю*, все теперь уже отправлено, но я все еще не решаюсь переехать, хотя там было бы гораздо лучше. Жду, когда все образуется, и тогда посмотрю, как поступить. Оленька с каждым днем растет и хорошеет. ⟨...⟩ Прямо красавица.

Ницца. 12 февраля ⟨1851 г.⟩

...Дела Александра все еще не закончены. Я думаю, из поездки в Испанию ничего не выйдет; более вероятна поездка на короткий срок в Лондон на большую выставку. Но все это одни предположения. Ах, как здесь хорошо, и с каждым днем становится все лучше, какой воздух, какое

небо! Приезжай, мы будем ездить по окрестностям, все тебя приглашают. А если наши уедут в Лондон, как хорошо было бы остаться здесь вместе с тобой 〈...〉

О Гервегах ничего не слышно; да и вообще они полностью забыты, словно он здесь никогда и не был. Мельгуновы все еще во Флоренции; им там так понравилось, что он не хочет оттуда уезжать. Я тоже хочу повидать Флоренцию и непременно съезжу туда.

ДОМ № 25 НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ. В ЭТОМ ДОМЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕМ А. А. ЯКОВЛЕВУ, РОДИЛСЯ ГЕРЦЕН

Фотография, 1940-е гг.

Литературный музей, Москва

〈Ницца.〉 18 февраля 〈1851 г.〉

...Дела Александра еще не закончены. На этой неделе завещание, вероятно, еще не будет готово. Потом ему, может быть, придется поехать в Швейцарию. Я пришлю тебе письмо для Егора Ивановича, которое ты ему перешли; может быть, он напишет тебе.

Эмма живет в Генуе в Hôtel Tudor. Туда и надо ей писать; советую никаких ее поручений не исполнять.

〈Ницца.〉 23 〈февраля 1851 г.〉

...Что тебе вздумалось посылать меня в Лондон? Я ведь тебе несколько раз писала, что обещала остаться с детьми и что переберусь в *дом Сю*. Вчера наконец кончили с завещанием,— оно готово и будет храниться здесь. Теперь остается кончить с другим делом. Из Женевы пришло еще письмо, но опять не то, чего хотели. Можно и в Фрейбурге все устроить. Александр собирается поехать в Швейцарию, надо же во что бы то ни стало довести дело до конца 〈...〉 Перешли письмо к Егору Ивановичу. Ты, конечно, понимаешь, что я не собираюсь к нему ехать. Александру хочется только знать, не испугает ли его мой приезд. А Natalie на самом деле очень беспокоится о своей матери; ведь она же просила тебя узнать о деньгах. Ты наверное забыла.

Вчера мы присутствовали на одном из самых больших soirées, какие только бывают в Ницце. Его устраивали поляки в пользу бедных поляков. Вход стоил 10 фр. Была музыка, пение. Было полно народу и вся публика — в самых нарядных туалетах. Мы были все. Были мы также на одном из лучших здешних концертов, но тоже неважном. На гору ездили все. Со мной ехал Головин, а с Александром г-н и г-жа *Энгельсон*. Я забыла тебе сказать, что мы познакомились с ними. Он сидел двенадцать месяцев в Петербургской крепости. Теперь приехал сюда поправить здоровье. Чуть было не забыла, Головин женится на польке.

28 февраля 1851 г. Ницца

...Ты можешь быть уверена, что все принимают в тебе самое горячее участие, прошу тебя этому верить. Александр не может забыть последнего дня, когда бы ты была еще здесь. У тебя здесь одни друзья, и все тебя ждут ‹...›

Вот то-то ты обрадуешься, когда увидишь, какие он ‹Коля› сделал успехи. Могу сказать, что это самая большая моя радость.

В письмах, относящихся к марту 1851 г., Луиза Ивановна, наряду с обычными рассказами о повседневной жизни герценовской семьи, отмечает ухудшение общеполитической обстановки. Основываясь на каком-то газетном известии о казнях революционеров, она высказывает опасение, что среди казненных был и Бакунин. Друзья Бакунина действительно имели основания опасаться за его жизнь. Именно тогда, в марте 1851 г., он был переведен в Ольмюцские казематы, где содержался прикованным к стене, и был предан австрийскому военному суду. Луиза Ивановна должна была лично знать Бакунина; известно, что в ноябре 1850 г. Герцен посылал ему от ее имени деньги в тюрьму (V, 296). Луиза Ивановна сообщает также о новой волне преследований эмигрантов в Швейцарии. Усиление реакции заставляло Луизу Ивановну волноваться за судьбу Герцена.

В конце марта 1851 г. Герцен получил, наконец, швейцарское гражданство. Как известно, он был принят в члены общины Шатель, Фрейбургского кантона. Указывая на более благоприятный, чем в Женеве, ход дела в Фрейбурге, Луиза Ивановна весьма нелестно отзывается о Фази («свинье в Женеве»), как о виновнике женевской неудачи. Она сообщает попутно о намерении Герцена «посетить свою новую родину». Словами, исполненными большой горечи, отражающей, несомненно, и чувства самого Герцена, говорит Луиза Ивановна о вынужденном его разрыве с его настоящей родиной.

В письме от 17 марта Луиза Ивановна упоминает о «книге, которая привлекла большое внимание». Речь идет, очевидно, о каком-то произведении Герцена, но что именно имела в виду Луиза Ивановна не поддается точному определению. Это могло быть «С того берега», первое издание которого появилось у Гофмана и Кампе в Гамбурге в 1850 г. на немецком языке. В конце 1850 г. в журнале Колачека («Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben». Bremen) был помещен пространный отзыв об этой книге. Слова Луизы Ивановны могли относиться и к труду Герцена «О развитии революционных идей в России», впервые печатавшемуся тогда (и тоже на немецком языке) в упомянутом журнале Колачека (январский, февральский, мартовский и майский выпуски журнала). В письме от 17 марта Луиза Ивановна сообщает также о получении от Мельгунова экземпляра «Кто виноват?». Это, очевидно, немецкое издание повести, выпущенное в свет Брокгаузом в переводе Вольфзона в серии «Избранной библиотеки иностранных классиков» («Ausgewählte Bibliothek der Klassiker des Auslandes, Russlands Novel-

lendichter. Uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen begleitet von Wilhelm Wolfsohn. Dritter Teil». Alexander Herzen «Wer hat schuld?». Leipzig, 1851).

В тех же мартовских письмах Луиза Ивановна вновь говорит о Гервегах, о Фогте, о Головине. О последнем она пишет, что он «очень несчастен». «После Парижа,— рассказывает в «Былом и думах» Герцен, — мы встретились ⟨с Головиным⟩ сначала в Женеве, потом в Ницце ⟨...⟩ Ему решительно нечем было жить, несмотря на тогдашнюю баснословную дешевизну в Ницце» (XIV, 350).

Что касается художника, делавшего в Ницце портреты И. А. Герцен, Коли и самой Луизы Ивановны, о котором рассказывается в письмах, — ни его имя, ни портреты, им исполненные, неизвестны (ср. в наст. томе, стр. 766).

Письмо Герцена к М. К. Рейхель от начала марта 1851 г., о которому упоминает Луиза Ивановна (в письме от 14 марта), до нас не дошло.

6 марта ⟨1851 г.⟩. Ницца

...1-го марта все горы были покрыты снегом, и все же я часто стою на балконе и смотрю, как страшно бушует море. Теперь о твоем Коле. Головин просто в него влюблен. Он просил у меня разрешения повести его в одно большое общество, там хотели его видеть, он действительно все хорошеет и хорошеет ⟨...⟩ Вчера у нас был большой вечер, у нас обедал весь дом Сю, господин и г-жа Энгельсон, Головин и Фогт, так что почти уже негде было сесть, и Коля был душой общества. Представляешь себе гордость Шпильмана! Александр несколько раз ставил Колю в пример Саше и Тате. Ты понимаешь, что это не совсем приятно. По правде говоря, нужно было бы, чтобы при Тате кто-нибудь был, но об этом не хотят и думать. ⟨...⟩ С его ⟨Головина⟩ женитьбой все идет довольно медленно.

⟨Ницца.⟩ 11 марта ⟨1851 г.⟩

... Уже несколько дней дождь, но все-таки очень хорошо. Деревья словно оживают ⟨...⟩

Я, может, и съездила бы на неделю в Геную, если бы их ⟨Гервегов⟩ там уже не было. Я бы не хотела опять с ними встретиться, хотя вражды к ним у меня и нет ⟨...⟩

В доме Сю все здоровы. Головин сказал мне вчера, что они с Александром тебе напишут, по поводу его ⟨Головина⟩ дел.

14 марта 1851 г. Ницца

...Так как Александр уже написал тебе все новости, мне опять нечего тебе сказать, разве только, что у нас страшный ветер и все мы совсем разболелись. Александр зовет *меня одну* ехать с ним в Париж; стоит ли мне приезжать к тебе без Коли?

Что Гервег хочет переехать в Цюрих, Фогт рассказывал уже четыре недели тому назад, но они все еще в Генуе. А что Эмма поедет в Париж, этому я не верю. Ведь ей же нельзя туда ехать. ⟨Она была выслана из Парижа⟩. Да и зачем бы ей туда? Я думаю также, что она и не сможет выехать из Генуи. За малым дело — за деньгами.

⟨Ницца.⟩ 16 марта ⟨1851 г.⟩

...Ты будешь любить своего ребенка так же, как Колю, и я буду его любить, я хочу быть ему бабушкой, как Коле ⟨...⟩ Затем пришел Головин, он очень несчастен, он предложил себя в качестве учителя к Саше ⟨...⟩ он будет давать уроки и Луизе ⟨...⟩

Здесь так хорошо, что и сказать не могу, все уже зазеленело; в Риме все гораздо позднее. Не верь тому, что пишут из дома Сю; правда, несколько дней был ветер, один раз даже снег, но какая же это зима? Я купила на 35 фр. дров и все еще их не сожгла. Я пишу тебе, а все открыто, на небе ни облачка, а какой воздух! Внизу поет соловей, а у нас на балконе канарейка, и все так тихо, спокойно ⟨...⟩ Вот когда только и начинаешь понимать, что такое Италия ⟨...⟩

В газетах опять страшное известие о троих повешенных; среди них, вероятно, и бедняжка Бакунин, а судя по тому, как обстоят повсюду дела, этому можно верить. Так страшно за всех.

17 марта 1851 г. Ницца

Чудесно, божественно хорошо!

⟨...⟩ С отъездом обитателей дома Сю ничего еще не выяснилось. Natalie не очень хочется уезжать отсюда. Она права, ведь прекраснее условий она для детей нигде не сумеет найти. К тому же Фогт останется здесь на год для Саши. Александр должен, наконец, принять решение, где же ему обосноваться. Я за Италию. Но поеду в любое место, где бы они ни поселились. Книга привлекла большое внимание. Теперь ждут, что прийдет из Турина.

Представь себе, здесь уже в течение двух месяцев довольно хорошая итальянская опера, так что мы все один, а то и два раза в неделю ходим в театр ⟨...⟩ Энгельсоны ⟨...⟩ очень любезные люди. Мне кажется *нашим* без них было бы *скучно*. Мельгунов все еще во Флоренции; он был так добр, что прислал мне «Кто виноват?»,— очень мило с его стороны.

Ницца. 21 ⟨марта 1851 г.⟩

...Дела здесь довольно плохи, все время нужно быть готовым к отъезду, но куда? У меня в голове есть план, но сумею ли его осуществить, это вопрос. Позднее сообщу свой план. Если будет возможно, Венеция должна также войти в него ⟨...⟩ Из Генуи ничего нет.

Теперь снова преследуют несчастных людей в Швейцарии. Когда же кончатся страшные времена. От Natalie ⟨прилагаю⟩ письмо. Когда ты опять будешь писать, пошли его. Мы все ждем ответа от Егора Ивановича.

⟨Ницца.⟩ 25 ⟨марта 1851 г.⟩

...Сегодня божественно; вообрази, цветет *виноград*. Ах, я просто не могу себе представить, что, может быть, придется навсегда покинуть Италию, так как думаю, что вскоре нашим уже нельзя будет дольше оставаться здесь. Дети так поздоровели. Как-то им будет в *суровой Англии*, да и мне самой, ведь я не могу жить одна. Если бы я могла не покидать Италии, но это невозможно ⟨...⟩ у Natalie тоже нет большой охоты расставаться с Италией. Климат для всех очень хорош. Саша здоров ⟨...⟩ Ты, может быть, увидишь Александра раньше, чем воображаешь. Я не уеду отсюда, не повидав Венеции; затем поеду на Lago di Como, через Сен-Готар,— таковы мои планы ⟨...⟩ Я уже не вернусь в любимую Италию. Если не здесь, то мне все равно, где жить. Да, дорогая, очень грустно, что обстановка становится все хуже и хуже. Вполне возможно, что *всем нам* еще придется ехать в Америку! Это значит в Южную Америку, куда нас соблазняет ехать Фогт; я думаю, так оно и будет.

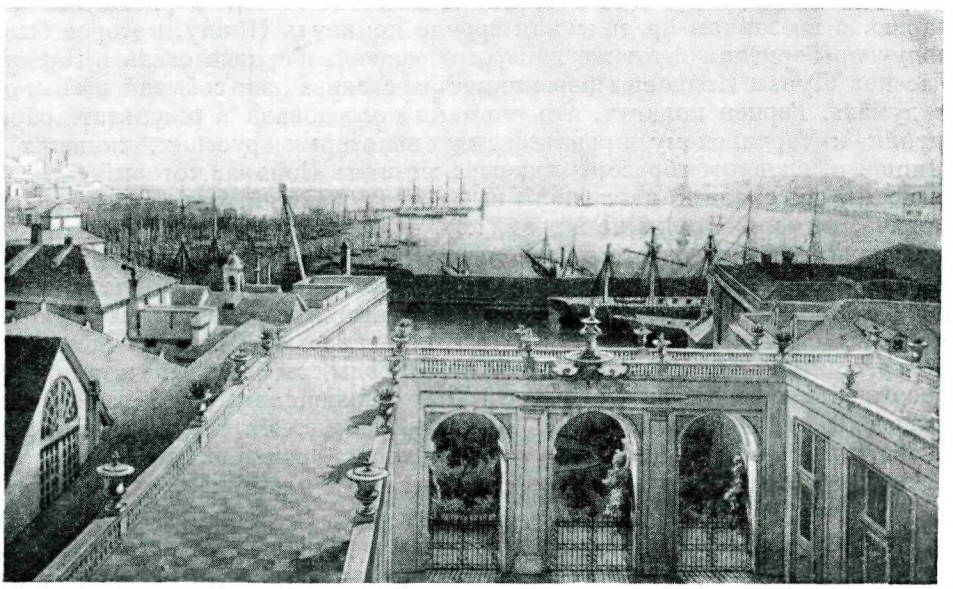
⟨Ницца.⟩ 26 марта ⟨1851 г.⟩

...Александр хочет поехать *один* на месяц на свою новую родину. Ты ведь тоже никогда не думала, что *муж* у тебя будет *немец*. Ты ведь тоже не хотела *отказаться* от своей родины. Почему же в жизни всегда все складывается не так, как мы хотим! ⟨...⟩ Привет Энгельсону. Скажи ему, что его жена чувствует себя вполне хорошо. Это очень приятная особа.

‹Ницца.› 29 марта ‹1851 г.›

...Дела Александра в Фрейбурге идут, повидимому, лучше, чем у *свиньи* в Женеве, но ему, вероятно, придется самому туда съездить. Он рассчитывает поехать вдвоем с Natalie и на некоторое время задержаться в Турине. Но я все еще не могу этому поверить. Во всяком случае, июль и август я проведу в доме Сю.

Мы с Колей были сегодня у Natalie, когда она купала Оленьку; и сказать не могу, что за чудесный ребенок, толстая, как шар ‹...› Ах, какая у нас сейчас роскошь ‹...› Ты всегда говорила, что я не люблю жить на одном месте; здесь в Италии я хотела бы надолго остаться, я не



НИЦЦА. ВИД НА МОРЕ
Фотография 1857 г.
Исторический музей, Москва

хочу и думать об отъезде. Из моих планов, наверное, ничего не получится ‹...›, так как теперь не знаешь, где завтра очутишься. Мы слышали ‹...›, что здесь можно спокойно оставаться, ни о какой высылке тут и не помышляют. Правительство ведет себя вполне терпимо; если бы и у вас так было. Мне очень хотелось бы знать, сможет ли Александр приехать к вам.

К ним сюда приезжал художник, о котором с полным правом можно сказать, что он завладел всей Ниццей. Natalie он дважды писал, но не совсем удачно. Луизин портрет очень хорош ‹...› Natalie уговорила меня сделать и мой портрет, который вышел лучше всех. Достаточно было час посидеть. После меня сидел Коля. Я хотела сделать портрет для тебя, но он вышел не так уж хорошо; все же мы привезем его, когда приедем к тебе. Из Генуи ничего не слышно.

Писем Луизы Ивановны за апрель и май сохранилось немного. В них сообщается о планах поездок Герцена в Турин и Париж. Поездка в Париж ставилась, видимо, в зависимость от ответа М. К. Рейхель, которой было поручено выяснить, можно ли будет Герцену посетить столицу Франции.

В письме от 8 апреля рассказывается о праздновании «25 числа», т. е. дня рождения Герцена, который приходился на 25 марта старого или 6 апреля нового стиля. О том же сообщает М. К. Рейхель и племянница Луизы Ивановны, также Луиза, жившая тогда в Ницце. «В день рожденья Александра,— пишет Луиза,— мы проснулись, разбуженные очень приятной музыкой,— это был знак внимания Рокка ⟨повара Герцена⟩, который решил доставить Александру, а потом и нам неожиданное музыкальное удовольствие» (7 апреля 1851 г. Подлинник на немецком языке; хранится вместе с письмами Луизы Ивановны в деле № 267 «пражской коллекции», л. 82—82 об.).

В письме, начатом 31 мая и законченном 1 июня, Луиза Ивановна извещает М. К. Рейхель о намеченном на 1 июня отъезде Герцена в Швейцарию, о внезапном предписании срочно покинуть Ниццу, которое было получено Герценом в тот же день, и о решении Герцена ехать в Париж. Рассказ Луизы Ивановны перекликается с описанием событий в «Былом и думах». Герцен полагал, что высылка последовала в результате обращения к сардинскому правительству некоторых русских, живших в Ницце, и, главным образом, министра юстиции Панина, который «не мог вынести, что человек, навлекший на себя высочайший гнев Николая Павловича, не только покойно живет ⟨...⟩, но еще пишет статейки, зная, что государь император этого не жалует» (XIII, 438, 439). Луиза Ивановна дает несколько иное объяснение причин высылки Герцена. Она утверждает, что он был выслан «из-за книг, напечатанных в Ницце». Некоторые произведения Герцена, действительно, печатались в Ницце; в частности, ко времени написания письма Луизы Ивановны там было отпечатано первое отдельное издание книги «О развитии революционных идей в России», вышедшее, как известно, на французском языке. На титуле книги значится, что она выпущена книгоиздательством Франка в Париже, но отпечатана в типографии братьев Кани ⟨Canis⟩ в Ницце.

⟨Ницца.⟩ 3 апреля ⟨1851 г.⟩

...Александр ждет от тебя хороших вестей. Но если даже они не будут соответствовать его желанию, они ⟨Герцен и Н. А.⟩ все же решили ехать в Турин. Возможно, что Александру придется поехать в Фрейбург ⟨...⟩.

На днях тут были приезжие из Генуи. Они навезли новостей о Гервегах: те каждый день *ссорятся*, и Гервега *принимают там за полоумного*. Какой-то англичанин, который жил в одной гостинице с ними, рассказывал, будто Гервег собирается в Египет, а Эмма с детьми в Америку. Они, должно быть, в ужасном положении. Конечно, тут без *атласных башмачков* никак не обойтись. Нет, она не вызывает во мне никакого сочувствия. Его мне гораздо больше жаль. И бедных детей. Адда погибнет. Как все скоро кончилось с Гервегами.

⟨Ницца.⟩ 8 апреля ⟨1851 г.⟩

25-е число мы очень хорошо отпраздновали; обедали у меня,— были Фогт и Головин. Саша, со своим фейерверком, нас чуть было не сжег ⟨...⟩ ты знаешь, что я обещала переехать в дом Сю, и это должно совершиться на нынешней неделе. Александр с Natalie и Татой собираются в ближайшие дни в Турин, оттуда, может быть, в Фрейбург, а если он ⟨Герцен⟩ поедет в Париж, то и она тоже, так что вполне возможно, что ты увидишь их раньше, чем нас.

Ницца. 31 мая — 1 июня 1851

Александр намерен поехать сперва в Швейцарию. Он уезжает завтра, 1 июня, вместе с Энгельсоном. Его ⟨Энгельсона⟩ жена остается с

Natalie ⟨...⟩ Я приеду с Александром, потому что Natalie остается еще на зиму в Ницце. Все здесь так хорошо себя чувствуют, что, конечно, было бы неблагоразумно уезжать. Только что приходил прощаться Энгельсон, но я не поверю ⟨в их отъезд⟩, пока не увижу их в дилижансе ⟨...⟩

Конец получился неожиданный ⟨?⟩ и неприятный. Александра высылают из-за книг, которые были здесь напечатаны. Он должен выехать в 48 часов. Он не поедет в Швейцарию, а прямо в Париж. Ты очень скоро его увидишь ⟨...⟩ Со стороны местного правительства это достаточно подло. Теперь действительно нельзя быть уверенным в завтрашнем дне. Я не раз говорила, что с книгами наживешь неприятностей — вот мы их и нажили.

Четыре следующих письма относятся ко времени пребывания Герцена в Париже, с 8 по 25 июня 1851 г., и поездки его в Фрейбург в конце того же месяца.

Луиза Ивановна передает в этих письмах поклоны Герцену, часто посещавшему М. К. Рейхель в Париже, сама же ему не пишет, считая, что и без того у него будет «много, что читать, а потом,—добродушно добавляет она,— я же знаю, что он этих писем не читает». Чем вызвано это замечание Луизы Ивановны, непонятно, так как Герцен в своей переписке того времени с женой и детьми не забывает посылать матери приветы, хочет писать ей «особо», собирается праздновать ее именины (VI, 188 и 420). В письме от 13 июня Луиза Ивановна просит М. К. Рейхель дать Герцену прочесть письмо Коли и сохранить это письмо. В бумагах «пражской коллекции» оно не обнаружено.

Упоминаемое Луизой Ивановной (13 июня) письмо Герцена из Парижа — это письмо его к жене и старшему сыну от 9 июня 1851 г. (VI, 186—188).

Ницца. 7 июня ⟨1851 г.⟩

Когда ты получишь это письмо, ты уже многое о нас услышишь от Александра. Теперь ты будешь получать не так много писем, потому что будешь знать от Александра все, что у нас делается. Он обещал часто у тебя бывать. Все планы путешествий, конечно, повисли в воздухе; то же будет и с теми, о которых тебе будет говорить Александр ⟨...⟩ Очень любопытно знать, сможет ли Александр остаться в Париже. Теперь для всех было бы хорошо опять поселиться там. Но у меня на этот счет ~~не очень~~ большие надежды ⟨...⟩ Если бы мы могли только себе представить, что Александр так скоро попадет в Париж, мы бы все с ним прислали. Передай от меня Александру поклон, а от Коли поцелуй. Я не пишу, у него и без моих писем будет много что читать, а потом я же знаю, что он этих писем не читает.

13 ⟨июня 1851 г.⟩. Ницца

...Вчера мы получили от Александра письма из Парижа, которые нас очень порадовали известиями о тебе ⟨...⟩ Александр находит, что ты очень изменилась. Ваша квартира ему очень понравилась. Но о Париже он ничего приятного не сообщил; все там, повидимому, очень дорого ⟨...⟩ Дай Александру прочесть колино письмо и сохрани его, он так хорошо его написал и совершенно самостоятельно.

Ницца. 23 июня ⟨1851 г.⟩

...Меня радует, что у тебя есть теперь приятное развлечение — прогулки с Александром ⟨...⟩ Вы не можете себе представить, милые, как мы были поражены вчера, когда вдруг пришел Фогт и сказал, что приехала Эмма, да еще *по распоряжению* Гервега. Это очень неприятно. Что

касается меня, то я ее не приму, если у нее хватит бесстыдства прийти, а этого можно ожидать. Я думаю, что Фогт будет играть роль примирителя,— очень похоже на это.

30 июня <1851 г.> Ницца

...Вчера в 2 часа приехал сюда Энгельсон; от его болезни не осталось и следа <...>. Теперь буду ждать, как устроятся дела Александра в Турине, и тогда начну думать об отъезде. Он хочет быть в Турине 10-го, а 20-го, если ему будет позволено,— приехать в Ниццу. Я бы не хотела, чтобы он застал еще там <в Турине> суматошного Головина. Мы опять получили от него глупое письмо.

Могу сообщить тебе новость: 26-го прибыл сюда из Каира Хоецкий. Он много рассказывал нам о Египте. Он стал совсем черным. Он очень жалеет, что Александр не может здесь остаться. Сам он, повидимому, совсем без денег. Вернадский, наверное, удивится его приезду. О г-же Эмме мы ничего не слышим. Фогт передал ей, что я не хочу ее видеть, она этого не ожидала. А к Natalie она не осмелится прийти.

Два последних письма Луизы Ивановны, сохранившихся в «пражской коллекции», помечены 9 и 13 июля. Оба они рассказывают о пребывании Герцена в Турине, вместе с женою, выехавшей туда к нему навстречу. Свиданию в Турине, которое Герцен называл своим «вторым венчанием» с Натальей Александровной, посвящены замечательные страницы «Былого и дум», и эпизод этот хорошо известен. Но от Луизы Ивановны внутренняя, полная глубокого драматизма сторона события осталась скрытой. В ее представлении, поездка Натальи Александровны в Турин была вызвана желанием доставить Герцену «приятную неожиданность».

Все же письма вносят некоторые фактические уточнения в рассказанное в «Былом и думах». Герцен говорит, что свидание в Турине произошло «ночью с 7-го на 8 июля». По свидетельству же Луизы Ивановны, свидание это состоялось в ночь с 9-го на 10 июля. Это, видимо, и соответствует истине, так как те же даты указывает и Н. А. Герцен. 7 июля она писала мужу: «Вчера получила твое письмо, где ты пишешь, что не прежде 10-го будешь в Турине; я отложила тоже ехать до завтра...» (VI, 422). Путь от Ниццы до Турина занимал тогда два дня, таким образом, Наталья Александровна должна была быть на месте ночью 9 июля. Не совпадают и часы туринской встречи, обозначенные Герценом и Луизой Ивановной. Герцен пишет, что почтовая карета, с которой приехала его жена, приходила в Турин во втором часу ночи. Луиза Ивановна утверждает, что Наталья Александровна приехала в Турин в 11 часов вечера. Указанные сведения Луиза Ивановна почерпнула из писем сына и невестки. О получении этих писем она извещает М. К. Рейхель 13 июля. Письма не сохранились.

<Ницца.> 9 июля 1851 г.

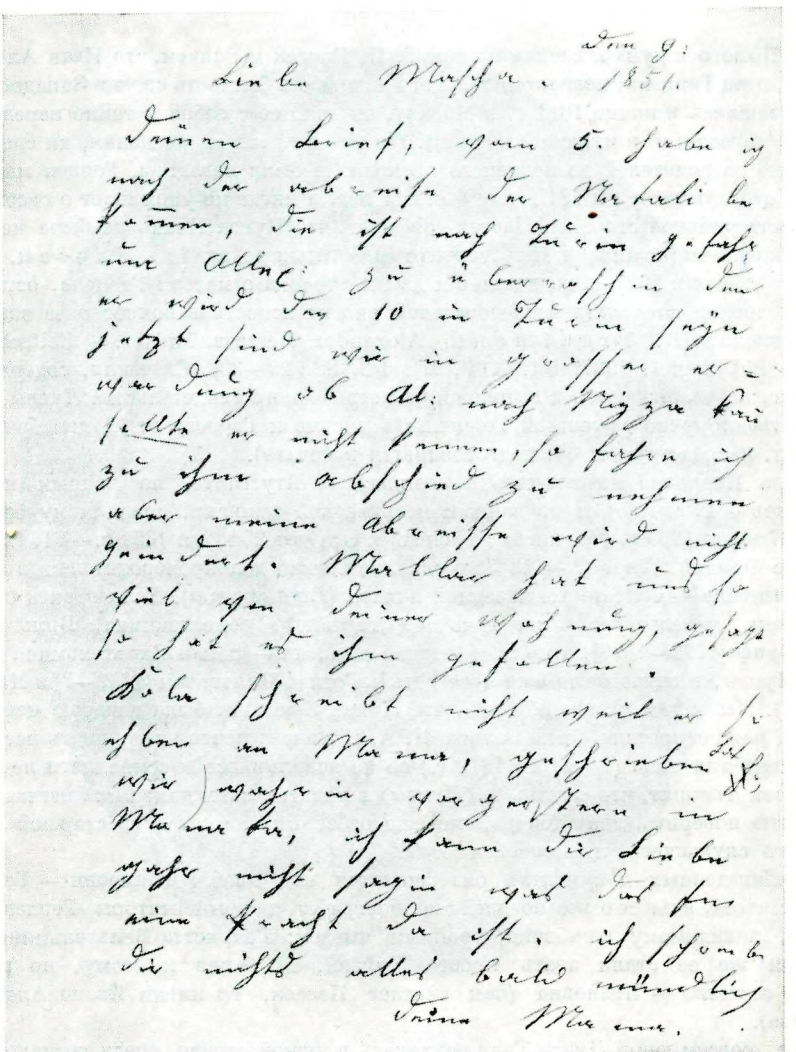
...Твое письмо от 5-го числа я получила после отъезда Natalie; она уехала в Турин, чтобы доставить приятную неожиданность Александру, так как он будет 10-го в Турине. Теперь мы полны ожидания, можно ли будет Александру приехать в Ниццу. Если же ему нельзя будет приехать, я поеду проститься с ним, но мой отъезд не отменяется.

<Ницца.> 13 <июля 1851 г.>

...Только что получила от Александра и Natalie письма из Турина. Оба приедут дня через два. Александр может жить, где захочет. Дети ведут себя хорошо. Портреты я закажу, когда художник приедет из Генуи.

Александр приехал 9-го в полдень, Natalie — тоже 9-го, в 11 часов ночи. Оба очень довольны. Мы с нетерпением ждем их. Представь себе, Эмма каждый день бегает мимо нас. Надо будет запретить Саше здороваться

ся с ней. Я нахожу ее просто отвратительной. Судя по письму Александра, он проведет зиму в Турине. Право, Егор Иванович не так уж виноват в том, в чем мы его виним. Повидимому, все находится еще под запретом. Право же, у меня большая охота поехать к нему весной. Он все такой



АВТОГРАФ ПИСЬМА Л. И. ГААГ К М. К. РЕЙХЕЛЬ ОТ 9 ИЮЛЯ 1851 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

же. Natalie скоро ему напишет. Когда будешь ему писать, скажи, что мы все его еще так*, часто о нем говорим ⟨...⟩ Не могу и описать, до чего хороша Оленька.

На этом обрывается хранящаяся в «пражской коллекции» переписка Луизы Ивановны. Вскоре, вместе с внуком Колей, она выехала в Париж на свиданье с М. К. Рейхель. Эта поездка оказалась для нее роковой: она погибла на обратном пути в Ниццу при кораблекрушении у Гиерских островов.

* Письмо повреждено. — *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛУИЗА ИВАНОВНА ГААГ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Из «Былого и дум» и воспоминаний Т. П. Пассек мы знаем, что Иван Алексеевич Яковлев, отец Герцена, познакомился с его матерью в бытность свою в Западной Европе. Возвращаясь в конце 1811 г. в Москву, он взял ее с собой и тайно перевез через границу (переодетой в мужской костюм). Ни точная дата ее рождения, ни социальное положение ее родителей до недавнего времени не были известны. Герцен мимоходом говорит, что его матери в 1812 году было 17 лет, и нигде не упоминает о своем деде и бабке с материнской стороны. Пассек сообщает, что Луиза Ивановна была немкой по происхождению и родилась в Штутгарте от «небогатых родителей» (П а с с е к, стр. 38). Опубликованная в 1937 г. на немецком языке справка о матери Герцена, оставшаяся вне поля зрения советских исследователей, вносит ясность в вопрос о ее возрасте и происхождении (R. T r a u f m a n n. Alexander Herzens Mutter.— «Zeitschrift fur slavische Philologie», 1937, Bd. XIV, Hf. 1/2, SS. 29—30). Сведения, содержащиеся в справке, подтверждаются и выпиской из метрического свидетельства Луизы Ивановны, собственноручно сделанной Герценом в письме к Гервегу от 21 декабря 1849 г. (см. «Лит. наследство», т. 64, подготовляется к печати).

Луиза Ивановна действительно родилась в Штутгарте, по данным немецких источников — 27 января, а по данным метрической выписки, повидимому более точным,— 27 июня 1795 г. (ср. письмо Герцена к сыну от 25 июня 1851 г.—VI, 420). Отец ее Готлоб-Фридрих Гааг (? — 1805) в справке назван делопроизводителем, а в метрической выписке — секретарем казенной палаты (Rentkammer). Если верить немецким источникам, матерью ее была дочь штутгартского ремесленника, Вильгельмина-Регина Эрпф (1772—1818), а по метрической выписке — некая Вильгельмина Эрпфин. Кроме Луизы, в семье было еще двое детей: Готлоб-Вильгельм (1799—?) и Маргарита (1797—?). Мы видим, таким образом, что Луиза Ивановна была дочерью мелкого чиновника, рано осиротела, была моложе И. А. Яковлева почти на тридцать лет, а к моменту рождения сына (25 марта 1812 г.) ей не исполнилось и семнадцати лет.

Пассек говорит, что «жизнь ее <Луизы> в родительском доме была несчастливой», чему легко поверить, зная теперь, что еще ребенком она осталась старшей в семье скромного служащего, лишившейся отца.

В приведенных документах она значится под двойным именем — Генриетта-Луиза. Пассек, а за нею все позднейшие биографы и комментаторы Герцена называют ее, повидимому ошибочно, тройным именем: Генриетта-Вильгельмина-Луиза. В России же ее стали звать просто Луизой, прибавив к этому, по русскому обычаю, отчество — Ивановна (как считает Пассек, по имени Ивана Алексеевича Яковлева).

Итак, совсем юной Луиза Гааг очутилась в чужой стране, среди незнакомых людей, в необычных условиях. Начиналась война. Хорошо известен рассказ Герцена (им открываются «Былое и думы») о том, как И. А. Яковлев, запоздавший выехать из Москвы, был задержан французами, как он отправился с поручением Наполеона в Петербург, отослав семью в свое ярославское имение.

Не успев еще осмотреться и приспособиться к непривычной обстановке, Луиза Ивановна попала в глухую русскую деревню. Маленький сын, его кормилица, старик П. И. Голохвастов (дядя Герцена), вскоре умерший, составляли все ее общество. «Можно себе представить,— пишет Герцен,— положение моей матери <...> среди <...> *полудиких* людей с бородами, одетых в нагольные тулупы, говорящих на совершенно незнакомом языке, в небольшой закоптелой избе и все это в ноябре месяце страшной зимы 1812 года... Ее единственная опора был Голохвастов; она дни, ночи плакала после его смерти» (XII, 17).

Проведя тревожный военный год в деревне, Луиза Ивановна вместе с И. А. Яковлевым, спустя некоторое время присоединившимся к семье, возвратилась в Москву.

Здесь и прошла почти вся ее жизнь, представлявшая собой длинный ряд унылых, монотонных, прозаических лет, сменивших краткие годы юности, отмеченные, как мы видели, волнениями и романтикой.

В «Былом и думах» Герцен не касается непосредственно отношений своих родителей. Он лишь глухо упоминает о «домашних сценах», возникавших иногда между

КОЛЯ ГЕРЦЕН
Дагерротип, 1850—1851 гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

ними, и добавляет, что его мать, «действительно, имела много неприятностей» и была «совершенно подавлена моим отцом» (XII, 27). Однако образ отца, замкнутого, язвительного, всех и вся презирающего человека, порядки и нравы, царившие в его доме, так ярко изображены Герценом, что позволяют угадывать истину о невеселой участи Луизы Ивановны. Более определенно высказываются об этом мемуаристы. «Луиза Ивановна,— вспоминает М. К. Рейхель,— жила в большой зависимости и вследствие исключительного своего положения не могла иметь знакомых. А если какие и были, она могла только изредка посещать их, у себя же принимать не могла, потому что старик этого не жаловал» (Р е й х е л ь, стр. 14). Даже поездки за город или в театр и другие маленькие развлечения, которые изредка разрешала себе Луиза Ивановна,

надо было обставлять тайной от Ивана Алексеевича, принимать для этого особые меры предосторожности. «Тихо протекла лучшая пора ее жизни,— пишет Пассек,— в мелких домашних заботах, в чтении книг немецких авторов, попеченье о Саше и о постоянно больном и капризном старике» (П а с с е к, I, 79). Рейхель упоминает о сценах между родителями Герцена, во время которых Луизе Ивановне приходилось выслушивать «тяжелые вещи». «У нее,— говорит мемуаристка,— не всегда хватало такту смолчать, что раздражало старика. А когда он бывал раздражен, он забывал всякую умеренность» (Р е й х е л ь, стр. 25). Известный рассказ Пассек свидетельствует, до каких пределов доходил в своей «забывчивости» Иван Алексеевич, позволявший себе в злые минуты издеваться над ложным положением Луизы Ивановны, называть ее «барышней со своим сынком».

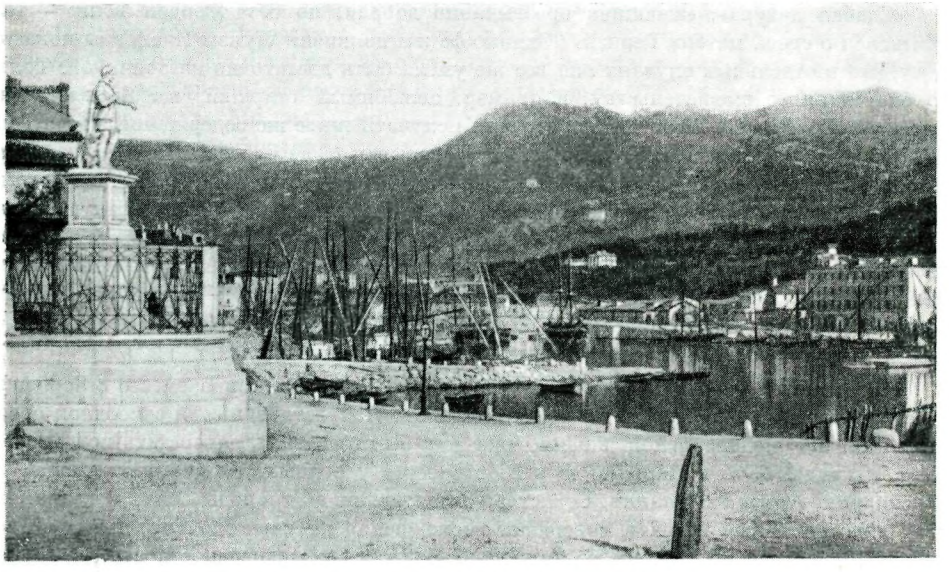
Впрочем, не следует слишком сгущать краски, как это делают некоторые биографы Герцена, склонные рассматривать отношения Ивана Алексеевича к Луизе Ивановне как пустую «барскую прихоть». Правда, он не решился на брак с ней. Но можно ли, тем не менее, считать «прихотью» отношения к женщине, с которой до конца своей жизни, т. е. свыше 35 лет, он не расставался и которая все это время была единственной хозяйкой в его доме. Несмотря на обиды, насмешки, оскорбления, которые он не раз ей наносил, он все же, вероятно, по-своему ее любил, так как «сердце старика,— говорит Герцен,— было больше открыто любви и даже нежности, нежели я думал» (XII, 82).

Как бы то ни было, он проявил о ней заботу, завещав ей, наравне с сыновьями, свое по тому времени очень большое состояние.

Крайне преувеличенным представляется нам и сказанное о Луизе Ивановне А. Я. Панаевой. «Мать Герцена,— пишет она,— была предобродушная женщина <...>, но забитая так, что не имела никакого значения в семье. Я даже нашла, что с ней обходились слишком пренебрежительно и не давали ей промолвить слово» (А. Я. П а н а е в а - Г о л о в а ч е в а. Воспоминания. М., 1948, стр. 145). Панаева познакомилась с Луизой Ивановной в 1845 г. у Герцена, в Москве. Рассказ ее можно, следовательно, понять как осуждение самого Герцена за несправедливое отношение к матери. Публикуемые выше письма Луизы Ивановны служат лучшим опровержением сказанного Панаевой. В них звучит голос независимого, а отнюдь не угнетенного человека; упоминания же о Герцене, занимающие такое большое место в этих письмах, говорят о привязанности Луизы Ивановны к сыну и его семье, а вовсе не о забитом, униженном положении ее в этой семье.

В «Былом и думах» Герцен рассказывает о нездоровой обстановке, в которой он рос, окруженный чрезмерной заботливостью отца, вечно боявшегося болезней и простуды. «Все это,— пишет Герцен,— должно было сделать из меня хилого и изнеженного ребенка, если б я не наследовал от моей матери непреодолимого здоровья. Она, с своей стороны, вовсе не делила этих предрассудков и на своей половине позволяла мне все то, что запрещалось на половине моего отца» (XII, 42). Но разумное начало, о котором говорит Герцен, Луиза Ивановна вносила не только в физическое воспитание сына. От Пассек мы узнаем, что в противоположность Ивану Алексеевичу и остальным домашним, «на все руки баловавшим маленького Сашу», Луиза Ивановна была к нему требовательна и не поощряла его капризов. На чуткого от природы ребенка не могли не оказать влияния доброта и гуманность матери, остававшейся отзывчивой и справедливой, несмотря «на эгоистическую, полную деспотизма среду» (П а с с е к, I, 78), в которой они жили. Герцен рано узнал о «ложном» положении матери. Он понял, что забота о нем, Герцене, и заставляла ее мириться с этим положением, сносить обиды и притеснения, и страдал за нее. «...Мысль, что доля всего выносится за меня,— пишет он,— заволакивала иной раз темным и тяжелым облаком светлую детскую фантазию» (XII, 28). В рассказе, на который мы ссылались, Пассек описывает, как юноша Герцен страстно вступился за мать и в ответ на оскорбительные слова («барышня со своим сынком»), брошенные Иваном Алексеевичем по ее адресу, грозит тотчас же вместе с нею покинуть отцовский дом. Пассек утверждает, что это заставило старика, «если не совсем прекратить, то значительно умерить свои выходки» (П а с с е к, II, 57).

Но Герцена привязывало к матери, конечно, не одно чувство жалости. Любящая и ласковая, веселая и жизнерадостная, несмотря на все невзгоды, она должна была особо привлекать к себе мальчика, тяготившегося суровой атмосферой яковлевского дома. В воспоминаниях детства мать возникает перед Герценом в привлекательном женственном облике — «женщина, прелестная собой», так называет он ее в автобиографическом отрывке «Это было 22 октября 1817 г.», описывающем эпизод из его раннего детства (изд. АН, I, 1954, стр. 138). По свидетельству Пассек и других лиц, знавших Луизу Ивановну молодой, она действительно была красива.



НИЦЦА. ПОРТ
Фотография 1857 г.
Исторический музей, Москва

Близость с матерью Герцен сохраняет и в годы студенчества и в последующие годы. В рассказах Пассек мы часто видим Луизу Ивановну в кругу герценовских друзей.

Очень большую поддержку нашел Герцен в матери в период своей вятской и владимирской ссылки. Луиза Ивановна чутко и отзывчиво отнеслась к любви сына к Н. А. Захарьиной и взяла на себя роль посредницы в их переписке (в чем ей оказывал помощь брат Герцена Егор Иванович — см. в наст. томе, стр. 419). В течение трех лет она неизменно исполняла эту роль, рискуя навлечь на себя большие неприятности, так как и Иван Алексеевич и родные Натальи Александровны были, как известно, против этого брака Герцена. Около трехсот писем доставила Луиза Ивановна обоим корреспондентам, не только облегчив этим сыну разлуку с невестой, но и способствуя созданию замечательного эпистолярного памятника — «Переписки Герцена с Н. А. Захарьиной» (Собр. соч. А. И. Герцена, т. VII. СПб., изд. Павленкова, 1905).

Упоминания о Луизе Ивановне, рассеянные в «Переписке», рисуют ее в постоянных думах и беспокойствах о сыне. Они говорят о ее любви к нему, о преследованиях, которые она терпит за покровительство его женитьбе. «Вся ее жизнь в тебе»,— пишет Герцену Наталья Александровна («Переписка», 154). И в другом месте: «Мне ужасно больно, что маменьке столько неприятностей через нас» (там же, стр. 429). Лаской и заботой окружила Луиза Ивановна и свою будущую невестку, которая не переставала отмечать «внимание и попечение о ней... милой, доброй, несравненной маменьки». «Переписка» лучше других источников позволяет судить об отношении Герцена

к матери. Перечисляя самое ценное, чем он готов был пожертвовать ради любви к Наталье Александровне, Герцен называет и свою привязанность к матери («Переписка», стр. 438). Впоследствии семья с ее заботами, литературная и общественная деятельность, приобретавшая с каждым годом все больший размах, не позволяли уже матери играть в жизни Герцена такую роль, какую она играла раньше. Однако она попрежнему остается ему близкой. И после женитьбы Герцена они редко расстаются, и если живут не под одной крышей, то большей частью рядом или по близости. Луиза Ивановна и теперь старается быть ему полезной. Она помогает растить и воспитывать его детей, и младший сын Герцена, Коля, был всецело доверен ей.

«Слабая натура», «женщина чрезвычайно добрая, но без твердой воли» — так отзывался о своей матери Герцен. Однако факты из жизни Луизы Ивановны показывают, что в отдельных случаях она все же умела быть достаточно настойчивой. Только благодаря ее вмешательству, например, нелюбимый старший сын Яковлева (не от Луизы Ивановны), Егор Иванович, стал получать такое же содержание, как и Герцен, в чем отец долго и решительно ему отказывал (Пассек, т. II, стр. 55—56). По свидетельству М. К. Рейхель, Луиза Ивановна часто, и не без успеха, выступала ходатаем перед Иваном Алексеевичем за дворовых людей. Мы видели, какую решимость она проявила в годы ссылки Герцена, передавая его письма и оберегая его невесту. Мы указывали, что доброта была основной чертой характера Луизы Ивановны. Эта доброта и помогала ей, вероятно, преодолевать отмеченную Герценом слабость воли. И там, где, как в приведенных примерах, люди ждали от Луизы Ивановны помощи, у нее оказывались и нужные для этого душевные силы.

Похоронив в мае 1846 г. Ивана Алексеевича, Луиза Ивановна вместе с Герценом и его семьей в январе 1847 г. уехала за границу. Почувствовав себя свободной после стольких лет подневольной жизни, она как бы стремилась наверстать потерянные годы. Мы видим ее то в Париже, то в Вюртемберге у родных, то путешествующей по Швейцарии, Англии и Италии. Страстная любительница природы, она, невзирая на свой уже почтенный возраст, совершает восхождения на вершины гор, дальние прогулки. Пережитое не сломило ее природной бодрости и жизнерадостности. «Обыкновенно веселая и добродушная» — такими эпитетами сопровождает Н. А. Тучкова-Огарева свое упоминание о Луизе Ивановне, с которой она встречалась в 1847—1848 гг. за границей (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 69). Попрежнему общительная, она заводит новые знакомства. Круг ее заграничных знакомых составляют преимущественно политические эмигранты. «В Цюрихе, в 1849 г., — рассказывает М. К. Рейхель, жившая в то время вместе с Луизой Ивановной,— мы принимали многих refugiés ⟨изгнанников⟩» (Рейхель, стр. 59). Некоторым из них Луиза Ивановна оказывала и материальную поддержку. В письме из Парижа к С. Л. Поленовой от 24 июня 1849 г., попавшем в перлюстрацию, С. Л. Левицкий писал: «Я не думаю, что Луиза Ивановна сбережет до старости свой капитал. У нее, кажется, открытый кредит всем коммунистам и баррикадистам с целой Европы» (V, 261). Русский посланник в Штутгарте в секретной депеше от 17 октября 1850 г. со своей стороны сообщал, что, по сведениям вюртембергского правительства, Луиза Ивановна «посвятила себя служению политическим беглецам ⟨...⟩ и употребляет свое состояние на покровительство их революционным происканиям» (XIV, 14). В Вюртемберге (Луиза Ивановна до конца жизни оставалась вюртембергской подданной) исчисляли сумму выданных ею денег на революционные нужды в 60—70 тысяч флоринов. Левицкий, враждебно настроенный против Герцена, в приведенном выше письме утверждал, что Луиза Ивановна оказывала помощь эмигрантам «не из политических видов», а просто «от глупой доброты», выполняя указания Герцена. Разумеется, Луиза Ивановна не слишком хорошо разбиралась в политике, и все же надо думать, что ею руководило не только чувство сострадания к преследуемым людям, но и симпатия к их делу, являвшемуся одновременно и делом ее сына, а последнему она была безгранично предана. И здесь она оказывала ему, в чем могла, свою поддержку.

Луиза Ивановна ссужала Герцена деньгами, необходимыми ему для революционных и литературных целей. Так, 24 тысячи франков для внесения залога за прудоновскую газету «Voix du Peuple» были взяты Герценом заимообразно у матери (см.

письмо к Гервегу от 20 августа 1849 г.— «Лит. наследство», т. 64, подготовляется к печати). В те годы Герцен, как известно, очень много тратил на помощь эмигрантам. Из конспиративных соображений он делал это иногда от имени матери. Мы уже указывали, например, что в ноябре 1850 г. он посылал через нее деньги Бакунину, находившемуся в тюрьме (V, 296). В период полицейских преследований, которым подвергался за границей Герцен, она хранила его сочинения и бумаги. М. К. Рейхель рассказывает, как летом 1849 г. в Париже, во время обыска, произведенного на квартире у Луизы Ивановны, вскоре после отъезда Герцена в Швейцарию, они спасли оставленные им рукописи, привязав их себе под платье. «Бумаги Герцена,— пишет Рейхель,— мы с Луизой Ивановной долго носили на себе» (Р е й х е л ь, стр. 65).

Правительство Николая I, информированное о связях Луизы Ивановны с эмигрантами, пыталось помешать ее деятельности, распространив запрет, наложенный на имущество Герцена, и на ее капиталы, оставшиеся в России. Эпизод этот описан в «Былом и думах». Мы знаем, что Герцену удалось после упорной борьбы спасти состояние матери. Любопытные подробности, освещающие перипетии борьбы за средства Луизы Ивановны, встречаются также в письмах к ней Герцена (1849—1850 гг.), обнаруженных среди переписки его с Гервегом (см. «Лит. наследство», т. 64, подготовляется к печати). Там же публикуется и письмо Герцена к Луизе Ивановне (1847 г.), хранящееся в «пражской коллекции» (он. 1, ед. хр. 273, л. 54).

Ко времени написания публикуемых выше писем инцидент с запретом, наложенным на состояние Луизы Ивановны, причинивший ей и Герцену немало беспокойства, был уже позади.

Но недолго суждено было Луизе Ивановне жить свободной, независимой жизнью. Обстоятельства ее трагической гибели хорошо известны и по «Былому и думам» и по другим источникам. Она утонула, как указано выше, 16 ноября 1851 г. при кораблекрушении у Гиерских островов на пути между Марселем и Ниццой, возвращаясь из Парижа с Колей и его воспитателем Шпильманом. Оба они утонули вместе с ней. До последней минуты Луиза Ивановна оставалась верной себе. Забыв о собственной участи, она думала только о внуке, и, уже уносимая волнами, все еще призывала спасти его.

Смерть матери глубоко потрясла Герцена. Вскоре после гиерской катастрофы, подводя итог печальной жизни Луизы Ивановны, он писал: «Свирепость судьбы против маменьки ужасна, невыразима. Едва полтора года пожила она» (Герцен имеет в виду последние полтора года за границей, после получения средств, задержанных царским правительством), — письмо к М. К. Рейхель 31 декабря 1851 г. («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 307). Он хотел увековечить ее самоотверженное, мужественное поведение перед лицом смерти: «Я мечтаю о статуе, о группе Шпильмана с Колей на руках и внизу утопающая женщина, последнее слово которой: „Спасите дитя“» (там же, стр. 308).

Мы уже говорили, что Герцен не дал в «Былом и думах» портрета своей матери. Не раскрыл он и причин, побудивших его воздержаться от развернутой ее характеристики. Не находим мы объяснения этого и в литературе о Герцене. Таким образом, все, что можно сказать по данному поводу, не выходит за пределы самых общих предположений. Зная биографию Луизы Ивановны и свидетельства о ней современников, нельзя допустить мысли, что Герцена останавливали какие-то факты из ее жизни, или какие-то ее индивидуальные черты, которых он не хотел касаться, щадя близкого человека, как это имело место в отношении брата Егора Ивановича (см. в настоящем томе, стр. 418 и 428).

Более правдоподобным кажется нам, что им руководили мотивы творческого порядка. Великий художник-реалист, Герцен и в своей мемуарной прозе стремился к созданию типических характеров и широких обобщений, что определялось глубоким знанием отображаемой действительности. Между тем среда, из которой вышла Луиза Ивановна, и условия, в которых она выросла, были ему незнакомы. Случайно перенесенная на русскую почву Луиза Ивановна так и осталась здесь одинокой фигурой, не характерной для тех явлений русской жизни, которые он хотел изобразить и запечатлел на громадном полотне «Былого и дум».

ПИСЬМА Е. И. ГЕРЦЕНА

Публикация А. Н. Дубовикова

1

Биографические сведения о Егоре Ивановиче Герцене (1803—1882), единокровном брате А. И. Герцена, весьма скудны: они почти исчерпываются теми краткими сообщениями, которые содержатся в воспоминаниях М. К. Рейхель и Т. П. Пассек. Обе они, будучи близко связанными в юности и в молодые годы с домом И. А. Яковлева, имели возможность непосредственно наблюдать условия жизни Егора Ивановича в доме отца. Позднее они до последних лет жизни Егора Ивановича поддерживали с ним связь — письменную (Рейхель) или личную (Пассек). Следует при этом иметь в виду, что характеристика Егора Ивановича предстает в этих воспоминаниях в несколько смягченном виде, поскольку обе мемуаристки питали к нему чувство дружеской приязни.

Нам остаются неизвестными обстоятельства рождения Егора Ивановича, мы даже не знаем имени его матери. Повидимому, она была крепостной И. А. Яковлева. Как сообщает Пассек, мальчик родился в подмосковном селе Покровском, где и провел раннее детство. Когда ему было года три-четыре, на него случайно обратила внимание княгиня М. А. Хованская (сестра И. А. Яковлева); она забрала приглянувшегося ей мальчика к себе в дом, что вызвало неудовольствие И. А. Яковлева, когда он, вернувшись из-за границы, узнал об этом. В 1812 г. Егор Иванович был взят в дом отца (Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. I. СПб., 1878, стр. 37—38. В дальнейших ссылках указывается: Пассек). Фамилию — Герцен — он получил, когда в доме появился любимец Яковлева Александр, для которого она и была придумана. Об этом сообщает Пассек в журнальном тексте своих записок: «Кстати, заодно с Александром и Егору Ивановичу дали фамилию *Герцена*, несмотря на то, что Иван Алексеевич был к нему больше чем холоден» («Русская старина», 1872, № 12, стр. 612; в отдельном издании «Из дальних лет» эти строки были выпущены).

Егор Иванович не пользовался любовью отца: его положение в доме было тягостным; к тому же он не обладал теми богатыми духовными силами и той одаренностью, которые помогали его младшему брату противостоять мертвящему гнету семейного деспотизма.

С детских лет у Егора Ивановича проявились интерес и способности к музыке. По словам Пассек, «музыка была для Егора Ивановича наслаждением и отдыхом от беспрерывных оскорблений и огорчений от отца, ничем не заслуженных» (Пассек, т. I, стр. 144). Но и это единственное увлечение, скрашивавшее его унылое и однообразное существование, стало для него источником огорчений, причиной которых был тот же тяжелый нрав его отца (М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 19. В дальнейшем при ссылках указывается: Рейхель).

Несколько облегчали его жизнь дружеские отношения с Луизой Ивановной, а позднее с Таней Кучиной (Т. П. Пассек) и с Машей Эрн (М. К. Рейхель). Отношения с Рейхель закрепились в 1844 г., когда они оба крестили Тату Герцен—в своих позднейших письмах к М. К. Рейхель Егор Иванович именует ее «кумой» или «кумушкой».

Но эти немногие просветы на фоне безрадостного существования не могли изменить уже сложившегося характера. Егор Иванович привык скрывать свои чувства и переживания, был болезненно самолюбив и обидчив; мелочные, повседневные заботы и интересы все больше поглощали его.

Е. И. ГЕРЦЕН

Рисунок неизвестного художника, 1813 г.; из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В 1820 г. «воспитанники гвардии капитана и кавалера» Яковлева, Егор и Александр Герцены, были определены на службу; их зачислили канцеляристами в экспедицию Кремлевского строения, с 1831 г. переименованную в Московскую дворцовую контору. Служба была номинальной, но она обеспечивала постепенное прохождение чинов, что могло пригодиться в будущем.

Значительно позднее (по словам Т. П. Пассек, уже после окончания Александром университета) Егор Иванович приступил к фактической службе в архиве Московской дворцовой конторы и получил казенную квартиру в так называемом Запасном дворце у Красных ворот, где помещался архив. Служебная деятельность его отражена в формулярном списке, сохранившемся в делах Московской дворцовой конторы (ЦГАДА, ф. 1239, оп. 50, ед. хр. 7184). Ее медленное и однообразное течение нарушалось лишь изредка. Так, в 1837 г., в связи с пребыванием царской семьи в Москве, ему было поручено исполнять обязанности помощника главного смотрителя по «камер-цалмейстерской части», ведавшей дворцовой мебелью, за что он был награжден «бриллиантовым перстнем» *. В 1840 г., будучи уже в чине титулярного советника и имея «знак отличия беспорочной службы за XV лет», Е. И. Герцен был назначен на освободившуюся должность архивариуса — в этой должности он и пробыл до выхода в отставку (2 июля 1848 г.). При увольнении от службы, по особой его просьбе, «пенсион», полагавшийся ему за выслугу лет, был заменен производством в следующий чин «коллежского асессора» и правом носить мундир придворного ведомства — штрих, выразительно характеризующий мелочность его честолюбивой натуры.

После смерти И. А. Яковлева в 1846 г. Егор Иванович получил свою часть наследства, в том числе один из московских домов своего отца. В 1848—1849 гг. им были куплены и другие два дома, доставшиеся по наследству Луизе Ивановне Гааг и А. И. Герцену. Его окружали обитатели старого яковлевского дома, известные нам по мемуарам А. И. Герцена и Т. П. Пассек: няня Александра — Вера Артамоновна, Карл Иванович Зонненберг, няня Егора Ивановича — Наталья Константиновна, которую в доме звали Костенькой, и др. В доме Егора Ивановича прожила последние годы своей жизни переселившаяся из Вятки давняя приятельница А. И. Герцена, Прасковья Петровна Медведева; после ее смерти здесь же жила ее сестра Софья Петровна, взявшая на себя заботы об одиноком Егоре Ивановиче и его приемной дочери Соне (Соня была осиротевшей дочерью сестры Н. А. Герцен, Софьи Александровны Семичевой).

У Егора Ивановича осталась и вся обстановка яковлевского дома, в том числе и вещи, принадлежавшие Герцену. Остатки этой мебели и обстановки были приобретены в 1940 г. Государственным литературным музеем у С. И. Кедрова, жившего с Е. И. Герценом в последние годы его жизни (сообщено Н. П. Анциферовым).

2

В «Былом и думах», среди многих блестящих портретных зарисовок обитателей яковлевского дома, мы не находим ни одной страницы, посвященной Егору Ивановичу; есть только отдельные упоминания о нем в связи с историей женитьбы Герцена. И лишь подстрочное примечание к первой главе книги разъясняет причины этого умолчания:

«Кроме меня, у моего отца был другой сын, лет десять старше меня. Я его всегда любил, но товарищем он мне не мог быть. Лет с двенадцати

* В публикации М. Успенского «Дело о службе А. И. Герцена по ведомству императорского двора» документ об этом назначении «титулярного советника Герцена» ошибочно отнесен к А. И. Герцену («Былое», 1907, № 7, стр. 18).

и до тридцати он провел под ножом хирургов. После ряда истязаний, вынесенных с чрезвычайным мужеством, превратив целое существование в одну перемежающуюся операцию, доктора объявили его болезнь неизлечимой. Здоровье было разрушено; обстоятельства и нрав способствовали окончательно сломать его жизнь. Страницы, в которых я говорю о его уединенном, печальном существовании, выпущены мной; я их не хочу печатать без его согласия» (XII, 21). Страницы эти до сих пор остаются неизвестными; не обнаружены они и в материалах «пражской коллекции», где сохранился только один листок с отрывком, относящимся к этой главе («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 118).

Если Герцен не оставил полного очерка личности Егора Ивановича, то некоторый свет на нее и на отношения между братьями бросают отдельные беглые упоминания и высказывания в письмах Герцена, прежде всего в письмах из ссылки к Н. А. Захарьиной и в ее письмах к нему.

Из письма Н. А. Захарьиной к Герцену в Вятку 26 ноября 1835 г. мы узнаем о том, что Егор Иванович, влюбившись в нее, сделал ей предложение, на которое она ответила отказом (I, 212—213, 227—228 и 304). Чувство, внушенное ею Егору Ивановичу, было, повидимому, довольно длительным. В письме к ней 10 февраля 1838 г. А. И. Герцен касается этой темы и дает объяснение судьбы своего старшего брата, объяснение, которое по праву может быть применено ко всей жизни Егора Ивановича: «Егор Иванович очень несчастен, виноват немного и сам и очень много тот, кто ему дал жизнь. У него не было самобытности, они его задушили с каким-то бесчувствием...» (II, 77).

Пережитое разочарование оставило тяжелый рубец на сердце Егора Ивановича, но не вызвало в нем чувства озлобленности и неприязни к младшему брату, счастливая любовь которого к Наталье Александровне не была для него секретом. Мало того, он обнаружил большую душевную отзывчивость, приняв на себя посредничество в тайной переписке между Герценом и его невестой. Помимо писем, Егор Иванович доставлял Наталье Александровне, находившейся в заточении в доме княгини Хованской, книги, а также рукописные статьи Герцена (I, 440); он же переправлял книги Герцену в ссылку. В феврале 1838 г. Егор Иванович вместе с Кетчером посетил Герцена во Владимире. При нем обсуждались планы женитьбы Герцена, он согласился принять участие в подготовке побега Наташи из дома княгини («Я боялся требовать, чтобы он служил в нашем деле, а он взялся за многое»,—писал ей Герцен 12—14 февраля.— II, 81). О том, как Егор Иванович тайно, под видом слуги, привез брата из Владимира в Москву для свидания с невестой, рассказано в «Былом и думах» (ч. III, гл. XXIII).

К началу сороковых годов относится новое увлечение Егора Ивановича — Екатериной Александровной Захарьиной (сестрой Н. А. Герцен). Но она взяла обратно данное ему слово и вышла замуж за другого. В дневнике Герцена под 9 сентября 1843 г. записано: «Эпизод свадьбы страшен. И что за уродливое и вместе высоко-благородное, поражающее лицо несчастного Егора Ив⟨ановича⟩. В ту минуту, когда их венчали, он, убитый и оскорбленный, читал молитвы об них» (III, 133; см. также: Рейхель, стр. 19—20).

После отъезда Герцена за границу Егор Иванович взял на себя заботы о его имущественных делах, исполнение различных поручений. Через него постоянно присылались деньги матери Н. А. Герцен — Аксинье Ивановне, а также няне Герцена — Вере Артамоновне, через него пересылались письма Г. И. Ключареву. В редких случаях Герцен обращался непосредственно к Егору Ивановичу, но ни одного письма к нему Герцена до нас не дошло. Обычно же связь осуществлялась в первые годы через московских друзей Герцена, а позднее, после его перехода

ца положение эмигранта, через М. К. Рейхель. Когда подросла Тата, она в своих письмах иногда передавала Егору Ивановичу просьбы и поручения отца.

В «пражской коллекции» сохранились письма Е. И. Герцена к М. К. Рейхель, относящиеся к 1852—1881 гг., всего 14 писем (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 268), и одно письмо 1869 г. к Н. А. Герцен (дочери), вторая половина которого обращена непосредственно к Герцену (там же, ед. хр. 244). Документы эти содержат материал для комментирования некоторых писем Герцена. Вместе с тем они позволяют яснее представить облик Егора Ивановича в последние тридцать лет его жизни и правильно понять отношения, сложившиеся у него с братом и его семьей, тем более, что М. К. Рейхель постоянно держала Герцена в курсе своей переписки с Егором Ивановичем, а отдельные его письма пересылала Герцену. Ниже эти письма даются в извлечениях (кроме особо оговоренных случаев). Ценные дополнения к этим материалам содержатся в письмах Т. П. Пассек к М. К. Рейхель, сохранившихся в той же «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 274).

3

Наиболее раннее из сохранившихся писем Е. И. Герцена датировано 21 января/3 〈!〉 февраля 1852 г. Этим письмом Егор Иванович отвечал сразу на три письма своей корреспондентки — от 29/17 октября, от 30/18 ноября 1851 г. и от 27/16 〈!〉 января 1852 г. Во втором из них М. К. Рейхель, только накануне получившая от Герцена известие о трагической гибели Луизы Ивановны, Коли и Шпильмана, сообщала об этом Егору Ивановичу. Значительная часть его ответного письма представляет собою отклик на это сообщение. За многословными, витиеватыми фразами, с характерными перерывами логической связи между мыслями, нетрудно почувствовать искреннюю взволнованность Егора Ивановича, всегда ценившего доброе отношение к нему Луизы Ивановны:

«На второе письмо перо отказывается служить: или много надо писать, или ничего, никак многословием нисколько удара не облегчения 〈!〉, как он ни тяжел, но остается молчать как ошеломленному, потому что само событие красноречивее говорит все. Действительно вы поразили всех без исключения, ко мне всякий день приезжали и приходили для изъявления участия, соболезнования и узнания подробностей, которых я и сам не знаю. Одним словом: ди либе * Луизы Ивановны нет, и все сказано для знавших ее, а у меня сверх того на совести осталось, что я с обычным своим проворством не успел отвечать ни ей, ни Коле, ни племяннице; первым двум, вероятно, не замедлю лично отвечать, но последней придется вам поклониться, потому что я по-немецкому так же далек, как она по-русскому, да притом же я теперь и не знаю, где она живет, а если вы знаете ее адрес и в сношении с нею, то прошу вас благодарить ее за приписку, а я не теряю надежды, что если ей не удалось приехать с Луизой Ивановной, то может с Наташей или с вами. Но каким же родом она с девушкой могла спастись, в наших газетах ни в одних не было о сем случае...».

Письма Егора Ивановича содержат обычно информацию о близких ему людях, судьба которых не могла быть безразличной для Герцена и его семьи. При этом его сообщения не выходят за рамки обычных семейно-бытовых обстоятельств и новостей:

«Дмитрий Иванович изредка бывает у нас; как разумеется, всякий раз интересуется всеми вами и всякий раз поручает вам всякие любезности и почтения; он очень стал опускаться и стареть, хотя и толстеет на вид;

* милой (нем.).

М. К. РЕЙХЕЛЬ (ЭРН)
Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

вероятно, вы и во многих нашли бы большую перемену, разве только один Григорий Иванович ‹Ключарев›, который тоже почтительствует, не покоряется закону природы и наперекор уставу с каждым днем молодеет, и только в виде брани или насмешки можно его признавать за 60-летнего старика. Верушка тоже чинит свои решпекты, она тоже крепко ветшает» (письмо от 21 сентября 1853 г.).

В письмах Егора Ивановича мы находим сообщения о выполненном поручении Герцена, просившего передать деньги Вере Артамоновне, ответ на запрос о состоянии чухломского имения, взятого в опеку.

В письме от 24 февраля 1861 г. он пишет: «Приложенная вами записка, разумеется, тот же час была доставлена по назначению». Умолчание об имени адресата и нарочитая краткость этого сообщения позволяют предположить, что оно касалось передачи какой-то записки, написанной самим Герценом или по его поручению М. К. Рейхель. Если это предположение основательно, то нужно сделать вывод, что посредническая роль Егора Ивановича не всегда ограничивалась имущественными и денежными делами: через него, очевидно, осуществлялась иногда связь Герцена с его русскими друзьями.

«Ваше письмо, адресованное к Марье Ивановне, получено к ней, когда она находилась в предсмертной агонии, а потому она его уже и не слыхала, потому что тот же час и кончила жизнь 7-го августа, а на другой день Фиоза прочла его мне, вместо покойной. 15-го ноября я лишился своей муттер *, а через 9 дней, 24-го, умер Кузьма, и вообще в короткое время я лишился нескольких искренних друзей, например К. И. Гофмана, А. М. Фляг, З. И. Дудинского и проч., и остался почти один в компании, хоть вновь заводись друзьями, поэтому-то хотелось бы и с вами не разрываться. Зато мое домашнее старье не изменяет, например Верушка, 92 лет, вчера приходила просить от нее написать вам свои почтения. Наталья (Костенька), 82 лет, и Карл Иванович, 81-й год,— все трое, как вы их оставили, так находятся и по сию минуту. Все утраты вознаграждает мне Соня; не знаю, чем и как благодарить за нее бога, так она меня утешает, что заставляет забывать все болезни и невзгоды» (письмо от 11 мая 1869 г.).

Егор Иванович извещает свою корреспондентку о смерти Прасковьи Петровны Медведевой (письмо от 24 февраля 1861 г.), Сергея Ивановича Астракова (письмо от 4 апреля 1867 г.), Г. И. Ключарева и известного врача, лечившего семью Герцена — А. А. Альфонского (письмо от 23 илюя 1869 г.). В то же время он с большим вниманием осведомляется о жизни М. К. Рейхель, о ее детях, о ее муже Адольфе Рейхеле, его музыкальных занятиях. Неослабный интерес обнаруживает он и к жизни семьи Герцена; обычно его запросы о них связаны с надеждами на возвращение детей Герцена, а может быть и его самого в Россию: «А что наша крестница ‹Тата Герцен.— *А. Д.*›, кроме того, что рейценд **, будет ли опять у вас или уже нет? Кажется, нет ли уже срока им воротиться, как вы писали, на три или четыре месяца» (21 сентября 1853 г.).

«Не знаете ли что о племяннике и племянницах, как они поживают во Флоренции, не женился ли из них кто или замуж не вышел ли? У вас нет ли каких музыкальных музыкальностей, так поделитесь с нами, грешными. Все вас помнят и все благодарят за вашу об них память и посылают вам свои куры и комплименты ...» (2 апреля 1867 г.).

В своих письмах Егор Иванович связывал обычно вопрос о возвращении детей Герцена в Россию с перспективами получения ими наследства — костромского имения, взятого в опеку после эмиграции Герцена. Не исключено, что настойчивые приглашения Егора Ивановича, уже

* матери (нем.).
** прелестна (нем.)

дошедшего до крайнего разорения, объяснялись не только родственными чувствами, но и надеждами на возможное при этом облегчение его собственного материального положения. Откликом на одно из не дошедших до нас писем Егора Ивановича является шутливый вопрос в письме А. И. Герцена к М. К. Рейхель от 1 января 1867 г.: «Что Ег. Ив.? Кланяйтесь, если будете писать. Что все его обещанные вам и Тате наследства?..» (XIX, 178).

Однако, несмотря на явно ироническое отношение Герцена к перспективам, которые рисовал Егор Иванович, эти письма, несомненно, играли известную роль во все более частом и настойчивом обращении Герцена к мыслям о возможном отъезде его старших детей в Россию. Об этом свидетельствует письмо его к Огареву от 18 октября 1868 г., касающееся задуманной попытки выяснить вопрос о возможности для А. А. Герцена вернуться в Россию и получить работу по своей специальности:

«Мое мнение ⟨...⟩: бросить место, остаться семестр в Берлине и в продолжение этого времени вызондировать, может ли он, как швейцарец, съездить в Россию, а там узнать: может ли он надеяться на место; пока же ехать в Москву к Егору Ив. Может, это и не пришло бы в голову мне, но вместе с письмом Саши прислала Мар. Касп. письмо Ег. Ив., который с величайшим вниманием спрашивает о Тате, Саше и пр., и просит их писать. Вероятно, и смерть Ал. Ал. ⟨Химика.— *А. Д.*⟩ его двинула. При свидании с Сашей он может многое сделать и передать ему» (XXI, 137).

Очевидно, этому именно вопросу было посвящено письмо Герцена Егору Ивановичу, ответ на которое задержался, что вызвало обращение Герцена к М. К. Рейхель в письме 18 июня 1869 г.: «Что вы и ваши, что старшие и дети? Да, главное, напишите о себе и о Егоре Ив. Он мне не отвечал, а сам вызвался на письмо» (XXI, 398). Ожидаемый ответ был написан Егором Ивановичем только 24 июля. Он был отправлен одновременно с письмом к М. К. Рейхель, датированным 23 июля, через И. А. Уманца, с которым он советует Герцену встретиться, чтобы воспользоваться его юридическими знаниями для выяснения возможностей возвращения в Россию. Оба эти письма сохранились в «пражской коллекции». Приводим сначала в выдержках письмо к Рейхель от 23 июля 1869 г.:

«Любезная матушка, кумушка Марья Каспаровна, оба два ваши письма получил в надлежащее время, тотчас не благодарил за них потому, что обыкновенная факторша моих писем занемогла, которая и теперь находится в деревне на подножном корму. Да еще раз пять газеты обнадежива ли на скорое возвращение вас всех сюда, но после разочаровали ⟨...⟩ Это письмо повезет (вероятно, вы его знали прежде: бывши студентом, он жил у Татьяны Петровны) некто Игнатий Алекс. Уманец, хотя он не намеревался быть в Берне; я бы весьма желал, чтобы он увиделся с Сашенькой, они друг друга тоже знают, он мог бы с ним посоветоваться о возможности возвращения, он по своей профессии все законы знает, как свои пять пальцев. Он едет в Биарриц, не поедет ли туда и Сашенька? По незнанию адреса Наташи прилагаю ее письмо к вам, вы скорее ее найдете...».

Егор Иванович указывает в своем письме на газетные сообщения о будто бы имевшемся у Герцена намерении вернуться в Россию, принеся повинную перед русским правительством, и о состоявшейся якобы его беседе по этому вопросу с священником Раевским, бывшим при русском посольстве в Вене. Этот известный эпизод из биографии Герцена был в свое время прокомментирован Лемке (XXI, 321 — 345). Однако Лемке допустил ряд неточностей. По его мнению, «первым источником слухов о переговорах Герцена с свящ. Раевским была „Kölnische Zeitung“, сообщившая об этом в статье „Russland und Polen“ (№ 67)» (XXI. 321—322). И вслед за этим Лемке приводит выдержку из № 44 «Биржевых ведомо-

стей», что создает впечатление, будто бы петербургская газета только повторяла сообщение «Kölnische Zeitung». Между тем, № 44 «Биржевых ведомостей», вышедший 14 февраля 1869 г., почти на десять дней опередил немецкую газету (№ 67 «Kölnische Zeitung» датируется 8 марта, т. е. 24 февраля ст. ст.; та же ошибка и в «хронологической канве» — XXII, 376). При этом, как явствует даже из выдержки, приведенной у Лемке на стр. 322, «Биржевые ведомости» ссылались не на «Kölnische Zeitung», а на сообщение своего варшавского корреспондента, опиравшегося, в свою очередь, на выходивший во Львове польский журнал «Słowianin», который, повидимому, и приходится рассматривать как первоисточник вздорных слухов о Герцене. Упомянутое сообщение появилось впервые в «Биржевых ведомостях», № 34 от 4 февраля. Эту дату и следует считать началом распространения в русской печати сообщений о будто бы предпринятых попытках Герцена вернуться в Россию (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150). Приводим текст этого сообщения, помещенного в конце корреспонденции из Варшавы, датированной 24 января (раздел «Внутренняя жизнь»):

«В последнее время приезжие из-за границы рассказывали, будто бы известный Герцен до такой степени убедился в своих заблуждениях, что очень близок стал к возврату на путь истинный. Я воздержался от передачи вам этого известия до тех пор, пока не прочел в последнем номере „Славянина“, что этот некогда известный выходец, приехав в половине января в Вену, имел какие-то переговоры с состоящим при русском посольстве протоиереем Раевским».

Это сообщение не дало, повидимому, откликов в других русских газетах, и только когда через десять дней, 14 февраля, те же «Биржевые ведомости» опубликовали в разделе «Дневник» подробную статью о Герцене на ту же тему, известие это повторено было многими русскими газетами («Новое время», «Санктпетербургские ведомости», «Колос», «Московские ведомости» и др.). Прочтя впервые об этих слухах, Егор Иванович, конечно, должен был с напряженным вниманием разыскивать все остальные сообщения в надежде найти в них новые подтверждения приятного для него известия. Сам он, как мы видели выше, говорит, что «раз пять газеты обнадеживали на скорое возвращение». И, конечно, чувство горького разочарования вызвали в нем последовавшие за тем опровержения, печатавшиеся в разных газетах, в том числе и в «Московских ведомостях» *.

Пережитые надежды и последующее разочарование заставили Егора Ивановича обратиться с письмом не только к Тате, но и к самому Герцену, чтобы высказать ему свое огорчение и попытаться убедить его пересмотреть этот вопрос:

Москва. Июля 24-го 1869 года

Милая Наташа!

Твое письмо получил аккуратно; тотчас не благодарил тебя по вышеречennой причине: понеже ждал вас самих, но как богу не изволившу

* «Московские ведомости» на протяжении февраля — марта пять раз возвращались к этой теме: 1) 16 февраля, № 39 — перепечатка большей части статьи из № 44 «Биржевых ведомостей»; 2) 28 февраля, № 47 — сообщение со ссылкой на «С.-Петербургские ведомости» о том, что газетные известия о беседе Герцена с Раевским не подтверждаются; здесь же о просьбе Герцена-сына разрешить ему приезд в Россию на короткое время; 3) 12 марта, № 55 — перепечатка из номера «Кельнской газеты» от 18 марта выдержки из письма Герцена, в котором он категорически опровергает распространившиеся слухи; 4) 16 марта, № 59 — перепечатка письма Герцена в редакцию «Биржевых ведомостей» (текст письма см. XXI, 333—334); 5) 18 марта, № 60 — заметка на основе статьи в № 73 «Биржевых ведомостей»; в этой заметке приведено заявление А. А. Герцена русскому правительству о том, «что во время своего пребывания в России он не изменит убеждениям своего отца, хотя и не будет их пропагандировать». См. также в настоящем томе, стр. 825, о газетных вырезках на эту тему, бывших у Герцена.

гому исполниться, то и ждал оказии, которой и дождался ⟨...⟩; если не ришлось папаше и Саше сюда приехать, то что бы тебе с Марьей Каспаовной сюда приехать для окончательного устройства дел по вашему менью; для этого нужно только доверенность от Саши, потому что, роме его и тебя, третье лицо в этом деле не имеет никакого права. е обженились ли ты или Оля и кто за кого именно? Напиши по имени, гчеству и фамилию, а если еще нет, то приезжай и выходи за соотечественника. Здесь один господин по уши влюбился в твою копию, что же будет,

ДОМ № 17 В МАЛОМ ВЛАСЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Е. И. ГЕРЦЕНУ

Фотография 1912 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

когда он увидит оригинал! а именно сей господин есть Ленгард Петрович Видерман фон Барановский; он даже согласен, в случае твоего приезда, ехать по вашим делам в Костромскую губернию, так как он юрист ⟨...⟩

Любезнейший Сашенька!

Приписку твою получил, ждал случая, чтобы отвечать тебе. В малых строках нельзя объяснить, что́ бы желалось; понимаю твое незавидное положение быть заблудшей овцой и не пристать ни к одному стаду! Кажется бы, для блага детей, можно бы погнуть рог гордыни; ты бы какими-нибудь средствами устроил костромские дела, а там бы и действовал как знал. На костромское именье имеют право только два лица: Саша и Наташа, никакое третье лицо никаких прав не имеет, и потому, если, бы Саша дал доверенность Наташе, которая если бы могла приехать с Марьей

Каспаровной и продать именье, в котором, вероятно, вы не расчитываете жить и им пользоваться. А там, если имеет антипатию к отечеству и злобу против родины, там и кажи шиши из-за угла. Больно было читать в газетах твое опровержение, что ты не заявлял отцу Раевскому твое желание возвратиться на родину, равно смешно было читать Сашины условия, на которых он просил въезда в Россию; как то, так и другое лучше, если бы не было. Неужели на шестом десятке лет ты еще находишь удовольствие быть в такой обстановке? В эти двадцать два года много изменилось, и никто не скажет, что к худшему. 19-е февраля кончится навсегда названием временно-обязанного, судопроизводство и судоустройство на манер всей Западной Европы, открытое, публичное. Лица, к которым у тебя почему-то не лежала душа, сошли со сцены в могилу, новое поколение заменяет их места с более современными взглядами, какого же тебе еще рожна? Это письмо везет едущий в Биарриц студентом бывши живший у Тани, Игнатий Алексеевич Уманец, ныне коллежский советник, присяжный поверенный, весьма шустрый во всех юридических делах, хотя в университете он шел по естественному факультету; которого ты знал и о котором даже упоминаешь в своих сочинениях. Я бы очень желал, чтобы вы где-нибудь свиделись, не придумали ли бы вы какого-нибудь выхода из настоящего ненормального, тягостного положения. Не зная твоего настоящего адреса, сладит ли Марья Каспаровна вас свести; я предполагаю, с своей точки зрения, настоящая твоя роль гораздо незавидна. Быть может, ты отвык от подобного тона, вероятно тебе ни Гарибальди, ни Маццини таких нравоучений не читали; согласись сам, не могу же я теми же глазами смотреть и быть всем доволен. Нравится тебе это или нет, но я бы желал иного положения для твоей пользы. Довольно сказать, что букет твой побледнел, что мы видим и в печати. Неужели ты до сих пор считаешь еще себя Мессией и реформатором? Кто тебя посылал, кто тебе давал доверенность? Во время оно я получил секретно от полиции, что ты Государственным советом объявлен государственным преступником, изгнанием навсегда из отечества с лишением всех прав и с передачею всего твоего оставшегося состояния твоим законным наследникам, о которых у меня спрашивалось, кто такие. И при оном была уже заготовлена записка для моего подписания, где было сказано, что законными наследниками состою я, Егор Герцен, и дети Александра Герцена. Само собою разумеется, что я этой записки не подписал, а написал другую, где себя выпустил, а показал твоих жену и детей. Если бы и ты нашел случай отвечать не по почте, было бы лучше. Затем крепко тебя обнимаю, прошу, поделись, если что промыслишь. Остаюсь твой друг и брат.

Е. Герцен

Письмо Егора Ивановича вводит новую деталь в историю лишения «государственного преступника» А. И. Герцена принадлежавшего ему в России имущества, а именно — факт секретного затребования сведений о наследниках Герцена от Егора Ивановича и факт его отказа назвать в числе наследников себя самого. Из этого письма становится ясным, почему Егор Иванович неоднократно и с полной уверенностью утверждал, что только дети Герцена имеют право на костромское именье. Однако при этом он не учитывал, что уже в 1863 г. именье, как выморочное, было изъято из ведения местной дворянской опеки, в результате чего наследники Герцена потеряли свои права на него.

Вместе с тем публикуемое письмо раскрывает новые черты в облике Егора Ивановича и дает возможность понять, каковы же были отношения, сложившиеся между обоими братьями. Наивно-обывательские суждения его автора о происшедших в России за последние двадцать лет переменах,

крайне примитивное объяснение мотивов, заставляющих Герцена оставаться за границей,— все это, в соединении с назидательным, поучающим тоном всего письма, не могло не вызвать у Герцена раздражения. Надо думать, что общение братьев между собой и тогда, когда оно было непосредственным, и позднее, когда оно изредка возобновлялось в переписке, обычно имело результатом взаимное неудовольствие и все более обостряющееся отчуждение. Именно эти мотивы звучат нередко в письмах Герцена, когда он упоминает о своем брате. Так, еще 30 июля 1858 г. он пишет Рейхель:

«В России дела идут безмерно дурно, и, в сущности, все так же мало изменилось, как Егор Иванович (которого письмо вкусил, как следует)» (IX, 277).

Еще резче он выразился в письме к ней же от 13 мая 1867 г.: «И из Ег. Ив. письма, словно из подвала, так и хватило мразью» (XIX, 310). А письмо от 9 октября 1869 г. заключается такими словами: «Не хотите ли съездить с Татой к Егору Ивановичу? Привезите его сюда, только в другой город, а то мы через пять дней надоедим друг другу» (XXI, 501).

К этому следует присоединить и строки из письма к Огареву от 10 ноября 1869 г., которые, возможно, являются откликом на приведенное выше письмо Егора Ивановича: «Письмо Егора Ивановича — жасмин с розой. Вот тебе прочность глупости, и при этом он считает себя серьезным человеком» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 439).

Сказанное об их отношениях можно иллюстрировать еще одним любопытным эпизодом. В 1855 г., когда в Париже открылась всемирная выставка, Егор Иванович, ожидавший присылки от брата через М. К. Рейхель денег, загорелся желанием получить вместо денег какой-нибудь необыкновенный подарок с выставки, который он мог бы с выгодой продать в Москве, похвастав предварительно редкостью перед своими друзьями. Сначала он просил купить для него «контр-бомбардон», о котором он прочитал в газетных описаниях выставки («контр-бомбардон»— труба увеличенного размера, способная издавать звуки более низкие, чем обычная басовая труба). Однако вскоре желания его изменились, и 22 августа 1855 г. он писал Рейхель: «...если на выставке попадется хорошая зрительная труба, то я бы попросил купить ее; хорошею я подразумеваю не по внешней отделке или украшениям, но по внутреннему достоинству, т. е. чем дальше в нее видно, тем она и лучше (или так называемый телескоп). Если такового не окажется в эту сумму или за покупкою останется, то хоть не мудрый, но посильнее увеличивающий микроскоп. Если же на мое счастье на выставке и того не придется в цену, то я видел здесь у одного мастера выписная коллекция, математически выверенная, камертонов двенадцать штук от A и до A_1, то если таковая найдется на выставке, то хоть это купить».

Эта просьба Егора Ивановича, как и предыдущее его пожелание, была доведена до сведения Герцена. 20 сентября он иронически откликнулся на нее: «Ну, телескоп-то все умнее контр-гросс-бомбардона. Деньги пришлю» (VIII, 230). Но денег он не послал, а взялся сам за покупку зрительной трубы, справедливо рассудив, что у прославленных лондонских мастеров он сможет разыскать инструмент наилучшего качества. В течение ближайших месяцев телескоп был найден и подготовлен к отправке в Москву через Брюссель, так как из-за войны отправка непосредственно из Лондона была невозможна (VIII, 231—232, 238, 243, 250). В феврале 1856 г. Рейхель переслала в Лондон очередное письмо Егора Ивановича, вызвавшее бурный отклик со стороны Герцена в ответе от 1 марта:

«Сделайте одолжение, отошлите Егору Ивановичу 1000 фр., взяв их у Рот‹шильда›, или просто сказав Шомбургу, куда послать. Напишите,

что я его письмо прочел „с сожалением и с удивлением", что благодарю за ссуду и прошу излишние франки отдать Вере Артамоновне. Я вам никак не советую тоже нежничать в письме. Таких людей ни разлука, ни лета, ничего не исправляет, а потому советую и даже прошу написать очень холодное письмо, причем можете, впрочем, заметить, что телескоп с *лондонской выставки*, что на нем и было награвировано (мне его легко оставить, потому что он еще у мастера), и что одни провинциалы воображают, что на парижской или какой-нибудь выставке вещи лучше. Затем поклонитесь от меня и от детей Вере Артамоновне; а Ег. Ив. не кланяйтесь» (VIII, 264—265).

Последнее упоминание о телескопе находим в письме Герцена от 23 июня 1856 г.:

«...пошлите или сами съездите к Шевалье на Pont Neuf — человек он знаменитый; купите телескоп фр. в 400, он его уложит, а может и возьмется отослать. Что же касается до меня, черкните Егору Ив., что я считаю себя далеко не способным исполнять такие трудные поручения, за которые приходится через годы молчания выслушивать колкости. Я тоже стал стар» (VIII, 319).

Заметим, кстати, что курьезная история с «контр-бомбардоном» попала на страницы романа И. С. Тургенева «Накануне», где сообщается об Уваре Ивановиче, что он «прочел в газетах о новом инструменте на всемирной лондонской выставке: „контробомбардоне" и пожелал выписать себе этот инструмент». Можно не сомневаться, что Тургенев воспользовался здесь фактом, услышанным им от самого Герцена.

В свете всего изложенного можно объяснить, почему Герцен не напечатал в «Былом и думах» написанную им главу о Егоре Ивановиче. Воссоздавая его образ, Герцен не мог не выразить своего критического к нему отношения. Нежелание обидеть Егора Ивановича и заставило Герцена отказаться от публикации этой главы. Правда, он поместил в «Былом и думах» ряд беспощадных по резкости очерков бывших своих московских друзей, не побоявшись обиды с их стороны. Но в этом случае Герценом руководило ясное сознание общественно-политического значения его разрыва с друзьями юности. Отношения же его с Егором Ивановичем были делом семейным.

4

Конец жизни Е. И. Герцена был омрачен несчастиями: в начале шестидесятых годов он стал терять зрение и вскоре ослеп; к этому времени он совершенно разорился и впал в крайнюю нужду. В письме к Тате Герцен от 24 июля 1869 г. он писал: «Ты меня спрашиваешь обо мне? Я далеко не тот молодец, каким ты меня оставила, я износился до дыр и ослеп как макура». М. К. Рейхель заключает страницы своих воспоминаний, посвященные Егору Ивановичу, следующими словами: «Бедный Егор Иванович,— много тяжелого выпало ему на долю, как будто для этого он только и был предназначен! Живя долго в зависимости и имея мало общения с людьми, он не выработал себе ни самостоятельного характера, ни знания людей. После смерти отца он получил наследство и независимое положение, но не мог уберечь ни того, ни другого. Сам простой во вкусах, он тратил в угоду хорошеньким женщинам, которые, конечно, пользовались его щедростью и помогали сорить деньгами, пока у него ничего не осталось. Все это случилось, когда брат Александр был уже за границей, и некому было остановить его. Подконец он ослеп и умер в бедности, пережив несколькими годами своего брата» (Рейхель, стр. 20).

Начиная с 1859 г. в письмах Егора Ивановича появляются жалобы на подоспевшую старость и болезни. 24 февраля 1861 г. он в первый

раз пишет о том, что слепнет, а уже в 1867 г. он потерял зрение настолько, что «не только не узнает сидящего, но даже и присутствия его не видит» (письмо от 2 апреля 1867 г., л. 23 об.). К этому времени уже значительно расстроились и его имущественные дела — надвигалось разорение, приведшее его к крайней нищете, на которую он постоянно жалуется в письмах последних лет жизни.

О разорении Егора Ивановича Герцен узнал незадолго до своей смерти от Рейхель. В письме к ней от 9 октября 1869 г. он писал: «Любезная Марья Каспаровна, Тата переслала мне ваше письмо. Я едва могу верить тому, что там сказано о Егоре Ивановиче. Как же он растратил свои дома, зачем их закладывал? Это из рук вон. Что я могу тут сделать? Послать тысячу, другую фр⟨анков⟩?» (XXI, 500). Ответ на эти недоуменные вопросы дают письма Т. П. Пассек к М. К. Рейхель, также сохранившиеся в «пражской коллекции». Т. П. Пассек, приезжая изредка в Москву, навещала Егора Ивановича и в своих письмах к Рейхель рассказывала об обстоятельствах, приведших его к нищете, и характеризовала его бедственное положение. 23 октября 1872 г. она сообщала, что летом провела два месяца в Москве. где виделась с Егором Ивановичем:

«У Егора Ивановича я бывала очень часто, и ко мне Соня, моя крестница, часто приходила. Они нанимают маленькую квартиру во флигеле у Успения на Могильцах и терпят нужду, до того, что нередко рубля нет в доме. Егор Иванович совсем слепой, сидит целый день на диване в крошечной комнате — душной — ничего не делает — в скуке, утром ему читают полицейский листок — а там один весь день. Рад бывал мне чрезвычайно. Я проводила у него целый день с ним, вспоминая прошедшее и рассказывая, что слышно нового. Простился со мною с горем. Все он продал — и все еще в долгу. Кажется, у него останется до 4000 всего состояния, и то еще неверно ⟨...⟩ Егора Ивановича дома все проданы— и всё за долги ушло за проценты. Помогла этому разорению Зенеида Николаевна Голохвастова*, да теперь к нему и глаз не кажет, — и все, кто во время его хороших средств у него бывали, теперь забыли о его существовании».

Последние несколько тысяч Егор Иванович отдал в долг некоей кн. Гагариной, соблазнившись обещанными ею процентами. Но Гагарина, запутавшись в долгах, уехала за границу, и обещанные деньги пропали.

Посильную помощь старику оказывала Т. П. Пассек, сама находившаяся постоянно в стесненных обстоятельствах. Время от времени присылала ему деньги Тата, но всего этого было недостаточно. Письма последних лет полны просьбами замолвить за него слово перед Татой, передать ей благодарность за помощь, и тут же новые просьбы о деньгах.

В последнем из дошедших до нас писем Егора Ивановича, датированном 20 декабря 1881 г., он писал:

«Добрейшая кумушка моя Марья Каспаровна!

В двукратную поездку Тани за границу я просил ее узнать о всех вас, заграничных, но сведений никаких не получал. В сентябре писал к Наташе, но ответа до сих пор не имею. Очень бы желал знать о всех вас; хоть вы, будьте так добры, известить меня как о себе, так и моих племянниках. Вы, вероятно, считаете меня давно умершим, а я хоть еще еле дышу, а жив, и при конце жизни желал бы знать о всех вас. О себе много рассказывать нечего. Живу с Софьей Петровной и с Соней с помощью добрых людей. Попрежнему нуждаюсь...»

Через десять месяцев с небольшим Егор Иванович Герцен умер и был похоронен на средства церковно-приходского попечительства на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом со своим отцом.

* Дочь Н. П. Голохвастова.

ПИСЬМА М. Ф. КОРШ

Публикация Н. П. Анциферова

Большая пачка писем Марии Федоровны *Корш* (1808—1883) к ее другу Марии Каспаровне Рейхель, находящаяся в «пражской коллекции», содержит 99 листов и охватывает время от 1847 до 1870 г. (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 273). Многие из этих писем сохранились в неполном виде; среди них есть и письма Е. К. Станкевич (жены А. В. Станкевича), сопровождавшей М. Ф. Корш в ее путешествии по странам Западной Европы в конце пятидесятых годов. Письма обычно датированы лишь месяцами и днями. Годы нигде не указаны. Мы публикуем отрывки некоторых писем, так или иначе относящиеся к Герцену.

Наибольший интерес представляют письма пятидесятых — начала шестидесятых годов. Они освещают ряд эпизодов из истории конфликта между Герценом и его московскими друзьями, наметившегося еще в 1846 г. и завершившегося к шестидесятым годам окончательным разрывом. В письмах этого периода М. Ф. Корш пыталась через М. К. Рейхель склонить Герцена к более умеренной позиции, смягчить нападки на царя и его окружение. В публикуемых письмах отражен также неослабевающий интерес их автора к частной жизни Герцена, в них — характерные отзвуки тех недоброжелательных слухов, которые ходили в кругу М. Ф. Корш о семейной жизни былого друга.

Мария Федоровна Корш, сестра Евгения Федоровича Корша, была несколькими годами старше других членов московского кружка 40-х годов и заняла в нем особое место — старшей заботливой сестры. Хромая, с неудавшейся личной жизнью, она с горечью называла себя «приживалкой». Со страстью привязывалась она к людям, хотя в письмах отрекалась от этого «романтизма», утверждая, что «слишком опираться на личность» значит «рисковать страшно ушибиться» (см. настоящий том, стр. 385).

На жизненном пути Герцена Мария Федоровна занимала скромное место, но все же обойти ее, изучая биографию Герцена, нельзя. Герцен и его жена дорожили ее дружбой. Собираясь в заграничное путешествие, они пригласили с собой не ближайшего друга Натальи Александровны, Т. А. Астракову, а Марию Федоровну.

Друзья Герцена высоко ценили эту умную женщину. Так, Грановский писал ей в начале 1849 г.: «Между друзьями, конечно, одно из первых мест принадлежит вам» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 320). В 1852 г. Грановский писал ей: «А вас я крепко люблю и в тяжелые дни часто звал мыслию...» (там же, стр. 321).

Белинский сообщал жене 22—23 июля 1847 г. о теплом приеме его в семье Герцена: «Там все были так рады нам, особенно эта добрейшая Марья Федоровна Корш» (Белинский. Письма, т. III. 1914, СПб., стр. 248). С особым вниманием к роли М. Ф. Корш в семье Герцена отнесся П. В. Анненков, к которому адресовано процитированное здесь письмо Белинского. Он называл ее «живым напоминанием» о недавно покинутой ими Москве. «В образе М. Ф. Корш стояла перед Герценом олицетворенная элегия с горячими симпатиями к прошлому» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 512—515). Писавший свои воспоминания много позже, Анненков ретроспективно оценил роль М. Ф. Корш как одного из звеньев, связывавших Герцена с кругом его былых друзей в Москве. Он верно почувствовал, что она тянула Герцена к прошлому этапу, уже пройденному и им и его женой. В этой семье, по словам Анненкова, «она становилась каким-то анахронизмом» (там же, стр. 512).

М. Ф. КОРШ

Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г.; из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

М. К. Рейхель особенно сблизилась с М. Ф. Корш в Париже. Их дружбе содействовала общая привязанность к детям Герцена, которая звучит такой ясной нотой в публикуемых письмах. М. К. Рейхель называет в своих воспоминаниях М. Ф. Корш «страстной, любящей натурой, лишенной личного счастья» и говорит о своих чувствах к ней: «...я привязалась к ней всем сердцем и пользовалась ее дружбой до конца ее жизни, последние годы уже в долгой и дальней разлуке, — она в России, я за границей» (М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 35).

Им обеим хотелось делать одно общее дело: быть полезными Герцену, служить ему связью с родиной. Но они по-разному понимали эту задачу. М. К. Рейхель, «парижская сестра», как называл ее Герцен, была его верным, преданным другом и помощником в деле налаживания связей с его корреспондентами в России. М. Ф. Корш, также выполнявшая различные поручения Герцена, бывшая его «московским архивариусом», вместе с тем стремилась активно воздействовать на него, чтобы сблизить его с лагерем либералов. При этом, с одной стороны, сообщая о растущем влиянии «Колокола», она устрашала Герцена возможностью падения этого влияния, если он не откажется от «крайностей», а с другой стороны, пробуждала в нем дорогие ему воспоминания о последних годах его жизни, проведенных в родной Москве. Так, в отличие от М. К. Рейхель, она понимала свою миссию, внося в ее выполнение много душевных сил.

* * *

Первые из публикуемых ниже писем относятся к 1847—1848 гг. —к тому времени, когда М. Ф. Корш, сопровождая семью Герцена, жила в Париже, а потом путешествовала по Италии. Наибольший интерес представляют два письма. Первое, без даты, написано из Парижа, перед отъездом в Италию, который состоялся 21 октября 1847 г. М. К. Рейхель в это время находилась в Швейцарии. «Продолжаем собираться в Италию... Ну-с, слышала „Дон Жуана". Очень было хорошо, а в особенности удовлетворил нас Lablache[1]. Он и певец, и музыкант, и актер чудесный. Обидно, очень обидно, что вас не было с нами. Завтра опять „Дон Жуан", и Александр Иванович опять возьмет нас. Вообще в последнее время мы загуляли. Были в St.-Cloud[2], в St.-Germain[3], в Hôtel Clunie[4], собираемся в Лувр с Натальей Александровной <...>» (л. 54). К этому письму сделал приписку Герцен, обращаясь к своей матери (см. т. 64 «Лит. наследства», печатается).

Второе письмо также не датировано. Его можно отнести к 5 или 6 января 1848 г. Оно послано из Рима в Швейцарию: «...Ну, матушка моя, ай да сицилийцы! Неужели вы не поедете в Палермо?[5] Здесь дня три тому назад народ очень шумел на Корсо и на Place de Peuple[6]. Требовали перемены министерства, и сенатор Корсини объявил от имени Пиюшки[7], что все будет сделано в течение одной недели. Они хотят, чтобы кардиналы не вмешивались более в гражданские дела, а занимались бы только церковными...» (л. 61а об.).

М. Ф. Корш со всей семьей Герцена разделяла симпатии к итальянскому народу, поднявшемуся на борьбу за освобождение своей родины от ее угнетателей. В «Былом и думах» (глава «Сон») Герцен описывал «бесчисленный народ, мешавший с криками войны и проклятиями иезуитам громкое „Evviva le donne forestiere!"*» (XIII, 300). Среди этих женщин, осененных знаменем Италии, была и М. Ф. Корш. Описанные события происходили 22 марта 1848 г., за два дня до объявления Пьемонтом войны Австрии.

---

* Да здравствуют дамы-иностранки! (итал.).

М. Ф. Корш покинула семью Герцена для возвращения на родину вместе с Тучковыми в августе 1848 г. Н. А. Герцен по этому поводу писала Грановскому: «Вы увидите Марию Федоровну, мне ужасно жаль, что она уезжает от нас; вижу всю необходимость, верю логичности ее возвращения, и все-таки оно мне кажется нелепым. Она расскажет вам о нас, если не все, так много, — всего и сам не расскажешь» (см. настоящий том, стр. 380). Это письмо свидетельствует о том, как дорожили в семье Герцена добрыми отношениями с М. Ф. Корш.

17 марта 1849 г., по возвращении на родину, Мария Федоровна писала М. К. Рейхель, вспоминая свою жизнь в семье Герцена:

«*вдруг подали мне ваше письмо... Я начала читать, и с первых строк мне стало лучше, теплее, ожила в глазах Италия, Париж, Лувр с его Венерой [8]; мне так живо представилось, как мы с вами ходили по галереям. Наслаждайтесь, пока возможно, всем, чем возможно: людьми, природой, картинами, статуями, музыкой, хватайте все обеими руками, пока есть настолько свежести в душе, что еще можно наслаждаться. Потому что все пройдет, Микасина [9], и душа устанет, — хорошо, если из многих *идолов* останется у вас горсточка *людей*, которых вы будете любить потихоньку, без больших требований, довольствуясь мыслью, что они вас совсем не покинут, иногда покажут вам участие, и этого уж много» (л. 92).

После трагедии в семье Герцена (гибель матери и сына, смерть жены) Мария Федоровна, озабоченная его судьбой, выражала пожелание, чтобы Герцен и оставшиеся в живых дети объединились с семьей Рейхель. Письмо из Москвы, без даты и без начала, относится, вероятно, к концу мая или началу июня 1852 г.:

«...Бедный милый Ал⟨ександр⟩. Как бы хорошо жить вам с ним. Неужели этого не будет? ⟨...⟩ Напишите подробно о себе и о Ал⟨ександре⟩; Тате моей милой напомните обо мне, когда ее увидите; мне бы не хотелось, чтобы она меня совсем забыла; знаю, что это глупость, да что прикажете делать!» (л. 94 об.).

После этого письма имя эмигранта Герцена надолго исчезает из писем М. Ф. Корш. В письме от 23 октября, относящемся к 1853 г. и написанном из Петербурга, она делится с Рейхель своими впечатлениями о беседе с М. С. Щепкиным, после его возвращения из Лондона, где он провел с Герценом четыре дня, с 3 по 6 сентября:

«...Михаил Семенович привез нам грустные вести о нашем *друге*, его внутреннее состояние, должно быть, ужасно. Видно, что несчастная семейная драма растерзала его душу. Что-то и как будет с ним? Во всех отношениях хорошо бы было ему хоть на два года уехать в Америку: это бы освежило его, а главное, он бы вырвался из теперешней среды. Из письма его видно, что он глубоко презирает людей, которыми теперь окружен, а между тем не может вырваться из этой шайки. Пожмите ему руку, Микасина, и скажите, что друзья его много и много его любят и разделяют все его горести» (л. 62 об. и 63).

Герцен, вспоминая беседу со своим старым другом М. С. Щепкиным, приводил его слова: «Я говорю за одного себя и прямо скажу: по-моему, поезжай в Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года через два-три мы начнем работать, чтоб тебе разрешили въезд в Россию» (XVI, 507).

Однако ясно, что Щепкин выражал не только свое мнение. Он был рупором определенного политического круга, к которому принадлежала и М. Ф. Корш вместе со своим братом. И ее письмо тоже было продиктовано общим стремлением «московских друзей» убедить Герцена отказаться от

* Начало письма не сохранилось.

революционной пропаганды, прекратить деятельность Вольной русской типографии, стремлением направить его на либерально-реформистский путь. М. Ф. Корш повторяет совет Щепкина ехать в Америку, но не решается прямо назвать цель, ради которой это необходимо сделать («ничего не пиши, дай себя забыть»). Зная из письма Герцена к друзьям (от 2 сентября 1853 г.) о горьком разочаровании Герцена в деятелях революционной эмиграции, среди которых он находился в Лондоне (см. текст этого письма в книге: «А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 77—78), М. Ф. Корш видит для него выход в том, чтобы «вырваться из этой шайки» и искать опору в единении со старыми друзьями. Любовь к ним действительно еще была сильна в душе Герцена, но встреча со Щепкиным заставила его мужественно заявить: «Да, мы если не расходимся, то разводимся обстоятельствами дальше и дальше» (письмо к друзьям от 5 сентября 1853 г.— Там же, стр. 80).

Вспоминая позднее свидание со Щепкиным, Герцен писал, что в его словах он услышал «звуки московского консерватизма». Эти же звуки определили основной тон приведенного отрывка из письма М. Ф. Корш.

Весной 1856 г. Мария Федоровна с больной женой Грановского и доктором П. Л. Пикулиным выехала за границу, о чем Герцен 27 мая извещал М. К. Рейхель (VIII, 304). Корш долгое время не решалась писать к Герцену, поддерживая связь только с М. К. Рейхель, через которую сведения о ней доходили и до Герцена. Долгое молчание Корш вызвало вопрос с его стороны в письме к Рейхель от 16 августа: «Да отчего же Мар⟨ия⟩ Фед⟨оровна⟩ не пишет ко мне? здесь не опасно» (VIII, 325).

Это положило конец ее колебаниям. Вскоре Мария Федоровна написала Герцену, о чем она и сообщила Рейхель из Крейцнаха, в письме, датированном «30-го. Середа» *:

«Я написала Александру Ивановичу, потому что мне хотелось ему написать и потому что, если б я была на его месте, то мне было бы больно, если бы он не написал мне, приехав за границу. Вы в этот раз не говорили мне, как в прошлый, что надо ему написать, а потому у меня и два и три на уме, хорошо ли я это сделала. Но, впрочем, если он и переменился ко мне, то я все так же люблю его. Напишите откровенно, что вы об этом думаете. Как тяжело быть поставлену с близкими людьми в такое отношение, как будто чего-то опасаешься, а между тем, что прикажете делать — устроилось это так, да и все тут» (лл. 52 об.—53).

Упомянутое М. Ф. Корш письмо ее к Герцену до нас не дошло, как не дошел и ответ на него Герцена, который, вероятно, не мог скрыть недовольства тем, что она, зараженная страхами «московских друзей», так долго опасалась писать ему. Об этом ответе Герцена она сообщала Рейхель в письме от 11 сентября (1856 г.) из Баден-Бадена:

«Ал⟨ександру⟩ я писала и получила от него ответ, который, скажу вам откровенно, показался мне таким холодным и сдержанным, что сделал на меня очень тяжелое впечатление. Вообще видно, что присутствие Ог⟨аре⟩вых неблаготворно действует на отношения Ал⟨ександра⟩ к его русским друзьям. Я собираюсь писать ему и скажу откровенно, каким я нашла его письмо.

Сочинений его я не могла взять у Дмитрия Михайловича[10], потому что уже он уехал отсюда, когда я получила ваше письмо. Вторую часть „По-

* В 1856 г. тридцатое число по старому стилю приходилось на среду только в мае. Однако письмо не может быть отнесено к этому месяцу, так как Герцен до 16 августа даже не знал, где находится Корш. Остается предположить, что она ошиблась в обозначении дня: 30 августа 1856 г. был четверг. При допущении, что она датировала письмо по новому стилю, его пришлось бы отнести к июлю, что также не согласуется с приведенными выше письмами Герцена.

лярной звезды“[11] прочла от доски до доски и с большим наслаждением читала „Былое и думы“ — я в этом видела Герцена... Часто хохотала и плакала. В Париже я куплю первую часть „Полярной звезды“ и „Прерванные рассказы“. Ал⟨ександр⟩ мне предлагает прислать чего у меня нет или, лучше сказать, чего я не читала; но не стоит ему доставлять эти хлопоты» (лл. 31—32 об.).

Герцен был огорчен тем, что Мария Федоровна нашла его письмо холодным. Он писал 23 сентября М. К. Рейхель: «Не в Париже ли Марья Федоровна и Лизавета Богдановна? Если так, то передайте им обеим...

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Акварель Сократа Воробьева, 1852 г.
Третьяковская галерея, Москва

что вы думаете? Строжайший выговор за их последнее письмо; я не пишу прямо, потому что не знаю, дойдет ли письмо. В самом деле, мне было больно и очень, что Марья Федоровна нашла мое письмо холодным, не экспансивным ⟨...⟩ Разумеется, Москва для меня утратила половину своего значения с тех пор, как Огарев здесь, а Грановск⟨ий⟩ в могиле. Остается один Корш; с Кетчером мы были бы опять на ножах через день; с другими я далеко расхожусь во всем» (VIII, 338). Несмотря на эти горькие признания, Герцен в то время не сделал еще окончательных выводов.

Когда он погружался в свое «Былое», в его душе оживала привязанность к друзьям юности.

Летом 1857 г. М. Ф. Корш встретилась с Герценом в Лондоне. Пробыла она там со 2 по 6 июня. С ней Герцен отправил письмо москвичам, помеченное 4 июня: «Пишу к вам, друзья, только для того, чтоб сказать, что я жив, что разлука не ослабила мою любовь к вам, что наше молчание не стерло ничего из памяти того светлого времени первой и второй юности, которое мы провели вместе. Остальное узнаете в рассказе Марии Федоровны, — ее приезд мне чрезвычайно важен: вы все приблизились с нею» (VIII, 513—514). А несколькими днями позднее он писал Н. М. Щепкину: «Приезд Марии Федоровны размосквил меня (я не знаю, можно ли это сказать, но чувствовать можно)» (VIII, 518).

М. Ф. Корш и в дальнейшем продолжала поддерживать связь с Герценом. Она рекомендовала ему ехавших за границу русских, которых привлекала встреча с «лондонским изгнанником» и которые могли, по ее мнению, заинтересовать его своими рассказами о русской жизни. 24 июня/6 июля 1857 г. она писала М. К. Рейхель:

«Письмецо это передаст вам профессор Казанского университета Николай Никитич Булич[12], наш добрый приятель и весьма милый и благонадежный человек. Приласкайте его, моя голубушка, Макасина, и дайте ему адрес нашего друга — он может многое порассказать ему» (л. 25).

Это письмо дает возможность установить, о ком писал Герцен Марии Федоровне 22 июля 1858 г.: «Здесь ваш казанский знакомый〈...〉 Я очень доволен его приездом. Между прочим, он привез мне не только письмы, бывшие у Ел〈ены〉 К〈онстантиновны〉, но кипу наших бумаг и писем от 38 до 46 года» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 83).

Какие имел в виду Герцен «бумаги» и «письма», из-за отсутствия необходимых данных выяснить не удалось. Можно, однако, предполагать, что среди привезенных из России рукописей находились и те владимирские и московские письма Герцена к семье Астраковых, которые оказались затем в заграничной части герценовского архива (см. публикацию этих писем в следующем томе «Лит. наследства»). Комментируя письмо Герцена, Н. М. Мендельсон высказал предположение, что «казанский знакомый» — псевдоним (подобно тому, как Пикулина Герцен по соображениям конспирации называл «Венским»; Мендельсон думал, что под этим псевдонимом мог скрываться А. Н. Пыпин, ездивший в Лондон в 1858 г. и начинавший свои университетские годы в Казани). Публикуемое письмо дает ответ: «казанским знакомым» был Н. Н. Булич. Следует также исправить предложенную Мендельсоном датировку — 1858 на 1857 г.

14 ноября 1857 г. Корш писала из Рима:

«...Вы порадовали меня тем, что Ал〈ександр〉 велел меня пожурить; это лучше молчания, а я боялась, что он совсем на меня осердился за письмо мое. Вы, Макасина, пожалуйста, пришлите мне с кем-нибудь его сочинения, ведь это для меня наслаждение будет» (л. 82).

Письмо кончается сопоставлением Рима 1857 г. с Римом 1847—1848 гг., когда М. Ф. Корш была там с семьей Герцена, разделяя его отношение к тогдашним событиям. И теперь все симпатии ее на стороне Рима, каким он был десять лет тому назад, так как ей дороги воспоминания тех лет: «Живем мы между Corso и Place d'Espagne, но в Риме страшная перемена. На площади Петра учат солдат, около Колизея учат солдат, и даже римский народ стал хуже, вследствие угнетения, вероятно» (л. 83 об.).

Ввиду непрекращавшегося революционного брожения в Италии, в Риме оставались французские войска, вторгшиеся в 1849 г. для уничтожения республики и для поддержания светской власти папы. Высказан-

ное в приведенном письме опасение, что Герцен сердится на нее, было вызвано его письмом к М. К. Рейхель от 14 августа 1857 г. «Не будете ли писать к Мар⟨ии⟩ Фед⟨оровне⟩? скажите ей, что я с удивлением вижу из письма Астраковых, что он все еще ничего не получил из посланного» (IX 11). Отвечая 6 сентября (н. ст.) на этот упрек, Мария Федоровна писала М. К. Рейхель: «...Вещи уже более месяца были пересланы Татьяне Алексеевне. Я продержала их недели две у себя, потому что хотела отвезти их сама по желанию Ал⟨ександра⟩» (л. 69 об.).

Далее она просит успокоить Герцена: Т. А. Астракова, вернувшаяся из деревни, известила ее о получении всех вещей. Следующая часть

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Картина маслом неизвестного художника, 1849 г.
Собрание А. С. Минкина, Ленинград

письма к М. К. Рейхель посвящена отчету о выполнении просьбы Герцена: «Что же касается до журналов, то ни один из здешних книгопродавцев не берется пересылать их в Лондон без того, чтобы кто-нибудь из тамошних книгопродавцев не выписал их *на свое имя*. Здешние книгопродавцы не имеют дела с лондонскими. Скажите мне, что поделывает Ал⟨ександр⟩ и все его семейство? Был ли у вас профессор Булич? Он человек хороший и едет тоже на поклонение к святым местам» (лл. 68 об. и 70).

После получения письма от Рейхель о ее встрече с проф. Буличем, Мария Федоровна сообщила 29 декабря 1857 г. (10 января 1858 г.), что направляет к ней после «казанского профессора» еще «харьковского», с просьбой сообщить ему адрес Герцена. Харьковский профессор Д. И. Каченовский[13], получив адрес Герцена, посетил его в Путнее в начале апреля 1858 г. В письме к Рейхель от 8 апреля Герцен с удовле-

творением писал: «Качен⟨овским⟩ я бесконечно доволен: он очень умный и дельный человек» (IX, 223).

В этом же письме (от 29 декабря) Корш вновь делала попытку воздействовать на Герцена в желательном для либералов направлении:

«Пользуюсь случаем, чтобы передать вам следующее: пожалуйста напишите Ал⟨ександру⟩, что он теперь une grande puissance *, здесь им божатся, в Петербурге его боятся. Государь и Константин Николаевич читают все, что он пишет, и много реформ сделано по его советам; а потому, чтобы никогда не касался лиц императорской фамилии, тем более, что государь, государыня и Константин Николаевич самые благонамеренные люди. Нельзя не удивляться, как государь отстаивает все хорошее от шаверы[14], которою окружен. Наши всё хотели писать Ал⟨ександру⟩ об этом, но они такие лентяи, что не поручусь за них» (лл. 79 — 80).

В публикуемом отрывке Корш выступает открыто как выразительница мнений целого кружка. Тон этого отрывка повелительный, а слова: «а потому, чтобы никогда не касался лиц...» — звучат почти как приказание. Такие выступления Герцена, как «Письмо к императору Александру II», написанное 15 июля 1857 г., питали тщетные надежды «московских друзей» «образумить» Искандера.

1 декабря 1858 г., в 29 листе «Колокола», Герцен опубликовал присланную ему Чичериным статью, предпослав ей свое предисловие и дав ей заглавие «Обвинительный акт». Эта статья привела к окончательному разрыву между Герценом и либеральными кругами в России. Герцен в своем предисловии истолковал ее как документ, написанный «с совершенно *противной* точки зрения, т. е. с точки зрения административного прогресса, гувернементального доктринаризма» (IX, 405). Естественно, что его крайне волновал вопрос о том, как его близкие и дальние друзья отнесутся к обвинениям Чичерина.

31 января 1859 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Ваше письмо о чич⟨еринской⟩ статье снова показывает, как вы хорошо и симпатично сочувствуете нам. Я желаю знать, как вам понравился ответ одного господина**, а потом интересно знать, что вам написала М⟨ария⟩ Фед⟨оровна⟩... Мне это важно, ибо статья Чич⟨ерина⟩ — пробный камень: кто с ним, тот, разумеется, враг всего, что нам дорого» (IX, 500).

Это был ультиматум Герцена «московским друзьям». М. К. Рейхель, судя по публикуемому ниже письму М. Ф. Корш, передала запрос Герцена и получила скорый ответ из Москвы, датированный 6/18 марта:

«Насчет бабушки Ал. скажу вам: ее родственники не против нее, но говорят, что, если бы она знала, какой она авторитет для старших, то была бы осмотрительнее[15]; если будет слишком строга, то авторитет этот пропадет. Тоном письма, писанного бабушке, все недовольны, а меня даже слезы прошибли, но правды в нем высказано много. Некоторые думают, что письма этого не следовало обнародовать. А вообще большинство совершенно на стороне старушки и даже идут до того, что называют внучка[16] подлецом, тогда как он, правда, неумолимо резок, но все-таки благородный человек. Не могу сказать вам, как огорчило меня это письмо, я чувствовала, как оно должно было оскорбить нашу милую бабушку, которая всегда была и будет одной из самых близких мне людей» (л. 74—74 об.).

Статья Чичерина и открытое выступление издателя «Колокола» против него внесли смятение в среду «московских друзей» (но уже не единомышленников!) Герцена. Кетчер и Корш безоговорочно стали на сторону Чичерина; Кавелин, Тургенев, Анненков и некоторые другие либералы

* большая сила (франц.).

** То есть ответ самого Герцена, его предисловие к статье Чичерина.

признавали, что «основная мысль» чичеринской статьи «как нельзя вернее», но осуждали ее автора за оскорбительную жесткость тона и за клеветническое, по их мнению, утверждение, будто «Герцену смертельно хочется революции в России». Не без основания они полагали, что Чичерин оказал своим выступлением «существенную услугу» III Отделению.

Позиция, занятая М. Ф. Корш в этом вопросе, была двойственной: в ее письме искренние уверения в горячем сочувствии и любви к «бабушке» сочетаются с признанием «правды», высказанной «внучком», которого она склонна была винить только в «неумолимой резкости». М. К. Рейхель переслала это письмо Герцену, комментируя его, с своей стороны, в примирительно-благожелательном плане. Но Герцен прекрасно понял

НЕАПОЛИТАНСКИЕ ТИПЫ
Раскрашенная литография Гаэтано Дура̀, 1850 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

смысл письма: «Ну, а вы дипломатическую ноту из Москвы, с позволения сказать, не раскусили. Марья Федоровна, жалея обе стороны, скрыла под розовыми листочками шипики Корша и доктринерской братии» (25 марта 1859 г. — IX, 535).

Зная, что М. К. Рейхель сообщает Герцену содержание ее писем, М. Ф. Корш стремилась пробудить в Герцене дорогие ему воспоминания о Москве 40-х годов, в особенности, связанные с Грановским, чтобы смягчить его настроение против Кетчера, Корша и других. 6/18 декабря 1860 г. она писала Рейхель:

«Сегодня именины старика Кетчера. Мальчики наши идут поздравлять его утром, а Евгений [17] пойдет вечером. А мы из расчета остаемся дома. Бывало в этот день мы кутили все вместе и так было весело. Грустно оглянуться назад. Я порадовалась за вас, узнав, что madame Ричель подарила вам [18] бюст нашего Гранки дорогого 〈...〉 Милые, дорогие Граночки, никогда не перестанешь жалеть о них. И бабушку так жаль, особенно теперь. Ах! как бы хотела я поговорить с вами. Почему люди самые умные бывают так слепы? Мы слышали, что в последних ее письмах опять много вздору. Кто это ей сообщает такие нелепости?» (л. 28 и 28 об.).

М. Ф. Корш имеет в виду последние листы «Колокола», в частности лист 86 (от 1 декабря 1860 г.), в котором Герцен в статье «Es reiten drei Reiter» резко осуждал как внешнюю, так и внутреннюю политику Александра II в связи со встречей в Берлине царя, австрийского императора и прусского короля. Нападки на царя особенно пугали «московских друзей».

По поводу упомянутого бюста Герцен писал М. К. Рейхель 7 августа 1860 г.: «Бюст Грановского прибыл: он очень хорош, хотя и не без изъянцев, да и то чудо. А вот в чем изъянцы: у Гранов‹ского› брови проеминантнее * и глаза глубже; потом, мне кажется, что его лицо было подлиннее. Но похож, и я очень, очень благодарен» (X, 382). Этот бюст виден на дошедшем до нас позднем снимке кабинета Огарева (см. воспроизведение в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 569). Возможно, что он перешел к Огареву после смерти Герцена.

В московских кругах проявляли большой интерес к личной жизни Герцена, с осуждением относясь ко многому, что доходило до Москвы из Лондона. Все дурное приписывали влиянию Огарева и его жены. Из многочисленных писем М. Ф. Корш, отражающих эти слухи, публикуем лишь один отрывок, относящийся к 2/14 мая 1861 г.:

«...А как мне жаль слышать обо всем, что делается у бабушки. Страшно бывает подумать и посмотреть вперед. Хотя бы хорошее замужество для Таты. Это ей один выход. И что сделает Мейзенбух из Оли? и зачем разделили двух сестер?» (л. 9).

М. Ф. Корш имеет в виду отъезд М. Мейзенбуг с Ольгой в Париж в ноябре 1860 г. Герцен был вынужден разлучить своих дочерей из-за тяжелых отношений между ними и Н. А Огаревой.

Насколько Корш, сохраняя любовь к Герцену, расходилась с ним во взглядах и объединялась не только с его бывшими друзьями, но и с давними политическими противниками,— свидетельствует ее недатированное письмо 1863 г., вызванное позицией «Колокола» в польском вопросе. Это письмо, приведенное ниже, является еще одной иллюстрацией к известным словам Ленина: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“...» (В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 13). Письмо начинается восхвалением Александра II, описанием «патриотического подъема» и рассуждениями о возможности интервенции, причем автор письма выражает готовность «идти в поход» в случае нападения на Россию западных держав. И дальше она продолжает:

«Как были бы изумлены и с каким презрением к своему легкомыслию остались те русские эмигранты, которые смотрят на себя как на пророков своего отечества, если бы они очутились в среде его и увидели и услышали все, что в нем делается в эту минуту.

Журналистика наша смело говорит о них, большинство мягче других относится к Герцену, который, несмотря на весь вред своей последней деятельности, несмотря на упорные parti pris** верить верхоглядам меньшинства и избегать указаний людей, которые дорожили его пониманием настоящего времени, всеми признан, и знающими его лично или по его сочинениям, за заблуждающегося, но все-таки благородного и симпатичного человека. Что же касается Бакунина, Огарева и comp., общее презрение — награда за их измену России, иначе нельзя сказать. Спичи Бакунина в Мальме делают его презренным и комичным. Как жаль, что и глупый Саша юниор *** пустился туда же с затеей быть представителем

---

* выступают (от франц. «proéminent»).
** установки (франц.).
*** младший (лат.).

молодого поколения, о котором он и представления не имеет. Знаешь ли, что трудно поверить этому быстрому падению в общественном мнении у самых слепых приверженцев Герцена и сотр. „Колокола“ не читают в провинциях, где им лакомились года три назад, буквально не встретишь и номера. Разумеется, что никто из них нам в этом не поверит, и вряд ли у них хватит мужества сознаться в своей смехоте, и при силе событий, которыми им и теперь отвечает Россия, они упорно гнут по-своему» (л. 33 об.).

Это письмо, необычное по резкости тона, продиктовано Е. К. Станкевич и написано рукой М. Ф. Корш. Надо думать, что оно отражает и ее отношение к «Колоколу». Содержание его почти совпадает с высказываниями И. С. Аксакова (в № 19 «Дня» от 11 мая 1863 г.), который также обвинял Герцена в сближении с «изменником русскому народу» Бакуниным: «От Бакунина мы ничего другого и не ждали, и не уважали его никогда нисколько, но от Герцена мы не могли этого ожидать и ждем... Да, ждем раскаяния».

В публикуемом письме исчезла «бабушка»: Герцен назван по фамилии. Авторы письма пишут о Герцене, как о постороннем, как о деятеле враждебного лагеря.

Прошло около семи лет. Герцен умер. М. Ф. Корш откликнулась на известие о его смерти в письме от 18 января ст. ст. 1870 г.:

«Я все сомневалась в смерти Ал⟨ександра⟩, моя дорогая Макасина! Все надеялась, что в газетах будет опровержение, но его нет, как нет. Дорогая моя, я знаю, как смерть эта тяжела для вас. Вы оставались всегда близки ему и его семейству. Не могу сказать вам, как было больно мне и моему брату узнать, что уже никогда более не увидим этого человека. Пожалуйста, голубка моя, опишите подробно все, что вы узнаете о нем и о детях. До меня дошли еще прежде такие страшные слухи о Тате[19]. Потом мне говорили, что ей стало лучше в Париже; воображаю, как на нее подействовала внезапная смерть отца...

После его смерти так живо вспомнилось все прошедшее — такое оно было и хорошее и потом горькое» (л. 86 и 86 об.).

Так у свежей могилы Герцена М. Ф. Корш подвела итог своей многолетней дружбе с ним.

Публикуемые отрывки из ее писем дают представление о том, как менялись ее отношения с Герценом, как «хорошее» постепенно, под влиянием ее московских друзей, превращалось в «горькое». Вместе с тем они могут служить выразительной иллюстрацией к той истории идейного размежевания русского общества, которое, начавшись в сороковых годах, развело впоследствии былых друзей в противостоящие один другому враждебные лагери: революционных демократов, с одной стороны, либералов-реформистов — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Луи *Лаблаш* (1794—1858) — знаменитый французский оперный певец (бас), несколько раз упомянутый в «Былом и думах» (XIV, 197, 393, 394).

[2] *St.-Clou* — пригород Парижа с прекрасным парком, славившимся своими каскадами.

[3] *St.-Germain-en-Lage* — пригород Парижа, резиденция французских королей в средние века.

[4] *Hôtel Clunie* — дворец Клюни, средневековое готическое здание, превращенное в музей материальной культуры эпохи поздней античности, средних веков и возрождения.

[5] В Палермо в январе 1848 г. вспыхнуло народное восстание.

[6] *Корсо* — главная улица в Риме; на ней останавливался в 1847 г. Герцен с семьей. Его письма из Италии названы «Письма с Via del Corso». *Place de Peuple* (Piazza del Popolo) — Народная площадь, в которую упирается улица Corso.

[7] *Пиюшка* — римский папа Пий IX.

[8] *Венера* — статуя Венеры Милосской в Луврском музее.

[9] *Микасина*, или Макасина — шутливое прозвище М. К. Рейхель (образовано из начальных слогов ее имени и отчества).

[10] *Дмитрий Михайлович* — сын М. С. Щепкина; виделся с М. Ф. Корш и Е. Б. Грановской осенью 1856 г. в Баден-Бадене (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 325).

[11] Вторая книга «Полярной звезды» вышла 25 мая 1856 г.

[12] Николай Никитич *Булич* (1824—1895) — историк русской литературы и народного творчества, профессор Казанского университета.

[13] Дмитрий Иванович *Каченовский* (1827—1872) — профессор международного права Харьковского университета.

[14] *Шáверь, шáверень* — шваль, сброд, сволочь (словарь Даля).

[15] *Бабушка* — так называет Герцена М. Ф. Корш, избегая в своих письмах упоминать запретное имя; *ее родственники* — московские либералы, бывшие друзья Герцена; *старшие* — Александр II, Константин Николаевич и вообще правящие круги России.

[16] *Внучек* — Чичерин.

[17] Е. Ф. Корш.

[18] *Ричель* (Rietschel, 1804—1861) — выдающийся немецкий скульптор. М. К. Рейхель познакомила с ним Станкевичей, и они заказали ему бюст Грановского. А. В. Станкевич, очень похожий на Т. Н. Грановского, позировал скульптору. Бюст Грановского был подарен через М. К. Рейхель Герцену женой скульптора.

[19] *Страшные слухи* — о нервном заболевании Таты Герцен (см. настоящий том, стр. 477).

СТАРШАЯ ДОЧЬ ГЕРЦЕНА (ТАТА)

ПИСЬМА. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация Н. П. Анциферова

> Как сухие листья, перезимовавшие под снегом, письма напоминают *другое* лето, его зной, его теплые ночи и то, что оно ушло на веки веков; по ним догадываешься о ветвистом дубе, с которого их сорвал ветер <...> Случайное содержание писем, их легкая непринужденность, их будничные заботы сближают нас с писавшим.
>
> А. И. Герцен. Старые письма.

ВВЕДЕНИЕ

В «пражской коллекции» сохранилась большая пачка писем старшей дочери Герцена Натальи Александровны (1844—1936) к Огареву (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 195). В этой пачке содержится 91 письмо за время с 17 апреля 1863 г. по 5 августа 1874 г. Ответные письма Огарева к ней остаются неизвестными, кроме нескольких его приписок в письмах Герцена, находящихся в той же «пражской коллекции». Эти приписки, до сих пор неопубликованные, также введены нами в настоящую публикацию.

Письма Н. А. Герцен публикуются нами в извлечениях: мы взяли из них лишь то, что имеет непосредственное отношение к Герцену и Огареву, все, что может представить ценность для исследователя их биографий. Некоторые из публикуемых писем являются как бы страничками воспоминаний о Герцене, другие содержат материал для комментирования писем Герцена и Огарева, третьи перекликаются с отдельными главами «Былого и дум» или «Писем с Via del Corso». Несмотря на то, что в этих письмах речь идет преимущественно о семейной, домашней жизни Герцена и Огарева, они содержат, вместе с тем, ряд откликов на крупные общественные и исторические события шестидесятых-семидесятых годов, характеризуют людей, так или иначе связанных с Герценом и Огаревым.

Кроме писем, в публикацию введены некоторые материалы мемуарного характера из литературного наследия Н. А. Герцен.

Привлечены и материалы из других архивных фондов: письма Н. А. Герцен к П. Л. Лаврову, хранящиеся в ИМЛ при ЦК КПСС, и письма П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина и Г. А. Лопатина, хранящиеся в ЦГАЛИ.

* * *

Наталья Александровна родилась в Москве, в доме отца на Сивцевом Вражке, 13 декабря (ст. ст.) 1844 г. На следующий день Герцен записал в дневнике: «Вчера в десять минут двенадцатого родилась малютка <...> Итак, дочь! Мне хотелось дочь <...> Надобна была девочка, чтоб в ней повторилась мать...» (III, 363).

В январе 1847 г. двухлетнюю Тату увезли из России. Герцен покинул родину со всей семьей, не думая, что этот отъезд обречет его на «вечную разлуку» с Россией. Вместе с отцом и Тата оказалась навсегда отрезанной от родины. В 1852 г. она потеряла мать. Умирая, жена Герцена завещала ему: «Береги Тату, с ней надо быть очень осторожну, это — натура глубокая и несообщительная» (XIII, 557).

Характеристика шестилетнего ребенка, данная его матерью, в дальнейшем нашла подтверждение в отзывах многих, знавших старшую дочь Герцена. Герцен воспитание детей считал своим общественным делом. В письме к сыну 12 января 1866 г. он писал: «Я воспитание Таты и Ольги (ты уж стоишь на своих ногах) поставил одной из краеугольних задач моей жизни» (XVIII, 312).

На психическом сходстве Таты с матерью основывалась вера в нее Герцена как в преемницу «хорошей стороны их жизни». Он писал ей: «Будь той же простой и чисто русской девицей, как ты есть. Ты должна долею заменить в моей жизни мамашу» (X, 362).

Огарев разделял со своим другом надежды на Тату, разделял и любовь к ней, и заботы о ней. Слова Герцена об Огареве в письме от 16 декабря 1864 г.: «...его безмерная, святая любовь к детям» — относятся прежде всего к Тате. Огарев писал о ней Герцену в октябре 1859 г.: «Тут сердце, и хорошее сердце чуется невольно. Из нее выйдет очень благородная и любящая женщина и далеко не глупая» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 377). Многочисленные отзывы о Тате как в письмах друзей ее отца, так и в воспоминаниях о ней, подтверждают слова М. К. Рейхель, что она «привлекала к себе все сердца».

Публикуемые письма Таты к Огареву характеризуют не только ее отношение к «папе-Аге», но и его отношение к ней, своей «истинной друге». И Герцен и Огарев много потрудились над ее воспитанием (о взглядах на воспитание Таты см. письмо Герцена к Э. Рив — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 256—258). Они стремились к тому, чтобы жизнь Таты шла «шире и шире, развиваясь» (7 июня 1860 г.). Они руководили ее чтением, стремились повлиять на развитие ее вкусов, хотели подготовить к самостоятельной трудовой жизни. «Помни, что в наше время нет серьезной собственности, кроме той, которая основана на работе» (XXI, 352),— писал Герцен сыну 1 апреля 1869 г. по поводу своей старшей дочери. Оба друга хотели видеть в Тате не только хорошего, всесторонне развитого человека, они хотели, чтобы она восприняла их идеи, стала «представителем» их «русской деятельности». 31 июля 1869 г. Герцен вновь писал сыну о Тате: «Я имею дело, которое должно продолжаться после моей смерти 〈...〉 На Тату я полагал сильнейшую надежду; у ней наши симпатии, notre génie...» * (XXI, 410).

Когда Тате было всего шесть лет, Герцен писал о ней М. К. Рейхель, сравнивая себя с Гамлетом: «И Фортинбрас готов — это Тата» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 362). Нигде Герцен, однако, не пояснил, продолжателем какого своего дела он считал Тату. Может быть, он и сам не совсем ясно представлял себе роль своей дочери как продолжателя «русской деятельности». Как будет ясно из публикуемых писем, и Огарев считал ее наследницей отцовского дела.

Насколько Н. А. Герцен могла в этом отношении оправдать возлагавшиеся на нее надежды? Она горячо любила отца и преклонялась перед ним. Многие из его идей были ею усвоены, но она не обладала способно-

---

* наш дух (франц.).

Н. А. ГЕРЦЕН
Фотография, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

стями, необходимыми для политического мыслителя и революционного борца. Революционное начало в мировоззрении Герцена по существу осталось ей чуждо. Это главное.

Чтобы быть в полном значении этого слова наследницей дела своего отца, Н. А. Герцен недоставало и ряда других качеств, в том числе полноты его образования, всесторонности его развития. В условиях кочевой жизни, в условиях «нескладицы» быта его распавшейся семьи, Н. А. Герцен не могла получить широкого систематического образования, не могла вполне развить и своих разнообразных способностей. Ей не удалось возбудить в себе «тот священный огонь», о котором писала она Огареву. Она спрашивала себя: «К чему я на свете?» Любовь к отцу побудила Тату посвятить свою молодость «придумыванию средств облегчить жизнь папаши», сглаживанию трудных взаимоотношений между лицами, его окружавшими, попыткам «уравновесия отдельных жизней» (выражение Огарева — «Литературная мысль», т. I. Пг., 1923, стр. 230). Заботы об отце, о воспитании сестер Ольги и Лизы она осознала как свою прямую обязанность.

Публикуемые письма Н. А. Герцен дороги нам не только как след жизни незаурядной русской девушки, выросшей на чужбине, но и тем, что их с волнением и любовью читал Огарев, а некоторые из них и Герцен, что на этих письмах лежит печать и их личностей. Письма ее вызывали у них живые мысли, выражавшиеся в ответных письмах. В переписке Герцена и Огарева много откликов на прочитанные ими письма Таты. Все это дает нам право включить эти письма в фонд материалов, относящихся к биографии Герцена и Огарева.

I

1863—1867 гг.

ПОЕЗДКА В РИМ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ Н. А. ГЕРЦЕН. — ФЛОРЕНТИНСКИЙ КРУЖОК РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ. — СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ С ГЕРЦЕНОМ В ЖЕНЕВЕ И ВО ФЛОРЕНЦИИ. — ВСТРЕЧА С ГАРИБАЛЬДИ

Первые письма Таты из публикуемой серии относятся ко времени ее пребывания в Риме с сестрой Ольгой и Мальвидой Мейзенбуг. Они охватывают период от 17 апреля 1863 г. до 30 ноября 1864 г.

У Таты был талант художника-портретиста. Герцен решил послать дочь в Италию для обучения живописи. Но предварительно он направил ее в Брюссель к художнику Галле, вероятно, для определения ее способностей. 15 ноября 1862 г. Огарев писал своему другу, композитору В. Н. Кашперову, жившему в Италии: «Вот вам новость: Тата, которую ждем из Брюсселя, училась там живописи под руководством Gallait (первого художника), живопись — ее специальность. На зиму едет с Miss Meysenbug в Флоренцию; она увидит вас, вашу жену и передаст об наших планах...» (см. в настоящем томе, стр. 126).

А. Галле (1810—1887)—крупнейший исторический живописец своего времени, бельгиец-патриот, изображавший на своих полотнах эпизоды из эпохи борьбы за независимость («Герцог Альба в Нидерландах», «Последние дни Эгмонта» и др.). Обращение к Галле свидетельствует о том, какое значение придавали Герцен и Огарев занятиям Таты живописью.

Отпуская Тату в Италию, Герцен напутствовал ее словами: «Ты едешь для живописи. Талант у тебя есть, но для развития таланта необходим упорный, выдержанный труд. Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, чтобы сделаться художником ⟨...⟩ Итак, работа должна господствовать над всем в твоей жизни во Флоренции. Привычка к работе— дело нравственной гигиены» (5 декабря 1862 г.; XV, 563).

Еще в 1860 г., когда Тата отправилась с Н. А. Огаревой в Германию и Швейцарию на свидание с Е. А. Сатиной, Герцен и Огарев следили за тем, чтобы она обогатила свои знания и развила вкус. В письме от 15 июня Герцен упрекал ее: «Как же ты не была в галерее?.. да и что же быть один раз... Там непременно надобно быть раз пять» (X, 345). Речь идет о галерее в Дрездене. К этому письму Огарев приписал:

«Что ж ты мне ни строчки не пишешь, милая Тата? А я требую, чтобы сходила в картинную галерею и написала бы мне подробно, что какое впечатление на тебя произведет. Я уверен, что лучшая твоя доля будет в живописи. Обнимаю тебя и целую в лоб. Жму руку Рейхеля. Твой А г а» (ЦГАЛИ, ф. 5770, он. 1, ед. хр. 239, л. 7).

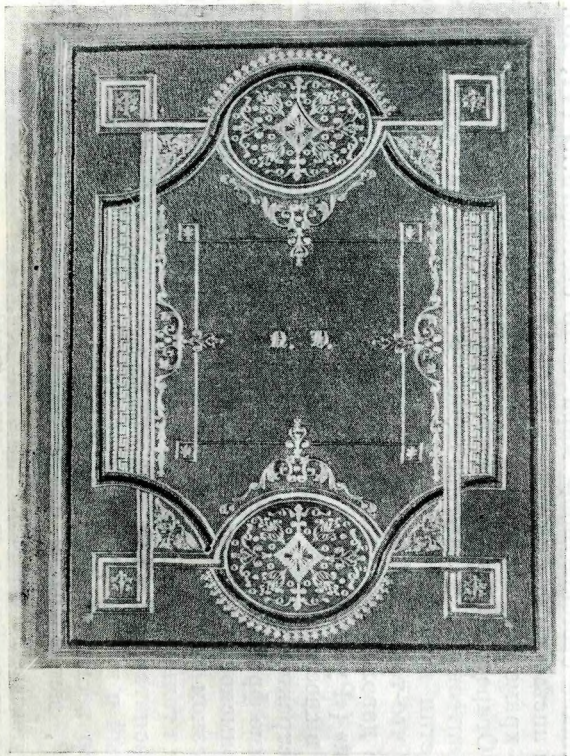
В ответ на неизвестное нам письмо Таты, Огарев делает приписку в письме Герцена от 23 июня 1860 г.:

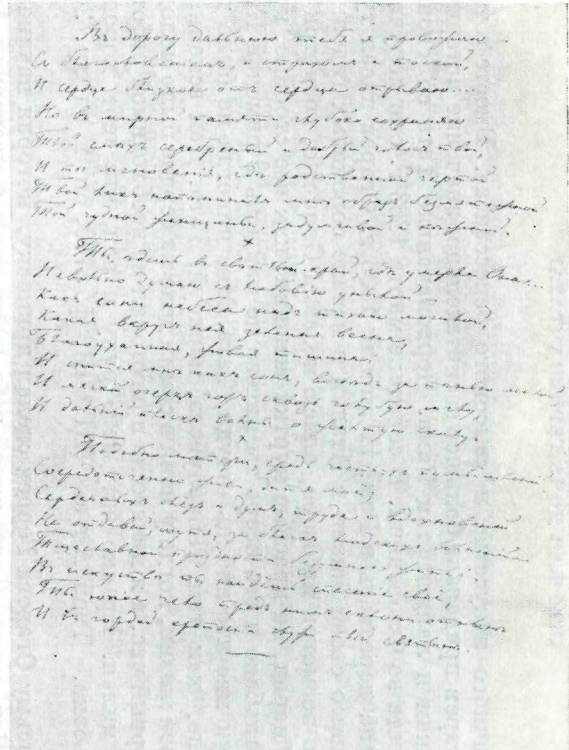
«Милая Тата, крепко тебя целую и радуюсь, что тебе не понравилась гольбейновская мадонна. Здесь так стали подражать старой живописи, т. е. дорафаэлевской, т. е. Гольбейну из немцев и чуть ли не Giotto из итальянцев, что на выставке тошно становится до рвоты*. Голицын и *русская музыка* у любителей и артистов производят furor. Addio!» (там же, ед. хр. 241, л. 48).

Итак, поездка дочерей Герцена в Италию в декабре 1862 г. была продиктована его желанием дать им художественное образование на лучших

---

* Вызывает удивление, почему Огарев причисляет Гольбейна, лучшего выразителя немецкого ренессанса, к дорафаэлевской живописи, почему он скептически относится к Джотто, искусство которого знаменовало первый шаг на пути итальянской живописи к реализму? — *Н. А.*





КНИГА ДЛЯ РИСОВАНИЯ, ПОДАРЕННАЯ ОГАРЕВЫМ Н. А. ГЕРЦЕН, С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ОТ 11 ДЕКАБРЯ 1862 г. И СТИХОТВОРЕНИЕМ, ЕЙ ПОСВЯЩЕННЫМ

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

образцах античного искусства и «высокого ренессанса». Вместе с тем, и Герцен, и Огарев придавали большое воспитательное значение историческим памятникам и ландшафтам Рима. Первоначально Тата со своими спутницами жила во Флоренции. В середине марта 1863 г. они получили разрешение отца переехать в Рим. 11 апреля 1863 г. Огарев писал туда Тате, вспоминая о своей жизни в Италии в начале сороковых годов:

«В Альбано посмотри на озеро, аллею и Castel Gandolfo, посмотри на удивительный наряд, на красные куртки женщин, как все стройно, красиво. Лучше Альбано и его озера ты ничего не найдешь в римской Кампанье. Нарисуй мне что-нибудь оттуда, Тата. Мне никогда не было так одиноко-хорошо, как там. Пожалуйста, нарисуй, Тата. Дай вспомнить то время из моей жизни, когда у меня в самом деле на сердце было молодо. Но вот уже первый час, а я ничего не приготовил из необходимой работы. Прощай, моя милая. Крепко жму тебе руку и рад, что тебе хорошо. Съезди в Альбано. Твой А г а» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 240, л. 2 об.).

К этому письму Огарева Герцен сделал приписку, которая начинается словами: «Вот, милая Тата, какой тебе lettre-guide * настрочил Ага. Как он вас всех безмерно любит, это ты знаешь и, думаю, не сомневаешься» (XVI, 205).

Сохранившийся ответ Таты на письмо Огарева, названное Герценом lettre-guide, а также и на другие, не дошедшие до нас письма, датирован 17 апреля. А 6 апреля 1863 г. Герцен писал дочерям: «Я очень рад, что вам в Риме так хорошо: смотрите, учитесь, читайте по камням и картинам» (XVI, 203). Письмо заканчивалось обращением к Тате: «Ты очень хорошо делаешь, что читаешь „Письма из Италии" на месте, это — наше свидание в Риме» (там же).

Действительно, в письме Таты от 17 апреля 1863 г. (см. ниже) можно без труда обнаружить следы чтения ею «Писем из Италии». Так, впечатления Таты от Форума напоминают следующие строки из пятого «письма» Герцена: «Древний Рим пал, как могучий гладиатор,— его колоссальный остов внушает благоговение и страх ⟨...⟩ Когда я первый раз вышел на Капитолийскую гору и вдруг очутился над Форумом и Колизеем, я остановился, смущенный и взволнованный. Вот он — остов великого деятеля. В гигантском скелете сохранилось царственное выражение; Forum Romanum — великие светские мощи мира чисто светского...» (VI, 13).

Слышны в письмах Таты и отклики ее бесед с Огаревым. Так, рассуждения Таты о храме Весты и куполе Пантеона заставляют вспомнить, что писал о них Огарев: «Из произведений архитектуры я имею здесь пристрастие к Пантеону ⟨...⟩ Круглое здание с куполом над всем зданием. Свет в отверстии купола. Фронтон и чудесная колоннада. Все вместе представляет что-то спокойное и прекрасное. Мне Пантеон всегда кажется так же доволен тем, что он выстроен, как древние были довольны тем, что жили» («Русская мысль», 1889, № 12, стр. 4).

Тату, как в свое время и Герцена, раздражало в Риме обилие праздных туристов-иностранцев («форестьеров»); с негодованием отмечает она присутствие в Риме французских солдат, посланных туда для защиты светской власти римского папы; возмущает ее и множество «попов» на улицах Рима. В ее резком протесте против аскетизма (строки о различных образах Христа в итальянском искусстве) также сказалось влияние Герцена и Огарева, воспитавших в ней реалистическое мировоззрение.

Упомянутый в письме Ф. Грегоровиус — немецкий историк и искусствовед, автор восьмитомного труда «Die Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter» **, выходившего на протяжении 1859—1872 гг. В письме

* письмо-путеводитель (франц.).

** «История города Рима в средние века» (нем.).

к сыну от 25 мая 1863 г. Герцен выразил удовольствие по поводу знакомства его дочерей с Грегоровиусом (XVI, 267).

Приводим письмо Таты к Огареву из Рима от 17 апреля 1863 г.

«Не могу тебе сказать, как твое письмо меня обрадовало, милый, добрый Ага; я так сочувствую всему, что ты говоришь и рассказываешь, что все его перечитываю,—очень, очень тебе благодарна за него и крепко целую тебя. Мы Рим тоже так полюбили, что никак не могли решиться так скоро расстаться с ним (не знаю, будет ли папаша доволен); мы хотим остаться еще май месяц здесь, чтобы хорошенько с ним познакомиться и побывать во всех местах, где ты был.— Так и ты был в Villa Borghese и тебе она понравилась, да как же не понравиться! Такая прелесть, особенно парк с своими огромными деревьями — а Monte Pincio, должно быть, переменился с тех пор, как ты здесь был, нет — виды с него на Рим всегда будут удивительно красивыми; может, и в самом саду хорошо, но тогда только очень рано утром, а то столько иностранцев и французских солдатов и попов, что ужас, и сам сад так обработан — парк Villa Borghese гораздо лучше, не правда ли?

У колодца возле Porta di ripetta мы тоже были — Михаил Петрович Боткин живет в этой части города, мы у него были на днях, но, проходя, я еще не знала, что ты тут жил, пойду опять; на самом Monte Mario мы еще не были, но непременно будем — до сих пор лучший вид на Рим и часть Кампаньи с S-t Pietro in Montorio,— был ты там? У фонтана Pauline. Corso может быть и наверное будет лучше через несколько неделей, но все-таки не будет тем, каким ты его знал, — по той же причине, которая, по-моему, все остальное портит, — иностранцы и французы. Этих солдатов столько, что они сами не знают, куда деваться; куда ни взглянешь, все видишь широкие красные шаровары и белые гетры.

Сегодня мы были на Monte Aventino, какой вид оттуда на город, целый Рим виден,— но день был ненастный, небо было покрыто серыми тучами, вдали уже виден был дождь — конечно, это имело свою прелесть, но я предпочитаю яркий, ясный, жаркий день.— Хороший тут тоже вид на S-t Pietro, в дырку замка, ключа большой двери сада,— должно это все знают, кучер нам указал на это — в самом деле, S-t Pietro виден один, отдельно, вдали, а на первом плане аллея темная — конечно, S-t Pietro лучше издали, чем вблизи. И Castel S-t Angelo я очень люблю, на него вид очень хорош с монастыря, где Т. Тассо был монахом и умер,— S-t Anofrio на Monte Janicule, но до сих пор, как я уже сказала, мне всего больше нравится вид с S-t Pietro in Montorio; тут всего больше видна бесконечная печальная Кампанья, которая даже становится похожа на море, как защуришь глаза, чтоб линия горизонта сделалась еще прямей.— А потом Форум...— да, удивительная сила у этих остатков храмов, гробов, дворцов и всего прошедшего роскоша ⟨!⟩; конечно, это часто привязывает больше самой живой жизни, как ты говоришь, и скорее потому, что нравится не «страх»,— это чувство нельзя *страхом* назвать, а как иначе назвать?— Не знаю.— Мысль о том, что тут было столько пережито.— Как я Саше уже писала, многое мне портит моя скверная память и рассеянность, т. е. что я историю плохо знаю.

У храма Весты мы тоже были, у Bocca della Verità — какая досада, что крышу так скверно ресторировали, грубыми красными кирпичами, в старину крыша была, верно, как крыша Пантеона,— вот еще чудесный храм, с своим величавым портиком! Непременно поедем в Albano, как только кончится срок нашей здешней квартиры, чтобы лишних денег не тратить, платя две квартиры; мы поедем на несколько дней на горы, чтобы побыть во всех этих местах — Albano, Tivoli, Frascati и т. д.; из Albano непременно пришлю тебе кое-что — не припомнишь ли ты

любимый вид или местечко какое-нибудь? Напиши, я тебе его отыщу и нарисую. Срок квартиры кончается в четверг, 23-го апреля.

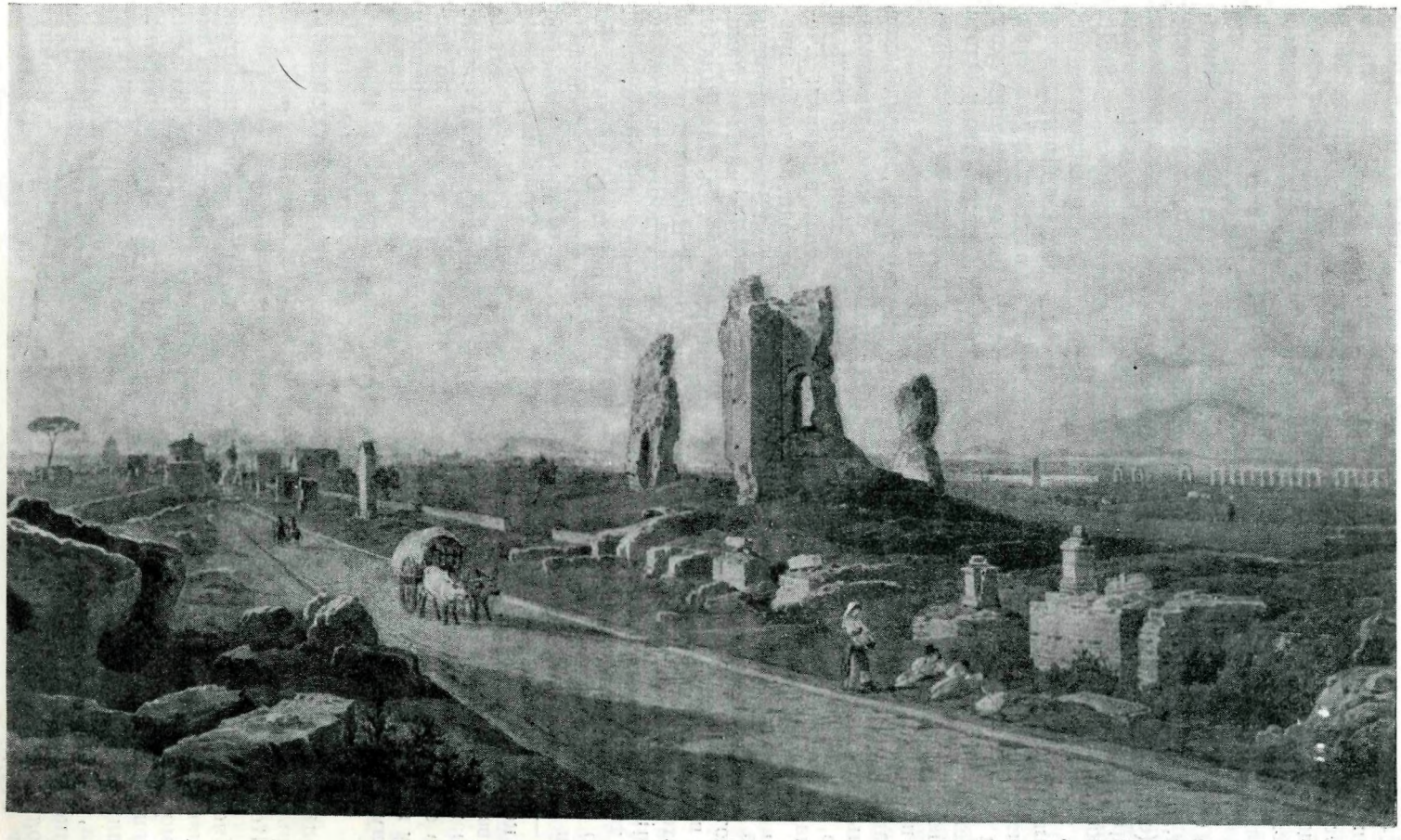
В S-ta Maria Maggiore мы тоже были, да в S-t Jean Lateran тоже, на днях еще были с Gregorovius'ом, который нам все объяснял и показывал; всего интереснее там копии с разных фресков, найденных в катакомбах, и старинные саркофажи первых христиан; когда у них еще был римский тип в головах, то большею частью найдешь Христа в виде юноши, стройного, красивого, без бороды, с овальным, но довольно полным лицом, длинными пуклями и одетый в «тоже» * римской; как взглянешь на какого-нибудь византийского Христа потом, мороз по коже пробежит — какой ужас — этот тип продолжается до *Masacio*, он первый и дал Христу тип, который до сих пор рисуют, в своей фреске во Флоренции. Но откуда Michel Angelo взял тип своего Христа Sixtin'ской капеллы?

Сегодня мы собираемся идти в катакомбах, вот будет интересно! Ах, отчего папаша пишет, что приедет, и тогда прощай Италия, прощай Рим, голубое небо и т. д.— это ужасная мысль. Нет, папаша, приезжай, чтобы остаться,— нет, вздор; конечно, это невозможно, но чтобы нас оставить еще немножко, подумай-ка, какую гибель вещей нам остается еще видеть и учиться. Все так дышит и пышет искусством здесь, поневоле все пойдет хорошо, не считая даже то, что во Флоренции во все время я только три раза принуждена была лечь от головной боли — здесь, в Риме ни разу, даже не начинала, несмотря на то, что так ходим по галереям и разным местам. Ночью я почти всегда с вами,— ах, если б сны мои сбылись! Еще сегодня вы все к нам приехали и так неожиданно — и салон Orsett House был в Италии, но проснулась — и всё. Не припомнишь ли ты, Ага, Villa Doria? Мы вчера там были, парк *еще* лучше Villa Borghese — какие точки зрения оттуда: с одной стороны виден S-t Pietro, налево от него — M-te Mario, вдали — горы, с противоположной стороны сада — вид на Кампанью; первый план покрыт деревьями, только налево видна часть цепи гор, высшая точка Monte Cavo, на котором стоит монастырь на самой вершине; видно, как горы мало-помалу становятся ниже и ниже и начинается Кампанья бесконечная — как ее не полюбить!..»

Опасения Таты, что отец прервет их жизнь в Риме, не были основательны. Герцен писал ей 11 мая 1863 г.: «Пока решим, живите в Риме» (XVI, 243). Свое путешествие в Италию он отложил, видимо, из-за событий в Польше. В том же письме к дочери Герцен писал: «Твоя жизнь теперь в Италии тебе дала материал на годы». В связи с поездками дочерей в окрестности Рима, он напоминал Тате о страницах «Былого и дум»— описание поездки в Frascati в главе о Васильевском: «Тогдашняя жизнь у меня осталась в памяти, как величественный вечер, за которым не покой, а ночь работы» (XVI, 244). Герцен подчеркивал, что и ему Италия «дала материал на годы»; он хотел, чтобы и Тата «годами работы» доказала свое право на те блага, которые она получила в Италии. Согласно воле отца, она действительно поставила живопись в центре своих занятий. В Риме она не только осматривала город и его галереи, но и работала. Она строго судила свои рисунки, требовала критики от окружающих, не доверяла похвалам. Она пользовалась случаем посылать на суд отца и Огарева свои работы, с волнением ожидая их отзыва. 26 мая 1863 г. она писала Огареву:

«Ты не извиняйся, милый Ага, что не так часто пишешь, как бы хотелось; я очень хорошо понимаю, как это делается. Ужасно нас обрадовало позволение папаши, да мы уж так и думали, что он позволит, а то бы

* в тогу (франц. «toge»).



АППИЕВА ДОРОГА
Акварель С. Корроди, 1868 г.
Литературный музей, Москва

не спросили. В Неаполь, не понимаю еще совсем — почему, он не хочет ехать — должно быть, причина существует, и это „basta“ *, не надобно и слишком много требовать. Теперь с нетерпением жду его приезда — надеюсь, надеюсь, что он будет доволен моими этюдами. Однако вы и прежде увидите что-нибудь моей работы в будущее воскресенье, т. е. 31 числа. М-г Фрикен уезжает и едет прямо к вам через Париж; с ним я пришлю портрет, рисунок „Stella“. Сначала я хотела послать его папаше, так и следовало бы — первый рисунок из Италии. Но вспомнила, что скоро Сашино рождение, и решилась послать ему. Хотя рисунок фиксирован, он нарисован одним углем и легко сотрется —поэтому попрошу тебя (если тебе покажется, что стоит того) покрыть его стеклом или самой простейшей рамкой и повесить в Сашину комнату к его возвращению. Надеюсь, что ему понравится! Я ужасно над ним трудилась, но Stella очень трудна, не я одна отчаиваюсь над ее головой, а решительно все. Пожалуйста, напишите, как только получите, как вам понравится, и сделала ли я прогрессы. Боткин находит, что да, но все эти русские артисты не довольно строго судят (по секрету скажу, что я Мальвиде тоже не очень верю). Lehmani еще не был до сих ⟨пор⟩, нахожу, что у Ольги глаз вернее всех, она лишь очень часто делает справедливые замечания, но о прогрессах она, конечно, судить не может.

Как я вам уже писала, Stella маленького роста и худа, на вид такая тихонькая, смирная, а сегодня она мне рассказывала о какой-то американке, которая ее обманула,— взяла внаем какой-то стол, а платить не хотела — засверкали у Stell'ы глаза, она зажала кулак и сказал: „Хорошо, что мы в Риме и что она с тех пор одна не выходит, а то бы проучила я ее, да я ей предсказала, поэтому она и боится. Эти американцы думают, что с нами, итальянцами, можно обращаться как у них с неграми, даже в комнату не пускать, а сквозь дверь говорить“ и т. д. Она была бы в состоянии побить ее. Уж вот итальянская кровь! Начала я ее мужа Antonio масляными красками — как трудно! До сих пор он похож, но цвет теней ужасен. Модели ходят ко мне еще раньше прежнего, т. е. ровно в 8 — с восьми до двенадцати работаю беспрерывно. Хотелось бы мне и после обеда брать, но больно дорого — это вышло бы скудо в день — по часам их не берут, а по полдням; поэтому я рисую с бюстов, что, конечно, тоже очень полезно.

Цветочки, о которых ты говоришь, я сейчас узнала; в Риме их нет, но в Albano и Фраскати земля ими покрыта; я ведь Саше посылала оттуда; разве он тебе не показывал или не получал? Я себе взяла оттуда по цветочку каждого сорта; остался у меня и этот — посылаю тебе его с крепким поцелуем.

Твоя Тата

Благодарю за портреты детей; всех целую, на днях опять буду писать, теперь adieu, прощайте.

„Колокола“ и „Пунша“ *не получала*».

Упомянутый в письме рисунок — портрет Стеллы — был привезен Герцену А. Ф. Фрикеном, русским искусствоведом, жившим в Риме и помогавшим своими советами Тате в ее занятиях искусством. 13 июня Герцен писал дочери: «Милая Тата, твой рисунок и все ваши посылки пришли. Мы внимательно смотрели на Стеллу; мне нравится общность рисунка, но я меньше привык к черному карандашу, чем к красному Фр⟨икен⟩ сказывал, что художники были довольны» (XVI, 308). Через несколько дней Герцен сообщил: «Стелла твоя отдана в рамку» (XVI, 311).

* «довольно» (итал.).

Названный в начале письма Леман — очевидно Анри Леман (1814—1882), французский художник, ученик Энгра; Тата брала у него уроки живописи.

После письма от 26 мая 1863 г. в письмах Таты к Огареву, сохранившихся в «пражской коллекции», перерыв до 8 марта 1864 г. Осенью 1863 г. дочери Герцена в сопровождении Мейзенбуг временно покинули Рим для встречи с Герценом. Встреча состоялась в Неаполе. На рукописи своего очерка «Трагедия за стаканом грога» Герцен сделал надпись: «Тебе, друг мой Тата, дарю я этот рассказ в память нашего свидания в Неаполе 28 сентября 1863 г.» (XVII, 271). Неаполь она покинула вместе с отцом 13 октября. Герцен с дочерьми посетил Флоренцию, где они пробыли с 4 по 22 ноября. «Прием от своих и от итальянцев далеко превзошел мои ожидания»,— писал Герцен Огареву 11 ноября. 26 ноября Герцен поехал через Швейцарию в Англию, а его дочери и Мейзенбуг вернулись в Рим. По возвращении в Англию, Герцен написал 12 декабря дочерям письмо (XVI, 543—544). К этому письму Огарев сделал следующую приписку

«Милые мои детки, ну вот и pater* с нами. И рад, что он здесь, и жаль мне, что он не с вами, и жаль мне, что вы не с нами. Авось мы скоро все свидимся. Обнимаю вас крепко. Мальвиду благодарю за красную рубаху, но нот ждем. Pater старается припомнить мотив и все, что он запоет, выходит

Perche quanno mi vede,
T'engriffe come un gatto?**

Писать сегодня больше не хочется. Сидячая старая женщина мне больше всего нравится. Вырабатывай себе жанр во всех размерах и в росте и в уменьшенной величине. Что ольгина болезнь?» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 241, л. 38).

«Красная рубаха» — camicia rossa — рубашка гарибальдийцев, за присылку которой Огарев благодарит Мейзенбуг, была дорога ему как символ растущего национального движения в Италии, возглавляемого Дж. Гарибальди. Двустишие, приведенное Огаревым,— из народной неаполитанской песни, которая пелась на мотив гимна Masaniello. Эту песню упоминает Герцен в «Письмах с Via del Corso» (VI, 601).

В письме от 8 марта 1864 г., написанном из Рима, Тата рассказывает о знакомстве с русскими семействами Володимеровых и Устиновых. Нам остается неизвестным, при каких обстоятельствах состоялось это знакомство, но характерны те мотивы, которыми дочь Герцена объясняет свое сближение с этой семьей передовых русских людей, почитателей ее отца. О Григории Григорьевиче Устинове мы знаем только, что он был знаком с Чернышевским (XVIII, 19).

Сообщаемые Татой факты позволяют включить его имя в число тех, кто провозил в Россию сочинения Герцена и Огарева и распространял их. Описанные в письме фотографии, подчеркивающие сочувствие изображенных на них лиц к Герцену и его «Колоколу», не сохранились ни в одном из известных герценовских фондов. Ответить утвердительно на вопрос Таты о получении 100 франков от Г. Устинова в «Общий фонд» не представляется возможным: в «Колоколе» за последние месяцы 1863 г. не было объявлено о получении именно такой суммы из Италии.

В письме из Рима от 8 марта 1864 г. Тата писала:

«Уж как давно я тебе не писала, милый мой Огарев, ни на что не похоже. Но из других писем ты, верно, знаешь, что я в последнее время

* отец (лат.).
** «Почему, когда меня видишь, ты царапаешься, как кошка?» (итал.).

ЗА ТАБЕЛЬДОТОМ В ГОСТИНИЦЕ ФЕДЕР В ГЕНУЕ. ЗАРИСОВКИ Н. А. ГЕРЦЕН, 1869 г. Сохранились среди писем Н. А. Герцен к Огареву в «пражской коллекции». В нижнем поле рисунка рукой Герцена (слева): «*поп, едущий из Испании на Consile», (справа): «** Очень юный англичанин. 24 ноября 1869. Genova. H-l Feder»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

немножко кутила, что раз была на бале, потом познакомилась с русским семейством, очень подружилась с молодой девушкой, Катей Володимеровой. Все семейство и отец, который прошлого года умер, очень работали для распространения ваших сочинений, привозили из-за границы, давали всем читать. А Устинов, муж катиной сестры, снимал портрет с „Колоколом" в руках; на днях они мне показали портреты товарищей: двое сидят у стола, один держит большую папашину фотографию в руке и показывает другим,— а фотография сделана в России и прислана по почте. Катя такая милая, простая и чисто русская девушка, что нельзя ее не полюбить. Страстно любит Россию, много мне об ней рассказывает.

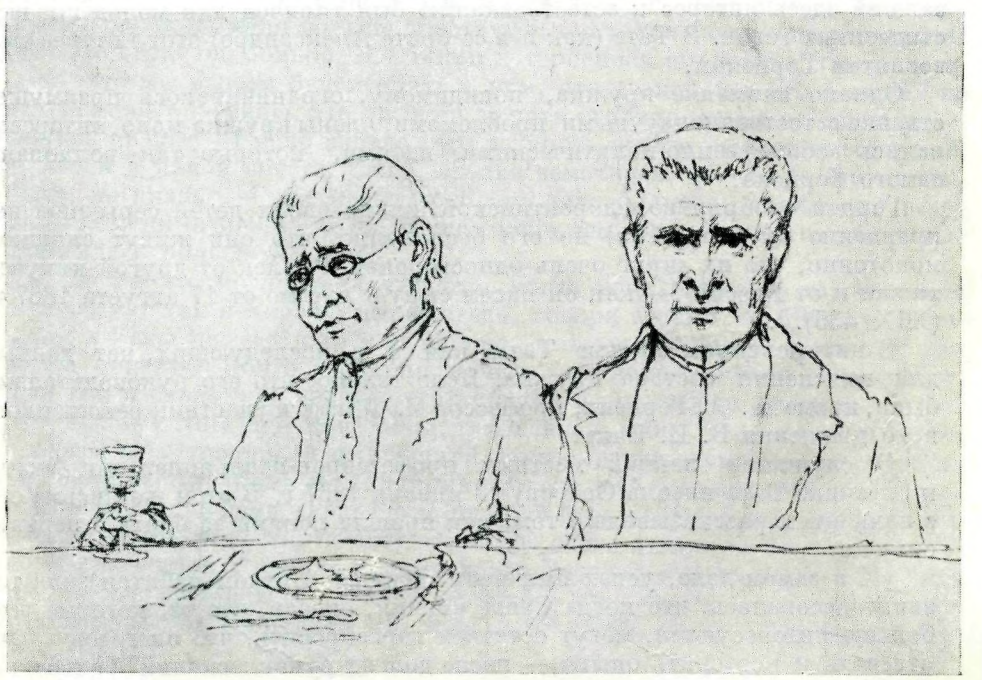
Представь себе, что она уже в России желала познакомиться со мной, все мечтала о том, как это устроит, когда будет за границей, а вот случай и соединил нас. Мы видимся почти ежедневно, я к ним захожу, когда хочу, иногда в 8-м часу, до галереи, иногда вечером, иногда они заезжают за мной в три, когда галерея запирается, мы вместе катаемся; да, Катя так просила, так манила, что опять не устояла — сшила себе простую серую амазонку и стала ездить с ними верхом по воскресеньям — и то не каждое — потому что неделю тому назад погода была нехороша; они поехали в неделю, просили меня опять, но я отказала, потому что это меня бы заставило потерять два часа в галерее. А какое это чудесное удовольствие — ты можешь представить, Ага, по Кампанье ездить теперь! Молодой человек, катин брат, Володимеров, очень мил на вид; я его вижу очень мало, он ведет совсем особую жизнь, здоровье его очень слабо, он должен быть очень много на воздухе, притом не ходить, так что он почти целый день в коляске едет; ему запрещено много заниматься, но

для музыки у него удивительный талант, и теперь он только ею и занимается. Они скоро будут в Англии, т. е. Володимеровы, Катя и брат, а Устиновы едут в Неаполь. A propos, припомни-ка, Огарев, получил ли ты несколько время после папашиного отъезда из Лондона 100 франков из Генуи для фонда от *Г. У.* и было ли это объявлено в „Колоколе"?— Не забудь ответ прислать, пожалуйста...»

От 1864 г. сохранилось еще три ноябрьских письма, незначительных по содержанию. Следующее за ними письмо в «пражской коллекции» датировано 22 ноября 1866 г. Такой большой пробел в переписке Таты с Огаревым объясняется не только случайными причинами (несомненно, не все письма дошли до нас), но и тем, что Тата в конце мая 1865 г., вместе с сестрой Ольгой и М. Мейзенбуг, покинула Рим, чтобы поселиться вместе с отцом в Женеве, где жил и Огарев.

Рассчитывая здесь, в Женеве, расширить и укрепить свои связи с революционной эмиграцией и тем создать более благоприятные условия для издания «Колокола» и для продолжения революционной работы, Герцен, вместе с тем, хотел наладить и семейную жизнь, собрать около себя всю свою семью. «Я еду ⟨...⟩, чтобы двинуть общее и частное, взять вас всех,— тебя, детей — и на возможно здоровый простор светлой осени»,— писал он Н. А. Огаревой еще в конце 1863 г. (XVI, 539). Однако и здесь нескладица семейной жизни не исчезла, отношения с Н. А. Огаревой становились все более мучительными, что не могло не отражаться на жизни дочерей Герцена.

Возникший в 1866 г. проект переезда Таты и Ольги во Флоренцию к Саше не встретил у Герцена сочувствия. Особенно он опасался за Тату, что она окажется в чуждой ей среде иностранцев. Все же в конце концов Герцен согласился отпустить дочерей и они уехали с М. Мейзенбуг.



ЗА ТАБЕЛЬДОТОМ В ГОСТИНИЦЕ ФЕДЕР В ГЕНУЕ. ЗАРИСОВКИ Н. А. ГЕРЦЕН, 1869 г.
Сохранились среди писем Н. А. Герцен к Огареву в «пражской коллекции»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

В первом из писем флорентинского периода (от 22 ноября 1866 г.) Тата вспоминает свою «одинокую жизнь» в Женеве с отцом и рассказывает Огареву о своих занятиях и новых друзьях:

«...наша жизнь очень мило устроилась. Может быть, ты читал мое последнее письмо к папаше и уже кое-что об этом знаешь, но повторение, верно, тебе не надоест, не правда ли, милый Ага? Мне не хочется, чтобы ты был несправедливым к нашему кружку флорентинскому. Я помню, что когда я еще была в Женеве и вы только переписывались с Сашей и Мальвидой о моей поездке во Флоренцию,— ты как-то говорил, что все здешнее общество не может иметь на меня хорошее влияние в одинокой моей жизни с папашей. Во многом это справедливо, и мне самой было так хорошо, исключая те дни, когда папаша уезжал,— но хорошо и побыть с людьми, а то совсем одичаешь — отучаешься даже говорить. Итак, вот видишь, гениев у нас покамест нет в нашем кружке, но и пустых светских франтов тоже нет. У каждого свое дело, каждый работает по своей части, а по вечерам собираются то у нас, то у Mme Schiff — покамест назначены два вечера: по понедельникам приходят к нам, по четвергам собираются у Шиффа. Каждый, по очереди, должен кое-что почитать или составить лекцию о чем-нибудь, касающемся его специальности. Бакст добрый так увлекся, что сам предложил прочитать лекцию — о чем — еще не знаем.

Когда чтение кончено, начинают бомбардировать несчастного «élu» * вопросами.— Никто нам по этим вечерам не мешает, потому что всем чужим велено говорить, что нас дома нет.— Воскресенье назначенный вечер у Шиффа для всех, но он всегда сидит себе преспокойно в своем кабинете, работает или сидит за микроскопом...».

Приведенный отрывок дает некоторое представление о занятиях кружка флорентинской молодежи, к которому примкнула Тата. Господствовавший здесь интерес к естествознанию был типичен для молодежи шестидесятых годов. В Тате (как и в ее брате Александре) этот интерес был воспитан Герценом.

Однако внимание кружка, повидимому, ограничивалось преимущественно естественнонаучными проблемами: члены кружка мало интересовались общественно-политическими идеями, которые так волновали самого Герцена.

Герцен одобрял во флорентинской жизни своих детей серьезное направление их интересов, но его беспокоило, что они живут слишком монотонно, что их «круг очень односторонен и далек от другой кипучей жизни и от России»,— как он писал сыну в письме от 17 августа 1867 г. (XIX, 435).

В цитированном письме Таты, как и в последующих, нет данных для выяснения состава кружка. Ясно только, что его руководителями были, кроме А. А. Герцена, профессор М. Шифф и участник революционного движения В. И. Бакст.

О слушании лекций местных профессоров-итальянцев по физике и ботанике Тата писала Огареву 13 января 1867 г. В этом же письме она с волнением рассказывала о том, как прошла лекция ее брата о нервной системе:

«И в самом деле, успех был неожиданный. Битком набитая зала так заинтересовалась, что когда Саша кончил, сказав, что те, которые всех больше интересуются, могут остаться переспросить, что он готов на все отвечать и повторить опыты,— после долгих рукоплесканий больше половины остались и образовали тесный кружок вокруг нашего худенького „недопрофессорчика“».

---

* «избранника» (франц.).

О «блистательном» успехе этой же лекции своего сына, состоявшейся 6 января, Герцен с удовлетворением писал Огареву и Тхоржевскому (XIX, 187 и 188). 18 января 1867 г. Герцен сам приехал во Флоренцию. В последующих письмах Тата пишет преимущественно о нем, о его мыслях, настроениях, самочувствии. Первое из них написано 21 февраля, когда Герцен был в Венеции (уехал 17 февраля, пробыв там десять дней).

«Давно я с тобой не болтала, дорогой мой Ага. Не буду терять время, объясняя *почему*,— лучше сейчас же начну с разными рассказами и этим поправлю все дело.

Ты знаешь, конечно, что папаша в Венеции, что он первые пять минут был в восхищении и сейчас мне написал. Сегодня мы получили второе письмо, он уже пишет что „Venise est la plus *belle absurdité*“ *, что жить там невозможно, но взглянуть необходимо.

Я очень боюсь, что бедный папаша не был очень доволен своим пребыванием здесь. Может, он тебе писал, что начало было даже очень печальное; туча скоро рассеялась, но мне все-таки грустно думать, что у папаши и у Саши до такой степени нетерпеливые характеры, что они никогда жить вместе не могут. И это всего яснее видно из самых вздорных, глупых случайностей, как несчастный обед, который дал повод неприятному разговору, о котором я говорю. Я сама частью виновата была. Папаша сделал замечание нашей девушке, чтоб она за обедом носила блюда по такому-то порядку, наблюдая *лета* и *род*. Это было сказано полушутя — и Саша на это полушутя заметил, что „к чему это? Не вводи церемонии, папа“ — к несчастью, в присутствии Monod **. Но папа тут же мне сказал научить девушку. Это мне все казалось так неважно, и я все приняла за полушутку, посмеялась да с несчастным моим рассеянием забыла всю историю. На следующий день блюда подаются по-старому. Папаша мне сделал очень резкое замечание за невнимание. Положим, я была очень виновата, но неужели папаша мог думать, что резкие слова на меня больше действуют, чем тихое замечание или ласки? Мне это было так больно. Я с таким нетерпением его ждала, так радовалась, что мы втроем будем опять с ним, что резкий тон его я никак не могла понять — знаю, что он меня до того огорчил, что я не могла удержаться от слез. Я ясно видела, что и думать нечего о жизни вместе, т. е. с Сашей и папой вместе. Саша, сделав замечание, что „папа шутит, ты, Тата, не плачь“,— уж совсем испортил дело. Папа не понял, что́ всего больше меня огорчило — он утешал меня тем, что резкое его замечание относилось больше к Саше!

Как же это могло меня утешить, когда меня огорчало то, что папа вообще мог так нехорошо выражаться, говоря с нами, а будь это обращено к Саше ли, к Ольге или ко мне — это все равно — и это три дня после приезда! Долго это меня мучило, но делать нечего — это факт. Так как я давно уже видела, что никакой возможности нет устроить общей жизни с Natalie и Meysenbug, так я теперь вижу, что с папой и Сашей никогда не устроишь. А я, пожалуй, со всеми уживусь, характер у меня не такой вспыльчивый и обидчивый. Отчего у Саши характер такой крутой? Отчего папашин характер портится? Или, может быть, это была минутная вспыльчивость, потому что после этого ничего не было...».

Приведенная в начале письма фраза Герцена о Венеции взята из его письма от 20 февраля: «Soyez persuadée que Venise est la plus belle absurdité — que l'humanité ait faite...»*** (XIX, 216). В этом оригиналь-

---

* Венеция — это самая *великолепная нелепость* (франц.).

** Габриэль Моно, впоследствии ставший мужем О. А. Герцен.— *Н. А.*

*** Будьте уверены, что Венеция—самая великолепная нелепость из всех, созданных человечеством (франц.).

ном, чисто герценовском определении верно и точно выразился главный мотив в общем комплексе впечатлений Герцена от прославленного города. В очерке «Venezia la bella», включенном в «Былое и думы» (напечатано в 1868 г. в VIII книге «Полярной звезды»), именно этот мотив был развит Герценом в блестящую характеристику города.

Выразительно описанный Татой случай за обедом наглядно рисует ту повышенную раздражительность, которая была свойственна Герцену в последние годы его жизни. Если в данном отдельном случае это и могло быть «минутной вспыльчивостью», как предполагает Тата, то, вообще говоря, подобные вспышки были не случайны и обращали на себя внимание близких. Еще 5 мая 1866 г. Огарев писал Герцену: «Я с глубоким горем смотрю на возрастание твоей раздражительности ⟨...⟩ Мне кажется, что твоей раздражительностью ты много теряешь влияния кругом себя» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 422). Как на одну из причин этого, Огарев указывает на отношения с Н. А. Огаревой, но вместе с тем ему понятно было и другое: «Общие вопросы также сильно возводят твою раздражительность в ту степень, где ты страдаешь всем — и современной нелепостью, и подлостью, и бедностью мозга молодого поколения ⟨...⟩, и собственным временным неуспехом — и страдаешь до того, что самая задача как будто теряется из виду, является каким-то делом отчаянным, потерянным, и ты только иногда натягиваешь в себе веру в нее, а, в сущности, всего больше звучит раздражительность» (там же, стр. 423).

С присущей Огареву чуткостью и проницательностью преданного друга он указал в этом письме на сложные причины, влиявшие на характер Герцена. Можно думать, что известную роль в этом играло и начавшееся уже заболевание диабетом, которое было определено врачами только в начале 1868 г.

В последней части того же письма, помеченной 23 февраля, Тата сообщала Огареву:

«Живописец Ге сделал отличный портрет папаши. Вот это будет историческая картина! Как только он высохнет, я возьмусь за копию...».

По свидетельству Н. Н. Ге, дочь Герцена присутствовала на всех сеансах, пока он писал портрет. Художник, приступая к работе, имел в виду всех тех, кому дорог Герцен «как человек, как писатель», то есть тоже придавал этому портрету историческое значение. Герцен писал в это же время Огареву: «Портрет Ге — chef d'œuvre. Тата будет его копировать» (XIX, 215).

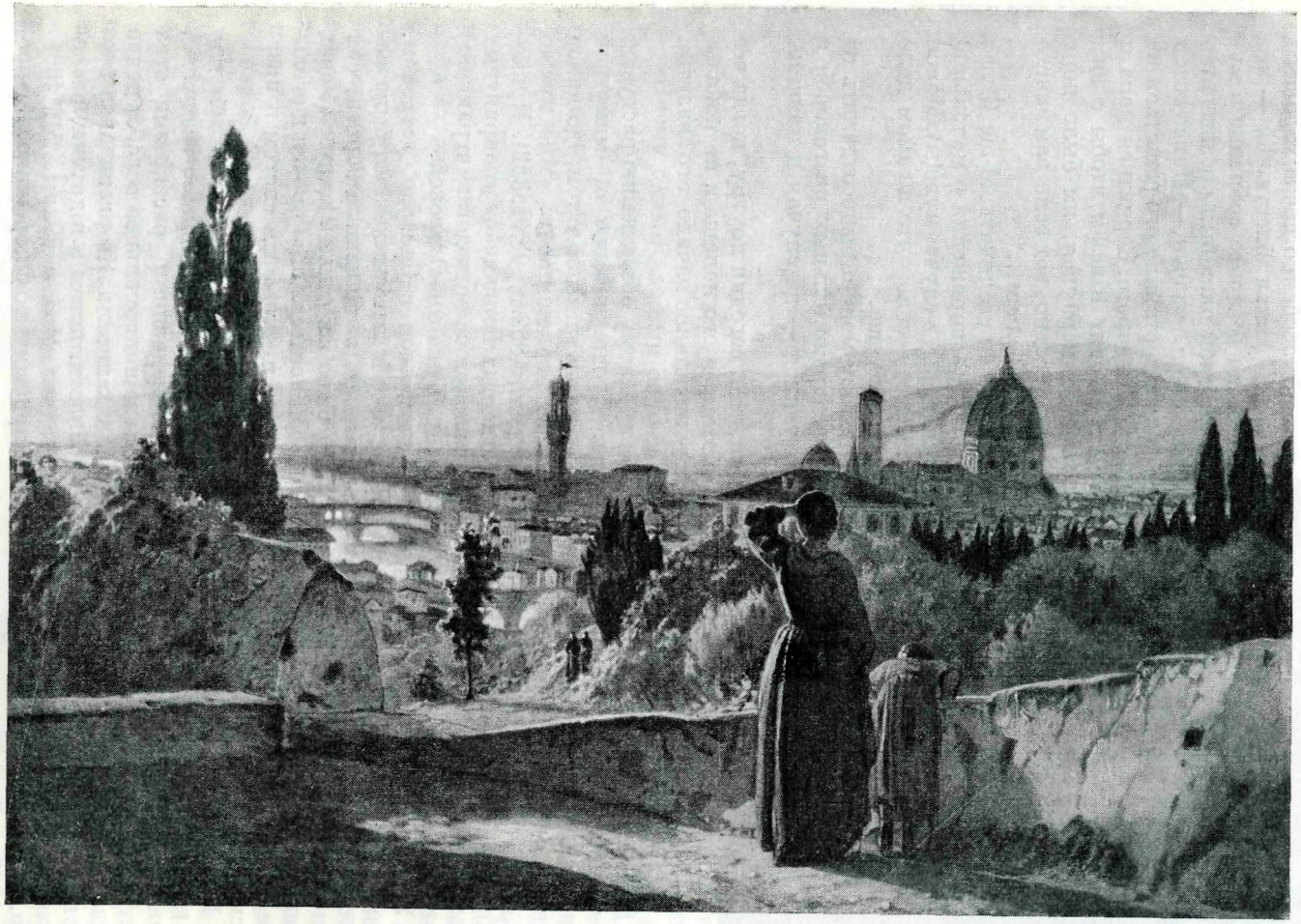
Однако по случайной причине, в связи с временным отъездом Ге, копирование началось не сразу. 18 мая Тата писала Огареву:

«Ге, наконец, вернулся; ему очень досадно, что он мне не отдал *портрет* до отъезда, но дело в том, что он думал вернуться через неделю, а остался шесть. Но портрет остается во Флоренции к моим услугам».

Тата не ограничилась снятием копии, она, одновременно с Ге, самостоятельно работала над портретом отца, и он стал одной из лучших ее живописных работ (он воспроизведен по авторской копии в т. 62 «Лит. наследства» — фронтиспис); подробнее о портретах Герцена работы Н. Н. Ге и Н. А. Герцен см. в настоящем томе, стр. 759—760).

Письмо от 10 марта 1867 г. написано в день отъезда Герцена из Флоренции в Ниццу, где в это время находилась Н. А. Тучкова-Огарева с Лизой. Ответное письмо Огарева на письмо Таты от 21 февраля (оно остается нам неизвестным) вновь привлекло ее внимание к вопросу о настроении Герцена — этому и посвящено настоящее письмо:

«Благодарю тебя за твое письмецо, добрый мой Огарев. Папаша только что уехал,— один Саша поехал его провожать, потому что все



ФЛОРЕНЦИЯ
Картина маслом Н. Н. Ге, 1868 г.
Музей русского искусства, Киев

простужены, а погода ужасная, т. е. дождик шел целый день.— Милый папаша, отъезд его веселее, чем приезды!

Ты не думай, Ага, что я увеличивала что-нибудь в рассказе, но теперь я с другой стороны вижу, до какой степени *среда* действует на папашу. Как он здесь становится все веселей и веселей, особенно после хорошего впечатления Венеции. Наконец, как *букет*, финал блестящий — все наши знакомые мужеского пола отправились на вечернее собрание в музее у prof. Matteuci. Саша читал лекцию, которой папа был чрезвычайно доволен,— и весь сегодняшний день был очень удачен.— Папа хотел сперва ехать в четыре часа, но погода ужасная заставила его решиться на прямой путь, т. е. прямо в Геную по железной дороге. Сердиться папа и не думал — пошел со двора, в это время приходят Шиффы, чтобы с ним проститься; дождались они его, но, когда он вернулся, им было пора ехать домой к обеду. Папа сказал: „Ах, как досадно, вот если вам ничего раз поголодать, оставайтесь — мы вместе пообедаем...“

Вот idée lumineuse!* Я побежала, велела стол увеличить, M-me Шифф побежала домой дать некоторые приказания, распоряжения о маленькой Мими, воротилась с Гуго Шиффом и с *супом* (меры, в случае нужды). Monod тоже пришел, все это было так живо, мило, весело, что в самом деле можно сказать, что последние дни были всех лучше.

Я по всему этому вижу, что если б папашу можно было отдалить от разных неприятных дрязг в Женеве, от раздражительных разговоров и переговоров с Natalie, он бы совсем отучился — да случая и причины не было бы быть нетерпеливым.

Твое письмецо пришло очень некстати, т. е. сегодня поутру, когда все были в хорошем расположении духа, поэтому я его папаше и не показывала — не хотелось мне напоминать ему печальное начало его визита».

В этом письме Тата подошла к более глубокому объяснению растущей нервозности и раздражительности отца. Предположение о «минутной вспыльчивости» отброшено, вместо него выдвинута мысль о том, «до какой степени среда действует на папашу». Сам Герцен писал: «Мне нужно ⟨...⟩ Anregung** со стороны среды» (1 апреля 1869 г.; XXI, 352). Примечательны и ее слова о желательности отдалить Герцена от «неприятных дрязг» в Женеве (имеются в виду отношения с «молодой эмиграцией») и от «раздражительных разговоров» с Н. А. Тучковой-Огаревой.

Упомянутый в письме Маттеучи — профессор в Спеколе, астроном. Прочитанная А. А. Герценом на собрании у Маттеучи лекция была посвящена проблемам нервной деятельности. Об этой лекции Герцен, сам присутствовавший на ней, писал Огареву в тот же день, 10 марта: «Успех Саши вчера был полный и заслуженный. Он свою лекцию прочел щегольски, не останавливаясь, не ломаясь, просто, прекрасным слогом и интересно» (XIX, 239).

После отъезда Герцена из Флоренции «самым важным событием для Таты явилась ее встреча с Гарибальди, описанная в письме от 18 апреля. Она ехала к Гарибальди, взволнованная недавними рассказами отца о его свидании в Венеции с героем борьбы за национальное освобождение Италии. Гарибальди в своих воспоминаниях писал: «Я организовал крестовый поход сначала в Венецианской области, потом и в других, расположенных у Рима» (Дж. Гарибальди. Мои мемуары. М., 1931, стр. 166). Осуществляя этот «поход», он прибыл и во Флоренцию. 18 апреля 1867 г. Тата писала Огареву:

---

* блестящая мысль! (франц.).
** возбуждение (нем.).

ЛИЗА ГЕРЦЕН
Фотография, начало 1860-х гг.
Исторический музей, Москва

«Начну самым важным событием, милый мой Ага: вчера вечером мы были у Гарибальди!— Третьего дня M-me Mario встретила Ольгу и сказала ей: „Гарибальди здесь. Если вы хотите его видеть, приходите завтра вечером — we'll be alone with few gentlemen“ *. Ну, я так и ожидала, что выйдет очень глупо, ведь везде целыми толпами его ожидают. — Мы поехали и, подъезжая, увидели толпу карет, а наверху устройство было преглупое. В первой комнате сидел Гарибальди в чересчур оригинальном костюме — так, как он представлен на последних фотографиях — папаша их видел здесь. Какая-то шитая бархатная шапка, пестрая шинель на красной рубашке — и так он сидел, окруженный дамами, которые на него смотрели и ничего не говорили; ужасно глупое устройство, мужчины все были в другой комнате. Однако, когда мы вошли и M-me Mario сказала, что мы дочери Герцена, он был чрезвычайно мил и любезен. Я села возле него, он сейчас стал спрашивать о папе, просил ему кланяться, спросил тоже: „Où est donc Alexandre?“ ** А бедный Саша лежал с страшнейшей головной болью и тошнотой. Но зато он пойдет теперь к нему.

Какая славная голова у Гарибальди, и такое тихое, доброе выражение. Очень жаль, что нельзя его видеть спокойно, но все-таки довольна, что его видела...»

Герцен, узнав о встрече его дочерей с вождем итальянского освободительного движения, писал Ольге 24 апреля 1867 г.: «Желая тебя особенно поздравить с знакомством с Гарибальди, пишу тебе на бумаге zu schön»*** (XIX, 274). В письме от 12 ноября Герцен сообщил сыну о портрете Гарибальди, сделанном Татой (XXI, 148).

---

* у нас будет только несколько человек (англ.).
** «А где же Александр?» (франц.).
*** такой красивой (нем.).

II

1867—1869 гг.

ПОПЫТКИ СПЛОТИТЬ СЕМЬЮ. — КОНГРЕСС ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ. — БОЛЕЗНЬ ОГАРЕВА. — ПОРТРЕТ ЛИЗЫ. — ГЕРЦЕН В ВИШИ. — СОЧИНЕНИЕ ОГАРЕВА «С УТРА ДО НОЧИ» («ДЕНЬ»). — ШУТОЧНАЯ ПЬЕСА Н. А. ГЕРЦЕН «ФОТОГРАФИИ С ОРИГИНАЛА». — НЕРВНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ Н. А. ГЕРЦЕН

В мае 1867 г. Тата, по желанию Герцена, приехала из Флоренции в Ниццу, где жила Н. А. Тучкова-Огарева с Лизой. Герцен надеялся, что неприязнь Наталии Алексеевны к Тате не помешает им наладить совместную жизнь, которая создаст условия для благотворного влияния старшей его дочери на неуравновешенный характер Лизы.

В письме от 3 июля из Ниццы Тата знакомит Огарева со своей жизнью в Ницце: называет прочитанные ею книги (возможно, указанные ей отцом), рассказывает о неудавшейся попытке собрать вместе всю семью, о встречах с семейством Гарибальди (родственников Джузеппе Гарибальди); письмо заканчивается воспоминанием о жизни в Ницце в 1850—1851 гг., в котором отражен живой образ Герцена.

«...Ты спрашиваешь тоже, что я сама делаю. Ты понимаешь, что я почти целый день с Лизой; свободные минуты мы, большею частью, посвящали чтению. Когда для Лизы понятно, мы сидим втроем, а то вдвоем с Natalie... Ты из моих писем к папаше, верно, знаешь, что́ я читала, теперь же мы кончили мемуары Benvenuto Cellini, взяли роман George Sand'а, так как я так мало знакома с ее сочинениями,—„Le chateau des Désertes“...»

Я с некоторого времени готовлю папе сюрприз и так боюсь, что не удастся. Ты знаешь, как ему хотелось, чтобы мы как-нибудь все соединились летом, т. е. Natalie, Лиза, Meysenbug, Ольга, я и он, конечно; как только я узнала, что Meysenbug решается серьезно на такое длинное путешествие и едет в Венецию вместо San Ferenzo, которое только несколько часов от Флоренции, я немедленно написала, прося и умоляя их приехать сюда. Как это было бы мило! Но до сих <пор> не имею ответа, не понимаю что это значит. Natalie как будто испугалась, когда я ей сказала, но я ее уговорила и объяснила, что Ольга ведь уж не ребенок, что ее собственный нрав переменился к лучшему и что следует это сделать для папаши. Наконец, она согласилась. Ты можешь себе представить, с каким нетерпением я жду ответа от Мальвиды.

С семейством Гарибальди мы видимся очень часто. Отец чрезвычайно некрасив, лицо фауна, но умен; мать хороша собой, мила и добра; дети очень милы, я их очень полюбила, потому что девочка Нини, лет шести, мне очень напоминает Ольгу, когда она была маленькая, а мальчик, лет двух, так похож на бедного Лёля-бой характером и даже лицом. Такой же тихий, серьезный, умный. Раз отец его учил меня называть „M-elle Natalie“. Ребенок стал меня называть „Patalie, Tatalie“ и, наконец, „M-elle Tampie“, и так меня прозвали Mademoiselle „Tant-pis“ *.

Четверг. Ну вот я и получила ответ от Мальвиды, отказ. Она говорит, что долго колебалась, но недоверье взяло верх; теперь они уже в Венеции, во вторник выехали из Флоренции. Мне ужасно жаль, я почти уверена, что это короткое время все прошло бы очень хорошо — очень жаль. Ты лучше папе не говори совсем об этом; если б удалось, это был бы милый сюрприз ему — а так, он теперь не думает об этом, так, пожалуйста, не напоминай ему <...>

Как приятно на каждом шагу встречать старых знакомых, между народом; с тех пор как мы в новом доме, мы ходим в „établissement des

* «Тем хуже» (франц.).

quatre frères baigneurs" *. Это семейство Georges. Девушка Marianna, теперь почтенная „mater familias" **, меня учила плавать в 1850—51 году. Они нас очень хорошо помнят. Папа бросал маленькие монеты в море, мальчишки ныряли и приносили их...».

В письме из Ниццы от 25 сентября 1867 г. Тата откликнулась на созванный в Женеве съезд «Лиги мира и свободы», который открылся 9 сентября под председательством Гарибальди. Герцен получил приглашение участвовать в конгрессе, но ответил отказом. «... Я нахожу, что мы в ложном положении с запад⟨ными⟩ демократами, и до объяснения работать вместе не можем»,— писал он сыну 14 сентября (XX, 9). Когда председатель учредительной комиссии конгресса Барни отказался огласить на съезде письмо Герцена с объяснением мотивов его отказа, Герцен напечатал его в № 1 «Kolokol» за 1868 г. под заглавием «Un fait personnel» *** (XX, 96—101).

Огарев, недовольный отказом Герцена, принял участие в работах съезда. Тата стала на сторону отца, она разделяла его скептическое отношение к «писовке» (от англ. «peace» — мир) и возмущалась поведением Барни:

«А вот pater и хорошо сделал, что остался с нами, а как же Барни посмел не читать его письмо публично? Как это глупо!..».

Не одобряя участия Огарева, она все же была удовлетворена тем уважением к Огареву, которое выразилось в избрании его вице-президентом конгресса от русской секции:

«Как нам было забавно читать, что ты выбран вице-президентом, и так жалели, что не видели тебя во всем блеске».

И тут же она выразила свою тревогу в связи с бурным заседанием конгресса:

«Я ведь за тебя побоялась, когда услышала, что у вас там на конгрессе драка была».

Огарев, видимо, в конце концов признал правоту Герцена и писал ему 12 сентября:

«Конгресс все-таки не удался. Были речи очень хорошие, но до дела не доходящие ⟨...⟩ Конгресс кончился мизерабельно ****» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 470 и 472).

17 ноября 1867 г. Герцен вместе со старшей дочерью выехал из Ниццы во Флоренцию. В письме, начатом 4-го и законченном 6 декабря, Тата писала Огареву о том трудном положении, в которое она была там поставлена Н. А. Тучковой-Огаревой, и высказывала сожаление, что ей не удалось довести до конца задуманное перевоспитание Лизы. В этом же письме она сообщала:

«Сижу я у своего окна, из которого вижу окна жалкого Виктора-Эммануила, который продолжает бояться и скрываться. Увидим, что он сегодня сделает при открытии камеры. Мы пойдем с папашей на площадь, увидим, как народ его примет...».

Король объединенной Италии прибыл тогда во Флоренцию (тогдашнюю столицу Италии) для открытия парламента — «камеры». Употребленный Татой эпитет «жалкий» напоминает отзыв Герцена о Викторе-Эммануиле — «ничтожестве, из которого пытались сделать „bella e grande figura"» ***** (XIV, 731).

В феврале 1868 г. Огарев сломал себе ногу. В своих воспоминаниях Н. А. Тучкова-Огарева писала о том, как был потрясен этим Герцен, как Огарев «с большим присутствием духа вынул из кармана ножик

---

* «заведение четырех братьев-купальщиков» (франц.).
** «мать семейства» (лат.).
*** «Личное дело» (франц.).
**** самым жалким образом (от франц. misérable).
***** «прекрасную и величественную фигуру» (итал.).

и трубку, разрезал сапог, потом закурил и пролежал так до утра» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 373).

Тата, взволнованная случившимся, писала Огареву тотчас после получения известия о несчастье от Герцена, 27 февраля 1868 г.:

«С ужасом мы прочли описание твоего несчастия, дорогой мой Ага. Но тон папашиного письма нас успокоил. Я была готова немедленно ехать к тебе, Ага, и теперь еще прошу тебя мне сейчас же написать словечко, если желаешь, чтобы я приехала за тобой ходить. Все восхищаются твоим спокойствием и хладнокровием — как тебя нашли сидящим преспокойно и курящим трубку! Но как ты, должно быть, страдал? Ужасно больно? Хотя, например, Мещерский себе прошлого года ногу сломал около колена и уверяет, что только в первый момент было ужасно больно — потом он пролежал шесть недель, не страдая.

Неужели холод не имел влияния на тебя, т. е. что ты даже не простудился? Ноге это могло быть только полезно, по словам Шиффа и Levier. А здесь сколько несчастий было последнее время! Карнавал был блистательный для Флоренции. Никогда ничего подобного не было здесь — так толпились, что многие попадали под кареты. Но все-таки все было глупо, sans esprit, senza fugo, without wit, ohne Reiz *.

Папаша, ты как будто нарочно для Кати напечатал статейку „Moeurs russes“ **. Бедная она, право; мне и жаль ее и гадко. Надобно с ней вместе прочесть эту статью.

Что же ты думаешь о моем приезде, т. е. о моей поездке к Огареву? Обнимаю вас и крепко, крепко целую, доброму верному пану жму руку. Ваша Тата Г.».

Упомянутый в письме А. А. Мещерский — близкий знакомый семьи Герцена; Левье — врач, хорошо знакомый Шиффов. Катя, о которой вспоминает Тата,— это уже упоминавшаяся выше Володимерова (см. стр. 454), которую Герцен называл «дряннейшей» (XX, 164), имея в виду нравственную распущенность этой «прекрасной татарки» (XX, 254), принадлежавшей к русской праздной аристократии. На мысль о Кате Тату навело чтение статьи Герцена «Moeurs russes», напечатанной в № 4 «Kolokol» (см. также включенные в «Былое и думы» очерки «Махровые цветы» и «Цветы Минервы»). Герцен опасался дурного влияния на Тату со стороны «аристократической камелии», но эти его опасения были неосновательны.

Через две недели, в письме от 11 марта 1868 г., Тата вновь вернулась к основным темам предыдущего письма:

«Мерси, добрый, дорогой мой Ага, за твою записочку. Меня утешает и успокаивает всего больше то, что ты можешь опять писать и вообще заниматься, я знаю, что́ для тебя работа. А о нашей жизни что́ тебе сказать? О катиной истории не стоит говорить, а когда-нибудь подробно расскажу папаше. Мне кажется, что я проснулась после долгого кошмара, который на настоящую нашу тихую жизнь никакого следа не оставил, несмотря на то, что папаша себе воображает.

Так, как я папаше уже писала, катин приезд имел влияние только на *мой* образ жизни. Меня почти никогда дома не было — я *должна была* ходить к ней, чтобы она не приходила к нам...».

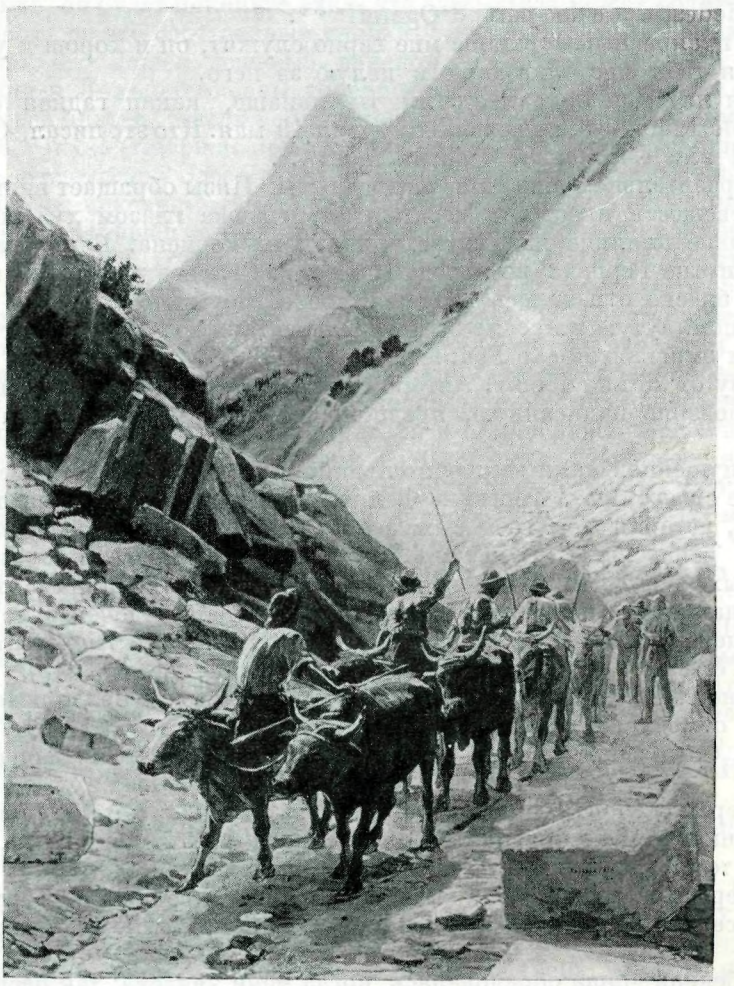
Следующее письмо датировано 28 мая:

«...Помнится, ты был когда-то в Пизе. Особенно мне понравилось местечко, верст пять-шесть от Пизы — Vecchiano. Брошенный, опустелый маленький монастырь на довольно высокой скале. Формация скал напоминает странные острые скалы около Monaco по дороге между Ниццей и Монако. С маленькой площадки великолепный, широкий вид на всю до-

* без блеска, без живости, не остроумно, лишено очарования (франц., итал., англ., нем.).

** «Русские нравы» (франц.).

лину, до Каррарских гор. Видна Пиза с своими игрушками: en face * море, острова вдали, Ливорно с своим маяком; а направо — всё поля, речки да озера Massaciuccoli у подножия первых холмов. Мы были там во время захождения солнца; буря приближалась, тучи собирались, в дали, на горах, уже шел дождик, цвета и все освещение изменялось ежеминутно —



КАРРАРСКАЯ КАМЕНОЛОМНЯ

Фотография с картины Н. Н. Ге; принадлежала Н. А. Герцен, на обороте помета ее рукой: «16 мая 1869 г. Флоренция»

«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

удивительно хорошо было! В сущности, это мне всего больше понравилось, хотя и *Гомбо* очень хорош; это большой лес, еловый и сосновый, на песчаной почве, так что на работу употребляют верблюдов — они свободно гуляют толпами, в лесу — это преоригинально. Лес доходит до берега моря. Песчаная полоса берега однообразна, зато линии гор и скал

* перед нами (франц.).

Каррарских и освещение всего этого вместе при закате солнца неописанно хорошо.

Ты, верно, жалеешь Petit Lancy, дорогой Ага? Или приятно себя чувствовать большим философом на chemin des Petits Philosophes *? Папаша прислал нам твой адрес, Огарев, прибавляя: „Он переезжает на улицу des Petits Philosophes — c'est un avantage pour la rue d'en avoir un grand et une modestie de la part d'Ogareff" **.

Твой прекрасный портмоне мне верно служит, он и хорош и удобен — словом, я тебя еще благодарю и целую за него.

Видел ли ты и показывал ли ты папаше, какая гадкая статья в „Le Peuple Polonais", женевский журнал 15 мая. Кто это писал, Серно-Соловьевич или Счеснович? Против папы...».

В выразительном описании окрестностей Пизы обращает внимание не только свежесть и острота восприятия пейзажа глазом художника, но и очевидное влияние на Тату стиля самого Герцена. В переданной ею дальше шутке Герцена по поводу переезда Огарева на новую квартиру во всем блеске отразилось герценовское остроумие.

На упомянутую в письме статью, напечатанную в женевском журнале польских эмигрантов «Le Peuple Polonais», Герцен откликнулся в письме к Огареву от 23 мая 1868 г. Автором статьи был Ченснович, фамилию которого, неверно написанную, предположительно назвала Тата в своем письме.

В выпущенной нами заключительной части письма Тата рассказывает о невесте своего брата Терезине Феличе и о подготовке к их свадьбе. Как известно, история женитьбы сына очень волновала Герцена, опасавшегося резкого неравенства культурного уровня и умственных интересов у молодых супругов. В «пражской коллекции» сохранилась тетрадь с воспоминаниями Таты о знакомстве Саши Герцена с дочерью ветошника, работницей Терезиной, и об их женитьбе («Mariage d'Alexandre Herzen (fils) et Térésine Felice»— ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 343).

В июне 1868 г. Герцен вызвал дочь из Флоренции, и она приехала в Женеву, а отсюда направилась в Берн, чтобы навестить М.• К. Рейхель (Машу). Следующее письмо написано было Огареву из Берна 2 июля 1868 г.:

«...Мерси, добрый, дорогой мой Ага, за строки, которые ты мне еще в последнюю минуту прислал. Что ты меня все благодаришь за то, что я заехала к тебе? Разве я это не из эгоизма сделала?

Но берегись, милый Ага, выздоравливай, а я скоро опять к тебе прискочу (все так же из эгоизма), а покамест обнимаю и крепко, крепко тебя целую.

Как бедная Маша обрадовалась, когда меня увидела; так расцеловала, что у меня шляпка слетела и я чуть-чуть сама не вывалилась из коляски...».

Это письмо устанавливает факт посещения Огарева Татой в июне 1868 г. В нем обращает внимание мотивировка посещения: «Разве я это не из эгоизма сделала?» Быть может, здесь следует видеть отголосок того этического принципа, который под именем «теории разумного эгоизма» был раскрыт в «Что делать?», а также в ряде философско-публицистических статей Чернышевского и Добролюбова. Воздействие этих идей могло затронуть и дочь Герцена.

В сентябре 1868 г. Герцен проходил курс лечения в Виши, куда его направили врачи, определившие у него диабет. Семья в это время прибыла в Лион, откуда Герцен предполагал выписать ее в Виши. Из Лиона Тата сообщала о полученном от отца 25 сентября 1868 г. письме:

* улице Маленьких философов (франц.).

** «Он переезжает на улицу Маленьких философов, для улицы удача — приобрести великого философа, а со стороны Огарева это скромность» (франц.).

«Милый, дорогой, добрый мой папа-Ага, как я рада, что ты себя чувствуешь так хорошо! Вот от папаши только что получили письмо — веселое и довольное, потому что лечение, повидимому, идет очень хорошо. Только ему скучно одному, он нас выписывает к себе в Vichy, несмотря на то, что мы ему писали и напоминали все *контры*. Я ему напомнила, что, может быть, он будет покойнее один; что здесь Лиза может ходить в школу; что в Vichy, по его собственным словам, ужасно дорого — однако сегодня он пишет, что нашел дешевый пансион.

Натали и Лиза наполнены хорошими намерениями, первая себе даже сшила *серое* платье, сегодня купит себе новую шляпу — все для диабета!

Пусть только выдержат при случаях поважнее! Для себя лично я ехать, конечно, очень рада. Здесь очень тихо; я не предвижу возможности с кем бы то ни было познакомиться; а иногда очень хочется побыть с молодежью, найти себе товарищей, иногда мечтаешь о том, как бы хорошо было иметь кружок знакомых, хороших, симпатичных друзей! Не думаю, чтобы было хорошо слишком уединенно жить, пока еще не устал жить вообще...».

Следующее письмо было начато 16 ноября 1868 г. в Каннах и отправлено 21 ноября из Ниццы. В начале его Тата пишет о сделанном ею портрете Лизы, оригинал которого она подарила Герцену, а копию — Огареву:

«Как я рада, милый Ага мой, что лизин портрет тебе нравится. Он меня не удовлетворял, я поэтому его прятала и не решалась тебе отдать. Ведь он долго конченный стоял у меня во Флоренции. Впрочем, я тогда не могла тебе его послать — мне ошибкой дали какую-то *мазь* клейкую, вместо простого масла,— я помню, что он несколько месяцев не мог высохнуть. Но в Château Prangins он был со мной, и я не решилась тебе дать. Оригинал у папаши — мне кажется, он лучше. Задача была трудная, Лизе не сиделось на месте...».

По поводу этой работы дочери Герцен писал 7 ноября Лизе: «Ага очень рад твоему портрету, поставил его у себя перед глазами» (XXI, 147). Огарев в своем очерке «С утра до ночи» (посвященном Тате) писал: «...Погляжу на портрет Лизы, сделанный Татой. Я долго останавливаюсь перед ним; он мне так напоминает два любимых существа, что мне не хочется отойти от него» («Литературная мысль», т. I, Пг., 1923, стр. 232—233).

Далее Тата пишет по поводу своих бесед с доктором Бернацким, с которым Герцен сблизился в Каннах еще в марте 1865 г.:

«Мы разговариваем много вместе, „философствуем“. Но он не совсем освободился, даром что причисляет себя к „позитивистам“ — у него еще какие-то неясные метафизические мысли».

Несомненно, термин «освободился» дочь Герцена усвоила от отца — имеется в виду «освобождение» от иллюзий идеалистической философии и от религиозных верований. В «Былом и думах» Герцен в этом смысле употребил то же выражение при описании кризиса миросозерцания у его жены: «Не в книге и книгой освободилась она, а ясновидением и жизнью» (XIII, 89). С нежностью вспоминает Тата в этом письме отца, свою жизнь с ним в Виши:

«...Очень хорошо было! и Лиза старалась быть мила — папашу не сердит. Ум ее сам развивается и растет не по дням, а по часам.

Я боялась отъезда из Виши — мне хотелось как можно дольше остаться в этом одиночестве. Я предчувствовала, что „юмóры“ * переменятся с переездом — так и случилось.

Чем кончатся начатые разговоры теперь? Какое странное, негармоническое и несчастное существо N⟨atalie⟩! Она и Мальвида — единственные женщины в нашем интимном кружке — ни с одной, ни с другой я *не*

* настроения (франц. humeur).

могу быть близкой, я, которая так готова, так желала и желаю привязаться и любить, несмотря на то, что они меня называют холодной! Кто виноват? ⟨...⟩

Я невольно все сравниваю ее с Мальвидой — и все удивляюсь сходству результата их действий и страшному их (по-моему) неверному взгляду на все и на всех окружающих. Обеих мучает ревнивость и самолюбие — вследствие чего они часто так несправедливы...».

В заключительной части того же письма Тата делится с Огаревым своими воспоминаниями о рождении ее младшей сестры Ольги:

«Сегодня день рождения Ольги. Я еще так ясно помню как восемнадцать лет тому назад я сидела поздно вечером у бабушки и играла с Колей; не хотелось нам ложиться, несмотря на то, что бабушка уже несколько раз повторяла: „Поздно, поздно, пора в постель". Вдруг вбегает Рокка, берет нас за руку, говоря: „Пойдемте скорей, я вам покажу сестрицу!". Она лежала у мамаши, такая крошка, смуглая, на голове у нее был красный фуляр. Что она теперь делает? Как бы мне хотелось быть с ней, вместе провести этот день, а потом, потом вернуться к папаше и к Лизе...».

В декабре 1868 г. Тата заболела в Ницце оспой. Ухаживали за ней Н. А. Тучкова-Огарева и старушка Рокка, вдова повара, служившего в семье Герцена еще при жизни Н. А. Герцен-матери. Герцен был очень встревожен болезнью дочери. В переписке с близкими ему людьми за декабрь 1868 — январь 1869 г. он постоянно возвращается к этой теме (XX, 241—243; см. также «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 425—426).

В «пражской коллекции» нашлось еще одно письмо Герцена к М. К. Рейхель, относящееся ко времени болезни Таты и написанное 6 декабря 1868 г. из Ниццы (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 261):

«Спешу уведомить вас, что Тате лучше — опасность миновала, но страдает она ужасно. У ней просто была оспа — лица ее и до сих пор узнать нельзя.

Глаза почти совсем закрыты, мучительное нарыванье прыщей, распространившихся сверху до пяток, очень мучительно. Конечно, она не чешется, и я надеюсь, что следов не будет. Неужели же ей придется помереть? Нат⟨алья⟩ Ал⟨ексеевна⟩ и старушка Росса не отходят от нее. Лиза с англичанкой переведены на 5 этаж.

С вчерашнего дня поворот к подсыханью. Росса, берег, море — и Тата в постели без слов — она не могла говорить от прыщей во рту. Так и пахну́ло 1852 годом.

Прощайте. Дней через пять напишу».

После выздоровления Тата писала Огареву из Ниццы 21 января 1869 г.:

«Ты знаешь, как глупо прошли эти последние два месяца, дорогой мой Ага. Как только я выздоровела, Natalie заболела, как только она была опять в состоянии свободно двигаться, Лиза должна была лечь. К счастью, у Лизы было все так слабо, что голова даже не болела и лихорадка была едва заметна.

Ходила за нами за всеми добрая наша старушка Рокка, да она так и осталась у нас, потому что все ее полюбили: нам она предана почти до сумасшествия. „*M-r Erse* (она папашу так называет)— M-r Erse est mon roi et mon Dieu" * ⟨...⟩ ** как Рокка папашу обожал и всегда говорил, что подобного человека невозможно найти на свете. Притом она очень весела и ужасно смешна с своим постоянным „parlant par respect" ***. Говорить о чулках и башмаках она считает неприличным, поэтому всегда

---

* Г-н Эрс — мой царь и бог (франц.).

** Рукопись повреждена.— *Ред.*

*** извините за выражение (франц.).

прибавляет свою любимую фразу: „Parlant par respect, je me suis acheté des bottines“ *. Милая старушка!

Ну, а жизнь наша все тиха и уединенна. Дом наш стоит в хорошеньком саду, а сад в невозможном переулке, по которому, я думаю, кареты раза два, три в год проезжают, вследствие чего монастырская тишина кругом ⟨...⟩

Мне кажется, что N⟨atalie⟩ спокойнее после болезни, со мной она очень хороша, да и папаше как-то терпеливее отвечает, хотя он очень раздражителен.

О. А. ГЕРЦЕН
Фотография, конец 1860-х гг.
Исторический музей, Москва

Вырубов недавно приехал на короткое время, вследствие чего является ежедневно к нам в два часа (на vélocipède **). Немедленно начинается какой-нибудь спор — и продолжается несколько часов; иногда мы все выходим гулять, солнце ложится, луна показывается, а споры все продолжаются!.. Так как это очень интересно, я присутствую...».

Затронутой здесь теме посещений Вырубова и влияния на Герцена споров с ним посвящено и следующее письмо из Ниццы от 13 февраля 1869 г.:

«...Как подвигается твой „День“? Я все жду с нетерпением, добрый мой Ага.— У нас все так же тихо. Карнавал прошел едва заметно. Раз мы взяли коляску и участвовали в „Corso“— для Лизы, ей было весело, и цель этим достигнута. Хотелось бы, чтобы и взрослым было повеселее по временам — особенно папаше. Когда же это удастся устроить ему жизнь покойную и по его вкусу? Вряд ли наша слишком одинокая жизнь хороша для него. Я вижу, как его освежают, оживляют разговоры, споры и т. д. даже с Вырубовым. И как полезно было бы *молодым мозгам* присутство-

* «извините за выражение, я купила себе ботинки» (франц.).
** велосипеде (франц.).

вать при таких разговорах, я знаю сама по себе; часто жалею, что я одна этим пользуюсь. Он всегда готов объяснять, растолковать, все, что ни спросишь,— но тем не менее, il se laisse aller *, когда нет посторонних; ужасно жаль мне видеть, как он себе портит жизнь,— самому себе и окружающим,— придавая важность безделицам и поддерживая себя, как будто бы нарочно, в неестественно-раздражительном расположении духа. По временам я себя спрашивала, не болезненное ли это явление, но сомневаюсь, скорее недостаток деятельности, рассеяния — право, не знаю. Хотелось бы что-нибудь устроить, и никак не придумаешь, да он сам едва ли знает, в каком углу земного шара ему хотелось бы поселиться и *как* жить...».

Все учащавшиеся приступы угнетенного душевного состояния Герцена чутко воспринимались Татой. Жизнерадостного по натуре Герцена омрачало в эти годы многое: падение популярности «Колокола», а затем и его прекращение, трудные отношения с «молодой эмиграцией» , отсутствие ясных перспектив развития революционного движения в России и на Западе; немалую роль сыграли и запутанные отношения в семье, и начавшееся заболевание. Всей сложности этих причин Тата, конечно, не могла понять. Но она указала в своем письме на то, как оживляли Герцена *споры* «даже с Вырубовым» — черта, подмеченная очень верно.

«День», о котором спрашивает Тата в начале приведенного выше письма, это, очевидно, первоначальное название сочинения Огарева «С утра до ночи», посвященного Тате. В этом сочинении, опубликованном впервые С. Переселенковым в «Литературной мысли» (т. I, Пг., 1923), Огарев хотел «просто без всякой особенной формы — рассказать, что́ по большей части в продолжение дня думается, делается, говорится, встречается. Тут придется и серьезное, и шутки» (указ. изд., стр. 231). В очерк включено им несколько стихотворений, выражающих истинную любовь автора к Тате. С. Переселенков отнес эти стихотворения «к 1872 или к 1873 г., когда поэтический талант Огарева уже значительно потускнел» (там же, стр. 241). Из писем Таты, а также самого Огарева и Герцена явствует, что «С утра до ночи» следует датировать январем — февралем 1869 г.

21 января 1869 г. Огарев сообщал Герцену: «...Я с горя принялся писать мои мемуары для Таты» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 506); 6 февраля он вновь писал: «Пишу татину статью, бываю часто недоволен, но она меня увлекает так, что едва на что́ остальное хватает» (там же, стр. 514); о той же работе говорит он и 11 февраля: «Тате больше листа готово, но не могу решиться переписать и послать. Все мне кажется не то, чего хочется» (там же, стр. 517). В ближайшие дни работа все же была послана, и Тата тотчас же откликнулась на нее в своем письме от 16 февраля 1869 г.:

«Как ты видишь, письмо мое было написано до получения начала твоего „Дня", за которое я тебя все-таки благодарю и целую; несмотря на замечания папаши, которые, мне кажется, справедливы,— но ты непременно пришли продолжение, милый Ага, и как можно скорее. И не бойся (как ты мне говорил в первом письме твоем об этом), что „*Твой день*" не выйдет достаточно *забавным*. Ведь я *уж не ребенок*, чтобы искать только забавное,— меня серьезные вопросы даже больше интересуют и больше помогают не думать о маленьких ежедневных неприятностях, чем одно забавное. А право, меня ужасно мучает то, что *ничего* придумать не могу для папаши, да и для нас всех! И неужели вся жизнь пройдет в этом искании и придумывании?..».

Новая работа Огарева заинтересовала познакомившегося с нею в те же дни Герцена и возбудила у него мысль о ее напечатании в России.

* он поддается своему настроению (франц.).

20 февраля он писал Огареву: «Не хочешь ли твою эпистолу к Тате — в „Неделю“? стоит выдумать псевдоним» (XXI, 298).

Прожив с отцом в Ницце до 24 апреля (см. XXI, 368), Тата вернулась в Италию. В письме от 20 июля из Ливорно она вновь делится с Огаревым своими опасениями насчет отца:

«...Что ты мне пишешь о папаше, о его раздражительности, меня очень, очень огорчает.— Помнишь, что я тебе писала из Ниццы, как меня огорчала его вспыльчивость, доходящая до какого-то болезненного отчаяния

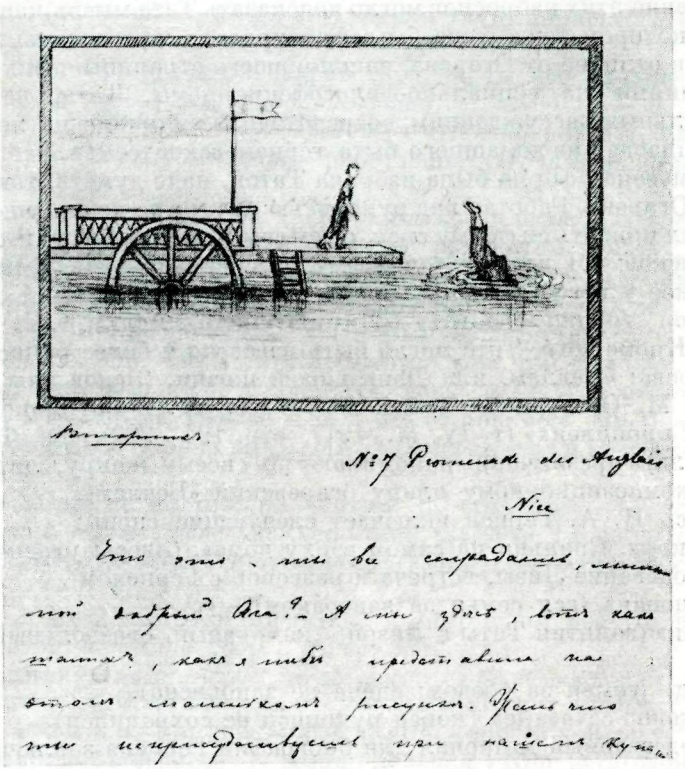


РИСУНОК Н. А. ГЕРЦЕН В ПИСЬМЕ К ОГАРЕВУ ИЗ НИЦЦЫ, 1868 г.

Н. А. Герцен изобразила себя и Лизу.

«А мы здесь вот как шалим, как я тебе представила на этом маленьком рисунке... Лиза плавает как рыбка, а я всех лучше плаваю, прыгаю, кувыркаюсь и ныряю...» (Из письма Н. А. Герцен)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

für nichts und wieder nichts *? Нет, добрый Ага, никогда не устроится общая жизнь, я в этом убеждена...».

Несколькими годами позднее, как бы подводя итог своим заботам о близких, своему служению семье, Тата писала Н. А. Тучковой-Огаревой 28 сентября 1873 г.: «Совесть моя чиста; все, что я могла делать, чтобы *уменьшать* дисгармонию атмосферы, в которой были окружающие, я *всегда* делала — где бы я ни была — в Италии или во Франции, в Швейцарии или в Англии» («Архив Н. А. и Н. П. Огаревых». М., 1930, стр. 94). Озабоченность Таты все более растущей напряженностью семейных отношений в доме ее отца нашла свое выражение не только в ее письмах к Огареву.

* из-за совершеннейших пустяков (нем.).

В «пражской коллекции» сохранилась рукопись, написанная рукой Н. А. Герцен. На заглавном листе обозначено: «Фотографии (с оригинала). В память о Villa Filippi, Ruelle Meslanzone, Rue de France, Nice. 6-го апреля 1869 года после Р. Х.». Рукопись представляет собою ряд изложенных в драматизированной форме сцен, рисующих день в доме Герцена.

Замысел этого произведения, отмеченного печатью несомненного литературного таланта, мог возникнуть у Н. А. Герцен под влиянием посвященных ей Огаревым набросков «День», которые он посылал ей в феврале 1869 г. Чтение этих набросков могло подсказать Тате мысль написать свой «День», в котором тоже была бы зафиксирована жизнь семьи «с утра до ночи». Но в отличие от Огарева, заполнившего страницы своих набросков размышлениями на социально-философские темы, Тата, не склонная к умозрительным рассуждениям, сосредоточила внимание на живых, конкретных эпизодах из домашнего быта герценовской семьи.

Драматическая форма была избрана Татой, надо думать, тоже под воздействием Огарева. Работая над рукописью «С утра до ночи», он одно время предполагал придать ей форму сцен, о чем сам писал в начале второй главы этих набросков: «Я даже хотел моему рассказу придать драматическую форму. Такое у него и заглавие водевильное. Но испугался. С драматической формой трудно сладить» («Литературная мысль», т. I. Пг., 1923, стр. 231). Кроме того, Тате могло быть известно и более раннее произведение Огарева: «Бедлам, или День нашей жизни. (Эскиз для комедии)», отнесенное М. О. Гершензоном к 1857—1858 гг. и опубликованное им в «Русских пропилеях» (т. IV, М., 1917, стр. 194—200). Ее «Фотографии (с оригинала)» чрезвычайно напоминают по своему жанру, литературной манере и композиционному плану огаревский «Бедлам».

Рукопись Н. А. Герцен включает следующие сцены:

1. «До кофе. Спальня на самом верху дома». (Здесь: утреннее вставание Таты, одевание Лизы, встреча и разговор с Герценом).
2. «Столовая» (вся семья за завтраком).
3. «Урок» (занятия Таты с Лизой; капризный, своевольный характер Лизы).
4. «Обед» (семья за обедом; сцена не закончена).
5. «Разговор с Natalie» (конец рукописи не сохранился).

Непосредственный материал для биографии Герцена заключают в себе два отрывка, печатаемые ниже. В первом из них (часть сцены первой) речь идет о повести Герцена «Доктор, умирающие и мертвые», над которой он работал в марте 1869 г. Père Amarante (по-французски — бессмертник) — выведенный в повести католический священник-иезуит, который пытается инсценировать у постели умирающего старика Ральера, якобинца и атеиста, его возвращение в лоно церкви, а когда это ему не удается, произносит над телом старого якобинца исполненную лицемерия речь о якобы состоявшемся раскаянии его. Воспроизведенное в отрывке восклицание Герцена: «Побесить французов поганых...» — напоминает оценку повести в письме Герцена к Огареву от 24 марта 1869 г.: «Это — французам орешек с горьким миндалем» (XXI, 333).

Второй отрывок (сцена вторая, дается с незначительными сокращениями) выразительно рисует живой облик Герцена: его нервность и вспыльчивость, вызываемую строптивостью Лизы и самоуничижением Natalie, и, вместе с тем, его пылкое негодование при чтении газетных известий о положении дел во Франции. Здесь же звучат отголоски тех споров с Вырубовым, о которых упоминалось в приведенных выше письмах Таты.

Оба отрывка печатаются по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 342, лл. 1—19).

ФОТОГРАФИИ (С ОРИГИНАЛА)

<1>

До кофе. Спальня на самом верху дома.

Тата и Бабетта кончают постель Natalie и, прыгая по лестнице, отправляются в спальню Герцена-Искандера... Он сидит за большим письменным столом в вязаной куртке-фуфайке couleur café au lait...* Всклокоченные волосы показывают, что он туалетом еще не занимался.

Тата (*обнимая и целуя его*). Здравствуй, папаша. (*Шутливо.*) Как изволили почивать?

Искандер. Ничего... здравствуй. А ты все раньше и раньше... (*Смотрит на часы.*) Хорошо... Хорошо...

Тата (*смотрит в книгу через плечо Искандера*). Ты, Vater unser **, все еще над «Доктором» своим работаешь? (*Начинает делать постель с Бабеттой.*)

Искандер. Да... Да... (*Крутит конец бороды и кусает ее.*) Это вышло очень удачно... вот увидишь... Я вам потом прочту... (*Улыбается самодовольно.*) Речь этого père Amarante — ха-ха-ха — имя-то какое! père Am-marante! Прелесть!! Это следовало бы теперь же перевести... Побесить французов поганых... да и Вырубова кстати...

Babette. Oh! Oh!... voilà quelque *soze* qui a sauté...

Тата. Qu'est-ce qu-il y a? — Ah, non, ce sont de graines de tabac!

Babette. M-me Rocca, il m'a dit comme cela, qu'il aimerait beacoup voir une puce dans le mic... mic... (*конфузится и краснеет*)... dans la *macine* en bas...

Тата. Dans le microscope — dites: mi-cros-cope... (*Babette еще более конфузится и не повторяет.*) Avec grand plaisir je lui montrerai à elle et à vous ***. (*Оборачиваясь к Искандеру.*) Она помешала тебе — ты хотел сказать...

Искандер. Ничего, ничего, а... потом дам кое-что переписать... (*Слышно пение и шаги в саду.*) А вот и почта...

Тата медленно кончает постель, чтобы дождаться старушки Рокки, которая должна принести письма. Старушка входит с журналом «Temps» в руках.

M-me Рокка. Bonjour M-r et M-elle... ah! (*Указывает на постель.*) Je vous attrape, méchante! (*Грозит пальцем.*) Non, vraiment, vous êtes trop bonne...

Тата (*передавая журнал Искандеру*). Rien que le journal? — Вот тебе на!— Bonjour, m-me Rocca, vous n'avez pas à me grondez — les lits me regardent — allez tricoter... **** (*Нежно берет ее за плечи, поворачивает и шутя выводит ее в салон.*)

Искандер (*рвет обвертку и раскрывает газету*). Нельзя сказать, чтобы наша корреспонденция шла живо... Огарев, как на смех, не пишет— знает, что я с нетерпением жду ответа... Проклятая небрежность...

Тата. Да из Флоренции давно нет ничего. Maintenant mon lit à moi, Babette, venez *****.

Уходят.

---

* цвета кофе с молоком (франц.).

** Отче наш (нем.).

*** Бабетта. О, о! вот *сто-то* прыгнуло...— Тата. Что там такое? Ах, это табачные зернышки! — Бабетта. Г-жа Рокка мне сказала, что ей очень хотелось бы видеть блоху в мик... мик...— в *масине*, которая внизу.— Тата. В микроскопе — скажите: в ми-кро-скопе... с большим удовольствием покажу и ей, и вам (франц.).

**** Добрый день, сударь и м-ль... ах! Я вас поймала, негодница... Нет, вы действительно слишком добры... Тата. Только газета?.. Здравствуйте, г-жа Рокка, не нужно на меня ворчать, постели — это уж мое дело, идите себе вязать... (франц.)

***** Теперь за мою постель, Бабетта, пойдем! (франц.).

⟨2⟩

Столовая

Искандер наливает себе кофе, Natalie режет хлеб стоя. Лиза громко разговаривает с собакой сквозь стекло. Тата целует Искандера и Natalie, потом подходит к Лизе.

Тата. Здравствуйте.

Лиза (*подавая щеку*). Я тебя уже видела.

Тата. Ну, ничего — что же из этого? C'est le bonjour de la salle à manger... *

Natalie зацепляет мантилией ложку. [Искандер вдруг морщится]. Тата трет руки от холода. Лиза начинает петь во все горло... Несчастный Искандер морщится, хмурится, машет руками по воздуху — точно крыльями... и говорит отчаянным голосом:

⟨Искандер⟩. Ну-у... у-успокойтесь... успокойтесь... пощадите... да... я стар...

Тата. Не хмурься, папася... Как холодно!!!

Лиза садится за стол в шляпке и продолжает петь.

Тата (*про себя*). Неужели она не остановится? Хоть бы шляпку сняла... Я бы напомнила, но боюсь — пожалуй, дерзко ответит... Папа услышит. Попробую шопотом сказать... (*Шепчет Лизе.*) Не пой, Лиза, сними шляпку прежде, чем тебе скажут...

Лиза смотрит на нее круглыми глазами, подергивает плечами и продолжает петь, не снимая шляпки...

Вот мне еще урок — никогда не буду ничего говорить... Natalie ничего не видит... и больно, и досадно — а что же я могу сделать?

Герцен. Поо-оггганый климат... Не-ет (*грозит пальцем*), вот вы увидите...

Natalie. Лиза, перестань петь — ничего не слышу — и шляпу сними.

Искандер. Успокойтесь... успокойтесь (*машет руками*)... Нет, жить можно только на севере. Эти зимы на юге — это все предрассудок...

Natalie. Поедем в Россию... Сатины...

Искандер (*пристально глядя на Natalie*). Что? Это намеки или шутка?

Natalie. Шутка... шутка... Конечно, ты прав, здесь и топить нельзя.

Искандер. Нет, я вам предсказываю (*стучит пальцем по столу*), будьте уверены, что мы прошлого года видели самый блестящий сезон в Ницце. Нынче даже костюмы хуже на Promenade des Anglais — всё бедно, пошло. Увидят дураки...

Лиза (*перебивая его нетерпеливым голосом*). Mais donnez-moi donc du café, maman **.

Natalie. С каким ты голосом это говоришь?

Лиза. Да когда мне ничего не дают...

Искандер (*морщится; руки, державшие газету, с отчаянием спускаются на колени*). Нет, Лиза, если ты меня хоть сколько-нибудь любишь, так сиди смирно за столом... Ты очень хорошо знаешь, что тебе все дадут — проси просто, учтиво (*выходя из терпения*) и не делай таких дерзких круглых глаз... Сними шляпу...

Лиза (*сквозь зубы*). Vieux ty-rrran... ***

Искандер. Приходишь — хочется поговорить — потолковать — тихо — нет, непременно все испортить. (*Комкает газету с досады. Сидит угрюмо... Лизе совестно под конец, она снимает шляпу — и вдруг решает поправить дело.*)

---

* Это приветствие в столовой (франц.).

** Дайте же мне кофе, мама (франц.).

*** Старый ти-ррран (франц.).

ВИДЫ НИЦЦЫ НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ ПИСЕМ Н. А. ГЕРЦЕН К ОГАРЕВУ ОТ 21 ЯНВАРЯ И 19 ФЕВРАЛЯ 1869 г.

Пояснительные надписи принадлежат Н. А. Герцен

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Л и з а. Ну — нет, дядя, мой милый... ты любезный человек, дядя... Давай говорить об интересных вещах... вот...

И с к а н д е р. Ты знаешь, что я всегда готов с тобой разговаривать... объяснять тебе... но твоя дерзость...

Л и з а (*встает, подходит к Искандеру, гладит его по бороде и по щекам*). Дядиша мой милый. (*Целует его и собирает остатки мякиша.*) Ты позволяешь — для кошки?

И с к а н д е р. Бери, бери, а впредь будь осторожнее.

Л и з а. Мерси, любезный! [Я иду к кошке]

Т а т а (*про себя*). Как она может быть мила, когда хочет; дерзость, избалованный характер — единственный ее недостаток, но это все портит. Ничем ее не остановишь, а сама она останавливается только тогда, когда довела до отчаяния. Ксевна, передай мне масло, пожалуйста.

N a t a l i e. Вот тебе, Ксандровна. И «devonshire cream» * тебе дам. Чудо — такие густые сегодня — посмотри... (*Накладывает Лизе.*)

Т а т а (*смотрит украдкой на Искандера, думая: «Повторится сегодня история сливок или нет? — Если повторится — непременно запишу...».— Подает тарелку Natalie, улыбаясь; полушопотом*). Бу-у-дет, будет, Natalie, merci...

Л и з а (*кричит, вставая*). Ма-а-ма, ты себя обижаешь, ты нам слишком много сливок дала — себе ничего не оставила!

И с к а н д е р (*вдруг опять опускает руки, державшие журнал, который его почти всего закрывал. С выражением отчаяния — пожиманием плеч и голосом, переходящим вдруг с дишканта в низкий бас. Басом*). Natalie, пощади меня! (*В один дух, немножко крикливым дишкантом.*) Неу-жели это тебе доставляет удовольствие меня мучить... в таких мелочах...

N a t a l i e (*с упреком*). Ну помилуй, c'est ridicule** возьму, возьму— смешно, из-за сливок...

Герцен берет блюдечко со сливками, —их в одну руку, другая остается на воздухе с ложкой.

И с к а н д е р. Да не в том дело... Господи боже мой! Да, может быть, это в самом деле старость... Нервы слабеют... Ненавижу я это самоотвержение — сливки для всех — бери и ты просто, как другие (*дишкантом*), и неужели *этой* безде...

N a t a l i e. Будет, Герцен, право, и без того голова трещит... Только сам не клади (*быстро*), нет, пожалуйста, дай мне блюдечко... (*закрывая чашку руками*) — на тарелку — не люблю я в чашке — кофе испортишь.

Но тут Искандеру, ждавшему хорошей оказии, удалось полную ложку сливок вылить в чашку Natalie. Тата и Лиза кричат: «Браво!» Герцен, самодовольно улыбаясь, тяжело падает назад в кресло и, похлебнувши кофе, продолжает чтение журнала.

Т а т а. Как это им обоим не надоест!— И больно и смешно... Что же ты ничего не рассказываешь, папаша?

И с к а н д е р. Пустые газеты. (*После паузы.*) Скатттина этот Emile Girardin.— Нет, с каждым днем я Францию больше и больше ненавижу. Толкуй себе Вырубов что хочет — вздор — один только человек и есть у них, который что-нибудь да понимает, — зато мошенник.

N a t a l i e (*встает и ставит сахарник в шкап*). Да в чем дело?

И с к а н д е р (*махая руками*). Успокойтесь — успокойтесь — не бегайте — некуда спешить... В двух словах не расскажешь — все по поводу железной дороги в Бельгии — возьмите потом, сами прочтите... Об Lamartine длинный панегирик — дураки и подлецы они все... (*Ком-*

---

* «девонширские сливки» (англ.).

** это смешно (франц.).

кает салфетку, как будто делая снежный мячик, бросает ее на стол и подходит к окну. Стоит фертом.)

Тата складывает работу, Лиза собирает остатки хлеба и надевает шляпку, Natalie сидит на софе и вышивает <...> Мимо окон проходит старый садовник, сгорбленный, в теплом вязаном остром колпаке — везет тележку с мокрым бельем.

Искандер. Вот Иван Алексеевич хозяйством своим занимается.

Тата (*подходит к отцу*). Да — издали есть сходство — но вблизи у этого выражение лица гораздо добрее, чем у Ивана Алексеевича, судя по портретам.

Молчание.

Искандер (*отворяя дверь*). Пойду... попробую поработать...

Все расходятся.

Герцен оценил в своей старшей дочери ее талант художника. Он отметил и ее литературный дар, прежде всего в том жанре, в котором написаны и «Фотографии с оригиналов»: «У тебя есть решительный талант именно к этим genre-bilder'ам» * (XVIII, 75).

В «пражской коллекции» хранится несколько литературных работ Н. А. Герцен: 1) «Mariage de mon frère Alexandre» **, 2) история брака ее любимого племянника Николая, прозванного в семье «Le Russe», 3) рассказ о последней встрече с Н. А. Тучковой-Огаревой, написанный в форме письма к Г. Шиффу. Приведенные ниже ее воспоминания о встречах с С. Г. Нечаевым дают также ясное представление о несомненном литературном даровании Н. А. Герцен.

В последующие месяцы в жизни Таты разыгрались события, имевшие крайне тяжкие последствия как для нее, так и для Герцена. Еще в 1867 г. Герцен и его семья познакомились во Флоренции со слепым музыкантом из Сицилии, Пенизи. О первом впечатлении от него Герцен писал Огареву 6 февраля 1867 г.: «...он компонист, играет превосходно на фортепиано и поет. Говорит, сверх своего языка, совсем свободно по-французски, по-немецки, по-английски; пишет (т. е. диктует) стихи и статьи, знает всё на свете: естественные науки, историю и пр. Я еще такого чуда не видывал. Его водит человек по улицам; очень красиво одет...» (XIX, 204)

Осенью 1869 г. Пенизи признался Тате в любви и встретил отказ, после чего он заболел нервным расстройством. Врач, его лечивший, просил Тату разрешить Пенизи попрежнему встречаться с ней. Герцен требовал немедленного прекращения знакомства с Пенизи. Из чувства жалости Тата не решалась на резкий разрыв. Она писала об этом Огареву из Флоренции 6 октября 1869 г.:

«...При виде его страданий, при мысли последствий у меня просто кружилась голова — у меня нехватало энергии действовать решительно, я чувствовала, что слишком уступаю, и, наконец, написала папаше, чтоб он мне помог. Он понял, что я решилась на то, что меня, в сущности, пугает, когда я в состоянии спокойно обдумать. Что это за характер! бедный, несчастный человек! По-моему, надо мало-помалу кончить это письменно, а не сразу, как желает папаша,— не надобно забывать, что он *больной*, что надобно поступать осторожно. Уговори папашу...».

Однако Пенизи продолжал преследовать Тату своими притязаниями, угрозами самоубийства, угрозой убить ее брата. Она не вынесла всех волнений и тревог, связанных с этим. 29 октября Герцен, находившийся в Париже, получил от сына из Флоренции телеграмму о тяжелом нервном заболевании Таты. Герцен увез ее на берег моря, в Специю, где

---

* жанровым сценам (франц., нем.).

** «Женитьба моего брата Александра» (франц.).

«тишина монастыря, и море, и горы» (XXI, 528). Здоровье больной быстро восстанавливалось. «...Мы ⟨Герцен и Н. А. Тучкова-Огарева⟩ ее отходили и отласкали от черной болезни»,—писал Герцен 22 ноября 1869 г. (XXI, 527).

3 декабря Герцен писал И. С. Тургеневу, отмечая симптомы ее выздоровления: «Она еще не совсем пришла в нормальное положение, но страхи прошли, и возвратился кроткий и по временам светлый взгляд. Зато с воспоминанием развилась грусть, мрачное расположение и желание удаляться ото всех, чего допустить нельзя... Помнит она все подробности худшего времени болезни ⟨...⟩, мысль совершенно светла». Далее Герцен сообщает: «Огар⟨еву⟩, которого она беспредельно любит, и Саше она писала несколько писем» (XXI, 532).

В «пражской коллекции» сохранилось лишь одно ее письмо к Огареву (из Ниццы), написанное в период выздоровления. Его не мог иметь в виду Герцен, когда он писал И. С. Тургеневу, так как оно датировано 7 декабря:

«Вчера был день твоего рождения, милый, дорогой мой Ага, я думала о тебе, хотела тебе писать, но не удалось, голова моя не вела себя хорошо. Ты себе представить не можешь, какая у меня путаница иногда в мозгу. Я вижу, понимаю, что жизнь так коротка, надобно бы каждой минутой пользоваться, надобно бы что-нибудь да делать для других, хоть для близких, а все что-то мешает — что мешает? А должно быть то, что я все играю, все думаю (это вроде jeu de patience *), припоминаю все, что слышала, что читала, ваши споры, споры у Шиффов и т. д. Мне это так трудно, все разбросано, многое перепутано. Я хочу привести все в порядок, ищу заключения. Это своего рода сумасшествие, я это вижу после болезни. Представь себе, что я сама себя потеряла; я искала себя во всех веках и столетиях, во всех элементах; словом, я была всем на свете, начиная с газов и эфира, я была огонь, вода, свет, гранит, хаос, всевозможные религии. Я мало знаю фактов исторических, но все-таки же я видела многое и страшно живо. Это было очень интересно, и я не жалею, что была больна; по минутам я очень страдала — сперва за других; всех мучили, а потом принялись за меня; сколько раз меня убивали, не перечтешь! — и гильотинировали, и вешали, и расстреливали, и на кусочки разрезывали, и отравляли. Я все чувствовала; вот что значит воображение — больное. Я принимала себя за *персонификацию* всех явлений — электричества, фосфоресценции, отопсии, гармонии, глупости, всего хорошего и дурного и выходило: *pot-pourri*** и *мокрая курица*. «Je suis l'univers personnifié!»***— вот было заключение. И в самом деле, каждый человек ведь представляет маленький мир и понимает мир по-своему. По минутам я все слышала: «Nichts ist drinnen, nichts ist draussen, denn was innen, das ist aussen!» **** И все становилось темно; я думала, что пришел конец миру, все исчезло!— земной шар и солнечная система, со всей историей. А далеко, далеко была звездочка — начинался новый мир, я хотела всех спасти; всех взять туда с собой.— Но всего не перескажешь — потом я не хочу больше об этом думать. Прощай, обнимаю и крепко, крепко тебя целую и люблю».

Это выразительный документ, прекрасно характеризующий самое Тату. В нем отразились ее заветные думы, сокровенные мечты. Ярко выражено в нем сознание ответственности перед жизнью, обязанность не

---

* игры в пасьянс (франц.).
** попурри (франц.).
*** «Я персонифицированная вселенная!» (франц.).
**** Что внутри — во внешнем сыщешь; что во вне — внутри отыщешь! (Из стихотворения Гёте «Epirrhema» («Присказка». Пер. В. Вильяма-Вильмонта).

убивать время, а творить свою жизнь, пользоваться каждой минутой для решения великой задачи, стоящей перед каждым сознательно живущим человеком, сознание, столь свойственное и Герцену, и Огареву. Тата писала: «...Надобно бы что-нибудь да делать для других, хоть для близких...»,— в этих словах выражена мысль: жить нужно не только для близких, но и для дальних, а если ничего не удается сделать для посторонних, то «хоть для близких».

В заболевшей Тате пробудились воспоминания из былого, нашли отзвук и те споры, «полезные молодым мозгам», которые вели в ее присутствии Герцен, брат Саша, Шифф, Вырубов. В ее сознании прошли картины из истории человечества. Перенесенная болезнь, несмотря на все страдания, оценивалась ею как нечто для нее нужное. Какая жажда богатства душевного опыта! Но особенно характерно для нее, что она «очень страдала — сперва за других; всех мучили, а потом принялись за меня». Подлинной любовью к людям, благородной заботой о них насыщена эта исповедь больной Таты.

При такого рода заболеваниях, так называемых истерических реактивных психозах, не искажается существо человека, а раскрывается во всей своей глубине. В них проявляются основы, заложенные в человеке его социальной средой, воспитанием, жизненным опытом, быть может и наследственностью. Вот почему в этом письме так вскрылась духовная связь Таты с ее отцом, конечно не в болезненных проявлениях ее недуга, а в том глубоком философском содержании, которым насыщено это письмо, в живом чувстве бесконечности жизни, в связи концов и начал. Приведенные Татой строчки из стихотворения Гёте Герцен цитировал в «Дилетантизме в науке». Поясняя эти строки, он писал: «...внешнее есть обнаруженное внутреннее и внутреннее потому внутреннее, что имеет свое внешнее» (III,172). Этим определяется органическое, а не механическое единство мира. Далее, слова: «И в самом деле, каждый человек ведь представляет маленький мир и понимает мир по-своему» — заставляют вспомнить цитату из Гейне, приведенную Герценом в «Записках одного молодого человека»: «Каждый человек есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает» (Полн. собр. соч., т. 1. М., изд. АН СССР, 1954, стр. 258).

Огарев, судя по последующему письму Таты, видимо, не все понял в этом письме-исповеди. В добавление к нему Тата писала уже из Парижа 22 декабря 1869 г.:

«Ты говоришь, что многое неясно в моем письме из Ниццы. Очень может быть, милый, дорогой мой Ага. Я сама знаю, что еще легко путаюсь и незаметно перемешиваю быль со снами, особенно когда делаю усилие, чтобы припомнить яснее, что̀ одно и что̀ другое.

Но теперь я чувствую себя очень хорошо, странно только, что у меня осталась какая-то плаксивость невольная, которую никак не могу еще переломить <...> Мне так досадно, особенно для папаши, он как будто не верит, что я не могу удержаться. Мне больно его огорчать, и я не знаю, что делать.

Теперь мне хотелось бы сесть в уголочек и перечитать некоторых классиков. Я не имею ясного понятия ни о какой литературе. Все у меня кусочки отдельные в голове, потому что и развитие шло странными прыжками, то вправо, то влево...».

Таким образом, забота об отце не покидала Тату даже в эти тяжелые месяцы.

В связи с болезнью Таты И. С. Тургенев писал Герцену 25 ноября 1869 г.: «Образ ее остался в моей памяти таким светлым и прекрасным, что я не могу верить, чтобы облако, набежавшее на него, не рассеялось тотчас и навсегда» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 205).

III

1870 г.

ПОСЛЕДНЯЯ БОЛЕЗНЬ ГЕРЦЕНА. — СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

В дни предсмертной болезни Герцена Тата была с ним и почти каждый день (а иногда и два раза в день) писала из Парижа Огареву, рассказывая о ходе болезни, о самочувствии больного, о надеждах на его выздоровление. Ввиду особой ценности этих писем для биографии Герцена они публикуются полностью.

В начале болезни дочь Герцена была далека от мысли об опасности. Как диагноз врачей, так и самочувствие больного поддерживали ее уверенность в благополучном исходе.

«Только что был доктор, дорогой мой Ага, — писала Тата Огареву 17 января 1870 г.,— он доволен, пульс и лихорадка слабее; сам папаша покоен. Доктор Шарко позволил уже кофе и чай сегодня.

Не беспокойся, милый Ага, если я мало пишу и скверно. У меня голова немножко тяжела и надобно помогать Natalie. Все знакомые и друзья показывают большое участие, все предлагают помогать. Вырубов только что отправился в аптеку, Тургенев приходит ежедневно; он совсем побелел, это ему очень к лицу. На вид он очень здоров и весел.

После вечернего визита доктора я напишу Тхоржевскому.

Обнимаю и целую тебя.

Твоя Тата Г.

Погода превосходная.— Все остальные здоровы».

Следующее письмо — ответ на «записочку» Огарева, то есть на его письмо к Герцену от 15 января 1870 г., в котором он писал о необходимости в ближайшее время приготовить 5 тысяч франков для оплаты ряда расходов, связанных с проектами возобновления «Колокола» или «Полярной звезды» (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 573).

«Мы получили твою записочку к папаше,— писала Тата 18 января 1870 г.,— но должны были прочесть ее, не показывая ему; ты теперь знаешь, что его никак нельзя тревожить. Ты просишь, чтобы он непременно исполнил твою просьбу. Как с этим быть? Знаешь ли ты, Ага, что он в последнее время ужасно много истратил. Путешествие в Италию обошлось гораздо дороже, нежели он думал; в Лионе он должен был занять у Тхоржев⟨ского⟩. Наконец, жизнь здесь, в Париже, так безумно дорога, что я не понимаю, как папа мог думать о поселении здесь на несколько лет. С папашиными привычками и с его доходом жизнь в Париже невозможна. Я ему все это предсказала; он не верил, называл меня скупой, а в последнее время сам увидел, что я была права. Теперь мы платим счеты и мелочи деньгами, которые остались у него в портмоне; мы никогда не вмешивались в его денежные дела, поэтому никак не знаю, что делать, как отвечать на твою просьбу.

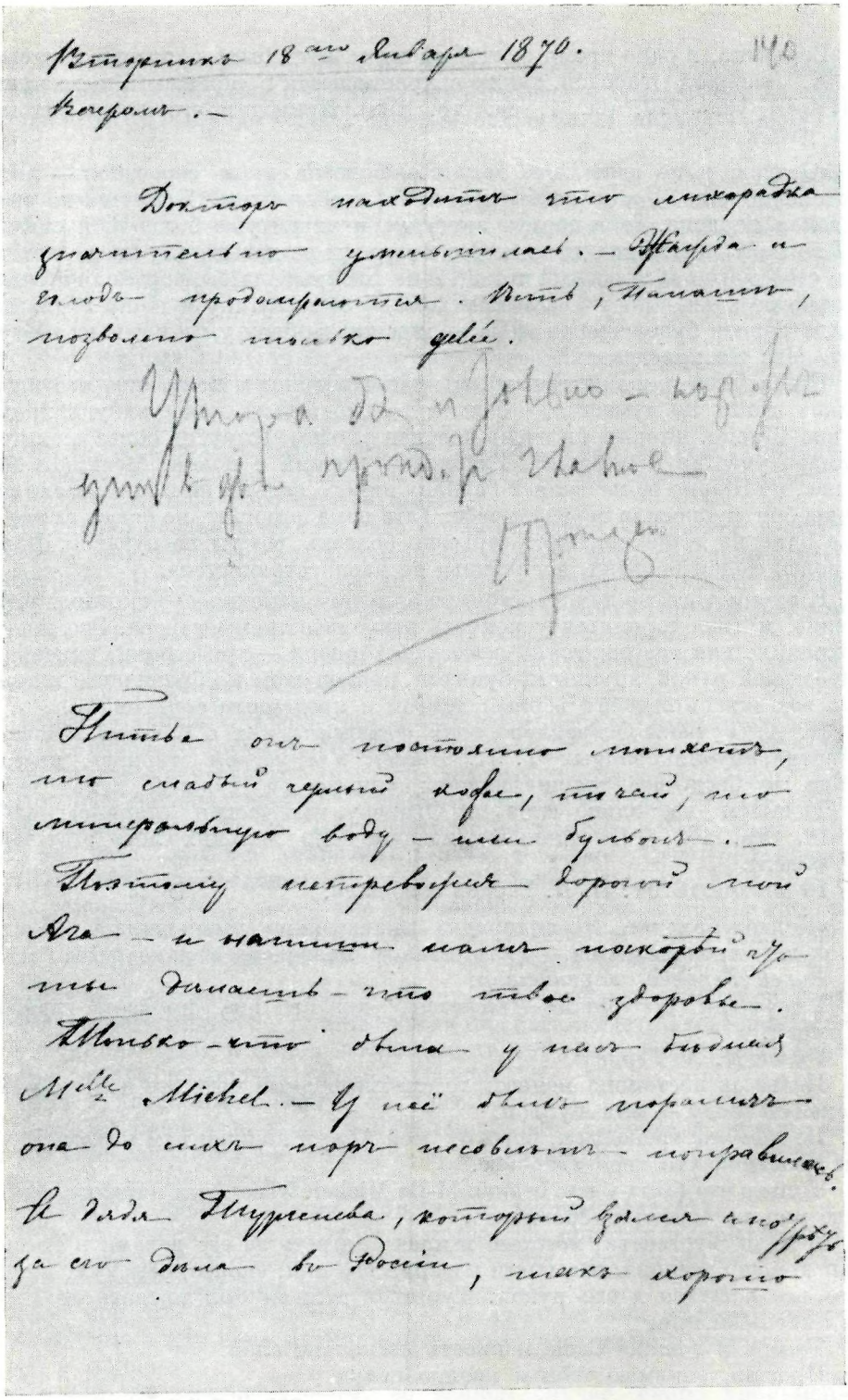
Ночью папа спал не очень хорошо, *везикатуар* * его раздражал. Он начинает капризничать; может быть, это хороший знак. Ему все есть хочется, а Шарко запретил, бульон ему надоел. Вообще доктор доволен.

Обнимаю и целую тебя.

Твоя Тата Г.».

---

* шпанская мушка (франц.).



ПОСЛЕДНИЙ АВТОГРАФ ГЕРЦЕНА: СТРОКИ, ОБРАЩЕННЫЕ К ОГАРЕВУ, ВПИСАННЫЕ В ПИСЬМО К НЕМУ Н.А. ГЕРЦЕН ОТ 18 ЯНВАРЯ 1870 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Вероятно, в одно время с этим письмом Таты было написано и письмо Н. А. Тучковой-Огаревой, также сохранившееся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 195). Приводим его текст (письмо без даты):

«Огарев, я не знаю, что делать,— болезнь очень серьезная — лишь бы она прошла — как же быть с твоим требованием? Я ничего не знаю о делах Герцена. Твою первую записку он читал уже больной и сказал: „Я не могу дать таких денег". С тех пор мы не давали ему писем, потому что ему нужен абсолютный покой. Я не раскрывала его портфеля и решительно не знаю, что у нас есть в доме,— за квартиру и пищу заплатим, когда Герцен будет здоров, а на мелкие траты беру у всех деньги на туалет. Что же мне делать?

Пиши Тате или мне. Право, мы так измучены и испуганы, что ни об каких делах не думается,— боимся только забыть какое-нибудь приказание Шарко, но пока он очень доволен уходом. Вырубов более всех принимает участие и помогает. Главное — тишина и покой. Мечников был у нас, но Шарко не позволяет Герцену никого видеть, но я рассказала ему подробно и просила передать тебе. Тата пока помогает, но боюсь за нее — она одна из детей понимает серьезно болезнь. Но ты не пугайся, Шарко доволен ходом болезни, воспаленье не распространяется».

К вечеру того же дня в состоянии больного наметилось некоторое улучшение, и Тата торопится успокоить этим известием Огарева. Это письмо сохранило для нас *последний автограф* Герцена — три строки, вписанные слабеющей рукой, крупными буквами, карандашом и обращенные к тому, кто всю жизнь был его верным другом и преданным соратником.

Н. А. Тучкова-Огарева в своих воспоминаниях о болезни и смерти Герцена, опубликованных Т. П. Пассек в «Русской старине», писала: «Жар и бред все увеличивались; однако он каждый день писал карандашом несколько слов к Огареву» («Русская старина», 1887, № 10, стр. 162.— В отдельное издание «Из дальних лет» этот текст не вошел).

18 января 1870 г. Н. А. Герцен сообщала:

«Доктор находит, что лихорадка значительно уменьшилась. Жажда и голод продолжаются.— Есть папаше позволено только gelée *.

Рукой Герцена, карандашом:

Умора да и только — кажется, дня в два пройдет главное. Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

Питье он постоянно меняет: то слабый черный кофе, то чай, то минеральную воду — или бульон.

Поэтому не тревожься, дорогой мой Ага, и напиши нам поскорей, что ты делаешь, что твое здоровье.

Только что была у нас бедная M-lle Michel. У нее был паралич, она до сих пор не совсем поправилась.

А дядя Тургенева, который взялся смотреть за его делами в России, так хорошо устроил, что почти разорил его или, скорее, обманул, потому что все остается в его руках. Тургенев должен был продать свой дом в Baden-Baden'е.

Теперь я должна Саше написать несколько слов.

Прощай, обнимаю тебя и крепко целую.

Твоя Тата Г.

Большой перемены до субботы не будет, но уже то, что лихорадка уменьшается, очень хорошо».

* желе (франц.).

В последующие три дня Тата не имела возможности писать Огареву. Неожиданное обострение болезни, быстро шедшей к трагическому концу, заставило ее безотлучно быть у постели больного. 21 января Герцена не стало.

На следующий день Тата сообщила горестную весть Огареву. Вторая половина этого письма, помеченная 23 января, написана уже после похорон, которые состоялись в Париже. Упомянутый в письме Тесье дю Моте — ученый, химик, в прошлом участник революции 1848 г., сблизившийся с семьей Герцена в 1851—1852 гг. в Ницце (о нем см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 288—290). Таландье — французский революционер, друг семьи Герцена (о нем см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 665); им был написан глубоко прочувствованный некролог Герцена, появившийся в газете «La Démocratie» (см. в настоящем томе, стр. 529—530).

«Да, дорогой мой папа-Ага, все, все кончено. Умер он тихо, спокойно, но в бреду. Может, оно лучше,— я уверена, что он ужасно бы страдал, если б сознательно расстался с нами.

Последние двадцать часов я едва могла отходить от кровати, я стояла и мешала ему вставать. Все хотелось ему куда-то идти, поскорей одеться и говорил: „Ну, Тата, хоть ты не мешай — пойдем поскорей вместе". Я ему опять покрывала ноги, держала одеяло, гладила горячий лоб, умоляла его лежать спокойно — и меня оставить около него.

„Какая ты странная,—повторял он,— все разумничаешь. Ну, хорошо, обещаю, буду смирно лежать"».

Приведем также описание последних часов жизни Герцена, сделанное Н. А. Тучковой-Огаревой («Воспоминания». Л., 1929, стр. 434): «Все стали кругом его кровати; Тата держала его левую руку. Взор Александра был обращен на нее. Я держала его другую руку. Ольга и Лиза стояли возле кровати за Татой, Мейзенбуг позади, а Моно у ног. Пробило два часа. Дыхание становилось реже и реже. Тата попробовала дать ему пить, но я сделала ей знак, чтоб не тревожить его. Дышал он тише, реже. Наконец, наступила та страшная тишина, которую слышно. Все молчали, как будто боясь нарушить ее. „C'est fini"*, — сказал Моно».

На следующий день, 23 января, Тата писала Огареву:

«Теперь и похороны кончены. Много было русских и поляков, почти все незнакомые. Больнее и приятнее всех мне было видеть Тесье дю Моте— он и жена его были в Ницце восемнадцать лет тому назад, когда умерла мамаша и при похоронах присутствовали.

Куда и когда мы поедем — не знаю.

Покамест пиши еще сюда, в Pavillon Rohan. Сначала я думала, что мы все немедленно поедем к тебе, т. е. в Женеву. Но надобно с другими сговориться — все обдумать.

Обнимаю и крепко, крепко тебя целую, милый папа-Ага.

Talandier вчера узнал из газет — тотчас же приехал и присутствовал при похоронах, несмотря на то, что у него нет лишних денег, — какой чистый и преданный нам человек!

Боже мой, как все кажется пусто — вряд ли он знал, до какой степени я его любила и как меня мучила мысль, что жизнь не устраивается по его вкусу и желанью.

Прощай, до свиданья — мы, во всяком случае, скоро увидимся— не забывай и люби

твою Тату Г.

Все здоровы».

* Кончено (франц.).

IV

1870—1877 гг.

ПОДГОТОВКА НЕВЫШЕДШЕГО СБОРНИКА «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА». — ПОПЫТКИ СОЗДАТЬ БИОГРАФИЮ ГЕРЦЕНА. — ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. ГЕРЦЕН «МОИ ВСТРЕЧИ С НЕЧАЕВЫМ». — ЕЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ. — Н. А. ГЕРЦЕН У СМЕРТНОГО ОДРА ОГАРЕВА

После смерти Герцена перед его семьей стал вопрос о подготовке посмертного собрания его сочинений. Инициативу в этом деле взяла на себя Н. А. Тучкова-Огарева, которая одновременно готовила перевод на французский язык «Писем из Франции и Италии». К работе над собранием сочинений был привлечен Г. Н. Вырубов, один из душеприказчиков Герцена.

Н. А. Герцен непосредственного участия в этой работе не принимала, но была ею живо заинтересована и делилась своими мыслями о ней с Огаревым. Еще больше заботила ее подготовка к выпуску нового тома «Полярной звезды», посвященного памяти Герцена, где должен был появиться биографический очерк, над которым работал Огарев, и ряд неизданных произведений Герцена.

Об этих вопросах она пишет в февральских письмах 1870 г., в частности — 14 февраля 1870 г.:

«Что же это ты так умолк, дорогой мой Ага? Хоть бы две, три строчки написал, чтобы мы знали, что ты цел и здоров.

Здесь морозы продолжаются, вследствие чего почти все нездоровы; вчера Natalie и Мальвида должны были остаться в постели, сегодня им получше. Я удивляюсь, как Natalie вообще еще цела. Она никогда не выходит, целый божий день сидит — то переписывает, то переводит, так что спина даже у нее болит.

Саша и Пан уезжают в пятницу, провожать гроб. Ольга с Мальвидой, вероятно, останутся еще несколько месяцев в Париже, а мы, т. е. Natalie, Лиза да я, поедем в Женеву, чтоб пожить около тебя, милый Ага.

Возьмем мы просто комнаты в каком-нибудь пансионе, а не квартиру; это гораздо проще и удобнее. Natalie вспомнила, что они были очень довольны пансионом на Pré-l'Evêque, около типографии. Можно попробовать. Жаль только, что здесь Вырубов, — помогает Natalie переводить, и переводит он очень скоро и хорошо.

Помни, Ага, что „Полярная звезда" должна бы выйти в марте. Биографический очерк ты обещал к 1 марта — тебе остаются две недели едва; будешь ли ты готов?..».

На следующий день Н. А. Герцен спрашивала Огарева:

«...Но скажи, пожалуйста, в каком роде статьи, которые готовятся для „Полярной звезды"? Не должна ли бы она состоять *только* из твоего биографического очерка и папашиных статей?..».

Как известно, проект издания «Полярной звезды» не осуществился: было выпущено издание «Посмертные статьи» А. И. Герцена (Женева, 1870), а статья-некролог Огарева под заглавием «Памяти Герцена» появилась в возобновленном «Колоколе» (№ 3, 16 апреля 1870 г.). Однако напечатание этой краткой статьи не снимало вопроса о подготовке более обширной биографии Герцена. Этим озабочены были близкие и друзья покойного.

Об этом же писал Наталье Александровне и П. Л. Лавров 19 июля ⟨18⟩70 г. (ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 3, ед. хр. 1; сообщено С. И. Кузьминым):

«Милостивая государыня
Наталья Александровна,

Благодарю вас за ваш ответ и удивляюсь еще более вашего, почему Оз⟨еровы⟩ не сообщили вам немедленно сведений, которые, конечно, наиболее были важны для вас. С искренним удовольствием узнал я из вашего письма и из слов приятеля, приехавшего на другой день из Женевы, что Н⟨ечаев⟩ потерял, наконец, всякий кредит в нашей эмиграции и, как я слышал, даже оставил Швейцарию. Не знаю его лично, но думаю, что это был один из наиболее вредных элементов среди наших изгнанников. Но оставим его. Приехав в Париж и познакомившись с г. Вырубовым, который знал вашего отца, я немедленно стал его расспрашивать, не готовит ли кто из людей, бывших близкими к Александру Ивановичу, его подробную биографию. Не только как личность, но и как один из влиятельнейших деятелей своего времени, Александр Иванович мог бы сделаться и должен со временем сделаться предметом труда, в котором около его личности группировались бы многочисленные деятели русские и европейские. Конечно, этот труд был бы еще доступней людям, лично знакомым с интимною жизнью вашего отца, и материалы для подобного труда надо торопиться собирать, потому что многое, живущее в личных воспоминаниях, скоро исчезнет безвозвратно. Г-н Вырубов не мог мне сказать, что подобный труд имеется в виду, но сообщил, что многие личности, знавшие Александра Ивановича, хотели издать сборник, где каждый из них очертил бы его личность и его значение со своей точки зрения.

Месяцы проходят, а об исполнении даже этого труда (по-моему весьма недостаточного) ничего не слыхать. Г-на Вырубова я теперь видаю очень редко. Поэтому я просил бы вас мне сообщить, готовит ли кто подробную биографию вашего отца и кто именно, как мне известны ⟨!⟩, более или менее, литературные таланты разных наших деятелей? Если нет, то собираются ли хоть материалы для полного обзора его деятельности, для оценки его врагов и его союзников? Если не делают и этого, то какое значение придать проекту, о котором мне говорил г. Вырубов? Наконец, еще вопрос: можно ли собрать в Женеве *полные* сочинения Александра Ивановича и что это может стоить и, может быть, имеется в виду новое полное издание его сочинений в скором времени? Извините меня, что я вас затрудняю многочисленными вопросами, но они находятся в связи с разными проектами и предположениями, которых у меня много. Если вы будете так любезны, что не испугаетесь моего скверного почерка и ответите мне на мои вопросы, то вы чрезвычайно обяжете.

П. Лавров

Если вы имеете возможность сообщить г. Бак⟨унину⟩, что я получил его письмо и отвечу на него, как только получу порядочный его адрес, то я буду вам очень благодарен».

Ответ Н. А. Герцен, датированный 21 июля 1870 г., сохранившийся в бумагах Лаврова, содержит не лишенный интереса материал по данному вопросу (Архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 198, оп. 4, ед. хр. 107):

«...Господин Вырубов и некоторые из его русских знакомых много говорили о том, что следовало бы написать сначала биографические очерки, а со временем и большую биографию папаши, — но чем кончились эти разговоры, мне неизвестно. Носились слухи, когда мы были еще в Париже, что Иван Сергеевич Тургенев сам предложил написать биографический очерк, но взялся ли он в самом деле за работу, я не могла узнать, хотя расспрашивала общих знакомых.

Приехав в Женеву, я узнала от Огарева, что он сам собирается написать обширную биографию. Конечно, он был всех лучше поставлен для этого; ясно, что он, как единственный в самом деле интимный друг папаши, который жил почти что безразлучно с ним последние 15 лет и от которого ничего не скрывалось, мог бы исполнить эту задачу лучше кого бы то ни было, но, к сожалению, он не в состоянии исполнить свое намерение. Он очень состарился в последнее время, силы его падают, он память теряет и решительно неспособен больше взяться за такую большую и трудную работу.

Насчет полного издания ничего не предпринимается, русская публика слишком равнодушна в настоящую минуту; она доказывает, как мало интересуется, тем, что ничего не покупает; большая часть изданий лежит еще у книгопродавцев. В последнее время мне не раз случалось встречать молодых русских, которые решительно не имели никакого понятия о папашиных сочинениях! Конечно, следовало бы сделать полное издание, но мы, дети, одни этого пока еще сделать не можем, на это необходима значительная сумма, которой мы не можем распоряжаться в нынешнем году...»

Это письмо помечено Женевой, куда семья Герцена переехала из Парижа после завершения формальной процедуры, связанной с введением детей Герцена в права наследства. Н. А. Герцен писала Огареву 18 февраля, что будет у него 28 февраля. Огарев, еще раньше извещенный о проекте переезда в Женеву, выразил, очевидно, надежду, что Тата станет его помощницей в литературно-редакторской работе (это письмо Огарева до нас не дошло). Тата отвечала ему в упомянутом уже письме от 18 февраля:

«Насколько я буду в состоянии тебе помогать, дорогой мой папа-Ага, я, право, не знаю. La bonne volonté y est, mais la méfiance en mes propres forces aussi *, потому что все знаю только по кусочку того или другого...».

Еще при жизни Герцена Огарев поддался влиянию Бакунина и, особенно, Нечаева. Когда Герцен умер, это влияние возросло, и первые месяцы 1870 г. были периодом наибольшей близости Огарева с ними обоими. Именно в это время Нечаев и Бакунин попытались вовлечь дочь Герцена, а также Наталью Алексеевну в свою заговорщическую деятельность, попытались использовать ее влияние на Огарева в своих авантюристических целях. Через месяц после смерти Герцена Бакунин обратился к «обеим Natalies» с письмом. Оно содержало пока еще неопределенные призывы к действию, к участию в общем «русском деле»; однако в письме уже отражено намерение Бакунина и стоявшего в тени Нечаева «воскресить» «Колокол», т. е. воспользоваться в своих политических целях одним из наиболее славных знамен всей жизни и деятельности Герцена. Бакунин писал (ЦГАЛИ, ф. 129, он. 3, ед. хр. 1; сообщено С. И. Кузьминым):

Обеим Natalies

21-го февраля 1870. Locarno

Я не хотел писать вам в первые дни, потому что такое горе, как ваше, не утешается словами. Да и теперь я не имею нелепого намерения вас утешать, хочу только дружески пожать ваши руки и указать вам, если вы позволите старику, связанному с вами вот уж около десяти лет,— указать вам путь, на котором вы можете найти не утешение, а удовлетворение, т. е. дело. Мы все думаем о том, как бы, совокупными силами, продолжить дело Герцена, переведя его, сообразно с потребностями времени и настоящего положения, из теории на практику. Все, что Герцен думал, смел думать — а никто не опередил его в теории — мы, деятели, более скромные, менее его способные и признанные, хотим делать. Мы хотим воскресить «Коло-

* Добрая воля есть, но есть и неверие в собственные силы (франц.).

Н. А. ГЕРЦЕН
Фотография, 1860-е гг.
Литературный музей, Москва

кол» — лучший памятник, который можем поставить ему — помогите нам. Ведь теперь уж прошло то время, когда делили искусственно и насильственно право и призвание женщин от призвания и права мужчин. На вас лежит та же самая обязанность, что и на нас. У вас, Natalie старшая, есть, правда, особенное дело — дочь. Но вы любите Герцена, ваш ум, ваше сердце были всегда связаны с его делом и широко заходили за тесные пределы домашней жизни — вы обязаны продолжить, хотя и в новых условиях и формах, его дело. У вас, бедная Natalie младшая, нет никакой цели в жизни. Ваше сердце полно любви, ваш светлый ум полон силы, природа вас одарила богато — и вместе с тем у вас под ногами нет почвы и, проводя свою жизнь в бесцельном дилетантизме, вы дезориентированное, с толку сбитое существо. „Что ж мне делать?“ — спросите вы, если не рассердитесь и захотите спросить. Делайте с нами вместе русское дело. Полно вам, друзья, рыскать и таскаться, как бледные тени, по белому свету. Соберитесь, соберемся все вокруг Огарева, нашего святого старика, лучшего друга Герцена, и будем с общего совета делать каждый, что умеет, что может для освобождения русского народа. Не будем скромничать, не будем также и важничать — дело не в наших талантах, а в деле. Вместе мы будем умны. Будем иногда спорить, пожалуй и горячо спорить, да оно не беда — поспорим, да и не разойдемся, а споемся. Герцен был последний *одинокий* русский деятель. Теперь наступило время *ума и действия коллективного*. На эту коллективность я вас зову.

Я уговариваю и настоятельно требую от Огарева, чтоб он переехал в Цюрих. По разным причинам мне невозможно будет поселиться в Женеве. К тому ж Женева стала ныне в *политическом отношении* местом решительно невозможным. В Цюрихе свобода *действительная*. В Цюрихе есть для Лизы университет и разные профессоры — приезжайте весною в Цюрих, и проведем вместе там лето. Вы видите, я действую à bout portant *, прямо говорю вам, в чем дело, и кончу это письмо следующими словами: непростительно, преступно будет с вашей стороны, если вы оставите Огарева в его грустном одиночестве.

Позвольте мне назваться вашим старым другом.

М. Бакунин

В «пражской коллекции» сохранилась газетная вырезка — переведенные с неизвестного французского подлинника воспоминания Н. А. Герцен о встречах с Нечаевым и Бакуниным. Мы не располагаем сведениями, когда были написаны эти воспоминания; возможно, что они относятся к более позднему времени, когда Наталья Александровна уже была в преклонном возрасте. Но достоверность сообщаемых ею фактов не подлежит сомнению. Это подтверждается, в частности, опубликованными в 1930 г. отрывками из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой («Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», М.—Л., 1930, стр. 268—278), которая рассказала в них о попытках Бакунина и Нечаева привлечь Н. А. Герцен к своей конспиративной деятельности,о поездке Натальи Александровны в горы, о том, как Нечаев был переправлен на границу Швейцарии при ближайшем содействии Н. А. Тучковой-Огаревой.

В публикуемых воспоминаниях заслуживают особенного внимания эпизоды, рассказывающие об Огареве. Отмечая все растущее в это время влияние на него Нечаева и Бакунина, Н. А. Герцен, вместе с тем, с чувством глубокого удовлетворения рассказывает об отказе Огарева подписать предложенную ему Нечаевым «программу» (о каком документе идет речь, неизвестно). Необычайно выразительна сцена, когда уступчивый и мягкий Огарев «с несвойственной ему энергией» протестует против каких-то «параграфов» нечаевской «программы», содержавших «лицемерие и иезуитизм». Отметим, кстати, что рассказ Таты о ее поездке в горы вносит существенную поправку в соответствующий отрывок из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой, ошибочно утверждавшей, что Н. А. Герцен была послана в горы Нечаевым.

‹МОИ ВСТРЕЧИ С НЕЧАЕВЫМ›

«После смерти моего отца, 21 января 1870 года, я думала только об Огареве, о потрясении, которое он переживал, и настояла на том, чтоб меня отпустили в Женеву,— чтоб убедиться, в какой мере я могу его утешить.

Приехав в Женеву, я нашла Огарева лучше, чем ожидала. Он был поглощен интригами Бакунина и Нечаева, но заботился обо мне, старался меня успокоить и говорил, что я могу продолжать дело своего отца. „Как?“ — с удивлением спрашивала я Огарева. — „Еще и сам не знаю,— отвечал он.— Надо посмотреть, что ты можешь сделать. Пока помоги мне разобрать бумаги: они в таком беспорядке, и ты знаешь, как я устаю от их разборки. Татьяна Петровна Пассек уже рылась в этих ящиках и оставила бумаги в величайшем беспорядке“.

Мне ничего лучшего не надо было, и первое время я этим только и занималась, наблюдая пока за тем, что около нас происходило. В это время я не знала еще, что Нечаев потихоньку от Огарева рылся в его бумагах.

* прямолинейно (франц.).

Бакунин приходил каждый день. Сидя в конце стола в этой столовой-гостиной, он дюжинами делал себе папиросы.

Часто приходили молодые люди. Бакунин встречал их приветом: „Здравствуй, братец, а ты кто, откуда? Ну, подходи, садись, рассказывай...“. Этой манерой доброго малого он сразу завоевывал сердце и доверие новоприбывшего.

После приходил Нечаев, остававшийся на целые часы, рассуждавший с Бакуниным и Огаревым, прохаживаясь по комнате из угла в угол. Временами Бакунин говорил мне:

— Да, да, вы должны идти по стопам отца и работать для России.

— Я не знаю, что я могу делать для этого.

— Ну, увидим, а пока Нечаев даст вам работу.

Нечаев с обычной резкостью сказал:

— Работа в соседней комнате. Пойдемте, я вам покажу.

Я последовала за ним в маленькую комнату рядом. Там навалены были стопы пакетов, завернутых книг и заготовленных конвертов.

— Вот начните с этого — надпишите на всем этом адреса.

Это заняло у меня несколько дней. Раз, пока я писала, вошел Нечаев и в упор спросил:

— Рисовать умеете?

Я ответила „да“ и продолжала писать.

— Можете нарисовать мне мужика?

С удивлением я отвечала:

— Да, могу срисовать с модели: я в жизни не видала мужика. И то, что вы говорите, очень неопределенно. Какой величины нужен рисунок и что делает мужик?

— Что за история, сколько вопросов! Ну, так вот, на такой бумаге и наверху мужик в круге, величиной с пятифранковую монету.

— Что вы, пожалуй, банкноты собираетесь печатать?

— *Что вы вздор порете?— И при этом плюет в сторону.*

Он вдруг остановился и спрашивает:

— Сумеете ли нарисовать факел и топор?

Я воскликнула:

— Что вы хотите сделать из этого заголовка — прокламации или билеты?

— Какие глупости!— и он вышел из комнаты.

Бакунин ежедневно доказывал мне, что я должна быть с ними, хотя бы для того, чтоб продолжать дело отца. Я постоянно отвечала одно и то же: „Надо, чтобы для меня были ясны цели и средства“.

Огарев также старался меня убедить. Ему одному я доверяла. Я вспомнила, как мой отец отрицательно относился к способу действий Бакунина. Это воспоминание поддерживало мою недоверчивость, и я была настороже, несмотря на мою любовь и уваженье к Огареву, который, видимо, к великому моему сожалению, подпадал под влияние Бакунина и Нечаева. Я постоянно добивалась ответа на вопрос, что могу делать? Бакунин полусловами давал мне понять вещи, которые меня возмущали. Например: „Молодая, красивая женщина всегда может быть полезна“. Я с удивлением молчала. „Это очень просто. Сколько есть богачей, молодых и старых, которых легко закружить и заставить давать деньги для дела“.

Когда он видел мое возмущенье,он сейчас же менял разговор. Видя, что дело его не подвигается, он попробовал действовать на мое воображенье. Раз он мне сказал, что у него со мной должен быть серьезный разговор помимо Огарева и что он хочет мне назначить свиданье в № таком-то, такой-то улицы, которой я не знала и которую не помню. Поздно вечером, в темноте, я искала эту улицу в квартале Сен-Пьер и искала указанный

мне этаж в доме, мне совершенно незнакомом. Меня ввели в комнату, в которой меня ждал Бакунин. Вскоре появился Нечаев и начал тотчас ходить из угла в угол, взад и вперед. Оба принялись увещевать меня, пожалуй принуждать присоединиться к ним. Они старались доказать мне, насколько легко мне было помочь им, хотя бы деньгами. Я могла бы уполномочить их поставить мое имя в заголовке „Колокола", который они хотели издавать как продолжение прежнего.

— Никогда,— говорила я,— никогда, потому что ваш „Колокол" не будет иметь ничего общего с прежним.

Взбешенные моим ответом, они обозвали меня кисейной барышней, ни на что не годной. Нечаев словами и жестами вышел из всяких границ. Бакунин старался его усмирить: „Ну, ну, тигренок, успокойся".

Было уже очень поздно, и я объявила, что хочу уходить. Нечаев исчез, а Бакунин предложил мне проводить меня и проводил до дверей нашего пансиона.

Спустя некоторое время русское правительство обратилось к швейцарским властям с ходатайством о выдаче Нечаева как обыкновенного уголовного преступника. Нечаев из предосторожности скрылся, переменив имя. Я потеряла его из виду, когда Огарев как-то пригласил меня к себе переговорить о деле.

Я сейчас же отправилась к нему.

— Вот в чем дело,— сказал он,— эту рукопись — она очень важная — надо доставить Нечаеву, который прячется под видом англичанина. Меня спросили, не знаю ли я кого-нибудь, на кого можно вполне положиться. Я отвечал, что ручаться могу только за тебя.—Так вот, берешься ли ты доставить эту рукопись?

— Куда же я должна ехать?

Огарев отвечал:

— Точно не знаю. Придется сначала отправиться в Невшатель. Там, в типографии Гильома, тебе скажут, куда ехать. Но чтобы сказали, надо знать пароль (кажется, это были названия трех цветков — генциана, рододендрон и эдельвейс).

Я была взволнована странным поручением и неизвестностью цели путешествия, но, в угоду Огареву и чтобы его успокоить, согласилась.

— Под каким именем искать Нечаева?

— Тебе это скажут в Невшателе.

— Значит, мне только надо передать рукопись?

— Нет, нет. Видишь эти параграфы? Ты скажи Нечаеву, что никогда, никогда я не соглашусь подписать их программу, если их не вычеркнут. Никогда,— повторил Огарев, с не свойственной ему энергией.

Я пробежала эти параграфы и от всего сердца обрадовалась негодованью Огарева и пустилась в путь, успокоенная и уверенная, что вернусь в тот же день.

Мне было не по себе, когда я приехала в Невшатель, город, который я совсем не знала. Временами мне казалось, что за мной следят, и я едва решалась спросить дорогу, хотя это было необходимо. Наконец, я дошла до какого-то прохода, на который мне указали, как на вход в типографию Гильома. При входе стоял рабочий, которого я спросила, как увидеть г. Гильома?— „Я вам его позову". Вышел господин, худой, с неподвижным лицом, в очках. Он сухо спросил меня:

— Что вам угодно?

— Адрес г-на Х., которому я должна передать рукопись.

— Г-н Х., г-н Х...— не знаю.

Я совсем растерялась и повторяла:

— Мне сказали, что вы дадите мне его адрес.

Гильом неподвижно и сурово повторял:

— Не знаю.

Взволнованная, несчастная, через несколько минут я воскликнула:

— О, г. Гильом, мне сообщили условное слово, которое я вам должна сказать, но я его забыла. Постойте, постойте, дело шло о цветах, начиналось, кажется, с генциана...

Он улыбнулся и назвал мне два остальных цветка.

Немного оттаявший, он позвал меня:

— Входите, входите. Знаете ли вы, что вы еще не у цели вашей поездки?

— Я не знаю, куда я должна ехать, но я должна сегодня вечером вернуться в Женеву.

— В Женеву? Но это невозможно! Туда нет ночных поездов.

Расстроенная, я повторяла:

— Но мне надо, надо вернуться в Женеву...

— Невозможно. Вы доедете, куда вам надо, только под вечер и после уже не будет поезда. (В это время во всей Швейцарии совсем не было ночных поездов.)

Я совсем растерялась, спрашивая себя, что делать.

Подумавши минутку, Гильом мне сказал:

— Я телеграфирую в Локль, куда вам надо ехать. Вы доедете туда только к ночи. Я попрошу своих друзей приютить вас, потому что вам нельзя останавливаться в гостинице. Ваше появление возбудит любопытство, вся деревня узнает о вашем приезде, а этого-то и надо избежать ради безопасности Х. Решено, что вас встретят на станции, а вы с своей стороны должны держать в левой руке платок...

Моя тревога росла, и я с тоской вздыхала. Наконец, я спросила:

— Когда идет мой поезд?

— У вас будет еще время,— сказал мне г. Гильом,— и я вас провожу до станции.

Когда мы дошли до станции, он меня спросил:

— Вы обедали?

Я отвечала:

— Нет.

— Вам так ехать нельзя. Позвольте предложить вам обед?

Я отказалась, он настаивал, говоря:

— Но ведь холодно, съешьте, по крайней мере, суп.

Я сдалась и согласилась на суп. Пока я ела, Гильом вытащил из кармана письмо и, не развертывая его, показал мне и спросил:

— Вам этот почерк знаком?

— Конечно, — отвечаю я, — это почерк Бакунина.

— А это письмо узнаете?

Я тоже признала и несколько других, которые он мне показал.

— Удивительно,— сказал он вполголоса, как бы говоря про себя.— Удивительны вы, русские.

Я смотрела вопросительно на него.

— Да, такая вы молоденькая и уже заговорщица.

— Огарев просил меня свезти рукопись г. Х., что я и делаю. И это всё.

— Все-таки, все-таки...

Мой поезд подходил. Гильом советовал мне держать платок в левой руке и довериться лицам, которым он меня рекомендует. Я вошла в вагон. Путешественники входили и выходили один за другим. И я наконец осталась одна в поезде. Было темно, когда я доехала до Локля. Я вышла. Вся станция — будка. И никто меня не ждал, кроме служащего, отбирающего билеты. Пришлось отдать ему билет и выйти на улицу, где я увидала перед собой только снежное поле. Я еще раздумывала, что же мне делать, когда из-за будки вышли две тени — одна высокая, другая поменьше. Они

приблизились и сказали мне что-то, чего я не поняла, но в волнении отвечала: „Да, да".

— Так идите с нами. И я молча пошла за ними по дорожке, пересекавшей снежное поле. Спутники мои остановились перед первым домом в деревне. Он был меньше и ниже всех следующих домов. Они постучали. Дверь открылась и пропустила нас всех троих в коридор, узкий и совсем темный. Они посвистали, и сверху какой-то голос им ответил. Они пробормотали что-то и ушли. Я осталась, прислонившись к стене, не смея двинуться, чтоб не скатиться вниз по лестнице. Через минуту, которая показалась мне очень долгой, я увидела свет наверху круглой лестницы, там стоял маленький горбун со свечой. Он пальцем сделал мне знак подниматься. Я последовала за ним, и он привел меня в совсем маленький салон, очень мало меблированный. Горбун сделал мне знак сесть на маленький диванчик и исчез. Я не знала, что ждет меня, время мне казалось чрезвычайно длинным. Наконец, дверь отворилась и появилась карлица, тоже горбатая. Она меня спросила, что мне угодно.

— Увидеть господина X.

— Подождите минутку,— ответила она и исчезла. На улице была темная ночь, и я спрашивала себя, что ждет меня. Но скоро вернулась маленькая карлица, сделала мне знак следовать за ней, и мы вышли не по той лестнице, по которой вошли. Она отворила дверь, и я увидела комнату, довольно большую, с низким потолком, как обыкновенно в шалэ. Нечаев, по обыкновению, ходил взад и вперед по комнате.

— А, это вы,— отрывисто сказал он, увидев меня.— Снимайте шапку, садитесь. Ну что же вы привезли?

— Рукопись от Огарева,— отвечала я.— Он поручил мне указать вам два параграфа, которых он не одобряет и не может подписать.

— Вот глупые выдумки: без них нельзя обойтись.

— Огарев был очень категоричен, и я убеждена, что в теперешнем ее виде он рукописи не подпишет.

Нечаев, бранясь, несколько раз прошелся по комнате, остановился передо мною и резко сказал:

— Ну, а вы? Вы имеете такое влияние на Огарева, почему вы его не убедите?

Я с удивлением и негодованием возразила:

— Ни за что, я вполне согласна с Огаревым и буду его поддерживать.

— Кисейная барышня! Ничего с ними не поделаешь!

Прерывая свое хожденье, он меня спросил:

— Вы, чай, проголодались?

Было уже 11 часов вечера. Нечаев на минуту вышел, и вскоре появилась маленькая карлица, неся на подносе чай и все, что к нему нужно.

Я не прочь была выпить что-нибудь горячее. А Нечаев не давал мне отдыха и до полуночи продолжал развивать свои доводы.

Я совершенно обессилела. Он, должно быть, заметил это и сказал:

— Вам, вероятно, нужно отдохнуть?

— Да, но где?

— Здесь. — И он указал мне на большую деревянную кровать, на которой подушки, пуховик и простыни были из материи в красных и белых клетках, таких же, какие были на занавесках низеньких окон, занимавших чуть ли не все стены (как обыкновенно в шалэ).

— Но разве это не ваша комната? Где вы сами собираетесь спать?

— Обо мне не беспокойтесь. Наш брат умеет устроиться. Я найду стул в кухне или расположусь на столе или под столом.

Я протестовала, но делать было нечего. Пришла карлица, приготовила мне постель и ушла. Оставшись одна в этой большой комнате, я осмотрела замки и нашла, что не хватает ключа и нет задвижки. Мне было очень до-

садно, и я готовилась лечь, не раздеваясь, когда заметила два огромных крюка с каждой стороны двери. Я поняла, что им должно что-нибудь соответствовать, принялась искать и нашла под кроватью огромную железную полосу. Я сумела ее вытащить и положить за крючья. Тогда только я почувствовала себя спокойной, разделась, легла и спала очень хорошо.

На другой день утром карлица принесла мне утренний завтрак, очень мило поданный. Нечаев тоже появился и сразу начал свои речи по поводу

Г. А. ЛОПАТИН
Фотография, 1884 г.
Исторический музей, Москва

параграфов. Я уже не слушала его, потому что была полна одним желанием поскорее уехать. Я спросила, когда отходит поезд?

— О, у вас еще много времени, нет поезда раньше 10 с половиной.

В 10 часов, уже готовая, я собралась уходить. Нечаев повторял: „Слишком рано, слишком рано! Мы в двух шагах от станции, я вас провожу".

— Это рискованно; вас могут увидеть с незнакомой особой, и я решительно не хочу, чтобы вы меня провожали.

— Только несколько шагов пройду с вами, а на станцию входить не буду.

Он повел меня окольной дорогой, и вышло так, что мы к поезду опоздали.

Я была в бешенстве и заявила, что останусь на станции до следующего поезда, потому что во что бы то ни стало хочу вернуться в Женеву сегодня вечером.

— Это невозможно,— отвечал Нечаев,— будет только один поезд после обеда, и тот не сообщается с поездом в Женеву.

Я была до последней степени возмущена, но что же было делать? Приходилось возвращаться к маленькому горбуну и маленькой карлице и провести еще 24 часа, слушая речи Нечаева, который распалялся все более и более, стараясь убедить меня, что Огарев должен подписать рукопись и что ничего нельзя будет сделать, если опустить два спорных параграфа. А я в ответ говорила ему, что они хотят проповедовать лицемерие и иезуитизм и что я только радуюсь отказу Огарева.

И так весь день и весь вечер до самой минуты отъезда моего на другой день утром. Это был день страшно тягостный, ибо я все время терзалась мыслью о беспокойстве Натальи Алексеевны ⟨Огаревой⟩ по поводу моего таинственного исчезновения, которое я при возвращении не сумею объяснить. Что я отвечу на все вопросы, которые мне зададут, когда я должна молчать о всем, что сделала?

Так мучилась я до самой минуты возвращения.

Какое утешение, когда Наталья Алексеевна, увидев меня, пошла мне навстречу с распростертыми объятиями, вся счастливая, и воскликнула: „Наконец-то я тебя вижу здоровой!"

Щадя меня, она не задавала мне никаких вопросов, но рассказывала о беспокойстве, которое она пережила вместе с Тхоржевским (другом Герцена и его семейства). Тревожась о моем отсутствии, Наталья Алексеевна спрашивала совета у Тхоржевского. Тот советовал подождать до завтра, а когда и завтра меня не было, встревожился и предложил: „Идем к Карлу Фохту и, прежде чем идти в полицию, спросим его мненья".— Карл Фохт их успокоил и посоветовал не путать в это дело полицию, повторяя: „Будьте спокойны. Тата особа благоразумная, она вернется!". Они решили подождать, а я вернулась.

Я потеряла Нечаева из виду, но я знала, что полиция его ищет по его следам, что он прячется, меняя имя и место жительства. Мы тоже переехали из пансиона, где жили, в небольшой дом в Сен-Жан ла Тур. Мы — это Наталья Алексеевна, ее дочь Лиза, мой племянник Александр, которого я взяла к себе на это время, горничная-итальянка, верная и преданная Герминия Жарделль, и я.

Раз вечером звонят у входа. Я вышла отпереть и к удивлению очутилась лицом к лицу с Нечаевым.

— Вы как тут?— говорю я.— Вы знаете, что полиция вас ищет?

Нечаев неподвижен.

— Да, я знаю. Поэтому я и пришел к вам с просьбой дать мне пристанище на одну ночь.

— Я не одна. Я должна сказать об этом Наталье Алексеевне.—И побежала к ней.

— Ты знаешь мои чувства к Нечаеву (она его терпеть не могла).

— Так что же, отказать?

— В таких обстоятельствах отказать нельзя. Пусть входит.

Нечаев вошел и протянул руку Наталье Алексеевне. Мы переглянулись с ней и спрашивали себя, как поступить, где его поместить так, чтобы никто не заметил, особенно наш домохозяин, который жил рядом в большом доме, окна которого выходили на наш двор. Рядом с моей комнатой была другая, маленькая, служившая складом для мебели, нам не нужной. Мы начали с того, что матрацами заслонили окна, через которые мог бы проникнуть любопытный взор домохозяина. После этого мы кое-как устроили постель для Нечаева. Сюда мы поочередно носили ему кушанье. Нам

помогала верная Герминия, которой мы должны были открыть тайну. Истая итальянка, она в этой таинственности чувствовала себя как рыба в воде. Мы в столовой приготовляли еду для Нечаева, и Герминия сама мыла тарелки и блюда и сейчас же ставила их на место, так что кухарка никогда не подозревала, что в доме есть лишний человек.

Прошли 24 часа; Нечаев оставался у нас и не обнаруживал намеренья уйти, так что спустя несколько дней мы ему напомнили, что ему в самом деле опасно оставаться в Швейцарии.

— Да, — отвечал он,— да вот Замперини (итальянский заговорщик, один пришедший повидать Нечаева пока он был у нас) все обещает мне принести блузу и корзинку и не приносит...

— Я уж возьмусь переправить вас через границу,— сказала Наталья Алексеевна и вышла из комнаты.

Оставшись наедине со мной, Нечаев сказал мне:

— Мне надо совершить очень важное путешествие.

— Выходить вам очень опасно; вы этого не можете сделать.

— Я обо всем подумал. Лучше всего надеть мне женское платье и в нем идти на свиданье поздно вечером, когда темно. Дайте мне сейчас платье и научите меня, каких движений я должен избегать. Мне рекомендовали обратить внимание на жесты — они очень резки и легко могли бы выдать меня.

— Это верно. Для начала сядьте.

Я ему дала самые странные наставленья, как сколько-нибудь внести гармонию в его движения. Он сказал мне:

— Я рассчитываю, что вы отправитесь со мной и будете наблюдать за моими движениями.

— Я не могу идти так поздно, не сказавшись Наталье Алексеевне.

— Это зачем? Разве вы несовершеннолетняя?

Я пошла рассказать Наталье Алексеевне. Та запротестовала.

— Что за идея? Никогда я не отпущу тебя одну. Поди и скажи ему, что я пойду с тобой.

Это предложение привело в ужас Нечаева.

После многих колебаний было решено, что я могу идти, если славная Герминия пойдет с нами. Наталья Алексеевна, чтоб скорее отделаться от Нечаева, принесла необходимую одежду.

Кончив переодеванье, мы в 10-м часу отправились по направлению к Лозанне. Шли, имея Нечаева в середине и, при приближении какой-нибудь тени, говорили ему делать шаги меньше.

Скоро дорога опустела, за поздним часом мы никого не встречали, проходя одну деревню за другой. Я спросила Нечаева:

— Куда же мы идем?

— Вот мы сейчас придем.

Мы подошли к вилле, спрятанной в зелени и не видной с дороги.

— Вот мы и пришли,— сказал Нечаев, толкая маленькую калитку.

Нам пришлось спуститься через несколько ступенек, чтоб войти в дом — ниже дороги. Сад спускался до самого озера.

Нечаев привел нас в коридор и сказал:

— Здесь подождите, у меня есть дело на несколько минут, и я вернусь.

Он исчез в соседней комнате. Герминия вздыхала:

— Да когда же мы вернемся? Скоро уже полночь...

Я слышала разговор в соседней комнате, не понимая, о чем идет речь, но могла разобрать голоса. И к крайнему моему изумлению я узнала голос Бакунина. „Возможно ли это, — спрашивала я себя, — или я ошибаюсь?“ Разговор продолжал становиться живее, и вздохи Герминии шли кресчендо.

Наконец появился Нечаев и просто сказал:

— Теперь можно идти.

Мы пустились в путь. Я решительно не знала, где мы были, и только через несколько лет мне рассказывали, что в старые времена в этой вилле жила какая-то турецкая компания.

Мы шли молча. И только бедная Герминия стонала. Я сама чувствовала, что у меня ноги горят, а когда мы к трем часам вернулись домой и я разулась, ⟨то увидела⟩, что мои ноги стерты.

Наталья Алексеевна, понятно, ждала нас. Она была рада видеть меня в целости и сохранности, но ей было довольно Нечаева.

На другой день она сообщила свой план Нечаеву.

— В конце концов вам важно только перейти границу,— сказала она.— Для этого Замперини вам не нужен. Я все сделаю. Будьте готовы завтра к полудню.

Завтра в полдень у нашего крыльца остановилась парная коляска. Наталья Алексеевна и ее маленькая дочь были готовы. Она пригласила Нечаева следовать за ней. Нечаев простился со мной, пожав мне руку, сел в коляску, и все трое покатили в Ферне (усадьба Вольтера).

Наталья Алексеевна, вернувшись, рассказала, что все произошло без всякой помехи, с полным успехом.

Мы потеряли Нечаева из виду и зажили попрежнему, а эмигранты предавались своим раздорам.

Каково же было мое удивление, когда однажды утром Нечаев снова появился у нашей двери. Серьезно испуганная, я ему сказала:

— Что вы делаете? Вы знаете, как теперь вас ищет полиция?

— О, не бойтесь!

— Я не за себя боюсь, а за вас.

— Я не останусь у вас, мне довольно нескольких минут разговора с вами с глазу на глаз.

Я пригласила его войти, и он мне сказал:

— Вы знаете, что студенты и эмигранты устраивают чрезвычайное собрание, на котором будут обсуждаться наши дела. Я пришел просить вас прийти на это собрание.

У меня не было никакой охоты, и я отказала. Но он настаивал. И я кончила тем, что согласилась.

— Обещайте мне, что вы придете. Для меня это очень важно.

Я обещалась, чтобы избавиться, и сдержала бы свое обещание, если б непредвиденное обстоятельство не повлияло на перемену моего решения.

Рано после обеда горничная приходит сказать, что какой-то господин хочет со мной говорить. Я пошла в салон, где встретила молодого человека, высокого, плотного, с маленькими белокурыми усами, в очках. Лицо как будто знакомо, но имени не вспомню.

— Вы, вероятно, меня не узнаете,— сказал он, кланяясь. — Я Герман Лопатин, я был у вашего отца в Лондоне.

Я прервала его:

— Вспоминаю хорошо, что видела вас в Лондоне, у отца.

— Я большой почитатель вашего отца и поэтому позволил себе явиться к вам и просить вас выслушать меня в течение нескольких минут. Дело очень серьезное, и мне надо говорить с вами наедине. Здесь в салоне нам могут помешать.

Я ввела его в свою комнату и сказала, что буду слушать. Он сразу приступил к делу:

— Вы знаете, какое сегодня вечером будет собрание русской молодежи и эмигрантов для обсуждения дела Нечаева. Собираетесь ли вы туда идти?

— Да, я только что это обещала.

Он вскочил в большом волнении и говорит мне:

— Нет, нет, это невозможно. Дочь Александра Ивановича Герцена не должна присутствовать в таком собрании.

Пораженная энергией и одушевленьем его речи, я ему сказала:

— Но почему? В чем тут дело?

— Знаете ли вы, кто такой Нечаев? Знаете ли вы, какую роль он играл в деле Иванова?

— Нет,— отвечала я с большим удивлением... — На это он рассказал мне трагедию этого несчастного студента, трагедию, в которой Нечаев играл главную роль. Он завлек Иванова в засаду и там прикончил его после страшной борьбы.

— Заметили ли вы рубцы на его большом пальце?

— Да, я их видела и даже спросила, что это значит, что это такое?

— Он вам не мог ответить, потому что это следы укусов его несчастной жертвы. Поймите, что вы не должны идти на собрание. Для тех, кто любит и чтит память вашего отца, невыносимо предположенье о вашем участии. Они должны все сделать, чтоб вас от этого удержать.

Я была пришиблена, раздавлена этим открытием. Я могла только благодарить Лопатина за его вмешательство. Все его существо было проникнуто искренностью и правдой, и я ни одной минуты не сомневалась в правде его рассказа.

Лопатин встал и, пожимая мне руку, сказал:

— Значит, вы не пойдете на собрание, можно ли на это рассчитывать?

— Да,— ответила я и еще раз поблагодарила. Он ушел.

С этой минуты я всегда считала Лопатина моим спасителем и всегда об этом заявляла, рассказывая об этих событиях.

Раз только, лет через двенадцать, видела я Лопатина в течение нескольких минут, на одной русской вечеринке, в *Салль де милль колонн* в Париже. Я его узнала, несмотря на его большую белую бороду.

Нечаева я никогда больше не видала и, понятно, не имела с ним никаких сношений.

Наталья Герцен»

Приведенные нами воспоминания рассказывают о событиях, которые должны быть отнесены к весне и лету 1870 г. (процитированные Н. А. Герцен в начале слова Огарева о Т. П. Пассек следует считать ошибкой памяти: Пассек посетила Огарева в Женеве летом 1873 г.).

Общение Н. А. Герцен с Лопатиным явно не ограничилось,— вопреки тому, что она пишет,— одной встречей. Во всяком случае, между ними была переписка, и Лопатин, открывая Наталье Александровне глаза на Нечаева, старался, в свою очередь, опереться на авторитет дочери Герцена в своих разоблачениях Нечаева. Об этом свидетельствует следующее письмо (ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 3, ед. хр. 1; сообщено С. И. Кузьминым):

Париж. 26 мая 1870 г.

Я намерен обратиться к вам, Наталья Александровна, с маленькою просьбою.

Вы помните: я всегда очень желал, чтобы вы присутствовали при моих объяснениях с Нечаевым, так как во всякого рода сношениях с подобными личностями присутствие постороннего, честного свидетеля составляет почти необходимость. Но тогда я еще не предвидел, как скоро придется мне раскаяться в том, что я не настаивал на исполнении своего желания с большею энергией.

Нечаев, передавая мои разговоры с ним Бакунину, не скажу *извратил* мои слова — нет, но он просто *выдумал* заново целый ряд вещей, которые

я будто бы говорил, но о которых я, на самом деле, не имею ни малейшего понятия. Бакунин счел для себя удобным опять *поверить* вымыслам Нечаева, нелепым до очевидности, и на основании их написал мне длинное письмо, которое я теперь пересылаю вам.

Вот в чем состоит, собственно говоря, моя просьба: во-первых, вы дадите себе труд прочесть письмо Бакунина от начала до конца, после чего вы перешлете мне его обратно, так как оно мне нужно, и я ни за что не желал бы потерять его; во-вторых, вы потруди⟨те⟩сь точно так же прочесть мой ответ к нему, несмотря на всю его убийственную величину; затем, я попрошу вас передать этот ответ Бакунину, который прочтет его в присутствии вашем, Огарева, Озерова и, если можно, Нечаева, к которому письмо мое имеет самое непосредственное отношение. Я ничего не имею также против того, чтобы m-me Озерова присутствовала при этом чтении.

Когда вы прочтете оба посылаемые мною вам письма, вы сами увидите, в чем дело, и сами легко поймете, до какой степени важно для меня сделать свидетелями моих объяснений с Бакуниным и Нечаевым двух-трех честных людей, способных разобрать — на чьей стороне справедливость. А вы это можете сделать, потому что, как вы увидите, дело это вам до некоторой степени знакомо.

Я считаю вас человеком честным; сверх того, я не мог не заметить, что вы желаете выяснить для себя истинное значение окружающих вас людей и, в этих видах, не отступаете иной раз от некоторого труда и хлопот; все это дало мне смелость обратиться к вам с моею просьбою. Но если вы почему-либо не найдете для себя возможным ее исполнить сами, то в таком случае будьте добры — передайте Озерову мой ответ Бакунину; Озеров сделает сам тогда все, что будет нужно; а письмо Бакунина все-таки перешлите обратно ко мне.

Если вы затруднитесь разбором моего или бакунинского почерка, можете обратиться к Озерову или к Наталье Алексеевне, так как я не намерен делать из этого дела ни малейшей тайны.

Если бы вы уведомили меня, хотя в нескольких словах, о получении моего письма, об исполнении моей просьбы и о последовавших результатах, то я считал бы себя очень обязанным вам за это. Если бы вы затруднились отвечать по-русски, ответьте по-французски: для меня это решительно все равно, так как на бумаге французский язык меня не затрудняет.

Лопатин

Мой адрес: Paris. Rue de Vaugirard, 3, Hôtel Macon, logis № 15, M-r Lopatine.

Воспоминания Н. А. Герцен о твердости, проявленной ею в сношениях с Нечаевым, подтверждаются рядом документов, относящихся непосредственно к лету 1870 г. Содержание двух из этих документов связано с судьбой Бахметевского фонда, половину которого Герцен, незадолго до смерти, отдал Огареву, по настойчивому его требованию. Огарев же передал эти средства Нечаеву, который обещал подтвердить получение денег специальной распиской, но обещания своего не выполнил, а вместо того, после смерти Герцена, заявил претензию и на другую половину фонда. Огарев был согласен израсходовать оставшиеся деньги, но только при условии продолжения издания возобновленного «Колокола», приостановившегося на шестом номере 9 мая 1870 г. Он счел необходимым изложить свое решение в специальном документе. Текст его гласил:

«Мы, т. е. покойный Герцен и я, нижеподписавшийся, получили в Лондоне фонд для русского дела, и я передал его (а до сих пор расписки я не получил) куда следует через посредство Нечаева. Бакунин в передаче и получении денег совершенно не участвовал.

В моем распоряжении остаются *тысяча четыреста десять франков и пятьдесят сантимов*, из которых я ни сантима никому не выдам до получения ответа об издании „Колокола".

20-го июня 1870 года
Женева

Николай О г а р е в

Рукой Серебренникова:

Что это свидетельство действительно сделано и подписано г. Ник. Платоновичем Огаревым, утверждают:

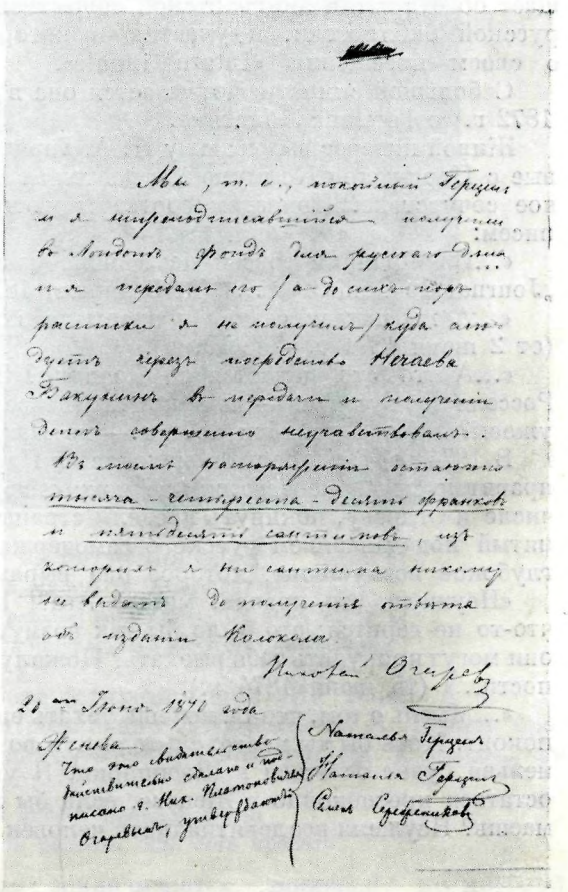
Наталья Герцен
Наталья Герцен
⟨*рукой Н. А. Тучковой-Огаревой*⟩
Семен Серебренников».

Проект этого «свидетельства» Огарев предварительно показывал Н. А. Герцен. Мы узнаем об этом из ее письма к Огареву, датированного 16 июня 1870 г., в котором она писала:

«...Как же ты в *расписке* написал, что отдал *весь фонд* такому-то, а потом прибавляешь, что в твоем распоряжении осталось еще столько-то?

Помни, что теперь остается только 1410 франков 50 сантимов, потому что несколько раз уж приходилось платить.

Расписки тебе Нечаеву отдавать или посылать совсем *не следовало бы*, потому что он, ничего не сказав, увез с собой *все счеты* и не возвратил их „куда следует", как обещался...».



СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПЕРЕДАЧЕ ОГАРЕВЫМ НЕЧАЕВУ ЧАСТИ БАХМЕТЕВСКОГО ФОНДА. СОСТАВЛЕНО 20 ИЮНЯ 1870 г.

Написано рукой Н. А. Герцен. Огареву принадлежит только подпись.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Н. А. Герцен немало постаралась, чтобы раскрыть Огареву глаза и убедить его, что он должен держаться от Нечаева в стороне. Что эти усилия не остались безрезультатными, свидетельствуют следующие слова Н. А. Герцен в ее письме к П. Л. Лаврову от 10 июля 1870 г.: «...теперь Бакунин и даже Огарев убеждены в том, что их надували и прекратили все сношения с Нечаевым и его товарищами...» (Архив ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 198, оп. 4, ед. хр. 107).

Поведение Н. А. Герцен во всей истории ее сношений с Нечаевым вызвало одобрение лучшей части «молодой эмиграции». Так, по воспоминаниям Л. Ф. Маклаковой, Л. И. Мечников «очень хвалил старшую дочь Герцена Наталью Александровну, рассказывая, как ее старался увлечь известный Нечаев и как это ему не удалось» («Лев Ильич Мечников и мое знакомство с ним».— Рукописный отдел Государственного литературного музея).

* * *

Бóльшая часть писем Н. А. Герцен начала семидесятых годов не представляет сколько-нибудь значительного общественного и литературного интереса. Однако в ней не угас интерес к политическим событиям, на которые она продолжает откликаться в последующих письмах к Огареву. В ее письмах 1870—1874 гг. содержатся сведения о некоторых деятелях «молодой эмиграции» — М. К. Элпидине, Лазареве, В. Л. Добровольском, С. И. Серебренникове, Александрове, она сообщает об открытии эмигрантской общественной столовой, об организации русской библиотеки, к участию в которой она приглашает Огарева, о своем посещении «Internationale».

С большой симпатией отзывается она в одном из писем (от 20 февраля 1872 г.) о Германе Лопатине.

Живой интерес вызывают у Н. А. Герцен события во Франции, связанные с Парижской Коммуной, к деятелям которой она выражает неизменное сочувствие. Приведем соответствующие отрывки из нескольких ее писем:

«...Из Франции совсем нехорошие известия, судя по Supplément du „Journal de Genève“ *...» (от 3 апреля 1871 г.— из Женевы).

«...А мы читаем газеты и охаем да ахаем над судьбой Коммуны...» (от 2 июня 1871 г.— из Паки).

«...А что это делается во Франции? Злодеи, они расстреляли Фере, Росселя и Буржуа, — чем кончится все это кровопролитие и все эти ужасы?..» (от 1 декабря 1871 г.— из Цюриха).

В 1874 г. Н. А. Герцен, находясь в Париже, узнала, что швейцарское правительство намеревается предложить группе русских эмигрантов, в том числе и Огареву, покинуть пределы страны. Этот акт произвола, предпринятый под давлением русского самодержавия, вызвал у дочери Герцена глубокое возмущение, которое она выразила в ряде писем к Огареву:

«Неужели это правда, милый Ага?! Швейцария вас выгоняет? Мне что-то не верится; это было бы так возмутительно. Под каким предлогом они могут принудить тебя выехать? Пожалуйста, расскажи нам все подробности...» (15 июня 1874 г.).

«...Мысль о том, что ты хочешь уехать еще дальше от нас, нас очень беспокоит. Хоть бы ты переехал сюда или во Флоренцию, если уж никак нельзя будет остаться в Швейцарии. Я уверена, что тебе позволили бы остаться преспокойно в Женеве, если бы хлопотать об этом. Как ты думаешь? Неужели все девятнадцать человек эмигрантов или часть их — те,

---

* Приложению к «Женевской газете» (франц.).

которые в Швейцарии, в самом деле в необходимости ехать? Я все еще верить не могу, что Швейцария решается так подло поступать...» (7 июля 1874 г.).

В том же письме Н. А. Герцен спрашивает:

«Отдал ли тебе Озеров портрет Галилея (писанный мной масляными красками)? Он должен остаться у тебя, Ага, а не то вернуться ко мне. Ты чужим не отдавай его...».

ОГАРЕВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Фотография, 12 или 13 июня 1877 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Огарев посвятил этой работе стихотворение «На твоего я смотрю Галилея...»; в нем он выражал сожаление о том, что Н. А. Герцен бросила живопись: «Твоя жизнь для нее совершенно готова...». Мысль, что она бросила кисть, угнетала его:

Увидишь, что просто пропала мечта
О том, что есть радость, иль есть красота.

Серия публикуемых писем заканчивается запиской, в которой Н. А. Герцен сообщает из Гавра, что она возвращается в Женеву:

«Подробности расскажу viva voce *, через 8—10 дней. До свидания. Обнимаю и крепко тебя целую. До свидания.

Где пан Тхоржевский? Увижу я его в Женеве или нет?

Где мой Галилей? Надеюсь, Озеров отдал тебе его».

С возвращением Н. А. Герцен в Женеву переписка ее с Огаревым, естественно, прекратилась.

Вскоре Огарев уехал из Швейцарии. Он не принял предложения детей Герцена поселиться с ними во Флоренции или в Париже. Он вернулся в Англию, где прошли годы его работы с Герценом у станка вольного русского слова.

Дружеские отношения к детям Герцена, и особенно к Тате, сохранились у него до самого конца жизни. Н. А. Герцен, извещенная Мери Сэтерленд о тяжелом состоянии больного Огарева, приехала в Англию. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 14 июня 1877 г. она описала его кончину (опубликовано Т. П. Пассек — «Из дальних лет», т. III. СПб., 1906, стр. 44—45). Огарев умер с мыслями о своем друге: последние слова, сказанные им, были: «Твой отец,— твой отец написал брошюрку после письма» (там же, стр. 95).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После смерти Огарева Н. А. Герцен еще с большей сосредоточенностью отдает свои силы делу собирания и хранения литературного наследия Герцена и Огарева, делу увековечения их памяти.

Когда Е. С. Некрасова в 1890-х годах приступила к организации комнаты Герцена при Румянцевском музее в Москве (из цензурных соображений названной «комнатой 40-х годов»), Н. А. Герцен, с согласия брата, Александра Александровича, выделила для этой комнаты ценные материалы. Радушно встречала она всех русских, посещавших ее, с живым интересом расспрашивала обо всем, что происходило в России. Н. Макшеева в своих заметках «Потомки Герцена» (Рукописный отдел Государственного литературного музея) рассказала о кружке молодежи, который группировался в девяностых годах вокруг Н. А. Герцен. Н. Макшеева сообщает, что в 1898 г., в дни разгула реакции во Франции (в связи с процессом Дрейфуса), Н. А. Герцен посетила полковника Пикара, который разоблачил шпиона Эстергази, оклеветавшего Дрейфуса, и был заключен в тюрьму, и поднесла ему букет.

Е. А. Ляцкий в своих неизданных воспоминаниях рассказал о встрече в августе 1910 г. с Н. А. Герцен, которая сообщила ему о посещении Герцена Пыпиным. «Он приезжал в Лондон и был у отца,— говорила Наталья Александровна.— Я была тогда совсем еще маленькой девочкой. Он провел у нас целый день, за завтраком и обедом его сажали рядом со мной. Они говорили, кажется, о Чернышевском и о каком-то журнале, который Чернышевский хотел издавать за границей. Это, впрочем, я слыхала позже от отца. Тогда я еще была мала, не правда ли?— и не могла многого уяснить себе...»

«Не помните ли, Наталья Александровна, как относился Александр Иванович к Чернышевскому?» — спросил ее Ляцкий.

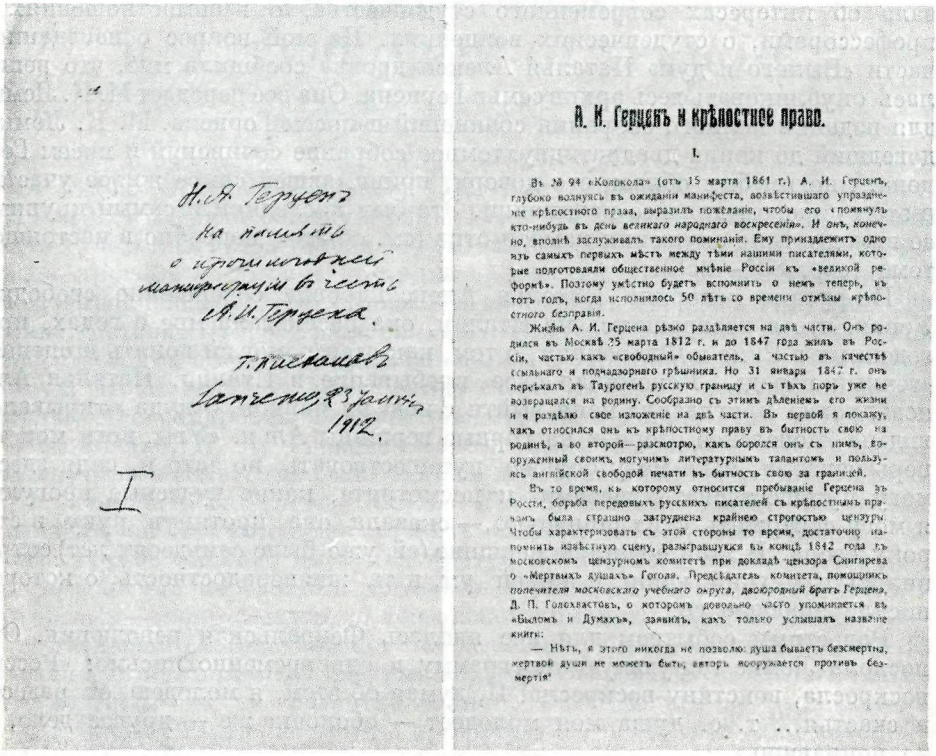
«Многого я не могу вам рассказать, не помню,— отвечала Наталья Александровна,— но, кажется, они не сходились во взглядах. Отец был менее радикален. Он все был уверен, что перемена в России может наступить без крайних мер. Этим объясняется, что мы и в Лондоне и здесь всегда нанимали меблированные квартиры. Отец говорил, что не надо обзаводиться,

---

* устно (лат.).

что вот-вот наступит в России другой режим и мы поедем к себе, домой. Отцу так этого хотелось. Это была мечта всей его жизни».

Сравнивая отца с Тургеневым, Н. А. Герцен говорила Ляцкому: «Тургенев был un vrai nihiliste... c'est lui qui a inventé ce mot, n'est-ce pas? * Он ни во что не верил — ни в дворянство, ни в народ ⟨...⟩ А мой отец верил в Россию, в русский народ, все время верил, до последней минуты, несмотря на все разочарования, на все неудачи. Он твердо знал,



Н. А. Герценъ
на память
о прошлогодней
манифестаціи въ честь
А. И. Герцена.
Т. Плеханов
Лапченко, 23 Января
1912.

I

А. И. Герценъ и крѣпостное право.

I.

Въ № 94 «Колокола» (отъ 15 марта 1861 г.) А. И. Герценъ, глубоко волнуясь въ ожиданіи манифеста, возвѣстившаго упраздненіе крѣпостного права, выразилъ пожеланіе, чтобы его «помянулъ кто-нибудь въ день великаго народнаго воскресенія». И онъ, конечно, вполнѣ заслуживалъ такого поминанія. Ему принадлежитъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ между тѣми нашими писателями, которые подготовляли общественное мнѣніе Россіи къ «великой реформѣ». Поэтому умѣстно будетъ вспомнить о немъ теперь, въ тотъ годъ, когда исполнилось 50 лѣтъ со времени отмѣны крѣпостного безправія.

Жизнь А. И. Герцена рѣзко раздѣляется на двѣ части. Онъ родился въ Москвѣ 25 марта 1812 г. и до 1847 года жилъ въ Россіи, частью какъ «свободный» обыватель, а частью въ качествѣ ссыльнаго и поднадзорнаго грѣшника. Но 31 января 1847 г. онъ переѣхалъ въ Таурогенѣ русскую границу и съ тѣхъ поръ уже не возвращался на родину. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ его жизни и я раздѣлю свое изложеніе на двѣ части. Въ первой я покажу, какъ относился онъ къ крѣпостному праву въ бытность свою на родинѣ, а во второй—разсмотрю, какъ боролся онъ съ нимъ, вооруженный своимъ могучимъ литературнымъ талантомъ и пользуясь англійской свободой печати въ бытность свою за границей.

Въ то время, къ которому относится пребываніе Герцена въ Россіи, борьба передовыхъ русскихъ писателей съ крѣпостнымъ правомъ была страшно затруднена крайнею строгостью цензуры. Чтобы характеризовать съ этой стороны то время, достаточно напомнить извѣстную сцену, разыгравшуюся въ концѣ 1842 года въ московскомъ цензурномъ комитетѣ при докладѣ цензора Снигирева о «Мертвыхъ душахъ» Гоголя. Предсѣдатель комитета, помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа, двоюродный братъ Герцена, Д. П. Голохвастовъ, о которомъ довольно часто упоминается въ «Быломъ и Думахъ», заявилъ, какъ только услышалъ названіе книги:

— Нѣтъ, я этого никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть; авторъ вооружается противъ безсмертія!

ОТТИСК СТАТЬИ Г. В. ПЛЕХАНОВА «А. И. ГЕРЦЕН И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Н. А. ГЕРЦЕН, 23 ЯНВАРЯ 1912 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

чего он хотел для России» (Е. Л я ц к и й. Воспоминания о Рейхель.— Машинописная копия. ЛБ, Г.—О. XIII, 14, лл. 17—18.— Сообщено Л. Р. Ланским).

Пишущему эти строки довелось навестить Наталью Александровну в Лозанне весной 1914 г. До этого я письменно обращался к ней еще в 1911 г. с вопросом касательно публикации неизданной части «Былого и дум». Я получил ответ (от 16 июня 1911 г.):

«Милостивый государь. Причины, мешавшие моему отцу печатать тот отрывок „Былого и дум“, о котором вы говорите, существуют еще теперь, и сам отец мой был бы против их издания в настоящее время. С совершенным почтением Н. Г е р ц е н».

---

* настоящий нигилист... это он ввел это слово, не правда ли? (франц.).

В 1914 г. я приехал в Лозанну, чтобы узнать, не пришло ли, наконец, время для публикации полностью «Былого и дум». Кабинет Натальи Александровны напомнил мне портретами, украшавшими его стены, московскую «комнату 40-х годов». Она жила и работала здесь, окруженная образами былого. Когда Наталья Александровна вошла в комнату, меня поразило сходство ее с отцом. В особенности напоминал Герцена высокий выпуклый лоб и большие живые темносерые глаза. Узнав, что я русский студент, Наталья Александровна оживилась и со вниманием расспрашивала об интересах современного студенчества, о взаимоотношениях с профессорами, о студенческих волнениях. На мой вопрос о неизданной части «Былого и дум» Наталья Александровна сообщила мне, что решилась опубликовать весь архив семьи Герцена. Она все передает М. К. Лемке для издания полного собрания сочинений и писем Герцена. М. К. Лемке, доведший до конца двадцатидвухтомное собрание сочинений и писем Герцена, многим был обязан его дочери, принимавшей самое живое участие в этом дорогом для нее начинании. Это был последний и самый крупный ее вклад в дело служения памяти отца (см. об этом подробно в настоящем томе, стр. 831—855).

По-русски говорила Наталья Александровна совершенно свободно. Узнав, что я возвращаюсь из Италии, она рассказала мне о годах, проведенных в Риме и Флоренции, о том, как отец помог ей понять и оценить «вечный город». Вспоминая свое пребывание в Италии, Наталья Александровна пригласила меня выйти с нею на балкон, откуда открывался вид на Женевское озеро и на горные вершины Альп. «Увы, ноги мои теперь ослабли, я не могу больше путешествовать, но зато я, сидя здесь, могу путешествовать глазами, и посмотрите, какие чудесные прогулки я могу совершать с их помощью»,— сказала она, протянув руку в сторону озера. В этой пожилой женщине (ей уже было семьдесят лет) сохранились и мягкий юмор, и живой ум, и та жизнерадостность, о которой писали знавшие ее.

Радостным событием для нее явилась Февральская революция. Она послала Лемке ликующую телеграмму и одновременно письмо: «Россия воскресла, воистину воскресла! И, думая об этом, я молодею от радости и счастья... т. е. душа моя молодеет — оболочка же — другое дело, ее не поправишь».

Н. А. Герцен в том же письме сообщала о своем страстном желании вернуться на родину. «Если б не трудное, утомительное и опасное из-за войны путешествие, я была бы уже в Москве».

Первая мировая война кончилась... Но дочь Герцена так и не вернулась на родину.

Умерла она в сентябре 1936 г., вдали от России, в Лозанне.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Публикация Н. А. Роскиной

В жизни Огарева и Герцена Наталья Алексеевна *Тучкова-Огарева* (1829—1913) сыграла большую роль. Роль эта была поистине трагичной. Н. А. Тучкова-Огарева любила двух выдающихся людей, однако ни тому, ни другому ее любовь не принесла счастья. Она обладала какой-то необычайной способностью страдать и заставлять страдать тех, кого она любила. Оставив Огарева ради сильного чувства к Герцену, она измучила их обоих своими сомнениями, сожалениями о сделанном шаге. Приехав в Лондон, чтобы заменить мать детям своей любимой старшей подруги, Натальи Александровны Герцен, она отравила жизнь этим детям.

Несомненно, Н. А. Тучкова-Огарева была человеком незаурядным. Она выросла в семье, где были сильны декабристские традиции. Ее отец, А. А. Тучков, был членом Союза Благоденствия. После восстания 14 декабря он был вынужден оставить военную службу и поселился в деревне. Тучков активно выступал против крепостного права и был дружен со многими передовыми деятелями сороковых годов, в том числе и с Огаревым—своим соседом по пензенскому имению. Наталья Алексеевна, не получившая систематического образования, была, однако, достаточно начитана, чтобы понимать идейные искания Огарева, и он возлагал большие надежды на ее развитие. Однако надежды эти не оправдались. Н. А. Тучкова-Огарева не сумела проникнуться общественными интересами Герцена и Огарева. Личное всегда одерживало в ней верх. Она сама страдала от отсутствия призвания, тосковала по России, где, как ей казалось, она легче нашла бы себе применение. Но и из этого чувства она создала источник конфликта с Герценом и Огаревым, угрожая вернуться в Россию и увезти туда свою и Герцена дочь Лизу. Ее поступки не всегда соответствовали ее демократическим убеждениям. До конца жизни в ее характере и поведении проявлялись порой замашки деспотической помещицы.

В декабре 1864 г. умерли от дифтерита двое детей Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой. После этого несчастья Наталья Алексеевна уже не могла оправиться. Горе еще более ожесточило ее, в ней развились болезненная мнительность, недоверчивость, мрачность. Постоянные разговоры о смерти калечили Лизу и угнетали всех окружающих. Самые близкие люди стали от нее отстраняться. Первым отошел Огарев, постаравшийся найти тихую пристань в привязанности Мери Сэтерленд. Саша Герцен рано стал «отрезанным ломтем» в семье отца. Не могла с ней ужиться и Тата, спокойная, выдержанная, великодушная Тата. Она вынуждена была разъезжать по Европе, дома у нее не было. С Ольгой, воспитанной М. Мейзенбуг во враждебных Герцену традициях немецкого аристократизма, у Натальи Алексеевны вообще не было ничего общего. Ее собственная дочь Лиза — необычайно одаренная — росла изломанным

существом. Свою мать она и любила и ненавидела в одно и то же время. Последнее десятилетие жизни Герцена полно горьких мыслей о распаде семьи. В своих письмах тех лет он постоянно подводит печальные итоги и постоянно, не оправдывая и себя, обвиняет Наталью Алексеевну в этом разрушении.

В герценоведческой литературе опубликовано немало документальных материалов, позволяющих представить себе облик этой женщины. Помимо обширного комментария в издании Лемке, много писем Н. А. Тучковой-Огаревой, дневниковых записей, писем к ней и, наконец, писем о ней — в широких хронологических рамках — напечатано в «Русских пропилеях» (т. IV, М., 1917) и «Архиве Огаревых» (М.—Л., 1930). Большое количество документов, хранящихся в различных архивных собраниях, остается неизданным. В настоящую публикацию включены материалы из «пражской» и «амстердамской» коллекций, а также письма Н. А. Тучковой-Огаревой к П. В. Анненкову, находящиеся в Пушкинском доме (ИРЛИ).

И Герцен, и Огарев не смотрели на свою жизнь как на собственное достояние. Они ждали суда общественности, потомства и готовы были принять этот суд. В ответ на прямо выраженную просьбу Н. А. Тучковой-Огаревой — уничтожить ее письма — Огарев ответил отказом. Тем самым он выразил свою определенную волю: осветить для следующих поколений историю этих сложных и поучительных семейных отношений.

* * *

Хронологически наиболее ранними в нашей публикации являются документы «амстердамской коллекции». Первое письмо, точнее — отрывок из письма Н. А. Тучковой-Огаревой, раскрывающий историю ее сближения с Герценом и начало конфликта, трудно поддается датировке, но, повидимому, относится к первым годам жизни Огаревых в Лондоне.

〈1〉

〈Около 1857—1858 гг.〉

...Он 〈Герцен〉 имел какое-то странное увлеченье, в котором странные вещи сорвались с его языка, я не немка, не стану напоминать прошлого. Незнанье мое людей было причиной, что я приняла увлеченье за любовь, это была важная ошибка.

Долго я боролась, мысль о тебе и о N〈atalie〉 сводила меня с ума; он меня убедил, что память N〈atalie〉 не оскорблена нашим союзом; я просила тебя уехать со мной или отправить меня одну, ты не хотел и все принял, как ни один человек не мог бы.

Однако двух-трех недель не прошло, как он изменил свой взгляд. Я не виню его — это было безнамеренно и естественно, страсть и увлеченье прошли, любви не было, осталось дружеское расположенье и желание покоя. Тут я выслушала страшные и холодные уроки, и вот где начинаются мои серьезные обвинения против меня. Я поняла, но, испуганная и потрясенная, я искала обмануться, беспрестанно переходила от оскорбленной раздражительности — к слезам и самообвинению. Трудно мне было мое одиночество; правда, в минуты раздражения, я говорила с тобой, но ты не мог оправдать раздраженье; а в спокойные минуты или я обманывалась, или боялась говорить с тобой; я чувствовала, что ты ничего не можешь сказать мне, что ты не захочешь согласиться со мной. Разве говорят игроку, поставившему все на карту, карта ваша проиграла?

Второе письмо датируется по указанию на возраст А. А. Герцена: двадцать три года ему исполнилось в 1862 г. В письме, доступном нам

только в фотокопии с подлинника, не поддается прочтению несколько слов, написанных, повидимому, карандашом и стершихся от времени.

<2> <1862 г.>

Лучше бы говорить, чем писать, потому что нужно <4 *нрзб.*> вам нужен.

Наша жизнь — страшная жизнь. Скажи, зачем вы беспрестанно вызываете тяжелые воспоминания, зачем вечные упреки? Ошибки видны мне, они <2 *нрзб.*> я не вижу пользы, Огарев, так односторонне смотреть — я знаю, что эти дети должны бы быть самые близкие мне, но этого нет, они меня не любят. Саше двадцать три года, он не ребенок, скажи, кого он любит и кто его любит? Тата — я не знаю, что делать, чтоб вернуть ее прежнее чувство, я думаю, это невозможно. Ольга — ребенок. Meysenboug ее вольно или невольно отдаляет. Мы ведь не в ссоре, однако она ее никогда не присылает и не приводит, на мои приглашенья постоянный отказ. Как же ты хочешь, чтоб, зная, как они меня не любят и не желают видеть, я сама бы имела храбрость вызваться прожить вместе месяц, да еще прибавь вашу нетерпимость, негуманность ко мне— чтоб жить с посторонними, как Meysenboug? Надо иметь гораздо больше такту, чем мы имеем все, — но вообще скажи, что случилось, что сделалось, что вы всё со дна поднимаете?

Во мне нет к ним дурного чувства, но я оскорблена, огорчена их холодом и не умею поправить. Чем меня мучить, ты мог пожалеть меня; мне истинно, Огарев, слишком тяжело.

В ответных письмах Огарев пытался успокоить Наталью Алексеевну, раскрыть ей глаза на действительное положение вещей. Первое письмо датируется условно. Оно написано после смерти близнецов, т. е. после 1864 г. Н. А. Тучкова-Огарева, как сказано в письме, еще носит траур.

Письмо это существенно и интересно для биографии и Огарева и Герцена. Огарев предстает перед нами во всей необычайной чистоте своего морального облика, своей редкой гуманности, своего глубоко альтруистического понимания вопросов любви, брака, отношений между людьми.

Огарев писал своей бывшей жене:

2 ноября <1865 г.>

Долго я не решался писать тебе, Натали, но не могу выдержать моего молчания; будь это в последний раз, что я пишу,— мне все кажется, что это еще не в последний, что мы слишком тесно были связаны в жизни и что слово мое не может остаться без следа и влияния; стало, оно поможет тебе к действительной регабилитации, на которую мне потерять надежду так тяжело, что, мне кажется, я умру прежде, чем оторвусь от нее. Выслушай мою речь спокойно, так, чтобы понять ее, взвесить ее, оценить ее — и вглядеться в ее правду.

Есть человек, которого я с отроческих лет любил, как брата; была женщина, которая меня любила, как брата и я любил ее, как сестру, и это ты очень хорошо знаешь. Есть женщина, которую я любил как мое дитя и думал, что она достигнет светлого человеческого развития — долею под моим влиянием; я ее любил, как мое дитя и как мою жену. Эта женщина любила моего брата и мою сестру — как брата и сестру. Когда сестра умерла, она перенесла идеально свою любовь к ней на ее детей. Мы поехали вместе на помощь этим детям и брату.

Ты полюбила моего брата. Я не стану говорить о том, в каком отношении я тогда был к тебе; одно скажу, что, вместо моего мечтаемого влияния на тебя, чувствовал, что я нахожусь подвластным и

не возвышаю, а унижаю тебя. Я был уверен, что любовь брата тебя возвысит,— и все ставило жизнь на такую высокую ногу, как редко случай ставит ее. Ты могла любить моего брата и быть матерью детей моей сестры... и твоей сестры, т. е. той женщины, которая для тебя была выше всего в мире. В самом деле — что за великое отношение становилось между всеми нами!

И что же вышло? Зачем ты убиваешь его? А чтоб кто-нибудь из нас, кроме тебя, убивал это отношение — этого ты, конечно, не можешь сказать.

Теперь ты пишешь к Г⟨ерцену⟩, что мне нечего бояться, чтоб общественное мнение обвинило меня, потому что оно всегда обвиняет женщину.

Это ужасно пошло! Неужто ты думаешь, что я сколько-нибудь забочусь об том — обвинит ли меня публика в духе кн. Мещерской или не обвинит? Мне это совершенно равнодушно. Что мне неравнодушно, это то — станешь ли ты сама как нравственное существо или станешь как злое, падшее существо. Последнего я не могу вынести, потому что мне это больно, больно потому, что я тебя любил страстно.

Скажи мне, пожалуйста, из-за каких же *личных* причин я с тобой в разрыве, чтоб кто-нибудь мог сказать, что я прав, а ты виновата, или наоборот? Если ты лично передо мной виновата — ты не понимаешь в чем. А если я виноват — я никогда этого даже тебе не говорил.

Мой разрыв с тобой потому, что ты преследуешь детей моей сестры, которых я — умру — но не дам в обиду, а преследуешь ты их унизительно для себя, потому что, во-первых, ты их считала своими детьми, и, ⟨во-⟩вторых, они против тебя ничего не сделали, и если ты не лжешь— ты не можешь сказать иначе.

Если я когда-нибудь не стану держать секрета — это, конечно, не для оправдания самого себя, что равно не нужно для общежития, которого я не много уважаю, и равнодушно для меня самого, потому что моя совесть в этом случае чиста, и я больше ничего не требую. Если я не стану держать секрета — это для того, чтобы не дать в обиду детей моей сестры,— и это я свято исполню. В этом вопросе я нисколько не беру на себя обязанности секрета; я даже думаю, что секрет с моей стороны будет слабостью, равной преступлению.

А что же сделали дети против тебя, я спрашиваю? Который из них? Когда? Клеветать можно, но, в самом деле,— когда кто против тебя что сделал?

Саша, что ли? Если говорил тебе, что ты нехорошо поступаешь с его сестрами, то он был вполне вправе. Этого ты сама не признать не можешь. А дурного против тебя он никогда ничего не делал.

Ольга? —Не было человека, больше или меньше постороннего, которому бы ты ее не выдавала за изверга. Конечно, никто этому не верит... Ольга этого не знает. Ее удивляло, что она не может проститься с Лизой,— ты не можешь признать за возможность проститься такое гадкое предложение, как встречу в Веве, так, чтоб ты была в стороне. А Ольга сама по себе — существо, которое еще не выросло из детства, но становится все больше и больше добродушным.

Тата... Чем больше она что-либо провидит, тем больше стремится сделаться другом тебе и старшею сестрою Лизе.

Кто же против тебя что-либо сделал? За что ты хочешь их стереть с бела света?

Вот из-за чего наш разрыв, Натали, а не из-за того, чтоб кто-нибудь из нас был лично виноват один перед другим.

Что мне нужно — это твое нравственное восстановление, потому что я по воспоминанию чувствую себя тебе близким. Скорбью о смерти детей ты для меня не восстановляешься, ибо человек, который может носить чер-

ное платье и действовать со злобой, для меня падающий человек,— я в его скорбь или любовь не верю, а вижу только мелкое, презренное самолюбие, равное ревности и зависти.

Но когда я знаю, что этот человек еще способен взойти в свою совесть и регабилитироваться, то я готов стать на колени и просить его: «Опомнись»! Это я теперь и делаю.

А если ты подумаешь, что *таким* оторваньем Лизы от ее семьи ты или ее испортишь и сделаешь злою, или она поймет, в чем дело, и взглянет на тебя с презрением,— то ты еще глубже должна войти в себя и опомниться!

Да! я становлюсь на колени и умоляю тебя: «Опомнись!».

Вот все, что я могу сказать!

Ради памяти умерших детей, которая должна быть *чиста*, ради жизни Лизы, которая должна быть *чиста*,— я умоляю тебя: «Опомнись!»

Неужто так трудно честному существу сказать самому себе: я ошиблась, я гибла — но каюсь и хочу воскреснуть?

Если это трудно — тогда я отрекаюсь от всякого уважения и всякого обязательства.

Я все сказал, что мог. Умоляю тебя — не думай, чтоб во мне было какое-нибудь злое чувство. Все, что я прошу, все, из-за чего я мучусь,— это одна просьба: очистись и воскресни к действительно человеческой жизни.

А как много для этого элементов — это ты сама легко поймешь.

Прощай пока.

Не поминай лихом. Всякое слово мое сказано не из какой-нибудь мелкой мести, а из глубокого, любящего воспоминания.

Твой папа Ага.

Огареву, как и Герцену, как и их друзьям, часто приходила в голову мысль о психической болезни Натальи Алексеевны. Они гнали от себя эту мысль. В публикуемом ниже письме (сохранилось в черновике) Огарев старался внушить Наталье Алексеевне, что ее состояние объясняется причинами не медицинского, а социального и морального характера.

<Вторая половина 1860-х гг.>

Ты избегаешь со мной разговора, Натали, ты думаешь, что я твой враг, и при первом случае, когда можно было остаться одним, ты пригласила перекладочку. Почему ты думаешь, что я твой враг? Потому ли, что я страдаю, глядя на все твои отношения к роду человеческому, основанные на личных ненавистях, мелком самолюбии [злобе и мстительности и помещичьих взрывах]? Я страдаю, глядя на это, по воспоминаниям любви, по той привязанности, которая не проходит, а не из какой-либо вражды, которую я сам в себе презирал бы.

Не вражда заставляет меня писать к тебе, Натали, а боль, страшная душевная боль при виде твоего глубокого непонимания собственных действий и [презрительного] самооправдания.

Умоляю тебя, Натали, опомнись. Ты отравляешь хорошие жизни кругом себя: жизни людей, которые еще могли бы быть полезны: жизни детей, которые имеют все юное право на жизнь; жизнь твоего ребенка, которого ты не ведешь прямым путем, [а приучаешь к дерзостям, скачкам, капризам, себялюбивому нетерпенью] наконец, даже жизнь прислуги не остается незатронутой, и ты хочешь от нее унижения.

Желал бы я извинить это сумасшествием, но это была бы неправда, и это оправдание слишком глупое<?>, и я лучше из глубины души умоляю: опомнись.

Что за несчастное домашнее властолюбие руководит тобой? Подумай, что ведь вершина этой власти равна разве силе давления клопов... И из-за этого — оскорблять все и всех! [Ведь это омерзительно.]

А сказать, чтобы ты не оскорбляла,— этого я не могу. Даже после Любаши ни одна горничная не отошла не оскорбленная. И подумай, что — несмотря на все твои ненависти — тебе никто не дал отместки, равной злу, нанесенному тобой. [Все были добрее.]

Вспомни, что то, что в человеке человеческое,— это великодушие, а все противоположное — ужасно.

[А ты, ты не сумасшедствуешь, а злобствуешь.

А из чего?— Из внутренней женско-помещичьей тревоги, тревоги барыни; ты изображаешь оскорбления, которыми тебя никто не оскорблял, и мстишь за них.]

Чтоб смыть фантастические оскорбления, теперь ты хочешь обнародования тайны. Это имело бы иной вид вначале; теперь — и как ты его умеешь сделать!— кроме вреда в жизни Лизы, это ничего не принесет. Лучше дай уж мне написать обо всем домой; я это сделаю человечнее. На тебя я не надеюсь.

А лучше всего опомнись, Натали, подумай, что̀ лучше сделать для Лизы; поговорим вместе, когда прикажешь. Не хочешь — твое дело.

Натали, Натали! Ведь может мы станем говорить в последний раз. По крайней мере я убежден, что моя жизнь продолжится не долго. От этого я и решился писать к тебе.

Ответь сегодня.

Следующее письмо также написано после смерти близнецов, но датировать его точно затруднительно.

8 января ⟨вторая половина 1860-х гг.⟩

Я видел твои письмы, Натали. Бедная, томящаяся страдалица — сколько ненужных мучений ты приносишь себе и всему окружающему!

Коренная мысль у тебя ясна до того, что разве слепой не прочел бы ее. Коренная мысль: «Выгони Тату и тогда я с Лизой приеду в дом твой»... Этой мыслью мачехи ты портишь жизнь свою, Лизину, его и всех и унижаешь свою печаль, которая *иначе* была бы святой печалью.

Но святая печаль очищает помыслы от подобных раздражений... как же — при твоей печали — ты их поддерживаешь, увеличиваешь, приводишь в то состояние, когда знать их, видеть их и больно и страшно? Я не верю, чтоб ты не понимала того, что делаешь, но ты слишком любишь и уважаешь свои ненависти и свой всеисключающий эгоизм. Сколько ни облекай реальность в литературу, я не верю, чтобы в тебе никогда не шевелился человеческий испуг перед собственной мыслью и действием.

Я было хотел замолчать об этом. Я слишком долго говорил то же об том же. Я не верю, чтоб ты не понимала правды моих слов, но ты их принять не хочешь.

Я хотел умолчать, но в твоем последнем письме ты пишешь обо мне, и мне кажется, что мне хотя в последний раз должно откликнуться.

Ты пишешь, что ты ничего для меня сделать не можешь, что остается желать, чтоб Г⟨енри⟩ и М⟨ери⟩ успокоили меня насколько возможно — а это не легко... Ты пишешь: «Было время, когда я одна на свете могла много для него... Ах, какие кошки скребут по сердцу...».

Натали! Было время, когда я бушевал не только от дурных привычек, но от избытка жизни. Теперь избытка жизни нет, а только дурные привычки. Я еще могу преодолеть их, но это действительно трудно, потому

что положение не вызывает силы, и приходится их только из себя натягивать.

У тебя скребут кошки по сердцу там, где этот скреб неуместен, а там где он должен быть — его нет. Почему у тебя скребут кошки? Слыхала ты, что ли, упрек от меня? Нет, нет и тысячу раз нет! На твою любовь

Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬМИ ГЕРЦЕНА ТАТОЙ И ОЛЬГОЙ
Фотография, конец 1850-х гг.
Литературный музей, Москва

к нему я взглянул с уважением и надеждой на твое спасение. Не в этом чувстве ты имеешь право на покаяние.

Нет — ни Г⟨енри⟩, ни М⟨ери⟩ меня не успокоят. Успокоить меня можешь ты, когда снимешь с моей совести мысль, что я внес элемент мачехи в дом брата моего. Только тогда я умру спокойно, не в разбивчатой жизни, а окруженный тем, что люблю. А умру я прежде тебя — кажется, можно бы похлопотать о спокойствии моей смерти.

Попробуй — вместо дикого эгоизма — вызвать в себе смысл действительно преданности.

Не сердись на мое письмо, прими его с смирением и искренним чувством правды, и, может, тогда многое будет спасено—и Лизино будущее, и мой конец.

Лизу цалую и буду писать ей в четверг.

В декабре 1866 г. родственники Н. А. Тучковой-Огаревой, Сатины (за Н. М. Сатина вышла замуж младшая дочь А. А. Тучкова, Елена), должны были приехать за границу. Герцен и Огарев надеялись, что они благотворно подействуют на душевное состояние Н. А. Тучковой-Огаревой. Но предполагаемый приезд Сатиных не состоялся. От этого периода сохранились два черновика Огарева. По своему обыкновению, он сохранил для себя, в записной книжке текст отосланных писем. Первое из них адресовано Н. М. Сатину, второе — Н. А. Тучковой-Огаревой («пражская коллекция», оп. 1, ед. хр. 235 и 44).

<Первая половина декабря 1866 г.>

Мне почти нечего прибавить к письму Г<ерцена>, кроме повторения его же просьбы, мой старый брат. Да! еще надеюсь, что приезд Елены и твой может быть привел бы дела в более разумное отношение. Как они теперь поставлены — это хуже всякой каторги. Мне Н<атали> не только не доверяет, но старается думать и поступать напротив. Каким образом она не видит, что разгром в целой семье произвела и производит она, и каким образом у нее не является ни на минуту сознания и раскаяния — этого я не понимаю. Мне даже иногда хотелось бы ее психическое настроение отнести к помешательству, но это объяснение может быть только натянутое; можно, пожалуй, всякие постоянные злобы и ненависти, никем не вызванные, назвать сумасшествием, но этим ничего не объяснишь и ничему не поможешь. Бедные дети! За что она старается лишить их отца, за что их разметали по свету? Бедная Лиза! За что она должна извращаться под таким влиянием?

Видишь, друг мой, что ваша личная помощь необходима. Поэтому мы вас и зовем — на месяц, на два — в марте, в апреле — как удобнее.

Если можешь предварить меня, как и когда, для того, чтоб вам не было лишнего пути и чтоб мы здесь были в сборе,— то пиши.

<Первая половина декабря 1866 г.>

Итак, Е<лена> едет в Германию, а может и сюда. Я этому действительно рад по многим причинам — за твое свиданье и за Лизино знакомство с детьми, и рад, наконец, за то, что в самом деле пора все объяснить Е<лен>е (за это я берусь), пора показать ей, что вырвать Лизу из ее семьи, оторвать от отца, который ее воспитатель и покровитель — по естественному значению обстоятельств и по своему человеческому умственному и нравственному значению — оторвать таким образом Лизу —дело не материнской любви, [а дело мелких ненавистей мачехи, ревностей и злобы женщины, которая сама не может дать себе отчета в своих поступках, дело просто низкое].

Я думаю, что ты, наконец, поймешь, что когда ты упрекаешь Г<ерцена> за то, что он в Женеве живет для своего брата, а во Флоренцию едет для своих детей и ничего, будто бы, не делает только для тебя, и прибавляешь, что ты это говоришь не из эгоизма,— я думаю ты не понимаешь, что ты говоришь и что делаешь, [иначе она бы сама ужаснулась перед своим жалким и злобным эгоизмом. Это ты на такой-то лад себя воспитываешь, готовя из себя, самопожертвования ради, воспитательницу для Лизы? Что ж ты хочешь в ней воспитать — безумную ревность, мелкую злость?

На что же ты иное будешь способна, если станешь продолжать такое настроение в себе?] Нет, Натали, тут не я ошибаюсь, — дело так ясно, что всех готов позвать на суд,— и сестру твою, и ее мужа, и твоего отца.

[Да я думаю, что это, наконец, и надо сделать. Нельзя же под покровом глубокой печали безответственно точить яд на все окружающее и готовить Лизе гибель, толкуя о самопожертвованиях, которые заключаются в том, что все приносится в жертву своему эгоизму, т. е. дикой ревности и злобе мачехи.]

Смотри на это письмо, как хочешь,— мне уж это, наконец, все равно; конечно, я не твоего хорошего мнения обо мне стану добиваться. Мне надо было сказать всю правду — я и сказал ее; ты ей не веришь — я хочу суда твоих же родных и достаточно полагаюсь на их честность, что они мое мнение оправдают и Лизу не вырвут из ее семьи, которая ее par droit de la nature et par droit de la pensée*.

К концу шестидесятых годов относится и письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Огареву, интересное строками, характеризующими настроения Герцена последних лет его жизни. Конец письма не сохранился.

2[illegible] сент. 1869
<Ницца 1860-х гг.>

Милый Ага, Лиза в большом волненье насчет кольца — если Тепляхова еще не уехала, пришли с ней письмо и кольцо — и скажи ей, чтоб она спрашивала Г<ерцен>, а то ей откажут, потому что не знают моего имени.

Ну вот мы и в Париже — нечего мне говорить тебе, как все живо и страшно в моей памяти, но до сих пор я, кажется, ловко скрываю от <Герцена>, о чем думаю — он доволен всем и здоров, отправился сегодня поутру к Б[illegible], который уезжает в понедельник. Бедный <Герцен>, как ему хочется отдохнуть на месте, иногда он поговаривает поселиться всем в Люцерне, т. е. около — я всегда за колонию и особенно за то, чтоб ты был поближе — мы все трое быстро старимся — и Лизу жаль — она тебя так любит. Надо же и для нее центр, который бы позволил нам безбоязненно когда-нибудь умереть, а теперь меня ужасом обдает оставить ее одну.

Прощай, обнимаю тебя.

N.

Вчера работник толкнул ребенка лет одиннадцати. Тот сказал ему что-то — работник так ткнул его в глаз пальцем, что вытащил глаз, который повис на щеке — ребенок упал без чувств — больно притом, что это работн<...>

Последние по времени документы нашей публикации, связанные с историей взаимоотношений Н. А. Тучковой-Огаревой с Огаревым, относятся к семидесятым годам. В своем письме к Огареву («пражская коллекция», оп. 1, ед. хр. 160) она пытается объяснить причину резкого, окончательного разрыва с ним уже после смерти Герцена. Она считала, что Мери Сэтерленд оскорбила ее и выгнала из дому. Однако в записи «Из моей биографии» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 99—100) Огарев рассказывает, что Наталья Алексеевна, приехав к нему, «обругала» Мери Сэтерленд «кабацкой женщиной», и та вынуждена была попросить ее оставить их дом.

---

* и по естественному, и по разумному праву (франц.).

<12 апреля 1875 г.>

Огарев,

так как тебе память часто изменяет, хочу тебе напомнить, что если я и Лиза тебе не пишем, так это потому, что эта дикая женщина нас выгнала из твоего дома без малейшего протеста с твоей стороны; едва ты простился с нами и даже не проводил до дверей. Да, это дурной и слабый поступок!

Когда раз во время митинга, при Нечаеве, эта женщина, тоже без малейшего повода, бросилась на меня с поднятыми кулаками, ты просил меня ее простить — и я простила. И вот к чему привело мое доверие к тебе.

Прощай навсегда, не пеняй на нас — мы так же заботимся о тебе, как другие, и даже больше, чем Саша. Я бы желала, чтоб ты сжег мои письма, старые особенно; к чему после нашей смерти посторонним копаться в нашей душе. Прощай!

В Женеве Жуковский с другими издает газету «Работник», совсем твой взгляд — я послала Жуковскому твой адрес и надеюсь, что он тебе вышлет газету.

Упоминаемый в письме Н. И. Жуковский — русский эмигрант, бакунист. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 133—139.

1 мая <1875 г.> Огарев писал Тате: «На последнее гадкое письмо Н. А. ко мне я решился не отвечать, чтоб ее не затронуть, а держать в покое и в отдалении. Хотя она в нем и требует, чтоб я истребил ее письмы ко мне, чтобы никого не мешать в наши дрязги (!), но я этого не сделаю, чтобы иметь на всякий случай показать, кто прав, кто виноват, кто добр, кто зол. Да и не хочется мне отвечать женщине, которая старается меня восстановить против людей мне близких и по памяти и по всем отношениям ко мне» («амстердамская коллекция»). Тогда же в недатированном письме он писал Ольге Моно (подлинник на французском языке, там же):

«Что касается письма Натали, то думаю, что не я, а она потеряла память. По зрелому размышлению, я решился ничего не отвечать, чтобы не раздражать ее.

Газету Жуковского получил, но еще не могу ничего сказать».

Так безрезультатно окончились попытки Огарева наладить в семье мир.

* * *

Другой цикл документов, публикуемых нами,— письма Н. А. Тучковой-Огаревой к Н. А. Герцен. В «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 295) сохранилось пятьдесят три письма. Мы печатаем только выдержки из писем, представляющих интерес.

Эта переписка, начавшаяся в 1871 г., прервалась после отъезда Н. А. Тучковой-Огаревой в Россию. В декабре 1875 г. покончила самоубийством Лиза Герцен. Родные добились для Н. А. Тучковой-Огаревой разрешения вернуться на родину. После этого Н. А. Герцен много лет ничего не знала о ее судьбе. В той же «пражской коллекции» сохранился интересный документ, относящийся к последним годам жизни Н. А. Тучковой-Огаревой. Это письмо Н. А. Герцен к Гуго Шиффу от 23 апреля 1911 г. из Лозанны. В нем она описывает свою встречу с Н. А. Тучковой-Огаревой, приехавшей в 1909 г. за границу со своей приемной дочерью, революционеркой, больной туберкулезом, Ольгой Андреевной. Наталья Александровна очень желала этой встречи. Она состоялась после тридцати пяти лет разлуки, но Наталья Алексеевна не проявила не только никакой радости, но даже никакого удивления. И на вопрос о том, как

она жила эти годы, «верная себе внутренне, как и внешне, во всех своих движениях, она отвечала: „Но что же во мне интересного? Я — ничто“». (Подлинник на французском языке—ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 343).

И в письмах 1871—1875 гг., адресованных Н. А. Герцен, тоже постоянно прорываются свойственные Наталье Алексеевне ноты самоуничижения и мнительности. Однако письма эти не лишены интереса. Прежде всего, в двух письмах запечатлены подлинные слова Герцена. В недатированном письме (начало: «Милая Тата, вот, наконец, и Лиза поправилась») читаем: «...Кто-то прислал мне статью Monod об „De l'Autre rive“; мне только не понравился его отзыв о Стеньке Разине. Видно, что он мало знает об нем, но, что хуже, он дурно понял взгляд Герцена на Разина, это очень жаль. Герцен не был за кровавые революции, но он приходил в восторг от энергии и преданности людей — помнишь, как он говорил: „Почем мы знаем пути истории“?» (Упомянутая статья Моно — вероятно, рецензия на французское издание «С того берега», выпущенное А. А. Герценом в 1870 г. Установить, где она была напечатана, не удалось.)

В письме от 6 марта 1875 г. сказано: «Герцен говаривал: слабые люди самые жестокие».

В одном из своих писем 1872 г. к Тате Герцен Н. А. Тучкова-Огарева вспоминает: «В страшную минуту в Париже ⟨т. е. в минуту смерти Герцена⟩ я сказала Лизе: „Теперь мы навеки одни!“». Она здесь же добавила, что Тата тогда обняла их и обещала никогда не оставлять свою мачеху и сестру. По мере сил Тата старалась сдержать свое обещание. Но, как пишет Тучкова-Огарева, «хорошо, что мертвые не знают, что делается с оставшимися» (письмо от 16 декабря 1872 г.). Судьба младшей дочери Герцена, Лизы, была трагичной. Жертва тяжелой наследственности со стороны матери и глубоко искалеченная ее воспитанием, Лиза с большим трудом поддавалась благородному влиянию старшей сестры. Да и мать ее, постоянно терзаемая недоверием к детям Герцена, мешала этому влиянию. Однако в противоречивой натуре Н. А. Тучковой-Огаревой уживались разные чувства. Вот, например, с какими теплыми строками обращалась она к Н. А. Герцен в начале 1873 г.:

Милая Тата,

Какое-то недоразумение — я всегда рада слышать об вас всех трех. Что бы ни случилось, вы всегда для меня все трое — дети Герцена; я этого не забуду никогда и так же откликнусь на вашу радость или на ваше горе, как будто он с нами,— собственно, для меня нет мертвых, я с ними живу больше, чем с живыми, прислушиваясь к их думам, к их желаниям; я очень мучаюсь и страдаю, когда не в моих силах исполнить их завещанье. Эта борьба меня очень измучила здесь, но, может, и она меня не сломит ⟨...⟩

Н. А. Тучкова-Огарева, действительно, жила ощущением связи с прошлым, старалась поддержать в детях Герцена их интерес к русскому, удержать их от полного слияния с западным миром. Когда, в начале февраля 1873 г., Тата, жившая во Флоренции с семьей брата, приглашала ее приехать к ним погостить, она отвечала:

Милая Тата.

Я что-то очень измучилась, и рука опять болит. Дай обнять тебя за твои теплые дружеские строки. В память Герцена я радуюсь этим строкам. Многое мне мешает принять твое предложение: во-первых, даль. Что делать, милая Тата, иногда помощь является неожиданно; может, как-

нибудь сладим, а Флоренция для меня страшное место, наполненное тяжелых воспоминаний; мне осталось только подчиниться твоему решению поселиться там, но внутренне оно мне стоит много муки. ‹...› Тебя жаль — тебя затянет в болото, как Ольгу бывало,— берегись, милая Тата, я уверена, что это решение глубоко бы огорчило твоего отца и потому решаюсь высказаться — если я тебя огорчаю, прости меня во имени ‹!› истинной, искренней любви к тебе.

Я верю, что ты помнишь, что́ Лиза была для Герцена, и как он знал, насколько я страдаю,— он не знал, да и я не знала, что можно все глубже заступать в горе — я устаю, может Лиза скоро и будет одна — и тогда бы я не хотела, чтобы она была во Флоренции, в том круге, который был такой роковой для Ольги, который так отдалил ее от отца, а, впрочем, делай тогда, что́ лучше по-твоему, только не окружай ее немцами.

В Саше и Ольге у меня веры нет,— это очень, очень больно.

Лиза Герцен, не ладившая с матерью, жила подолгу с Татой, и Н. А. Тучкова-Огарева пыталась давать Тате советы, касающиеся воспитания девочки. Интересно, что она все время думала о желании Герцена воспитать детей русскими. Например, мы читаем в письме от 1 февраля 1875 г.: «Меня огорчает, что Лиза не говорит по-русски даже с русскими. Флоренция — город забвенья семьи и родины, недаром Герцен его так не любил». Боялась она и буржуазного влияния на Лизу со стороны Моно: «Я думаю, ей в Париже понравится, конечно, не в протестантском мире, но вы можете устроить ваш курс независимо от Monod и все-таки видать их часто и быть на дружеской ноге. Мне кажется, это вовсе не мешает. Не может же вся семья Герцена сделаться протестантским сборищем? Если б это было по убеждению, оно было бы очень печальным явлением, но по слабости — оно вовсе непростительно» (23 ноября 1874 г.).

В своих письмах к Н. А. Герцен Тучкова-Огарева часто обращает ее внимание на сходство Лизы с ее отцом: «...у нее натура, как у Герцена,— она не может жить в одиночестве...» (26 сентября 1874 г.). «В ней ничего нет гениального, но у нее резкий ум, она как осколок от блестящей ракеты — что-то родное, его — вспомни, как он ее любил, и люби ее, несмотря на ее недостатки, лишь бы она не слишком поздно поняла, как хорошо переделывать себя к лучшему. Я бы желала, чтоб она перечитывала книги Герцена; ей, кроме «С того берега», все понятно — я думала, что все знала, и все, переводя, нахожу взгляды, от которых глаза мои стали лучше видеть...» (б. д., 1875 г.). В другом письме она высказывает свое мнение о Лизином чтении — мнение, явно сложившееся под влиянием Герцена: «...вместо романов, я бы советовала читать поэзии, например, Мицкевича, и о разных революционных деятелях. Это дает лучшее направление, чем романы, что нужно в юности, чтоб сохранить благородный жар и горячее негодование» (23 декабря 1874 г.).

Надо, однако, сказать, что слово у Натальи Алексеевны постоянно расходилось с делом: давая советы Тате, с которой в то время жила Лиза, сама она совершенно не умела руководить Лизиным образованием. Как нелепо проходили занятия этой одаренной девушки лишь только она возвращалась к матери, мы знаем из дневника одной из ее воспитательниц, русской студентки Е. Ф. Литвиновой (И. Нелегальная семья.— «Наблюдатель», 1901, № 9, стр. 247—294. Кстати, в письме Н. А. Тучковой-Огаревой к Н. А. Герцен от 26 октября 1872 г. содержится хороший отзыв о Литвиновой: «Она одна принимает в Лизе серьезное участие»).

Итак, Н. А. Тучкова-Огарева потерпела поражение в самом дорогом для себя деле — воспитании любимой дочери. Позже она занялась из-

данием сочинений Герцена, и в этом старалась найти смысл существования после его смерти. Издание, выходившее в 1874—1879 гг., так называемое женевское, при всей его неполноте все же является первым собранием сочинений Герцена, и в этом есть заслуга Н. А. Тучковой-Огаревой.

Приводим выдержки из писем ее к Н. А. Герцен, которые относятся к этому изданию.

Из письма от 23 декабря 1874 г. мы узнаем, что женевское издание выходило частично на средства, собранные среди русских.

23 декабря 1874 г.

...Денег мне еще не нужно для издания — ты можешь, если тебе удобно, откладывать каждый месяц и присылать при случае, сколько бы ни было. Лизе нечего откладывать, но я надеюсь это делать, а когда нужно будет, спрошу. Пожалуйста, переломи себя и поручи Ханыковой сделать маленький сбор между русскими — каждый может дать, сколько хочет, а ты и Лиза можете дать расписку Ханыковой: «Получено для издания столько-то; по напечатанию последнего тома полного издания обязуемся выплатить без процентов». Мне приятнее так. Вырубов собирает в Париже на тех же условиях. Вот поручение к Ал. Ал. Мещерскому — ему невозможное возможно: надо бы в библиотеке в Петербурге порыться в «Отечественных записках» 1842, 1843, 1844, 1845 и 1848 года; например, статьи о характеристике романтизма, о специализме в науке, об ученых, о формализме, особенно в 1842 и 1843 годах.

Мы имеем: по поводу одной драмы, о дилетантизме, о буддизме — об изучении природы ⟨...⟩

Речь идет о статьях Герцена «Капризы и раздумье», «О дилетантизме в науке», «Письма об изучении природы».

Возможно, что первоначально предполагалось включить в издание и некоторые письма Герцена. По крайней мере Н. А. Тучкова-Огарева несколько раз просит прислать ей письма Герцена:

1 февраля 1875 г.

...У Саши есть письма Герц⟨ена⟩ Нат⟨али⟩ и Огар⟨еву⟩, писанные ⟨в⟩ 1839, 1840 и, вероятно, потеряны во Флоренции. Они должны были находиться с остальными бумагами ⟨...⟩

Обращает на себя внимание, что Н. А. Тучкова-Огарева уничтожала кое-какие документы, казавшиеся ей «ненужными». При этом она могла уничтожить и какие-либо бумаги и письма Герцена и Огарева.

7 февраля 1875 г.

...Никого не вижу — перечитываю письма, рву ненужные; очень бы хотела иметь письмо Саши к Герц⟨ену⟩ обо мне, посланное из Берна. Это— единственно хороший поступок Саши, хотелось бы его беречь.

Насчет интересных писем Герц⟨ена⟩ — надо бы прислать нам письма Фогта, Тургенева, Прудона (верно, Саша снял копии), письмо Герц⟨ена⟩ к Прудону. Если есть, тоже письма Бакунина, Самарина, Аксакова, Маццини.

Более ни с кем нет интересной переписки — старые письма интересны по-другому, их было не очень много. В них есть еще некоторая религиозность, детскость по крайней мере. Они никогда не были у Огарева — Герц⟨ен⟩ любил их перечитывать; в них немного, как и в «Дневнике», напыщенный слог: *высокое, прекрасное существо...*

«Единственно хороший поступок Саши»— его письмо от ноября 1860 г., о котором пишет Герцен (X, 457). Это же письмо, вероятно, вспоминает

Н. А. Тучкова-Огарева и в «Моей исповеди» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 267): А. А. Герцен, узнав от старушки Фогт, что Лиза — его сестра, написал Герцену и Огареву письмо, «которое поразило и Герцена и Огарева».

20 февраля <?> 1875 г.

...Странный человек Саша, две недели тому назад спрашивал через тебя, где эти письма, а теперь сам знает. Пиши к Огареву, пусть пришлет их к Вырубову.

А когда же вы пришлете бумагу о его назначении? Это и его, и меня начинает удивлять. Нам не нужно пустой записки Michelet, а письма Тургенева, Фогта, Прудона — они были. Саша их не потерял. Вы привезете V том и «Le Vieux Monde et la Russie», *необходимо для печати по-французски*. Послали ли вы, что я просила...

<1875 г.>

...Еще просьба: поищите между бумагами «Доктора Крупова»; я помню, что он напечатан маленькой брошюркой (в России), нам необходимо его иметь теперь потому, что надо прибавить к Давыдову. Поищите хорошенько и пришлите по почте <...>

О какой маленькой брошюрке идет речь — неясно; возможно, что Н. А. Тучкова-Огарева имеет в виду оттиск из «Современника», в девятой книжке которого, в 1847 г., был напечатан «Доктор Крупов», под названием «Из сочинений доктора Крупова». Давыдов — очевидно, лицо, упоминаемое Герценом тоже в связи с делами печати (XVI, 37; XVIII, 53 и XX, 27).

* * *

Н. А. Тучкова-Огарева была горячей сторонницей скорейшего опубликования пятой (семейной) части «Былого и дум», в чем расходилась взглядами со старшими детьми Герцена. Вот что она писала об этом Н. А. Герцен 26 сентября 1874 г.: «Теперь еще одна серьезная просьба: возьми *V том*, я это требую для тебя и для Лизы — снявши копию, мы отдадим; я ждала пять лет Сашино обещание. В семье, в которой один Саша русский, она исчезнет и забудется со временем; мы не должны этого допустить, будь же потверже». К этому же она возвращалась в письме от 6 ноября 1874 г.: «Мне очень нужны, как можно скорей, дневник (его перепишет Тхоржевский) и V том, который я сама перепишу и тотчас отошлю Саше застрахованным или вам передам, если он сам будет в Париже проездом». 24 декабря 1874 г.— о том же: «Насчет V тома, пожалуйста, напомни Саше, что он мне обещал, что *Никитина* его перепишет. Что касается до Лизы, если б ты и переписывала его, можно ей сказать, что я желаю, чтоб она его прочла двадцати лет, потому что ее ум далеко не зрел, и она могла бы резко и жестоко отнестись к женщине, которую я люблю и желала бы, чтоб она ее любила».

В. Никитина — знакомая П. Л. Лаврова. Очевидно, речь идет о ней.

Как известно, мнение детей Герцена взяло верх. Те главы пятой части «Былого и дум», в которых рассказывается о семейной драме Герцена, не были включены в женевское издание его сочинений (см. об этом также на стр. 503 настоящего тома). Они были впервые опубликованы в издании М. К. Лемке по копии, присланной ему Н. А. Герцен. В выпускающемся ныне Академией наук СССР собрании сочинений Герцена эти главы также печатаются по копии, но более полной, хранящейся в «пражской коллекции»; чьей рукой она сделана, установить не удалось.

Интересные данные о взгляде членов семьи Герцена на печатанье семейной части «Былого и дум» находим мы в неизданных письмах

Н. А. Тучковой-Огаревой к П. В. Анненкову. Документы эти образуют последний цикл настоящей публикации.

Тексты писем сообщены и подготовлены к печати В. Покровской — по подлинникам, хранящимся в ИРЛИ, в фонде Л. Н. Майкова. Три ответных письма Анненкова опубликованы в «Архиве Огаревых».

〈1〉

〈Париж.〉 19 апреля 1875 г.

...Новость, о которой вы пишете, изумила меня; наконец-то он 〈Г. Гервег〉 умер. Сколько лет я думала о его наказании. Странно, все трое умерли той же болезнью — странная случайность. Увидим, что сделают жена и дети с письмами Natalie. Мейзенбуг просила их у Гервега письменно от имени детей, он отказал и говорил об детях (Герц〈ена〉) с большой ненавистью. А речи хороши: он — нравственный человек! вот приговоры света! Как же пишется история, если настоящее даже темно. Я отрицаю даже его любовь к Natalie. Разве он мог бы писать тотчас после ее смерти Гер〈цену〉: «Протянем друг другу руку, забудем все, причина нашей ссоры не существует более...».

Н. А. Герцен, А. И. Герцен и Г. Гервег умерли от воспаления легких. Письмо Гервега, о котором говорит Н. А. Тучкова-Огарева, адресовано не Герцену, а Эмме Гервег (см. XIII, 561). О письмах Н. А. Герцен к Г. Гервегу, отданных детьми Гервега на хранение в Британский музей и полученных в фотокопиях редакцией «Лит. наследства», — см. в следующем, 64-м, томе.

〈2〉

〈Париж.〉 2 мая 1875 г.

...Да, да, Павел Васильевич, у буржуазии совсем особая нравственность. Так как я вас считаю за близкого Герцену человека, то расскажу вам мой разговор с Monod по поводу Гервега. На днях Monod был у меня с ребенком, но без Ольги: она уже не выезжает. Мы разговорились: во-первых, он мне объяснил, что Ольга не имеет понятия о Гервеге; затем сказал, что он против печатанья V тома записок. На мои возражения, что и Natalie, и Герцен требовали этого, он отвечал, что исполнять волю покойников не обязательно, что можно бы принести эту жертву ввиду новой нравственной истины, но что он ничего нового не видит в этой трагической истории и пр. Да еще, что он не желает печатанья, потому что Ольга из всей семьи тепло относится к матери (ей было полтора года, когда мать умерла, и Мейзенбуг никогда не говорила ей об ней) и что истина уничтожит ее чувство к матери. А бедная Natalie, умирая, повторяла Г〈ерцену〉: «Александр, обещай, что ты детям скажешь всю правду — я требую этого». Сегодня 23 года, что она скончалась. Ольге 25 лет и она ничего не знает! Двум старшим, по желанию Гер〈цена〉, я сказала. — Где семья его и ее — не знаю. Уж не лучше ли никого не видать? Ах, Павел Васильевич, потомство его между верующими в его слово — так, как у Христа были апостолы, и у него найдутся последователи.

Не думайте, чтоб я показала негодование Monod,— ничуть. Я сидела в глубоком изумлении и только раз выразилась: «Какая же Ольга чужая в семье, если она ничего не знает!».

Верьте мне, если меня и Вырубова не станет, V том не будет издан. Саша человек крайне равнодушный. Monod наполовину и его убедил. Я не понимаю всего этого: если б мы нашли дневник, писанный лично

для себя и только в горькие минуты, можно б сказать, что может он вовсе не желал печатать его, что он бы счел даже за несправедливость, потому что писал только в тяжелые минуты, но он писал для печати — он хотел воздвигнуть ей памятник примирения, он ставил ее выше после падения, потому что она выказала редкую силу раскаяния. В этом разговоре Monod искал поставить меня выше Natalie, но я этого не допускаю. Обман может быть высшая гуманность: кто жестче, не способен на нее,—стало, он и не выше...

Н. А. Тучковой-Огаревой тут, вероятно, изменила память. Старшие дети Герцена знали о его семейной драме не от нее, а от отца. Он читал им пятую часть «Былого и дум» (на сохранившейся в «пражской коллекции» копии рукою Герцена помечено: «...в 1862 — давал Саше»), и вся история увлечения их матери Гервегом была им известна.

<3>

<Париж. Лето 1875 г.>

...Наконец Ал<ексанр> Ал<ександрович> прислал нам V том записок, стало он будет напечатан. Ал<ександр> Ал<ександрович> написал Выруб<ову>, чтоб он прочел V том с Тург<еневым> и Лугинин<ым> и чтоб сделали, как решат втроем. Я испугалась этого, потому что Лугин<ин> крайне слабый человек — он мне зимой развивал мысль, сходную с Monod (вот что значит быть слабым и женатым на франц<уженке>). Я просила заменить Лугин<ина> вами, но вы были тогда уже в России. Нат<алья> Алекс<андровна>, приехавши из Флор<енции>, объявила мне, что ни она, ни брат ее не помнят, чтоб Герцен желал напечатать V том.

Как недавно, кажется, он оставил нас, и как уже глубоко забыт самими близкими! А вы, Тург<енев>, я и Огарев (если б у него была память), мы могли бы присягнуть, что это было его желание, но этого даже не нужно — я сослалась на последние листы «Колокола», где сказано в подстрочном примечании, что V том будет весь скоро напечатан. Нат<алия> Алекс<андровна> мне поверила. спасибо ей и за то. Много тяжелого в настоящем помешает мне записать кое-что из воспоминаний. Да нужно ли это? Его личность, им самим обрисованная, ярко выступает для тех, которые захотят его понять: потом много горького навеяно Россией на его последние годы, а там антагонизм семьи, ловкие люди, потом страшные несчастия, четырехлетняя болезнь, которая подкапывала его могучий организм, последний удар (болезнь Таты), и могила сделала для меня из жизни пустыню. Ребенок не мог ужиться в склепе — ему нужны солнце, цветы, блеск жизни, он бежит им навстречу. Моя черная фигура все более углубляется в тень, пора бы исчезнуть в тумане — а все держишься за жизнь. Как добровольно отнять у себя возможность знать, что будет с ребенком и с большой семьей человечества? А, в сущности, немного узнаем — так медленно все идет, да и не всегда вперед, а часто назад.

Вы говорите, что я должна бы изменить взгляд Monod и других — нет, эта задача не по силам; может, и в пятьдесят лет тот круг, к которому принадлежит Monod, не поймет этого — ведь они не слушают, они только сами говорят, а у них все так гладко, нигде сомнение не берет — но есть французы, которые (конечно, исключение) понимают и относятся с любовью и уважением к личности.

Главное и самое печальное: я не знаю, до какой степени ее дети поняли ее. Об Ольге и говорить нечего, от нее все скрыто,— но даже и старшие... Саша на все смотрит слишком просто, только как естествоиспытатель. Тата внутри очень держится принятой, официальной нравственности; впрочем, она такое слабое существо, что немудрено, что зависит от

среды... Да, дети, дети,— говорим мы с умилением в молодости, а в сущности часто дети далеко отстают от родителей, да и мало имеют с ними общего ⟨...⟩

⟨4⟩

⟨Ницца.⟩ 23 апреля ⟨18⟩76 г.

...Чуждая всему, я, однако, вспомнила, наконец, волю Герцена и умоляла Сашу исполнить ее, но он мне отказал под предлогом, что если напечатать *V том*, то Emma Herwegh может напечатать письма Natalie к ее мужу. Это предположение совершенно безумно и безысходно: можно будет вечно предполагать, что письма эти у детей Гервега, потом у внуков и пр. Не можете ли вы нам помочь, разузнать, где находятся бумаги Герв⟨ега⟩ и особенно переписка — если нужно, принесите жертву повидаться с ней. Может, она вам их отдаст, может продаст, может он, умирая*, сжег их, может она при вас сожжет их. Словом, это только, чтоб отнять предлог у Саши не печатать V том, потому что немыслимо, чтобы Herwegh знала, что печатается по-русски, а потом невозможно, чтоб она сама стала разглашать эту переписку, это противно ее интересам. Если б покойный Алекс⟨андр⟩ Ив⟨анович⟩ знал, что его дети так скоро забудут его слова (они уверяют, что не помнят, чтоб он когда-нибудь хотел печатать V том), он бы оставил свою волю письменно, но он знал, что они и я знаем все, — и сначала мне верили, спрашивали, нет ли распоряжений обо мне, я отвечала: «Нет». Он не думал, чтоб я пережила его, конечно. К несчастию, Огарева нельзя спрашивать — он потерял память, но в «Колоколе» сказано: «Скоро выйдет и V том „Б⟨ылого⟩ и д⟨ум⟩“». Чего же еще?

Семья Герцена не может стать на ту высоту, с которой обсуживаются такие трагические факты ⟨...⟩

В предисловии к V части «Былого и дум» Герцен писал: «Многое, не взошедшее в „Полярную звезду“, вошло в это издание, но всего я не могу еще передать читателям по разным общим и личным причинам. Не за горами и то время, когда напечатаются не только выпущенные страницы и главы, но и целый том, самый дорогой для меня...».

Публикуемые материалы обогащают наше представление о Н. А. Тучковой-Огаревой, вносят ряд новых черт в ее облик. Сама она, пытаясь набросать отрывки из воспоминаний, так характеризовала свои письма: «В них видны и хорошие, и дурные мои стороны — и горечь, горе не по силам, и сознание долга перед Лизой, и сознание моих ошибок и вин перед старшими, и любовь к ним, и оскорбление, досада на себя и на них, горечь против Герцена. Да, я ему причинила много горя — я не понимала его, его развитие не шло об руку с частной жизнью. Я желала больше чем он мог дать» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 259). Все это видно и в публикуемых документах.

* * *

В заключение приведем еще один документ — письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Виктору Гюго, написанное после подавления Парижской Коммуны. Н. А. Тучкова-Огарева вспоминает о знакомстве Герцена и Гюго, состоявшемся в 1869 г. в Брюсселе (см. об этом в «Лит. наследстве», т. 31-32, М., 1937, стр. 836—837, а также в следующем, 64, томе), и выражает глубокое сочувствие прогрессивной политической позиции Гюго (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 236а.—Подлинник на французском языке).

---

* *В подлиннике описка:* умирает.

<Женева. 19 июня 1871 г.>

Милостивый государь!

Года два назад я имела удовольствие провести у вас приятнейший вечер: быть может, вы, милостивый государь, этого уже не помните, но у меня сохранилось яркое воспоминание о вашей беседе с Герценом и вашем любезном приеме. То было менее горькое время и для Европы, и для обоих наших семейств.

Я собиралась подарить вам в Бордо только что изданное нами произведение Герцена, но мне помешало глубокое горе, столь неожиданно поразившее вашу семью. Я не осмелилась тревожить вас в несчастье.

В Бордо только вы один вели себя как герой, и теперь опять ваш голос зовет к правде и справедливости; придет день, когда пелена слепоты спадет, и вы будете поняты.

Конечно, бельгийский народ с вами, людям, которых подкупили, чтобы они показывали против вас, не обмануть нас; нам хорошо известны не слишком щепетильные правительственные приемы: ими мало кого удастся одурачить.

Вы первым выступили за отмену смертной казни, вы выступаете за право убежища. Да, милостивый государь, среди наступающего ночного мрака — я счастлива, что вы — француз!

Какие горькие времена! Молодежь падает, сраженная, восклицая: «Да здравствует человечность!». Франция пожирает своих детей, никто не может удержать ее руку, никто не в силах заставить прислушиваться к себе. Итак, июньские дни (<18>48) никого ничему не научили. Сколько страдал бы Герцен, он так любил Францию!

Позвольте подарить вам, милостивый государь, два наших французских издания, и надеюсь, что они доставят вам удовольствие, напомнив об авторе, и дадут вам случай с ним лучше познакомиться.

Извините это длинное послание, милостивый государь, и примите выражение моего глубокого уважения

Наталья Герцен

19 июня <18>71. Женева

P. S. Прошу вас передать от меня поклон м-м Друэ, любезный прием которой я никогда не забуду.

Прилагаю фотографию Герцена.

Н. А. Тучкова-Огарева, несомненно, посылала Гюго два французских перевода сочинений Герцена: «De l'Autre Rive, trad. par A. Herzen-fils, Genève, 1870» и «Lettres de France et d'Italie, trad. par M-me N. H.» Genève, 1871». (Natalie Herzen, т. е. Н. А. Тучковой-Огаревой). Горе, постигшее семью Гюго,— смерть его сына Шарля.

Письмо представляет большой интерес. Оно написано после событий в Бордо, когда реакционное большинство Национального собрания постановило лишить депутатского мандата Гарибальди, сражавшегося в рядах французских войск против Пруссии. Возмущенный Гюго в знак протеста отказался от своего депутатского звания.

Другой поступок Гюго, вызвавший восхищение вдовы Герцена,— Гюго предложил побежденным коммунарам убежище в своем доме. Монархисты выбили стекла в доме Гюго, а правительство предложило ему немедленно выехать из Бельгии.

Письмо любопытно не только для истории семьи Герцена, но и для истории деятельности Гюго — как один из откликов на его прославленную гражданскую доблесть.

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ГЕРЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ И «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

СТАТЬИ М. А. БАКУНИНА и С. ДЕРЁРА В «LA MARSEILLAISE» и А. ТАЛАНДЬЕ В «LA DÉMOCRATIE». — ЗАМЕТКИ В АНГЛИЙСКОЙ, БЕЛЬГИЙСКОЙ, ГЕРМАНСКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ И ШВЕЙЦАРСКОЙ ПРЕССЕ. — ПИСЬМА Ю. АЛЬТГАУЗА, Т. А. АСТРАКОВОЙ, М. БЕРДУШЕКА, К. БИГГЗ, Ж.-Б. БОКЕ, О. А. ГЕРЦЕН, Е. В. КАСАТКИНОЙ, Л. КОСТА, г-жи А. МИШЛЕ, ОГАРЕВА, Е. И. РАГОЗИНА, М. К. РЕЙХЕЛЬ, М.-А. САФФИ, И. С. ТУРГЕНЕВА, Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ, Э. ФОГТА, Г. ХИЛЬНИЧА и Л. ЧЕРНЕЦКОГО

Публикация Л. Р. Ланского

Сообщения о смерти Герцена появились в парижских газетах 22 и 23 января 1870 г. В ближайшие дни известие это было напечатано в большинстве крупных западноевропейских газет. Вслед за тем на страницах многих периодических изданий самых различных направлений были опубликованы обширные некрологи, дававшие оценку Герцену как политическому деятелю, публицисту и художнику [1]. Далеко не все эти некрологи отличались сочувственным отношением к деятельности Герцена и пониманием ее исторического значения. В большинстве из них Герцен изображался убежденным сторонником мирной эволюции, деятелем, будто бы отошедшим под конец жизни от прежних революционных воззрений. Некоторые буржуазные газеты поместили на своих столбцах откровенно-клеветнические корреспонденции, в которых Герцен характеризовался как восторженный почитатель Александра II и его реформ.

С резким разоблачением этой фальсификации выступил М. А. Бакунин. Он напечатал в парижской газете А. Рошфора «La Marseillaise» статью (в форме открытого письма к редакторам), в которой беспощадно заклеймил рептильную французскую прессу, так же как и ее покровителей из официальных кругов царской России, и раскрыл перед читателями тактику и приемы диффамации, принятые в отношении Герцена этой частью буржуазной печати.

Бакунин не удержался при этом от искушения представить Герцена (впрочем, с некоторыми существенными оговорками) как своего политического единомышленника-анархиста. Этой статьей Бакунин не собирался ограничиться: он предполагал опубликовать в «La Marseillaise» целую серию статей о Герцене. Своего намерения, однако, он не осуществил. Можно думать, что в основе этих статей Бакунина должна была лежать скрытая полемика с Герценом, в особенности с его письмами «К старому товарищу», нанесшими тяжелый удар мелкобуржуазному индивидуализму и анархизму.

Несмотря на несостоятельность отдельных утверждений, выступление Бакунина в защиту Герцена и его революционной непримиримости имело большое политическое значение. Оно помогло демократическому читателю в Западной Европе оценить по достоинству клеветнический вздор, распространявшийся о Герцене в буржуазной печати.

«Граждане,— писал Бакунин 6 февраля из Женевы, адресуясь к редакторам „La Marseillaise“[2], — возвратившись после продолжительного путешествия по странам, куда с трудом доходят газеты, только два дня тому назад, я узнал горестную весть о смерти моего друга и соотечественника, Александра Герцена.

Это огромная потеря для его друзей, для дела русского освобождения, и, смею сказать, для освобождения всего человечества. Одаренный великолепным умом и отличным пониманием всего справедливого и истинного, Герцен был, прежде всего, человек.

Патриот, он любил родину, как сын, получивший свободу, любит свою мать-рабыню,— с нежностью, удвоенной горестью и стыдом,— и он домогался для нее лишь торжества гуманности. Он ненавидел ее грубую силу и внешнее величие, результат и причину ее внутреннего порабощения. Мыслитель-реалист, смелый и глубокий, Герцен был убежденным социалистом-демократом.

Подробная его биография с полным перечнем литературных и политических трудов не замедлит вскоре появиться,— я уверен в этом. И никто не имеет в такой степени право и долг написать ее, как друг детства и неразлучный соратник его Николай Огарев.

Что до меня, то я в настоящий момент ставлю перед собой другую цель — покарать наглых клеветников, не захотевших дождаться погребения еще не остывшего тела нашего друга, чтобы забросать его память грязью своего продажного пера.

Я уже не молод, граждане, и я видел столько гадостей за время своей долгой жизни, что новая гадость, даже самая отвратительная, меня уже почти не удивляет, особенно, когда мне известен ее русский официальный источник. Разве русская полиция или дипломатия не превосходили всегда все другие дипломатии и полиции своим искусством бесстыдной лжи и дерзостью гнусных, но доходных проделок? И тем не менее, как ни подготовлен я ко всему, что может хлынуть из этого мерзостного источника,— признаюсь, я оцепенел, читая не в петербургских или московских, а в двух больших парижских газетах, основанных г. Эмилем де Жирарденом и вследствие этого равно преданных интересам московской дипломатии,— в „La Presse“ и „La Liberté“, две заметки, в которых нагло утверждается, что Герцен умер, совершенно примиренный с политикой, проводимой в России, так же, как и в Польше, царем Александром II, „без сомнения, самым либеральным человеком во всей России“, по мнению „La Presse“. Более того, Герцена изображают чуть ли не как наиболее свирепого поклонника этого столь гуманного царя, который в одни лишь последние восемь лет истребил, расстрелял, повесил, подверг пыткам, засек, отравил, удушил и уморил с голоду в тюрьмах и сибирских рудниках в десять раз больше человеческих существ, поляков и русских, включая женщин и детей, чем сделал это в течение тридцати лет своего царствования его отец, грозный, зловещей памяти, император Николай! Герцен, примирившийся с ним! Герцен поклонник этого лицемерного и коронованного палача?

В этой лжи столько циничной дерзости, что она в некотором роде доходит до гениальности. На этот раз русские корреспонденты „La Presse“ и „La Liberté“ явно превзошли себя, ибо обычно они бывают более наивны, чем злы, и несносная нелепость их идей может быть сравниваема лишь с вульгарностью выражаемых ими чувств. Это плоско и подло, вот и всё, и когда читаешь их обычные ежедневные корреспонденции, поистине не знаешь,— чему более удивляться: глупости ли русского правительства, которое их оплачивает, героической ли преданности главных редакторов газет, которые их печатают, или простодушию французской публики, которая их читает.

Читали ли вы статьи некоего г. де Беллинà в „La Liberté“? Боюсь, что нет. Жаль. Если бы вы их прочли, вы были бы восхищены беспримерным счастьем, которым наслаждаются семьдесят миллионов душ, управляемых отеческим жезлом ласкового пастушка — императора Александра II.

В этой обширной империи, которую так плохо понимали и на которую столько клеветали,— все прекрасно. Все дышит миром, взаимным доброжелательством, душевным и телесным спокойствием, свободой, неизвестной в других странах и приятно сочетающейся с общественным порядком,

ГЕРЦЕН НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Фотография, между 21 и 23 января 1870 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

кротостью, цивилизацией, невинностью, благоденствием! Ничто не может дать представления о богатстве, как общественном, так и промышленном, его подданных. Наши министры финансов, в сравнении с коими Сюлли, Кольберы и Гладстоны — только школьники, не знают, что делать с золотом, которое народ, пресыщенный таким благосостоянием, умоляет их принять. Кредит безграничен, взаимное доверие не имеет пределов.

Правление в России является не чем иным как непрерывным объятием, которое, правда, довольно часто душит, но всегда от избытка нежности. Именно так превосходный, блаженной памяти Муравьев обожал этих неблагодарных поляков! Именно так наш освободитель, добрый царь Александр II любит всех своих подданных, без различия национальности.

Что сказать вам еще? Император, „являющийся не только нашим государем, но и отцом нашим“, как это прекрасно объяснил в своей брошюре, изданной против г. де Кюстина, и изданной около двадцати пяти лет тому назад в Париже, г. Николай Греч, заслуженный шпион и духовный

отец всех Беллинà настоящего времени,— императора чтят у нас наравне с богом.

Все его министры — архангелы, все его генералы — ангелы, а его полковники — херувимы. Министр граф Панин, которого Герцен сравнивал с шестом,— вот какова его ученость и ум,— самый выдающийся юрист Европы, а знаменитый Катков, редактор „Московских ведомостей", журналист-доносчик, поставщик палача, друг Муравьева,— словом, уступает в уме, честности и гуманности только знаменитому редактору московской <?> „Liberté".

Вот, граждане, что публикуется ежедневно в большой парижской газете. Вполне естественно, что люди, подкупленные русским правительством, пишут это. Можно было бы лишь удивляться соучастию г. Эмиля Жирардена. Но всем известно, что милости русской дипломатии неотразимы и что великий публицист влюблен в нее более тридцати лет. Верный любовник, он не упустил ни одной возможности защитить интересы своей могучей возлюбленной и проклясть этих ужасных поляков, которые без крика никогда ей не позволяли обнимать себя. Он, кажется, сумел наделить этими странными симпатиями и антипатиями своего друга, великого поэта Ламартина. Впрочем, неизвестно точно, кто из них двоих совратил другого,— во всяком случае несомненно, что г. Альфонс де Ламартин во время самых различных фаз своего многославного существования — поэт-трибун, государственный деятель, спаситель республики — был, как известно, тесно связан с г. Жирарденом в этой двойной страсти: безграничной любви к русской империи и неудержимой ненависти к польской свободе — страсти, столь чудовищной, что для спасения доброй славы их ума и вкуса иногда казалось, что интерес иного рода не совсем был им чужд.

Г-н де Ламартин умер, испустив последний красноречивый вопль в поддержку плантаторов-рабовладельцев и против республиканского Севера, этих освободителей черной расы в Соединенных Штатах Америки, но г. Эмиль де Жирарден, оставшийся один и более чем когда-либо охваченный страстью к императорской России, продолжает служить ей изо всех сил. Эта верность трогательна, и любовь, которая омрачает наиболее гордые умы и заставляет умолкнуть самую щекотливую совесть, объясняет всё.

Гораздо менее объяснимо, граждане, не извиняемое ни расчетом, ни любовью долготерпение французской публики, которая допускает, чтобы ей ежедневно преподносили ложь, столь же возмутительную, сколь и глупую.

Ах, господа! Чем больше всматриваюсь я в вашу буржуазную цивилизацию, тем большее отвращение она во мне вызывает. Не обладая гуманностью, достоинством, справедливостью, она не в состоянии внушить хоть подобие стыдливости этим торговцам убеждениями и идеями, выдающим себя у вас за представителей общественного мнения. Поистине, это — жалкое мнение, поскольку после восьмидесяти лет революций и политического воспитания оно так мало уважается, что пред ним осмеливаются открыто провозглашать себя поборниками московских императоров, империи политики и, чтобы служить этим самым варварским, самым лицемерным, самым цинично-бесчеловечным вещам, когда-либо существовавшим на земле, не боятся клеветать среди бела дня на людей, которые в продолжение всей своей жизни являлись их непримиримыми противниками!

Впрочем, развращенность вашей публики касается вас самих, и только вам одним, социалистическим демократам Франции, должно судить ее. Поэтому, пока эти продажные лжецы довольствовались тем, что изображали императорскую Россию как самую прекрасную из всех империй, мы ограничивались тем, что смеялись над невежеством и глупостью читателей этих статей. Не скажу, чтобы наше молчание было особенно похвально. Напротив того, я думаю, что мы были глубоко неправы и что

если народная Россия еще мало известна в Европе, большая часть вины за это падает на нас. Как бы то ни было,— отчасти от отвращения, отчасти из лени, — мы все же совершили эту ошибку. Мы молчали и предоставили возможность говорить этим лакеям императорской России, не удостаивая их ответом, рассчитывая на умную и честную часть вашей публики, которой следовало бы надлежащим образом оценить бесстыдное раболепие в соединении с такой исключительной глупостью.

Сегодня, в виде исключения, эти лакеи проявили некоторые признаки ума. Вдохновленные своей ненавистью к Герцену и радостью от сознания, что он умер,— он, чье грозное перо уничтожало и хозяев и слуг одновременно,— они поняли, что не смогут лучше оскорбить и осквернить его память, как расточая ему похвалы, сочувствие и восхищение. Они поняли, что это будет мастерским приемом — представить его, великого социалистического мыслителя и непримиримого противника царя Александра II, как его поклонника, и они посмели написать следующие слова:

„Восшествие на престол Александра II, человека, без сомнения, самого либерального во всей России, явилось, наконец, для Герцена сигналом победы и покоя. Юный царь освободил крепостных, и старый полемист отложил в сторону свое боевое перо“ („La Presse“ от 25 января).

„La Liberté“ от 23 января, в статье, подписанной г. де Беллина и афиширующей самое откровенное восхищение „знаменитым революционером“, утверждает также, что „Колокол“ (газета Герцена) „перестал звонить в тот день, когда Герцен понял, что реформы, совершившиеся в России, частично отвечают его собственным желаниям“, затем она добавляет: „Последние номера „Колокола“ были весьма замечательны. В них обсуждался польский вопрос. По мнению Герцена, старая Польша умерла, но польский народ, которого указы 1864 г. возвратили к жизни, родился вновь. Идеей Герцена в этом вопросе всегда была свободная Польша в составе свободной России“.

Замысел русских корреспондентов „La Presse“ и „La Liberté“ более чем ясен: они хотели бы реабилитировать русскую политику, поставив ее под покровительство Герцена, и, одновременно, обесчестить Герцена, представляя его сторонником этой политики.

Это гнусно, это отвратительно, но совсем не глупо. Можно подумать, что в данном случае г. Эмиль де Жирарден уделил этим людям крупицу своего ума!

Перед лицом подобного покушения на память нашего друга молчание с нашей стороны явилось бы преступлением. Итак, на этот раз мы ответили; только высказав всю правду, мы совершим правосудие.

Кроме Николая Огарева — его и моего собственного друга, которому горе мешает еще высказаться,— никто, кроме меня, пожалуй, не имеет столько оснований, чтоб отдать должное Герцену.

Я был тесно связан с ним в продолжение более тридцати лет. Он оказал мне неоценимые услуги, особенно тогда, когда, бежав из Сибири и проехав через Китай, Японию, Тихий океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек и Нью-Йорк, я прибыл в Лондон, в последние дни 1861 года, совершенно лишенный средств... Герцен и Огарев встретили меня, как брата.

Живейшая признательность, которую я тогда испытывал и которую храню до сих пор в сердце как драгоценное сокровище, не могла, однако, помешать тому, что между нами вскоре возник серьезный антагонизм по довольно важным вопросам революционной практики. Мы много спорили, обсуждали, мы кончили даже тем, что в некоторой степени разошлись в наших политических направлениях, без того, однако, чтобы дружелюбные наши чувства друг к другу потерпели хоть малейший ущерб. Спешу, впрочем, добавить, что все эти расхождения касались только средств, но

никогда не касались цели. Когда речь шла о цели, мы всегда бывали согласны.

Герцен, Огарев и я, мы всегда имели только одну цель — уничтожение лжи, небесной и земной, уничтожение всякой власти, божественной и человеческой, разложение церкви, доктринерской школы, патриархального, юридического и политического права в государстве, уничтожение государств и — на их развалинах — окончательное торжество человечества, вследствие всеобщего образования, труда и свободы каждого в экономическом и общественном равенстве.

Это письмо слишком затянулось, граждане, но если вы согласитесь оказать ему гостеприимство в вашей газете, я пришлю вам еще два или три письма. Я буду говорить в них, прежде всего, о политической деятельности Герцена и затем попытаюсь представить подлинное положение русского народа и дать вам верное представление об огромном движении, готовящемся теперь в России. Примите и пр. М. Б а к у н и н».

Появление письма Бакунина на страницах «La Marseillaise», конечно, не было случайностью — эта радикальная демократическая газета с большой симпатией относилась к Герцену и напечатала ряд сообщений о его смерти и похоронах, а также большой некролог, принадлежавший перу деятельного сотрудника газеты — S. Dereure. По утверждению автора некролога, он был лично знаком с Герценом, который «с радостью и гордостью» показывал ему письма своих русских читателей. (В переписке самого Герцена упоминаний о Дерёре не встречается.)

«Умер Александр Герцен, великий русский патриот,— писал Дерёр.— Эта смерть — национальный траур для России, она же явится праздником для русского правительства: Александр Герцен клеймил это правительство своей жгучей иронией в течение пятнадцати лет. На протяжении более десяти лет Герцен защищал в своей газете „Колокол", бок-о-бок с Бакуниным и Огаревым дело угнетенных в России, с упорством и самоотречением, тем более высокими, что ему не доставались, в качестве поощрения, даже рукоплескания толпы единомышленников. Его газета, издававшаяся в Лондоне, а затем в Женеве, проникала в Россию с величайшим трудом, а русские, читавшие ее за границей, к сожалению, были не теми людьми, к которым обращался Герцен. Однако сила правды такова, что от Архангельска до Одессы и от польской границы до китайской имя Герцена известно и благословляемо народом.

Звук его „Колокола", вопреки русской полиции, не раз достигал слуха несчастных людей, осужденных на каторжные работы в сибирских рудниках, и не давал им умереть от отчаяния. С какой радостью и с какой гордостью показывал он нам свидетельства благодарности и одобрения, доходившие до него иногда от незнакомых и далеких друзей, которых ему удалось утешить.

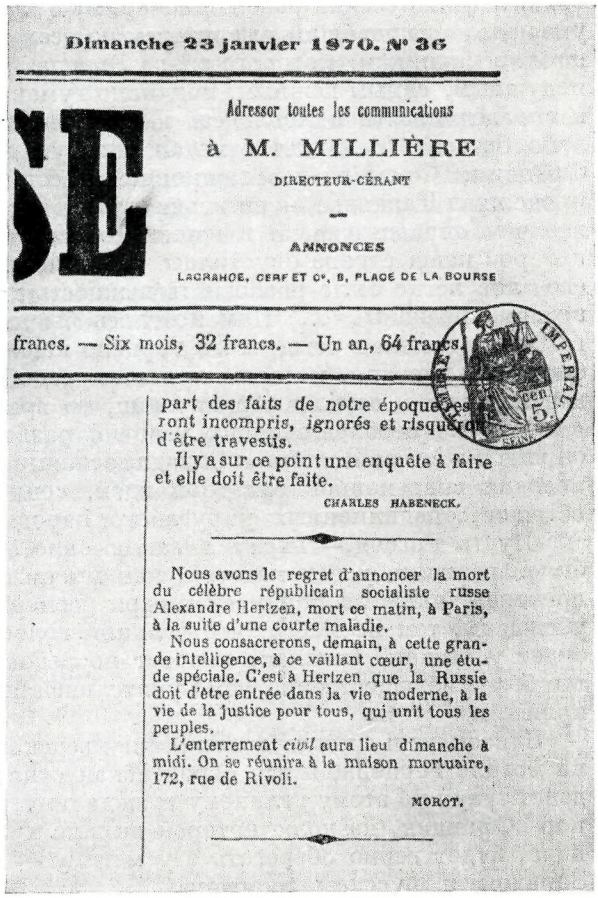
Это было его единственным вознаграждением. Герцен мало занимался пропагандой, и, предоставленный исключительно собственным силам, он недолго мог бы бороться, если бы русская полиция, распространяя на его счет устами продажных журналистов самую постыдную ложь и самую гнусную клевету, не напоминала периодически тем, кто не мог его читать, что там, далеко, в свободной Англии, находится русский, посвятивший свою жизнь торжеству свободы ⟨...⟩

Этот великий гражданин, которого русское правительство пыталось выдать за людоеда, жаждущего крови, за изменника своей родины, был наилучшим и добрейшим человеком в мире ⟨...⟩

Полное собрание сочинений Герцена, переведенное на французский язык, явилось бы одним из интереснейших изданий, и философы, мыслители, образованные люди нашли бы там множество драгоценнейших откровений.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ГЕРЦЕНА В ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЕ «LA MARSEILLAISE»

№ 36 от 23 января 1870 г.



Dimanche 23 janvier 1870. № 36

SE

Adresser toutes les communications

à M. MILLIÈRE

DIRECTEUR-GÉRANT

—

ANNONCES

LAGRANGE, CERF ET Cie, 6, PLACE DE LA BOURSE

francs. — Six mois, 32 francs. — Un an, 64 francs.

part des faits de notre époque ces [illegible] ront incompris, ignorés et risqueront d'être travestis.

Il y a sur ce point une enquête à faire et elle doit être faite.

CHARLES HABENECK.

Nous avons le regret d'annoncer la mort du célèbre républicain socialiste russe Alexandre Hertzen, mort ce matin, à Paris, à la suite d'une courte maladie.

Nous consacrerons, demain, à cette grande intelligence, à ce vaillant cœur, une étude spéciale. C'est à Hertzen que la Russie doit d'être entrée dans la vie moderne, à la vie de la justice pour tous, qui unit tous les peuples.

L'enterrement *civil* aura lieu dimanche à midi. On se réunira à la maison mortuaire, 172, rue de Rivoli.

MOROT.

Его политические сочинения, его мемуары и особенно его романы были бы — мы уверены в этом — хорошо приняты французской публикой».

Утверждая, что Герцен в последнее время будто бы полностью отошел от политической деятельности, автор статьи заключает:

«Можно сожалеть, конечно, что такие великие граждане, как Александр Герцен, устают от борьбы, не достигнув конечного пункта, но задача, выполняемая ими, тяжела и сурова, и, к тому же, они имеют право на отдых в гораздо большей степени, чем люди, наслаждающиеся и удовлетворенные. Но как бы то ни было — умирают ли они во время борьбы, или падают от усталости еще до конца своего пути — заслуги их перед человечеством от этого не менее велики, и независимые люди всех стран должны проводить их слезами и последним приветом, ибо могучее дыхание пронеслось над миром и оживило его. Их честолюбие не доходит до того, чтобы притязать на увенчание здания,— они уходят из жизни умиротворенные и успокоенные, если только внесли хоть один камень или даже песчинку в дело свободы и прогресса, которому никогда не суждено быть увенчанным, ибо судьбою и долгом человека является его постоянное совершенствование» [3].

В большом некрологе, опубликованном в парижской газете «La Démocratie» и перепечатанном в № 56 «L'Internationale» (органе бельгийских секций Интернационала) * от 6 февраля 1870 г., Альфред Таландье,

* Этот некролог цитируется нами по «L'Internationale».

видный французский революционер, многолетний друг Герцена, называя умершего «величайшим мыслителем из всех рожденных Россией, величайшим изгнанником, которого знала Европа», причислял его к «самым великодушным, самым нежным, подлинно гуманным сердцам, которые любовь к справедливости и ненависть к преступлению и лжи заставляли когда-либо биться». Таландье отмечал горячую любовь Герцена к «истинной Франции, Франции революционной и социалистической». «Конечно, — продолжал Таландье,— он неоднократно говорил о нас с суровостью, более чем оправдываемою в наших собственных глазах той низостью, до которой наша страна опустилась на слишком долгое время,— но в горечи его слов легко было распознать нежность друга, надежды которого были позорно преданы! ⟨...⟩ Нам хотелось бы видеть в возвращении Герцена в Париж признак того, что в Герцене наша точка зрения начинала побеждать сомнения, которые — в этом надобно признаться — часто овладевали и нами самими, французами, во время долгих лет изгнания.

Одно из необходимейших условий развития европейской революции он видел в союзе Востока и Запада, основывающемся на взаимном проникновении современной западной идеи, социализма, и коммунистических обычаев, традиционных у русского народа».

«Пусть Россия,— писал в заключение Таландье,— являющаяся добычей реакции, успех которой, как мы смеем надеяться, только кратковременен, даже не понимает теперь размера понесенной ею жертвы; мы убеждены, тем не менее, что великий голос, недавно умолкший, вскоре будет услышан, признан, вызовет последователей, и влияние его будет тем более могущественно, чем мучительней была жертва, которую он сумел принести.

Близок день, когда исполнится предсказание, сделанное Вырубовым на могиле Герцена, и вся европейская социалистическая демократия наденет траур по этому великому гражданину, великому изгнаннику. С этих пор Франция, на долю которой выпало хранить бренные останки Герцена, будет верно оберегать эту могилу — залог мира и дружбы между Западом и русским народом»[4].

* * *

Смерть Герцена явилась полной неожиданностью для его родных и близких. У изголовья умирающего находились лишь его дочери, Н. А. Тучкова-Огарева, М. Мейзенбуг и Г. Моно. Сын Герцена, слишком поздно вызванный телеграммой из Флоренции, не успел застать отца в живых. Огарев же, находившийся тогда в Женеве, получив известие о том, что Герцена нет более в живых, был охвачен таким глубоким отчаянием, что не в состоянии был приехать на похороны.

«Дорогая Мальвида, — писал он М. Мейзенбуг.— Если я ничего не написал еще, то только потому, что онемел, ошеломлен и не могу ничего еще понять. Как это произошло? Единственное, что я ощущаю,— это, что все для меня потеряно и что я совсем теперь одинок. Никогда не предполагал я, что смогу его пережить. Это мне кажется противоестественным, но это факт, и я продолжаю жить для нашего труда.

Я не в состоянии писать более, слезы льются, рука отказывается писать. Ваш О г а р е в»[5].

Младшая дочь Герцена, Ольга, писала в это время Огареву:

«Дорогой, горячо любимый Ага! Сколько событий может произойти за шесть дней!! Кто мог подумать, когда мы покидали Флоренцию, что мы идем навстречу смерти папы?

Для меня это страшный удар, — для меня, никогда не видавшей смерти,— я с трудом понимаю, что со мной сталось. Никак не могу я при-

выкнуть к отсутствию отца. Уверяю тебя, что я всегда считала его бессмертным. Мне остается лишь крепко обнять тебя,— ты знаешь, что я люблю тебя так сильно, как если б ты был моим отцом. Прощай. Люблю тебя. Твоя Ольга» [6].

Одними из первых откликнулись на смерть Герцена близкие друзья покойного — знаменитый французский историк Ж. Мишле и его жена. Узнав, что Герцен в Париже и придя навестить его, Мишле был глубоко потрясен известием о смерти своего друга. «Великое сердце перестало биться,— сказал он М. Мейзенбуг со слезами на глазах,— это был настоящий человек, каких мало на земле» [7].

В тот же день жена Мишле писала М. Мейзенбуг: «Я была сражена, узнав по возвращении мужа эту ужасную новость; этому невозможно поверить; яркое и деятельное пламя его духа никогда не исчезнет. Я слышу еще теперь, как он читает нам животрепещущую статью, настолько преисполненную его души, словно она вся целиком туда переселилась. Нельзя сказать, что он умер, ибо в нем заключалась жизнь целого народа; и этот народ мы будем в нем находить все более и более» [8].

22 января, получив от А. А. Герцена, приехавшего в Париж, телеграмму о случившемся, И. С. Тургенев обратился к нему с таким письмом:

«Баден-Баден
Thiergartenstrasse, 9
Суббота веч. 22-го янв⟨аря⟩ 70.

Я уже из газет узнал о кончине вашего батюшки, любезнейший Александр Александрович, но ваша телеграмма успокоила меня, известив о вашем прибытии в Париж и о нравственном состоянии ваших дам. Нечего вам говорить, какою скорбью наполнила мое сердце эта преждевременная смерть; я искренно любил и уважал вашего отца — и небольшие размолвки, происшедшие между нами, не ослабили и не изменили моих чувств к нему. И вот как нарочно,— после семилетней разлуки,— мне пришлось свидеться с ним — в самый день, как ему предстояло занемочь последней, смертельной болезнью — и свидеться с ним, веселым, бодрым, исполненным того же живого огня, который, несмотря на все тяжкие опыты его жизни, никогда не угасал в нем!.. На следующий день я уже видел его в постели, в сильнейшем жару — и самые недобрые предчувствия овладели мною — им предстояло сбыться! Очень мне было прискорбно уезжать из Парижа, но я не мог оставаться долее... Такой быстрой развязки я не ожидал. Когда-нибудь, когда вам или кому-нибудь из ваших окажется возможным возвратиться к этим страшным воспоминаниям и взяться за перо,— расскажите мне, как он умер, что он говорил в последние минуты... Не из любопытства спрашиваю я это — вы это знаете.

Не осталось ли что-нибудь после него в рукописи?

Известите меня, пожалуйста, о ваших намерениях: возьмете ли вы с собою ваше семейство — и вообще, где вы думаете пробыть первое время?— Что касается до меня, то прошу вас всегда быть уверенным в искренней привязанности, которую я ко всем вам питаю, и в теплом чувстве, которое я всегда сохраняю к памяти вашего отца.

Вполне приобщаясь вашему горю, жму вам всем руку — и остаюсь душевно вас любящий

Ив. Тургенев» [9].

Незадолго до смерти Герцена с ним познакомился в Париже молодой русский экономист Евгений Иванович Рагозин, часто навещавший писателя во время его болезни.

Сразу же после похорон Рагозин прислал сыну Герцена следующее письмо (от 11/23 января 1870 г.):

«Милостивый государь,
Александр Александрович!

Семейство покойного Герцена не желало слышать речей на его похоронах, но оно не может отказать мне высказать мои чувства в письме. Я обращаюсь к вам, как представителю имени Герцена, и прошу у вас прощения для моей родины за те клеветы, которые распространяла о Герцене русская пресса, не понявшая его заслуг, его горячей любви к России и безусловной искренности убеждений. Я принадлежу к тому поколению, которое обязано своим развитием Герцену, я на себе лично испытал значение его деятельности и потому имею полное право сделать ее оценку.

Я кончал курс, когда раздался первый звон „Колокола" из Лондона и когда я впервые услышал свободную речь независимого человека. Вам незнакомо царство рабства, вы не знаете, до какой степени невозможность свободно выражать свои мысли развращает язык народа и приучает его к формам рабской речи, которые, в свою очередь, производят новое давление на мысль, а потому вам, может быть, покажется странным, что я был поражен языком Герцена, я заучивал целые фразы из „Колокола" и прислушивался к этой новой для меня мелодии звуков. Я был в положении дикого, слышавшего в первый раз музыку „Вильгельма Телля" или „Гугенотов". Вы можете себе представить отсюда, с какой страстью я читал все написанное Герценом и с каким увлечением первой молодости я отдался его мыслям и чувствам. В таком, приблизительно, положении было почти все русское общество в начале царствования Александра II.

Каждый номер „Колокола", как молот, дробил оковы русской мысли и, освобождая ее, создавал новые силы в стране. Герцен своим энергическим словом и смелой мыслью разбудил умы в России, своей высокой честностью привлек к себе все симпатии. Он сослужил великую службу своей стране. Успех реформ последних двенадцати лет бесспорно обязан этой революции в умах, и Россия всегда будет помнить Герцена как лучшего своего гражданина.

Верьте мне, что раздававшиеся в русской прессе враждебные Герцену голоса очень малочисленны,— верьте, что Россия еще достаточно богата честными людьми, способными понимать и уважать заслуги и память Александра Ивановича.

Семейство Герцена, охраняемое этим чистым именем, может быть уверено встретить всегда радушный прием в России и найти искренних друзей во всех закоулках этой огромной страны. Вам искренно преданный

Евгений Рагозин» [10].

Старый друг Герцена и его семьи Мария Каспаровна Рейхель, находившаяся в это время в Швейцарии, близ Берна, потрясенная страшным известием и не смея в него поверить, писала Огареву:

«Николай Платонович!

Вчера читала я газетах, что Александр Иванович очень болен, сегодня, что его более в живых нет. Скажите, ради бога, дайте известие, верить ли этой ужасной новости? Я уже давно ничего не знаю ни о нем, ни о состоянии Таты. Не думала я, что о близком человеке придется из газеты узнать. Боже мой, неужели это правда!

Я писала вчера к Саше, но и он, вероятно, в Париже, а я там адреса не знаю.

Напишите, ради бога! М. Рейхель» [11].

«Милая, дорогая Тата! — писала она же Н. А. Герцен вечером 24 января из Маттенгейма.— Как горько подтверждение того, что я уже из газет

знала; я все не верила, писала Саше и Огареву, чтоб узнать истину, но твое письмо пришло прежде. Друг мой, я знаю, как ты любила папу, и первая моя мысль была забота о тебе: как ты перенесешь этот удар, и потому я несказанно благодарна тебе, что ты сама написала.

Ты не пишешь о болезни папы, что с ним было, тебе трудно будет, но, прошу тебя, напиши мне о его последних минутах, о его болезни, напиши, когда ты будешь в состоянии это сделать.

И пиши мне о себе, милая, дорогая Тата, прошу тебя, не оставляй меня без известий, куда вы соберетесь, место житья, а я уже буду напоминать о себе. Твое горе мне так близко. Ты знаешь, как я любила папу — и как горько знать, что эта жизнь кончена... Несмотря на наши редкие сношения в последнее время, он не забыл старой дружбы, и во имя ее, моя Тата, не забывай меня, а обо мне уже знаешь. Последнее письмо папы лежит передо мною, он пишет мне о тебе, что ты его очень любишь и веришь ему[12]. Из этого ты можешь видеть, что он знал о твоей любви к нему.

Как бы хотелось быть возле тебя, но на это много препятствий. Да хранит тебя судьба и твое чистое сердце; теперь я не боюсь за тебя, ты скоро будешь знать, что делать. Обнимаю тебя крепко, крепко.

Твой верный друг М. Рейхель.

Напиши мне, где положили папу.

Рейхель обнимает тебя и написал бы сам, но у него в настоящее время минуты свободной нет.

Будешь ты к Егору Ивановичу писать или хочешь, чтобы я написала?»[13]

Участник революции 1848 г., пылкий республиканец, долголетний знакомый Герцена Жан-Батист Боке писал А. А. Герцену из Лондона, прочитав о смерти его отца:

«Мой милый, дорогой Александр,

Если б я не был сам так болен, я сел бы в поезд и отправился в Париж, чтобы проводить твоего добрейшего отца[14].

В течение двадцати трех лет, что я знал его, я не переставал им восхищаться и любить его глубоко, от всей души.

То был великий писатель — и еще более того — несравнимо более того — то было великое сердце! Не знаю никакой похвалы, более высокой, чем эта. Каково сердце — таков человек; а ведь я не знал никого, кто б его превосходил в этом отношении. То была одна из тех избранных душ, для которых видеть истину и служить ей,— одно и то же. И он служил ей, вопреки всем опасностям. Это был один из самых отважных борцов нашей эпохи, столь богатой борцами.

Несмотря на все свои страдания, на все свои занятия, он был одним из самых счастливых вождей Демократии. Своим пером он потряс колосса русского деспотизма. Именно твоему отважному, твоему прекрасному отцу русские крестьяне в значительной степени обязаны своим освобождением.

Дружбу, которую питал ко мне твой отец, я считаю едва ли не самым большим счастьем, выпавшим мне на долю.

Я горжусь ею.

Да, твой отец был одним из самых великих людей нашей эпохи, самым великим среди славян. Твоя скорбь исполнена славы. Пусть эта мысль ведет тебя всегда к добрым делам. Да не уронишь ты отца твоего своим паденьем.

Что касается тебя, мой дорогой Александр, ты знаешь, какое чувство глубокой привязанности, братской, хотел я сказать, всегда внушали мне

и ты и дорогая, добрая Тата. Первые уроки ты получил от меня, между нами вечная связь сердца и духа.

Сохрани же в своем сердце теплую, дружескую, я хотел сказать сыновнюю, привязанность, и я почувствую себя более счастливым в своей уединенной жизни, в своей лондонской пустыне.

После смерти отца ты унаследовал многочисленные обязанности, которые твое сердце и возраст помогут тебе вынести без особых трудностей.

Вот ты стал теперь отцом своих сестер, этих больших детей, нуждающихся в осторожном и любовном руководстве. Твое доброе сердце и опыт сделают для тебя эти задачи очень легкими.

Передай же нашей дорогой, доброй Тате мои наилучшие пожелания — все, что может только подсказать живая дружба.

Пиши мне иногда, чтобы высказать все, что тебя и вас всех касается — тебя, твоей жены, твоих детей и сестер — всей твоей семьи.

Обнимаю тебя и обнимаю всех вас от всего сердца.

Твой старый друг Б. Б о к е.

Пришли мне *хорошую* фотографию твоего отца»[15].

«Газеты принесли нам потрясающее известие о смерти вашего друга,— писал Огареву 24 января из Монпелье французский врач Л. Кост, познакомившийся с Герценом в 1865 г. и пользовавшийся его особым расположением. — Беру на себя смелость писать вам — не для того, чтобы попытаться утешить вас, но для того, чтобы сказать вам, что постигшее вас несчастье глубоко взволновало меня и всех моих. Мне довелось познакомиться с г. Герценом во время его недолговременного пребывания здесь пять лет тому назад, но он принадлежал к числу тех людей, с которыми нет необходимости долго встречаться, чтоб оценить их и полюбить. А какую доброту и сердечность проявлял он ко мне с тех пор в письмах; я сохранил их все, и они теперь для меня будут дороже всего на свете![16]

Каким умом обладал ваш друг и — в особенности — каким сердцем! И как отзывался он о вас! Вот вы одиноки теперь, какая кругом пустота! Я умолкаю — что мог бы я сказать вам еще в подобную минуту? Не откажите в любезности передать г-же Огаревой от имени г-жи Кост и моего, как мы сочувствуем ее горю; обнимите за всех нас вашу милую Лизу и позвольте мне в заключение пожать вам руку так, как я пожал бы руку Герцена. Л. К о с т.

Прошу передать сыну вашего друга наши соболезнования»[17].

Многолетний помощник Герцена в его издательской деятельности и глубоко преданный ему человек, Л. Чернецкий, писал из Женевы 25 января 1870 г.:

«Любезнейший Александр Александрович.

Всей душой желал я проститься с мертвым другом нашим, если нельзя было услышать его последнее живое слово. Но, видно, Тхоржевский или забыл о моей просьбе, или с похоронами в Париже нельзя было ждать. Может быть, это пустая форма. Но что же делать! Иногда пустейшая форма много облегчает великую боль.

Огарев выносит удар с удивительной резигнацией. Я у него всякий вечер. При воспоминании только, как, например, с почтенным стариком Тассинари[18], который, проездом в Лондон, навестил его несколько дней тому назад — не мог удержаться от слез, рассказывая мне об этом, но вообще держится хорошо. Вчера он получил письмо от Марии Каспаровны Рейхель. Жалуется, что о смерти узнала только из газет[19].

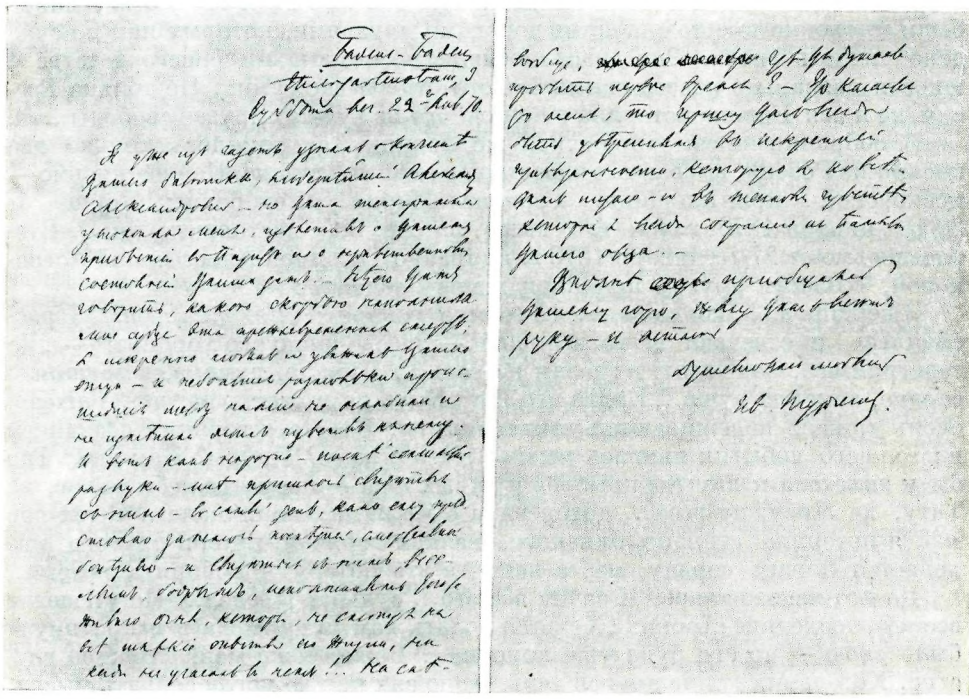
Как вы, Александр Александрович, как все ваши? Передайте от нас обоих дружеский поклон всем и желание разделить великую грусть вашу.

Дружески жму вам руку. Л. Ч е р н е ц к и й»[20].

«Мой дорогой Герцен,— писал Александру Александровичу из Форли 26 января 1870 г. известный итальянский революционер А. Саффи.— Вы знаете, какая дружба связывала меня с вашим отцом. Утрата, о которой сообщила нам телеграмма, опубликованная в газетах, поразила меня сердечной болью, личной, глубокой. Г-жа Натали[21] написала Нине[22] в прошлом месяце, что он болен и нуждается в полном покое и отдыхе.

Эти слова нас сильно огорчили, но мы были далеки от мысли о предстоящем несчастье.

Как я уже писал г-же Натали, хотя наши встречи не были так часты теперь, как бывало, хотя наша частная жизнь в Италии не имела больше



АВТОГРАФ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К А. А. ГЕРЦЕНУ ОТ 22 ЯНВАРЯ 1870 г. О СМЕРТИ ГЕРЦЕНА

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

связи с его жизнью,— ни время, ни расстояние не ослабили моей привязанности к нему — его смерть пробудила ее в полной силе. Целая фаза моей жизни — фаза серьезная: изгнание — возрождает в моем воспоминании образ Герцена в его лучших чертах. Он любил меня, и я сильно любил его. И до конца жизни я его не забуду.

Если сочувствие в постигшем вас горе может его облегчить, мое сочувствие со всей силой братского чувства к вам и вашим сестрам принадлежит вам.

И Нина, любившая вашего отца так же, как я, просит меня передать всем троим выражение искреннего горя, которое она разделяет с вами.

Она просит вас вручить прилагаемое письмо г-же Натали, которая рекомендовала нам адресовать наши письма в Париж до востребования. Но мы не уверены теперь, что кто-нибудь из вас находится там.

В этом состоянии неуверенности мы просили г-жу Маттенаи во Флоренции передать вам это письмо, где бы вы ни находились.

Прощайте, мой дорогой друг. Через несколько месяцев я еду во Флоренцию и надеюсь при этом случае иметь возможность пожать вам руку.

Прощайте. Горячо любящий вас А. С а ф ф и»[23].

«Дорогой Александр!— писала 26 января дочь лондонской знакомой Герцена, приятельницы Роберта Оуэна, Каролина А. Биггз (она впервые встретилась с Герценом и его детьми в 1850 или в 1851 г. в Ницце и с тех пор поддерживала с ними дружеские сношения).— Мы узнали из газет о печальной утрате, которую понесли вы и ваши сестры; что за грустный повод для выражения вам нашей глубокой симпатии!

Вот уже около двадцати лет прошло с того времени, как мы детьми встретились впервые с вашим отцом, и с тех пор он и вы все постоянно были мысленно вместе с нашими дорогими друзьями, которых нам не суждено увидеть снова. Ряд счастливейших воспоминаний нашего детства и юности связаны с посещениями вашего отца и вас самих. Не только Россия, но и вся Европа потеряла в нем одного из лучших друзей свободы...»[24].

В собрании писем «пражской коллекции» сохранилось только два письма из России, вызванные известием о смерти Герцена. Первое письмо — московской приятельницы Герцена Марии Федоровны Корш от 30/18 января 1870 г. (см. его выше, на стр. 385 настоящего тома). Второе письмо от 27/15 января 1870 г. написано Татьяной Алексеевной Астраковой, близким другом покойной жены Герцена[25]:

«Свершилось! Что сказать: 12-го мне говорят: „*Его уже нет!*“ Я рассмеялась и отвечаю: „Охота верить,— здесь давно его хоронят!“— „Да телеграмма...“— Читаю и глазам не верю... Думала, думала, и защемило сердце, замерла душа... Будто его нет? Быть не может... да, да...Тяжело, очень тяжело переживаются такие минуты. Вместе с горьким сознанием настоящего события явилась мысль: „Что с вами? Где вы? Как вы?“ Так бы и полетела к вам (да крыльев нужных нет) — посмотрела бы на вас, на Тату, на Лизу, на всех... погоревала бы с вами, поплакала... С тех пор как я потеряла столько близкого, всякая горячая потеря другого мне делается близка сердцу, ну, а ваша, а эта потеря и говорить нечего...

Да что же это такое? И зачем все это... судьба? Предел... Не утешение все это; последние строки: „Хочется подать вам руку“[26], а я и протянула было свою — но его рука уже холодна... Боже, боже мой! Страшно грустно. Хотела писать на другой день, но до сих пор не могла собрать мысли; да и теперь все что-то смутно, неясно. Да отчего же все это, и как это случилось?.. Хотелось бы слышать все подробности... Наталья Алексеевна! Таточка! Умоляю вас, будьте тверды — ведь это закон природы... Что я говорю?.. Ну да что же и сказать больше?.. А что с Ог⟨аревым⟩? Где он? Что с ним?.. Дорогие мои, как мне тяжело, тяжело за вас всех... О, если б мне увидать вас! Обняла бы вас, впилась бы в вас... Тата! Тата! Лиза милая, бедная Лиза!..

Нет, не могу больше писать, надо немного придти в себя...

Обнимаю вас, мои милые, всех обнимаю и шлю мои слезы на его могилу... Ваша всей душой

Т. А с т р а к о в а»[27].

Приведенными выше письмами, разумеется, не исчерпываются все отклики на смерть Герцена, полученные его родными и близкими[28]: в «пражской коллекции» сохранилась лишь часть этих писем. Но и они являются свидетельством влияния Герцена на его современников, глубокого чувства любви и уважения, которое он внушал всем вступавшим с ним в личное соприкосновение[29].

[1] Далеко не полный обзор некрологов Герцена, помещенных в русской и заграничной печати, см. в комментариях М. К. Лемке — XXI, 564—575 и XXII, 147—148.

[2] «La Marseillaise», №№ 72—73 от 2—3 марта 1870 г.— Подлинник на француз-

ском языке.—Бакунин ознакомил Огарева со своей статьей о Герцене еще в рукописи (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 364 и 374—376). Несколько цитат из публикуемой статьи Бакунина было приведено Лемке (XXI, 564).

[3] «La Marseillaise», № 37 от 24 января 1870 г. О смерти «знаменитого республиканца Александра Герцена» «La Marseillaise» впервые известила своих читателей накануне, 23 января, в заметке, подписанной Morot, обещав посвятить «этому огромному интеллекту, этому доблестному сердцу» специальную статью в следующем номере. «Именно Герцену,— писала газета,— Россия обязана тем, что вступила в современную жизнь, в жизнь всеобщей справедливости, объединяющей все народы». «La Marseillaise» сообщала при этом, что гражданское погребение Герцена состоится в воскресенье в полдень. Здесь же был указан парижский адрес Герцена: Rue Rivoli, № 172.

На следующий день, в № 37, «La Marseillaise» напечатала, помимо процитированного нами некролога Дерёра, извещение (также подписанное Дерёром) о том, что похороны Герцена состоятся не в полдень, как было ранее объявлено по ошибке, а в 11 часов, и что семья Герцена просит своих многочисленных друзей рассматривать это объявление как пригласительное письмо.

Отметим, что обе упомянутые заметки были помещены в «La Marseillaise» с опозданием (явно по вине ~~редакции~~), что также должно было сбить с толку тех, кто желал отдать последний долг Герцену. Так, в заметке Morot, напечатанной в воскресенье 23 января, сообщалось, что Герцен умер «сегодня <!> утром» и что гражданские похороны состоятся «в воскресенье в полдень», а заметка Дерёра уточнила час похорон, через день после того, как они состоялись.

25 января в «La Marseillaise» появилась статья Collot, в которой описывались гражданские похороны Герцена. «За несколько минут до обозначенного времени,— писал Collot,— большое число демократов собралось в доме умершего. Мы заметили среди них граждан Этьена и Эманюэля Араго, Шассена, Малярдье, Массоля, Анри Мартена, Мильера. Но многие другие, предполагая, что погребальная процессия отправится по обыкновению позднее, не успели прибыть, однако еще до того даже, как все часы отзвенели одиннадцать, катафалк вдруг тронулся, и с такой быстротой, что большинство присутствовавших, спохватившись, вынуждено было бежать за катафалком, чтобы замедлить его ускоренную езду». Далее Collot привел речь Вырубова на могиле Герцена и заключил свою статью следующим сообщением: «В течение всего дня многочисленные граждане являлись в контору „La Marseillaise“ с протестом против поспешности администрации общества похоронных процессий, которая помешала им отдать последний долг знаменитому представителю русской демократии» (ср. XX, 147—148).

[4] Укажем здесь еще несколько некрологов и некрологических заметок о Герцене, опубликованных в иностранной печати и оставшихся неотмеченными в библиографии. 23 января 1870 г. на смерть Герцена откликнулась бельгийская газета «Journal de Charleroi», назвавшая его «знаменитым русским писателем» и отмечавшая, что «ум, страстность, красноречие являлись характернейшими чертами герценовского таланта». Это же сообщение было дословно повторено в «L'Indépendance Belge», № 23 от 25 января. Газета «Le Pays» (Брюссель) также напечатала 23 января сообщение о смерти «русского Маццини» — Герцена и представила его краткую характеристику, свидетельствовавшую о личном знакомстве автора с Герценом. «Это был человек среднего роста,— писала «Le Pays»,— с энергичным лицом, со взглядом гордым и добрым одновременно. Он носил бороду, уже начинавшую седеть, так же как и его волосы. Бесконечные странствования по Европе сделали Герцена замечательнейшим полиглотом». Описывая революционную и издательскую деятельность Герцена, «Le Pays» замечала, что, будучи «романистом, философом, историком, полемистом, Герцен с успехом и одинаково удачно владел всеми родами сочинений». О «Колоколе» Герцена автор статьи утверждал, что это было нечто вроде «La Lanterne» А. Рошфора, но что при издании ее Герцен «руководствовался взглядами более возвышенными и в особенности патриотизмом, более серьезным, чем патриотизм Рошфора».

Краткое сообщение о смерти Герцена поместила 23 января брюссельская газета «L'Echo de Bruxelles».

4 февраля 1870 г. в берлинской газете «Der Sozial-Demokrat», органе лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, был помещен некролог, в котором, наряду с многочисленными ошибочными высказываниями о Герцене и его деятельности, содержалась и высокая оценка великого русского писателя и революционера,«одного из самых ревностных и самоотверженных передовых борцов за демократию». «Если Герцен и ошибался в своих социальных воззрениях,— писал анонимный автор некролога,— все же должно отдать справедливость его неустанным свободолюбивым стремлениям, которые сделали его для России тем же, кем Маццини является для Италии». «Александр Герцен был в высшей степени благородным человеком, одушевленным исключительной добротой и подлинным человеколюбием,— замечает в заключение автор статьи.— Политическая деятельность Герцена была одновременно и чрезвычайно честной и весьма настойчивой; своей агитацией он внес серьезный вклад в борьбу за отмену крепостного права в России...» (сообщено М. К. Пархоменко).

Ежедневная швейцарская буржуазная газета «Journal de Lausanne», сообщившая еще 22 января 1870 г. о том, что «знаменитый русский публицист Герцен очень болен в Париже», на следующий день писала в отделе хроники: «Слухи о смерти Распайля не подтвердились. Совсем напротив, его здоровье улучшается <...> Но другая личность, игравшая большую роль в рядах европейской демагогии, только что исчезла со сцены мира,— Герцен, главный редактор русской газеты „Колокол", публиковавшейся в течение нескольких лет в Лондоне, а поздней в Женеве, и пользовавшейся некоторое время большим влиянием в России. Социалистические принципы, которые он поддерживал, находили себе страстных приверженцев среди молодежи, и заговоры, недавно раскрытые, являются прямым следствием его учения». Газета отмечает далее, что Герцен был связан с Гарибальди, Ледрю-Ролленом, Виктором Гюго «и всеми значительными личностями этой партии».

Парижский иллюстрированный журнал «L'Univers illustré» напечатал в № 785 от 29 января 1870 г. извещение о смерти Герцена, а в № 790 от 5 марта 1870 г.— портрет Герцена и некролог, подписанный H. Vernoy, в котором Герцен характеризовался как «знаменитый русский революционер, составивший себе также почетную репутацию в качестве романиста и публициста» и «человек редкой энергии и хладнокровия».

Известный лондонский критико-библиографический журнал «Athenæum» в анонимном некрологе, называя Герцена «вождем русской партии красных» и подробно освещая его литературную и революционную деятельность, особенно подчеркнул, что Герцен был подлинным русским патриотом, неспособным вступать в сделки с иностранными державами в ущерб своей родине, в чем его так часто обвиняли» («Athenæum», № 2205 от 29 января 1870 г.).

Отметим, что автор некролога сообщил здесь же, ссылаясь на слова самого Герцена, следующий, несомненно фантастический, рассказ о личной встрече Герцена с Николаем I на петербургском балу-маскараде:

«Во время своего пребывания в Петербурге в 1840 г., Герцен сам увидел своего могущественного врага — царя Николая — единственный раз в жизни. Одной из любимых забав императора было посещение маскарадов, которыми славится С.-Петербург. Он отправлялся туда в своем обычном мундире, и хотя все присутствовавшие в зале узнавали его, он упорно требовал, чтобы никто не подавал виду. Герцен, незадолго до того возвратившийся из ссылки, на одном из балов-маскарадов внезапно столкнулся лицом к лицу с царем, которого узнал по его гигантскому росту. Он невольно поклонился. Царь, державший под руку даму, остановился, с резким неодобрением взглянул на Герцена и снова заходил по комнате своим обычным шагом. Герцен тотчас же покинул бал, но ему всегда казалось, что император узнал, кто именно был нарушителем его приказа, и что его изгнание „в Европу" в 1840 г.<!>было результатом этой сцены».

Другой анекдот о Герцене был в разных вариантах напечатан в ряде французских газет и журналов. В основе его, вероятно, лежало разоблачение Герценом шпиона III Отделения статского советника Хотинского. Отметим, что еще в апреле 1861 г. Герцен иронически рассказывал о том, что «Кельнская газета» «написала об этом целый роман, как Тимашев подсылал к нам шпиона, как у нас был его портрет,— очень занимательный». Герцен назвал эту историю «кельнской сказкой» (XI, 69). 9 января 1865 г. бельгийский «Journal de Gand» перепечатал аналогичную историю о Герцене из «Petite Revue», заверявшей читателей в полной достоверности изложенных фактов. Аналогичный случай сообщал и Vernoy в цитированном нами выше некрологе из «L'Univers illustré».

«Вот анекдот о покойном публицисте Герцене,— писала, в свою очередь, «L'Etoile Belge» 29 января 1870 г.,— этот анекдот, насколько нам известно, не опубликован. Во время пребывания Герцена в Женеве ему был нанесен визит каким-то господином, отрекомендовавшимся большим почитателем изгнанника.

После довольно продолжительной беседы, которая, естественно, вращалась вокруг сочинений, коим посетитель расточал прочувствованные похвалы и, казалось, полностью принимал выраженные в них идеи, заговорили о преследованиях русского правительства и о надзоре, осуществляемом им над изгнанником.

— Вам необходимо,— сказал посетитель,— постоянно бороться с непрекращающейся слежкой тайных агентов. Не приходится ли вам иногда принимать у себя сотрудников полиции?

— Да,— отвечал Герцен,— вот, например, я недавно получил из Петербурга известие о прибытии в Женеву одного из этих господ. Мне прислали даже его фотографию. Посмотрите-ка, вот она.

Он вынул из бумажника фотографию и показал своему собеседнику. Тот побледнел: то был его собственный фотографический портрет».

[5] Цитируем по книге: Gaby Vinant. Un esprit cosmopolite au XIX siècle. Malwida de Meysenbug (1816—1903). Sa vie et ses amis. P., 1932, p. 241 —Приводим текст письма Огарева, до сих пор не известного русским читателям, во французском подлиннике:

«Chère Malwida,

Si je n'ai pas encore écrit c'est que je suis muet et reste stupide et ne peux encore comprendre. Comment cela es til arrivé? Ce que je ressens seulement, c'est que j'ai tout perdu et que je demeure seul. Je n'aurais jamais cru survivre. Cela me semble antinaturel, mais le fait est là, je reste pour notre travail.

Je ne suis pas en état d'écrire plus longuement, mes larmes coulent, ma main refuse d'écrire.

Votre O g a r e f f».

[6] ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 293.— Подлинник на французском языке. Там же хранится следующее письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Огареву от 14 февраля 1870 г., окаймленное траурным бордюром:

«Пиши же иногда, Огарев. Скоро я сама увижу тебя — в первый раз *без него*.

Будем вместе исполнять хоть сколько возможно *его* желание относительно Таты и Лизы. Они теперь как сестры. Тебе хоть это будет приятно видеть.

Прощай, крепко жму твою руку.

N.

Получила горячее письмо от Татьяны Алексеевны ‹Астраковой›» (см. выше).

[7] Gaby V i n a n t. Цит. изд., стр. 243.

[8] Там же, стр. 243—244.

[9] ЦГАЛИ, ф. 5770, ед. хр. 293, лл. 30—31. Там же хранятся следующие три неизданные записки И. С. Тургенева, адресованные Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой-Огаревой и написанные во время предсмертной болезни Герцена (лл. 3, 29 и 32):

1

‹Париж. 17 января 1870 г.›

Любезнейшая Наталья Александровна, известите меня, как ваш батюшка себя чувствует и как он провел ночь? Я буду у вас около 4-х часов.

Преданный вам

Ив. Т у р г е н е в

Понедельник *
Rue Laffitte
Hôtel Byron.

2

‹Париж. 19 января 1870 г.›

Любезная Наталья Алексеевна, я получил телеграмму, вследствие которой должен сейчас уехать в Баден, и не могу дождаться перемены в болезни Герцена. Сделайте одолжение, известите меня о нем, адресуя в Баден. Я вам крайне буду благодарен. Желаю вам всем всего лучшего.

Преданный вам

Ив. Т у р г е н е в

Середа

P. S. Пригласите доктора и сиделку!

3

Баден-Баден, Thiergartenstrasse, 9
Пятница, 21-го янв‹аря 18›70 г.

Любезнейшая Наталья Александровна, я горько сожалею о необходимости, заставившей меня уехать из Парижа до перелома болезни вашего батюшки,— и вы бы крайне обязали меня, если б одним словом известили о состоянии его здоровья и о том, приехал ли ваш брат. Буду с нетерпеньем ожидать вашего ответа, а пока прошу передать мой поклон всем вашим и верить в искренность моей преданности.

Ив. Т у р г е н е в

[10] ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 293, лл. 22—23 об.

[11] Там же, ед. хр. 167, л. 1.

[12] Письмо Герцена от 22 ноября 1869 г. (XXI, 527—528).

[13] ЦГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 293, лл. 24—25.

[14] За две недели до смерти Герцена, 4 января 1870 г., Боке навестил его в Париже (XXI, 547).

[15] ЦГАЛИ, ед. хр. 293, лл. 19—20 об.— Подлинник на французском языке.

[16] Эти письма Герцена к Косту неизвестны.

[17] ЦГАЛИ, ед. хр. 293, л. 6—6 об.— Подлинник на французском языке.

[18] Валериан *Тассинари* — повар-итальянец, рекомендованный Герцену Дж. Маццини.

[19] См. это письмо выше, на стр. 532.

[20] ЦГАЛИ, ед. хр. 293, л. 28—28 об.

---

* *Вместо вачеркнутого*: Воскресенье

[21] *Г-жа Натали* — Н. А. Тучкова-Огарева.
[22] *Нина* — жена Саффи.
[23] ЦГАЛИ, ф. 5770, ед. хр. 293, лл. 17—18.— Подлинник на французском языке.
[24] Там же, л. 4—4 об.— Подлинник на английском языке.
[25] См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 9—22.
[26] Это письмо Герцена, цитируемое Астраковой, неизвестно.
[27] ЦГАЛИ, ед. хр. 293, л. 26—26 об.
[28] В «пражской коллекции» сохранилось еще несколько писем, вызванных смертью Герцена.

22 января 1870 г. с выражениями соболезнования обратилась к Н. А. Герцен вдова эмигранта В. И. Касаткина — Елизавета Васильевна (л. 27). В тот же день написал А. А. Герцену флорентинский адвокат Эмиль Фогт: «Ты не можешь вообразить,— писал Э. Фогт,— насколько я был поражен известием о смерти твоего отца; у меня такое ощущение, что умер один из членов моей собственной семьи и один из тех, чье здоровье казалось мне достаточно могучим, чтоб отвести все опасения близкого конца <...> Я мало знал его, однако достаточно для того, чтобы понять ту ужасную пустоту, которая образуется в твоей жизни от этой утраты. Он будет жить в наших сердцах» (л. 5—5 об.— Подлинник на французском языке).

23 и 24 января 1870 г. с письмами к А. А. Герцену обратился из Лондона его бывший учитель, естествоиспытатель Юлиус Альтгауз. «Дорогой друг!— писал он во втором письме,— я должен сказать вам, как больно поразило меня полученное на днях печальное известие о смерти вашего уважаемого отца. Пролетело уже пять лет с тех пор, как я видел его в последний раз, но его образ как живой стоит перед моими глазами, и моя дружба к нему остается неизменной. Он принадлежал к людям, которых от нас не отделяет даже длительная разлука» (лл. 6—6 об. и 13—13 об.— Подлинник на немецком языке).

Адвокат Мориц Бердушек сообщил 24 января А. А. Герцену из Пизы о том, что о смерти Герцена он прочел в итальянской газете «Nationе», и выражал удивление, что «так внезапно мог умереть человек, столь сильный и бодрый» (л. 16—16 об.— Подлинник на немецком языке).

Один из английских знакомых Герцена, Geo Hilnitch, писал А. А. Герцену 29 января из Лондона: «Я прочел с глубоким сожалением и грустью извещение о смерти вашего отца в прошлую субботу утром. Я уверен, что это— огромное испытание для вас всех и непоправимая утрата для его друзей. Прошу вас принять выражение моей искренней симпатии и большого уважения, которые я всегда питал к вам и всем вашим. Хотя я не встречался с ним уже много лет, у меня ощущение, что я видел его только вчера,— нелегко забыть, если хоть раз видел его. Я имел намерение зайти к нему в Женеве, когда был там весной, но он уехал раньше, чем мне удалось сделать это <...> Я постоянно гляжу на ваш портрет, и мы часто говорим о вас и о счастливых днях, проведенных вместе в Ричмонде...» (л. 29.— Подлинник на английском языке).

«Помните ли вы нашу беседу на Шато?— писала неизвестная нам корреспондентка Н. А. Тучковой-Огаревой в недатированном письме, подписанном инициалами A. G.— Какие предчувствия вас томили! Как ужасно это и несправедливо! Подобное сердце, подобный ум не должны были так рано исчезнуть <...> До конца жизни память о нем будет запечатлена в моем сердце вместе с другими дорогими мне воспоминаниями» (лл. 7—8.— Подлинник на французском языке).

В той же единице хранения находится еще два письма с соболезнованиями: от Sarghan (из Флоренции, от 22 января 1872 г.), адресованное А. А. Герцену, и от Сарры П. Ремонд (из Италии, от 23 января), адресованное Н. А. Тучковой-Огаревой.

[29] Отметим, что в Отделе рукописей ЛБ хранится начало написанного Н. М. Сатиным некролога Герцена. Этот некролог, содержащий много фактических ошибок и написанный с явным желанием придать деятельности Герцена и его политическим взглядам узко утилитарный и либеральный характер, лишен сколько-нибудь серьезного интереса. Приводим здесь лишь несколько строк из этого не появившегося в печати некролога, принадлежавшего перу человека, в юности близко знавшего Герцена. «Это был боец до конца ногтей своих,— писал Сатин,— от юных дней и до последней минуты в жизни. Нельзя было соглашаться с его убеждениями, но кто его знал, нельзя было <!> не сознавать, что всю жизнь свою он проводил их с твердостью и истинно рыцарским благородством <...> Мне часто случалось читать и слышать, что Герцен был желчный человек (нечто вроде Робеспьера). Это могли предполагать только люди, которые не знали его. Герцен был добродушнейшее существо и умер таким же добродушным и увлекающимся юношей, как я знал его сорок лет тому назад. Желчь его была не что иное, как врожденные ему юмор и острота, с которыми он действительно колол своих противников очень больно... *но без слюны бешеной собаки*, которой у него никогда не было. Стоит вспомнить его письмо к кн. В. (Beau masque). Ну, есть ли тут капля желчи? А между тем больно <...>

Я видел его в последний раз в 1860 году. Тогда „Колокол“ еще звучал, и звучал небесполезно; но и тогда Герцен (как и все прежде его бывшие эмигранты) чувствовал, что он теряет почву под своими ногами. И как он страдал от этого, как желал возвратиться в Россию и как он любил ее!» (ЛБ, Г.—О. XI, 28. Сообщено Л. Я. Гинзбург).

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРЦЕНЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. А. АСТРАКОВОЙ

Публикация А. Н. Дубовикова

В кружке московских друзей Герцена тридцатых-сороковых годов семья Астраковых занимала своеобразное место прежде всего своим резко выраженным демократизмом. Основные сведения о ней содержатся в предисловии Е. Л. Рудницкой к публикации писем С. И. и Т. А. Астраковых к Герцену и Огареву («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 9—22). В дополнение к изложенному там, укажем, что отец Н. И. и С. И. Астраковых происходил из крепостных тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина (родным сыном которого был В. А. Жуковский). К этому заключению приводит отрывок из воспоминаний Т. А. Астраковой, напечатанный Т. П. Пассек в «Русской старине», но впоследствии не вошедший в отдельное издание «Из дальних лет».

Астракова рассказывает о случае, происшедшем на обеде, устроенном в связи с проводами Кетчера на службу в Петербург.

«На этом прощальном обеде была и А. П. Елагина. Она держала себя со всеми очень приветливо, но как-то свысока. Во время обеда она обратилась ко мне с вопросом: не родня ли мне какие-то Астраковы? Я ответила утвердительно. Она не ограничилась этим и переспросила брата моего, Сергея Ивановича. Брату представилось, что она знает отношения Астраковых к ее дому и сделала этот вопрос с намерением озадачить нас при всех; он отвечал ей, что неужели она забыла, что его отец был крепостным ее деда, выпущен им на волю и записан в канцеляристы. «Если бы моего отца не освободили,— добавил он,— и я не поучился бы в университете, то, вероятно, теперь ездил бы на запятках вашей кареты или стоял бы с тарелкой за вашим стулом, вместо того, чтобы сидеть с вами за одним столом». Авдотья Петровна, слушая это, видимо смутилась, сказала что-то вроде извинения. Некоторые из присутствующих постарались замять разговор» («Русская старина», 1877, № 4, стр. 679—680). Как известно, дедом А. П. Елагиной по матери был А. И. Бунин, в доме которого она и воспитывалась.

Жизнь Т. А. Астраковой до замужества была мучительно тяжелой. Она рассказала о ней в автобиографической повести «Воспитанница», появившейся в «Современнике», 1857, № 10 (Лемке ошибочно указал, что в «Воспитаннице» Астракова описала жизнь Н. А. Герцен до брака — IX, 59. Эта ошибка была повторена Н. П. Анциферовым — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 365). Астракова была «незаконной» дочерью белевского купца из вольноотпущенников какого-то богатого помещика (по повести Алексея Зверкина); матерью ее была девушка из крепостной семьи, которую этот купец приобрел «для прислуги» и «держал по верящему письму». Сначала он намеревался жениться на ней, но затем, разорившись, возненавидел и ребенка и мать, которую он считал виновницей своего разорения. Вскоре девочку взяли в качестве воспитанницы в помещичью семью, где она провела годы, полные унижений, грубых придирок и окриков, систематического и безжалостного надругательства над ее человеческим достоинством. От этого домашнего ада ее избавило замужество — на ней женился дальний ее родственник, студент, дававший ей уроки. Это и был Н. И. Астраков (по повести — Звездов).

Автобиографичность повести засвидетельствована самой Астраковой в неизданном письме к Т. П. Пассек от 14 февраля 1884 г.: «Припомните-ка мою „Воспитанницу“ — это моя жизнь, но это все еще цветочки, а что было на деле — страшно вспомнить. Случается, вдруг я вспомню сцену и окрик на меня: „Я тебя в прачки отдам!“— и т. п., так, поверите ли, что у меня при этом воспоминании сердце замирает... А сколько таких воспоминаний!» (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11).

Астракова не получила систематического образования. «Вы знаете, что мое образование очень скудно; грамота и знание мною приобретено не фундаментальное, а, так сказать, по наслышке»,— писала она в том же письме. Но она была несомненно одаренным человеком, обладала природным умом и способностью самостоятельно мыслить. Испытав на себе тяжесть подневольного существования, она стала убежденной сторонницей женского равноправия. На это указывает А. В. Щепкина, встречавшаяся с ней в пятидесятых годах: «Она курила трубку с очень длинным чубуком и любила говорить о правах женщин, требуя для них доступа к науке и другой деятельности и равноправия с мужчинами. В то время суждения ее казались очень новы и оригинальны, хотя и не всеми признавались справедливыми» («Воспоминания А. В. Щепкиной». Сергиев Посад, 1915, стр. 173).

В свете сказанного можно понять, почему Астракова с искренним сочувствием отнеслась к судьбе невесты Герцена, томившейся в деспотической обстановке дома княгини Хованской, почему она приняла живейшее участие в ее побеге. Встретив со стороны Н. А. Герцен чувство искренней дружбы и приязни, Астракова горячо и преданно полюбила ее и пронесла эту любовь, граничившую с преклонением, через всю жизнь. Это подтверждают публикуемые воспоминания, а также письмо Герцена к детям от 2 мая 1869 г.: «Кстати как нельзя больше, я получил записочку, которую прочитайте вместе и потом вручите Тате на хранение. Это от Тат. Алекс. Астраковой, о которой вы слыхали. Состарилась она; ей теперь лет за 50, бедна, но какая юность души сохранилась и какая религиозная любовь к мамаше. Вот вам еще свидетельство, что она была из необыкновенных женщин» (XXI, 373).

Герцен относился к Астраковой с глубоким уважением, он ценил в ней не только ближайшего друга Натальи Александровны, но и мужественного, прямодушного человека, не отвернувшегося, подобно другим московским друзьям, от Герцена-эмигранта. Одна из «последних могикан», по выражению Герцена (VII, 10), она тепло и участливо откликнулась на известие о смерти Натальи Александровны, и это оценил Герцен: «Письмо Тат. Алекс. глубоко тронуло меня. Вот вам и женщины и мужчины... Никто не победил мудрой осторожности, одна женщина нашла силы...» (письмо к М. К. Рейхель от 15 июня 1852 г.; VII, 62). «Письма от Т. Ал.— единственная связь, оставшаяся у меня с Россией. Трусость ее не одолевает»,— писал он к той же Рейхель 31 января 1853 г. (VII, 177).

На этой почве должен был произойти и действительно произошел разрыв Астраковой с былым кружком друзей Герцена, отголоски чего звучат в публикуемых воспоминаниях в ряде критических замечаний по адресу Кетчера и его единомышленников. Об этом разрыве стало известно и Герцену. 6 мая 1856 г. он писал М. К. Рейхель: «Тат. Ал., как вы знаете из ее писем, отлучена от огня и воды московскими нашими пуристами» (VIII, 280). Зная о том, что Астракова, не имевшая никаких самостоятельных средств к существованию, лишилась вследствие этого «отлучения» помощи прежних друзей, Герцен считал своим долгом оказывать ей материальную поддержку (см. VI, 194; VII, 170; XXI, 329).

Возникновением своим публикуемые записки обязаны инициативе Т. П. Пассек, которая, получив возможность печатать воспоминания о Герцене, развернула энергичную деятельность по собиранию эпистолярных и мемуарных материалов от оставшихся к этому времени в живых близких Герцену людей (см. об этом в настоящем томе наше исследование о работе Пассек над ее воспоминаниями — стр. 584). С настойчивыми просьбами прислать ей свои записки Пассек обращалась в конце 1872 г.— начале 1873 г. к Огареву и М. К. Рейхель. Очевидно вскоре после этого, возвратившись из-за границы, она установила связь с Астраковой и убедила ее приступить к работе над воспоминаниями. Написаны они были не позднее середины 1876 г., так как уже в но-

ябрьской книжке «Русской старины» за этот год появилась глава XXVII воспоминаний Пассек «Из дальних лет» («Дом Ивана Алексеевича Яковлева»), в которую введены были отрывки из записок Астраковой. В дальнейшем эти записки были частично использованы Пассек в главе XXVIII — «В Украйне и в Москве. 1835—1842» («Русская старина», 1877, № 4) и в главе XXXI—«1843—1844» (1877, № 7). В отдельном издании «Из дальних лет» этому соответствуют главы второго тома: XXIX — «Реклама», XXXVIII — «Москва» и XLI — «Т. Н. Грановский».

В отрывках из записок Астраковой, напечатанных у Пассек в первой из названных глав, подробно рассказана история женитьбы Герцена, в которой Астракова принимала живейшее участие, очерчена картина жизни Герценов во Владимире; далее идет речь о женитьбе Огарева и о начале его разрыва с Марьей Львовной, о приезде Герцена с женой в Москву и об их жизни в тучковском доме. Во второй главе рассказано о знакомстве Астраковой с Сатиным, о жизни Герцена в Петербурге и затем в Новгороде, о болезни и смерти Н. И. Астракова, о возвращении Герцена в Москву; заканчиваются эти извлечения характеристикой дружеского кружка Герцена и рассказом о рождении его сына Николая. В третьей из упомянутых глав кратко очерчены Грановский, Галахов, Крюков и другие члены кружка, намечены отдельные черты характера Герцена, рассказано о лете 1846 г., проведенном Герценом и его друзьями в Соколове; заканчиваются отрывки решением Герцена и Натальи Александровны уехать за границу.

Как явствует из этого краткого перечня, напечатанное у Пассек частично совпадает с текстом публикуемых воспоминаний. Сличение этих совпадающих мест позволяет установить метод работы Пассек и степень достоверности использованных ею материалов. Пассек достаточно свободно обращалась с текстом Астраковой (на что она, вероятно, имела соответствующие полномочия от автора), перемежала куски точно воспроизведенного текста с сокращенным изложением от себя, делала извлечения из записок и по-своему монтировала их, не заботясь о сохранении авторской последовательности. В отдельных случаях она, очевидно, сознательно смягчала или снимала те или другие неприемлемые для нее резкие выражения.

Так, в рассказе «Наташи» о размолвке с Грановским из-за неловкой фразы Герцена (см. начало публикуемого текста) Пассек были выпущены выделенные ниже курсивом слова: «Что Александр *был виноват в том, что он произнес* необдуманную фразу, это я признаю, *но чтобы сразу заревать человека, назвать его подлецом,— это жестоко*». Вместо этого у Пассек короткая фраза: «Александр сказал необдуманно, я признаю это, но и только» (П а с с е к, II, 332). В приведенном у Астраковой отрывке из письма Н. А. Герцен, написанного за несколько дней до ее смерти, Пассек также сделала купюры: «Для меня воспоминание о вас, друзьях моего счастья, свято. Несмотря ни на что, я люблю Кетчера, *люблю этого дикаря* и часто смотрю на его соломенную шляпу, которую берегу, как святыню, как лучшее воспоминание о прошлом» (ср. П а с с е к, II, 333).

В воспоминаниях Астраковой, преданно и беззаветно любившей Наталью Александровну, личность ее предстает в ореоле почти благоговейного преклонения. В письме к М. К. Рейхель от 21 сентября 1879 г. Пассек писала по поводу содержания только что отпечатанного второго тома ее записок: «Несколько фактов сообщено мне Т. А. Астраковой. Она, по-моему, слишком пристрастна к Наташе. Я многое совсем смягчила, не отступая от истины» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 274). Действительно, как показывает сличение печатного текста с рукописью, Пассек выпустила ряд мест, содержащих восторженную оценку личности жены Герцена и защиту ее от обвинений московских друзей. Изъятой оказалась, в частности, яркая характеристика Натальи Александровны как «русской женщины, которая, выросши под гнетом деспотов, сумела развить свой ум, душу и сердце и стать наряду с замечательными личностями — как женщина, как жена, как мать, и вместе с этим она не была чужда общественных интересов...».

Изъятию подвергся и ряд живых эпизодов, непосредственно рисующих самого Герцена (в светском обществе, куда он явился с Астраковой, дома во время родов Натальи Александровны и др.). Отметим, кстати, что сокращения по этой линии произ-

водились Пассек не только при подготовке ее записок для «Русской старины», но и позднее, при работе над отдельным их изданием. Так, в главе «Т. Н. Грановский», описывая впечатление от его лекции («слушали, задыхаясь от восторга»), Астракова сохранила живую зарисовку Герцена во время лекции его друга: «Александр и тут не мог оставаться покоен. Лицо его горело, он переглядывался с знакомыми, то взорами выражал восторг, то острил на ухо соседу» («Русская старина», 1877, № 7, стр. 464; ср. Пассек, II, стр. 307—308).

В цензурных документах о «Воспоминаниях» Пассек сохранился отзыв цензора о воспроизведенном Астраковой облике Герцена. В докладной записке от 23 марта 1877 г. цензор Ратынский писал, что «в записках некоей г-жи Астраковой, которые г-жа Пассек приплела к своему рассказу, Герцен выставляется довольно пустым и тщеславным светским человеком, у которого чувства отца и мужа заглушались заботами о соблюдении светских приличий» («Доклад о книжке „Русской старины" за апрель 1877 года». ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. № 65, ч. 1, лл. 114—115). Разумеется, эта оценка записок Астраковой несправедлива. В них нет ничего враждебного Герцену, никакого желания очернить его личность. Искреннее дружеское чувство к Герцену и его семье она сохранила до конца своей жизни, как и уважение к его личности, увлекающейся, порой не чуждой эгоизма, но всегда чистой, благородной, далекой от какой бы то ни было мелочности и пошлости. Достаточно сослаться на заключительные страницы публикуемого текста, где она говорит: «...Когда не стало Александра в кружке мужчин, то ими овладели мало-помалу самые мелкие дрязги и сплетни, чего при нем никогда не было <...> Личность Александра как бы ограждала всех от влияния мелочных дрязгов...». А те критические ноты, которые звучат у нее по адресу Герцена и которые тенденциозно истолковал цензор, делают его образ свободным от иконописного канона, живым и человечным.

Ценным вкладом в мемуарную литературу о Герцене является рассказ Астраковой о прощальном вечере у Грановского, устроенном 19 января 1847 г., и о проводах Герцена в Черной Грязи. Пассек не включила его в свои записки, повидимому, из опасения перед цензурой, для которой тема отъезда, положившего начало эмиграции Герцена, была, конечно, неприемлемой. Рассказ Астраковой тем более важен для биографии Герцена, что никто из провожавших Герцена не оставил воспоминаний об этом событии. О вечере у Грановского до сих пор было известно только по короткому упоминанию Герцена в письме к Грановскому, посланном из Твери утром 20 января 1847 г. («О проводах, о 18 и 19 января буду говорить, когда приду в себя» — V, 5). Было ли осуществлено это намерение, остается неизвестным. Впоследствии в «Письмах к будущему другу» Герцен вспомнил об этом вечере, рассказав о присутствии на нем Чаадаева и о своем тосте «за старшего из нас — за Чаадаева» (XVII, 99. У Астраковой этот знаменательный эпизод не упомянут). Проводы в Черной Грязи были коротко описаны только Герценом в «Былом и думах» (XIII, 202—203) и М. К. Рейхель в ее интересных, но крайне скупых в этой части воспоминаниях. Значение публикуемых страниц из воспоминаний Астраковой определяется и их литературными достоинствами: ее описания точны и выразительны, характеристики свидетельствуют о живой наблюдательности и хорошей памяти автора.

Отметим в заключение, что, по данным неопубликованной переписки Астраковой, она и позднее, в восьмидесятых годах, продолжала работу над своими воспоминаниями и делилась с Пассек сохранившимися у нее материалами. В главах «Из дальних лет», опубликованных в «Полярной звезде» 1881 г., Пассек напечатала большое количество писем Огарева к С. И. Астракову (некоторые из них с приписками Герцена), а также письмо Н. А. Герцен к С. И. Астракову («Полярная звезда», 1881, №№ 1, 2, 3).

В 1882 г. Пассек возобновила печатание в «Русской старине» глав своих записок, составивших позднее третью часть их, и в связи с этим снова обратилась к Астраковой.

В начале 1883 г. Астракова писала Н. А. Тучковой-Огаревой: «Ей <Пассек> вздумалось издавать еще третью часть своих воспоминаний, и она просит меня (и вас) помочь ей или письмами, или изустными рассказами» (ЛБ, Г.— О. IX, 22, № 13).

У нас нет данных для того, чтобы утверждать, что Астракова тогда же откликнулась на эту новую просьбу Пассек. Вероятно, она не сразу собралась вновь сесть за воспоминания, тем более, что вторичное обращение к фактам, уже один раз ею освещенным, представляло добавочные трудности (необходимость избежать повторений). 24 декабря 1884 г. произошло событие, почти лишившее Астракову возможности дополнить ее прежние воспоминания новыми: в ее доме случился пожар, во время которого погибло все имущество, в том числе все книги и старые письма, бережно сохранявшиеся Астраковой.

6 июля 1885 г. она, отвечая, как мы предполагаем, на повторные напоминания Пассек о записках, подробно рассказывала о случившемся несчастье и

ДОМ НА ПЛЮЩИХЕ (ТЕПЕРЬ № 52) В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ АСТРАКОВЫМ
Фотография, 1930-е гг.
Литературный музей, Москва

заключала: «Все мое имущество исчезло, все, ровно ничего не осталось, в том числе, конечно, и все книги (дорогие, хорошие издания), и ваши брошюрки, и оба тома воспоминаний „Из дальних лет". Горе мое было ужасно; не вещей домашних, не платья и всей одежды мне было жаль, а жаль книг и рукописей, которых уже не найдешь и не вернешь ничем, а другие купить нет средств ⟨...⟩ Так вот, как видите, что я хотя и очень была бы рада поделиться с вами (даже безвозмездно) памятными записками, но увы! — все погибло — осталось только горькое воспоминание. ⟨...⟩ Если что вам понадобится спросить меня о чем-либо, касающемся Герцена, то я, что смогу, все сообщу вам. Огонь лишил меня многого дорогого, отрадного...» (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11).

В письмах Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой содержатся более точные сведения об утратах, понесенных ею во время пожара и о частично уцелевших материалах: «Но с чем я не могу помириться и что меня глубоко огорчает, это то, что сгорели (пропали) все дорогие письма: Сатиной, Герцена, Огарева и увы! — Натальи Александровны (матери) и ее портрет — как вспомню, так слезы душат. Портреты Огарева (петербургский ⟨?⟩), Герцена (парижский), и, помните,— лондонский, вы втроем сняты—эти уцелели» (письмо без даты; ЛБ, Г.—О. IX. 23, № 4). 11 февраля 1885 г. она

уточняет эти данные: «Очень мне горько, что погибли ее ⟨Н. А. Герцен⟩ три портрета и *последнее* ее ко мне письмо, в котором она звала меня к себе...» (там же, № 5). И только через несколько месяцев, 16 августа того же года, она извещает свою корреспондентку, что некоторые бумаги нашлись после пожара: «Нашлись записочки Наташи Герцен (московские), ваши письма и Огарева из Петербурга и заграничные — все это разрознено, неполно, изорвано» (там же, № 6).

Очевидно, именно эта находка подбодрила Астракову и побудила ее сообщить Пассек о своей готовности исполнить ее просьбу. 3 августа 1885 г. она писала: «Что касается вашего желания, чтобы я сообщила о Наташе и Огареве что я помню, то это я постараюсь исполнить, только не обещаю скоро, потому что все прихварываю» (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11).

Однако Пассек пришлось долго, больше двух лет, дожидаться присылки обещанных новых воспоминаний. Во второй половине 1887 г. Астракова снова писала ей о причинах, мешающих ей браться за работу. Но продолжение письма косвенно свидетельствует, что она готова была начать работу, а может быть уже и начала: «Если что я припомню, то напишу вам, но, ради бога, это будет не моя статья, а только для вас материал, и вы можете данные мною сведения употребить, как собственные свои, включая их в свои воспоминания, и это, право, не будет никакого литературного греха, и только на этом условии я буду согласна время от времени что-нибудь присылать вам. О плате, пожалуйста, ни слова — какая тут плата; это занятие даже сделает мне добро, отвлечет...» * (ЛБ, Г.— О. IX, 26). Письмо без даты; приблизительная датировка устанавливается по письмам Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой от 16 июля— 11 декабря 1887 г. (ЛБ, Г.— О. IX, 24, №№ 2 и 6).

О том, что страницы из воспоминаний были все-таки ею написаны и отосланы Пассек, мы узнаем из письма Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой от 11 декабря 1887 г.:

«Вот уже года полтора, как Т. П. Пассек приставала ко мне писать о Герценах, о том времени, когда они жили в Москве и на дачах. Описать их круг, общество и характер всех, и в особенности Наташи. Долго я не решалась на это, да и не до того мне было в моей глупой обстановке и разных дрязгах; а Пассек все не отставала и повторяла свои просьбы.

Наконец как-то нашло на меня желание писать, и вот я набросала несколько почтовых страничек и отослала к ней. Это было еще 24 ноября, но до сих пор не получила ответа; я ее просила не о том, годятся ли записки, но получила ли она их...» (там же, № 6).

В середине 1888 г. Астракова извещала Н. А. Тучкову-Огареву о своем решении ничего больше не писать для Пассек, вследствие чего связь между ними временно прекратилась:

«Что, получаете ли вы от Т.П. Пассек письма? Ко мне она давно не писала—оно понятно; ей хотелось получить мои записки о Наташе, но так как я ей написала, что, во-первых, мне по болезни теперь трудно писать, а потом мне очень не нравится, что Семевский печатает *то* и *так*, как ему и Саше Герцену нравится, а я хочу, чтобы печатали *то*, что я написала. Ну, я наотрез отказалась писать хотя что-нибудь» (там же, № 11).

Судьба записок Астраковой, написанных в 1887 г., остается неизвестной: в третий том книги Пассек «Из дальних лет» они не были включены, и никаких следов их использования там не имеется; полный текст рукописи записок до сих пор остается не обнаруженным.

Таким образом, публикуемые материалы в настоящее время являются единственным находящимся в нашем распоряжении подлинным текстом воспоминаний Астраковой.

Записки Астраковой печатаются по автографу (ИРЛИ, ф. 430, ед. хр. 11, лл. 21—24 об. и 16—20 об.).

---

* Конец письма не сохранился.— *Ред.*

‹ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРЦЕНЕ›

[1] наконец общими силами успели как-то перевести разговор на другой предмет, даже шутили и смеялись, но Грановский оставался мрачен и все были не в своей тарелке, потом уехали все. Рассказав это, Наташа прибавила: «Такого горького, тяжелого дня мы, кажется, никогда не переживали. Что Александр был виноват в том, что он произнес необдуманную фразу, это я признаю, но чтобы сразу зарезать человека, назвать его подлецом,— это жестоко. Мы молча легли спать, и наутро Александр сказал мне: „Да, пора ехать и ехать...“ — Что до меня, я давно думала об этом, давно все шло к разрыву».

Да, действительно, как ни старались все маскироваться в костюм дружества, как ни старались пить круговую чашу и веселиться, но во всем проглядывала натянутость,— каждое слово взвешивалось, каждый шаг рассчитывали... Для меня странно было одно, что всякая вина Александра была отнесена на влияние Наташи — почему? Я до сих пор не могу объяснить этого, тем более, что я знала совершенно противное. Наташа страшно страдала за эгоизм и промахи своего мужа, но ее вина была разве в том, что она никому не жаловалась на Александра, никому не выдавала его, напротив, при случае старалась извинять его разными доводами, и в этом, по-моему, она поступала честно, тем более, что она и других, даже оскорбляющих ее, старалась извинить и не бросала в них камня... Ник, всегда деликатный, всегда нежный, с любящим сердцем, уважал Наташу глубоко, и между ними никогда не было и тени недоумений. Грановский тоже уважал Наташу и иногда дружески доверял ей свои домашние невзгоды, и если бы не роковое влияние Мр. Фдр.[2], то он всегда остался бы искренним ее другом. Кетчер был чуть ли не влюблен в Наташу,— он ей был предан как собака и часто ссорился с Александром из-за того, что ему иногда казалось, что Александр или мало заботится о Наташе, или много надоедает ей своей заботливостью. Наташа, с своей стороны, уже невестой подготовленная отзывами Александра относительно кетчеровой личности, как самой замечательно честной, доброй и благородной, и потом благодарная ему за его помощь и хлопоты о их свадьбе и потом за участие в ее болезни, за помощь и уход за детьми,— все это заставило ее глубоко уважать и полюбить Кетчера. Она его любила буквально как родного отца и всякие от него черствые замечания принимала, как покорная дочь, и вот даже незадолго до смерти она писала мне: «Для меня воспоминание о вас, друзьях моего счастья,— свято. Несмотря ни на что, я люблю Кетчера, люблю этого дикаря и часто смотрю на его соломенную шляпу, которую берегу, как святыню, как лучшее воспоминание о прошлом...».—И такую женщину, с таким добрым сердцем, осмеливаются называть бездушной дрянью!.. Впрочем, немудрено: дрянные люди не могли понимать ее, а хорошие, но с слабым характером, как это всегда бывает, подпадают под влияние лицемеров и дурных людей, умеющих играть роли сердобольных, но в душе злых и завистливых...— Я много говорила ее детям теперь о достоинствах их матери[3] и надеюсь, что они сумеют восстановить в глазах избранных настоящее о ней понятие, и если они сумеют описать ее жизнь и ее характер, как следует, то это будет полезно для характеристики русской женщины, которая, выросши под гнетом деспотов, сумела развить свой ум, душу и сердце и стать наряду с замечательными личностями — как женщина, как жена, как мать, и вместе с этим она не была чужда общественных интересов...—48-й год она уже не жила для себя — душа ее была растерзана, что вы можете видеть из ее писем (из Парижа) ко мне[4]. — Итак, 46-й год своими событиями в среде друзей решил отъезд Герценых за границу[5]. Мое горе было самое тяжелое: я так привыкла видеться с Наташей, делиться с нею взаимно мыслями и жизненными вопросами, наконец,

любить ее, что для меня было немыслимо остаться без нее... Мне еще представлялось, что я хороню ее... (и так вышло на самом деле). Она утешала меня, уверяла, что мы расстаемся не надолго, что их поездка принесет много пользы как им, так и всем друзьям, — что они освежатся, отдохнут, и друзья, наконец, одумаются и все-таки оценят нас по достоинству и простят нам наши невольные прегрешения... Я тоже понимала, что им нужно уехать, но жаль было расстаться с нею. С Александром мы были *хороши*, но дружбы между нами не было и не могло быть, по той причине, что, во-первых, как я уже говорила, он любил лесть, поклонение, а я не могла воздержаться, чтобы не ловить его на каждом слове и деле,— я часто указывала ему разлад его пера с его действительной жизнью. Так, например, раз как-то *второпях я явилась к ним* без воротничка и без рукавчиков; на эту пору к ним приехала Голохвастова, и он торопливо просил меня, чтобы я не выходила при ней в гостиную, так как он не желает, чтобы такую уважаемую им женщину, как я, заподозрили в неряшестве. Впоследствии я часто или нарочно прятала воротнички или вовсе приходила без них, чтобы подразнить его. Раз как-то я поехала с ним на лекцию Грановского, — он, видимо, стеснялся мною (так как я не была известна в свете) и, усадивши меня, отошел к светским барыням (Картсков (?), Павловой Кр. Крл.[6] и проч.). Кому-то вздумалось спросить его обо мне, кто я, и заметить ему, что я очень интересная дама. Герцена это восхитило, и он стал часто подходить ко мне и разговаривать со мною; меня удивило его внимание, и я ему даже советовала не стесняться и не терять со мною время, но когда он, приехавши домой, рассказал нам о вопросах обо мне, тогда я ему высказала, что теперь я поняла, почему он был так внимателен ко мне,— он сконфузился и, конечно, отрицал мою догадку, но это было так, я знала это хорошо. Наташа даже заметила мне, что я все нападаю на Александра. В иных случаях мы с Александром сходились— живость характеров сближала нас, и он бывало любил со мною поострить над кем-нибудь из друзей-флегматиков. Он также понимал, что я с Наташей ближе сошлась, чем кто-нибудь, и всегда при ее горе или нездоровье он сейчас присылал за мною. Когда у них родился ребенок, то тотчас давали мне знать. О рождении Наташи Герцен написал, кажется, так: «Наталья Александровна 1-я, извещая о рождении Натальи Александровны 2-й, просит посетить ее, а 2-я просит принять ее в ваше милостивое расположение»,— или что-то вроде этого. Когда я приходила к ним и если все было благополучно, то находила Александра в самом веселом расположении, — он не мог посидеть на месте, беспрерывно вскакивал, острил надо всеми нами, даже над акушеркой,— потом задумывался и спрашивал акушерку: «А что, вы ручаетесь, что все хорошо? и Наташа ничего? а ребенок?» — Да я же говорила вам пять раз, что все хорошо, все...,— отвечала акушерка (это М-me Рихтер из Воспитательного дома. Славная была женщина). — «Ну, а в шестой-то раз уж вы и не хотите ответить?» — пошутит Александр и побежит к Наташе.— Да перестаньте бегать к ней,— закричит ему вслед акушерка,— ей нужен покой!— Ну он опять вбежит к нам и снова острит, шутит... Когда, бывало, войдешь к Наташе, первое ее слово: «Ну, что Александр? Он измучился, бедный...». — Да ничего, — скажешь ей, — он весел, все шутит. — «Вы не знаете его, Таня, это не спокойствие, он боится и за меня и за ребенка — он просто в ажитации, мне ужасно жаль его. Пошли его ко мне, пожалуйста!». —Да ведь акушерка не велела ему ходить к тебе, потому что тебе нужен покой...— «Ну я и буду покойна, когда поговорю с ним...». В эти моменты я была счастлива за Наташу, потому что такая глубокая вера в любовь своего мужа могла скоро восстановить ее силы и надолго.

Когда Герцены жили в Москве последние годы, то мои именины праздновались очень шумно. Ко мне собирался почти весь кружок мужчин и

дам на вечер. Пили чай, ужинали, при этом, конечно, много выпивалось вина, а шампанское всегда Герцен привозил с собою, бутылок пять-шесть и почти всегда уже ночью посылали на лошади за добавочным. В 1846 году Наташа не могла быть у меня на именинах — у нее родилась дочь Лиза[7]; она прислала мне коробочку с вещами из угля и надписала год и число. Эта коробочка и теперь у меня. Когда все собрались ко мне, то брат Сергей Иванович позвал меня в мою комнату и прибавил:«Да поскорее иди!».— *Я вошла и увидала на моем комоде стояли три портрета в рамках:* Герцена, Грановского и Корша, и перед каждым стояло по свечке.— Явились

ДЕТИ ГЕРЦЕНА: САША, ТАТА и КОЛЯ
Фотография с утраченного рисунка К. А. Горбунова, 1845 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

и оригиналы и кто-то из них сострил: «Вот вам наше благословение — трех святителей!».—Я была очень, очень рада такому подарку. — Эти портреты и теперь висят в моей комнате и живо напоминают мне то дорогое время, когда так хорошо жилось с верою в людей, в этих людей, казавшихся лучшими... Двух из них уже нет — мир им!..

Припоминая жизнь Герценых в Москве, начиная с 1842 по 1847 год (их отъезда за границу) и пропуская из нее разные неприятные столкновения и грустные события, общее составляет такое отрадное, приятное впечатление, что с радостью пережила бы всю эту жизнь, послушала бы умных речей Герцена, побывала бы на лекции милого Грановского,—посидела бы с Наташей и с любовью поглядела бы на ее милое, оживленное личико, послушать ее симпатичного голоска, ее умной, доброй речи, обняла бы ее, расцеловала... Тени лучших людей из ее кружка являются передо мною, как живые. Вот Грановский читает для Наташи, у нее в кабинете, лекции из средней истории (это было потому, что Наташа не могла ездить на публичные лекции Грановского — она была больна, а поэтому он и предложил ей читать на дому). И что это были за лекции! — Не стесняясь

публикой и неизбежной в публике цензурой, он читал так живо, так увлекательно, так интересно эти лекции, что, право, мне кажется, лучше этого уже никто не прочтет. Мы слушали его только четверо: Наташа, я, Марья Каспаровна, которая и записывала, и Марья Федоровна[8], которая по своей привычке льстить употребляла в настоящем случае мимические знаки, изъявляющие то восторг, то удивление и пр. и пр. Наташа вся превращалась в слух, — лицо ее горело, глаза блистали, а иногда даже в них светились слезы. По окончании лекции мы все благодарили Грановского. Наташа молча сжимала его руку и с горячей благодарностью глядела ему в глаза, и у Грановского всегда появлялись на глазах слезы и он спешил уйти. Это был нежный, впечатлительный человек, добрый, благородный, бескорыстный, очень умный, но только в чем можно было его упрекнуть, так это в лени и в пристрастии к картам. Он мог играть по целым ночам, не вставая и ни о чем больше не думая, ничего уже не понимая, — эта страсть в нем развилась с удвоенной силой, когда уехали Герцены за границу. Для него уже не было научного освежающего элемента, не было живого интереса в жизни, или, если он и был, то ему не с кем было делить его — с ним не было ни Александра, ни Ника, и он бросился в картеж, чтобы забыться и забыть всё...

И на солнце есть пятна, однако оно животворно действует, таков был и Грановский. Встречая у Герценых Ивана Павловича Галахова, хотя и не часто, но я не могу забыть его. Что это за милый, простой, деликатный в высшей степени человек! Как он умел метко обрисовать кого-нибудь, но без желчи, без желания повредить человеку. Странно, он держался как будто в стороне, как будто дичился людей, а между тем приятно было его видеть и слышать, и кто видал его хотя немного, вероятно, вынес о нем самое приятное впечатление. Еще лицо — это профессор Крюков; серьезный, как будто сосредоточенный только на науке, но в обществе очень милый и симпатичный человек. Как теперь помню, раз как-то Герцены позвали всех на жженку. Приготовили в зале серебряную вазу, зажгли в ней спирт и для эффекта загасили огонь в зале. Крюков взялся варить жженку; все мы, мужчины и женщины, уселись кругом по стенам, а Крюков посередине, один, с голой головой (у него не было волос на середине головы), освещенный синим огнем, с серьезной физиономией, с серебряным ковшом в руке, которым помешивал жженку, казался каким-то прорицателем. Странно было, что мы все молчали и глядели на Крюкова... Я сидела возле Наташи, и она заметила мне вполголоса: «Мне кажется, не жилец на свете Крюков — что-то в нем отражается не земное, не наше!». И скоро сбылись ее слова на нем. Видела я и противоположные этим личности, т. е. по впечатлению; это Тургенев, который на все и всех смотрел как-то свысока и всей своей фигурой говорил: ведь я Тургенев! Видела графа Соллогуба, но вскользь, так как он все время сидел и ужинал в кабинете Александра. Но все-таки он показался мне довольно простым малым. Многие из знакомых Герценых почти не остались у меня в памяти и потому я ничего не могу сказать о них. Перед отъездом за границу, когда уже Герцены решились непременно ехать и заявили это серьезно, то как будто все встрепенулись, все почувствовали, что с отъездом их изменится и общая жизнь кружка. Даже Кетчер, все дувшийся на Наташу за Серафиму[9], и он стал помягче и повнимательнее к ним.

В конце 1846 года заболела маленькая Лиза, ее лечил Альфонский; как всегда он утешал и ободрял Наташу, что у Лизы режутся зубки, что это бывает с детьми, что она встанет и пр. и пр. Но под конец он сказал и Кетчеру, и Александру, что надежды нет, но от Наташи это скрывали. За день до кончины Лизы я пришла к ним. Наташа сидела возле ребенка (больного), бледная, измученная, и опухшими красными глазами смотрела на Лизу: — «Не глупо ли это, Таня,— заговорила она,— за что страдает

бедный ребенок? Или так надо?..». — Я молчала. — «Да что же ты молчишь, Таня?.. Глупо ведь это, да?..». — Потом, помолчавши, пожала мне руку и сказала: «Видишь, как поглупела я за эти дни? Тяжело, очень тяжело мне и нет поддержки... А доктор и Александр, он утешает меня как ребенка, точно я не вижу, что Лиза уже не наша...». — Когда я стала уходить домой, она мне сказала: «Приходи *непременно* завтра, ты мне будешь нужна, да, нужна — приходи же!». — На другой день Александр прислал записку о смерти Лизы. Я побежала к Наташе. Она сидела возле умершей; когда я подошла, она мне сказала: «Видишь, я была права,— ты мне теперь нужна». Обозначилось, что ей непременно хотелось, чтобы я собственноручно сшила вуаль или саван для Лизы,— сама, конечно, она уже не могла это делать, но ей хотелось, чтобы близкий человек одел Лизу, что я и исполнила. Все время Наташа была тверда, почти не плакала, просила не ухаживать за нею, говоря, что она ведь в памяти. Я боялась за нее; она была бледна и холодна и смотрела как статуя, но ходила твердо, избегала разговора. В церкви стояла у гроба и не отрывала глаз от ребенка, простилась с ней, расцеловала ее всю, перекрестила и отвернулась. Когда вынесли гроб, она просила Александра взять его с собою в карету, что, конечно, он и исполнил. В карете они были только вдвоем и держали Лизу на руках. Ее похоронили в Девичьем монастыре, возле Вани (родившегося в Москве в 1842 году и жившего всего 48 часов). Я иногда посещала их могилки; на них поставил Александр две колонки из черного мрамора, могилки их находятся сзади холодного собора. На похороны съехались почти все друзья, я ехала в монастырь с Сатиным. Возвратись из монастыря и напившись чаю, все поспешили разъехаться. Наташа просила Александра тоже поехать куда-нибудь и мне предложила ехать с ним вместе, чтобы вздохнуть свежим воздухом, как выразилась она, и что ей хочется остаться одной с остальными детьми. Мы исполнили ее желание и поехали в санях Редкина, который уселся с кучером, и решили ехать к Коршам, где тогда жила сестра Корша, Крылова. Редкин, как известный волокита и влюбчивый человек, тотчас заговорил с Герценом о красоте Крыловой и о том, как бы он был счастлив, если бы ему удалось *завладеть* этой женщиной; я сидела закутавшись и старалась не обращать внимания на болтовню Редкина, но меня бесило то, что Александр вторил ему и говорил разные глупости. Я не могла понять, как он мог слушать и говорить о каком бы то ни было вздоре с Редкиным, когда только что похоронил повидимому любимого им ребенка и оставил жену в полном отчаянии и глубоком горе, хотя она и старалась скрывать это, но он не мог же не знать ее и не сочувствовать ей. Вот какой был увлекательный человек Александр!— Часа через три мы возвращались к Наташе,— она вышла к нам навстречу, пожала обоим руки своими холодными руками и сказала: «Спасибо, друзья, что приехали — страшная тоска так и душит... дети уснули... и как холодно, холодно...».—Александр растерялся: он начал (как всегда) приставать к ней, не захворала ли она? Не простудилась ли? Не лечь ли ей лучше в постель и т. д. — «Полно, Александр! Я не больна, а ведь у меня дети-то не все... Лизы нет... Впрочем, я лягу, а вы посидите около меня, ведь можете?..». Мы согласились, она ушла в спальную и легла, мы с Александром сели около нее и начали перебалтывать о разном вздоре; сначала Наташа слушала, даже спрашивала, кого мы видели у Коршей и проч. ... Потом вдруг замолчала и, обратясь к нам, сказала: «А как Лизе-то холодно теперь! (ее хоронили зимой) — и мне холодно без нее»,— да вдруг и зарыдала,— мы перепугались с Александром, но эти слезы были благодеянием, они облегчили наболевшее сердце ее...

Долго еще бедная Наташа горевала о своей маленькой девочке, сборы за границу несколько поневоле ее заставили как будто позабыть о своей потере,— ей предстояло много хлопот, чтобы обдумать, что взять с собою,

что оставить здесь, в Москве, до приезда своего назад, что они раздали всем нам на память. Такая большая семья, как ее, требовала многого. Они ехали с мужем, при них трое детей, из которых старшему Саше было всего семь лет, потом Коля лет четырех и Тата трех; при ней до границы была взята ее кормилица Татьяна — живая, здоровая особа, а с границы уже Тата переходила на попечение Марьи Федоровны Корш. Сборы длились что-то долго — ждали билета, устраивали дорожные возки и приготовляли всякие дорожные принадлежности*. Когда у них все было уложено, то они уже ездили по знакомым на прощальные вечера, куда и я сопровождала их. Отрадно было видеть, что всякая вражда между друзьями смолкла,— все наперерыв старались выказать свою дружбу, любовь, внимание к отъезжающим. Тостам не было конца, пожеланиям, рукопожатиям, даже объятиям и поцелуям тоже. Как-то было шумно, но невесело. У меня постоянно щемило сердце; не знаю, предчувствие ли разлуки *навсегда*, или вообще, потому что я искренно, глубоко любила Наташу и мне было *холодно* оставаться без нее. Конечно, она не могла чувствовать так глубоко разлуки со мною,— у нее были муж и дети, для которых она посвящала всю свою жизнь,— все, что она ни делала, о чем думала, толковала,— все это делалось для них, для ее неоцененных крошек. Ей хотелось учиться, умнеть (как она выражалась) все для них, чтобы не отстать от них, чтобы быть им другом в полном смысле этого слова. Ей хотелось жить, жить до тех пор, пока ее дети начнут жить самостоятельно, когда им уже не нужна будет ничья опора... и не дожила она, бедная, до этого, ее прекрасная жизнь угасла в самый момент, когда она именно *нужна* была своим детям более нежели когда-нибудь. Кто виноват в ее преждевременной смерти? — *всё*; события, обстоятельства, люди, люди, не понимавшие ее, и даже ее муж! — Всё соединилось, чтобы сгубить эту высоко благородную, честную и полезную жизнь, эту самоотверженную, прекрасную личность, с благородной, открытой душой, с нежным, любящим сердцем, в ней не было лжи ни на иоту. Искренняя, правдивая, она не умела льстить, и ее отношения к друзьям были самые чистые; если она делала замечания кому, то это не была грубость; это истекало из глубокого уважения к той личности, которой она их делала,— так я понимала ее, и она за это любила меня горячо. Случалось, когда мы вдвоем сиживали в сумерки в ее кабинете, то часто удивлялись, почему не хотят люди понять нас и все ищут в наших словах то самолюбия, то лицемерия, тогда как, положа руку на сердце, мы можем сказать, что ни того, ни другого нет в наших отношениях к друзьям. О себе я не говорю; все думают, что *я обманула их* своей искренностию, а я убеждена, что я-то глубоко ошиблась в них,— да у меня вообще недоверчивый характер — случалось мне быстро увлекаться, но, по первому подозрительному факту, я уже теряла всякую веру; Наташа была в этом случае снисходительнее меня— она была и добрее и развитее меня, она многое прощала людям, почти все, зато они *ей ничего не простили и закидали ее* (исподтишка) *грязью*...

Расставшись, мы с нею обе зажили различно, хотя одинаково увлекались, ошибались, обманывались... Для меня все это было только наукой, и я закалилась в совершенном равнодушии к людям, к их мнениям обо мне и даже к самой жизни. Она, бедная, нежная, более доверчивая, сломилась... Мир ей! и вечная, незабвенная память...

Наташа совсем изнемогла от сборов; кроме укладывания, суеты, еще нравственные впечатления прощанья с друзьями, в которых она снова поверила,— поверила их любви, дружбе... она рвалась наконец поскорее выехать. Назначен был день (незабвенный для меня: 20 генваря). День

---

* *На полях карандашом рукою Астраковой:* Тогда ведь еще не было железной дороги в Москве никакой.

ДОМ ГАГАРИНОЙ В МАЛОМ ВЛАСЬЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 10). ЗДЕСЬ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ НОВГОРОДСКОЙ ССЫЛКИ В 1842 г. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Фотография, 1940-е гг.

Литературный музей, Москва

ДОМ И. А. ЯКОВЛЕВА В СИВЦЕВОМ-ВРАЖКЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 27). ЗДЕСЬ В 1843—1846 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Вид со двора

Фотография, 1956 г.

Литературный музей, Москва

разлуки и разлуки — вечной! — Так как в доме Герценых уже был разгром (кроме детской, где все оставалось попрежнему), то Александр постоянно уезжал к кому-нибудь из кружка провести последние часы *, а я с Наташей большей частью оставались дома, укладываясь и припоминая, что нужно ей взять на дорогу и пр.

Мне приходилось проводить томительные часы с глазу на глаз с Наташей. О чем было говорить? у обеих лежала тяжелая дума на сердце, такая тяжелая, что, право, это чувство было похоже на пытку, придуманную кем-нибудь из злейших наших врагов; но, несмотря на это, мы старались взаимно ободрять друг друга то словом, то улыбкой, то гаданием о той радостной встрече, когда *она* возвратится...

Накануне отъезда**, т. е. 19-го генваря 1847 года [10], вечером, все съехались к Грановскому; мы с Наташей после всех, так как она непременно хотела уложить сама детей и удостовериться, что они покойно заснули. Приехавши к Грановским, мы нашли всех уже в сборе: Корши, Кавелины, Н. А. Мельгунов, В. П. Боткин, П. Г. Редкин, Кетчер с Серафимой, Щепкин Мих. Сем., мой брат Сергей Ив. (может быть, кто и еще был, но память изменяет мне). Странный это был вечер! Сначала так тихо, тихо было; дамы сидели как-то отдельно, кучками, и тихо, печально разговаривали, мужчины ходили взад и вперед по комнатам, то парами, то сходились вместе, перебрасываясь незначительными фразами,— всем было как-то не по себе, точно съехались на похороны и ждут *выноса*... Некоторые старались острить, шутили, но все это замирало, и снова все впадало в какое-то раздумье. Напились чаю, и Наташа попросила меня съездить посмотреть на детей (самое ее не пустили, так как она уже очень была утомлена). Когда я вошла в дом, меня охватило какой-то пустотой,— у меня сердце заныло от предчувствия чего-то страшного, я испугалась и побежала в детскую, но, слава богу!— дети все трое спали спокойно, кормилица Таты, Татьяна, что-то укладывала, так как она провожала свою Тату до границы, а Вера Артамоновна тоже бодрствовала и велела успокоить Наташу, что она ни на минуту не уснет, пока мы не возвратимся домой. Выходя из дому, я встретила на лестнице Константина Сергеевича Аксакова, который приехал было проститься с Герценьми. По просьбе Луизы Ивановны, я зашла и в ее дом, где застала Прасковью Андреевну Эрн (мать Марии Каспаровны) расхаживающею по комнатам в очень невеселом расположении духа. Наконец я поторопилась возвратиться к Грановским. Мне было досадно на себя, но я не могла удержать слез во всю дорогу, так что, приехавши, я боялась сразу показаться Наташе, — умылась и, притворяясь улыбающейся, рассказала ей все подробно***.

Когда поужинали, начали пить шампанское, и первые тосты по очереди пили за здоровье отъезжающих; сделалось шумно, очень шумно, но невесело... В. П. Боткин несколько раз пел Pantarilla****, Мельгунов ему аккомпанировал, все смеялись — но весело не было!!. Чем позднее становилось, чем ближе была разлука, тем больше лилось вино, тем сильнее становился шум, но странно: все много пили, даже дамы должны были пить, а между тем нельзя было сказать ни про кого, что «*он пил много*» — все были трезвы; так нравственное *я* пересиливает вечное физическое явление — здесь горе разлуки действовало отрезвляюще. Наконец Наташа первая встала, взяла бокал (она не могла пить вина) с шампанским и сказала: «Друзья!

---

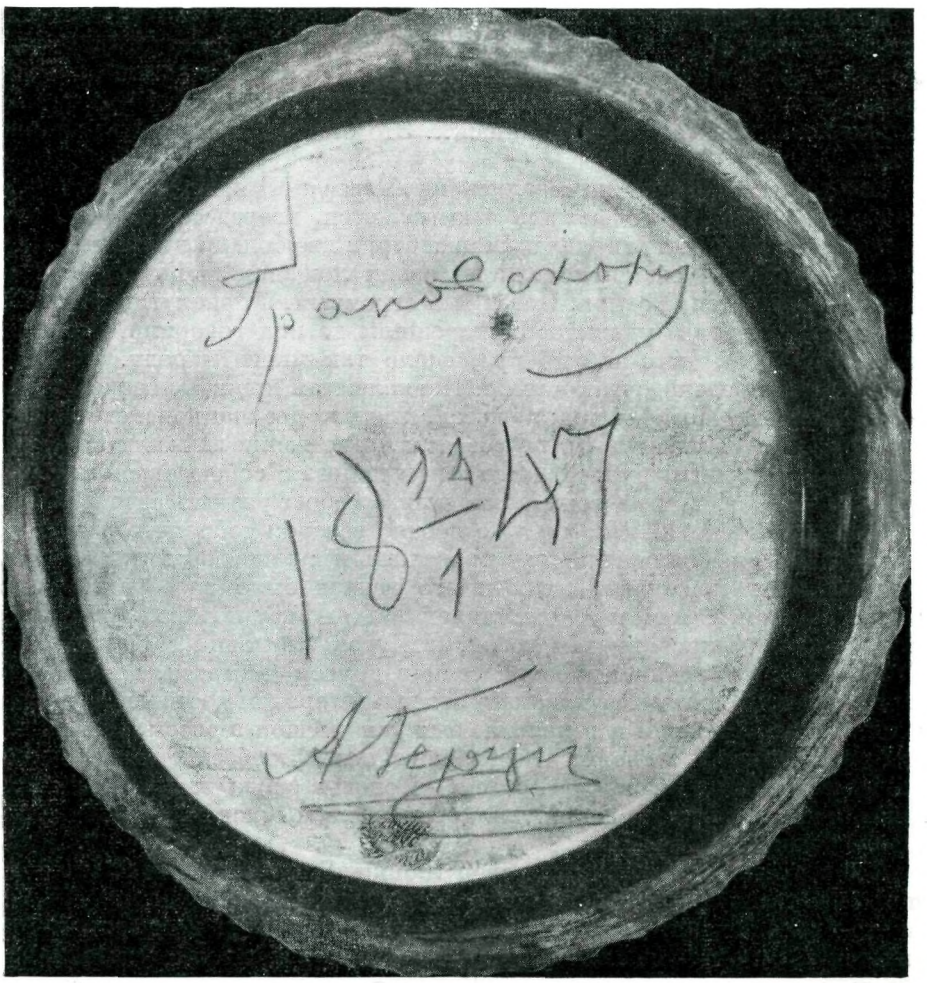
* *На полях приписка рукой Астраковой:* Он такой был баловень, что не мог примириться даже с минутным неудобством.

** Отъезжающие: Александр, Наташа, Луиза Ивановна, Мария Каспаровна и Мария Федоровна Корш.— *Примеч. Астраковой.*

*** *Далее зачеркнуто:* чем она была очень довольна

**** Впоследствии в шутку так его и прозвали: «Пантарилья».— *Примеч. Астраковой.*

Пью в благодарность за вашу дружбу и дай бог, чтобы мы увиделись снова так же горячо любящими друг друга, как расстаемся. Прощайте! Пора!..». Все руки протянулись к ней с своими бокалами и все дружно кричали: «До свидания! До радостного, скорого свидания!..». Мы с Наташей уехали прежде всех: ей хотелось поскорее взглянуть на детей и лечь. Ведь завтра еще волнение — прощание, слезы...



ПАМЯТНАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА Т. Н. ГРАНОВСКОМУ, СДЕЛАННАЯ В ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР 18 ЯНВАРЯ 1847 г.

Выцарапана на нижней стороне подставки для бутылки
Частное собрание, Москва

Согласились все провожать Герценых до *Черной Грязи*, и поручили моему брату Серг. Ив. нанять (кажется) не то десять, не то пятнадцать троек, — когда он пришел в Дорогомилову слободу и стал нанимать, то ямщики диву дались и, похлопывая руками, говорили: «Вот так проводы! Да так только царей провожают...».

19 генваря[11] я встала с тяжелой головой, потому что почти не спала всю ночь, — на душе было так тяжело, что, право, едва могла дышать. Как ни толкуй, а есть в человеческой натуре что-то такое, чего еще нам

не умеет объяснить наука и что, вероятно, со временем легко объяснится — «ящик просто открывался!». Я говорю о предчувствии — мне кажется, мое внутреннее я мне тогда же сказало, что мы расстаемся навсегда!..

Вероятно, многим знакомы те последние мгновения, которые проводят отъезжающие и провожающие вместе. Отрывистые фразы, пустые вопросы: взяли ли *то*, не забыли ли *это*? —иногда пожатья руки, короткие слова счастливых пожеланий...

Наконец, заскрипели полозья, возки поданы*, некоторые тройки тоже. Все собрались в кучку в зале. Наташа попросила присутствующих, по русскому обычаю, всех сесть. Кто-то сказал: «Пора», все встали, невольно перекрестился каждый, и начались прощания... Пора! пора! — и все буквально побежали садиться в экипаж... Это было, должно быть, уже часа в три.

Что-то очень скоро примчались на Черную Грязь, где в гостинице уже было все приготовлено для чаю (кажется, вперед со всей провизией для чаю и ужина был отправлен Зонненберг); две большие комнаты заняли мы; кроме троек, еще приехали на своих лошадях Мельгунов с женой, Редкин и, кажется, Боткин. Поезд был огромный, и прислуга в гостинице, так, как и ямщики, удивилась; старожилы из них говорили, что они не запомнят, чтобы кого-нибудь провожало так много народу. Все время в гостинице провели очень шумно. Изъявлениям дружбы, вечной преданности и любви не было конца; кажется, дюжины две шампанского было выпито и еще послали куда-то по соседству, где взяли за каждую бутылку вместо трех по пяти рублей. Мельгунов привез с собою огромный страсбургский пирог, другие тоже захватили с собою разных разностей, чего я уже и не помню**. Что-то уже поздно вечером собрались в путь Герцены, и все высыпали на дорогу провожать их; такой был шум от общего крика всяких пожеланий, что ничего нельзя было разобрать. Наташа с Александром, Сашей и с кормилицей Татьяной, у которой на руках заснула Тата, уселись в один возок, а Луиза Ивановна с Колей, Марья Каспаровна и Марья Федоровна сели в другой (кажется, так); Зонненберг, как провожатый, в каком-то зеленом егерском костюме, чуть ли не с кинжалом за поясом и в папахе, был так смешон в своем необыкновенном безобразии и с своими необыкновенными любезностями с дамами. Он поместился на козлах.—С богом!—Полозья снова заскрипели, возки покатились, и скоро по дороге, покрытой белым снегом, они замелькали неопределенными точками.

Все засуетились, отыскивая свои тройки. Грановский, совсем охмелевший, не хотел садиться на свои сани; Кавелина положили уже, хотя он что-то все болтал, и наконец с ним случилось то, что называется «Фридрих-вон!». Он с женою ехал вместе с нами, — брат сидел с ямщиком к нам лицом, а мы втроем в заду саней, Кавелин, разумеется, с краю, свесивши голову на дорогу, иначе нам бы от него пришлось плохо. Говорили, что и с другими дорогою много было проказ — шампанское сказалось...

Дорогой нам пришлось расхохотаться, уже подъезжая почти к Москве и когда Кавелин немного отрезвился. Надо заметить, что мой брат Сергей Иванович никогда ничего не пил из спиртных напитков и ему они были даже противны, но при проводах Герцена, когда все налили последние бокалы, он тоже налил себе буквально один глоток шампанского и выпил за здоровье отъезжающих, что возбудило общий восторг, за что Герцен обнял

---

* *На полях приписка рукой Астраковой:* Возки Александр заказывал сам более удобные для дороги с детьми.

** Еще прежде мы все обменялись с Герценым разными вещами на память. Наташа всем дала по браслетке, сделанной из ее золотой цепочки. Я нечаянно потеряла эту браслетку и как ребенок плакала об ней. И странно, одновременно и Наташа потеряла мой подарок — лорнетку.— *Примеч. Астраковой.*

и расцеловал брата и даже Наташа поцеловала его в лоб. Когда же мы ехали уже домой, то брат вдруг заговорил: «Знаете что, господа, — ведь я пьян!». — Мы с женой Кавелина расхохотались, а Кавелин разразился ругательством: «Еще ты смеешь говорить, негодяй, что ты пьян! а! выпил с наперсток да и хвастает, что он пьян!!». В самом деле было смешно, и мы разъехались по домам не переставая смеяться над трезвым пьяницей [12].

Итак, Герценых уже нет в Москве! Чувство, которое охватило меня при этой мысли, мудрено описать. Мне казалось, что с отъездом Наташи все для меня умерло — интересов не осталось никаких. Жизнь интересна тогда, когда ее можно делить с кем-нибудь во всех ее проявлениях, а у

ПОДМОСКОВНАЯ ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ

Здесь 19 января 1847 г. происходили проводы, устроенные московскими друзьями Герцену, уезжавшему за границу

Фотография, 1930-е гг.

Литературный музей, Москва

меня не оставалось никого, кто бы мог заменить мне ее. В первое время отъезда я как будто поверила и тому, что и оставшимся *друзьям Герценых* тоже нехорошо живется без них. Кажется, первый Грановский вызвал всех на то, чтобы съезжаться по очереди друг у друга, в память Герценых; и действительно, до самой весны не прекращались эти съезды: мы бывали друг у друга, толковали об отсутствующих, первый бокал пили за них, и потом, когда кто получал от них письмо, то обязан был или тотчас извещать всех о нем или даже передавать друг другу. В мужском кружке воспоминание о Герценых было очень горячо, и мне тогда казалось оно совершенно искренно. Впоследствии я убедилась, что искренность была на стороне *немногих*, но в кружке дам вовсе не было ничего сочувственного; они очень равнодушно отнеслись к отъезду друзей, и если при случае и выражали свою будто грусть по них, то это было, видимо, напускное, вовсе неискреннее. Я уже говорила прежде, что дамы не очень любили Наташу, и раз как-то Грановский, в порыве дружеского разговора с Наташей, сказал ей даже о близкой ему личности: «*Она* вас не любит, потому что завидует вам, но я уверен, что, узнавши вас ближе, она будет вся ваша».

Но этого не случилось, потому что в кружке было всегда третье лицо [М. Ф.], которая мешала всем сближаться, кто только был настолько слаб, что верил ее лицемерной дружбе. Ник как-то сказал об ней уже позднее: «*Эта личность — хорошая двуличневая материя!*»[13] Да, и эта *материя*, быть может, была первоначальною причиной последующих несчастий бедной Наташи. По ее же сообщениям, здесь быстро отрекся весь кружок дам от Наташи и заговорил с таким злорадством о ее жизни (будто бы дурной) за границей, что я решилась покончить все отношения с этим кружком, так как он сделался для меня невыносимо противным. Странно было вот что: когда не стало Александра в кружке мужчин, то ими овладели мало-помалу самые мелкие дрязги и сплетни, чего при нем никогда не было; я помню хорошо, что в беседах кружка никогда не было ни одной злостной сплетни; были шутки, остроты, но это не было направлено с предположенной целью повредить какой бы то ни было личности. Личность Александра как бы ограждала всех от влияния мелочных дрязгов, — если что и прорывалось, то он всегда умел это обратить в шутку и показать вид, что это и не могло быть иначе, как не достойное внимания дело, или обращал данный вопрос в научную форму, и тогда начинались философские прения.

Еще при жизни Герценых здесь, на даче, в дамском кружке начали замолаживать *переплеты* <?> по инициативе той же двуличневой материи, но тогда личность Наташи, не любившей подобных дрязгов, мешала развиться им в больших размерах.

Еще в 1847 году, пока интересовались письмами Герценых, я не замечала перемены в кружке и только ждала писем и писем, и слушала об них, и читала их с жадностию. Первое письмо я получила от Наташи из Новгорода (не помню, через кого). — Вот оно:

«*Новгород*, 23 января. Приехали сюда в 8-м часу утра, уезжаем вечером. Ну вот, Таня, с твоей легкой руки мы и едем, едем...* Все здоровы, веселы, дети ведут себя как нельзя лучше. Два раза ночевали на дороге; было 26 гр. морозу. А как выехали, я думала не переживу этих суток — такая жестокая головная боль была и тошнота; ну да теперь все в порядке, так и не нужно хныкать. — Ну что ты, Таня? Скучно тебе, пусто, я это знаю, потому что тебя знаю и себя знаю... Благодарю тебя, Таня, за все, за все, за все!.. Сергею Ивановичу жму дружески руку, Владимиру Ив. кланяюсь. Саша тебя целует, а большой поехал с визитами. Обнимаю тебя!.. так и звучит в ушах, как мы двинулись с места: „Прощайте, прощайте!“ — а жаркий был вечер, Таня, и на том свете не забудешь. Кланяйся нашим, кого увидишь. Еще и еще раз обнимаю». — Следует приписка Марии Каспаровны и потом от Марии Федоровны.

В отъезд Герценых мы все расстались как будто самыми близкими друзьями и с отъезжающими, Эрн и Корш, и с остающимися здесь. Но это была ложь, которой, кажется, долго никто не замечал из нас, а мне и не дорого было, — передо мною стояла одна дорогая мне личность — Наташа, а другие, при всей кажущейся ко мне дружбе, для меня были чужие. Видно, сердце чуяло. Записку Наташи я перечитывала по десяти раз на день и радовалась, что у нее все идет хорошо. В ожидании других известий я перечитывала московские записки, которых у меня было много, и я, читая их, точно беседовала с Наташей и Александром. У нас с Наташей, собственно, никогда не было размолвок, разве иногда она напишет мне: „Видно, ты разлюбила меня, Таня! Бог с тобой! Я больна, а ты и не навестишь меня... Бог с тобой!“. — Случалось, что и мне нездоровилось в это время, но я все-таки бежала к ней, чтобы успокоить ее, а она бранила меня, зачем я не написала ей о своей болезни и зачем не поберегла себя и пр. и пр.

С Александром мы переписывались изредка — или он напишет что

* Вероятно, Наташа понимала это так, что я ей помогала укладываться и проч.— *Примеч. Астраковой.*

по поручению Наташи,[1] или о том, что у них вот в ночь родился ребенок, и звал меня, или иногда мы с ним перебранивались. Не помню я, по какому случаю, я высказалась против него в том отношении, что я для него вовсе чужая, что он даже не замечает меня и проч. На это я получила от него интересное письмо, которое стоит передать целиком, так как Александр уже не притворялся в нем, и его взгляд и характер обрисовался в нем с известной стороны довольно верно. Вот это письмо: ноября 5-е 1846 году, с припиской Наташи, которая тоже некоторым образом интересна для его характеристики...*

[1] Текст, которым начинается сохранившаяся часть воспоминаний Астраковой, является непосредственным продолжением рассказа Н. А. Герцен («Наташи») о «случае, бывшем у них в Соколове» (см. П а с с е к, т. II, стр. 332).

[2] Марии Федоровны Корш. В рукописи ее имя зачеркнуто и рукой Пассек карандашом вписано: «одной личности из их круга...»

[3] Астракова имеет в виду свои письма к Н. А. Герцен (Тате); отрывок одного из этих писем, от 20 июня 1874 г., сохранился в копии, находящейся в ЦГАЛИ: «...А знаешь, Тата, мне очень не понравилась в твоем письме фраза: „Об увлечениях лучше ничего не говорить, чтобы поняли, до какой степени она оставалась *чиста и достойна своего мужа*, несмотря на" и пр.

В твоих словах светится, как будто Наташа в самом деле была виновата перед мужем,— ну, это дело не так! Ведь ты не знала хорошо свою мать и ее жизнь, а знала отца, а потому можешь впадать в ошибки. Нет, скорее можно спросить — достоин ли был ее муж такой чистой, восторженной, полной любви, которую имела к нему жена Сколько раз он оскорблял ее в жизни своею ветренностью! Сколько раз ей приходилось смотреть сквозь пальцы на его беспрестанные увлечения! Сколько раз она хворала от этого нервным расстройством и сколько раз, вместо раскаяния, он упрекал ее в малодушии. За любовь-то!.. Я ведь не различаю мужчину с женщиной относительно поведения (да и всего): что ставится в вину женщине, того же я не прошу мужчине, и ему менее простительно, нежели женщине даже, он свободнее в выборе и в жизни... Нет и нет, Наташа никогда не могла быть виновата, ее силой заставили сделать ошибку, она, как горячая натура, не выдержала натиска ложного оскорбления и увлеклась мщением... Да, мщением! — в этом случае оно, возможно, и простительно. Если бы я написала ее историю, то уж, конечно, она бы вышла у меня святая личность, а все окружающие — преступники! Ну, мир им».

Этот отрывок и своим общим тоном, и даже лишенным всякого основания объяснением причин семейной драмы Герцена, верно отражает пронесенное Астраковой через всю жизнь преклонение перед личностью Н. А. Герцен.

Из копии отрывка другого письма от 7 июля 1875 г. мы узнаем, что с этим и с предыдущим письмом Астракова переслала Тате письма и «все московские записочки» Н. А. Герцен: «Еще посылаю тебе отдельно от всего листки, писанные твоей матерью только для меня <...>. Эти листки я доверяю только тебе одной, никому больше! Ты храни их как святыню или сожги... лучше, чем кто в них заглянет!..».

Публикацию писем Герцена к Астраковым, подлинники которых хранятся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (США), см. в следующем, 64, томе «Лит. наследства».

[4] См. публикацию одного из этих писем в настоящем томе, стр. 379—380.

[5] Об отношениях, сложившихся в 1846 г. между Герценом и его друзьями в Москве, см. публикацию писем Т. Н. Грановского к Герцену («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 86—104).

[6] Каролина Карловна Павлова, поэтесса.

[7] Дочь Герцена Лиза родилась 30 декабря 1845 г., умерла 27 ноября 1846 г. (XXI, 578).

[8] М. К. Рейхель, касаясь этого эпизода, называет в числе слушательниц Грановского, кроме Н. А. Герцен, только М. Ф. Корш и себя (М. К. Р е й х е л ь. Отрывки из воспоминаний и письма к ней А. И. Герцена. М., 1909, стр. 40). Очевидно, имя Астраковой пропущено ею по забывчивости.

[9] О Серафиме Кетчер см. в настоящем томе, стр. 386—391.

[10] Неточно: прощальный вечер состоялся 18 января (V, 5).

[11] В автографе описка: «14 генваря».

[12] У Лемке названы провожавшие Герценов до Черной Грязи: Грановские, Корши, Мельгуновы, М. С. Щепкин, Ю. Б. Мюльгаузен, Кетчер с женой, Редкин, Кавелин, Засядко и Егор Иванович (V, 6). Публикуемые воспоминания дают возможность дополнить этот перечень именами С. И. и Т. А. Астраковых и В. П. Боткина.

[13] *Двуличневая материя* — ткань, в которой уток и основа разного цвета, что создает впечатление изменчивости, непостоянства ее окраски.

* На этом текст воспоминаний обрывается.— *Ред.*

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО О ГЕРЦЕНЕ

Публикация Б. П. Козьмина

Автор печатаемого ниже отрывка из воспоминаний о Герцене Николай Андреевич *Белоголовый* (1834—1895), выдающийся врач-терапевт, публицист и мемуарист.

Первая встреча Белоголового с Герценом произошла в 1861 г. Ей предшествовало эпизодическое сотрудничество его в герценовских изданиях. Еще в 1859 г. на страницах второго номера особого приложения к «Колоколу», выходившего под названием «Под суд!», появилась статья Белоголового, посвященная дуэли между двумя чиновниками особых поручений при восточносибирском генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве-Амурском — Беклемишевым и Неклюдовым. Дуэль эта, закончившаяся смертью Неклюдова, вызвала большое возбуждение в Иркутске (см. об этом подробно на стр. 228 настоящего тома). Белоголовый в своей статье подробно описал эту историю. Разоблачения Белоголового были весьма неприятны Муравьеву, и он добился через М. А. Бакунина, своего родственника, опубликования в «Колоколе» опровержения статьи Белоголового. *Это и послужило причиной поездки в* 1861 г. Белоголового в Лондон. Он хотел убедить Герцена в своей правоте и для этой цели собрал много материалов, рисующих Муравьева в крайне неблагоприятном свете. Узнав, что Герцен уехал из Лондона в Париж, Белоголовый направился туда же. Привезенные им материалы убедили Герцена в его правоте. Тем не менее печатать ответ Белоголового на статью, присланную Бакуниным, Герцен отказался. «...Хотя рассказ ваш,— сказал Герцен,— заставляет тускнеть образ героя Бакунина, но вы поймете сами, что печатать мне теперь какое-нибудь разоблачение против него, когда он в ссылке и не может ничего сказать в защиту своих поступков, было бы с моей стороны более чем непростительно. Правда — мне мать, но и Бакунин — мне Бакунин»,— заключил Герцен (Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901, стр. 537).

Воспользовавшись своим свиданием с Герценом, Белоголовый передал ему еще кое-какие документы, характеризующие сибирскую администрацию (там же, стр. 538).

Статья о дуэли Беклемишева с Неклюдовым была не единственным выступлением Белоголового в изданиях Герцена. Из воспоминаний Белоголового о декабристе Поджио мы узнаем, что Белоголовый обращался к издателю «Колокола» по делу, касавшемуся Поджио. Племянники декабриста отказались вернуть ему его имущество, находившееся в их руках, и Белоголовый без ведома Поджио, но с согласия его жены, написал об этом Герцену. Письмо Белоголового было напечатано в л. 103 «Колокола» от 15 августа 1860 г. (в отделе «Смесь»). Смущенные публикацией «Колокола» племянники Поджио вернули ему удержанное имущество, о чем Герцен сообщил в л. 135 «Колокола», очевидно также на основании информации, полученной от Белоголового (там же, стр. 105—106).

На этом, насколько известно, сотрудничество Белоголового в изданиях Герцена прекратилось. Встречались же они друг с другом еще два раза.

В 1865 г. Белоголовый посетил Герцена в Женеве, куда издатель «Колокола» переселился в том же году из Лондона. Третья встреча Белоголового с Герценом состоялась в Париже в 1868 г. (а не в 1869 г., как пишет Белоголовый в своих воспоминаниях).

Публикуемый ниже отрывок из воспоминаний Белоголового, зачеркнутый в рукописи, повидимому, самим автором, целиком посвящен взаимоотношениям Герцена и «молодой эмиграции». Этот вопрос Белоголовый затронул в своих воспоминаниях о Поджио, который в шестидесятых годах жил в Женеве и встречался с Герценом. Либеральные политические взгляды Белоголового не могли не отразиться на его отношении к Герцену и к «молодой эмиграции». Герцена Белоголовый характеризует как человека, будто бы «уже терявшего реальную почву под ногами, вследствие двадцатилетнего отсутствия из России, и потому неясно разбиравшегося в том гигантском бро-

жении умов, какое внесло на родине первое десятилетие нового царствования». Что же касается «молодой эмиграции», то, по мнению Белоголового, «состоя из незрелых юношей и недоучившихся студентов,[1] она не имела определенных политических взглядов, и вся программа ее сводилась на огульное отрицание всего прошлого России <...> а в настоящем — на полное уничтожение всякого государственного и общественного строя...» (там же, стр. 116). Конечно, такой взгляд на Герцена и представителей «молодой эмиграции» мешал Белоголовому дать правильное истолкование их взаимоотношений.

Либеральные установки Белоголового отразились и на публикуемом ниже отрывке из его воспоминаний. Вопреки исторической истине, он причисляет здесь Герцена «к той передовой партии идеалистов на философской подкладке немецкой школы, за которыми усвоено теперь название людей 40-х годов...». Белоголовый игнорирует тот общеизвестный факт, что еще в сороковых годах между Герценом и «идеалистами на философской подкладке немецкой школы» произошел разрыв, явившийся результатом материалистической позиции, занятой Герценом.

Неправильная трактовка Герцена, тем не менее, не лишает публикуемый отрывок интереса с точки зрения выяснения внутриэмигрантских взаимоотношений в середине шестидесятых годов. В частности, значительный интерес представляет упоминаемое Белоголовым вторжение русских эмигрантов ночью в дом Герцена для выяснения, не скрывается ли у него их товарищ — А. А. Серно-Соловьевич, которого они намеревались, вследствие обнаружившейся у него душевной болезни, отправить в психиатрическую лечебницу и который, узнав об этом, скрылся от них. Герцен, видимо, был крайне возмущен их бестактностью. Это объясняет нам его враждебные отзывы о ближайшем друге Серно-Соловьевича, А. А. Черкесове. До сих пор оставалось неизвестно, о каком возмутившем его эпизоде упоминал Герцен в своих письмах, говоря о Черкесове.

При оценке печатаемого отрывка воспоминаний Белоголового необходимо иметь в виду, что автор его приехал в Женеву, когда взаимоотношения Герцена с «молодой эмиграцией» были особенно обострены после столкновений на эмигрантском совещании, состоявшемся в Женеве в конце декабря 1864 — начале января 1865 г. (см. об этом подробнее в нашей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 15 и сл.).

Отрывок печатается по автографу ЛБ, ф. Белоголового, п. 2/2. Текст сообщен С. А. Макашиным.

[1] Возвращаясь опять к нашей теме, к вопросу о «Колоколе», я спросил Герцена, почему в его издании так мало встречается сотрудников из обширного круга молодой русской эмиграции? К 1865 году русская жизнь уже успела выбросить немало скомпрометированных в глазах правительства личностей за пределы родины, и почти все они приютились в Женеве; тут были Жуковский, Утин, Серно-Соловьевич, Николадзе и еще, может быть, до десятка лиц, фамилии которых я забыл, и мне хотелось знать, в каких отношениях к Герцену эта позднейшая генерация эмигрантов.

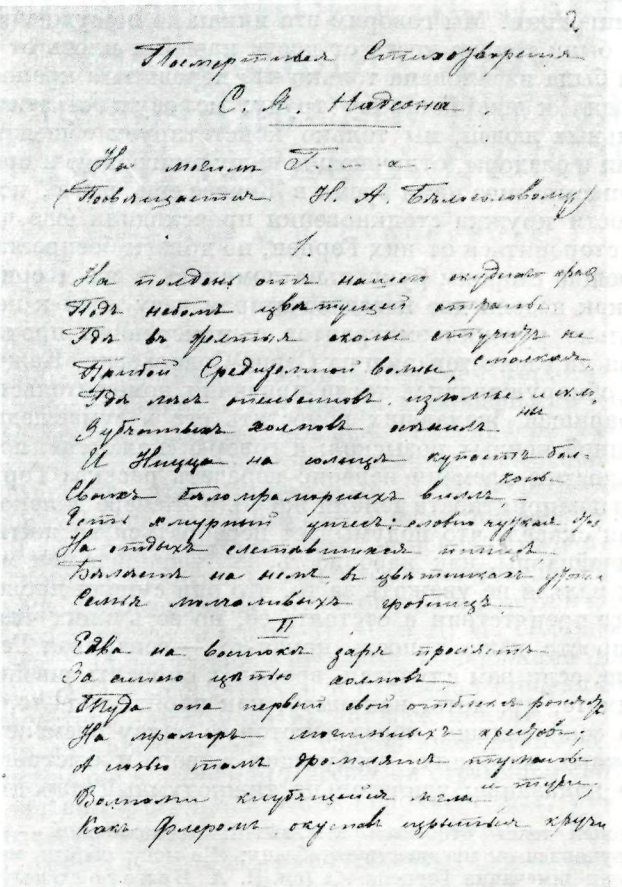
«Да, их теперь здесь немало, — [не без горечи] отвечал Герцен, — лично я их всех знаю, но близко из них, к сожалению, ни с кем сойтись не мог. Большинство не имеет никаких средств к существованию и едва-едва перебивается со дня на день; многим я помогал денежно, но моих средств не хватило бы взять их на постоянное содержание, да и, наконец, это сплошь народ не только молодой, а совсем юноши, которым бессовестно было бы поступать так рано на богадельное содержание, жить на чужой счет, не пытаясь заняться какой-нибудь работой. Я им всем предлагал сотрудничать в „Колоколе“ за гонорар, который, как бы он мал ни был, все же мог служить подспорьем к существованию. Но это народ странный: некоторые из них совсем не могут писать, т. е. не умеют привести свои идеи в логическую связь; им следовало бы поработать и позаняться над довершением своего образования, как я им и советовал, но они или слишком ленивы,

или слишком самодовольны, чтобы признать необходимость своего дообразования. Потом в этой эмиграции есть и люди и очень способные, и образованные, которые могли бы участвовать в „Колоколе" с пользой для издания, освеживши его притоком новых, молодых сил, но с этими другая беда: я расхожусь с ними во взглядах на многие политические вопросы чуть не диаметрально, и печатать их воззрения противоречило бы духу и направлению „Колокола" не могу же я в самом деле пускать в печать в своем органе мнения и взгляды, которых вовсе не разделяю? Ну, а они смотрят на дело совсем иначе и мало того, что на меня сердятся, называя меня и деспотом, и буржуа, и разными скверными словами, но даже настаивают на том, что я должен отдать „Колокол" в их полное распоряжение, отрицая мои права на него и говоря, что они должны находиться в руках более деятельной партии эмигрантов. Вот до чего у нас доходит дело!».

Все это Герцен говорил без малейшего раздражения и с искренним беззлобием, хотя надо думать, что этот разлад его с молодой эмиграцией был для него тягостным разочарованием, тогда как для стороннего наблюдателя, как я, представлялся довольно понятным и натуральным. Стоит только вспомнить, что прошло уже около 20 лет, как Герцен выехал из России, что по воспитанию и знакомствам он принадлежал тогда к той передовой партии идеалистов на философской подкладке немецкой школы, за которыми усвоено теперь название людей 40-х годов, и всю дальнейшую свою эволюцию политического деятеля проделывал уже в среде западных вожаков международной революции. Жил он последние годы в Лондоне, где хотя и находился в постоянном общении с русскими, но русские, его там навещавшие, принадлежали почти исключительно к партии, которая перед ним благоговела, и жила и думала его мыслями, по его рецепту: те люди и ехали-то в Лондон затем собственно, чтобы выразить ему чувства своего уважения, как правоверные едут в Мекку для поклонения. По этим образцам Герцен не мог познакомиться с тем новым типом молодежи, который начал вырабатываться в России на рубеже между 50-ми и 60-ми годами; он мог составлять себе понятие о нем только по литературным портретам в современном романе и повести и по бесшабашным приговорам нового отрицательного направления в критике, но лицом к лицу с этим новым типом нигилиста он столкнулся лишь в Женеве, куда переселился, помнится, в 1864 году и где столкнулся с десятком русской молодежи почти исключительно из студентов русских университетов, бежавших с родины от преследований правительства и укрывшихся на безопасной и дешевой почве Швейцарии. Многое озадачило и поразило его при знакомстве с молодой эмиграцией: и грубость ее внешних приемов, и резкость ее суждений и полный разлад с прошлым России, и полное отрицание оппозиционной деятельности предшествовавших поколений. Может быть, до некоторой степени при этом страдало и самолюбие Герцена, избалованного дотоль атмосферой поклонения и почета, которой окружали его все соотечественники, искавшие с ним встречи в Лондоне, хотя для знавших хорошо характер Герцена такое мелочное чувство меньше всего могло иметь влияния на отношение его к молодым. А молодая эмиграция, со своей стороны, со свойственным ее возрасту высокомерием смотрела на Герцена, как на старика, уже спевшего свою песню и которому пора сойти со сцены; притом же это время как раз совпадало с разгаром развенчания нашей молодежью всех авторитетов, с развенчанием, которого не избегли лучшие наши корифеи и таланты. Было и еще крупное обстоятельство *, вносившее охлаждение в описываемые отношения: Герцен был человек с обеспеченным состоянием, можно сказать — богатый; молодая же эмиграция состояла почти наподбор из людей, не располагавших не только средствами

* *В подлиннике, очевидно, описка:* отношение

к существованию, но не умевших даже зарабатывать свое пропитание трудом, частью вследствие своего незнакомства с новой для него заграничной обстановкой, частью вследствие плохого своего приспособления к какому-нибудь труду по причине незаконченности своего образования. Бедствовать этим людям приходилось на первых порах страшно, и нужда нередко заставляла их прибегать к помощи Герцена; он не отказывал,



СТИХОТВОРЕНИЕ НАДСОНА «НА МОГИЛЕ ГЕРЦЕНА», ПОСВЯЩЕННОЕ Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

Список рукой Н. А. Герцен

Лист 1

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

помогал, но подобные отношения всегда неизбежно влекут за собой некоторую натянутость; то Герцену казалось, что молодежь теребит его кошелек слишком часто и бесцеремонно и обнаруживает в себе мало самодеятельности и расположения ко всякому труду вообще, то молодежь находила, что Герцен помогает ей меньше, чем он это мог делать по своему состоянию.

Мы и теперь, через двадцать пять лет после описываемого времени, когда русская политическая эмиграция удесятерилась, видим, как обособленно живет она в западной жизни, куда насильственно выбросили ее

наши политические смуты, как она бедствует и как только очень немногие из ее представителей сумели приладиться к какому-нибудь занятию, дающему им возможность самостоятельного существования. Отсутствие всякого определенного занятия, вечная праздность и постоянное вращение в узкой сфере своего эмиграционного кружка неизбежно влечет к ссорам, пересудам и мелким сплетням, беспрерывно поселяющим раздоры между единомышленниками и составляющим дешевое развлечение в однообразной жизни эмиграции. Мы говорим это никак не в осуждение наших эмигрантов: они были только кость от кости нашей и плоть от плоти нашей, а плоть наша была избалована только что пережитым крепостным правом и не приурочена к настойчивому труду; не осуждая этих и без того многострадальных людей, мы только констатируем общеизвестный факт. И эти сплетни и раздоры, отличающие нашу эмиграцию и поныне, обнаруживались в описываемое нами время в Женеве еще резче, потому что при малочисленности кружка столкновения происходили еще чаще, — и как ни старался сторониться от них Герцен, но дрязги беспрестанно задевали и его, и воюющие стороны буквально ломились в его двери; так, он рассказал мне, как недели две назад во втором часу ночи к нему вторглись в дом несколько русских эмигрантов с намерением произвести обыск, не скрывается ли у него товарищ их Серно-Соловьевич. Кажется, у Серно-Соловьевича обнаруживались тогда признаки помешательства и он укрывался от товарищей, желавших поместить его в сумасшедший дом, что и было причиной ночных розысков; я говорю «кажется», потому что опасаюсь за давностью времени неверно передать рассказ Герцена. Все эти столкновения и неприятности делали жизнь в Женеве далеко не по сердцу Герцену, и он сказал, что подумывает перебраться на житье во Флоренцию; самые швейцарцы, как народность, возбуждали в нем мало симпатий. «Конечно, их нельзя не уважать за то, что они сумели пронести свою свободу через все препятствия и отстоять ее, но есть в них что-то рутинное, застывшее, просто даже тупость какая-то, — говаривал Герцен,— обратите внимание, если вам случится врасплох спросить швейцарца о самом простом предмете, ну, хоть, например, как пройти туда-то, он вам тотчас не ответит, а сообразивши, через некоторую паузу времени. А толковать с ними о сложных материях, требующих живого и быстрого обмена мыслей,— чистое наказание; удивительно тяжкодумный народ!».

[1] Публикуемый текст относится к главе II воспоминаний — «Три встречи с Герценом». В рукописи он предшествует абзацу: «Не могу обойти мимо еще одного поразившего меня замечания Герцена...» (см. Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. Посмертное издание, М., 1897, стр. 631).

ВОСПОМИНАНИЯ Т. П. ПАССЕК «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА *

Исследование А. Н. Дубовикова

ВВЕДЕНИЕ

Вскоре после появления на страницах «Русской старины» 1872—1873 гг. первых глав воспоминаний Т. П. Пассек достоверность сообщаемых ею сведений была поставлена под сомнение. «Русский архив» опубликовал в 1874 г. статью Д. Д. Голохвастова, иронически озаглавленную «Wahrheit und Dichtung»**. Автор статьи (сын Д. П. Голохвастова), опираясь на документы находившегося в его распоряжении семейного архива Голохвастовых — Яковлевых, уличал Пассек в искажении истины и опровергал ее рассказ по ряду пунктов, касавшихся взаимоотношений между братьями Яковлевыми, пребывания И. А. Яковлева в занятой французами Москве, а также обстоятельств жизни Н. П. и Д. П. Голохвастовых. Автор подтверждал свои критические замечания выдержками из документов, с которыми не могла не посчитаться в известной степени Пассек при подготовке впоследствии отдельного издания ее книги.

Но Голохвастов преследовал не только элементарную цель — внести фактические поправки к запискам Пассек: он стремился снять нежелательные, с точки зрения фамильной чести Голохвастовых, утверждения Пассек и, вместе с тем, дискредитировать как автора «Из дальних лет», так и самого Герцена, автобиографическими произведениями которого широко пользовалась Пассек. В этом заключался политический смысл его выступления, своим острием направленного против Герцена и бывшего одним из звеньев общей борьбы реакционных кругов России против «лондонских пропагандистов» и их литературно-политического наследия.

Если в отношении «Былого и дум» попытка их дискредитации не могла поколебать авторитет этого гениального памятника русской литературы, то в отношении воспоминаний Пассек Голохвастову удалось в значительной степени достичь своей цели и посеять недоверие к ним. Обнаруженные

---

* При ссылках на многократно цитируемые источники в статье, кроме общепринятых в «Лит. наследстве», пользуемся следующими сокращениями:

П.— Т. П. Пассек. Из дальних лет, тт. I—III. СПб., 1905—1906.— При необходимости ссылаться на первое издание указывается дополнительно год (т. I—1878; т. II—1879; т. III—1889).

РС — «Русская старина».

Изд. АН — А. И. Герцен. Собр. соч., тт. I—IV. М., Изд. АН СССР, 1954—1955.

ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

** «Правда и вымысел» (нем.).

в воспоминаниях Пассек неточности и ошибки привели к тому, что за этими мемуарами утвердилась репутация источника ненадежного и недостоверного. Эта репутация была поддержана в герценоведческой литературе М. К. Лемке, который, широко использовав воспоминания Пассек при подготовке «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена», в то же время с удивительной настойчивостью ставил в своих комментариях под сомнение не только отдельные факты, сообщаемые Пассек, или отдельные тексты, приводимые ею, но и всю ее работу в целом.

В предисловии ко всему изданию, давая обзор источников, Лемке писал о «Воспоминаниях» Пассек: «...три тома этих мемуаров являются далеко не оригинальными и еще менее достоверными свидетельствами. Пассек десятками страниц перелагала известные сочинения и письма Герцена, Огарева и др., очень многое спутала и во многое ввела серьезные ошибки» (I, 14). А дальше, в комментариях к отдельным произведениям Герцена, когда требовалось обращение к книге Пассек, он почти каждый раз сопровождает выдержки из нее язвительными критическими замечаниями. В них он не скупится на резкости: «легенда», «вымысел», «сплошная небывальщина», «нелепость», «вздор» и т. п. (XII, 158, 160, 167, 173).

Герценоведческий авторитет Лемке был так устойчив, что его оценка «Воспоминаний» Пассек воспринималась позднейшими исследователями Герцена как совершенно бесспорная. Она прочно вошла в сознание всех (или почти всех), кто писал о Герцене, стала традиционной. Создалась некая инерция огульного третирования книги Пассек, безусловного недоверия к каждому ее свидетельству, к каждому ее утверждению. В значительной мере результатом этого явилось то неверное воззрение на книгу Пассек, которое определило неудовлетворительный характер ее сокращенного переиздания, осуществленного в 1931 г. издательством «Academia», Сокращая текст воспоминаний Пассек, составитель (И. Я. Свистунов), наряду с действительно малосущественным материалом, изъял главы, содержащие драгоценный материал, непосредственно касающийся Герцена и Огарева (рассказы о дружбе с Ником, о гулянье под Новинским, о клятве на Воробьевых горах, об университете, «Последний праздник дружбы» и мн. др.).

Изучение материалов «пражской коллекции» уже привело к необходимости переоценки нашего отношения к книге Пассек. Первые шаги в этом направлении были сделаны в т. 61 «Лит. наследства» (стр. 7—8) и в комментариях к первому тому Собрания сочинений Герцена, изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

В настоящее время назрела необходимость научно-критического анализа «Воспоминаний» Пассек с целью выявления их объективной ценности как источника для изучения биографии Герцена и Огарева. Это и составляет задачу настоящего исследования.

В основу его, кроме печатных источников, положены рукописные материалы из различных фондов:

1) из «пражской коллекции» — письма Пассек к Огареву за 1872—1874 гг. (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 162); письма Пассек к М. К. Рейхель за 1862—1887 гг. (там же, ед. хр. 274); письмо М. И. Семевского к Пассек 1872 г. (там же, ед. хр. 326); его же письмо к А. А. Герцену 1887 г. (там же, ед. хр. 322);

2) из Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — письма Пассек к Н. А. Тучковой-Огаревой за 1885—1889 гг. (Г.—О. X, 85—89); письмо Т. А. Астраковой к Пассек 1887 г. (Г.—О. IX, 26); письма Т. А. Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой за 1882—1890 гг. (Г.—О. IX, 22—2/); письма М. К. Рейхель к Е. С. Некрасовой за 1901—1904 гг. (Некр. I, 4);

3) из Рукописного отдела ИРЛИ — бумаги из фонда Т. П. Пассек (ИРЛИ, ф. 430); из фонда «Русской старины» (ф. 265);

4) из дел С.-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати — о прохождении через цензуру «Воспоминаний» Пассек (ЦГИАЛ, ф. 776 и 777);

5) из ЦГАЛИ — материалы из фонда Н. П. Огарева (ф. 359): письма Огарева к Пассек, переписка Н. А. Тучковой-Огаревой с Пассек, отрывки из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой и др.

«КОРЧЕВСКАЯ КУЗИНА»

Татьяна Петровна *Пассек*, урожд. *Кучина* (1810—1889), была родной внучкой старшего из братьев Яковлевых — Петра Алексеевича и, следовательно, приходилась Герцену двоюродной племянницей. «Тетушкой-племянницей» шутливо называл он ее в своих письмах, имея в виду, что по возрасту она была несколько старше его и что в годы их ранней дружбы она нередко принимала менторский тон в отношении к своему юному дяде.

Сам Герцен в «Записках одного молодого человека» тепло и сердечно рассказал об этой дружбе и о той роли, которую она сыграла в его духовном развитии. Из этого рассказа живо возникает образ девушки (в «Записках...» она названа «меленковской кузиной») «с душой доброй, мечтательной», сумевшей заслужить любовь росшего в одиночестве тринадцатилетнего мальчика. Он доверял ей свои «первые мечты, мечты пестрые, как райские птицы, и чистые, как детский лепет». Герцен отмечает в ее облике и черты «натянутой „сентиментальности“, которая прививается девушкам в дортуарах женских пансионов», и склонность к «моральным сентенциям», воспринятую из романов и комедий прошлого века: «Итак, я слушался Тани, сентиментальничал, и подчас нравственные сентенции, бледные и тощие, служили финалом моих речей. Воображаю, что в эти минуты я был очень смешон: живой характер мой мудрено было обвязать конфектным билетом ложной чувствительности, и вовсе мне не было к лицу ваять нравственные сентенции из патоки без инбиря жанлисовской морали. Но что делать! Я прошел через это, а может, оно и недурно...» (изд. АН, т. I, стр. 273).

В «Былом и думах» Герцен опустил многие детали, но сохранил общую оценку их дружбы: «Я думаю, что влияние кузины на меня было очень хорошо: теплый элемент взошел с нею в мое келейное отрочество, отогрел, а может, и сохранил едва развертывавшиеся чувства, которые очень могли быть совсем подавлены иронией моего отца. Я научился быть внимательным, огорчаться от одного слова, заботиться о друге, любить; я научился говорить о чувствах» (XII, 62). И дальше Герцен вводит еще один весьма существенный мотив: «Она поддержала во мне мои политические стремления, пророчила мне необыкновенную будущность, славу, и я с ребячьим самолюбием верил ей, что я — будущий „Брут или Фабриций“» (там же).

Годы отрочества Герцена были временем наибольшей душевной близости его с «корчевской кузиной». По мере перехода в юность в душе возникали новые стремления и запросы: дружба с Огаревым, поступление в университет, сближение с новыми товарищами-студентами — все это должно было оттеснить и действительно оттеснило ее на второй план и охладило чувства к ней. В своем стремительном духовном развитии Герцен быстро опережал свою «тетушку-племянницу».

В 1832 г. Татьяна Петровна вышла замуж за одного из университетских друзей Герцена, Вадима Пассека. С этого момента их жизненные пути резко разошлись. Страстные порывы в мир идеальной мечты, бурные романтические стремления, формирующееся революционное сознание—

все это было далеко от того узкого, домашнего мирка, в котором замкнулась жизнь Татьяны Петровны, не склонной к отвлеченному умозрению, обладавшей умом трезвым и практическим.

В письмах тридцатых годов Герцен не раз с благодарностью вспоминает о ней. В письме к Н. А. Захарьиной от 5 ноября 1837 г. он писал: «В воспоминаниях моего детства я уже писал, что по большей части хвалили *мою остроту*, т. е. отдавали все уму и отнимали все у души. Искры настоящего огня принимали за фосфорный свет ума, молнию — за фейерверк. Ах, люди, люди, как вы мелко плаваете! Благодарность Татьяне Петровне,— она первая оценила другую сторону моего бытия, Огарев — второй» (I, 492). А в последующих письмах, начиная с 1838 г., он с чувством горечи и разочарования пишет о перемене, происшедшей в Татьяне Петровне, о ее способности «удовлетворяться вседневными заботами» (II, 353), иронизирует над тем, что она вся поглощена семьей, детьми. Растущему отчуждению в большой мере способствовало и сближение Пассеков с славянофильскими кругами, отказ Вадима от вольнолюбивых мечтаний студенческих лет, сменившихся консервативными идеями, близкими к «официальной народности». В «Былом и думах» Герцен только слегка намекнул на изменения, которые он нашел в Вадиме, возвратившись из ссылки (XII, 133). В письмах этих лет и в дневнике 1842 г. он говорит об этом прямо, а порой и резко.

Для Татьяны Петровны эти годы были началом тех жизненных испытаний, в преодолении которых обнаружилась ее душевная стойкость и сила характера. Гнетущая нужда, горе матери, похоронившей двоих детей-младенцев, болезнь и смерть любимого мужа и друга — все это она приняла на свои плечи. Оставшись вдовой с двумя малолетними сыновьями, ожидая еще ребенка (родился в марте 1843 г., умер осенью того же года), она сумела пронести через все тяготы и сохранить до конца своих дней любовь к жизни, интерес к людям, ясный ум и способность трудиться настойчиво и упорно.

Но идейная близость между нею и Герценом порвалась. Имя Татьяны Петровны совершенно исчезает из переписки Герцена как в годы, предшествующие его отъезду из России (правда, от этого времени до нас дошла весьма незначительная часть его писем), так и в последующее десятилетие его зарубежной жизни. Впервые мы вновь встречаем ее имя в письме Герцена к Рейхель от 14 октября 1858 г., в котором он откликается на дошедшие до него сведения о том, что Пассек отказано в выдаче заграничного паспорта: «А что скажете на то, что Тат⟨ьяну⟩ Петр⟨овну⟩ не пустили за границу. Закрев⟨ский⟩ сообщил, что она — родственница Яковл⟨ева⟩, который — отец Герц⟨ена⟩. Вот мерзость-то!» (IX, 352).

После долгих хлопот, которые описаны самой Пассек (П., т. II, 333—337), она в середине сентября 1859 г., вместе с обоими сыновьями и Ипполитом Пашковым (крестником ее и Герцена), выехала за границу, направляясь прежде всего в Дрезден, где в это время жило семейство Рейхелей. Герцен, узнавший о предполагаемом приезде Пассек от М. А. Маркович (Марко Вовчок), ответил ей коротко и сухо: «Тат. Петр. Пассек передайте поклон, но писать мне ей нечего. Вы, может, читали в „Былом и думах“ о корчевской кузине? Это она и есть» (X, 86). Однако, когда в октябре Пассек вписала несколько слов между строк письма Рейхель к Герцену, они пробудили в нем живое воспоминание о детской дружбе и вызвали быстрый и радостный отклик: «Читаю между строчек, и что за странность!? Мне двенадцать лет, а Тане* четырнадцать. Зачем же между строк? пишите прямо. Бог знает, как рад! Нельзя ли нам увидаться? Можно устроить свидание на берегу моря. Хочется вас видеть, обнять» (X, 132).

---

* *В публикации у Лемке очевидная ошибка*: Тате

Встреча, которую Герцен намечал устроить на острове Уайт, не состоялась ни в 1859, ни в следующем, 1860 г. Но между ними завязалась переписка. Из писем Татьяны Петровны перед Герценом вставали живые образы московских обитателей яковлевского дома: «Да, снова был ночной смотр всех московских: читая письмо Т. П., так все и вышли...» (письмо к Рейхель от 4 ноября 1859 г.; X, 144). А вместе с тем оживал образ и самой Татьяны Петровны: «По ее письму я вижу, что она жива. Она принадлежит к тому выносливому и тягучему кряжу, который заменили николаевскими юродивыми, с рождения испуганными, нервозными чудаками,

Т. П. ПАССЕК

Портрет маслом А. А. Маркова, 1880 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

оттого она и осталась не старою в 53 года» (письмо к М. А. Маркович от 5 ноября 1859 г.; X, 148).

Осень и зиму 1859/60 г. Пассек провела в Гейдельберге, где ее дом стал притягательным центром для многих членов тамошней русской колонии. Ежедневными посетителями ее были молодые ученые И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, А. П. Бородин. По словам дочери Ф. П. Толстого, Е. Ф. Юнге, сблизившейся там же с Пассек, около нее «всегда образовывалась теплая, родная атмосфера, веяло чем-то широко русским ⟨...⟩ Молодежь завязывала горячие споры, которые прерывались рассказами, анекдотами, воспоминаниями. А тут, на столе Герцен, Пушкин; возьмет кто-нибудь и прочтет любимое место» (Е. Ф. Юнге. Воспоминания. 1843—1860 гг. М., б. г., стр. 288). Тепло вспоминает об этих посещениях

и И. М. Сеченов в «Автобиографических записках» (М., 1907, стр. 103—104). Сама Пассек подробно рассказала о своей жизни в Гейдельберге и о русских, навещавших ее, в письме к О. А. Новиковой от 20 декабря 1859 г. (ЦГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 594, лл. 1—3).

Упоминание Юнге о произведениях Герцена подтверждается и самой Пассек, которая пишет, что еще в бытность ее в Дрездене она «получила от него ⟨Герцена⟩ ящик книг и печатный листок» (П., т. II, стр. 352). В сохранившейся рукописи этой главы было сказано яснее и определеннее: «...я получила от Александра ящик книг и листок издаваемой им газеты. С этого времени постоянно получала его газету в продолжение двух лет, проведенных нами за границей, и от времени до времени с ним переписывалась» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1977, л. 9 об.). Можно с уверенностью предположить, что молодых друзей Пассек привлекали в ее доме не только «русский пирог» или «русские щи», но и возможность прочитать свежий номер «Колокола» или новую книгу лондонского издания.

При возобновившихся отношениях Пассек с Герценом, естественно, не могла не обнаружиться противоположность их политических воззрений. Это произошло еще весной 1860 г., когда Пассек поехала в Швейцарию и там познакомилась с сыном Герцена Александром. В беседах Татьяны Петровны с ним речь шла не только о тогдашнем его намерении жениться на внучке К. Фогта Эмме, но и о публицистической деятельности его отца, которая, с точки зрения ее либерализма и политической «благонамеренности», представлялась чересчур резкой и ошибочной, оскорблявшей самодержавную власть и тем закрывавшей для Герцена пути возвращения на родину. Отклик на это мы находим в письме Герцена к сыну от 2 мая 1860 г.: «А ты ей скажи, что „стыдно, мол, матушка, на старости давать слабодушные советы“. Разве я подчиняю мою деятельность каким бы то ни было видам? Алекс⟨андр⟩ II себя ведет скверно, отчего же мне, единственному оппоненту его, не бранить его?» (X, 304). А через неделю он писал самой Татьяне Петровне: «Что вы проповедуете Саше, что я слишком браню Александра II? Да ведь вся силенка-то моя хилая на том основана, что я всегда говорю правду...» (X, 306).

Летом 1861 г. Пассек приехала в Париж. Герцен известил ее о своем скором приезде из Лондона. Боясь возможных неприятностей от этого свидания для себя и особенно для сыновей, Пассек сочла необходимым обратиться за разрешением к небезызвестному Якову Толстому, бывшему тогда советником русского посольства во Франции. Она сама откровенно рассказала об этом в своих записках и при этом привела слова своего собеседника: «Мы надеемся, что ваше влияние, может, благотворно повлияет на Александра Ивановича и возвратит его отечеству» (П., т. II, стр. 358). Мы не знаем, взялась ли Пассек за выполнение этой миссии или постаралась уклониться от нее, но, во всяком случае, состоявшаяся встреча ее с Герценом была невеселой. Ограничиться воспоминаниями о далеком прошлом было невозможно для обоих, а при обращении к настоящему неминуемо должна была обнаружиться пропасть, разделявшая их. «В Париже очень скучно,— лаконично писал Герцен сыну 11 июля 1861 г.— С Левицким мы примирились, с Тат⟨ьяной⟩ Пет⟨ровной⟩ чуть не поссорились» (XI, 146—147). Естественно, что в своем рассказе о парижских встречах с Герценом Пассек постаралась смягчить остроту столкновения их взглядов, и все же она звучит, особенно в описании прощальной беседы (П., т. II, стр. 360).

Вторая и последняя встреча Пассек с Герценом произошла в конце августа того же 1861 г. в Англии, куда она приехала просить Герцена одолжить ей денег. Свидание их прошло грустно, но без резких столкновений, насколько об этом можно судить по рассказу самой Пассек. Очевидно, оба постарались избегнуть в беседе вопросов, которые могли бы

вызвать спор или взаимные обиды. Присутствие Огаревых облегчало обоим выполнение этой задачи.

Таким образом, их короткие встречи 1861 г. не заключали в себе никаких надежд на восстановление (хотя бы в некоторой степени) прежней близости, взаимного доверия и любви. И хотя разрыва личных отношений между ними не произошло, они встретились и разошлись совершенно чуждыми друг другу. Это обстоятельство следует подчеркнуть, потому что в ряде некрологов Т. П. Пассек утверждалось, что Герцен оставался ее «другом до самой своей смерти» («Неделя», 1889, № 14, стр. 439; см. также «Исторический вестник», 1889, № 5, стр. 468).

Последнее десятилетие своей жизни Пассек провела преимущественно в Петербурге, работая над своими воспоминаниями. Не имея никаких средств к существованию, кроме того, что ей давал ее литературный труд, она начала издавать с 1880 г. давно ею задуманный журнал для детей «Игрушечка», на страницах которого было помещено много отрывков из ее «Записок» (разумеется, в переработанном для детского возраста виде). Кроме того, она напечатала в «Игрушечке» ряд стихотворений Огарева и даже несколько отрывков из произведений Герцена (1882, № 9 — отрывок о Левке из «Доктора Крупова»; № 11—12 — отрывок, посвященный описанию неаполитанской природы, из седьмой главы «Писем из Франции и Италии»).

В 1867 г. Татьяна Петровна потеряла старшего сына, Александра, в 1880 г.— второго и последнего сына, Владимира. На ее попечении остался маленький внук Сережа, которому она посвятила свою книгу «Из дальних лет».

Несмотря на тяжелые утраты, она не замкнулась в своем горе, но сохранила приветливость к людям, интерес к общению с ними. Глубоко равнодушная к вопросам политической жизни и борьбы, она поддерживала знакомство с людьми различных убеждений и взглядов (Сеченов и Ив. Аксаков, Лесков и Катков, семейство Ф. П. Толстого и мн. др.).

Замечательный по тонкой наблюдательности и мастерству характеристики очерк личности Татьяны Петровны оставил хорошо знавший ее в последние годы ее жизни Н. С. Лесков.

«Татьяна Петровна, — писал он в статье-некрологе «Литературная бабушка», — была очень умна, — можно даже без преувеличения сказать, что это была женщина редкостного ума. В одном из некрологов сказано, что она была „ума *возвышенного*“. Едва ли именно это могло служить лучшим или точнейшим выражением отличительного свойства ее ума. Ум ее скорее отличался более всего здравостью и реальностью, при направлении самом практическом. Это был ум ясный, проницательный, гибкий и деловой. Ей было свойственно большое добросердечие и ласковость, и через них реализм ее ума не был груб, а был мягок и приятен. Это был ум, если так можно выразиться, уветливый ‹...›

Симпатии ее, без всякого сомнения, лежали на стороне идей гуманитарных и добрых, и если бы кто-либо из ее друзей противного убеждения когда-либо решился утверждать иное, то в достоверности этого надо сомневаться. Полная свобода совести и убеждений, безразличное доброжелательство к людям всех пород и наций и забота о наибольшем счастьи наибольшего числа людей, — вот что достойно почтения, говорила она многократно, и, без сомнения, таковы были ее искренние убеждения.

Круг знакомств ее был чрезвычайно разнообразен, по мнению иных — даже слишком разнообразен.

— Все бывают, — говорила она, — и *попятники*, и *нетерпеливцы*... Что делать... меня любят... Я дурного ничего никому не говорю...

Имею основание думать, что те, которых она обозначала словом „нетерпеливцы“, были, однако, ей милее, или, по крайней мере, они были

ей „жалче", чем „попятники"...» («Всемирная иллюстрация», 1889, № 15 от 8 апреля, стр. 265—266).

Заканчивая свою статью, Лесков дает оценку Пассек как писательницы: «В литературе она не провела за собою никакого особенного яркого, блестящего следа, но она была хорошая писательница, с большим вкусом и приятным дарованием. Творческого в ее сочинениях ничего не было, да в них и не было места ни вымыслу, ни фантазии, ни обобщениям, но она обладала прекрасною манерою изложения, — особенно, когда повествовала о событиях и лицах, ей лично известных. В этом роде и остается самым лучшим и самым замечательным ее трудом большой ретроспективный ее этюд, известный под заглавием „Из дальних лет". Это интересные воспоминания, которые выводят на свет много достойных памяти лиц и, в одно и то же время, знакомят верно и с описываемою эпохою, и с прекрасною ясностью ума Татьяны Петровны» (там же, стр. 266).

ЗАМЫСЕЛ «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ»

В начале второй главы первого тома «Из дальних лет» Пассек вспоминает о том, как зародилась в ней мысль писать о былом. Она рассказывает о «страшной утрате», понесенной ею в 60-х годах (смерть старшего сына Александра в 1867 г.), о своем тяжком горе осиротелой матери, о сознании бесполезности своей жизни. И вот, в один из летних дней, когда она отдыхала в небольшой подмосковной деревне, в ее сознании проснулись думы о былом: «Образы, ушедшие в вечность, возникали перед моим внутренним взором, и так радостно обступали меня, что мне жаль стало расстаться с ними, захотелось удержать эти духовные виденья,— это возможно, думала я, они не сны, они жизнь,— моя жизнь, я облеку их в живое слово, и помимо себя они останутся со мною, спасут меня, воскрешая жизнь „из *дальних лет*" — и стала писать воспоминания» (П., т. I, стр. 35).

Читателям книги внушалась мысль о глубоко личных причинах, заставивших автора взяться за перо. Повидимому, работа над воспоминаниями действительно началась в те тяжелые для Пассек годы: искренний, проникновенный тон ее рассказа об этом не оставляет места для сомнений. Подтверждение этого мы находим в письме к Огареву от 1 января 1873 г.: «Я писала в минуты несчастья, для себя, как лекарство от нестерпимой боли душевной». Итак, она начала писать *для себя*, и мы можем добавить, не рискуя ошибиться, *о себе*, о своем собственном прошлом, не предполагая еще тогда, в конце 60-х годов, писать воспоминания *о Герцене и его жизни*. До 1870 г. подобная мысль не могла вообще возникнуть у нее. Мало того, мы имеем возможность точно установить, кто направил ее внимание в эту сторону, кто заставил ее придать своим воспоминаниям широкое общественное значение. В биографической справке, собственноручно вписанной Пассек в альбом М. И. Семевского «Знакомые», она сообщает, что в 1871 г. ее познакомили у Сеченова с Семевским, который и пригласил ее участвовать в его издании («Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб., 1888, стр. 132—133). Сам Семевский, имея в виду, очевидно, эту встречу, отмечал в редакционном послесловии, заключавшем печатание глав воспоминаний Пассек в 1879 г.: «„Русской старине" принадлежит честь вызова Татьяны Петровны взяться за перо...» (РС, 1879, № 10, стр. 256).

28 апреля 1872 г. Пассек сообщала М. К. Рейхель: «Мне предложили в лучшие журналы написать мои воспоминания — о детстве и юности моей с Александром. Я теперь их пишу ⟨...⟩ Дай бог, чтобы пропустили

эти записки, в них благородный образ Александра оживает — везде, каков он был и действительно — с колыбели» (лл. 8 об. и 9). Предложение писать воспоминания о Герцене увлекло Пассек, и она горячо приступила к работе. При этом ее собственный, личный элемент в воспоминаниях отступал на второй план и приобретал подсобное значение — средства, облегчавшего проведение через цензуру записок о Герцене. «Все, что

ГЕРЦЕН

Памятник во дворе старого здания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Скульптура Н. А. Андреева, 1921 г.

касается Александра, трудно, слишком трудно провести между моих воспоминаний, где я как бы о себе (мало интересной, конечно, личности, в смысле общественном) говорю...» (письмо к Рейхель от 23 октября 1872 г., л. 12 об.).

Скромно расценивая свою личность, Пассек, тем не менее, дорожила и теми главами, в которых речь шла только о ней. Но Семевский настойчиво проводил свою линию: его как редактора журнала личность Пассек не интересовала, и поэтому, начиная (в декабре 1872 г.) печатание ее воспоминаний, он исключил первую и третью главы («В Новоселье» и «Карповка») как не имевшие отношения к Герцену. В предисловии от редакции он объяснил это исключение волей автора: «Автор, составляя

записки,— не столько для печати, сколько для себя,— некоторые главы не признал пока возможным печатать: они слишком семейного, частного характера, а потому оставлены пока в рукописи» (РС, 1872, № 12, стр. 608). В действительности же Семевский даже не известил Пассек о произведенном сокращении: в недатированном письме к Рейхель из Дрездена (начало февраля 1873 г.) она резко выражала свое недовольство его поступком: «Прислали мне из Петербурга отпечатанные записки мои〈...〉 Я нашла много измененного, выпущена целая глава, ее конец в другую переведен. Вырывки и из второй главы, годы перемешаны — я в двадцатом в пансион помещена, напечатано — в двадцатом взяли меня из пансиона. Вся лично меня касающаяся жизнь разорвана, и связь утрачена. Видно, что-то вроде биографии Саши хотят образовать из моих записок, но я это не имею в виду и взяться за это не могу и не бралась. — Мне это так неприятно, что писала в редакцию, что остановлю продолжение записок, если они так действовать хотят» (лл. 50 об.—51).

«Биографии Саши» из ее записок выйти действительно не могло, но все же, хотя она впоследствии и восстановила выброшенные Семевским «кучинские» главы и добавила еще несколько в том же роде, — ее воспоминания были восприняты в обществе как книга, написанная о Герцене, его семье, его друзьях и близких. И сама Пассек, в сущности, рассматривала свой труд как выполнение возложенного ею на себя долга перед Россией, перед историей, перед памятью покойного Герцена.

В январском письме 1873 г. к Огареву она так объясняла цели предпринятой ею работы: «Мне хочется, чтобы до малости, от детства его, им сделанное уцелело для России,— благо идет в моих записках 〈...〉 Помогите же мне в этом деле — вы, его лучший друг, — ведь это для него— в России, куда он всей душой стремился — и умер далеко! Он последнее время утратил и влияние и интерес в России — стали о нем говорить редко, как об отжившей деятельности, как ушедшие дальше его, а мы покажем, как он помог росту, — забыть нельзя» (л. 63). С этим пониманием общественного значения деятельности Герцена у Пассек соединялось и личное чувство сердечной дружбы и любви к нему. 1/13 января того же года она писала Огареву: «Саша больше предстанет в истинном свете своем, а в жизнь мою он сильно вплетен — в первую, юную. Мы на заре жизни вышли вместе, взявшись за руки,— так прошло отрочество и первая юность, потом широко разошлись наши дороги; но он никогда не переставал быть мне тем, чем был в юности, ничто не изменило ни моего взгляда на него, ни моих чувств...» (л. 4—4 об.).

Разумеется, Пассек не под силу было хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию исторического значения Герцена и его деятельности. Ее политическая наивность, ее расплывчатые, окрашенные в тона розового либерализма взгляды не давали ей возможности понять Герцена-революционера и социалиста, Герцена-мыслителя и политического деятеля. Эти стороны жизни и деятельности Герцена почти совсем не освещены в воспоминаниях Пассек. А в тех редких случаях, когда она пытается дать оценку политических воззрений Герцена, ей не удается подняться над уровнем, обычным для либеральной печати семидесятых-восьмидесятых годов. Достаточно указать для примера на характеристику взглядов Герцена об основных началах освобождения крестьян с землею: по словам Пассек, «этого желал не он один. Этого желал государь; этого желала вся Россия» (П., т. III, стр. 127). И дальше она утверждает, что Герцен в своей публицистике «определил ясно и метко то 〈...〉, чего хотела передовая часть общества, что допускало само правительство» (там же, стр. 128). Характерно, что для итоговой оценки значения Герцена Пассек полностью перепечатала в своей книге некролог Герцена из «Вестника Европы» (там же, стр. 223—231).

Но Пассек, вместе с тем, питала к Герцену искреннюю любовь, и ей горько было наблюдать, как русское общество равнодушно к его личности, как реакционная печать поносит его имя. Обращаясь 28 апреля 1872 г. к М. К. Рейхель с просьбой о присылке материалов для ее работы, она писала: «Если есть что у вас, что может пополнить воспоминания о нем,— пришли, Маша, — ведь это перейдет в историю, и должно сохранить, что можно, он не бесследно прошел и не без клеветы — от последнего надобно его очистить. Пусть видят, что это за светлая, благородная личность была и как он любил людей. Не от накипевшей желчи вскрывал он раны общественные, а из любви и от неистекшего желания жаркого исцелить, а не осудить и очернить» (л. 9 об.).

Понимая, что ей недостает знания многих важных фактов биографии Герцена, она стремилась запечатлеть в своих записках каждую мелочь, ей известную: «Решилась, чтобы мелочи жизни сашиной многие, одной мне известные, сохранились для его будущего биографа, — и все увидали бы в настоящем свете этого действительно замечательного человека,— и чтобы в России оценили его, его заслуги — издалека, — на него смотрят в России уже как на прошедшее — интерес ослаб» (письмо к Рейхель из Дрездена, без даты — вероятно, начало февраля 1873 г., л. 4).

«Ничто не должно исчезнуть бесследно, что только может очертить Александра», — вот идея, которой она руководствовалась, составляя свои записки. И вряд ли «будущий биограф», о котором она думала, решится упрекнуть ее за те действительно многие «мелочи», которые она внесла в свою книгу, не заботясь о слишком строгом их отборе, да и не будучи в силах такой отбор произвести.

Разделяя мнения, распространявшиеся в кругах политических противников Герцена, о том, что падение его популярности в России было вызвано непримиримой резкостью его выступлений, считая это его глубокой ошибкой, она вместе с тем заявляла: «Но кто же не ошибался? — Это не уничтожает его заслуг России, не изменяет взгляда на него, как на человека с огромным талантом и сердцем богаче еще таланта. Таким он в моих записках» (письмо к Огареву от 16/28 января 1873 г.— л. 21).

С точки зрения такого понимания стоявших перед нею задач и следует подходить к анализу содержания ее воспоминаний, способов собирания материалов для них, приемов включения ею в текст записок произведений Герцена и Огарева и, в конечном счете, к определению ценности ее труда для герценоведения.

РАБОТА ПО СОБИРАНИЮ МЕМУАРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Если отвлечься от глав, содержащих воспоминания Пассек о ней самой, безотносительно к Герцену (а таких глав сравнительно немного, и они не представляют интереса с точки зрения герценоведения), то обнаружится одна особенность ее труда. В этих «мемуарах» в сущности очень мало мемуарного, в точном смысле слова, материала. И в этом нет ничего странного. Приступая к воспоминаниям о Герцене почти через сорок лет после того, как их жизненные пути разошлись, Пассек располагала чрезвычайно скудным запасом фактов, которые могли бы быть ею использованы. Эта бедность исходного материала определялась не только тем, что ее жизнь под крышей яковлевского дома продолжалась сравнительно недолго, но и тем, что время и жизненные заботы стерли очень многое из ее памяти. Документального же материала в руках Пассек почти не было.

Таким образом, перед ней, как автором будущих воспоминаний, стал прежде всего задача собирания материалов. Возможно, что Семевский

с его большим опытом издания мемуарных памятников, посоветовал ей привлечь к работе живых еще тогда современников Герцена, его друзей и близких. Находящиеся в нашем распоряжении письма самой Пассек и ее корреспондентов, а также некоторые другие источники позволяют довольно точно представить себе ту настойчивость и энергию, с какими Пассек выполнила эту важнейшую задачу. По ее инициативе, в результате ее неоднократных обращений и просьб, были записаны, а затем использованы ею ценнейшие воспоминания самого Огарева, Астраковой, Рейхель и, позднее, — Тучковой-Огаревой. Вместе с их воспоминаниями в распоряжение Пассек были предоставлены многочисленные материалы переписки Герцена и Огарева, а также письма их родных и близких (о письмах, вошедших в состав «Из дальних лет», см. ниже, стр. 599).

Собирание этих материалов и (хотя и неполное) их обнародование составляет одну из важнейших заслуг Пассек перед русским обществом и перед русской наукой. Вряд ли будет преувеличением сказать, что эта сторона деятельности скромной мемуаристки была большим делом общенационального значения. Именно поэтому нам представляется необходимым несколько глубже разобраться в истории этого собирания и в приемах использования присланных материалов в записках Пассек.

18 июля 1874 г., когда записки Пассек уже подверглись цензурному запрещению (см. ниже), она писала Огареву, что продолжает над ними работать: «Я теперь собираю все, что касается Саши и всех вас (конечно, что возможно, не касаясь семейных обстоятельств!), и кто может доставить какие сведения — прошу. Конечно, не сейчас, а при возможности будет напечатано. Теперь же собираю, составляю, готовлю...» (л. 59).

Надо думать, что первым, к кому обратилась Пассек, был старший брат Герцена по отцу, Егор Иванович Герцен, доживавший свою жизнь в Москве. Пассек и раньше изредка навещала Егора Ивановича, вероятно, изредка писала ему, знала о его одинокой, безрадостной жизни. Задумав писать свои воспоминания, она не могла не воспользоваться помощью Е. И. Герцена.

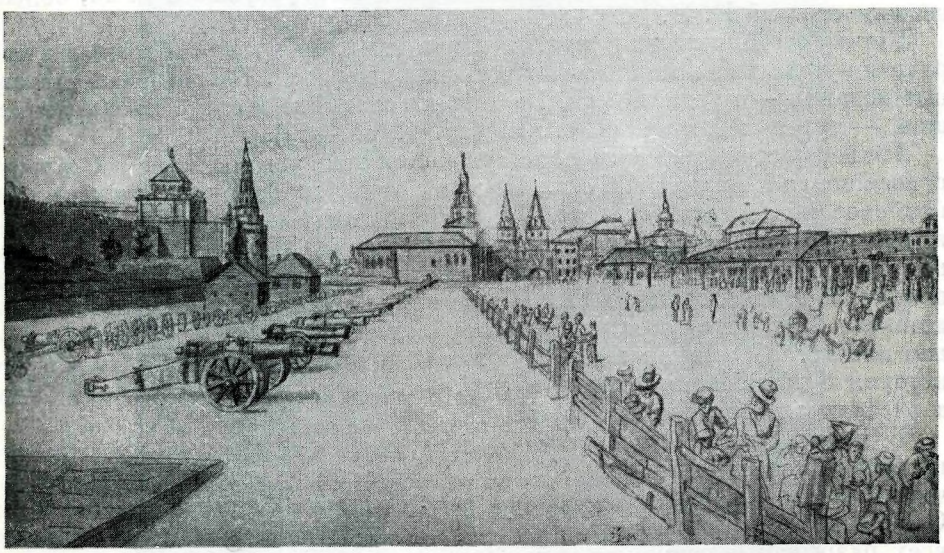
Летом 1872 г. она провела два месяца в Москве. О тогдашних встречах с ним она писала Рейхель 23 октября 1872 г. «У Егора Ивановича я бывала очень часто ⟨...⟩ Егор Иванович, совсем слепой, сидит целый день на диване в крошечной комнате, душной— ничего не делает, в скуке, утром ему читают „Полицейский листок“ — а там один весь день. Рад бывал мне чрезвычайно. Я проводила у него целый день с ним, вспоминая прошедшее — и рассказывая, что слышно нового» (л. 13—13 об.).

В отличие от других лиц, к которым также обращалась Пассек, Е. И. Герцен не записал для нее своих воспоминаний. Этому мешало и его плохое владение письменной речью и почти полная потеря зрения. Но в беседах с Пассек словоохотливый старик поделился с ней всем, что сохранилось в его памяти. Эти устные рассказы были использованы ею в первых главах «Из дальних лет».

Разумеется, мы лишены возможности точно установить, что именно в этих первых главах принадлежит Е. И. Герцену, но некоторую ясность в этот вопрос все же внести можно. Несомненно, что к его рассказам восходит все то, что сказано у Пассек о нем самом (его происхождение, обстоятельства, при которых он был взят в дом отца, положение в семье, служба и т. д.). Все эти сведения Пассек могла получить только от него. Но кроме того, как можно предполагать, в его рассказах перед Пассек воскресли многие подробности домашнего быта семьи И. А. Яковлева; дополненные ее собственной памятью, пробужденной этими рассказами, эти подробности вошли в состав ее записок и имеют значительную ценность для изучения биографии Герцена.

Наконец, по данным Е. И. Герцена, Пассек в основном изложила всю историю, случившуюся с И. А. Яковлевым, когда он остался в Москве, занятой французами. Об этом она прямо заявила в подстрочном примечании к отдельному изданию своих записок 1878 г.: «Все, что говорится в моих воспоминаниях о пребывании Ивана Алексеевича Яковлева и его семейства в Москве, во время занятия ее неприятелем, слышала я в его семействе, для большей же точности записала со слов его сына Егора Ивановича Герцена, бывшего в то время уже по десятому году и присутствовавшего при всех упоминаемых мною событиях» (П., т. I, стр. 40).

Этого подстрочного примечания Пассек не было в «Русской старине»; оно появилось в отдельном издании как отклик на выступление Д. Д. Голохвастова (см. о нем выше, стр. 565). Прямую ссылку на свидетельство



КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ В МОСКВЕ В 1812 ГОДУ
Рисунок Ф. Я. Алексеева
Третьяковская галерея, Москва

Е. И. Герцена поместила и редакция «Русской старины» в предисловии, которое было предпослано тексту записок Пассек при их возобновлении в 1876 г. (РС, 1876, № 4, стр. 807). Имя Е. И. Герцена, как лица, сообщившего Пассек необходимые сведения, названо и в ряде других мест. Так примечанием: «Сообщено Егором Ивановичем Г—м» сопровождаются: рассказ о возвращении Льва Алексеевича из Швеции и о переезде обоих братьев в Москву; история раздела имения между братьями Яковлевыми и судьба наследства, оставленного Л. А. и И. А. Яковлевыми.

Таким образом, факт использования Пассек рассказов и сообщений Е. И. Герцена не подлежит сомнению.

Кроме Е. И. Герцена, Пассек обратилась и к другим москвичам, близко знавшим Герцена в годы его молодости. Это были Т. А. Астракова и Н. Х. Кетчер — былые члены герценовского кружка тридцатых-сороковых годов (остается неизвестным, почему Пассек не обратилась к третьему члену этого кружка — М. Ф. Корш, также жившей в Москве).

Вопрос о воспоминаниях Астраковой и их использовании в записках Пассек рассмотрен нами в предисловии к публикации дошедшей до нас рукописи этих воспоминаний (см. настоящий том, стр. 541—546).

Астракова живо откликнулась на просьбу Пассек и охотно поделилась имевшимися у нее материалами; у Кетчера же Пассек ожидала полная неудача. Об этом она сама рассказала М. К. Рейхель в письме от 23 октября 1872 г.:

«Летом я была в Москве два месяца — видела Кетчера один раз. Жена его умерла — он один в своем полуразрушенном доме и сильно разросшемся саду — рад был видеть меня. Об Александре вспоминает с чувством неприязни и ропота — зачем писал об их отношениях, что не имел права и проч. Я сказала, что иначе смотрю и понимаю и в другом духе пишу о нем воспоминанья, что имеющееся о нем должно передать истории.— „Охота вам",—заметил он. Особенно о Наташе, первой жене Александра, говорил с недовольным чувством — что они ошиблись в ней, что подняли ее на пьедестал слишком высоко, и винит ее в разрыве с ними, более, нежели его. Об Н. П. ⟨Огареве⟩ и говорить не стал ⟨...⟩.

Кетчер все Шекспира мучит. Вхожу к нему, он в саду. Все двери нараспашку, на письменном столе Шекспир и перевод. В зале навалены разные издания — продающиеся. На террасе скамейка и стол, тоже подгнившие, — тут я и дождалась его...» (лл. 12 об.—13).

Точность этого рассказа подтверждается тем, что в письме к Огареву, относящемся к январю 1873 г., Пассек повторила его с сохранением всех наиболее характерных деталей: «Летом прошедшим я была в Москве — видела Кетчера и у него была. Переводит все Шекспира. Он страшно восстановлен против Саши и частью против вас, особенно против Наташи покойной. Я несколько вызвала примирительных чувств, но взгляд его истекает из какого-то сильного оскорбления. Сказал мне: „Охота вам о нем писать?" Я отвечала: „Он друг мне и человек истории".—„Ну и пусть история о нем говорит, а вам-то что?". Всего не перепишешь, что было, а расскажу при свиданье» (л. 63 об.)

В недатированном письме к Огареву, которое должно быть отнесено ко второй половине февраля 1873 г., Пассек повторила этот рассказ, включив в него еще характерное дополнение: «Сильно восстановлен он против Саши и частию против тебя. Особенно же против Наташи. Ее винит во всех разрывах и неприятностях. Говорил, что Саша непростительно поступил, писавши так о нем (я, право, нигде не видала, чтобы Саша что худое о нем сказал), что у него письма сашины, которые возмущают его, что он в память прежних отношений с ним их никому не сообщит — до того они в дурном свете Сашу кажут (и этому не верю)» (л. 74—74 об.).

Приведенные отрывки имеют и самостоятельное значение: в них выразительно досказана история былой сердечной дружбы между Кетчером и Герценом, превратившейся, под влиянием идейного разрыва и последующего перехода Кетчера в стан реакции, в непримиримую вражду.

Пассек хорошо понимала, какой большой вклад в задуманный ею труд может внести М. К. Рейхель, проведшая ряд лет в доме И. А. Яковлева, знавшая Герцена еще по Вятке, сохранившая прочную дружескую связь с ним до самого конца его жизни.

Первое обращение к Рейхель по интересующему нас вопросу содержится в уже цитированном письме от 28 апреля 1872 г., в котором Пассек делится своим замыслом написать воспоминания «о детстве и юности моей с Александром» и сообщает, что работа ею уже начата. Рассказав о том, каким недостаточным материалом она располагает, Пассек спрашивает: «Нет ли у тебя, или у детей, или у Николая Платоновича его ⟨Герцена⟩ статеек ученических? У дяди ⟨Е. И. Герцена⟩ нет ничего — все сгублено».

Помимо этой основной просьбы — о присылке материалов, которая повторяется и в последующих письмах, Пассек уже в этом письме упоминает и о другом: «Что знаешь, Маша, об Александре, сообщи, пожалуйста, и о Луизе Ивановне, этом добром, родном сердце» (л. 10 об.) К этому

Пассек возвращается и в дальнейшем, но развивает с гораздо большей полнотой и обстоятельностью. Особый интерес для нашей темы представляет листок с отрывком письма, вложенный в письмо от 8/21〈!〉 января 1873 г., но по содержанию с ним не связанный. Сопоставление с другими письмами позволяет отнести этот отрывок к январю-февралю 1872 г. В нем намечена развернутая программа для будущих записок Рейхель:

ОГАРЕВ

Памятник во дворе старого здания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Скульптура Н. А. Андреева, 1921 г.

«Соберись, милая моя Маша, в память Саши и Луизы Ивановны, сядь одна вечерком и вызови прошедшее и что будет проходить перед душой твоей — записывай, что их характеризует — вкратце.

Вот тебе программа:

1) Семейство Эрнов. Очерк матери твоей и члены семейства. Вятка, как с Сашей сошлись. Факты жизни Саши в Вятке при вас. Переезд в Москву твой, расположение к тебе Ивана Алексеевича, его жизнь без Саши. Любовь к тебе Луизы Ивановны.

2) Приезд Саши и Наташи, их жизнь в Москве. Встреча их Иваном Алексеевичем и Луизой Ивановной. Образ жизни их в маленьком домс.

3) Возвращение Саши в Москву из Новгорода, кончина Ивана Алексеевича, твоя любовь к Луизе Ивановне и Коле, поездка в Соколово. Этот круг—кто его составлял. Лица назвать. Отчасти жизнь в Соколове.

4) Отъезд за границу — жизнь в Париже, в Италии, в Цюрихе с Луизой Ивановной и Колей; твое замужество. Как узнали о потоплении Луизы Ивановны и Коли. Кончина Наташи. Дети ее у тебя. Саша в Лондоне. Вот и всё. Слегка очеркни да спиши письма два-три его к тебе» (л. 19—19 об.).

Эта программа свидетельствует о том, что первоначальные планы Пассек — писать о детстве и юности Герцена — теперь значительно расширились: она намерена осветить в своих записках и ряд эпизодов из жизни Герцена за границей и большую надежду в этом отношении возлагает на Рейхель.

Настояния Пассек не были безрезультатны: в недатированном письме, которое следует отнести к концу февраля 1873 г., она писала: «Медведь, благодарю и жму твою мохнатую лапу с чувством. Прекрасно ты написала—просто, дельно. Я, право, с большим удовольствием прочитала твой простой, прекрасный рассказ. Продолжай, медведь, и да осветят тебя святые воспоминания» (л. 34). И дальше Пассек излагает план своей работы на ближайшие месяцы и предупреждает о том, как намерена использовать присланные воспоминания: «В апрельской книге идет 29-й год, в мае—30, 31, 32-й, в июне — 34, 35, 36-й—так распоряжено по работе. Твои, частями, пойдут по годам—в виде писем. Скажется так: „Из писем Маши“» (л. 35).

Получив только начало записок Рейхель (вероятно, оно соответствовало первому пункту приведенной выше программы), Пассек в том же письме побуждает свою корреспондентку не останавливаться на этом и вновь подробно перечисляет, о чем следует говорить в дальнейших частях:

«Я твоим присланным запискам дам форму письма: 1-е — *письмо Маши* из Сибири, 2-е — *письмо Маши* из Москвы. А как ты еще очень немного сказала о Москве, то это второе письмо считается неконченным—добавляй его рассказом жизни в пансионе до приезда Саши в Москву. 3-е —приезд Саши, твой выход из пансиона и жизнь в доме Яковлевых, первое время. Это может занять письма три-четыре и пять, докончишь Иваном Алексеевичем. Тут пройдут, *с твоим взглядом*, *конечно*, все личности, окружавшие Сашу; разумеется, во всем этом первое место он, о котором ты ведешь рассказ в письме, — направление, вечера, разговоры, пиры, рождение детей, Саша во Владимире; какое впечатление было в его семействе, как он увез Наташу. Их приезд в Москву, прием им. Как они раз втихомолку приезжали из Владимира, как мамаша твоя у них была во Владимире, их жизнь в маленьком доме, Медведевы (разумеется, нельзя говорить о бывшей связи у Саши с Медведевой в Вятке), Соколово, прелесть этого места,—можешь писать обо всех личностях, кто был тут,— вреда никому не будет, те времена *прошли**. О Карле Ивановиче Зонненберге пиши, как он сделался постоянным членом дома Ивана Алексеевича, как отъезжал на Кавказ, чем торговал, как возвратился, где помещался, чем занимался в Москве и у Ивана Алексеевича. Как фазанов навез, сколько и как продавал. О Коле бедном пиши — твоем дитяти сердца — о доброй, любящей Луизе Ивановне, ее ко всем человеческом отношении и ласке.

Письмо еще: по смерти Ивана Алексеевича лето в Соколове, разъединение с друзьями, *Покровское не забудь*. Вот тебе два очерка местности — *Соколово*, *Покровское*.

Дальше: отъезд за границу — кто поехал, как поехали. Впечатления за границей первые, обстановка, лица. Ты с Луизой Ивановной и Колей

* *Над этими словами, на верхнем поле приписка:* Белинского не забудь.

часто жили отдельно — ваша жизнь. Холера. Твое замужество. Социалисты. Переворот во Франции.

Еще письмо: Италия — что там было.

Цюрих — да, этот-то рассказ в жизни твоей трагичен и в сашиной — ужасен.

Приезд к тебе в Париж Луизы Ивановны с Колей и гувернером и племянницей, потопление, как ты узнала, какое это на тебя влияние имело.— Кончина Наташи. Страшный период, в который судьба спаяла твое существование с их. Дети у тебя. Саша в Лондоне. — Дальше, что знаешь — дальше мало знаю о твоем соприкосновении с Герценами...» (лл. 35 об.—37).

Эта вторая, расширенная, «программа» интересна не только обилием названных в ней тем личной биографии Герцена, но и широким кругом вопросов идейно-политического содержания, которые Пассек считает необходимым осветить («разъединение с друзьями». «Социалисты. Переворот во Франции»). Нельзя не видеть в этом свидетельство большей широты ее замыслов, чем принято было думать до последнего времени.

В следующем письме (от 6 марта 1873 г.), отвечая, очевидно, на сомнения, выраженные Рейхель, она ободряет ее, убеждает писать воспоминания «не робея — в память Саши» (л. 46). Но преодолеть сомнения Марьи Каспаровны ей не удалось: продолжение записок не приходило. 1 сентября/20 августа 1873 г. Пассек вновь писала: «О продолжении твоих воспоминаний прошу тебя почти слезно. Ну что тебе значит по-медвежьи присесть вечерком, да и вспомнить, как ты жила у Ивана Алексеевича, и отрочество и детство твое, как Саша с Наташей явились, и Коля твой воскреснет перед тобой и весь круг — вся жизнь молодая того времени» (л. 77).

Еще через три месяца, 30 ноября 1873 г., Пассек, возвращая Рейхель воспоминания (копию их она оставила у себя), вновь просит о продолжении:

«...Не откажи мне, Маша, в одолженье — написать, хотя в письме ко мне, кратко, о твоем дальнейшем пребывании в доме Ивана Алексеевича, о характере дома его в то время; о том, как смотрели на его отношенья к Наташе, какое впечатленье на всех вас сделало известие о его женитьбе и их возвращенье в Москву. Также, Маша, напиши, в какое время приехали Медведевы в Москву и зачем. Я тебе и эти письма возвращу, если они надобны для твоих детей, и вероятно, им будет приятно иметь в письмах твое и близких тебе людей прошедшее. Я возьму из них только то, что мне теперь необходимо. Меня все это время в Москве не было. Кроме тебя, Маша, мне не к кому и обратиться...» (л. 61—61 об.).

В последующих письмах Пассек к этому вопросу больше не возвращалась, и продолжение записок Рейхель ею так и не было получено. Известные «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель», изданные в 1909 г., были написаны ею уже в глубокой старости, в начале 900-х годов. В письмах к Е. С. Некрасовой, относящихся к этому времени, она объясняла причины, затруднявшие ее работу: «Я читаю теперь „Былое и думы". Какая мощь, какое перо, я просто за себя испугалась, что начала письменно изъясняться, и не знаю, буду ли продолжать» (письмо от 1 мая 1903 г.— ЛБ., Некр. 1. 4). В следующем письме, от 23/10 мая того же года, она снова возвращается к этой теме: «На меня нашел последнее время столбняк, и я давно ни строчки не писала. Вы советуете не смущаться, а я перед силой *того* слова не могу не чувствовать своей немощи. Я теперь перечитываю из „Былого и дум" с высоким наслаждением, какой необыкновенный талант, да что талант, это гениально» (там же). Можно думать, что те же сомнения затормозили в свое время и ее раннюю работу, оборвавшуюся в самом начале.

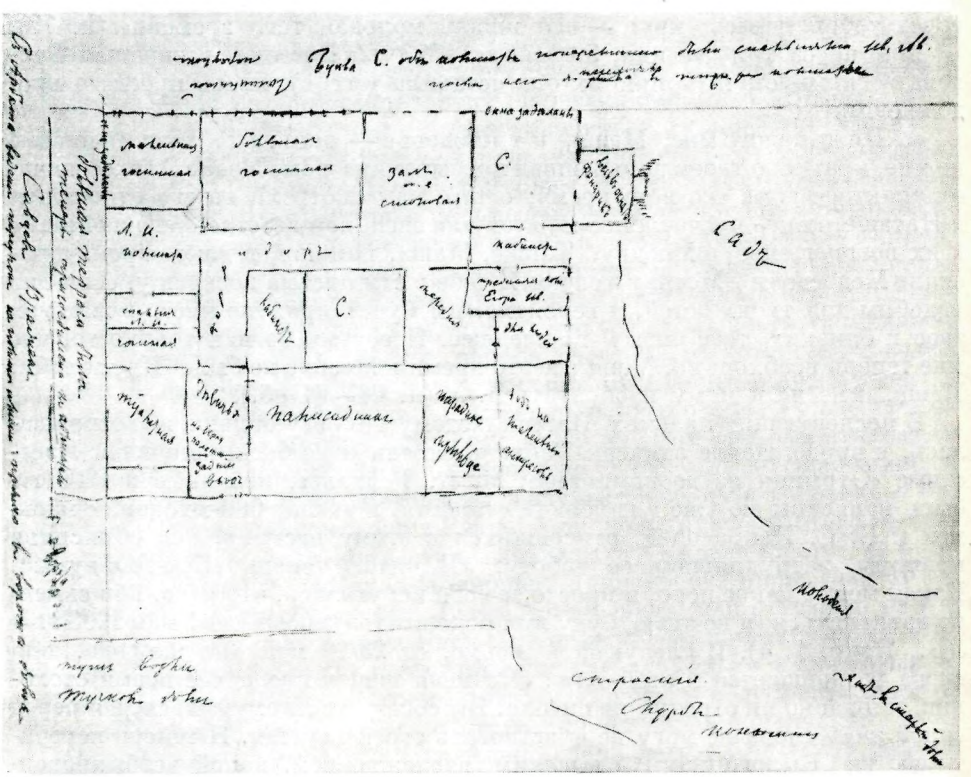
Как мы уже видели, Пассек предполагала включать воспоминания Рейхель в свой текст частями, озаглавливая их как «Письма Маши».

Ни в журнальном тексте «Из дальних лет», ни в отдельном издании их мы не находим ни одного из этих «писем». Но частично дошедшие до нас рукописи записок Пассек подтверждают, что она пыталась осуществить свое намерение.

В архиве «Русской старины» сохранилась рукопись Пассек, озаглавленная «Объявление. Истинная и последняя эмансипация рода человеческого от злейших врагов его» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 13, лл. 329—339). Она содержит переписанный рукой Пассек текст шуточного объявления, написанного Герценом для К. И. Зонненберга, и пояснения к нему самой Пассек (напечатано первоначально в «Русской старине» 1874, № 2; в отдельном издании вошло в состав главы «Реклама» во втором томе записок). Вслед за текстом самого «Объявления», на обороте л. 333 сохранилось начало нового раздела воспоминаний, которое, однако, тогда, в 1874 г., в печать не попало в связи с цензурными препятствиями. Приводим его полностью:

«Разлука с Сашей сильно потрясла расстроенное здоровье Ивана Алексеевича. Вслед за Сашей и Егор Иванович выбыл из дома на квартиру в запасный дворец, где получил место архивариуса. В доме сделалось пусто и мрачнее прежнего. Когда Зонненберг находился в Тегеране или Чуфут-Кале, старик, вдвое больше сгорбленный, вдвое больше угрюмый, садился за стол с глазу на глаз с Луизой Ивановной.

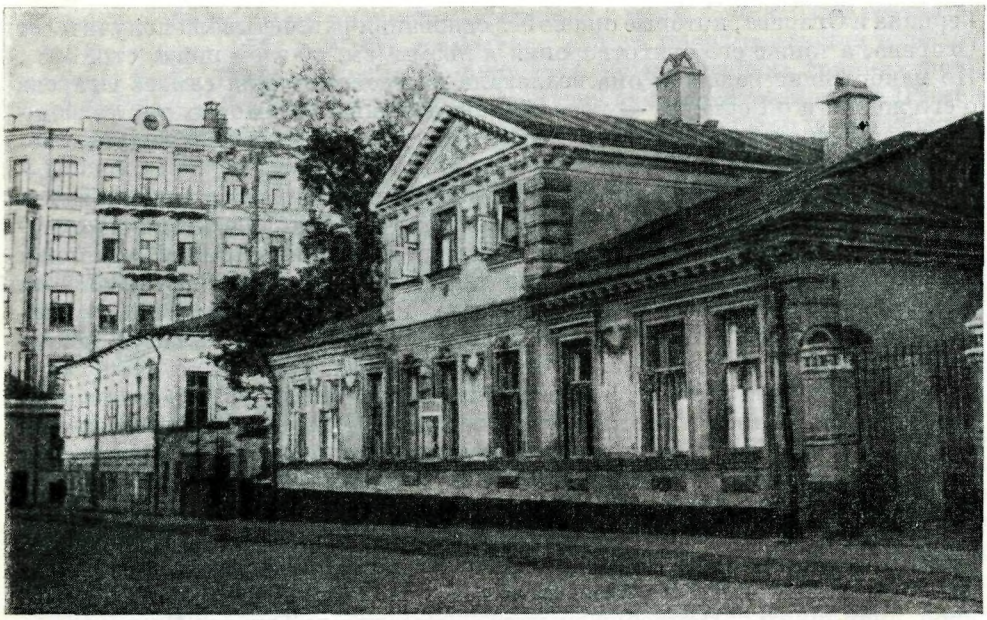
Года через два после отъезда Саши этот безмолвный дом оживился явлением девочки-ребенка — Маши Эренд ⟨!⟩ — из Вятки; и как она



ПЛАН ДОМА И. А. ЯКОВЛЕВА НА УГЛУ СИВЦЕВА-ВРАЖКА И МАЛОГО ВЛАСЬЕВСКОГО ПЕРЕУЛКА В МОСКВЕ: (ТЕПЕРЬ № 25/9)

Сделан М. К. Рейхель в письме к Е. С. Некрасовой, 1901 г. План того же дома (менее тщательно вычерченный) был послан и Т. П. Пассек

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



ДОМА И. А. ЯКОВЛЕВА В СИВЦЕВОМ-ВРАЖКЕ В МОСКВЕ:
(ТЕПЕРЬ № 25/9) и № 27)
Фотография, 1937 г.
Литературный музей, Москва

попала в дом Ивана Алексеевича всего лучше можно видеть из нескольких писем ко мне Маши, которые я позволю себе здесь приложить.

1-е письмо Маши

«Вот задали вы мне задачу, милая Татьяна Петровна, пиши я свои воспоминания, — не скажу, чтобы я неохотно останавливалась мыслью на давнопрошедшем, но оно для других мало интересно. Детство мое не было окружено ни цветами, ни большими радостями, ни большим счастьем. Но что прошло, то нам мило; сверх того, в юности есть будущее; кому не сулит оно золотые горы...»*

Когда Пассек получила в 1876 г. возможность возобновить печатание своих записок, она уже убедилась, что Рейхель не пришлет ей больше продолжения воспоминаний. При таком положении дел помещать их под обещающим заглавием «1-е письмо Маши» не имело смысла. Возможно, что при этом Пассек учитывала и желание самой Рейхель, не хотевшей, чтобы в печати сказано было «Из писем Маши» (см. об этом в одном из писем Пассек к Рейхель, л. 50). И Пассек ограничилась тем, что частью изложила своими словами, а частью привела дословно полученное ею в 1873 г. начало воспоминаний Рейхель, и все это включила без особых выделений в свой собственный текст (П., т. II, стр. 61—62). Этот отрывок, коротко говорящий о первом знакомстве Маши Эрн с Герценом в Вятке и затем о тоскливой обстановке, которую она застала в Москве в доме его отца, имеет весьма небольшое значение для биографии Герцена.

С еще большей настойчивостью и энергией, чем у Рейхель, Пассек добивалась получения нужных ей материалов у Огарева, письменную связь с которым она установила осенью 1872 г. и деятельно переписывалась с ним в течение двух лет (до августа 1874 г.). Ее интересовали письма

* Продолжение «письма» не сохранилось.— *Ред.*

Герцена и Огарева, которые она не без основания рассчитывала получить от Огарева, а также его стихотворения и поэмы (см. об этом ниже, стр. 613). Но наибольшие надежды она возлагала на воспоминания самого Огарева о его жизни и о Герцене, — воспоминания, ценность которых для ее записок она превосходно понимала. Ввиду особой важности этой темы мы остановимся на ней подробнее в следующей главе.

Т. П. Пассек не прекратила своей работы по собиранию писем и мемуаров о Герцене и Огареве и в последние годы своей жизни, когда она готовила к печати главы, составившие содержание третьего тома «Из дальних лет». Значительная часть материала для этого тома была получена ею от Н. А. Тучковой-Огаревой, вернувшейся в Россию и проживавшей в Пензенской губернии, в имении своего покойного отца А. А. Тучкова. В некрологе «Татьяна Петровна Пассек. Заметка к ее характеристике» Н. А. Тучкова-Огарева сама засвидетельствовала, что она начала писать свои воспоминания под влиянием настойчивых убеждений Пассек: «При составлении третьего тома „Из дальних лет" Татьяна Петровна спрашивала меня о многом, разные подробности о семействе Герцена, о Тучковых, я отвечала ей с готовностью, переписывала для нее дорогие письма и посылала ей. Мало-помалу Татьяна Петровна заставила меня набросать для нее отрывки из моих воспоминаний. Без нее, убитая последним тяжким ударом, я никогда бы не принялась за свои воспоминания, я не была в состоянии что-либо припомнить. „Попробуй писать, — писала мне Татьяна Петровна, — тебе легче будет, это своего рода жизнь, все воскресает, порой катится слеза, порой светится улыбка. Не дивись, что в семьдесят пять лет работаю,— в работе жизнь, а без дела пропадешь,— так и стала писать". И она была права: как будто переживая прошлое, я стала спокойнее, терпеливее жить в ожидании конца...». И дальше, заключая характеристику Пассек указанием на ее умение энергично трудиться, она писала: «Она не только трудилась, но умела заставить трудиться и других, в ней была подталкивающая сила, вызывающая энергию других» (РС, 1889, № 7, стр. 188—189. Приведенные в письме слова Пассек взяты из ее письма от 5 сентября 1885 г.; хранится в ЦГАЛИ — ф. 359, оп. 1, ед. хр. 252, лл. 3—6).

Все сказанное находит полное подтверждение в переписке Пассек с Н. А. Тучковой-Огаревой (переписка хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и ЦГАЛИ); некоторые дополнительные данные могут быть извлечены из писем Т. А. Астраковой к Пассек (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

В 1882 г. Пассек узнала от Астраковой, что Н. А. Тучкова-Огарева вернулась в Россию и живет в Яхонтове. Отвечая на настойчивые просьбы Пассек, Астракова тогда же сообщила ей адрес Тучковой-Огаревой (ЛБ, ф. Г.—О. IX, 22, № 2). Однако тяжелая болезнь помешала Пассек сразу установить непосредственную связь с Тучковой-Огаревой.

В феврале 1884 г. Астракова вновь переслала ей требуемый адрес, и только 2 июля 1885 г. Пассек обратилась к Тучковой-Огаревой с дружеским письмом, которое и положило начало их переписке восьмидесятых годов. Уже в этом письме она писала: «Если вы пожелаете, милая Наталья Алексеевна, что пополнить в моих воспоминаниях, я с радостью помещу» (ЛБ, Г.—О. X, 85, № 1). В ответном письме, датированном 18 июля, Тучкова-Огарева обещала пересмотреть «старые письма, не напечатанные стихи Н. П., его музыкальные сочинения», но на просьбу записать свои воспоминания отвечала уклончиво: «Едва ли мне не лучше помолчать» (ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 212, лл. 9—10). Понадобились повторные просьбы и убеждения, чтобы она решилась преодолеть свои сомнения и приступить к работе над записками. Первые главы были ею написаны осенью того же 1885 г.: в письме от 29 ноября Пассек уже извещала ее: «Все полу-

ченное от тебя привожу в порядок, соединяю с моим. Скоро буду печатать» (там же, ед. хр. 252, л. 8). Их совместная работа продолжалась и в последующие годы. Кроме большого количества писем Огарева (ранних лет), Герцена, Н. А. Герцен, Тучкова-Огарева передала в распоряжение Пассек несколько эпизодов из своих воспоминаний, которые и были использованы в главах третьего тома: «Семейство Тучковых», «В Италии», «Во Франции и в России», «Александр Герцен за границей», «Общий фонд», «Болезнь и кончина Александра Ивановича Герцена».

В письмах к Тучковой-Огаревой Т. П. Пассек неоднократно набрасывала программу для ее работы над воспоминаниями. Такую программу находим мы, например, в письме от 14 декабря 1885 г.:

«1) Надобно время твоего сближения с Наташей, ваша переписка.

2) Переписка Александра с Ага, жизнь твоя с Ага в деревне, вызов ваш А⟨лександром⟩ за границу, решение ваше остаться навсегда за границей, как и почему вы решились. Ваша жизнь в Англии вместе с А⟨лександром⟩; тут надо, не распространяясь в разъяснениях, а слегка, как бы под легким покровом; пусть видно, что есть близость, — этого избегнуть нельзя, — а факты покажут, что вы все люди хорошие, да положение было трагичное. Для этого необходимо некоторые письма, хоть отрывки из них. Нерасположение к тебе Мальвиды понятно: без тебя она была лицо, а при тебе она отступила на свое место, — и хорошо, так и следовало.

3) Хорошо сделать очерк вашей жизни с приезда к А⟨лександру⟩, очерк лиц соприкосновенных, цель и деятельность.

4) Образ жизни Наташи с приезда из России. Мальвида — дрянь и вредная, хотела захватить душу детей; понимаю, как мучительно тебе жилось в этой среде.

5) Скажи, что привело Наташу к измене А⟨лександру⟩. Трагичное ее было положение. Из пятой части записок напечатан отрывок „Oceano nox". Это их примирение. Прелестный отрывок. Так как этот факт слишком известен повсюду, то об нем надо сказать очень осторожно и под вуалью. Самое лучшее — письма лиц, хотя отрывки из писем» (ЛБ, ф. Г.—О. Х, 86, № 10. В архивной описи письмо это ошибочно отнесено к 1886 г.).

Выделяя в этой программе ряд тем, касающихся интимных сторон из жизни Герцена и его семьи, Пассек, вероятно, хотела для самой себя уяснить многое, о чем она знала недостаточно полно и точно. Но у нее не было намерения вводить этот материал в свои записки. О занятой ею в этом отношении позиции она писала Тучковой-Огаревой в феврале 1886 г.: «О семейных обстоятельствах как Александра и Наташи, так и твоих, Огарева и Александра я нисколько не упоминаю и не считаю надобным говорить. Это ни до кого не касается. Ни во что не считаю, кто и как на семейные дела смотрит, но важным считаю верный очерк характеристики действующих лиц, так как по этому составляется о них понятие ⟨...⟩ А что говорить о том, что во многих семьях делается нередко. Ни до кого это не касается, да никогда и не выяснишь миллионной доли мелких поводов к тем или другим явлениям» (там же, № 3).

В соответствии с сложившимся у Пассек к этому времени широким замыслом создать в своих воспоминаниях нечто вроде полной биографии Герцена (см. об этом выше, на стр. 574), она в позднейших обращениях к Тучковой-Огаревой все чаще указывает на интересующие ее эпизоды политической деятельности Герцена и Огарева, которые, по ее мнению, желательно осветить в воспоминаниях. В письме от 7 мая 1886 г., намечая содержание третьего тома, Пассек, после упоминания о семейных утратах Герцена 1851—1852 гг., продолжала: «Дальше Англия. Переселение Александра в Лондон, открытие типографии, письмо к Нику, после — потеря фабрики и призыв вас в Лондон. Начало „Колокола", ваш переезд в Женеву, русские эмигранты, общий фонд» (там же, № 5). А в одном

из последних писем, в разгар работы над подготовкой отдельного издания третьего тома, Пассек писала: «Если ты что написала из вашей жизни за границей с Александром, об эмигрантах того времени, которые входили в состав вашего круга, о русских, бывавших у вас, как-то: Энгельсоне и других — то напиши мне, так же как об участии Александра в польском деле и о падении „Колокола“ (ЛБ, Г.—О. Х, 88, № 4). Осуществить в полной мере эти планы Пассек не удалось, но названные ею темы нашли свое отражение в позднее написанной Тучковой-Огаревой расширенной редакции ее воспоминаний, печатавшейся в девяностых годах в «Русской старине» и вышедшей отдельным изданием в 1903 г. (переиздано в 1929 г.).

Последний вопрос, на котором необходимо здесь остановиться, касается характера произведенной Пассек обработки текста воспоминаний Тучковой-Огаревой. Внимательное чтение соответствующих глав третьего тома «Из дальних лет» позволяет установить, что Пассек частью использовала подлинный текст воспоминаний, а в некоторых случаях прибегала к краткому изложению их своими словами. В отношении одной главы, рассказывающей о жизни в Париже, мы имеем возможность более точно судить о качестве напечатанного Пассек текста.

Среди отрывков из воспоминаний Тучковой-Огаревой, хранящихся в ЦГАЛИ, нами обнаружен листок с автографом, озаглавленный «Эпизод из нашей жизни в Париже» (ф. 359, оп. 1, ед. хр. 189). Содержание этого эпизода, формат бумаги, ее цвет и цвет чернил — все это дает возможность установить, что перед нами текст, присланный Тучковой-Огаревой для Пассек. Сопоставление этого текста с напечатанным у Пассек показывает, что она подвергла его легкой стилистической обработке, сняла несколько резких выражений (исправила, например: «Внутренно взбешенная, что мы так безучастны и праздны...» — на: «Раздраженная их безучастием...»); кроме того, она устранила заключительную фразу с намеком на позднейшее сближение Наталии Алексеевны с Герценом: «Странное предчувствие— Наташа мне говорила раз в Париже: „Я более создана для Огарева, а ты для А⟨лександра⟩, в вас жизнь больше кипит, а мы больше созерцаем“». В целом же Пассек очень точно, без какого бы то ни было искажения, передала содержание данного отрывка из воспоминаний Тучковой-Огаревой. Таким образом и этот маленький пример дает возможность снять с Пассек обвинение в бесцеремонном обращении с печатаемыми материалами.

Разумеется, при этой общей оценке работы Пассек должны быть особо выделены изменения, внесенные ею по цензурным соображениям. Ниже (в главе седьмой) будет отмечено, что официальные цензурные документы, касающиеся печатания глав третьего тома «Из дальних лет», почти не содержат данных о вмешательстве цензуры в текст ее воспоминаний. Но и Пассек и ее редактор Семевский вынуждены были считаться с цензурными условиями и вносить требуемые ими изменения до набора текста и до представления готовой книжки журнала в цензуру. Рукописи некоторых глав третьего тома, содержащих материал Тучковой-Огаревой, сохранились в архиве «Русской старины». По ним мы можем судить о характере этого авторского и редакторского приспособления текста к цензурным требованиям. Особенно выразительна в этом смысле рукопись главы V «В Англии» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 37, лл. 81—87 об.).

В приводимых ниже примерах зачеркнутые в рукописи места выделены курсивом. С этими сокращениями глава была напечатана в «Русской старине», 1886, № 11.

л. 83: «Вольную русскую типографию в Лондоне заметили, *в России боялись*».

л. 85: «„Полярная звезда“ и „Колокол“ *шли превосходно*» (вместо зачеркнутого вписано карандашом: «имели успех»).

л. 85: «*Первые листки „Колокола“ имели громадный успех в России*».

М. К. РЕЙХЕЛЬ
Фотография, 1900-е гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

л. 86: «В то время в России все были увлечены государственными реформами: поэты и философы, ученые и промышленники, духовенство и дворянство. *За границей Александр естественно стал центром всего движения.* В Лондон приезжали за лозунгом люди всех сословий и чинов. Голос Александра доходил до *Зимнего дворца и шел вглубь обширной страны русской, пробуждая массы, призывая на великое дело освобождения; для этого дела он пользовался всеми возможными средствами*» (вместо вычеркнутых последних строк вписано: «высших сфер»).

л. 86: «Время от Крымской войны до окончания работ по делу эмансипации было временем высшей деятельности *и самого высшего влияния Александра Г****».

л. 86 об.: Перед абзацем, начинающимся словами: «Не довольствуясь ролью публициста...» — в рукописи зачеркнут большой кусок текста, определяющий позицию Герцена в крестьянском вопросе: «*Никто не может сделать упрека, что дело освобождения крестьян совершено было в духе, выгодном только для дворянства*; *Александр не хотел и слышать о переходном состоянии и желал, чтобы все сделалось помимо того, что составляло века формальное право. Он требовал, чтобы общинное владение развивалось в социалистическом духе, приветствовал волнения на улицах, в клубах, в аудиториях, как предвестников такой революции, которая должна обратить всю Европу в социалистическую республику федеративных государств,—и обманулся как в силе тех кругов, которые вступили в общее с ним дело, так и в понимании самого народа. Мало того,* не довольствуясь ролью публициста...» (и дальше, как в печатном тексте «Русской старины»).

Этот последний пример, содержащий такую сильную и прямую характеристику политических воззрений Герцена, дает ясное понятие о том, насколько печатный текст воспоминаний Пассек оказался обедненным по сравнению с рукописным текстом их.

ПЕРЕПИСКА С ОГАРЕВЫМ И ЕГО РАБОТА НАД «ЗАПИСКАМИ РУССКОГО ПОМЕЩИКА»

Первое обращение к Огареву с просьбой помочь Пассек в работе над записками было передано ему через посредство М. К. Рейхель, которой Пассек писала 28 апреля 1872 г. из Петербурга: «Передай детям ⟨т. е. детям Герцена — *А. Д.*⟩, что целую их и Н. П. обнимаю, — и прошу его, как друга Ал⟨ександра⟩, если есть чем, — поделиться. Хорошо бы часть их переписки поместить — переписавши, прислать можно бы, это бы могло войти в мои записки. Я о их дружбе знаю не очень много, но и о том говорю. Есть у меня несколько в письмах ко мне об нем, т. е. о Николае; помню я и его ребенком и юношей, но мало соприкосновений лично с ним у нас было — он может добавить. Не я его прошу — история просит» (лл. 9 об.—10).

19 сентября того же года, воспользовавшись отъездом за границу Ипполита Пашкова, Пассек передала через него письмо к Огареву, в котором писала: «Я пишу мои воспоминания, под названием „Из дальней жизни". Не *пополните ли вы их*? Печататься будет в Петербурге — в одном из журналов. Мне ближе всех известно время детства и первой юности Александра, а далее — вам. Не дадите ли что-нибудь, ваши с ним отношения характеризующее, поместить *в жизни дальней*?» (*л.* 1—1 *об.*).

Выехав в ноябре за границу и остановившись в Дрездене, Пассек узнала там от навестившего ее Ипполита о его теплой встрече с Огаревым, который не забыл «старого друга Таню». В условиях заграничной жизни препятствий для прямого обмена письмами с политическим эмигрантом не было, и Пассек послала Огареву большое письмо, помеченное 22 декабря ⟨1872 г.⟩/3 января ⟨1873 г.⟩:

«Давно сбираюсь писать вам, Николай Платонович, да все день за день — так и протянула до сих пор, хотя нахожусь за границей уже другой месяц. Об вас имела известие от Ипполита,— он был у меня в Дрездене и говорил, что вы не забыли меня. А я вас очень помню. Немного осталось нас.

Ипполит говорил вам, что я пишу мои записки. Я их давно пишу, в минуты, когда уходишь душой в прошедшее. Конечно, во все периоды жизни моей, с первого ребячества моего, Александр входил сильным элементом в мою жизнь, и что я могу о нем сказать, того никто не может и не знает. Я не хотела печатать эти записки и долго не давала, да думала и не пропустят, едва можно было упоминать о нем и о вас; а тут целая часть жизни; конечно, все это среди моей жизни, но на главном плане *он*.

В „Русской старине" все легко проходит,— там настоятельно просили, и я решилась, кой-что исключивши, но все истинно. Много ссылаюсь на „Былое и думы", делаю оттуда выписки в подтвержденье, и характеристики все из „Былого и дум",— как их Саша составил, так у меня и прошли, неприкосновенно. Три первые главы детства прошли благополучно — к общему удивленью. Просят продолженье,— пишут мне из России, что читают с увлеченьем. Я писала в редакцию, чтобы выслали вам особые оттиски вышедших глав и билет на полученье вам журнала „Русская старина" на 1873 год. Это вам от меня подарок на новый год. На днях, верно, вы получите. Теперь я приготовляю к печати главы, в которых об вас много говорится,— пришлите, если найдете возможным, несколько ваших писем — юношеских, его к вам и ваших, — я их вмещу в мои записки,— все пройдет; чем дальше, тем смелее, тем больше о нем речь. Эпиграфы всех глав — *ваши*, „Юмор" и пр. — и обстановлены воспоминания о нем все его *друзьями* — вы так широко входили в его дальнейшую жизнь, что одни вы можете пополнить воспоминания о нем; пришлите же мне в Дрезден, что *найдете надобным сказать о нем, запишите, я так и внесу, пришлите* несколько писем эпохи вашей юности — о ней теперь речь. Вы перепишите

письма — да вышлите, скорей, чтобы в февральскую книжку попало. Все, что вы имеете сказать о нем и о себе, все запишите, все в моих записках пройдет. Это всех удивляет— как открылась дверь в Россию вашему и его имени. Надобно этим воспользоваться, „tout comprendre — c'est tout pardonner"* — пускай поймут его и вас. Вот чего хочется, и может успею, а вы помогите дать понять, оценить его и вас. — Если есть какие статьи у вас сашины, в юности писанные,— вышлите ко мне, у меня есть некоторые. Всё, что не напечатано осталось из отдаленного времени детства, и юности, не должно пропасть, помогите же мне все восстановить 〈...〉

Говорил мне Ипполит, что вы пишете стихами свои воспоминанья — не дадите ли мне из них эпиграфы, по вашему выбору, а как бы хорошо, если бы вы поместили ваши воспоминанья, теперь, в моих — так, стихами. Я бы ваши стихи, еще нигде и не печатанные, и провела между записок. О вашем детстве, о дружбе с Сашей и проч., что вы найдете надобным, так будем и дальше стихи ваши помещать. Пришлите-ка мне вашу поэму, отметивши, что печатать хотите. Дело-то воспоминаний и будет у нас с вами делом общим.— Пишите скорее ответ. Сделайте мне очерк Зонненберга — как является на свет— и все, кого мы с вами видали в нашей юности,— все они опять оживают. Удивительно увлекаешься, писавши свое *былое*,— и так же вновь теснится грудь. И так же хочется вздохнуть...» (лл. 5—8).

Огарев ответил на это дружеским письмом, которое Пассек опубликовала без даты и с ошибочным отнесением его к весне 1873 г. В действительности оно относится к январю этого года. Огарев извещал ее, что начал писать свои мемуары, и выражал согласие на их напечатание в «Русской старине»: «Письмо твое только что получил, прошедшее воскресло, и я взялся за перо. Пишу сегодня вечером, но на почту отнесу только завтра. „Русской старины" не получал, мемуары свои спишу для тебя, делай из них, что хочешь. Я был бы очень рад, если бы это прошло в „Русской старине". А если нельзя, то эти мемуары все же посылаю тебе и делай из них, что хочешь. Печатай с моей подписью или без всякой подписи — как угодно. Если б оно прошло в России, оно было бы небесполезно, для меня „that is the question"**. А не пройдет в печати, так сохрани для печати и для друзей» («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 66—67).

Откликаясь на это «хотя коротенькое, но теплое» письмо, Пассек, в своем ответе, датированном 1/13 января 1873 г., извещала, что первые главы ее записок «прошли благополучно» и затем продолжала: «Скоро глава пойдет о вас, о вашей дружбе, мне бы хотелось иметь письма четырепять Саши к вам, в первое время вашей дружбы, и отрывок из вашей биографии, что пишете, об этом же — и вашей юности, — интереснее тем, что вами же очерченной...» (лл. 3 об. — 4).

Вскоре первый отрывок воспоминаний Огарева был ею получен. В письме от 8/20 января она извещает «друга Ника» об этом и о плане включения отрывка в ее записи: «Ваши воспоминания помещу в главах, когда о вас речь идет, XI—XII главы, скажу, что оставлены были мне вами давно. Хорошо так будет?» (л. 14 об.). К этому же письму она приложила несколько отрывков из своих записок (из глав IX, VIII), чтобы дать Огареву «понятие о их духе» и, надо думать, со скрытой целью заставить его энергичнее работать над своими воспоминаниями.

Огарев ответил ей на это письмом от 26 января: «Старый друг Таня, давно собираюсь вам отвечать на вашу превосходную присылку, да все как-то сил не хватает, сильно простужен 〈...〉 Жду с нетерпением ваших

---

* «все понять — значит все простить» (франц.).
** «вот в чем вопрос» (англ.).

записок в печати» (письмо не издано; цит. по подлиннику, находящемуся в собрании Ю. Г. Оксмана).

В сохранившемся отрывке другого, тоже январского письма Пассек вновь подтверждала получение записок и просила их продолжения: «*Ваше начало* воспоминаний до сближения с Сашей получила; *с чувством истинной дружбы принимаю их посвящение мне*, так и скажу. Пишите же дальше и высылайте. Вышлите несколько отрывков из ваших воспоминаний *в стихах*. Мы великолепно оживим главу (глава жива) вашей перепиской, вашими воспоминаньями и отрывками стихов ваших; так в России появится тотчас» (л. 62 об.).

В письме от 16/28 января Пассек упрекала Огарева за его медлительность: «Я нахожу, друг мой Ник, что ты безобразнейший из смертных — писем не отыщешь, записок своих не продолжаешь ⟨...⟩ Столько новой жизни и новых интересов возникло, что Саша отнесен к прошедшему, — его забывают — напомним и покажем, как он вошел в настоящее — нельзя забывать заслуг, — покажем, как ты везде с ним рука об руку идешь. Помоги мне в этом, в память твоего друга, с которым слился целями и ради их исполнения оставил за собой родину, огромные средства — да мало ли еще чем ты жертвовал из любви к нему, из любви к великим общим убеждениям — планам» (л. 21 об.).

Настоятельно требуя продолжения записок от Огарева, сама Пассек не теряла времени: присланное начало было ею включено в состав 10-й главы, назначенной для мартовской книги «Русской старины». Недатированное письмо к Огареву (его можно отнести к концу января по ст. ст.) показывает, что Пассек была озабочена точностью своего рассказа и потому послала отрывок из этой главы Огареву на просмотр и исправление: «Посылаю тебе, друг мой Ник, отрывок из моих записок, где впервые идет речь о тебе и где я вместила присланный тобой небольшой отрывок из твоих записок; таким образом, между моими они могут пробраться в Россию *все*. Так как дело касается тебя, а ты сам налицо, то и препровождаю к тебе всё, как будет в печати, чтобы ты просмотрел, проверил, что хочешь переменить — перемени, добавь, прибавь, но помни, что подвергнется цензуре, стало быть, чего не пропустится — того нечего напрасно и писать. Этот отрывок из 10-й главы моих записок, — начало ее уже в редакции, будет печататься на днях, для мартовского номера, а как я посылаю тебе продолженье этой главы, и надобно скорее отправлять окончанье в Петербург, то и прошу тебя, друг, немедля просмотреть, исправить, заметить, — словом, сделать, что желаешь, и прислать скорее мне, а я тотчас отправлю в редакцию. Во 2-й главе идет о тебе гораздо больше — развитие вашей дружбы, *переписка*. Вот бы тут *влепить ваших письма два-три*, как бы хорошо и кстати. Ты, Ник, понатужься, да отыщи...» (л. 75—75 об.) *.

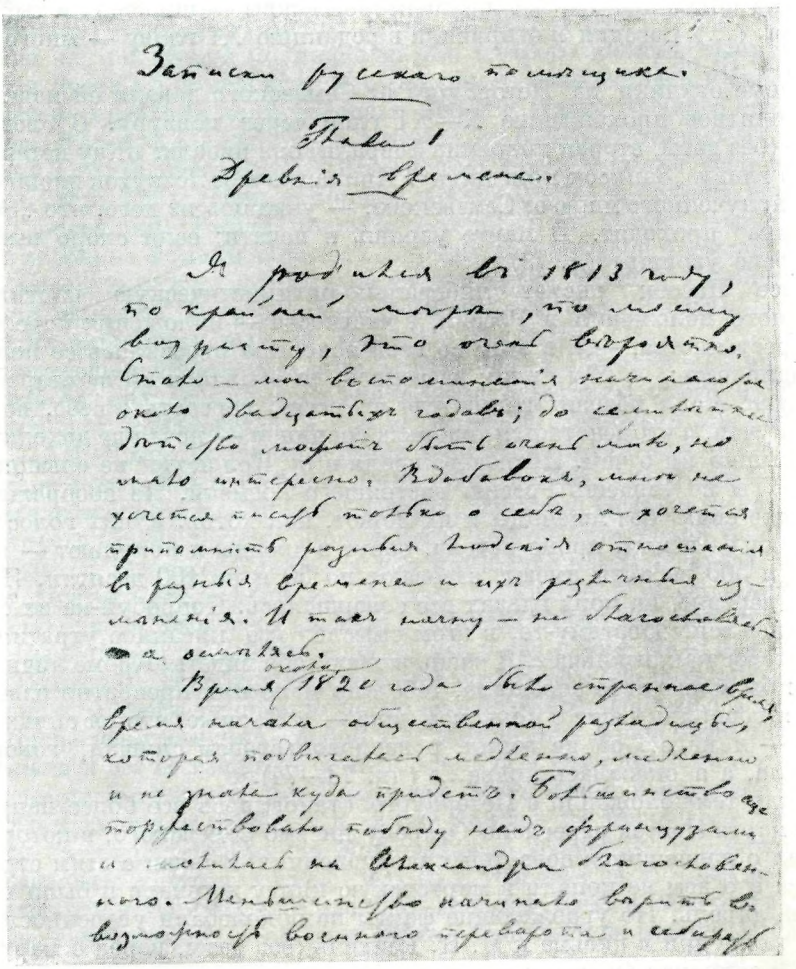
Побуждаемый письмами Пассек, Огарев закончил первую главу своих записок и выслал ее с письмом от 2 февраля. В этом же письме он сообщал, что не может найти своих «стихотворных записок» и писем Герцена: «Они все хранятся у детей и Натали». В конце он набросал коротко свои воспоминания о «немце» (К. И. Зонненберге), которые потом составили содержание второй главы «Записок русского помещика».

«Твоими записками мало-помалу я увлекался в другую сторону. Моего доброго дядьку услали в деревню (за пьянство). Ко мне приставили рябого немца в рыжем парике. Я к нему с первой минуты почувствовал ненависть, как он ни был мне действительно полезен. Он был слишком глуп, чтобы похерить во мне изуверство, но довольно опытен, чтобы развить во мне физическую силу, в которой мой организм нуждался, и я из болезненного

---

* Отзыв о присланном отрывке из воспоминаний Пассек Огарев сообщил ей в письме от 8 февраля 1873 г. (см. текст письма ниже, на стр. 842).

мальчика вышел довольно здоровым юношей. Но всё же наши отношения были такого рода, что я раз схватил его на руки и хотел грохнуть о пол.— „Что это значит?“ — спросил он меня.— „Это значит, что я вас ненавижу“,— отвечал я. Это не помешало ему остаться со мною до моего шестнадцатилетнего возраста, а мне тогда было лет двенадцать.



«ЗАПИСКИ РУССКОГО ПОМЕЩИКА»
Черновой автограф в записной тетради Огарева
Лист 1
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В одном этот немец сделался для меня совершенно полезен. Он свел меня с моим родственником Г<ерцено>м, который был моего возраста, но несравненно развитее меня, и мы с того же времени стали неизменными друзьями...» («Невский альманах», вып. 2. Пг., 1917, стр. 199).

Из ответного письма Пассек от 5 февраля ст. ст. мы узнаем, что присланный материал не мог ее удовлетворить: по забывчивости Огарев прислал ей отрывок, уже раньше ею полученный (л. 84 об.).

В непосредственно примыкающем к этому письме (без даты) она торопила Огарева с продолжением записок, которые должны были войти в XI главу: «...Жду по обещанию твоему присылки продолженья воспо-

минаний твоих. Только не медли, милый друг, я жду их, чтобы вместить в XI главу — она готова — тут о тебе идет речь ⟨...⟩ Я чрезвычайно рада, что ты одобряешь мои воспоминанья — дальше, лучше, если все пройдет, — видал и Семевский, пишет: „Боюсь бурь цензурных" — увидим» (л. 77 — 77 об.; повторение того же в письме от 1/13 февраля).

Через две недели, 14/26 февраля, Пассек писала ему: «В марте идут твои „Записки помещика". Я все ждала второй главы — пишешь ли ты? Я жду и теперь ⟨...⟩ Сегодня я отправила в редакцию XI главу — много идет о тебе» (л. 79 об.).

Первые отклики из Петербурга от Семевского давали ей надежду на благоприятное прохождение X—XI глав через цензуру. В следующем письме (без даты, вторая половина февраля) она писала: «Жду нетерпеливо вторую главу „Записок помещика". Прилагаю тебе лоскуток письма, только что полученного мною от Семевского, — увидишь из него, что „Записки помещика" проходят. В марте узришь в печати; если скоро вышлешь, и в апреле узришь» (л. 73).

Далее Пассек рисует либерально-оптимистическую картину современного положения в России, в частности — положения пореформенного крестьянства, — и в этом со всей ясностью отразилась ее политическая наивность: «...Ты пиши, не ленись, не ссылайся ни на старость, ни на недуги. Если хочешь что-нибудь в Россию передать о себе, вот тебе, друг, случай, а что печатается теперь за границей — почти не доходит туда, и не слышно ни о чем. Последнее время и о „Колоколе" не слышно было ничего. Ты не узнаешь Россию настоящего времени. Не воображай, что крестьяне сидят без пшеницы и их порют, как котов. У них голос есть и еще какой — зе́мли, кроме надела, берут в аренды и покупают — по 100, по 200 и 500 десятин имеют, засевают по 50 и по 100 десятин. Я долго жила в деревне, на моих глазах все совершалось. Попробуй-ка их сечь?— промахнешься. Поэтому-то, в этом смысле, все писанное утратило всякий интерес как отжившее. Я очень желаю тебя видеть. Кроме лично тебя, Ник, я бы много тебе сообщила, тебе или мало или превратно известное. Когда я говорила Саше о польском деле — в Париже, что он сильно ошибается — и падет, он не верил, с неудовольствием слушал, говорил — я отстала, а я оказалась права...» (лл. 73—74).

Между тем положение в Петербурге становилось все более напряженным. 6 марта Пассек переслала Огареву письмо Семевского, в котором тот сообщал о начавшихся цензурных затруднениях. В связи с этим страницы Огарева и о нем не попали в мартовскую книгу журнала и были перенесены на апрель. Но угрожающие факты не поколебали уверенности Пассек. В те же дни в письме к М. К. Рейхель (без даты, перед 6 марта) она писала о записках Огарева: «Прислал Николай Платонович мне одну главу из начала своей жизни под названием „Записки русского помещика" — появится в апреле; я писала в редакцию: эти записки давно у меня (конечно, там поняли, что это *давно* сейчас из Женевы), и прошло в цензуре — уже пишут мне...» (л. 35).

Ниже (в последней главе) мы увидим, что цензурных документов, относящихся к этому эпизоду, нет; поэтому трудно сказать, опиралась ли Пассек на ошибочные сведения из Петербурга, или сама выдавала желаемое за осуществившееся. Возможно, что задержка произошла в высших цензурных инстанциях. Так или иначе, мартовские главы воспоминаний Пассек оказались, как мы увидим при обзоре цензурной истории, последними— с апреля они подверглись длительному и суровому запрещению. Но это не обескуражило Пассек, которая обнаружила при этих событиях незаурядную выдержку и силу характера. В недатированном письме (вторая половина марта) она писала Огареву об опасности, нависшей над апрельским номером «Русской старины»: «...Оттиск моих воспоминаний я полу-

чила обратно — точно ли ты находишь их хорошими? а я уже сомневаюсь. Кроме того, много изменено — пропущено, где добавлено. Я писала в редакцию, что такого произвола допустить не могу. Не знаю еще, вышел ли этот номер в свет. Из редакции мне сообщили, что предполагают, что этот номер цензура не пропустит, через мои воспоминанья. Ввиду такой приятной перспективы — я теперь отдыхаю. А ты, Ник, все-таки продолжай начатые свои записки — я жду вторую главу. Мы найдем как напечатать. Пожалуйста, друг, ниши...» (лл. 47 об. — 48).

Тогда же, во второй половине марта, Огарев закончил вторую главу «Записок русского помещика». Но отсылка ее задержалась в связи с тем, что Пассек переехала из Дрездена в Вену, и новый ее адрес еще не был известен Огареву. 2 апреля она послала ему первое письмо из Вены, и 6 апреля Огарев отвечал ей: «Наконец-то вчера пришло твое послание из Вены, старый друг Таня, и пришло накануне дня *его* ⟨то есть Герцена.— *А. Д.*⟩ рождения. Также пришло сегодня и от Марьи Каспар⟨овны⟩ письмо из Берна с твоим адресом ⟨...⟩ При этой записке посылаю тебе 2-ю главу, которую не знал до сих пор, куда послать. Если что нужно поправить или изменить, я тебе вполне доверяю и теперь примусь за третью» («Невский альманах», вып. II, П., 1917, стр. 197).

В следующем письме (без даты, апрель 1873 г.) Огарев обещал продолжать работу над своими воспоминаниями: «Записки стану продолжать через три дня; мне кажется, я еще не довольно сообразил всё» (П., т. III, стр. 16—17). Было ли это намерение выполнено в эти дни — неизвестно.

Вскоре после этого (точная датировка письма затруднительна, так как начало его не сохранилось), Пассек, известив Огарева о категорическом запрещении ее записок Лонгиновым (см. об этом ниже, на стр. 597), писала, что продолжает работать над ними, убеждала Огарева не унывать и готовить свои записки. В этом же письме Пассек запрашивала Огарева о случае, бывшем в их доме с некоей Марьей Павловной:

«... Сообщи мне, пожалуйста, Ник, что у вас в доме было относительно Марьи Павловны. Я ее видела в то самое время, как она ваш дом оставила. И хотя я была тогда очень молода, но видела общее огорченье и смущенье; потом брала меня княгиня с собой к ее матери, как Маша была больная,— она лежала и все ее тошнило, а мать плакала и тихо все толковали с княгиней, поминая с ужасом имя *Плаутина*. Мать Маши говорила, что отец твой хотел жениться на Маше и дал ей кольцо, но теперь все разорвано. Помню, что от вас присылали Маше разные угощенья, но, кажется, всё они отправили обратно. Помню, что ты с участием к ней был и только о тебе Маша с чувством вспоминала. Ты, кажется, один и навещал ее. Потом они в деревню уехали — сколько помню я и сколько понять могла тогда из общих в их семье толков — Маша, бедная, родила и убита была этим (кажется, Плаутин виноват).

Они возвратились в Москву. При мне приехал к ним Давыд Никифорович — отталкивающая личность — и подарки Маше привез, говорят, это жених ее. Как мне стало грустно за нее и жаль. Она была, точно ей все равно на свете,— и пела мне в этот вечер своим прелестным голосом „гори, гори, моя лампада", а к жениху подходила, как к стене. Потом вышла за него и умерла от чахотки. Саша писал об этом, не называя имен, но не верно. Может, я тронула этим вопросом, Ник, зажившую рану? Ты ее жалел. Прости и пиши по сердцу к своему старому другу Тане...» (лл. 60 об.— 61 об.).

Воспоминания о судьбе этой девушки, возбужденные письмом Пассек, Огарев изложил позднее в третьей главе «Записок русского помещика», где фамилия ее приведена в сокращении М. П. Н—ва. В «Моей исповеди» Огарев назвал эту девушку — Машеньку Наумову — и рассказал о своем юношеском увлечении ею (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953,

стр. 696 — 700). Письмо Пассек содержит некоторые детали, отсутствующие в обоих рассказах Огарева, и может служить для них дополнительным комментарием.

В ближайшее за этим время Пассек из-за семейных тревог (смерть на ее руках в Вене внука Александра) вынуждена была отвлечься от работы над воспоминаниями. Летом 1873 г. она приехала в Швейцарию — сначала в Интерлакен, затем в Вейзенбюль (близ Берна), где она навестила семью Рейхелей, и, наконец, побывала в Женеве у Огарева. Точная дата ее посещения Огарева до сих пор не была известна: в своих воспоминаниях Пассек говорит об этом очень неопределенно. В настоящее время мы имеем возможность уточнить эту дату. В неизданном письме к Бакунину от 26 июля 1873 г. Огарев просит его дружески принять едущего к нему сына Вадима Пассека с женой и делится впечатлениями от встречи с Татьяной Петровной: «Его мать, двоюродная сестра ⟨!⟩ Герцена, у меня в гостях. Действительно, могу сказать, что ее посещение делает меня счастливым. Ей 63 года, а я ее знаю с моего двенадцатилетнего возраста. Пойми же все эти отношения и прими их человечески» (ЦГАЛИ, ф. 49, ед. хр. 4, л. 1. — Сообщено Л. Р. Ланским).

В дни этого свидания Пассек получила от Огарева пачку писем к нему Герцена (см. об этом ниже, стр. 603), но в ее подробном рассказе о встрече с Огаревым нет никакого упоминания о том, что он передал ей продолжение своих записок. Вернее всего, что это продолжение еще не было готово. Во всяком случае, вернувшись в Вену, она возобновила свои атаки на Огарева.

10/22 августа Пассек заканчивала свое письмо к нему словами: «В свободную минуту вспомни свою юность да кой-что запиши и мне пришли» (л. 36 об.). В следующем письме, от 6 сентября/25 августа, ее обращения звучат с прежней настойчивостью, чему, вероятно, способствовали ободряющие известия от Семевского.

Пересылая Огареву письмо Семевского, в котором тот сообщал, что его хлопоты идут успешно и «воспоминания опять явятся в печати», Пассек писала:

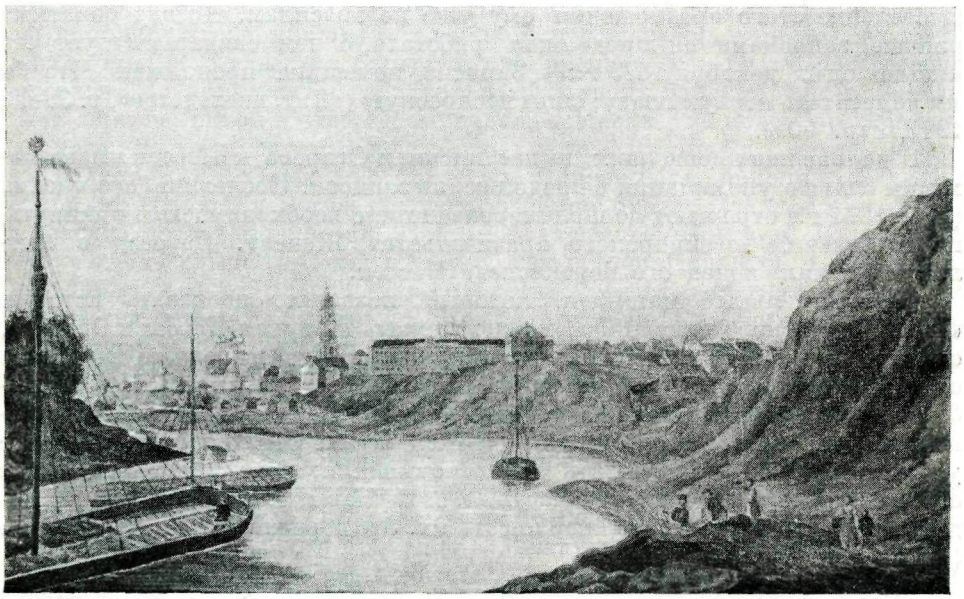
«...Печатать будут находящиеся у Семевского главы, где идет речь о тебе, о твоей дружбе с Сашей, и твои *записки русского помещика* — идут. В таком случае, Ник, стыдно тебе будет, если не будешь писать их продолженье. Примись, друг сердечный, пиши свое „Былое и думы" — мы будем печатать, и сколько по счету выйдет твоего писанья, за то я тебе и деньги буду высылать. Вот, по моему мнению, дело (писать свое „Былое и думы") стоющее, чтобы за него взяться, да взяться путем — с любовью.

Теперь следует твоя юность — дружба с Сашей. Пиши, пиши, милый, — это лучше переводов. Жизнь снова переживешь — всех возьмешь к себе, кого уж нет. Я жду — в прозе ли, в стихах — все равно, можно в пересылку — как лучше выскажется...» (л. 27—27 об.).

В ответ на это и на последующие напоминания Пассек получила от Огарева обнадеживающее письмо от 28 сентября: «Свои записки сообразил, как продолжить...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 602). Повидимому, он действительно что-то написал и отослал Пассек, но и на этот раз сказалась его старческая забывчивость. 1 октября 1873 г. она писала:

«Письма и записки твои получила — спасибо, друг Ник, несмотря на то, что присланные тобой записки твои у меня уже давно имеются — и даже отправлены в редакцию ⟨...⟩ А вот этим ты истинно удружишь, что от Шушки выписываешь разные переписки 30-х годов — это-то и отлично, и чем скорее, тем лучше. Я пишу об этом времени. Поторопи Шушку и перешли скорее мне. Все это будет в моих записках для будущего биографа Саши сохранено. Важно очень. Пиши сам, пожалуйста, о ваших юных годах...» лл. 39—40 об.).

Обращение к Шушке (т. е. к А. А. Герцену) не осталось без ответа. 18 октября Огарев сообщал Татьяне Петровне: «Сегодня, старый друг Таня, получил от Саши посылку. Это мои старые письма к *нему*, а не его ко мне. Но все же они настолько воскрешают юность, что и работа воскреснет...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603). Пассек откликнулась на это известие в письме от 9/21 октября: «Отлично, что ты свои письма к старому Саше получил. Вся прошедшая жизнь ваша воскреснет перед тобой, и записки твои сильно пополнятся. Пиши, мой друг, это теперь твое истинное дело и животворное» (л. 24 об.).



КРУТИЦКИЕ КАЗАРМЫ
Акварель А. Михайлова, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

Следующие письма Пассек были писаны в Праге, куда она переехала из Вены в конце октября ст. ст. Содержание ее обращений к Огареву в это время несколько меняется: не переставая настаивать на продолжении «Записок русского помещика», она вместе с тем побуждает его приняться за писание более подробных воспоминаний, наподобие «Былого и дум». Впервые эта идея прозвучала в письме от 19 ноября/1 декабря 1873 г.:

«Мне кажется, если бы ты взялся от души писать свои воспоминанья со всеми подробностями детства, юности и, наконец, всего, совершавшегося перед тобой в Европе — не остановился бы и настоящее записывать, освещая своими взглядами, мыслью,— это было бы продолжением прежнего, оживило бы тебя — верно, записки твои переплетались бы с стихами. Вот тут ты был бы у себя и оставил бы памятник прекрасный. Не будем же грустить, старина, не сложим рук, пока они двигаются. Пиши, милый, и дай знать своей старой Тане, примешься ли ты за работу, возможную для нас. Я пишу — и чувствую, что пишу все лучше и лучше, чувствую, как ду́хи живые бьются под пером, говоря словами Саши. Все вы тут. Теперь идут — ваш арест, Саши и твоя женитьба. А вот, напиши мне что-нибудь о твоей женитьбе и жизни с М. Л.: я ничего пластичного не

могу сказать. Из сашиных записок нельзя же переписывать, чего не была свидетельницей. У меня одни отрывочки, слухи. Скажи, как жил ты во время ареста. Пишу нашу жизнь с Вадимом в деревне харьковской и надзор над нами Колокольцева. Наш харьковский круг...» (лл. 72—72 об. и 67).

Предлагая Огареву этот широкий план его работы над воспоминаниями, Пассек не могла знать, что еще в 1856—1862 гг. он написал несколько глав из большой автобиографии, названной им «Моя исповедь» (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 659—700). Мы не знаем, как теперь отнесся Огарев к этому предложению — вероятно, он сознавал, что осуществление этого предложения ему уже не по силам. Но над начатыми раньше записками он продолжал работать, о чем свидетельствует его письмо от 23 декабря 1873 г.: «„Записки помещика" продолжаю. Что бы им напечатать первую главу; силы воскреснут» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 604).

В дальнейших дошедших до нас письмах Огарева к Пассек мы не находим больше упоминаний о продолжении записок. Последние его письма (лето 1874 г.) отражают волнения, связанные с необходимостью покинуть, по требованию швейцарского правительства, Женеву. Переезд в Англию положил конец его переписке с Пассек.

Дополнительный материал, который позволяет досказать историю «Записок русского помещика», можно извлечь из писем Пассек к Огареву, относящихся к 1874 г. 15 января (ст. ст.) она отвечала Огареву на его письмо от 14 января (н. ст.): «Старый друг! Письмо твое получила уже в Петербурге. Как видишь, опять на родине — и скоро буду в Москве. Воспоминания обступают со всех сторон — и сколько их! Сегодня буду на вечере у Семевского, — станут читать мои воспоминания; кажется, в марте явятся они в „Русской старине", та часть, т. е. те главы, где твои записки. Надеюсь, все пройдет. Продолжай писать их. Это переживать жизнь снова...» (л. 52—52 об.).

Однако надежды Пассек не сбылись, и главы, предназначенные для мартовской книги 1874 г. (в них шла речь о дружбе Герцена и Огарева), были запрещены, о чем Пассек известила Огарева в письме от 19 июня из Ясс.

В следующем письме, от 18 июля, она выражает сочувствие Огареву в связи с необходимостью покинуть Швейцарию, советует ему ехать не в Англию, а во Францию, а еще лучше — возвратиться в Россию, о чем она готова похлопотать через Н. А. Орлова. Тут же она сообщает о своей переписке с Генри Сэтерлендом, который в это время жил на Украине, и о том, что она предложила ему «пока они в деревне — писать, что помнит из своей жизни и окружавшей его обстановки, — так как он соприкасался к вам ко всем, —и что его записки будут пополнением моих» (л. 58—58 об.). Эти строки служат еще одним доказательством того, как Пассек готова была использовать малейшую возможность для обогащения своих воспоминаний материалами о Герцене и Огареве.

Последнее из писем Пассек к Огареву дошло до нас без начала. Датировать его нужно, вероятно, августом 1874 г. В сохранившейся части письма она впервые говорит о намерении дать в своих записках «полную биографию» Герцена и Огарева. Заслуживает здесь внимания и выраженное ею намерение печатать записки за границей. Насколько реальным и практически осуществимым был этот проект, нам неизвестно, но самое возникновение подобного замысла имеет значительный интерес для истории воспоминаний Пассек. Приводим сохранившуюся часть письма полностью:

«...подробностями, что только знаю и что могу достать, относительно Саши и тебя — письма, записки, действия ваши, чистота чувств и целей ваших — в России и за границей, все тут, насколько будет и есть до-

ступно мне. Это полная биография вас обоих среди моих записок, в которых обо мне лично, неинтересном по себе лице, очень немного; а он, ты, Вадим, семья Пассек, Сибирь, их, ваш круг товарищей юношеский, круг ваш 40-х годов, заграничная деятельность ваша, самоотверженье ради блага человечества, перечень всех сочинений, выбор твоих стихотворений со взглядом на них, все сочинения Саши вкратце, со взглядом, сочинения Вадима, тюрьма, ссылки—все тут теперь идет пространно, сколько могу, — помогают мне люди с талантом в этом деле.

Обращаемся за сведениями, где только можно хоть каплю добыть,— „да *ничто не исчезнет*". Вот эту штуку, их запрещенье, устроили из-за самых невинных записок. Чем можешь, Ник, пополнить *эту вашу биографию*, ты пополни; что помнишь, сам запиши, что желаешь передать; из твоей жизни мне мало известно, больше с того времени, как ты с Сашей юношей сошелся. Да помню тебя ребенком и двух твоих бабушек еще в корчевской деревне, потом и отца твоего видала в Москве, но подробностей этого периода, ко твоей внутренней жизни, потом женитьбы, твоей жизни за границей — это мало мне известно. Пожалуйста, пополни. Печатать будем за границей, когда достаточно полно будет. Нас поддержат — и в Россию доступ получится. Вот им и утешенье! Поделом! Катковы не могут имени слышать Саши и твоего, так и взбесятся. Они и Лонгинова натравили, — в их удовольствие запретил, да еще как! если строчка где покажется, книгу ту остановить. Вот мерзавец-то! Удружим же им и мы.

Пиши мне ответ скорее, чтобы я еще в Яссах получила твое письмо. Около 20-го едем в Одессу. Ипполит меня провожает. Он дружески тебя обнимает и я также — тебя и милую нашу добрую Мери.

Ваш друг всегда Т. П а с с е к.

От Генри имею письмо еще, и ему писала» (лл. 64—65 об.).

Произведенный нами обзор переписки Огарева с Пассек позволяет точно установить, что Огаревым были написаны и отосланы Пассек две главы «Записок русского помещика». Между тем, в распоряжении Пассек были не две, а четыре главы, которые она впоследствии и опубликовала. Когда были написаны третья и четвертая части, остается неизвестным, но наиболее вероятно, что они были написаны поздней весной или летом 1873 г. и затем переданы Пассек во время их свидания в Женеве. При таком допущении окажется, что в позднейших письмах речь шла о последующих главах «Записок», которые так и не были написаны Огаревым. Не исключено, однако, что третья и четвертая главы были созданы в конце 1873 г. или начале 1874 г.; тогда отсутствие в переписке точного упоминания о них придется объяснять неполной сохранностью переписки. Так или иначе, в руках Пассек оказались четыре главы. Как же она распорядилась ими?

Проект их включения в главы, предназначенные для мартовской и апрельской книг «Русской старины» 1873 г., не осуществился из-за цензурного вмешательства. Та же судьба постигла в феврале 1874 г. главу с воспоминаниями об Огареве и с его записками. Единственный след существования этой главы сохранился в «Русской старине», 1876, № 4. В предисловии от редакции, которым открывалась публикация возобновленных воспоминаний Пассек, было дано изложение содержания I—XIV глав, напечатанных в 1872—1873 гг. В конце этого изложения указано: «Дружба Саши с Ником. Впечатление этой дружбы на автора записок...» (РС, 1876, № 4, стр. 810). Но было бы напрасно искать рассказ об этой дружбе в названных главах. Очевидно, это указание попало в печать по случайному недосмотру.

Цензурный запрет в отношении Огарева оказался настолько непреодолимым, что и после 1876 г. глава о нем на страницах «Русской старины» не появилась. И только в 1878 г., т. е. уже после смерти Огарева, Пассек полу-

чила возможность ввести в отдельное издание первого тома «Из дальних лет» главу «Ник» (гл. XV). Содержание ее в значительной мере было заимствовано из «Былого и дум» (глава «Ник и Воробьевы горы»). Сюда же вошли и некоторые собственные воспоминания Пассек о детстве Огарева, а также рассказ о встрече с ним в 1873 г. в Женеве. В эту часть главы она включила и отрывок из «Записок русского помещика» (П., т. I, стр. 236—239), не приведя, однако, их заглавия и представив их как устный рассказ Огарева («Вот что говорит мне Ник о своем детстве»). По своему содержанию эти отрывки соответствуют первым двум главам «Записок».

В 1881 г. Пассек опубликовала в нескольких книгах журнала «Полярная звезда» дополнительные главы «Из дальних лет», посвященные исключительно Огареву («Полярная звезда», 1881, № 1—5). В их состав она включила и все находившиеся в ее руках четыре главы «Записок русского помещика», сохранив при этом и самое заглавие, принадлежащее Огареву. По неизвестной нам причине эта часть воспоминаний Пассек не была ею включена в третий том «Из дальних лет» и впоследствии никогда не перепечатывалась.

В 1924 г. в журнале «Былое» (№ 27-28; на обложке указан 1925 г.) первая и вторая главы «Записок русского помещика» были опубликованы по рукописи, с выделением мест, выпущенных или измененных у Пассек. При этом местонахождение автографа не было указано, а для сравнения был использован лишь текст, включенный Пассек в гл. XV первого тома «Из дальних лет». Текст «Полярной звезды», имеющий, как будет показано ниже, существенные разночтения, не был учтен анонимным публикатором.

В настоящее время известна только одна рукопись «Записок русского помещика», содержащая первую и вторую части. Это черновой автограф, находящийся в одной из записных тетрадей Огарева (ЛБ, Г.— О. VII, № 5, тетр. 35.2, лл. 2—8 об.). С этого текста Огаревым были переписаны его «Записки» для отсылки Пассек. Эта авторская копия до нас не дошла. Между текстом черновика и текстом «Былого» есть ряд мелких расхождений.

Редакция «Былого» предварила свою публикацию следующим примечанием: «„Записки русского помещика“ Н. Огарева использованы Т. П. Пассек в ее воспоминаниях 〈...〉 Но, опасаясь цензуры, автор воспоминаний выбросил множество подробностей. Поэтому редакция „Былого“ считает возможным напечатать по автографу Огарева полный текст „Записок“, отмечая разрядкой то, что из них было выкинуто» («Былое», 1924, № 27-28, стр. 14). Действительно, анализ обоих текстов показывает, что, кроме обычных для Пассек случайных пропусков отдельных слов или легких изменений стилистического порядка, большинство купюр было цензурного характера и, следовательно, от воли автора не зависело. Исключению были подвергнуты все высказывания Огарева против крепостного права и против правительства. Об одной из таких купюр (пропуск строк о попе, страдавшем горловой чахоткой, у которого Ник бывал на исповеди) упоминал Огарев в неизданном письме к Пассек от 8 февраля 1873 г. (см. его текст ниже, стр. 842).

Некоторая часть этих купюр была восстановлена Пассек в тексте «Полярной звезды» 1881 г. — лишнее доказательство ее заботы о качестве печатавшихся ею текстов. Так, в фразе: «Крестьянство, *после спасения отечества, ограбленное и* забитое чиновниками и помещиками, молчало со страха» — часть, выделенная курсивом, отсутствующая в тексте «Из дальних лет», восстановлена в «Полярной звезде». Но следующие за тем слова: «Император *благодушествовал и начинал побаиваться*» — не были восстановлены (следовательно, Пассек и в 1881 г. не могла не считаться с цензурой). Во всяком случае, «Полярная звезда» дает более полный текст первой и второй глав, а для третьей и четвертой глав она сохраняет значение первоисточника.

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАССЕК

Пассек весьма охотно и в большом количестве включала в свои воспоминания письма лиц, о которых ведется рассказ. Разными путями добывала она эти письма: иногда они присылались ей ее корреспондентами в составе их воспоминаний или в виде дополнительного материала к ним (письма от Т. А. Астраковой и Н. А. Тучковой-Огаревой); иногда Пассек получала связки писем от наследников того, к кому они были адресованы (письма Герцена к Витбергу), или от самого адресата (письма Герцена к Огареву).

Среди множества использованных Пассек эпистолярных материалов есть известная часть семейных писем, не имеющих прямого отношения к Герцену и Огареву. Это, например, письма ее деда П. А. Яковлева к дочери, Елизавете Петровне Яковлевой (П., т. I, стр. 28—30) или княгини М. А. Хованской, княжны А. Б. Мещерской и других родственных лиц к тетке Татьяны Петровны по поводу смерти ее матери (П., т. I, стр. 135—138). Никак не связана с Герценом и Огаревым сама по себе чрезвычайно ценная публикация нескольких писем Т. Г. Шевченко к А. И. Толстой, введенных Пассек в текст глав ее воспоминаний, посвященных Ф. П. Толстому (П., т. II, стр. 343—352). В дальнейшем изложении названные материалы (а также аналогичные им) рассматриваться не будут.

Опубликование писем Герцена и Огарева составляет большую историческую заслугу Пассек. Ценность напечатанных ею писем возрастает еще и потому, что подлинники многих из них оказались позднее утраченными и тексты их, включенные в воспоминания Пассек, приобрели значение первоисточников для дальнейших публикаций в собраниях сочинений Герцена.

Так обстоит дело, например, с большой серией писем Герцена к А. Л. Витбергу за 1837—1845 гг. (П., т. II, стр. 50—51 и 126—159). Эти тридцать пять писем, напечатанные относительно полно (и лишь в отдельных случаях приведенные в отрывках), являются ценнейшим источником не только для изучения дружбы Герцена с Витбергом, но и для понимания внутренней жизни Герцена после его освобождения из вятской ссылки. Биографическое значение их неоспоримо, и Лемке, при всем его скептическом отношении к Пассек, ввел их в редактированное им собрание сочинений и писем Герцена (тт. II, III, IV). Беря за основу в большинстве случаев текст отдельного издания «Из дальних лет», Лемке обращался и к «Русской старине» и в некоторых случаях отдавал предпочтение тексту журнальной публикации, как более исправному. По тексту Пассек Лемке напечатал крайне интересное письмо Герцена к Т. А. Астраковой от 18 апреля 1839 г. (II, 259—260), полученное от самой Астраковой вместе с ее воспоминаниями (П., т. II, стр. 88—89). Достоверность этого эпистолярного документа, так же как и серии писем к Витбергу, никем не ставилась под сомнение.

Сложнее дело обстоит с детскими и юношескими письмами Герцена к «корчевской кузине», отрывки из которых также вошли в состав ее воспоминаний. Лемке ввел их в первый том, но при этом высказал ряд серьезных сомнений. Дело в том, что сама Пассек, в главе, посвященной аресту Герцена в 1834 г., рассказала о той тревоге, которая охватила ее и мужа при вести об аресте Саши: «Рассветало. Спать никто не ложился. В нашей комнате затопили печь, и мы сожгли все письма Саши и Ника к Вадиму и Саши ко мне, писанные с его восьмилетнего возраста и до моего замужества ⟨то есть с 1820 до 1832 г.— *А. Д.*⟩. Писем Сашиных ко мне сгорело более двухсот — содержания самого невинного» (П., т. II, стр. 30—31).

Сам по себе этот рассказ вполне правдоподобен: слишком велик был у многих тогда страх перед установленной после 1825 г. системой поли-

цейского сыска и террора. Еще раньше, в главе VIII первого тома, Пассек сообщила о том, что письма Саши, писанные им в «разное время», были «сожжены в то время, как его арестовали». Но вслед за тем она сделала очень существенное добавление: «Некоторые из них я переписала, отрывками, в переплетенную тетрадь белой бумаги, подаренную мне им же с надписью: „Не для вздорных статей“» (П., т. I, стр. 141). И это сообщение звучит также правдоподобно, особенно если принять во внимание столь характерную для той эпохи страсть к переписыванию в тетради или альбомы не только отрывков из прочитанных книг, рукописных сочинений, но и частных писем.

Но в другом месте первого тома Пассек по-иному объяснила наличие в ее руках отрывков из писем Герцена: «В продолжение года, проведенного мною в Корчеве, мы с Сашей беспрерывно переписывались. Жаль, что из этих писем уцелели только немногие отрывки,— и то случайно. Саша раз, перечитывая свои письма, взял у меня некоторые из них, понравившиеся ему юностью и свежестью, чтобы поместить в своих воспоминаниях, которые иногда отрывками набрасывал. Отдавая ему письма, я опасалась, что они у него затеряются, и сделала из некоторых выписки» (П., т. I, стр. 217).

Приведя эту выдержку, Лемке резонно замечает, что «до 1834 г. Герцен вовсе не приступал к своим воспоминаниям» (I, 22), и напоминает другое, нами выше процитированное заявление Пассек о сожжении всех писем Саши в 1834 г. Из всего этого Лемке делает следующий вывод: «Таким образом, все письма и отрывки 1834 года приходится принимать на веру» (там же).

Бесспорно, Пассек этими разноречивыми сообщениями весьма затруднила решение вопроса. Но разноречивость их оказывается не абсолютной: в сущности, в обоих случаях она пишет об оставшихся выписках из писем и только по-разному объясняет, почему эти выписки были ею сделаны. И у нас нет оснований сомневаться, что она действительно сохранила в отрывках некоторые из писем к ней Герцена.

Известное подтверждение правдивости ее сообщений мы находим в ее письмах к Рейхель и к Огареву. 28 апреля 1872 г. она писала к Рейхель: «Жаль, что его детские письма ко мне сожжены с другими бумагами, когда его арестовали. Он с 10 лет писал мне — и до моего замужества, потом и из ссылки нам с Вадимом вместе несколько раз. Из прежних писем его у меня есть некоторые, — немного их,— будут напечатаны в моих записках, в нашем общем былом, кое-что в памяти моей уцелело — все с любовью воскресает» (л. 9). В письме к Огареву от 19 сентября 1872 г. она писала: «К сожалению, письма его ко мне с 8-летнего его возраста и до моего замужества утрачены, есть некоторые отрывки, да два письма цельные из Новгорода» (лл. 1 об.—2). То же она повторила в письме к нему от 14 февраля 1873 г.: «Есть небольшие отрывки из его писем ко мне — были списаны. Было пропасть, все исчезло, уничтожено. Есть еще два его письма из Новгорода ко мне и к Вадиму» (л. 79 об.).

Трудно допустить, что она так последовательно, не сбиваясь, давала ложные сведения и в дружеских письмах, и в печатном своем труде. Нам представляется, что отрывки из писем Герцена к ней до 1834 г., которые Лемке принимал на веру и печатал поэтому с большим сомнением, должны быть признаны как достоверно принадлежащие перу Герцена. Разумеется, точность их текста проверена быть не может: Пассек могла и делать купюры, и сокращать длинноты, и заменять по своему усмотрению отдельные слова или выражения, как она это делала позднее при печатании писем к ней Огарева (см. ниже, стр. 602—603).

Письма Герцена к Пассекам, написанные после 1834 г., сожжению, повидимому, уже не подвергались. Но обменивались они письмами в эти годы очень редко в связи с идейным отчуждением, которое все больше от-

даляло их друг от друга. В приведенных выше словах Пассек говорится о двух «цельных» письмах из Новгорода. В составе воспоминаний «Из дальних лет» мы этих писем не находим — вероятно, Пассек не сочла, в конце концов, возможным их опубликовать. Но не исключено, что она неточно указала место их отправления. В ее книге мы находим большое письмо из Владимира от 4 ноября 1839 г., адресованное Вадиму и Т. П. Пассекам (II, 336—338; П., т. II, стр. 269—271). Другое большое письмо датировано 23 января 1841 г. и относится ко времени пребывания Герцена

ДОМ И ЦЕРКОВЬ В ПЕРХУШКОВЕ, ИМЕНИИ А. А. ЯКОВЛЕВА («ХИМИКА»)
Фотография, 1912 г.
Исторический музей, Москва

в Петербурге, перед отъездом в новую ссылку, в Новгород (II, 408; П., т. II, стр. 293—294). Кроме того, Пассек привела (П., т. II, стр. 288) приписку Герцена к письму Вадима Пассека к ней от 11 октября 1840 г., из Петербурга (II, 373—374) и два отрывка из позднейших писем (июнь 1843 г. — П., т. II, стр. 306; т. III, стр. 242 и лето 1844 г. — П., т. II, стр. 321; т. III, стр. 413—414).

Последний из этих отрывков Пассек сопроводила замечанием: «Почти этими словами он начал писать в Покровском ряд писем об изучении природы, обращенный к друзьям» (П., т. II, стр. 321). И действительно, этот отрывок почти точно совпадет с началом первого письма «Эмпирия и идеализм» из цикла «Письма об изучении природы» (изд. АН, т. III, стр. 91). Трудно сказать, существовало ли в самом деле подобное письмо Герцена к Пассекам, или Т. П. Пассек просто воспользовалась готовым текстом из «Отечественных записок» 1845 г.

Переписка Герцена с Пассек возобновилась в 1859 г., когда она с семьей выехала за границу и первоначально остановилась в Дрездене. В свои воспоминания она включила адресованную ей первую приписку Герцена в письме к Рейхель и два отрывка из последующих писем, полученных уже ею непосредственно (П., т. II, стр. 352—353; Лемке, X, 132, 183, 200). Третий отрывок («Тебе бог попрыскал очи такой водой...»), якобы тоже

из письма к ней, в действительности взят из письма Герцена к Огареву, приведенного ею позже, в третьем томе, стр. 141—142 (у Лемке — XX, 274—276—от 15 мая 1868 г.). Других писем этого периода в ее записках нет. О причинах этого мы узнаем из сохранившейся в архиве «Русской старины» рукописи главы XXXII (в отдельном издании—XLII) «Из дальних лет». После рассказа Пассек о встрече в Париже с Я. Толстым, которому она показала письма Герцена, в рукописи зачеркнута фраза: «Впоследствии я их сожгла без всякой надобности; сама не знаю, зачем» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1977, л. 15 об.). Этому сообщению можно, повидимому, верить, хотя сожжению подверглись не все письма: два из них (от 12 мая 1860 г. и от 21 января 1861 г.) были позднее переданы ею Н. В. Соловьеву-Несмелову, сотрудничавшему в «Игрушечке». В 1914 г. их опубликовал И. Шляпкин («Русский библиофил», 1914, № 6, стр. 22—23; Лемке, X, 306 и XI, 19). В обоих этих письмах Герцен высказывает свой взгляд на взаимное увлечение сына Татьяны Петровны, Александра, и М. А. Маркович (Марко Вовчок). Возможно, что именно это и заставило Пассек отказаться от опубликования этих писем. После 1861 г. переписка между Герценом и Пассек прекратилась.

Во время второго выезда за границу (1872—1874) Пассек деятельно переписывалась с Огаревым. В своих воспоминаниях она напечатала ряд писем к ней Огарева. Общее количество опубликованных ею писем этой серии до сих пор не поддавалось точному учету. Б. П. Козьмин в предисловии к публикации девяти писем Огарева к Пассек по автографам Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне хранятся в ЦГАЛИ) указал, что она напечатала 22 письма («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 598). Однако эта цифра неверна, так как некоторые из писем печатались ею повторно, чего Б. П. Козьмин не учел. Составители библиографического указателя «Материалы для библиографии опубликованных писем Огарева» Л. С. и Р. С. Мандельштам писали о невозможности точно определить число изданных писем Огарева и ссылались при этом на пример с его письмами к Пассек: «Особенно затруднен подсчет писем, адресованных к Т. П. Пассек. Известно, как небрежно публиковала она документальные материалы. В различных ее публикациях встречаются письма, текст которых совпадает только в начале или в конце. Это обстоятельство ввело в заблуждение последующих публикаторов» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 910).

Изучение всех дошедших до нас писем Огарева к Пассек (как опубликованных, так и сохранившихся только в автографах), а также сопоставление их с ответными письмами Пассек позволило нам установить их общее количество и определить их хронологическую последовательность. Результаты этого изложены нами в справке, помещенной в приложении к настоящей работе (см. стр. 641—646).

Из общего числа известных нам 30 писем Пассек опубликовала 16. В автографах до нас дошло 14 писем, из которых 9 было опубликовано в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941; 4 письма публикуются нами впервые (см. стр. 641); одно остается неизданным. Кроме того, в «Невском альманахе», вып. II, Пг., 1917, было опубликовано по автографам еще 4 письма (местонахождение этих автографов в настоящее время неизвестно). Из числа писем, опубликованных в названных изданиях, четыре были ранее напечатаны в воспоминаниях Пассек. Это дает нам возможность сделать более точные выводы о приемах ее обращения с письмами и о степени достоверности опубликованных ею текстов.

Обращение Пассек с текстами писем Огарева следует признать весьма свободным. Не считая случаев пропуска отдельных слов (в чем можно было бы видеть результат простой небрежности), она смело сокращала текст, опускала дату письма или заменяла ее ошибочными указаниями

на время его написания. Кроме того, она охотно прибегала к приему своеобразного монтажа, соединяя отдельные части разных писем или прибавляя к одному письму несколько строк от другого письма. При повторной публикации одного и того же письма она не всегда придерживалась опубликованного прежде текста и помещала или более полный, или более сокращенный его вариант. Но для объективной оценки работы Пассек необходимо принять во внимание, что, во-первых, производя сокращения в публикуемых письмах и допуская переделки, Пассек не преследовала при этом целей тенденциозного искажения текста и не извращала его смысла; во-вторых, мы не обнаружили ни одного случая, когда бы Пассек под именем Огарева напечатала свой собственный текст.

Особенно много писем было помещено Пассек в третьем томе «Из дальних лет». Среди них выделяются два крупных цикла: 1) письма сороковых-пятидесятых годов, присланные Пассек Н. А. Тучковой-Огаревой, среди них письма Огарева к Н. А. Тучковой, Н. А. Герцен к ней же, А. И. Герцена к дочерям А. А. Тучкова, его же к Огареву (П., т. III, стр. 87—120) и 2) письма Герцена к Огареву за период с 1866 по 1870 г. (там же, стр. 135—211). На последних мы в дальнейшем и остановимся, поскольку история их получения от Огарева и позднейшей публикации заключает в себе ряд эпизодов, представляющих большой интерес для нашей темы.

Начиная публикацию писем Герцена к Огареву, Пассек предпослала им короткую справку, в которой весьма глухо и неопределенно писала: «Имея несколько писем, писанных Александром Ивановичем в продолжение двух последних лет его жизни, я решилась поместить некоторые из них сперва в уважаемом мною журнале „Русская старина“, а потом среди моих воспоминаний „Из дальних лет“» (П., т. III, стр. 135). В действительности в публикацию ею были включены письма нескольких последних лет (1866—1870); в «Русской старине» было сказано правильно: «Имея несколько писем, писанных Александром к Огареву в продолжение четырех последних лет его жизни...» (РС, 1886, № 11, стр. 318). Более точные данные об обстоятельствах получения этих писем сообщены были ею в ранних главах «Из дальних лет». В главе XV «Ник» она впервые коротко рассказала о своей встрече с Огаревым в Женеве в 1873 г. Здесь мы читаем: «Я провела у Ника весь день. Зная, что я пишу мои воспоминания, для пополнения их Ник дал мне несколько писем Саши, писанных им к нему в продолжение двух последних лет его жизни, которые они провели розно: Ник — в Женеве, Саша с семейством — переезжая из места в место» (П., т. I, стр. 235; ср. вариант этого же сообщения—П., т. III, стр. 26—27). Наконец, более подробный и живой рассказ о передаче ей писем она дала в третьей главе «1873» третьего тома:

«Когда я вошла к Нику проститься, он был уж на ногах. Поздоровавшись со мною, он подошел к небольшому бюро красного дерева, стоявшему в углу гостиной, подозвал меня, вынул из бюро пачку писем, писанных к нему Герценом за упомянутые два года, и передал их мне, сказавши: „Так как ты пишешь свои воспоминания и более о людях и времени, в которое они жили, то вот тебе письма Александра, ко мне писанные во время его переездов за два последние года его жизни. Выбери из них те, которые найдешь большее подходящими для объяснения чего-нибудь, когда найдешь в этом надобность, и печатай в своих воспоминаньях „Из дальних лет“; предоставляю их тебе в твое полное распоряжение, как мою собственность“.

Я все письма перечитала, выбрала из них те, которые более объясняли тот период времени и его жизнь, в которой были писаны, а остальные возвратила Нику. У меня осталось 75 писем. Бóльшую часть из них я решилась поместить в моих записках, как исторический факт, не только что с разрешения самого Ника, но отчасти по его желанию и потому, что нашла

это частию полезным для прекращения ошибочных взглядов и обвинений на дорогие мне личности» (П., т. III, стр. 43).

Этот рассказ Пассек требует критической проверки. Несомненным в нем следует считать только факт передачи ей Огаревым пачки писем в дни их июльской встречи 1873 г., а также общее количество полученных ею писем — 75 или около этого.

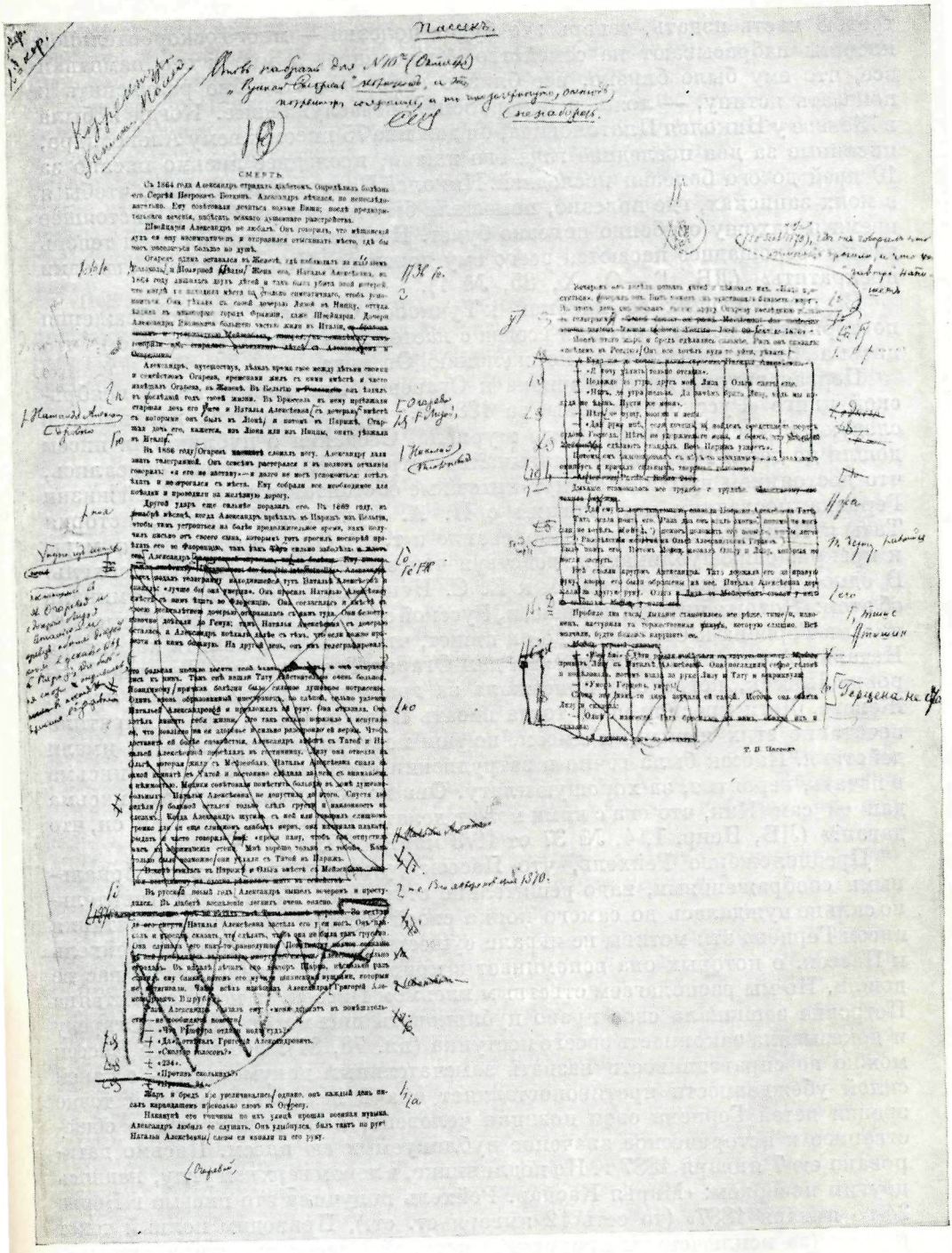
Можно не сомневаться в том, что она пересмотрела данные ею письма и выбрала из них часть (вряд ли только она имела время для внимательного прочтения и отбора — вернее всего, что дело свелось к беглому просмотру и отбору в значительной мере случайному). Но в приведенном рассказе подчеркнуто, что Огарев передал ей письма по своей инициативе и при этом предоставил ей право их печатать в составе ее воспоминаний. Это вызывает *сомнение. Письма Пассек к Огареву (до лета 1873 г.) содержат* многократно повторенные настойчивые просьбы прислать ей его раннюю переписку с Герценом (за тридцатые годы). Надо думать, что Пассек ехала в Женеву с твердым намерением преодолеть инертность Огарева и добыть у него письма, в то время очень для нее важные, поскольку она работала над ранними главами своих записок. Когда по приезде в Женеву она узнала о неизвестных ей раньше поздних письмах Герцена к своему другу, она, конечно, приложила все старания, чтобы получить хотя бы часть их. Она была в этом крайне заинтересована, и инициатива здесь принадлежала бесспорно ей.

Вряд ли Огарев, передавая ей письма, так прямо предназначал их для включения в состав «Из дальних лет»; вероятно, он имел в виду помочь ей ориентироваться в фактах биографии Герцена последнего периода и использовать эти письма как подсобный биографический материал. А для Пассек было очень важно опереться при позднейшем печатании этих писем на прямо выраженную волю Огарева, поскольку ей приходилось, как мы увидим ниже, оборонять свое право опубликования этих писем от детей Герцена. Косвенное подтверждение этого мы находим в письмах Пассек к Огареву, в которых она запрашивала его согласия на опубликование в «Русской старине», по желанию Семевского, некоторых из этих писем. 6 сентября/25 августа 1873 г. она писала: «Просит он ⟨Семевский⟩ еще письма два напечатать из данных тобой мне писем Саши — это можно только, где нет слова о семейных делах — а только говорящее за ваше чистое, благородное направление и любовь к родной стране. Что ты на это скажешь — немедленно на все отвечай аккуратно» (л. 28). Напоминая в одном из позднейших писем о том же предложении Семевского, она вновь просила: «Сообщи, согласен ли» (л. 32). Если бы Огарев передавал ей письма с прямым пожеланием напечатать их при первой возможности, у нее не было бы надобности через два-три месяца спрашивать у него согласия на публикацию этих писем.

Ни одно из писем Герцена к Огареву в 1873 г. напечатано в «Русской старине» не было. Не появились они и в 1876 г. и в последующие годы, когда печатались главы, вошедшие затем в состав первых двух томов «Из дальних лет». Надо думать, что публикации этих писем препятствовали цензурные условия. Только в середине восьмидесятых годов, когда Пассек работала над главами третьего тома своих записок, явилась реальная возможность напечатать хранившиеся у нее письма. Вместе с другими материалами третьего тома письма Герцена, по мысли Пассек, должны были служить целям опровержения «оскорбительной клеветы» против Герцена и его семейства, распространявшейся в русском обществе и нашедшей отражение в литературе (например, в романе Н. А. Таль* «Жизнь за жизнь»). 2 июля 1885 г. Пассек писала Н. А. Тучковой-Огаревой: «Думаю

---

* Н. И. Утиной.


Пассекъ.

19)

СМЕРТЬ.

КОРРЕКТУРНЫЕ ГРАНКИ НАБОРА «ВОСПОМИНАНИЙ» ПАССЕК ДЛЯ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1887 г.

Экземпляр с вычерками А. А. Герцена из главы о смерти Герцена, написанной Н. А. Тучковой-Огаревой

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

третью часть издать, теперь это будет полезно — много оскорбительной клеветы набрасывают на семейство Александра, а мне и его память и все, что ему было близко, все близко и дорого. Надобно разъяснить и показать истину, — ложь и оскорбления незаслуженные. Когда я была в Женеве у Николая Платоновича, он дал мне 75 писем к нему Александра, писанные за два последние года его жизни, последнее письмо писано за 10 дней до его болезни последней. Николай Платонович просил, чтобы я в моих записках, где полезно, помещала бы эти письма <...> В настоящее время я нахожу особенно полезно будет. Несмотря на давность, и теперь да еще беспощаднее касаются всего ему дорогого. Надобно такие выходки прекратить» (ЛБ, Г.—О. X, 85, № 1).

В последующих ее письмах к Тучковой-Огаревой эти соображения повторяются неоднократно и всегда с настойчивым подчеркиванием, что письма будут печататься по желанию Огарева.

Первая группа писем Герцена к Огареву была напечатана в ноябрьской книге «Русской старины» за 1886 г.; продолжение их появилось в следующей, декабрьской, книге журнала. Сведения о публикации писем дошли до детей Герцена и чрезвычайно встревожили их. Они опасались, что достоянием публики станут интимные обстоятельства семейной жизни Герцена последних лет (нелады с Н. А. Тучковой-Огаревой, история Таты и Пенизи, ее нервное заболевание и т. п.). Они предприняли меры к прекращению публикации, действуя через посредство М. К. Рейхель. В одном из позднейших писем к Е. С. Некрасовой Рейхель вспоминала об этом: «Потом я читала, не знаю, в „Русской старине" или „Русской мысли", письма Герцена к Огареву, где он пишет, что не может понять характера Натальи Алексеевны. Эти письма дал Огарев Тане, то есть Татьяне Петровне Пассек, когда она приезжала за границу и когда Огарев жил в Женеве. Дети просили меня тогда писать Пассек, чтобы она прекратила печатание этих интимных писем, но мои повторяемые просьбы не имели действия. Пассек была вечно в затруднении средств и давала эти письма в печать, вероятно, за хорошую плату. Она на том стояла, что эти письма дал ей сам Ник, что она с ними может делать, что хочет. Знал ли он, что давал?» (ЛБ, Некр. I, 4, № 37 от 16/3 марта 1903 г.).

Предположение Рейхель, что Пассек руководствовалась материальными соображениями, надо решительно отбросить. Хотя она действительно сильно нуждалась до самого конца своей жизни, но в деле печатания писем Герцена эти мотивы не играли существенной роли. Письма Рейхель к Пассек, о которых она вспоминает в приведенной выдержке, до нас не дошли. Но мы располагаем ответным письмом Пассек, в котором Татьяна Петровна защищала свое право публиковать письма Герцена к Огареву и доказывала законность своего поступка (лл. 78, 81). Это письмо Пассек можно по справедливости назвать замечательным документом — с такой силой убежденности противопоставляет она в нем узко-семейной точке зрения детей Герцена свои позиции человека, ясно понимающего общественное и историческое значение публикуемых ею писем. Письмо датировано ею 7 января 1887 г. На подлиннике, в левом верхнем углу, надпись другим почерком: «Марья Каспар. Рейхель получила это письмо в Берне 24-го января 1887» (то есть 12 января ст. ст.). Приводим полный текст письма (за исключением приписки, в которой Пассек изложила содержание одной из журнальных рецензий на ее воспоминания):

«Милая Маша,

Я получила твое письмо, в котором ты сообщаешь, что дети Александра Ивановича протестуют против обнародования его писем к Н. П. Огареву и выражают желание, чтобы дальнейшее печатание этих писем было приостановлено.

Мне сердечно жаль, что дети А. И. Герцена могли выразить подобное желание, я полагаю, что если бы покойный отец их мог выразить свое мнение, ⟨он⟩, конечно, был бы против такого протеста.

Александр Иванович — прежде всего русский общественный деятель, и русское общество интересовалось его деятельностью не как семьянина, а как писателя и публициста. Время его деятельности входило в известную эпоху русской жизни, и знакомить с историческим ходом упадка его значения имеет интерес и в настоящее время, — и, по моему глубокому убеждению, наступил тот момент, когда следует, по возможности, осветить последние годы его жизни. Этой цели служит обнародование этих писем.

Я имела полное право выбора момента, когда их следует напечатать, потому что того, кому они были адресованы, кто мне их передал и кто, если б был жив, один мог судить о своевременном или несвоевременном их напечатании ⟨уже не было⟩. Но теперь я считаю своим долгом выполнить то, что он желал и для чего даны были мне эти письма.

Дети желают знать, почему напечатаны. Не считаю себя в праве отказать им в удовлетворении их желания. Вот почему: передавая мне эти письма, Ник сказал: „Ты печатаешь свои записки „Из дальних лет“,— вот тебе некоторые письма, письма Александра ко мне за два ⟨в действительности, за четыре — см. выше, стр. 603. —*А. Д.*⟩ последние года его жизни, время упадка „Колокола“; они имеют значение, и я желал бы, чтобы ты поместила, когда найдешь это возможным и удобным“. Скажу даже более. Это может удивить их — сотням тысяч учащейся молодежи даже незнакомо и имя Герцена. Об этом можно жалеть, но те, кто понимает, ценит покойного, должны, по возможности, стараться возбудить интерес к лицу, которое со временем, конечно, займет вполне заслуженное место среди выдвинувшихся русских людей.

Что же касается до твоего личного впечатления, оно меня нисколько не удивляет, ты слишком далеко от России и почти совершенно чужда ей и с русской точки зрения не можешь смотреть на Александра Ивановича и судить о нем. Ты судишь как близкий ему человек, забывая, что его нельзя приравнивать к частным лицам.

Письма же общественных деятелей, раз как они имеют историческое значение, нередко печатаются, почти вслед за их кончиной.

Надеюсь, этого объяснения достаточно.

Я не вижу права вмешиваться кому бы то ни было, следует ли печатать эти письма. Как на частного человека, равно как и на детей его, письма эти не бросают никакой тени. Неужели они забывают, что обязанность литературы выше личности? Общественный же интерес и память об их отце как выдающемся русском деятеле заставляет напоминать о нем и выставлять в истинном свете именно теперь, когда в России начинают забывать его. Им, живущим вдали родины, быть может неизвестно, что есть много интеллигентных лиц в России, которые знакомы с Александром Ивановичем только понаслышке. Даже письма Жуковского, Тургенева, Пушкина, Костомарова и многих других, даже письма покойного императора А⟨лександра⟩ Н⟨иколаевича⟩ самого интимного характера печатались теми, в руках которых они находились или находятся. Все, что я могу сделать, это предъявить ⟨!⟩ дальнейшее печатание записок, что дети Александра Ивановича не желают, чтобы письма эти ⟨были⟩ обнародованы, и при этом объяснить причины, по каким я не считаю себя вправе сделать то, что они желают.

В кратких словах я тебе изложила в этом письме все, что касается этого дела.

Дружески жму тебе руку

Т. Пассек».

24 января М. К. Рейхель переслала письмо Пассек А. А. Герцену, сопроводив его следующими словами: «Препровождаю сейчас полученное мною письмо от Татьяны Петровны и предоставляю тебе судить о ее выводах...» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 322, л. 1).

Копию этого письма Пассек тогда же послала М. И. Семевскому, находившемуся за границей, в Висбадене. 4/16 февраля он отвечал ей: «Письмо ваше от 20 января с приложением копии письма к М. Рейхель я получил 25 января ⟨...⟩ Очень хорошо вы сделали, что написали ваше разумное письмо к г-же Рейхель. Обождите терпеливо моего возвращения в первой половине мая месяца в СПб; тогда мы перетолкуем о продолжении ваших записок и напечатании к ним приложений» (ИРЛИ, ф. 430, № 26, л. 5).

Следовательно, печатание материалов Пассек после декабря 1886 г. было приостановлено Семевским. Он вынужден был пойти на это, потому что А. А. Герцен, действовавший от имени всех детей Герцена, не ограничился обращением к Пассек через посредство Рейхель: в декабре 1886 г. он направил в адрес «Русской старины» на имя Семевского телеграмму с просьбой остановить дальнейшее печатание публикаций Пассек. Не посчитаться с телеграммой Семевский не мог. Но при этом он предпринял меры, чтобы запрет с писем был снят. 12/24 февраля 1887 г. он обратился к А. А. Герцену с письмом (оно сохранилось в «пражской коллекции»— ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 322), в котором писал:

«Во исполнение вашего желания я немедленно приказал моему помощнику остановить помянутое печатанье записок Татьяны Петровны, несмотря на то, что окончание ее записок уже было набрано и *в корректуре* оттиснуто.

Сегодня я получил через СПб из конторы моего журнала письмо ваше от 26 января/7 февраля 1887 г.

Мне очень было приятно прочесть в нем, что вы никогда ничего не будете иметь против издания документов относительно отца вашего.

Впрочем, не могло и быть иначе со стороны человека науки, каковы вы, и притом сына публициста, всегда ратовавшего за самую широкую гласность и пользовавшегося ею в самых значительных размерах.

Ввиду этого и чтоб удовлетворить, хотя частью, желание Татьяны Петровны Пассек — женщины высоко достойной и глубоко сердечно расположенной ко всей вашей фамилии, не позволите ли вы прислать вам *корректуру* последней серии сообщенных ею документов? Вы просмотрите корректуры, сделайте надлежащие по вашему личному желанию необходимые исключения и затем корректуры пришлите ко мне.

Затем я приму на себя — перед Татьяной Петровной, *будто бы* я сделал все помянутые исключения, на что как редактор журнала я, конечно, имею право.

Итак, жду от вас ответа; согласно с ним пришлю вам корректуру, но прошу ее не пересылать в Париж, а поступать исключительно по вашему усмотрению и корректуру во всяком случае мне возвратить сюда...».

Свое обещание Семевский выполнил и послал А. А. Герцену на просмотр корректурные гранки набора «Из дальних лет» (последняя группа писем Герцена к Огареву, 1869 г.—начало 1870 г., и воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой о болезни и смерти Герцена). В архиве «Русской старины» сохранился экземпляр этих гранок, возвращенный А. А. Герценом (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 37, лл. 217—224). На обороте последнего листа адрес: «Mons. M. Semevski. Deutscher Hof. Interlaken» и три почтовых штемпеля: «Lausanne — 28.VII.87, Bern — 28.VII.87, Interlaken — 28.VII.87».

Этот любопытный документ позволяет определить характер той «домашней» цензуры, которой подвергнута была публикация Пассек. Гранки испещрены вычеркиваниями отдельных мест, а иногда целых столбцов.

Полностью были вычеркнуты письма 1869 г.: от 2 ноября (XXI, 512), от 11 ноября (XXI, 516—517), от 12 ноября (XXI, 517—518), от 13—14 ноября (XXI, 522—524), от 22—23 ноября (XXI, 528), от 26 ноября (XXI, 529—530), от 19 декабря (XXI, 538), от 23 декабря (XXI, 540—541). Кроме того, были вычеркнуты отдельные куски в ряде других писем. Правке подверглись и воспоминания Тучковой-Огаревой о болезни и смерти Герцена, в частности был перечеркнут подробный рассказ о болезни Таты и самый конец главы: «Потом она ⟨Н. А.⟩ обняла Лизу и сказала: „Одни и навсегда". Тата бросилась к ним, обняла и сказала: „Я никогда вас не оставлю"». В корректуре был набран уже смягченный Пассек вариант этого конца. В черновой рукописи стояло: «Обнявши Лизу, я сказала: „И навсегда мы одни". Тата бросилась к нам и прижала нас к сердцу. „Я никогда вас не оставлю",— сказала она, и я поверила. И она, которую я спасла, она меня оставила» (ИРЛИ, ф. 430, № 54, л. 4).

Дети Герцена добились таким образом изъятия всего, что в письмах Герцена или в рассказе Тучковой-Огаревой характеризовало семейные нелады, неприязнь между ними и Натальей Алексеевной, всего, что касалось нервного потрясения, пережитого Татой. В таком урезанном виде публикация и появилась в октябрьской книге «Русской старины» за 1887 г.

Семевскому не удалось утаить от Пассек факт его обращения к сыну Герцена. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 23 октября 1877 г. она изложила всю историю, обнаружив при этом правильное понимание позиций, занятых в этом вопросе детьми Герцена: «Семевский пробыл за границей все лето и часть зимы. Виделся с Сашей Герценом *, который говорил ему, что он и сестры его очень встревожились, узнав, что печатаются письма их отца к Огареву. Они думали, что в этих письмах будет говориться о Наташе, о любви к ней слепого, об ее помешательстве и об истории покойной Натали. Дивлюсь, как это могло им придти в голову. Семевский показал ему письма Александра, в которых вредного ни для кого нет, и сказал им, что главный интерес их отец, а о детях даже позабыли в России, что они существуют» (ЛБ, Г.—О. X, 87, № 3).

Дальнейший текст этого письма представляет значительный интерес тем, что проливает свет на вопрос о судьбе находившихся в руках Пассек подлинников писем Герцена к Огареву: «При этом Семевский сказал ему, по моему поручению, что я, взявши от Огарева эти письма, решила по напечатании передать их детям и пятнадцать лет продержала у себя и решилась исполнить желание Ника, когда, по моему мнению, настало для этого время ⟨...⟩ Когда вышел возмутительный роман Утиной и ко мне стали обращаться с вопросами, так ли это, — я решила, что настала пора издавать эти письма, также писанные Натали Герцен и Огаревым и тебе. Они были осязательные факты, оправдывающие все дорогие мне лица, которые были так позорно заклеймены. И они оправдали. Повидимому, все они теперь успокоились При этом Семевский сказал Саше, что как только письма будут напечатаны, то он, по моему поручению, доставит к нему их. И на слова Саши, что он готов мне заплатить за них деньги, Семевский сказал, что я никаких денег не возьму. Тогда он сказал, что пришлет мне за них письма Ника, писанные в ответ на эти письма, и что я могу их напечатать в моем отдельном издании» (там же).

Мы имеем возможность документально подтвердить достоверность этого сообщения Пассек. Среди ее бумаг, далеко не полностью дошедших до нас, сохранилось письмо к ней Семевского: «Только сегодня, 13 ноября 1887 г., исполнил я возложенное на меня вами поручение возвратить письма профессору Герцену, писанные его отцом к Н. П. О—ву ⟨...⟩

* Находящиеся в нашем распоряжении материалы не подтверждают факта личной встречи Семевского с сыном Герцена, хотя такая встреча, возможно, и состоялась.

Отправил в заказном пакете (имею почтовую расписку) и вложил ваше к нему письмо; надеюсь, что он исполнит свое обещание и пришлет письма покойного поэта Николая Платоновича, которые я вам и передам для записок» (ИРЛИ, ф. 430, № 26, л. 7). Возможно, что именно об этой пачке возвращенных писем писала Н. А. Герцен Лемке как о своей неожиданной находке (см. в настоящем томе, стр. 834—835).

Факт возвращения сыну Герцена писем его отца к Огареву засвидетельствован записью А. А. Герцена, сохранившейся в «амстердамской коллекции»: «56 писем Герцена к Огареву за три последние года получены от г-жи Пассек в обмен на посланную ей переписку Огарева с его первой женой. Конец 1887» (подлинник на французском языке).

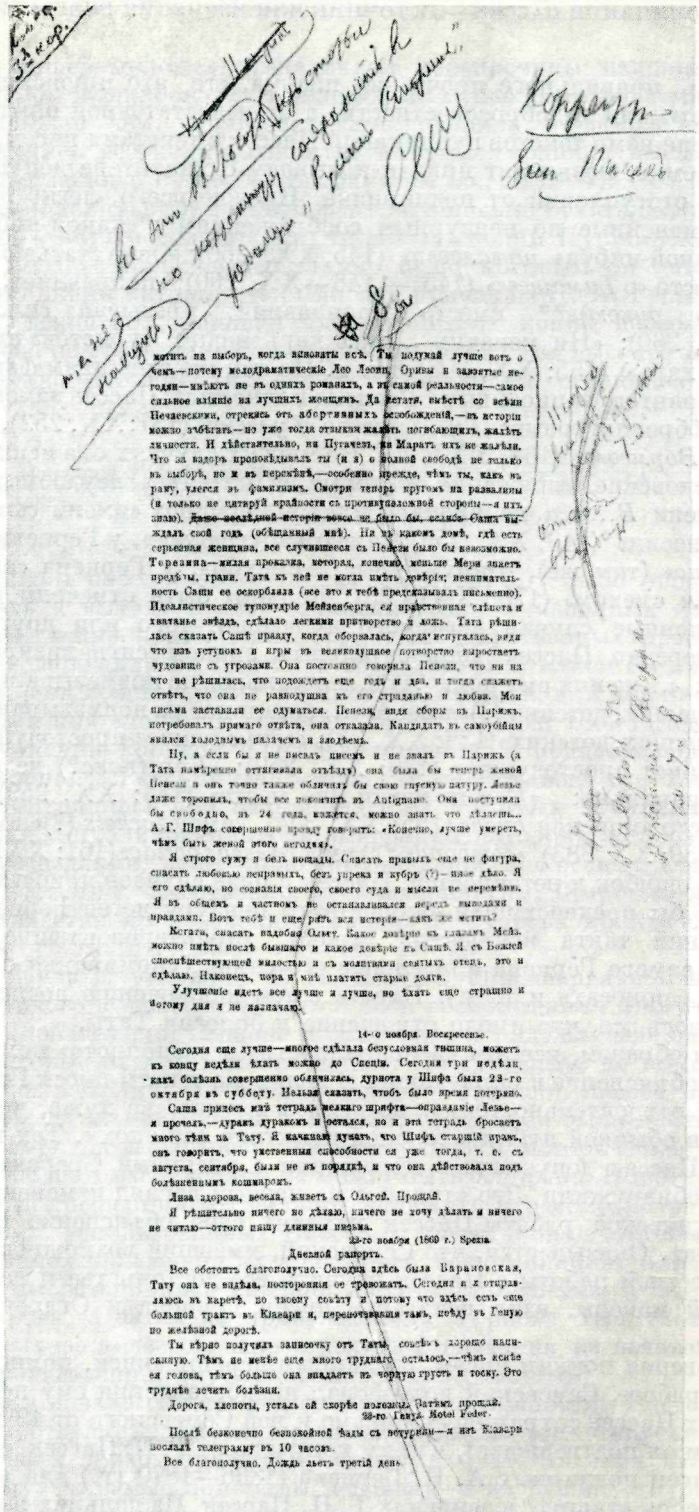
Как видим, А. А. Герцен несколько своеобразно сдержал свое обещание: вместо писем Огарева к Герцену он прислал в распоряжение Пассек письма Огарева к его первой жене Марье Львовне, которые не представляли никакого общественного интереса (см. об этом письмо Пассек к Н. А. Тучковой-Огаревой от 17 января 1888 г.—ЛБ, Г.—О. X, 88). Естественно, что и Пассек, и Семевский посчитали их публикацию нецелесообразной.

Последний вопрос, который необходимо осветить в связи с письмами Герцена к Огареву, касается текстологического качества публикации Пассек. Лемке, печатая письма, — впервые приведенные у Пассек,— по подлинникам архива семьи Герцена и Пушкинского дома, а иногда по копиям Пушкинского дома (о них см. ниже, стр. 613), каждый раз неукоснительно отмечал: «напечатано неисправно у Пассек», «несколько неполно и неисправно», «очень неисправно» и т. д. Требованиям научной текстологии XX века работа Пассек, разумеется, не соответствует, но характер допущенных ею неисправностей не дает оснований для такой резкой оценки.

Прежде всего, Пассек допустила много ошибок в датировке писем, в частности, неверно указывая год написания писем. Но очевидно, что, в условиях полной неразработанности биографии Герцена в те годы, ни одному публикатору не под силу было бы точно датировать письма, не имеющие обычно у Герцена обозначения года. Не всегда легко было установить и место отправления письма. В таких случаях Пассек прибегала к помощи Н. А. Тучковой-Огаревой — единственно доступного ей человека, который мог восстановить последовательность частых переездов Герцена в последние годы его жизни. В письмах Пассек к Тучковой-Огаревой мы встречаемся с настойчиво повторяемыми просьбами сообщить ей порядок переездов Герцена. Мы не знаем, удовлетворила ли Наталья Алексеевна ее просьбы, но, думается, что и она не всегда в состоянии была ответить на эти вопросы Пассек.

Сознавая, что в хронологии писем ей не удалось до конца разобраться, Пассек — и в этом еще раз сказалась ее добросовестность как публикатора — в рукописи главы второй третьего тома своих воспоминаний поместила следующую оговорку: «...Из числа писем, полученных мною от Огарева, я отобрала себе 75 писем, без хронологического порядка, а по содержанию, которые показались мне более интересными, остальные возвратила Огареву. Поэтому трудно определить правильно, в какое время и в каком порядке совершались переезды Александра с места на место,— можно только по догадке и некоторым данным» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 37, л. 92—92 об.). В текст главы, напечатанной в «Русской старине», этот абзац не вошел.

Пассек прилагала немало усилий, чтобы верно разобрать трудный почерк Герцена, не ошибиться в написании названий местностей, упоминаемых им (так, например, ее смутило название: «Prangius», т. е. Prangins, о котором она тоже запросила свою корреспондентку). И если она не всегда



мстить на выборъ, когда виноваты всѣ. Ты подумай лучше вотъ о чемъ—почему мелодраматическіе Лео Леони, Оривы и завзятые негодяи—имѣютъ не въ однихъ романахъ, а въ самой реальности—самое сильное вліяніе на лучшихъ женщинъ. Да кстати, вмѣстѣ со всѣми Нечаевскими, отрекись отъ абортивныхъ освобожденій,—въ исторіи можно забѣгать—но уже тогда отвыкни жалѣть погибающихъ, жалѣть личности. И дѣйствительно, ни Пугачевъ, ни Маратъ ихъ не жалѣли. Что за вздоръ проповѣдывалъ ты (и я) о полной свободѣ не только въ выборѣ, но и въ перемѣнѣ,—особенно прежде, чѣмъ ты, какъ въ раму, улегся въ фамилизмъ. Смотри теперь кругомъ на развалины (и только не цитируй крайности съ противуположной стороны—я ихъ знаю). ~~Даже послѣдней исторіи вовсе не было бы, еслибъ Саша выждалъ свой годъ~~ (обѣщанный мнѣ). Ни въ какомъ домѣ, гдѣ есть серьезная женщина, все случившееся съ Пенези было бы невозможно. Терезина—милая проказка, которая, конечно, меньше Мери знаетъ предѣлы, грани. Тата къ ней не могла имѣть довѣрія; невнимательность Саши ее оскорбляла (все это я тебѣ предсказывалъ письменно). Идеалистическое тупоумудріе Мейзенберга, ея нравственная слѣпота и хватанье звѣздъ, сдѣлало легкими притворство и ложь. Тата рѣшилась сказать Сашѣ правду, когда оборвалась, когда испугалась, видя что изъ уступокъ и игры въ великодушное потворство выростаетъ чудовище съ угрозами. Она постоянно говорила Пенези, что ни на что не рѣшилась, что подождетъ еще годъ и два, и тогда скажетъ отвѣтъ, что она не равнодушна къ его страданью и любви. Мои письма заставили ее одуматься. Пенези, видя сборы въ Парижъ, потребовалъ прямаго отвѣта, она отказала. Кандидатъ въ самоубійцы явился холоднымъ палачемъ и злодѣемъ.

Ну, а если бы я не писалъ писемъ и не звалъ въ Парижъ (а Тата намѣренно оттягивала отъѣздъ) она была бы теперь женой Пенези и онъ точно также обличилъ бы свою гнусную натуру. Левье даже торопилъ, чтобы все покончить въ Antignano. Она поступила бы свободно, въ 24 года, кажется, можно знать что дѣлаешь... А. Г. Шифъ совершенно правду говоритъ: «Конечно, лучше умереть, чѣмъ быть женой этого негодяя».

Я строго сужу и безъ пощады. Спасать правыхъ еще не фигура, спасать любовью неправыхъ, безъ упрека и кубръ (?)—иное дѣло. Я его сдѣлаю, но сознанія своего, своего суда и мысли не перемѣню. Я въ общемъ и частномъ не останавливался передъ выводами и правдами. Вотъ тебѣ и еще разъ вся исторія—какъ же мстить?

Кстати, спасать надобно Ольгу. Какое довѣріе къ глазамъ Мейз. можно имѣть послѣ бывшаго и какое довѣріе къ Сашѣ. Я съ Божіей споспѣшествующей милостью и съ молитвами святыхъ отецъ, это и сдѣлаю. Наконецъ, пора и мнѣ платить старые долги.

Улучшеніе идетъ все лучше и лучше, но ѣхать еще страшно и потому дня я не назначаю.

14-го ноября. Воскресенье.

Сегодня еще лучше—многое сдѣлала безусловная тишина, можетъ къ концу недѣли ѣхать можно до Специи. Сегодня три недѣли, какъ болѣзнь совершенно обличилась, дурнота у Шифа была 23-го октября въ субботу. Нельзя сказать, чтобъ было время потеряно.

Саша принесъ мнѣ тетрадь мелкаго шрифта—оправданіе Левье—я прочелъ,—дуракъ дуракомъ и остался, но и эта тетрадь бросаетъ много тѣни на Тату. Я начинаю думать, что Шифъ старшій правъ, онъ говоритъ, что умственныя способности ея уже тогда, т. е. съ августа, сентября, были не въ порядкѣ, и что она дѣйствовала подъ болѣзненнымъ кошмаромъ.

Лиза здорова, весела, живетъ съ Ольгой. Прощай.

Я рѣшительно ничего не дѣлаю, ничего не хочу дѣлать и ничего не читаю—оттого пишу длинныя письма.

23-го ноября (1869 г.) Spezia.

Дневной рапортъ.

Все обстоитъ благополучно. Сегодня здѣсь была Барановская, Тату она не видѣла, постороннія ее тревожатъ. Сегодня и я отправляюсь въ каретѣ, по твоему совѣту и потому что здѣсь есть еще большой трактъ въ Кіавари и, переночевавши тамъ, поѣду въ Геную по желѣзной дорогѣ.

Ты вѣрно получилъ записочку отъ Таты, совсѣмъ хорошо написанную. Тѣмъ не менѣе еще много труднаго осталось,—чѣмъ яснѣе ея голова, тѣмъ больше она впадаетъ въ чорную грусть и тоску. Это труднѣе лечить болѣзни.

Дорога, хлопоты, усталь ей скорѣе полезны. Затѣмъ прощай.

23-го Генуя. Hotel Feder.

Послѣ безконечно безпокойной ѣзды съ ветурини—я изъ Кіавари послалъ телеграмму въ 10 часовъ.

Все благополучно. Дождь льетъ третій день.

КОРРЕКТУРНЫЕ ГРАНКИ НАБОРА «ВОСПОМИНАНИЙ» ПАССЕК ДЛЯ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1887 г.

Экземпляр с вычерками А. А. Герцена из писем Герцена к Огареву

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

добивалась правильного прочтения письма, то это происходило не от небрежности или недобросовестности, а от недостаточной опытности.

Сличение нами текстов публикаций Пассек с текстами писем, приведенными у Лемке, позволяет придти к выводу о характере допущенных ею ошибок и отступлений от подлинника. Прежде всего, легко выделяются места, измененные по цензурным соображениям*: «какой-нибудь *ш—ъ*» вместо «какой-нибудь *шуваловец*» (145; XX, 260); «Одна статья о *Г—еве* хороша» вместо «о *Тимашеве*» (145 — 146—XX, 260); «поправляет, урезывает (*властною рукою*)»** вместо «поправляй, урезывай *самодержавно*» (146; XX, 260); «Ни мерзких ...*ских* харь наших туристов» вместо «*генеральских* харь» (155; XX, 308) и т. п. По тем же причинам фамилии русских эмигрантов, написанные у Герцена полностью, Пассек заменяла в ряде случаев аббревиатурами: «*Гу...*» вместо «*Гулевич*» (137; XX, 252), «с *В—сом*» вместо «с *Вормсом*» (168; XXI, 20). Во многих случаях она исключала резкие герценовские выражения, которые ей казались неудобными для печати: «имени *В...мса* не произносил», у Герцена: «имени *сопли Вормса* не произносил» (145; XX, 259); «я его изругаю *по-*», у Герцена: «изругаю *по-матерно*» (там же), «окруженные... смехом», у Герцена «окруженные *ерническим* смехом» (170; XXI, 25). Должны быть отмечены и довольно многочисленные случаи неверного прочтения того или другого слова, причем нередко Пассек вопросительным знаком сигнализировала свое сомнение: «...из них ему долг 7000, а остальное на подмазывание *польск.*— типогр., наших, детских (?)» вместо «... остальное на подмазывание *колес* — типогр., наших, детских» (136; XX, 37); «*единодушное* простодушие» вместо «*естественное* простодушие» (136; XX, 250); «*Как* (*пока*?) не найти мне места», правильно: «*Как* не найти мне место» (144; XX, 259), «морская *база*» вместо «морская *биза*» (155; XX, 304), «имел *tochets* (?)» вместо «имел *lachêté*» (159; XX, 383), «*sombonds*»(?) вместо «*sous bande*» (161; XXI, 9). Кроме всех этих ошибок и неточностей, Пассек в ряде случаев прибегала к купюрам. Как бы предвосхищая «домашнюю» цензуру детей Герцена, она из соображений такта исключила строки, характеризовавшие состояние здоровья самого Герцена или членов его семьи (упоминания о «прыщах», «чирьях», «поносах» и т. д.). Вместе с тем исключению последовательно подвергалось все, что имело отношение к болезни Таты.

Таким образом, все эти «неисправности» и «неполнота» получают естественное объяснение и оправдание. В целом же тексты писем Герцена даны у Пассек относительно точно, во всяком случае, не хуже, чем это было принято в обычной публикаторской практике той эпохи. Тех вольностей, которые Пассек допускала в обращении с письмами Огарева к ней, мы здесь не обнаружили. Это странное на первый взгляд изменение качества текстологической работы Пассек находит свое объяснение в архивных материалах. Оказывается, что Семевский, имевший возможность за много лет совместной работы с Пассек изучить все достоинства и недостатки ее авторской манеры, взял печатанье писем Герцена к Огареву под свой контроль.

Не доверяя копиям писем, сделанным переписчицей, помогавшей Пассек в ее работе, Семевский потребовал предоставления ему подлинников. В бумагах Пассек сохранилось письмо к ней Семевского от 19 мая 1886 г., в котором он подтверждает, что им получено от Т. П. Пассек «*шестьдесят восемь* писем подлинных А. И. Герцена (1866—1870 гг.) для напечатания их в „Русской старине" в записках Т. П. Пассек „Из дальних лет"» (ИРЛИ, ф. 430, № 26, лл. 1—2). А в октябре того же года он, посылая ей корректуру и ее копии, заклинал ее: «...но бога ради, не по ним делайте поправки,

* В последующих примерах даем ссылки на страницу третьего тома «Из дальних лет» (СПб., 1906) и затем на том и страницу издания Лемке.

** Скобки должны были намекать на произведенную здесь замену.

ибо копии вашей милой и симпатичной переписчицы исполнены самых грубых описок и ошибок: она, видимо, не могла разобрать многих слов подлинников, о чем, впрочем, и сама говорила и вам, и мне. Вы же не удосужились ее копии сличить. Мои же копии в высшей степени верны, в них каждая буква выверена» (там же, л. 3—4).

Этим устанавливается важный факт, что письма печатались по копиям Семевского — кстати сказать, это те самые «копии Пушкинского дома», которыми позднее пользовался Лемке и по которым он давал тексты писем, подлинники которых не были ему присланы Н. А. Герцен. И хотя Семевский, вероятно, оценивал качество своих копий несколько самоуверенно, его опыт и знания определили достаточно высокое по тем временам качество публикации, осуществленной на страницах «Русской старины».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАССЕК

Высочайшим повелением от 18 февраля 1871 г. было «постановлено не допускать к выходу в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его, и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались, под собственными ли именами авторов, или под какими-либо псевдонимами или знаками» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 4, 1869 г., ед. хр. 342, л. 79). Сочинения Герцена и Огарева полностью подпали под действие этого «повеления». Русскому читателю, интересовавшемуся этими сочинениями, приходилось или разыскивать их в старых журналах (ранние произведения, опубликованные до эмиграции авторов), или раздобывать заграничные издания, нелегально проникавшие в Россию. Оба эти способа были доступны, естественно, весьма немногим. Широким же кругам русского общества произведения Герцена и Огарева практически были недоступны.

В этих трудных условиях Т. П. Пассек, при энергичной поддержке М. И. Семевского, сумела включить в свои воспоминания многочисленные фрагменты произведений Герцена и Огарева, а в ряде случаев она опубликовала некоторые из них в полном виде. По существу, до выхода в свет павленковского издания сочинений Герцена записки Пассек оставались единственной легальной книгой в России, где можно было найти подлинное слово Герцена и Огарева. Общественное и историческое значение сделанного ею в этом отношении не может быть оспорено. Поэтому в состав настоящего исследования мы должны включить и рассмотрение вопросов об источниках, использованных Пассек, о качестве напечатанных ею текстов и о приемах включения их в состав ее воспоминаний. Для удобства изложения мы остановимся сначала на представленных у нее произведениях Огарева, а затем на произведениях Герцена. При этом и в том и в другом случае целесообразно отделить извлечения из печатных источников от произведений, опубликованных по рукописям.

При самом начале работы над своими воспоминаниями Пассек решила сопроводить отдельные их главы эпиграфами из стихотворений и поэм Огарева. Уже в первом письме к Огареву, от 19 сентября 1872 г., она сообщала ему: «...самые эпиграфы в главах — из ваших стихотворений» (л. 4 об.). Повторив в следующем письме (от 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г.) эту мысль: «Эпиграфы всех глав — ваши, „Юмор“ и пр.» (л. 6 об.)— она и в дальнейшем почти в каждом письме напоминала Огареву об этом. Заметим попутно, что у Огарева она заимствовала и заглавие для своих воспоминаний. При начале публикации первых глав в «Русской старине»

она назвала их: «Из ранних лет, из жизни дальней». Это — перифраз двустишия из «Юмора»: «Из дальних стран, из жизни дальней, || Из дальней жизни ранних снов». Остановившись позднее на более коротком заглавии — «Из дальних лет» — она завуалировала связь его со стихами Огарева.

Несмотря на письменные заверения Пассек, не все главы ее воспоминаний снабжены эпиграфами из Огарева (некоторые главы оставлены без эпиграфов, в других эпиграфами служат отрывки из произведений Герцена, Пушкина, Е. Ростопчиной), но чаще всего она действительно использовала для этой цели его произведения. В качестве источника ей служили первоначально только солдатенковские издания 1856 г. (или его последующие переиздания 1859 или 1863 г.). Несколько позднее, в первой половине февраля, она получила от Огарева том его стихотворений — очевидно, лондонского издания 1858 г. (о получении его она сообщила Огареву в письме от 14 февраля 1873 г.). Несколько эпиграфов Пассек заимствовала из рукописной поэмы «Радаев», автограф которой Огарев подарил ей в 1873 г. Но изучение эпиграфов показывает, что, кроме этих книг, в ее распоряжении были и другие лондонские издания: «Юмор» 1857 г., откуда она взяла несколько эпиграфов, и одна из книг Рылеева, изданных в Лондоне («Думы» или «Собрание сочинений»), откуда она позаимствовала несколько строк из стихотворения Огарева «Памяти Рылеева» (гл. XII). В ее переписке с Огаревым никаких упоминаний об этих изданиях нет. Вероятнее всего, что их она получила в 1859—1861 гг. от Герцена в числе других, выпущенных Вольной типографией. Из письма Пассек к М. К. Рейхель от 1 января 1873 г. выясняется, что при возвращении в Россию из своей первой заграничной поездки она, не желая рисковать, оставила эти книги у Рейхель. В названном письме она напоминала об этом и просила переслать ей книги, если они сохранились.

Огарев, кроме тома стихотворений, одновременно прислал Пассек и брошюру «Восточный вопрос в панораме», изданную в Женеве в 1869 г. Использовать этот политический памфлет Пассек, разумеется, не имела возможности, но она сохранила его. Принадлежавший ей экземпляр этой чрезвычайно редкой брошюры находится теперь в библиотеке ИРЛИ (см. справку в комментариях к стихотворениям и поэмам Огарева — т. II, 1938, стр. 433).

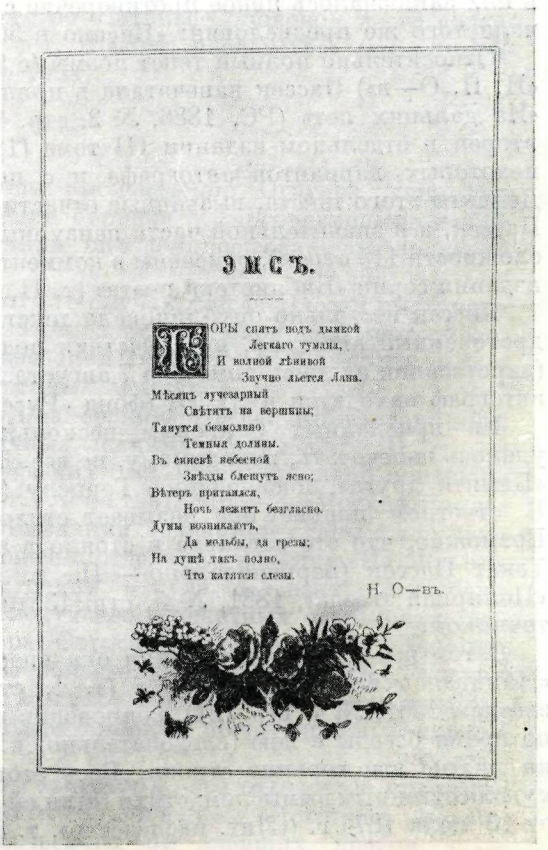
Помимо эпиграфов, к печатным источникам восходит еще несколько стихотворений и стихотворных отрывков Огарева, введенных Пассек в текст ее воспоминаний. В главе XV «Ник» она привела отрывок из «Юмора» (ч. II, гл. 9), а следующую главу — «Les premiers amours» — она закончила стихотворением «Старый дом» (при публикации главы в «Русской старине» 1876 г. это стихотворение подверглось цензурному исключению — см. ниже, стр. 632). В обоих этих случаях Пассек могла воспользоваться текстом «Былого и дум» — Герцен привел эти стихи Огарева в главе IV «Ник и Воробьевы горы». Еще один отрывок из «Юмора» (ч. I, гл. 4) дан у нее в главе XXIV «Товарищеский круг». Наконец, в т. III (стр. 117) мы встречаем у нее стихотворение Огарева «Ему», обращенное к Герцену. Пассек могла взять его из «Полярной звезды» на 1857 г., где оно появилось впервые под заглавием «И‹сканде›ру», или из лондонского издания, где оно было перепечатано с тем же заглавием.

Сопоставление приведенных у Пассек текстов названных выше стихотворений и отрывков с печатными источниками, которыми она могла пользоваться, показывает, что, допустив много мелких неточностей и погрешностей, она ни в одном случае не исказила смысла огаревских стихов.

Прежде, чем мы перейдем к обзору произведений Огарева, впервые опубликованных Пассек по рукописям, укажем, что она печатала стихотворения своего старого друга не только в книге «Из дальних лет».

В издававшемся Пассек журнале для детей «Игрушечка» за 1882—1884 гг. она напечатала пятнадцать стихотворений Огарева, преимущественно пейзажного и лирического характера (с подписями «Н. О.», «Н. Ог..в», «Н.» или без подписи). Через посредство Пассек Н. А. Тучкова-Огарева передала Семевскому для напечатания в «Русской старине» большое количество неопубликованных стихотворений Огарева, преимущественно относящихся к раннему периоду его творчества. В течение 1888—1890 гг. на страницах «Русской старины» появилось более 60 новых стихотворений Огарева. Эта публикация не могла не способствовать популяризации в читательских кругах имени поэта-революционера и его творчества. С текстологической точки зрения стихотворения Огарева печатались в «Русской старине» достаточно исправно, потому что, как показывает переписка Пассек с Н. А. Тучковой-Огаревой по этому вопросу, Семевский поставил непременным условием предоставление ему подлинных автографов Огарева, присланных им Пассек вместе с письмами или переданных ей непосредственно при их свидании летом 1873 г. Самым крупным из этих подарков Огарева была рукопись поэмы «Радаев» (о ее получении в Женеве Пассек сообщает на стр. 43—44 третьего тома «Из дальних лет»).

Пожелание Огарева, чтобы поэма увидела свет в России, выполнить было нелегко, но Пассек все же напечатала ее, и даже не один раз. При жизни Огарева ей удалось поместить в главе «Дом Ивана Алексеевича Яковлева» пять отрывков из поэмы (РС, 1876, № 11), без указания ее заглавия и имени автора. Эти отрывки, рисующие одинокую старость дяди Огарева — Матвея Радаева, Пассек без всяких оснований использовала



ЭМСЪ.

ГОРЫ спятъ подъ дымкой
Легкаго тумана,
И волной лѣнивой
Звучно льется Лана.
Мѣсяцъ лучезарный
Свѣтитъ на вершины;
Тянутся безмолвно
Темныя долины.
Въ синевѣ небесной
Звѣзды блещутъ ясно;
Вѣтеръ притаился,
Ночь лежитъ безгласно.
Думы возникаютъ,
Да мольбы, да грезы;
На душѣ такъ полно,
Что катятся слезы.

Н. О—въ.

СТИХОТВОРЕНИЕ ОГАРЕВА «ЭМС», НАПЕЧАТАННОЕ ПАССЕК В ИЗДАВАВШЕМСЯ ЕЮ ЖУРНАЛЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ИГРУШЕЧКА» № 13, 1882 г.

для характеристики отца Герцена. Это, повидимому, и дало повод Гершензону выдвинуть ошибочное утверждение, что в поэме изображен И. А. Яковлев и описан его дом (ошибка эта была отмечена в сборнике «Стихотворения и поэмы Н. П. Огарева», т. II, изд. «Библиотека поэта», 1937, стр. 430).

Вскоре после смерти Огарева Пассек предприняла попытку опубликовать отрывки из поэмы «Радаев» и обратилась к А. С. Суворину с предложением поместить их в «Новом времени», сообщив при этом о результатах своих предварительных переговоров с цензором: «Я показывала все эти стихи цензору Ратынскому; он, сделавши некоторые исключения, сказал, что печатать можно, только не обозначая вполне названия и с подписью не Огарева, а „старого поэта“» (18 октября ‹1878?›. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3193, л. 10 об.). Повидимому, Суворин отказался от этого предложения, потому что отрывки из поэмы (вступление и вторая глава — с большими сокращениями) появились в другом издании — в «Газете А. Гатцука», 1879, №№ 3 и 6. При этом, в соответствии с рекомендацией цензора, заглавие поэмы было скрыто («Отрывок из неоконченной поэмы. Р....в»), а автор назван «известным *„Старым поэтом“*». Но в указателе содержания газеты за год было обозначено: «...Старого поэта (Н. О—ва)». Скрытый намек на авторство Огарева заключался также в предпосланном поэме предисловии от редакции: «Полагаем, что для наших читателей это произведение интересно будет не только само по себе, но и для характеристики нашего замечательного поэта, как последнее его крупное создание, писанное в преклонных летах за границей» («Газета А. Гатцука», 1879, № 3, стр. 40). Эти строки были вставлены для того, чтобы подсказать привыкшему к эзопову языку читателю имя автора — в них заключалось явное противоречие с датировкой поэмы, данной в начале того же предисловия: «Писано в 50-х годах».

Относительно полный текст поэмы (с заглавием «Радаев» и с подписью «Н. П. О—в») Пассек напечатала в приложении к первой главе III тома «Из дальних лет» (РС, 1886, № 2, стр. 465—481). Этот же текст был повторен в отдельном издании III тома (1889, стр. 46—63 —с приведением некоторых вариантов автографа и с полной подписью: «Н. Огарев»). Дефекты этого текста, вызванные отчасти недостаточной внимательностью Пассек, а в значительной части цензурными причинами (пропуск в общей сложности 115 строк), отмечены в комментариях к поэме в названном выше издании серии «Библиотека поэта» (т. II, стр. 429).

Пассек не только опубликовала текст поэмы, но и бережно сохранила драгоценный автограф, впоследствии подаренный ею М. И. Семевскому (дарственная надпись помечена 7 августа 1885 г.). В настоящее время этот автограф находится в ИРЛИ (фонд «Русской старины»).

Из присланных Огаревым нескольких его стихотворений Пассек удалось напечатать, повидимому, не все. Наиболее значительное из них — «Памяти друга», посвященное Герцену (получено ею в марте 1873 г.). В ответном письме она называет стихотворение — «Памяти Герцена». Возможно, что это заглавие и стояло в автографе, до нас не дошедшем. Текст Пассек (*первоначально* — П., т. I, 1878, стр. 259; *повторно* — «Полярная звезда», 1881, № 5, стр. 135) является единственным первоисточником.

В том же отдельном издании она впервые напечатала стихи Огарева «Напиваясь влагой кроткой...» (т. I, стр. 261; повторно — «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 131), сопроводив их живым рассказом о том, как во время беседы с нею (следовательно, в июле 1873 г.) Огарев набросал на листке эти горькие строки. Весь этот рассказ Пассек надо считать художественным вымыслом: стихи были ей сообщены Огаревым при письме от 13 июля 1874 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 605). Как вы-

ясняется из опубликованной позднее незаконченной поэмы Огарева «Моя биография», интересующие нас строки служат к ней эпиграфом («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 658).

В «Русской старине» (1886, № 2, стр. 461—462) Пассек напечатала еще два стихотворения Огарева, позднее вошедшие в отдельное издание III тома «Из дальних лет» (стр. 24—25). Автограф первого из них — «Ожидание» — не сохранился; второе — «Вопрос» — публикуется в последних изданиях по рукописи Библиотеки им. В. И. Ленина. В отдельном издании III тома (стр. 130—131) Пассек опубликовала стихотворение «Прощание с Россией», текст которого был, вероятно, получен ею от Н. А. Тучковой-Огаревой (по крайней мере, оно было повторно напечатано в «Русской старине», 1889, № 8, стр. 386, в составе других стихотворений Огарева, доставленных в редакцию Натальей Алексеевной).

Наконец, в заключение обзора произведений Огарева, обнародованных Пассек, надо отметить, что в № 5 «Полярной звезды» за 1881 г. она поместила семь лирических стихотворений Огарева, которым предпослала следующие строки: «Недавно получила я семь неизвестных стихотворений Ника; прочитав мои воспоминания о нем, их прислали с тем, чтобы я их поместила среди моих записок» (стр. 136). Как было позднее установлено, эти стихи были извлечены из альбома Евдокии Васильевны Сухово-Кобылиной («Душеньки») ее сестрой, Е. В. Салиас, и доставлены Пассек через сына Салиас — редактора-издателя «Полярной звезды». До недавнего времени альбом со стихами Огарева считался недоступным (редакторы издания «Библиотеки поэта» предполагали, что он находится в архиве Салиас в Париже), а текст Пассек — их единственным первоисточником. В действительности этот альбом («Buch der Liebe») сохранился в семье наследников «Душеньки» (в замужестве Петрово-Соловово), и его содержимое было опубликовано в 1953 г. в т. 61 «Лит. наследства» (см. комментарий на стр. 648—652 названного тома).

* * *

Несравненно большее место, чем произведения Огарева, занимают в воспоминаниях Пассек произведения Герцена и многочисленные извлечения из них, что, как мы уже выяснили, определялось основной целью ее работы.

Прежде всего необходимо отметить те случаи, когда Пассек выступала как *публикатор* текстов Герцена, а затем рассмотреть вопрос о многообразных формах *использования ею* произведений Герцена *как вспомогательного материала* для создания ее собственных мемуаров.

В главе «Тимофей Николаевич Грановский» Пассек привела полный текст двух статей Герцена о публичных лекциях Грановского (П., т. II, стр. 308—312 и 314—320). Первая из них была первоначально помещена в «Московских ведомостях» за 1843 г., № 143, вторая — в «Москвитянине» за 1844 г., № 7. В журнальной публикации названной главы было дано примечание от редакции, отсутствующее в отдельном издании «Из дальних лет». В примечании был назван источник, откуда был взят текст обеих статей: «Помещаем это письмо и следующее с печатных оттисков, полученных Т. П. Пассек от самого автора. Оттиски, сохранившиеся в библиотеке П. А. Ефремова, также весьма обязательно сообщены им „Русской старине“» (РС, 1877, № 7, стр. 447). Текст обеих статей воспроизведен у Пассек точно, если не считать четырех мелких погрешностей в первой статье.

Из того, что было опубликовано Герценом до его отъезда за границу, Пассек напечатала шуточную заметку-объявление: «Истинная и последняя эманципация рода человеческого от злейших врагов его»

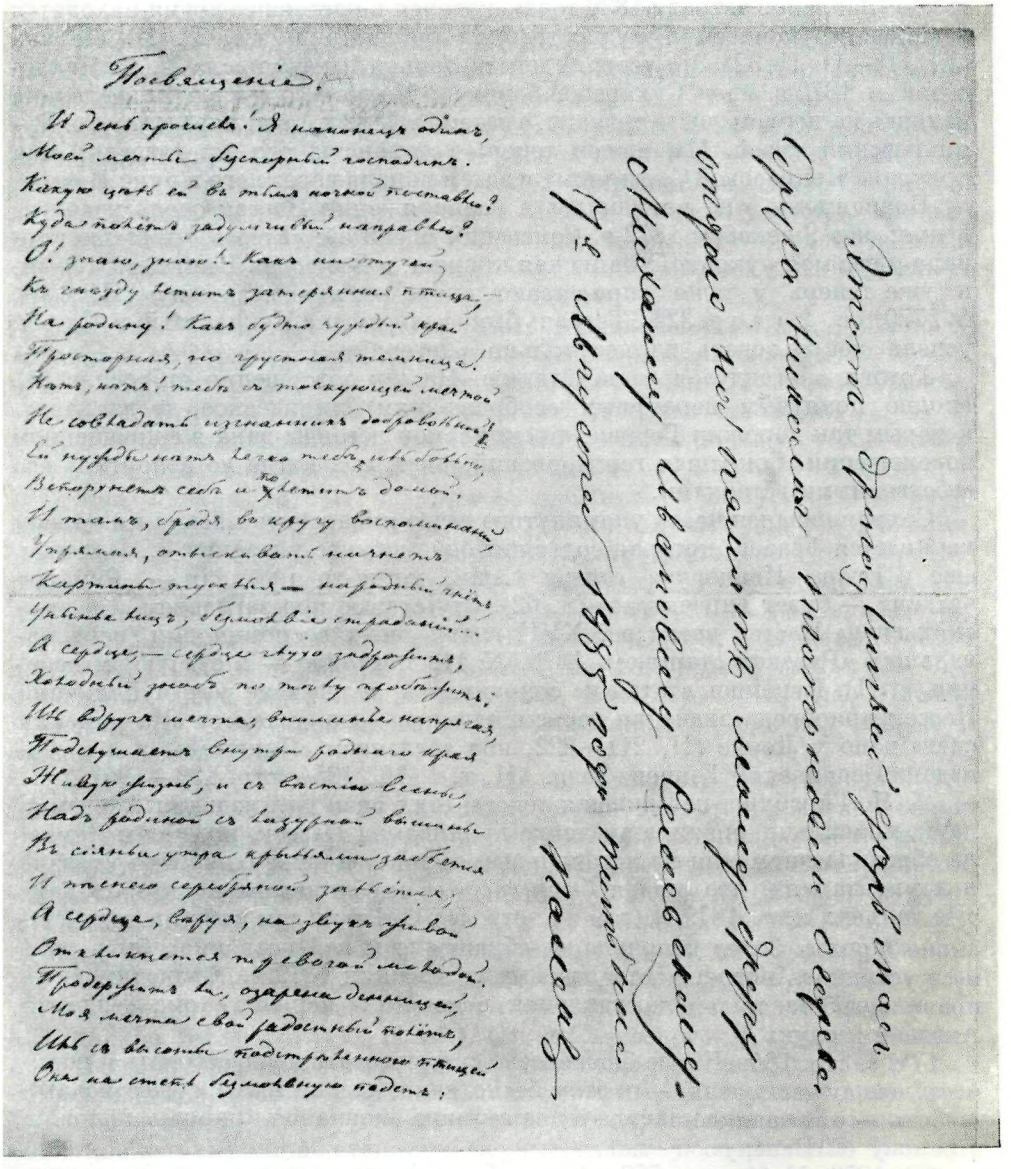
(первоначально — РС, 1874, № 2, стр. 401—406, позднее — во II томе «Из дальних лет»). Текст «Рекламы», как она назвала эту заметку, она сопроводила рассказом об обстоятельствах ее написания, причем ошибочно отнесла ее ко времени первого приезда Герцена из Владимира в Москву, то есть к 1838 г. Между текстом Пассек и первопечатным текстом «Отечественных записок» (1844, № 11; автограф неизвестен), есть ряд существенных расхождений, которые, однако, не могут быть объяснены только ее небрежностью. В некоторых случаях ее текст исправнее, чем подцензурный текст «Отечественных записок». В комментариях к этой статье в тридцатитомном собрании сочинений Герцена высказано предположение, «что в воспоминаниях Пассек приведена рукописная редакция текста, подвергшаяся перед печатанием стилистической, а быть может, и вызванной цензурными соображениями правке» (т. II, М., 1954, стр. 451). Письма Пассек к Рейхель дают возможность несколько прояснить вопрос об источнике, которым она пользовалась.

Задумав ввести в свои записки этот оригинальный эпизод, о котором она смутно помнила, Пассек обратилась в феврале 1873 г. за содействием к Рейхель: «Не помнишь ли, Маша, в котором году Карл Иванович Зонненберг привез фазанов с Кавказа — продавать; кажется, их сотня жила в старом доме. Нигде не могу добыть маленькой брошюрки сашиной, было в „Северной пчеле“ — объявление о продаже Карлом Ивановичем порошка персидской ромашки. Не найдется ли она у тебя? Если бы ты отрыла! Она игрива — и должна войти при разборе всех его сочинений» (письмо без даты; лл. 40 об.—41). Рейхель быстро откликнулась на эту просьбу, и уже 6 марта Пассек благодарила за присылку ей переписанной «игривой» статьи (л. 46). Эта копия, сделанная Рейхель, и была использована Пассек при ее публикации. Остается неясным, с чего снимала Рейхель копию: с рукописи (что мало вероятно) или с печатного оттиска «Отечественных записок», на котором Герценом могли быть исправлены опечатки и восстановлены цензурные купюры. В некоторой же части разночтений можно видеть результат случайных ошибок, допущенных Рейхель при переписывании или Пассек — при печатании.

Другие публикации произведений Герцена в составе воспоминаний Пассек восходят к рукописным источникам, полученным ею разными путями.

В главе XXVI «Арест и симпатия» (в «Русской старине» — «Разлука и симпатия») Пассек напечатала «Мартиролог святой Феодоры», сопроводив его явно вымышленной версией о происхождении печатаемого ею текста: «Под влиянием религиозного настроения Наташи, с которой он еще раз виделся, Саша стал изучать „Четии-минеи“ и перелагал на литературный язык жития некоторых святых, которые посвящал своей двоюродной сестре Наталье Александровне Захарьиной. Я читала некоторые из них. Описанный им „Мартиролог святой Феодоры“, находящийся в житиях святых за сентябрь, так ярко остался у меня в памяти, что отрывки из него в 1840-х годах я вписала в мои заметки» (П., т. II, стр. 39).

Мы могли бы разделить с Лемке его ироническое удивление перед «феноменальной памятью» Пассек, если бы в нашем распоряжении не было материалов, проливающих свет на этот вопрос. В дошедшем до нас в неполном виде январском письме 1873 г. к Огареву она, рассказывая об имеющихся у нее рукописных материалах, писала: «Кто-то прислал Семевскому переплетенную тетрадь, купленную под *Сухаревой башней*, вся исписана рукой Саши во Владимире и Москве, там легенда о *Феодоре* — в первой главе лирические чувства Саши в Крутицких казармах, посвящено *Наташе*, *переправлено в Вятке 1835 года*. Потом длинная статья „Германский путешественник“, посвящено Сазонову, все писано рукой Саши. Писано в Крутицких казармах, переправлено в Вятке. *Не печатано*,



Автограф поэмы Огарева «Радаев» с дарственной надписью Т. П. Пассек М. И. Семевскому от 7 августа 1885 г.

Лист 1

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

а теперь напечатается. Рукопись у меня, пойдут между моих воспоминаний» (л. 62).

Это детальное описание не оставляет сомнений в том, что речь в письме шла о «Записной тетради 1836 года», которая в настоящее время находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ЛБ, Г.—О. II, 32). Эта тетрадь действительно была куплена Е. С. Некрасовой в 1872 г. «под Сухаревой башней в Москве», о чем ею была сделана надпись на первом листе тетради, а затем, в 1882 г., она передала ее в Румянцевский музей. Мы можем теперь установить, что эта тетрадь была прислана Некрасовой Семевскому и затем попала через него в руки Пассек.

Повидимому, она находилась в распоряжении Пассек очень недолгое время: еще 9 декабря 1872 г. Семевский писал ей: «Боюсь, чтобы не пропала у вас моя рукопись: Записная книжка, в 4-ю долю. Книга эта чужая, и уже теперь у меня спрашивают, скоро ли я ее возвращу» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 326). Тетрадь была возвращена Некрасовой, и Пассек успела использовать из нее только «Легенду».

Готовя «Легенду» к напечатанию, Пассек совершенно отбросила (по вполне понятным цензурным соображениям) лирическое предисловие, которым так дорожил Герцен, а текст самой легенды дала в сокращенном переложении. Сокращая герценовский текст, она нигде не испортила его собственными вставками.

Сохранившаяся часть упомянутого выше январского письма к Огареву начинается фразой, которая содержит одно важное указание: «...Нашлась еще у Егора Ивановича статья Саши, когда-то писанная — „Римские элегии“ — будет напечатано» (л. 62). Эту статью под заглавием «Из римских сцен» Пассек ввела в XXVII главу своих воспоминаний (первоначально в «Русской старине», 1876, № 11, повторно — в отдельном издании, т. II). Рукопись статьи не сохранилась, вследствие чего публикация Пассек приобрела значение первоисточника — по ее тексту «Из римских сцен» дано у Лемке (II, 211—222, под заглавием «Лициний») и в новом издании сочинений Герцена (изд. АН, т. I, М., 1954, стр. 183—195).

Л. Я. Гинзбург, готовившая тексты этих сцен для издания Академии наук, правильно оценила значение публикации Пассек, но, как и Лемке, не обратила внимания на журнальный ее текст и даже ошибочно указала в комментариях, что статья была *впервые* опубликована во втором томе «Из дальних лет», 1879 г. (там же, стр. 505). Между тем публикация «Русской старины» более исправна, и обращение к ней позволило бы в ряде мест устранить погрешности отдельного издания 1879 г. Приводим ниже правильный текст в сопоставлении с текстом первого тома издания Академии наук:

1) т. I, стр. 184: «Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь, — в этом бесконечное наслаждение; существовать, любить — два великие начала и два великие окончания природы, положив в основу ей Венеру».

РС, 1876, № 11, стр. 552: «Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь, — в этом бесконечное наслаждение; существовать, любить — два великие начала и два великие окончания природы. *Любовь — огонь, льющийся по жилам космоса, без него бы все окоченело, все сосредоточилось бы в эгоизме. Лукреций прав, он постигнул тайну природы,* положив в основу ей Венеру».

2) т. I, стр. 188: «Варвары, приносящие на жертву людей, *закалывают* их...» (у Пассек в отдельном издании явная опечатка: «закаляют»).

РС, стр. 554: «Варвары, приносящие на жертву людей, *закалают* (!) их...».

3) т. I, стр. 193: «Но кто мощный, великий, который вольет новую кровь в наши жилы...».

РС, стр. 558: «Но кто? *кто* мощный, великий, который вольет новую кровь в наши жилы...».

4) т. I, стр. 194: «Кружок *обдерганных* плебеев...».

РС, стр. 559: «Кружок *обтерханных* плебеев...».

Кроме рукописи «Римские элегии», Пассек получила от Е. И. Герцена из оставшихся в его московском доме бумаг Герцена еще черновой автограф повести «Сорока-воровка». В свои записки она ее не ввела, но незадолго до смерти передала Семевскому, который и напечатал текст этого автографа в апрельской книжке «Русской старины» 1889 г., вышедшей в свет через неделю после смерти Пассек. Сохраненный Пассек черновой автограф повести (ныне находится в ИРЛИ, фонд «Русской старины») имеет большое текстологическое значение, поскольку первоначальный текст «Современника» 1848 г. в ряде мест был испорчен вмешательством цензуры (см. изд. АН, т. IV, стр. 328—330).

Переходя к вопросу о напечатанных герценовских текстах, в многочисленных выдержках использованных Пассек в ее записках, мы можем отметить прежде всего, что источником для нее служили, главным образом, «Былое и думы», а затем «Записки одного молодого человека».

Оказавшись за границей, Пассек приняла меры к тому, чтобы иметь под рукой эти произведения Герцена. В письме к Рейхель от 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г. она просит прислать ей выпуски «Полярной звезды» и поясняет: «Мне очень нужно „Былое и думы" для соображения моих записок. Я с собой не взяла из России, затруднительно будет обратно провезти» (л. 53—53 об.). С просьбой прислать ей экземпляр «Былого и дум» Пассек в тот же день обратилась и к Огареву. М. К. Рейхель быстро выполнила просьбу Пассек, и уже 1/13 января Пассек благодарила ее за две части «Полярной звезды», добавляя, что еще нужна третья (л. 15). У Огарева книги под рукой не оказалось, и он передал просьбу Пассек в Цюрих, Н. А. Тучковой-Огаревой. Выполнила ли она эту просьбу, остается неизвестным.

Первоначально Пассек брала куски из «Былого и дум» в виде более или менее точных цитат, содержащих очерки характеров членов семьи Яковлевых и других лиц, окружавших Герцена в детские годы. В письме к Огареву она подчеркивала свое твердое намерение действовать в таком именно плане: «Очерки характеров я просто взяла из „Былого и дум" и указала на них, не перефразируя, хотя и предлагает Семевский это сделать, но я не делаю и *не буду*, а прямо, где надобно, для подтверждения моих слов, их истины, выписываю у Саши, так: „*так говорит Саша там-то*", и представьте, *прошло* то, что *читая прятались*» (письмо к Огареву от 8/20 января 1873 г.; л. 11—11 об.). Совет Семевского, о котором упоминает Пассек, содержится в его письме к ней еще от 9 декабря 1870 (?) г., сохранившемся в «пражской коллекции». Учитывая, вероятно, реакцию публики и цензурных кругов на только что опубликованные в декабрьской книжке «Русской старины» первые главы воспоминаний Пассек, он настойчиво побуждал ее писать дальше, но в то же время предупреждал: «В рассказе своем приводите смело выдержки из печатных источников, но непременно надо несколько перефразировать, так как цитаты из некоторых источников не могут еще иметь права гражданства в нашей печати» (ЦГАЛИ, ф. 5770, он. 1, ед. хр. 326).

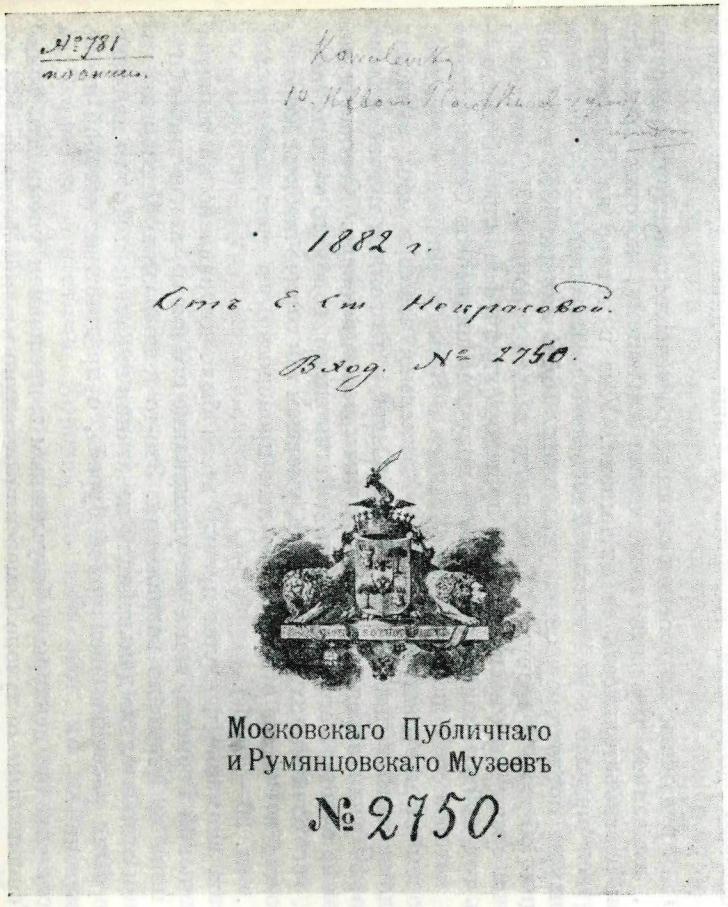
В результате цензурных требований, о которых будет подробно рассказано ниже, Пассек должна была быстро сдать свои позиции. Уже через восемь дней после приведенного выше письма, 16/28 января, она писала Огареву: «В первых главах очерки всех характеров я взяла прямо из „Былого и дум", указывая: *так говорил Саша*, а теперь не велят. Мы попробуем на разные манеры» (л. 21). В соответствии с создавшимся положением ближайшие главы, уже находившиеся в Петербурге, подверглись

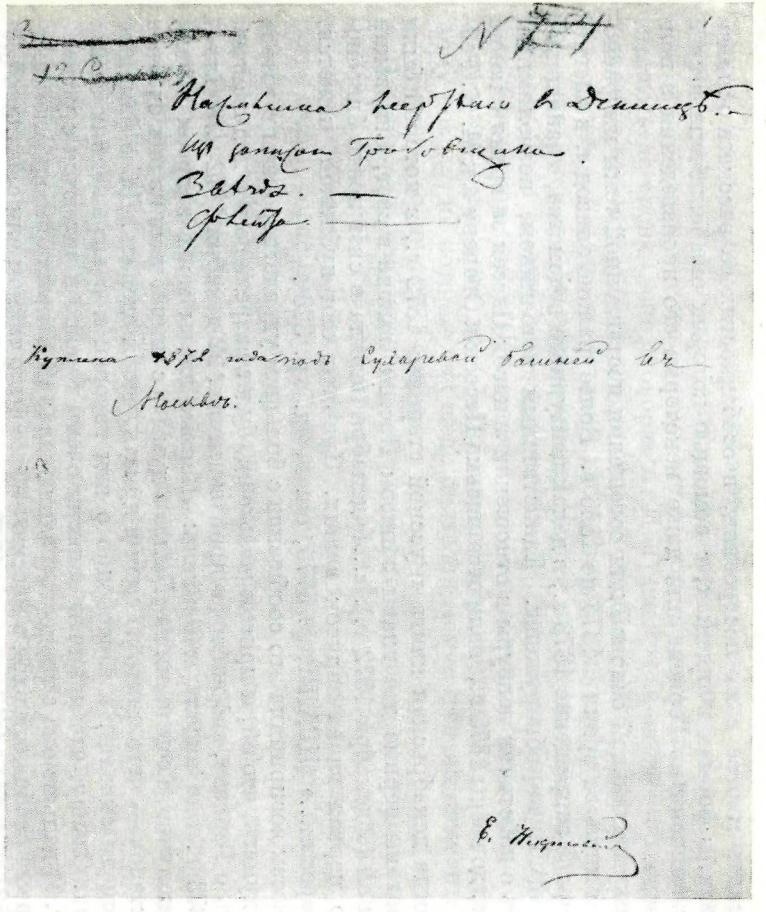
обработке в редакции «Русской старины», на что Пассек жаловалась Огареву в недатированном письме (начало февраля): «Мне больно, что изменяют мои слова, что я опиралась в истине моих слов на то же самое у Саши и говорю „Былое и думы", — там они просто от моего имени его слова махают. Ничего не поделаешь, да еще и издалека» (л. 77 об.). Те же жалобы повторяются и в следующем письме от 1/13 февраля: «...вычеркнули, где у меня было сказано: „Саша говорит", а просто пустили от третьего лица — ничего не поделаешь» (лл. 82 об.—83). В дальнейшем Пассек перестала сетовать на такие переделки, примирилась с новой манерой, подсказанной ей Семевским, и сама широко пользовалась ею во все последующие годы. Однако время от времени она делала попытки провести в печать тексты Герцена с прямой ссылкой на его авторство, но каждый раз наталкивалась при этом на непреодолимые препятствия. Так, для написания главы «Общий фонд» (т. III, гл. II) она использовала с некоторыми сокращениями, но в целом довольно точно, рассказ Герцена о его взаимоотношениях с «молодой эмиграцией» из главы XII шестой части «Былого и дум» (впервые напечатана в «Сборнике посмертных статей А. И. Герцена», Женева, 1870). В рукописи Пассек глава «Общий фонд» начиналась так: «Вот в сокращенных словах то, что сказано было А. И. Г—ом об общем фонде». Но Семевский, в предвидении цензурных придирок, тут же, в рукописи, не только еще больше сократил герценовский текст, но и вычеркнул вводную фразу Пассек (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 33, л. 218—218 об.). Переделывая и дополняя эту главу для отдельного издания третьего тома «Из дальних лет», Пассек не вернулась к своему первоначальному варианту. Все сказанное позволяет правильно объяснить те особенности ее обращения с текстами Герцена, которые впоследствии навлекли на нее столько нареканий со стороны Лемке и других герценоведов.

В целях преодоления цензурных препон и проведения в печать в скрытом виде выдержек из Герцена Пассек применяла разнообразные вводные формулы и обороты, примеры которых приводятся нами ниже, в главе о цензурной истории ее записок, а нередко вводила тексты Герцена без всяких сигналов, указывающих на их автора. Этим она весьма затруднила задачу выделения из ее записок фрагментов Герцена. Тем не менее эту работу нам удалось выполнить и результаты ее показывают, что обращалась она с текстами Герцена по-разному — от точного цитирования (хотя бы и без кавычек) — до сокращенного свободного пересказа своими словами, с сохранением лишь отдельных герценовских фраз и выражений. Но при этом нами не отмечено ни одного случая, когда бы Пассек использовала прямую или косвенную ссылку на Герцена для подачи, под прикрытием его имени, своего собственного текста. Мы вновь обращаем внимание читателей на это обстоятельство, потому что оно играет важную роль в рассмотрении особого круга вопросов, связанных с использованием Пассек в ее книге найденных ею «брошенных листков» — рукописного текста ранней автобиографии Герцена «О себе». Эти вопросы рассмотрены нами в отдельной публикации (см. настоящий том, стр. 9—55).

ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ»

Изучение цензурной истории воспоминаний Пассек дает возможность понять, в каких трудных условиях ей приходилось знакомить русское общество с жизнью Герцена, сколько препятствий возникало на ее пути, пока ей не удалось пробить глухую стену цензурного сопротивления. История прохождения записок Пассек через цензуру позволяет также





ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ ГЕРЦЕНА 1836 ГОДА

Была куплена Е. С. Некрасовой в 1872 г. «под Сухаревой башней в Москве» и позднее передана в Румянцевский музей

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

объяснить многое в их построении, в особенностях ее рассказа о жизни Герцена, в формах и приемах, с помощью которых она включала в свой текст выписки из Герцена или даже некоторые его произведения в полном виде.

Документальной основой для освещения поставленной темы мы располагаем лишь за время с 1875 по 1886 г. Более ранние эпизоды, в частности первое запрещение 1873 г., в делах цензурного ведомства, хранящихся в ЦГИАЛ, не обнаружены. Единственным источником, позволяющим судить о действиях цензуры в отношении записок Пассек за время с конца 1872 г. до весны 1875 г., являются письма Пассек к Огареву и к М. К. Рейхель.

Когда декабрьская книга «Русской старины» 1872 г., в которой были напечатаны первые две главы записок Пассек, вышла в свет, Семевский писал ей (9 декабря 1872 г.): «...1 декабря вышла в свет почти благополучно первая глава записок ваших. Приняты они публикой, кажется, с интересом...» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 326).

Пассек восприняла это сообщение с большим удовлетворением и готова была думать, что ей, и притом *только* ей, будет разрешено и в дальнейшем писать о Герцене, его жизни и произведениях. 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г. она писала к Рейхель: «Первые главы моих записок вышли благополучно, с ссылками на „Былое и думы", с выписками из них очерков характеров — чего никто не смел и думать, чтобы сделать. Даже фамилию едва смели сказать, а я свободно о нем говорю, и в выражениях самых теплых. Слышу, что приняты записки очень хорошо и читаются с увлечением». И дальше она с гордостью заключала: «Я открыла имени Александра первый свободный вход в Россию — все было тайком или с оглядкой...» (лл. 53 об.—54). 1/13 января 1873 г. она сообщала Огареву: «Первые главы моих воспоминаний прошли благополучно, приняты хорошо, заинтересовали, — желают продолжения. Дальше, по-моему, лучше идет. Это впервые допустили говорить о Саше, — дивятся, как прошло» (л. 3 об.).

Но эти радужные настроения очень скоро исчезли и наступило отрезвление, вызванное первыми тревожными сигналами, которые показали Пассек неосновательность ее оптимизма. Уже в январе из Петербурга в Дрезден пришло к ней письмо Семевского с известием о полученных им от цензуры предостерегающих указаниях. 16/28 января 1873 г. Пассек сообщила об этом Огареву: «О Саше нигде нельзя говорить. У Семевского, конечно, среди моих воспоминаний прошло и идет в февральской книге,— и весь год пойдут мои записки; но я получила письмо от Семевского на днях, которое тебе перешлю (оно теперь в Яссы, к Ипполиту послано), в котором он мне пишет, что ему *обязательно*, чтобы в моих записках не было никаких выписок из сочинений Саши, а позволяют моими словами некоторые вещи передать — *не политического характера*. Хорошо и то, что можно очертить его, как он есть действительно, говорить о его деятельности, о его сочинениях, о его сердце, умевшем так горячо любить. Хорошо, что можно в России открыто его имя произносить и твое, мой милый Ник...» (л. 20—20 об.).

Итак, внимание цензуры прежде всего было направлено на выписки из сочинений Герцена, самое же упоминание его имени, как и имени Огарева, пока не вызывало возражений. Это-то и позволило Пассек питать иллюзии относительно дальнейшего печатания ее записок. Но эти иллюзии вскоре были рассеяны «цензурной бурей», о предвестиях которой писал ей Семевский.

Распоряжение цензуры с безусловным запрещением упоминать фамилию Герцена было получено Семевским очевидно в конце февраля 1873 г., о чем он немедленно известил Пассек письмом, полученным ею в Дрездене

6 марта. В тот же день она переслала это письмо Огареву. «Редакции *отдан приказ*, — писала Пассек, — имени, то есть фамилии, Саши не упоминать, и проч.; что мне неприятно, это то, что где я в удостоверение истины ссылаюсь на слова Саши, говорю, А. И. Герцен *там-то* вот как говорит, то и этого не допустили, а просто от моего лица *его слова* — это мне просто тяжело, неохотно писать. Что же, кто не знает, подумает?» (л. 49—49 об.). Из дальнейшей судьбы воспоминаний Пассек мы знаем, насколько обоснованными были ее опасения, вызванные тем, что слова Герцена проводились в печатном тексте «Из дальних лет» без всяких ссылок на источник. Достаточно вспомнить хотя бы о тех пренебрежительных замечаниях по этому поводу, на которые так щедр оказался Лемке в своих комментариях к собранию сочинений Герцена.

Несколько дополняет общую картину одновременно написанное письмо Пассек к Рейхель, где она процитировала фразу из не дошедшего до нас письма Семевского: «Я получил приказание или предостережение не печатать в ваших воспоминаниях фамилии Герцена и не допускать о нем восторженных отзывов» (л. 46 об.).

Это распоряжение было немедленно реализовано: еще во второй (февральской) книге «Русской старины» неоднократно упоминалось о «Саше Герцене», но в мартовской книге «крамольная» фамилия уже не встречается.

За этим вторым ударом незамедлительно последовал третий — окончательный: в апрельской книге «Русской старины» читатели не нашли продолжения воспоминаний Пассек — они были запрещены. Сообщая об этом Огареву, Пассек, не понимавшая всей серьезности политической обстановки, сложившейся вокруг личности Герцена, готова была винить в случившемся Семевского: «Редактор „Старины", желая явиться очень либеральным, в моих записках большей частью, что лично меня касалось, пропускал, а сближал все о Саше — вот результат. Лонгинов, главный начальник по делам печати, сказал Семевскому: „Пока шло о детстве Герцена и Яковлевых, я допускал, а теперь, когда он в университете и арест, не допущу его восхвалять и каждого журнала номер остановлю, где будут записки г-жи Пассек"» (л. 60; написано в апреле 1873 г.; точная дата письма неизвестна, так как начало его не сохранилось).

Сведения о том, что запрещение записок исходило непосредственно от Лонгинова, было подтверждено позднее Семевским: «*Лонгинов* запретил печатание записок Т. П. Пассек; после его смерти запрещение было немедленно снято министром внутренних дел *А. Е. Тимашевым*» (РС, 1889, № 9, стр. 645). Эта вторая часть справки Семевского заведомо неверна: Лонгинов умер в январе 1875 г., а печатание записок Пассек оказалось возможным возобновить только с апреля 1876 г.

За три года, прошедшие с момента наложения запрета, было сделано несколько (по большей части безуспешных) попыток преодолеть цензурный барьер. 6 сентября/25 августа 1873 г. Пассек писала Огареву: «Прилагаю тебе на рассмотрение только что полученное мною письмо из редакции „Русской старины" — от М. И. Семевского. Из него узришь, что воспоминания мои опять явятся в печати — там хлопотали и хлопочут еще за них. Печатать будут находящиеся у Семевского главы, где идет речь о тебе, о твоей дружбе с Сашей, и твои „Записки русского помещика" идут» (лл. 26 об.—27). В недатированном письме, которое относится, вероятно, к началу октября того же года, она снова извещала Огарева: «Также писала я тебе, чтобы ты продолжал записки,— они идут в печати; хлопотали, и разрешает цензура продолжать печатать мои записки, с некоторыми условиями — пустыми. Хорошо, что позволяют, мы всё проведем — помаленьку» (л. 32). Но цензура все же «не позволила», и печатание записок в 1873 г. возобновлено не было.

Хлопоты продолжались и в 1874 г. В февральской книге «Русской

старины» удалось напечатать юмористическое объявление, написанное Герценом по просьбе К. И. Зонненберга, озабоченного продажей привезенного им с Кавказа «персидского порошка» — пиретрума. Текст «Рекламы» сопровождался кратким послесловием Пассек, в котором излагалась история написания заметки (см. выше, стр. 618). Очевидно, предполагалось, что за «Рекламой» пройдут беспрепятственно и главы воспоминаний о Герцене. Во всяком случае, еще 15 января 1874 г. Пассек, уже вернувшаяся из-за границы в Петербург, писала Огареву: «Сегодня буду на вечере у Семевского — станут читать мои воспоминанья; кажется, в марте явятся они в „Русской старине", та часть, то есть те главы, где твои записки. Надеюсь, все пройдет» (л. 52—52 об.).

Но и этим надеждам не суждено было осуществиться: последовало новое и притом категорическое запрещение, исходившее от того же Лонгинова. Об этом возмущенная Пассек подробно и откровенно рассказала Огареву в письме от 19 июня 1874 г., посланном из Ясс, где она гостила у Ипполита Пашкова: «В Петербурге, в „Русской старине", напечатали в февральской книге „Рекламу" Александра,— помнишь, о продаже персидского порошка,— с моими объясненьями. Едва прошло три дня, подлец Лонгинов, теперь главный цензор, держал книгу — едва выпустили. В мартовскую стали набирать мои записки — четыре листа было набрано. Тут речь о тебе и вашей юной дружбе, и твои записки шли. Готово было выйти, как Лонгинов велел уничтожить все набранное и отпечатанное и сказал, что моих записок, возбуждающих симпатии к Герцену, он нигде не пропустит. Все это в угоду его другу Каткову, клеветавшему на Сашу, а теперь боятся, что моими записками обличатся их клеветы,— и стали преследовать. Я сказала, что напечатаю за границей, да еще добавлю разными сведениями о Саше, обличающими все клеветы на него» (лл. 54 об.— 55).

В рассказе Пассек об этом не лишенном общего интереса эпизоде обращает наше внимание еще одно обстоятельство. Опираясь, очевидно, на информацию Семевского, очень хорошо осведомленного в закулисных тайнах цензурного ведомства, Пассек со всей определенностью поставила в связь с очередным походом реакции против Герцена появившуюся на страницах «Русского архива» статью Д. Д. Голохвастова (см. о нем выше, на стр. 565). Документальным подтверждением этого мы не располагаем, но у нас нет никаких оснований для отвода этих заявлений Пассек как недостоверных. Во всяком случае, надо отдать должное проницательности Пассек, правильно воспринявшей статью Голохвастова как выпад не только против нее, но и против Герцена и его мемуаров. В уже цитированном нами письме от 19 июня 1874 г. Пассек продолжала свой рассказ о произволе реакции: «Что же ты думаешь? испугавшись этого, вся дрянная компания эта натравила сына Дмитрия Павловича Голохвастова, Дмитрия, написать против уже вышедших моих записок, чтобы подорвать доверие и к тому, что будет сказано, если напечатаю за границей, что все в моих записках, так же, как и в „Былом и думах",— ложь, что это два романа, а не записки, *что не любо не слушай нас с Герценом* и проч. Дерзкую, несправедливую статью сочинили. На это мы отвечаем теперь, конечно, не в их грязном тоне, но с доказательствами истины сказанного мной и Сашей. Вот негодяи-то, друг Ник!» (л. 55—55 об.); этот же рассказ, с незначительными вариантами, был повторен Пассек в письме к Огареву от 18 июля 1874 г. (см. л. 58 об.).

История следующей попытки возобновления записок Пассек раскрывается в документах С.-Петербургского цензурного комитета и в материалах архива «Русской старины». Новая, XV, глава воспоминаний была набрана в составе майской книги «Русской старины» 1875 г. Экземпляры отпечатанной книги 26 апреля были представлены в С.-Петербургский

цензурный комитет. А уже 29 апреля председатель комитета А. Петров сообщил в отношении на имя исправляющего должность начальника Главного цензурного управления по делам печати В. Григорьева о решении комитета исключить «статью г-жи Пассек» из журнала:

«В майской книжке бесцензурного журнала „Русская старина", представленной в Комитет 26 текущего апреля, помещена (стр. 81—100) статья „Воспоминания Т. П. Пассек" 1810—1842 гг., гл. XV. Первые четырнадцать глав были напечатаны в этом же журнале за 1872 и 1873 годы. Во

ДОМ ЛЕРХЕ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ГЕРЦЕНА, №25) В ПЕТЕРБУРГЕ. ЗДЕСЬ В 1840—1841 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Фотография 1946 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

всех этих статьях особенное внимание обращают на себя воспоминания о Герцене, близком родственнике г-жи Пассек, относящиеся к его юности. Многие биографические черты, мысли и рассказы, встречающиеся в статье, были уже напечатаны самим Герценом в его заграничных изданиях. Тут же встречаются воспоминания о другом политическом эмигранте, Н. Огареве, и помещено одно из его стихотворений.

Имея в виду высочайшее повеление, объявленное Главным начальником III Отделения собственной его императорского величества Канцелярии в сообщении господину министру внутренних дел от 18 февраля 1871 года, за № 211, о недопущении в печати сочинений государственных преступников и политических эмигрантов, Комитет считает необходимым задержать выпуск в свет майской книжки „Русской старины" впредь до исключения из оной статьи г-жи Пассек и имеет честь представить о сем на благоусмотрение вашего превосходительства» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. № 65, ч. 1, лл. 70, 70а).

Семевский вынужден был изъять из журнала главу записок Пассек и, не желая задерживать выпуск книги, не ввел никакой замены (стр. 81—100 в ней отсутствуют); вслед за этим постановление об аресте было отменено (там же, л. 80).

Уничтоженная глава была сохранена Семевским в архиве «Русской старины». Среди «рукописей, напечатанных в 1875—1878 гг.», там сохранились два последовательных корректурных оттиска главы XV «Воспоминаний» Пассек (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 196—203). Сличение этих оттисков между собой и их сопоставление с печатным текстом главы, опубликованной через год (РС, 1876, № 4), позволяет ясно понять, как редакция журнала пыталась приспособить записки к требованиям цензуры, прибегая к различным маскирующим приемам. Так, во второй корректуре набрано примечание от редакции, которого не было в первой корректуре. Оно имело целью представить воспоминания Пассек безобидным нравоописательным произведением, не имеющим никакого касательства к жизни политического эмигранта Герцена. Вот текст этого довольно искусно составленного примечания:

«Первые четырнадцать глав „Воспоминаний Т. П. Пассек“ помещены в „Русской старине“ 1872 и 1873 гг. Продолжительное отсутствие автора было причиною перерыва этих рассказов; цель их — воспроизведение в легких, живых очерках частного и общественного быта высшего московского дворянства почти полвека тому назад. Останавливаясь главным образом на близких своих родственниках и знакомых, шестидесятипятилетняя составительница „Воспоминаний“ не имеет ни малейших претензий придавать им историческое или историко-литературное значение; это не более как нравоописательские эскизы. Бо́льшую часть упоминаемых лиц Т. П. Пассек выводит под уменьшительными, кажется даже вымышленными именами, так как для ее рассказа важны не эти лица, нам совершенно неизвестные, а то, в какой мере выражалось в них поколение того времени, как отражалась та среда, в которой они взросли» (л. 196).

Вопрос о сокращениях и заменах, произведенных в самом тексте главы, освещен в другой нашей работе, где по корректуре перепечатываются и комментируются принадлежащие Герцену отрывки из главы XV «Воспоминаний» Пассек (см. настоящий том, стр. 16—26).

После изъятия из майской книги «Русской старины» XV главы записок начинается новый, затянувшийся почти на год, тур борьбы за их освобождение от запрета. 10 мая 1875 г., Пассек, находившаяся тогда в Одессе, послала письмо на имя министра внутренних дел А. Е. Тимашева. Придерживаясь той же тактической линии, которая была принята ею и Семевским на предыдущем этапе борьбы, она выдвигала в качестве главного мотива то обстоятельство, что ее записки имеют исключительно личный, бытовой характер, а упоминания в них о Герцене не играют существенной роли и совершенно невинны по своему содержанию:

«Милостивый государь Александр Егорович!

На закате дней моих я решилась поделиться с соотечественниками „Воспоминаниями“ о своей почти семидесятилетней жизни. Первые четырнадцать глав этих „Воспоминаний“ несколько лет тому назад были напечатаны в историческом издании „Русская старина“, но так как, говоря о своем детстве, проведенном под одною кровлею с близким моим родственником покойным Герценом, я не могла не упомянуть и о нем, то цензурный надзор стесняется ныне разрешить продолжение печатания „Воспоминаний“ моих.

Ваше высокопревосходительство! Мои „Воспоминания“ не имеют никакой предвзятой мысли превознесения чьей-нибудь личности или

изложения каких-либо политических учений, а просто и искренно излагают факты, относящиеся непосредственно до моей жизни, имея в виду, что таковые мемуары всегда читаются не только с интересом, но и с пользою; о моем же близком родственнике Герцене я говорю (не называя его по фамилии) лишь настолько, насколько моя жизнь соприкасалась с его жизнью, притом в моих „Воспоминаниях" он является только отроком и юношей до конца 1830-х годов, затем моя жизнь разошлась с его жизнью.

Всепокорнейшая просьба, которою я решаюсь утруждать вас, с полной верой, что при просвещенном отношении вашего высокопревосходительства к разработке отечественной истории вы признаете возможным ее исполнить, состоит в следующем: разрешите, ваше высокопревосходительство, печатание моих „Воспоминаний", с соблюдением общих правил, на этот предмет установленных законом...» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, 1875 г., ед. хр. 64, лл. 1—2).

Тимашев счел возможным не настаивать на запрещении записок Пассек. На полях документа имеется его карандашная помета: «Если „Воспоминания" действительно так невинны в политическом отношении, то не вижу причин к запрещению. 21 мая» (там же, л. 1). В его официальном ответе Пассек, датированном 7 июня, сообщалось «что к напечатанию „Воспоминаний", с соблюдением общих, установленных по цензуре правил, не может встретиться никаких препятствий. В предупреждение же задержек со стороны цензуры в случае напечатания этого сочинения без предварительного ее рассмотрения, оно может быть представлено до напечатания на рассмотрение предварительной цензуры» (там же, л. 3).

Вежливую формулу «может быть представлено» нужно было понимать в смысле «должно быть представлено». Таким образом, в изъятие из общего положения о «толстых журналах», в том числе и о «Русской старине», освобожденных от предварительной цензуры, воспоминания Пассек отдавались в ведение этой предварительной цензуры — обстоятельство, которое намного осложнило дальнейшую их судьбу: провести «зубров» из Цензурного комитета оказалось труднее, чем Тимашева.

5 сентября 1875 г. шесть рукописных тетрадей «Записок г-жи Пассек» поступили в С.-Петербургский цензурный комитет. В журнале заседаний Комитета от 10 сентября сохранился доклад цензора Ратынского об этой рукописи, который приводим в сокращенном виде.

«Содержание этой рукописи, взятое само по себе, без отношения к описываемым в ней лицам, не представляет ничего противного цензурным правилам, кроме двух-трех мест, которые могут быть исключены без всякого ущерба для достоинства сочинения. Г-жа Пассек,— вдова умершего в Москве в 1842 г. литератора Вадима Васильевича Пассека,— рассказывает о годах своей молодости, проведенных частью в Москве в доме дяди, частью в Корчевском уезде Тверской губ. у отца и мачехи (тетради 1 и 2-я), о семействе Пассек и несчастиях, которые вынесло оно ⟨...⟩ Но главное лицо в этих воспоминаниях, вокруг которого сгруппированы все события и которое придает особый интерес рассказу, есть товарищ молодости г-жи Пассек, сын ее дяди — Александр. Из его писем и заброшенных им листов приводятся целые выписки, например о холерном годе в Москве и о московском университете в начале 30-х годов. В них, как сказано выше, нет ничего противоцензурного, за исключением двух-трех мест. Поэтому, казалось бы, что разбираемая рукопись должна быть разрешена к напечатанию ⟨...⟩ За всем тем, однакож, при цензурном рассмотрении сказанной рукописи необходимо принять в соображение следующее обстоятельство: автор „Воспоминаний" г-жа Пассек есть та „*корчевская кузина*", о которой упоминается в записках Герцена, известных под названием „Былое и думы"; дядя Иван Алексеевич, у которого

она гостила в Москве, есть отец Герцена И. А. Яковлев; часто упоминаемый *Ник* есть Н. П. Огарев — известный эмигрант и поэт; ему же принадлежат некоторые из стихотворений, вставленных в текст рассказа г-жи Пассек. В „Воспоминаниях" встречаются места, почти тождественные с описанием одних и тех же событий в „Былом и думах", например поездка в с. Васильевское и пребывание там семейства И. А. Яковлева; холерный год и описание московского университета. Вероятно, найдутся и другие подобные места, но* цензор, не имея под рукой экземпляра „Былого и дум", не может указать на них. Наконец, та даровитая и симпатичная личность, около которой вертится нить рассказа, есть А. И. Герцен. Г-жа Пассек называет его то Сашей, то Александром, то И—ром; в этом последнем сокращении не трудно открыть литературный псевдоним Герцена — Искандер.

Вследствие всего вышеизложенного и в виду высочайшего повеления, объявленного февраля 18 дня 1871 года, о недопущении к выходу в свет сочинений политических эмигрантов, какого бы содержания они ни были и в каком бы виде они ни издавались, цензор не может принять на свою личную ответственность пропуск в печать „Воспоминаний г-жи Пассек" и имеет честь представить о том на разрешение Комитета. К сему он считает долгом присовокупить, что в рукописи те немногие места, которые по содержанию своему должны быть исключены безусловно, подчеркнуты *красным карандашом — подстрочно*, а те, которые или сходны с описаниями самого Герцена, или прямо принадлежат ему и Огареву, означены красным карандашом *на полях*...» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875, ед. хр. 49, лл. 3—4).

На основании этого доклада С.-Петербургский цензурный комитет вынес решение запретить печатание записок, о чем и было сообщено 12 сентября в Главное управление по делам печати (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. № 64, 1875, л. 7 об.).

Как явствует из приведенной цензором мотивировки этого решения, и на этот раз основанием для запрета явились выдержки из произведений Герцена и Огарева, включенные Пассек в ее записки. Отказаться от этого— означало бы лишить записки их главного значения, отречься от цели, ради которой они составлялись. Естественно, что в дальнейшем все старания Пассек были направлены на то, чтобы завуалировать эти выдержки, сделать их возможно менее заметными. Из сказанного мы имеем право сделать вывод, что цензурное преследование записок Пассек, в сущности, было преследованием сочинений Герцена и Огарева.

К рассмотрению вопроса о судьбе записок Пассек было привлечено и всемогущее III Отделение: 9 октября 1875 г. Н. В. Мезенцев, бывший тогда товарищем шефа жандармов и главного начальника III Отделения, извещал начальника цензурного ведомства В. В. Григорьева о мнении генерал-адъютанта Потапова, который «находит заключение С.-Петербургского цензурного комитета по поводу „Воспоминаний" г-жи Пассек совершенно правильным и не признает возможным дозволить эти воспоминания к печати в полном их объеме». За этим следовала характерная оговорка, гласившая: «Генерал-адъютант Потапов не встречает препятствия к разрешению напечатать настоящие воспоминания г-жи Пассек с исключением из рукописи всех тех мест, которые подчеркнуты цензором красным карандашом, как подлежащие безусловному исключению, а также и тех мест, которые означены красным карандашом на полях, если г-жа Пассек изъявит на это согласие» (там же, л. 10).

---

* В рукописи конец фразы от слова «но» зачеркнут синим карандашом и этим же карандашом сделана следующая вставка: «вероятно, при тщательном сличении с заграничным изданием Герцена оказалось бы много подобных мест».

Самое первое [illegible]

1873 года Февраля

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЪ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

1810—1842.

Кто имѣетъ право писать свои воспоминанія?
Всякій.
Потому что никто не обязанъ ихъ читать.
Я

Давно уже замѣчено, что русская литература весьма бѣдна записками женщинъ. Даже въ послѣднее время, когда на „Воспоминанія“ явилось нѣчто въ родѣ моды, и то русская женщина рѣдко принимается за перо, не обнародываетъ своихъ записокъ и охотнѣе вступаетъ въ литературу съ повѣстями и даже романами. Между тѣмъ, прошлое, пережитое нашимъ обществомъ, представляетъ обширное поле для наблюдательности женщины образованной, одаренной болѣе или менѣе художническимъ чутьемъ и впечатлительнымъ сердцемъ. Своеобразныя черты нравовъ разныхъ слоевъ нашего общества, встрѣчи и столкновенія съ людьми замѣчательными на тѣхъ или другихъ поприщахъ, факты историческіе и явленія общественныя, — все это даетъ богатый матеріалъ для разсказа занимательнаго, хотя бы простаго и безыскусственнаго. Нынѣ предлагаемыя „Воспоминанія“, какъ намъ кажется, до нѣкоторой степени, восполняютъ указанный пробѣлъ...

Татьяна Петровна Пассекъ, вдова нѣкогда довольно извѣстнаго, даровитаго писателя Вадима Васильевича Пассека († 1842 г.), съ младенчества своего была поставлена въ среду богатѣйшей древнедворянской фамиліи, старшимъ представителемъ которой былъ отецъ ея матери, Натальи Петровны Кучиной, генералъ Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Эта фамилія, въ мужеской лѣтви, нынѣ угасла. Въ свое же время, то-есть въ концѣ прошлаго и въ первыя десятилѣтія тепе-

1

Дѣйствительно, это былъ ребенокъ худой, блѣдный, съ рѣдкими, длинными, бѣлокурыми волосами, съ большими, темно-сѣрыми глазами, въ которыхъ порой блестѣли искры, и рано засвѣтилась мысль. Не взирая на его чрезмѣрную живость, онъ рѣдко улыбался, шалилъ, ломалъ, шумѣлъ съ серьезнымъ видомъ, какъ-будто дѣлая дѣло. Часто, бросивши игрушки, онъ останавливалъ взоръ на одномъ предметѣ, и какъ бы вдумывался во что-то. Чувствуя нерасположеніе къ себѣ родныхъ со стороны отца своего, несмотря на ихъ видимое вниманіе, онъ и самъ ихъ не любилъ, и старался избѣгать ихъ присутствія. Въ особенности онъ старательно удаляясь отъ княгини Маріи Алексѣевны Хованской, которая, изъ любви къ брату Ивану и по долгу христіанки, какъ она выражалась, желая сколько-нибудь исправить избалованнаго ребенка, всякій разъ, какъ только онъ попадался ей на глаза, читала ему нравоученія и пугала его, говоря, что до нея доходятъ слухи, какъ онъ капризничаетъ и никого не слушаетъ, и что, если это правда, то она его запретъ въ свой ридикюль ци табакерку. Потомъ, обращаясь къ брату, прибавляла: «отдайка мнѣ своего баловника на исправленіе, я его сдѣлаю шелковымъ». Александръ боялся ее до смерти, иногда достаточно было сказать: «Вотъ постойте, я скажу княгинѣ, что вы не слушаетесь», и онъ дѣлался шелковымъ.

Всѣ видѣли въ «Шушкѣ» только баловня, изъ котораго не будетъ никакого толка, но никто не умѣлъ, изъ-за баловства, разсмотрѣть, сколько ума, добродушнаго юмора и нѣжности было въ этомъ ребенкѣ. Никто не обратилъ вниманія на врожденныя ему чувства деликатности и человѣколюбія, которыя, не взирая на эгоистическую, полную деспотизма среду, въ которой онъ росъ и развивался и въ которой могъ быть первымъ деспотомъ, были въ немъ такъ сильны, что онъ рано почувствовалъ, а вскорѣ и понялъ все отталкивающее окружавшаго его міра, сочувствовалъ всему угнетенному, до слезъ возмущался несправедливостью, постоянно нуждался въ сердечномъ привѣтѣ, страстно, безсознѣтно отдавался чувству дружбы и любви, и умѣлъ сохранить эти свойства души.

Одинъ Иванъ Алексѣевичъ понималъ его, понималъ содержавшіяся въ немъ возможности и старался развить въ немъ содержанность. Разъ, когда Александру было лѣтъ четырнадцать, вечеромъ,

[illegible] оригинала сказано: Иванъ [illegible] старался [illegible] изъ [illegible] и [illegible] ему.

ОТТИСК ИЗ ДЕКАБРЬСКОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1872 г., ГДЕ НАЧАЛИ ПЕЧАТАТЬСЯ «ВОСПОМИНАНИЯ» Т. П. ПАССЕК

Экземпляр с дарственной надписью А. А. Герцену и восстановленными рукой автора цензурными купюрами
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Это требование, немедленно доведенное до сведения редактора «Русской старины», нельзя было игнорировать. В переработанном виде, со всеми требуемыми изъятиями и изменениями, рукопись «Записок» (на этот раз только две тетради — с главами XV и XVI *) поступила 5 декабря 1875 г. в цензуру. Приводим доклад о ней, сделанный тем же цензором Ратынским на заседании С.-Петербургского цензурного комитета 17 декабря 1875 г.:

«Главы эти не заключают в *содержании* своем ничего противного цензурным правилам, почему цензору не представилось никаких оснований подчеркнуть в них красным карандашом какие-либо неудобные в печати места, подобно тому, как это сделано в предшествовавших главах. Цензор считает долгом повторить то же, что им сказано в отчете о главах предыдущих: все воспоминания г-жи Пассек вертятся около одного лица *Саши*, на котором сосредоточивается весь интерес рассказа; г-жа Пассек описывает, между прочим, такие события, которые касаются исключительно одного Саши, а нисколько ее самой; например, она описывает, как он вместе с приятелем своим *Ником* обедал на Святой, под Новинским у Яра; как он прогуливался с женою на Воробьевых горах; его чувства и мысли при виде панорамы Москвы; его воспоминания о Витберге, известном архитекторе, которого Герцен, удаленный в г. Вятку, застал там в изгнании. Также все содержание XVI главы, посвященной описанию московского университета начала тридцатых годов, нисколько не относится и не может относиться к личным воспоминаниям г-жи Пассек: как могла она слушать университетские лекции, определять относительные достоинства тогдашних профессоров, участвовать в студенческих пирушках и шалостях? Она себе этого и не приписывает, говоря исключительно о Саше и его студенческой жизни. А так как этот Саша (что объяснено в первом докладе) есть ее двоюродный брат *Александр Иванович Герцен*, то всю эту главу следует признать сокращением и *перифразом* собственных воспоминаний Герцена; именно перифразом, а не выписками *слово в слово*, как это сделала г-жа Пассек в некоторых местах своих прежних воспоминаний. Что касается *содержания* этих двух глав, то в них, как замечено выше, не находится ничего такого, что могло бы быть признано вредным или не согласным с цензурными постановлениями.

В заключение цензор считает обязанностью доложить, что стихотворение, которым заканчивается XIV глава, —

„Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустенье тебя“ и проч.—

принадлежит приятелю Герцена, известному эмигранту *Николаю Платоновичу Огареву*, который в разных местах „Воспоминаний“ г-жи Пассек упоминается под именем *Ника*. Хотя совершенно невинное по содержанию, стихотворение это не может быть допущено в печать на основании высочайшего повеления 18 февраля 1871 года» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875 г., ед. хр. 49, лл. 7 и 8).

Таким образом, цензор счел возможным допустить к печати «Записки» потому, что в них дословное цитирование сочинений Герцена было заменено их свободным «перифразом». Обстоятельство это в значительной мере реабилитирует Пассек: вспомним, что бóльшая часть язвительных замечаний Лемке по ее адресу была вызвана именно ее «вольным» обращением с текстами Герцена.

---

* В документах названы XIV и XVI главы, но это очевидная ошибка: XIV глава была последней, на которой оборвалась публикация в 1873 г.

Но благоприятное мнение цензора не имело решающего значения. Цензурный комитет вынес решение запретить выпуск «Записок» в свет, указав, что «допущение их к печати, несмотря на цензурность содержания, было бы в противоречии, если не с буквою, то с мыслию вышеприведенного высочайшего повеления» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. № 64, 1875 г., лл. 13—15).

Вслед за тем Главное управление по делам печати снова запросило мнение III Отделения, откуда 24 января 1876 г. пришел ответ, в котором сообщалось, что «со стороны III Отделения собственной его величества канцелярии к напечатанию этих записок не встречается препятствий, но с тем, чтобы из них было исключено все то, что Цензурным комитетом признано будет неудобным для печати» (там же, лл. 16 и 17).

На этом драматическая история цензурных мытарств «Записок» Пассек закончилась: путь на страницы «Русской старины» был для них открыт. Начиная с апрельской книги журнала за 1876 г., печатание глав «Из дальних лет» было возобновлено, причем в оглавлении книги к заглавию «Воспоминания Т. П. Пассек» было сделано характерное добавление: «Очерки московского дворянского быта».

Отсутствие рукописей XV и XVI глав не дает возможности точно установить, какие купюры были в них сделаны по требованию цензуры. Только некоторые частичные данные можно извлечь из сопоставления печатного текста XV главы с ее текстом, сохранившимся в корректурах набора, который был сделан для майской книги 1875 г. (см. настоящий том, стр. 18—20). По приведенным там примерам можно судить о характере приспособления воспоминаний в целом к требованиям цензуры. Можно предполагать, что и в других главах изъятию подвергались все места, где речь шла о борьбе, юношеском свободомыслии, политических мечтах Герцена и его друга.

В печатном тексте были исключены все прямые указания на принадлежность Герцену отрывков, введенных Пассек в текст XV главы. Всюду в главе, где раньше выписки из Герцена давались со ссылкой на «брошенные листки», эта ссылка исчезла; кавычки, обозначавшие заимствованный текст, были сняты; изложение (почти всюду) было переведено из первого лица в третье. В одном случае взамен указания на «брошенные листки» Саши появилась специально сочиненная для маскировки ссылка: «Я с юных лет, от времени до времени, писала свой дневник. Перебирая бумаги, мне попались давно заброшенные листки дневника, и это давнопрошедшее утро прошло перед моим внутренним взором со всеми его впечатлениями» (РС, 1876, № 4, стр. 818).

Эта замена имеет большое значение для выявления герценовских текстов в «Записках» Пассек вообще, поскольку в ряде других случаев она применяла аналогичные приемы, прикрывая вымышленными ссылками свои заимствования из печатных и рукописных сочинений Герцена. Так, ссылкой на тот же мифический дневник был мотивирован рассказ, напечатанный Лемке под произвольным заголовком «Арест и высылка» (I, 180—186). Текст главы «Последний праздник дружбы» давался в «Русской старине» с таким указанием на источник: «Из заметок, найденных в бумагах покойного моего мужа, я имею сведения об этом вечере. Вот эти заметки» (1876, № 7, стр. 512) *. В других случаях Пассек вводила упоминание об «одном из наших талантливых писателей» или об «одном из талантливых молодых людей этого кружка»; наконец, встречаются и ссылки на якобы устные высказывания Саши, под прикрытием которых также даются выписки из сочинений Герцена.

---

* В отдельном издании несколько иначе: «Из заметок, найденных мной в бумагах Вадима и одного из его товарищей, вот что сказано об этом вечере» (П., т. I, стр. 416).

Все эти приемы камуфляжа, которые Лемке презрительно расценивал как результат безответственной игры фантазии Пассек, предстают теперь перед нами в своем истинном свете. Заметим попутно, что в отдельном издании своей книги Пассек заменила подобными же формулами прямые ссылки на Герцена, дававшиеся ею раньше, в первых главах, при их публикации в «Русской старине» 1872—1873 гг. Ограничимся для подтверждения этого только одним примером из главы IV, куда введена была характеристика Сенатора, взятая из «Былого и дум». Справка в тексте «Русской старины» — «как говорил потом Александр» (1872, № 12, стр. 628) — была заменена в отдельном издании следующим подстрочным примечанием: «Один из наших талантливых писателей ярко очертил членов фамилии Яковлевых, окружавших детство и юность мою и Саши. После характеристики этих личностей, начертанных с необыкновенной жизнью и верностью его мастерским пером, я не решилась говорить о них с этой стороны, а так как обойти этого не могла, то и позволила себе воспользоваться несколькими отрывками из записанных им характеристик и событий по их общности с моей жизнью и жизнью Саши» (П., т. I, стр. 71).

Возвращаясь к обзору цензурной истории воспоминаний Пассек, мы должны сказать, что, начиная с 1876 г., печатанье их проходило беспрепятственно. Сохранившиеся в делах С.-Петербургского цензурного комитета доклады цензоров об отдельных книгах «Русской старины» с главами «Из дальних лет» не содержат запрещения (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. № 65, ч. 1, лл. 108—109, 114—115). Только в одном случае, в отношении главы XXXI, посвященной Грановскому и включавшей в себя две статьи Герцена о публичных лекциях его друга, заимствованные Пассек из «Московских ведомостей» 1843 г. и «Москвитянина» 1844 г., по докладу цензора Лебедева Цензурный комитет вынес решение задержать июльскую книгу «Русской старины» за 1877 г. (там же, ф. 776, оп. 4, 1869 г., д. 342, лл. 78—80). Однако это запрещение было, повидимому, отменено высшей инстанцией, потому что книга благополучно вышла в свет с обеими статьями Герцена и даже с примечанием от редакции, в котором сообщалось, что обе статьи даются по печатным оттискам, полученным Т. П. Пассек от самого автора.

В 1878—1879 гг. воспоминания «Из дальних лет» вышли отдельным изданием (тт. I и II), в значительно расширенном и дополненном, по сравнению с журнальными публикациями, виде, не вызывая, на этот раз, возражений со стороны цензуры (см. доклад цензора Ратынского о втором томе, датированный 29 сентября 1879 г. — ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875 г., д. № 49, лл. 13—14).

После выхода в свет двух томов «Из дальних лет» работа Пассек над ее воспоминаниями не прекратилась. В 1881 г. в первых пяти номерах журнала «Полярная звезда», издававшегося Салиасом де Турнемир, появилось несколько новых глав, посвященных Огареву. В дальнейшем эти главы не были включены в третий том «Из дальних лет» и вообще никогда не перепечатывались. В июльской книге «Русской старины» 1882 г. появились две главы, обозначенные как XXXVII и XXXVIII, что указывает на отсутствие у автора в тот момент плана подготовки и выпуска третьего тома. И лишь в феврале 1886 г., в «Русской старине» была опубликована новая глава «В Швейцарии», обозначенная: «Часть III, гл. I». Последующие главы, вошедшие затем в третий том, печатались (с перерывами) в течение 1886—1887 гг.

Цензурных материалов по этим главам почти не сохранилось, но их содержание позволяет судить о существенных изменениях, происшедших с конца семидесятых годов. Личность и деятельность Герцена и Огарева все дальше уходили в историю, теряя, вместе с тем, в глазах правящих

кругов России свою политическую опасность. Этим, видимо, и можно объяснить появление на страницах «Русской старины» в составе воспоминаний Пассек рассказа о свидании ее с Огаревым в 1873 г. с приведением его писем к ней и нескольких его стихотворений, а также его поэмы «Радаев». В прежние годы была бы невозможна и публикация полученных Пассек воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой, включающих в себя большое количество писем Герцена и Огарева сороковых-пятидесятых годов, и, конечно, совершенно немыслимо было опубликование многих писем Герцена к Огареву 1866—1870 гг. (см. о них стр. 603—604).

В делах С.-Петербургского цензурного комитета сохранились документы, относящиеся к пропуску в печать ноябрьской и декабрьской книг «Русской старины» 1886 г., где начата была публикация этих поздних писем Герцена к его другу. В заседании Комитета от 13 октября 1881 г. было заслушано донесение цензора Ведрова, который отмечал, что содержание новой главы воспоминаний Пассек «состоит из жизнеописания А. И. Герцена», что в ней рассказывается об основании типографии, о появлении в свет „Полярной звезды" и „Колокола"». По поводу же самих писем Герцена цензор писал: «Резкие и неприязненные суждения о России и русских не прекратились и в последние годы его жизни, достаточно прочесть две страницы, полные злости и отвратительного цинизма» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. 65, ч. 1, л. 431 об.— 432). Цензор ссылался здесь на стр. 328 и 329, где было помещено письмо от 2 мая 1868 г., содержащее много резких выпадов против «молодой эмиграции» (XX, 266—267). Разумеется, это замечание цензора было вызвано не желанием взять под защиту революционную эмиграцию конца 60-х годов — блюстителя общественных нравов смутили «крепкие» выражения, употребленные Герценом.

Еще более суровыми были замечания того же цензора по поводу декабрьской книги «Русской старины», где продолжалось печатание V главы. Характер доклада цензора выясняется из письма, которое было направлено председателем Комитета 27 ноября 1886 г. в Главное управление по делам печати:

«Цензор, рассматривающий журнал „Русская старина", доложил комитету, что в декабрьской книжке сего издания, представленной в комитет 25-го декабря, особенное внимание обращает продолжение воспоминаний г-жи Пассек, под названием „Из дальних лет" — часть III, глава V. Статья всецело посвящена жизни известного демократа-эмигранта Александра Герцена. Переписка Герцена с Огаревым хотя и доказывает отчасти упадок той энергии, какая воодушевляла в начале этих революционеров, но заключает в себе еще много цинизма, хвастливости и обнаруживает тот ход революционной пропаганды, какой был издавна веден ими без соблюдения скромности в названии фамилий лиц, им сочувствующих. Резкие и немногим известные названия и слова скрыты под точками. Несмотря на это встречаются такие странные изречения:

На стр. 660: „Смотри, как бог-то иронию загибает".

На стр. 679: „Ах, старче, ведь чудны дела господни, на душе скребет, а все же жизнь-то смешна".

На стр. 682: „Не забудь Бакунина спросить насчет 50 тысяч революционеров в России".

На стр. 684: „И. С. Тургенев читал „Полярную звезду" и расчувствовался, в силу чего избрал день смерти Николая Павловича, чтобы снова завести корреспонденцию".

На стр. 687: „Молитву получил; конечно, смешно — но per che?" *

Много ехидства рассыпано во всей статье умирающего революционера.

* зачем? (итал.).

Цензор находит в ней какое-то благоговение к памяти лица, затронувшего все основы русской жизни, как несогласные с его миропониманием, и указание на способы противодействия (в подробностях переписки), и полагает, что обнародованием такой статьи и в бесцензурной прессе может повлиять на бурную молодежь, жадно ищущую себе опоры в прежних деятелях. Еще недавно журналы „Колокол" и „Полярная звезда" были поводом к преследованиям — теперь же спокойно обсуждаются их издание, польза от них и т. п. ...» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 4, 1863 г., д. 372, лл. 150, 151).

Казалось бы, что после подобного доклада можно было ожидать только одного решения — запретить! Но, повидимому, в Комитете верх взяло другое мнение, и было вынесено благоприятное для автора записок и для журнала решение: «По выслушании изложенного, Комитет пришел к заключению, что настоящая часть воспоминаний г-жи Пассек, замечательная в цензурном отношении, как вся посвященная письмам, принадлежащим известному, давно умершему эмигранту, но не представляет достаточных оснований к задержанию книжки журнала, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати» (там же, л. 151). Ответ Главного управления нам неизвестен, но, очевидно, он был положительным: декабрьская книга «Русской старины» вышла в свет с материалами Пассек, но отмеченные цензором места были исключены. Впоследствии Лемке, печатая письма Герцена к Огареву, сверил их тексты с подлинниками Пушкинского дома и архива семьи Герцена (см. XX, 391; XXI, 240, 317 и 329). Только в одном случае, при печатании письма от 20 февраля 1869 г. (XXI, 296), помещенного в «Русской старине» на стр. 682, Лемке располагал неполным подлинником письма, сохранившимся в архиве семьи Герцена, и мог сверить только первую половину текста. Вторая же дана им по третьему тому «Из дальних лет». Таким образом, приведенный нами документ дает возможность восстановить в этом письме цензурную купюру: «Не забудь Бакунина спросить насчет 50 тысяч революционеров в России». К сожалению, остается неизвестным место, которое занимала эта фраза в подлинном письме, но можно предположить, что она заканчивала письмо.

После этого цензурного эпизода печатание писем Герцена в воспоминаниях Пассек было благополучно завершено, если не считать изъятий, произведенных «домашней цензурой» детей Герцена, о чем уже было сказано в другом месте настоящей статьи (см. стр. 608 настоящего тома).

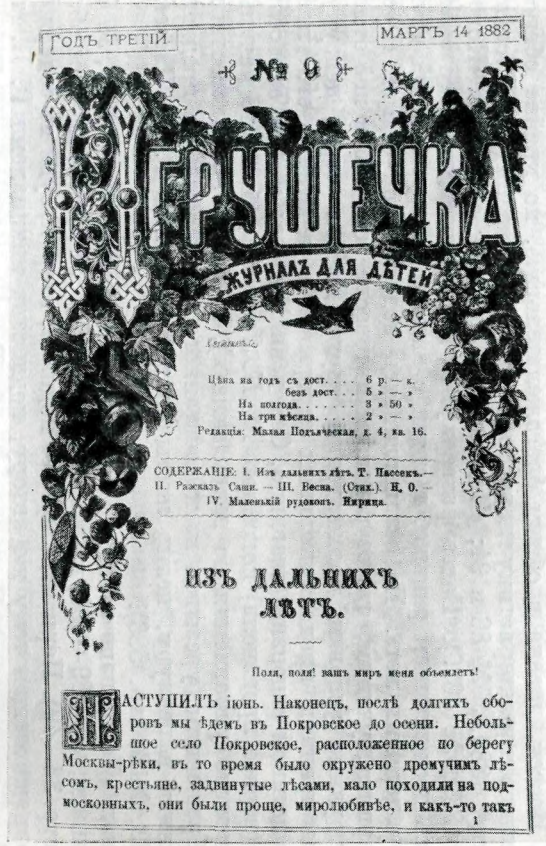
В октябре 1887 г. журнальная публикация последних глав «Из дальних лет» была закончена, и Пассек приступила к подготовке отдельного издания третьего тома. Несмотря на преклонный возраст и тяжелую болезнь, она сумела довести эту работу до конца. Но книга вышла в свет уже после ее смерти, с прибавлением нескольких глав, найденных среди бумаг покойной.

Так был завершен многолетний труд, истинное значение которого мы имеем теперь возможность оценить вполне объективно, без ненужной идеализации, но и без всякого предвзятого мнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведенный нами анализ «Воспоминаний» Пассек и составных элементов, в них входящих, позволяет нам ответить на вопрос об общественном и историческом значении этой книги, долгие годы сохранявшей широкую популярность в читательских кругах.

Сочувственное отношение эта книга встретила со стороны людей, близко знавших Герцена.



ГОДЪ ТРЕТІЙ МАРТЪ 14 1882

№ 9

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
безъ дост. . . 5 » — »
На полгода. . . . . 3 » 50 »
На три мѣсяца. . . . . 2 » — »
Редакція: Малая Полъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ.— II. Разсказъ Саши. — III. Весна. (Стих.). Н. О. — IV. Маленькій рудокопъ. Нирица.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ!

НАСТУПИЛЪ іюнь. Наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ мы ѣдемъ въ Покровское до осени. Небольшое село Покровское, расположенное по берегу Москвы-рѣки, въ то время было окружено дремучимъ лѣсомъ, крестьяне, задвинутые лѣсами, мало походили на подмосковныхъ, они были проще, миролюбивѣе, и какъ-то такъ

1

РАЗСКАЗЪ САШИ.

ВЪ ОДНОМЪ изъ помѣщичьихъ селеній на берегу рѣки Оки, жилъ дьяконъ, у котораго между прочими дѣтьми былъ сынъ по имени Сенька. Рядомъ съ домикомъ дьякона жилъ пономарь, человѣкъ бѣдный, больной, съ огромной семьей. Въ числѣ восьми человѣкъ дѣтей, у пономаря былъ одинъ ровесникъ Сенькѣ, котораго звали: косой Левка, и онъ точно косилъ глазами. Ровесники мальчики вмѣстѣ росли, каждый день вмѣстѣ играли на огородѣ, на погостѣ или передъ домомъ отца дьякона. Сенька очень привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ пряниками и баранками, которые ему давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, лепешки, кашу и передавалъ черезъ плетень. Левка былъ ребенокъ необыкновенный—шести лѣтъ онъ плавалъ въ Окѣ какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ-одинехонекъ, и въ то же время былъ непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми ихъ стали учить грамотѣ; Сенька чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ развить умственныя способности сына—и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему, и запиралъ въ темный чуланъ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ИГРУШЕЧКА», ИЗДАВАВШИЙСЯ Т. П. ПАССЕК, №9, 1882 г.
Здесь напечатан отрывок «Воспоминаний» Пассек и рассказ о Левке из «Доктора Крупова» Герцена

Таким был прежде всего Огарев, который писал А. А. Герцену в письме от 18 февраля б. г.: «...Я нахожу, что ее записки превосходны» (неизд.— «амстердамская коллекция»).

Т. А. Астракова, познакомившись с новыми главами записок Пассек, напечатанными в «Русской старине» за октябрь и ноябрь 1886 г., поделилась своими впечатлениями с Н. А. Тучковой-Огаревой: «Чтение их воскресило в памяти многое и многое из прошлого, что уже, было, позатянуло туманом жизненных тревог. Все недосказанное прочлось само собою между строк, и сердце и душа переполнились воспоминаниями. Да, спасибо ей за ее труд, который она мастерски выполняет. Завидный у нее талант, — немногие так ясно и интересно для всякого сумеют передать то, что пережито и перечувствовано другими» (письмо от 7 декабря 1886 г. — ЛБ, Г.—О. IX, 23, № 10). Много лет спустя М. К. Рейхель, перечитавшая в связи с запросом Е. С. Некрасовой книгу Пассек, писала о ней своей корреспондентке: «Для меня эти заметки имеют захватывающий интерес, многое рассказывается еще до моего времени, но это многое было мне по изустным рассказам сильно знакомо — эту зарю юности А. И. и ее самой, отношение к нему 〈...〉 Есть и вещи, к которым я у ней не симпатизирую, но да бог с ними» (письмо от 19/6 июня 1902 г.; там же, Некр. I, 4, № 18).

Хотя положительный тон этих откликов вызван был не только достоинствами записок Пассек, но и чувством благоговейного уважения писавших к личности Герцена, тем не менее эти отклики представляют для нас и известный объективный интерес, который нельзя игнорировать при общем суждении о труде Пассек.

В журнальной критике конца семидесятых — начала восьмидесятых годов книга Пассек встретила разноречивую оценку. Либеральная пресса («Русские ведомости», «Неделя» и др.) в ряде некрологов, вызванных смертью Пассек, давала в общем благожелательную, но крайне общую и бесцветную характеристику главного труда всей ее жизни (см. «Русские ведомости», 1889, №№ 86 и 91; «Неделя», 1889, № 14; ср. также «Новое время», 1889, № 4696). Более развернутые и принципиальные отзывы появились десятилетием раньше, в связи с выходом в свет первых двух томов «Из дальних лет». Не останавливаясь подробно на отзыве «Русской старины», укажем, что ее рецензия интересна тем, что в ней отмечались трудные условия прохождения труда Пассек через цензуру. Объясняя причины продолжительных перерывов в печатании его глав, автор анонимной рецензии (очевидно, Семевский) писал: «...Они зависели от воли (вернее произвола) покойного *М. Н. Лонгинова* (бывшего начальника Главного управления по делам печати), который, по неизвестным нам соображениям, урезывал из напечатанного уже текста, по предъявлении книги в цензуру, целые листы из воспоминаний Т. П. Пассек» (РС, 1879, № 3, стр. 586).

Журнал «Дело» напечатал две рецензии (на первый том — 1879, № 4, Новые книги, стр. 89—100, на второй том — 1880, № 2, Современное обозрение, стр. 38—49). Первая из них без подписи; вторая, судя по содержанию, принадлежащая тому же автору, подписана инициалами Г. Б. (то есть Г. Е. Благосветлов). Признавая, что «„Воспоминания“ г-жи Пассек принадлежат к лучшим произведениям нашей мемуарной литературы», рецензент видит их главный недостаток в том, что «добрая половина» их «наполнена такими подробностями, которые решительно не имеют никакого общественного значения...». В первом томе он одобряет только те страницы, где рисуется «крепостная атмосфера, среди которой выросла г-жа Пассек». Второй том, по его признанию, «богаче фактами, полнее содержанием», «самый фон исторической картины раздвигается и в ширину и в глубину, одним словом, семейная хроника переходит в общую бытовую

картину». Но это признание не мешает Благосветлову дальше говорить о «бедности фактов» и «бесцветности воспоминаний» в книге Пассек, о «переливании из пустого в порожнее» и о «старческой словоохотливости» автора, «доходящей до птичьего щебетанья». Нигилистическая односторонность не позволила Благосветлову оценить в воспоминаниях Пассек тот исторический и биографический материал, который призван был воскресить в памяти русского общества образы Герцена и Огарева. Отношение Благосветлова к этому материалу проявилось только в язвительных словах, заключавших вторую его рецензию: «От г-жи Пассек, казалось бы, можно было ожидать подробного описания этой эпохи и чего-нибудь нового об ее деятелях 〈...〉 Она предпочла своему собственному рассказу длинные перепечатки статей, давно уже известных нам, и перемывание домашнего белья друга своего детства, Александра. И это называется у нас мемуарами».

Несравненно более объективную и, следовательно, более правильную оценку книги Пассек поместили «Отечественные записки» (на первый том — 1879, № 3, Новые книги, стр. 98—100; на второй том — 1880, № 1, Новые книги, стр. 87—91). Если Благосветлов пренебрежительно отозвался о воспоминаниях Пассек в той их части, которая непосредственно касается биографии Герцена и совершенно не отметил широкого использования ею «Былого и дум», то анонимный рецензент «Отечественных записок» уже в первом отзыве поставил в связь записки Пассек с мемуарами Герцена и, в меру цензурных возможностей, дал понять читателям, что главный интерес рецензируемой книги заключается в том, что она повествует о Герцене: «Существуют в нашей литературе другие воспоминания, относящиеся к тому же самому времени, перед несравненным блеском которых, конечно, бледнеют мемуары г-жи Пассек и которые г-жа Пассек сама очень часто поминает и цитирует. Но это нисколько не мешает книге „Из дальних лет“ занять одно из самых почетных мест в нашей бедной литературе мемуаров». И дальше, мягко упрекая автора книги в том, что она уделяет слишком много внимания событиям, не характерным в общественном смысле, рецензент продолжает: «Но, конечно, это нельзя ставить в вину человеку, с любовью перебирающему свое далекое прошлое. Тем более, что и многие мелочи из жизни г-жи Пассек получают некоторое значение, благодаря тому, что часть воспоминаний группируется около личности друга детства автора — Саши». Характеризуя содержание второго тома «Из дальних лет», рецензент тоже указывал, что его «главный интерес попрежнему сосредоточивается на блестящей личности „Саши“, из жизни которого г-жа Пассек сообщает некоторые любопытные подробности». По достоинству оценил рецензент и общий тон воспоминаний Пассек, в которых он не нашел и следа «беззубой старческой ворчливости, меряющей все новое на старый аршин». «В конце концов, — заключал он первую свою статью, — лежащая перед нами книга не только записки бывалого человека, обстоятельствами сближенного с некоторыми замечательнейшими людьми своего времени; нет, это, кроме того, записки честного и умного человека».

Так журнал, руководимый М. Е. Салтыковым-Щедриным, оценил значение книги Пассек. И мы вряд ли ошибемся, если скажем, что таково же было отношение к этой книге передовых людей России, в частности, демократически настроенной молодежи. Подтверждением этого может служить дошедший до нас любопытный документ — неизданное письмо А. И. Эртеля к невесте. 27 августа 1883 г. он писал из Хилкова Самарского уезда: «Полночь, и я только что оторвался от книги Т. П. Пассек „Из дальних лет“ 〈...〉 А в душе моей и грусть, и толпа впечатлений неясных, и обрывки туманных мечтаний... Что за люди были! Какое время было! Сколько надежд, сколько ума, жизни, горя, разочарований, любви!..

Ты знаешь, ведь Пассек — двоюродная сестра Герцена, его первая любовь, та самая „корчевская кузина", которой он посвятил много страниц в „Былом и думах". Его детство, его жизнь до отъезда из России, рост его ума и его увлечения — все в этой книге. А рядом с этим жизнь молодежи того времени, жизнь помещичья, истории с романами... И так как-то хорошо и грустно веет оттуда... Все минуло, все поросло травою, а любили, верили, восторгались, думали мир обновить... Но что из того, что поросло все это — они жили, и как жили! Мы и не пробовали так жить. Пылкие идеалы, наука, книги, споры философские, захватывающие всего, всю душу, жизнь, бьющая ключом... Чувствуешь себя чище, благороднее после этой книги. Замирают серенькие чувствования и порывы, шири хочется, широкого душевного размаха... Узок кажется тот мир, в котором вертит тебя, как белку...» (ЛБ. —Эрт. XXI,3.—Сообщено Л. Р. Лан ским).

Так личность Герцена и его жизнь, отразившиеся в книге Пассек, будили сознание, подавленное тяжестью «эпохи безвременья», вселяли жажду вольной и широкой жизни, возбуждали желание вырваться из тусклого мира «сереньких чувствований». Могучее слово Герцена прорывалось сквозь расплывчатый гуманизм Пассек; воздействию этого слова не могла помешать либеральная интерпретация жизни и деятельности Герцена, интерпретация, которая характерна для воспоминаний «Из дальних лет».

По мере того как появлялись новые биографические труды о Герцене, множились публикации переписки его и Огарева, особенно после того как их произведения, хотя и в урезанном виде, стали достоянием легальной печати в России, общественно-пропагандистское значение книги Пассек неизбежно падало. Но как литературный памятник оно продолжало и продолжает привлекать внимание читателей.

Помимо сказанного, книга Пассек сохраняет свое, хотя скромное, но прочное место в специальной области научного изучения Герцена и Огарева.

В той части книги, которая представляет собой собственные воспоминания Пассек о Герцене, содержится некоторый материал, имеющий известную биографическую ценность. И хотя показания Пассек, опирающиеся на ее память и на домашние предания, требуют критической проверки, при которой обнаруживаются многие неточности и ошибки, тем не менее ее мемуары пополняют наше представление о Герцене, особенно о его детстве и юности.

Через книгу «Из дальних лет» в научный оборот введен был ряд мемуаров, созданных по инициативе и при энергичном воздействии Пассек, сумевшей сохранить для потомства воспоминания таких живых современников описываемой ею эпохи, как Астракова, Рейхель, Огарев, Тучкова-Огарева.

В годы, когда сочинения Герцена и Огарева находились под строгим цензурным запретом, Пассек сумела включить в свои воспоминания выдержки из «Былого и дум», «Записок одного молодого человека», из стихотворений и поэм Огарева. Вместе с тем она опубликовала на страницах своих воспоминаний многочисленные письма Герцена, Огарева, а также их близких друзей.

Располагая некоторыми рукописными источниками, она напечатала и новые тексты произведений Герцена и Огарева, которые без этого легко могли бы быть утраченными. Для известной части этих произведений тексты, опубликованные в составе книги «Из дальних лет», являются единственным источником, к которому обращаются до сих пор современные исследователи и публикаторы.

Предпринятое нами изучение источников, относящихся к «Воспоминаниям» Пассек и к истории их создания, раскрыло реальную возможность

выявления в ее книге неизвестных прежде страниц ранней автобиографической прозы Герцена. Подробная аргументация принадлежности Герцену этих страниц и обоснование сделанных нами выводов изложено в отдельной работе, публикуемой в настоящем томе (стр. 9—55).

Все это показывает, что семнадцатилетний труд Пассек, который она продолжала чуть ли не до последнего дня своей жизни, не был бесплодным. Добровольно возложенный ею на себя долг перед обществом и перед историей она выполнила честно и добросовестно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПРАВКА О ПИСЬМАХ ОГАРЕВА К Т. П. ПАССЕК

В настоящей справке дается сводный перечень всех дошедших до нас писем Огарева к Пассек, как напечатанных в различных изданиях, так и неопубликованных. Письма расположены в хронологической последовательности; время написания недатированных писем определено (точно или приблизительно) по их содержанию и на основании ответных писем Пассек к Огареву. В отдельных случаях, когда при прежних публикациях неясные места в письмах Огарева оставались без примечаний или сопровождались ошибочными пояснениями, в справку вводятся необходимые комментарии. В отношении напечатанных писем в справке указываются все публикации. Тексты неизданных писем приводятся в справке полностью (за исключением № 3) с указанием местонахождения автографов.

1. «Друг старый Таня. Твое письмо меня нашло...». Б. д. Ответ на письмо Пассек от 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г. Написано 5—10 января 1873 г.— «Полярная звезда», 1881, № 3, март, стр. 66—67. Автограф неизвестен.

Пассек во вводных замечаниях к тексту письма ошибочно относит его к весне 1873 г., когда она «была в Вене», а дети ее «уехали на месяц в Венецию».

2. «Вот уже несколько дней, мой друг, собираюсь отвечать...». Б. д. Пассек ответила на него письмом от 1/13 января 1873 г. Написано 10—11 января 1873 г.— «Из дальних лет», т. III, стр. 17. Первоначально: «Русская старина», 1886, № 2, стр. 454. Автограф неизвестен.

В тексте письма Огарев сообщает об отправленном в Цюрих к Н. А. Тучковой-Огаревой поручении выслать Пассек требуемую книгу («Былое и думы»). Письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Пассек с откликом на это поручение датировано 16 января 1873 г.; хранится в ИРЛИ, ф. 430, № 15, лл. 7—8; подпись: «Н. Герцен» (не издано).

3. «Старый друг Таня, давно собираюсь вам отвечать на вашу превосходную присылку...». Датировано: «Женева, 26 января, воскресенье». Ответ на письмо Пассек от 8/20 января 1873 г., в котором она переслала Огареву выдержки из VIII и IX глав своих воспоминаний.— Настоящее письмо не опубликовано. Автограф находится в собрании Ю. Г. Оксмана.

Пассек ответила на это письмо 16/28 января.

4. Автограф. ИРЛИ, ф. 430, № 20, л. 2. Публикуется впервые. Это — ответ на письмо Пассек от 15/27 января 1873 г.

31 января <1873 г.>. Пятница.
Rue de Conseil général, 20

Старый друг Таня. Письмецо и билет получил третьего дня. Хотел тотчас же отвечать мое искреннее спасибо, но у меня были Натали и Лиза, проездом в По к детям Сатина, которые там и все в чахотке (старшему 20 лет). Натали станет к тебе писать и посылать, что найдется. Из моих записок и стихов я сегодня не посылаю; а на днях соберу и пришлю; сегодня что-то нездоровится, насморк душит. Станешь писать ко мне — напиши, жив ли Кетчер и что делает? Мы хотя с ним и в глубокой разладице, но забыть его я не могу.

Еще раз помешали, старый друг, теперь надо хотя записку да снести на почту.

Твой А г а

5. «Письму твоему, старый друг Таня, я был сильно рад...». Датировано: «Genève' суббота». Следует датировать 1 февраля 1873 г.— «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 127—128. Автограф неизвестен.

Это — первый отклик на письмо Пассек от 16/28 января. Ограничившись из-за усталости несколькими строками, Огарев на другой день написал большое письмо (см. № 6) и, вероятно, отправил их одновременно. В письме от 5 февраля Пассек писала: «Два письма твои с твоими *записками* и в одном стихи получила — спасибо».

6. «Вот тебе, мой старый друг Таня, и конец первой главы...». Датировано: «2 февраля ⟨1873 г.⟩ Воскресенье». Ответ на письмо Пассек от 16/28 января 1873 г.— «Невский альманах», вып. II. Пг., 1917, стр. 199. Автограф неизвестен.

Пассек ответила на это письмо 5 февраля.

7. Автограф. ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 16—16 об. Публикуется впервые.

8 февраля ⟨1873 г.⟩. Суббота.
Rue de Conseil général, 20

Только что хотел к тебе писать, старый друг Таня, как получил твое письмо от 5 февраля. Виноват, если я два раза послал одно и то же, но не знаю как — я у себя в книге пометил, что конца главы не посылал. Ошибся я или ты ошибаешься — не знаю. Второй главы я еще не начинал, но хочу начать, хотя это будет помудренее. Но ты мне не отвечала — послал ли я тебе мои стихотворные записки, или я (вероятно) отдал их кому-нибудь здесь, вырвавши из записной книжки, так что у меня рукописи не осталось, а кому отдал — не помню.

За твои записки и за прямую дружбу крепко жму твою добрую руку. К Натали не могу писать: она до сих пор из По мне не писала, и я не знаю ее адреса; но, вероятно, на днях получу письмо и тогда же справлю твою комиссию. «Русской старины» еще не получал. Жду с нетерпением

Твой А г а

Мне только жаль, что ты выпустила моего исповедника попа с горловой чахоткой. Впрочем, если это мешает цензуре, то бог с ним.

Это — ответ на письмо Пассек от 5 февраля, в котором она писала об ошибке Огарева: он вторично послал ей окончание первой главы «Записок русского помещика». Пассек послала при своем письме оттиск «Русской старины» с началом ее записок (из книги 12-й за 1872 г.). Обещание Огарева «справить комиссию» имеет в виду просьбу Пассек послать Натали (Н. А. Тучковой-Огаревой) назначенный для нее и Лизы оттиск «Русской старины» и написать ей: «Может, она желает какие заметки сделать, добавить, убавить, что от тебя сказать, пусть все, что хочет, сделает, все пойдет в отдельном издании моих воспоминаний» (л. 84).

На письмо от 8 февраля Пассек ответила письмом без даты (около 10—11 февраля).

8. «Вот, мой старый друг Таня, пишу тебе еще записочку...». Датировано: «24 февраля ⟨1873 г.⟩. Воскресенье» *. Ответ на письмо Пассек от 1/13 февраля 1873 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 599. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 1—1 об.

Пассек ответила на это письмо 14/26 февраля.

9. «Вчера я послал тебе книгу, о получении извести...». Датировано: «Genève, суббота». Том своих стихов Огарев послал с предыдущим письмом (№ 8). Следовательно, настоящее письмо нужно датировать 25 февраля. Но этому противоречит указание на субботу (25 февраля приходилось на вторник). Удовлетворительно разрешить это недоумение в настоящее время нет возможности.— «Полярная звезда», 1881, № 5, стр. 135—136 (в письмо включены тексты трех стихотворений Огарева: «Памяти друга», «Раздумье», «Старость»). Автограф неизвестен.

10. «Друг Таня. Пишу вечером; день прошел в больших заботах...». Б. д. Ответ на письмо Пассек от 14/26 февраля 1873 г. Написано в первых числах марта.— «Из дальних лет», т. III, стр. 18—19. Первоначально: «Русская старина», 1886, № 2, стр.

* В дате Огарев допустил неточность: 24 февраля н. ст. в 1873 г. приходилось на понедельник.

455—456. В «Полярной звезде» (1881, № 3, стр. 72) текст письма дан несколько сокращенно и с рядом разночтений (повидимому, произвольно внесенных Пассек). Автограф неизвестен.

11. «Сегодня утром, старый друг Таня, получил твое письмо от 4-го м⟨арта⟩...». Датировано: «Пятница вечером 7 марта ⟨1873 г.⟩». Письмо Пассек, на которое отвечает Огарев, до нас не дошло.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 600. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 2—3.

Приписка из этого письма («Сегодня воспоминание *о нем* так сильно во сне и наяву, что слеза навертывается») воспроизведена Пассек как часть письма от 18 октября 1873 г. («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 69). В примечаниях к письму в публикации «Лит. наследства» «Ипполит» (Ипполит Александрович Пашков) ошибочно назван Пассеком, Ипполитом Диомидовичем.

Пассек ответила на это письмо (и одновременно на следующее) в недатированном письме, где извещала о намеченном отъезде из Дрездена в Вену (вторая половина марта).

12. Ответ на письмо Пассек от 6 марта 1873 г. Публикуется впервые. Автограф— в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, среди бумаг Ф. М. Достоевского (ЛБ, Дост. II. 7/50), которому он был подарен Пассек.

14 м⟨арта 1873 г.⟩. Пятница
Rue de Conseil général, 20

Старый друг Таня. Страшно боюсь, не ошибся ли я как-нибудь в твоем новом адресе (Weissenbuhl, Arzielequart, 52) и пробую написать на старый адрес. Жду от тебя письма с нетерпением.

Твой А г а

13. «Наконец-то вчера пришло твое послание из Вены...». Датировано: «6 апреля ⟨1873 г.⟩. Воскресенье». Ответ на первое письмо Пассек из Вены от 2 апреля 1873 г.— «Невский альманах», вып. II. Пг., 1917, стр. 197—198. Автограф неизвестен.

Первый абзац письма (с пропуском слова «вчера») приведен Пассек в главе «Ник» («Из дальних, лет», т. I, стр. 234) как письмо, полученное ею в Вене 6 апреля 1873 г. Полнее, но с некоторыми неточностями, напечатано в «Полярной звезде», 1881, № 3, стр. 69.

14. «Вот уже несколько дней собираюсь писать тебе...». Датировано: «Суббота, Женева. Rue de Conseil général». Письмо Пассек, на которое здесь отвечает Огарев, до нас не дошло.— «Из дальних лет», т. III, стр. 16—17. Первоначально в «Русской старине», 1886, № 2, стр. 453—454. С сокращениями напечатано в «Полярной звезде», 1881, № 3, стр. 75. Здесь в конце письма вставлен абзац о скором переезде на новую квартиру — из более позднего письма от 26 августа 1873 г. (см. ниже № 18). Автограф неизвестен.

Датировка письма затруднительна. Пассек указывает, что получила его в ответ на свое письмо, отправленное из Интерлакена, куда она звала Огарева, чтобы повидаться с ним. Это указание неверно: письмо Огарева послано не в Интерлакен (куда Пассек приехала летом), а еще в Вену, как это явствует из частично сохранившегося ответа на него Пассек. Предположительно относим письмо к апрелю (на субботу приходились в 1873 г. числа: 12, 19 и 26).

15. «Посылаю тебе, старый друг, продолжение записок...». Б. д.— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 76. Автограф неизвестен.

По словам Пассек, это письмо она получила «спустя недели две» после предыдущего (№ 14), «вместе с двумя листочками записок». Если верить этому указанию, письмо следует датировать концом апреля — началом мая 1873 г. Последний абзац письма («Зной страшный...») принадлежит к позднейшему письму от 12 августа 1874 г. (см. ниже, № 29).

16. «Сегодня я получил твое письмо, друг мой, и спешу с ответом...». Датировано: «Genève, Rue de Conseil général. Суббота». Ответ на недатированное письмо Пассек из Вены.— «Из дальних лет», т. III, стр. 18. Первоначально в «Русской старине», 1886, № 2, стр. 455. Автограф неизвестен.

Точная датировка затруднительна. Повидимому, относится к началу лета (до 25 июня), когда уже реальной стала перспектива приезда Пассек в Женеву.

17. «Дня три тому назад писал к тебе, старый друг Таня...». Датировано: «25 июня ⟨1873 г.⟩. Середа».— «Невский альманах», вып. II, Пг., 1917, стр. 198. Автограф неизвестен.

18. «Старый друг Таня, получил третьего дня твое письмо...» Б. д.— «Из дальних лет», т. III, стр. 17—18. Первоначально в «Русской старине», 1886, № 2, стр. 455. Автограф неизвестен.

Точной датировке не поддается. Судя по словам: «Извести меня о вашем приезде в Женеву, чтобы я мог распорядиться собой и вас встретить» — написано перед самым приездом Пассек; возможно, что оно относится ко времени пребывания Пассек в Интерлакене или Берне, куда она перед Женевой заехала повидаться с М. К. Рейхель.

19. «Спасибо тебе за твое доброе письмо, старый друг Таня...». Датировано: «26 августа ⟨1873 г.⟩. Вторник». Ответ на письмо Пассек из Вены от 10/22 августа 1873 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 600—602. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 6—7. С сокращениями напечатано в «Полярной звезде», 1881, № 4, стр. 132 *. Заключительный абзац этого письма был ею напечатан в более раннем письме как часть этого письма (см. выше, № 14).

Пассек ответила на это письмо 6 сентября/25 августа 1873 г. из Вены.

20. «Спешу сказать тебе, старый друг, несколько слов...». Датировано: «31 августа ⟨1873 г.⟩. Воскресенье».— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 72—73. Автограф неизвестен.

Начало этого письма представляет собою неточное и неполное воспроизведение более позднего письма от 28 сентября 1873 г. (см. ниже, № 22). Повидимому, Пассек присоединила это начало к письму от 31 августа. В приписке к нему Огарев рекомендует ей прочесть в июльском номере «Дела» «статью о тенденциозном романе „Заволжье“ и биографию Пушкина. Замечательно». В названной книге было напечатано окончание большой статьи Постного (псевдоним П. Н. Ткачева) «Тенденциозный роман» — о романах А. Михайлова (А. К. Шеллера) и первая часть статьи С. С. Шашкова «Пушкин и Лермонтов», в которой с прямолинейно-нигилистической точки зрения был дан очерк жизни и творчества Пушкина (в связи с выходом в свет второго издания труда П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина»).

21. «Отвечай мне немедленно, все ли ты еще в Вене...». Б. д.— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 73. Автограф неизвестен. В письме Огарев отказывается от предложения Пассек похлопотать через кн. Н. А. Орлова о его возвращении в Россию (об этом Пассек писала в письме от 6 сентября/25 августа 1873 г.). Настоящее письмо написано после некоторого перерыва в переписке,— вероятно, во второй половине сентября (до 28 сентября). Пассек отвечала на него (и на письмо № 20) недатированным письмом из Вены.

22. «Вчера вечером получил твою добрую записку...». Датировано: «28 сент⟨ября 1873 г.⟩. Воскресенье».— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 602. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 8. Неточный и неполный текст этого письма включен Пассек в письмо от 31 августа (см. № 20).

23. «Наконец-то от тебя два милые письма, старый друг Таня...». Датировано: «30 сент⟨ября 1873 г.⟩. Вторник». Ответ на недатированное письмо Пассек.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 9—10.

24. «Вчера, старый друг Таня, получил твое карандашевое письмо с планом...». Датировано: «14 октября ⟨1873 г.⟩. Вторник».— «Невский альманах», вып. II. Пг., 1917, стр. 198. Автограф неизвестен.

Письмо Пассек, на которое отвечает здесь Огарев, не сохранилось.

25. «Вчера послал тебе книгу, друг мой...». Б. д. Написано после 14, но до 18 октября (Огарев пишет здесь, что еще не получил своей переписки с Герценом, ждет на днях.

---

* Указание Пассек: «На мое письмо из Италии Ник ответил мне уже в Вену» — неверно.

18 октября он извещал, что получил посылку со старыми письмами).— «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 124—125. Автограф неизвестен.

Помета в публикации этого письма — новый адрес Огарева («Chemin Villerense, 16») — ошибка Пассек. На новую квартиру Огарев переехал около 25 октября (см. ниже, письма №№ 26 и 27). Следующее письмо, от 18 октября, помечено еще старым адресом.

26. «Сегодня, старый друг Таня, получил от Саши посылку...» Датировано: «18 окт⟨ября 1873 г.⟩. Суббота».— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 11.

Пассек ответила на это письмо 9/21 октября 1873 г. (это было ее последнее письмо из Вены, перед отъездом в Прагу).

27. «Наконец, вчера пришло твое письмо, старый друг Таня...». Датировано: «23 дек⟨абря 1873 г.⟩. Вторник».— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603—604. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 12.

Пассек напечатала это письмо в «Полярной звезде» (1881, № 5, стр. 134—135) с ошибочной датой (июнь ⟨1874 г.⟩) и с неправильным указанием, что оно получено в Яссах. Текст письма в ее публикации дан неточно.

Это ответ на письмо Пассек из Праги от 6/18 декабря 1873 г. (а отчасти и на более раннее — от 19 ноября/1 декабря 1873 г.). Замечание Огарева в письме: «Ты, кажется, славянофильствуешь, старый друг» — не могло быть правильно объяснено в комментарии «Лит. наследства», поскольку письма Пассек к Огареву тогда оставались недоступными для исследователей. 19 ноября/1 декабря Пассек писала: «Прилагаю тебе стихотворение одной русской молодой женщины — она в Праге в одной квартире со мной живет. Я ее знаю давно — хороший человек,— вырвалась из бедного быта, дочь дьячка сельского,— развилась, пообразовалась; сама собой, случайно, в Праге выучилась чешскому языку, переводит с чешского и этим существует. Напиши, как находишь ее стихи. *Это местечко около Праги*: *Кривоклад*. У нас вечерами собираются *чехи* и *чешки* — интересно очень. Здесь все учатся по-русски, многие по-русски говорят, русских чуть не обнимают. Немцев не выносят. Что из всего этого выйдет? — Ипполит будет в Праге в декабре; он весь увлечен славянским делом,— *в широком смысле*. У нас бывает путешествующий другой год по славянским землям русский — дельный и умный; сказывал, что по Карпатам целые деревни чисто русские и по-русски говорят» (л. 68—68 об.). К письму приложена рукопись поэмы «Кривоклад».

В следующем письме Пассек снова затронула эту же тему: «...Я предпочла ⟨...⟩ пробыть в Праге, где славяне мне очень симпатичны; многие бывают у меня: чехи и чешки — они говорят по-русски, многие учатся по-русски и большие надежды возлагают на Русь,— думаю я, вотще. Впрочем, чем чорт не шутит» (л. 87 об.).

В ответном письме от 25 декабря/6 января Пассек откликнулась на замечание Огарева: «С чего ты взял, что я славянофильствую? Нет, милый, я ни прежде, ни теперь не мешаюсь в эти дела. Мои тут хлопоты — то же, что воду толочь. Я тебе стихи послала как образчик способностей одной еще довольно молодой женщины, русской, дочери пономаря,— я хотела слышать твой суд как поэта» (л. 86 об.).

28. «Сейчас получил твое письмо, старый друг Таня, и тороплюсь отвечать...». Датировано: «14 января ⟨1874 г.⟩. Середа». Ответ на письмо Пассек от 25 декабря ⟨1873 г.⟩/6 января ⟨1874 г.⟩, из Праги.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 604. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 13—14.

Письмо Огарева не застало Пассек в Праге: она получила его уже в Петербурге, о чем она извещала в письме от 15/27 января 1874 г. В этом же письме она давала для дальнейшей переписки пражский адрес г-жи Полины Гусевой (очевидно, автор «Кривоклада»).

Комментируя это письмо в «Лит. наследстве», Б. П. Козьмин затруднялся объяснить в нем фразу: «Поэма мне нравится» — и предположительно отнес ее к «Радаеву» Огарева. В действительности же эта фраза относилась к поэме «Кривоклад» (см. выше, комментарии к № 27).

29. «Милый мой старый друг Таня. Спасибо тебе за твое добрейшее и милейшее письмо...». Датировано: «13 июля ⟨1874 г.⟩. Понедельник». Ответ на письмо Пассек

из Ясс, от 19 июня 1874 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 604—605. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 4—5.

Публикуя в «Полярной звезде» (1881, № 5, стр. 136) письмо от 12 августа (см. № 30), Пассек вставила в него несколько строк из настоящего письма.

Пассек ответила на настоящее письмо из Ясс 18 июля.

30. «Давно собираюсь писать тебе, старый добрый друг Таня...». Датировано: «12 августа ⟨1874 г.⟩. Среда».— «Полярная звезда», 1881, № 5, стр. 136. Автограф неизвестен. Начало второго абзаца — из письма от 13 июля (№ 29).

Публикацию этого письма Пассек сопроводила примечанием: «Это было последнее письмо на мое от Ника. Он уехал в Англию, как я слышала, и переписка наша прекратилась».

Кроме включенных в настоящую справку писем Огарева, в «Полярной звезде» можно обнаружить еще два, которые, однако, самостоятельными письмами не являются:

1. «Сегодня я получил от Саши посылку...».— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 69. Начало — из письма от 18 октября 1873 г. (№ 26); последняя фраза — из письма от 7 марта 1873 г. (№ 11).

2. «Милый мой старый друг Таня. Спасибо тебе...».— «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 125. Начало частично совпадает с началом письма от 12 августа 1874 г. (№ 30); остальной текст — из письма от 30 сентября 1873 г. (№ 23).

В бумагах Пассек (ИРЛИ, ф. 430, № 20, л. 1) находится еще одно неопубликованное письмо к ней Огарева, не связанное с серией писем 1872—1874 гг. Относится оно ко времени приезда Пассек в Лондон для свидания с Герценом. Приводим текст его полностью:

«1 сентября ⟨1861 г.⟩

Приехали ли вы, милая, Татьяна Петровна? Все ли благополучно? Как чувствуете сами? Как нашли других? — Вечером я вас жду часов в 8, хоть раньше; утром не думаю, чтоб успел зайти, перед отъездом слишком много скопилось дела.

Ваш О г а р е в

Напишите строчку с сим посланным».

Эта записка написана в день возвращения Пассек в Лондон после свидания с Герценом и его семьей в Торквее (см. XI, 217—220).

СООБЩЕНИЯ

ПОРТРЕТ ГЕРЦЕНА 1836 г. РАБОТЫ А. Л. ВИТБЕРГА*

Сообщение А. Ф. Коростина

1834 год — год разгрома герценовского студенческого кружка; Герцен и Огарев были арестованы, затем сосланы: Герцен — в Вятку, Огарев — в Пензу. Две части одной поэмы,— по выражению Герцена,— были разрознены. Однако в Вятке Герцен встретил человека, глубокая и сердечная дружба с которым скрасила Герцену годы ссылки. То был Александр Лаврентьевич *Витберг* (1787—1865), известный архитектор и — что менее известно — незаурядный портретист. «Вятка скучна, но благословляю судьбу, бросившую меня сюда. Встреча с Витбергом выкупает половину неприятностей разлуки»,— писал Герцен невесте 26 марта 1836 г. (I, 261) и, говоря о Витберге, цитировал Огарева:

...весь художник он,
Он все окинул быстрым оком
На поле вымысла широком.

Трагическая судьба Витберга, оклеветанного, осужденного и так же, как Герцен, сосланного в Вятку, поразила Герцена; величие архитектурных замыслов Витберга — потрясло. Витберг, один из крупнейших представителей русской архитектуры первых десятилетий XIX века, прославился своим проектом грандиозного «храма-памятника 1812 года» на Воробьевых горах, в Москве. Проект этот осуществлен не был. Герцен, глубоко чтивший память двенадцатого года, с горечью назвал проект Витберга «надгробным памятником великому намерению монументально увековечить славу 1812 года» (I, 111).

Герцен принял в Витберге горячее участие, помог ему материально, заставил его приняться за свои «Записки», сам работал над ними вместе с автором и, наконец, задолго до написания «Былого и дум», заявил о своем намерении жизнь Витберга «пером симпатии» передать потомству (I, 462). Свое намерение Герцен исполнил отчасти уже в 1837 г. (в «I Maestri», см. I, 436). Позже он посвятил Витбергу в «Былом и думах» целую главу.

Дружба с Витбергом, скрасившая Герцену годы ссылки, оставила след не только в биографии Герцена, не только в его переписке, но и в его иконографии. В Вятке, в 1835 и в 1836 гг., Витберг, по просьбе Герцена, нарисовал два его портрета, оба погрудных и обращенных профилем влево. Более поздний портрет — 1836 г. — дан, в отличие от первого, с небольшим поворотом; таким образом чуть виден и правый глаз. Первый портрет был отправлен Герценом в Москву, отцу; второй в конце 1836 г. был подарен Герценом Наталье Александровне Захарьиной, ставшей вскоре его женой. Посылая Наталье Александровне свой подарок, Герцен писал: «Сходство разительное; там все видно на лице— и моя душа, и мой характер, и моя любовь. Кроме Витберга, кто мог бы это сделать? ⟨...⟩ Я радовался, что черты моего лица выражают столько жизни и восторга» (I, 334).

---

* См. воспроизведение этого портрета в настоящем томе, на вкладном листе.

Далее Герцен сообщал, что он изображен на портрете «в бешмете», том самом, в котором он был «9 апреля 1834 года» (день свидания арестованного Герцена с Натальей Александровной в каземате Крутицких казарм в Москве).

Приведем и ответное письмо Натальи Александровны, разделявшей восторг Герцена: «Никто не находит большого сходства, кроме маменьки. А то даже папенька говорит: в глазах что-то не твое. Что же мудреного, конечно, для всех, и для него, и даже для меня, в твоем взоре новое. Как ты, а я, мой ангел, нахожу, что ты смотришь на портрете так, как ты смотрел на меня 9 апреля ⟨1834 г.⟩, держа крепко, крепко мою руку и спрашивая о голубе. Да и костюм тот же, как он мне нравится, как он идет к тебе! Ты никогда не был так хорош, как в нем⟨...⟩Ну, посмотрись ты, ради бога, как ты *хорош*! Видал ли ты кого-*нибудь подобного*? Я всегда *восхищаюсь* тобою, теперь ты еще похорошел ⟨...⟩ Ну поверь мне, никогда бог подобного не создавал»[1].

Портрет, исполненный Витбергом в 1836 г.,— лучший в иконографии молодого Герцена. Он понравился Герцену, оценившему его одухотворенность, выразительность, энергию выраженных в нем чувств. Герцен требовал от портретиста изображения внутренней жизни человека. Его «рассердили» портреты Н. П. Огарева и его молодой жены, присланные Огаревым из Пензы. «Портреты получил, был рад, но это не Витберг: да, он ⟨Огарев⟩ похож,— его лицо, но души его не видать, и притом *с улыбочкой*. Встарь всегда жену рисовали с цветком, мужа со шпагой и обоих *с улыбкой...*»,— писал Герцен по поводу присланных портретов (I, 503).

В 1842 г. оба портрета Герцена работы Витберга находились уже у самого Герцена: «Вчера я смотрел долго на два портрета мои Витберговой работы. ⟨...⟩ И мне стало грустно»,— записал Герцен в дневнике 1842 г. (III, 47). Дальнейшая судьба портретов неясна. Первый, исполненный в 1835 г., не найден и до сих пор[2]. Что же касается второго, то он стал известен впервые в 1898 г., когда фотография с него появилась на выставке в память В. Г. Белинского, устроенной в апреле этого года в Москве Обществом любителей российской словесности. В каталоге выставки было указано: «Собственность Е. С. Некрасовой, портрет, сделанный в Вятке, когда Герцену было 25 лет, художником Витбергом. Оригинал в Лондоне у А. А. Герцена»[3]. В альбоме выставки, изданном тогда же, портрет был воспроизведен с надписью: «По фотографии с портрета работы Витберга в Вятке»[4]. То была первая публикация герценовского портрета 1836 г.

В 1905 г., казалось, этот портрет Герцена стал общественной собственностью. Московский коллекционер Сергей Козьмич Говоров принес его в дар Третьяковской галерее, и галерея этот дар приняла[5]; повидимому, считали, что приносимый в дар портрет и есть оригинал того самого портрета, фотография с которого экспонировалась на выставке в память Белинского в 1898 г.: никто не обратил внимания на то, что между экземпляром, поступившим в Третьяковскую галерею, и экземпляром, известным по фотографии, появившейся на выставке 1898 г., полного тождества не было (различны пропорции головы, по-разному нарисовано ухо и т. д.). Иными словами, никто не заметил, что экземпляр, находившийся в 1898 г., по сведениям каталога выставки в память Белинского, у А. А. Герцена-сына, и экземпляр, принесенный в 1905 г. С. К. Говоровым в дар Третьяковской галерее, не тождественны, а представляют собой два варианта портрета.

С момента поступления витберговского портрета в Третьяковскую галерею его популярность год от году возрастала; в течение последних пятидесяти лет именно этот экземпляр портрета и воспроизводился бесчисленное количество раз во всевозможных изданиях, посвященных Герцену.

В 1945 г. автором настоящего сообщения в составе огромного собрания русских литографированных портретов, хранящегося в Гравюрном кабинете Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве (ГМИИ), был обнаружен портрет Герцена[6], который только на первый взгляд, чисто внешним образом — своей детальной отделкой и полной завершенностью,— походил на литографию, а на самом деле представлял собой рисунок, исполненный итальянским карандашом на небольшом (30,0 × 22,7) листе ватманской бумаги. Внизу справа, мелким, «бисерным» почерком, выцветшими чернилами надписано: «Рисовал Видберг»[7]. На обороте листа обращает на себя внимание подпись, сделанная карандашом, крупными буквами, раздельно: «А г а р е в о й», т. е. Наталье Алексеевне Тучковой-Огаревой, второй жене Н. П. Огарева, впоследствии жене Герцена. Предположение о том, что адресатом могла быть первая жена Н. П. Огарева — Марья Львовна, скончавшаяся в 1853 г., следует, конечно, отвергнуть. М. Л. Огарева с 1841 г. почти все время жила за границей, витберговский же портрет Герцена, как мы знаем по вышеприведенной записи из дневника Герцена, в 1842 г. находился в руках самого Герцена; к тому же и отношения Герцена с М. Л. Огаревой никогда не были близкими.

Сравнение портрета в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина с фототипией, опубликованной в альбоме выставки 1898 г. и исполненной по фотографии из собрания Е. С. Некрасовой (а также с самой этой фотографией, хранившейся в составе собрания Некрасовой в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина[8]), со всей убедительностью показало, что и фототипия и фотография воспроизводят именно данный, новонайденный экземпляр портрета 1836 г. При этом становится вполне достоверным и вышеприведенное указание каталога выставки 1898 г. относительно принадлежности в это время оригинала портрета А. А. Герцену-сыну.

Действительно, портрет, переданный или, во всяком случае, предназначенный когда-то Н. А. Тучковой-Огаревой — второй жене Герцена, мог после смерти Герцена оказаться, естественно, в распоряжении его потомков и храниться в 1898 г. у А. А. Герцена-сына, в Лозанне. Последняя тень сомнения на этот счет исчезает, когда мы узнаем из «Путевых заметок» Е. С. Некрасовой, что при посещении в 1893 г. квартиры А. А. Герцена в Лозанне она видела на стене «портрет молодого двадцатипятилетнего А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, сделанный карандашом еще в Вятке художником Витбергом»[9].

Однако дальнейшую судьбу оригинала витберговского портрета после 1898 г.— вплоть до поступления его уже в советское время в Гравюрный кабинет Румянцевского музея (ныне Гравюрный кабинет ГМИИ им. А. С. Пушкина) проследить пока не представляется возможным. М. К. Лемке, составивший в 1910-х годах «опись» иллюстративных материалов, касающихся Герцена, его семьи и друзей, и использовавший с этой целью архив семьи Герцена, оригинала портрета 1836 г. уже не видел, местонахождения его не знал[10].

Находка в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина витберговского портрета, бывшего когда-то собственностью сына Герцена, заставила нас внимательно изучить вариант этого же портрета, с 1905 г. хранящийся в Государственной Третьяковской галерее. Исполнен он, как и портрет в ГМИИ, на бумаге, итальянским карандашом. Размеры листа почти совпадают (32,0 × × 23,0 см — портрет Третьяковской галереи; 30,0 × 22,7 — портрет ГМИИ). Но вот любопытная и существенная деталь: на обороте портрета, хранящегося в Третьяковской галерее, в центре надпись карандашом — «Кетчеру», сделанная, несомненно, той же рукой, что и надпись «Агаревой» на обороте портрета в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

О чем может свидетельствовать наличие двух подобных однотипных надписей?

Прежде всего, о том, что оба портрета когда-то находились в одном владении, в одних руках, и что кто-то, имевший право распорядиться портретами, сделал на их оборотах аналогичные передаточные надписи.

В чьем же владении могли находиться портреты? Конечно, во владении самого Герцена. Известно, что Герцен, уезжая в январе 1847 г. со всей семьей за границу, не предполагал, что уже не вернется в Россию, и все свое имущество оставил в Москве; оставил, несомненно, и портрет свой «витберговой» работы, как оставил портреты своих родителей, исполненные И. З. Летуновым, портрет Н. А. Герцен работы К. А. Горбунова и многое другое[11].

Кто сделал надписи («Агаревой» и «Кетчеру»), т. е. был лицом, распорядившимся один из портретов (вне всякого сомнения, лучший) передать Н. А. Тучковой-Огаревой, а другой — одному из друзей Герцена, Н. Х. Кетчеру, мы не знаем и установить это не так легко. Дело в том, что обе надписи сделаны не обычной скорописью, а «вырисованы» нарочито старательно, каждая буква в отдельности. Это и затрудняет определение авторства путем сравнения с почерками близких к Герцену лиц. Наиболее вероятно, что надписи могли быть сделаны либо Т. А. Астраковой, другом семьи Герцена, либо его братом — Егором Ивановичем. И Т. А. Астракова и Е. И. Герцен, как известно, имели право распоряжаться имуществом Герцена, оставшимся в Москве на их попечении.

Наличие на обороте экземпляра Третьяковской галереи надписи — «Кетчеру»,— подобной той, которая стоит на обороте экземпляра в ГМИИ, проливает свет на происхождение экземпляра галереи. Экземпляр этот до поступления к коллекционеру С. К. Говорову, принадлежал, оказывается, Н. Х. Кетчеру. Это, однако, еще не так существенно, существенно другое: мы вправе предположить, что и экземпляр Третьяковской галереи когда-то, до передачи Кетчеру, входил, как и экземпляр ГМИИ, в состав герценовского имущества, и что оба экземпляра в какой-то (пока еще неустановленный) момент были «распределены», повидимому, с ведома самого Герцена. При этом лучший экземпляр, ныне находящийся в ГМИИ, был предназначен для передачи или пересылки Н. А. Тучковой-Огаревой, что означало, вероятнее всего, просто-напросто возвращение его Герцену, а экземпляр худший, ныне находящийся в Третьяковской галерее, был предназначен одному из друзей — Кетчеру.

Точно установить, когда произошел этот «раздел», пока не представляется возможным. Не исключено, что это произошло в канун отъезда Н. П. и Н. А. Огаревых за границу (в марте—апреле 1856 г.), но, может быть, и позже. Примерно, в 1856—1857 гг. Герцен, как мы знаем, послал Н. Х. Кетчеру свою фотографию, снятую в 1856 г. в Ницце[12]. Приблизительно в это же время он мог распорядиться передать Кетчеру и «второй» экземпляр «витбергова» портрета 1836 г. Более поздняя дата передачи маловероятна, так как отношения между Герценом и Кетчером позднее, как известно, испортились.

Нам остается возможно детальнее и внимательнее сравнить между собой оба экземпляра витберговского портрета Герцена 1836 г. При этом сравнении сразу же бросается в глаза, что голова Герцена на портрете Третьяковской галереи сильно обужена; сужены и плечи, кажущиеся недоразвитыми, как у подростка. Совсем по-другому выглядит Герцен на портрете ГМИИ: круглая голова (а Герцен действительно был круглоголов), правильный, широкий лоб, нормальные плечи. Бесспорно, экземпляр Третьяковской галереи дает деформированное изображение Герцена — результат, думается, прежде всего, недостаточного уменья художника, и не Витберга, конечно, а неизвестного пока по имени художника-копииста, ско-

пировавшего портрет, ныне находящийся в ГМИИ. В некоторую заслугу этому копиисту мы должны поставить лишь то, что в сравнении с экземпляром, хранящимся в ГМИИ, он выправил (уменьшил) пропорции уха Герцена.

В экземпляре Третьяковской галереи изображение Герцена потеряло свою жизненность, рельефность, убедительность; каждая линия, каждый штрих стали вялыми и невыразительными. Изображение в целом выглядит плоским. Сравнивая оба изображения, мы ощущаем с полной очевидностью, что портрет в собрании ГМИИ ясен и точен в деталях, портрет же из собрания Третьяковской галереи передает детали изображения неточно, приблизительно. Это касается и лица (глаз, носа, особенно же губ и подбородка) и аксессуаров; складки одежды, воротничок, галстук утеряли свой рельеф, стали плоскими, схематическими.

Портрет из собрания Третьяковской галереи по своим художественным достоинствам настолько уступает экземпляру в собрании ГМИИ, что мы никак не решаемся приписать его карандашу самого Витберга и видеть в нем авторское повторение Витберга (автокопию). Художник, исполнивший экземпляр Третьяковской галереи, обнаружил коренное непонимание художественных особенностей оригинала и явно исказил образ молодого Герцена[13].

В заключение еще раз напомним слова Герцена, характеризующие портрет 1836 г.: «Сходство разительное; там все видно на лице — и моя душа, и мой характер, и моя любовь 〈...〉 Я радовался, что черты моего лица выражают столько жизни и восторга». Мы полностью разделяем эту характеристику при взгляде на оригинал Витберга в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина — изображение, поражающее нас своим живым характером, одухотворенностью, эмоциональностью. И эта же характеристика Герцена становится решительно неприемлемой и непонятной при взгляде на «кетчеровский» экземпляр портрета в Третьяковской галерее — настолько это изображение плоско, вяло и безжизненно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. И. Герцен. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной, изд. Павленкова, т. VII. СПб., 1905, стр. 163, 165.

[2] Портрет 1835 г. был впервые опубликован в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 77, по фотографии, сохранившейся в Пушкинском доме (ИРЛИ). С этого портрета была в 1836 г. сделана — в Москве — копия, местонахождение которой тоже неизвестно. «Герцен просил отца,— пишет М. К. Лемке,— заказать для Натальи Александровны копию с портрета, сделанного Витбергом, но Яковлев отказал; все устроила Луиза Ивановна, и 31 марта Егор Иванович 〈Герцен〉 принес Наталье Александровне давно жданный подарок» (I, 227). Имя копииста не названо; этим копиистом, возможно, был «дворовый живописец» Л. А. Яковлева — Иван Захарович Летунов (сведения о котором см. в настоящем томе, стр. 771—772).

[3] «Каталог выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского. 3—11 апреля 1898 г.», М., 1898, стр. 8; «в Лондоне» (вместо «в Лозанне») — очевидная опечатка. Е. С. Некрасова дважды посетила А. А. Герцена в Лозанне, оставив в «Путевых заметках» описание квартиры А. А. Герцена и принадлежавших ему семейных реликвий (см. в настоящем томе, стр. 754).

[4] «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского, изданный К. А. Фишером». М., 1898, табл. 17.

[5] «Каталог Городской галереи П. М. и С. М. Третьяковых», изд. 27. М., 1917, стр. 212 (№ 3084).

[6] См. об этом нашу заметку в газете «Советское искусство», 1945, № 22.

[7] Экземпляр портрета Герцена работы Витберга в ГМИИ им. А. С. Пушкина хранит следы принадлежности к какому-то большому собранию или даже нескольким собраниям. В правом нижнем углу наклеен ярлычек с № 8553 (8552?); на лицевой стороне справа, внизу, помета: «II 509/66» и, наконец, на обороте, в левом верхнем углу имеется карандашная надпись:

Англ. кл〈уб〉
из папки
№ 2658.

На основании этой последней надписи можно заключить, что портрет вскоре после Октябрьской революции поступил в Центральное хранилище Государственного музейного фонда, помещавшееся в 1918—1919 гг. в здании бывш. Английского клуба в Москве. В этой же папке № 2658 находились (о чем свидетельствуют надписи на обороте листов) и некоторые литографированные портреты современников Герцена, хранящиеся ныне также в Гравюрном кабинете ГМИИ им. А. С. Пушкина: портрет Е. Ф. Корша — инв. № 89049, В. Ф. Одоевского — инв. № 61067, и др.

[8] В настоящее время передана в Государственный исторический музей.

[9] См. в настоящем томе обзор Н. П. Анциферова, стр. 758.

[10] Не значится портрет Герцена работы Витберга и в каталоге иконографических материалов семейного архива Герцена, составленном в 1910-х годах Н. А. Герценом (внуком). Однако в 1912 г. портрет еще находился в руках потомков Герцена. В письме Н. А. Герцена к М. К. Лемке от 7 мая 1912 г. читаем: «У нас есть оригинальные портреты Герцена, писанные Витбергом, Ге и моей тетушкой, Натальей Александровной» (см. ниже в настоящем томе, стр. 853).

Портрет Герцена работы Ге и сейчас составляет собственность потомков Герцена. Что же касается «витберговского портрета» 1836 г., то наследники Герцена, видимо, после 1912 г. при каких-то невыясненных обстоятельствах расстались с ним.

В связи с изложенным не лишнее отметить, что угроза продажи каких-то «картин» возникала еще в 1903 г., при жизни А. А. Герцена, скончавшегося в 1906 г. Об этом мы узнаем из письма М. К. Рейхель к Е. С. Некрасовой от 20 марта/2 апреля 1903 г. «То, что вы пишете о продаже картин, сделало мне тяжелое впечатление, но я тут постараюсь найти circonstances atténuantes *. Может быть, были затруднительные финансовые обстоятельства, с такой большой семьей без больших средств трудно вывернуться <...> Я не знаю, продано ли что,— это было бы мне очень жаль и очень грустно. Большой портрет Александра Ивановича масляными красками, писанный Ге, очень ценная и дорогая по своему значению вещь» (ЛБ, Некр., 1/4, № 51).

[11] Портреты И. А. Яковлева и Л. И. Гааг работы живописца И. З. Летунова были пересланы Герцену его братом — Егором Ивановичем — только в 1862 г. (XV, 101); портрет жены — Н. А. Герцен, исполненный К. А. Горбуновым в 1845 г. и хранившийся у Т. А. Астраковой, так, повидимому, переслан и не был (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 20—21); вероятно, он сгорел при пожаре (см. стр. 545 настоящего тома).

[12] См. в настоящем томе обзор Н. П. Анциферова, стр. 761.

[13] Возможно, что автором копии с портрета Витберга 1836 г. был тот же художник, который копировал, по поручению Л. И. Гааг, и портрет 1835 г. (см. примеч. 2). Не был ли им, в обоих случаях, И. З. Летунов? В связи с этим небезынтересно привести следующие строки, приписанные Л. И. Гааг к письму Н. А. Захарьиной Герцену (из Москвы в Вятку, 8 октября 1837 г.): «Сегодня получила от жены Лихонова <Летунова?> портреты. Послать ли их тебе или нет? У меня есть также письмо от него к тебе, которое я при случае тебе перешлю» (П а в л е н к о в, VII, 362, с ошибками; подлинник— на немецком языке— ЛБ, Г.— О. IX, 138). Письма И. З. Летунова к А. И. Герцену не сохранились.

* смягчающие вину обстоятельства (франц.).

К ИСТОРИИ «СОРОКИ-ВОРОВКИ»

Сообщение Т. С. Грица

Рассказы М. С. Щепкина о крепостнической России, о самодурах и взяточниках, о жертвах бесправия и неограниченного произвола обогащали творчество и Гоголя, и Сухово-Кобылина, и Соллогуба, их записывали Некрасов, Сатин и Стахович.

Современников привлекало в этих рассказах знание жизни от «дворца до лакейской», острая наблюдательность, умение образно показать и трагические и комические стороны быта.

Уже при первом знакомстве со Щепкиным Герцен «хохотал как безумный от его дара рассказывать анекдоты» (II, 342), а потом долгие годы восхищался устными импровизациями актера, в которых пробивалась «струя демократии и иронии» (III, 317).

19 марта 1844 г. Герцен записывает в своем дневнике анекдот о протоколисте Котельникове, который «ездил на 11 исправниках» (III, 317—318). Этот же анекдот приведен во второй части «Былого и дум» (XII, 242—243). Сохранил Герцен в своих записях и страшную историю о крестьянине, который предпочел убить своих детей и умереть самому под шпицрутенами, лишь бы не попасть в военные поселения (XX, 321—322).

Известно, что печальная история крепостной актрисы графа Каменского, легшая в основу «Сороки-воровки», написана Герценом также со слов Щепкина.

По свидетельству И. И. Панаева, еще в 1839 г. на даче близ Химок Щепкин рассказывал «разные анекдоты и случаи из своей жизни, между прочим и „Сороку-воровку“, которую впоследствии, со слов его, так хорошо изложил Герцен» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 275—276).

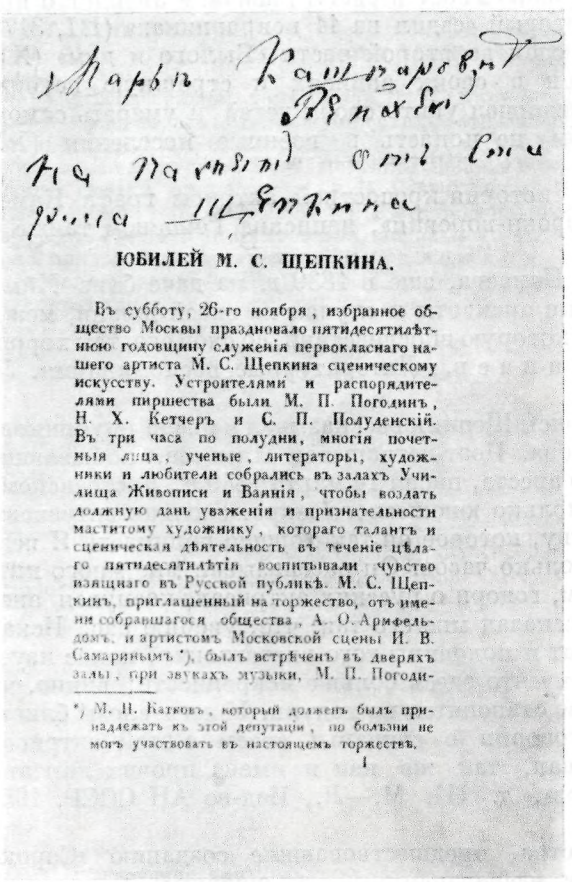
Историю крепостной актрисы Щепкин рассказывал и после опубликования в 1848 г. повести Герцена. Поэт-петрашевец Плещеев, побывавший у актера незадолго до своего ареста, писал 14 марта 1849 г. Достоевскому: «Что за молодой старик! Сколько юношеского жара, сколько энтузиазма и глубокой любви к искусству, которое он так хорошо понимает! Я незаметно просидел у него несколько часов. Он рассказывал мне много интересных вещей, между прочим, говоря о русских актрисах, коснулся анекдота о Сороке-воровке и рассказал мне его так, что, уверяю вас, Искандерова повесть не производит и половины того впечатления, какое изустный рассказ Щепкина, потому что здесь больше искренности; видно, что человек от сердца говорит, не становится на ходули. У него слезы блистали на глазах, когда он говорил о свиданьи своем с этой актрисой, которой он мне имя назвал, так же как и имена прочих лиц этой повести» («Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 288).

Между тем, обстоятельства, предшествовавшие созданию «Сороки-воровки», не изучены. И в исследованиях, посвященных Щепкину, и

в комментариях к повести Герцена пребывание актера в Орле в театре графа С. М. Каменского до сих пор оставалось «белым пятном».

Впервые с именем Каменского Щепкину пришлось столкнуться в 1818 г. Губернатор Малороссии князь Н. Г. Репнин, очевидно, под влиянием своего брата, будущего декабриста С. Г. Волконского, решил выкупить крепостного актера у его владельцев, графов Волькенштейнов. Желанная свобода казалась уже близка, когда над Щепкиным нависла угроза еще более страшного рабства: актера захотел купить владелец орловского театра — жестокий крепостник и самодур граф С. М. Каменский.

Многочисленные слуги и музыканты графа жили на «военном положении». Ходили в мундирах с белыми, красными и голубыми воротниками, обозначавшими их дворовый «чин». За заслуги переводились из одного цвета в другой, о чем возвещалось в ежедневных графских приказах. На обед собирались по барабану. Ели стоя — сидеть запрещалось. За актрисами был установлен строжайший надзор. Без особого разрешения они ни с кем не могли видеться. В ложе графа на столе лежала объемистая книга. Он внимательно следил за представлением и записывал малейшие ошибки и упущения своих актеров. После каждого акта Каменский выбирал одну из многочисленных плеток, висевших тут же на стене, и отправлялся за кулисы чинить расправу. Вскоре из-за красочного занавеса, изображавшего Аполлона с девятью музами, до слуха



ЮБИЛЕЙ М. С. ЩЕПКИНА.

Въ субботу, 26-го ноября, избранное общество Москвы праздновало пятидесятилѣтнюю годовщину служенія первокласснаго нашего артиста М. С. Щепкина сценическому искусству. Устроителями и распорядителями пиршества были М. П. Погодинъ, Н. Х. Кетчеръ и С. П. Полуденскій. Въ три часа по полудни, многія почетныя лица, ученые, литераторы, художники и любители собрались въ залахъ Училища Живописи и Ваянія, чтобы воздать должную дань уваженія и признательности маститому художнику, котораго талантъ и сценическая дѣятельность въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія воспитывали чувство изящнаго въ Русской публикѣ. М. С. Щепкинъ, приглашенный на торжество, отъ имени собравшагося общества, А. О. Армфельдомъ, и артистомъ Московской сцены И. В. Самаринымъ *), былъ встрѣченъ въ дверяхъ залы, при звукахъ музыки, М. П. Погоди-

*) М. Н. Катковъ, который долженъ былъ принадлежать къ этой депутаціи, по болѣзни не могъ участвовать въ настоящемъ торжествѣ.

1

«ЮБИЛЕЙ М. С. ЩЕПКИНА»

Статья в «Литературном отделе „Московских ведомостей“» № 143, 1855 г. Экземпляр с дарственной надписью артиста: «Марье Кашпаровне Рейхель на память от старика Щепкина»

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

М. С. ЩЕПКИН
Фотография, 1850-е гг.
Исторический музей, Москва

зрителей доносились вопли виновного («Записки Ивана Степановича Жиркевича». —«Русская старина», 1875, № 8, стр. 568. См. также Гурий Эртаулов. Воспоминания о некогда знаменитом театре графа С. М. Каменского в г. Орле. —«Дело», 1873, № 6).

В своих желаниях Каменский не знал удержу. За понравившихся ему актеров Кравченковых с шестилетней дочерью, хорошо танцевавшей «качучу» и «тампест», он, не задумываясь, отдал помещику Офросимову деревню в 250 душ. Владельцы просили за Щепкина восемь тысяч рублей — Каменский предложил десять. Репнину пришлось прибегнуть к своему авторитету генерал-губернатора, чтобы предотвратить печальную для актера развязку (И. Айзеншток. Из первых лет сценической деятельности Щепкина. — «Театр», 1938, № 8).

Дело о выкупе Щепкина затянулось. Отпускную он получил только 18 ноября 1821 г. «Театральная компания», которую Щепкин, вместе со своими товарищами по сцене, организовал в Киеве, успеха не имела. Тогда «вольноотпущенный» актер получил приглашение в Орел к Каменскому. Сведения об этом имеются в неизданных записках Е. Д. Щепкиной, по словам которой М. С. Щепкин играл в Орле «два раза или раз. Ему дали 500 ассигн〈ациями〉. Его приглашали и хорошее жалованье давали, но Щепкин не остался...» (Рукописный отдел ГЦТМ, № 10976/136397). Когда же это было? По словам Щепкиной, ее муж из Орла «поехал в Тулу к Штейну». В Туле Щепкин прослужил год. Контракт его с антрепренером И. Ф. Штейном закончился в марте 1823 г. Следовательно, пребывание Щепкина в Орле у Каменского можно с достаточной точностью датировать февралем 1822 г.

Ко времени пребывания актера в Орле относится найденный мною рассказ Щепкина, записанный его приятелем, известным собирателем русских ска-

зок А. Н. Афанасьевым. Это — история жизни замечательной крепостной актрисы, которая осмелилась протестовать против надругательства над ее достоинством женщины. О печальной своей судьбе она со слезами рассказала Щепкину. В записи Афанасьева указана и ее фамилия: Кузьмина.

Кузьмина, или Козмина, принадлежала вначале отставному гвардии прапорщику и казанскому помещику Павлу Петровичу Есипову. По словам Вигеля, Есипов «был одним из тех русских дворян, ушибленных театром, которые им же потом лечились» (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1928, т. I, стр. 234). Получив в 1802 г. разрешение на открытие театра в Казани, Есипов выстроил для него деревянное здание в северной части нынешнего Державинского сквера.

В сезон 1803—1804 г. театр открылся. Актеров для него Есипов набрал из своей деревенской крепостной труппы. Человек «добрый и пустой, который никакого понятия не имел о порядке», он растратил почти все свое состояние на постановку драматического дела в Казани и в 1810 г. был вынужден просить о казенной субсидии или же о взятии театра в казенное управление. Оба эти ходатайства не были удовлетворены. Театр влачил жалкое существование. Неудачи расстроили здоровье Есипова, и 4 июля 1814 г. он умер («Казанские известия», 1814, № 31, стр. 419).

После его смерти театр окончательно распался. Наследники продали и здание и часть крепостной труппы.

Осенью 1815 г. Кузьмина уже выступала в театре Каменского, как это явствует из следующей заметки, помещенной в «Московских ведомостях»: «Из Орла, октября 13. На сих днях открыт здесь театр... Многие из здешних актеров, и актриса Козмина, имеют такие таланты, кои были бы замечены и в столицах» («Московские ведомости», 1815, № 90).

Характеристика ее игры есть в книге И. М. Долгорукова «Путешествие в Киев в 1817 году» (М., 1870). По словам Долгорукова, Кузьмина была «лучшей артисткой» в труппе Каменского. Увидев ее 11 июня в комедии Николая Ильина «Физиогномист и хиромантик», Долгоруков писал: «Кузьмина даже так хороша, в разных своих превращениях, что ей бы и в Москве, между свободными талантами, ударили в ладоши. Голос небольшой, но верный, произношение правильно, игры и натуры довольно для безделки» (назв. сочинение, стр. 8—9).

Подлинный рассказ о судьбе крепостной актрисы Кузьминой позволяет судить, как творчески свободно интерпретировал его Герцен и, вместе с тем, с какой точностью воспроизвел он в «Сороке-воровке» основную сюжетную коллизию и ряд деталей, сообщенных ему Щепкиным.

Рассказ Щепкина А. Н. Афанасьев записал в своем «Дневнике» не ранее 12 октября 1861 г. Запись публикуется по автографу (ЦГИАМ, ф. № 279, оп. № 1, ед. хр. 1060, л. 234—235).

⟨РАССКАЗ ЩЕПКИНА О КРЕПОСТНОЙ АКТРИСЕ КУЗЬМИНОЙ⟩

«Сорока-воровка» (рассказ Искандера) составлена из действительной были, переданной автору М. С. Щепкиным. Около 1806 года (?)[1] поступил Щепкин ⟨*3 нрзб.*⟩ в труппу графа Каменского (в Курске[2]). Граф выбрал для его первого дебюта «Богатонова»[3], назначил играть через неделю и дозволил посещать театр, выдав на все представления билет (граф сам продавал билеты)[4]. Щепкин увидел в «Сороке-воровке»[5] Кузьмину, был поражен силою ее чувства и таланта и попросил о позволении видеть ее[6]. Позволение выдавалось самим графом. Получив билет на вход к г-же

Кузьминой в 12 часов на другой день, Щепкин пошел к ней (актрисы жили на особом дворе, во флигелях), позвонил. Вышел с другой стороны швейцар:

— Вам кого?

Щепк⟨ин⟩ показал билет. Он указал куда идти, там опять звонок. Девочка впустила его. Две скромных комнатки, слезы Кузьминой и рассказ ее: она б⟨ыла⟩ крепостная Есипова, к⟨оторы⟩й имел свою труппу[7]. Для этого барин, заметя ее дарование, дал ей порядочное воспитание (дело б⟨ыло⟩ в Казани и учили ее тамошние профессора), она знала языки фр⟨анцузский⟩, немец⟨кий⟩ и английск⟨ий⟩, читала Шекспира на родн⟨ом⟩ языке *. Есипов давал актерам по особой комнате и небольшому жалованью, обходился хорошо и обещал по смерти отпустить всех на волю. Но умер, не исполнив этого намерения, от удара. Наследники стали поправлять расстроенное имение и продали труппу за 300 000 графу Каменскому[8], богачу, сильно прожившемуся на собств⟨енном⟩ театре, хотя он и ничего не понимал в искусстве. Тут их разместили хорошо, Кузьминой назначено б⟨ыло⟩ 1500 р. жалованья. Но, делая своей актрисе замечания касательно ее игры, граф начал намекать, что не прочь от любовной с ней связи. Девушка не понимала намеков, и он решил отправиться к ней и просто объявить свою волю. «Во мне впервые оскорблена была женщина». Гордый отказ:

— Я знаю, граф, вы м⟨ожете⟩ меня сослать, засечь, но не в вашей силе заставить меня...

Начались мелкие утеснения (одобряя игру других, граф об ней молчит, потом не шьет ей для ролей нов⟨ых⟩ костюмов). Раз Кузьмина д⟨олжна⟩ б⟨ыла⟩ играть кокетку в «Липецких водах»[9]. У ней б⟨ыло⟩ своих денег от прежней жизни у Есипова тысяч до пяти, она решилась сама купить себе платье.

— Мо⟨жно⟩ здесь достать такой-то костюм? — спрашивает у своей подруги по театру.

— Можно.

— Проводи меня в магазин.

— Да ты бы попросила лучше графа.

— Нет, не хочу; он подумает, что я выпрашиваю платье не для сцены, а для себя.

— Ну, пойдем, да спросилась ты у графа? **

— Зачем?

— Да, ведь без того нас не пустят.

«Тут я почувствовала, что на мне зазвенели цепи». Отправившись к графу, она стала просить дозволения; а граф в ответ:

— Рано же ты собралась идти к своему любовнику!

— Граф, я сказала вам зачем иду, и не дала никакого повода к подобным подозрениям.

— Да не смотри за вами, так вы тотчас все сделаетесь блядями!

Актриса вспыхнула:

— Плохо же вы знаете женщин! Несмотря на ваши запоры и присмотры я обещаю вам, что через год буду с ребенком, если только природа не обидела меня плодородием.

«Я исполнила свое обещание; тут не ⟨было⟩ любви, тут б⟨ыло⟩ только презрение к власти, своим бесчестием я плюнула в лицо моему господину».

---

* В то время б⟨ыло⟩ в моде декламировать по домам отрывки из драм и трагедий, и Кузьмину (крепостн⟨ую⟩ девку) стали приглашать на вечера барыни, и так⟨им⟩ обр⟨азом⟩ ввели ее в другой кружок. — *Примеч. А. Н. Афанасьева.*

** В автографе описка: у князя

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пребывание Щепкина у Каменского относится к 1822 г.

[2] В записи Афанасьева ошибка: труппа гр. Каменского находилась в Орле.

[3] Комедия в пяти действиях М. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице». Щепкин играл в ней заглавную роль.

[4] По свидетельству современников, Каменский с 7 до 9 часов утра проводил в театральной конторе, где раздавал публике билеты, записывая каждую выдачу в книгу и внося полученные деньги в особую шнуровую тетрадь («Записки Ивана Степановича Жиркевича».— «Русская старина», 1875, № 8, стр. 569; Орловский старожил. Былые чудаки в Орловской губернии. Орел, 1909, стр. 15—16).

[5] «Сорока-воровка, или Палезосская служанка». Историческая драма в трех действиях. Сочинение гг. Кение и Д'Обиньи. Пер. с французского г. Вальберха. СПб., 1816. Кузьмина играла в пьесе заглавную роль.

[6] Крепостные актрисы Каменского «содержались взаперти в четырех стенах, как бы в гареме, и, кроме как в театр, никуда не выходили...» (М. Бутурлин. Театр графа Каменского в Орле в 1827 и 1828 годах. «Русский архив», 1869, стр. 1712).

[7] *П. П. Есипов* — владелец Казанского театра. Лучших из своих крепостных актеров Есипов «возил в Петербург, чтобы дать им возможность познакомиться с игрою столичных театральных светил того времени, а главные две звезды его труппы — «герой» Федор Львов и «героиня» Феклуша (обладавшие недюжинным дарованием) удостоились пройти некоторые роли с знаменитым Дмитриевским» («Спутник по Казани». Казань, 1895, стр. 394). По словам современника, Есипов «старанием своим» довел Казанский театр «до весьма значительной степени совершенства, так что оный из театров, находящихся в губернских городах, мог почитаться одним из лучших» («Казанские известия», 1814, № 31, стр. 419). О театре Есипова см. также: «Казанская история» Николая Баженова, ч. 2, Казань, 1847, стр. 97—98; «Краткая история города Казани», соч. Михаила Рыбушкина, ч. 1, Казань, 1848, стр. 130—131; «Казань в ее прошлом и настоящем». Составил М. Пинегин, СПб., 1890, стр. 392—393; С. Т. Аксаков. Собр. соч., т. II. М., ГИХЛ, 1955, стр. 150.

[8] По свидетельству И. М. Долгорукова, посетившего Каменского в 1817 г., у графа на театре играли актеры, «купленные недавно у такого же охотника... Для приобретения их, говорят, будто граф продал 500 душ хлебопашцев...» («Путешествие в Киев в 1817 году». М., 1870, стр. 7). По всей вероятности, речь здесь идет о покупке труппы у наследников П. П. Есипова.

[9] Комедия кн. А. А. Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам».

В. А. ЖУКОВСКИЙ и А. М. ГОРЧАКОВ— ЧИТАТЕЛИ ГЕРЦЕНА

Сообщение М. М. Медведева

Среди бумаг известного дипломата, кн. Александра Михайловича Горчакова, находящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве, хранится письмо В. А. Жуковского, адресованное Горчакову (бывшему с 1842 до лета 1854 г. русским чрезвычайным посланником при вюртембергском дворе в Штутгарте). Вот текст этого любопытного письма, из которого мы впервые узнаем об интересе, проявленном Жуковским к Герцену (ф. 828, оп. 1, ед. хр. 481, лл. 19—20):

<Начало 1852 г.>

Любезный князь,

нельзя ли вам завтра, или послезавтра, или когда вам удобнее (только назначьте время), сойти с вашей высоты ко мне на низ и совершить со мною достойное этого сошествия дело, то есть вместе со мною прочитать всю брошюру Герцена — о многом можно бы было побеседовать, дабы объяснить мысли.

Итак, назначьте час и день.

Ваш
Жуковский

На обороте: Его сиятельству князю Горчакову.

Письмо написано точно таким же почерком, что и последнее письмо Жуковского к Горчакову от 5 апреля 1852 г. из Бадена (поэт умер 7 апреля), и на такой же бумаге. На этом основании его можно приблизительно датировать весной 1852 г. К этому времени (в 1851 — начале 1852 г.) Герцен выпустил две французские брошюры, которые и могли оказаться в руках Жуковского: «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле».

Весьма вероятно, что Жуковский предлагал Горчакову прочитать вместе вторую из этих брошюр — «Русский народ и социализм», где дана острая характеристика русской дипломатии. «Деятельность русской дипломатии неутомима,— писал Герцен,— повсюду сыплются ноты, советы, угрозы, обещания, снуют агенты и шпионы. Император считает себя естественным покровителем немецких принцев; он вмешивается во все мелкие интриги мелких германских дворов; он решает все споры: то побранит одного, то наградит другого великой княжной, но этого недостаточно для его деятельности. Он принимает на себя обязанность первого жандарма вселенной; он опора всех реакций, всех гонений. Он играет роль представителя монархического начала в Европе...» (VI, 448).

О ДВУХ «ПИСЬМАХ» В РЕДАКЦИЮ «КОЛОКОЛА»

Сообщение Е. Г. Бушканца

Два «письма» к Герцену—«Письмо из Петербурга» и «Письмо к редактору», опубликованные в 1858 г. в «Колоколе», — являются ценными, но полузабытыми памятниками русской революционно-демократической мысли конца пятидесятых годов.

Нельзя сказать, что эти «письма» оставались совершенно обойденными исследователями; в ряде работ, посвященных общественной мысли пятидесятых-шестидесятых годов, они упоминались и цитировались. Но ни на тот, ни на другой документ не было обращено того внимания, какого они заслуживают.

Значение этих документов состоит в том, что их авторы с революционно-демократических позиций оценивают обстановку в России в целом и подготавливаемую правительством крестьянскую реформу — в особенности, подвергают критике либеральные иллюзии Герцена и Огарева и, несмотря на отдельные проявления непоследовательности, прямо призывают «к топору» — к крестьянской революции.

Первое письмо, относящееся к маю 1858 г., появилось в «Колоколе» 15 сентября 1858 г. (л. 23-24, стр. 188—190) вместе с другим письмом под общим заголовком «Опоздавшие письмы из Петербурга». Поводом для этого письма послужили начавшие появляться в «Колоколе» «гимны властям предержащим». «Что это такое? — обращается автор письма к Герцену.— Каковы действия этого разного государственного сора и хлама, который давит бедную Россию, вы не знаете настолько, чтобы позволить себе писать похвалы им в ваших изданиях, где похвала незаслуженная вреднее неправого порицания, потому что она более или менее имеет характер примирения с существующим порядком управления, с людьми, стоящими во главе этого управления». Почему «Колокол» объясняет некоторые распоряжения «началами благородства и гуманности», которые приписывает правительству? Разъясняя истинную подоплеку некоторых правительственных распоряжений, например, уничтожения звания кантонистов и военных поселений, автор письма обращается к Герцену: «Ради бога, не облагораживайте произвольными вашими толкованиями действий нашего правительства <...> Неприятно и грустно нам видеть, что вы влагаете в ножны меч, поднятый для истребления гадов, наполняющих Россию. Ни одного удара — и уже примирение...». Цель автора письма — помочь Герцену избежать «примирения». От имени «братьев по духу», горячо любящих Герцена, он обращается к нему с «опытом и убеждением», советуя продолжать «добро и благородно начатое для блага России дело. Бейте нещадно всех этих государственных фигляров, злодеев, вампиров, сосущих кровь и поедающих плоть народа русского. На казнь их, на лобное место, всех, одного за другим, наружу все их злодейства и подлости. Долой с них маску! Покажите эти пугала на посмешище и омерзение народу. Это одно спасет Россию...».

Вместе с тем, в письме содержались упреки в том, что некоторые корреспонденции, отправленные в «Колокол», не были там напечатаны. Автор письма заявлял, что «получаемое из России» — не собственность Герцена, а «достояние всей России». Что же касается истинности присылаемых материалов, то автор письма указывал: «Не беспокойтесь за истину; народ сам будет критиком сообщаемых ему фактов, он чутьем отыщет правду. Эта правда на спине его».

Герцен ответил небольшой заметкой «От редакции», помещенной вслед за цитируемым письмом. Письмо он назвал «довольно резким отголоском мнения, которое мы не можем не уважать», и во имя «общего дела нашего» просил выслушать несколько его замечаний. Приветствия по адресу Александра II Герцен объяснял «безусловной искренностью» своих надежд на то, что, начиная освобождение крестьян и ряд реформ, царь руководствовался желанием принести благо России. Но Герцен решительно устранял опасения автора письма, усмотревшего в приветствиях царю «какую-то заднюю мысль — возвращения». «Мы ничего личного не вводили в наши публикации,— заявлял Герцен.— Как ни тяжела разлука с родным краем, но мы никогда не купим уступкой убеждений право возвращения». Отвергал Герцен и обвинения в установлении собственной «цензуры». «Мы совершенно не согласны с автором, что наша обязанность — все печатать, что̀ нам присылают, без малейших изменений, урезываний». Он ссылался при этом на «нравственную ответственность» за публикуемые материалы, лежащую на редакции.

Но Герцен в своем ответе на письмо из «дружеского стана» (как он его называет) прошел мимо содержащегося в нем указания на возможность революционного взрыва, на то, что царь боится «топора». «Припомните слова царя по этому обстоятельству к московскому дворянству перед коронациею. Неужели еще можно сомневаться?» — говорилось в письме.

Это место о «топоре» как средстве решения крестьянского вопроса исключительно важно. Мысль о том, что только при помощи «топора» — крестьянской революции — можно решить стоявшие перед Россией того времени общественно-политические задачи, объединяет «Письмо из Петербурга» с другим документом, напечатанным 10 октября 1858 г. в следующем листе «Колокола» (л. 25, стр. 201—208) под заголовком «Письмо к редактору». Автор этого письма говорит о «топоре» в той же связи с московской речью Александра II перед коронацией. Он приводит секретный документ по цензурному ведомству, где от имени царя осуждаются статьи, в которых «излагается необходимость освободить крестьян вполне от *всякой* зависимости помещиков», и делаются попытки «доказать *право собственности* крестьян на помещичью *землю* и на приобретение усадеб в собственность без выкупа»; документ содержит высочайшее повеление не допускать в дальнейшем подобных «нелепых толков». Распоряжение это «ясно доказывает,— говорится в «Письме к редактору»,— что Александр II никак не признает необходимости освободить крестьян вполне от всякой зависимости от помещиков и никак не признает прав крестьян на землю...». Царь не признает этого, а бедные крестьяне ждут манифеста о полном их освобождении с землей, надеясь на отеческую любовь царя к ним. «Ждите, бедные труженики!— говорится в письме.— Не дождаться вам этого дня: царь, тот самый царь, который в марте 1856 года говорил дворянам в Москве — лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу,— тот же царь, теперь, надежду вашу на свободу называет *нелепым толком* и объявляет, что она вряд ли когда может осуществиться. Слышите ли, бедняки, нелепы ваши надежды на меня, — говорит вам царь. На кого же надеяться теперь! На помещиков? Никак — они заодно с царем, и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело —

отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу! За дело, ребята, будет ждать да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались?..»*.

В «Письме к редактору» (как и в «Письме из Петербурга») звучит призыв к Герцену: «Напрасно сохранять еще веру в Александра II. Как ни тяжело сознаться в своей ошибке, но полно ребячиться, теперь не до того». Автор доказывает издателям «Колокола», что крестьяне никак не удовлетворятся той «мнимою свободою», которую правительство жалует им.

В письме прямо говорится, что царю нельзя не бояться 12 миллионов крестьян; это не шавки-дворяне, которым брось вместо косточки ордена да чины и они угомонятся, а с крестьянами не сладишь, если даешь им меньше, чем обещал,— «их революция перевернет все вверх дном». «У нас ежеминутно слышим: крестьяне наши — бараны! Да, бараны они до первого Пугача. Баранами они были, пока не давали им никакой надежды на освобождение; не то будет теперь, когда им обещали свободу да потом только по губам помазали. Бараны не стали бы волками! Войском не осилишь этих волков!».

Как и в «Письме из Петербурга», Герцена призывали подумать над этим.

Герцен ответил через месяц. 1 ноября 1858 г. он поместил в л. 27 «Колокола» заметку «Нас упрекают», в которой одновременно полемизировал со своими критиками как слева, так и справа.

«Нас упрекают либеральные консерваторы,— писал Герцен, касаясь частного письма Чичерина от 11 октября 1858 г.,— в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно. Нас упрекают свирепо красные демократы ‹то есть авторы „Письма из Петербурга“ и „Письма к редактору“›, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян ‹...› Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости, оттого, что мы зимой жалуемся на холод, а летом, совсем напротив,— на жар» (IX, 361). На эти обвинения он и нашел нужным ответить.

Признавая последовательность необходимым условием всякой пропаганды, Герцен заявляет, что быть последовательным можно тогда, когда имеешь дело с последовательным противником. «Трудно ли было быть последовательным во время прошлого царствования? Но мы этого *единства* не находим в действиях Александра II: он то является освободителем крестьян, реформатором, то ‹...› грозит растоптать едва восходящие ростки ‹...› Шаткость в правительстве отразилась в наших статьях» (там же, 362).

«Освобождение крестьян с землею — один из главных и существенных вопросов для России и для нас,— пишет далее Герцен. —Будет ли это освобождение „сверху или снизу“,— мы будем за него! Освободят ли крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения,— мы благословим их искренно от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты — мы первые поздравим их братски и также от души. Прикажет ли, наконец, государь отобрать имения у крамольной аристократии, а ее выслать... ну, хоть куда-нибудь на Амур к Муравьеву, мы столько же от души скажем: „Быть по сему“» (там же, 363).

---

* В сообщении «К вопросу об авторе письма „Русского человека“ в „Колоколе“ А. И. Герцена» («Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1951, № 2, стр. 180—181) нами было указано на забытое свидетельство неизвестного мемуариста, опубликованное в нелегальном сборнике «Социальный вопрос» (Казань, 1888). В сборнике говорилось, что Добролюбов верил только в «мужицкий топор» и призывал этот топор «как единого спасителя из дебрей либеральной болтовни» (стр. 107). Однако свидетельство было нами неправомерно отнесено к призыву «к топору» в письме «Русского человека». Как мы видим, призывы к топору звучали уже в 1858 г. в «Письме из Петербурга» и «Письме к редактору».

Герцен подчеркивает, что он отказывается от «доктрины», поддерживая любой способ освобождения крестьян с землей, и заканчивает статью выпадом по адресу «доктринеров». Они, спокойно сидящие в сторожках на берегу, кричат ему «правее» или «левее». «Мы желали бы, чтоб и они не забывали, что им легче делать наблюдения над силой волн и слабостью пловцов, нежели нам плыть... и притом так далеко от берега〈...〉

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фотография 1859 г. Экземпляр, принадлежавший студенту Московского университета Кривцову в 1862—1866 гг.

Исторический музей, Москва

Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... *не увлекают других*» (там же).

В заметке «Нас упрекают» Герцен отвечал одновременно, как упомянуто, и на «Письмо из Петербурга». Автор его призывал Герцена не увлекаться и спрашивал: «Не крестьянское ли дело вас обезоружило? 〈...〉 Оставьте этому делу идти своей дорогой, оно не только не мешает вам идти своим путем, напротив, по сущности дела того требует», т. е. пусть правительство запутается в эквилибристике различных крепостнических проектов — это скорее вызовет революцию. Следовательно, Герценом оба письма воспринимались как единая попытка «прокричать» ему необходимость

держаться «левее». Авторы обоих писем считали, что правительство способно дать народу только «мнимую свободу», что Александру II чужда мысль об освобождении крестьян с землей. Герцен же не терял еще надежды на царя и обвинял «доктринеров» в том, что они ничего не делают для освобождения крестьян — «не увлекаются», спокойно сидят «в сторожках на берегу», наблюдая за ловцами.

Оба эти письма и заметка Герцена «Нас упрекают» послужили поводом для нового, на этот раз публичного, выступления Б. Н. Чичерина, обрушившегося на «Колокол» от имени либералов. Его статью Герцен напечатал под заголовком «Обвинительный акт» в л. 29 «Колокола» (от 1 декабря 1858 г.). Редакции «Колокола» ставилось в вину опубликование писем с призывом «к топору». Чичерин пытался обезвредить демократические и революционные тенденции «Колокола» (подробно см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 248—250 и в настоящем томе, стр. 209—219).

В ответ на «Обвинительный акт» Герцен получил много писем с выражением одобрения и поддержки его позиции, но наряду с этим были и письма, в которых выражалась солидарность с Чичериным.

Один из сторонников Чичерина (А. Спартанский) писал Герцену, что «язвы нашего отечества <...> безумно лечить топором крестьянина» («Колокол», л. 32-33 от 1 января 1859 г., стр. 265).

Важно подчеркнуть, что, публикуя статью Чичерина, Герцен отмечал в «Колоколе», что она существенно отличается от опубликованных ранее в «Колоколе» писем с призывом к топору. «В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна», те письма были «писаны с *нашей стороны*», в них «в самых несогласиях и упреках было сочувствие» (IX, 405). Следовательно, в разгоревшейся борьбе революционных демократов и либералов вокруг «Колокола» сам Герцен считал, что он выступает на стороне первых.

Вслед за статьей Чичерина Герцен получил еще одно письмо, в котором его упрекали за напечатание «Письма к редактору» с призывом «к топору».

Герцен вновь счел нужным ответить. В заметке «Опять объяснение» он просил отличать его от корреспондентов. Но, соглашаясь, что «некоторые выражения в упомянутом письме слишком резки и страстны», Герцен писал: «Источник негодования у автора так благороден и понятен, что я сочувствую ему» (IX, 497).

С «Письмом из Петербурга» и «Письмом к редактору» перекликается известное «Письмо из провинции», напечатанное в л. 64 «Колокола» полтора года спустя — 1 марта 1860 г.— за подписью «Русский человек». Там проводилась та же мысль, что не Герцену поддерживать веру в добрые намерения царей, что только топор может спасти Россию и что долг Герцена — звать Русь «к топору». «Эту мысль уже вам, кажется, высказывали...»,— говорилось в письме «Русского человека», и в этом нельзя не видеть напоминания о «Письме из Петербурга» и «Письме к редактору» (некоторые исследователи необоснованно видят в этом напоминание о лондонской встрече Чернышевского с Герценом — см., например, Собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, т. VII, стр. 1053).

«Письмо из Петербурга» и «Письмо к редактору» 1858 г., как и позднейшее «Письмо из провинции» 1860 г., следует рассматривать, учитывая расстановку боровшихся тогда в России общественно-политических сил. Все три документа подвергали критике отступления Герцена и Огарева от демократизма, выражали стремление помочь им преодолеть либеральные иллюзии и колебания, имели целью превратить «Колокол» в последовательно революционный орган, зовущий Русь «к топору» — к крестьянской революции.

Для решения вопроса об авторстве «Письма к редактору» и «Письма из Петербурга» нет объективных документальных данных.

Однако текст «писем» дает некоторый материал для характеристики их авторов. Прежде всего, это люди, испытавшие определенное влияние «Колокола», его активные корреспонденты. В первом письме говорится о ранее отправленных в «Колокол» корреспонденциях, почему-то не напечатанных или напечатанных не полностью; во втором письме уточняются сведения о Ланском, ранее сообщенные Герцену автором письма.

В то же время важно подчеркнуть, что в период наибольших отступлений Герцена к либерализму авторы обоих писем стояли на более последовательных демократических позициях; они были, говоря словами В. И. Ленина, «тысячу раз правы», когда упрекали редакцию «Колокола» за эти отступления. Эта критика помогла Герцену и Огареву в 1861 г. поднять знамя революции.

Следует отметить, что «Письмо из Петербурга» и «Письмо к редактору» принадлежат, несомненно, разным авторам. Об этом свидетельствуют расхождения между обоими документами по некоторым существенным пунктам. Первое письмо начинается с резких упреков Герцену, начало второго письма Герцен при напечатании опустил как «слишком лестное для нас и нашей деятельности». Автор «Письма из Петербурга» все свои упреки направлял Герцену; автор же «Письма к редактору» сознается и в своей собственной ошибке: он сохранял веру в Александра II, в его способность «многое сделать», и надеялся на возможность переворота «мирно, без крови».

В своем отношении к Александру II автор «Письма к редактору» ближе к Герцену, чем к автору «Письма из Петербурга». Он не вполне еще освободился из-под власти либеральных представлений, и тот факт, что Александр II не пошел в крестьянском вопросе более решительным путем, пытался объяснить влиянием на царя его советников. С либеральной точки зрения оценивает автор письма деятельность Ланского. Кстати, и автор «Письма из Петербурга» также попадает в зависимость от либерализма, когда пытается объяснить неудовлетворительный, с его точки зрения, ход подготовки крестьянской реформы отсутствием у правительства «могучей воли» тем, что оно «закоснело в неспособности».

Однако, несмотря на это, позиции авторов обоих документов, как и автора «Письма из провинции» 1860 г., более демократически последовательны, чем позиция «Колокола» в это время.

«Письмо к редактору» содержит указание, наводящее на мысль, что автор письма — офицер: «Перенес бы я вас сюда, в казармы, в лагерь, на парад, на ученье, дал бы вам потолкаться между солдатами, прислушаться к их речам...». В то же время он ссылается на свое «очень хорошее» знание канцелярских форм, он широко осведомлен в различных вопросах внутренней политики, имеет доступ к секретной переписке. Это дает возможность высказать предположение, что автора «Письма к редактору» следует искать среди передовых людей из числа высших офицеров, которые группировались в 1858 г. вокруг «Военного сборника», редактировавшегося Чернышевским. Не исключена возможность, что автор — один из «коллекции хороших офицеров», которую в конце 1858 г. Добролюбов хотел показать И. И. Бордюгову («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». М., 1890, стр. 495).

Идейное влияние «Современника» на авторов «Письма из Петербурга» и «Письма к редактору» несомненно. В то же время отмеченные выше отдельные либеральные срывы и непоследовательность, имеющиеся в обоих документах, ставят под сомнение непосредственную причастность руководителей «Современника» к их появлению.

Таковы некоторые предположения о круге передовых людей, из которого вышли оба письма.

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ГЕРЦЕНУ

Сообщение А. Н. Дубовикова

Летом 1861 г. русское самодержавие, напуганное нараставшей в России революционной активностью как в массах обманутого реформой крестьянства, так и в кругах демократической интеллигенции, сочло необходимым перейти в наступление и предприняло решительные меры для устранения угрозы революционного восстания. В ряду этих мер (усиленный полицейский сыск, пресечение общественной активности и студенческого движения, цензурный нажим, аресты, подготовка ряда политических процессов) должны быть отмечены и меры, имевшие целью борьбу с необычайно возросшим влиянием «лондонских пропагандистов», с их изданиями, вопреки всем препонам продолжавшими во все большем количестве проникать в Россию. Возглавлявшее эту борьбу III Отделение использовало весь арсенал средств — от попыток воздействия на общественное мнение через печать, чтобы дискредитировать Герцена (брошюра Шедо-Ферроти в августе 1861 г.), до попыток устрашить Герцена подметными письмами и анонимными угрозами. См. об этом письмо Герцена к Долгорукову от 27 сентября 1861 г. (XI, 239—240) и заметку «Подметные письма» в *л.* 108 «Колокола» (XI, 241).

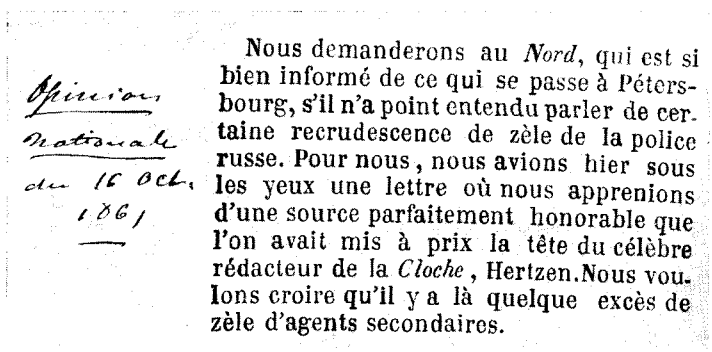
Эта подлая кампания клеветы заставила насторожиться друзей и почитателей Герцена. Они пересылали Герцену нужную информацию об очередных провокациях правительства. 12 октября 1861 г. Герцен писал И. С. Тургеневу: «Я получил после ругательных писем *два* письма дружеских, в которых положительно меня просят: A) не выезжать из Лондона, B) что III Отделение хочет меня уничтожить и что это очень серьезно» (XI, 247).

Получив такое предупреждение, Герцен решил придать делу возможно более широкую огласку. «Говори об этом всем»,— писал он Тургеневу *в том же письме*. В *ближайшем номере «Колокола» (л. 109 от 15* октября 1861 г.) он напечатал резкую статью-памфлет «Бруты и Кассии III Отделения (письмо к русскому послу в Лондоне)» (XI, 248—249); в тот же день он опять писал Тургеневу: «Посылаю тебе „Кол⟨окол⟩“ с письмом к Бруннову, — покажи и расскажи всем» (XI, 246). Вслед за тем он выпустил ту же статью отдельным листом на французском языке («Lettre du rédacteur du „Kolokol“ à son Excellence l'ambassadeur russe à Londres» — «Письмо редактора „Колокола“ его превосходительству русскому послу в Лондоне»). Одновременно Герцен принял меры, чтобы соответствующая информация появилась в заграничной печати — английской, французской, немецкой, итальянской (XI, 250, 257, 469).

Об этих же угрозах Герцен вспомнил в постскриптуме к статье «Исполин просыпается». Резко охарактеризовав гнусное поведение петербургской полиции в отношении студентов, Герцен продолжает: «Можно ли после этого дивиться якобинской речи Бистрома и тому, что он не под

судом за эту речь,— тому что III Отделение ласкало мысль украсть меня у Англии из кармана или прирезать из-за угла...» (XI, 261). Еще раз упомянул он о «ноздревской родомонтаде* III Отделения» в заметке «По делу Брутов и Кассиев III Отделения», вызванной полемическим письмом к нему Шедо-Ферроти, который взял на себя неблагодарную задачу защитить III Отделение (XI, 283—284).

До сих пор ни одно из полученных Герценом «дружеских предупреждений» не было известно в печати. В «пражской коллекции», среди бумаг М. П. Драгоманова, относящихся к его работам о Герцене, сохранилось одно из этих «предупреждений». Оно написано на отрезанной нижней части листа почтовой бумаги, наклеенной на кусок тонкого картона; на верхнем поле картонного листа написано рукой Герцена: «Получено 10 октября через Тхоржевского». Текст «предупреждения» на французском языке.



Opinion Nationale du 16 Oct. 1861

Nous demanderons au *Nord*, qui est si bien informé de ce qui se passe à Pétersbourg, s'il n'a point entendu parler de certaine recrudescence de zèle de la police russe. Pour nous, nous avions hier sous les yeux une lettre où nous apprenions d'une source parfaitement honorable que l'on avait mis à prix la tête du célèbre rédacteur de la *Cloche*, Hertzen. Nous voulons croire qu'il y a là quelque excès de zèle d'agents secondaires.

СООБЩЕНИЕ О ПОКУШЕНИИ НА ГЕРЦЕНА, ГОТОВИВШЕМСЯ РУССКОЙ ПОЛИЦИЕЙ

Вырезка из парижской газеты «Opinion Nationale» от 16 октября 1861 г

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В позднейшем письме к М. К. Рейхель (от 3 ноября 1861 г.) Герцен писал: «III Отдел⟨ение⟩ расхорохорилось и не на шутку вздумало меня убить: Ротш⟨ильд⟩, Тург⟨енев⟩ и Тхоржевский получили aviso**, вот причина моего письма к Бруннову и журнального шума» (XI, 275). Публикуемое нами письмо — одно из тех двух, о которых Герцен сообщал Тургеневу 12 октября. Аналогичное предупреждение было получено Тургеневым, очевидно в те же дни. Вероятно, этим было вызвано его письмо к Герцену от 7 октября 1861 г., в котором он настойчиво звал его в Париж: «Всею душою жажду тебя видеть, да и нужно обо многом весьма важном переговорить с тобой и многое тебе сообщить ⟨...⟩ Повторяю, нам *необходимо* видеться» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева, 1892). Но Герцен в Париж не поехал, и предупреждение было передано ему Тургеневым с опозданием (соответствующее письмо Тургенева к Герцену остается неизвестным).

Неизвестный друг не только предупреждал Герцена о грозящей ему опасности, но и информировал его о последних петербургских событиях.

Приводим текст «предупреждения» в русском переводе:

«Третье Отделение готовит попытку похитить вас, или, если это понадобится, убить. Ради бога, не покидайте Англию, никуда не уезжайте и

* похвальбе (франц.).
** уведомление (итал.).

будьте крайне осторожны. Арестовали Перцова[1], на которого как на вашего корреспондента, донес его слуга, и еще М. Л. Михайлова, который очень серьезно скомпрометирован; последний признался, но неизвестно в чем [2]. Арестовано несколько студентов и отставной офицер Костомаров[3], по доносу его собственного брата; и в Москве продолжают забирать других студентов, у которых уже давно была литография[4], а у Костомарова нашли даже типографию. Однако, что касается новых публикаций, то, повидимому, никаких следов их не нашли. Граф Шувалов[5] поклялся, что отныне ни одно письмо не дойдет до вас. Все мрачно»[6].

[1] Э. П. *Перцов* (1804—1873), отставной чиновник, литератор, был арестован 29 августа/10 сентября 1861 г. в Петербурге по подозрению в сношениях с Герценом (посылка корреспонденций в «Колокол»).

[2] Это сообщение о М. Л. Михайлове (он был арестован 14/26 сентября 1861 г.) было едва ли не первым, из которого Герцен мог узнать о его аресте. Извещая Герцена о каких-то признаниях Михайлова, автор письма опирался, повидимому, на ходившие в Петербурге слухи: Михайлов признал себя автором прокламации «К молодому поколению» несколько позже.

[3] *Отставной офицер Костомаров* — Всеволод Костомаров, арестованный 25 августа/6 сентября по доносу своего брата, Н. Д. Костомарова, и оказавшийся провокатором и предателем.

[4] Московские студенты, имевшие литографию,— это участники кружка — П. Э. Аргиропуло и П. Г. Заичневский, следствие по делу которых шло полным ходом.

[5] *Граф Шувалов* — начальник III Отделения.

[6] На оборотной стороне публикуемого документа наклеена газетная вырезка с пометой неизвестной рукой: «„Opinion Nationale“ du 16 oct. 1861». «Opinion Nationale»— ежедневная политическая газета, издававшаяся с 1859 по 1879 г. в Париже А. Геру (Guéroult). Вырезка содержит следующий текст (даем его в русском переводе):

«Надо спросить у „Норда“, который обычно так хорошо осведомлен в том, что происходит в Петербурге, не слыхал ли он чего-либо об очередном приступе усердия русской полиции. Что касается нас, то мы видели вчера собственными глазами письмо, в котором сообщается из вполне заслуживающего доверия источника, что уже назначена цена за голову знаменитого редактора „Колокола“ Герцена. Мы хотели бы думать, что это нужно отнести за счет излишнего рвения второразрядных агентов».

Письмо публикуется по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 4, ед. хр. 16б, л. 127).

ТРИ АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ 60-х ГОДОВ В БУМАГАХ ОГАРЕВА

Сообщение Я. З. Черняка

Огарев с большим интересом и вниманием следил за тем, как развивалась агитационно-сатирическая поэзия в России. Из поэтов «Искры» он находился в непосредственных сношениях с М. И. Михайловым, В. С. Курочкиным и другими. Являясь одним из первых собирателей русской политической «потаенной» поэзии, начиная с пушкинской и рылеевской, Огарев поддерживал связи со многими библиографами; некоторые из них довольно близко стояли к революционным поэтам шестидесятых годов (например, Н. В. Гербель). Среди сотрудников Огарева по изданию «Русской потаенной литературы XIX столетия» был В. И. Касаткин — эмигрант, член «Земли и воли» шестидесятых годов, библиограф-библиофил, весьма знающий и умелый (см. о нем на стр. 247—249 настоящего тома).

Через «Колокол» и другие издания вольных типографий Лондона и Женевы Герцен и Огарев неоднократно обращались к лицам, располагавшим материалами по истории или современному развитию политической поэзии. В результате на страницах «Полярной звезды» появилось множество произведений «вольной лиры» Пушкина, Языкова, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Некрасова и других поэтов, а затем вышел в свет первый том «потаенной» поэзии.

В бумагах Огарева всей этой громадной массы материалов не сохранилось. Очевидно, по использовании рукописей в типографии их из предосторожности уничтожали, так как возле вольных типографий и в Лондоне и в Женеве постоянно вертелись шпионы III Отделения.

В известных нам собраниях рукописей Огарева подобных чужих автографов или списков сохранилось немного, и они сравнительно легко обозримы.

В бумагах Огарева, хранящихся в «пражской коллекции» и в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, находится несколько стихотворений шестидесятых годов, принадлежащих разным поэтам. Наибольший интерес представляют три рукописи, которые мы публикуем в настоящем издании.

Первая рукопись (ЛБ) содержит текст острой политической эпиграммы на министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. Эту должность знаменитый палач занимал с 1857 г. до конца 1861 г. Кто автор эпиграммы — нами не установлено. Дата ее написания может быть определена только приблизительно. По всей вероятности, эпиграмма появилась в 1860—1861 гг., когда реакционная деятельность М. Н. Муравьева-Вешателя (это прозвище закрепилось за ним еще в 1831—1832 гг.) в качестве ярого крепостника достигла своего апогея и вызывала всеобщую ненависть, особенно среди

государственных крестьян. Огарев в 1860 г. посвятил две статьи специальному разбору этой деятельности — «Узаконение государственного разбоя» («Колокол», л. 76 от 15 июля 1860 г.) и «По поводу правил Муравьева-Вешателя» («Колокол», л. 80 от 1 сентября 1860 г.). Кроме того, множество раз выступал он против Муравьева в других статьях и заметках. Поэтому понятно, почему эпиграмма на М. Н. Муравьева, в списке, сделанном чьей-то рукой крайне бегло и неразборчиво, была сообщена Огареву и сохранилась в его бумагах. Огарев вполне разделял взгляд на Муравьева, выраженный в эпиграмме. Упомянутую выше статью свою «Узаконение государственного разбоя» Огарев закончил следующими словами: «...если министр из *вешателя сделается повешенным*, то нельзя сказать, чтобы виселица была незаслуженная» («Колокол», л. 76, стр. 633).

Вторая публикуемая нами рукопись, хранящаяся в бумагах Огарева (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 42, л. 2), представляет собой продолговатый лист бумаги, исписанный с обеих сторон неизвестной рукой.

Рукопись содержит стихотворение, начинающееся словами: «В былые дни Елизаветы...». Внизу листа имеется следующая надпись, сделанная тем же лицом:

Памяти Д⟨обролюбо⟩ва
20 октября 1861.
Крепость
Крепостные студ⟨енты⟩
М⟨ихайлов⟩у
27 ноября 1861.
Петропавл⟨овская⟩ крепость
Ответ ⟨Михайлова⟩
Там же

Публикуемые стихи — непосредственный отклик на известные студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г., в результате которых множество студентов университета было арестовано, посажено в Петропавловскую крепость или выслано из Петербурга. Действовавшие в этой истории со стороны правительства лица, во всяком случае, главные «герои» «усмирения» студентов, названы в печатаемых стихах. Это, во-первых, адмирал Е. В. Путятин — министр просвещения. Новые реакционные университетские правила, введенные им по настоянию царя и метко высмеянные в стихотворении, лишали бедняков возможности учиться в университете, только в редких случаях освобождая их от платы. Это, во-вторых, граф П. А. Шувалов, глава III Отделения — потомок просвещенного деятеля, имеющего исторические заслуги перед русской наукой и просвещением, И. И. Шувалова. Это, в-третьих, граф П. Н. Игнатьев — петербургский генерал-губернатор вместе с подручным, обер-полицмейстером Паткулем, организовавший «поход» на университет, — поход, в котором принимала участие, помимо полиции, гвардия.

Автором стихов был, несомненно, студент—и притом представитель умеренной части студенчества. «Критика» начальства и сатирические выпады имеют в его стихах оппозиционно-либеральный, а не революционный характер. Это явствует хотя бы из того, что в стихотворении обойден вопрос, разделявший протестовавших студентов на две части: революционную, превратившую частное столкновение из-за путятинских правил, особенно из-за «матрикул», в повод для политического выступления против всего режима в целом, и либерально-оппозиционную, объединившую большую часть студентов и профессоров, старавшихся удержаться на позициях защиты «правовых» начал и «академической» независимости.

Подобный документ мог быть интересен Огареву с разных сторон. «Колокол» принимал живейшее участие в студенческой истории. Ей непосред-

ственно посвящены статьи Герцена («Исполин просыпается») и Огарева («Университеты закрывают») и множество небольших заметок по поводу избиений студентов в Москве и событий в других университетских городах. Наконец, ряд статей и документов под общим заголовком «Материалы для истории гонения студентов при Александре II» печатался в большинстве номеров «Колокола», в период между ноябрем 1861 г. и апрелем 1862 г. Вообще, начиная с листа 103 (от 1 сентября 1861 г.) и кончая листом 129 (от 15 апреля 1862 г.), нет ни одного, в котором не было бы каких-либо заметок, сообщений или статей о студенчестве, а к листу 119-120 (от 15 января 1862 г.) Огаревым было сделано особое прибавление — «Михайлов и студентское дело», в котором помещены известные стихотворения: «М. И. Михайлову» (Огарева), «Узнику» (И. А. Рождественского — написано от имени студентов, заключенных в крепости) и «Ответ» (Михайлова).

Об этих стихотворениях и идет речь в имеющейся на листке надписи. Указанная в надписи дата стихотворения «Памяти Добролюбова» — 20 октября 1861 г.— неправильна. Добролюбов умер 17 ноября 1861 г.

Стихотворение «В былые дни Елизаветы» распространялось в списках. Один такой список недавно обнаружен Р. Маториной в бумагах Н. С. Тихонравова (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

Наибольший интерес представляет третья рукопись, содержащая превосходное агитационное стихотворение «Дележ нехорош», адресованное крестьянам. Оно было создано, повидимому, во второй половине 1862 г., — во всяком случае, после кровавого усмирения крестьян: после апрельского расстрела в 1861 г. крестьян в с. Бездна, после расправ с крестьянами в Пензенской губернии летом того же года, в самый разгар подписания уставных грамот,— при бесчестном дележе помещичьих и крестьянских земель,— словом, в ту пору, когда в действие вводилось «Положение», «обдирающее их ‹крестьян.— *Я. Ч.*›, как липку...» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 27). На рукописи синим карандашом, рукой М. П. Драгоманова, помечено: «Огарев». Но это ошибочное указание. В печати стихотворение, насколько мы могли установить, неизвестно. Его нет в собрании подпольных изданий и листовок, хранящихся в отделе печати Центрального государственного исторического архива в Москве, нет на него указаний и в существующих библиографических описаниях и указателях подпольной печати.

Разыскивая автора этого стихотворения, мы обратились к собранию писем М. А. Бакунина, изданных М. П. Драгомановым. В обширном письме М. А. Бакунина к Герцену и Огареву от 4 марта 1864 г. содержатся следующие строки:

«В Веве также познакомился с Погосским. Может быть, и вы с ним успели уж познакомиться, потому что он собирался в Лондон, и я дал ему письмо к вам. В этом письме я вам сказал и теперь подтверждаю, что я не знаю человека, более способного говорить печатно с солдатами, и пожалуй, может быть, и с народом, чем он. Для доказательства посылаю вам его песню — „Эх, батюшка!“. Это преинтересный человек — самородок» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 154—155).

Свидетельство, приведенное только что, неоспоримо доказывает, что автором агитационного стихотворения-песни «Дележ нехорош» является А. Ф. Погосский (1816—1874), автор многих десятков «народных рассказов», издатель и редактор «Солдатской беседы» (1858—1867), «Народной беседы» (1862—1863) и других повременных изданий. Биография человека, которого столь горячо рекомендует Бакунин, осталась мало изученной и освещается противоречиво, хотя известность Погосского во второй половине XIX в. была велика (см. «Лит. наследство», т. 51-52, 1949,

стр. 464). В материалах архива III Отделения имеются указания, впрочем мало достоверные, о том, что Погосский в шестидесятые годы был близок к «Земле и воле» и даже входил во второй «запасный» Центральный комитет общества. По рассказу А. А. Слепцова, приводимому М. К. Лемке, Погосский вместе с несколькими другими писателями вступил в число членов общества «Земля и воля» (XVI, 74).

В переписке Герцена встречается лишь два упоминания имени Погосского. В письме от 26 мая 1864 г. Герцен спрашивал: «Где же находится Погосский? Он писал, что болен, и собирался в Фонтенебло; мне очень хочется ему писать: я считаю себя перед ним виноватым без вины» (XVII, 175—176). Месяцем позднее в письме к С. Тхоржевскому от 28 июня того же 1864 г. Герцен просит послать Погосскому «Колокол»: «Пошлите послед〈ний〉 „Колокол“, *если не посылали*, A. Pogosky...»; далее следует адрес (XVII, 278).

Выделенные нами курсивом слова означают, что Погосскому регулярно посылались номера «Колокола» и что Герцен только напоминает Тхоржевскому о необходимости отправить ранее условленную посылку.

Все это свидетельствует о том, что между Герценом и Погосским вскоре после начала знакомства установились более или менее регулярные сношения, которые продолжались, повидимому, недолго и оборвались по неизвестным причинам.

А между Огаревым и Погосским?

К сожалению, известны в печати только единичные письма Огарева к Герцену из всей переписки 1864 г., и в этих письмах никаких данных о Погосском нет. Нет их и во всей дальнейшей переписке.

Мы нашли одно упоминание о Погосском в неопубликованной рукописи Огарева «Народные земледельческие училища» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38, л. 15). Разрабатывая программу сельской школы, Огарев говорит: «Когда же ученики умеют плавно читать, чтоб более заинтересовать их, не худо заняться составлением рассказов, повестей (например, повести Погосского)». Приведенные слова Огарева свидетельствуют о его положительном отношении к Погосскому.

Следует, однако, указать, что сближение Погосского с издателями «Колокола», относящееся к 1862—1864 гг., плодом которого явилось печатаемое агитационное стихотворение, было всего только эпизодом. Подобные «эпизодические» выступления — не редкость в самом начале шестидесятых годов В 1862 и отчасти в 1863 гг. «волна общественного возбуждения и революционного натиска» (В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30) нередко поднимала людей даже вполне «благонадежных». Тем более могла она временно увлечь человека, обладавшего, повидимому, серьезным знанием народа и уменьем разговаривать с ним, которое столь отчетливо проявилось в печатаемых стихах.

Мы публикуем перечисленные выше тексты в хронологическом порядке.

1

〈НА М. Н. МУРАВЬЕВА〉

Министр Госуд〈арственных〉 имуществ

Хоть он не тот, что был повешен,
Хоть сам он вешал кой-кого,
Но как ни мил он и безгрешен,
А был бы весь народ утешен,
Когда б живьем сожгли его.

〈1860—1861 гг.?〉

2

В былые дни Елизаветы,
Вельможа сердцем и умом,
Шувалов университеты
Завел у нас в краю родном.
Теперь не то: шпион Шувалов,
Глупца Игнатьева клеврет,
Идет с толпою генералов
На приступ в университет.
И с ними, помня штурм Азова,
Шли стройно гвардии полки,
И заблистали ныне снова,
Под предводительством Толстова,
Преображенские штыки.
В те дни великий Ломоносов
Всех к просвещенью призывал
И без матрикул и без взносов
К науке двери отворял.
С Путятиным иные моды:
Он, по обычаю попов,
Сел с медной кружкою у входа
И в шеи гонит бедняков.
И быт науки стал препоной...
Живем мы десять сотен лет,
Но так же, как во время оно,
В родной земле порядка нет.

<Октябрь 1861 г.>

3

ДЕЛЕЖ НЕХОРОШ

(Новая песня под балалайку, не то под гармонику)

Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
Уж и так он нечестен, непригож,
Что мне, молодцу, совсем невтерпеж:
Кому блин, кому два, кому кныш,
А как мне ли, горемыке,— шиш,
Да и то, вишь, коли выкупишь.
Уж какое это правило,
Только немцев позабавило,
В дураках всю Русь оставило.
Ой, батюшка, твой дележ нехорош,
Таки очень нечестен, непригож,
Никому-то на Руси невтерпеж.
Ах, ты доля моя, долюшка,
Что ковыль трава среди полюшка,
Безземельная ты волюшка!
Надштукована, налатана,
В «положение» запрятана,
Ко лбу пулей припечатана.
Нет, батюшка! твой дележ нехорош,
Больно, сударь, нечестен, непригож —
Не пойти ли нам с тобою на правеж?
Али кликнуть моих мальчиков,
Моих верных выручальщиков,

Костяных-то десять пальчиков:
Что сожму — так дубоватые,
Распущу — так вороватые,
Пущу в дело — плутоватые.
Уж, батюшка-государь, как ты хошь,
Ну, а только твой дележ нехорош,
То-есть просто ни на чорта негож!
Забавляй-ко-сь ты с девчатами,
Пей с немцáми-панибратами,
Потешайся медвежатами,—
Разной этакой охотою,
Государскою заботою,—
Ну, а я-то поработаю!
Эх, батюшка, твой дележ нехорош,
Не пойти ли нам с тобой на правеж,
Да не кликнуть ли солдатикам про то ж.
Други — братцы вы, солдатушки,
Одной матушки ребятушки —
Послужите Руси матушке!
У нас кашица заварена
Про царя да и про барина
И про всякого татарина.
Пересудим-ко-сь по-своему дележ,
Чтобы был он всей Расеюшке хорош,
А и нужен-то он — вынь, да положь!

<1862 г.>

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ САМОДЕРЖАВИЯ С ИЗДАНИЯМИ ГЕРЦЕНА

Сообщение Е. П. Федосеевой

Извещая в мае 1853 г. редакцию «Польского демократа» о создании трибуны вольной русской речи за пределами России, Герцен писал: «Основание русской типографии в Лондоне является делом, наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании *исполнения иных лучших дел*» (VII, 234).

Революционное значение предпринятого Герценом дела было сразу же понято самодержавием. На борьбу с вольной русской печатью царское правительство двинуло все силы, какими только располагало. Типография вольной русской печати в Лондоне начала свою работу 22 июня 1853 г., а уже 24 июня шеф жандармов писал министру народного просвещения о сделанных им распоряжениях и принятых срочных мерах по усилению на таможне надзора за всеми русскими книгами и газетами, привозимыми из-за границы в Россию (И. С. Смолин. Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена.— «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 61, Л., 1947, стр. 49—70. Ср. также: ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 6, д. № 150371).

Царские чиновники действовали настолько ретиво, что часто наряду с запрещенными отбирали массу дозволенных изданий. Последних было так много, что в 1858 г. председатель Комитета иностранной цензуры Ф. И. Тютчев в специальном докладе министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому ставил вопрос о возвращении владельцам отобранных на таможне дозволенных книг (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. № 151882).

Одновременно III Отделение направило в Лондон для слежки за Герценом своих агентов. Герцен неоднократно разоблачал шпионскую деятельность агентов III Отделения и публиковал против них в «Колоколе» обличительные статьи: «Предостережение. В редакцию „Польского демократа“», «Подрядчики русского посольства в Лондоне», «Хроника террора», «Список лиц, которых правительство велело арестовать при возвращении из-за границы» (IX, 45—46; XV, 338—339, 378—379).

Однако таможенные строгости и полицейские преследования не могли остановить распространение вольной печати Герцена в России. Не оправдали себя и строжайшие цензурные запреты писать о Герцене в легальной русской печати. Слово Герцена все шире и шире разносилось по русской земле. Тогда-то и зарождаются в правящих кругах планы организации литературной борьбы с вольной печатью Герцена.

Одно время в официальных сферах вынашивали мысль о необходимости направлять соответствующим образом русскую литературу, «дабы все ее силы, могущие иметь в настоящее время огромное значение, употребить на пользу общую и на услуги правительству» (из докладной записки председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ министру

народного просвещения А. В. Головнину от 27 мая 1862 г.— ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, л. 67).

Вместе с тем было решено разработать и представить на рассмотрение Цензурного комитета и Александра II проекты программ частных русских заграничных журналов, которые должны были бы «согласовать обоюдные разномыслия правительства и общественного мнения» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 8, д. № 103 за 1862 г., л. 124). Еще 6 февраля 1861 г. Ф. И. Тютчев представил министру просвещения Е. П. Ковалевскому докладную и объяснительную записки к проекту программы предполагавшегося им к изданию в Лейпциге русского журнала, который мыслился Тютчевым как «примирительное посредничество» правительства и общественного мнения. «Это посредничество,— указывал Тютчев,— может выражаться только литературою, в форме частного журнала, вполне беспристрастного и который служил бы правительству опорою в общественном мнении. В таковом журнале необходимо допустить справедливую, сдержанную в границах благоразумия оппозицию правительству в обнаружении его необходимых недостатков, оппозицию — необходимую в двояком отношении: во-первых, потому, что само правительство нуждается в откровенных и с благоразумною целью сообщаемых указаниях, а во-вторых, и потому, что беспристрастная оценка действий правительственных возвысит кредит журнала во мнении общественном и придаст вес его суждениям в тех случаях, когда ему придется опровергать ложные мысли врагов государственного порядка» (там же, лл. 124—125).

Однако правительство отказалось от этого плана. Председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ в «Замечаниях на проект программы предполагаемого к изданию к Лейпциге русского журнала» доказывал неосуществимость плана примирения «общественного и правительственного мнения» (там же, лл. 126—133. О более раннем предложении создать журнал «для борьбы с Герценом и К°» см. IX, 444—445).

В марте 1861 г. правительство разрешило к продаже в России изданную за границей клеветническую брошюру Шедо-Ферроти (литературный псевдоним платного агента царского правительства барона Ф. И. Фиркса) «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти». В апреле того же года аналогичное разрешение было дано и Н. В. Елагину, служившему с 1857 г. чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры и напечатавшему в Берлине в 1859 г. пасквильную брошюру «Искандер-Герцен». Публикуемые ниже документы (№№ 2—5) объясняют мотивы, по которым цензурное ведомство в течение ряда лет отказывало Елагину в его просьбе, и освещают заключительный этап этой истории: разрешение брошюры по личному указанию Александра II.

Выступления Шедо-Ферроти и Елагина против Герцена за границей и продажа их изданий в России были началом борьбы правительства через организованную им рептильную прессу с вольной печатью Герцена. Эти выступления получили отпор со стороны передовых революционных кругов русского общества. В защиту Герцена и его вольной печати Д. И. Писарев написал статью — резкий памфлет против Шедо-Ферроти. За попытку напечатать нелегально эту статью Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Следующим звеном в развертывавшейся реакционной кампании против Герцена явилось известное «Письмо» Б. Н. Чичерина, опубликованное еще в 1858 г. в «Колоколе» с полемическим предисловием Герцена, под заглавием «Обвинительный акт» (л. 29), и перепечатанное в 1862 г. в издававшейся Н. Ф. Павловым и субсидируемой правительством газете «Наше время». Приводимые ниже документы о разрешении этой публикации (№№ 6—8) свидетельствуют, что она была предпринята с одобрения прави-

тельства и по прямому указанию Александра II. Продолжая борьбу с Герценом, та же газета поместила в дальнейшем семь статей, под общим заглавием «г. Герцен и г. Огарев (Русская литература за границей)» («Наше время», 1862, №№ 166, 169 и 188); вслед за тем в газете появилось несколько статей, озаглавленных «Письмо провинциала к редактору „Нашего времени" (По поводу статьи о русских агитаторах)» («Наше время», 1862, №№ 196 и 248; 1863, №№ 8 и 11). Не отставали от нее «Сын отечества», «Домашняя беседа» и другие реакционные газеты и журналы. Но наибольшую активность проявил в этой реакционной травле Герцена и его изданий Катков. Он выступил с резким выпадом против Герцена (не называя его имени) 16 мая 1862 г. в № 20 «Современной летописи» «Русского вестника» и поместил в июньском номере «Русского вестника» свою «Заметку для издателей „Колокола"». В № 23 «Современной летописи» Катков опубликовал еще одну заметку, направленную против «наших заграничных refugiés*». В сентябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 г. была опубликована статья за подписью «Д. П.»—«Новые подвиги наших лондонских агитаторов».

Перепечатка этих статей другими органами печати производилась, как свидетельствуют помещенные ниже документы (№№ 9—11), по прямому указанию правительства, намечавшего для этого наиболее распространенные издания.

Двойственную позицию заняла в этой полемике «Северная пчела»: с одной стороны, она поместила в защиту Герцена письмо А. Бенни к издателю (№ 203), осуждавшее тон «Заметки для издателей „Колокола"» Каткова, и статью «Несколько слов по поводу одного нового вопроса в русской публицистике» (№ 282); а с другой стороны, эта же газета перепечатывала статьи против Герцена (см. XV, 442—443 и 450—451). Выступления «Северной пчелы» нашли свое отражение в документах №№ 12—14.

Правительство стремилось оградить Каткова от критики в русской печати. С этой целью 30 июля 1862 г. министр народного просвещения Головнин издал особое распоряжение — не пропускать ни одной статьи против Каткова без предварительного рассмотрения председателя цензурного комитета. В «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», перечислено пять статей, запрещенных по этой причине. Несмотря, однако, на строгую цензуру, в ряде сатирических изданий проскальзывали сочувственные нотки по адресу Герцена, а кое-где появились даже насмешливые отклики на выступление Каткова против Герцена.

Статьи Каткова, Павлова и Чичерина, вопреки ожиданиям правительства, не вызвали в обществе сочувствия и нисколько не могли дискредитировать Герцена (XV, 451—454; «Русский архив», 1911, № 3, стр. 408). Статья Каткова «вместо уменьшения доверия Герцену, только усилила его авторитет» (см. док. № 17). Цензор Пеликан указывал, что статьи Каткова были встречены «неодобрительными отзывами» периодической печати (док. № 16), а журналист Д. Ф. Щеглов утверждал, что «статья Каткова возбудила всеобщее осуждение в русской журналистике» (док. № 15). В магазине Дюфура, где продавались брошюры Шедо-Ферроти, содержавшие не только его критические замечания против Герцена, но и выписки из самого Герцена, «почитатели Герцена, по уверениям автора брошюры, вырывали на глазах у приказчиков магазина текст письма Герцена из его второй брошюры, чтобы выделять слова дорогого учителя из пучины критики и осквернения...» (С. Неведенский. Катков и его время. СПб., 1888, стр. 142).

Потерпев неудачу в литературной борьбе с Герценом, царское правительство вновь вернулось к тактике его замалчивания.

---

* эмигрантов (франц.)

Публикуемые ниже документы вскрывают некоторые закулисные пружины литературной политики самодержавия в борьбе с Герценом.

Документы извлечены из хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) личных фондов министра народного просвещения А. В. Головнина и председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ, а также из фондов Главного управления цензуры (№ 772) и Особенной канцелярии министра народного просвещения (№ 773) Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ).

1

1862 г. До мая 27 [1].

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЭ О ПОИСКАХ НОВЫХ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С «КОЛОКОЛОМ» ГЕРЦЕНА

‹...› [2] Мысль о возражении на статьи «Колокола» имеет некоторое основание, но при более глубоком обсуждении этого вопроса представляются следующие соображения: для точного и положительного опровержения какой-нибудь мысли надобно представить ее ясно и полно на суд читателя, а потом уже разбирать ее в подробности и доказывать систематически наглядно всю неосновательность и противоречие, иначе едва ли можно достигнуть убедительного опровержения. Следовательно, при таком способе действий придется почти целиком перепечатывать в «Северной почте» статьи лондонского журнала, разумеется, с надлежащим на оные возражением, но если делать это часто, что, без сомнения, потребует самое свойство и направление «Колокола», то не будет ли это тождественно допущению этого журнала ко всеобщему чтению в России? Наконец, кроме «Колокола» существуют еще и другие подобные ему журналы, как, например, «Будущность». Следовательно, правительство будет находиться в постоянной полемике с этими враждебными ему изданиями, причем невыгода окажется решительно на стороне правительства, потому именно, что те классы нашего общества, между которыми распространен «Колокол», вовсе или почти не читают «Северной почты», та же часть публики, которая следит за нашими официальными и полуофициальными газетами, как уже более зрелая, менее нуждается в опровержении неосновательных и даже нелепых статей этого демагогического журнала.

Нам кажется, что вредное влияние «Колокола» и всех ему подобных журналов может быть устранено более прочным и для правительства более достойным образом следующими мерами: во-первых, в случае, если бы «Колокол» или другое подобное ему заграничное периодическое издание сообщило в своих столбцах какой-нибудь факт совершенно ложный или в превратном виде представленный, то вслед за появлением о сем статьи, должно быть не только в «Северной почте», но и во всех русских периодических изданиях напечатано точное и положительное опровержение без всякой полемики с редакторами заграничных журналов; этим потрясается доверие к правдивости сих журналов, а это будет уже великий шаг к ослаблению их влияния; во-вторых, правительство может парализовать сильное сочувствие к статьям подобных журналов, продолжая неотлагательно и неуклонно те благодетельные реформы, которые начаты со вступления на престол ныне царствующего государя императора. Даровав низшему, необразованному слою общества свободу и суд, оно не может отказать в том же и образованным сословиям, а посему следовало бы как можно скорее привести к окончанию предположение о гласном судопроизводстве— этом краеугольном камне государственной реформы и едва ли не первой насущной потребности нашего общества. Этим правительство удовлетво-

рит законным желаниям всех людей благомыслящих и даст занятие и пищу тем личностям, которые, за недостатком оных, бросаются ныне с такою жадностью на чтение возмутительных статей некоторых заграничных журналов; то же самое юное поколение, которое употребляет свободное от своих уроков время на чтение запрещенных изданий, устремится тогда в публичные заседания судов и в зрелище живой борьбы между законностью и личными стяжаниями и другими пороками, будет изучать на самом деле современную нашу жизнь и отечественные наши законы; в-третьих, нельзя не сознаться, что в настоящее время существует сильное раздражение во всех классах общества, и это раздражение объясняет возрастающее сочувствие ко всем демагогическим выходкам наших заграничных пропагандистов. Не трудно было бы правительству значительно успокоить умы, действуя ныне более осторожно на поле нашей отечественной журналистики и не дозволяя ей без всякой нужды раздражать все сословия. К чему, например, допускать печатное обнародование тех именно распоряжений губернских и уездных мировых присутствий, которые имеют единственною цели более и более раздражать и без того уже раздраженное дворянство? Уничтожение крепостного права можно уподобить необходимой, но мучительной операции, которую рука медика обязана была совершить над человеком, удрученным опасной болезнью. Операция была неизбежно необходима. По требованию правительства дворяне ей подчинились, но за сим, нам кажется, следует обращаться с сословием землевладельцев точно так же, как опытный и человеколюбивый врач обошелся бы с больным, над которым только что *совершил тяжелую* и мучительную операцию, т. е. не волновать и не приводить в негодование больного без всякой явной необходимости, по крайней мере до тех пор, пока рана не станет заживать. Какая цель в опубликовании таких распоряжений, как, например, посредника Ярославской губернии, который наложил 5 р. серебром штрафа на помещика за то, что тот, будучи одержим мучительной болезнью (tic douloureux *), не мог явиться к посреднику в назначенный день, или, например, подобного же действия мирового посредника Калужской губернии, который пришедших к нему крестьян для утверждения уставной грамоты, совершенной ими с помещиками по вполне взаимному соглашению, убеждал долго и настойчиво в том, что они имеют право платить оброк гораздо менее назначенного Положением ‹...› [3]

Итак, лучший способ парализовать пагубное влияние «Колокола» и подобных ему журналов есть постепенное и› неуклонное удовлетворение законным и справедливым желаниям общества и твердое направление современной литературы к успокоению умов, к залечению свежих ран и к распространению убеждения, что только при твердом и сильном правительстве и при теплом содействии ему всех классов общества Россия может быть благополучна!

Правленная копия. ГПБ, ф. В. А. Цеэ, д. № 97, лл. 5—8 об., 10. Там же хранится черновой автограф записки. Подлинник записки В. А. Цеэ, представленный им министру народного просвещения А. В. Головнину 27 мая 1862 г. и имеющий несколько более общий характер, чем публикуемая копия, находится там же, ф. А. В. Головнина, д. № 100, лл. 66—73.

[1] Дата устанавливается по докладной записке от 27 мая 1862 г. председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ министру народного просвещения А. В. Головнину ‹«О всей системе его действий по цензуре»›. См.: ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, лл. 65—73.

[2] В начале записки дается общая оценка «Колокола».

[3] Далее опущены рассуждения о необходимости запрещать статьи, «возбуждающие страсти и направленные против целых сословий».

---

* нервный тик (франц.).

2

1861 г. Мая 4.

ПРОШЕНИЕ Н. В. ЕЛАГИНА[1] ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ

В октябре 1859 года привезена в Россию напечатанная мною за границею книга под заглавием: «Искандер-Герцен». Об учении Герцена говорить много нечего, оно всем известно. Издания его тайным путем распространялись во множестве по России и читаются с жадностью; их официально находили у крестьян, в их домах, в Нижегородской губернии.

В опровержение пагубного учения Герцена вышла одна лишь названная выше книга. В ней не указываются в подробности теории разрушительного учения, а приводятся только некоторые мысли, достаточные, чтобы оттолкнуть от Герцена всякого благонамеренного человека, при этом в книге раскрывается вся жизнь Герцена, показывается отступление его от бога, от своего отца и от всех нравственных начал.

Книга сия известна государю императору, вашему высокопревосходительству и многим лицам высшей администрации. От всех слышны о ней одобрения. Несмотря на это, комитет цензуры иностранной до сего времени не разрешил оной к продаже.

Составление книги, печатание ее за границей, перевозка сюда и коммерческая выгода книгопродавцев при продаже может только окупить издание.

К выпуску книги побудила меня нравственная цель: охранение веры, ограждение трона и польза отечества.

Остановка благонамеренного и полезного сочинения против Герцена подавляет усердие действовать ко благу общества, останавливает в других благородный порыв к уничтожению зла.

Не колеблясь, в уверенности, что ваше высокопревосходительство изволите принять милостиво мое прошение, почтительно представляю при сем экземпляр названной книги и всепокорнейше прошу благосклонного распоряжения к дозволению выпустить оную в свет беспрепятственно.

Статский советник Елагин

На прошении резолюция от 20 мая 1861 г.: На основании цензурных правил отказать.

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 8, д. № 193, л. 2.

[1] Николай Васильевич *Елагин* (1817—1891)—цензор, крайний ретроград. В 1859 г. напечатал в Берлине книгу-пасквиль «Искандер-Герцен» и ходатайствовал о разрешении продавать ее в России. Только 28 апреля 1862 г., т. е. незадолго до начавшегося похода реакционной прессы во главе с Катковым против Герцена, Елагин получил разрешение распространять свою книгу в России.

3

1861 г. Мая 16.

ОТНОШЕНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА КОМИТЕТУ ЦЕНЗУРЫ ИНОСТРАННОЙ

Рассмотрев доставленный при отношении Комитета цензуры иностранной от 5 сего ноября 1859 г.> за № 705, экземпляр сочинения г. Елагина под заглавием: «Искандер-Герцен», С.-Петербургский цензурный комитет находит, что содержание этого сочинения заключается в опровержении (как сказано на странице V предисловия) ругательных сочинений против России, издаваемых за границею А. Герценом и по настоящее время непозволенных к обращению в России. Бывший г. министр народного просвещения граф С. Уваров, предложением от 31 мая 1849 г. за № 695, сообщил С.-Петер-

бургскому цензурному комитету к точному исполнению, что государь император высочайше повелеть соизволил: «Самым решительным образом запретить, на каком бы языке ни было, критики, как бы благонамеренны ни были, на книги и сочинения запрещенные и потому не должные быть известными».

С.-Петербургский цензурный комитет, имея в виду означенное высочайшее повеление, признал невозможным допустить сочинение г. Елагина под заглавием «Искандер-Герцен» к обращению в России,— о чем и имеет честь сообщить Комитету цензуры иностранной с возвращением бывшего на рассмотрении экземпляра сей книги.

Подписал: председатель И. Делянов
Скрепил: секретарь комитета Ст. Загибенин

Копия. ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 8, д. № 193, л. 3—3 об.

4

1862 г. Апреля 26

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА АЛЕКСАНДРУ II

В 1859 г. цензор Елагин напечатал в Берлине под заглавием «Искандер-Герцен» опровержение всей системы ложных идей, распространяемых Герценом. В составлении этой книжки участвовал и принял на себя издержки на издание оной (до 4000 р.), по совету московского митрополита, благочестивый пермский помещик Дягилев. В то время цензура не дозволила продавать эту книгу, так как запрещено было произносить печатно имя Герцена, и 3000 экземпляров лежат до сих пор в кладовых цензурного комитета.

Признавая весьма полезным распространение этой книги и представляя при сем экземпляр оной, имею счастие всеподданнейше испрашивать разрешение вашего императорского величества продавать оную на том же основании, как дозволена брошюра Шедо-Ферроти[1].

Статс-секретарь Головнин

Резолюция Александра II: Можно. Книгу я оставил у себя.

Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 98, л. 255.

[1] Первая брошюра Шедо-Ферроти, направленная против Герцена, была выпущена в Берлине в августе 1861 г. («Lettre à monsieur Herzen»). В декабре 1861 г. он опубликовал брошюру «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями К. Д. Шедо-Ферроти» в ответ на опубликованное Герценом в «Колоколе» письмо от 15 октября 1861 г. к русскому послу в Лондоне барону Бруннову «Бруты и Кассии III Отделения». Эта вторая клеветническая брошюра Фиркса была издана за границей на русском и французском языках и допущена к свободному распространению в России.

5

1862 г. Апреля 28.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА

Государь император высочайше соизволил разрешить продавать находящиеся в комитете цензуры иностранной экземпляры изданной в 1859 году гг. статскими советниками Елагиным и Дягилевым книги: «Искандер Герцен». Заготовить о сем уведомление: министру вн. д. В. Долгорукову, г. Елагину (Никол. Вас. в доме катол. церкви на Михайл. пл.) и

г. Дягилеву (в Фуршт. в соб. доме) и предложение комитету выдать все экземпляры г. Елагину.

Статс-секретарь Головнин[1]

Подлинник ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 88, л. 1.

[1] В том же деле приложены черновые отпуски уведомлений от 28 апреля 1862 г.: Комитету цензуры иностранной (№ 719), министру внутренних дел (№ 720), С.-Петербургскому военному генерал-губернатору (№ 721), Московскому военному генерал-губернатору (№ 722), Собств. е. и. в. канцелярии (№ 723), Николаю Васильевичу Елагину (№ 724), Павлу Дмитриевичу Дягилеву (№ 725).

6

1862 г. Апреля 21.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОСКОВСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА М. П. ЩЕРБИНИНА[1] УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНУ

В Московский цензурный комитет поступило на рассмотрение назначенное к помещению в газете «Наше время» «Письмо к Герцену».

Признавая статью вполне благонамеренною, Цензурный комитет затрудняется одобрить оную, имею в виду предписание Главного управления цензуры от 18 июня 1860 г. за № 975, коим не дозволяются критики на сочинения и книги запрещенные, а посему честь имеет представить корректурные листы статьи на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Председатель комитета, сенатор, тайный советник

М. Щербинин

Помета: Высочайше разрешено. Ст. секр. Головнин. 23 апр. 1862.

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 80, л. 1.

[1] Михаил Павлович *Щербинин* (1807—1881) — в 1860—1865 гг. член Главного управления цензуры и председатель Московского цензурного комитета.

7

1862 г. Апреля 23.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА АЛЕКСАНДРУ II

Тайный советник Щербинин просит моего разрешения напечатать в московской газете «Наше время» прилагаемое письмо профессора Чичерина к Герцену, написанное в 1858 году и напечатанное тогда в «Колоколе». Находя поступок Чичерина смелым и благородным и будучи уверен, что обнародование весьма умного письма принесет пользу, имею счастие испрашивать повеления вашего императорского величества. Я не решился сам дозволить это печатание, так как подобное письмо Шедо-Ферроти, дозволенное к продаже, было напечатано за границей.

Статс-секретарь Головнин

Сверху резолюция Александра II: Можно. В нем много хорошего и справедливого.

Подлинник. ГИБ, ф. А. В. Головнина, д. № 98, л. 257.

8

1862 г. Апреля 24.

ПРЕДПИСАНИЕ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МОСКОВСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА М. П. ЩЕРБИНИНУ

Возвращая представленное мне Московским цензурным комитетом от 21 сего апреля предназначенное к помещению в газете «Наше время» «Письмо к Герцену», имею честь уведомить ваше превосходительство для предложения Комитету, что государь император высочайше соизволил разрешить напечатание этого письма.

Управляющий министерством статс-секретарь Головнин

Отпуск. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 80, л. 2.

9

1862 г. Июля 26.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА АЛЕКСАНДРУ II

Имею долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству статью против Герцена, помещенную в июньской книжке «Русского вестника»[1]. По желанию князя В. А. Долгорукова[2], я сделал распоряжение, чтоб превосходная эта статья была перепечатана в газетах, имеющих большее число подписчиков[3].

Статс-секретарь Головнин

Помета Александра II о просмотре им записки А. В. Головнина.

Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, л. 155.

[1] Речь идет о статье Каткова, опубликованной под заглавием «Заметка для издателей „Колокола“» в июньском номере «Русского вестника» за 1862 г. (т. 39, стр. 834—852). Журнальная вырезка статьи приложена к докладной записке А. В. Головнина. См.: ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, лл. 159 об.—168 об.

[2] Василий Андреевич *Долгоруков*, кн. (1804—1868) — с 1856 г. шеф жандармов, начальник III Отделения.

[3] Кроме «Сына отечества», статья Каткова была перепечатана и некоторыми другими газетами: «Северной пчелой» (№ 212), «Домашней беседой» (№ 32), «Journal de St.-Pétersbourg» (№ 196).

10

1862 г. Июля 27.

ПИСЬМО МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЭ

Я просил редактора «Сына отечества» перепечатать статью против Герцена, помещенную Катковым в «Русском вестнике», но не прибавлял, что для него нужно согласие Каткова, полагая, что это само собою разумеется. Сделай одолжение, объясни г. Старчевскому[1], что весьма желательно перепечатать статью, но с согласия автора.

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цеэ, д. № 10, л. 23. См. «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 63.

[1] Адельберт Викентьевич *Старчевский* (1818—1901) — журналист. С 1856 по 1865 г. издавал газету «Сын отечества».

11

1862 г. Июля 28.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА АЛЕКСАНДРУ II

Имею долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству номер «Сына отечества», в котором перепечатана статья Каткова против Герцена[1]. Я выбрал этот журнал потому, что он имеет 19 000 подписчиков.

Статс-секретарь Головнин

Помета Александра II о просмотре им записки А. В. Головнина.
Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, л. 171.

[1] Речь идет о перепечатанной из «Русского вестника» статье Каткова (см. примеч. 1 к документу № 9). К докладной записке А. В. Головнина приложена вырезка из «Сына отечества» от 28 июля 1862 г., № 180. См.: ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, лл. 174—175.

12

1862 г. Сентября 11.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВАЛУЕВА[1] МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНУ

Милостивый государь
Александр Васильевич.

В последствии отношения моего от сего числа за № 2370 о корреспонденции из Новгорода, помещенной в «Северной пчеле»[2], долгом считаю сообщить вашему превосходительству, что направление этой газеты в последнее время заслуживает особого внимания. Статья в защиту Герцена против Каткова, статьи по крестьянскому делу, отдел иностранных известий, наконец, характеристическое направление новгородского корреспондента, который не мог быть избран иначе, как из числа ближайших сотрудников редакции, обличают сию последнюю в таких стремлениях, которые терпимы быть не могут.

Я полагал бы необходимым предварить издателя «Северной пчелы» г. Усова, что если и впредь в его газете явится какая-либо статья одинакового с прежними направления, то издание будет на время прекращено. Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня по сему предмету отзывом и принять уверение в моем истинном почтении и совершенной преданности.

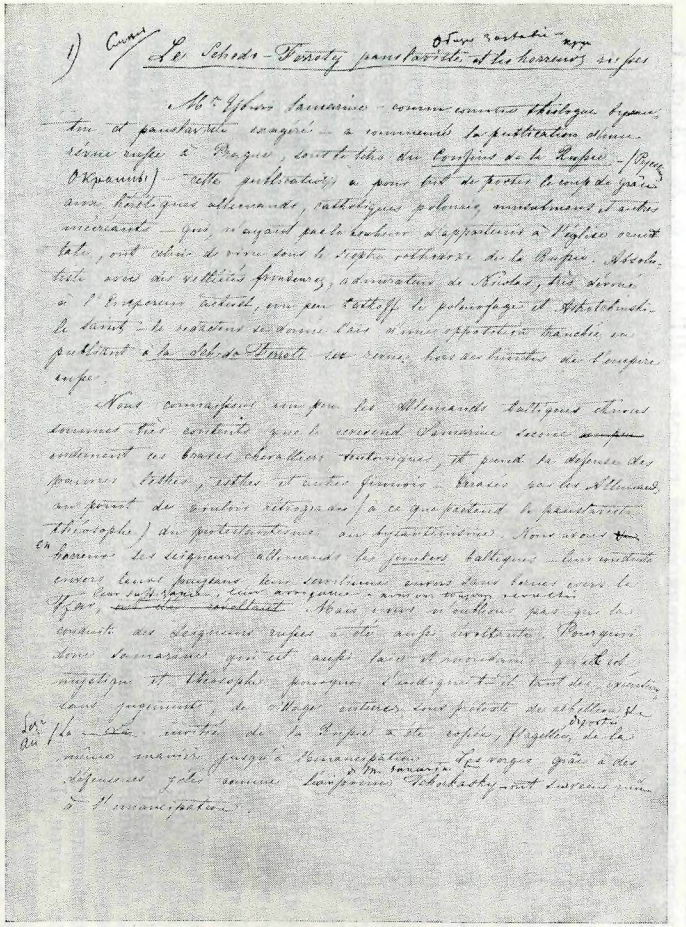
Петр Валуев

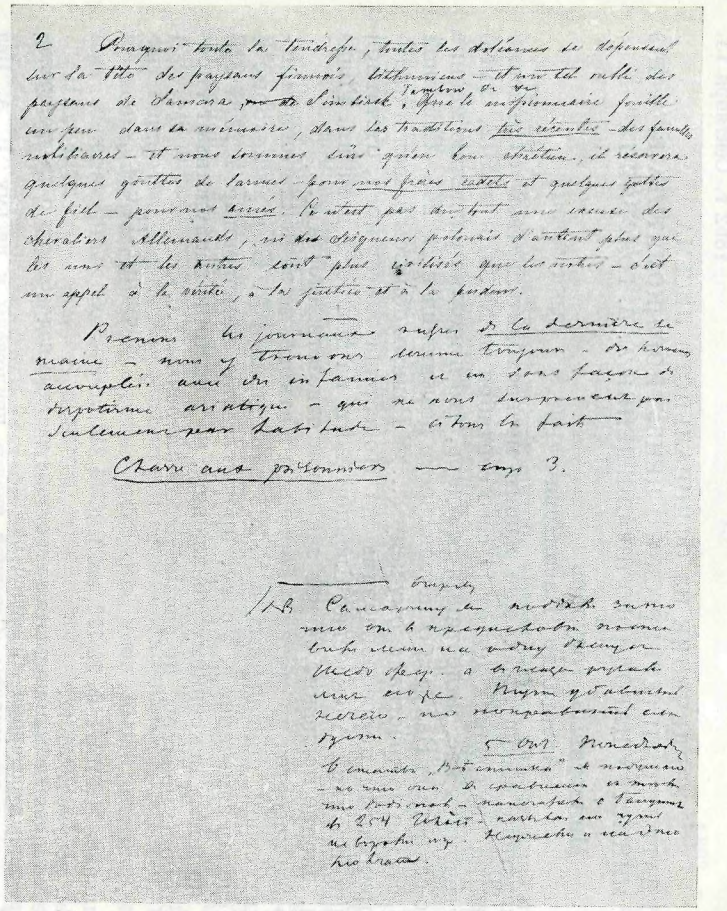
На письме помета А. В. Головнина: Прошу г. председателя С.-Петербургского цензурного комитета доложить неотлагательно объяснение. Статс-секретарь Головнин. 12 сентября 1862 г.

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, л. 4—4 об.

[1] Петр Александрович *Валуев*, граф (1814—1898) — с 1861 по 1868 г. министр внутренних дел. Проводя «либеральную» политику, диктуемую сверху, Валуев в то же время поддерживал журнальную полемику против Герцена и нападки на него Каткова.

[2] В тот же день, 11 сентября 1862 г., Валуев обратил внимание А. В. Головнина «на неприличную в высшей степени корреспонденцию от 7 сентября из Новгорода в № 243 „Северной пчелы“», одновременно запрашивая об имени автора корреспонденции (ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, л. 1—1 об.). К письму Валуева приложен экземпляр «Северной пчелы» от 10 сентября 1862 г., № 243, где на первой странице помещена корреспонденция: «Из Новгорода (от нашего собственного корреспондента). 7-го сентября» (там же, лл. 2—3).





РУКОПИСЬ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕКСТА СТАТЬИ ГЕРЦЕНА: «ПАНСЛАВИСТ ШЕДО-ФЕРРОТИ И РУССКИЕ УЖАСЫ»

Автограф Н. А. Герцен с правкой и вставками Герцена, лл. 1, 2. Напечатана в «Kolokol» № 13 от 15 октября 1868 г,

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

13

1862 г. Сентября 13.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ПИСЬМА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЭ МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНУ

Милостивый государь
Александр Васильевич.

Вследствие сообщенных мне вашим превосходительством отношений г. министра внутренних дел от 11 сего сентября за № 2370[1] и 2372, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что я вполне разделяю мнение г. статс-секретаря Валуева о неуместности помещения в № 243 «Северной пчелы» статьи по крестьянскому делу ⟨...⟩[2] Равным образом нашел я крайне неприличным корреспонденцию из Новгорода, автор коей, отставной чиновник Василий Алексеевич Слепцов (жит. на Мойке, в доме кн. Голицыной), вполне подлежит за нее законной ответственности ⟨...⟩

Что же касается до статей о Герцене и Каткове, то за исключением нескольких строк, помещенных в № 203 за подписью А. Б. и за которые я лично сделал замечание г. Усову, прочие статьи, помещенные в №№ 212 и 213[3], по моему искреннему убеждению, не только не заслуживают упрека со стороны цензуры, но *вполне благонамеренны* ⟨...⟩

Василий Ц е э

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, л. 5—5 об.

[1] См. документ № 12.

[2] Здесь и дальше нами опущены некоторые частные подробности о предостережениях, сделанных редакции «Северной пчелы».

[3] Указанные экземпляры «Северной пчелы» приложены к письму В. А. Цеэ № 212, за 1862 г.— с «Заметкой для издателей „Колокола“» и № 213 за 1862 г.— с заметкой без заголовка, начинающейся словами: «Заметка „Русского вестника“, с которою вчера могли познакомиться читатели нашей газеты...» (ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, лл. 7—10).

14

1862 г. Декабря 7.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ ЦЕНЗОРА М. И. КАСТОРСКОГО «СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ СТАТЕЙ, ЗАПРЕЩЕННЫХ ЦЕНЗУРОЙ В 1862 г. (ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРТИИ)»[1]

...[2] Злосчастные нападения на г. Каткова за ответ его Герцену представляют самое прискорбное явление, показывая знамя, под которым действует каждый журнал. Еще прискорбнее то, что редакторы утверждают, будто от такого означения знамени их журнала зависит число их подписчиков. Вот отчего произошло, что один журнал, разобрав всю деятельность г. Каткова, дошел целым рядом доказательств, что он — г. Катков — заслуживает того предиката, который г. Катковым приписан так справедливо ругателю Герцену. «Ложь,— говорит этот журнал[3],—в каждой строке у г. Каткова ложь, и ложь гнусная» ⟨...⟩[4]

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цеэ, д. № 26, л. 9—9 об. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 42.

[1] 12 декабря 1862 г. эта записка в копии была представлена Александру II министром народного просвещения А. В. Головниным. См. ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 102, лл. 160 об.— 161 (см. XV, 370).

[2] В начале записки дается общая характеристика запрещенных статей.

[3] Из статьи «Герцен и Катков», представленной в цензуру журналом «Светоч» и запрещенной в 1862 г. (XV, 446). Была опубликована в «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», т. II, СПб, 1862, стр. 263. Ср. также анонимную статью «Гг Герцен и Катков» в газете «Правдолюбивый», от 1 декабря 1862 г., № 10 (XV, 574—575).

[4] Далее идет разбор запрещенных статей, направленных против государственного устройства в России.

15

1863 г. Январь

ПИСЬМО ЧЛЕНА РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ» Д. Ф. ЩЕГЛОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЭ

Милостивый государь Василий Андреевич.

В октябре прошлого года редакция «Библиотеки для чтения» представила в цензуру статью под заглавием: «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом», которая была тогда не допущена к печати.

После этого автор сделал важные изменения в статье; изменилось и общественное настроение умов. Может быть, по этой причине ваше превосходительство дозволили действительному статскому советнику Касторскому снова внимательно и строго просмотреть переделанную статью.

Г-н цензор Касторский объявил мне, что он с некоторыми изменениями согласен пропустить статью, но не может на одного себя взять ее апробацию по двум причинам: во-первых, по важности отношений г. Герцена к юному поколению (сам автор статьи просит высшей цензуры, а не обыкновенной); во-вторых, потому, что статья написана частию в оправдание русской журналистики, нападавшей на г. Каткова после его полемики с г. Герценом. Г-н цензор считает для себя необходимым содействие вашего превосходительства или других цензоров, знакомых с отношением разных литературных органов к г. Каткову.

Находя затруднение г. цензора совершенно основательным, я покорнейше прошу ваше превосходительство, если вы не имеете времени снова заняться довольно большою статьею, поручить пересмотр ее еще нескольким цензорам. Причем, если мне это позволено, я указал бы на гг. Лебедева и Веселаго. Я позволяю себе с некоторою настойчивостью просить особенного внимания к статье, потому что сознаю великую важность ее после всего, что было писано по поводу статьи г. Каткова.

В ряду других статей, напечатанных в «Библиотеке для чтения», она составляет совершенную необходимость. Редакция «Библиотеки для чтения», как вашему превосходительству известно, взяла на себя, между прочим, задачу опровергать все вредные общественные учения, откуда бы они ни появлялись. Исполняя эту задачу, предлагаемая статья критикует важнейшие пункты учения г. Герцена и осуждает их. Но автор, занявшись этим предметом, находит, что полемика, которую вел г. Катков против г. Герцена, не есть полемика мнений, а только полемика личностей, и указывает, что именно вследствие этого статья г. Каткова возбудила всеобщее осуждение в русской журналистике. Кроме того, автор указывает, что там, где г. Катков как будто делает полемику мнений, он делает весьма неосновательно и без достаточного знания дела. Таким образом, автор надеется, что, соблюдая, по возможности, беспристрастие, он будет содействовать опровержению вредных учений в самом их корне.

При этом редакция «Библиотеки для чтения» позволяет себе представить на суд вашего превосходительства следующие соображения. Если цензура позволит ей только опровергать вредные учения, не отдавая справедливости авторам их даже в мелочах или в личных спорах, то редакция «Библиотеки для чтения» осуждена на очевидную для читателей несправедливость, и потому голос ее не будет иметь никакой силы, не будет пользоваться необходимою для нее доверенностью.

И так как редакция в том же самом полагает свою задачу и в будущем и так как легкомысленные общественные учения продолжают грозить серьезною опасностию общественному развитию, то недопущение к печати критических статей вроде той, которая представляется теперь на суд вашего превосходительства, лишает редакцию возможности выполнить свою зада-

чу, которая в этом случае, по ее мнению, вполне согласна с видами нашего правительства.

Считаю нужным прибавить, что предлагаемая статья написана вследствие разрешения г. министра народного просвещения А. В. Головнина, который не мог ее прочитать сам только потому, что Цензурное управление переведено в ведомство Министерства внутренних дел[1].

Так как статья готовилась на рассмотрение г. министра народного просвещения, то она написана так осмотрительно, что не допускает значительных изменений ни в выражениях, ни в развитии мыслей.

В этом же номере «Библиотеки для чтения» будет помещена статья против людей, которые на всю Россию кричат, что они подвергаются доносам и страданиям со стороны правительства и обскурантов[2]. Под обскурантами в этом случае разумеются защитники государственного единства и противники польской пропаганды в Западном крае. Такие статьи не могут более являться, если цензура запрещением других статей будет нарушать равновесие в направлении журнала. Мы издаем журнал не правительственный, и превратиться в агентов правительства мы не можем; да и само правительство от нас этого не захочет. По смыслу временных правил по делам книгопечатания правительство желает видеть в журналистике не агентов, которые бы только исполняли то, что им прикажут, а добровольных сотрудников, приносящих на пользу общества свои познания, способности и наблюдения, которым оно позволяет критиковать и осуждать даже свои собственные распоряжения.

Мы сами желаем сколько возможно больше содействовать правительству в исполнении его разных задач, и, выходя из этой точки зрения, мы просим особенного внимания к тем статьям, в которых мы стараемся это делать. Мы просим, ваше превосходительство, не ослаблять наших усилий, не ставить нас в необходимость потерять доверие наших читателей, которые ждут от нас изложения наших собственных мыслей, а не одних мыслей правительства[3].

Член редакции «Библиотеки для чтения» Д. Щеглов

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цеэ, д. № 39, лл. 1—2. См. «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 44.

[1] Цензура перешла из ведения Министерства народного просвещения в ведение Министерства внутренних дел 10 января 1863 г. (см. «Полное собрание законов Российской империи», собр. второе, т. 38. СПб., 1866, стр. 61, № 39162).

[2] В январском номере «Библиотеки для чтения» за 1863 г. такой статьи нет.

[3] Статья «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» не была опубликована в «Библиотеке для чтения» ни в 1862 г., ни в 1863 г. В журнале была опубликована другая статья: «Несколько слов о литературных заслугах г. Каткова (Материалы для прагматической истории русской журналистики за последние годы)», подписанная «М. К.» (по всей вероятности, инициалы М. И. Касторского. См.: «Библиотека для чтения», 1862, № 12, отд. II, стр. 20—53; ср. также у Лемке — XV, 446—447).

16

1863 г. Январь.

ОТЗЫВ А. В. ПЕЛИКАНА О СТАТЬЕ «ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ г. КАТКОВЫМ и г. ГЕРЦЕНОМ»

Прежде изложения мнения моего о статье «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом», я считаю необходимым упомянуть о тех общих положениях, на которых мнение это основано.

Нет никакого сомнения, что на науки неограниченная свобода печати может иметь только благодетельное влияние. Если при такой свободе будут с одной стороны высказываться ложные идеи, то они тем же путем будут и опровергнуты и безапелляционно осуждены. Для торжества истины свобода печати не только полезна, но она до того необходима, что предва-

рительная цензура представляется в этом отношении какою-то аномалией. Развитие публики, интересующейся такими сочинениями, стоит на столь высоком уровне, что ее не может увлечь ни безобразная ложь, ни блестящий парадокс, ни хитрый софизм.

К несчастью, нельзя сказать того же, удаляясь из области чисто научных вопросов. Круг читающей публики начинает расширяться, и в состав его попадают личности, способные легко заблудиться в хаосе разнообразных противуречий. Существование предупредительной цензуры имеет тут свое оправдание.

Есть, однако, еще третий разряд публики — это публика, читающая по случаю, без предварительного стремления к чтению вообще. На нее имеет влияние не только содержание, но и самая форма того, что печатается, потому что она кидается исключительно на сочинения, представляющиеся уже по форме своей легкими для чтения. Самая строгая цензура, равняющаяся опеке над малолетними, представляется в этом случае разумною

Рассмотренная мною статья предназначается (как ваше превосходительство изволили мне объяснить вследствие вопроса моего) для «Библиотеки для чтения», журнала довольно значительного по объему и мало распространенного; следовательно, статья эта будет читаться средним разрядом публики.

Имея это в виду, при чтении статьи, я обращал внимание не на то, правду ли говорит автор, но на то, нет ли в словах его чего-либо предосудительного.

Общий смысл статьи «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» заключается в следующем: сначала не было возможности говорить в России печатно вообще о наших эмигрантах и в особенности о Герцене. Это не достигало цели правительства, заключавшейся в противодействии распространению учения Герцена, потому что масса наших заграничных путешественников была достаточным средством для пропаганды его. Напротив того, строгость эта послужила еще во вред: молодое поколение, вообще сильно симпатизирующее всем притесненным, смотрело на Герцена как на непогрешимого пророка и, не слыша ни одного опровержения тому, что им высказывалось, привыкло свято верить каждому его слову.

Потом явилось в «Русском вестнике» порицание образа мыслей и действий Герцена[1], и поклонники его получили право думать, что старая система уступила место новой: прежде нельзя было ничего говорить о Герцене, теперь его можно только бранить. Они на этом основании еще более уверовали в него; стало быть, он не один вздор городит, думали они, если против него принимаются такие меры. Неодобрительные отзывы, которыми все периодические издания встретили статью Каткова, упрочили этот взгляд и сверх того дали повод думать, что литература вся на стороне Герцена и идет вразрез с правительством[2]. Между тем литература готова содействовать правительству во всех его благих начинаниях, но она думает, что о Герцене нужно или ничего не говорить или говорить все — и pro и contra. Герцен как политический преступник подлежит действию известных законов, а как писатель он может быть подвергнут справедливой критике. Безусловное во всем осуждение его будет и не истинно и вредно. Не истинно оно будет потому, что и ему случалось говорить такие вещи, которым и правительство, и все благоразумные люди сочувствуют. Вредным же оно представляется оттого, что симпатизирующая ему молодежь, заметив несправедливость к нему в одном отношении, заподозрит искренность осуждения и тех его действий, которые в самом деле достойны порицания.

Кроме того, статья, как самое заглавие ее показывает, заключает разбор полемики Каткова и Герцена и критическую оценку деятельности того и другого. Все симпатии автора, несмотря на то, что в некоторых пунктах он расходится с Герценом, остаются на стороне последнего.

Вообще статья, несмотря на благовидный предлог — поколебать непогрешимость авторитета Герцена—написана с видимым к нему сочувствием; всесторонней, беспристрастной оценки Герцена она не заключает. Не менее того, я нахожу, что статья эта может быть допущена к печатанию с указанными выше ограничениями. Такое мнение я вывожу из следующих оснований: во-первых, из того, что в отношении к рассмотренной мною статье, как сказал уже, следует руководиться мыслью не об истине и лжи, но о вреде и пользе; и, во-вторых, из того, что напечатание этой статьи не только не принесет вреда, но будет полезно. В публике ходят толки и в литературе проскальзывают намеки на то, что Катков и Павлов подкуплены правительством, а потому и порицают действия Герцена. Лучшим опровержением этих толков будет появление статьи, доказывающей, что о Герцене можно отзываться с похвалою даже и тогда, когда он этого не заслуживает. Не все думают так, как автор настоящей статьи, и она вызовет более серьезную критику образа мысли Герцена, которая, в свою очередь, принесет несомненную пользу, благодетельно освежив умы молодежи.

Но не должно забывать,что о Герцене нельзя говорить всего ни pro, ни contra. Если возможен еще диспут о его убеждениях нравственных, экономических и социальных, то политические убеждения его должны оставаться неприкосновенными. В этом отношении Герцен как революционер не может иметь официальных защитников. И справедливость требует, да и par pudeur * не следует дозволять нападать на него с этой стороны. В настоящей статье автор не высказывает своего суждения о политическом значении Герцена, но оно просвечивает между строк настолько, чтобы могло быть понято и лишилось возможности вызвать критику. Подобные места должны быть исключены из статьи, и потому я отметил их красным карандашом. Сюда принадлежит, например, рассуждение о том, что можно быть политическим преступником и в то же время человеком честным. Если под честностью разуметь отсутствие таких фактов, как воровство и прочее, то он прав. Но правительство иначе смотрит на дело. В глазах правительства измена есть бесчестное дело, а всякий политический преступник есть изменник и бесчестный человек. Следовательно, в словах автора заключается уже не ложь, а протест против правительства. Приведенные в статье примеры подтверждают это заключение. Тразибул, освободивший Афины от ига 30 спартанских тиранов, был честным человеком в глазах афинян, а в глазах спартанцев был преступником; зато первые не считали его преступником, а последние не почитали честным человеком. Пелопид, содействовавший Эпаминонду к возвышению Фив и к уничтожению спартанской гегемонии, только в глазах Спарты преступен. То же можно сказать о Маццини, Гарибальди и проч. Нельзя не заметить, что сравнение с этими людьми очень лестно для Герцена и очень удачно подобрано, но цензурою не может быть пропущено.

Кроме этого и подобных ему мест, отмечены мною еще следующие, подлежащие исключению:

1) Слишком смелые суждения о намерениях и видах правительства нашего, не подлежащих общественному суду. Я даже уничтожил бы во всей статье слово «правительство», потому что оно имеет слишком эластический смысл и не знаешь, кого именно следует разуметь под ним. В строгом смысле слова под именем правительства следует разуметь государя, потому что он один может действовать самостоятельно; все прочие исполняют его волю. Это не то, что в такой стране, как, например, Англия, где партии вигов иториев поочередно делаются правительством и имеют свой особенный характер.

---

* из нравственного чувства (франц.).

2) Саркастические отзывы о таких установлениях, насмешка над которыми роняет их значение. Сюда принадлежит отчеркнутое место о формулярах Каткова и Герцена, о цензуре и пр.

3) Суждение об известной прокламации «Молодая Россия», самое чтение которой почитается уже преступным.

4) Упреки в стремлении Каткова к вещественным благам, которые если и не сделаны с целью намекнуть на то, что он подкуплен правительством, то способны упрочить в обществе подозрение в этом,

и 5) Жалобы на стеснение цензуры. Сюда же принадлежат и те рассуждения, которые написаны явно с целью умилостивить цензуру в отношении настоящей статьи и даже часто прямо к ней обращены. Цензура в таких просьбах не нуждается, а публика, прочитав их, может подумать, что статья только вследствие этих рассуждений пропущена; это поставит цензуру в невыгодное и даже смешное положение. О том, как надуть цензора, ходит много анекдотов, и настоящая статья, может быть, для них, без этого ограничения, послужит новою пищею.

В статье «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» есть еще рассуждение об атеизме. Сколько я знаю дело, предмет этот подлежит ведению духовной цензуры, которой и должен быть отослан на заключение. Если бы, однако, мне следовало высказать свое о нем мнение и если бы притом я не имел никаких особых для того наставлений, то я пропустил бы означенные рассуждения об атеизме к печати, исключив только слова: «„Si Dieu n'existait pas il fallait (т. е. il faudrait) l'inventer" *; эти слова сказал человек, которого г. Герцен напрасно ценит очень мало». Приведенная автором французская фраза приписывается всеми Вольтеру. Известно, однако же, что та же самая фраза была употреблена Робеспьером в речи его, произнесенной в клубе якобинцев против Hébert'a, 21 ноября 1793 г. (1er frimaire an II). Кого именно имел в виду автор, Вольтера или Робеспьера, можно решить только по тому, что его собственное рассуждение об атеизме весьма похоже на упомянутую речь Робеспьера. Если это так, то рекомендовать Герцену Робеспьера — по меньшей мере неприлично.

Подлинник, без подписи. ГПБ, ф. В. А. Цеэ, д. № 1, № 39, лл. 3—7 об. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 44.

[1] Имеется в виду статья Каткова «Заметка для издателей „Колокола"».

[2] См. XV, 452—456, а также работы: З. П. Базилевой («„Колокол" Герцена», М., 1949, стр. 199—200) и И. С. Смолина (указанная выше статья, стр. 69—70).

17

1863 г. Февраля 7.

ЗАПИСКА ЦЕНЗОРА Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО О СТАТЬЕ «ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ г. КАТКОВЫМ и г. ГЕРЦЕНОМ»

Статья под заглавием «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» доказывает, что обвинения Каткова против Герцена до того несостоятельны, что произвели на большинство публики действие, противное ожиданиям писавшего, то есть, что статьи Каткова, вместо уменьшения доверия к Герцену, только усилили его авторитет.

Цель автора настоящей статьи парализовать такое вредное влияние Каткова и, разобрав беспристрастно мнения Герцена, показать действительные его ошибки. Статья написана умеренно и, рассматривая ее только с литературной точки зрения, могла бы быть допущена к печати с сделанными изменениями и исключениями, тем более, что об этом предмете писали уже г. Катков и г. Павлов (в «Нашем времени»).

* «Если бы бога не было, его нужно было (т. е. нужно было бы) выдумать» (франц.).

Но, принимая во внимание: 1) что, несмотря на указанную выше цель автора, многие читатели, сопоставляя сильные обвинения против Каткова со сравнительно слабыми против Герцена, могут, против желания автора, вынести впечатление в пользу последнего; 2) что явление этой статьи может возбудить в печати самую сильную полемику, в которой, разбирая литературную деятельность Герцена, невозможно будет не касаться и политической, тесно связанной с первою, — поэтому предварительно одобрения настоящей статьи необходимо решить общий вопрос — о пропуске в печать подобных статей.

Не имея права делать заключения, что́ полезнее в настоящее время: полная свобода мнений в печати о деятельности заграничной русской литературы или известная степень ограничения в этом отношении — Цензурный комитет, по моему мнению, без разрешения высшего начальства не может одобрить к печати настоящую статью.

Цензор Веселаго

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цеэ, д. № 40, л. 1—1 об. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 44.

18

1862 г. Декабря до 9.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ АДРЕСОВАННОЙ АЛЕКСАНДРУ II ЗАПИСКИ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА «КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И ГАЗЕТ И ОТЗЫВОВ ИХ ПО ВАЖНЕЙШИМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ И ДРУГИМ ВОПРОСАМ ЗА 1862 ГОД»

...[1]В половине же 1862 года журналистика, как верная истолковательница настроения всего общества, представляет весьма большое количество отзывов и нападок на так называемую «подпольную и заграничную русскую литературу», явление совершенно новое, замечательное и весьма отрадное. Не трудно убедиться, даже при самом поверхностном взгляде, что характер почти всех статей этого рода свидетельствует как о прочности нравственных убеждений большинства журналов и газет, так и о благоприятном для правительства влиянии журналистики нашей в 1862 году на общественное мнение[2]. В этом отношении особенно выдалась «Заметка для издателя „Колокола“» в «Русском вестнике», послужившая поводом к целому ряду статей в газете «Наше время» и в «Северной пчеле», порицавших направление и деятельность издателя «Колокола» и с успехом изобличавших его в глазах тех близоруких людей, у которых до того времени он пользовался неопровержимым авторитетом*. Сознавая несомненную пользу такого направления, цензура считала не лишним дать некоторый простор статьям этого рода, имевшим целью противодействовать тенденциям «подпольной литературы» и некоторых заграничных агитаторов〈...〉[3]

Копия. ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 102, лл. 129 об.—130 об.; см. также копию с пометами председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ — там же, ф. В. А. Цеэ, д. № 31, лл. 5—6. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 43.

[1] В начале записки дается общая характеристика периодической печати за 1862 г.

[2] Это утверждение Головнина, стремившегося представить положение дел в выгодном для себя свете, находится в резком противоречии с докладами цензоров (см. выше документы №№ 14, 16, 17).

[3] Опущено окончание записки о направлении литературы 1862 г.

* См. «Русский вестник», № 6 («Заметка для издателя „Колокола“»), «Наше время», №№ 113, 135 и 166; «Северная пчела», №№ 151, 156, 157, 168 и пр.— *Примечание А. В. Головнина.*

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

Сообщение Б. П. Козьмина

Статья Герцена «Русский социализм», появившаяся впервые во французском журнале «L'Association», № 23 от 4 марта 1866 г., принадлежит к числу забытых его произведений. По содержанию своему статья эта не является для читателей новостью. Во-первых, она представляет собою выдержку из письма Герцена к Эдгару Кинэ от 30 декабря 1865 г., опубликованного в сокращенном виде самим Герценом в «Письмах к будущему другу»(XVII, 105—106, ср. XVIII, 293—294). Во-вторых, статья содержит в себе сжатую формулировку теории так называемого «русского социализма», теории, хорошо известной по другим сочинениям Герцена. Таким образом самый факт сотрудничества Герцена в названном французском журнале гораздо интереснее в данном случае, чем содержание статьи.

«L'Association» являлся органом французских кооперативных обществ, на средства которых он издавался. Выходил он в маленьком формате и на немногих страницах. Редактором его был Белюз, автор книги «Ассоциации — следствие прогресса» (1863), директор основанного в 1864 г. народного банка «Кредит труду». Белюз был женат на дочери Этьена Кабе и вращался в кругу французских социалистов-утопистов. Журнал Белюза начал выходить с ноября 1864 г. и просуществовал до августа 1866 г. Сотрудничали в «L'Association» ветераны 1848 г. и представители французской молодежи, участники кооперативного движения, широко развившегося во Франции в середине шестидесятых годов. И те и другие верили, что создание рабочих ассоциаций сделает возможным мирное врастание социализма в буржуазный общественно-экономический строй.

Среди ближайших сотрудников «L'Association», принимавших участие в редактировании этого журнала, был Эли Реклю, с которым Герцен познакомился во второй половине пятидесятых годов. Эли Реклю, как и брат его Элизе, впоследствии знаменитый географ и анархист, принадлежал к числу людей, которые живо интересовались рабочим вопросом, надеялись разрешить его путем создания производительных и потребительских артелей и потому многого ждали от кооперативного движения. На это движение братья Реклю смотрели как на средство постепенно вовлечь рабочих в политическую борьбу. «Надо, — говорил один из них, — организовать рабочий класс в промышленном и экономическом отношении, чтобы впоследствии иметь возможность организовать его и в политическом отношении и тем подготовить армию для борьбы» (Ж. В е й л ь. История социального движения во Франции. М., 1906, стр. 121). В середине шестидесятых годов, познакомившись с Бакуниным, Эли Реклю вошел в организованное им интернациональное братство. Однако единомышленником Бакунина Реклю не был и потому в скором времени отошел от него. Хорошо знавший Эли и Элизе Реклю Бакунин отзывался о них, как о людях благороднейших и бескорыстнейших, подчеркивая, что они, во-первых, наивно

верили «в возможность примирения интересов буржуазии с законными требованиями пролетариата» и, во-вторых, доказывали необходимость союза рабочих с радикальной буржуазией для того, чтобы с ее помощью «придти к экономическим и социальным реформам» (Ю. Стеклов. М. А. Бакунин. М.—Л., 1927, т. II, стр. 331). Эли был членом Интернационала. В качестве делегата он присутствовал на Брюссельском конгрессе и напечатал о нем в петербургском журнале «Русское слово» (1868, № 10) статью «Международный конгресс в Брюсселе» (под псевдонимом — Жак Лефрень). Буржуазный демократ, Эли Реклю искренне сочувствовал бедствиям рабочего класса, но не понимал, что устранить эти бедствия может только революция, что мирные средства тут бессильны. Правильного представления о сущности Интернационала, членом которого он сам состоял, и о характере деятельности этой организации Эли Реклю дать не мог. Задачи Интернационала он готов был ограничить исключительно содействием развитию кооперативного движения в международном масштабе. В социально-политических взглядах братьев Реклю было много наивного и ошибочного, но их горячая ненависть к режиму Наполеона III и искреннее сочувствие тяжелому положению трудящихся стояли вне сомнений.

Герцен весьма дружески относился к братьям Реклю. Можно высказать уверенность, что он передал свою статью в «L'Association» именно по просьбе Эли Реклю.

Не лишено интереса и маленькое предисловие, предпосланное статье Герцена редакцией. Вот оно:

«Знаменитый русский патриот г. Александр Герцен прислал в журнал „L' Association" следующий отрывок из письма, недавно адресованного им автору книги „О революции" г. Эдгару Кинэ.

Это сообщение, столь же поучительное, сколько и интересное, вызывает на серьезные размышления. Географически Францию отделяет от России только протяженность Германии, но трудно измерить расстояние, отделяющее экономическую концепцию латинян от социальной идеи славянского народа».

ИЗ АРХИВА «РУССКОГО ПРИБАВЛЕНИЯ» К ФРАНЦУЗСКОМУ «КОЛОКОЛУ»

ПИСЬМА Т. КОМАРОВА (ЧАПЛИИ) — ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

Сообщение Л. Л. Леонидова

Автором публикуемых ниже писем является забытый украинский деятель *Т. Комаров* (*Чаплия*). Никакими биографическими или иными сведениями о нем мы не располагаем. Высказанное М. Клевенским предположение, что псевдоним «Чаплия» принадлежит украинскому фольклористу и историку литературы Михаилу Федоровичу Комарову («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 596), опровергается как биографией последнего, так и почерком публикуемых писем.

Чаплия сотрудничал в «Русском прибавлении» к французскому «Колоколу», издававшемуся в 1868 г. в Женеве Герценом и Огаревым. Всего этого «прибавления» вышло семь номеров. В №№ 4 и 7 была напечатана статья Чаплии «Клеветники» (письма первое и второе). Его же перу принадлежат заметки «Еще прибавка» (в № 4) и «Еще прискорбнее» (в № 5-6).

В этих заметках и статьях Комаров (Чаплия) проявил себя как убежденный противник великорусской государственной централизации и защитник украинского национального движения. В статье «Клеветники» Комаров решительно выступал против газеты А. А. Краевского «Голос» и, главным образом, против редактора «Московских ведомостей» Каткова — идеолога великодержавных кругов царской России, пытавшихся представить украинское национальное движение как следствие «польских интриг», которые якобы угрожают государственному единству России.

Публикуемые письма Т. Комарова (Чаплии) связаны с печатанием его статей в «Русском прибавлении» к газете «Kolokol».

Письма печатаются по автографам «софийской коллекции» (письмо № 1) и «пражской коллекции» (письмо № 2 — ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126).

1

ОГАРЕВУ

Гейдельберг. 24 ⟨марта 1868 г.⟩

Александр Иванович перед ⟨моим?⟩ отъездом из Женевы предложил мне обратиться к вам на случай надобности в «Колоколе», что и делаю теперь с удовольствием. Прилагаемое при этом письмо для «Колокола» я предполагал отослать еще три недели тому назад, но несчастный случай со мною заставил меня промедлить до сего дня[1]. Простите, пожалуйста, крайнюю невзрачность письма — кроме поспешности, я и вообще не привык писать.

Мне немедленно надо ехать в Данию, и остаюсь теперь в Гейдельберге еще несколько дней единственно для ожидания вашего ответа, потому

покорнейше вас прошу уведомить меня как можно скорее — когда письмо может быть напечатано и могу ли я получить перед отъездом хоть черновой оттиск его. Так как я намерен написать еще целый ряд писем, то потрудитесь написать мне — какой наиболее легкий способ присылать вам рукописи. Если в настоящем письме найдете какие-нибудь промахи, то властной рукой исправьте. Следующие письма обещаю писать брежнее. В Варшаве я увижу Кулиша, а в Петербурге — Костомарова, от которых я могу получить очень интересные сведения, так что материала целое богатство. Для наборщика, вероятно, трудно читать мою рукопись, и потому прикажите объяснить ему некоторые особенности моей неряшливой руки; так, например, *т* у меня выходит похожим на *у*, вместо *ж* — ъ и пр.

Посылаю вам брошюру Иосафата Огрызко[2] — извините за мерзость такой посылки. У меня есть прекурьезное письмо Екатерины к Вольтеру и ответ ей последнего: дело идет о 1000 дукатов, которые Великая предложила Вольтеру, если он согласится ⟨написать⟩ *по ее заказу несколько статей*... Вольтер изъявил свое согласие в одном из пошлейших писем, которые мне удавалось когда-либо читать. Если вам никогда не случалось читать это письмо, то я пришлю его вам для «Колокола»[3]. Мне бы очень хотелось написать для «Полярной звезды» статью о Мазепе по секретным документам, но не знаю, как это удастся мне[4].

Места, помеченные красным карандашом в рукописи, означают новые строки.

Кланяйтесь Александру Ивановичу.

С искренним уважением имею честь быть преданным

Т. Комаров

P. S. Александр Иванович писал мне[5], что «Русское прибавление» может выйти и отдельно, и потому я решаюсь просить вас как можно скорее набрать письмо и прислать мне его оттиск, а выпустите номер, когда сочтете это удобным для вас.

[1] Речь идет о начале статьи Чаплии «Клеветники» (письмо первое), помещенном в № 4 «Русского прибавления» от 1 апреля 1868 г.

[2] Вероятно, речь идет о клеветнической брошюре Н. В. Гогеля «Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа», вышедшей в Вильне в 1867 г. вторым изданием. В подстрочном примечании к статье «Клеветники» Чаплия, упоминая об этой брошюре, охарактеризовал Гогеля как одного из «вытравленных людей, этих путряков наших, живущих только запахом и чутьем трупов...» («Русское прибавление», № 5-6).

[3] Это письмо Екатерины II к Вольтеру Герценом опубликовано не было.

[4] В «Полярной звезде», вышедшей в 1869 г., статья о Мазепе помещена не была.

[5] Это письмо Герцена остается неизвестным.

2

ГЕРЦЕНУ

31 ⟨!⟩ апреля ⟨1868 г.⟩

Я сейчас приехал из Франкфурта и получил ваше письмо с пятью номерами «Колокола», которые сегодня же и разошлю. Потрудитесь прислать мне еще номеров двадцать.

Сегодня же я принимаюсь за «Второе письмо»[1] для «Колокола» и пришлю вам его к 8-му, предполагая, что следующий лист выйдет к 15 мая[2]. Мне необходимо знать — за сколько дней до выхода «Колокола» письма должны уже быть присланы в редакцию? И на будущее время это было бы весьма небесполезно для меня.

Я совершенно случайно нашел один из номеров «Московских ведомостей», который я было уже отчаялся достать, и потому мое второе письмо почти исключительно будет посвящено Каткову. В передовой статье этого

номера Катков с обычной наглостью обвиняет украинофилов (Костомарова, Кулиша и прочих) в *прельщениях* молодежи, в *поддельных сердечных чувствованиях, душевных порывах и проч.* Возражая на это, я, между прочим, хочу напомнить Каткову, что не ему бы говорить о таких свойствах душевных, и *вскользь* упомянуть о том, что говорится в одной из московских корреспонденций, не пропущенной цензурой и напечатанной в известном нам «Сборнике». Дело в том, что некогда одного господина (Каткова) исключили из товарищеского кружка за донжуанские наклонности[3]. Так как вам это дело, кажется, известно, то я бы покорнейше просил вас написать мне — можно ли *не без основания намекнуть* Каткову о том, что говорится в корреспонденции, не называя, конечно, ни имен, ни мест. Впрочем, я, вероятно, уже надоел вам моими постоянными вопросами.

Благодарю вас за французский «Колокол» и душевно желаю вам счастливого пути.

С искренним уважением
Т. Комаров

P. S. В венских кружках что-то случилось, но я не имею еще подробных сведений об этом. Иосифа Прекрасного изгнали, как видно, из всех кружков, и окончание моего первого письма явилось как нельзя более кстати.

На обороте 2-го листа записка Огарева, обращенная к Герцену:

Уж не слишком ли малоросс распространяется о Каткове?[5] Подумай сам, что он такое пишет об Иосифе Прекрасном? — я не понимаю.

[1] «Письмо второе» «Клеветников» было напечатано в №№ 5-6 и 7 «Русского прибавления» к французскому «Колоколу».

[2] 15 мая 1868 г. вышел сдвоенный номер «Прибавления» (№ 5-6). Предыдущий номер (4-й) был выпущен 1 апреля того же года.

[3] Чаплия говорит здесь о книге: «Сборник статей, не дозволенных цензурою в 1862 году. Напечатан по распоряжению г. управляющего Министерством народного просвещения для Комиссии по делам книгопечатания». В корреспонденции «Из Москвы», о которой упоминает здесь Чаплия, почти целиком посвященной Каткову, довольно прозрачно излагается история, разыгравшаяся в 1839 г. между Катковым, влюбленным в жену Огарева, Марью Львовну, и Бакуниным, разгласившим подробности их отношений. Эта «история» закончилась тем, что Катков и Бакунин подрались на квартире у Белинского и затем решились на дуэль, которая, однако, не состоялась.

[4] В «пражской коллекции» сохранилась записка Чаплии к Л. Чернецкому, в которой он просил, «если есть физическая возможность», напечатать его заметку «Еще прискорбнее» вместо второго письма «Клеветники» (ЦГАЛИ, ф. 5770, он. 1, ед. хр. 120). См. отклик на это Чернецкого в письме его к Огареву на стр. 263 настоящего тома.

[5] Герцен отвечал на это 12 мая 1868 г.: «Боюсь немного дерзостей хохла, да будто ты не знаешь, что можно и чего нельзя пропустить в печати? <...> Макарон <т. е. Т. Комаров> гадит в таз, т. е. в Каткова,— это льзя» (XX, 272—273). Отметим, что в подстрочном примечании к статье «Изменник России», помещенном в № 2 «Русского прибавления» от 1 февраля 1868 г., Герцен заявил, что ее автор «слишком много занимается Катковым. Пора его забывать».

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»?

Сообщение Б. П. Козьмина*

Как известно, первый перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» вышел в свет осенью 1869 г.: русская почта впервые задержала экземпляр этого издания, посланного в Россию, 8 ноября 1869 г. («Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 173—174). Автором этого перевода принято было считать М. А. Бакунина. Маркс и Энгельс писали в предисловии к более позднему изданию «Манифеста», вышедшему в 1882 г. в переводе Г. В. Плеханова: «Первое русское издание „Манифеста Коммунистической партии" в переводе Бакунина появилось в начале шестидесятых годов, в типографии „Колокола"» (Соч., т. XV, 1935, стр. 600). Об этом же говорит и письмо Н. И. Утина к Марксу от 1 ноября 1872 г., в котором Утин сообщал, что Бакунин и Нечаев «действительно перевели „Манифест Коммунистической партии" и издали его на русском языке в числе прочих брошюр...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Переписка с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 63).

Однако в «пражской коллекции» сохранилось письмо Людвига Чернецкого к Огареву, которое вносит новое в вопрос о том, кто был автором первого русского перевода «Манифеста».

Вот это письмо:

27 сентября 1869 г.

Любезнейший Николай Платонович!

Статью «Манифест Коммунистической партии» две недели тому назад вы мне отдали для печати вашими собственными руками, прибавляя, что это перевод из немецкого и хотя совсем не подходит к пропаганде, которую теперь печатаем, все-таки 1000 экземпляров следует напечатать.

Вот всё, что я знаю от вас об этой статье. Откуда же она взялась у вас — этого уж никак нельзя объяснить.

Дружески жму вам руку

Л. Чернецкий

Из этого письма мы узнаем об обстоятельствах, сопровождавших печатание перевода «Манифеста» в типографии «Колокола».

Письмо Огарева, на которое отвечает Чернецкий, нам неизвестно. Но ясно, что Огарев, передав рукопись в типографию, забыл о ней и перестал ею интересоваться. Когда же Чернецкий напомнил ему о ней, Огарев, очевидно, не мог представить себе, откуда взялась эта рукопись. Недоумение Огарева и вызвало публикуемое письмо Чернецкого.

---

* Печатается в порядке обсуждения.— *Ред.*

Однако трудно допустить, что Огарев так мало занимался бы рукописью, если б автором перевода был Бакунин. Надо думать, что Бакунин интересовался бы судьбой рукописи и торопил бы Огарева. Да и сам Огарев, конечно, не забыл бы, откуда взялась у него эта «статья», будь она передана ему Бакуниным, с которым он находился в столь близких сношениях.

Далее, зачем было Бакунину, жестоко враждовавшему с Марксом, браться за популяризацию произведения своего политического противника, притом произведения, так ие подходившего к пропаганде Огарева, Нечаева и Бакунина? Правда, в это же время Бакунин принялся за перевод «Капитала». Однако он начал эту работу из чисто материальных соображений, в расчете на гонорар, причем делал ее с такой неохотой, что не мог довести до конца и очень скоро бросил. А рассчитывать на гонорар за «Коммунистический манифест», конечно, не приходилось.

И в письмах Бакунина тех лет нигде не отразилась его работа над переводом «Манифеста», в то время как упоминания о переводе «Капитала» встречаются неоднократно.

Наконец, если Маркс и Энгельс не помнили точно, в каком году вышло первое издание «Манифеста» на русском языке («начало шестидесятых годов» вместо 1869 г.), то не исключена возможность, что они ошиблись и в имени переводчика.

Итак, письмо Чернецкого позволяет по-новому поставить вопрос о первом переводчике «Манифеста» — вопрос, ответить на который в настоящее время, до того, как найдутся какие-либо новые документы, невозможно. Думается, однако, что версия о причастности к этому переводу Бакунина сейчас может быть отброшена. Мы знаем, что среди русской молодежи в конце шестидесятых годов были люди, живейшим образом интересовавшиеся Марксом и его учением. К ним принадлежали Александр Александрович Серно-Соловьевич, Н. Н. Любавин и др. Н. Н. Любавин, живший в то время в Лейпциге, 20 февраля 1869 г. обратился к И.-Ф. Беккеру с просьбой выслать ему пять экземпляров «Манифеста Коммунистической партии» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 155). Не предполагал ли он заняться переводом? И не исключена возможность, что, переводя «Манифест», он обратился к Огареву с просьбой напечатать его. Огарев, хотя и неохотно, согласился, — а не будучи знакомым с Любавиным, мог легко забыть об этом. К тому же неизвестно, знал ли Огарев, кем был написан «Манифест Коммунистической партии». Напомним, что первое его издание вышло в 1848 г. анонимно. Без обозначения фамилий авторов вышел и перевод 1869 г.

Таким образом, новонайденное письмо Чернецкого ставит перед исследователем вопрос, нуждающийся в дальнейшей разработке.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗОБНОВЛЕННОГО «КОЛОКОЛА» 1870 г.

ПИСЬМО РЕДАКТОРАМ НОВОГО «КОЛОКОЛА»

Сообщение Е. Л. Рудницкой

В 1870 г., вскоре после смерти Герцена, Огарев вместе с Нечаевым сделали попытку возобновить в Женеве издание «Колокола». Средства на это издание были взяты из той части бахметевского фонда, которую наследники Герцена передали Огареву. Идейное руководство возобновленным «Колоколом», имевшим подзаголовок: «Орган русского освобождения, основанный А. И. Герценом (Искандером)» и «Под редакцией агентов русского дела», в основном принадлежало Нечаеву.

«Колокол» 1870 г. вышел в количестве шести номеров (в 1933 г. они были переизданы издательством политкаторжан). Первый из них датирован 2 апреля, последний — 9 мая 1870 г. На этом издание прекратилось.

В последнем, шестом, номере, под рубрикой «Мнения русских людей о А. И. Герцене», были помещены отрывки из двух писем в редакцию. Ниже публикуется полный текст первого из названных писем, автограф которого хранится в «пражской коллекции». Письмо не датировано и не подписано. Поскольку в нем речь идет о трех первых номерах возобновленного «Колокола», оно могло быть написано только во второй половине апреля 1870 г. О себе автор сообщает, что он принадлежит к числу тех, кто видел «всю деятельность Герцена и ее громадное влияние на Россию».

В газете была помещена лишь та часть письма, в которой шла речь о Герцене, критика же программы возобновленного «Колокола» опубликована не была.

Мнения о Герцене, высказанные в «Письме первом» и «Письме втором», отражали, по заявлению редакции, два противоположных, взаимоисключающих направления в среде оппозиционно настроенных элементов русского общества: с одной стороны — «узкий либерализм», с другой — «крайность беспощадной, ничего не разбирающей ломки». Помещенные письма действительно отражали идейный разброд, отсутствие какой-либо единой направляющей революционной теории и организационного единства, особенно характерные для русского освободительного движения в период, последовавший за разгромом первого общества «Земля и воля». В ненапечатанной части первого письма, автор которого был охарактеризован редакцией как «узкий либерал», вскрывалось неблагополучие в направлении самого печатного органа, претендовавшего на роль политического руководителя и организатора оппозиционных сил.

Критически разбирая три первых номера возобновленного «Колокола», неизвестный корреспондент упрекал новую редакцию газеты в расплыв-

чатости и противоречивости ее исходных политических позиций. При всей шаткости своих собственных воззрений, не лишенных либеральной окраски, автор письма критиковал новый «Колокол» за непоследовательность в проведении революционной линии, за неясность программных установок, за выступления против теоретической разработки общественных проблем, против размежевания партий в антиправительственном движении.

Действительно, возобновленный «Колокол» давал полное основание для подобной критики. У редакции не было сколько-нибудь четкого представления, органом каких общественных сил должно было служить издание. Настойчиво проводя мысль о консолидации всех антиправительственных сил для всеобщего выступления против «императорства», редакция прямо заявляла: «Первое дело для нас общее — дело освобождения от императорского ига, дело низвержения его... Мы подадим руку всякому, кто вместе с нами захочет способствовать разрушению монархической власти в России не словами только, а делом» («Колокол», № 1 от 2 апреля 1870 г., стр. 4).

Именно этой ставке на использование антиправительственных настроений в самых различных слоях русского общества для организации всеобщего бунта была подчинена вся агитационная кампания, организованная Нечаевым, Бакуниным и Огаревым в 1869—1870 гг. После вторичного приезда Нечаева из России в Женеву в январе 1870 г. эта кампания стала принимать явно авантюристический и мистификаторский характер. Назревший разрыв между Нечаевым и Огаревым, для которого авантюристическая тактика Нечаева была неприемлема, привел к прекращению «Колокола» в мае 1870 г.

Письмо печатается по рукописной копии, сохранившейся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 190).

Редакторам «Колокола»*

Милостивые государи!

Вы возобновили «Колокол», издававшийся некогда вечно дорогим для России А. И. Герценом. Вы хотите занять оставшееся свободным место, вы решились продолжать плодотворную деятельность покойного публициста. Русскому остается только пожелать вам успеха.

В статье от редакции в № 1 «Колокола», вы, между прочим, определяя направление своего издания, говорите, что «прежняя редакция», т. е. Герцен, «допускала возможность освобождения (России) по инициативе императорства, рядом правительственных политических и социальных преобразований и мер»[1].

Неужели вы действительно вывели такое заключение об убеждениях Герцена? Неужели вы серьезно сказали эту фразу? Герцен, видевший революцию 1848 г. в Париже, Герцен, связанный дружбой с Прудоном, Герцен, написавший «С того берега», — верил в освобождение России от императорства путем правительственных преобразований и мер по инициативе того же императорства? Согласитесь, что это было бы слишком наивно.

Нет, Герцен очень хорошо понимал, что императорская неограниченная власть несовместима с свободой, и ему не нужно было доказательств *«путем опыта, что царская власть не может дать действительного освобождения»*[2].

Но в то же время Герцен видел ясно, что русское правительство со смертью Николая потеряло веру в свою несокрушимую силу и должно

---

* *В верхнем левом углу письма надпись:* Копия.

было сделать уступки обществу, должно было опереться на народ и отстранить те безобразные условия, против которых говорил «Колокол». И в этом Герцен не ошибся. Правительство Александра II действительно вступило на путь реформ и, бесспорно, сняло много оков с русского общества. Мы не будем ставить за это памятники царю, мы знаем, что он не мог иначе действовать после поражения правительственной силы в Севастополе и смерти ее представителя в Петербурге, но вы должны признать, что Герцен был вправе иметь надежды на это положение правительства и должны вместе согласиться, что надежды эти нисколько не указывают на его убеждение об освобождении России путем императорства.

Впрочем, в № 2 «Колокола» вы сознаетесь в своей ошибке. Вот что стоит на 9 и 10-й страницах: «Десятилетняя деятельность лондонского станка прежде всего разбудила в русском обществе политические стремления и страсти, выставила императорское правительство *в его настоящем свете* и своей язвительной, ловкой насмешкой пробудила недовольство им и желание лучшего»[3].

Я говорил о Герцене не для возбуждения полемики о его личности и деятельности, достойных вполне серьезной оценки. Я знаю, что издаваемая вами газета не может служить местом для определения значения в развитии русского общества этого замечательного гражданина своей страны, но мне кажется, что в «Колоколе» не должно быть также и места для таких суждений о Герцене, которые грешат своей неясностью и могут дать другим неправильное понятие о его убеждениях.

Вы извините начало этого письма человеку, видевшему всю деятельность Герцена и ее громадное влияние на Россию,— вы поймете, что я имею право просить о более серьезном отношении к великому патриоту от издателей «Колокола», созданного силами и талантом Герцена[4].

Затем позвольте мне перейти к вашей программе.

В № 1 «Колокола» вы говорите, что *настоящее дело* заключается в «низвержении правительства», в «изменении существующего порядка», в «освобождении от императорского ига и низвержении его», в «*разрушении монархической власти в России*»[5].

Вот выражения, которые вы употребляете в разных местах передовой статьи, говоря о том, что нужно теперь делать русскому обществу. В примечании к письму Бакунина вы заключаете, что сущность деятельности лучших людей в России в настоящую минуту — это борьба с императорством[6].

Далее мы читаем, стр. 3: «Нам всем грозит та страшная катастрофа снизу, о которой император Александр II говорил в своей речи, обращенной к московскому дворянству в 60-х годах», и «все с ужасом предвещают беду, а между тем никто не делает ничего для того, чтобы спасти себя и Россию от стихийного переворота, от ужасов революции, тем более кровавой и беспощадной, чем она явится неожиданнее»[7].

На стр. 10-й, говоря о том, что после возбуждения русского общества Герценом «*противоправительственная* деятельность велась разрозненными кучками лиц без всякого выработанного *плана*, а потому и без всякого единства и единогласия в ходе работы» и что если бы совместить в одно целое всех деятелей, если бы вложить единый план в основание их работ, то дело освобождения России было бы окончено блестящим образом и что оно исключительно парализовалось отсутствием плана и тесной организованной связи, вы заключаете: «Силы должны быть сконцентрированы и направлены на одну точку. Эта точка — империя», и, вероятно, предполагаете, что открыли план кампании и связи для всех действующих сил. В сущности же вы нисколько не изменяете положения дела. Вы сами сказали, что русское общество давно уже ведет противоправительственную борьбу, т. е. против деспотизма империи, и вся ваша программа — это соединение

сил на одну точку — заключается в предложении делать то, что прежде делали. В действительности, как вы видите, вы не даете никакого плана, никакой точки соединения для сил, хотя и сознаете необходимость такого плана. Предположив даже, что вы имеете определенное мнение о системе действий и только не желаете его высказывать, приходится и в этом разочароваться: прочитавши три номера «Колокола», я, по крайней мере, ничего не понял. В одном месте вы говорите против революции, в другом заявляете о необходимости разрушения монархической власти в России, в третьем соглашаетесь принять в свой лагерь конституционистов (стр. 23)[8].

Скажите, как прикажете понять вашу программу и ваш взгляд на будущую организацию России. Если бы вы не говорили о разрушении и низвержении, то вы могли бы еще думать, что на ваш вызов откликнутся все недовольные правительством, но после этих слов вы можете иметь дело лишь с людьми, мечтающими о русской республике.

Заграничный орган, бесспорно, мог бы принести пользу России, но только в таком случае, если его редакторы будут иметь серьезные политические убеждения и публично заявлять их в своем издании. Мы страдаем вовсе не избытком политических теорий, как вы это думаете, а совершенным их отсутствием.

К несчастию, мы не имеем возможности обсуждать открыто в прессе нашу политическую организацию, мы не можем сообщать наши мысли по этому предмету на митингах, а потому у нас и не могли образоваться политические партии.

Да и что вы так боитесь этих партий, так чураетесь от всяких теоретических рассуждений? Если только не залетать в облака и не браться за разрешение вопросов, слишком отдаленных, то дело вовсе не так сложно. Перед вами прошедшая история России и вековой опыт Запада Европы. Остается лишь основательно изучить пережитое, и вывод будет готов сам собой. В этом, по моему мнению, и должна заключаться роль заграничного политического органа.

Я прошу в заключение извинения у гг. редакторов за мою откровенность.

На днях я выезжаю в Россию и пред отъездом считал своим долгом высказать мои мысли людям, желающим принести пользу России. Я надеюсь, что редакция поймет, что мной руководило уважение к их начинающейся деятельности и желание добра моей несчастной родине[9]. Наконец, я не стою за то, чтобы все мое письмо было напечатано в «Колоколе», и прошу поместить лишь его начало, касающееся Герцена*.

[1] Из передовой статьи «К русской публике от редакции» — «Колокол», № 1 от 2 апреля 1870 г.

[2] Из статьи Огарева «Памяти Герцена» — «Колокол», № 3 от 16 апреля 1870 г.

[3] Из передовой статьи № 2 «Колокола» от 9 апреля 1870 г. Этот абзац (от слов: «Впрочем, в № 2...») не вошел в публикацию «Колокола».

[4] На этом заканчивался текст письма, опубликованный в «Колоколе».

[5] Из передовой статьи № 1 «Колокола» от 2 апреля 1870 г.

[6] В № 2 «Колокола» от 9 апреля 1870 г было помещено письмо М. Бакунина «Редакторам „Колокола“», в котором он, одобряя призыв новой редакции к объединению всех антиправительственных политических партий в России, ставил перед редакцией вопрос, какова же ее собственная политическая программа.

[7] Из передовой статьи № 1 «Колокола» от 2 апреля 1870 г.

[8] Не вполне точные выдержки из передовой статьи № 2 «Колокола».

[9] Сообщаемые в письме отрывочные сведения личного характера, весь тон письма, рисующие человека глубоко переживавшего вопросы политической жизни России, само направление критики программы новой редакции «Колокола» свидетельствуют о том, что автор его в течение длительного времени, если не непосредственно участвовал, то очень близко стоял к русскому революционному движению.

* *Далее синим карандашом, неустановленным почерком приписано*: Нового «Колокола» после смерти А. И. Герцена Огаревым etc. в Женеве.

ПИСЬМО ЧЕШСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Сообщение Ш. Ш. Богатырева

Возобновляя в 1870 г. издание «Колокола», новая редакция обратилась «ко всем честным людям, искренне желающим изменения существующего порядка в России, с просьбой содействовать возобновленному органу доставлением статей, заявлений, писем, сведений из России и всевозможных материалов, к этому относящихся» («Колокол», №1 от 2 апреля 1870 г., стр. 1).

Установлению контакта с людьми, склонными откликнуться на это обращение, естественно, могли помочь лица, занимавшиеся распространением «Колокола». Газета Огарева и Нечаева, в частности, поступала для продажи в Прагу, в Отдел периодики книжного магазина Dominicus Buchhandlung (см. «Колокол», 1870, №№5—6 от 2 и 9 мая 1870 г., стр. 40, 48). Этим отделом, видимо, и заведовал автор публикуемого нами письма — Малец(?).

В письме этом говорится о той части программных заявлений новой редакции «Колокола», которая касается «расчленения» России в результате предстоящей революционной ликвидации Российской империи.

Призыв к уничтожению Российской империи вызывает резкий протест у автора письма. Он принадлежал к тем буржуазным чешским националистам, так называемым «руссофилам», которые видели в Российской империи силу, способную содействовать освобождению славянских народов, порабощенных австро-венгерской монархией.

Свержение царизма, уничтожение «императорства» должно было, с точки зрения чешских «руссофилов», ослабить мощь России и, следовательно, повредить всему славянству, в том числе и Чехии, поборнице идеи «славянской взаимности».

Возражения Малеца были вызваны, вероятно, статьей Бакунина «Панславизм», появившейся во втором номере прибавления к «Колоколу»—«Bulletin russe (Supplément du „Kolokol“)» (Это прибавление выходило еженедельно на французском языке со 2 по 25 апреля 1870 г.; всего вышло четыре номера одновременно с соответствующими номерами «Колокола»). Бакунин высмеивал славянскую политику царизма и ту «фееристическую инсценировку чувств» к угнетенным славянским народам Австрии и Турции, которой, по его мнению, ознаменовалась этнографическая выставка 1867 г. в Москве. Автор статьи обрушивался далее на вождей старочешской консервативной партии—Палацкого, Ригера, Браунера, упрекая их в том, что они проводят в славянском вопросе политику обмана народа. Малец не называет статьи Бакунина, но из его письма явствует, что тот номер «Bulletin russe», в котором она была опубликована, был ему известен.

Обращаясь с просьбой периодически сообщать о русских, живущих в Праге, редакция «Колокола» стремилась не только найти среди них единомышленников и привлечь их к сотрудничеству, но, видимо, преследовала также и другую цель—выявить царских агентов. Царская полиция занималась тогда розысками Нечаева. «Сотни русских, — писал „Колокол“ (1870, №1, стр. 10), — рыщут теперь в целой Европе, отыскивая его с помощью шпионов туземных〈...〉 Все немецкие правительства считают для себя величайшей честью услужить правительству петербургскому». Редакция «Колокола» внимательно следила за действиями полиции. С целью сбить полицию со следу, в «Колоколе» (№1, стр. 5—7) было напечатано содержащее много вымысла письмо Нечаева. Одновременно редакция обращалась к связанным с нею лицам в разных городах Европы за информацией о действиях русских агентов и публиковала ответы этих лиц на страницах «Колокола». Такие корреспонденции из Румынии, из

Нюрнберга напечатаны в первом номере «Колокола» (стр. 4—7), а также в упомянутом прибавлении к «Колоколу» — «Bulletin russe».

Во втором номере «Bulletin russe» от 9 апреля 1870 г. (стр. 2) помещена следующая заметка: «Нам пишут из Праги, что среди многих других разоблаченных агентов русского правительства раскрыт еще один. Мы воздерживаемся назвать его до тех пор, пока не получим о нем более подробной информации».

Трудно сказать, в какой степени это сообщение соответствовало действительности, но надо полагать, что щупальцы III Отделения достигали и Праги, где находилось немало и русских эмигрантов. Однако Малец, как видно из его письма, категорически отрицает пребывание в Праге русских агентов, называя смешными и невероятными факты, приведенные в упомянутой заметке «Bulletin russe».

Письмо Малеца не датировано; как явствует из вышеизложенного, оно относится к апрелю — маю 1870 г. В редакцию «Колокола» письмо поступило, повидимому, уже после прекращения издания.

Письмо печатается без исправления погрешностей против русского языка, которым автор письма владел плохо.

Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 1019 (З. К. Арбора Ралли), оп. 2, ед. хр. 247; текст сообщен С. А. Макашиным.

⟨Прага. Апрель — май 1870 г.⟩

Почтенная редакция «Колокола»!

Славянизм, как и всякая тому подобная идея, должен искать опоры, о которую всякое противудействие сокрушится по твердости ее основания. Россия, обеспеченная в границах своих с трех сторон морями, горами и непроходимою степью, есть эта опора. Потому не может быть правому славянину равнодушно — будет ли Россия соединена или разделена, как в программе вашей читать можно.

У нас, чехов, находящихся в жалком положении, возникла первая мысль славянской (литературной) взаимности, и до сих пор были по большей части все наши стремления — развивать по мере возможности славянскую взаимность между всеми славянскими кменами*, ибо сила, слава и спасение славян только в истинном единении — тогда только предстоит нам, славянам, славная будущность.

Прóсите извещать вас периодически обо всем, что касается русских, живущих в Праге и в Богемии. Русские, у которых уже распространено знание славянского мира, хорошо поступают, живут, как славяне, — собственно другого вам сообщить нам невозможно. Никогда мы не смешиваем *правительство* и *народ*: от правительства мы никогда не получали и в настоящем не получаем никаких подпор или вспоможений, и вообще никакие действия правительства в нашей стране не заметны.

Также очень неимоверно и даже смешно нам показалось примечание в № 2, стр. 2 «Bulletin russe»: «On nous écrit de Prague» **—и вы бы очень обязали нас, если бы напечатали имена всех в Праге находящихся агентов русских. Мы не знаем ни одного, хотя находимся в постоянном сношении с проезжающими Прагу русскими; может быть, что корреспондент ваш пражский вас надул. Впрочем, это только польско-немецкие сплетни, но к сожалению, что братья наши поляки еще до сих пор ходят рука об руку с врагами славян.

За высланные ваши издания благодарим. С чувством уважения

М а л е ц*** (?)
заведывающий газетным отделом.

---

* племенами (от чешского kmen).

** «Нам пишут из Праги» (франц.).

*** Перед фамилией стоят два инициала, оставшиеся неразобранными. — *Ред.*

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ДЛЯ СЕДЬМОГО НОМЕРА «КОЛОКОЛА»

Сообщение Л. Я. Гинзбург

30 мая 1870 г. в № 148 газеты А. А. Краевского «Голос» появилась следующая заметка: «Нам сообщают из вполне достоверного источника, что по смерти эмигранта, князя П. В. Долгорукова, бумаги его хранились у г. Тхоржевского, бывшего лондонского книгопродавца. Известно, что князь Долгоруков был собиратель всевозможных записок, автографов и что архив его состоял из интереснейших документов для изучения истории нашего века. Каждая бумага, каждое письмо было у него занумеровано в каталоге и на каждом было помечено, когда, кем и при каких обстоятельствах было оно получено. Архив этот г. Тхоржевский продал какому-то русскому офицеру за 26 000 франков; но ни он сам, ни кто другой не могут объяснить, кто был этот офицер. Между тем, нелишне было бы знать, в чьих именно руках находится этот замечательный архив».

«Голос» Краевского (издавался в 1862—1883 гг.) был органом буржуазных либералов. Герцен неоднократно выступал против «Голоса», особенно резко в 1863 г., когда, в ответ на выпады этой газеты, в л. 170 «Колокола» появилась статья «Из заведения А. А. Краевского», в которой Краевский был назван «содержателем литературных притонов» (XVI, 480—482). Публикуемая ниже заметка продолжает герценовскую традицию иронического отношения к либеральной медоточивости «Голоса» и его пресмыкательству перед власть имущими. Однако в данном случае намеки «Голоса» на то, что с продажей бумаг Долгорукова обстоит неблагополучно, не заслуживали того пренебрежения, с которым к ним отнеслись Огарев и Нечаев.

Князь Петр Владимирович Долгоруков, фрондирующий аристократ, сторонник конституционной монархии, с 1859 г. находился на положении политического эмигранта (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 126—132). Герцен не мог, конечно, сочувствовать политическим взглядам Долгорукова, но все же ценил в нем язвительного противника самодержавия. Долгоруков в течение многих лет собирал материалы, компрометирующие династию Романовых, а также придворную и бюрократическую знать. Со своими разоблачениями Долгоруков несколько раз выступал печатно: в «Записках о знатнейших фамилиях России» (1843), в «Правде о России» (1860), в «Сказании о роде князей Долгоруковых» и, наконец, в первом томе «Записок», изданных в 1867 г.

П. В. Долгоруков умер в Берне, в августе 1868 г. В № 12 герценовского «Kolokol» (от 15 сентября 1868 г.) этой смерти посвящена заметка, заканчивающаяся словами:

«Те, чью сомнительную совесть повергли в трепет его разоблачения, его замечательная память и богатые документы, могут вздохнуть теперь свободно.

Да, но не совсем *так свободно*, как они надеются: князь Долгоруков не унес с собой своих бумаг и *папок*. Они *в очень надежных руках*» (XXI, 88—89).

Герцен имел в виду своего многолетнего помощника по Вольной русской типографии С. Тхоржевского. В последние годы жизни Долгоруков сблизился с Тхоржевским и, умирая, завещал ему часть своего имущества и свои бумаги, с обязательством их издать. В «Supplément du Kolokol», вышедшем в феврале 1869 г., Герцен сообщил: «С. Тхоржевский намерен обнародовать часть *материалов, служащую продолжением „Записок“*

П. Долгорукова, напечатанных в Женеве, в 1865 г. Любители „интимной" истории найдут в этом собрании в высшей степени интересные откровения, касающиеся различных эпизодов русской истории XVIII в. и отчасти нашего» (XXI, 295—296).

Подобная перспектива вызвала замешательство при дворе и в правительственных кругах. Ожидали самых скандальных для «царствующего дома» и правящей клики разоблачений. Изъятие архива Долгорукова из рук Тхоржевского было делом первостепенной важности. С этой целью в августе 1869 г. за границу был отправлен ловкий и опытный агент III Отделения Карл-Арвид Роман. Роман появился в Женеве под именем отставного уланского штаб-ротмистра Постникова. Он разыгрывал роль богатого любителя издательской деятельности, крайне оппозиционно настроенного по отношению к Александру II и его правительству. Роману удалось втереться в доверие Тхоржевского и Огарева, обмануть бдительность Герцена, с которым он виделся в Париже. После довольно длительных переговоров, при участии Герцена (см. письмо Герцена к Роману — XXI, 503), «издатель Постников» в октябре 1869 г. купил у Тхоржевского за 26 000 франков архив Долгорукова, с обязательством безотлагательно приступить за границей к изданию этих бумаг. 26 000 франков уплатило за этот архив III Отделение, которому, впрочем, пришлось испытать разочарование: в архиве Долгорукова содержалось лишь незначительное количество документов, имевших общественно-политическое и историческое значение. Архив Долгорукова исчез в недрах охранки. Не без труда Роман добился от своих шефов разрешения издать второй том «Записок» Долгорукова, разумеется, в «обработке», согласной с видами правительства («Mémoires de feu de prince Pierre Dolgoroukow». Tome II. Bâle et Genève, 1871). Издание «Записок» понадобилось Роману, чтобы поддерживать

Le Numéro : 1 fr. № 1. Genève le 2 Avril 1870.

(LA CLOCHE) КОЛОКОЛЪ (DIE GLOCKE)

VIVOS VOCO!

ОРГАНЪ РУССКАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ, ОСНОВАННЫЙ А. И. ГЕРЦЕНОМЪ (ИСКАНДЕРОМЪ).

(ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ АГЕНТОВЪ РУССКАГО ДѢЛА).

Абонементъ еженедѣльнаго изданія : 40 франковъ въ годъ; 20 фр. за 6 мѣсяцевъ; 10 фр. за 3 мѣсяца.

Редакція обращается ко всѣмъ честнымъ людямъ, искренно желающимъ измѣненія существующаго порядка въ Россіи, съ просьбой содѣйствовать возобновленному органу — доставленіемъ статей, заявленій, писемъ, свѣдѣній изъ Россіи и всевозможныхъ матеріаловъ къ этому относящихся; а также обращаться письменно и лично — для дѣловыхъ объясненій по адресу : Au Bureau de la Rédaction de la Cloche, Mr L. Czerniecki, Genève, Pré-l'Evêque, 40.

Сюда-же предлагается присылать и деньги, предназначенныя для дѣла Русской Свободы.

При "Колоколѣ" издается "Прибавленіе" на французскомъ языкѣ. Цѣна каждому 25 сантимовъ.

Le prix de ce journal : 40 fr. pour un an ; 20 fr. pour 6 mois ; 10 fr. pour 3 mois.

La Rédaction s'adresse à tous les hommes sérieux qui veulent franchement la transformation de l'ordre actuel en Russie, en les priant de concourir à la publication de ce Journal et de lui envoyer des notices, des articles, des lettres, et en général tous les matériaux qui peuvent avoir rapport à la situation russe. Elle prie également tous ceux qui auront soit à lui donner, soit à lui demander des explications quelconques, de s'adresser personnellement, ou par lettre : Au Bureau de la Rédaction de la Cloche, L. Czerniecki, Genève, Pré-l'Evêque, 40.

Nous prions de vouloir bien envoyer à cette même adresse tout l'argent qu'on voudra sacrifier à la cause de l'émancipation russe.

Il paraît un Supplément en langue française. Prix : 25 centimes.

Das abonnement ist : 40 fr. jährlich; 20 fr. für 6 monate; 10 fr. für 3 monate.

Die Redaction wendet sich an alle die ernsten Männer Russlands, die aufrichtig eine Veränderung der jetzigen Ordnung Russlands wollen, der Ausgabe des *Kolokols* beizustehen durch die Sendung von Schriften, Notizen, Briefe, Nachrichten aus Russland und allen zu der Sache gehörenden Materialien. Auch kann man sich zu näherer Auskunft schriftlich und persönlich an das Bureau der Redaction der *Glocke* wenden unter der Adresse : Mr L. Czerniecki, Genf, Pré-l'Evêque, 40.

Ebenso können an dieselbe Adresse die Geldmittel geschickt werden die für die Sache der russischen Freiheit bestimmt sind.

Auch erscheint ein Supplément in französischer Sprache. Der Preis eines jeden Supplements ist : 25 centimes.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Новой Редакціи Колокола Огарева.—Къ Русской публикѣ отъ Редакціи.—Три письма по дѣлу Нечаева.—Новости изъ Россіи по корреспонденціямъ.—Заявленіе о памятникѣ Герцену.—Объявленіе.

НОВОЙ РЕДАКЦІИ "КОЛОКОЛА"

Передаю вамъ новое изданіе "Колокола" съ глубокимъ убѣжденіемъ, что вы его примете съ полной преданностью дѣлу Русской Свободы.

Вы не измѣните знамени, поставленному Герценомъ, при которомъ каждый свободомыслящій человѣкъ могъ заявлять свое мнѣніе и направленіе, разумѣется безъ всякаго ущерба для главной цѣли освобожденія Россіи.

Въ этомъ мы никогда не можемъ разойтись, и я до конца моей жизни остаюсь вашимъ преданнымъ сотрудникомъ.

Н. Огаревъ.

КЪ РУССКОЙ ПУБЛИКѢ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Возобновляя органъ покойнаго Герцена, мы считаемъ нужнымъ объявить прежде всего, что мы отнюдь не хотимъ дѣлать его выраженіемъ какой-либо исключительной партіи, а желаемъ напротивъ, чтобы оставаясь вѣрнымъ своему прежнему направленію, Колоколъ сталъ вновь точкою соединенія для всѣхъ честныхъ людей, желающихъ искренно преобразованія и освобожденія Россіи, всѣхъ кто недоволенъ настоящимъ порядкомъ *и ходомъ вещей, и кто недовольствуясь праздными* разсужденіями пришелъ къ убѣжденію, что Россіи надо теперь не слова, а дѣло.

И такъ, возобновленный Колоколъ будетъ, прежде всего, и можно сказать исключительно, органомъ русскаго практическаго дѣла. Для того чтобъ имѣть право участвовать въ немъ, требуются только два условія : во-первыхъ, убѣжденіе, что настоящій порядокъ гибеленъ для Россіи; а во-вторыхъ, твердая рѣшимость бороться противъ него.

Со времени смерти императора Николая, довольно *было истрачено словъ въ Россіи*, а дѣла было слишкомъ немного. Мы Русскіе, подъ вліяніемъ что-ли Германо-Византійскаго воспитанія, или можетъ-быть еще болѣе, подъ вліяніемъ царскаго кнута, дѣлавшаго издавна, всякое практическое начинаніе чрезвычайно опаснымъ, пріобрѣли болѣе, чѣмъ другіе народы, способность тѣшить себя, удовлетворяться и упиваться своими собственными теоретическими разсужденіями и рѣчами, и принимать красныя слова за дѣло. Чего не переболтали мы, въ теченіи четырнадцати лѣтъ нынѣшняго царствованія? Какихъ не развили теорій и въ наукѣ, и въ политикѣ, и въ государственной экономіи и въ соціализмѣ — а сдѣлали что?

Мы не отрицаемъ отнюдь пользы теоретическихъ разсужденій. Мы не дѣлимъ варварскаго *презрѣнія* къ наукѣ иныхъ соціалистовъ, воображающихъ, что одной грубой силой, безъ ясно опредѣленной мысли, можно сдѣлать что-*нибудь нужное*. *Мы убѣждены напротивъ*, что наука необходима для освѣщенія практическаго дѣла. Но всему есть мѣра.

Мы признаемъ всю пользу и необходимость умственнаго развитія, послѣдовавшаго за смертью Николая. Множество новыхъ мыслей было брошено и разработано на нашей родной почвѣ, уяснились лучше и старыя направленія. Общественныя и политическія отношенія людей и классовъ сдѣлались опредѣленнѣе, и всѣ стали понимать лучше свое положеніе, чего они хотятъ и чего имъ надо хотѣть.

«КОЛОКОЛ» — ВОЗОБНОВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ. № 1 ОТ 2 АПРЕЛЯ 1870 г.

отношения, завязавшиеся у него с Огаревым и в особенности с Бакуниным. Пользуясь своей близостью к столь видным деятелям русской эмиграции, Роман-Постников надеялся (но тщетно) открыть местопребывание Нечаева[1].

История покупки Романом архива Долгорукова подробно изложена в книге Р. Кантора «В погоне за Нечаевым», изд. 2-е. Л., 1925 (главы III, V, VI, VII). В этой же книге приведены два письма Герцена к «Постникову», не вошедшие в собрание сочинений под ред. Лемке (стр. 43—44, 54).

На стр. 81 книги «В погоне за Нечаевым» процитировано донесение Романа от 19 июня 1870 г.: «Заметка „Голоса" насчет продажи Тхоржевским бумаг делает здесь до сих пор мало шума. До сих пор все обходится для меня благополучно; не знаю, что будет дальше». Р. Кантор в этой связи даже ставит вопрос о том, читали ли Огарев и Бакунин «Голос». Теперь мы знаем, что издатели «Колокола» не только читали заметку в «Голосе» от 30 мая, но даже заготовили на нее ответ, свидетельствующий об их слепом доверии к ловкому агенту. Рукопись этого ответа, который должен был появиться в седьмом номере возобновленного «Колокола», сохранилась в «пражской коллекции». Номер этот, вследствие прекращения издания, так и не увидел света. Приводим здесь текст заметки по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 55):

«Для 7-го номера „Колокола".

Медоточивый „Голос" Краевского сделался в последнее время наивно любопытен. В своем номере от 30 мая, с невинностью ребенка передавая из достоверного источника (что может быть в этом случае достовернее слов самого г. Тхоржевского?) слух, что г. Тхоржевский продал оставшиеся после смерти князя П. В. Долгорукова исторические материалы какому-то русскому офицеру за 26 000 фр., но не в том дело, а вот в чем:

„Голосу" крайне хочется знать, в чьих именно руках находятся бумаги покойного князя или, другими словами, кто именно упомянутый офицер, конечно, для сообщения его имени дальше, как подобает верноподданнической газете.

Редакция „Колокола" может успокоить „Голос" ответом, уже ранее заявленным, что бумаги находятся в очень хороших руках и будут скоро изданы несколькими отдельными выпусками».

[1] О беспечной доверчивости, с какой Огарев и Бакунин отнеслись к «Постникову», сохранилось любопытное свидетельство М. Элпидина. 9 сентября 1870 г. он писал П. Л. Лаврову:

«... Огарев с Бакуниным хотели издавать „Общину" *, но они теперь совершенно об <...>, если позволите так выразиться. Вот в том-то и дело, что они не знают ни жизни, не умеют узнавать и личностей. Я думаю, вам Герман ** рассказал, как Огарев по своей простоте душевной чуть было не выдал руками своего питомца Нечаева. Теперь с ними произошла штука еще. Расскажу вкратце. Эти два дружка (Огарев и Бакунин) затевают издавать журнал, шушукаются по секрету, рассылают свои требования своим и чужим знакомым. Сходятся на интимную с некиим полковником Постниковым, который покупает у Тхоржевского (прихвостня покойного Герцена) бумаги, оставшиеся после смерти князя Долгорукова. Постников только суетится с ними по изданию „Общины", а сам сдает некоторые рукописи в типографию Герцена для печати. Все это, говорю, делалось у них в таком секрете, что мы, эмигранты, ничего не знаем об затеях. Наконец, удается слышать через четвертые руки, что Огарев адресовался за сотрудничеством и к вам, на что вы изъявили полное согласие и т. д. А затем удалось мне напасть на одного Сахар Медыча и узнать, что III Отделение

* Летом 1870 г., после прекращения «нечаевского» «Колокола» Огарев задумал издавать журнал «Община»; намерение это не осуществилось (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 575—578).

** Г. А. Лопатин.

отрядило своих агентов купить во что бы то ни стало у Тхоржевского долгоруковские бумаги и что этот агент — некто полковник Роман, живущий в Женеве под именем Постникова. И тут узнал, как гонялись последние четыре года за Герценом и как охотились за Нечаевым. Все эти вещи я вычитал в корреспонденциях III Отделения. До 1870 г. письма из III Отделения *писались к заграничным шпионам Филиппеусом*, а с нового года Никифораки. Вовсе не хотелось бы мне навязываться к Огареву со своим предупреждением, так как я не раз был вышучиваем за таковые. Как, например, в 1867 г. является в Женеву некто Шевелев под именем эмигранта, будто бы сидевшего и бежавшего из Петропавловской крепости. *Вглядевшись попристальнее, я сейчас* узнал, что это ташкентец из III Отделения (приметы его: 46 лет, брюнет, росту с Гермáна, на рыле передних зубов нет, глаза бегающие и вечно ищущие чего-то). Иду оповестить в герценовскую типографию об этом ташкентце. Меня не только высмеяли они, даже передали Шевелеву, что *я предупреждал их об нем*. Чем же, вы думаете, кончилось?— Да просто тем, что Огарев с ним сдружился. Бакунин раздружился только тогда, когда все стали хохотать под нос, что он революционизирует III Отделение. Огарев же остался при убеждении, что Шевелев молокан, так как та бестия назвалась им. Но, забыв глупые насмешки, я все-таки сходил к Огареву и перепоздравил с новым членом ихнего комитета Постниковым, рассказав в чем дело. Не знаю, что он будет делать с Постниковым, но ему ‹Огареву› очень не хочется верить моим сообщениям. Я сделал это в последний раз — уж скучная роль вечно быть нянькой взрослых людей, имеющих репутацию „*вожатовых революции*".

Так, видимо, тут нет никаких раздоров и личностей, а просто у нас различные приемы в действиях. Теперь вы сами можете вывести заключение, что можно ожидать от таких редакторов революционного органа, редакторов, принимающих постоянно в *объятия всякого* проходимца. Типографщик Герцена рассказывает *мне*, что Огарев поделился не только всем происшедшим с этим Постниковым, но даже рассказал и все будущие планы об „Общине" *.

Спасение будущих сотрудников „Общины" будет в том, что, может быть, Огарев *по плохой памяти перезабыл перечислить их поименно, так как у него память плохая...*» (ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 198, оп. 4, ед. хр. 504, лл. 6 об.—8 об.; текст сообщен Н. Д. Эфрос).

ПОЧЕМУ ПРЕКРАТИЛСЯ ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ «КОЛОКОЛ»?

Сообщение Б. П. Козьмина

Предпринятая Огаревым вместе с Нечаевым попытка возобновить после смерти Герцена издание «Колокола» с самого начала была обречена на неудачу. Огарев, как известно, дал вовлечь себя в ту агитационно-пропагандистскую кампанию 1869—1870 гг., которую авантюристически вел Нечаев при активном участии Бакунина. Но, по существу, взгляды Огарева и Нечаева на задачи и методы революционной борьбы резко расходились. Это различие должно было привести и действительно привело к разрыву их кратковременного союза, нашедшего себе выражение, в частности, в попытке возобновления «Колокола». В «пражской коллекции» есть документ, проливающий свет на одну *внешнюю* причину, ускорившую процесс этого разрыва и непосредственно приведшую к прекращению возобновленного «Колокола». Документ этот — письмо Л. Чернецкого к Огареву от 2 мая 1870 г. Приводим текст письма (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 180, лл. 1—2):

40, Pré-l'Evêque, Genève
2 мая 1870 г.

Любезный Николай Платонович!

Я не знаю, чтó нехорошего с моей стороны, что не могу согласиться продолжать печатать новое издание «Колокола» на условиях, просто унизительных для меня.

* Из донесения Романа-Постникова явствует, что Огарев и Бакунин действительно посвящали его в планы издания журнала «Община» (см. Р. Кантор. В погоне за Нечаевым. Пг., 1922, стр. 5—7 и др.).

Дело вот в чем. Третьего дня Барсов сказал мне, что Элпидин хвастается, что получает экземпляр «Колокола» от новой редакции, что это вредно для дела. Я объяснил ему, что действительно посылаю ему и Трусову экземпляр, но не от имени редакции, а лично от себя, как товарищ-типограф, но что если в самом деле это вредно для новой редакции, то ничего легче и проще, как повторить этим господам, что «Колокол» они получают не от редакции, а лично от меня. Барсов нашел это неудобным, объясняя, что таким образом компрометировалась бы личность, которая передала ему это, и, во избежание сплетен, просил не посылать больше ни Элпидину, ни Трусову. Я согласился, вопреки здравому смыслу и всякой логике, потому что, прекращая посылать, они только утвердятся в том, что получаемые ими экземпляры были присылаемы от имени редакции. Вчера уже при вас повторилось то же самое с прибавкой, что не только Элпидину и Трусову, но вообще никому не имею права посылать «Колокола», что это уже не только вред нравственный, но и финансовый ущерб для редакции, как будто я не довольствуюсь пятью или шестью экземплярами, которыми почтенная редакция с самого начала позволила мне распоряжаться, а печатаю на свой счет другую 1000 экземпляров и делаю подрыв, рассылая их книгопродавцам. Глупее этого ничего нельзя выдумать.

Всего важнее то, что из-за всех этих фантазий молодой редакции виднеется какое-то недоверие и подозрение. Я знаю только одно, что все условия, принятые мною, исполнял до сих пор добросовестно и аккуратно и готов продолжать исполнять их, с условием только полного права распоряжаться той полдюжиной или десятком экземпляров, которые редакция позволила мне брать даром, — разумеется, без вреда и ущерба для ней.

Завтра или послезавтра я с большим удовольствием зайду к вам, но толковать больше об этом — трата слов и времени, как справедливо заметил вчера Барсов, ставя вопрос очень просто и ясно: или отказаться мне от права распоряжаться хотя бы одним экземпляром «Колокола», или от печатания его. Я предпочитаю последнее даже с выписанной бумагой на руках.

И так как Барсов, кажется, главный агент редакции, а вы только ее сотрудник, то какой же прок, в самом деле, может выйти из нашего толкования с вами?

Засим посылаю в редакцию счет за два номера, разные письма и журналы и дружески кланяюсь вам.

Л. Чернецкий

P. S. Письма и журналы пришлю с нарочным.

Итак, из письма Чернецкого выясняется, что причиной прекращения печатания «Колокола» было разногласие между ним — владельцем типографии — и лицом, обозначенным в комментируемом письме фамилией Барсова. Кем же было это лицо? Человека, носящего фамилию *Барсов*, среди эмигрантов того времени не было. Между тем, Чернецкий знал его как «главного агента редакции» возобновленного «Колокола», в то время как Огарев был только «сотрудником редакции». Без риска впасть в ошибку можно утверждать, что под фамилией Барсова Чернецкому был известен скрывавшийся от царской полиции, усердно его разыскивавшей, Нечаев. Именно он был «главным агентом редакции» возобновленного «Колокола». Столкновение Барсова-Нечаева с Чернецким и послужило непосредственной причиной прекращения издания: возмущенный Чернецкий отказался впредь печатать «Колокол».

«САТИНСКИЙ ДОЛГ» ГЕРЦЕНУ

ПИСЬМО А. А. ГЕРЦЕНА к Н. Н. САТИНОЙ

Сообщение А. Н. Дубовикова

1

В материалах «пражской коллекции» сохранилась собственноручная копия письма Александра Александровича Герцена к Наталье Николаевне Сатиной, дочери Н. М. Сатина. Письмо это, датированное 3 октября 1882 г., содержит обстоятельное изложение сущности так называемого «сатинского долга». В переписке Герцена и Огарева, а также Н. А. Тучковой-Огаревой на протяжении многих лет встречаются упоминания об этом долге.

Однако до сих пор исследователи не располагали ясным и последовательным изложением этого дела, представляющего несомненный интерес для биографов Герцена и Огарева. Скупые данные, разбросанные в комментариях М. К. Лемке к Полному собранию сочинений Герцена, и отдельные факты, сообщаемые другими исследователями (например, Я. З. Черняком в его книге: «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве». М.—Л., 1933, издание «Academia»), явно недостаточны. Публикуемое письмо А. А. Герцена, в котором он делал последнюю и, как оказалось, безрезультатную попытку добиться от наследников Сатина хотя бы частичной уплаты долга, помогает восполнить этот пробел и вносит значительную ясность в вопрос о «сатинском долге».

После неудачного исхода устных переговоров кн. А. Н. Мещерского с Н. Н. Сатиной (о чем упоминается в начале письма), А. А. Герцен, предполагавший, что отрицательный ответ Сатиной Мещерскому вызван был ее неосведомленностью в существе дела, решил составить для нее «записку» с подробным изложением всего дела. Материал для этого он извлек из принадлежавшего частично ему и частично Н. А. Герцен (дочери) семейного архива: «...нашлось более *пятидесяти* писем ⟨...⟩, из которых я и составляю настоящую записку». В действительности писем этих, надо думать, было больше, так как часть их Н. А. Тучкова-Огарева увезла с собой в Россию.

В основных публикациях переписки Герцена, Огарева и Тучковой-Огаревой нами выявлено более семидесяти писем, относящихся к «сатинскому долгу». Повидимому, до нас дошли не все материалы, использованные А. А. Герценом: отдельные цифры, приводимые им в письме к Н. Н. Сатиной, не находят подтверждения в источниках, имеющихся в нашем распоряжении.

Вместе с тем эти источники позволяют добавить к письму А. А. Герцена ряд дополнительных данных, относящихся, в частности, к истории возникновения «сатинского долга» и его состояния до отъезда Огарева за границу.

2

Как известно, долг Н. М. Сатина возник в 1849 г. в результате полуфиктивной продажи обширного пензенского имения Огарева, намеревавшегося тайно покинуть пределы России и опасавшегося конфискации правительством остававшегося за ним имущества. При этом одна деревня, входившая в состав имения, была «куплена» Сатиным самостоятельно, а главная часть — им же вместе с Н. Ф. Павловым, юридическим представителем которого выступал его тесть К. И. Янишь. Основные документы — «купчие крепости», — которыми была оформлена «продажа», не сохранились. Некоторый свет на условия этой операции бросают показания арестованных в 1850 г. Сатина и Огарева по вопросным пунктам, предъявленным им Дубельтом (VI, 167—173). В частности, Огарев указывал, что имение в 1600 душ «было наскоро продано г-ну Н. Ф. Павлову и Сатину за 600 руб. асс. за душу» (VI, 173). Таким образом сумма «продажи» составила 960 000 руб. асс., или 275 000 руб. серебром.

Неизвестно, какая часть этой суммы была сразу же уплачена Огареву каждым из «покупщиков». Точно так же неясной до конца остается судьба части долга, лежавшей на Павлове. Лемке без указания источников сообщает, что большое имение, «купленное с Янишем, должно было быть откуплено у последнего к 1 июля 1850 г.; на 1 декабря 1849 г. Сатин был должен Янишу всего 12 000 руб. сер.» (VI, 170). Однако этому сообщению, из которого собственно следует, что долг Павлова—Яниша уже к 1850 г. фактически перешел к Сатину, противоречат данные писем Герцена, в которых вплоть до 1856 г. неизменно говорится об обоих должниках — Сатине и Павлове (VI, 156; VII, 20, 170—171, 181; VIII, 278, 281). Очевидно, именно в этом году расчеты с Павловым были покончены. Это подтверждается и письмом Огарева к Сатину, написанным в апреле 1856 г.: «Спасибо, caro mio, за письмо и за благополучное окончание дела с Н. Ф. <Павловым>» («Русские пропилеи», т. IV. М., 1917, стр. 155).

Сатин, таким образом, остался единственным ответчиком по долгу Огареву. Его долговое обязательство, оформленное тотчас же после совершения «сделки», а именно 24 июня 1849 г., в виде «духовного завещания», скрепленного подписями Н. Г. Фролова, В. А. Милютина и Т. Н. Грановского, было определено следующим образом: «По расчетам моим я состою должным коллежскому регистратору Николаю Платонову сыну Огареву *шестьдесят тысяч пятьсот сорок пять рублей шестьдесят четыре копейки серебром*, которые, по общему нашему согласию, положили мы уплачивать так: „Я, Сатин, обязался заплатить надворному советнику Александру Ивановичу Герцену или доверенному от него лицу, в счет должной ему господином Огаревым суммы *пятнадцать тысяч рублей серебром*, а остальные *сорок пять тысяч пятьсот сорок пять рублей шестьдесят четыре копейки серебром* заплатить самому господину Огареву в течение десяти лет, делая ежегодно уплату не менее *четырех тысяч пятисот рублей серебром* и платя на остающийся незаплаченным капитал по четыре на сто процентов"». (Полный текст «духовного завещания» Н. М. Сатина опубликован в «Русских пропилеях», т. IV. М., 1917, стр. 93—94).

Это «завещание», с приведенными в нем точными цифрами, и является основным документом, от которого надо вести историю «сатинского долга». Но прежде чем мы обратимся к изложению последующих этапов этой истории, необходимо отметить, что «духовное завещание» Сатина вводит в дело имя не только Огарева, но и Герцена, которому надлежало выплатить 15 000 руб. сер. в счет суммы, должной ему Огаревым. Когда же возник этот перешедший на Сатина долг Огарева Герцену и какова была его общая сумма?

Находящиеся в нашем распоряжении данные не позволяют ответить на этот вопрос с исчерпывающей ясностью. Названная в письме А. А. Герцена неопределенная дата («до своего отъезда за границу, около 1846 г.») документально не подтверждается. Просьба Огарева — ссудить ему 25 000 руб. сер. — содержится в его письме к Герцену от 1 ноября/20 октября 1847 г. Герцен немедленно отправил в Москву Г. И. Ключареву распоряжение о выплате Огареву названной суммы. В январе 1848 г. Огарев, получивший крупную сумму с рязанских крестьян, отказался от ссуды, но позднее возобновил свою просьбу (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 206, и т. 61, 1953, стр. 769, 774, 776, 778). 16/4 декабря 1848 г. он благодарил Герцена за присланные 25 000 руб.: «Я их получил, и все сделано по форме». Повидимому, этому предшествовала, а может быть, за этим последовала еще другая ссуда Огареву, увеличившая долг до 40 000 руб. Именно эту цифру, следуемую ему от Павлова и Сатина, назвал сам Герцен в «Акте завещания», составленном им в 1852 г. (VII, 122). А. А. Герцен в публикуемом письме называет несколько другую цифру — 120 000 фр., то есть около 35 000 руб. сер., добавляя, что по этой части капитала Сатины даже и процентов никогда не платили. В упомянутой выше книге Я. З. Черняка дважды — на стр. 81 и 127 — дается справка, что Герцен в конце 1848 г. одолжил Огареву на приобретение Тальской фабрики 45 000 руб. сер. Однако эта цифра не подтверждена у автора никакими документами.

Поведение Сатина, уклонявшегося от выплаты денег, следуемых Герцену, крайне возмущало последнего, тем более, что на сторону Сатина неожиданно стали Кетчер и другие московские друзья обоих. Сообщая М. К. Рейхель о пересылке ему Мельгуновым грубого письма Кетчера, которое привело его «в ярость», Герцен писал: «И отчего этот припадок? Дело чрезвычайно просто. Павлов и Сат⟨ин⟩ купили имение и взяли на себя долг. Стало, у меня с Огаревым нет денежного дела, а с Павловым и Сат⟨иным⟩. Павлов — игрок, Сатин — игрочок. Оба проигрывают, это мне говорил Сабуров» (VII, 181). Именно этим возмущением Герцена нужно объяснить, почему из всех долгов он внес в свое завещание только один долг Сатина. Сообщая Адольфу Рейхелю, которого он назначал единственным опекуном своих детей, о содержании завещания, Герцен добавлял: «Я поручаю вам только одно сложное дело — это получить долг от Сатина. Остальные долги мне безразличны. При жизни мне не платили, кой чорт захочет платить после моей смерти» («Лит. наследство», т. 61,1953, стр. 349. Подлинник по-французски). Герцена возмущала неряшливость Сатина в денежных делах, отсутствие прочного сознания своей ответственности за взятые на себя обязательства. Всегда крайне нетерпимый к подобным проявлениям барской моральной распущенности, Герцен, как мы увидим ниже, чрезвычайно резко высказывался и по поводу неаккуратности Сатина в отношении собственно огаревской части долга.

3

Историю долга Сатина Огареву А. А. Герцен начинает с момента отъезда последнего за границу и определяет размеры долга к этому моменту в 63 000 руб., что составляет около 220 000 фр. Точно та же цифра, со ссылкой на Сатиных, указана в письме А. И. Герцена Огареву от 31 марта — 2 апреля 1869 г.: «От Сат⟨иных⟩ письмо; в нем о твоих делах. Сат⟨и⟩на считает, что они тебе должны 63 000 руб., стало 220 000 фр.; могли же бы, стало, посылать almeno* 10 000, ну, наконец, 8» (XXI, 351—352). Отсюда

* по меньшей мере (итал.).

можно сделать вывод, что за 13 лет (1856—1869) сумма сатинского долга не изменилась, иначе говоря, что редкие и нерегулярные присылки денег Огареву шли в счет погашения процентов и не вели к уменьшению основной суммы долга.

Письма Герцена позволяют с точностью установить только пять случаев присылки Сатиным денег: 14 января 1866 г. он писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «Что пишет Сат⟨ин⟩? Деньги пришли превосходно, т. е. ко времени. Я не продал амер⟨иканскую⟩ бумажку и из 3200 отдал 500 Ог⟨ареву⟩ не в счет и 2500 заплатил долга» (XVIII, 314); 21 апреля того же года в письме к сыну, сообщая о денежных трудностях и необходимости экономии, он писал: «Счастье еще, что Сат⟨ин⟩ прислал Огар⟨еву⟩ 4000 фр. и обещал еще привезти» (XVIII, 371); 26 мая 1868 г. он пишет Огареву о размене денег Сатина —10 000 фр. (XX, 300); 17 марта 1869 г. в письме к нему же упоминает о присланных Сатиным 2550 фр. (XXI, 329); и, наконец, последнее—29 сентября 1869 г. извещает Огарева: «Сатин прислал 1540 фр., из них подобает Мишель* 400, остальные тебе и с примечанием Сат⟨ина⟩, что „еще пришлет“ (это во всяком письме, как твое обещание длинных посланий)» (XXI, 490).

Этим редким и единичным сообщениям о присылке Сатиными денег противостоят гораздо более частые и многочисленные упреки по их адресу за задержку денег. Раздражение Герцена особенно усиливалось потому, что до него доходили достоверные известия, что Сатин живет на широкую ногу, проигрывает крупные суммы. Наибольшей степени это раздражение достигло осенью 1867 г., когда Огарев особенно нуждался в средствах, а Сатины упорно отмалчивались, не отвечая на запросы, передаваемые им через Н. А. Огареву.

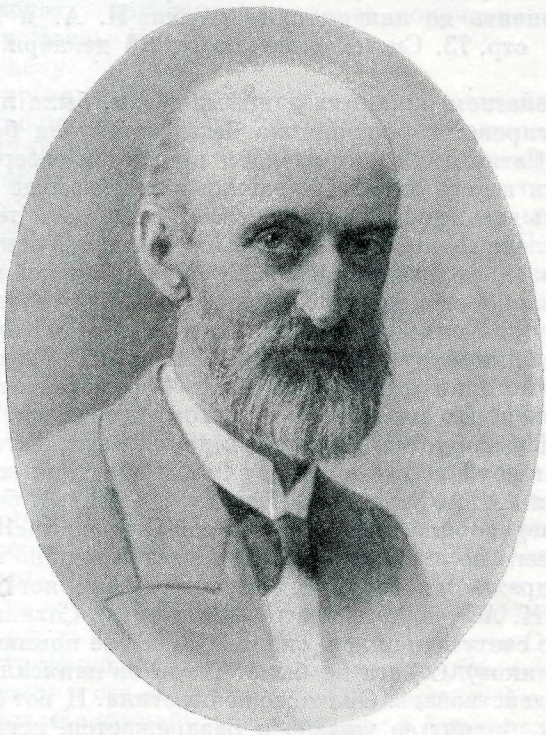
9 октября 1867 г. Герцен написал резкую записку «*Елене Алексеевне ⟨Сатиной⟩ или супругу ее*»: «Зачем ты оставляешь О⟨гарева⟩ совершенно без средств? Я пишу с его ведома и прошу тебя, как бы ни было трудно, выслать сейчас вексель в Ниццу. Я делаю все, что могу, но есть граница. О⟨гарев⟩ болен. Еще раз говорю тебе— я требую этой высылки, да и впредь нельзя его так оставлять или надобно сказать, что не можешь посылать» (XX, 22). Эту записку Герцен переправил М. К. Рейхель и просил переслать ее через Юлию Богдановну Шумахер к Сатину. В сопроводительном письме он писал: «Они оставляют Огарева в страшном положении, в то же время мы слышим от Лиона и других, что С⟨атин⟩ играет и пьет; я ужасно сержусь за это и прошу непременно доставить» (XX, 22). При записке Герцена сохранился лоскуток бумаги, на котором рукою Огарева написано: «16 октября. Признаюсь, что мне ужасно трудно. Не могу же я жить на антон⟨иевой⟩ пище, ни грабить человека, которому и без меня расходов много, и грабить его в то время, когда, по всей справедливости, я имею получить мне следуемое» («Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 198.— Опубликовано М. Гершензоном). Герцен позднее испытывал чувство неловкости из-за резкого тона записки от 9 октября, но вместе с тем не раскаивался в ее отсылке. 29 декабря 1867 г. он писал Огареву о Сатине: «Мне ужасно больно, что я его обидел запиской. Но, с другой стороны, всё же и Жемч⟨ужников⟩ говорит, что он проигрывал суммы, а поэтому стегнуть надобно было ⟨...⟩ А ведь денег-то и не посылают всё же. Я верю в его любовь, в его дружбу, но, Огарев, отчего же ни на одного русского положиться нельзя и отчего слово „долг“, „обязанность“ только тогда существует, когда есть возле палка?» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 409).

---

* Каролина *Мишель* (m-elle Michel) — француженка, бывшая гувернанткой в доме Тучковых. При ее отъезде из России во Францию ей не были выплачены следуемые по условию деньги; погашение этого долга лежало на обязанности Сатина.

Огарев, с его мягкой, уступчивой натурой, не обнаруживал в отношении Сатина необходимой по мнению Герцена твердости и настойчивости. И Герцен из письма в письмо повторяет: «У тебя что-то много русских ‹...›; пиши с каждым С‹атину› — десять, двадцать записок»; «...от Сатиных письмо, видно, что денег нет, он поехал что-то закладывать, — ergo пиши и пиши» (письма от 29 и 31 октября 1867 г. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 401—402).

К этому же времени (осень 1867 г.) относятся письма Огарева к Герцену, в которых он уже с явным недовольством пишет о Сатиных: «О С‹атине› говорят (ох!), что будто он пьет, а Ел‹ена› совершенно аристократка-



А. А. ГЕРЦЕН
Фотография 1905 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

помещица, но что именье в блестящем положении, и если я не удовлетворен, то вина их» (23 сентября 1867 г.; «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 474).

Тогда же, очевидно, состоялась и та новая договоренность между Герценом и Огаревым, о которой пишет в публикуемом письме А. А. Герцен и которая заключалась в том, что Огарев взамен получаемого им ежегодно содержания в 6000 фр. передавал Герцену все права на капитал, числившийся за Сатиным. Во всяком случае, излагая в письме к сыну от 26 декабря 1867 г. свое «нравственное завещание», Герцен включил в него и распоряжение о «сатинском долге» Огареву: «... Помни все мои инструкции и прошу тебя и Тату вперед знать, что если бы я умер, Лизе выделить четвертую часть. Если же Сат‹ин› уплатит весь ‹огаревский› долг, то и он должен быть разделен также на четыре, — так и Огареву я передал.

Мне не нужно говорить, что пока Огарев жив, ваша святая обязанность дополнять ему, чего Сатин не вышлет; меньше 6000 фр. он не может иметь в год» (XX, 123).

После смерти Герцена Огарев, болезненно переживавший свою материальную зависимость от детей Герцена, продолжал еще надеяться на получение денег от Сатина. Об этом, в частности, свидетельствует его полное отчаяния письмо к Сатину, относящееся к началу 1870 г.: «Одно прошу коленопреклоненно: высылай мне должные ренты или вышли пол или четверть капитала, и на этом покончим. Мне приходится содержать трех, четырех, иногда и пятерых человек. Я не об одном себе хлопочу. Умоляю тебя, устрой так, чтобы я был независим. Для меня теперь это главное, чтобы можно было жизнь кончить не нищенствуя» («Архив Н. А. и Н. П. Огаревых», М. — Л., 1930, стр. 73. См. еще письмо от 16 декабря 1870 г., там же стр. 83—84).

Мы не располагаем никакими данными о том, была ли удовлетворена эта просьба Огарева: вероятно, она была оставлена без внимания, тем более, что дела Сатиных к этому времени пришли в совершенное расстройство, а сам Сатин вскоре умер. Наследники же его вообще не были склонны признавать столь давние обязательства своего отца, да к тому же обязательства, не оформленные никаким законным денежным документом.

Из всего сказанного следует, что А. А. Герцен в своем письме к Н. Н. Сатиной достаточно объективно и обоснованно изложил суть дела, и это придает его письму значение достоверного документа, который должен быть учтен при создании будущей научной биографии Герцена и Огарева.

Финал всей истории «сатинского долга» в бумагах «пражской коллекции» не отразился. Но мы знаем из другого источника, что ответа А. А. Герцен от Н. Н. Сатиной не получил, и долг ее отца остался невыплаченным. Об этом пишет Е. С. Некрасова в своих неизданных «Путевых заметках» о посещении А. А. Герцена в Лозанне в 1893 г. В беседе с ней Н. А. Герцен (Тата) заговорила о Н. А. Тучковой-Огаревой: «Я против Натальи Алексеевны ничего не имею, но брат не может спокойно говорить о ней — он ужасно раздражается, сердится и очень ее обвиняет ⟨...⟩ После смерти папаши, когда Н. А. уехала в Россию, брат писал Сатиным об этом долге, который по его счету равнялся около 300 000 (не помню, что она сказала, рублей или франков). Ответа не было. Тогда он написал Н. А. Огаревой, просил ее посодействовать. Она тоже не ответила. И вот брат ей этого простить не может, бранит ее ужасно и раздражается, когда говорит о ней» (Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, фонд Е. С. Некрасовой; Некр. XI. 11/1).

Письмо А. А. Герцена печатается по его собственноручной копии, хранящейся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 325а).

Montalegne. Lausanne
3 октября 1882 г.

Любезная Наталья Николаевна,

Собираюсь написать вам длинное и подробное письмо о том деле, о котором князь Мещерский[1], по нашему поручению, разговоривал с вами. Из рассказа Мещерского я понял, что вы, в сущности, об этом деле ничего положительного не знаете, и решился составить для вас полную записку, чтобы вы раз навсегда знали, в чем дело. Ваше незнанье дела извиняет ваше странное требование доказательств и документов, как будто вы считаете нас людьми, способными на целый ряд бесчестных поступков и несправедливых требований. Как бы то ни было, в доказательствах и документах недостатка нет, и я вам не писал прежде только потому, что бумаги Огарева были у моей сестры Наташи, в то время как бумаги нашего отца

были у меня; теперь Наташа привезла их сюда и мы вместе все еще раз просмотрели; нашлось более *пятидесяти* писем (особенно Герцена, Огарева и Наталии Алексеевны), из которых я и составляю настоящую записку. Все это имеет только нравственное значение, ибо мы в России, вероятно, не имеем никаких юридических прав, так что все это дело не может быть судимо перед никаким судом, кроме суда совести, чести и взаимного доверья и уваженья; поэтому-то мы и продолжаем напоминать вам о вашем долге, не считая нравственно возможным с нашей стороны подарить вам его, а с вашей принять подобный подарок. Впрочем, если вы нам не верите и если даже свидетельство Мещерского вам кажется сомнительным, то я готов показать бумаги, на которых осную настоящую записку, *кому вам угодно*, даже любому адвокату, которому вы дадите поручение их разобрать. Всего лучше мужу Елены Николаевны[2].

Приступаю к делу.

При отъезде Огарева из России ваши родители должны были ему 63 000 руб., т. е. по тогдашнему курсу около 220 000 фр., и обещали посылать ему по крайней мере 12 000 фр. в год, а кроме того мало-помалу уплачивать и капитал. Вместо этого они с самого начала стали присылать только изредка незначительные суммы — от двух до трех тысяч франков; вследствие этого наш отец предложил Огареву выплачивать ему 10 000 фр. в год, для того, чтобы у него, с неправильными присылками ваших родителей, все-таки было, по крайней мере, 12 000 фр. годового дохода. Огарев принял, в надежде, что Сатины скоро станут посылать больше и правильнее; но так как это не сбылось, то в конце второго года наш отец стал давать Огареву только 8000 фр. в год, а Огарев обещал за это уступить ему весь сатинский долг; таким образом это и продолжалось от 1858 до 1868 г.; в продолжение этих десяти лет (не знаю именно когда) ваши родители раз прислали 6000 фр., а потом несколько лет совсем перестали посылать; их дела шли тогда так дурно, что они не могли присылать даже маленькой пенсии, назначенной M-elle Michel. Потеряв надежду получать от них хоть часть обещанных денег, Огарев и Герцен окончательно условились так: Герцен будет платить Огареву 6000 фр. в год, а Огарев уступает ему за это соответствующую часть капитала, по 5%, т. е. *120 000 фр.* или, по тогдашнему курсу, около *40 000 руб.* С тех пор и до смерти Огарева — так и было. Огарев часто жаловался, что ему 6 тысяч не довольно; но Герцен не хотел давать больше и все настаивал, чтобы Огарев и Наталья Алексеевна старались добиться чего-нибудь от Сатиных; в редких случаях, когда им это удавалось, то незначительные присылки ваших родителей шли не в уменьшение суммы, уплачиваемой нашим отцом за них, а в прибавку в пользу Огарева. Все это доказано самым положительным образом всей перепиской нашего отца, Огарева и Натальи Алексеевны, особенно же письмом последней, писанным, когда ее память была еще свежа, вскоре после кончины нашего отца, к знаменитому натуралисту профессору Карлу Фогту, который в своем качестве духовного приказчика Герцена хотел начать против вас юридические действия и собирал сведенья о вашем долге, о котором одна Наталья Алексеевна и могла их доставить. Впоследствии, когда она вообразила себе, что Огарев сделал духовное завещание в пользу англичанки Mary Sutherland, она снова писала Фогту об этом деле и выразилась так (в 1874 г.):

«Ayant appris que l'Anglaise a profité de l'affaiblissement des facultés d'Ogareff, et lui a fait signer un testament, — *l'honneur m'oblige* de vous prier de m'envoyer une lettre pour Mademoiselle Natalie Satine, tutrice de toute la famille... pour lui dire que du vivant de Herzen, Ogareff considérait sa fortune comme appartenant à Herzen, — à cause de la dette Satine, dont les intérêts auraient fait une somme trop forte, et de la pension qu'il recevait, de 8000 frs. durant la vie de Herzen, — au moins

80 000 frs. et cinq ans à 6000 frs.—30 000 frs... Il est impossible d'admettre qu'an lien de payer la famille Herzen, les Satine acceptent le testament d'un homme qui n'est plus en état de se souvenir de ses engagements antérieurs...»*

Вероятно, *тогда* Наталья Алексеевна писала и вам в том же смысле, и вы наверное найдете то же самое в ее тогдашних письмах.

Итак, до смерти нашего отца все ясно, и сомнений никаких нету. Вы до его смерти, *не говоря о капитале*, были нам должны:

1. Деньги, уплаченные им Огареву за Сатина в продолжение двух лет по 10 000 фр. (1856—1858)—20 000 фр.
2. В продолжение десяти лет по 8000 (1859—1868)—80 000 фр.
3. В продолжение двух лет по 6000 (1868—1870)—12 000 фр.

Всего... 112 000 фр.

Вторая фаза этого дела начинается с кончины нашего отца. Его законное завещание было от 1851 г., и в нем об *этом* деле не могло быть упомянуто; упомянуто в нем о *другом* деле, о котором прибавлю два слова в конце этой записки; другого законного завещания не нашлось, но мы по разговорам и по письмам, в которых он иногда выражал свои желанья, очень хорошо знали их и знали, что главные пункты были следующие: 1-е — чтобы мы разделили наследство поровну; 2-е — чтобы мы дали Лизе равную долю; 3-е — чтобы мы продолжали выдавать Огареву 6000 фр. в год, до его смерти, имея в виду, что когда дела Сатиных поправятся, они нам выдадут капитал и проценты, никогда ими не уплоченные. Мы все это точно исполнили, как доказывают все документы по разделу наследства, вся деловая переписка и счетные книги. После официального раздела, по законному завещанью, по которому мне приходилась половина наследства, Наташе и Ольге — каждой четверть (о Лизе, разумеется, не было речи), мы, вступив в полное владение своими уделами, сделали между собой раздел, соответствующий *нравственному* завещанию отца: наследство было разделено на четыре равных части, одну из которых получила Лиза, каждый из нас обязался платить Огареву по *1500 фр.* в год, т. е. все вместе *6000 фр.* Эта рента посылалась ему без малейшей остановки до его смерти, ежемесячными чеками по *500 фр.*, что опять-таки доказано всей нашей перепиской с Огаревым и, кроме того, счетами профессора Шиффа, заведовавшего состоянием Наташи и Лизы, счетами мужа Ольги, профессора Моно, и наконец, печальной необходимостью, в которой я решился в 1874 г. прекратить свое участие в ренте Огарева. Семья моя росла, у меня тогда было уже шесть человек детей, и я был так жестоко обманут в покупке именья, что эта покупка меня почти совсем разорила; словом, я не мог больше посылать своей доли Огареву и написал об этом сестрам. Наталья Алексеевна, зная, как Огарев жил бедно, и подозревая, что англичанка откладывает часть денег для себя, предложила, чтобы Наташа, Ольга и Лиза посылали ему попрежнему по 1500 фр., не добавляя моей доли, и Огареву было написано, что он станет получать меньше[3]; он, бедняжка, не понял и огорчился; а англичанка Mary взбесилась и сумела возбудить его против нас; тогда-то именно Наталья Алексеевна и написала вышеупомянутое письмо к профессору Фогту. Профессор Шифф написал Огареву

* «Я узнала, что англичанка воспользовалась ослаблением умственных способностей Огарева и заставила его подписать завещание. *Честь обязывает меня* просить вас прислать мне письмо для госпожи Натальи Сатинсй, опекунши всей семьи <...>, чтобы сказать ей, что при жизни Герцена Огарев рассматривал свое состояние как принадлежащее Герцену — вследствие долга Сатина, проценты по которому должны были составить очень большую сумму, и вследствие пенсии в 8000 фр., которую он получал при жизни Герцена, что составило по меньшей мере 80 000 фр., и в течение пяти лет по 6000 фр.—30 000 фр. Невозможно допустить, чтобы Сатины, вместо того, чтобы заплатить семье Герцена, признали бы завещание человека, который не в состоянии больше помнить свои предшествующие обязательства...».

объяснительное письмо, и вы из следующего отрывка увидите, как мы и друзья наши относились к этому делу: «Chargé du partage de l'héritage Herzen, je crus agir dans le sens de Herzen en faisant considérer votre rente *mensuelle* de 500 fr. comme un legs de Herzen»* и объясняет ему, что ежели он этот раз получил 400 фр. вместо 500, то в этом не виноваты мои сестры, а я один и т. д. ⟨...⟩

И я с своей стороны написал Огареву объяснительное письмо, которое посылаю вам, чтоб вы видели, до какой степени мы с вами поступали деликатно, давая Огареву думать, что он получает деньги не от нас, а от вас! Прошу вас письмо это *немедленно* отослать мне назад, вместе с вашим ответом, в страховом письме.

Видя, что Огареву будет очень жутко жить с 4500 фр. годового дохода, мои сестры, Наташа, Ольга и Лиза, решились посылать ему по 2000 фр. каждая, так что он все-таки продолжал получать 6000 фр. После смерти Лизы, мы ее наследство, которого Наталья Алексеевна ни за что не хотела принять, опять разделили поровну между собою, и Наташа, зная мои условья, взяла на себя посылать Огареву 4000 в год, в то время как Ольга посылала 2000. Итак, Огарев до смерти получал ежегодно 6000 фр.; стало, кроме прежней суммы вы нам должны еще:

За семь лет (1870—1877) по 6000 в год	42 000,
что с прежней суммой	112 000
составляет всего	154 000 фр.

Наконец, третья фаза этого дела начинается с кончины Николая Платоновича. Духовного завещанья, которого боялась Наталья Алексеевна, не существует; он оставил только записку, в которой говорит, что *оставляет все детям* (что для него значило детям Герцена и Наталье Алексеевне, ибо он считал свое состояние уже принадлежавшим нам, как ясно выходит из письма Натальи Алексеевны к Фогту) и выражает желание, чтобы Мару не была в бедности и получала бы хоть 2000 фр. в год. Мы и это исполнили, и она до сих пор получает эту ренту и будет получать до конца. Но оставим это в стороне; мы сочли своим долгом исполнить это *нравственное завещание* Огарева; если вы на это смотрите иначе, так не станем больше говорить об этом, несмотря на то, что вы одни пользуетесь его наследством.

Теперь два слова о «другом деле», упомянутом в законном завещании нашего отца. Он до своего отъезда за границу, около 1846 г., дал Николаю Платоновичу взаймы 120 000 фр., которыми Огарев выкупил отчасти заложенное имение, то самое, которое он передал потом вашим родителям. Вместе с имением на последних перешел и долг, так что они и без наших платежей за них Николаю Платоновичу *уже во время его отъезда из России*, были нам должны эту часть капитала, за которую они даже и процентов никогда не платили.

Вот в чем состоит «сатинский долг», о котором идет речь в законном завещании нашего отца и по поводу которого духовные приказчики имели право начать против вас юридическое следствие. После отъезда Огарева из России к этому прибавилось, как я вам уже объяснил, еще *120 000* фр. капитала, уступленных Огаревым за годовую пенсию 6-ти тысяч, и таким образом *весь* ваш огаревский долг сделался *нашим*; вот почему Наталья Алексеевна и могла писать Фогту, что Николай Платонович уже давно смотрел на все свое состояние как принадлежащее нам.

Из всего этого выходит, что, кроме денег, выплаченных Герценами за Сатиных в продолжение последних 25 лет, вы нам должны еще

---

* «Осуществляя надзор за разделом наследства Герцена, я предполагал действовать в духе Герцена, рассматривая вашу ренту в 500 фр. ежемесячно как завещательное распоряжение Герцена».

значительную сумму *капитала*. Вы, не кривя совестью, от этого долга отказаться не можете.

Ежели ваши дела не позволяют вам теперь уплатить всего, скажите это просто и откровенно; ведь мы от вас ожидаем прежде всего честного образа действий; напишите же по совести, на что вы решаетесь, предложите сделку, которая бы, с одной стороны, вас не разорила да и не обесчестила, а с другой стороны, и нас удовлетворила бы. Мы все от души желаем дружеской сделки и надеемся, что она скоро сбудется.

Обдумайте все это очень серьезно; ожидаю с нетерпением вашего ответа; желаю, чтобы ваш ответ был подписан *вами всеми*, представителями семьи и совести Сатиных.

Дружески кланяюсь вам и вашим

А. А. Герцен

Адресуйте письма: A Mr le Docteur Resordon. № 3, Rue des Terreaux. Lausanne. Suisse.

P. S. На мое вложенное письмо Огарев мне отвечал: «Да, друг мой Саша, мне слишком очевидно, что без вашей помощи я давно бы пропал!..

Да скажи мне, кто же это так устроил, что я из России ничего не получаю?

Я свое имение не промотал, *а оставил сестре Натальи Алексеевны именье, которое приносит 36 или 40 тысяч фр. дохода*, — *оставил* его для того чтобы с Натальей Алексеевной уехать в Лондон...».

В других письмах он говорит, что «не может отказаться от своего полного права на свою собственность» и ищет возобновить сношенья с Россией, — «где найдутся люди, которые сильно примутся работать в его пользу» и т. п. Я думаю, что людей, знающих все это дело, и теперь в России нашлось бы немало; вы легко могли бы справиться, и я могу, коли вы желаете; всего проще, на первый случай, порядком разобрать бумагу, в силу которой огаревское имение перешло в руки ваших родителей.

На днях у нас был старый интимный приятель нашего отца и Огарева и рассказывал, что Огарев, читая при нем мое письмо, заплакал и сказал: «И подумать, что я Сатиным оставил миллионное состояние и что они мне ни копейки не присылают!».

А. А. Герцен

№3. Прошу вас не терять этой записки. Я у себя оставляю три копии: одну для себя и одну для каждой из моих сестер.

[1] Александр ~~Николаевич~~ Александрович *Мещерский* жил в Швейцарии и был близко знаком с Герценом и его семьей. Во время своих поездок в Россию он выполнял и другие поручения детей Герцена: посещал в Москве Т. А. Астракову, Е. И. Герцена. Об этом свидетельствует письмо Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой от 7 декабря 1886 г., находящееся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г.—О. IX. 23, № 10). Рассказ Мещерского о посещении им Сатиных передает с его слов Е. С. Некрасова в названных выше воспоминаниях.

[2] *Елена Николаевна* — Е. Н. Сатина, младшая сестра адресатки.

[3] Н. А. Герцен настойчиво уверяла Огарева, что к сокращению его пенсии Н.А.Тучкова-Огарева отношения не имела. В связи с прямым указанием А.А.Герцена на то, что предложение исходило именно от нее, приходится признать, что Н. А. Герцен сознательно скрывала от Огарева истинное положение вещей и старалась приглушить подозрения, возникшие у Огарева, не желая еще большего обострения отношений между ним и его бывшей женой (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 195; письмо от 2 февраля 1874 г.).

ОБЗОРЫ И ОПИСАНИЯ

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА В «ПРАЖСКОЙ» И «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЯХ

ОПИСАНИЕ

Составили Л. Р. Ланский и В. А. Путинцев

Рукописи Герцена, находящиеся в составе «пражской» и «софийской» коллекций Герцена—Огарева, представляют значительный исследовательский интерес. Подавляющее большинство из них не было доступно Лемке при подготовке им «Полного собрания сочинений и писем» писателя и теперь впервые становится предметом научного изучения. Материалы коллекций позволяют устранить ряд серьезных искажений текста, допускавшихся ранее при подготовке к печати отдельных сочинений Герцена.

Одной из наиболее ценных частей коллекций является собрание рукописей «Былого и дум». Как известно, рукописный фонд знаменитых мемуаров, которым мы до сих пор располагали, был крайне невелик. В основе его лежали разрозненные отрывки глав — преимущественно последних частей «Былого и дум»—в собрании рукописей Гос.библиотеки СССР имени В. И. Ленина (см. «Описание рукописей А. И. Герцена». М., 1950, стр. 7—15). Автографы и списки мемуаров из «пражской» и «софийской» коллекций существенно пополняют имевшиеся в распоряжении исследователей рукописные материалы «Былого и дум», а в отдельных случаях служат прямым дополнением к ним.

Вновь обнаруженные рукописи «Былого и дум», несмотря на их отрывочный характер, позволяют установить те изменения, которым подвергались первоначальные редакции отдельных глав мемуаров при подготовке их Герценом к печати. В большинстве случаев, при наличии позднейшего, опубликованного при жизни Герцена текста, рукописи не могут рассматриваться как окончательная редакция, однако для характеристики творческого процесса создания мемуаров их значение неоспоримо.

Значительную группу рукописей Герцена, обнаруженных среди материалов «пражской коллекции», составляют автографы статей и заметок, публиковавшихся в «Колоколе» и в «Русском прибавлении» к «Kolokol».

Исключительную ценность представляют также автографы крупнейших произведений Герцена последнего периода его жизни — писем «К старому товарищу», а также повести «Доктор, умирающий и мертвые», опубликованной после смерти писателя с большими искажениями.

Богато представлены в обеих коллекциях французские рукописи Герцена — как оригинальные его сочинения на французском языке, так и авторские переводы. Большинство этих рукописей относится к 1868 г., т. е. ко времени издания газеты «Kolokol», в значительной мере заполнявшейся сочинениями самого Герцена, написанными по-французски.

Сохранившиеся рукописи дают возможность установить несомненное авторство Герцена для двух неподписанных заметок, опубликованных в «Kolokol» анонимно и не включенных в собрание сочинений. Это

«Les dames russes» («Русские дамы») и «Mesquinerie» («Мелочность»). Эти две заметки перепечатываются полностью в нашем описании во французском оригинале и в переводе (№№ 30 и 52). Отметим также, что заметка «La locomotion en Russie», включенная в статью Герцена «Le Shédo-Ferroty panslaviste et les horreurs russes» (XXI, 130), как устанавливается рукописью, принадлежит перу не Герцена, а Огарева (см. ниже примеч. к № 44).

Не были ранее известны и другие оригинальные французские сочинения Герцена, обнаруженные в коллекциях: «Première lettre» (напечатано в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 99—107), «Passons à la panhumanité» и «Cher pancitoyen» (там же, стр. 92 — 94); «Assassinat d'un mineur» («Убийство несовершеннолетнего»), «En 1864 j'étais dans une ville...», «Россия — бранная царица» (печатаются ниже полностью — №№ 26, 33 и 42) и, наконец, предисловие к роману Д. В. Григоровича «Рыбаки» («Sur le roman rural en Russie») — № 45, написанное Герценом на французском языке, но опубликованное в немецком переводе М. Мейзенбуг (этот французский автограф также остался неизвестным Лемке).

Переводя свои русские произведения на французский язык, Герцен не следовал с педантической точностью за русским оригиналом, а зачастую вносил многочисленные изменения и добавления. Это придает большое значение французским рукописям Герцена, вводимым теперь в научный оборот. Сохранившиеся авторские переводы Герцена (отдельные главы и страницы «Былого и дум», «Писем из Франции и Италии», «С того берега») представляют обильный материал для лингвистических наблюдений и изучения творческих приемов Герцена-переводчика.

На многих из рукописей, сохранившихся в «пражской» и «софийской» коллекциях, имеются пометы и надписи Герцена, а также записи, адресованные Огареву и Л. Чернецкому и непосредственно связанные с изданием сочинений Герцена. Все эти записи и пометы Герцена, Огарева и других лиц полностью воспроизводятся ниже*.

Настоящее описание содержит полный перечень творческих рукописей Герцена на русском и французском языках (в алфавитном порядке), сохранившихся в «пражской» и «софийской» коллекциях. В начале описания каждой рукописи приводится ее название, начальные и конечные строки; затем определяется характер рукописи (автограф, автограф с исправлениями) и указывается дата, если она не была приведена в цитировавшихся строках. Далее указывается количество листов и страниц и приводятся все пометы и записи Герцена и других лиц. В описание введены также сведения о месте и времени первой публикации и ссылки на соответствующие тома «Полного собрания сочинений и писем» Герцена под редакцией М. К. Лемке.

Учитывая, что входящие в описание рукописи Герцена публикуются в очередных томах тридцатитомного научного Собрания сочинений Герцена, издаваемого Академией наук СССР, и многие из них уже появились на страницах «Литературного наследства», черновые варианты рукописей нами не воспроизводятся и не аннотируются.

Не введены в обзор и письма Герцена, а также копии.

Сохранившиеся в коллекциях отдельные страницы «Полярной звезды» (с публикацией «Былого и дум») и «La Revue Française» (с публикацией перевода «Доктора Крупова»), на которых имеется авторская правка Герцена, описаны в обзоре «Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена» (см. наст. том, стр. 793—830) и в эту работу не включены.

Описание *русских* рукописей выполнено В. А. Путинцевым. Описание *французских* рукописей — Л. Р. Ланским.

* Отметим, что в «софийской коллекции» хранится начало французской рукописи М. Мейзенбуг «Mémoires d'une idéaliste» с надписью Герцена на первом листе: *Чернецкому. Отдайте Давиду и с помощью архангельской начинайте. 17 июня.*

РУКОПИСИ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

I. РУКОПИСИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. БЫЛОЕ И ДУМЫ

а) «Братьям на Руси»

«Былое и думы (Братьям на Руси).— Под сими строками покоится // где стоит гроб незнакомого даже им покойника. А. Герцен. 2 ноября 1852. Лондон, 2 Barrow Hill Place, Primrose Road».

Автограф с исправлениями.
2 лл., 3 стр.— На л. 2 — приписка Герцена от 15 ноября 1852 г., адресованная М. К. Рейхель (Лемке, VII, 160).
Лемке, VII, 154—156 (по рукописи). Факсимиле первой и последней страниц рукописи см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 373.
Ед. хр. 247, лл. 53—54.

б) ⟨Часть I, гл. I⟩

«Всё несчастие борьбы, на которую он потратил так много себя // одичал в своей физической и моральной борьбе».

Автограф. ⟨1853 г.⟩
1 л., 1 стр.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 118. Ед. хр. 20, л. 56.

в) ⟨Часть V, гл. XXXIX⟩

«или изменить, мы сейчас сделаем // но великодушно щадя побитого противника. А. Г⟨ерцен⟩».

Автограф. ⟨1857 г.⟩
2 лл., 4 стр. — Авторская пагинация: *13—16*.
«Полярная звезда на 1858 год», стр. 222—223; Лемке, XIII, 404—405 (по тексту «Былого и дум», т. IV, Женева, 1867).— Текст, опущенный в «Полярной звезде», впервые опубликован в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 119 («Очень рад... но,— сказал он...»).
Ед. хр. 20, лл. 47—48 об.

г) ⟨Часть V, гл. «Осеано пох»⟩

«I. Летом [Пролог (1851)].— Ночью с 7 на 8 июля — часу во втором // и я старался разогнать набежавшие тучи ⟨...⟩ было больно и тяжело...]».

Автограф с исправлениями. ⟨Середина 1850-х годов.⟩
7 лл., 8 стр. — Авторская пагинация: *8*. На л. 1 помета Герцена: *Заглавие на послед⟨нюю⟩ страницу*.
«Былое и думы», т. IV, Женева,1867; Лемке, XIII,531—535 (по тексту женевского издания).
Ед. хр. 17, лл. 3—9.

д) ⟨Часть V, гл. «Осеано пох»⟩

«... Святое время примиренья // и снова разбил все надежды».

Автограф с исправлениями. ⟨Середина 1850-х годов⟩.
2 лл.,2 стр.—Авторская пагинация: *8—9*. Продолжение рукописи № 1*г*. На л. 1 помета Герцена: *Большая alinêa* *.
«Былое и думы», т. IV, Женева, 1867; Лемке, XIII, 535 (по тексту женевского издания).
Ед. хр. 18, лл. 23—24.

---

* абзац (франц.).

е) 〈«Русские тени», гл. «Энгельсоны»〉

«наш малютка должен умереть без медицинской помощи?..// Этот *романтизм* [*внешней*] *чистоты* не идет».

Автограф с исправлениями. 〈1858—1865 гг.〉
1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *48*.
Продолжение рукописи с отрывками из главы «Энгельсоны», хранящейся в ЛБ (Г.—О. I. 6, авторская пагинация листов — *30—47*). Лл. 50—61 той же рукописи с окончанием главы обнаружены в составе «софийской коллекции» (см. № 47*а*).
«Былое и думы», т. IV, Женева, 1867; Лемке, XIII, 617—618 (по тексту женевского издания).

Ед. хр. 20, л. 42.

ж) 〈Часть VI, гл. «Лондонская вольница пятидесятых годов»〉

«[Года полтора тому назад] Печально уродливы, печально смешны некоторые из образов // полагающий независимость [страны] в [низложении] ненависти к католицизму, [как] [переход к обыкновенному]».

Автограф с исправлениями. 〈1856—1857 и 1868 гг.〉
2 лл., 3 стр.—Авторская пагинация: *33—34*.
На л. 1 надпись Герцена: *Писано в 1856—57* г. На обороте л. 1 рукой Л. Чернецкого: «В французский „Колокол“ недостает только 7 колонн, т. е. $3^1/_2$ стр. Кроме 1 стр. объявлений, завтра все пришлю».
Автограф относится к хранящейся в ЛБ тетради с отрывками рукописей VI части «Былого и дум» (Г.— О. I. 18). См. также автограф «софийской коллекции» — № 47*б*.
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 323—325 (по тексту «Полярной звезды»).

Ед. хр. 20, лл. 14—15 об.

з) 〈Часть VI, гл. «Лондонская вольница пятидесятых годов»〉

«Лет пять тому назад, молодой человек, довольно* чисто одетый и с сентиментальной наружностью // „Вы можете понять,— говорил он, — чего мне стоит этот“».

Автограф с исправлениями. 〈1856—1857 гг.〉
6 лл., 11 стр.—Авторская пагинация: *51—54, 57—61, 65—66*.
Автограф относится к хранящейся в ЛБ тетради с отрывками рукописей VI части «Былого и дум» (Г.—О. I. 18). Отсутствующие в настоящей рукописи страницы 62—64 находятся в «софийской коллекции» (см. № 47*в*).
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 336—344 (по тексту «Полярной звезды»).

Ед. хр. 16, лл. 1—6 об.

и) 〈Часть VIII, гл. «Без связи. 5. С того и с этого света. II. С этого. 1. Живые цветы.— Последняя могиканка»〉

«Неужели вы не простудились тогда? // Конечно, и тут можно вспомнить желчевого [старика графа] Ростопчина».

Автограф с исправлениями. 〈1867 г.〉
11 лл., 17 стр.—Авторская пагинация: *43—51*.

---

* Первые семь слов написаны рукой Огарева, карандашом (слова эти, вероятно, перенесены Огаревым с предыдущей, не сохранившейся страницы).—*Ред.*

Начало и конец рукописи — в «софийской коллекции» (см. № 47 *г—д*).
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 712—719 (по тексту «Полярной звезды»).

Ед. хр. 20, лл. 16—25 и 35.

к) ⟨Часть VIII, гл. «Venezia la bella»⟩

«чтобы показать, что они дуются на Гарибальди // после лондонского свиданья в 1864. Но он был».

Автограф. ⟨1867 г.⟩
1 л., 1 стр.
Автограф является нижней половиной л. 5 автографа, хранящегося в «софийской коллекции» (см. № 47*е*).
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 726 (по тексту «Полярной звезды»).

Ед. хр. 16, л. 7.

л) ⟨Часть VIII, гл. «La belle France. II. Intra muros»⟩

«II. Intra muros.— «Maame Erstin!»— кричал мрачный с огромными усами жандарм // и [одна небольшая вершина освещена] революция делалась не для крестьян [От всего ли ⟨...⟩ в Париже.— Ис⟨кандер⟩] (Женева, 1865)».

Автограф с исправлениями.
7 лл., 14 стр.— Авторская пагинация: *109—120* и *125*.— Недостает 4 страниц.
На л. 36 знак вставки и помета Герцена: №. На обороте л. 26: *В печать*.
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 743—750 (по тексту «Полярной звезды»).
Рукопись первого раздела главы («Ante portas») см. в «софийской коллекции» (№ 47*ж*).

Ед. хр. 20, лл. 36—41 об. и 26.

м) ⟨Часть VIII, гл. «La belle France. III. Alpendrücken»⟩

[Без связи. IV. II. La belle France. Ah que j'ai douce souvenance De ce beau pays de France. Marie Stuart. (Ницца, 1867, осень)]. III. Alpendrücken.— Да здравствует свет! Да здравствует разум! // имеет свое сердце, свой мозг, называемый *Париж* [она не будет ⟨...⟩ Зародыш всегда начинается с головы]».

Автограф с исправлениями. ⟨1867 г.⟩
7 л., 10 стр.
Продолжение рукописи — в «софийской коллекции» (см. № 47*з*).
На л. 28 помета Герцена: *Вторая часть*.
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 750—753 (по тексту «Полярной звезды»).

Ед. хр. 20, лл. 28—34.

2. В. И. КЕЛЬСИЕВ

«В. И. Кельсиев.— Одно из замечательных событий прошлого года // за последнее идут на каторгу — а за первое доползают до попечительства... до министерского товарищества sogar. И—р».

Автограф с исправлениями. ⟨1867 г.⟩
1 л., 2 стр.
На л. 1 надпись Герцена, адресованная Огареву: *Отдай безбоязненно набирать.— Предисл⟨овие⟩ к «Колоколу» готово. Пришли.*
«Русское прибавление» к «Kolokol», № 1 от 1 января 1868 г.; Лемке, XX, 112—113 (по тексту «Русского прибавления» к «Kolokol»).

Ед. хр. 9, л. 1—1 об. (перед заметкой «От редакции» — № 17).

3. ‹«В ПРИЛОЖЕНИЯХ — БРОШЮРЫ И СТАТЬИ...»›

«В* приложениях — брошюры и статьи

	1) Письмо к Мишле
	2) Письма к Линтону
*Воспоминания из	3) La France ou l'Angleterre
англ‹ийской› жизни. „Искра".	4) Объявление и пр. в Десятилетии
	тип‹ографии› 1863
	5) Предисл‹овия› к Екатерине II
Из Англии в „СПб. вед."	к Рыбакам
	6) Пред‹исловие› к Лопухину
О Renaissance Мишле	7) Письмо Риберолю Кине
Charlotte Corday	8) Огар. восп. о Лахтине
	Кавказ‹ские воды›

Nouv. biographie générale. F. Didot (red. Dr Noeftzer), t. XVIII.
Москва и Петербург—„Колокол"
Новгород Великий и Владимир на Клязьме.

Beau masque	„Пол. зв." I—212
	1 ‹2 *нрзб.*›
	2 Дашкова
	3 Гари‹бальди?›
	4 ‹1 *нрзб.*›».

Автограф. ‹1860-е годы.›
1 л., 1 стр.
На обороте пометы Герцена: *Екатерина. Екатерина. Екатерина.*
Публикуется полностью.

Ед. хр. 20, л. 49—49 об.

4. ‹«В 75 ЛИСТЕ „МОСКВЫ" НАПЕЧАТАНО...»›

«В 75 листе „Москвы" напечатано // Мы страстно желаем возвратиться в Россию... но уж, конечно, не по милости Шувалова [и], не по ходатайству Валуева и не по благословению Толстого».

Автограф с исправлениями. ‹1867 г.›
1 л., 1 стр.
На л. 1 помета Герцена: *В смесь.*
«Колокол», «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г.; Лемке, XIX, 414 (по тексту «Колокола»).

Ед. хр. 20, л. 130.

5. ДАНИИЛ-ТЬЕР

«Д а н и и л - Т ь е р. — Двадцать один год тому назад // для того, чтобы уцелела хоть часть из того, что не должно погибнуть, но *погибнуть может*».

Автограф с исправлениями. ‹1869 г.›
5 лл., 9 стр.
На л. 1 помета Герцена: *Женева, 1 июня 1869 г.* На обороте л. 3 перечеркнутое начало чернового письма Герцена к А. Лакруа (XXI, 485).
«Сборник посмертных статей Ал. Ив. Герцена», Женева, 1870; Лемке, XXI, 375—377 (по тексту женевского сборника).
К рукописи приложена французская вырезка со словами Тьера, приведенными Герценом в тексте статьи; в «Сборнике посмертных статей Ал. Ив. Герцена» вырезка ошибочно напечатана как самостоятельный текст.

Ед. хр. 14, лл. 1—5 об.

---

* Знак * в рукописи. — *Ред.*

6. ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЕЦ

«II. Двоюродный братец.— Что вы за чушь несете? // Пришлось больше [зачерпнуть] помянуть задов, чем хотелось».

Автограф с исправлениями. <1861 г.>
1 л., 2 стр.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 122.— В публикации частично воспроизведены зачеркнутые места; на стр. 121—факсимиле первого листа рукописи.
Ед. хр. 20, л. 5—5 об.

7. ДОКТОР, УМИРАЮЩИЙ И МЕРТВЫЕ

«Доктор [и], умирающий и мертвые. Ницца, март 1869. 1. Доктор.— Ну, что нового // Явились новые силы и люди».

Автограф с исправлениями.
101 л., 109 стр.— Авторская пагинация: *1—99*.
«Сборник посмертных статей Ал. Ив. Герцена», Женева, 1870; Лемке, XXI, 453—485 (по тексту сборника, с многочисленными пропусками и искажениями).
Ед. хр. 12, лл. 1—101.

8. <«ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ!..» (ПРОЕКТ РЕЧИ НА ОБЕДЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.)>

«Друзья и товарищи! Сегодня мы оставили наш станок // Тост за государя».

Автограф с исправлениями. <Апрель 1861 г.>
4 лл., 7 стр.
На л. 1 об. зачеркнутый вариант начала, на л. 4 — вариант конца речи, подписанный *И—р*. На обороте л. 3 цифровые выкладки рукой Герцена; на обороте л. 4 — начатое Герценом письмо: *27 mars. Orsett house Westbourne terrace. W.—Cher Diosy.*
Основной вариант публикуется в настоящем томе, стр. 66—68.
Ед. хр. 2, лл. 1—4 об.

9. ЖАЛЬ

«Жаль.— Да, ужасно жаль, что // революционные [прокламации] воззвания к грекам и галичанам. И—р. 6 апреля. Ницца».

Автограф с исправлениями. <1867 г.>
2 лл., 4 стр.— Авторская пагинация: *1—4*.
На л. 1 пометы Герцена: <1> (*Можно пустить 1-й статьей*) <2> *Прошу непременно корректуру*. На л. 3: *К статье «Жаль»*.
«Колокол», л. 239 от 15 апреля 1867 г.; Лемке, XIX, 265—268 (по тексту «Колокола»).
Ед. хр. 3, лл. 1—2 (перед заметкой «Русский» — № 21).

10. <CAMICIA ROSSA>

«Запрещение митинга на Примроз-Гилле // что если министр может ее представить, то все пойдет как по маслу».

Автограф с исправлениями. <1864 г.>
10 лл., 15 стр.— Авторская пагинация: *69—79*.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 130—132.— В публикации частично воспроизведены зачеркнутые места.
Ед. хр. 20, лл. 50—55, 57—60.

11. <«„КОЛОКОЛ“ с 1-го ЯНВАРЯ 1868...»>

«„Колокол“ с 1-го января 1868 будет выходить на французском языке // перед судьями старого мира. 1 декабря 1867. Ницца. Искандер».

Автограф Герцена и Н. А. Герцен, с исправлениями Герцена.
4 лл. 7 стр.—Авторская пагинация: *1—7*.

На обороте последнего листа рукой Герцена: *NB. Если найдете лучшим франц⟨узское⟩ объявление—напечатать не в начале,а в конце листа франц⟨узского⟩ №, то* то тоже можно. *№ должен быть разослан к 1 д е к а б р я, а потому возьмите все меры.*

«Русское прибавление» к «Kolokol», № 1 от 1января 1868 г.; Лемке, XX, 104—108 (по тексту «Русского прибавления» к «Kolokol»).

Ед. хр. 6, лл. 1—4.

12. К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ

а) ⟨Письма первое — четвертое⟩

«К с т а р о м у т о в а р и щ у.— П и с ь м о п е р в о е.— Одни мотивы, как бы они ни были достаточны // повторяя: „Все это истреблено во время революции“. И с к а н д е р. Bruxelles, Июль, 1869».

Автограф с исправлениями.

35 лл., 51 стр.

К л. 20 подклеена вырезка из рукописи Огарева (ответ на письмо Герцена к Бакунину). На л. 35 об. внизу нарисован пером портрет мужчины в шляпе с усами и бородой (автопортрет Герцена?) и план квартиры.

«Сборник посмертных статей Ал. Ив. Герцена», Женева, 1870; Лемке, XX, 433—449 (по тексту сборника, с пропусками и искажениями). Вновь опубликовано по рукописи «пражской коллекции» в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 159—180; на вклейке между стр. 158 и 159 — факсимиле первого и последнего листов первого письма; в публикации воспроизведены зачеркнутые места.

Ед. хр. 13, лл. 1—35 об.

б) Письмо четвертое

«П и с ь м о ч е т в е р т о е.—В своем озлоблении против существующего // они объявляют войну против науки, личности и семьи».

Автограф. ⟨1869 г.⟩

1 л., 2 стр.

На обороте цифровые выкладки рукой Герцена.

«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 187.

Автограф является отрывком из первоначальной редакции четвертого письма из цикла Герцена «К старому товарищу». (См. № 12*а*).

Ед. хр. 20, л. 46—46 об.

в) ⟨«т. е. возводя в неизменный закон...»⟩*

«т. е. возводя в неизменный закон исторический факт и представляя присущим злом общественной жизни — последствия [исторического], бессознательного развития и исторического хода ощупью.

Ими сбивается с толку большая среда — не народа, а образованной толпы, которая останавливается на ложном понимании — и невольно становится на сторону противников действительно неизменному грядущему».

Автограф с исправлениями. ⟨1869 г.⟩

1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *10.*

На обороте зачеркнутая запись Герцена: ⟨стр.⟩ *7. Навязать народу силой — иное воззрение — нельзя — он может и уступит, замолчит, притворится — но внутри останется при своем воззрении* [*непримиримым врагом*] *при непримиримой вражде к о с в о б о д и т е л ю.*

Публикуется полностью.

Ед. хр. 14, л. 6—6 об.

13. МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ

«М е ж д у с т а р и ч к а м и.— Одни мотивы, как бы они ни были достаточны // сказал мне: „Ну, просто, подпишите здесь“».

* Публикуемый здесь неизданный фрагмент написан на той же бумаге и теми же чернилами, что и предыдущая рукопись, и, по всей вероятности, должен был войти в состав одного из писем «К старому товарищу». —*Ред.*

Эпиграф и исправления — рукою Герцена, текст — рукою Н. А. Герцен (дочери). ⟨1869 г.⟩

1 л., 2 стр.— Авторская пагинация: *1—2*.

«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 184—186; на стр. 185—факсимиле первого листа рукописи.

Ед. хр. 20, л. 44—44 об.

14. НАШЕ ПРАВОСУДИЕ

«Н а ш е п р а в о с у д и е.— Все обвиненные по делу ⟨...⟩ Виктор Лаврский (ар⟨естован⟩ в начале июня // В декабре месяце расстрелян в Варшаве казак ⟨...⟩ для Бел⟨ь⟩гии и „Норда“ довольно».

Автограф Герцена и неустановленного лица. ⟨1867 г.⟩ — Заглавие надписано Герценом.

2 л., 3 стр.— Авторская пагинация: *3—4*.

На обороте л. 4 надпись Герцена:

В «Колокол» Огареву

Припиши заглавие и обругай Сенат за увеличение наказания. Кн. Долг⟨оруков⟩ пишет, чтоб напечатать в «Кол⟨околе⟩» о приезде и спасении Щербакова — как вы прикажете. Я ничего не имею против.

На л. 3 пометы Герцена:

⟨1⟩ *В «Колокол»*. ⟨2⟩ *Огареву*. ⟨3⟩ *№. Продол⟨жение⟩ к «Наше правосудие»*.

К рукописи приложена более полная копия рукой Огарева.

«Колокол», л. 233-234 от 1 февраля 1867 г.; Лемке, XIX, 200—201 (по тексту «Колокола»).

Ед. хр. 32, л. 3—4 об.

15. НОВАЯ «БАРХАТНАЯ КНИГА» — РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ

«Н о в а я „б а р х а т н а я к н и г а“ — р у с с к и х д в о р я н с к и х р о д о в — вышла в Женеве // и всегда выступали пятны прошлого позора».

Автограф с исправлениями. ⟨1867 г.⟩

1 л., 2 стр.

«Колокол», л. 233-234 от 1 февраля 1867 г.; Лемке, XIX, 198—200 (по тексту «Колокола»).

Ед. хр. 20, л. 131—131 об.

16. ⟨ОТВЕТ «БИРЖЕВЫМ ВЕДОМОСТЯМ»⟩

«IV. Две черты постоянно сопровождают по⟨стыд⟩ную* религию холопства // Теперь послушаемте биржевого соловья».

Автограф. ⟨1869 г.⟩

1 л., 1 стр.

«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 147.

В ЛБ хранится конец автографа этой статьи (Г.—О. II. 12; Лемке, XXI, 391—392). В публикации «Лит. наследства» (см. стр. 147—150) воспроизведены обе части рукописи.

Ед. хр. 20, л. 76.

17. ОТ РЕДАКЦИИ

«О т р е д а к ц и и.— Полученные весной из Парижа *двести франков* не могли быть употреблены по назначению. Редакция их оставила для вспоможений».

---

* Рукопись повреждена.—*Ред*.

Автограф. <1867 г.>
1 л., 1 стр.
На полях запись Герцена, адресованная Огареву: *NB. Это загадка, но вели напечатать.*
«Русское прибавление» к «Kolokol», № 1 от 1 января 1868 г. (в измененной редакции); Лемке, XX, 115 (по тексту «Русского прибавления» к «Kolokol»).
Публикуется полностью.

Ед. хр. 9, л. 1 об. (после статьи «В. И. Кельсиев» — № 2).

18. <ПИСЬМО К И. С. АКСАКОВУ>

«Флоренция. 10 марта 1867. Милостивый государь Иван Сергеевич. Мы с вами совершеннейшие // благодарностью за помещение моего письма. А. Г. Ницца, 5 апреля 1867».

Автограф.
5 лл., 9 стр. (лл. 4—5 — цитата из Аксакова — неустановленным почерком).
На л. 1 надпись Герцена: *В «Колокол». Письмо к Аксак<ову>.* После слов: «большую честь» — надпись о введении цитаты: *Текст слово в слово. Есть он у вас?* На сбороте надпись: *Примечание ad usum Ник. Платонов.* Далее следует текст обращения к Огареву, публикуемый на стр. 158 настоящего тома.
«Колокол», л. 239 от 15 апреля 1867 г.; Лемке, XIX, 268—270 (по тексту «Колокола»).

Ед. хр. 196, лл. 1—5.

19. ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!

«П о р я д о к т о р ж е с т в у е т! — III. Со смертью Николая языки развязались // *признано* враждебным станом. И—р. 1 янв. 1867».

Автограф с исправлениями.
17 лл., 28 стр.— Край рукописи поврежден.— Авторская пагинация: *1—17.*
На л. 1 пометы Герцена: *В «Колокол» 1 февраля* и *К 10 янв<аря>.* На обороте л. 17 перечеркнутая надпись Герцена, доказывающая, что статья была завершена значительно ранее указанной в тексте даты: [*Огарев, прочти эту статью до моего отъезда и очень внимательно—принеси ее завтра или послезавтра. Она будет напеч<атана> к 1 февр<аля>. Твоя* [*в*] *1 марта*; *к 1 апрелю— я приготовлю продолжение. 11 декаб<ря>*].
«Колокол», л. 233-234 от 1 февраля 1867 г.; Лемке, XIX, 123—133 (по тексту «Колокола»).

Ед. хр. 7, лл. 1—17 об.

20. <«5 МАЯ 1856...» (ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ)>

«5 м а я 1856.— Ровно месяц тому назад // подтвердил мне все мои опасения».

Автограф с исправлениями.
1 л., 2 стр.— Край рукописи обрезан прямо по тексту.
На обороте л. 1 — портрет мужчины (карандашом).
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 115—116.

Ед. хр. 19, л. 1.

21. РУССКИЙ

«Р у с с к и й. — М. П. Погодин издает журнал // между Харибдой Аксакова и Сциллой — Каткова».

Автограф с исправлениями. <1867 г.>
1 л., 1 стр.—Авторская пагинация: *4.*
На левом поле перечеркнутая надпись Герцена: *В смесь.*
«Колокол», л. 239 от 15 апреля 1867 г., с измененным названием («Новый журнал») и в несколько иной редакции; Лемке, XIX, 271 (по тексту «Колокола»).

Ед. хр. 3, л. 2 об. (после статьи «Жаль» — № 9).

22. ‹СКУКИ РАДИ, гл. XII›

«озлобление борющихся партий приняло форму периодического членовредительства // он примирился с независимостью республиканской веси. И—р».

Автограф с исправлениями. ‹1869 г.›
7 лл., 10 стр. — Авторская пагинация: *24—28, 35—36*.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 142—145.
В ЛБ хранится начало автографа этой главы (Г.—О. I. 17; Лемке, XIV, 865—867). В публикации «Лит. наследства» воспроизведены обе части рукописи.

Ед. хр. 20, лл. 77—83.

23. ФЕЛЬЕТОН

«Ф е л ь е т о н.— Граница потеряла свой характер. Девоншир ‹?› в 1860. Да и Париж потерял. Речь Гадемана. Нрав‹ственная› стертость Парижа — лучшая децентрализация. Провинции не понимают еще этого. Апельсины и яблоки — то же в Пиэмонте.

Опять все идет своим чередом даже в Конст. ‹?› школе. Выжиданье—леченье внутренними средств‹ами› или хирургия.— Сила мира сего величайшая глупость и вздорные интересы.

C a r n o t

Traître, où dois-je aller?

F o u c h é

Partout où tu veux, imbécile.

„Sire, rien n'est impossible pour vous—vous avez voulu faire des mauvais vers et vous avez réussi. B o i l e a u“»*.

Автограф. ‹1860-е годы.›
1 л., 1 стр.
На обороте записи Герцена: ‹1› *Освобождение во имя разума от истории — до нелепости.*
‹2› *«Колокол»*
Земля и воля. *«Vivos voco»*
Прод. ..... ‹?› *Женева. Изд.* ...‹?›
. . . . . » ‹*Ни*›*колай.*
Далее следуют цифровые выкладки.
Публикуется полностью.

Ед. хр. 20, л. 45—45 об.

24. ‹«ЧТО, В САМОМ ДЕЛЕ, ПРОЩЕ И ДОСТУПНЕЕ...»›

«Что, [кажется] в самом деле, проще и доступнее, как понятие старости и смерти // в обоих случаях на счет остальных сторон».

Автограф с исправлениями. ‹Начало 1860-х годов.›
1 л., 1 стр.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 123—124. На стр. 124—факсимиле автографа.

Ед. хр. 20, л. 6.

---

* К а р н о
Предатель, куда мне идти?
Ф у ш е
Куда хочешь, дурак.

«Государь, для вас нет ничего невозможного — вам хотелось написать плохие стихи, и это вам удалось. Б у а л о» (франц.).

II. РУКОПИСИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

25. A NOS ENNEMIS*

1. «A n o s e n n e m i s.— Si nous pouvons nous permettre de quitter nos amis à la française // Allez-vous coucher! [et bonne nuit!] Il commence à faire jour! Vichy, 15 oct. 1868».

Автограф с исправлениями Герцена и неустановленным почерком.
19 лл., 23 стр.— Авторская пагинация: *1—19*.
«Kolokol», № 14-15 от 1 декабря 1868 г.; Лемке, XXI, 190—199 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 8, лл. 1—19.

26. ASSASSINAT D'UN MINEUR**

«A s s a s s i n a t d' u n m i n e u r.— Un étudiant du Gymnase Gorsujasi de 17 ans 6 mois, a été condamné par un tribunal de guerre à *être pendu*.— Il s'est pourvu en cassation, la cour d'appel a rejeté sa demande. — Il a commis des horreurs — mais la loi lui ôtait ⟨!⟩ le droit à la strangulation avant 21 ans».

П е р е в о д:

У б и й с т в о н е с о в е р ш е н н о л е т н е г о.— Ученик гимназии Горсуязи, 17 лет 6 месяцев, был осужден военным трибуналом *к повешению*. Он подал на кассацию, суд отверг его просьбу. — Он натворил страшные дела — но закон отнял ⟨!⟩ у него право быть удушенным до достижения 21 года.

Автограф. ⟨Июль 1868 г.⟩
Авторство Герцена устанавливается здесь впервые.
Публикуется полностью.

Ед. хр. 20, л. 132 (после «Une victoire du comte Scheremeteff» — № 46).

27. ⟨БЫЛОЕ И ДУМЫ⟩

а) ⟨Часть I, гл. III⟩

«[encore hier on pressait la main, mais qui étaient le lendemain dans les casemates.—Au contraire] Il se créa même une masse entière de fanatiques de l'esclavage // Paul était très mécontent».

Автограф с исправлениями (авторский перевод). ⟨1850-е годы.⟩
1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *[5]*, *6* , *8*, *60 ter*.
Изд. АН, т. VIII, стр 400—401 и 434.—Русский вариант: Лемке, XII, 52—55.

Ед. хр. 20, л. 9.

б) ⟨Préface⟩***

«[Feuilleton.— Fragments du IV volume des Faits et pensées [souvenirs] par Iscander. 1848—1853].— Il y a une dizaine d'années que sous un titre // pour tous les autres lecteurs *sui generis* qui ne connaissent pas la langue russe. I—r. 21 août 1868. Château de Prangins, près Nyon».

Автограф с исправлениями Герцена и А. А. Герцена (?). ⟨1868 г.⟩
2 лл., 2 стр.— Авторская пагинация: *5—6*.
«Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г.; Лемке, XXI, 81—82 (по тексту «Kolokol»).

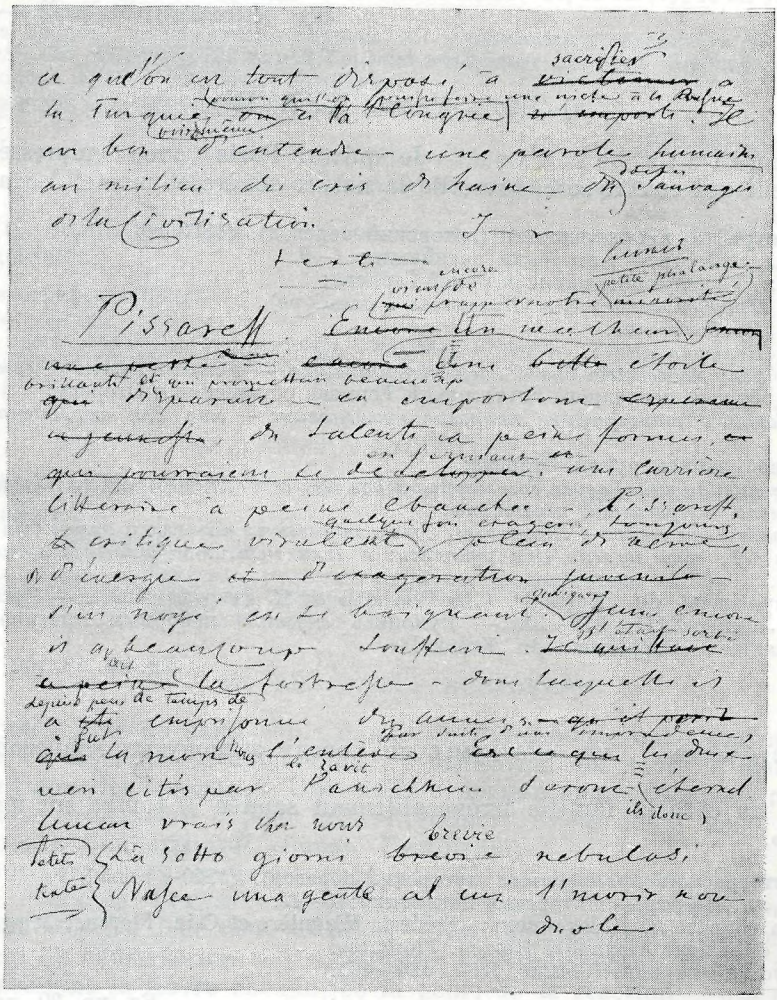
Ед. хр. 18, лл. 15—16 (после «Le prince Pierre Dolgorukoff» — № 39).

---

* Нашим врагам (франц.).
** Убийство несовершеннолетнего (франц.).
*** Предисловие (франц.).

в) ⟨Часть V, гл. XXXVII⟩

«La lettre n'arrivait pas et cela le tourmentait // dans son entrevue avec l'autre Napoléon à Fontainebleau. I—r».



«ПИСАРЕВ». РУКОПИСЬ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ, 1868 г.

Черновой автограф

Лист 1

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Автограф с исправлениями (авторский перевод). ⟨1860-е годы.⟩
1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *29*.
Русский вариант: Лемке, XIII, 344—345.

Ед. хр. 20, л. 84 (на обороте «Passons maintenant...»— № 27 *г*).

г) ⟨Часть V, гл. XXXVII⟩

«...Passons maintenant [aux Allemands] encore une fois à notre brave Bürger Struve // rien de si [ridicule] drôle en Allemagne [elle a été bien drôle]».

Автограф с исправлениями (авторский перевод).
3 лл., 3 стр.—Авторская пагинация: *[36]30*.—Здесь же указание Герцена на то, что это вставка к какой-то странице.
Русский вариант: Лемке, XIII, стр. 350—353.

Ед. хр. 20, л. 84 об.—86 (после «La lettre n'arrivait pas...»—№ 27*в*).

д) ⟨Часть V, гл. XXXVIII⟩

«C o g i t a t a e t v i s a.— Je quittai Paris avec empressement // le linceul qui couvre ce cadavre de la nature sévère et morte! Isc⟨ander⟩».

Автограф с исправлениями (авторский перевод). ⟨1868 г.⟩
8 лл., 10 стр.— Авторская пагинация: *1—9*.
На л. 1 следующие надписи рукой Герцена:
⟨1⟩ *Прод⟨олжение⟩ для «Колокола» 1 декаб⟨ря⟩.*
⟨2⟩ *Продолжение.*
⟨3⟩ *Большая alinéa.*
⟨4⟩ *Если недостает для 4 листов, набирайте. — Если не нужно — возвратите.*
На обороте последнего листа рукой Герцена обращение к Огареву:
Отошли в типографию, поправив грамматики — это для супплемента. Как букет.*
Далее запись рукой Огарева:
*Чернецкий, что Герцен вам говорил о bon à tirer**? Ждать его из Цюриха или, хорошенько поправивши, печатайте.*
Сколько еще места в «Колоколе»? Этот отрывок из «Былого и думы» был назначен в этот №, если нужно еще рукописи; а если нет, то набирайте, но в supplément.
«Supplément du „Kolokol" („La Cloche")» от 15 февраля 1869 г.— Русский вариант: Лемке, XIII, 376—381.— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Supplément du „Kolokol"».

Ед. хр. 18, лл. 7—14 об.

е) ⟨Часть V, гл. «Раздумье по поводу затронутых вопросов»⟩

«D'un côté la famille irrévocablement soudée // tombe sur notre tête. Amen».

Автограф с исправлениями (авторский перевод). ⟨1860-е годы.⟩
14 лл., 18 стр.— Авторская пагинация: *1—17*.
На обороте л. 10 штемпель: «Frédéric Wagnière et C-ie. Florence» и рукописный адрес: «Monsieur Alexandre Herzen. Florence».
Русский вариант: Лемке, XIII, 464—473.

Ед. хр. 20, лл. 62—75.

ж) ⟨Часть VI, гл. «Роберт Оуэн»⟩

«R o b e r t O w e n.— Chapitre I.— Bientôt après mon arrivée à Londres // je sympathisais avec le pli élégant de son esprit, qui».
«Chapitre II.— R. Owen donna à un de ses articles le titre // qui craignaient ses droits à l'héritage».
«Chapitre III.— Nous avons vu que R. Owen doit être acquitté // et que cela me fait?»
«Chapitre IV.— L'histoire de la révolution nous présente // qu'il ne l'a été par la centralisation».

---

* прибавления (от франц. «supplément»).
** подписывании к печати (франц.).

«Chapitre V.— Qui donc gagnerait lorsque les deux perdaient // en forme de salade».

Автограф с исправлениями (авторский перевод). ⟨1860-е годы.⟩
43 лл., 50 стр.—Авторская пагинация: *1—2, 15—18, 18 bis [7], 18 bis [8], 19—24, 24 bis — 43, 45—47, 1—4, 3 bis — 8.*
На обороте л. 13 надписи Герцена: *№. Справиться с перемен.* и *№. Tout à la change!** На обороте л. 32 рукой Герцена нарисован профиль бородатого старика. На обороте л. 39 — цифровые выкладки.
Русский вариант: Лемке, XIV, 466—510.

Ед. хр. 15, лл. 1—45.

28. ⟨«UN CERTAIN MONSIEUR...»⟩**

«Un certain monsieur a été condamné // nous parlent de l'Empire démocratique!».

Автограф. ⟨1868 г.⟩
1 л., 1 стр.
В левом верхнем углу надпись Герцена: *В смесь.*
«Kolokol», № 10 от 15 июля 1868 г.; Лемке, XXI, 18 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 134, л. 27.

29. ⟨«CHER PANCITOYEN...»⟩***

«Cher pancitoyen! A bas la nationalité // La panrépublique doit être insociable».

Автограф. ⟨1850-е годы.⟩
1 л., 2 стр.— Вероятно, рукопись является продолжением № 36.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 93—94.

Ед. хр. 134, л. 20—20 об.

30. ⟨LES DAMES RUSSES⟩****

«[Cent] Près de deux cents dames de Pétersbourg ont signé une pétition à l'Université en demandant l'organisation des cours [d'histoire naturelle] pour les femmes. L'Université a nommé une commission composée de quatre professeurs — pour faire un rapport. ⟨Voilà leurs noms: Beketoff (président), Souhomlinoff, Bauer, Faminzine⟩.

Nous avons tout espoir que le rapport [de ces quatre] sera favorable à la [juste] demande. Les [savants professeurs] quatre ⟨rapporteurs⟩ ne voudront pas attacher leur nom au pilori. C'est [dommage] un malheur que le ministre de l'instruction soit un piétiste gouvernemental, appelé au ministère pendant la fièvre chaude [de la peur] de la réaction — qui suivit le coup de pistolet de Karakosoff.— Il fera tout son possible pour entraver ce mouvement».

Перевод:

«[Сто] Около двухсот петербургских дам подписали петицию, адресованную университету, прося об организации курсов [естественной истории] для женщин. Университет назначил комиссию, состоящую из четырех профессоров — для составления доклада. ⟨Вот их имена: Бекетов (председатель), Сухомлинов, Бауэр, Фаминцин.⟩

Мы питаем большую надежду на то, что доклад [этих четырех] будет благоприятен по отношению к этой [справедливой] просьбе. [Ученые профессора] Четыре ⟨докладчика⟩ не захотят привязать свое имя

---

* Все переменить! (франц.).
** «Некий господин...» (франц.).
*** «Дорогой согражданин...» (франц.).
**** Русские дамы (франц.).

к позорному столбу. [Как досадно] Какое несчастье, что министр просвещения — гувернаментальный пиэтист, призванный в министерство во время горячки [страха] реакции, последовавшей за пистолетным выстрелом Каракозова. — ‹Он сделает все возможное, чтобы помешать этому движению›».

Автограф с исправлениями. ‹Начало сентября 1868 г.› Текст, взятый в угловые скобки, отсутствует в рукописи и приводится по «Kolokol».
1 л., 1 стр.
В левом углу надпись Герцена: *Смесь;* здесь же цифровые выкладки его рукой.
«Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г. — Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».
Авторство Герцена устанавливается здесь впервые.
Публикуется полностью.

Ед. хр. 18, л. 17

31. ‹DE L'AUTRE RIVE («A MON FILS ALEXANDRE»)›*

«Cher Sacha Je veux te dédier ce livre // de la liberté individuelle et de l'amour du prochain. T o n p è r e. — Twickenham. 5 décembre/ 23 novembre 1854».

Автограф с исправлениями.
1 л., 2 стр.
Изд. АН, т. VI, стр. 313—314.

Ед. хр. 134, л. 10.

32. ‹DÉVOILEZ-NOUS DONC, DÉMASQUEZ-NOUS DONC!›**

«D é v o i l e z - n o u s d o n c, d é m a s q u e z - n o u s d o n c!— Un journal donne des fragments // mais à chaque mensonge nous répondrons par un démenti. I — r».

Автограф. ‹Начало сентября 1868 г.›
1 л., 1 стр.
«Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г.; Лемке, XXI, 84—85(по рукописи).— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

Ед. хр. 18, л. 18.

33. ‹«EN 1864 J'ÉTAIS DANS UNE VILLE ÉLOIGNÉE DE FRANCE...»›

«En 1864 j'étais dans une ville éloignée de France. Un reviseur, inspecteur, je ne sais quoi, vint du ministère de l'Instruction publique — reviser les lycées, écoles... Dans un pensionnat il assistait au dîner des enfants. Très content de tout, il dit au directeur que néanmoins il a sur le cœur de lui faire une toute petite observation. Le directeur se courbe — attend. L'employé du ministère lui dit: „Voyez-vous, tout était très bien. Mais remarquez, aujourd'hui ce n'est pas une journée fériée, et on a donné aux enfants après leur repas — des oranges. Tandis que c'est nommément dit dans les prescriptions ministérielles de donner tous les jours des pommes— et seulement le journée de fête des oranges".

— Monsieur, — dit le directeur, — j'ai une seule excuse que je voudrais faire valoir. C'est que chez nous les pommes sont chères et les oranges ne coûtent presque rien.

— C'est une considération — j'en conviens, — reprit le [l'aide de camp de Duroy] reviseur... — mais enfin... Nous n'avons pas le droit de faire des changements dans une instruction gravement pesée et aprouvée par les autorités compétantes, dans tous les cas vous feriez mieux de vous y conformer».

---

* С того берега («Сыну моему Александру») (франц.).
** Так разоблачите же нас! Сорвите же с нас маску (франц.).

Перевод:

«В 1864 году я находился в одном из отдаленных французских городов. Ревизор, инспектор, не знаю кто, прибыл из министерства просвещения — ревизовать лицеи, школы... В одном пансионе он присутствовал при обеде детей. Весьма довольный всем, он сказал директору, что ему все же хотелось бы сделать одно совсем небольшое замечание. Директор склонился в ожидании. Министерский чиновник сказал: „Видите ли, все было очень хорошо. Но заметьте, сегодня не праздничный день, а детям дали после еды апельсины. В то время как в министерских предписаниях точно указано — давать детям в будни яблоки и только в праздничные дни — апельсины".

— Милостивый государь,— сказал директор,— у меня есть лишь одно извинение, которое я просил бы принять во внимание. Дело в том, что у нас яблоки дороги, а апельсины почти ничего не стоят.

— Это уважительная причина,—отвечал [адъютант Дюруа] ревизор...— Но все же... Мы не имеем права вносить изменения в инструкцию, тщательно взвешенную и одобренную компетентным начальством, и вам во всех случаях было бы лучше с нею сообразоваться».

Автограф с исправлениями. <1860-е годы.>
1 л., 1 стр.
На верху листа помета Герцена, обозначающая, что этот текст должен быть помещен в виде подстрочной сноски на стр. 96.
Публикуется полностью.

Ед. хр. 20, л. 133.

34. LETTRES D'UN RUSSE DE L'ITALIE

а) Première lettre*

«Lettres d'un Russe de l'Italie. Réminiscences [et méditations] de 1850—52. Première lettre. 30 juin 1850. Nice.

Me voilà encore une fois à Nice si chaude, si aromatique // l'antique pentogramme pour en éloigner tout esprit d'agitation et de démence humaine. A. Herzen. Traduit à Lugano. 2 juillet 1852».

Автограф с исправлениями Герцена и неустановленным почерком (авторский перевод).
14 лл., 17 стр.— Авторская пагинация: *1—4, 4 bis — 10, 10 bis — 12.*
Изд. АН, т. V, стр. 385—393 и 447.

Ед. хр. 1, лл. 1—11 и ед. хр. 20, лл. 10—12 об.

б) Treizième lettre**

«[Seconde] Treizième lettre (Une année plus tard). Nice, 1 juin 1851.

J'ai tenu ma parole. J'ai passé une année entière dans mon hermitage // par cette boue argileuse... on ne peut rester au milieu».

Автограф с исправлениями (авторский перевод).
1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *1.*
В левом верхнем углу надпись рукой Герцена: *Письма из Ит<алии> И<скан-де>ра. Стр. 269.*
Изд. АН, т. V, стр. 393.

Ед. хр. 1, л. 12

* Письма русского из Италии. а) Письмо первое (франц.).
** Тринадцатое письмо (франц.).

35. <MAZZINI AUX POLONAIS> *

«et que l'on est tout disposé // des doctes sauvages de la civilisation. I — re».

Автограф с исправлениями Герцена и неустановленным почерком. <1868 г.>
1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *3*.
«Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г.; Лемке, XXI, 80 (по тексту «Kolokol»).— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

Ед. хр. 18, л. 19 (перед «Pissareff» — № 37).

36. PASSONS A LA PANHUMANITÉ...**

«P a s s o n s à l a P a n h u m a n i t é. [Je viens de recevoir le dernier № du célèbre journal de la Cosmopolitie universelle. Voilà les dernières nouvelles.] Au nom des quatre couleurs // № 49 qui teint [les visages des universels] les cheveux et les peint».

Автограф с исправлениями. <1850-е годы.>
1 л., 2 стр.
Продолжением этой рукописи, повидимому, является рукопись № 29.
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 92.

Ед. хр. 35, л. 14 и об.

37. PISSAREFF

«P i s s a r e f f. [Encore] Un malheur [qui] vient encore de frapper // la multitude des tardigrades et des inertes [avec les pionniers de l'avenir]».

Автограф с исправлениями Герцена и А. А. Герцена <?>. <1868 г.>
2 лл., 2 стр.— Авторская пагинация: *3—4*.
На л. 1 в правом верхнем углу надпись Герцена: *Смесь*.
«Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г.; Лемке, XXI, 87—88 (по рукописи).— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

Ед. хр. 18, лл. 18—20 (после «Mazzini aux Polonais» — № 35 и перед «Le prince Pierre Dolgoroukoff» — № 39).

38. PREMIÈRE LETTRE ***

«P r e m i è r e l e t t r e.— Cher ami, Votre lettre ne m'a pas étonné // qu'il devait devenir l'homme de la position...».

Автограф с исправлениями (конец не сохранился). <1850-е годы.>
17 лл., 18 стр.— Авторская пагинация: *1—18*, [*12—16*] и [*26*].
«Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 99—107.

Ед. хр. 20, лл. 87—103.

39. LE PRINCE PIERRE DOLGOROUKOFF ****

«L e p r i n c e P i e r r e D o l g o r o u k o f f.— Les plus âgés s'en vont aussi. Le prince // Ils sont *dans des très bonnes mains*».

Автограф с исправлениями Герцена и А. А. Герцена (?). <1868 г.>
2 л., 2 стр.— Авторская пагинация: *4—5*.
«Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г.; Лемке, XXI, 88—89 (по рукописи).— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

Ед. хр. 18, лл. 20 и 15 (после статьи «Pissareff» — № 37 и перед «Préface» — № 276).

---

* Маццини — полякам (франц.).
** Перейдем к панчеловечеству... (франц.).
*** Первое письмо (франц.).
**** Князь Петр Долгоруков (франц.).

40. ⟨PROLEGOMÈNES⟩ *

⟨Главы III—IV⟩

«III. Nous sommes à la veille de notre histoire // nous ne sommes ni si forts, ni si malheureux. I s c a n d e r. 1 décembre 1867».

Автограф Герцена и Н. А. Герцен, с исправлениями Герцена.

21 лл., 22 стр.— Авторская пагинация: *1—15, 11—12, 12bis—16.* Начало IV главы отсутствует, текст начинается со слов «Un des premiers pas». Начало находится в «софийской коллекции» (см. № 54).

На л. 15, внизу, за концом главы III, рукой Герцена: *Продолжение пришлю.*

На л. 23 об. надпись Герцена: *6 н о я б р я. С е р е д а. Это конец Prolegomena. Затем во французском тексте Огар⟨ева⟩ книга. К 1 декабрю непременно отпечатайте. Будьте здоровы. Все вам дружески кланяются обоим. Преданный А. Г е р ц е н. 27, Prom⟨enade⟩ des Anglais. Ницца.*

На полях его же рукою: *NB. О ч е н ь н у ж н о е. Скажите Тхоржевскому, чтоб сейчас прислал Висконти т р и п е р в ы х тома «Былое и думы» и «Письма из Италии».*

«Kolokol», № 1 от 1 января 1868 г.; Лемке, XX, 54—68 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 5, лл. 1—23 об.

41. RÉPONSE A l'APPEl DU CENTRE RÉPUBLICAIN POLONAIS AUX RUSSES**

«R é p o n s e à l' a p p e l d u c e n t r e r é p u b l i c a i n p o l o n a i s a u x R u s s e s.— Chers citoyens. Nous avons reçu votre appel // consacrons nos efforts et nos labeurs aux germes de nos champs. I s c a n d e r. Florence, 29 nov⟨embre⟩ 1867».

Автограф с исправлениями.

10 лл., 16 стр.— Авторская пагинация: *1—10.*

На л. 1, после заглавия, Герценом сделана ссылка на последнюю страницу, где его рукой написано: *Вроде предисловия перед статьей и после заглавия* — и далее следует текст: *Il y a quelque temps//mais que nous ne pouvons que décliner. A. H⟨erzen⟩, N. O⟨gareff⟩.*— Затем следует запись Герцена: *Огареву. 10 д е к а б р я. В т о р н и к. Вот статья. Если считаешь, что это слишком зло,— не печатай. Я уверен, что дело так. Жду «Колокола», о Мечникове писал Выр⟨убову⟩. Что за Величковский у вас в Женеве? Не знает ли Пан? Жду письма от тебя. О получении статьи известии — пиши все же на тот же адрес во Флоренц⟨ию⟩ до нового извещения.*

«Kolokol», № 2 от 15 января 1868 г.; Лемке, XX, 131—135 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 4, лл. 1—10 об

42. РОССИЯ — БРАННАЯ ЦАРИЦА

«Р о с с и я — б р а н н а я ц а р и ц а.— L'Europe germanique avec sa liberté individuelle en Angleterre et théorique en Allemagne, l'Europe latine — avec son égalité civile en France — reculèrent devant les conséquences de leur propre pensée. Le développement naturel [⟨...⟩*** l'Occident] dévié de sa route [sans pouvoir ⟨...⟩***] ne s'arrêta point ⟨...⟩*** [le mouvement de] la plasticité créatrice [du mouvement de l'histoire] était trop pressante, mais elle devint [développement] tronquée, monstrueuse et au lieu d'aboutir à la fraternité, elle versa le monde dans la bourgeoisie.

Aucune orthopédie n'a réussi, même le changement d'air. Une partie des souffrants est allée de l'autre côté de l'Océan pour montrer au monde un spectacle étonnant d'une bourgeoisie qui n'a rien au-dessous d'elle (au moins, rien de la même couleur) — mais qui reste bourgeoisie.

---

* Пролегомены (франц.).

** Ответ на призыв польского республиканского центра к русским (франц.).

*** Рукопись повреждена.— *Ред.*

En même temps au seuil de l'Europe apparaît de plus en plus un témoin inconnu, un troisième lutteur — avec d'autres traditions avec un au⟨tre⟩* passé. Peuple de paysans et de soldats, d'as⟨ce⟩tisme* militaire et de communisme rural ⟨...⟩* [chez lequel l'aristocratie occidentale est importée et exotique] qui n'a pas ⟨de⟩* bourgeoisie [n'existe pas] [peuple pratiquant] agraire [ayant la possession de la terre sans droit de propriété] qui est esclave, serf en partie et qui recom ⟨...⟩* [et admettant depuis les temps les p⟨lus⟩* reculés l'égalité des droits des hommes et de ⟨...⟩»*

Mais sont-ce des faits? ou des illusions, d⟨es⟩* ⟨para⟩doxes?* La question est assez grave pour ⟨être⟩ étudiée. L'étude est très facile, très main⟨...⟩* L'absolutisme a réduit les fractions au m⟨...⟩* dénominateur. L'égalité d'un esclavage met sur le même pied la France, l'All⟨emagne⟩* et la Russie. C'est intéressant de ⟨...⟩* de troisième ⟨?⟩ cam⟨...⟩*

7 mars. Londres

Перевод:

Европа германская — со своей личной свободой в Англии и теоретической в Германии, Европа латинская — со своим гражданским равенством во Франции — отступили перед последствиями собственной мысли. Естественное развитие ⟨...⟩* [Запад], сбившееся с пути, совсем [не в состоянии] не остановилось ⟨...⟩*, [движение] творческий пластицизм [исторического движения] был слишком могуч, но он исказился [развитием], обезобразился и, вместо того, чтобы завершиться братством, привел мир к буржуазии.

Ни одна ортопедическая операция не удалась, даже перемена воздуха. Часть страдальцев отправилась на другую сторону Атлантического океана, чтоб явить миру удивительное зрелище буржуазии, которая никого ниже себя не имеет (по крайней мере, с тем же цветом кожи), но которая остается буржуазией.

В то же время на пороге Европы все чаще и чаще появляется незнакомый свидетель, третий борец — с иными традициями, с ин⟨ым⟩* прошедшим. Народ крестьян и солдат, во⟨енн⟩ого аскетизма * и сельского коммунизма ⟨...⟩ * [у которого западная аристократия ввезена извне и чужеземна], у которого нет землевладельческой буржуазии [не существует] [народ, занимающийся], земледелец [владеющий землей без права собственности], полураб-полукрепостной и который ⟨...⟩ * [и допуская] с самых отдаленных времен равенство прав человека и ⟨...⟩ *

Но факты ли это?.. или же иллюзии, ⟨пара⟩доксы? Вопрос достаточно важен, чтобы подлежать изучению. Изучение это очень легко, очень ⟨...⟩* Самодержавие свело дробление к ⟨...⟩* знаменателя. Равенство в рабстве ⟨...⟩* ставит на одну ногу Францию, Герм⟨анию⟩* и Россию. Интересно, что ⟨...⟩* третий ⟨...⟩*

7 марта. Лондон.
Автограф с исправлениями. ⟨Середина 1850-х годов.⟩
1 л., 1 стр.
Публикуется полностью.

Ед. хр. 20, л. 8.

43. LES RUSSES AU CONGRÈS DE BERNE**

«Les Russes au congrès de Berne.— Nous n'avons pas pris de part active au congrès de Berne //L'annihilation du vieux est l'engendrement de l'avenir! I—r».

---

* Рукопись повреждена.— *Ред.*
** Русские на Бернском конгрессе (франц.).

Автограф Герцена и Н. А. Герцен с исправлениями Герцена. ⟨1868 г.⟩
1 л., 2 стр.

На л. 1 надпись Герцена: *Огареву.* В конце приписка Герцена: *Поправь и вычеркни, что хочешь, и отдай в lead⟨ing⟩ arti⟨cle⟩*. Если будут речи Бакун⟨ина⟩ и Выр⟨убова⟩, то нечего прибавлять из «Записок», а скорее убавить из Мечникова. Смесь у меня есть, и я ее прилож у или пришлю в следующем письме.*

Здесь же запись Огарева (карандашом), адресованная, вероятно, Л. Чернецкому: *Сколько остается места для «Кол⟨окола⟩», ибо у меня тоже готовится статья, но если достаточно без нее, тем лучше, а она пойдет в след⟨ующий⟩ №.*

«Kolokol», № 13 от 15 октября 1868 г.; Лемке, XI, 122—123 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 10, л. 1—1 об.

44. LE SCHÉDO-FERROTY PANSLAVISTE ET LES HORREURS RUSSES**

«Le Schédo-Ferroty panslaviste et les horreurs russes.— Mr Youri Samarine — connu comme théologue bysantin // Et les beaux restes du passage d'un ispravnik?—c'est classique!».

Автограф Герцена и Н. А. Герцен (дочери) с исправлениями и приписками Герцена. ⟨1868 г.⟩

4 лл., 8 стр.— Авторская пагинация: *1—4.*

Над заголовком надписи Герцена: ⟨1⟩ *Смесь*, ⟨2⟩ *Общее заглавие — круп⟨ным шрифтом⟩*; на полях: *Без ali⟨néa⟩*. На обороте л. 1:

Огареву.

NB. Самарину я поддал за то, что он в предисловии поставил меня на одну доску с Шедо-Фер⟨роти⟩, а в глаза ругал мне его же. Тут убавлять нечего, но поправить следует.

5 окт⟨ября⟩. Понедельник

О статье «Вестника» я подумаю, но что они в сравнении с тем, что Родионов напечатал о Бакунине в 254 «Голосе», называя его чуть не вором и пр. Неужели и на это молчать?

На л. 2 у подзаголовка «Chasse aux prisonniers»: *Обык⟨новенным⟩ итал⟨ьянским⟩ шрифтом.*

На обороте л. 2: *NB. За окончанием 5-й страницы статейку о письме исправника.*

На полях л. 3, у цитаты: «Une commune pillée» — вопросительный знак и надпись: *Слевы, что ли?*

На обороте л. 3. *NB. Сюда из смеси — о барыне и исправнике и о розгах.*

На л. 4 сверху, над подзаголовком «La liberté individuelle en Russie». ⟨1⟩ *Смесь* ⟨2⟩ *Исправь и отдай* ⟨3⟩ *Я пишу «Les Russes au Congrès de Berne» для leading article.*

«Kolokol», № 13 от15 октября 1868 г.; Лемке XXI, 125—130 (по тексту «Kolokol»).

Автограф включенного в эту статью эпизода «La locomotion en Russie» также находится при рукописи (л. 5), но написан он не Герценом, а Огаревым.

Ед. хр. 11, лл. 1—5.

45. SUR LE ROMAN RURAL EN RUSSIE ***

«Sur le roman rural en Russie (Lettre à M-elle Meysenbug ou au traducteur des „Pêcheurs"). —J'apprends que vous avez terminé // [l'idée économique de notre siècle — basée sur la science]».

Автограф с исправлениями. Конец не сохранился. ⟨1857 г.⟩

7 лл., 14 стр.— Авторская пагинация: *1—10.*

Немецкий вариант (перевод М. Мейзенбуг) в книге: «Die Fischer. Ein Roman von D. Gregorowitsch». Hamburg, 1859; Лемке, IX, 83—92 (по тексту немецкого издания).

Ед. хр. 20, лл. 112—118 об.

---

* передовую статью (англ.).

** Панславист Шедо-Ферроти и русские ужасы (франц.).

*** О сельском романе в России (франц.).

46. UNE VICTOIRE DU COMTE SCHEREMETEFF *

«Une victoire du comte Scheremeteff.— On le sait — le comte Scheremeteff est l'homme // Nous félicitons monsieur le comte avec ce succès».

Автограф. ⟨1868 г.⟩
1 л., 1 стр.
На обороте надпись Герцена: *Люб⟨езный⟩ Тхорж⟨евский⟩. Пошлите сейчас полную коллек⟨цию⟩ — франц⟨узскую⟩ от 1 янв⟨аря⟩ — и посылайте следующие по адресу:*

Monsieur'y Macé
Beblenheim (près Colmar)
Haut Rhin

Жду от вас писем. Я чуть не околел — теперь лучше.

23 вторник

Пишите Mulhouse (Haut Rhin), Poste restante.
«Kolokol», № 10 от 15 июля 1868 г.; Лемке, XXI, 19 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 20, л. 132 (перед «Assassinat d'un mineur» — № 26).

РУКОПИСИ «СОФИЙСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

I. РУКОПИСИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

47. «БЫЛОЕ И ДУМЫ»

а) ⟨«Русские тени», гл. «Энгельсоны»⟩

«— ему оставалось работать или занимать // я узнал почерк — оно было от m-me Энгельсон (1865) [Montreux, 1866. Janvier 25]».

Автограф с исправлениями.
11 лл., 12 стр.— Авторская пагинация: *50—61*; л. 52 исключен самим Герценом и отсутствует.
На л. 3 помета Герцена: *52 стр. исключена.* На л. 11 цифровые выкладки; на обороте л. 11 надписи:
Письмо ВВ и *К 34 стр.*
«Былое и думы», т. IV, Женева, 1867; Лемке, XIII, 618—623 (по тексту женевского издания).
Автограф служит окончанием рукописи, частично хранящейся в ЛБ и в «пражской коллекции» (см. № 1*е*).

б) ⟨Часть VI, гл. «Лондонская вольница пятидесятых годов»⟩

«III. Лондонская [всемирная] вольница пятидесятых годов. (Из V тома «Былое и думы»).— Отрывок этот идет *за* описанием // и я уж люблю с ними встречаться».

Автограф с исправлениями. ⟨1856—1857, 1868 гг.⟩
1 л., 2 стр.— Вверху помета Герцена: *К «Был⟨ому⟩ и д⟨умам⟩»*. На обороте перечеркнутая страница французского текста из «Etudes historiques sur le héros de 1825⟨...⟩ Un conspirateur de 1825 (Jean Jakouchkine)» (см. № 49).
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 323 (по тексту «Полярной звезды»).
Продолжение рукописи хранится в «пражской коллекции» (см. № 1*ж—з*) и в ЛБ.

Ед. хр. 24.

в) ⟨Часть VI, гл. «Лондонская вольница пятидесятых годов»⟩

«[III]. [во всеуслышание], что он, предавая своих друзей // ясно было, что и Гефнер получал от него деньги».

---

* Победа графа Шереметьева (франц.).

Автограф с исправлениями. ⟨1856—1857 гг.⟩
3 лл., 4 стр.— Авторская пагинация: [*24—26*], [*74—76*], *62—64*.

«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 341—342 (по тексту «Полярной звезды»).

Автограф относится к той же тетради ЛБ с отрывками рукописей VI части «Былого и дум», к которой относятся отрывки рукописи главы «Лондонская вольница пятидесятых годов» в «пражской коллекции» (см. № 1 *ж—з*).

На л. 3 об.— вставка в последующий текст, хранящийся в «пражской коллекции» (см. № 1*ж*).

Ед. хр. 30.

г) ⟨Часть VIII, гл. «Без связи». 5. С того и этого света. II. С этого.

1. Живые цветы.— Последняя могиканка⟩

«[VI. Moralisches.— С лишком десять лет ⟨...⟩] // зная, что это правда».

Автограф с исправлениями. ⟨1867 г.⟩
6 лл., 7 стр.— Авторская пагинация: *37—42*.

«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 709—712 (по тексту «Полярной звезды»).

Продолжение той же рукописи хранится в «пражской коллекции» (см. № 1*и*).

На л. 1 вверху текст отчасти заклеен полоской бумаги с надписью Герцена: *Без связи. VI. Живые цв⟨еты⟩*. Вся страница с текстом перечеркнута.

Ед. хр. 24.

д) ⟨Часть VIII, гл. «Без связи. 5. С того и этого света. II. С этого.

2. Махровые цветы. 3. Цветы Минервы»⟩

«говорившего на смертном одре // с блестящим дипломом доктора медицины.— Ницца. Летом 1867».

Автограф с исправлениями.
4 лл., 8 стр.— Авторская пагинация: *53—55*.

«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 719—722 (по тексту «Полярной звезды»).

Окончание рукописи, хранящейся в «пражской коллекции» (см. № 1*и*). В третьей подглавке отсутствует название — «Цветы Минервы» (л. 1).

Ед. хр. 24.

е) ⟨Часть VIII, гл. «Venezia la bella»⟩

«1. Venezia la bella (Февраль 1867). [(20—28 февраля 1867)].— Великолепнее нелепости, как Венеция, нет // люди эти хорошо *жили*. [Искандер. 2 марта 1867. Ницца]».

Автограф с исправлениями.
24 лл., 33 стр.— Авторская пагинация: *40—65* (л. 64 ошибочно пропущен Герценом). От л. 5 отрезана нижняя половина, хранящаяся в «пражской коллекции» (см. № 1*к*).

«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 723—737 (по тексту «Полярной звезды»).

На л. 14 об. надпись Огарева: *В т о р н и к. Письма от Герц⟨ена⟩ не получал.— Страниц 55 и 56-й и вставки (на обороте 54-й) в 55-ю в наборе у меня нет. Я ли потерял или вы просто не присылали? Только отыскать не могу и посылаю стран⟨ицы⟩ в рукописи, а до того все поправил и теперь же посылаю.— Прибавл⟨ение⟩ издадим к 15-му*. Сбоку рукою Герцена: *В errat'e поставьте только: стр. 21, строка 18 —вместо «смертный приговор» — «смертный проговор»*; затем снова рукою Огарева: *Больше ничего не нужно*.

На л. 24 внизу надпись Герцена:

II. La belle France.

Ah, que j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France!

I. Ante portas.

На л. 24 об. следующая запись Герцена:

Апогей и перигей

I

Апогей

I

II

Перигей

I

II

Ед. хр. 24.

ж) ⟨Часть VIII, гл. «La belle France. 1. Ante portas»⟩

1. Ante portas.— Франция была для меня заперта // и я отправился через месяц в Париж».

Автограф с исправлениями. ⟨1865 г.⟩
5 лл., 10 стр.— Авторская пагинация: *99—108*.
На л. 1 помета Герцена: *La belle France. Первая тетрадь.*
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 738—743 (по тексту «Полярной звезды»).
Продолжение рукописи — второй раздел главы («Intra muros») — хранится в «пражской коллекции» (авторская пагинация: *109* и далее (см. № 1*л*).

Ед. хр. 24.

з) ⟨Часть VIII, гл. «La belle France. III. Alpendrücken»⟩.

«[Братство всего материка — неизбежное благо, с этим надобно свыкнуться. Человечество сосредоточивается в Париже.] Город этот имеет одно неудобство // пировали на свой манер до трехсот тысяч человек... от Маделены до Théâtre des Variétés».

Автограф с исправлениями. ⟨1867 г.⟩
3 лл., 4 стр.— Авторская пагинация: *9—11*.
«Полярная звезда на 1869 год»; Лемке, XIV, 753—755 (по тексту «Полярной звезды»).
Начало рукописи этого раздела главы хранится в «пражской коллекции» (см. № 1*м*).

Ед. хр. 24.

II. РУКОПИСИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

48. L'ENNEMI VAINCU *

«L'ennemi vaincu.— Il y a du Caton en nous // un père tendre pour ses propres enfants».

Автограф с исправлениями. ⟨1868 г.⟩
1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *5*.
«Kolokol», № 9 от 15 июня 1868 г.; Лемке, XX, 374 (по тексту «Kolokol»).
На обороте перечеркнутые строки: конец заметки «La femme et le prêtre...» и начало другого варианта заметки «L'ennemi vaincu».
Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

Ед. хр. 29 (после «La femme et le prêtre...»—№ 51).

---

* Побежденный враг (франц.).

49. ‹ÉTUDES HISTORIQUES SUR LES HÉROS DE 1825 ‹...› (JEAN YAKOUCHKINE)›*

«1. Les destinées de l'Empire russe s'accomplirent le jour de l'entrée triomphale... // était un *requiem*... pour le défunt mélancolique et étrange. (Suite dans le prochain №)».

Автограф Герцена и Н. А. Герцен с исправлениями. ‹1868 г.›— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

19 лл., 31 стр.— Авторская пагинация: *3—30* и *37*. В конце первой главы подпись: *I—r*. На лл. 1 и 8 надписи Герцена: *J. Yakouchkine*.

«Kolokol», №№ 9 и 10 от 15 июня и 15 июля 1868 г.; Лемке, XX, 316—330 (по тексту «Kolokol»).

Продолжение этой рукописи находится в ЛБ.

Ед. хр. 25 и 28.

50. ‹ÉTUDES HISTORIQUES SUR LES HÉROS DE 1825 ‹...›(CONRAD RYLÉEFF ET NICOLAS BESTOUJEFF)›**

«—Penses-tu donc que j'ai pu douter un seul instant... // qui suivit dans l'ombre ces hommes héroïques. I—r».

Автограф Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой с исправлениями. ‹1868 г.›.— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

29 лл., 30 стр.— Авторская пагинация: *2—12* и *1—18*.

«Kolokol», № 11 от 15 августа 1868 г.; Лемке, XXI, 46—56 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 26 и 27

51. LA FEMME ET LE PRÊTRE ADMIS AU DROIT DE L'HOMME ***

«La femme et le prêtre admis au droit de l'homme.— Mademoiselle *Sousloff*, qui a terminé // mais aussi contre la loi militaire... [oh] Bedlam... Bedlam...».

Автограф с исправлениями. ‹1868 г.›

5 лл., 5 стр.— Авторская пагинация: *1—5*.

На л. 1 надпись рукой Герцена: *Смесь в «Колок‹ол›» франц‹узский›*. На всех остальных страницах его же рукой: *Смесь*.

«Kolokol», № 9 от 15 июня 1868 г.; Лемке, XX, 370—372 (по тексту «Kolokol»).— Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

Ед. хр. 29 (перед «L'ennemi vaincu» — № 48).

52. MESQUINERIE

«Mesquinerie [de la vindicte politique].— Un médecin prussien, *Bornan*, appelé par un malade, avait franchi la frontière russe muni d'un passeport. Il fut arrêté sous l'inculpation d'avoir rendu, en 1863, des services aux insurgés. Cela se passait le 23 avril, et il reste encore coffré à Kowno. Bismark, averti du fait, vient, à ce qu'on assure, d'écrire une note décisive. Nous ne connaissons pas le résultat...

---

* Исторические очерки о героях 1825 года ‹...› (Иван Якушкин) (франц.).

** Исторические очерки о героях 1825 года ‹...›(Кондратий Рылеев и Николай Бестужев) (франц.).

*** Женщина и священник, приобщенные к правам человека (франц.).

C'est un grand malheur pour un gouvernement et une grande preuve d'incapacité et de petitesse — de ne pas savoir s'arrêter à temps dans les persécutions rétrospectives. Mauvaise médication que de tenir la plaie toujours ouverte.

Quelle leçon à tous les Tzars, Césars et autres Negus et Taïcoun a donné l'Amérique après la guerre, l'Angleterre dans le procès des fénians. Cela ne leur profite pas.

Quant à la Bismarkia du *Nord*, elle devrait regarder non à deux fois, mais à deux cents avant de renouveler l'infâme cartel d'extradition mutuelle entre la Russie et la Prusse. ‹Sans parler de l'immoralité de ce rôle de policien d'un autre pays que la Prusse a joué avec tant de zèle pendant l'insurrection polonaise, il y a un considérant tout simple: il n'y a pas un Prussien révolutionnaire qui, par mécontentement, s'en aille à Riazan ou à Casan, tandis que la Prusse est un des chemins les plus nécessaires pour ceux qui se sauvent du gouvernement qui arrête les docteurs au milieu de leur chemin vers les malades.›

Перевод:

Мелочность [политического преследования]

Прусский врач *Борнан*, вызванный к больному, переехал через русскую границу, снабженный паспортом. Он был арестован по обвинению в том, что в 1863 г. оказывал услуги мятежникам. Это произошло 23 апреля, и он еще находится в ковенской тюрьме. Бисмарк, которого известили об этом факте, недавно написал, как уверяют, решительную ноту. Результат нам неизвестен...

Для всякого правительства — большое несчастье и признак бездарности и мелочности — не уметь во-время остановиться в запоздалых преследованиях. Плохое лечение — держать рану постоянно открытой.

Какой урок всем царям, цезарям и прочим негусам и тайкунам дает Америка после войны, Англия в процессе фениев. Это не идет им на пользу.

Что же касается Бисмаркии «Норда», ей следовало бы не дважды, а двести раз подумать, прежде чем перепечатывать гнусное соглашение России и Пруссии о взаимной выдаче «преступников». ‹Не говоря уж о безнравственности той роли жандарма чужой страны, которую Пруссия играла с таким усердием во время польского восстания, имеется весьма простое соображение: ни один прусский революционер вследствие неприятностей не отправился бы в Рязань или Казань — между тем Пруссия снабжена путями, необходимыми для тех, кто спасается от правительства, арестующего врачей по дороге к больным.›

Автограф. ‹1868 г.› (без конца). Текст, взятый в угловые скобки, отсутствует в рукописи и приводится по «Kolokol».

1 л., 1 стр.— Авторская пагинация: *См‹есь› 6.*

На обороте надпись Огарева: *Monsieur David. Café de la Métropole. — Si possible, retournez la moitié s‹'il› v‹ous› p‹laît›.*

«Kolokol», № 10 от 15 июля 1868 г.

Публикуется полностью.

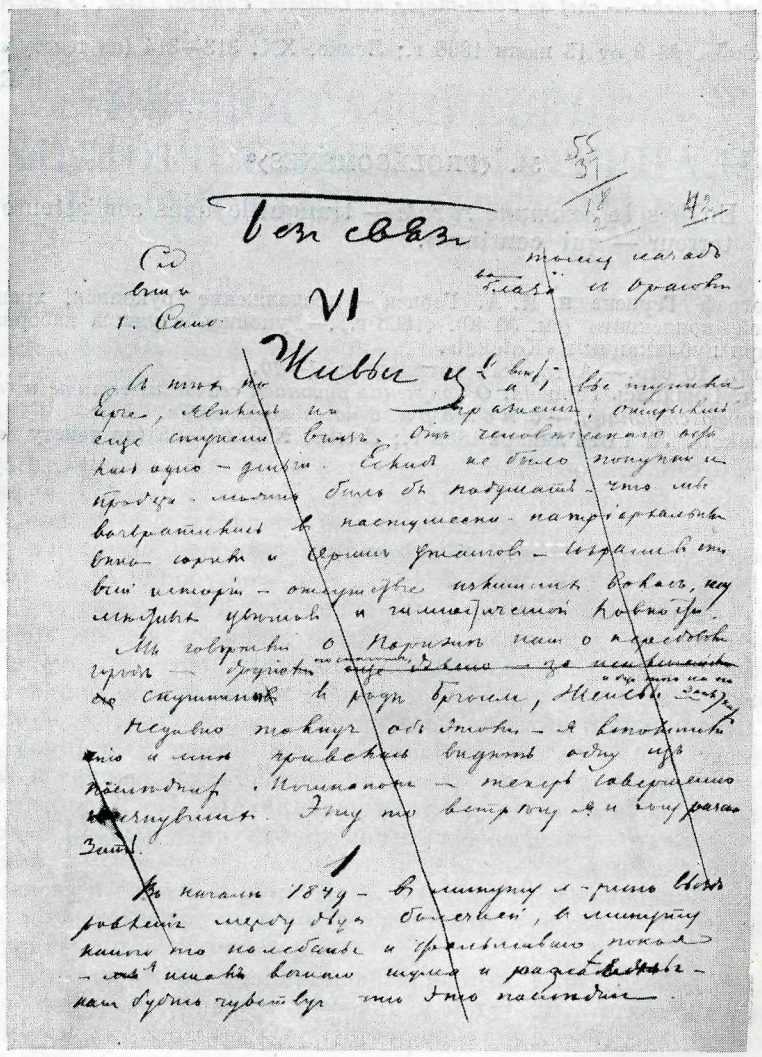
Ед. хр. 29.

53. NOS GRANDS MORTS COMMENCENT À REVENIR *

«Nos grands morts commencent à revenir.— Triste histoire et toujours la même. // Oh! grande amie de Voltaire et de Diderot... Comme tu les as bien trompés... I — r».

---

* Наши великие покойники начинают возвращаться (франц.).



РУКОПИСЬ «БЫЛОГО И ДУМ», ЧАСТЬ VIII, ГЛАВА «БЕЗ СВЯЗИ»

Черновой автограф

Лист 1

Из бумаг Герцена и Огарева, полученных АН СССР в дар от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»)

Автограф. <Начало июня 1868 г.>

3 лл., 4 стр.— Авторская пагинация: *1—3*.

На л. 1 надписи рукой Герцена: *1 art. Первая статья. Круп<ный> шр<ифт>*. На обороте л. 2 его же зачеркнутая запись: «*N o t e s. Le prince* [*Gor.*] *S. Troubetzkoj ajoute encore les noms du général Nicolas Mouravieff — le vainqueur de Kars, chef du corps et le général Gourko — chef de l'état-major au Caucase, l'amiral Litke, le général Chipoff, etc. etc.*».

«Kolokol», № 9 от 15 июня 1868 г.; Лемке, XX, 313—314 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 28.

54. <PROLÉGOMÈNES>*

«IV. En bas la *commune rurale* — tranquille dans son attente // de la blanche terreur — qui continue».

Автограф Герцена и Н. А. Герцен — продолжение рукописи, хранящейся в «пражской коллекции» (см. № 40). <1868 г.>.—Рукопись служила наборным оригиналом при публикации в «Kolokol».

10 лл., 10 стр.— Авторская пагинация: *1—10*.

На л. 1 надпись Герцена: *О получении рукописи сейчас известите и взгляните на последнюю страницу.— 6 н о я б р я. 6 часов после обеда.*

«Kolokol», № 1 от 1 января 1868 г.; Лемке, XX, 61—65 (по тексту «Kolokol»).

Ед. хр. 31

* Пролегомены (франц.).

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Обзор Н. П. Анциферова

В «пражской коллекции» бумаг Герцена—Огарева, помимо ценнейшего рукописного материала и документов, имеется богатое собрание портретов и картин, а также мемориальных вещей, связанных с Герценом и сохраненных его детьми* (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 3). Здесь 2 картины и 3 портрета в красках, 5 рисунков карандашом, 10 дагерротипов, 61 гравюра и литография, 123 фотоснимка, 24 фотонегатива, 13 мемориальных вещей. Особую ценность представляет большой альбом, подаренный Герцену Огаревым, в который, вероятно, старшая дочь Герцена поместила рисунки художников К. А. Горбунова и Х. Я. Рейхеля.

Не все, что находится в этой коллекции, принадлежало лично Герцену. В коллекцию включено много предметов, собранных детьми писателя уже после смерти отца. Было бы, разумеется, интересно установить, что именно приобретено самим Герценом, так как это до известной степени могло бы характеризовать его вкусы, симпатии и склонности. В отношении некоторых вещей вопрос решается легко — они упомянуты в письмах и сочинениях Герцена, например: собрание портретов декабристов, портрет М. И. Михайлова, картина, изображающая похороны Н. А. Герцен (жены), и др. Не трудно также выделить отдельные вещи, поступившие в собрание после смерти писателя. Укажем хотя бы на посмертную маску и слепок с руки И. С. Тургенева, на изображения детей Герцена в пожилом возрасте и другие портреты и картины, более позднее происхождение которых бесспорно.

Однако в «пражской коллекции» немало и таких изобразительных материалов, которые с равным основанием могут быть отнесены и к приобретениям самого Герцена и к приобретениям его детей, а отсутствие инвентарных книг и других документов с указанием дат поступления вещей делает невозможным точное установление состава собрания, принадлежавшего непосредственно Герцену.

Изучение иконографического и мемориального фонда «пражской коллекции» не оставляет сомнения, что в ней представлены далеко не все материалы семейного архива Герцена. Что именно осталось вне коллекции, не поддается, разумеется, точному определению. Всё же три документа дают возможность составить себе об этом некоторое представление.

Наиболее ранним среди этих документов являются «Путевые заметки» Е. С. Некрасовой (Рукописный отдел ЛБ.— Некр. XI — 11 б и Некр. XXVI—41). Е. С. Некрасова, всю жизнь работавшая над литератур-

---

* Небольшая часть коллекции передана в настоящее время в Государственный литературный музей.

ным наследием Герцена, организатор комнаты 1840-х годов при Румянцевском музее[1], дважды посетила в 1893 г. детей Герцена в Лозанне и побывала у членов его семьи в Париже. В «Путевых заметках» перечислены портреты, картины, украшавшие стены дома, где жили дети Герцена, дается описание альбомов и мемориальных вещей, им принадлежавших.

Второй документ — записная книжка, обнаруженная нами среди бумаг «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 346) и озаглавленная «Catalogue: portraits, gravures, tableaux Alexandre Herzen» («Каталог портретов, гравюр, картин Александра Герцена», далее всюду сокращенно—«Catalogue»). Составлен «Catalogue» Николаем Александровичем Герценом (внуком Герцена)[2], по всей вероятности в связи с подготовкой к печати «Полного собрания сочинений Герцена» в 22 томах, под редакцией М. К. Лемке (1915—1922). По первоначальному замыслу издание должно было быть богато иллюстрировано (I, XXVI—XXVII). Замысел этот, как известно, осуществлен не был.

К периоду работы М. К. Лемке над полным собранием сочинений Герцена относится и третий документ, содержащий перечень изобразительных материалов, связанных с Герценом, и сохранившийся в бумагах самого Лемке (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 21). Документ представляет собою составленный им же план иллюстрирования указанного собрания сочинений Герцена. При подготовке плана Лемке использовал не только материалы семейного герценовского архива, с которым он ознакомился во время посещения Н. А. Герцен в Лозанне, но также и материалы русских архивов, музеев и частных собраний[3].

Особый интерес работе Лемке придают критические оценки сходства портретов. Такие же оценки встречаются, правда реже, и в «Путевых заметках» Е. С. Некрасовой. Даются они со слов членов семьи Герцена и главным образом Н. А. Герцен (дочери).

Сопоставив заключающиеся в названных источниках сведения с иконографическим материалом «пражской коллекции», можно легко убедиться, что многие портреты, хранившиеся в семейном архиве Герцена, в коллекции отсутствуют. Отметим наиболее ценные из них, местонахождение которых сейчас неизвестно.

Во всех трех списках указаны альбомы. В «Путевых заметках» описано четыре альбома:

«1) Большой альбом с карточками, где иногда по странице, а то и по две заняты карточками одного и того же лица; карточки расположены в хронологическом порядке. Это очень любопытный альбом: тут как бы в лицах рассказывается биография каждого из детей Герцена; тут и карточки многих друзей.

2) Альбом маленький, подаренный Александром Ивановичем Лизе. Тут все карточки Лизы.

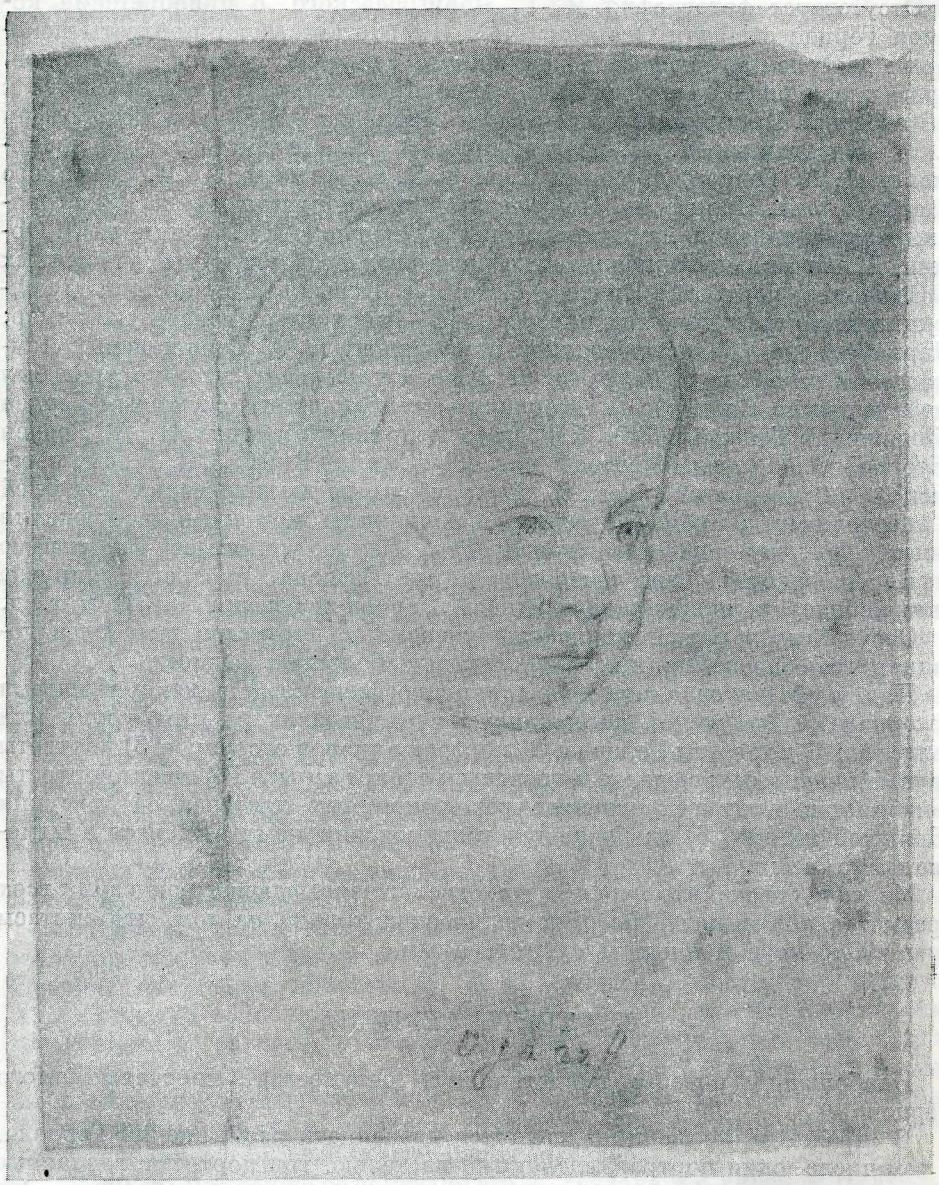
3) Альбом, подаренный Герценом Огареву, который начинается надписью, сделанной рукой Александра Ивановича: „Больше друзей не позволяется иметь в 48 лет“ („В этом альбоме,—добавляет Е. С. Некрасова,— все друзья“).

4) Большая книга в хорошем переплете, подаренная Огаревым Александру Ивановичу, а он уже подарил ее Наталье Александровне».

В «Catalogue» упоминаются также четыре альбома: альбом, подаренный Герценом Огареву, «альбом 1860 г.», «альбом 1861 г.» и «альбом, подаренный Касаткиным». Один из этих альбомов, вероятно, принадлежал Лизе, но какой именно — неизвестно.

В списке Лемке названы два альбома: «альбом Лизы» и «альбом А. И. Герцена».

Из всех перечисленных альбомов в «пражскую коллекцию» попал только один — «Большая книга» (см. ниже). Не сохранились в коллекции



ГЕРЦЕН В МЛАДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Рисунок неизвестного художника 1813 г. из альбома, подаренного Герценом Огареву

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

также многие портреты самого Герцена и членов его семьи, о чем подробнее будет сказано в соответствующих разделах нашего обзора.

Отсутствует фотография Н. Г. Чернышевского, о приобретении которой Герцен сообщал Огареву (XIX, 197), отсутствуют портреты некоторых деятелей русского революционного движения шестидесятых годов, в том числе ряда представителей «молодой эмиграции» и людей близко к ней стоящих. Нет упомянутых в списке Лемке и в «Catalogue» фотографий В. И. Касаткина, М. Л. Налбандяна, А. А. Потебни (все три хранились у Н. А. Герцен)[4], братьев Н. И. и Е. И. Утиных, И. М. Савицкого (Стелла), А. А. Черкесова. Не сохранились и портреты многих иностранных революционеров, лично связанных с Герценом: Дж. Мадцини, Ф. Орсини, Ж.-Б. Боке и Гарибальди, которые отмечены Лемке[5]. Нет указанных в «Catalogue» портретов Виктора Гюго и Л. Кошута. Не оказалось в коллекции и портретов многих иностранцев — знакомых Герцена, например: Шарля-Эдмона Хоецкого (рисунок карандашом Н. А. Герцен-жены; Лемке, л. 50); генерала Э. Гауга (л. 47; Герцен упоминает, что «портрет был сделан удачно Сашей»); А. Мордини—гарибальдийца, с которым Герцен сблизился в Генуе (л. 36). Нет здесь и принадлежавших Н. А. Герцен фотографий Мальвиды Мейзенбуг (л. 49) и Эмилии Рив (л. 26). Кроме перечисленных портретов русских и зарубежных политических деятелей и иностранных знакомых Герцена, в коллекцию не попали изображения и некоторых русских его друзей. Так, Лемке упоминает фотографию Н. И. Астракова[6], рано умершего друга Герцена; портреты супругов Энгельсонов (рисунок карандашом Н. А. Герцен-жены, лл. 30, 31) и т. д.

Отсутствие в нашей коллекции указанных портретов тем более досадно, что многие из них представляют большую редкость.

Для удобства ознакомления с иконографическими и мемориальными материалами «пражской коллекции» мы разбили их на пять групп или разделов: 1) портреты Герцена, 2) портреты членов его семьи, 3) портреты друзей и знакомых; сюда же включены и собиравшиеся Герценом портреты декабристов и других русских революционных деятелей, 4) рисунки «Большой книги», 5) изображения герценовских памятных мест и мемориальные вещи.

Укажем тут же, что наш обзор не дает исчерпывающего описания всех предметов коллекции. Мы останавливаемся только на том, что считаем в какой-то мере ценным и существенным.

ПОРТРЕТЫ ГЕРЦЕНА

Наибольший интерес представляют, разумеется, портреты самого Герцена.

В «пражской коллекции» хранится двенадцать изображений Герцена, в том числе один портрет, сделанный пастелью, три портрета, сделанные карандашом, два дагерротипа, одна гравюра, одна литография, две фотографии с натуры, одна фотография с портрета маслом и одна — со скульптуры.

Портреты коллекции относятся к различным периодам жизни Герцена, начиная с детского возраста и кончая изображением его на смертном одре.

Рисунок неизвестного художника 1813 г., изображающий Герцена ребенком, и рисунок, исполненный Филипповичем в 1842 г. в Новгороде, находятся в альбоме, подаренном Герцену Огаревым, и о них подробнее будет сказано ниже, в другой связи.

Оба дагерротипа коллекции сделаны, повидимому, одновременно. Составитель «Catalogue» датирует их началом 1850-х годов. На одном из них (ед. хр. 2) Герцен представлен поколенно, 3/4 влево («Лит. на-

следство», т. 61, 1953, стр. 29)*. Дагерротип попорчен. «Несколько испорченным» значится он и в «Catalogue». Другой дагерротип (ед. хр. 10) изображает Герцена с дочерью Татой. Изображение погрудное, почти прямоличное (там же, стр. 293).

К началу 1850-х годов относится и фотография коллекции. Герцен снят погрудно, 3/4 влево, с закинутой головой (ед. хр. 4). На фотографии внизу дарственная надпись: «Будьте здоровы. 1854, 4 февраля»,— сделанная для М. К. Рейхель. В письме к ней от 5 февраля того же 1854 г. Герцен сообщает, что выслал ей накануне экземпляры «Прерванных рассказов», а 8 февраля пишет: «Ваше письмо получил и очень рад, что кадо** дошло. Да что же вы не написали, похож ли мой портрет? им-то я хотел вас осюрпризить» (VIII, 6—7). Лемке (л. 135) отмечает: «... сходство среднее. У Нат. А. Г. в Лозанне (альбом А. И. Г.). Была приклеена на первый лист „Прерванных рассказов“» (*ЛН*, т. 61, стр. 209).

Портрет Герцена, исполненный пастелью (63 × 52), сделан (видимо, посмертно) по известной фотографии С. Л. Левицкого (1861 г.), которую сам Герцен считал «превосходной» (XI, 170). На фотографии Герцен представлен в рост, сидящим в кресле, поджав под себя одну ногу. Он облокотился о стол и погружен в глубокую думу (см. настоящий том, стр. 167). На портрете «пражской коллекции» (передан ныне в Государственный литературный музей) художник, сохранив позу Герцена, изобразил его по пояс (*ЛН*, т. 61, стр. 153). Автор портрета неизвестен. Отметим попутно, что Герцен, по словам В. В. Стасова, прислал Н. Н. Ге свою фотографию 1861 г. работы Левицкого и что «поза фигуры Спасителя, как мы ее видим в „Тайной вечере“ Ге, была первоначально внушена художнику портретом Герцена», т. е. этой фотографией, повторение которой дается и в пастели «пражской коллекции» («Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка». Составил В. Стасов. М., 1904, стр. 120).

С той же фотографии Левицкого 1861 г. сделана и гравюра, оттиск и клише которой хранятся в коллекции (ед. хр. 3). Ни фамилия гравера, ни время исполнения гравюры на листе не обозначены. Судя по манере, она относится к началу XX века, может быть к 1912 г. — году столетнего юбилея со дня рождения писателя. Художественного интереса гравюра не представляет.

Сохранившаяся в «пражской коллекции» фотография (ед. хр. 8) знакомит нас с неизвестным портретом Герцена работы Н. А. Герцен (дочери) (*ЛН*, т. 64, печатается). Е. С. Некрасова, посетившая квартиру А. А. Герцена в Лозанне, пишет: «Тут же я узнала, что все картины, которые висят в гостиной, принадлежат кисти Таты ⟨...⟩ Это несомненный и большой талант ⟨...⟩ „А портрет дедушки, рисованный Татой, разве вы не видели?“ —спросила меня ⟨...⟩ старшая дочь А. А. Герцена, Ольга. И она повела меня в столовую. Портрет А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩ в профиль висел на стене. Сделан превосходно.

„И вы бы мне также не показали его,— сказала я с упреком Н⟨аталье⟩ А⟨лександров⟩не,— если бы не милая ш-lle Ольга?“ Тата улыбнулась мне своей чудной улыбкой».

Наталья Александровна писала портрет отца в 1867 г. во Флоренции, одновременно с Н. Н. Ге (XIX, 205—213; см. также нашу статью в настоящем томе, стр. 458).

В списке Лемке (л. 178) портрет указан с пометой: «У Нат. А. Герцен. Похож очень». В «пражскую коллекцию» портрет не попал. Он остался в семье младшей дочери Герцена, О. А. Моно, и находится теперь в Версале у внучки Герцена, г-жи Шарль Рист.

* Ссылки на иллюстративный материал, воспроизведенный в томах «Лит. наследства» и упоминаемый в настоящей работе, даются далее сокращенно: *ЛН*, т., стр.

** подношение (франц.).

У внука Герцена, ныне покойного московского хирурга — академика П. А. Герцена хранилась автокопия этой работы (теперь в собрании его вдовы — Н. Ю. Герцен), подаренная «тетей Татой» (*ЛН*, т. 62, фронтиспис). Существовала, повидимому, еще одна автокопия с этого портрета. По словам г-жи Рист, она принадлежала другому внуку Герцена—Владимиру Александровичу. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

К 1860-м годам надо отнести также неизвестный рисунок карандашом из «пражской коллекции» (ед. хр. 11). Герцен представлен на нем в рост, сидит в кресле с поджатой ногой, в руках у него книга. Изображение прямоличное. Кем сделан рисунок, не установлено. Он набросан очень эскизно и иконографического интереса не представляет.

Кроме указанных портретов, в «пражской коллекции» есть также известное изображение Герцена в гробу, литография Спринка (*ЛН*, т. 39-40, стр. 557), и фотография Герцена на смертном одре (ед. хр. 12 и 14; настоящий том, стр. 525).

К фотографии приклеена записка Николая Александровича, внука Герцена, в которой сообщается, что портрет мало похож. По словам Е. С. Некрасовой, Н. А. Герцен (дочери) этот портрет также казался непохожим. «На этом портрете,— сказала она,— очень изменился нос».

Наконец, в «пражской коллекции» хранится упомянутый Е. С. Некрасовой снимок с модели надгробного памятника Герцена на горе Шато в Ницце работы скульптора П. П. Забелло (ед. хр. 16; *ЛН*, т. 62, стр. 295).

Приведенным перечнем ограничиваются портреты Герцена, находящиеся в «пражской коллекции». Все перечисленные изображения писателя, кроме литографии Спринка и модели надгробного памятника, до сих пор в печати не были известны. Они воспроизводятся впервые в настоящем издании (за исключением рисунка 1860-х годов и гравюры 1912 г., интереса, как мы сказали, не представляющих).

* * *

Портретами Герцена из «пражской коллекции» далеко не исчерпываются изображения Герцена, находившиеся в его семейном архиве.

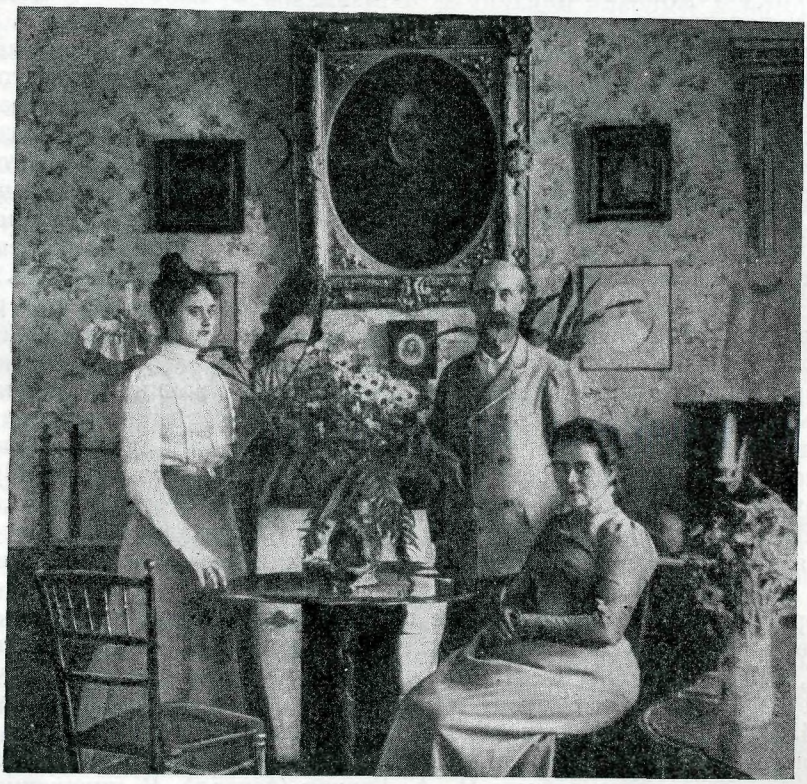
Е. С. Некрасова в «Путевых заметках», кроме фотографических карточек Герцена, помещенных в альбомах, и зарисовок карандашом, хранящихся в папках, отметила пять портретов, украшавших стены квартиры его сына.

«На стене,— пишет Е. С. Некрасова,— висит портрет молодого двадцатипятилетнего А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, сделанный карандашом еще в Вятке художником Витбергом». Речь, конечно, идет о портрете работы Витберга, о котором упоминалось в переписке А. И. Герцена с Н. А. Захарьиной (в настоящее время — в собрании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. См. в настоящем томе сообщение А. Ф. Коростина, стр. 649—654).

Е. С. Некрасова сообщает далее еще о трех изображениях Герцена, которые висели в гостиной: 1) «Он сидит, облокотившись на стол». Судя по позе, это описанный нами портрет, исполненный пастелью по фотографии С. Л. Левицкого 1861 г. и поступивший в «пражскую коллекцию». 2) Е. С. Некрасова упоминает затем «хороший экземпляр портрета, сделанного в Париже Леоном Ноэль кистью». Эта справка дает право предположить, что в основе литографии Ноэля 1847 г. (см. настоящий том, стр. 301) лежал не дагерротип, как считалось ранее, а портрет, написанный кистью. Лемке (л. 121), упоминая о литографии Ноэля, также говорит, что она воспроизводит портрет, сделанный в Париже в 1847 г. с натуры, «сходство среднее». Местонахождение этого портрета неизвестно. В «Cata-

logue» также значится только «литография 1848—1849 гг. Париж»— несомненно литография Ноэля. В «пражской коллекции» эта литография отсутствует[7]. 3) «Большой портрет масляными красками А〈лександра〉 И〈вановича〉 работы Ге». В коллекцию портрет также не попал.

Н. Н. Ге, мечтавший сделать портрет Герцена «для потомства», написал его во Флоренции, в 1867 г. В списке Лемке (л. 180) сообщается: «Флоренция. 1867. Красками. Натуральной величины. Рисовал Н. Н. Ге. Первый оригинал у самого Ге, второй — в Третьяковской галерее, третий — у Н. А. Герцен; лучший 1-й».



У А. А. ГЕРЦЕНА В ЛОЗАННЕ
А. А. Герцен с женой и дочерью Нериной (?)
Фотография, 1890-е гг.
Литературный музей, Москва

Впрочем, Лемке в данном случае ошибся. В Третьяковской галерее находится не второй, а первый оригинал портрета, т. е. не автокопия, а подлинный портрет Герцена работы Ге, действительно долгое время остававшийся у художника. «У меня,— писал В. Г. Перов 3 февраля 1870 г. П. М. Третьякову,— был Мясоедов и сообщил некоторые подробности относительно портрета Герцена, который находится у Ге. Он писал его *для себя* 〈курсив наш.— *Н. А.*〉 и очень им дорожит как воспоминаниями прошедшего. Портрет, как говорит Мясоедов, превосходный, и он находит, что 〈это〉 лучший портрет из всех портретов Ге. Приобрести его было бы для вас очень интересно» (Третьяковская галерея. Отдел рукописей). Это, однако, удалось Третьякову не скоро. Портрет поступил в галерею лишь в 1878 г. (куплен за 1000 р.). Факт продажи Третьякову подлинника, а не автокопии подтверждается собственноручной записью художника,

обнаруженной нами в бумагах Н. П. Собко. В ответе на анкету, рассылавшуюся Собко при его работе над «Словарем русских художников», Ге, перечисляя свои труды, отметил: «1867, Флоренция — А. И. Герцен у г. Третьякова, в Москве» (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, архив Н. П. Собко, ед. хр. 346). Едва ли можно предположить, что речь идет здесь не о подлинном, писанном с натуры портрете, а об автокопии.

Кроме портрета, находящегося в Третьяковской галерее (*ЛН*, т. 61, фронтиспис), и копии, принадлежавшей семье Герцена, известно еще несколько авторских повторений этого портрета. В. В. Стасов указывает, что «Ге, вследствие просьб со всех сторон, написал пять копий с этого портрета», и упоминает еще и о шестой и седьмой копиях («Николай Николаевич Ге», цит. изд., стр. 221 и 266). Одна из них находится теперь в Киеве, в Музее русского искусства. Судьба остальных неизвестна. Копия, сделанная Ге для самого Герцена, осталась за границей, у наследников писателя. Стасов дал высокую оценку портрету Герцена работы Ге: «Портрет Герцена лучший (даже по краскам) из всех портретов, написанных Н. Н. Ге во всю его жизнь, и один из совершеннейших портретов всей русской школы» (там же, стр. 164; см. также нашу статью «Герцен в изобразительном искусстве».— «Лит. наследство», т. 41-42, М., 1941, стр. 627—630). Насколько можно судить без наглядного сопоставления работ, Ге, неоднократно воспроизводя портрет Герцена, в автокопиях не так тщательно выписывал детали.

Перевозка портрета Герцена в Россию через границу была связана с большим риском. По свидетельству Стасова, портрет «провезли, наклеив на живопись тонкий лист бумаги, на котором был слегка нарисован красками Моисей» («Николай Николаевич Ге», цит. изд., стр. 220). Существует и другая, но малоправдоподобная версия этого эпизода. Писатель Д. Л. Мордовцев рассказывает, будто портрет удалось перевезти благодаря тому, что Герцену нарисовали царский орден — «повесили Анну на шею» (там же, стр. 220—221).

Герцен остался доволен своим изображением, сделанным Ге. «Портрет Ге — chef-d'œuvre. Тата будет его копировать»,— писал он Огареву (XIX, 215). О намерении Н. А. Герцен копировать портрет мы узнаем также из письма ее к Огареву (см. в настоящем томе нашу публикацию, стр. 458). Было ли осуществлено это намерение, неизвестно.

Пятым из перечисленных в «Путевых заметках» портретов Герцена является его портрет работы Н. А. Герцен (дочери). В «пражскую коллекцию» портрет, как мы уже указали, не попал. Мы познакомились с ним по фотографии, находящейся в этой коллекции и по упомянутой автокопии.

В «Catalogue» отмечен еще портрет Александра Ивановича demi-nature, в серой блузе, в профиль, масляными красками, написанный «тетей Татой». Об этом портрете нет упоминаний в «Путевых заметках», но в описи Лемке (л. 189) он значится: «Женева. Château Boissière. Портрет масляными красками, небольшой. Рисовала Н. А. Герцен. Бюст, в серой блузе, профиль. У Н. А. Герцен. Похож. „Взгляд усталый“ (Н. А. Г.)». Поставленные Лемке кавычки и инициалы в скобках означают, что цитируются подлинные слова Н. А. Герцен (дочери). В «пражскую коллекцию» и этот портрет не попал. Как и большой портрет работы Н. А. Герцен, он остался у г-жи Шарль Рист в Версале.

По словам Е. С. Некрасовой, А. А. Герцен показал ей «две бумажки, которые у него очень бережно хранятся: на одной — портрет Александра Ивановича, сделанный карандашом, на другой — головка Натальи Александровны, тоже сделанная карандашом. Обе вещи нарисованы самой Натальей Александровной (женой). На последней надпись: „Для

Саши 1851 года", не помню какого числа. Под его профилем стоит тот же 1851 год. Я просила, чтобы сняли фотографии с ее карандашной головки» («Путевые заметки»).

Видимо, просьба Е. С. Некрасовой не была удовлетворена, так как снимков с этих карандашных рисунков нет ни в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, где хранятся бумаги Е. С. Некрасовой, ни в Историческом музее, куда перешли материалы комнаты 1840-х годов.

Эти столь интересные рисунки не упомянуты ни в списке Лемке, ни в «Catalogue».

Е. С. Некрасова рассказывает о фамильном альбоме, в котором она видела несколько карточек А. И. Герцена. На одной он представлен молодым. Возможно, что это снимок с портрета 1832 г. работы А. Збруева (*ЛН*, т. 39-40, стр. 33). Среди материалов «пражской коллекции» этой карточки нет. Не упоминает о ней ни Лемке, ни «Catalogue». Далее в «Путевых заметках» описан «снимок с Герцена конца 60-х годов с странным длинным носом, искаженный какой-то. По словам сына, диабет у него продолжался лет 6»,— пишет Некрасова. В нашем архиве нет этой предсмертной карточки, которая так не понравилась автору «Заметок». Из известных карточек Герцена ни одна не соответствует данному описанию.

К одному из наиболее поздних изображений Герцена принадлежит фотография, о которой М. К. Лемке писал (л. 167): «Стоит, облокотившись на обрубок дерева, во весь рост, в светлом пальто ⟨...⟩ Сходства мало. Это, вероятно, последний прижизненный портрет Герцена». Однако черты лица Герцена здесь нисколько не искажены. На экземпляре этой фотографии, хранящемся теперь в Литературном музее, Герцен написал: «В память встречи в Париже в октябре 1869» (*ЛН*, т. 61, стр. 383).

В числе лучших портретов Герцена Е. С. Некрасова называет дагерротип 1850—1852 гг. (Герцен в белой шляпе — *ЛН*, т. 61, между 112—113 стр.) — известное изображение, много раз публиковавшееся по копии Морозова 1904 г. (*ЛН*, т. 39-40, стр. 293), и упомянутую нами фотографию Левицкого 1861 г. В списке Лемке (л. 168) эта фотография также значится с пометой: «Очень похож».

В «Catalogue» отмечены 18 портретов Герцена. Только четыре из них: рисунок, изображающий Герцена ребенком, портрет, сделанный в Новгороде, и два дагерротипа (с дочерью Татой и попорченный дагерротип начала 1850-х годов)— попали в «пражскую коллекцию». Два портрета, указанные в «Catalogue», перечислены также в «Путевых заметках»: это парижская литография Ноэля и дагерротип, на котором Герцен изображен в шляпе. Автор «Catalogue» уточняет время и место съемки этого дагерротипа: «1850 г. Ницца». Далее в «Catalogue» перечислены: 7. «Фотография портрета А. И. Герцена, нарисованного Витбергом». Подлинник, описанный Некрасовой, в «Catalogue» не упоминается. Лемке (л. 102) тоже говорит о фотографии с витберговского портрета, находившейся у Н. А. Герцен. Местонахождение оригинала ему не было известно. 8. «Фотография. Лондон 1856 г. со скрещенными руками, в альбоме». Фотография Герцена 1856 г. известна по экземпляру Пушкинского дома. На этом экземпляре надпись: «Послана была Герценом с В. И. Касаткиным Н. Х. Кетчеру, а Касаткин отдал мне (П. Ефремов)». Под этой надписью другим почерком: «Редкость». 9. «Герцен и Огарев в конце 50 годов». До нас дошло несколько снимков с изображением рядом сидящих или стоящих друзей; снимки относятся к 1860 и 1861 гг. Какой из них имеет в виду составитель «Catalogue», решить невозможно[8]. 10. «Портрет в шляпе. Начало 60-х годов». Вероятно, имеется в виду фотография 1865 г. Один из экземпляров хранится в Литературном музее, другой — в Пушкинском доме (изображение поколенное и прямоличное; стоит позади балюстрады, облокотившись на нее). Снимок сделан в Монпелье. На экземпляре Государствен-

ного исторического музея надпись Герцена: «Простите великодушно старичка. Фев. 1865» (см. настоящий том, стр. 317). Кому была сделана эта надпись, неизвестно. На экземпляре Пушкинского дома надпись карандашом: «M-me de Loukinine. 6, Avenue de Friedland. От Г. Н. Вырубова». У Лемке (л. 173) об этом портрете сказано: «Фотография визитная Rouet. Находится у Н. А. Герцен... Сходство замечательное». 11. «Стоит со скрещенными руками без шляпы. Левицкий. 60-е годы». Речь идет о фотопортрете С. Л. Левицкого,— Герцен стоит, скрестив руки. Лицо чуть обращено вправо. Экземпляр этой фотографии есть в Литературном музее в Москве (*ЛН*, т. 41-42, стр. 63). 12. «Сидит в кресле». Это уже упомянутый нами снимок, сделанный тем же Левицким в Париже в 1861 г., один из самых удачных снимков Герцена. 13. «Клише. Разговор с самим собою». Это известное изображение Герцена, на котором он представлен в двух видах: сидящим на стуле и стоящим перед самим собой в укоризненной позе (*ЛН*, т. 64, печатается). На этом шуточном портрете Герцен 10 апреля 1865 г. сделал дарственную надпись дочери Ольге: «Два папы, экзаменующие Ольгу или совещающиеся после экзамена» (XVIII, 76.— Уточнено по фотографии ГИМ). Этот монтаж Левицкого ранее было принято в либеральных кругах понимать иначе, и он получил название: «Герцен читает сам себе нотацию за свои статьи о Польше». 14. «Сидит. В закрытой раме; снят в 50-х годах». О каком портрете идет речь, неизвестно. 15. «Портрет А. И. Герцена в „Panthéon Parisien", с краткой биографией, написанной Шарлем-Эдмоном. 1861». «Panthéon Parisien» —альбом знаменитых современников. Портрет представляет собою воспроизведение, в тексте биографического очерка, фотографии Левицкого 1861 г. Лемке (л. 159) упоминает о двух экземплярах альбомных листов «Panthéon Parisien» с портретом Герцена. «Один,— пишет он,— находится в И⟨мператорской⟩ публичной библиотеке ⟨теперь библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⟩, другой у Н. А. Герцен (дочери). Фотография визитная. Стоит, рука в кармане пиджака, по колено. Сходство порядочное» (*ЛН*, т. 62, стр. 525). Портрет был издан с целью усиления польского революционного фонда. Герцен принимал участие в распространении портрета. «Вы меня дарите биографией, вы меня прославляете и посредством солнечных лучей и пером»,— писал Герцен 1 октября 1861 г. Шарлю-Эдмону (Хоецкому) из Лондона. Ему же, несколько раньше — 15 августа того же года: «Что касается карточек, то я мог бы много их продать здесь через посредство Трюбнера».

Наконец, в письме от 29 октября, подтверждая получение портретов, он обещает продать «все 50» и переслать деньги «с первым едущим путником» («Звенья», II, 1933, М., стр. 371 и 375). 16. «Большой портрет Ге». 17. «Портрет работы Н. А. Герцен (дочери)» и 18. «Demi-nature также ее работы». Эти три последние портрета, указанные в «Catalogue», были уже нами отмечены.

В списке Лемке дается описание 35 прижизненных и 5 посмертных портретов Герцена. Ряд портретов, перечисленных Лемке, не указан ни в «Путевых заметках», ни в «Catalogue». Не обнаружены они и в «пражской коллекции».

Лемке (л. 104) упоминает портрет с подписью «А. И. Герцен. 1838, Владимир», сделанной неизвестной рукой. Этот портрет знаком нам лишь по фотографии (*ЛН*, т. 7-8, стр. 287). Подлинник, работы неустановленного художника, повидимому, утрачен. Никаких упоминаний об этом владимирском портрете в литературе не имеется. Портрет производит странное впечатление. На нем Герцен не похож ни на одно свое изображение в молодости и кажется старше своего возраста. Его лицо окаймлено бакенбардами, почти сходящимися у подбородка. Он одет в темный плащ и клетчатые брюки. На голове — колпак.

На л. 120 упомянута карикатура карандашом, хранившаяся у Натальи Александровны (дочери). Герцен изображен «в ермолке, Корш и третья фигура». Известна другая карикатура, на которой Герцен нарисован в ермолке, но на той карикатуре (работы К. Горбунова), кроме Герцена, изображены шесть лиц: Х. Я. Рейхель, Е. Ф. Корш, Кетчер, Анненков, Панаев, Грановский («Герцен. Сборник Гос. литературного музея». М., 1946, стр. 95). Возможно, что обе карикатуры принадлежат к одной и той же серии.

На л. 153 указан гипсовый бюст работы Грасса (1858—1859). Этот бюст был заказан Трюбнером. Н. А. Тучкова-Огарева находила его очень удачным (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М.—Л., 1929, стр. 259). Герцен также считал его «превосходным» и хотел «для себя отлить два бронзовых (маленьких)» (IX, 389). Однако скульптор много раз переделывал свою работу. «Грасс,— писал Герцен,— совсем испортил мой бюст: он его поправлял потом» (X, 354). Лемке пометил: «Неудачный. Находится у Николая Александровича Герцена» (местонахождение скульптуры теперь неизвестно).

На л. 156 упоминается портрет работы О'Коннель 1860 г. и сделана ссылка на «Воспоминания» Н. А. Огаревой-Тучковой. «...Г-жа О'Коннель, занимающаяся живописью,— рассказывает Н. А. Огарева-Тучкова,— и вовсе незнакомая ему ⟨Герцену⟩, написала ему письмо и спрашивала его, не согласится ли он дать ей пять сеансов, потому что она очень желала сделать его портрет. Когда он пришел первый раз, она приняла его очень любезно, сказала ему, что слышала о нем и, занимаясь живописью, желает сделать его портрет для потомства. Каждый раз, как Герцен приходил, оканчивая сеанс, она благодарила его, говоря, что это большая честь для нее» (Н. А. Тучкова-Огарева. Цит. изд., стр. 285).

Фредерика *О'Коннель* (O'Connel, 1823—1885), урожд. Мите (Miethe),— бельгийская художница. Родилась в Берлине; в 1844 г. переселилась в Брюссель. Ученица Галлэ, выдающегося мастера исторического жанра, О'Коннель известна, главным образом, как портретистка. Ею были исполнены многочисленные портреты выдающихся людей ее времени. Среди других ее работ следует отметить исторические картины: «Петр Великий и Екатерина», «Шарлотта Корде» и пр. Современники высоко ценили работы *О'Коннель*. Критик «Gazette des Beaux-Arts» Ф. Бюрти отозвался о ней как о мастере психологического портрета и как о большом художнике. «Портреты маслом г-жи О'Коннель,— писал он в заметке „Мастерская г-жи О'Коннель",— всегда можно узнать по впечатлению жизненности, которое они производят. Особенно удаются ей страстные натуры ⟨...⟩ Она ищет сходства не столько во внешних чертах, сколько в духовном облике. Материалом она владеет с несравненным мастерством» (F. Burty. L'atelier de M-me O'Connel.— «Gazette des Beaux-Arts», 1860, Paris, p. 353).

Можно предположить, что портрет Герцена работы О'Коннель был создан в обычной для художницы манере «психологического» портрета.

Сказанное Бюрти не расходится с отзывом Герцена о художнице. «M-me О'Коннель — замечательный талант ⟨...⟩ Рисует со смелостью страшной»,— писал он Огареву 21 июня 1862 г. (XV, 220).

Из письма Герцена к сыну от 20 мая 1863 г. мы узнаем, что портрет выставлялся в Париже и был отмечен прессой (XVI, 264). В отчете о выставке в Салоне газета «L'Indépendance Belge» писала: «С точки зрения изображенных лиц представляют интерес и несколько других портретов, например, портрет знаменитого русского публициста г-на Александра Герцена работы г-жи О'Коннель. У Герцена, обладающего глубиной ума немца и остротой француза, прекрасная голова, лоб мыслителя

и взор художника» (W. B u r g e r. Salon de 1863 à Paris.— «L'Indépendance Belge», № 139 от 18 мая 1863 г., стр. 2, см. также: «Salons de W. Burger. 1861—1868». Paris, 1870).

Заслуживает внимания, что автором цитированных статей являлся хорошо знакомый Герцену известный французский критик и участник революций 1830 и 1848 гг.— Теофиль Торэ (1807—1869), скрывшийся под псевдонимом В. Бюрже. Дальнейшая участь этого интересного портрета Герцена неизвестна. Лемке включил его в число предполагаемых иллюстраций для редактировавшегося им издания, но местонахождения портрета он не знал, не имел и репродукций с него.

Из записей «Catalogue» и «Путевых заметок» нельзя понять, отмечена ли в них гравюра М. Леммеля, изданная Герценом в 1854 г., приложенная к «Прерванным рассказам» в 1857 г., а в 1858 г.— ко второму изданию «Писем из Франции и Италии» и к книге «Тюрьма и ссылка» (*ЛН*, т. 39-40, стр. 389). С этого портрета Т. Г. Шевченко сделал набросок в своем дневнике (*ЛН*, т. 62, стр. 641). Портрет Герцена работы Астафьева (там же, стр. 313) также сделан по гравюре Леммеля. Неизвестно, какие фотографии имел в виду Лемке на следующих листах: л. 147 — «Лондон, 1856. Сидит, скрещены руки, около столик, в рабочей тужурке. У Нат. А. Герцен. Похож»; л. 164 — «Монпелье, 1863. Фотография визитная Rouet. Сидит в железном садовом кресле в мягкой шляпе, в пальто, руки вместе, en-face, до колен. У Нат. А. Герцен (альбом Лизы), похоже»; л. 179 — «1867. Фотография визитная. Бюст en-face. У Нат. А. Герцен (альбом Лизы), сходства мало»; л. 185—«1860-е гг. Женева. Фотография визитная Boissonas, бюст, у Нат. А. Герцен (альбом Лизы), сходство неудовлетворительное».

Итак, мы видим, что в «пражской коллекции» находится лишь небольшая часть изображений Герцена, принадлежавших его семье, и что ценнейшие портреты его в коллекцию не попали. Не следует, тем не менее, недооценивать значения нашего собрания — в нем, как мы уже видели и увидим далее, есть также много нового и весьма интересного.

ПОРТРЕТЫ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ГЕРЦЕНА

Из иконографических материалов, относящихся к жене Герцена, в «пражской коллекции» хранятся: 1) портрет маслом Натальи Александровны, 2) дагерротип с нее и 3) акварельный портрет, запечатлевший ее на смертном одре. В коллекцию попала также картина маслом, изображающая ее похороны, маска с ее лица, гипсовый и бронзовый слепок с ее руки.

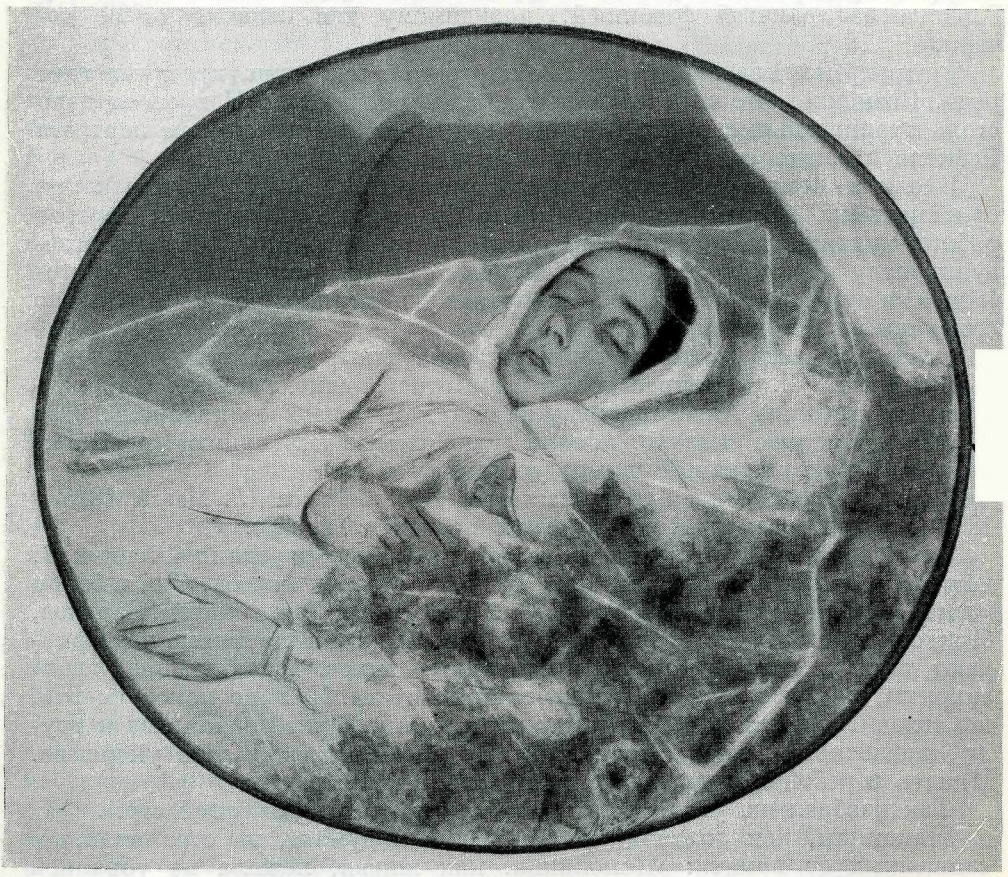
На портрете маслом (поколенный — 13 × 18, овал — 11 × 9) Наталья Александровна представлена сидящей в кресле темнокрасного цвета, на фоне лилового занавеса. На ней зеленое платье. Лицо обращено вправо (ед. хр. 31; *ЛН*, т. 61, между 312—313 стр.). Об этом портрете вспоминала, по всей вероятности, Е. С. Некрасова в «Путевых заметках»: «Портрет Натальи Александровны красками в виде кабинетного. Тата о нем сказала: „По моему он не похож. Он рисован не с оригинала. Папаша, вероятно, заказал кому-нибудь рисовать по портретам...“».

Портрет, действительно, сделан по дагерротипу. В списке Лемке (л. 138) дагерротип этот указан с пометой: «Ницца, 1851 ⟨...⟩ Один из лучших портретов».

Дагерротип Натальи Александровны, хранящийся в «пражской коллекции» (ед. хр. 32), судя по изможденному лицу, относится к последним годам ее жизни. Поясное изображение; 3/4 вправо (12 × 5, овал — 7,5 × 6; *ЛН*, 64, печатается). Лемке (л. 140) отмечает: «Ницца, 1851.

В белом платье, на кресле, руки на коленях. У Нат. А. Герцен. Сходство небольшое».

Как и портреты самого Герцена, далеко не все портреты Н. А. Герцен (жены), находившиеся в семейном архиве, поступили в «пражскую коллекцию». Назовем несколько ее изображений, о судьбе которых мы ничего



Н. А. ГЕРЦЕН (ЖЕНА) НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Пастель Жюли Массе, 1852 г.
«Пражская коллекция»
Литературный музей, Москва

не знаем. В «Путевых заметках», кроме отмеченного нами портрета маслом в овале, описан: «Большой портрет масляными красками ‹...› неизвестного художника. Портрет нехорош: она ‹Н. А.› вышла с толстыми щеками, с выдающимся вперед подбородком, с карими глазами. А известно, что она всегда была худенькая, подбородок не выдавался, глаза не карие, а серые» (судя по портрету К. Горбунова, скорее синие.—*Н. А.*).

На снимке кабинета Н. А. Герцен (дочери) в Лозанне, хранящемся в «пражской коллекции», можно разглядеть на стене этот портрет. Однако судить о его качестве по снимку нельзя (настоящий том, стр. 833).

Местонахождение этого портрета теперь неизвестно. Вызывает сомнение характеристика его в «Путевых заметках». Автор настоящей статьи видел в 1914 г. в кабинете дочери Герцена, Натальи Александровны,

большой портрет ее матери масляными красками. Этот портрет не произвел того впечатления, о котором писала Е. С. Некрасова. Н. А. Герцен (дочь) указала на него, сказав с большой нежностью: «Вот мамаша».

В «Catalogue» упоминается о двух портретах жены Герцена: «Большой рисунок карандашом, сделанный с Натальи Александровны Захарьиной в Ницце» и портрет масляными красками Натальи Александровны Захарьиной (вероятно, Рейхеля)». Составитель «Catalogue» называет жену Герцена ее девичьей фамилией, повидимому для отличия от ее дочери.

Трудно решить заглазно, о каком портрете масляными красками идет речь. Возможно, что это тот портрет, о котором Е. С. Некрасова дала столь отрицательный отзыв. Лемке (л. 109) называет автором портрета Рейхеля и также считает портрет «непохожим».

В описи Лемке отмечены семь портретов Н. А. Герцен (жены): три оригинальных и четыре дагерротипа [9]. Среди них карандашный портрет работы художницы Ж. Массе, той самой, которая писала Наталью Александровну на смертном одре (см. ниже). Из указанных в «Catalogue» и у Лемке портретов в «пражскую коллекцию» попал только описанный нами дагерротип.

Особенный интерес представляют две картины, упомянутые в «Путевых записках» Е. С. Некрасовой, в «Catalogue» и списке Лемке. Они изображают Наталью Александровну на смертном одре и ее похороны. Обе картины, как уже сказано, попали в «пражскую коллекцию» (переданы ныне в Государственный литературный музей).

Первая картина— набросок пастелью Жюли Массе (J. Massé, 1825—1894), картон, размер 41×46 (овал и паспарту 26×29).

За поднятым белым занавесом, на кровати с деревянной спинкой, покоится Наталья Александровна, прикрытая белой кисеей. Она в белом платье, чепец на ее голове тоже белый, с широким бантом. Бледное, бескровное лицо; рот чуть приоткрыт. Белые тона картины подчеркивают темный цвет ее гладко причесанных волос. Ее большие глаза закрыты, длинные тонкие ресницы окаймляют их. На лице покой смерти, не сгладивший следов пережитых страданий. Руки прижимают к груди крошечного младенца, только что родившегося и уже умершего. И мать и ребенок осыпаны красными и белыми розами.

Так изображена усопшая на рисунке (см. на предыдущей стр.).

Напомним, как описана она в «Былом и думах», на страницах, посвященных ее памяти: «Покойница, как живая, лежала на убранной цветами постели возле малютки, скончавшейся в ту же ночь. Комната была обита белым, усыпана цветами (...) Кротко застыли скорби и тревоги, словно страдания окончились бесследно...» (XIII, 559).

Художница иначе восприняла эту картину смерти. В ее изображении нет ничего примиряющего, «кроткого». Мы не воспринимаем здесь Наталью Александровну «как живую».

В «пражскую коллекцию», как мы сказали, попала маска с лица умершей Натальи Александровны (передана ныне в Государственный литературный музей). Сравнивая изображение покойной, сделанное Ж. Массе, с маской Натальи Александровны, можно предположить, что художница, работая над картиной, пользовалась этой маской.

Имя художницы можно прочесть внизу картины, справа. Названо оно и в описи Лемке. Укажем, что портретистка Жюли Массе была ученицей Деларош.

Вторая картина — масляными красками — Ипполита Каффи (Caffi, 1809—1866), холст, размер 40 × 61. Ночь (по итальянскому обычаю похороны происходили ночью), озаренная слабым светом факелов. Похоронная процессия остановилась у высокой стены на склоне горы Шато[10]. У могилы из толпы выделяется человек, держащий за руку мальчика.

На земле венок из темнокрасных роз. Со стен смотрят любопытные. В правом углу кучка посторонних зрителей. Из них один указывает пальцем на печальную церемонию. Тут и там — темные кипарисы. Вдали виднеется море. Картина выполнена в сине-зеленых тонах и как бы озарена лунным светом (наст. том, стр. 361). Имя автора мы узнаем из письма Герцена к М. К. Рейхель от 7 мая 1853 г.: «Я только утром позвал Сашу и Тату и дал каждому по маске в руки и показал картину Каффи» (VII, 223).

Описание похорон Н. А. Герцен включено в «Былое и думы»: «Гроб вынесли. Я твердо шел за ним, держа Сашу за руку ⟨...⟩ Какие-то два француза ⟨...⟩ на улице с ненавистью и смехом указали, что нет священника. ⟨... Огромный венок из небольших алых роз лежал на гробе ...⟩ Когда мы входили на гору, поднялся месяц, сверкнуло море» (XIII, 560).

Видимо, художник точно воспроизвел по рассказу Герцена сцену печального обряда. На картине легко найти Герцена рядом с сыном. Легко узнать и француза, с негодованием указывающего на процессию, и венок из темнокрасных роз.

В письме к Огареву и Н. А. Тучковой-Огаревой Герцен писал: «Прислали мне из Италии оставленные портреты и картину похорон. Мой кабинет, как часовня надгробная, и мне лучше с этими памятниками» (VII, 64).

Е. С. Некрасова в «Путевых заметках» так описала картину И. Каффи, которая висела в доме А. А. Герцена напротив картины Ж. Массе, над литографией Спринка «Герцен в гробу»: «Картина с изображением похорон Натальи Александровны висела над кроватью. Картина большая. масляными красками, но уже прорванная в нескольких местах. ⟨В 1954 г. картина была реставрирована.⟩ Дело идет вечером или ночью. Масса народу. Герцен у могилы держит за руку старшего сына и Наташу».

«Кладбище, где похоронены родители, называется протестантским — почему, не знаю. Здесь никого еще не было ⟨из русских⟩, когда хоронили маму. Она была первая»,— сообщила Е. С. Некрасовой старшая дочь А. И. Герцена.

Ипполит Каффи, автор картины похорон Н. А. Герцен,— итальянский художник, ученик венецианской Академии художеств. Славился изображениями массовых сцен на фоне городских ландшафтов и ночных пейзажей, озаренных светом луны или колеблющимся светом факелов. Каффи — боец за освобождение Италии; погиб в морском бою, сражаясь в рядах гарибальдийцев.

* * *

Переходя к портретам детей Герцена, следует прежде всего отметить зарисовки, сделанные их матерью. Описывая повторное посещение дома А. А. Герцена, Е. С. Некрасова упоминает «большую папку с рисунками и набросками карандашом самой Натальи Александровны». «Надо заметить,— пишет Е. С. Некрасова,—что она никогда не училась рисовать, а между тем наброски сделаны прекрасно. То Ольга ⟨Ольга Александровна Герцен, младшая дочь Герцена⟩ изображена в профиль, будучи годовалым ребенком: у нее головка в ночном чепчике,— то Ольга делает первый шаг. Также несколько набросков Наташи ⟨Натальи Александровны Герцен — Таты⟩ в разных положениях, крошечной девочкой. Она часто изображается вместе с Олей. Тут же несколько силуэтных набросков Александра Ивановича, карикатуры на Кетчера, Щепкина, Корша — и все сделанные Натальей Александровной». Эти силуэты упомянуты и в «Catalogue» и в описи Лемке, где отмечено еще «несколько профилей, нарисованных Н. А. Герцен с Энгельсона, его жены, Хоецкого, Бакунина, Фогта, m-me Пачелли». Ни один из этих силуэтов не попал в «пражскую коллекцию». Здесь сохранился лишь фотоснимок одного из набросков

Натальи Александровны (матери). Рисунок изображает Тату, Ольгу и Энгельсона (ед. хр. 43). Подлинник этого рисунка неизвестен. Это легкий набросок, сделанный тонкими штрихами почти без растушевки. Все фигуры зарисованы со спины. В левом углу, вверху, изображена Тата, стоящая перед пюпитром, на котором развернуты ноты. В левой руке она держит какой-то инструмент, правой упирается в бок. Волосы, еще короткие, едва прикрывают шею. Стоит она, заложив левую ногу за правую. В центре сидит Ольга в чепчике с приподнятой правой ручонкой. Внизу, в правом углу — Энгельсон. Он лежит, опираясь на левую руку. Под каждым рисунком несколько штрихов, обозначающих землю. Внизу, налево — надпись сделанная четким, изящным почерком Натальи Александровны: «Тата, Ольга и Энгельсон. 1851—1852» (*ЛН*, т. 64, печатается).

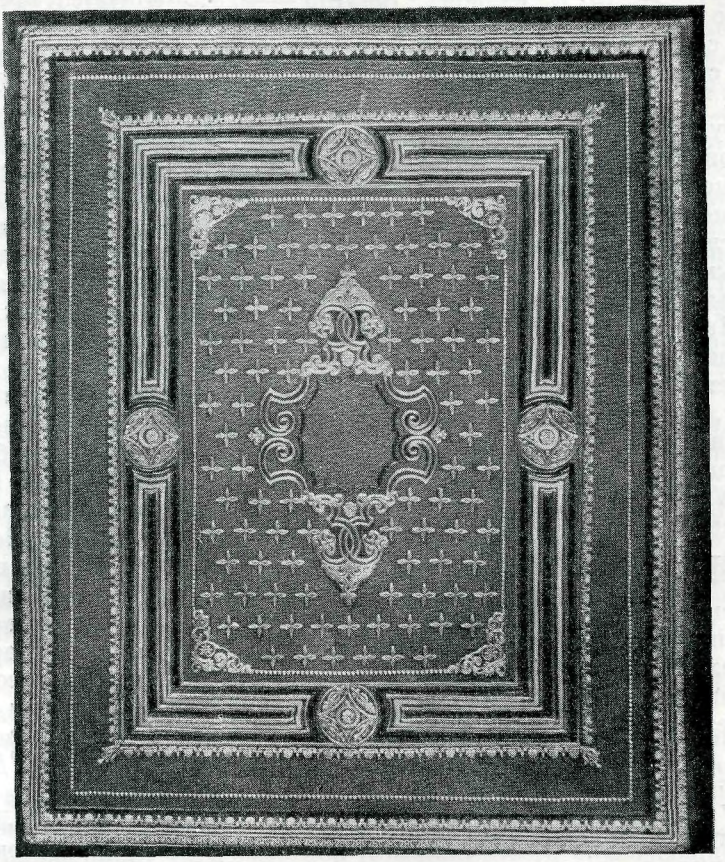
Далее Е. С. Некрасова пишет: «Тут же в этой папке — разные детские рисунки карандашом: то утка, то совсем что-то непонятное с детскими надписями на обратной стороне. Например: „Наташе от Феди“ ⟨Ф. Е. Корш⟩ ⟨...⟩ Под рисунками Натальи Александровны сделаны под каждым ее собственноручные надписи с указанием года. В этой же папке письма на немецком языке утонувшего Коли с приписками его немца-учителя Шпильмана, который утонул вместе с ним. Коля постоянно писал немецкими буквами всюду „Tata duschka“. Тут же и его письмо с роковой дороги, где он утонул». Несомненно, что Е. С. Некрасова имела здесь в виду часть материалов, хранящихся ныне в «пражской коллекции»—в деле, в котором собраны ученические тетрадки глухонемого сына Герцена Коли, его письма к матери и сестре и к М. К. Рейхель (оп. 1, ед. хр. 263). Здесь же письма Шпильмана. В папке восемь рисунков. Но среди них нет того рисунка Коли с изображением Ариосто Орландо с надписью «an Mama», о котором писала его мать в письме к М. К. Рейхель 5 декабря 1851 г. после гибели сына (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 255).

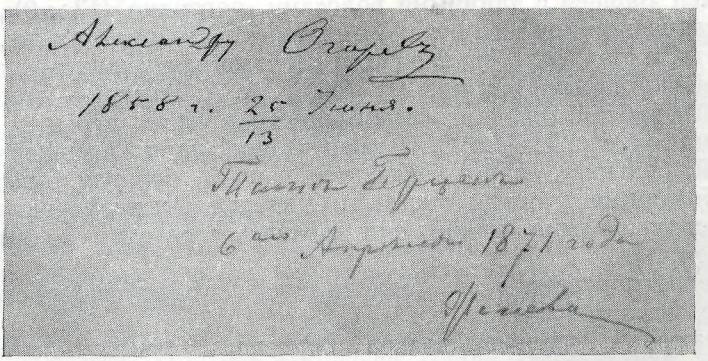
В «пражской коллекции» есть два дагерротипа с изображением Коли. Лучший из них хранится в особом футляре. На этом изображении лицо мальчика отражает мысль не по возрасту, печальную и строгую. Он сидит в кресле, одет в клетчатую курточку, изображение почти прямоличное (настоящий том, стр. 411). На другом дагерротипе Коля представлен сидящим в кресле с поджатыми ногами, с чуть наклоненной головой. Выражение лица, как и на первом, печальное (*ЛН*, т. 61, стр. 311). Внук Герцена, Петр Александрович, рассказывал автору настоящей статьи, что после трагической гибели Коли родители заказали много дагерротипов Коли и разослали родным и друзьям. Е. С. Некрасова видела в доме А. А. Герцена «портрет и не один Коли-покойника»[11].

Память об этом глухонемом ребенке, который своей пылкостью, нежностью, умом внушал любовь всем окружающим, особенно бережно хранилась в семье Герцена.

Лемке (л. 117) отмечает принадлежавшую Н. А. Герцен (дочери) фотографию с рисунка К. А. Горбунова (1845), изображавшего детей Герцена: Сашу, Колю и Тату. Фотография хранится теперь в «пражской коллекции» (настоящий том, стр. 549). Местонахождение оригинала неизвестно. Очень может быть, что это тот самый рисунок, который упоминается в переписке Белинского с Герценом и, повидимому, принадлежал Белинскому. «О портретах твоих детей не сужу,— писал он Герцену 14 января 1846 г.— Саша изменяется, других я не видал. Они понравились моей дочери — она пробовала даже их есть, но стекло помешало...» (В. Г. Белинский. Письма, т. III. СПб., 1914, стр. 95).

В «пражской коллекции» сохранилось несколько изображений старшего сына Герцена — Александра — разных возрастов. Самый ранний его портрет, находящийся в коллекции, относится к 1850 г. Это—





«БОЛЬШАЯ КНИГА» — АЛЬБОМ, ПОДАРЕННЫЙ ГЕРЦЕНУ ОГАРЕВЫМ, И ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ ОГАРЕВА

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

негатив (ед. хр. 36), сделанный с дагерротипа [12]. Мальчик с прекрасным, несколько женственным лицом, с большими мечтательными глазами, в шляпе с широкими полями изображен у кресла, на котором стоит девочка с выпуклым лбом. Эта девочка — его сестра Тата (*ЛН*, т. 61, стр. 317).

На другом портрете (ед. хр. 24) А. А. Герцен представлен романтическим юношей шиллеровского типа (картон, масло, овал, размер 16 × 12). Поколенное изображение, 3/4 влево, работы неизвестного художника. Юноша с длинными волосами, с серо-голубыми большими, задумчивыми глазами, с вялыми чертами лица, невыразительным подбородком и длинным носом с горбинкой. На нем шляпа с широкими полями. Мягкий белый воротник при темном галстуке. Коричневый фрак и рыжий жилет. На правой руке темная перчатка. Левая рука в кармане; правой он опирается о высокую спинку кресла, обитого узорчатой материей. Е. С. Некрасова пишет об этом портрете: «Четырнадцатилетний портрет красками, сделанный для Гарибальди в феврале 1854 г. (вероятно, в связи с посещением Герценом героя итальянского Risorgimento)» — событие, так хорошо описанное в «Былом и думах» (ч. V, гл. XXXVII). Далее Некрасова пишет: «У него ⟨А. А. Герцена⟩ светлые длинные волосы, высокая тирольская шляпа с пером, ну совершенно итальянец». Память Е. С. Некрасовой изменила—перо на шляпе добавило ее воображение. Но она правильно уловила чуждый русскому типу облик этого подростка. Ошибочно и утверждение Некрасовой о происхождении портрета. Как указывает Лемке (л. 144), портрет был сделан не для Гарибальди, а «по заказу Гарибальди, чтобы сделать сюрприз Герцену». Это указание отчасти подтверждается воспоминаниями в «Былом и думах». Гарибальди,— пишет Герцен,—«сделал у Кольдези его ⟨Саши⟩ дагерротип и принес мне его в подарок» (XIV, 175). На основе дагерротипа был сделан портрет маслом (*ЛН*, т. 61, стр. 395). Нахождение портрета в семейном архиве Герцена также говорит в пользу утверждения Лемке. Датируется портрет 1854 г. Лемке называет его «раскрашенной фотографией» и отмечает малое сходство. До поступления в «пражскую коллекцию» портрет принадлежал Терезе Герцен — вдове А. А. Герцена.

На фотографии «пражской коллекции» (ед. хр. 26) А. А. Герцен представлен юношей с длинными волосами, погрудно (12 × 9), 3/4 влево. На ней надпись рукой его отца: «Вот вам и Юниор» (там же, стр. 519). Установить, кому была сделана эта дарственная надпись, не удалось. На другой фотографии (ед. хр. 27) 1905 г. А. А. Герцен — старик с длинной седой бородой, продолговатым лицом и узким носом с горбинкой (настоящий том, стр. 717). Е. С. Некрасова описала его внешность: «Худой, с длинной, большой, скорее седой, чем черной, бородой, продолговатым лицом, большими умными глазами. Наталья Александровна сказала, что они синие, а мне издали они казались черными ⟨...⟩ Улыбка смягчала суровость».

Эту серию портретов А. А. Герцена завершает фотография его на смертном одре (ед. хр. 29) [13].

Изображений старшей дочери Герцена, Натальи Александровны (Таты), в «пражской коллекции» очень мало: имеется один дагерротип в раме (овал 8 × 6): маленькая девочка с выразительным лицом стоит на кресле, в руках цветы (см. *ЛН*, т. 64, печатается)[14], и несколько ее изображений в группе: с отцом (ед. хр. 10 — *ЛН*, т. 61, стр. 293), с братом (ед. хр. 25 — *ЛН*, т. 61, стр. 317), с Терезой — женой А. А. Герцена и с М. К. Рейхель (ед. хр. 12 — *ЛН*, т. 64, печатается).

В архиве хранится также слепок с ее руки.

Отсутствует в «пражской коллекции» иконографический материал, относящийся ко второй дочери Герцена, Ольге [15].

Мало портретов и Лизы — дочери Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой. Е. С. Некрасова видела в Лозанне в фамильном альбоме несколько карточек Лизы. Хранящийся в архиве негатив с изображением Лизы сделан с погрудного портрета работы ее сестры, Н. А. Герцен. Девочка представлена в профиль, с распущенными волосами — живое, выразительное лицо (ед. хр. 45; *ЛН*, т. 61, стр. 833). Сохранился и фотографический портрет Лизы (погрудный, 3/4 влево). Она изображена с распущенными волосами, дарственная надпись: «A mon ami Ernest Reichel de la part de L. Herzen»*[16] (ед. хр. 44, *ЛН*, т. 64, печатается).

В «пражской коллекции» есть несколько фотографий близнецов — детей Герцена и Н. А. Огаревой (ед. хр. 47). Близнецы, прозванные в семье Герцена Леля-бой и Леля-герл, умерли в 1864 г. в раннем детстве. На снимках они запечатлены в жизни и на смертном одре.

Среди портретов коллекции мы находим портрет Н. А. Тучковой-Огаревой. Профильное изображение головы (поворот влево) на плотной бумаге бледнокоричневого цвета. Размер 38 × 27 (ед. хр. 33). Рисунок сделан тушью, кое-где пробелен, местами контуры подчеркнуты карандашом, местами рисунок слегка подкрашен коричневой краской (*ЛН*, т. 61, стр. 751). Он датирован 18 июля. Год не указан. Его можно установить по пометке: Park House. Там семья Герцена жила только в июле 1859 г. Портрет сделан Н. А. Герцен (дочерью). Юная художница, привыкшая рисовать мраморные головы античных статуй, словно вылепила формы головы своей модели, придав им индивидуальные черты. Голова очень рельефна. В письме к М. К. Рейхель от 29 июля 1859 г. Герцен писал: «Тата, которая всегда имела порядочный талант к рисованию, стала делать портреты (пока профили) очень хорошо» (X, 46).

Характер изображенного лица производит двойственное впечатление. Ясный лоб, чуть приподнятые, слабо очерченные брови, широко раскрытые глаза. В глазах что-то недоуменное и печальное. Иное выражение лицу придает нижняя его часть — мясистые щеки, заостренный нос, тонкие губы с напряженной, едва заметной улыбкой, что-то скрывающие, что-то затаившие. Это уже не та «Консуэла», которую так любила жена Герцена, но еще и не та изломанная, всегда подозревающая дурное, глубоко несчастная и другим приносящая несчастие женщина, которая наложила такую мрачную тень на жизнь Герцена и его семьи[17].

Других портретов Н. А. Огаревой-Тучковой в коллекции не сохранилось. Там нет дагерротипного портрета Н. А. Огаревой в виде медальона, о котором писала Е. С. Некрасова. На нем «Консуэла» была изображена в молодые годы, в период своей пылкой дружбы с Натальей Александровной, в те годы, когда И. С. Тургенев посвятил ей свою пьесу «Где тонко, там и рвется».

В «пражской коллекции» находятся два негатива с портретов родителей Герцена (ед. хр. 49). Е. С. Некрасова видела подлинники этих портретов среди фамильных портретов, хранившихся в доме А. А. Герцена.

«Портрет Луизы Ивановны,— пишет она,— матери Александра Ивановича, когда ей было от 30 до 32 лет,— красивая брюнетка с локонами, с особой прической. Портрет Яковлева Ивана Алексеевича молодог , лет 38. Оба портрета сделаны масляными красками. Сделаны прекрасно (как сказал один из сыновей Александра Александровича), на меди, крепостным человеком Яковлева» (настоящий том, стр. 395, 397). Лемке называет автором портретов художника Летунова. О нем Герцен писал невесте: «Но кто же напишет твой портрет? Этого я Летунову не доверил бы ⟨...⟩ Это мог бы сделать Рафаэль» (I, 329).

Из последнего замечания явствует, что недоверие к Летунову вызвано лишь чрезмерными требованиями Герцена.

* «Моему другу Эрнесту Рейхелю от Л. Герцен» (франц.).

Много позднее, в письме к М. К. Рейхель (от 1 августа 1854 г.) Герцен просил выслать ему в Лондон портреты его родителей работы Летунова (VIII, 94). Из воспоминаний Т. П. Пассек мы узнаем, что Летунов был крепостным Л. А. Яковлева и учителем рисования Герцена.

«У сенатора,— пишет она,— был еще крепостной талантливый художник-живописец, Летунов. Он изящно рисовал образа, которыми сенатор щеголял и раздаривал их родным и знакомым. Летунов давал уроки рисования мне и Саше, был тих, грустен и иногда высказывал нам свое беспокойство относительно сыновей своих, которым давал некоторое образование. Он имел большое семейство, был беден; о выкупе нечего было и думать. Спустя много лет, я узнала, что один из его сыновей вышел хорошим медиком и был несколько времени инспектором в московской студенческой больнице. Как кончилась судьба Летунова, как освободились его дети, вышел ли он сам из крепостного состояния,— мне неизвестно» (цит. по корректуре «Воспоминаний Т. П. Пассек»— неизд., хранится в ИРЛИ; см. в настоящ. томе стр. 15, о Летунове см. также архив Н. П. Собко — ГПБ, ед. хр. 1301, картотека П. Н. Петрова, л. 84).

Судя по снимкам с портретов, хранящихся в «пражской коллекции», Летунов был действительно талантливым портретистом.

Среди московских художников первой половины XIX в. мы находим живописца Ивана Захаровича Летунова, ученика московского художественного класса. В 1835 г. за акварельный «Портрет крестьянина» он получил от Академии художеств звание неклассного художника. С этим Иваном Летуновым и надо, повидимому, отождествить автора портретов родителей Герцена. А так как звание неклассного художника мог получить только человек свободный, надо думать, что Летунову удалось все же получить вольную.

Лемке (лл. 100—101) датирует портреты 1825—1830 гг. Портреты были перевезены из России и находились у Герцена.

«Вчера вечером ‹...› явился Куманин от Егора Ив.; привез портреты Ив. Алек. и Луизы Ивановны...»,— сообщал Герцен М. К. Рейхель 25 марта/6 апреля 1862 г. (XV, 101). Портретами этими Герцен дорожил; посылая сыну из Лондона в Италию вещи, он писал 28 декабря 1862 г.: «Корабль, на котором посылаются вещи, не мог выйти за бурями и, кажется, отправится только на-днях ‹...› Одной вещи будет всего жальче, если погибнет: Тата просила портреты Ив. Ал. и мам‹ень›ки›, я их послал» (XVI, 566).

По указанию Лемке и автора «Catalogue», портреты были у Терезы Герцен (вдовы А. А. Герцена). Из «Catalogue» (л. 20 об.) мы узнаем, что с них были сделаны кем-то (не Н. А. Герцен-дочерью ли?) копии маслом[18]. В настоящее время, как сообщает г-жа Шарль Рист, портреты находятся у ее сына Леонара Риста, в Вашингтоне. Однако принадлежат ли ему летуновские подлинники, или копии с них, нам неизвестно.

Кроме снимка с портрета матери Герцена работы Летунова, в архиве имеется еще дагерротип с ее изображением в овале (10 × 7), который Е. С. Некрасова видела у А. А. Герцена (*ЛН*, т. 61, стр. 309).

В списке Лемке этот портрет, принадлежавший Н. А. Герцен (дочери), указан с пометой: «Очень похож» (л. 137).

ПОРТРЕТЫ ДРУЗЕЙ. ПОРТРЕТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Из лиц, связанных с Герценом, первое и исключительное место принадлежит Огареву, другу Герцена, «ближайшему из близких». В семейном архиве Герцена хранилось несколько изображений Огарева. В «Catalogue» упомянуты: 1) «Портрет Огарева (1842 г.), сделанный Рейхелем

(карандашом) в большом альбоме», 2) «Огарев в 1857 г., фотография», 3) «Гравюра того же времени», 4) «Огарев в кресле, нога на ноге», 5) «Огарев в саду в шляпе и с палкой», 6) «Фотография на смертном одре». Лемке отмечает пять портретов Огарева: три, указанные здесь под №№ 1, 4, 6, а также портрет Огарева 1830-х годов (*ЛН*, т. 61, между 456 и 457 стр.) и фотографию 1857 г., в группе с дочерьми Герцена, Натальей и Ольгой. Все эти портреты Огарева, кроме рисунка Рейхеля, о котором будет подробно сказано в другой связи, фотографии в группе с дочерьми Герцена и фотографии на смертном одре, хорошо известны и неоднократно публиковались. В «пражскую коллекцию» из указанных портретов Огарева попало только несколько экземпляров гравюры 1857 г., сделанной М. Леммелем в Лейпциге (ед. хр. 17) с погрудной фотографии Огарева, и фотопленка с экземпляра того же портрета с дарственной надписью: «Моей милой Тате от оригинала» (ед. хр. 19; *ЛН*, т. 61, между 472 и 473 стр.). В коллекции есть также изображение Огарева на смертном одре (ед. хр. 15, настоящий том, стр. 501).

Интересен снимок с кабинета Огарева (ед. хр. 20). А. Бауэр в воспоминаниях описала кабинет Огарева: «Бюст Герцена, портрет Белинского, портрет Станкевича 〈...〉 Опять и опять портреты Герцена смотрят со стен. Миниатюры, дагерротипы женщин в старомодных, уже давно невиданных костюмах ютятся по углам» (А. Б а у э р. Одна из дорогих теней.— «Минувшие годы», 1908, № 4, стр. 113). Упомянутый бюст Герцена — возможно, работы скульптора Грасса (см. выше). На фотографии кабинета виден бюст Грановского и портрет подростка с широко раскрытым воротником рубашки (*ЛН*, т. 61, стр. 569). Не тот ли это портрет Огарева, о котором вспоминал Герцен в «Былом и думах»: «В доме у его отца долго потом оставался большой, писанный масляными красками портрет Огарева того времени (1827—28 года) 〈...〉 Он представлен с раскинутым воротником рубашки; живописец чудно схватил богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся красоту от неправильных черт и несколько смуглый колорит; на холсте виднелась задумчивость, предваряющая сильную мысль; безотчетная грусть и чрезвычайная кротость просвечивали из серых больших глаз, намекая на будущий рост великого духа...» (XII, 75). Возможно, что этот портрет после разных скитаний попал в кабинет Огарева.

В своем очерке «С утра до ночи» («Литературная мысль», I. Пг., 1923, стр. 229—240) Огарев, описывая этот кабинет, упомянул и свой портрет; «А вот, наконец, мой собственный портрет, когда мне было 18 лет». Его оценка резко отличается от оценки Герцена: «Портрет отвратительной живописи, а мое лицо оскорбляет меня еще больше, чем живопись: татарский тип, в котором есть что-то лукавое и добродушное разом». Несмотря на противоречивость оценки, мы можем допустить, что речь идет об одном и том же портрете Огарева-подростка. О каком-либо втором портрете его того времени нет никаких упоминаний. Среди негативов и фотографий «пражской коллекции» мы находим также портрет Мери Сэтерленд. Она изображена у могилы Огарева в Гринвиче (ед. хр. 56). На фотографии видна могила на краю кладбища, за ней луг с редкими деревьями, на горизонте — лес. Могила обрамлена мраморными плитами. В изголовье высокая доска с надписью: «Nicolas Ogareff of Akscheno. Pensa. Russia. Born 6 th Dec. 1814. Died 12 th June 1877»*. Очевидно, эту надпись завещал поместить на своей могиле сам Огарев: название его родового имения вряд ли было кому памятно. На более низкой доске, расположенной в ногах, другая надпись, сделанная в целях регистрации могилы: «№ 469. Ogareff. 1877». Внутри мраморного надгробия — дерн, горшки с цветами и в центре

* «Николай Огарев из Акшена. Пенза. Россия. Родился 6 дек. 1814. Умер 12 июня 1877» (англ.).

венок из листьев и цветов. Немолодая худощавая женщина в трауре, сидящая у могилы с опущенными глазами,— Мери Сэтерленд, гражданская жена Огарева (*ЛН*, т. 61, стр. 635). Этот портрет Мери Сэтерленд—единственное ее изображение, дошедшее до нас. Ни в «Путевых заметках», ни в «Catalogue», ни в списке Лемке фотография не упоминается.

В архиве есть три портрета В. Г. Белинского: автолитография К. А. Горбунова (о ней ниже, при рассмотрении «Большой книги»), раскрашенная фотография с известной картины того же художника «Белинский на смертном одре» (ед. хр. 67)[19] и снимок с рисунка Е. А. Языковой, изображающего Белинского незадолго до смерти (ед. хр. 66).

Фотография с изображением Белинского на смертном одре вставлена в паспарту. Это дает основание предполагать, что она или висела на стене квартиры Герцена, или стояла на его письменном столе среди портретов особо дорогих ему людей.

«Московским друзьям» (так, находясь за рубежом, Герцен называл членов своего кружка 1840-х годов) посвящена уже упомянутая нами «Большая книга». Помимо этой «Большой книги», как уже отмечалось, в архиве семьи Герцена существовал еще альбом, подаренный Огареву Герценом, где были собраны портреты друзей. Но этого альбома в «пражской коллекции» нет. Из «московских друзей» в архиве представлен Т. Н. Грановский. Здесь хранится его дагерротип (ед. хр. 77). Грановский стоит, опираясь на кресло. Высоко повязанный темный галстук подпирает шею. Голова повернута вправо. Руки сложены. Под ед. хр. 78 — известный литографированный портрет Грановского с рисунка К. А. Горбунова. Под ед. хр. 76 — поколенное изображение, 3/4 вправо. Грановский сидит, скрестив руки на груди (литография). Под ед. хр. 79 — фотография (в футляре) с изображением Грановского на смертном одре (*ЛН*, т. 62, стр. 103).

В «пражской коллекции» есть также два изображения И. С. Тургенева: снимок молодого Тургенева (на грани 1840—1850 гг.)— видимо, с того дагерротипа, который упомянут в «Catalogue», и литография в старости. В архиве хранится также гипсовая маска Ивана Сергеевича и слепок его руки (переданы в Государственный литературный музей). Лемке упоминает еще об «очень похожей» фотографии И. С. Тургенева 1860-х годов, находившейся у Терезы Герцен. Снят в Париже Левицким. В коллекции этой фотографии нет.

Под № 70 хранится фотография Бакунина, которую Е. С. Некрасова видела в альбоме, показанном ей А. А. Герценом (наст. том, стр. 155).

Из портретов русских людей, с которыми Герцен встречался за границей, в коллекцию попал дагерротип В. А. Энгельсона и любопытная фотография с портрета музыканта Ю. Н. Голицына, который с таким юмором описан в «Былом и думах».

Среди иностранцев, портреты которых хранятся теперь в «пражской коллекции», нужно назвать: С. Ворцеля, М.-А. Саффи, П.-Ж. Прудона, М.-Э. Тесье дю Мотэ и М. Шиффа.

Чрезвычайно выразителен гравированный портрет Станислава Ворцеля (ед. хр. 73). Он изображен погрудно, с чуть наклоненной седеющей головой (*ЛН*, т. 61, стр. 227). Выражение его лица полно мужества, скорби, ума и доброты. Герцен писал о нем: «...Ворцель трудился день и ночь двадцать шесть лет кряду до последнего дня своей жизни с той светлой ясностью, с тем кротким самоотвержением, которое дает успокоившаяся вера и незыблемая надежда» (А. И. Герцен. Былое и думы, т. II, 1932, стр. 381). Ворцель был горячим сторонником дружбы польских и русских демократов в их общей борьбе за свободу.

Фотография Аврелио Саффи (ед. хр. 69) хорошо иллюстрирует страницу «Былого и дум», посвященную этому триумвиру римской республ-

лики 1848—1849 гг., соратнику Мадцини (*ЛН*, т. 62, стр. 547). Простое, мужественное, благородное лицо. «Чище и проще Саффи я не встречал натуры между не-русскими»,— писал Герцен. «Человек сильный без малейших румян, без притязаний, без самолюбия, кричащего, как нож по тарелке». С восхищением Герцен описывал, как Саффи, рискуя жизнью, спускался с Альпийских гор из изгнания на родину для подпольной работы. Он «беззаботно пел народные песни и повторял стихи Данте» (XIII, 346—347).

В «пражской коллекции» сохранилась редкая литография П.-Ж. Прудона (ед. хр. 134) из серии портретов депутатов французского национального собрания 1848—1849 гг. (*ЛН*, т. 61, стр. 239). Портрет относится ко времени личных встреч Герцена с Прудоном и их наибольшей близости[20].

Попала в коллекцию и фотография М.-Э. Тесье дю Мотэ (ед. хр. 157), французского химика, участника революции 1848 г., с которым Герцена связывала многолетняя дружба (*ЛН*, т. 64, печатается). Лемке, видевший портрет у Н. А. Герцен (дочери), датирует его началом 1860-х годов (л. 46). Здесь же фотография с портрета профессора М. Шиффа (ед. хр. 100), известного физиолога, прогрессивного ученого. Фотография

ПАВЕЛ I

Карикатура из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

сделана с портрета 1893 г. В архиве Герцена было и другое, до нас не дошедшее изображение Шиффа. «Посылаю тебе в подарок Шиффа, вели его тотчас наклеить»,— писал Герцен Огареву (XIX, 206).

Помимо портретов людей, с которыми Герцен был связан в личной жизни и по общественным выступлениям, в его собрании были и портреты выдающихся деятелей революционной России, которые он специально собирал.

В 1864 г. он писал: «...Я купил себе новый альбом для фотографий, очень большой, и буду комплектовать мою коллекцию декабристов и пр.» (XVII, 45).

В «Catalogue» упомянуто два портрета С. Г. Волконского, один И. И. Пущина и один И. Д. Якушкина. Можно не сомневаться, что фотографии и литографии декабристов, названные в «Catalogue» и находящиеся теперь в «пражской коллекции», были собраны самим Герценом. Из портретов декабристов следует еще назвать, в дополнение к списку «Catalogue», портреты Н. В. Басаргина, П. С. Бобрищева-Пушкина[21] и снимки с портретов В. П. Ивашева и его жены Камиллы, урожденной Ле-Дантю, которых Герцен описал в «Былом и думах». В коллекции хранится еще восемь литографированных портретов декабристов: А. И. Борисова, И. Ф. Бриггена, М. А. Фон-Визина, М. С. Лунина, Н. М. Муравьева (2 литографии), С. И. Муравьева-Апостола, А. И. Одоевского, Н. А. Панова.

Все эти портреты широко известны. Не следует думать, что Герцен делал особый выбор, комплектуя свою коллекцию. Он включал все портреты декабристов, которые только мог достать. Непонятно отсутствие в коллекции изображения столь чтимого Герценом Рылеева, портрет которого появился в свет уже в 1861 г. при «Собрании сочинений» Рылеева, изданном в Лейпциге.

Есть в коллекции литографированные портреты Радищева (ед. хр. 135) и Новикова (ед. хр. 129), приобретенные также, вероятно, самим Герценом.

Выдающиеся деятели революционно-демократического движения шестидесятых годов в «пражской коллекции» представлены изображениями Н. А. Серно-Соловьевича и М. И. Михайлова. В коллекции хранится негатив (ед. хр. 93) с фотографии Н. А. Серно-Соловьевича 1855—1860 гг., времени поездок его за границу и сближения с Герценом. Местонахождение подлинной фотографии неизвестно. Н. А. Серно-Соловьевич снят в рост. Он стоит, скрестив ноги, и рукой опирается на спинку кресла (*ЛН*, т. 62, стр. 553).

Изображений М. И. Михайлова, судьба которого глубоко волновала Герцена, в коллекции сохранилось три:

1) Литографированный портрет (поясное изображение), 3/4 вправо (ед. хр. 87). На обратной стороне — надпись: «Препровождаю этот портрет, чтоб показать вам любовь публики к Михайлову, потому что этот дурно отлитографированный портрет и притом же тайно, в числе 300 экз., был разобран в два дня. Сколькие бы лица были вам от души благодарны за другое его фотографическое изображение в малом виде, более похожее. Просим вас от всего сердца исполнить желание уважающих Михайлова». Обращение без подписи (*ЛН*, т. 61, стр. 423).

Очевидно, «уважающие Михайлова» надеялись, что Герцен захочет издать портрет поэта-революционера. Как отнесся Герцен к этой просьбе и почему портрет не был им переиздан, мы не знаем.

2) Фотографический снимок с картины неизвестного художника: «М. И. Михайлов перед отправкой на каторгу» (ед. хр. 88. *ЛН*, т. 62, стр. 427). Он изображен в момент, когда его заковывают в кандалы и собираются брить ему голову (ср. М. К. Лемке. Дело М. И. Михай-

лова, по неизданным материалам. — «Былое», 1906, № 1). Местонахождение самой картины неизвестно.

3) Литографированный портрет Михайлова в тюремной камере, у окна с решеткой (ед. хр. 89).

Есть в коллекции и портрет Н. А. Добролюбова (ед. хр. 68). Это гравюра на стали, прилагавшаяся к V тому его «Сочинений», 1862 г. Оттиск с факсимильным воспроизведением под портретом двух строк из стихотворения Добролюбова «Памяти отца» (1858):

И делал я благое дело
Среди царующего зла.

Портрет с факсимиле, как известно, не был разрешен цензурой и сохранился в очень немногих экземплярах. Надпись на экземпляре «пражской коллекции» сильно попорчена и читается с трудом.

«БОЛЬШАЯ КНИГА»

Исключительный интерес, как мы уже говорили, представляет альбом, подаренный Герцену Огаревым (оп. 1, ед. хр. 353).

Этот альбом описан Е. С. Некрасовой. «Большая книга в хорошем переплете, подаренная Огаревым Александру Ивановичу, а он уже подарил ее Наталье Александровне. А Наталья Александровна наклеила в нее все бывшие у нее портреты, рисованные Горбуновым, а также и литографии. Тут, между прочим, и портрет Кетчера, и Тучкова — отца Огаревой, и Петра Александровича Захарьина, и Белинского, и Льва Николаевича Толстого, и Пушкина-ребенка, и Матвея — лакея А. И. Герцена ⟨...⟩ Вот не помню, — в этом альбоме портреты мужа и жены Энгельсонов, или среди набросков, сделанных рукою Н. А.; тут портрет Грановского, его жены, жены Кетчера».

Из этой записи явствует, что Е. С. Некрасова писала по памяти. Этим объясняется ряд ошибок: в этой большой книге нет ни портретов супругов Энгельсонов, ни портрета Пушкина-ребенка [22], ни Л. Н. Толстого. Для нас, однако, ценно сообщение, что рисунки в этот альбом помещала Наталья Александровна (дочь), хорошо осведомленная о людях, близких ее отцу.

Перейдем к описанию этой «Большой книги». Альбом — в кожаном переплете коричневого цвета с золотыми, черными и синими узорами; в центре—золотой картуш, ничем не заполненный (настоящий том, стр. 769). В альбоме 120 листов желтоватой, светлокоричневой и белой плотной бумаги с золотым обрезом (из этих 120 листов заполнен 21, остальные остались пустыми). На л. 1 две надписи, сделанные рукой Огарева: вверху чернилами — «Александру — Огарев. 1858 г. 25/13 июля» несколько ниже карандашом — «Тате Герцен. 6-го апреля 1871 года. Женева». Дата второй дарственной надписи указывает, что Огарев этим подарком Наталье Александровне, любимой дочери своего друга, хотел отметить день рождения ее отца.

Второй лист пуст.

На л. 3 — надпись «Album», сделанная золотыми буквами в центре пышного картуша.

На л. 4 — карикатура на Павла I: маленький курносый человек свирепого вида, с огромной треугольной шляпой под мышкой, попирает ногами разодранное знамя. На знамени надпись: «Vive l'Egalité» * (настоящий том, стр. 775).

---

* «Да здравствует равенство» (франц.).

В письме Герцена к Огареву от 1 марта 1864 г. упоминается портрет, который скупал для распространения П. В. Долгоруков. Деньги, полученные от продажи, поступали в пользу общего фонда. Лемке в своем примечании (XVII, 66) поясняет, что речь идет о портрете Павла I, приложенном к «Полярной звезде». Однако при «Полярной звезде» этой карикатуры нет. Очевидно, она рассылалась в качестве отдельного приложения

Далее, на семнадцати листах альбома с одной их стороны наклеены портреты московских друзей Герцена и два портрета его самого. Большая часть портретов сделана карандашом и тушью, один — акварелью. В альбоме помещено и несколько литографий.

На л. 5 наклеен карандашный рисунок с изображением головы младенца. На обратной стороне этого откидывающегося вклеенного листа также карандашом нарисован портрет подростка (размер 16×12,5). Под изображением младенца неизвестной рукой сделана надпись — «Ogarefi» (см. настоящий том, стр. 755). Под портретом подростка надпись отсутствует. Можно ли довериться надписи под первым портретом и кто изображен на втором? Ответ на поставленный вопрос мы находим в описях изобразительных материалов архива Герцена. В «Catalogue» мы читаем: «Набросок карандашом, когда Герцену было несколько месяцев (на другой стороне портрет Егора Ивановича, тоже карандашом лет 15-ти)». В качестве изображений Герцена и Егора Ивановича рисунки упоминаются и в перечне Лемке (лл. 98 и 99) с датой 1813 г. и пометами: у первого рисунка — «неясно и слабо», у второго — «очень отчетливо». Наконец, в «пражской коллекции» хранится фотографический снимок (негатив) первого рисунка с подписью: «Портрет Герцена». Итак, не остается сомнения, что перед нами изображение Герцена и его брата Егора Ивановича.

По всей вероятности, рисунки были сделаны вскоре по возвращении И. А. Яковлева в освобожденную Москву из Новоселья, неизвестным художником, — возможно, из яковлевских крепостных. Портрет Герцена не имеет законченного характера. Ребенок изображен в 3/4, с поворотом вправо. Резко очерчена лишь левая сторона овала лица, линия же головы едва заметна. Черты напоминают putti* итальянских мастеров. Художник сумел придать одухотворенность этим чертам младенческого лица. Тонкие пряди волос спускаются на высокий лоб. Глаза смотрят задумчиво. Чуть заметная улыбка в углах четко обозначенных губ.

О наружности «Шушки» в своих воспоминаниях пишет Т. П. Пассек: «Это был ребенок худой, бледный, с редкими длинными белокурыми волосами, с большими темносерыми глазами, в которых порой блестели искры и рано засветилась мысль» (Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. I. СПб., 1905, стр. 77—78).

До сего времени самым ранним изображением Герцена считался его портрет на холсте, написанный в 1832 г. художником А. Збруевым. На этом портрете Герцен изображен двадцатилетним юношей. Ни огроческого, ни детского портрета его мы не имели. Рисунок огаревского альбома восполняет этот пробел. Это несомненно самое раннее изображение Герцена.

Портрет Егора Ивановича-подростка сделан в другой манере: голова тщательно выписана, на костюме положены легкие тени. Портрет также в 3/4 вправо, но ближе к фасу. На невысокий лоб и виски спускаются жидкие пряди волос; широко расставленные глаза с слегка косым разрезом, широкий нос, чуть приплюснутый; едва заметная улыбка кривит губы (см. настоящий том, стр. 417). Таков облик этого нелюбимого сына Ивана Алексеевича, долгая жизнь которого сложилась бесцветно и тягостно. (О Е. И. *Герцене* см. в настоящем томе, стр. 416—429).

---

* младенцев (итал.).

П. А. ЗАХАРЬИН

Рисунок К. А. Горбунова 1840-х гг. из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

На л. 6—Н. П. Огарев. Портрет поясной, 3/4 влево, размер 22,5×20,5, помечен 1842 г.; под датой внизу, в левом углу подпись художника — Х. Рейхель. Рисунок сделан карандашом, жирными штрихами.

В альбоме, где под каждым портретом указано, кто изображен на нем, на 6-м листе ничего не написано. В «Catalogue» сообщается, что в архиве семьи Герцена имеется «портрет Огарева (1842), сделан Рейхелем карандашом в Большом альбоме». Список Лемке (л. 14) не оставляет сомнения в достоверности этой записи. Среди перечисленных там портретов Огарева мы находим: «Н. П. Огарев, Новгород, 1842. Карандашом Рейхель. Сидит в кресле, рука на спинке кресла. У Н. А. Герцен. Похож». Вспомним, что именно в 1842 году Огарев вернулся из своего длительного путешествия по странам Запада и посетил Герцена в Новгороде. В пометах Лемке особенно ценно указание на сходство портрета, так как рисунок дает непривычный облик Огарева. Всмотримся в него: молодой человек сидит, положив левую руку на спинку кресла. Лицо изображено в ракурсе: голова слегка откинута. Зачесанные на косой пробор волосы небрежно взбиты у правого виска. Небольшие бакенбарды густой тенью подчеркивают овал лица. Светлые усы опускаются на верхнюю губу. Нос, с чуть заметной горбинкой, заострен. Глаза под вихрастыми бровями слегка прищурены, лицо задумчиво (*ЛН*, т. 61, стр. 723).

До последнего времени было известно раннее изображение Огарева начала или середины 30-х годов, работы крепостного художника (там же, между 456—457 стр.).

Портрет работы Рейхеля — соединительное звено между портретом работы крепостного художника и портретами Огарева конца 1850-х годов

(и последующими), известными нам по лейпцигской гравюре и по фотографиям.

Внешний облик Огарева средних лет рисует в своих «Воспоминаниях» А. В. Щепкина: «Наружность Огарева была приятна; он был среднего роста, с крупной красивой головой, с которой спускались каштановые волосы. На овальном лице его особенно выдавался большой лоб, нависший над серыми глазами. Взгляд его тогда был спокойный и рассеянный, на лице виден был отпечаток усталости и апатии» («Воспоминания А. В. Щепкиной». Сергиев посад, 1915, стр. 145—146).

Многое в этой характеристике соответствует нашему портрету.

На л. 7 под мужским поясным портретом (3/4 вправо, размер 22,5×19) подпись: «Al. Toutchkoff père à Natalie Ogareff»*.

Этот портрет, нарисованный тушью и подкрашенный белилами, также работы Рейхеля. Подпись художника карандашом помещена в правом углу внизу. Портрет сделан в 1844 г. в Москве (*ЛН*, т. 61, стр. 743).

Лицо нарисовано в обычной для этого художника манере — резкими, жирными штрихами. Но совершенно иначе положены тени на костюме. Иначе сделан и фон с мягкими переходами светотени. А. А. Тучков изображен сидящим боком на стуле в мало удобной позе. Правой рукой он охватывает спинку стула. Тучков — в узком помятом сюртуке. Высоко повязанный галстук почти скрывает белый воротник. Все это придает облику какую-то суровую простоту. Растрепанные волосы прядями спускаются на лоб, покрытый продольными, резкими морщинами. Тонкий длинный нос с небольшой горбинкой слегка навис над короткими усами. Впалые глаза с «мешками» под ними, сдвинутые брови — лицо много пережившего, много размышлявшего человека с сильным характером. Вместе с тем, как в позе, так и в выражении лица, — усталость.

Герцен в своем дневнике (февраль 1843 г.) назвал А. А. Тучкова «чрезвычайно интересным человеком» с «необыкновенно развитым практическим умом». Он всю жизнь поддерживал с Тучковым дружественные отношения.

На л. 8 — портрет Т. Н. Грановского работы К. А. Горбунова — художника, запечатлевшего как образ Герцена, так и всех лиц из его московского окружения. В нашем альбоме — шесть портретов работы Горбунова. Портрет Грановского сделан карандашом, размер 21,5×19,5, погрудный, 3/4 влево (*ЛН*, т. 61, стр. 771). Обычной для Горбунова подписи нет, отсутствует и дата (на портретах Горбунова часто проставлен не только день, но и час исполнения работы). Этот портрет Грановского известен в автолитографии, датированной 1845 г. и подписанной художником.

На л. 9 — портрет Н. Х. Кетчера, сделанный карандашом тем же Горбуновым. Размер 22,5×18. Погрудный, 3/4 влево. Этот портрет был также отлитографирован. Обе литографии не раз воспроизводились в печати.

На л. 10 — изображение Серафимы Николаевны Кетчер. Размер 20,5×17,5, прямоличное, погрудное. Рисунок карандашом К. А. Горбунова. Направо на рисунке зачеркнутая надпись: «Вечер» и далее: «Август, 7-го. 1845. К. Г. Сумерки. 9-ть» (см. настоящий том, стр. 387).

Этот портрет является прекрасной иллюстрацией к «литературному портрету» С. Н. Кетчер, созданному Герценом в «Былом и думах»: «Она была некрасива, запугана, застенчива и жалка» (XIII, 124). Тот же образ запечатлен К. А. Горбуновым. Легкими штрихами намечены пелерина и косынка, словно стесняющие каждое движение этого робкого существа. Совершенно прямые волосы, разделенные прямым пробором, спускаются к плечам. Продольные морщины на лбу, судорожно сведенные брови, за-

* Ал. Тучков-отец — Наталье Огаревой (франц.).

павшие глаза, упрямо сжатые губы — носят на себе печать тяжелой жизни, затаенных обид. Приподнятые плечи (Серафима словно горбится) создают впечатление, что она как бы ежится, что ей не по себе.

Надпись «Сумерки», сделанная на портрете, гармонирует с образом жены Кетчера. С большой тщательностью художник мелкими штрихами «вылепил» это необычное лицо. Как действительно прекрасно дополняют друг друга портрет, созданный Герценом с такой чуткостью, с таким пониманием и художественной убедительностью, и этот выразительный, лаконичный рисунок К. А. Горбунова. (О С. Н. *Кетчер* см. в настоящем томе, стр. 386—391).

На л. 11 — портрет карандашом М. Ф. Корш (сестры Е. Ф. Корш). Размер 22,5×17, изображение прямоличное, поколенное. Работы К. А. Горбунова. Направо надпись: «Утро 4-го августа К. Г.». Год не обозначен. Вероятно, это тот же 1845 г., когда Горбунов делал портреты других членов московского кружка Герцена. В портретной галерее этого кружка, созданной К. А. Горбуновым, портрет М. Ф. Корш, принадлежит к наиболее удачным (см. настоящий том, стр. 431). М. Ф. сидит, скрестив руки. Прямые складки простого широкого платья едва намечены карандашом. На шее темная бархотка с медальоном. Модная в те годы прическа с пробором по середине и прядями, прикрывающими уши, создает раму для лица. Особое внимание уделил художник большим, широко раскрытым глазам, добрым и печальным. Внешность М. Ф. Корш описана А. В. Щепкиной: «Немолодая, она была все еще интересна своим спокойным лицом с прекрасными голубыми глазами, в которых видно было много ума и чувства» (А. В. Щепкина. Цит. изд., стр. 158).

Мария Федоровна Корш была близким другом семьи Герцена (см. о ней в настоящем томе, стр. 430—442).

На л. 12 — портрет молодого человека. Внизу помета неизвестной рукой: «Piotr Al. Saharin». Портрет — погрудный, 3/4 вправо, размер 22,5 × × 17,5, карандашом (см. настоящий том, стр. 779). Это—Петр Александрович Захарьин, родной брат жены Герцена, тот самый «Петруша», который не раз упоминается в письмах Герцена. По всей вероятности, рисунок сделан также К. А. Горбуновым, с которым они были товарищами по Академии художеств.

Изящно откинутая голова, слегка наклоненная влево, правильные черты лица, гордый, даже несколько презрительный взгляд, блуза с отложным воротником и широко завязанным узлом галстука — внешний облик художника-романтика. Бросается в глаза сходство этого лица с лицом Герцена на его портрете с маленьким сыном (работы неизвестного художника— *ЛН*, т. 39-40, стр. 93). Это сходство легко объясняется родственной связью.

Петр Александрович — неудачник. У него был небольшой талант художника. Герцен устроил его сотрудником к известному фотографу С. Л. Левицкому, их общему двоюродному брату, сыну сенатора Льва Алексеевича Яковлева.

Дочь младшего брата П. А. Захарьина, Ольга Павловна, писала: «Дядя Петр Александрович окончил Академию художеств. Впоследствии имел в Петербурге свою фотографию 〈...〉 Он умер старым холостяком, дожив до преклонных лет. Дядя не любил говорить о своей любимой сестре — Наталье Александровне — и еще менее об Александре Ивановиче, которого он не любил и к которому ревновал сестру. Наталью Александровну дядя боготворил...» (из письма от 17 сентября 1947 г. к автору настоящей статьи). Умер П. А. Захарьин в 1909 г.

На л. 13 изображен юноша в кресле. Рисунок сделан карандашом и тушью на тонкой бумаге. Волосы и лицо слегка окрашены. Размер 20×13, изображение погрудное, в профиль. Длинные волосы спускаются на высокий воротник светлого сюртука. Шея обмотана широким галстуком,

небрежно повязанным. Тонко очерченный профиль, нервно сжатые губы, мягко закругленный подбородок. Чуть прищуренные, словно близорукие глаза, пристально вглядывающиеся вдаль; выражение лица печальное (см. на следующей стр.). В правом нижнем углу надпись: «Москва 1843. Март». Подпись художника отсутствует. Однако почерк надписи напоминает руку Х. Рейхеля. Тем не менее, приписать ему с уверенностью авторство портрета нельзя, настолько отличается этот рисунок от других известных нам портретов работы Рейхеля. На обратной стороне рисунка сделан темный круг, который, просвечивая сквозь тонкий лист, образует как бы фон портрета. На той же (обратной) стороне, справа, карандашом написано: «Матвей?». Но вопросительный знак здесь излишен. Лемке в своей описи прямо называет рисунок портретом Матвея. На л. 63 описи читаем: «Матвей, Москва, 1843, карандашом. У Нат. А. Г.».

Е. С. Некрасова писала об этом рисунке (очевидно, со слов Натальи Александровны — дочери), также как о портрете Матвея—лакея А. И. Герцена: «Любопытное лицо, нисколько не похож на лакея, в нем что-то шиллеровское — умное, поэтическое, даже прической он напоминает Шиллера, по одеянию это — барин».

Вспомним, какую характеристику дал Герцен этому слуге, который был его преданным другом:

«Матвею было лет 15, когда он перешел ко мне от Зонненберга. С ним я жил в ссылке, с ним во Владимире 〈...〉 Его отношение ко мне больше походило на то, которое встарь бывало между учениками итальянских художников и их maestri. Я часто был им недоволен, но вовсе не как слугой... Я печально смотрел на его будущность. Чувствуя тягость своего положения, страдая об этом, он ничего не делал, чтоб выйти из него 〈...〉 По несчастью, у этих психически тонко развитых, но мягких натур большею частью сила тратится на то, чтобы ринуться вперед, а на то, чтобы продолжать путь, — ее и нет 〈...〉 Часто спрашивал я себя, не ядовитый ли дар для него полуразвитие? Что-то ждет его в будущем?

Судьба разрубила гордиев узел!» (XIII, 93—94).

14 июня 1843 г. Матвей Савельевич утонул, упав с плотины пруда в Покровском-Засекине. Свою запись в дневнике о его гибели Герцен кончил словами: «Может, для него смерть благо,— жизнь ему сулила страшные удары» (III, 114).

Сопоставим «литературный портрет», сделанный Герценом, с рисунком. Да, этот портрет действительно напоминает скорее «ученика художника», чем слугу. Это нервное лицо не говорит о силе воли. На нем отражена та расплывчатая мечтательность, которая заставляла Матвея Савельевича «вместо арифметики и чистописания» браться «то за французскую азбуку, то за немецкие диалоги». Этот рисунок прекрасно иллюстрирует образ молодого человека из простонародья в портретной галерее «Былого и дум»[23].

На л. 14 — портрет В. Г. Белинского, известная автолитография К. А. Горбунова 1843 г., размер 23×17,5. Герцен говорил об этом портрете Белинского, что он «очень хорош» (VIII, 248), и воспроизвел его в гравюре в «Полярной звезде на 1856 год» (кн. 2). Это первое, появившееся в печати изображение Белинского (*ЛН*, т. 61, стр. 83).

На л. 15 — изображение неизвестного, размер 24×19. Рисунок карандашом, представляющий собой легкий набросок мужчины средних лет, с крупными чертами лица, длинными, расчесанными на пробор волосами и жидкими бакенбардами. Подпись «Korsch» явно ошибочна. Нет никаких указаний на этот рисунок ни в «Путевых заметках», ни в «Catalogue», ни у Лемке (см. настоящий том, стр. 787).

На л. 16 — рисунок с авторской подписью Рейхеля и датой—1844 г., изображающий также неизвестного, размер 24×18,5. Лицо нарисовано почти в профиль, черты лица крупные. Над лысеющим лбом прядь светлых

волос зачесана направо, приглаженные волосы над шеей и ухом образуют локоны. Густые бакенбарды окаймляют лицо. Прищуренные глаза под жидкими бровями. Очки (*ЛН*, т. 62, стр. 65). Справа по вертикали карандашом кем-то написано: «Станкевич. Неверов». Ни на одного из братьев Н. В. Станкевича, ни на Неверова этот портрет не похож, да и сомнительно, чтобы их портреты могли попасть в альбом, где собраны близкие друзья Герцена. С бо́льшим основанием можно назвать имя рано умершего друга

МАТВЕЙ САВЕЛЬЕВИЧ — СЛУГА ГЕРЦЕНА

Рисунок Х. Я. Рейхеля (?) 1843 г. из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Герцена — И. П. Галахова, которому Герцен посвятил прочувствованный рассказ в главе «Наши» «Былого и дум». Герцен рисует Галахова человеком большого ума, широко образованным, страстно искавшим социальной правды. «Наши долгие разговоры, наши споры навели меня на мысль записывать их. Одним из наших разговоров начинается „С того берега“», — рассказывает Герцен (XIII, 107). Отмечает он и нервность и болезненность Галахова. Наш рисунок не противоречит характеристике Герцена. Многие годы жизни Галахов провел за границей. Но в 1844 г., когда был сделан рисунок, Галахов находился в России и несколько месяцев прожил в Москве, где в то время жил и Рейхель. С последним Галахов познако-

мился еще в 1841 г. в Новгороде, куда, в один из приездов на родину, заезжал повидаться с Герценом. Ни один портрет Галахова нам не известен, и мы лишены возможности сопоставить наш рисунок с достоверным галаховским портретом. Но, так как нет никого из близких друзей Герцена начала 1840-х годов, кроме Галахова, к которому мы могли бы отнести данный рисунок и так как облик изображенного на нем лица соответствует характеристике И. П. Галахова, сделанной Герценом, мы считаем возможным высказать предположение, что на рисунке действительно изображен Галахов, тем более, что Рейхель и Галахов встречались в то время, к которому относится портрет.

На л. 17 — известная автолитография работы К. А. Горбунова с погрудным изображением Е. Ф. Корша, 3/4 влево, размер 21,5×17.

На л. 18 помещен портрет Герцена (*ЛН*, т. 61, стр. 733). Под рисунком надпись карандашом: «Al. Herzen par», ниже другой рукой: «(Новгород)». И чернилами: «Филиппович». Слово «par» над «Филиппович» указывает, что кем-то портрет приписывается ему. Изображение погрудное, лицо 3/4 вправо, размер 24×22. Лемке также называет автором портрета Филипповича. В списке (л. 112) читаем: «Новгород. Рисовал Филиппович. Карандаш. Сидит, одна рука за спинкой стула, шея обнажена. Скверно, сходства очень мало. У Н. А. Герцен в Лозанне (альбом 1858 г. А. И. Г.)». Рисунок сделан, вероятно, генералом В. И. Филипповичем, с которым Герцен познакомился и подружился в Новгороде и которому посвящены известные страницы «Былого и дум» (XIII, 17—20). Филиппович был, повидимому, художником-любителем, в молодости посещал московский художественный класс (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 696).

Этот портрет сделан одновременно с двумя портретами Герцена работы Рейхеля. Один из них в профиль, другой — в 3/4 влево (*ЛН*, т. 39-40, стр. 121, 101, 105). Портреты работы Рейхеля сделаны более детально в особенности портрет в 3/4. Сравнивая портреты Герцена работы Рейхеля и Филипповича, можно отметить сходство в манере класть штрихи. На портрете огаревского альбома Герцен выглядит старше. В его лице нет того выражения энергии, как на портрете Рейхеля в 3/4. Нет горящих глаз под темными бровями, нет мечтательности. Здесь — в пристальном взгляде Герцена «больше устоявшейся мысли». Лоб шире и выше, он придает выражению лица бо́льшую ясность и спокойствие.

Для иконографии Герцена публикуемый рисунок интересен тем, что из всех ранних изображений писателя он более всего приближается к портрету К. А. Горбунова. На более ранних портретах Герцена (А. Збруева, Л. Витберга) чертам его лица придан более правильный, классический характер. Здесь же, как и на портрете Горбунова, верхняя губа чуть выдается и подбородок несколько скошен.

На л. 19 еще один рисунок Рейхеля, размер 27,5×20. Дата — 31 декабря 1841 — указывает, что рисунок был сделан в Новгороде, где тогда жил художник. Портрет изображает седого человека в очках. Волосы, зачесанные на виски и взбитые над покатым лбом, вихрастые бакенбарды, густые, еще темные, усы, наконец военный мундир того времени — все свидетельствует о том, что перед нами военный. Однако этот военный лишен всякой выправки, он несколько горбится, мундир с широко раскрытым воротом сидит на нем мешковато. В выражении лица нет ничего специфически военного (*ЛН*, т. 62, стр. 693).

Мы только что назвали среди новгородских знакомых Герцена генерала Филипповича, упомянутого в «Былом и думах». «В Новгороде ⟨...⟩ — писал в своих мемуарах Герцен, — познакомился я с одним генералом. Познакомился я с ним, потому что он всего меньше был похож на генерала. В его доме было тяжело, в воздухе были слезы,— тут, очевидно, прошла смерть. Седые волосы рано покрыли его голову, и добродушно грустная

улыбка больше выражала страданий, нежели морщины. Ему было лет пятьдесят» (XIII, 17).

Близость литературного портрета с этим рисунком бросается в глаза. Что рисунок является портретом В. И. Филипповича—подтверждает и мундир с якорями на пуговицах, в который одет изображенный человек. Известно, что ко времени знакомства с Герценом Филиппович служил в корпусе флотских штурманов и, следовательно, должен был носить морскую форму (ср. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 692). Между новгородскими друзьями Герцена никакого другого военного моряка, кроме Филипповича, не было. Все это дает нам основание признать лицо, изображенное Рейхелем, за автора помещенного на 18-м листе портрета Герцена.

На л. 20 — известная литография К. А. Горбунова с изображением М. С. Щепкина.

На л. 21 — акварельный портрет жены Т. Н. Грановского, Елизаветы Богдановны, работы К. А. Горбунова; подписан художником и датирован 1845 г.; размер 27,5×22. В главе «На могиле друга» автор «Былого и дум» писал: «Жена его ⟨Грановского⟩ была очень молода и еще не совсем сложилась; в ней сохранился тот особый элемент отроческой нестройности, даже апатии, которая нередко встречается у молодых девушек с белокурыми волосами ⟨...⟩ Эти натуры, часто деловитые и сильные, поздно просыпаются и долго не могут придти в себя. Любовь Грановского к ней была тихая, кроткая дружба, больше глубокая и нежная, чем страстная. Что-то спокойное, трогательно-тихое царило в их молодом доме. Душе было хорошо видеть иной раз возле Грановского, поглощенного своими занятиями, его высокую, гнущуюся, как ветка, молчаливую, влюбленную и счастливую подругу» (XIII, 112).

С этим портретом вполне гармонирует изображение Грановской на акварели Горбунова (*ЛН*, т. 61, стр. 775). Елизавета Богдановна представлена на голубом фоне почти прямолично, с легким наклоном головы и всей фигуры. Одета она в простое белое платье, отливающее голубым, с широкими рукавами. Левая рука с браслетом покоится на коленях; правая, также с браслетом и с черным бантом, опирается на ручку кресла, пальцами, несколько манерно, касаясь груди. Вьющиеся белокурые волосы, посредине разделенные пробором, свободными прядями обрамляют продолговатое лицо. Художник голубыми тенями придал особую прозрачность его коже. В мечтательных голубых глазах та «бесстрастность», которую отмечает в Грановской Герцен. А в плотно сжатых губах ощущается сила воли, также им отмеченная.

Это женский образ романтической германской поэзии, образ Шиллера, которым так увлекались в 1830-х годах Герцен и его друзья. Белые и голубые тона акварели придают нечто хрупкое облику жены Грановского. Внизу портрета — надпись Герцена М. К. Рейхель: «Посылаю вам, Мария Каспаровна, портрет, хранившийся у нас двенадцать лет. Вы так любили Елизавету Богдановну — лучше же ему быть у вас. А. Герцен. 1857. 13 мая. Путней». Надпись сделана вскоре после смерти Грановской, всего на год с небольшим пережившей своего мужа.

Большинство портретов нашего альбома принадлежит художникам Х. Я. Рейхелю и К. А. Горбунову (о Рейхеле см. подробнее в одном из ближайших томов «Лит. наследства»).

Художник герценовского круга К. А. Горбунов (1822—1893) — создатель замечательной галереи русских людей 1840-х годов. Рисунки Горбунова, собранные в «Большом альбоме», пополняют эту галерею несколькими портретами, ранее совсем неизвестными или известными только в литографиях. Рисунки являются великолепными образцами искусства Горбунова, высоко ценившегося Герценом и другими современниками.

Особенного внимания заслуживают исполненные Горбуновым женские портреты коллекции — М. Ф. Корш, Е. Б. Грановской, С. Н. Кетчер; их смело можно причислить к лучшим работам этого тонкого мастера портрета. Как известно, Герцен оказывал Горбунову поддержку и ввел его в свой кружок, что, бесспорно, содействовало духовному росту и формированию художественных взглядов молодого живописца[24].

Для литературной Москвы 1840-х годов характерно, что кружки того времени имели «своих художников». Так, кружок Герцена — К. А. Горбунова, кружок славянофилов — Э. А. Дмитриева-Мамонова.

По непонятным нам причинам, Н. А. Герцен (дочь) не поместила в «Большом альбоме», среди других портретов людей 1840-х годов из окружения ее отца, портрет М. К. Эрн (по мужу Рейхель), также сделанный К. А. Горбуновым. Теперь он находится в «пражской коллекции» (ед. хр. 57).

Даем описание рисунка, дополняющего альбомную серию горбуновских работ: М. К. Эрн. Рисунок карандашом, размер 30×21. Поколенное изображение, приближающееся к прямоличному. Подпись художника: «Полдень. 7-го августа. К. Г. 1845»[25].

Мария Каспаровна сидит в кресле, опершись на подлокотник, положив руку на руку. Поза спокойная. Ясное лицо ее выражает доброту (см. настоящий том, стр. 421). Эта женщина пользовалась всеобщей любовью. До выхода замуж она была воспитательницей глухонемого сына Герцена, Коли, и любила мальчика, как родного сына. После смерти жены Герцена, Натальи Александровны, она взяла к себе их дочерей, Тату и Ольгу. Любовь к «Маше Эрн» Герцена и его жены передалась и их детям. В «пражской коллекции» сохраняются письма к М. К. Рейхель А. А. Герцена и Н. А. Герцен (Таты), начиная с детских лет и до их старости.

Та роль, которую сыграла Мария Каспаровна в деятельности Герцена и Огарева, снабжая их необходимыми материалами для литературных и публицистических выступлений и помогая переправлять в Россию их издания, обеспечивает ей почетное место в истории русской общественности.

Итак, «Большая книга» — альбом, подаренный Огаревым Герцену,— не только значительно обогащает нас серией неизвестных изображений как самого Герцена, так и лиц из его окружения, но, что особенно ценно в ряде случаев, дает прекрасные иллюстрации к литературным портретам «Былого и дум».

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ВЕЩИ

Особую группу материалов «пражской коллекции» составляют виды мест, связанных с жизнью Герцена, и «реликвии» — памятные вещи, которым Герцен придавал значение «осколков былого».

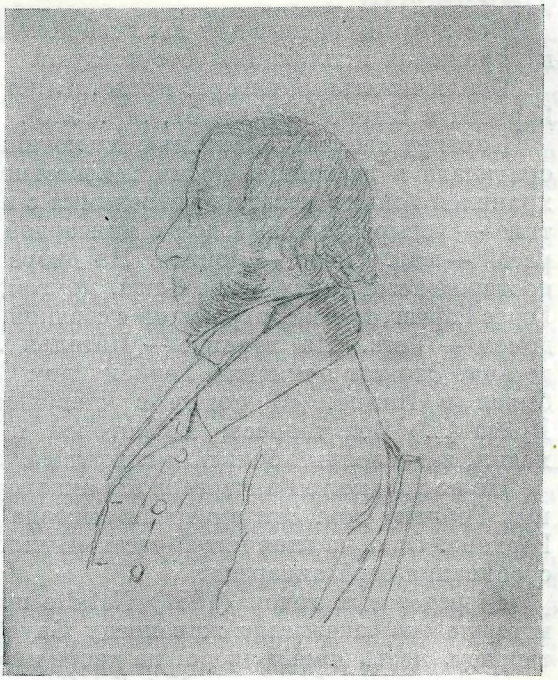
По заказу Натальи Александровны (дочери), в связи со столетним юбилеем со дня рождения Герцена, в 1912 г., были сделаны фотографии домов, в которых жил ее отец в Старо-Конюшенной слободе в Москве: 1) Дом его детства, снесенный вскоре после юбилея (находившийся в Б. Власьевском переулке, № 14), описанный в «Былом и думах», воспетый Огаревым в стихотворении «Старый дом, старый друг», упомянутый Т. П. Пассек в ее мемуарах «Из дальних лет» (*ЛН*, т. 61, стр. 691). 2) «Тучковский дом»[26], сохранившийся до наших дней в Сивцевом-Вражке, №27 (см. настоящий том, стр. 553). Здесь жил Герцен со своей семьей с 1843 по 1846 г. Здесь им написаны «Письма об изучении природы», «Кто виноват?», «Сорока-воровка». 3) «Большой дом» (теперь № 25/9) на углу Сивцева-Вражка и М. Власьевского переулка (*ЛН*, т. 61, стр. 735, и настоящий том, стр. 19). В этом доме Герцен провел последние годы своего студенчества,

ПОРТРЕТ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ЛИЦА

Рисунок 1840-х гг. неизвестного художника из альбома, подаренного Герцену Огаревым

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва



здесь он был арестован, сюда он переехал весной 1846 г., после смерти отца. Отсюда же в январе 1847 г. Герцен с семьей выехал за границу.

Этот дом особенно интересовал детей Герцена. В «пражской коллекции», кроме нескольких хороших снимков его (ед. хр. 144), имеется чертеж с указанием назначения каждой комнаты. Чертеж сохранился в бумагах М. К. Рейхель и сделан ею. Это, вероятно, черновик плана, предназначавшегося для Т. П. Пассек. Другой чертеж был исполнен для Е. С. Некрасовой. Он хранится теперь в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (см. настоящий том, стр. 582).

В коллекции имеется и снимок села Васильевского (ед. хр. 143. См. настоящий том, стр. 37). К снимку приложены высушенные листики липы и записочка на французском языке: «Листик из Васильевского, имения Яковлева, где Герцен провел свое детство». На обратной стороне снимка надпись по-русски: «Где крестик — был дом. Позади дома и церкви — аллея (пунктиром обозначен незамкнутый параллелограм аллеи). Москва-река». Место дома обозначено кем-то, хорошо помнившим топографию села Васильевского. Один из уголков липовой аллеи назывался Эрменонвиль в память Ж.-Ж. Руссо (ср. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 11).

Наконец, в коллекции сохранилась открытка с общим видом Ниццы (ед. хр. 146). Рукой Н. А. Герцен (дочери) помечено место могилы ее отца на горе Шато и сделана надпись: «Точка обозначает место, где стоит памятник папаши. 2 декабря 1912 г.» (*ЛН*, т. 61, стр. 191). Открытка адресована М. К. Лемке, но, видимо, не была отправлена.

В «Catalogue» упомянуты «Вид Ричмонда из окна дома Герцена» и «Дом А. И. Герцена в Женеве (Château Boissière)».

Лемке (л. 9), в свою очередь, называет две фотографии с видами Château Boissière, принадлежавшие Н. А. Герцен (дочери). В его перечень включено, кроме того, изображение дома в Вентноре — карандашные рисунки М. Мейзенбуг в альбоме Терезы Герцен (л. 8).

Все эти интересные для нас изображения мест, связанных с Герценом, в «пражской коллекции» отсутствуют.

Исключительный интерес представляет картина с изображением дома Герцена в Ницце (*ЛН*, т. 61, стр. 323).

Картина сделана акварелью художником Ж. Гио. Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно. В «пражской коллекции» сохранился только негатив фотоснимка с картины (ед. хр. 145). На картине — четырехэтажный дом с мансардой и террасой над аркой. За террасой — сад. Слева — фонтан. На дворе перед домом — дети. Мальчик постарше везет тачку — это Саша, другой, поменьше, рядом, — вероятно, Горас Гервег, третий, играющий с собакой, — Коля. Девочка с козой перед домом — Тата. На веранде — Наталья Александровна. Она любуется детьми. Это тот памятный Герцену дом Сю, который он посещал, когда бывал в Ницце. «Я пошел с кладбища в оба дома: дом Сю и дом Дуйса ⟨...⟩ Вот терраса, по которой я между роз и виноградников ходил, задавленный болью, и глядел в пустую даль...» (XIII, 571).

Но не только тем интересна эта акварель, что на ней изображен памятный Герцену дом. Эта акварель сыграла особую роль в семейной драме Герцена. Одна из глав пятой части «Былого и дум» («Еще год») начинается с описания этой акварели:

«Перед новым годом ⟨1851⟩ Natalie принесла мне показать акварель, которую она заказывала живописцу Guyot. Картина представляла нашу террасу, часть дома и двора, на дворе играли дети, лежала татина коза, вдали на террасе была сама Natalie. Я думал, что акварель назначена мне, но Natalie сказала, что она ее хочет подарить в новый год Гервегу. Мне было досадно.

— Нравится тебе? — спросила Natalie.

— Акварель мне так нравится, — сказал я, — что, если Гервег позволит, я велю сделать для себя копию.

По моей бледности и по голосу Natalie поняла, что эти слова были и вызов, и свидетельство сильной внутренней бури. Она взглянула на меня,— слезы были у нее на глазах.

— Возьми ее себе, — сказала она.

— Ни под каким видом...» (XIII, 518).

Так эта акварель Гио послужила поводом к тому объяснению, которое было началом мучительного периода в жизни Герцена, подвергшего его любовь к Наталье Александровне жестоким испытаниям и завершившегося ее смертью и, по собственному признанию Герцена, концом его «личной жизни».

Автор картины, описанной в «Былом и думах», назван Герценом в ошибочном начертании его фамилии: Guyot. Подпись его хорошо читается в левом нижнем углу картины: «Jacques Guiaud».

Французский художник Jacques *Guiaud* (Гио) родился в 1811 г. Он был учеником Watelet. Его работы выставлялись в салоне между 1831—1866 гг. Он писал пейзажи, батальные картины и архитектурные виды. Много путешествовал. Посетил Германию, Италию, Испанию. Умер в 1876 г.

Судьба картины неизвестна. Была ли она подарена Гервегу, или после всего происшедшего осталась в семье Герцена — не установлено. Ни в «Путевых заметках», ни в «Catalogue», ни в описи Лемке она не упоминается.

Из документов «пражской коллекции» (оп. 1, ед. хр. 340а) мы узнаем: 1) что в 1920 г. картина Гио находилась в Париже, 2) что она действительно написана акварелью, 3) что негатив, по которому мы публикуем эту акварель, вышел удачно.

Из мемориальных вещей Герцена в «пражскую коллекцию» попало немного. Е. С. Некрасова упоминает 12 предметов. Приведем сделанное ею описание этих предметов:

1. «Стакан простой, стеклянный, на котором нацарапано: „MLCCCXXXIV 24 juillet à ma sœur"*». Это тот самый стакан, который Александр Иванович прислал Наталье Александровне из Крутиц и который не раз упоминается в переписке Герцена с невестой. Стакан находится в старинном зеленом футляре. Он сохранился в том самом футляре, о котором говорит Е. С. Некрасова. К нему приложена записка: «Verre que papa avait en prison en 1834. Tata»**. 2. «Еще маленький стаканчик с надписью „Шушка" и с рисунками. Так называли в детстве Александра Ивановича,— надо думать, что из этого стакана он пил, когда был ребенком». И этот маленький стаканчик также находится в коллекции. (Оба стакана переданы в Государственный литературный музей.) 3. «Финифтевый, небольшой, уже несколько поломанный образочек с изображением усеченной главы Иоанна Крестителя. Об этом образке упоминается в „Переписке" и в „Былом и думах". Этим образком благословил Александра Ивановича Яковлев и надел на него, отпуская под арест». 4. «Маленький образок в ризе с изображением Александра Невского. Об этом образке упоминается в „Переписке". Им благословил Наталью Александровну ⟨Захарьину⟩ отец, умирая». 5. «Круглая большая бронзовая медаль с изображением силуэта Александра Ивановича. По бокам надпись: „Alexandre Herzen". А с другой стороны колокол с надписью: „VIVOS VOCO". С боков — 1853—1863, а кругом надпись по-английски: „Первое десятилетие первой свободной русской прессы. Лондон"». Эта медаль была выбита в память десятилетней деятельности Вольной русской типографии в Лондоне (*ЛН*, т. 31-32, стр. 833). 6. «Золотой перстень, внутри надпись: „Isidor w Wiatke 1837" (кто-то подарил ему в Вятке)». 7. «Колечко эмалевое с тремя бриллиантами, внутри надпись: „1841. Новгород. А.Г.". Не знаю, может не верно записала». 8. «Браслет гладкая, маленькая, серебряная. Внутри надпись: „Lise", 1843, 1844, 1845». (Возможно, что это подарок Е. Б. Грановской.) 9. «Цепочка из волос с золотым замочком». 10. «Крестик с золотой отделкой из тех же волос». 11. «Еще крестик из волос». 12. «Из тех же волос брошка в отделке. По моему мнению, это все плетено И. А. из ее волос. Тате же кажется, что волосы матери были темнее».

Реликвии, помеченные в описи Е. С. Некрасовой под №№ 3—12, в «пражской коллекции» не обнаружены, но здесь хранится: прядь волос жены Герцена, ее перчатка, 2 ленты, белый платок с вензелем N, а также детская кофточка из белого сатина и чулки шелковые, белые, принадлежавшие кому-то из детей Герцена (вещи переданы в Государственный литературный музей).

* * *

Этим мы заканчиваем описание изобразительных материалов и мемориальных вещей «пражской коллекции».

Из всего сказанного в нашем обзоре явствует, что иконографический материал коллекции значительно обогатил наше представление и об облике самого Герцена, и об облике его близких и друзей. Мы теперь видим изображения Герцена в младенческом возрасте, в годы новгородской ссылки и ряд портретов начала 1850-х годов.

Заполнен пробел и в иконографии Огарева. Мы знали его изображения лишь в годы юности и в годы, когда он стоял с Герценом «за станком вольного русского слова». Теперь у нас есть портрет Огарева 1842 г.

Заметно расширилось наше представление и о внешности жены Герцена — Натальи Александровны последних лет ее жизни. Среди материалов, связанных с Натальей Александровной, особенно интересны две картины, заказанные самим Герценом: пастель Ж. Массе — Наталья Александровна

* «1834, 24 июля моей сестре» (франц.).

** «Стакан, который был у папаши в тюрьме в 1834 г. Тата» (франц.).

на смертном одре и картина гарибальдийца Каффи — похороны Натальи Александровны.

В «пражской коллекции» мы обнаружили несколько весьма любопытных (еще не воспроизводившихся) портретов друзей Герцена периода его скитания по странам Запада (А. Саффи, С. Ворцеля, Тесье дю Мотэ и др.).

Мы привели в нашем обзоре данные, свидетельствующие о том, что Герцен собирал портреты декабристов и русских революционных деятелей шестидесятых годов. Это говорит об особом значении, которое Герцен придавал сохранению иконографии борцов за свободную Россию.

Исключительный интерес, как мы отмечали, представляет находящаяся в коллекции «Большая книга» — альбом, заполненный портретами и самого Герцена и людей из его окружения 1840-х годов. В этом альбоме мы обнаружили изображения ряда лиц, облик которых до сих пор не был известен (Серафимы Кетчер, Матвея Савельевича и др.).

«Большая книга», почти целиком состоящая из оригинальных рисунков художников К. А. Горбунова и Х. Я. Рейхеля, имеет не только иконографическую, но и самостоятельную художественную ценность.

Ближе всматриваясь в эти портреты, ландшафты и вещи, сохранившиеся в «пражской коллекции», начинаешь оценивать их значение для понимания Герцена. Они тоже документы герценовского *былого*, по которым можно познавать различные моменты его жизни и творчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы комнаты 1840-х годов в настоящее время находятся в Государственном историческом музее, в Москве.

[2] Фамилия составителя «Catalogue» в рукописи не указана; авторство Н. А. Герцена установлено по почерку.

[3] Список М. К. Лемке включает 205 названий, написанных на отдельных листах. Список охватывает иконографию самого Герцена, членов его семьи, друзей, знакомых, перечень изображений герценовских мест, иллюстраций к его произведениям, обложек и титульных листов, выпускавшихся Герценом изданий и т. д. Весь материал аннотирован. В аннотациях приведены даты портретов и место их написания или съемки, имена художников и фотографов. Техника определена кратко: «красками», «карандашом» и т. д. Отмечен формат фотографических карточек: «кабинетная», «визитная» В некоторых случаях дано краткое иконографическое описание. Например: «Стоит в шляпе, одна рука в кармане, другая на тумбе; по колено». Отмечается положение головы: «Почти en-face», «профиль». Весьма ценны указания на место хранения иллюстраций. Иногда даются ссылки на источники, где изображение упоминается или где оно публиковалось. К некоторым листам приложены репродукции портретов. Всюду в списке указано, для какого тома Собрания сочинений Герцена иллюстрация предназначалась. (Список М. К. Лемке обозначается далее сокращенно—Лемке.)

[4] Лемке, лл. 76, 81, 17, с пометами у портретов: 1) Касаткина — «Фотография визитная Мауег, Лондон, 1862. Стоит около балюстрады, очень похож». 2) Налбандяна—«Фотография визитная, 1861. Стоит, одна рука на столике. Сходство большое». 3) Потебни — «Лондон. Фотография визитная Silvy. Похож».

[5] Лемке, лл. 39, 37, 40, 51 с пометой о первом портрете: «Фотография визитная, 1850-е годы. Опер голову на руку (по колено). Очень похож». О втором: «Фотография визитная, 1855». О последнем: «Турин. В шапочке и плаще, по пояс. Фотография кабинетная Montabona. У Терезы ‹Герцен›. Очень похож».

[6] Л. 52 с пометой: «Москва. Фотография визитная, Scherer, en-face, поясной. У Н. А. Г. Очень похож». Ни один портрет Н. И. Астракова до сих пор неизвестен.

[7] По литографии Л. Ноэля Н. Н. Ге сделал рисунок карандашом (*ЛН*, т. 39-40, стр. 239).

[8] Лемке описывает два экземпляра этого фотографического портрета (л. 158). «Фотография визитная Мауег. Огарев сидит на балюстраде, заложив ногу на ногу. Герцен сидит в кресле; Огарев en-face, Герцен — в профиль. Фотография у Нат. А. Герцен в Лозанне и в Румянцевском музее ‹...› На первой Герцен написал: «Больше друзей иметь не разрешается в 48 лет» — это экземпляр Огарева; на экземпляре музея написано: «С подлинным верно. 9 декабря 1863 г. Лондон». Этот последний экземпляр теперь в Историческом музее в Москве. Дата прочитана Лемке неверно — следует: «1860» (*ЛН*, т. 61, стр. 179).

В Государственном литературном музее сохранилась такая же фотография Герцена и Огарева с надписью рукой Герцена Л. Н. Толстому: «В память встреч в Orsett House, 28 марта 1861» (*ЛН*, т. 41-42, стр. 507). В том же музее есть и другая совмест-

ная фотография Герцена и Огарева. Они изображены в рост, стоя у балюстрады друг против друга. На балюстраде помета неизвестной рукой: «18 juin 1861, Mayer frs» (*ЛН*, т. 39-40, стр. 409). Наконец, в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде сохранилась карточка Герцена и Огарева, у той же балюстрады, но в другой позе, оба en-face (*ЛН*, т. 7, стр. 61).

[9] 1) Л. 109 «Масляными красками. Рейхель, 1842. По пояс, en-face. Сидит, облокотившись на столик. У Нат. А. Герцен. Не похож». 2) Л. 123. «Италия, 1848. Акварельный портрет, срисован карандашом, в Румянц. муз. ныне ⟨в ИРЛИ⟩. Фото у Н. А. Герцен». 3) Л. 132. «Ницца, 1850—51, карандашом, Masse». По пояс; стоит en-face. Сходство небольшое». 4) Л. 127. «Ницца, 1850. Дагерротип, слегка окрашенный. Сидит в низком кресле, облокотившись правой рукой. У Н. А. Герцен. Сходство небольшое». 5) Л. 129. «Ницца, 1850—51. Дагерротип. Сидит. У Нат. А. Герцен. Очень похож, как дагерротип — самый лучший». 6) Л. 138. «Ницца, 1851. Дагерротип. У Нат. А. Герцен и в Румянцевском музее. Один из лучших портретов». 7) Л. 140. «Ницца, 1851. Дагерротип. В белом платье на кресле, руки на коленях. У Нат. А. Герцен. Сходство небольшое». Четыре дагерротипа Натальи Александровны (жены) указаны и в «Catalogue».

Имеются сведения о существовании еще и других портретов Н. А. Герцен (жены). Так, в письме от 2 января 1836 г. она говорит Герцену о своем портрете детского возраста: «Я питалась грудным молоком, когда снимали с меня портрет у папеньки» (А. И. Герцен. Собр. соч., т. VII. СПб., 1905, стр. 57).

Неизвестна судьба портрета Натальи Александровны работы К. А. Горбунова. Портрет упоминается в переписке Герцена (VII, 216). Он оставался у Т. А. Астраковой в Москве, и Герцен очень хотел иметь его у себя (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 19—21). Портрет не значится ни в «Путевых заметках», ни в «Catalogue», ни у Лемке. Возможно, что он сгорел во время пожара в квартире Т. А. Астраковой (см. в настоящем томе, стр. 545).

Акварельный портрет Натальи Александровны с сыном Александром, работы того же К. А. Горбунова, хранится в Историческом музее в Москве (см. примеч. 23).

Упоминания о портретах Н. А. Герцен (жены) встречаются также в письмах Л. И. Гааг к М. К. Рейхель (см. в настоящем томе, стр. 405).

[10] Гора получила название «Шато» — замок, так как на ней находилась укрепленная часть старой Ниццы. Замок был разрушен в 1706 г. по распоряжению Людовика XIV. Близ Н. А. Герцен похоронены позднее мать и жена Гарибальди.

[11] Лемке (л. 128) описывает дагерротип Коли Герцена 1850 г., принадлежавший Н. А. Герцен (дочери): «Слегка окрашенный, сидит в кресле с цветком в руке, на столе шляпа ⟨...⟩. Сходство хорошее». О портретах Коли Герцена см. также в настоящем томе, стр. 405 («Письма Л. И. Гааг к М. К. Рейхель»).

[12] Дагерротип принадлежал П. А. Герцену и подарен его вдовою, Н. Ю. Герцен, Государственному литературному музею.

[13] Лемке упоминает еще два дагерротипа А. А. Герцена 1848—1849 гг., принадлежавших Терезе Герцен. На одном из них А. А. Герцен изображен в шляпе со страусовым пером, в руке знамя. Оба дагерротипа, пишет Лемке, похожи (лл. 125—126). В списке отмечена также «очень похожая» фотография А. А. Герцена 1868 г. (л. 183).

В письме к сыну от 17 октября 1860 г. Герцен писал: «Петруша ⟨П. А. Захарьин⟩ прислал твой портрет; один Kind превосходный — брось все прежние, очень хорош. Я дал один Тате, один Огар⟨еву⟩ и Ольге („в шляпе“)» (X, 431). О каком портрете А. А. Герцена идет речь, неясно.

[14] Лемке упоминает дагерротип Н. А., сделанный в Ницце в 1850 г., и отмечает «хорошее сходство» этого дагерротипа (л. 131). В списке упоминаются еще две фотографии Н. А. Герцен (лл. 182, 200). В «Catalogue» указаны 6 фотографий Натальи Александровны разного возраста.

[15] Лемке упоминает две фотографии О. А. Герцен 1866 г. (лл. 154—155) и общую фотографию Н. А. и О. А. Герцен 1872 г. В «Catalogue» указано восемь портретов О. А Герцен, разных лет.

[16] Лемке дает описание трех фотографий Лизы Герцен — 1863, 1868 и 1872 гг. (лл. 165, 184, 204).

[17] В «пражской коллекции», помимо указанных портретов Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизы, есть также и другие работы Н. А. Герцен (дочери). Портрет В. А. Герцена (ед. хр. 48), карандашный рисунок «Сельский вид» (ед. хр. 35), зарисовки типов табльдота в Генуе (настоящий том, стр. 454—455). Возможно, что снимок с портрета Терезы Герцен, жены А. А. Герцена, сделан также с портрета работы Н. А. Герцен.

[18] В доме А. А. Герцена хранился еще портрет его дедушки с материнской стороны, Александра Алексеевича Яковлева, описанного в «Былом и думах» под именем «старшего братца». Этот портрет почему-то не упомянут в «Путевых заметках». Он был перевезен П. А. Герценом в Москву (см. настоящий том, стр. 367).

[19] Местонахождение картины в настоящее время неизвестно. В печати она была воспроизведена по фотографии 1856 г., принадлежавшей П. А. Ефремову и также затерянной (ср. «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 366). На фотографии, находившейся у Герцена, не обозначена фамилия фотографа A. Deveria, которая стоит на ефремовском экземпляре. Все же, насколько можно судить по перепечаткам, фотография

«пражской коллекции» идентична ефремовской и является, таким образом, единственным дошедшим до нас снимком, сделанным непосредственно с оригинала.

[20] Лемке (л. 45) упоминает фотографию Прудона, «очень похожую», находившуюся у Н. А. Герцен. В «пражскую коллекцию» фотография не попала.

[21] В «пражской коллекции» есть портрет Бобрищева-Пушкина, а Пущина найти не удалось. Не ошибся ли составитель?

[22] О том, что у Герцена был портрет «мальчика-Пушкина», упоминает и Е. А. Ляцкий в своих «Воспоминаниях о Рейхель» (рук. неопубл.— ЛБ). Речь идет, вероятно, об известной гравюре Е. Гейтмана, приложенной к первому изданию «Кавказского пленника» (1822), но в «Большую книгу» гравюра вклеена не была. Не указан портрет Пушкина и в перечне «Catalogue».

[23] На прекрасном акварельном портрете Н. А. Герцен (жены) с сыном, работы К. А. Горбунова 1841 г., есть дарственная надпись: «Матвею Ливену 1 января 1842 от Герцена». Этот уникальный портрет своей жены с сыном Сашей, которого так любил Матвей Савельевич, Герцен мог подарить только другу. Среди его близких знакомых не было ни одного Ливена. Можно с уверенностью сказать, поэтому, что портрет был подарен слуге — Матвею Савельевичу Ливену. В настоящее время портрет хранится в Историческом музее в Москве (*ЛН*, т. 39-40, стр. 109).

[24] Е. И. Смирнова. Герцен и художник К. Горбунов.— сб. Гослитмузея «А. И. Герцен». М., 1946, стр. 107—119. О Горбунове см. также: И. Беккер. К. А. Горбунов и его портрет М. Ю. Лермонтова.— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 776—781; Н. Эфрос. К. А. Горбунов — портретист Белинского.— «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 357—373.

[25] В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина сохранился листок с наброском лица М. К. Эрн (Рейхель) и шуточными надписями Герцена. Рисунок очень близок к настоящему и, вероятно, также принадлежит Горбунову (*ЛН*, т. 39-40, стр. 125).

[26] Этот дом был куплен у Тучковых И. А. Яковлевым для своего сына и в семье Герцена назывался «тучковским».

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫРЕЗКИ В АРХИВЕ ГЕРЦЕНА

Обзор Л. Р. Ланского

В «пражской коллекции», а также в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, среди документов, полученных от наследников Герцена, сохранилось несколько десятков вырезок из русских и, главным образом, иностранных периодических изданий пятидесятых-шестидесятых годов, собранных самим Герценом во время его жизни в эмиграции [1].

Несмотря на то, что это собрание вырезок, вероятно, дошло до нас не в полном виде, оно представляет многосторонний интерес. Часть вырезок сделана из иностранных изданий, давно уже ставших библиографической редкостью и отсутствующих не только в советских, но и в западноевропейских книгохранилищах. На некоторых вырезках имеются пометки, сделанные самим Герценом. Эти материалы в своей совокупности дают наглядное представление об огромном влиянии, которое оказывал Герцен на западноевропейскую демократическую аудиторию, о выдающемся месте, которое он занимал среди руководителей революционного движения сороковых — шестидесятых годов и среди лучших представителей современной ему литературы.

Значительную часть сохранившихся вырезок составляют публикации произведений Герцена во французской, английской, немецкой и итальянской прессе, рецензии на его сочинения, а также статьи и заметки о нем самом и его деятельности. Сохранились также вырезки с материалами, не имеющими прямого отношения к Герцену, но по тем или иным причинам привлекшими его внимание. Отметим среди них материалы, характеризующие бедственное положение английского пролетариата и крестьянства и жестокость буржуазного правосудия. Интерес вызвало у Герцена также выступление видного деятеля I Интернационала Л.-Э. Варлена, провозгласившего в 1868 г. перед буржуазными судьями выход на политическую арену рабочего класса.

В коллекции сохранилось несколько вырезок с открытыми письмами Герцена, адресованными редакторам и издателям иностранных газет. Большинство из них перепечатано в собрании сочинений под редакцией М. К. Лемке*. Некоторые из писем Герцена к издателям, однако, остались неизвестными Лемке. Два из них были напечатаны по материалам «пражской коллекции» в т. 61 «Литературного наследства»: письмо к редактору «Kölnische Zeitung» — от 16 июня 1854 г. (стр. 216) и письмо к издателю «The Daily News» — от 27 декабря 1860 г. (стр. 260).

---

* Редактору «L'Homme» от 7 февраля 1854 г. (VIII, 21—26); издателю «The Morning Advertiser» от 14 февраля 1855 г. (VIII, 136—137); издателю «The Globe» от 23 октября 1855 г. (VIII, 235); издателю «The Daily News» от 16 и 20 апреля 1861 г. (XI, 79—80); издателю «The Times» от 19 ноября 1861 г. (XI, 342—344) и редакторам радикальных газет от 16 марта 1869 г. (XXI, 325).

Приведем здесь из той же коллекции еще два небольших письма к издателю английской буржуазно-либеральной газеты «The Daily News», не использованных Лемке и позднейшими исследователями*.

Первое письмо относится к началу октября 1862 г. и написано по поводу обращения Центрального народного польского комитета к издателям «Колокола» от 20/8 сентября 1862 г. В обращении декларировалось единство взглядов Комитета со взглядами «Колокола» по крестьянскому и национальному вопросам — в частности, провозглашалось право крестьян на обрабатываемую ими землю и право всякой нации на самостоятельное государственное существование. Напечатав этот документ в л. 146 «Колокола» от 1 октября 1862 г. (XV, 503—505), Герцен и Огарев переслали его перевод в «The Daily News» при следующем сопроводительном письме, которое мы даем в переводе (датируется приблизительно началом октября 1862 г.):

«Милостивый государь, мы просим вас поместить на страницах вашей уважаемой газеты нижеследующий документ и остаемся с величайшим уважением вашими и т. д.

А. Герцен
Н. Огарев } издатели „Колокола"

Orsett House,
Westbourne terrace»[2].

Второе письмо Герцена, также адресованное в «The Daily News», датировано 2 июня 1863 г. и связано со вторичным приездом в Лондон агента III Отделения — статского советника Хотинского, которому было поручено определить имена русских корреспондентов «Колокола». «Оставить Хотинского в покое было невозможно, — замечал впоследствии Герцен, описывая обстоятельства, при которых он узнал о приезде Хотинского.— Я начал с того, что пошел в ближнее кафе и написал короткое извещение о возвращении „русского агента Хотинского в Лондон", предостерегая поляков, наших друзей, и отметив его квартиру. С этой запиской пошел я в „Daily News". В редакции застал я Эдуарда Пигота. „Напечатаете?" — спросил я.—„Да, если вы подпишете". —Письмо подписано» (XVIII, 347; см. также XVI, 282). Это письмо из «The «Daily News» не было перепечатано Лемке. Вот его текст (в переводе):

«Русская тайная полиция
Издателю „The Daily News"

Милостивый государь, один из главных агентов русской тайной полиции, действительный статский советник Матвей Хотинский, снова в Лондоне. Мы считаем своим долгом оповестить о его приезде всех поляков и наших русских друзей в Англии. Примите и пр.

Александр Герцен,
издатель „Колокола".

Англия
Orsett House
Westbourne terrace, 2 июня»[3].

Идентичное письмо было опубликовано Герценом на русском языке в № 9 газеты П. В. Долгорукова «Листок» за 1863 г. (XVI, 279).

Из всех иностранных публикаций сочинений Герцена, сохранившихся в собрании вырезок, наиболее ранними являются статьи «Qui a raison? Dialogue sur le tillac avant l'orage» («Кто прав? Диалог на палубе перед грозой») — первая главка, напечатанная анонимно в № 5 парижской газеты, издававшейся П.-Ж. Прудоном,— «Le Peuple de 1850» от 9 августа

* Здесь, как и ниже, в нашем обзоре приводятся и аннотируются исключительно статьи и заметки, сохранившиеся в архиве Герцена.

1850 г., и «Epilog für das Jahr 1849» («Эпилог 1849 года»), впервые напечатанный по-немецки под полным именем Герцена в двух номерах нью-йоркской немецкой газеты «New-Yorker Abend-Zeitung», повидимому, в сентябре 1850 г. (на вырезке дата не обозначена). Обе эти статьи впоследствии, в русском варианте, вошли в книгу «С того берега». Публикуя «Эпилог 1849 года», редакция «New-Yorker Abend-Zeitung» сделала примечание:

«Рукопись сообщаемого нами по требованию многих наших подписчиков „Эпилога" была прошлой весной передана г-ну Юлиусу Фрёбелю теперешней редакцией *d. Bl.**, и он прочитал его своим слушателям на последней лекции. Никому более в Европе и Америке она не известна, и ее самой уже не существует, так как парижская полиция конфисковала русский подлинник при домашнем обыске у автора».

К несколько более позднему времени относится сокращенная газетная публикация работы Герцена «Русский народ и социализм», появившаяся в газете В. Гюго «L'Avènement du Peuple», № 43 от 19 ноября 1851 г. (в отделе «Фельетон „L'Avènement du Peuple"»), под названием «Le Peuple Russe» («Русский народ») и за полной подписью Герцена. Публикации предшествовала следующая заметка одного из редакторов газеты — Камилла Беррю: «Чтение „Легенд демократии", которые г. Мишле публикует в „L'Avènement", вызвало со стороны одного из виднейших русских писателей-патриотов ответ, трогательное красноречие которого заставит сильнее забиться все сердца. Спешим предложить несколько выдержек из него друзьям свободы во всех странах».

Весной 1853 г. в неустановленной, повидимому бельгийской, газете была напечатана статья, озаглавленная «Русская типография в Лондоне». В ней опубликованы отрывки из обращения Герцена «Братьям на Руси» (VII, 186—188) и содержится обещание напечатать в одном из ближайших номеров письмо Герцена в редакцию «Demokrata Polski» (см. VII, 228—234).

Джерсейская революционная газета «L'Homme» напечатала 22 февраля 1854 г. статью Герцена «Письмо к гражданину редактору „L'Homme"» (VIII, 21—26) со следующим примечанием редактора, Ш. Рибейроля:

«Мы любим всех, кто *дерзает* — как в области мысли, так и в бою, и мы с удовольствием напечатаем письма** гражданина Герцена, что не лишит нас права высказать наше мнение француза, цивилизованного... и бессильного».

Статья «Письмо к гражданину редактору „L'Homme"» была напечатана М. К. Лемке только в русском переводе. Французский оригинальный текст по недосмотру не включен и в издание Академии наук СССР (см. V, 1955, стр. 218—224).

В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в «пражской коллекции» сохранились два экземпляра этого номера «L'Homme» с правкой Герцена*** (см. воспроизведение экземпляра ЛБ в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 221).

---

* des Blattes, т. е. газеты (нем.).

** Речь идет о «Письмах из Франции и Италии».— *Л. Л.*

*** На газетной вырезке «Письма к гражданину редактору „L'Homme"», хранящейся в ЛБ, имеются следующие пометки и исправления, сделанные рукой Герцена:

На верхнем поле газеты надпись: 22 févr⟨ier⟩; *в абзаце:* Entre la réalité...—*слово* usurpation *переделано на* aspiration; *в абзаце:* On ne peut créer...— *после слова* nouveau *вписано слово* que, *а слово* hémisphérique *переделано на* paralysée; *в абзаце:* Le Bedouin a son sol... — *слово* séjour *переделано на* retour; *слово* diluviennes — *на* siluriennes; *в абзаце:* Il prenait pour de l'or...— *слово* convulsions *переделано на* illusions; *в абзаце:* Eh bien, nous voyons cela...— *выброшены слова* beaucoup *и* tous; *в абзаце:* C'est de là, Monsieur...—*выброшено слово* maintenant; *в абзаце:* «Le Lloyd», parlant d'une de mes brochures...— *слово* le dégoût *переделано на* le dégât.

В экземпляре, хранящемся в «пражской коллекции», Герценом сделано лишь одно исправление, в абзаце: Entre la réalité...—*слово* usurpations *переделано на* méditations. *На обороте вырезки им же надписано:* Rui Blas *и* Royer-Collard.

В той же газете от 5 сентября 1855 г. в разделе «Variétés» («Смесь») напечатано извещение о выходе в свет первой книжки «Журнала русской пропаганды» (т. е. «Полярной звезды»).

«Чтобы дать представление о духе, царящем в этом сборнике, — пишет Рибейроль, — мы переводим статью, обращенную редактором к его русским друзьям».

Далее напечатана статья Герцена «К нашим» (VIII, 221—225). На газетной вырезке Герценом сделано корректурными значками несколько исправлений*.

2 сентября 1856 г., в № 206 «Санкт-Петербургских ведомостей» была напечатана за подписью «В. Б.» статья Герцена «Оба лучше» (VIII, 345—351). В архиве Герцена сохранилась вырезка с этой статьей, в которой он сделал несколько исправлений**.

В лондонской газете «Le Courrier de l'Europe», выходившей на французском языке, 3 января 1857 г. был напечатан отрывок из третьего тома «Былого и дум» («Mémoires d'un Russe») о рождении сына Герцена — Александра, со следующим предисловием от редакции:

«Публикуемый ниже отрывок из „Мемуаров русского", так же, как и все сочинение, частью которого он является, никогда не печатался на французском языке. Мы счастливы, что можем дать понятие нашим читателям о произведении, которое, будучи опубликовано на трех языках — русском, немецком, английском, не только было увенчано тройным успехом, но которое, еще до издания на французском языке, уже известно и вызывает восхищение во Франции. „Revue des Deux Mondes", „La Presse" уже много раз беседовали со своими читателями об этом замечательном произведении, создать которое мог только такой человек, как Александр Герцен, вынужденный вследствие деспотии царя, а также других деспотий, искать спасения и свободы в бесчисленных скитаниях по югу и западу Европы; связанный со всеми народами, хорошо зная все языки, свидетель и судья нравов, законов, самых разнообразных переворотов, он сумел поставить свой огромный опыт познания людей и явлений на службу уму, необыкновенно сильному и оригинальному. Французские читатели, надеемся мы, смогут вскоре ознакомиться с мемуарами Александра Герцена не только по цитатам из литературно-критических статей. Три первых тома уже переведены на французский язык и вскоре будут опубликованы. Ознакомившись с печатаемым нами сегодня отрывком—отрывком, переведенным самим автором***,— наши читатели,

---

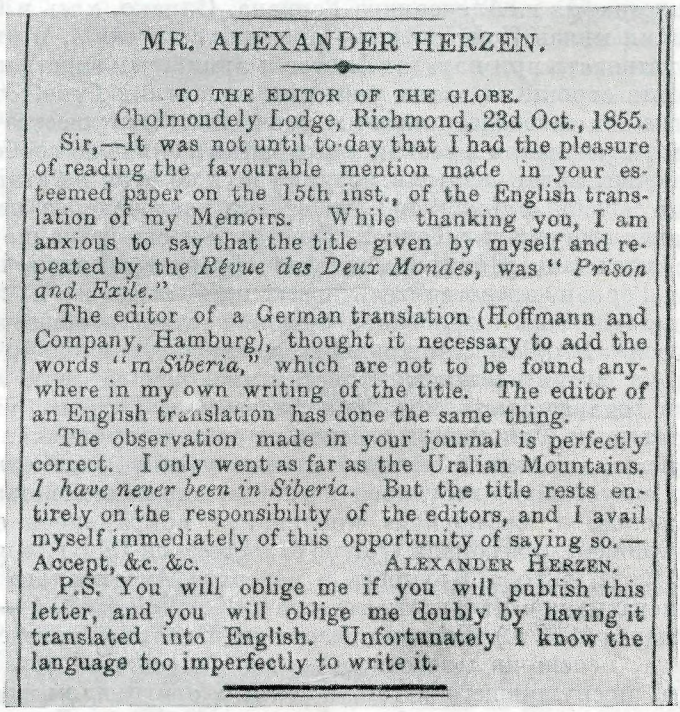
* *В конце третьего абзаца перед словами:* bonne volonté — *вставлен артикль* la; *в абзаце:* Depuis cette journée...— *перед словом* l'indépendance *вставлено* nous; *в абзаце:* La première messe *дата* le 25 juillet (6 août) *переделана на* 25 juillet.

** *В абзаце:* Ж. Санд говорит...— *ошибочно набранное слово* врагом *переделано на* Орасом; *в абзаце:* Между жителями Новой Зеландии...— *перед словами* оставил у актрисы, *повидимому, выброшено слово* он (*правка неясна*); *в абзаце:* А отчего, с другой стороны...— *подчеркнуты слова* Уровень понизился, *и перед ними поставлен значок, повидимому, отмечающий вставку* (*вставка не сохранилась*); *текст от слов:* Между Луве и Поль-де-Коком, *кончая словами* гарантированная префектурой, *обведен Герценом жирной чертой; в абзаце:* Марго—женщина...— *выброшен текст* Немногим лучше ее весь литературный парижский Сен-Лазар, которого двери растворил А. Дюма-сын; *в абзаце:* Итак, наконец, между Фобласом...— *вычеркнуты слова* Итак, наконец. *Здесь же подчеркнуты слова* прошло мещанство, овладело людьми и образовало два поколения. *Заключительная строка:* Прикажете продолжать? — *вычеркнута.*

См. репродукцию этой вырезки в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 339.—По вине цинкографии первые из перечисленных выше пометок не получились на репродукции.

*** Об этом переводе, выполненном самим Герценом, ранее ничего известно не было.— *Л. Л.*

так же, как это бывало с нами каждый раз по прочтении чего-нибудь написанного Герценом по-французски, будут удивлены и очарованы, видя, какой оригинальный характер принимает французский язык под этим русским пером; и, отдавая себе отчет в том, насколько автор в своем стиле является одновременно и русским, и французом, они, без сомнения, подумают, какой удачей для французской литературы было бы почаще предоставлять права гражданства таким писателям. Что же касается Герцена, то он не только имеет как писатель право гражданства в России, Германии,



MR. ALEXANDER HERZEN.

TO THE EDITOR OF THE GLOBE.

Cholmondely Lodge, Richmond, 23d Oct., 1855.

Sir,—It was not until to-day that I had the pleasure of reading the favourable mention made in your esteemed paper on the 15th inst., of the English translation of my Memoirs. While thanking you, I am anxious to say that the title given by myself and repeated by the *Révue des Deux Mondes*, was "*Prison and Exile.*"

The editor of a German translation (Hoffmann and Company, Hamburg), thought it necessary to add the words "*in Siberia,*" which are not to be found anywhere in my own writing of the title. The editor of an English translation has done the same thing.

The observation made in your journal is perfectly correct. I only went as far as the Uralian Mountains. *I have never been in Siberia.* But the title rests entirely on the responsibility of the editors, and I avail myself immediately of this opportunity of saying so.—Accept, &c. &c. ALEXANDER HERZEN.

P.S. You will oblige me if you will publish this letter, and you will oblige me doubly by having it translated into English. Unfortunately I know the language too imperfectly to write it.

ВЫРЕЗКА ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE GLOBE» от 25 ОКТЯБРЯ 1855 г.

Здесь напечатано письмо Герцена к издателю «The Globe»

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Англии, Франции, он имеет как мыслитель право, еще более возвышенное,— право гражданства в той обители, куда любовь к свободе и справедливости предоставляет доступ даже людям, нищим духом, но куда сам гений не мог бы вступить, если б только гений мог существовать без любви к справедливости и гуманности.

Мы просим извинения у наших читателей за то, что несколькими своими строками замедлили их наслаждение и оставляем их наедине с автором, с этими страницами, полными жизни, ума, нежности и той благотворной иронии, которая высмеивает только зло, которая вместо того, чтобы раздражать, пробуждает и просвещает самые великодушные чувства, свойственные человеческой природе»*.

---

* *В этой публикации Герценом сделано одно исправление в абзаце:* C'est le commencement de la famille, *в словах* L'amour de la mère effrayée *выброшено корректурным значком, повторенным на полях:* de la mère.

27 июня 1857 г. та же газета опубликовала французский перевод статьи Герцена «Августейшие путешественники. I. Вдовствующая императрица» (VIII, 542—547), снабдив его следующим предисловием:

«Как жаль, что великий князь Константин во время недавнего своего путешествия по Западу удовольствовался тем, что отправился приветствовать королеву Англии, и не счел нужным доехать до Лондона. Ему можно было бы там показать нечто более интересное, чем все виденное им в других местах, нечто такое, что он мог найти только здесь и что могло добавить прекрасную главу к его дорожным впечатлениям. Это нечто — *русская типография* г. Александра Герцена. Однако, хоть и будучи русским, великий князь Константин — прежде всего *князь*, и он предпочитает присутствовать при парадах флотов и армий, чем видеть наборщиков, составляющих строки из своих ужасных маленьких букв. Это понятно: пресса, когда она свободна, старается уничтожить могущество царей, поддерживаемое армиями, а русская типография в Лондоне свободна, совершенно свободна: наши читатели могут судить об этом по статье, перевод которой мы сегодня публикуем. Эта статья извлечена из новой газеты, которую начал выпускать г. Герцен. Газета эта носит название „Колокол" и вместе с журналом „Полярная звезда" образует арсенал, при помощи которого г. Герцен, представитель новых идей, столь же просвещенный, сколь и независимый, пробивает брешь в старом общественном порядке в России. Это, следует признаться, оружие, несколько более опасное для дома великого князя Константина, чем пезаны, ланкастеры[4] и плавучие батареи союзников. Имя Александра Герцена уже знакомо нашим читателям. Они смогут оценить по статье, публикуемой нами сегодня, манеру, с которой непочтительные русские *подданные* высмеивают своих августейших государей и государынь из семейства Николая».

В «пражской» и «софийской» коллекциях сохранилось одиннадцать страниц парижского журнала «Revue Française» за 1858 г. с публикацией герценовского «Доктора Крупова» в переводе Аксенфельда (стр. 284—292). Перепечатывая в 1868 г. эту повесть в «Kolokol» (№№ 4 — 5 от 15 февраля — 1 марта 1868 г.), Герцен подверг значительной переделке перевод Аксенфельда, испещрив многочисленными поправками страницы своего экземпляра, послужившего затем наборным оригиналом для «Kolokol». Некоторые из этих поправок были кем-то предложены Герцену карандашом и затем обведены им чернилами*.

---

* Перечислим здесь исправления, внесенные Герценом в текст перевода:

Стр. 284. Над заглавием надписи: Начало *и* 284.

В первом абзаце, после слова confrères *выброшено* en science; *в след. абзаце к словам* la résidence *и* la capitale *вместо прежнего подстрочного примечания вписано новое:* Distinction que les Slavophiles faisaient toujours — pour rehausser Moscou.

Стр. 285. Слова в подписи docteur médecin et chirurgien — *переделаны на* Med. et chir. Dr.; *в абзаце:* Je suis né... (*а также и в дальнейшем тексте*) — *слово* bedeau *заменено словом* sacristain; avare *заменено на* malingre; de la kacha — *на* du gruyau; une petite cellule — *на* un reduit.

Стр. 286 (в том же абзаце): d'une bête forcée — *заменено на* d'un animal forcé; *в абзаце:* A l'âge de douze ans... *слово* halath — *заменено на* surtout en toile de nankin.

Стр. 287. В 1-й строке: un des plus beaux panoramas qui se puissent trouver...— *переделано на* un des beaux panoramas de plaines que l'on trouve...; *в абзаце:* Le petit Léon m'accompagnait...— *слова* monstre, parce qu'un monstre *заменены на* malheureux, un malheureux; *в абзаце:* Quelques jours avant la fête...— *слово* blouse *переделано на* chemise, *а* Le commis — *на* L'intendant; *после* ivrogne — *вписано* et que l'on ne savait que faire de lui; *после* se réjouir — *вписано* on lui endossa l'uniforme d'un fou. Les persécutions redoublèrent; *слова* du lepechki, du kvas, de la braga — *заменены на* des flancs, lui donnaient de la bière *и выброшено подстрочное примечание с объяснением вычеркнутых слов.*

Стр. 288. В конце того же абзаца после слов avec le petit Léon...— *выброшено* c'est-à-dire qu'il l'abaissait pour se relever lui-même; *в следующем абзаце после* disait-il— *выброшено слово* souvent; *в абзаце:* Ah, seigneur...— *после слов* Respecte tes père et mère — *выброшено* et toi, bêta...

Имеются здесь также четыре страницы «Полярной звезды на 1859 год» с публикацией главы XLIII «Былого и дум» («Oceano Nox») с авторской правкой Герцена*.

Хранится среди вырезок также заметка из неустановленной итальянской газеты (от осени 1861 г.), с публикацией письма Герцена к барону Бруннову от 11 октября 1861 г. (XI, 248—249). В редакторском примечании к этой публикации Герцен назван «знаменитым редактором „Колокола“».

Брюссельская еженедельная газета «La Rive gauche», орган левых республиканцев, выходившая под редакцией Л. Фонтена, напечатала в №№ 14, 20 и 29 от 8 апреля, 20 мая и 22 июля 1866 г. французский перевод следующих статей Герцена: «1789» (XVIII, 364—366), «Иркутск и Петербург» (XVIII, 374—381) и «Голос русского о войне» ‹«Война»› (XIX, 1—4). Все эти номера хранятся в бумагах Герцена (см. воспроизведение номера от 22 июля 1866 г. в «Лит. наследстве», т. 61, стр. 407).

Мы находим здесь также несколько отдельных номеров и страниц «Italia del Popolo», революционного органа, выходившего в это время в Генуе под редакцией Франческо Денегри. В номере от 10 марта 1857 г. опубликовано «Письмо Герцена к Джузеппе Маццини о положении в современной России» (VIII, 402—416); в номере от 19 марта 1857 г. — итальянский перевод знаменитой речи Герцена, посвященной памяти С. Ворцеля, под названием «Траурная речь»; в номере от 21 февраля 1858 г.— продолжение статьи Герцена «Русский заговор 1825 года» (XXII, 74—94). Первая и последняя статьи напечатаны без всяких примечаний от редакции. Ко второй сделано небольшое предисловие, в котором редакция напоминала читателю, что статьи Герцена не впервые появляются на страницах «Italia del Popolo»; публикуемая речь Герцена названа редакцией «красноречивой».

Стр. 289. В абзаце: A cette époque... *перед* elle n'était pas dépourvue *Герценом выброшено слово* pourtant. *Слова* l'attention en était éveillée — *заменены там же на* que l'on en avait envié; *в следующем абзаце слово* des monstres *заменено на* fous. *Далее зачеркнута фраза* Les enfants? Mais le petit Léon peut en faire, des enfants, ce n'est pas là une affaire difficile. *Далее слова* le seigneur Féodor Grigoriewitch — *Герцен заменил на* le seigneur du village.

Стр. 290. В том же абзаце, после слова amuse *Герцен вычеркнул* les autres. *В абзаце:* Je n'ai jamais trop compris...— *слова* pour le moins au père Basile *переделаны на* au seigneur; *слова* du citoyen — *переделаны на* de son état; *в конце абзаца слова* ils ne sont ni moins stupides, ni moins inutiles que lui *заменены на* pour lui une juissance instinctive; *в абзаце:* Je revenais constamment...—*слова* élève de seminaire *заменены на* étudiant en théologie *и слова* difficile, et même *заменены на* trancedentaux; *в абзаце:* Les vacances passées...— *перед* il s'appuya *выброшено слово* mais; *на полях подпись Герцена: №* Набирать.

Стр. 291. В абзаце: Ma pensée se fixait...— *слова* science religieuse *заменены на* théologie; *далее:* quand je t'attraperai, je te montrerai de quoi il retourne — *переделано на* je te flanquerai une leçon; *далее перед словами* que j'ai demandé la permission — *выброшено слово* vraiment.

Стр. 291-bis (пагинация Герцена). Во фразе: finalement, il me rappela — *слово* sermon *заменено на* commendement; *вместо* de Nil Serski — *написано* Saint Nil.

Стр. 292. В первой строке слово une place *заменено на* une paroisse; *далее:* Féodor Grigoriewitch *заменено на* son père; *в абзаце:* «Oh! Oh! dit-il ...—*вычеркнуто слово* sautillant; *далее к словам* on l'a battu — *приписано слово* là-bas.

Стр. 292-bis (пагинация Герцена). В абзаце: Mais ses propositions...— *Герценом выброшено* De quoi diable le jeune seigneur pouvait-il être occupé? Il se promène sans but, à travers les champs, surtout là où travaillent les filles des paysans. Est-il vrai qu'il ne peut pas trouver cinq minutes à lui? *Двумя строками ни же* le village Poretchie — *заменено на* un village; *далее* une fête — *заменен на* la fête; *после* Le curé du pays nous invita — *знак вставки (вставка отсутствует). Далее выброшены слова* La tête fut splendide et d'une gaîté bryante; seul, j'étais triste; *далее выброшено* bonnes gens orthodoxes; *слово* Pasderichie *заменено на* chez nous; *после:* du plaisir *выброшено* monsieur; *далее выброшены слова* Messieurs, veuillez le prendre.

* См. воспроизведение трех страниц в т. 62 «Лит. наследства», стр. 15. На оставшейся невоспроизведенной стр. 157 Герценом исправлена опечатка («цело» вместо «тело») и выброшен союз «но» в предложении: «но струя молока сочилась...».

Среди вырезок находится также отрывок из «Вылого и дум» — воспоминания о Гарибальди (XIII, 341—342), напечатанный 30(?) апреля 1861 г. английской газетой, название которой установить не удалось (как указано в примечании от редакции, этот отрывок заимствован из № 4 журнала «Deutsches Magazin», издававшегося немецким поэтом Юлиусом Роденбергом), а также вырезка из какой-то английской газеты, озаглавленная «Гарибальди и Александр Герцен» с английским текстом письма Гарибальди к Герцену от 13 апреля 1861 г. и ответом последнего от 19 апреля 1861 г.; здесь же находится еще одна вырезка из английской газеты с перепечаткой отрывка из того же письма Гарибальди к Герцену, опубликованного в «Diritto».

Упомянутая выше газета «La Rive gauche» напечатала в № 34 от 10 сентября 1865 г. письмо Герцена к издателю, датированное 28 августа 1865 г.,— по поводу появившихся в реакционной русской печати клеветнических сообщений, содержавших обвинение Герцена в организации поджогов (VIII, 193—194). Л. Фонтен предварил публикацию следующими словами: «Вот письмо благородного человека и великого гражданина». В заключение редактор восклицал: «Этот язык, полный твердости и достоинства, может обойтись без комментариев, он обладает неотразимой убедительностью».

28 января 1866 г., в № 4 той же газеты был напечатан отрывок из письма Герцена к Эдгару Кине по поводу книги последнего «La Révolution» (XVIII, 293—294) со следующим примечанием Фонтена: «Этот отрывок, несомненно, достоин внимания; но мы хотели бы, чтоб Герцен изложил более четко отношения, которые привязывают человека к земле, ознакомил бы нас подробнее, как он понимает разрешение социального вопроса, стоящего в России еще более остро, быть может, чем где бы то ни было».

Здесь же хранится вырезка из «The Daily News» от конца октября 1854 г. — «Conversations with the Russian prisoners at Plymouth» («Беседа с русскими пленными в Плимуте»), с датой под статьей — 27 октября 1854 г. Эта статья, подписанная «Путешественник-космополит», была введена Лемке в Собрание сочинений Герцена по ошибочному указанию Н. А. Герцен-дочери (VIII, 106—111). Содержание этой статьи совершенно исключает возможность авторства Герцена. Вероятно, она была написана польским эмигрантом А. В. Голынским*.

В «пражской коллекции» находится также вырезка из неустановленной французской газеты 1869 г. с публикацией предвыборной речи Тьера, которую Герцен в русском переводе процитировал в своей статье «Даниил Тьер» (XXI, 375—377).

1868 годом датируются наклеенные на листы белой бумаги шесть колонок «Supplément du „Kolokol“», содержащих французский текст отрывка из «Былого и дум» («Cogitata et visa»), напечатанных в № от 15 февраля 1869 г. Повидимому, Герцен готовил отрывок к переизданию и с этой целью расклеил печатные страницы.

* * *

В «Былом и думах» Герцен подробно рассказывает о том, как в начале 1850-х годов «старейшины города Цюриха», узнав, что в их городе, в училище глухонемых, воспитывается сын атеиста и социалиста Герцена, распорядились исключить ребенка из школы и выслать его из города.

«Я рассказал об этом в Париже. Кто-то из моих знакомых напечатал об этом в „Насионале“, — пишет Герцен. — Устыдившись гласности, полиция сказала, что она не требует высылки, а только какую-то ничтожную сумму денег в обеспечение (caution), что ребенок не кто другой, а он

* *На вырезке надпись неустановленным почерком:* With Mr Holinski's compliments ⟨*С приветом от г. Голынского (англ.)*⟩.

сам» (XIII, 424). В архиве Герцена сохранилась эта вырезка из газеты «National» от 21 февраля 1850 г. (название газеты и дата надписаны рукой самого Герцена). Заметка гласит:

«Преследования, которым подвергаются в Швейцарии эмигранты, перешли все границы гнусности. Они доходят теперь до смешного. Вот пример, слишком поразительный, чтобы к нему не было привлечено общественное мнение.

Г-н ***, политический изгнанник (по понятным причинам мы не сообщим ни его имени, ни откуда он родом), находящийся в настоящее время в Париже, поместил в Цюрихе, в *учебное заведение для глухонемых*, своего единственного <!> *шестилетнего* сына.

Директор этой школы получил приказание выбросить на улицу бедного ребенка, сына изгнанника.

Понимая, какую ответственность он возьмет на себя по отношению к родителям, и отступая перед гнусностью подобного поступка, директор упомянутого учебного заведения поспешил написать г.***, что ему придется забрать своего сына. При этом он сообщил, что ему с большим трудом удалось оттянуть исполнение этого приказания на несколько дней, и то благодаря тому, что он внес в залог *восемьсот франков*, долженствующих гарантировать, что молодой эмигрант — этот шестилетний глухонемой! — не нанесет никакого ущерба безопасности соседних правительств.

Как ни неправдоподобен этот рассказ, мы ручаемся за его полную достоверность. Он покажет, до чего доходит требовательность правительств, до чего доходит унижение Швейцарии».

Отметим одну подробность: в «Былом и думах» Герцен мельком указывает, что он вскоре после появления этой заметки опубликовал в «National» статейку, в которой обращался с вопросом к цюрихским правителям: что сделали бы они с ребенком, если б у его родных не оказалось денег? — Как нам удалось установить, с этим вопросом к цюрихским властям Герцен обратился не через «National», а через газету «La Voix du Peuple» (см. об этом в следующем, 64, томе «Лит. наследства», в наших комментариях к письмам Герцена к Г. Гервегу).

Среди вырезок, собранных Герценом, мы находим письмо К. Маркса в редакцию лондонской газеты «The Morning Advertiser» от 31 августа 1853 г., в котором он опровергает обвинения, брошенные по его адресу Герценом и И. Г. Головиным, связывавшим его имя с предпринятой против М. А. Бакунина кампанией (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV. М., 1934, стр. 193—195).

Во второй июльской книжке «Revue des Deux Mondes» за 1854 г., журнала «целомудреннейшего и чопорнейшего», как называл его Герцен (VIII, 584), известный впоследствии переводчик «Былого и дум» на французский язык Делаво напечатал большую статью о Герцене под названием «Современный роман в России». Делаво подверг благожелательному разбору ряд произведений Герцена — «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», «Кто виноват?», «Прерванные рассказы» и политические сочинения 1852 — 1854 гг. Делаво с явным неодобрением отнесся к революционно-публицистической деятельности Герцена и в заключение статьи рекомендовал ему отказаться от публицистики и возвратиться к художественному творчеству, утверждая, что Герцен «уже занял место среди самых талантливых продолжателей Гоголя».

Статьи Делаво (эту и следующую — о «Былом и думах», помещенную вскоре в «Revue des Deux Mondes»), Герцен назвал «добрыми, но уж очень глупо консервативными» (VIII, 106).

Одним из первых откликов английской печати на лондонские издания Герцена явилась сохранившаяся в коллекции вырезок рецензия издававшегося Дж.-Г. Люисом и Торнтоном Гантом журнала «The Leader»

от 3 декабря 1853 г., озаглавленная «Русское издание в Лондоне» и посвященная выходу в свет «Прерванных рассказов». «Редакция „Leader" — единственная знакомая мне в Лондоне ⟨...⟩,— писал Герцен В. Линтону 6 декабря 1853 г.— Она не очень-то радикальна, но у нее явно выраженное стремление к социализму. А вы-то знаете, что я не понимаю революции без социализма» («Лит. наследство», т. 64). Упомянутая рецензия состояла из простого изложения содержания «Прерванных рассказов» и множества обширных цитат, без всякой оценки со стороны рецензента.

Аналогичная публикация, озаглавленная «Prervannya rascasi Iscandera» и датированная: «Лондон. 25 февраля ⟨1854 г.»,— появилась и во французской газете, название которой установить нам не удалось. Сообщая о выходе в свет в Лондоне на русском языке этой книги, «содержащей потрясающие картины русской жизни», и о том, что французский перевод будет вскоре напечатан в Париже, редакция привела большой отрывок из «Долга прежде всего»*.

26 апреля 1854 г. польский Центральный демократический комитет направил издателю газеты «The Morning Advertiser» следующее обращение, сохранившееся среди герценовского собрания газетных вырезок (см. VIII, 80):

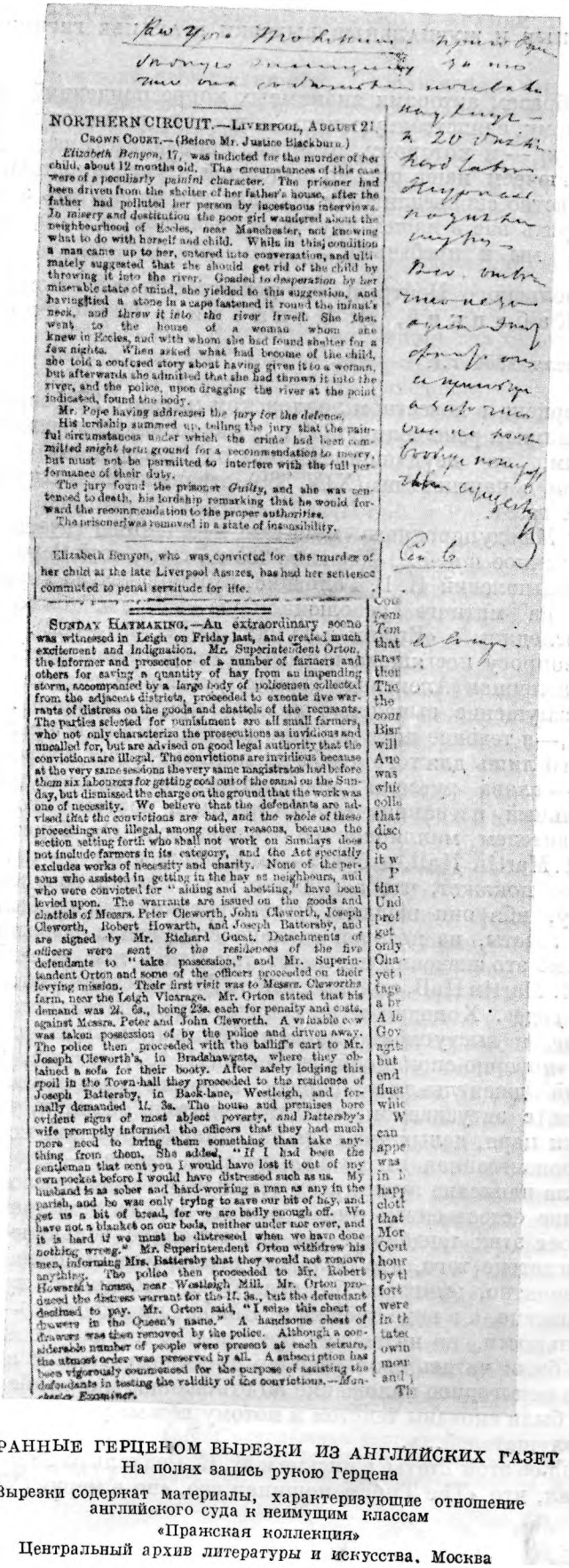
«Милостивый государь, корреспондент, скрывшийся под именем „Демократ", упоминает в вашей почтенной газете наши имена и цитирует наши слова с целью оклеветать нашего друга и союзника А. Герцена, приписывая ему намерения и тенденции, совершенно противоположные тем, которых он придерживается и которые провозглашает на самом деле. Хотя не в нашем обычае отвечать на анонимные выпады, когда они бывают направлены против нас, мы не можем в данном случае воздержаться от торжественного протеста против подобного сообщения. Именно потому, что мы нашли во мнениях и трудах А. Герцена достаточные доказательства его уважения к правам Польши, его любви к свободе и отвращения к посягательствам московитов в чужих странах и тому деспотизму, с каким они управляют в своей стране, мы основали вместе с ним тесный международный союз, союз „независимой и демократической Польши" и „демократической и свободной России"; первым плодом этого сотрудничества и явился призыв Герцена к своему народу, озаглавленный „Прощение и союз" ⟨„Поляки прощают нас!"⟩, наше собственное воззвание к русскому народу, публичная речь Герцена на нашем последнем праздновании 29 ноября и, наконец, „Призыв свободной русской общины к солдатам русской армии в Польше" ⟨„Русскому воинству в Польше"⟩, который был составлен Герценом и затем опубликован в двух английских газетах.

Мы не упоминаем о многих публикациях того же рода, из которых мы могли бы процитировать неопровержимые доказательства полного согласия Герцена со взглядами и принципами, провозглашенными в нашем „Воззвании к английскому народу", цитаты из которого ваш корреспондент пытается „использовать" против него, доказательства преданности Герцена политической линии, начертанной его предшественниками — Пестелем, Муравьевым, Бакуниным. Если мы, представители национальных интересов Польши как в политическом, так и в общественном ее развитии, довольствуемся подобной гарантией, эта гарантия, казалось бы, должна была б удовлетворить самые взыскательные требования тех, кто являются только друзьями Польши.

Эта подписанная нами декларация — достаточный ответ на бездоказательные и необоснованные анонимные нападки. Итак, выражая свое сожаление по поводу того, что ваша уважаемая газета используется столь

---

* *На нижнем поле вырезки рукой Герцена вписаны наполовину срезанные на следующей колонке слова печатного текста:* que condescendance avec.



NORTHERN CIRCUIT.—LIVERPOOL, AUGUST 21.

CROWN COURT.—(Before Mr. Justice Blackburn.)

Elizabeth Benyon, 17, was indicted for the murder of her child, about 12 months old. The circumstances of this case were of a peculiarly painful character. The prisoner had been driven from the shelter of her father's house, after the father had polluted her person by incestuous interviews. In misery and destitution the poor girl wandered about the neighbourhood of Eccles, near Manchester, not knowing what to do with herself and child. While in this condition a man came up to her, entered into conversation, and ultimately suggested that she should get rid of the child by throwing it into the river. Goaded to desperation by her miserable state of mind, she yielded to this suggestion, and having tied a stone in a cape fastened it round the infant's neck, and threw it into the river Irwell. She then went to the house of a woman whom she knew in Eccles, and with whom she had found shelter for a few nights. When asked what had become of the child, she told a confused story about having given it to a woman, but afterwards she admitted that she had thrown it into the river, and the police, upon dragging the river at the point indicated, found the body.

Mr. Pope having addressed the jury for the defence,

His lordship summed up, telling the jury that the painful circumstances under which the crime had been committed might form ground for a recommendation to mercy, but must not be permitted to interfere with the full performance of their duty.

The jury found the prisoner *Guilty*, and she was sentenced to death, his lordship remarking that he would forward the recommendation to the proper authorities.

The prisoner was removed in a state of insensibility.

Elizabeth Benyon, who was convicted for the murder of her child at the late Liverpool Assizes, has had her sentence commuted to penal servitude for life.

SUNDAY HAYMAKING.—An extraordinary scene was witnessed in Leigh on Friday last, and created much excitement and indignation. Mr. Superintendent Orton, the informer and prosecutor of a number of farmers and others for saving a quantity of hay from an impending storm, accompanied by a large body of policemen collected from the adjacent districts, proceeded to execute five warrants of distress on the goods and chattels of the recusants. The parties selected for punishment are all small farmers, who not only characterize the prosecutions as invidious and uncalled for, but are advised on good legal authority that the convictions are illegal. The convictions are invidious because at the very same sessions the very same magistrates had before them six labourers for getting coal out of the canal on the Sunday, but dismissed the charge on the ground that the work was one of necessity. We believe that the defendants are advised that the convictions are bad, and the whole of these proceedings are illegal, among other reasons, because the section setting forth who shall not work on Sundays does not include farmers in its category, and the Act specially excludes works of necessity and charity. None of the persons who assisted in getting in the hay as neighbours, and who were convicted for "aiding and abetting," have been levied upon. The warrants are issued on the goods and chattels of Messrs. Peter Cleworth, John Cleworth, Joseph Cleworth, Robert Howarth, and Joseph Battersby, and are signed by Mr. Richard Guest. Detachments of officers were sent to the residences of the five defendants to "take possession," and Mr. Superintendent Orton and some of the officers proceeded on their levying mission. Their first visit was to Messrs. Cleworths farm, near the Leigh Vicarage. Mr. Orton stated that his demand was 2*l.* 6*s.*, being 23*s.* each for penalty and costs, against Messrs. Peter and John Cleworth. A valuable cow was taken possession of by the police and driven away. The police then proceeded with the bailiff's cart to Mr. Joseph Cleworth's, in Bradshawgate, where they obtained a sofa for their booty. After safely lodging this spoil in the Town-hall they proceeded to the residence of Joseph Battersby, in Back-lane, Westleigh, and formally demanded 1*l.* 3*s.* The house and premises bore evident signs of most abject poverty, and Battersby's wife promptly informed the officers that they had much more need to bring them something than take anything from them. She added, "If I had been the gentleman that sent you I would have lost it out of my own pocket before I would have distressed such as us. My husband is as sober and hard-working a man as any in the parish, and he was only trying to save our bit of hay, and get us a bit of bread, for we are badly enough off. We have not a blanket on our beds, neither under nor over, and it is hard if we must be distressed when we have done nothing wrong." Mr. Superintendent Orton withdrew his men, informing Mrs. Battersby that they would not remove anything. The police then proceeded to Mr. Robert Howarth's house, near Westleigh Mill. Mr. Orton produced the distress warrant for the 1*l.* 3*s.*, but the defendant declined to pay. Mr. Orton said, "I seize this chest of drawers in the Queen's name." A handsome chest of drawers was then removed by the police. Although a considerable number of people were present at each seizure, the utmost order was preserved by all. A subscription has been vigorously commenced for the purpose of assisting the defendants in testing the validity of the convictions.—*Manchester Examiner.*

СОБРАННЫЕ ГЕРЦЕНОМ ВЫРЕЗКИ ИЗ АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ
На полях запись рукою Герцена
Вырезки содержат материалы, характеризующие отношение английского суда к неимущим классам
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

недостойным образом авторами анонимных корреспонденций, преследующими, повидимому, единственную цель — посеять рознь внутри демократического лагеря,— к которому, отметим, принадлежит ведь и ваша газета,— мы заключаем наше письмо надеждой и уверенностью, что ваше собственное чувство справедливости побудит вас напечатать этот протест. Позвольте уверить вас в нашем глубоком уважении, в котором, милостивый государь, мы и пребываем.

Члены польского Центрального демократического комитета
А. Жабицкий, Л. Зенкович, С. Ворцель

Лондон, 26 апреля 1854 г.».

Участие Герцена в известном лондонском митинге 27 февраля 1855 г. посвященном памяти революции 1848 г. и являвшемся, по словам Герцена «торжественным, но неудавшимся опытом соединения социалистов всех эмиграций с чартистами» (XIV, 360), отражено в четырех вырезках из английских газет.

Обращение Международного комитета в редакцию газеты «The Daily News», напечатанное в ней 20 февраля 1855 г., с защитой Герцена от клеветнических измышлений И. Г. Головина, отрицавшего за Герценом право представлять на митинге революционную Россию, было полностью приведено последним в «Былом и думах» (XIV, 361—362).

Тому же вопросу посвящена вырезка из неустановленной английской газеты, озаглавленная «Александр Герцен, русский изгнанник», в которой выражено возмущение выпадом Головина против Герцена. «Герцен, — пишет газета,—в течение пяти лет был пленником среди Уральских гор, и освободили его лишь для того, чтобы выслать из России, его родной страны. Г-н Герцен — глава русской демократической литературы и наиболее замечательный изгнанник своей страны, и поэтому его можно считать представителем миллионов ее трудящихся. Он будет участником митинга в St. Martin Hall, и будет — мы верим этому — принят с радушием, которое покажет, что англичане в состоянии сочувствовать русскому народу, ибо они желают, чтобы русский тиран был свергнут».

Название газеты, из которой сделана следующая вырезка, также не установлено, но это значения не имеет, так как в ней перепечатан отчет о митинге в St. Martin Hall, помещенный в «The Times» под заглавием «Революции 1848 года». Холодно и не без недоброжелательства описывая и самый митинг, и выступление на нем Герцена, корреспондент «The Times» в своей «коварно-спокойной статье» (VIII, 157) отмечал, тем не менее, что «русский джентльмен г. Герцен, который поддержал резолюции, был встречен с энтузиазмом, ибо председатель объявил, что он, вследствие тирании царя, целых три года находился в русской тюрьме».

«Речь, произнесенная им на французском языке, — продолжает «The Times»,—была написана лучше всех остальных и ставила своей целью объяснить вполне естественные для русского народа демократические тенденции и рост этих тенденций, но она потеряла бóльшую часть своего эффекта вследствие того, что была прочитана довольно невнятным голосом; она, вероятно, выиграла бы, если б ее преподнесли публике не как устное обращение, а в виде брошюры. Вообще иностранцы — не французы по национальности, но питающие пристрастие к французскому языку,— вынуждены были читать свои речи по писанному тексту; это ставило их в несколько невыгодное положение по отношению к английским ораторам, которые не были скованы текстом и потому весьма успешно поддерживали энтузиазм слушателей...».

Упоминая об этой статье в письме к М. К. Рейхель от 28 февраля 1855 г., Герцен писал, что «The Times» пощипал его, «но в меру» (VIII, 154).

Совсем в ином тоне выдержано подробное описание этого «крупнейшего из митингов в честь демократии, когда-либо виденных в столице», помещенное в чартистском органе «The People's Paper», от 3 марта 1855 г. Статья озаглавлена: «Грандиозная демонстрация в S. Martin's Hall'e». «The People's Paper» напечатала речи всех ораторов, в том числе и Герцена.

Репортер привел следующие слова председательствовавшего на митинге:

«В знак дружбы народов резолюцию, предложенную англичанином, поддержит изгнанник с континента, и, чтобы показать, что мы отвергаем национальную вражду, что, воюя против деспотов, мы не смешиваем с ними народ, который они угнетают, резолюция эта будет поддержана — кем бы вы думали? русским! (*Восторженные приветствия.*) Это человек, хорошо известный всей Европе; его произведения заслужили мировую славу; он — жертва царя; его Николай сослал на семь лет в Уральские горы, он — представитель революционных надежд России. Этот человек — *Александр Герцен*».

«Восторг, с которым встречен был г. Герцен, не поддается описанию», — отмечает корреспондент «The People's Paper» и приводит далее перевод полного текста речи, произнесенной Герценом по-французски*.

Публикация речи Герцена завершается следующими словами репортера:

«Г-н Герцен возвратился на свое место под гром рукоплесканий. Из рядов партера вышла английская дама и, приветствуя его от лица Англии, преподнесла ему букет редких цветов; собравшиеся выразили свое одобрение восторженными возгласами».

В своем выступлении известный чартистский деятель Джордж-Джекоб Голиок отметил, между прочим, что «весьма приятно было видеть, как огромный митинг так терпеливо выслушивает длинные речи, произносимые на языке, непонятном большинству».

Выступивший вслед за тем Альфред Таландье полемизировал с высказыванием Герцена о том, что абсолютизм более космополитичен, чем революция.

В «Былом и думах» Герцен дважды рассказывает об этом памятном для него вечере (XIV, 311—313 и 360—362).

«Многие ли из наших читателей знают, что в Лондоне имеется русская печать?» — Так начиналась рецензия на «Тюрьму и ссылку» Герцена в лондонском «умном, ученом» (VII, 584) критико-библиографическом журнале «The Athenæum» (№ 1419 от 6 января 1855 г.). «Мы имеем в виду не англо-русские газеты, руководствующиеся в большей или меньшей степени интересами России и вдохновляющиеся московским духом,— продолжал рецензент,— а настоящую русскую печать, русские книги, издаваемые на русском языке и предназначенные для распространения в России. Таков факт. Сверх того, это печать свободная. Ни один цензор не вмешивается в ее издания, ни один полицейский не контролирует ее набор. Она публикует все, что считает нужным, и пускает в обращение все, что только может. Словом, русская печать в Лондоне — это демократическая печать». Изложив историю русско-английских культурных связей и охарактеризовав издания Вольной русской типографии, автор статьи заключает: «Имя г. Герцена хорошо известно в России и в последние годы сделалось знакомым во Франции и Германии». Затем он приводит сведения о Герцене и его творчестве и переходит к изложению содержания «Тюрьмы и ссылки», перемежая свои замечания обширными цитатами. Статью свою рецензент заканчивает весьма сочувственной оценкой деятельности лондонской Вольной русской типографии.

---

* *На вырезке Герцен сделал два исправления корректурными значками: в абзаце* I must here observe — *после слов* The Moniteur to *слово* reject *исправлено на* inset; *в абзаце* The governement of St. Petersbourgh... — *слово* little *переделано на* much.

4 августа 1855 г. в № 1 газеты «Londoner Deutsches Journal für Kunst, Musik, Literatur, Gewerbe und öffentliches Leben» появилась анонимная статья «Русская типография в Лондоне». Начинается она с характеристики многовекового «мистического» «молчания России»; затем автор переходит к восхвалению «гениальной мысли одного русского изгнанника, воспринявшего самые новые, самые смелые идеи современности» и выразившего их в форме, в которой «полудикое происхождение сочеталось с духовной утонченностью цивилизованного мира»,— мысли основать в Лондоне вольную русскую печать. «Безразлично,— пишет далее автор,— соответствует ли своей цели — пропаганде в России — эта основанная Александром Герценом печать. Во всяком случае, существование ее имеет большое значение для славянской культуры, ибо первая пора свободного выражения составляет эпоху в истории языка. Мы знаем произведения, написанные Герценом по-немецки и по-французски, и любим их не только за их печальный, суровый дух, но, главным образом, за то, что автор их сумел провидеть будущее, что гораздо труднее, чем восстанавливать дух прошедших времен».

«Герцен намерен со следующего месяца начать издание журнала на русском языке под названием „Полярная звезда“,— продолжает газета.— Уже самое это заглавие выбрано весьма удачно. Перед нами встает мрачная русская ночь, в которую падает луч света от звезды, не достижимой для вражеской руки. Всех тех, кто вынужден молчать в России и кому есть, что сказать, Герцен приглашает выразить в его журнале свое отчаяние или надежду».

Давая высокую оценку «Былому и думам», газета особенно отмечает «стремительный, торопливый, гневный и пламенный стиль Герцена, делающий правдоподобным слух о том, что автор родился во время московского пожара».

«Герцен представляет собой одну из интереснейших фигур в кукольном театре нашего времени»,— восклицает в заключение автор статьи.

К августу или сентябрю 1855 г. относится анонимная статья из неустановленного немецкого журнала — «По поводу русской национальной литературы». Относясь с невежественным высокомерием к русской литературе, якобы «импортированной из Германии», рецензент, тем не менее, восторженно отзывается о «Записках охотника» Тургенева и попутно упоминает о Герцене, особенно отмечая его остроумие.

Выход в свет в 1855 г. английского двухтомного издания «Былого и дум», под названием «My exile in Siberia» («Моя ссылка в Сибирь»), вызвал огромный интерес у английской общественности. Во многих лондонских и провинциальных периодических изданиях появились обширные рецензии на эту книгу, дававшие и ей, и ее автору весьма высокую оценку. Некоторые из этих рецензий (напечатанных анонимно, по принятому в английских изданиях обычаю) сохранились в архиве Герцена. В них приведены многочисленные цитаты из разбираемого сочинения. О «трезвоне и фимиаме» в английских газетах в связи с выходом в свет «Былого и дум» Герцен шутливо сообщил М. К. Рейхель (VIII, 235).

«Талантливость сочинений Герцена, его стиль, легкий, плавный и приятный,— писала лондонская литературная газета — «The Critic» 15 октября 1855 г.,— могли бы с полным правом быть замечены при любых обстоятельствах; но произведения его вызывают особый интерес еще и потому, что принадлежат перу русского писателя и отражают характерные свойства его ума. Среди своих соотечественников, исповедующих свободолюбивые убеждения и получивших в изгнании свободу речи, он занимает совершенно особое место».

Отмечая, что Герцен «наделен всеми свойствами, отличающими русский ум,— проницательностью, глубиной анализа, живостью мысли,

гибкостью и выразительностью, блестящей остротой сарказма», рецензент особенно подчеркивает свойственный Герцену гуманизм: «Сила Герцена заключается в его подлинной человечности; вера и надежда никогда не покидают его; он искренне стремится ко всеобщему благу и считает его осуществимым; он беззаветно предан своему делу и знает, чего именно хочет».

Подробно излагая содержание первых частей «Былого и дум», автор замечает: «Нам редко приходилось читать повествование, так сильно возбуждающее интерес к автору, как герценовская „Ссылка в Сибирь“». «Картина русской жизни свежа и оригинальна, начертана без преувеличения и отмечена несомненной печатью правды. Эта книга достойна того, чтоб ее прочли. Она является страшным свидетельством против правительства, борющегося с лучшими умами России».

Цитированный выше журнал «The Athenæum» писал в № 1460 от 20 октября 1855 г.: «Эти мемуары о двукратной ссылке Герцена полны того, что можно назвать романтикой политической жизни, ибо в политике только и есть романтичного, что жизнь патриота». Рецензент отмечает огромное влияние Герцена в России и подробно излагает содержание первых частей «Былого и дум». Заканчивает он свою рецензию словами: «Эти удивительные и своеобразные мемуары могут дать читателю отчетливое представление о русской общественно-политической жизни. Произведение Герцена, написанное с простодушием и мастерством и безусловно правдивое, вне всякого сомнения, намного выше по интересу, чем девять десятых всех существующих сочинений о России».

Рецензент «The Atlas», газеты, руководимой венгерским революционером Л. Кошутом (VIII, 180), в номере от 20 октября 1855 г. назвал Герцена наиболее замечательным представителем «молодой России», глубоко опечаленным недостатками и страданиями России, но всегда глядящим на нее с любовью и надеждой. «Стиль книги г. Герцена, — заметил рецензент, — оттолкнет вначале английского читателя своей фрагментарностью, разбросанностью и умолчанием тех подробностей, на которые англичанин обратил бы особое внимание. Но чисто русские достоинства Герцена придают его книге особую ценность, и тот, кто возьмет на себя труд прочесть ее и задумается над ее страницами, получит лучшее представление об условиях жизни в царской державе, чем если б он пытался сделать это другими путями». В конце рецензии автор ее (возможно, что это был сам Кошут или Ф. Пульский) обещал снова возвратиться к этой значительной книге при первой же возможности.

Подробно описав историю ареста и ссылки Герцена, рецензент известного английского журнала «The Economist» от 10 ноября 1855 г. заключал: «Мы можем от всего сердца рекомендовать эту книгу вниманию наших читателей, — как книгу, написанную человеком, высоко одаренным, имевшим доступ в высшие общественные и официальные сферы и близко знакомым с функционированием русской правительственной системы».

В ноябре 1855 г. в неустановленной английской газете, название которой оканчивалось на *imes* (не «Times»), появилась весьма благожелательная рецензия на «My exile in Siberia».

«Александр Герцен <...>,— писал рецензент,— известен во всех концах своей родной страны как ученый, философ и публицист величайшего дарования». Описав преследования, которым подвергало Герцена русское самодержавие, рецензент продолжал: «Но Александр Герцен, человек умный и потому стоящий выше страха, человек чести и потому неподкупный, не поддался ни обольщениям, ни угрозам. Он продолжал свою деятельность в Англии и основал на Regent-square первую русскую типографию, свободную от вмешательства цензоров,— этих чиновников

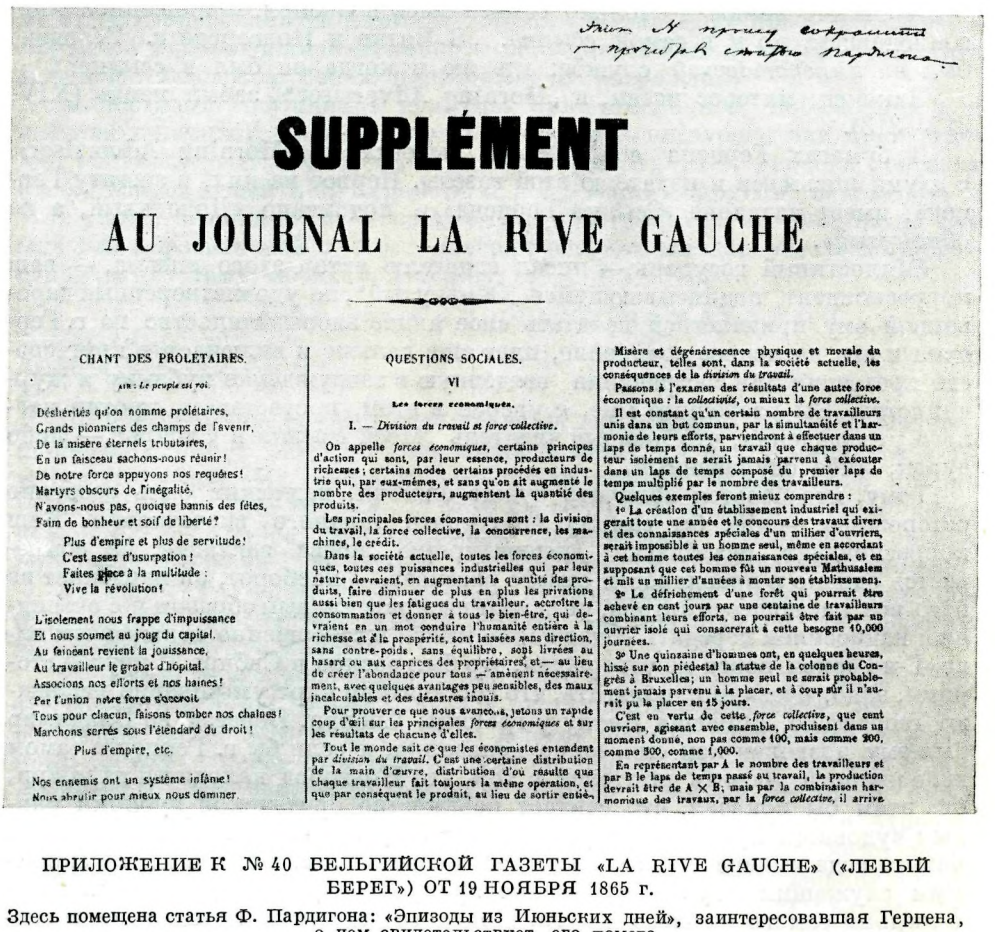
правительственного акциза. Из этого предприятия вышли тысячи экземпляров его сочинений, проникавших в Россию и возбуждавших общественную мысль. Герцен — либерал и даже нечто более того. Его книги, плохо понятые даже его почитателями, содержат подлинное учение, которому суждено сломать здание политического и общественного деспотизма. Они обращены к дворянству, к горожанам, к крестьянам русской империи, сообщают о преступлениях, сигнализируют об опасностях, разъясняют права и указывают на благоприятные обстоятельства. Они свободны и красноречивы, исполнены мыслей, несколько мистичны, быть может, но основываются на исторических результатах и практически рассчитаны на то, чтобы влиять при тайном распространении на русский народ».

Переходя к «Былому и думам», автор пишет: «В этих мемуарах, более очаровательных и разнообразных, чем мемуары Сильвио Пеллико, Герцен описывает самые занимательные эпизоды своей жизни. Он был изгнан дважды и провел несколько лет на подневольной службе в Сибири. Там ему пришлось встретить немало любопытных типов — солдат, жандармов и чиновников всех разрядов; он имел возможность пристально изучить систему самодержавного управления. В секретных канцеляриях он наблюдал эту систему в действии, разгадал весь ее обман, был свидетелем процветающего в ней взяточничества и сделал верный вывод относительно нравственного уровня страны, живущей под гнетом подобного деспотического управления. Уже по одному этому сочинения г. Герцена могут рассчитывать на исключительный и устойчивый интерес. Но у этой книги есть и другие качества, которые еще более ценятся читающей публикой. Они насыщены занятными историями, живописными сценками и интересными очерками, взятыми прямо из жизни. Описание сибирской ссылки — самое сдержанное из всех, которые нам когда-либо попадались, хотя ничто в рассказе г. Герцена не смягчает нашего представления о ее ужасе». Называя мемуары Герцена «бесценными», рецензент обращает особенное внимание на сцены ночного ареста, допросов, переезда на пароме через Волгу и пр.

«Мы предлагаем нашим читателям,— пишет рецензент,— изучить самого Герцена и его труды. Тогда они поймут, что существует Россия развитых личностей, умственных интересов и нравственных устоев,— против такой России мы никогда не будем воевать. Она — зрелый плод нашего столетия, находящийся на севере Европы, и г. Герцен является ее представителем. К счастью, в дополнение к своему первоклассному таланту он получил глубокое и разностороннее образование и незаурядный опыт. Когда человек, наделенный всеми этими качествами, рассказывает о событиях своей политической жизни, о преследованиях, которым подвергался, о своей жизни в ссылке, о своих занятиях, его книга соединяет в себе все привлекательные свойства романа и истории. Нам известны различные записки о продолжительном пребывании в России — наблюдения, сделанные за девять, десять и тридцать лет жизни в этой стране; нам известно бесчисленное множество путешественников; некоторые из них проникли в глубины Российской империи,— однако г. Герцен, строгий во всем, что касается фактов, но исполненный драматизма как рассказчик, воссоздает с бóльшим успехом, чем кто-либо из прежних авторов, общественную и официальную жизнь России. Несомненно, что знакомство с его трудами необходимо всем, кто хочет, чтоб его знания находились на современном уровне».

На фоне многочисленных хвалебных отзывов резко выделяется воронье карканье консервативной газеты «The Morning Post», постоянной защитницы русского самодержавия, выступившей в № 25537 от 8 ноября 1855 г. с огромной рецензией на «My exile in Siberia», полной клеветнических выпадов против Герцена. Упрекая великого русского писателя в отсут-

ствии патриотических чувств, с ироническим недоверием отзываясь о преследованиях, которым подвергался Герцен в России, рецензент пытался убедить английских читателей в том, что Герцен из каких-то корыстных побуждений старается оклеветать свою родную страну и свой народ. «Эта книга 〈...〉,— пишет рецензент,— несомненно обладает значительными литературными достоинствами, но мы имеем смелость думать, что автор ее создал себе ошибочное представление о нашем национальном



SUPPLÉMENT

AU JOURNAL LA RIVE GAUCHE

CHANT DES PROLETAIRES.

AIR : *Le peuple est roi.*

Déshérités qu'on nomme prolétaires,
Grands pionniers des champs de l'avenir,
De la misère éternels tributaires,
En un faisceau sachons-nous réunir!
De notre force appuyons nos requêtes!
Martyrs obscurs de l'inégalité,
N'avons-nous pas, quoique bannis des fêtes,
Faim de bonheur et soif de liberté?

Plus d'empire et plus de servitude!
C'est assez d'usurpation!
Faites place à la multitude :
Vive la révolution!

L'isolement nous frappe d'impuissance
Et nous soumet au joug du capital.
Au feignant revient la jouissance,
Au travailleur le grabat d'hôpital.
Associons nos efforts et nos haines!
Par l'union notre force s'accroît
Tous pour chacun, faisons tomber nos chaînes!
Marchons serrés sous l'étendard du droit!

Plus d'empire, etc.

Nos ennemis ont un système infâme!
Nous abrutir pour mieux nous dominer.

QUESTIONS SOCIALES.

VI

Les forces économiques.

I. — *Division du travail et force collective.*

On appelle *forces économiques*, certains principes d'action qui sont, par leur essence, producteurs de richesses ; certains modes certains procédés en industrie qui, par eux-mêmes, et sans qu'on ait augmenté le nombre des producteurs, augmentent la quantité des produits.

Les principales forces économiques sont : la division du travail, la force collective, la concurrence, les machines, le crédit.

Dans la société actuelle, toutes les forces économiques, toutes ces puissances industrielles qui par leur nature devraient, en augmentant la quantité des produits, faire diminuer de plus en plus les privations aussi bien que les fatigues du travailleur, accroître la consommation et donner à tous le bien-être, qui devraient en un mot conduire l'humanité entière à la richesse et à la prospérité, sont laissées sans direction, sans contre-poids, sans équilibre, sont livrées au hasard ou aux caprices des propriétaires, et — au lieu de créer l'abondance pour tous — amènent nécessairement, avec quelques avantages peu sensibles, des maux incalculables et des désastres inouïs.

Pour prouver ce que nous avançons, jetons un rapide coup d'œil sur les principales *forces économiques* et sur les résultats de chacune d'elles.

Tout le monde sait ce que les économistes entendent par *division du travail*. C'est une certaine distribution de la main d'œuvre, distribution d'où résulte que chaque travailleur fait toujours la même operation, et que par conséquent le produit, au lieu de sortir entière

Misère et dégénérescence physique et morale du producteur, telles sont, dans la société actuelle, les conséquences de la *division du travail*.

Passons à l'examen des résultats d'une autre force économique : la *collectivité*, ou mieux la *force collective*.

Il est constant qu'un certain nombre de travailleurs unis dans un but commun, par la simultanéité et l'harmonie de leurs efforts, parviendront à effectuer dans un laps de temps donné, un travail que chaque producteur isolément ne serait jamais parvenu à exécuter dans un laps de temps composé du premier laps de temps multiplié par le nombre des travailleurs.

Quelques exemples feront mieux comprendre :

1° La création d'un établissement industriel qui exigerait toute une année et le concours des travaux divers et des connaissances spéciales d'un millier d'ouvriers, serait impossible à un homme seul, même en accordant à cet homme toutes les connaissances spéciales, et en supposant que cet homme fût un nouveau Mathusalem et mît un millier d'années à monter son établissement.

2° Le défrichement d'une forêt qui pourrait être achevé en cent jours par une centaine de travailleurs combinant leurs efforts, ne pourrait être fait par un ouvrier isolé qui consacrerait à cette besogne 10,000 journées.

3° Une quinzaine d'hommes ont, en quelques heures, hissé sur son piedestal la statue de la colonne du Congrès à Bruxelles ; un homme seul ne serait probablement jamais parvenu à la placer, et à coup sûr il n'aurait pu la placer en 15 jours.

C'est en vertu de cette *force collective*, que cent ouvriers, agissant avec ensemble, produisent dans un moment donné, non pas comme 100, mais comme 200, comme 300, comme 1,000.

En représentant par A le nombre des travailleurs et par B le laps de temps passé au travail, la production devrait être de A X B, mais par la combinaison harmonique des travaux, par la *force collective*, il arrive

ПРИЛОЖЕНИЕ К № 40 БЕЛЬГИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «LA RIVE GAUCHE» («ЛЕВЫЙ БЕРЕГ») ОТ 19 НОЯБРЯ 1865 г.

Здесь помещена статья Ф. Пардигона: «Эпизоды из Июньских дней», заинтересовавшая Герцена, о чем свидетельствует его помета

Лист 1

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

характере, вообразив, что подобное произведение может показаться приемлемым для большинства английских читателей».

В заключение рецензент «The Morning Post», сообщающий о приобретении Герценом печатного станка для издания русских книг, рекомендует Герцену, «если он хочет сохранить уважение англичан»,— продать свой печатный станок и купить вместо него... каток для белья.

«The Morning Post» была не единственной газетой, пытавшейся скомпрометировать Герцена в связи с выходом в свет «My exile in Siberia». Придравшись к тому, что английские издатели, в рекламных целях, для привлечения покупателей, *самовольно* изменили заглавие книги Герцена, беспринципная лондонская газета «The Morning Advertiser», которую

Герцен называл «журналом питейных домов»* (XIV, 306), подняла против него ожесточенную кампанию, обвиняя его в мошенничестве.

В «Былом и думах» Герцен писал по этому поводу:

«„Morning Advertiser" начал меня шпиговать в неделю раза два-три. Он говорил, что я слово „*Сибирь*" употребил для лучшего сбыта книги, что я протестовал *через пять дней* после выхода книги, т. е. давши время сбыть издание. Я отвечал; они сделали рубрику: „Case of M⟨ister⟩H⟨erzen⟩"**, как помещают дополнения к убийствам или уголовным процессам. Адвертайзеровские немцы не только сомневались в Сибири, приписанной книгопродавцем, но и в самой ссылке. „В Вятке и Новгороде г. Г⟨ерцен⟩ был на *императорской* службе; где же и когда он был в ссылке?"

Наконец, интерес иссяк, и „Morning Advertiser" забыл меня» (XIV, 312—313).

В бумагах Герцена сохранилась вырезка из «Morning Advertiser», с двумя письмами к издателю этой газеты. Первое из них, в защиту Герцена, имеет название «Ссылка Герцена» и подписано «Довольный, а не обманутый».

«Милостивый государь,— писал издателю автор этого письма, — ваш корреспондент, подписывающийся „Обманутый", не удовлетворенный дарованной ему привилегией печатать свое явное злопыхательство на г. Герцена и его последнее сочинение, идет еще дальше и включает в круг своего презрения или сострадания введенную в заблуждение публику и журналистов. Вы разрешите мне, я уверен в этом, протестовать против наглого утверждения, что каждый читатель „Моей ссылки в Сибирь" — либо дурак, либо одураченный.

Тому, кто берется обличать чужие ошибки, надлежит быть особенно осторожным — как бы самому не создать ложного впечатления. Ваш корреспондент, разоблачая „литературную ложь" заглавия, не сомневается однако в правдивости самого рассказа,— наоборот, он извлекает из него все касающееся автора, но самым несправедливым образом и с очевидным намерением передать содержание книги в совершенно искаженном виде. Г-н Герцен вовсе не утверждал, что был сослан в Сибирь. С другой стороны, надо, очевидно, полагать, что составители карт умышленно искажают географию, помещая Вятку у границы Сибири. Переезд во Владимир был ему дозволен как смягчение наказания, и если бы г. Герцен в самом деле пытался убедить читателей в том, что Новгород находится в Сибири, он этим бы показал, что считает невежество британской публики равным чудовищному невежеству, проявленному его оппонентом. Он не был четыре года императорским российским советником, а был в Вятке скромным служащим в губернской канцелярии, где ему приходилось общаться с людьми самого низшего круга. Молодого человека, который не совершил никакого преступления, разлучают с близкими, отрывают от общества, в котором он привык вращаться, усылают в одну из глухих губерний громадной российской пустыни. Это ли не ссылка? Каким еще словом можно обозначить подобное положение? Рассказ г. Герцена будет и впредь возбуждать благороднейшие симпатии журналистов и публики не вследствие того, что они будут верить или не верить, что Вятка находится в Сибири, а вследствие того, что автор был жертвой как крупных, так и мелких преследований.

Я открыл книгу г. Герцена с известным предубеждением — следствием моего разочарования в сочинениях других русских писателей, придерживающихся либеральных воззрений. Сведения, которые я почерпнул из нее, так заинтересовали меня — он воссоздал передо мной кар-

* «Morning Advertiser» была собственностью английского «Общества защиты патентованных пивных».

** «Дело г. Г⟨ерцена⟩» (англ.).

тину всех фаз русской жизни, ее внутреннее движение, нынешнее состояние и перспективы на будущее,— что я невольно стал искать другие произведения того же пера. Ваш корреспондент требует произвести „более глубокое расследование"— что ж, это не трудно! Мы можем соглашаться или не соглашаться с политическими взглядами г. Герцена, но нельзя его обвинить ни в скрытности, ни в лицемерии, ни в отсутствии прямоты в выражении своих взглядов. Англичане, которые так тщеславятся своей личной свободой мысли и действия, своей свободой печати, не станут поддерживать кампанию против первого русского, который отправился в добровольное изгнание, чтоб основать вольную русскую печать с целью просветить своих порабощенных сограждан.

Милостивый государь, у меня нет никаких личных побуждений для ведения полемики, кроме интереса читателя к писателю, чьи произведения доставили ему пользу или удовольствие. Книга г. Герцена достигла бы нынешней своей популярности и под всяким другим названием, и этот успех, возможно, и вменяют ему в преступление. Позвольте же мне еще раз выразить мой протест, заверяя вас, что многие читатели присоединятся к этому моему заявлению.

Довольный, а не обманутый

Upper Tuls Hill.
Декабря 3-го 1855 г.».

Не желая оставить последнее слово за защитником русского революционера, издатель вслед за этим письмом поместил под упомянутой Герценом рубрикой «Mr Herzen's Case» новое письмо, подписанное тем же псевдонимом — «Обманутый». В этом клеветническом письме, также датированном 3 декабря, издевательски разбиралось объяснение Герцена по поводу названия «The exile in Siberia» и выдвигались новые обвинения.

Издатель «The Morning Advertiser» сопроводил это письмо следующим примечанием: «Напечатав данные письма, мы прекращаем дальнейшую переписку по этому вопросу».

Публикуя в «Полярной звезде на 1856 год» отрывок из первой части «Былого и дум», Герцен указал в подстрочном примечании: «В октябре месяце нынешнего года Герст и Блекет издали английский перевод моих записок. Успех был полнейший, не только все свободно мыслящие журналы и ревю поместили большие отрывки с самыми лестными отзывами (с особенной благодарностью вспоминаю я о статьях „The Athenæum", „The Critic" и „Weekly Times", но даже тайнобрачный орган пальмерстоновского и бонапартовского союза „Morning Post" разбранил меня и советовал закрыть русскую типографию, если я хочу пользоваться уважением (кого? — их? — Нисколько не хочу)» (стр. 43—44).

13 октября 1856 г. в парижской газете «La Presse», издававшейся Эмилем Жирарденом, появилась статья известного в свое время литературного критика Огюста Неффцера по поводу вышедшего незадолго до того в свет третьего тома гамбургского издания «Былого и дум».

«Мы получили новый том этих интересных мемуаров,— писал рецензент,— и если бы вопрос касался только литературной критики, мы должны были б начать с того, что поссорились бы с автором за несколько странный порядок, царящий в его сочинении. После того как он описал нам свою юность, он возвращается к годам детства, следуя манере эпических поэтов, которые, начав свой рассказ с определенного момента, описывают затем предшествовавшие события. Но литературная точка зрения играет здесь второстепенную роль, и критика значит в данном случае гораздо менее, чем анализ и перевод. Итак, мы предоставим г. Герцену право перемешивать, как ему будет угодно, последовательность событий, и, если события интересны, нам нечего более от него требовать».

Автор рецензии подробнейшим образом излагает содержание «Былого и дум», отмечая, что «у г. Герцена встречаются потрясающие страницы о крепостных, и книга его является красноречивым ходатайством в пользу освобождения крестьян, которое не может уже долго заставлять себя ждать. Он любит крестьян, он извиняет и объясняет их недостатки...».

В предисловии к XIX главе «Былого и дум», напечатанной в III книжке «Полярной звезды на 1857 г.», Герцен следующим образом отозвался об этой статье Неффцера:

«Один парижский рецензент, разбирая, впрочем, очень благосклонно („La Presse", 13 oct. 1856), третий томик немецкого перевода моих „Записок", изданных Гофманом и Кампе в Гамбурге, в котором я рассказываю о моем детстве, прибавляет шутя, что я повествую свою жизнь, как эпическую поэму: начал in medias res* и потом возвратился к детству.

Это эпическое кокетство — совершенная случайность, и если кто-нибудь виноват в нем, то совсем не я, а скорее мои рецензенты, и в том числе сам критик „Прессы". Если б они отрывки из моих записок приняли строже, холоднее и, что еще хуже, пропустили бы их без всякого внимания, я долго не решился бы печатать и еще долго обдумывал бы, в каком порядке печатать» (VIII, 427—428).

В своей статье «Клевета», датированной 19 ноября 1858 г. и приложенной в виде отдельного листка (на русском и английском языках) к «Колоколу», Герцен писал:

«16 ноября я получил в конверте, опущенном в почтовый ящик в Вене, вырезку из газеты, содержащую письмо графа Гуровского к издателю „New-York Evening Post" от 19 октября. Под этой вырезкой написана карандашом следующая фраза: *„Мне прислали для вас. К о л а ч е к. Гумпендорф, Гауптенштрассе, 368"*.

В этой вырезке находится следующее место: „Но эти крикливые филантропы, вроде Герцена и даже <Н.> Тургенева, обнаруживают свою истинную сущность, *продавая своих рабов*, которых они могли бы в отдельности освободить, а теперь они проповедуют за границей освобождение, живя в то же время на деньги, *вырученные от продажи*"»—IX, 428).

Эта вырезка с печатным текстом статьи «Царь и его план освобождения» и включенным в нее письмом Гуровского к издателям «The New-York Evening Post» и карандашной припиской Колачека сохранилась среди бумаг Герцена.

В упомянутой статье «Клевета» Герцен опроверг злобные измышления польско-американского публициста, ренегата гр. А. Гуровского, и заявил, что ни разу в жизни не продал и не заложил ни одного крепостного крестьянина. Гуровский, пытаясь оправдаться перед Герценом, написал ему объяснительное письмо, на которое Герцен, повидимому, не счел нужным ответить (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 742).

Выход в свет французского издания первых томов «Былого и дум» под названием «Le monde russe et la révolution» («Русский мир и революция»), в переводе Делаво, вызвал ряд статей во французской печати. Либеральный критик Анри Мартэн напечатал в «Le Siècle» целых три статьи об этом сочинении Герцена. Среди вырезок сохранилась лишь вторая статья из этого цикла (№ 9874 от 5 мая 1862 г.— Краткое изложение всех трех статей см. XV, 79—81).

«Мы говорили в своей первой статье,— писал Анри Мартэн,— об общем впечатлении от мемуаров Герцена, в части, касающейся русского правительства; теперь следовало бы сказать что-нибудь о жизни и идеях автора; его роль в настоящее время достаточно значительна, чтобы близкое знакомство с его личностью представляло определенный интерес». Подробно

---

* с середины (лат.).

описывая юность Герцена и характеризуя его друзей, рецензент говорит:

«Эти молодые люди воспитывались, устремив взор на Францию; до 1830 г. наш либерализм являлся для них путеводной звездой; начиная же с катастрофы польского восстания, он перестал быть ею. Те, кто заставил либерализм уклониться от направления, коему следовали Лафайет и Бенжамен Констан, сошли с широкого и благородного пути, на который нас призывали стремления молодой Европы; те, кто заключил Францию в тесную и леденящую золотую середину, взяли на себя тяжкую ответственность перед историей; они истощили эту плодородную мать, свободу; они подготовили ее медленное удушение и обратили революционный дух к утопиям.

Именно в этот час разочарований до слуха наших русских студентов докатились отзвуки сен-симонизма. Влияние, подчинившее себе у нас на мгновение столько юных и благородных умов, могло только возрасти на расстоянии: впечатление от него никогда не стиралось у г. Герцена, иллюзии, им порожденные, частично сохранились, и с удивлением видишь, что порой у него еще появляются формулы, у нас забытые,— о *старом мире* и *новом мире*. Он еще не заметил, что этот *новый мир* уже гораздо *старее*, чем тот, который он называет древним, что естественные религии так же *стары*, как спиритуализм, и что государство, владеющее собственностью и являющееся единственным распределителем, еще *старей*, чем гражданский кодекс.

Не должно однако заблуждаться! Хотя его воображение было соблазнено некоторыми сторонами этих учений, стремившихся растворить национальности, он всегда остается патриотом. Мы любим его потому, что он любит Россию:

Хочу, чтоб русский русским был,
Француз — чтоб был французом.

Герцен вполне мог быть сен-симонистом, но он не космополит — и это главное. Как предсказал ему его учитель, старый француз-*якобинец*, его *добрые чувства спасли его*. Он навсегда остался патриотом ⟨...⟩ Будь Герцен французом, он не пел бы, как его собратья — парижские сен-симонисты, гимнов Всеобщему Миру, в то время, когда душили Польшу».

Характеризуя страницы, посвященные владимирской ссылке и личной жизни Герцена, истории его женитьбы и т. п., рецензент пишет: «Эти трогательные и сдержанные страницы являются образцом слишком часто забываемой в наши дни тонкости и того достоинства, с которым допускается приоткрывать для публики святилище своих личных переживаний».

4 января 1858 г. в ежедневной, весьма влиятельной английской либеральной газете «Manchester Guardian» появилась статья, автор которой писал:

«...Судя по всему, недавнее открытие, что свободная пресса существует на практике, хотя и неизвестна теоретически в России, вызвало в С.-Петербурге „неописуемую сенсацию". В тисках строжайшей цензуры, подкрепленной суровейшим кодексом, и вопреки военным, полицейским и таможенным чиновникам, журналы и книги на русском языке тайно провозятся через границу империи, широко распространяются и читаются с живейшим интересом. Некоторые из этих сочинений обладают явно выраженным политическим характером, и все они имеют целью возбуждать мысль. Кое в каких сочинениях трактуются общественные и нравственные вопросы. Все они „неприятны многим из тех, кто занимает высокие посты", ибо эти лица склонны рассматривать подобные теории как нечто способное нарушить господствующий порядок вещей в образцовой империи царя.

Мы в состоянии тут же открыть читателям одну тайну. Все эти сочинения издаются в Лондоне. Типография находится неподалеку от Brunswick Square, а издательство — в правовернейшей части города, Paternoster Row. Мы можем описать и то и другое оракульским тоном очевидца из столицы: „Эта русская типография впервые основана в Лондоне в 1851 〈!〉 г. *Искандером* (*Александром Герценом*, знаменитым автором „Моей ссылки", „Du développement des idées révolutionnaires en Russie" и многих других сочинений). В начале своей деятельности он встретился со значительными препятствиями — трудно было раздобыть русский шрифт, найти наборщиков, знающих русский язык, и, самое главное, — трудно было обеспечить доставку своих изданий в Российскую империю; все эти многочисленные затруднения в его деятельности могли быть побеждены только вследствие огромной энергии, ловкости и упорства". Господа Трюбнеры — хорошо известная фирма — являются издателями г-на Герцена, и эти джентльмены, насколько можно судить, заинтересованы в этом предприятии не только в коммерческом отношении. Говорят, что „к прочим трудностям, с которыми им пришлось встретиться в своей деятельности, надо прибавить опасность предательства со стороны их employés*. Совсем недавно господа Трюбнеры вынуждены были уволить со службы человека, который, как выяснилось, находился в непосредственной переписке с русским правительством. Если к этому добавить, что большинство корреспондентов „Голосов из России" проживает сейчас в Российской империи, необходимость бдительности в отношении предателей и шпионов совершенно очевидна". Успех этой пропаганды, если верить одной авторитетной особе, отнюдь не являющейся доброжелателем (разве что очень тайным), — несомненен. В письме из Петербурга, появившемся в русско-прусской печати, говорится, что в прошлом году одно или два из сочинений Герцена — он думает, что только одно или два! — проникло в Россию. К этому еще добавлено: „О них мало говорят, ибо никто не хочет признаться в том, что он читал эти брошюры, и они имели хождение только частным образом, из рук в руки, и среди людей, имевших самое полное доверие друг к другу. За последнее время распространение этих брошюр значительно возросло. Почти никто из многих тысяч путешественников, возвращающихся на родину из Германии, не приезжает без экземпляра того или иного зажигательного издания". В другом месте тот же автор утверждает, что эта тайная литература оказывает могущественное влияние на мнения образованных москвитян. Лучшим доказательством того, что эта англо-русская издательская система отвечает первоначальным видам Герцена,— является тот факт, что она окупается. Из простой пропаганды она сделалась многообещающим коммерческим предприятием, и это, как мы имеем все основания думать, намного превышает самые пылкие мечты *Искандера*, которые он питал несколько лет тому назад. „В течение ряда лет успех изданий был невелик, и расходы на них сильно опустошали кошелек их патриотического основателя. Со дня смерти Николая и особенно после падения Севастополя сбыт их достиг огромных размеров; теперь они не только окупаются, но издатель получает приличный доход от продажи своей продукции". Другой отрывок из высказывания нашего столичного оракула доказывает, что деятельность русского изгнанника столь же регулярна, как и обширна 〈...〉

Мы можем открыть еще кое-что, касающееся этой необыкновенной системы бесцензурных изданий и литературной контрабанды. Надобно сказать, что друзья царя в Пруссии попытались было воспользоваться той небольшой властью, которая была у них в руках, для истребления лондонской пропаганды. „Вскоре после появления этого письма в „Kreuz-

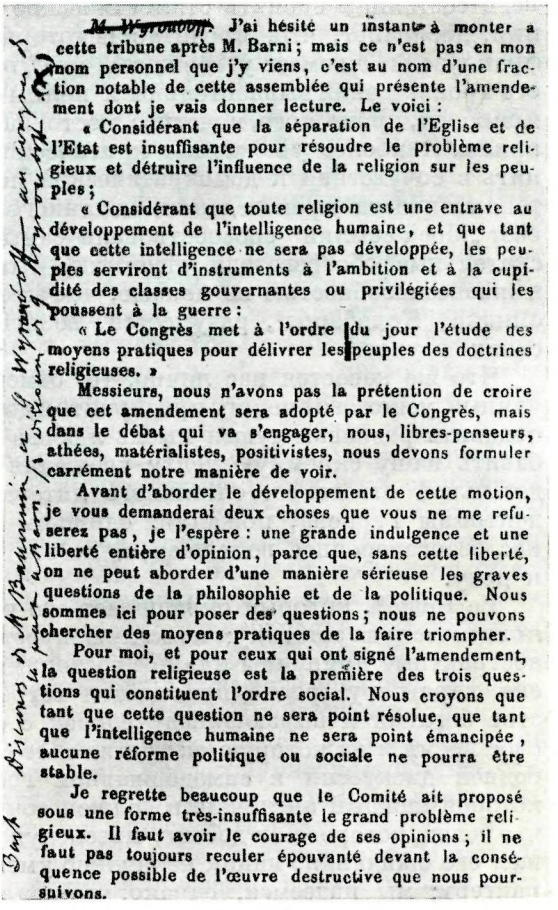
* служащих (франц.).

ГРАНКА «KOLOKOL'A» № 13 ОТ 15 ОКТЯБРЯ 1868 г. С ПРАВКОЙ РУКОЙ ГЕРЦЕНА

Гранка содержит речь Г. Н. Вырубова на конгрессе «Лиги мира и свободы» в Берне

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва



M. Wyrouboff. J'ai hésité un instant à monter à cette tribune après M. Barni; mais ce n'est pas en mon nom personnel que j'y viens, c'est au nom d'une fraction notable de cette assemblée qui présente l'amendement dont je vais donner lecture. Le voici :

« Considérant que la séparation de l'Eglise et de l'Etat est insuffisante pour résoudre le problème religieux et détruire l'influence de la religion sur les peuples;

« Considérant que toute religion est une entrave au développement de l'intelligence humaine, et que tant que cette intelligence ne sera pas développée, les peuples serviront d'instruments à l'ambition et à la cupidité des classes gouvernantes ou privilégiées qui les poussent à la guerre :

« Le Congrès met à l'ordre du jour l'étude des moyens pratiques pour délivrer les peuples des doctrines religieuses. »

Messieurs, nous n'avons pas la prétention de croire que cet amendement sera adopté par le Congrès, mais dans le débat qui va s'engager, nous, libres-penseurs, athées, matérialistes, positivistes, nous devons formuler carrément notre manière de voir.

Avant d'aborder le développement de cette motion, je vous demanderai deux choses que vous ne me refuserez pas, je l'espère : une grande indulgence et une liberté entière d'opinion, parce que, sans cette liberté, on ne peut aborder d'une manière sérieuse les graves questions de la philosophie et de la politique. Nous sommes ici pour poser des questions; nous ne pouvons chercher des moyens pratiques de la faire triompher.

Pour moi, et pour ceux qui ont signé l'amendement, la question religieuse est la première des trois questions qui constituent l'ordre social. Nous croyons que tant que cette question ne sera point résolue, que tant que l'intelligence humaine ne sera point émancipée, aucune réforme politique ou sociale ne pourra être stable.

Je regrette beaucoup que le Comité ait proposé sous une forme très-insuffisante le grand problème religieux. Il faut avoir le courage de ses opinions; il ne faut pas toujours reculer épouvanté devant la conséquence possible de l'œuvre destructive que nous poursuivons.

Zeitung" прусским правительством было выпущено распоряжение, запрещающее продажу и ввоз в Пруссию всех произведений, выпускаемых искандеровским станком". Однако это слабое покушение берлинских лакеев царя ничуть ему не помогло. Оно скорей оказалось на-руку литератору-изгнаннику. Говорят, что „как только был опубликован этот указ, продажа изданий Герцена на территории, подчиненной блистательной власти дома Гогенцоллернов, увеличилась ровно вдвое". Какие выводы можно сделать из этого факта относительно мудрости обеих монархий — русской и прусской? Огромный аппарат королевства империи не может справиться со свободной печатью! Одинокий изгнанник в Лондоне взывает к тайным симпатиям образованных людей и оказывается сильнее своих многочисленных августейших противников.

Справедливо утверждение, что „мир должен знать своих героев", и у читателя, вероятно, возникнет вполне естественное желание узнать что-либо о человеке, с таким успехом нападающем на политику империи, перед которой трепещут западные народы. Г-н Герцен — недюжинный человек. Его прусский критик воздает невольную дань этому автору. „Искандер,— говорит он,— это русский, пишет он на русском языке и, по правде говоря, на очень хорошем русском языке, и заявляет на каждой странице, что он страстно любит Россию и русский народ, желает благоденствия России и нападает только на тех, кто принадлежит к высшему кругу". Более дружественно настроенный лондонский критик, который

не в состоянии оценить стилистические достоинства славянских сочинений, добавляет, что, прочитав некоторые из произведений Герцена по-французски, он смеет утверждать, что „на этом языке, во всяком случае, его произведения выразительны и полны страсти". Автор „Моей ссылки" приобрел, кроме того, почетное место на английском литературном поприще. Наиболее уважаемые критические органы, которые нельзя обвинить в сочувствии к демократической политике, принесли щедрую дань талантливости произведения, изданного на нашем языке. Появлению в свет „Моей ссылки" способствовали самые благородные акушеры, и взыскательные обозреватели отметили, что иностранец блещет здоровьем и жизнеспособностью не меньше, чем кто-либо из его сотоварищей. Преемники Кольберна[5], разумеется, не относят это произведение к числу своих неудач.

Что же касается нас лично, то, отмечая, между прочим, что чрезвычайный успех его смелого предприятия доказывает, насколько невозможно подавить развивающуюся мысль любого народа, мы позволяем себе прибавить нашу скромную лепту уважения к целеустремленности и добродетельной отваге состоятельного литератора-изгнанника. Политические доктрины Герцена, пожалуй, слишком радикальны, чтобы вызывать в нас безоговорочное восхищение, но это вопрос, не имеющий отношения к делу.

Le rouge*, который окрашивает его чувства, слегка оскорбляет нашу политическую эстетику; но такую простодушную убежденность, веру в абстрактные принципы и такой восторженный патриотизм, какие присущи его характеру, редко приходится встречать. Великая задача, которой этот богатый и выдающийся человек с самого начала решил посвятить свое время и на которую он тратит свое состояние,— открыть доступ свободной дискуссии в самодержавном государстве, — это такая задача, которой каждый англичанин должен сочувствовать; и то обстоятельство, что успех, которого он достиг, преследуя свою „летучую цель"[6], превзошел его ожидания, никак не должно уменьшить наше уважение к его характеру; мы надеемся, однако, что приведенные выше подробности не повредят его дальнейшей деятельности; мы надеемся, что он будет продолжать печатать и продавать свои периодические издания, романы, памфлеты и очерки пока цензура вместе с крепостным правом не падут жертвой просветительных устремлений века».

Эта вырезка была прислана Герцену, повидимому, редакцией «Manchester Guardian». Другой экземпляр ее он получил от М. Мейзенбуг (IX, 112—113). Статья лондонской газеты «Daily News», цитируемой в «Manchester Guardian», была написана, как указал сам Герцен, Леверсоном (IX, 112).

В журнале «The Economist» за 1858 г. (стр. 1433—1434) напечатана сохранившаяся среди вырезок рецензия на брошюру Герцена «La France ou l'Angleterre?» («Франция или Англия?»). Давая подробный анализ политического положения России и ее отношений с Францией и Англией, рецензент пишет:

«Эта *брошюра* интересна тем, что в ней излагается точка зрения образованного русского на этот вопрос; автор ее, который с недавнего времени пользуется гостеприимством и правом убежища в нашей стране, имел смелость в самую мрачную для его родины пору питать надежды, что заря светлого будущего забрезжит над его страной».

7 января 1859 г. в «The Times» появилась огромная статья по поводу «Записок» Екатерины II, впервые изданных Герценом с его же предисловием. Подробнейшим образом цитируя «Записки» и отмечая, что факты,

* красный цвет (франц.).

разоблачаемые ими, приносят мало чести дому Романовых и что сохранение их в секрете являлось для царя государственной необходимостью, рецензент, не без недоброжелательности заявляет: «Г-н Герцен, изгнанный из России и враг царского двора, от этих записок в восторге. Мы так и чувствуем, как он радостно потирает руки на каждой странице своего предисловия. Он завладел сокровищем, на редкость скандалёзным, — таким, какое не часто попадается на глаза охотнику».

Далее рецензент подробно излагает и цитирует опубликованные Герценом мемуары русской императрицы.

В статье «Александр Герцен», помещенной во втором январском номере немецкого журнала «Jahrzeiten» за 1859 г., рецензент, подписавшийся инициалом Н., возмущенно порицал какую-то австрийскую газету, усомнившуюся в подлинности записок Екатерины II по той причине, что они изданы «пресловутым Герценом». «Газеты позволяют себе говорить об Александре Герцене таким тоном уже много лет 〈...〉,— замечает автор статьи,— между тем как в самой России этот тон по отношению к Герцену совершенно изменился 〈...〉 Личность Александра Герцена, благородство его побуждений до сих пор не могли быть опорочены даже злейшими его врагами. О нем известно лишь то, что он издавна защищал свои убеждения без всяких колебаний и пострадал за это. Он был заключен в тюрьму и дважды сослан. Половина его имущества была конфискована; только наследство матери было для него спасено 〈...〉 Этот остаток своего имущества он употребил на либеральную литературную пропаганду в своем отечестве, для чего устроил в Лондоне русскую типографию и печатал книги, брошюры и журналы с требованием реформ. Эта деятельность, находившаяся под строжайшим наблюдением русской полиции, могла довести его до полной нищеты, но патриотизм Герцена был этим столь же мало поколеблен, как и клеветой, распространявшейся на его счет русской аристократией и бюрократическими кругами и нашедшей столь благоприятную почву в немецких газетах.

Теперь эта клевета замолкла. Те же русские, которые при Николае, в начале деятельности Герцена, пожимали плечами и чувствовали себя несчастными от того, что не могут изобразить его нищим, бродягой, спекулянтом, честолюбцем или продажным человеком, теперь говорят о нем с уважением, ибо либерализм в России стал в известной мере модой. Двор прислушивается к Герцену; в результате его обвинений смещались министры и губернаторы; лихоимцы трепещут перед ним; ему предана вся молодежь, и если в России вырастает лучшее, патриотическое. в хорошем смысле слова, поколение, то этим оно должно быть обязано Герцену. Каждый номер его газеты нетерпеливо ожидается и ценится на вес золота; появление каждой его брошюры становится событием. Издания Герцена можно найти на столе и в спальной царя, царицы, великих князей, министров, так же как у степных помещиков и в кавказской армии. Никогда публицист не оказывал такого глубокого и такого обширного воздействия на свою нацию, как Александр Герцен. Юниус, П.-Л. Курье Берне не могут в этом отношении сравниться с ними. К нему обращаются со всеми жалобами и просьбами, как к последней инстанции, и его суждения принимаются с уважением, как приговор судьи. Так занял он место, с которого обличает старый русский мир — мир кнута, произвола, подкупа, привилегий и крепостничества.

Такое высокое положение среди великой нации достигается не только при помощи сильного диалектического ума, отточенного стиля, большого литературного таланта; для этого требуется еще кое-что — и прежде всего сознательная честность, безупречный, большой характер, который в состоянии внушить всему народу непоколебимое доверие к своему слову и к своим намерениям. Все это в высшей степени присуще

Александру Герцену. Те, кто имел счастье жить вблизи него, знают это; они знают также и его громадную умственную одаренность, и его высокое бескорыстие, и его готовность к самопожертвованию, и его сердечность, которая скорей сто раз позволит злоупотребить ею, чем хоть раз поступит неподобающим образом.

И такого человека жалкие penny-a-liner* решаются называть „пресловутым" и вообще говорить о нем в недостойном тоне; их ничему не научила история, доказывающая на каждой своей странице, что люди, подвергавшиеся подозрениям и клевете, остаются, овеянные славой, на своих пьедесталах, между тем как клеветникам и зубоскалам уготовано одно лишь счастье — быть забытыми. Чтобы заставить их замолчать, достаточно было бы, по всей вероятности, привлечь их внимание к тому, что те лица, которые передали им le mot-d'ordre**, теперь, следуя примеру своего царя, говорят об Александре Герцене только с уважением, как о человеке, с которым Россия может себя поздравить, которым она может гордиться.

Лишь этого хотел достигнуть автор печатаемых строк. Он полагал, что имеет право на это, так как соприкасается с различными русскими кругами и знает их. Почему немецкой журналистике должна принадлежать печальная привилегия клеветать на человека, обладающего такими заслугами, в то время как на его родине да и повсюду, где известны русские дела и характер Герцена, он пользуется должным уважением и признанием?».

Значительный интерес представляют наклеенные Герценом на один лист бумаги и противопоставленные друг другу две вырезки, относящиеся к лету 1859 г. Первая из них представляет собой лондонскую корреспонденцию из «Allgemeine Zeitung» («седая баварская куртизанка на содержании у австрийского правительства»,—так называл Герцен эту газету — XI, 89), в которой Герцену, наряду с Клапкой, Кошутом и Пульским, предъявлялось обвинение в том, что он является тайным агентом Наполеона III и петербургского самодержавия.

Под этой вырезкой рукой Герцена написано:

«„Al⟨lgemeine⟩ Z⟨eitung⟩"
⟨№⟩ 165, 14 Julius
Und als pendant — »***

Далее подклеена вторая вырезка из английской газеты:

«Нам передавали из России, что несколько недель тому назад петербургский митрополит на собрании святейшего синода Российской империи внес предложение об отлучении от церкви Александра Герцена, широко известного изгнанника, живущего теперь в Лондоне. Все епископы, за исключением московского митрополита, одобрили это предложение, направленное против талантливого человека, отважного основателя революционного движения в области политической литературы в России, однако император отказался утвердить это решение глав церкви и упрекнул церковных сановников в таких выражениях, которые никоим образом не содействовали укреплению достоинства их сана».

Под этим рукой Герцена снова написано: «„D⟨aily Telegraph"⟩, 21 Juli. Schicken Sie zurück»****.

---

* борзописцы (англ.).
** пароль (франц.).
*** и подстать этому (нем. и франц.).
**** Пришлите обратно (нем.).

«Посылаю тебе из „Daily Telegraph“ статью о том, как Алекс⟨андр⟩II не велел меня проклинать, — писал Герцен сыну 22 июля 1859 г. — Это до того смешно, что, показавши своим, ты отошли Фогту» (X, 45; ср. там же, 46).

Террористические действия русского правительства в Варшаве весной 1861 г. широко комментировались международной печатью. Среди вырезок Герцена сохранилась корреспонденция из Варшавы от 17 апреля 1861 г., напечатанная в парижской газете «Journal des Débats». На полях,повидимому Герценом, отчеркнут следующий абзац:

«Менее заметна, но еще более важна, быть может, чем административная дезорганизация — дезорганизация военная — она особенно проявляется среди офицеров в русской армии. Они колеблются, прежде чем выполнить отдаваемые им приказы, они краснеют, выполнив их. Генерал маркиз Паулуччи держится в стороне, и вы не забыли имени генерал-губернатора Панютина, прогуливавшегося 8 апреля с непокрытой головой и скрещенными руками посреди обстреливаемой картечью толпы, которая аплодировала ему, видя, что он таким образом протестует против избиения. Смута в армию внесена, главным образом, русской газетой „Колокол“, издаваемой в Лондоне г. Герценом. Ее влияние было столь велико, что для того, чтоб помешать выходу в отставку офицеров, правительство принуждено было восстановить по отношению к ним угрозы, прежде направлявшиеся против чиновников,— выслать в Сибирь всех подавших в отставку. В Европе не понимают достаточно отчетливо того значения, какое имеет в России этот маленький листок, который распространяется здесь в тысячах экземпляров, хотя и тайным образом. Признательность к г. Герцену огромна. Вы знаете, что он является членом революционного комитета в Лондоне, и большое значение имеет то, что именно оттуда приходит к нам первое очевидное и действенное вмешательство из-за границы».

2 октября 1861 г. Герцен напечатал в «Колоколе» и нескольких английских газетах открытое письмо к русскому послу в Лондоне барону Бруннову — «Брутты и Кассии III Отделения», в котором разоблачал намерение русского правительства убить или увезти его (XI, 248—249). Заявление Герцена вызвало сенсацию в иностранной печати. 16 октября 1861 г. в парижской либеральной политической газете «L'Opinion Nationale» появилась заметка, автор которой заявлял, что «видел вчера собственными глазами письмо, в коем сообщается из вполне заслуживающего доверия источника, что уже назначена цена за голову знаменитого редактора „Колокола“ Герцена». Обращаясь с вопросом к полуофициозной газете «Le Nord», не слышно ли чего-либо «об очередном приступе усердия русской полиции», автор заметки заключал: «Нам хотелось бы думать, что это нужно отнести за счет излишнего рвения второразрядных агентов» (см. настоящий том, стр. 668—670). «The Morning Post» 26 октября 1861 г. откликнулся на письмо Герцена к барону Бруннову ядовитой статейкой (без названия), в которой нагло высмеивалось заявление Герцена. Преисполненная симпатии к царю и русской правительственной клике, газета, однако, вынуждена была заметить, что «Герцен—человек незаурядный. Те, кто знает, какую роль играл Кошут в Венгрии или какую Маццини играл в Италии, вероятно с удивлением впервые услышат, что литературное и политическое влияние, оказывавшееся сочинениями Герцена на широкие круги русского народа, без всякого преувеличения, может быть сравнено с их влиянием. Он пользуется большой властью в России, благодаря своей газете „Колокол“. В Англии он лучше всего известен изданными им секретными записками Екатерины II, которые вызвали в литературном мире огромный интерес два года тому назад, — а также описанием своей собственной жизни, — одним из наиболее

поучительных и будоражащих мысль сочинений, которые когда-либо посвящались общественной жизни России».

В № 12 киевского полуофициозного журнала «Вестник Юго-Западной и Западной России» за 1862 г. был помещен грязный пасквиль И. К—ого — «Александр Герцен, он же Искандер» (почти полностью перепечатан Лемке — XV, 459—461). По нашему предположению, автором этой статьи был И. И. Кулжинский, сотрудник изданий М. П. Погодина, в прошлом — профессор Нежинской гимназии высших наук, во время обучения там Гоголя.

Посещение прославленным итальянским национальным героем Гарибальди дома Герцена 17 апреля 1864 г. вызвало к себе огромное внимание в Англии и за ее пределами. В «The Daily News» появилась заметка, перепечатанная многими иностранными газетами; она сохранилась в архиве Герцена в нескольких экземплярах:

«ГЕНЕРАЛ ГАРИБАЛЬДИ У ГОСПОДИНА ГЕРЦЕНА

В прошлое воскресенье генерал Гарибальди, в сопровождении своего секретаря, синьора Герцони, присутствовал на завтраке у известного русского изгнанника, господина Александра Герцена, в Теддингтоне. Избранное общество, состоявшее из английских и иностранных друзей, собралось для встречи с ним,—среди них были синьор Саффи, князь Долгоруков, синьор Мордини, член итальянского парламента, и т. д. По обыкновению, собрались толпы народу, чтобы приветствовать генерала, которого сопровождали восторженные клики (при приезде и отъезде). Г-н Герцен, его друг и соиздатель русской демократической газеты „Колокол", г. Н. Огарев, а также г-жа Огарева встретили генерала у садовой калитки и повели его в дом; однако приветствия снаружи были так неистовы, что Гарибальди вынужден был возвратиться на минутку в сад, где он приветливо помахал рукой в ответ на аплодисменты толпы. Едва он вошел снова в дом, как подъехала другая карета, и господа Герцен и Огарев приветствовали с теми же почестями своего старого и уважаемого друга Джузеппе Маццини. В доме был сервирован великолепный завтрак, в конце которого встал Маццини и предложил в следующих выражениях тост за здоровье Гарибальди: „Мой тост соединит в себе все самое дорогое для нас, все то, за что мы боролись и к чему стремились. Я пью за союз народов; за того человека, который является живым воплощением этих великих идей, за Джузеппе Гарибальди; за несчастную, святую, героическую Польшу, сыновья которой в молчании дерутся более года и умирают за свободу; за юную Россию, жаждущую земли и воли— за юную Россию, которая в скором времени подаст Польше братскую руку, признает ее равенство и независимость и изгладит из памяти воспоминание о России царской; за тех русских, которые, во главе с нашим другом Герценом, приложили столько усилий и труда для создания этой новой России; за ту религию долга, которая дает нам силы для борьбы и готовность даже ценой жизни бороться за воплощение этих идей". Этот тост был восторженно принят присутствующими. Затем встал Гарибальди и сказал: „То, что я сейчас скажу, я должен был сказать уже давно. Между нами здесь человек, оказавший величайшие услуги нашей родине и делу свободы. Когда я был еще юношей и имел неопределенные стремления к добру, я искал человека, который мог бы быть путеводителем и советником моей юности. Я искал его так, как жаждущий ищет источник. Я нашел такого человека. Он один бодрствовал, когда все кругом спало; он один поддерживал священное пламя. Он всегда оставался моим другом; никогда не ослабевала любовь его к своей родине, преданность делу свободы. Этот человек — Джузеппе Маццини. За моего друга

ВОЙ И МАЛОЙ МОРСКОЙ, Д. ТАТИЩЕВОЙ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 МАРТА 1869.

№ 73

Вѣдомости.

таетъ себя реформаторомъ, и даже великимъ реформаторомъ. Отрицаться отъ этого г. Герценъ, вѣроятно, не захочетъ, да это ему было бы и неудобно, потому что каждому изъ насъ извѣстно, какую большую цѣну и значеніе придавалъ Герценъ и себѣ, и своимъ словамъ, которыя онъ распространялъ посредствомъ «свободнаго типографскаго станка». Мы даже вовсе не хотимъ много и упрекать г. Герцена за его заносчивость и гордыню,—въ нихъ гораздо болѣе повинны обстоятельства, чѣмъ самъ г. Герценъ. Г. Герценъ, человѣкъ съ способностями довольно быстрыми и блестящими, но до крайности односторонними и не глубокими, не могъ не впасть въ ту пѣтушиную спѣсь, которую онъ, по видимому, сохраняетъ до старости лѣтъ. Рожденный въ эпоху нашествія французовъ на Россію, г. Герценъ созрѣлъ для дѣйствованія въ ту пору, когда слово въ Россіи было сковано, и за какіе нибудь задирательные стишки, или за шаловливую пѣсенку людей посылали въ ссылку, какъ за государственное или криминальное преступленіе. Разъ г. Герценъ, подкутивъ съ товарищами на какой-то пирушкѣ, спѣлъ весьма глупую пѣсенку, въ послѣдствіи напечатанную имъ въ одной изъ книжекъ его *Полярной Звѣзды*. За это пѣніе г. Герцена въ числѣ прочихъ взяли на съѣзжую, а потомъ послали въ Вятку, гдѣ онъ служилъ у мѣстнаго губернатора, былъ членомъ губернскаго общества, мечталъ въ огромномъ саду своей квартиры о своемъ будущемъ величіи и не безъ успѣха ухаживалъ за дамами, а потомъ назвалъ всю эту эпоху своей жизни эпохою «Тюрьмы и ссылки» и, поставивъ въ Лондонѣ печатный русскій станокъ, сочинилъ обо всемъ этомъ іереміаду, которая пробралась контрабанднымъ путемъ въ Россію, и имѣла здѣсь свой успѣхъ. Г. Герценъ, сочиняя и выпуская въ свѣтъ «Тюрьму и ссылку», имѣлъ, конечно, въ виду увѣковѣчить исторію страданій, претерпѣнныхъ имъ въ отечествѣ, и пристыдить то правительство, которое такъ серіозно посчиталось съ нимъ за его школьническую шалость. По счастію для г. Герцена, ему и въ томъ, и въ другомъ случаѣ была полная удача: общество къ нему разжалобилось и обличило полную готовность говорить о правительствѣ со стороны весьма нелестной. Обстоятельства благопріятствовали г. Герцену неимовѣрно: цензурный гнетъ не только давилъ, но просто уничтожалъ всякую, сколько нибудь независимую, мысль въ Россіи, читать его вещи: *«Кто виноватъ?» «Сорока-воровка, Записки доктора Крупова»* и *«Письма объ изученіи природы»* написаны имъ здѣсь, подъ тяжестію цензурнаго давленія; на свободѣ онъ не написалъ ни одной строки, которую ждало бы какое нибудь долговѣчіе, кромѣ тѣхъ впрочемъ строкъ, которыми г. Герценъ оскандализировался на долгіе вѣка. Его *«Былое и Думы»* есть наилучшее, что имъ написано на свободѣ,—но и оно относительно ниже всѣхъ работъ, сдѣланныхъ въ отечествѣ,—въ остальномъ же, гдѣ надъ всѣмъ преобладаетъ *мы*, да *я*, да *фигура моя*, Герценъ просто жалокъ и скученъ.

Г. Герценъ о себѣ, кажется, не устанетъ говорить вѣчно, что заимствовали у него и нѣкоторые изъ его учениковъ, напримѣръ, г. Кельсіевъ.

Недостатокъ чувства мѣры такъ великъ въ г. Герценѣ, что дѣлаетъ этого человѣка неспособнымъ ни къ какой серіозной дѣятельности. Его всегда, въ каждую рѣшительно минуту, занимаетъ его собственная позитура, и, бросая свои чернильные перуны царямъ и народамъ, онъ, кажется, самъ какъ Нарцизъ, смотрится въ свою чернильцу. Чуть онъ увидитъ себя, ему сейчасъ хочется немножко приподнять себя повыше, и у него пойдутъ самыя смѣшныя и надутыя преувеличенія. Точно также, какъ изъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ съѣзжемъ домѣ одной изъ московскихъ частей и изъ благополучнаго служенія у вятскаго губернатора, сумѣлъ сдѣлать *тюрьму и ссылку*, онъ на первыхъ же порахъ, какъ только очутился за границею Россіи, сдѣлалъ изъ этого побѣга цѣлую исторію. Г. Герценъ ушелъ изъ Россіи такъ-себѣ, по баловству, по неспособности тянуть домашнюю тягу, какъ тянули ее другіе, не менѣе его честные, не менѣе его умные и ужъ, конечно, гораздо болѣе его серіозные, люди: онъ ушелъ, какъ говорится, «ни за что, ни про что», и даже самъ, при всей своей склонности ставить себя на ходули, ни разу не могъ толкомъ объяснить причины и цѣли своей комической экспатріаціи.»

Но что комично теперь, то, при ярмѣ, стѣснявшемъ Россію въ то время, такимъ не казалось,—по крайней мѣрѣ, оно не казалось такимъ весьма многимъ. Г. Герценъ возвѣстилъ печатнымъ образомъ о своемъ *разрывѣ съ Россіею*, и стѣсненная въ своей свободѣ Россія, вмѣсто того, чтобы захохотать въ глаза этому новому Курбскому, удостоила его окрикъ на отечество вниманіемъ. Административныя лица испологоннымъ», третьяго «преобразившимся на Ѳаворѣ»; всѣхъ не согласныхъ съ нимъ писателей называлъ, не стѣсняясь, «доносчиками и шпіонами», «бульдогами», «ордынцами», «жалкими лакеями», «тупыми рабами», «стрѣльцами-попами», всю нашу печать, дружно заговорившую противъ польскаго мятежа, обозвалъ «развратною литературою сбировъ и помощниковъ палачей»; надъ всѣмъ острилъ, шутилъ, иногда плоско, иногда ѣдко, но никогда не церемонился, ни съ какими заслугами. Напротивъ, чѣмъ авторитетнѣе было какое нибудь лицо, тѣмъ больше разыгрывался на него зубъ у г. Герцена. Онъ съ особеннымъ наслажденіемъ набрасывался на личности, пользовавшіяся въ отечествѣ доброю репутаціею и топталъ въ грязь эти репутаціи съ какимъ-то сатанинскимъ остервенѣніемъ. Все это было необыкновенно, непривычно, и въ силу этого нравилось. Въ невоспитанномъ обществѣ, къ которому принадлежали чиновники, подвѣдомые выводимымъ на позорище государственнымъ людямъ, наглыя выходки Герцена были встрѣчаемы съ восторгомъ. Число невѣжественныхъ почитателей и корреспондентовъ Герцена расло. Всякій, кто хотѣлъ посчитаться съ ближнимъ такъ, чтобы этотъ ближній помнилъ этотъ счетъ, писалъ на него доносъ въ «Колоколъ», доносъ иногда основательный, а гораздо чаще клевету, вздоръ, сплетню, но всегда живую и злую сплетню. Герценъ все это собиралъ изъ всѣхъ источниковъ и, не справляясь, чисты ли, грязны ли они, все это печаталъ... Эта неразборчивость, это незнаніе мѣры въ нападкахъ и погубили Герцена.

Серіозные люди, которыхъ, разумѣется, было очень мало, смотрѣли на это съ ужасомъ. Они давно уже потеряли уваженіе къ дѣятельности Герцена и видѣли, что разсѣваемая имъ *смута* не поведетъ ни къ чему доброму, но они не могли этому противодѣйствовать. Всякое серіозное слово не получало ни какого мѣста, ни на нашихъ каѳедрахъ, ни въ печати. Когда г. Герценъ только что ушелъ изъ Россіи, умныхъ русскихъ людей удивила та ребячья торопливость, съ которою «неисправимый соціалистъ» спѣшилъ заявить, что онъ *назадъ не возвратится*. Этого ни кто у него не вымогалъ, но у него у самого это не держалось. Думали, что Герценъ станетъ, можетъ быть, печатать за границею сочиненія, которыя освѣщали бы русскому обществу истинное его положеніе и указывали на высшіе идеалы, къ которымъ оно

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ» № 73 ОТ 1 МАРТА 1869 г.
С ПОМЕТАМИ РУКОЮ ГЕРЦЕНА

Пометы сделаны на редакционной статье, содержащей резкие выпады против Герцена

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

и наставника!"— При этих словах многие из присутствовавших прослезились. Генерал снова встал и сказал: „От всего сердца присоединяюсь к словам Маццини о несчастной Польше. Теперь выпьем за юную Россию, которая страдает, борется и, в конце концов, победит, так же как и мы, будет играть великую роль в Европе". Свой последний бокал Гарибальди выпил за свободную Англию, за ее щедрое гостеприимство и благородное и столь ощутимое сочувствие, которые завоевали горячую любовь и благодарность всех угнетенных народов...».

Описание этого вечера в честь Гарибальди Герцен оставил в «Былом и думах» (см. XIV, 532—536).

Среди вырезок сохранились статьи о посещении Гарибальди дома Герцена — из одной неустановленной английской газеты («Morning Star»?) и одной французской*.

В ноябрьской книжке французского журнала «Revue Moderne» за 1866 г. появилась большая статья Шарля дю Бузе (Bouzet), озаглавленная «Герцен» и представляющая собой обзор жизни и творчества великого русского писателя; главное место уделено в этой статье «Былому и думам»:

«За год до Февральской революции, один русский, принадлежавший к высшему московскому дворянству, покинул свою родину, почти не надеясь на возвращение. Видный уже писатель, подвергавшийся однажды тюремному заключению за свои убеждения и высылке вглубь страны, он, в конце концов, получил этот вожделенный паспорт на выезд за границу, одна лишь надежда на который заставляла сильнее биться сердце русского в царствование императора Николая. Он объездил Европу, был свидетелем революций в Париже и в Риме, и когда Франция подпала под диктатуру, он удалился в Англию, где ему предстояло приобрести влияние и завоевать известность.

В своем неприкосновенном убежище в Англии Александр Герцен ⟨...⟩ основал русскую типографию и создал то, что никогда нигде не существовало,— независимую русскую прессу. Россия, осужденная у себя дома на полное безмолвие, обрела, наконец, голос в Лондоне; газеты, журналы, брошюры Герцена, напечатанные на русском языке, наводнили Россию — от Сибири до Балтийского и Черного морей. Они проникали всюду, каждый стремился прочесть их, и лондонский изгнанник приобрел власть в России ⟨...⟩

Это наблюдатель, полный беспощадной прозорливости, и все, что ему удалось увидеть, он описывает с энергией и сдержанностью, скрывая презрение и умеряя гнев. Медленно расшифровывая его сочинения, написанные на трудном для нас языке, или же знакомясь с ними при

---

* В записной книжке Огарева, хранящейся в «пражской коллекции», нами обнаружена вырезка из какой-то французской либеральной газеты от конца января 1865 г., где встречаются следующие строки: «Герцен недавно опубликовал брошюру, которую, как мне кажется, ожидает большой успех; ее название „Новая фаза русской литературы". Г-н Катков и „Московские ведомости" выведены в ней на чистую воду и показаны в своем истинном виде. Эта брошюра вызывает непритворный ужас, показывая нам подобных чудовищ. Автор описывает их без преувеличения, бесстрастно, но с такой отчетливой ясностью, таким правдивым тоном, что этот полутатарский мир, эта старая русская партия, эти литераторы, столь наивно и грубо жестокие, эти *отцы Дюшены* московского деспотизма возникают и живут буквально у нас перед глазами.

Герцен — человек редких достоинств и изумительный собеседник. Он знает свою страну и двор Александра II, как свои пять пальцев. Его последняя книга написана на французском языке с поразительной чистотой стиля, изяществом и силой. Либеральная демократия нашего города встретила воинствующего вождя русской демократии с большим одушевлением и самыми живыми изъявлениями симпатии» (ед. хр. 44, л. 101 об.).

помощи перевода,— угадываешь сильного писателя, энергическая мысль и сосредоточенная страсть которого увлекают нас и не дают возможности оторваться от книги, не дочитав ее до конца. Только русские в силах определить его место в ряду их писателей. Быть может, они скажут, что в наши дни Александр Герцен является наиболее оригинальным умом и первым писателем России».

Восторженно отзываясь о публицистической деятельности Герцена, автор статьи пишет в заключение: «Свободный голос его встречает отзыв в молчаливой России; его страстный протест против деспотизма уже заставил сильнее забиться не одно сердце. Позднее, когда Россия достигнет подлинной цивилизации,— той, которая рождается свободой,— она почтит как одного из своих первых писателей и лучших патриотов Александра Герцена, добровольного изгнанника, лондонского журналиста».

Весной 1867 г. в русской реакционной печати возобновилась клеветническая кампания против Герцена. Извлечены были давно развеянные обвинения Герцена в организации поджогов в России (см. стр. 157—158 настоящего тома). В газете, название которой на вырезке сохранилось только частично—«onal» («Opinion Nationale»?),— появилась большая корреспонденция из Петербурга, подписанная J. Labbé и защищавшая Герцена от обвинений в организации поджогов: «Герцен обладает слишком безупречным прошлым для того, чтоб его репутация могла пострадать от последствий этой клеветы. Но каким бы низким ни было оскорбление, оно всегда мучительно для человека, любящего свою родину и принужденного видеть, как распространяют подобные гнусности». Далее рецензент подробно излагает полемику Герцена с И. С. Аксаковым. Эту же заметку перепечатала без указания источника и имени автора фрибургская газета «Le Confédéré», «орган швейцарской радикальной демократии» (№ 67 от 5 июня 1867 г.).

В архиве Герцена сохранилась страница газеты «Les Etats-Unis de l'Europe» от 12 января 1868 г. со статьей «Русская демократия» Густава Фогта. Русский перевод этой статьи почти полностью напечатан Лемке в примечании к статье Герцена «Sommes-nous pour la guerre?» («За войну ли мы?»— XX, 147—149).

В архиве Герцена хранятся две гранки из «Kolokol», № 13 от 15 октября 1868 г. с отрывками из речи Вырубова на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне. Рукой Герцена на первой гранке вычеркнуто имя *Вырубов* и вписано: «Загл⟨авие⟩. Discours de M. Bakounine et G. Wyrouboff au Congrès de la Paix à Berne. Discours de G. Wyrouboff». ⟨Речи М. Бакунина и Г. Вырубова на конгрессе мира. Речь Г. Вырубова.⟩

Здесь Герценом обозначен знак сноски и на обороте надписано:

«Le discours de Bakounine qu'il nous a promis — ne nous est pas parvenu encore» ⟨«Речь Бакунина, которую он нам обещал, до нас еще не дошла»⟩.

В феврале 1869 г. в заграничном официозе русского правительства «Le Nord», выходившем в Брюсселе, была напечатана заметка о будто бы возникшем у Герцена намерении возвратиться из эмиграции в Россию (в архиве Герцена эта заметка не сохранилась). 6 марта 1869 г. в той же газете появилась следующая корреспонденция из Петербурга от 18 февраля/ 2 марта 1869 г., в начале которой автором или редактором был поставлен вопросительный знак, отмечавший, вероятно, недостаточную достоверность сообщаемого факта:

«...Я вам как-то сообщал о тексте письма, которое г. Герцен адресовал своему другу и сотруднику г. Огареву и в котором он признает бесполезность дальнейшего ведения пропаганды, имевшей своим органом „Колокол" и не находящей более отзвука в России, с тех пор как русская печать, освобожденная от цензуры, выразила подлинные стремления

нации, менее всего революционные*. С тех пор в России произошло множество событий, которые должны были еще более изменить идеи бывшего несговорчивого демагога и постепенно побудить его предпринять шаги, о которых здесь говорят и которые, будто бы, имеют целью ходатайствовать перед императором о разрешении возвратиться в Россию.

В частности, говорят о том, что г. Герцен имел по этому поводу свидание с его преподобием о. Раевским, священником нашего посольства в Вене, и просил его быть ходатаем перед императором и что о. Раевский поспешил передать в С.-Петербург желание г. Герцена. Говорят еще, что этот последний испрашивал в то же время милости императора для своей семьи, так же как для своего соратника, г. Огарева, особенно настаивая на том, что в случае, если в этой милости ему будет отказано, он просит, чтобы, по крайней мере, его дети, которые не должны нести ответственность за заблуждения своего отца, могли возвратиться на родину. Мы были недавно свидетелями обращения г. Кельсиева; обращение гг. Герцена и Огарева завершает список, к счастью небольшой, русских политических эмигрантов».

Эти лживые сообщения «Le Nord» вызвали разъяснительное письмо Герцена от 16 марта 1869 г. (XXI, 325). По его просьбе, текст письма был разослан А. А. Герценом в радикальные органы печати. Попало это письмо и на страницы газеты «Le Nord», вырезка из которой также находится среди бумаг Герцена.

С провокационным сообщением о намерении Герцена возвратиться в Россию (см. стр. 431—432 настоящего тома) связана и другая вырезка, сохранившаяся в «пражской коллекции» — из № 73 «Биржевых ведомостей» от 16 марта 1869 г., в котором была напечатана направленная против Герцена редакционная статья, полная клеветы и оскорблений. 8 апреля 1869 г. Герцен писал по поводу этой статьи Огареву: «...там статья колонн в 5 ругательств à mon adresse**. Это уж за то, что я не возвращаюсь; между прочим, они говорят, что моему сыну не было препятствий ехать в Россию и что русское правительство не мстит детям за преступление отца, доказательством тому — что оно сохранило мое имение. Далее я представлен каким-то безумным диктатором и шутом. Заметь, что я ничем не вызвал со стороны „Бирж‹евых› в‹едомостей›“ этих статей» (XXI, 358). 16 апреля Герцен сообщил Огареву, что начал писать ответную статью «Биржевым ведомостям» (там же, 366). На описываемой вырезке имеется ряд пометок Герцена, сделанных им, несомненно, во время работы над этой статьей *** (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150).

---

* Имеется в виду открытое «Письмо к Огареву», опубликованное Герценом в № 14-15 «Kolokol» от 1 декабря 1868 г. (XXI, 184—187), где он объясняет причины, вынуждающие его прекратить издание газеты. Автор корреспонденции излагает это письмо в искаженном виде.— *Л. Л.*

** по моему адресу (франц.).

*** Перечислим пометки, сделанные Герценом на вырезке из «Биржевых ведомостей»:

Рукой Герцена надписан номер газеты: № 73.

В фразе: Весь вопрос заключается в том, чтобы свести с Герценом счеты — *подчеркнуто последнее слово. В следующей фразе подчеркнуты слова* дать знать. *Далее подчеркнуты и отчеркнуты на полях слова:* кроме тех, впрочем, строк, которыми г. Герцен оскандализировался на долгие века. *Во фразе:* Г-н Герцен ушел из России так себе, по баловству — *подчеркнуты последние четыре слова. Далее отчеркнуто на полях:* Г-н Герцен возвестил печатным образом о своем разрыве с Россиею, и стесненная в своей свободе Россия, вместо того, чтобы захохотать в глаза этому новому Курбскому, удостоила его окрик на отечество вниманием. *Затем отчеркнуто на полях:* Надворный советник Александр Герцен прямо из советников новгородского губернского правления попал в «мощные» враги русского правительства во всей его совокупности. *Далее подчеркнуто:* ненавидели г. Герцена, не уважали его — и его слушались. *Во фразе:* Он с особенным наслаждением набрасывался на личности, пользо-

* * *

Мы опубликовали и изложили содержание всех газетных и журнальных статей и заметок, сохранившихся в вырезках среди бумаг Герцена и непосредственно связанных с его именем.

Остальные материалы немногочисленны, но весьма разнообразны по характеру. Здесь и сообщение об открытии Калужского дворянского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян («Московские ведомости» от 25 января 1859 г.), и заметка о столкновении в Олькушском уезде земской стражи с вооружившимися палками крестьянками, у которых за недоимки было конфисковано имущество («Московские ведомости», дата не установлена), и заметка об отрицательном отношении пяти русских университетских советов к правительственному предложению приостановить отпуск сумм на оснащение кабинетов и лабораторий, с тем, чтобы эти средства обратить на подготовку университетских учителей гимназий по древним языкам («Голос», февраль 1865 г.), и заметка по поводу известия о преследованиях, которым подвергаются евреи в Петербурге, с публикацией письма министра внутренних дел Тимашева к русскому послу в Париже по этому вопросу («Голос» от 11 апреля 1865 г. — № 89), и заметка о кончине одесского учителя Алексеева, уволенного со службы и обреченного с семьей на голодную смерть («Голос», без даты).

Последние три вырезки наклеены на лист белой бумаги. Рукой Герцена отмечено, что они вырезаны из «Голоса»; им же самим проставлены на полях даты. Над последней вырезкой Герценом надписано: «„Голос" из Одессы». На обороте этого листа бумаги — вырезка из какого-то неустановленного журнала или книги — о беззаконной ссылке в Сибирь крестьянина Иванова.

На другой лист бумаги Герценом наклеены еще три вырезки из неустановленных английских газет 1860-х годов. В первой, представляющей собой отчет из зала ливерпульского суда, излагается трагическая история семнадцатилетней Элизабет Биньон, подвергшейся насилию со стороны собственного отца и выгнанной из дому вместе со своим грудным ребенком. Не находя нигде пристанища, Элизабет Биньон, в припадке отчаяния, утопила в реке своего ребенка и вскоре сама созналась в этом. Как сообщает репортер, несчастная женщина, несмотря на смягчающие обстоятельства, была приговорена ливерпульским судом к смертной казни.

вавшиеся в отечестве доброю репутациею — *подчеркнуты последние четыре слова*; *на полях Герценом проставлен знак* №. *Затем отчеркнуто на полях:* Этого никто у него не вымогал, но у него у самого это не держалось. *Далее подчеркнуто и отмечено на полях слово* матреновцы. *В том же абзаце отчеркнуто на полях:* они пожелали свести счеты свои с г. Герценом, которого они за границею увидели лицом к лицу, каков он есть, а не зерцалом в гадании. *Отмечено крестиком на полях:* Это уже новость, это опять забавная попытка договариваться с державою. Но и это все падает прахом, когда мы скажем (а это верно), что сын г. Герцена, прося русское правительство дозволить ему приехать в Россию для устройства дел своего отца по его костромскому имению, счел своим долгом прибавить, что «во время своего пребывания в России он не изменит убеждениям своего отца, хотя и не будет их пропагандировать». *В следующем абзаце подчеркнуто слово* вправе. *Далее отчеркнуто и отмечено крестиком на полях:* Старший Герцен должен бы знать, что сын его, до своего никому не нужного заявления о своем образе мыслей, даже не имел никакой нужды в испрашивании особого разрешения на возвращение на родину, так как, по законам нашим, сын нисколько за поведение своего отца не ответствует. С него достаточно было простого заявления о желании приехать и, мы в том уверены, он не встретил бы к этому никаких препятствий. Иное дело, когда младший Герцен, просясь на родину, с такой ребяческою наглостию машет... *Далее подчеркнуто:* так обязательно сохранила в целости этому «неисправимому социалисту»...

На этой вырезке Герцен сделал следующую надпись о другом случае возмутительного жестокосердия английского буржуазного суда: *R⟨ight⟩ w⟨orthy⟩* У р и а Т о м к и н приговорил бедную женщину за то, что она с детьми ночевала на улице, к 20 дням hard labour**. Журналы подняли шум. R. W. ответил, что не за один этот факт он ее приговорил, а за то, что она не могла вообще показать, чем существует.*

В следующей маленькой вырезке, наклеенной на этот же лист бумаги, извещалось о замене смертной казни Элизабет Биньон пожизненной каторгой ***.

Третья вырезка, являющаяся перепечаткой заметки из газеты «Manchester Examiner», содержала возмутительные факты о преследованиях, которым подверглась группа обнищавших английских фермеров за то, что осмелилась в воскресный день, «предназначенный богом для отдыха и молитв», заняться уборкой сена, чтоб уберечь его от приближавшейся грозы. Полицейские и судебные чиновники вымогали у них крупные штрафы, уводили скот и уносили мебель. Корреспондент описывает появление чиновников в доме одного из этих фермеров, от которого они требовали уплаты штрафа в один фунт стерлингов и три шиллинга. «Этот дом и все службы были отмечены печатью самой страшной нищеты, и жена фермера Баттерсби тотчас же объяснила чиновникам, что им скорей следовало принести с собой что-нибудь, чем уносить отсюда. Она прибавила: „Будь я на месте того господина, который прислал вас сюда, я заплатила бы штраф из своего собственного кармана, а не стала бы отбирать имущество у таких людей, как мы. Мой муж — самый трезвый и работящий человек во всем нашем приходе; он ведь только старался спасти наш клочок сена да заработать крошку хлеба, так как живется нам очень плохо. У нас ни на одной кровати даже одеял нет—каково же подвергаться штрафу, не сделав ничего дурного"!». Далее репортер описывает посещение другого фермерского дома и конфискацию, произведенную там полицейскими ****.

На обороте этого листа подклеена еще одна вырезка — из какой-то французской газеты, в которой напечатан негласный приказ французского главнокомандующего маршала Базена, предписывающего войскам, на основании императорского распоряжения от 3 октября 1865 г., не брать противника в плен и казнить всех захваченных с оружием в руках. «Нужно убивать или быть убитым», — этими словами заключает Базен свой варварский приказ.

Сохранилась в архиве Герцена страница газеты «Berner Zeitung» № 31 от 6 февраля 1861 г. с некрологом проф. Вильгельма-Карла Фогта и вырезка из газеты «L'Indépendance Belge» от конца февраля 1865 г. с корреспонденцией «Новости из России» — по поводу обсуждения в Государственном совете постановлений о печати.

Здесь же находится вырезка из какой-то газеты на французском языке (вероятно, «Le Nord»), с публикацией перевода рескрипта Александра II председателю совета министров кн. П. Гагарину от 13/25 мая 1866 г. в связи с покушением Каракозова (Герцен просил Н. А. Тучкову-Огареву 13 июня 1866 г. не уничтожать номера «Le Nord» с этой публикацией — XVIII, 417). В л. 222 «Колокола» от 15 июня 1866 г. Герцен полностью перепечатал русский текст этого рескрипта, сопроводив бичующим комментарием «эту тяжело думанную и тяжело написанную дис-

---

* Достопочтенный (англ.).
** принудительных работ (англ.).
*** *Рядом с этой вырезкой надпись Герцена:* см. 6
**** *Уэтой вырезки Герценом сделана пометка:* А в тр. ⟨?⟩

сертацию», «это риторическое упражнение о развращении умов и сердец, о лжеучениях и теории собственности»— XVIII, 421—427.

На обороте рекламного объявления страховой компании «L'Européene», перечислявшей размеры выдаваемой ею пожизненной ренты, рукой Герцена написано:

*«50 ans** — 8%,15
52 — *8,60*
55 — *9,43*
Я стою на 10%. Ну, а что же дадут Фази?».

Сохранился здесь также № 40 газеты «La Rive Gauche» от 19 ноября 1865 г. со статьей «Эпизоды из июньских дней 1848 г. — Подземелья Тюильрийского дворца». Автор этой статьи, Ф. Пардигон, был арестован вечером 23 июня 1848 г. за участие в баррикадных боях и через некоторое время заключен в подземелье Тюильрийского дворца, где уже находились многие сотни повстанцев. Пардигон подробно описывает ужасные мучения, претерпевавшиеся арестованными. На газете рукою Герцена надпись, адресованная, вероятно, Огареву: «Этот № прошу сохранить, прочитав статью Пардигона». Подробностям о мучениях, которым подвергся в июньские дни Пардигон, Герцен посвятил несколько десятков строк в «Былом и думах» (XIV, 240—241).

Здесь же находится экземпляр газеты «La Pensée Nouvelle», № 6 от 21 июня 1868 г. (в котором напечатаны статьи А. Кудро «Bulletin» («Бюллетень»), Ш. Летурно «„De la place de l'homme dans la nature" de M. Hexley» («„О месте человека в природе", г. Гексли»), П. Лакомба «Toujours le libre arbitre» («Опять о свободе воли»), А. Лефевра «Philosophie du XIX siècle» («Философия XIX века») и др.; вырезка из газеты «The Times» 1860-х годов с публикацией письма к издателю некоего Vigil'a — «Присутствовал при повешении», в котором он излагал свои впечатления от зрелища казни пяти пиратов, состоявшейся в этот день, и вырезка из неустановленной английской газеты — сообщение «Голодная смерть», с описанием смерти английского докера, человека трезвого и трудолюбивого, который в течение пяти месяцев не в состоянии был найти себе работу; за невзнос квартирной платы домовладелец, несмотря на зимнее время, приказал снять в его комнате оконные рамы и двери, и безработный вынужден был в течение трех недель спать в ледяном помещении.

Наконец, мы находим среди бумаг Герцена вырезку из неустановленной французской газеты от двадцатых чисел мая 1868 г. со статьей-отчетом Ad. Rocher о суде над девятью рабочими, членами парижской секции I Интернационала, обвиненными в нарушении закона, по которому секции, включавшие в себя свыше двадцати человек, должны были получить от правительства предварительное разрешение, дававшее секции право на существование. В статье приводится выступление известного писателя-революционера, переплетчика по профессии, члена I Интернационала Л.-Э. Варлена. В заключительной части его речи к судьям встречаются следующие строки, обратившие на себя внимание Герцена:

«Коснитесь пальцем современности, и вы увидите глухую ненависть между классом, желающим сохранить свое имущество, и классом, который хочет отнять награбленное; вы увидите повсюду бешеный эгоизм и безнравственность: это признаки упадка; почва проваливается под вашими ногами — берегитесь!

---

* лет (франц.).

Класс, только что появившийся на мировой сцене, чтоб воплотить в жизнь несколько великих идей общественной справедливости, класс, который был угнетен при всех правлениях, класс труда, намерен принести начала возрождения; с вашей стороны было бы благоразумно, если б вы приветствовали его неизбежное восшествие и предоставили ему возможность выполнить свое справедливое дело.

Один лишь ветер полной свободы может очистить эту атмосферу, пропитанную беззаконием и столь чреватую грозными бурями для грядущего.

Когда один класс утратил свое моральное превосходство, доставившее ему главенство, он должен поспешить ступеваться, если не хочет прибегнуть к жестокости, ибо жестокость — это обычный удел падающих правительств. Пусть же поймет, наконец, буржуазия, что поскольку ее устремления недостаточно обширны, чтоб охватить все потребности эпохи,—ей остается только слиться с молодым классом, приносящим с собой мощное возрождение, равенство и солидарность в свободе».

Последний абзац из приведенного нами отрывка отчеркнут характерной для Герцена кривой чертой на полях. Герценом отчеркнуто также начало заметки с информацией о парижской секции Интернационала и объявление приговора (каждый из подсудимых был присужден к трем месяцам тюрьмы и уплате ста франков штрафа).

Таков отчет о вырезках Герцена, сохранившихся в уцелевшей части его личного архива. Мы оставляем вне своего обзора многочисленные вырезки и отдельные номера русских и иностранных газет и журналов за 1870-е—1930-е гг., собранные наследниками Герцена. Они представляют гораздо меньший и чисто библиографический интерес[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г.—О. XII. 52, 53; Г.—О. XIII. 7, 15) хранятся вырезки из следующих периодических изданий: «The Athenæum» от 6 января и 20 октября 1855 г. (№№ 1419 и 1460); «The Atlas» от 20 октября 1855 г.; «The Critic»от 15 октября 1855 г.; «The Daily News» от конца октября 1854 г., 20 февраля 1855 г., 17*, 20* и 27* апреля 1861г.; «The Globe» от 25* октября 1855 г.; «Italia del Popolo» от 10 марта 1857 г. и 21 февраля 1858 г.; «Jahreszeiten», № 2 от января 1859 г.; «The Leader» от 3 декабря 1853 г.; «L'Homme» от 22 февраля 1854 г.; «Londoner Deutsches Journal für Kunst, Musik, Literatur, Gewerbe und öffentliches Leben» от 4 августа 1855 г.; «The Morning Advertiser» от 27* апреля 1854 г. и 15* февраля 1855 г.; «The Morning Post» от 8 ноября 1855 г. и 26 октября 1861 г.; «Le National» от 21 февраля 1850 г.; «New-Yorker Abend-Zeitung» от сентября* 1850 г.; «Le Peuple de 1850» от 9 августа 1850 г.; «La Presse» от 13 октября 1856 г.; «Il Progresso» от 24 апреля 1864 г.; «Revue des Deux Mondes» от 15 июля 1854 г.; «Revue Moderne» от ноября 1866 г.*; «The Times» от 7 января 1859 г. и 20* ноября 1861 г. и вырезки из неопознанных изданий — трех английских, одного французского, одного немецкого и одного итальянского. Все остальные вырезки, перечисляемые в обзоре, находятся в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 18, 367, 368, 369).

[2] Приводим текст письма в подлиннике:

«The central polish committie of Warsaw
To the editor of „The Daily News"

Sir,—We be beg you to insert in the columns of your esteemed journal the following document, and remain, with our best regards, yours, etc.

A. Herzen }
N. Ogareff } Editors of „The Bell"

Orsett house
Westbourne terrace».

---

* Даты периодических изданий, отмеченные звездочкой, приводятся предположительно и не могут быть уточнены нами вследствие отсутствия этих изданий в советских книгохранилищах.

[3] Приводим текст письма в подлиннике:

«The russian secret police
To the editor of „The Daily News"

Sir,— An important agent of the russian secret police, councillor of state Matvey Khotinsky, is again in London. We belive it our duty to announce this arrival to alls Poles and russians friends in England.— I am, etc.

Alexander Herzen
Editor of „The Kolokol"

Orsette house
Westbourne terrace, June 2».

[4] *Пеланы* и *ланкастеры* — системы пушек, участвовавших в осаде Севастополя.

[5] Генри *Кольберн* (умер в 1855 г.) — известный английский издатель.

[6] *Летучая цель* (the flighty purpose) — выражение Шекспира («Макбет», д. IV, явл. 1).

[7] В Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина среди бумаг известного библиографа С. Д. Полторацкого хранится небольшая коллекция вырезок из иностранных газет и журналов с упоминаниями о Герцене (Полт. I/21/28—29). Значительный интерес представляет серия корреспонденций из Лондона, напечатанная в реакционной берлинской газете «Neue Preussische Zeitung». В этих корреспонденциях, проникнутых нескрываемой ненавистью к Герцену, содержится, однако, множество фактов, характеризующих его революционно-пропагандистскую деятельность в 1853—1854 гг. и его отношения с различными группировками лондонской эмиграции. Этот период герценовской биографии сравнительно мало изучен, и приводимые сведения явятся весьма ценным подспорьем для его освещения. Разумеется, полностью принимать на веру сообщаемые корреспондентом сведения было бы более чем неосторожно,—они требуют весьма тщательной проверки.

В корреспонденции от 29 июня 1853 г., напечатанной 6 июля, содержались следующие строки о Герцене: «В воскресенье опять состоялось большое собрание у агитатора ‹Кошута›; последний получил, как говорят, из Константинополя письма, содержание коих он сообщил своим товарищам. В связи с этим там присутствовал также и Герцен, который, говорят, выразил готовность обратиться к русским солдатам с *призывом* на русском языке; этот призыв попытаются тайно переправить в Валахию через Венгрию!— Сия демократическая любовная записка, по всей вероятности, не дойдет по назначению».

В корреспонденции от 2 июля 1853 г., напечатанной 9 июля, сообщалось: «Как я уже недавно писал вам, русский изгнанник Герцен принял решение объединиться с „демократической централизацией" польских эмигрантов, для ведения „совместной пропаганды". Такое же сообщение после того появилось в некоторых немецких газетах. „Объединение" это действительно состоялось и было утверждено на митинге польских эмигрантов. Начиная с 15 июля Герцен будет также выпускать польскую газету, которая выдвинет „принцип" союза поляков и русских. По другим источникам, Герцен хочет объединить свою революционную типографию с типографией одного поляка, создавшего недавно подобное же заведение на о. Джерси. Речь идет об „Imprimerie universelle", печатающей, главным образом, пропагандистские сочинения, французские и польские, и с ней именно Герцен хочет вступить в сношения. Говорят, что эта типография располагает значительным капиталом».

В корреспонденции от 5 августа 1853 г., напечатанной 10 августа, мы находим следующие строки: «Русский изгнанник Герцен, который только что объявил в своей газете о выходе в свет русского памфлета, озаглавленного „Русским дворянам", недавно вступил в сношения с другими славянами, среди которых находится серб Стоевич, и они объявили себя „Братским союзом славян". На последнем заседании этого комитета было принято решение, наряду с изданием русской газеты Герцена, начать публикацию другого периодического листка на немецком языке, предназначенного, главным образом, для распространения между австрийскими славянами. Редактирование последнего возьмет на себя Стоевич, который в 1848—1849 гг. сражался против венгров под командованием знаменитого сербского генерала Кникинина, но когда увидел, что „национальная борьба", как он выражается,—ведется лишь на пользу вероломной Австрии и во вред славянской свободе», перешел на сторону венгров. Основные положения программы, которую Стоевич хочет утвердить в своей газете, это — полное уничтожение Австрии, создание общей национальной славянской армии, предназначенной для нападения на Россию сразу же после уничтожения Австрии, восстановление древнего славянского политического государства и его границ и создание федеративной славянской республики. Разумеется, что усилия этого „комитета" пойдут рука об руку с польской пропагандой, и таким-то образом общая революционная пропаганда приобрела бы новое деятельное звено в этом „Братском союзе славян". Быть может, небезинтересно будет привести здесь поименно различные пропагандистские общества и фракции с их главарями, обосновавшимися в Лондоне. Здесь имеется: 1) Центральный немецкий демократический комитет, возглавляемый Кинкелем, Руге и Ронге; 2) Тайный социалистический союз, возглавляемый Марксом; 3) Австрийское агитационное объединение, возглавляемое Таузеницем; 4) Венгерский национальный

ный комитет, возглавляемый Кошутом; 5) Мадьярское республиканское объединение (находящееся в оппозиции к Кошуту), возглавляемое Морицем Перцелем; 6) Итальянский национальный комитет, возглавляемый Маццини и Саффи; 7) Общество «La vraie Démocratie», возглавляемое Ледрю-Ролленом; 8) Социалистический комитет «La Révolution», возглавляемый Луи Бланом; 9) Центральный республиканско-военный комитет, возглавляемый полковником Шаррасом; 10) фракция Виктора Гюго; 11) Польское литературное общество; 12) Комитет делегатов польской централизации, возглавляемый Ворцелем, издателем „Democrata Polski" (находится в оппозиции к „аристократическому" Литературному обществу); 13) Комитет польских социалистов, возглавляемый Л. Саваскевичем; 14) Русский агитационный комитет, возглавляемый Герценом, и, наконец, 15) Братский союз славян, возглавляемый Герценом и Стоевичем...».

16 августа 1853 г. корреспондент сообщал из Лондона в номере от 23 августа 1853 г.: «Я писал вам недавно о стремлениях ряда славянских революционеров, образовавших здесь среди всех ветвей славянского народа, в результате подстрекательства Герцена, новое общество для распространения славянского национального духа, общество, поставившее своей главной задачей воздействовать на австрийских славян в духе „истинной национальной свободы". Кажется, я уже сообщал вам, что это общество имеет намерение, для проведения интеллектуальной пропаганды, выпускать революционную славянскую газету, которая должна будет представлять „общие интересы семьи славянских народов". Сегодня у меня в руках находится объявление об издании этого периодического листка, — в виде прокламации, озаглавленной „Нашим славянским братьям всех племен" и переведенной на немецкий язык». Далее автор корреспонденции цитирует несколько фраз из этого воззвания.

В корреспонденции от 12 сентября 1853 г. (номер от 17 сентября) сообщалось: «В прошлое воскресенье состоялось первое заседание нового „Республиканско-славянского объединения" на City-Road. „Программа", которая была предложена там Герценом, Ворцелем, Базурой и Талькевичем, более или менее аналогична уже сообщенной вам мною недавно программе „Новой славянской газеты"; как меня заверили, она начнет выходить с 1 октября. Герцен принимает меры для привлечения богемских и сербских наборщиков, которые, как он объявил на этом собрании, приедут в Лондон в конце месяца. Он значительно расширил свою русскую типографию, а также снабдил ее двумя станками, предназначенными для печатания богемских и сербских изданий, причем вышеназванный Талькевич — серб по происхождению — привлечен в качестве familus'a* Герцена, так как последний несведущ в сербском языке. К Кошуту и мадьярской пропаганде это „Славянское общество" находится в сильнейшей оппозиции ‹...› Герцен подготовил также новое издание известного революционного сочинения Бакунина — „Призыв к славянам", обнародованного им в 1848 г., и предпослал ему „современное" предисловие, в котором, естественно, встречаются в самых прихотливых вариантах излюбленные лозунги: „К оружию!", „Смерть тиранам!", „Да здравствует славянская свобода!" и т. д.».

16 января 1854 г. (в номере от 20 января) лондонский корреспондент писал: „Мне снова сообщают — как о достоверном факте — об отъезде Высоцкого в Константинополь. Меня уверяют даже, что он вступил в сношения с известным русским демагогом Герценом „с целью пропаганды в русской армии", выступающей в настоящее время против турок. К этому добавляют, что Герцен дал Высоцкому для распространения в Валахии его последнюю прокламацию „К русской армии", которая, по словам «Democrata Polski" не замедлит произвести глубокое впечатление **.

Мы находим также в последнем номере периодического листка „L'Homme" прокламацию Герцена, озаглавленную „Aux frères russes". Герцен безумно стремится добиться революционного „примирения" между поляками и русскими, предлагает русским вступить в заговор с ним и с польскими демократами и освободить Россию от ее „азиатской тирании". „Вы должны, — восклицает Герцен в конце этого зажигательного сочинения, — вы должны принять протягиваемую вам руку и вступить в сношения с нами..."».

Помимо перечисленных корреспонденций «Neue Preussische Zeitung», в коллекции Полторацкого содержится еще несколько не представляющих особого интереса вырезок о Герцене из газет: «Estafette» от 16 октября 1853 г., «Magazin für die Literatur des Auslandes» (№№ 41 и 45) от 5 апреля и 9 мая 1854 г., «Allgemeine Zeitung» (?) от 10 мая 1855 г., «Le Siècle» от 25 октября 1857 г., «La France litteraire, ou dictionnaire bibliographique» от ноября 1853 г. (см. XVIII, 54).

---

* помощника (лат.).

** К этому месту редакция «Neue Preussische Zeitung» сделала следующее примечание: «Мы посоветовали бы при случае г. Герцену лично раздавать прокламации на казацких аванпостах, — мы уверены, что казаки надлежащим образом вознаградили бы его за эту услугу».

ПЕРЕПИСКА М. К. ЛЕМКЕ С НАСЛЕДНИКАМИ ГЕРЦЕНА

ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» И «ПУШКИНСКОГО ДОМА»*

Обзор В. И. Кулешова

1

Революция 1905 г. сделала имя Герцена «легальным» в России. Старший сын писателя, Александр Александрович, передавший еще в 1894 г. Ф. Ф. Павленкову право на издание сочинений своего отца в России, писал М. К. Лемке 12 октября 1905 г.: «Первая, главная цель наша была *проломить цензурный лед* во что бы то ни стало...» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 295, л. 1 об.) Но цель эта была достигнута лишь отчасти: цензура сделала свое дело, и семитомное, далеко не полное издание фирмы Павленкова вышло в 1905 г. с сильно изуродованным текстом.

Потребность в новом полном издании сочинений Герцена делалась все ощутительней. В марте 1907 г. внук Герцена, Николай Александрович Герцен, обратился от лица всех наследников писателя к М. К. Лемке с предложением взять на себя редактирование полного собрания сочинений. «Признавая необходимость иметь в качестве редактора человека, знакомого основательно с произведениями моего деда, как и вообще с историей литературы того времени,— писал он,— мы остановились на вас, как на человеке, наиболее соответствующем этому званию, в случае, конечно, согласия с вашей стороны взять на себя эту довольно сложную обязанность» (ИРЛИ, ед. хр. 306, л. 8—8 об.). В письме от 9 сентября того же года, получив утвердительный ответ от Лемке, давно уже мечтавшего издать Герцена «так, как ни разу никто не издавал в России» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 66 об.), Н. А. Герцен снова возвратился к этому вопросу: «Я очень счастлив, что вы согласились взять на себя редактирование задуманного издания произведений моего деда, и я сердечно благодарю вас за это не только от своего лица, но также и от имени всех наших. Мы все имеем также очень большое доверие к вашим знаниям, вашей добросовестности и вашей преданности памяти Герцена, и мы уверены, что

---

* Используемые в настоящем обзоре неопубликованные материалы из переписки Лемке с наследниками Герцена (в период подготовки ими собрания сочинений и писем Герцена) хранятся в двух разобщенных фондах. Письма Лемке входят в «пражскую коллекцию» и хранятся вместе со всем фондом в Москве, в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 325 — 340). Здесь же копии и черновики некоторых адресованных Лемке писем Натальи Александровны Герцен (дочери), черновики проектов договоров с издателями, карточки-запросы Лемке, сводная таблица поступивших запросов с отметками о результатах поисков и т. п. Вся эта часть коллекции насчитывает более трехсот листов. Вторая часть переписки — ответы Н. А. Герцен и других наследников — находится в Ленинграде, в фонде М. К. Лемке, хранящемся в Институте русской литературы АН СССР («Пушкинском доме» — ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 295—307). Здесь же письма к Лемке М. О. Гершензона, Г. Н. Вырубова, Г. П. Георгиевского и других по поводу издания и специальная папка с коллекцией иллюстраций для собрания сочинений (ед. хр. 21).

под вашим управлением и благодаря вашим заботам Россия будет, наконец, иметь вполне удовлетворительное издание произведений ее великого изгнанника» (ИРЛИ, ед. хр. 306, л. 12, подлинник на франц. яз.).

В договоре, который был заключен между Лемке и наследниками, первый был официально объявлен редактором, последние — издателями. Лучшего редактора нечего было и искать. Знаток архивов и истории русского революционного движения 1840—1860-х годов, энтузиаст в работе, неутомимый исследователь, Михаил Константинович *Лемке* (1872—1923) еще в предреволюционные годы был известен демократизмом своих взглядов. Именно это помогло ему понять и оценить Октябрьскую социалистическую революцию и на пятидесятом году вступить в Коммунистическую партию, «которой,—как он сам говорил, — суждено перевернуть весь мир». «Я горжусь, — писал он Н. А. Герцен 31 декабря 1922 г., — что хоть под конец своей жизни включил себя в ряды людей, героически и твердо борющихся против мировой буржуазии» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 200—200 об.). Работы Лемке по истории русского революционного движения, журналистики, царской цензуры, насыщенные богатым архивно-документальным материалом, широко известны и сохраняют до сих пор свою научную ценность.

Не будем останавливаться на многих мытарствах, которые уже на первых порах претерпел Лемке при подготовке полного собрания сочинений Герцена: возникла судебная тяжба с душеприказчиками фирмы Павленкова, считавшими, что им принадлежит монополия на издания Герцена; были у Лемке столкновения и с так называемым «кружком Герцена», руководимым В. Я. Богучарским, Ф. И. Родичевым и др. Кружок этот пытался подорвать кредит нового издания выпуском «Былого и дум» от своего имени. Лемке в письмах к дочери Герцена, Наталье Александровне, разоблачил этот кружок, состоявший «сплошь из кадетов» и популяризировавший «один бок Герцена, поскольку он отвечает „кадетским" надеждам». «Я горд тем,— писал Лемке,— что дам Герцена без всякой помощи от *такого* кружка» (там же, лл. 28 об. и 122 об.). После неудачных переговоров с издателями Вольфом, Марксом, братьями Цейтлиными («Просвещение») и Сытиным, боявшимися рисковать капиталами на издание «крамольного» Герцена, Лемке, наконец, договорился с фирмой Стасюлевича, взявшей обязательство немедленно выпустить в свет все издание, как только истекут права фирмы Павленкова. Это должно было произойти в 1915 г. Пока же Лемке принялся готовить все издание, том за томом, чтобы в нужный момент пустить их одновременно в машину. Как известно, начавшаяся мировая война помешала своевременному выходу этого издания. В 1915 г. вышло всего восемь томов, а остальные четырнадцать появились уже при советской власти (последний том — в 1925 г.).

Лемке еще при предварительном обсуждении договора решительно отказался от всякого вознаграждения за свой труд. В письме к Н. А. Герцен от 18 октября 1913 г. он писал: «Я, как и раньше заявлял, много лет назад, отказываюсь категорически и бесповоротно от всякого редакторского и другого гонорара, желая видеть в своем десятилетнем, ко дню выпуска издания в свет, труде дань памяти Герцена, а отнюдь не какое-либо одолжение его наследникам. Пусть эта работа будет сделанной только от сердца, а не от чего-нибудь другого» (там же, л. 30 об.).

Взаимоотношения между редактором и наследниками не лишены были некоторой «романтики»... «Частенько, особенно теперь, когда я весь ушел в вашего отца,— писал Лемке к Н. А. Герцен 27 апреля 1912 г., — смотрю я на вашу карточку и на карточку Николая Александровича, и много дум и много чувств возбуждают эти лица дочери и внука величайшего из русских писателей...» (там же, л. 1). До осени 1912 г.

М. К. ЛЕМКЕ У Н. А. ГЕРЦЕН В ЛОЗАННЕ ЗА РАЗБОРОМ РУКОПИСЕЙ ГЕРЦЕНА

Фотография 1912 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

знакомство было только заочным. 25 сентября того же года, собираясь в Швейцарию, Лемке писал Н. А. Герцен: «Я начинаю волноваться в ожидании нашей встречи, встречи человека, десять лет положившего на изучение того, что̀ люди, которых он увидит, знают, как свои пять пальцев» (там же, л. 2). Лемке не владел французским языком, и поэтому было условлено, что при выходе из вагона в Лозанне он будет держать книгу в зеленом переплете, по которой встречавшие его могли бы догадаться, что это и есть «редактор Лемке»...*

Главной целью поездки Лемке за границу было личное ознакомление с семейным архивом Герценов и переговоры с наследниками по различным вопросам, связанным с изданием. Еще до начала своей работы над Герценом Лемке заставил наследников заняться обследованием семейного архива, перебрать все папки и связки. Наследники Герцена далеко не так хорошо разбирались в имевшихся в их распоряжении материалах, как вначале предполагал Лемке. 11 октября 1912 г., в связи с намерением Лемке приехать в Лозанну, Н. А. Герцен откровенно призналась в письме к нему: «Вы, кажется, думаете, что много узнаете от нас, т. е. что мы многое вам *разъясним*, а *мы* думаем как раз наоборот, и мы уверены, что *мы* гораздо больше узнаем *от вас*, чем вы от нас,—изо всего того, что касается отца, его друзей, его деятельности и т. д.» (ИРЛИ, ед. хр. 297, л. 6).

В Лозанне Лемке впервые ознакомился по автографу с пятой частью «Былого и дум», сделал отметки во французском «Kolokol» для снятия копий, выверил некоторые копии. Еще из Петербурга он писал Н. А. Герцен: «Очень буду благодарен вам за все те копии, которые вы сделаете к моему приезду: это сильно облегчит мою работу в Лозанне» (письмо от 25 сентября 1912 г.— ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 2 об.). Копии присылались с пропусками — Лемке должен был знать, чтб именно пропущено, какие имена скрывались под вымышленными инициалами в копиях. Об этом Н. А. Герцен делала самые общие предупреждения в письмах к Лемке. Наконец, надо было договориться при личной встрече с наследниками относительно некоторых подробностей в письмах Герцена, касающихся отношений с Н. А. Тучковой-Огаревой. О «лозаннских беседах» на эту тему Лемке вспоминал впоследствии в письме к Н. А. Герцен от 17 апреля 1914 г. (там же, л. 128). Из Лозанны Лемке вывез большое количество копий.

После отъезда Лемке из Лозанны Н. А. Герцен писала ему 13 декабря 1912 г.: «Работа продолжается, мы уже кончаем польский архив» (ИРЛИ, ед. хр. 297, л. 19 об.). Несомненно, речь шла о материалах, касающихся взаимоотношений писателя с польскими революционерами. Материалы были собраны польскими эмигрантами в городе Рапперсвиле (Швейцария), в музее, и специально были выписаны к приезду Лемке. Николай Александрович писал Лемке 2 сентября 1912 г.: «Не забудьте сообщить мне *своевременно* день и число вашего приезда сюда, чтобы я мог заранее выписать нужные бумаги из Рапперсвильского музея. Я выпишу также и письма к Ворцелю и вообще все, что имеется в этом музее Герцена и о Герцене» (там же, ед. хр. 307, л. 32 об.). Следует сказать, однако, что и после «ревизии» Лемке встречались сюрпризы: в ноябре 1914 г., когда многие тома издания уже были в наборе, Лемке был, по его словам, повергнут «не только в восторг, но и в ужас» следующим сообщением Н. А. Герцен: «Открытие!!!! Пачка писем моего отца, большею частью к Огареву 1868—1869 гг. Открыла я

* Время пребывания Лемке в Лозанне может быть установлено лишь приблизительно. Приехал он, повидимому, 24 октября 1912 г. (см. в письме к нему Н. А. Герцен от 20 октября 1913 г.: «Ровно год тому назад вы садились в вагон, направляясь в Лозанну».— ИРЛИ, ед. хр. 299, л. 12). Время отъезда Лемке из Лозанны точно установить не удается. По всей вероятности, это произошло около 7—8 ноября 1912 г.

их на чердаке в сундуке, наполненном бумагами; они оказались в картоне в полном порядке. Я и не подозревала об их существовании. Рылась на чердаке, и вот какой клад откопала» (там же, ед. хр. 301, л. 41. — Письмо от 9 ноября 1914 г.).

Редактор и наследники организовали сбор материалов также и на стороне. По предложению Лемке, весной 1913 г. было составлено и отпечатано специальное объявление или, вернее, обращение за подписью Натальи Александровны и Николая Александровича Герценов — «По поводу первого полного собрания сочинений А. И. Герцена», которое было разослано в редакции русских и заграничных изданий. В этом обращении, между прочим, говорилось:

«Предоставив М. К. Лемке весь хранящийся у нас и наших родственников архив и все прочие материалы, заручившись таким же содействием ему со стороны наших друзей и лиц, близких покойному Герцену, мы обращаемся с просьбой ко всем лицам и общественным учреждениям оказать ему и с их стороны всякое возможное содействие.

Для редактора предпринимаемого издания весьма важна буквально каждая строчка Герцена, будь то неизвестное сочинение, письмо, записка, автограф на книге или портрете и т. п. Каждая мелочь представляет свое серьезное, а иногда и большое значение.

Поэтому мы убедительно просим всех, кто имеет хоть какой-нибудь *автограф* А. И. Герцена, не отказать сообщить об этом Михаилу Константиновичу Лемке ⟨...⟩, а если бы ему понадобилось, то предоставить и самый оригинал для скорейшего снятия копии. Копии, тщательно снятые самими обладателями таких материалов, тоже, конечно, ценны, но опыт показал, как вообще недостаточно хорошо разбирается почерк Герцена и насколько для редактора издания важна личная сверка копии с оригиналом. Не рискующие присылать частному лицу свои материалы могут направлять их в Рукописное отделение Библиотеки императорской Академии наук, с указанием, что они посылаются для снятия копии и ознакомления М. К. Лемке и после того должны быть возвращены Отделением по такому-то адресу ⟨...⟩

Кроме рукописных материалов, большое значение имеет и все когда и где-либо *напечатанное* с именем Герцена или его псевдонимами. Возможно, что кто-нибудь обладает изданием доселе неизвестного произведения или известного, но в другом издании. Мы будем весьма признательны за точные библиографические указания о такого рода изданиях.

У многих лиц и общественных учреждений имеются до сих пор не напечатанные произведения и письма *современников Герцена* (1812—1870), в которых заключаются упоминания о нем или его сочинениях. Сообщение М. К. Лемке выписок из таких материалов не менее ценно.

Наконец, важны точные указания на *иностранную литературу* (книги, брошюры, листки, журналы и газеты) о Герцене и его сочинениях...» (ЦГАЛИ, ед. хр. 332, л. 1).

Сами наследники организовали довольно широкую корреспондентскую сеть: поручали разным лицам просмотр комплектов старых изданий в Париже, Женеве, Лондоне и других городах, переписывались с Рапперсвильским музеем, с музеем, основанным князем Д. И. Бебутовым в Берлине *, где хранились материалы о Герцене, и т. п.

Лемке приходилось «инструктировать» наследников, в особенности главного своего помощника, Наталью Александровну Герцен, где и как вести розыски материалов, каким образом снимать копии, какие резюме

* Сведений о кн. Бебутове, с которым был лично знаком Лемке, и о его музее нам собрать не удалось. В просмотренных нами справочниках по Берлину музей Бебутова не обозначен.

из иностранной периодики о Герцене присылать ему. При этом Лемке предупреждал, что многие его «заказы» могут оказаться неточными, так как он часто делает их не по первоисточникам, а по доступной ему литературе.

По всем важнейшим вопросам издания, расположения материала, характера комментария Лемке советовался с наследниками. С ними был согласован и положенный Лемке в основу издания хронологический метод публикации сочинений и писем Герцена. «Все идет в хронологическом порядке написания сочинений и писем, — сообщал он Н. А. Герцен 12 мая 1913 г.— Написанное не по-русски и самим Герценом по-русски не напечатанное идет на языке оригинала и в переводе. Письма идут вместе с сочинениями, вперебивку. Хронологически развернется Герцен перед читателем, и тогда только поймут этого гениального человека» (там же, ед. хр. 327, л. 66 об.).

«Ах, хорошо все как выходит у меня, так — просто пальчики оближет публика! Сам вижу, что хорошо! — писал он в другом письме, от 15 января 1915 г. — И все благодаря хронологическому методу расположения материала. Он делает прямо чудеса, но не бьет в глаза, а так, постепенно, открывает всего Герцена» (там же, л. 158 об.).

Доведенный до крайностей и все же далеко не последовательно осуществленный, хронологический метод подачи материала оказался, однако, самым уязвимым местом в издании Лемке.

Вопрос о том, как обойти цензурные рогатки, постоянно вставал перед редактором. 28 января 1913 г. Лемке поделился с наследниками возникшей у него идеей. «Я придумал,— писал он,— как сделать нецензурно *полного* Герцена, и притом как следует. Надо поставить издателю условие, чтобы все, что я выпущу в русском издании собрания, он отпечатал тем же форматом в виде дополнительного тома за границей; этот том будут доставать себе все, кто действительно интересуется *полным* Герценом... Мысль эта мне очень нравится, а друзей моих она приводит прямо в восторг» (там же, ед. хр. 327, л. 63 об.)*.

Издавать за границей том с дополнениями, как известно, не понадобилось: после Великой Октябрьской революции все цензурные купюры были восстановлены и приложены на отдельных листках к вышедшим томам собрания сочинений — как к перепечатанным заново по матрицам, так и к оставшимся на складе от первого тиража.

31 декабря 1913 г. Лемке писал Н. А. Герцен: «Как бы вы предпочли указывать место нахождения оригинала тех бумаг и писем, которых копии я от вас или других членов семьи получил? Я не имею точного указания, у кого они: у вас, Николая Александровича, мадам Терезы ⟨вдовы А. А. Герцена⟩ или Ольги Александровны, да и не думаю, чтобы это было хорошо для читателя. Гораздо солиднее, если говорить: „Хранится в семье Герцена", или: „У детей Герцена", или: „В семейных бумагах Герцена". Выберите и мне сообщите — я должен придерживаться одной формы» (там же, л. 82). Выбрано было обозначение: «АСГ», т. е. «Архив семьи Герцена». Это решение оказалось весьма неудачным, так как некоторые материалы хранились не в Лозанне, а в Версале у О. А. Моно и в других местах, и все это оказалось скрыто под общим обозначением «АСГ», что затрудняет теперь розыски материалов, не вошедших в «пражскую» и «софийскую» коллекции и оставшихся за рубежом.

Военные события 1914—1918 гг. сильно затруднили переписку Лемке с его иностранными корреспондентами. Немало писем и посылок с мате-

---

* Такой же совет — напечатать за границей дополнительный том, содержащий свод цензурных искажений,— дал Н. А. Герцен известный библиограф Н. А. Рубакин в письме от 27 сентября 1913 г. (там же, ед. хр. 308, л. 1—1 об.).

риалами пропало *. Все находившиеся за границей помощники замолкли. Вдобавок и сам Лемке был вскоре мобилизован.

Февральская революция 1917 г. сильно взволновала наследников Герцена. Н. А. Герцен телеграфировала Лемке 7 апреля 1917 г.: «Vive Russie libre!»**. А 15 апреля было послано письмо:

«Россия воскресла! воистину воскресла!— и, думая об этом, я молодею от радости и счастья ⟨...⟩, т. е. душа моя молодеет — *оболочка* же — другое дело, ее не поправишь ⟨...⟩.

Говорят, что „Марсельезу" все поют в России теперь, но никто не мог доставить мне слова *русские* до сих пор. Если б не трудное, утомительное и опасное путешествие благодаря войне, я была бы уже в Москве (все мои туда же стремятся) и у вас в Петрограде. Приходится ждать. А пока повторяю:

„Россия воскресла!"

„Воистину воскресла!" — и обнимаю вас и всех ваших. Племянник Николай просто с ума сходит от счастья, думая о России!» (ИРЛИ, ед. хр. 304, лл. 5 об. — 6).

Однако решительный шаг — переезд в Россию — своевременно не был сделан. Дочь Герцена осталась в Лозанне, в атмосфере, которая была отравлена ложью и злобной клеветой империалистической буржуазии на молодую республику Советов. Н. А. Герцен не смогла понять великий исторический смысл Октябрьской революции.

Советское государство национализировало наследие русских классиков, и в том числе сочинения Герцена, как свое законное достояние. Это вызвало недовольство у некоторых наследников Герцена. Издание, подготовлявшееся много лет и оборвавшееся на девятом томе, теперь не только быстро стало выходить в свет, но, по постановлению Комиссариата народного просвещения, в спешном порядке было повторено массовым тиражом по старым матрицам.

Понимая, какую важность представляло теперь приобретение семейного архива, Лемке неоднократно пытался завязать переписку с Натальей Александровной, но не получал ответа. Одно из писем Лемке, от 31 декабря 1922 г., сохранилось в архиве Н. А. Герцен. Сообщив, что «в момент нашей славной пролетарской революции» сочинения Герцена были национализированы, Лемке писал своей корреспондентке:

«Я не сомневался, что именно дети Герцена приветствуют горячо нашу пролетарскую социалистическую революцию, и потому счел своим долгом хлопотать о продолжении издания под своей же редакцией. Здесь уже выбора не было — никто, кроме меня, продолжить этого дела не мог, а я сам всей душой был на стороне революции, что и доказал вступлением своим в Российскую коммунистическую партию.

Было заключено условие, по которому государство купило от наследников Герцена все нераспроданные еще экземпляры изданных тогда первых восьми томов. Мною были получены деньги и положены на текущий

---

* К сожалению, трудно сказать, какие именно материалы погибли. О самом факте мы знаем из глухих упоминаний в письмах Н. А. Герцен к Лемке от 6 марта и 3 апреля 1915 г. (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 302, лл. 5 об. и 8). В последнем письме она сама просит разъяснений у Лемке, по прочтении присланного им для просмотра в Лозанну предисловия к отпечатанному первому тому: «Вы пишете (в том же „заключении"): „Отправленные ими (т. е. нами) в период начала европейской войны важные материалы пропали". *Какие* материалы пропали? Вы об этом в первый раз говорите». В письме от 2 мая того же года Н. А. Герцен жалуется на то, что Лемке не ответил на ее вопрос в предыдущем письме, и тут же предлагает: «Не лучше ли сказать в предисловии о том, что по обстоятельствам военного времени вы не могли получить некоторых материалов?» (там же, л. 10). Не знаем, что ответил Лемке и ответил ли он вообще. Но в предисловии к первому тому он все же оставил упоминание о пропаже материалов.

** «Да здравствует свободная Россия!» (франц.).

счет в банке, чтобы перевести вам их при первой возможности. Но вот в 1919 г. банки были национализированы и деньги канули в Лету. Из прилагаемого отчета вы увидите, что пропало таким образом по тогдашней валюте 108 393 рубля, что, в сущности, по ценам тогдашнего времени равнялось около 30 000 рублей золотом ⟨...⟩

В данное время издание наше заканчивается: сейчас выходят в свет XX и XXI тома и начат печатанием последний, XXII, который, как вы помните, должен свестись к разного рода указателям, индексам и прочему ориентировочному материалу. Дело можно считать почти законченным. Кризис типографский и бумажный затянул все дело на несколько лет. Только благодаря твердому решению правительства докончить начатое дело мы имеем возможность читать теперь Герцена. Таково же было отношение правительства и к памяти Герцена в 1920 г., когда оно по всей стране организовало весьма торжественные поминки по случаю пятидесятилетия смерти, и особенно в Москве, где и я выступал публично. Тогда же правительство послало вам особую телеграмму — не знаю, получили ли вы ее, как и Ольга Александровна ⟨...⟩*

Теперь, когда наша несчастная страна, перенесшая тяжелую блокаду Запада и гражданскую войну со стороны всех сторонников самодержавия и капитализма, вступила твердо на путь творческой новой жизни, когда оно ⟨правительство⟩ всячески поощряет науку и литературу, когда оно заинтересовано в накоплении у себя культурных ценностей и может себе позволить этот расход,— очень понятно, что перед правительством пролетарской республики стал вопрос о приобретении в свою собственность всего духовного наследия своих видных учителей и в том числе Герцена. Правительство ⟨...⟩ поручило мне предложить вам и членам вашей семьи войти со мной в предварительные переговоры по приобретению всего архива Герцена.

Надо ли доказывать, что именно у нас он должен быть, что нам он дорог, что именно мы должны его приобрести? Полагаю, что эта сторона вопроса не возбуждает у вас никаких сомнений.

Что касается суммы, которую вы определите, то она зависит от вас, и, по-моему, вы имеете нравственное право учесть потерю суммы, лежавшей на текущем счету на мое имя, но принадлежавшей вам, как это ясно из прилагаемого отчета.

Самая передача могла бы происходить, я думаю, таким путем: мне хорошо известно содержание всего архива, поэтому, вероятно, меня и командирует правительство для оформления этого дела и для приема самого архива и перевозки его в Россию.

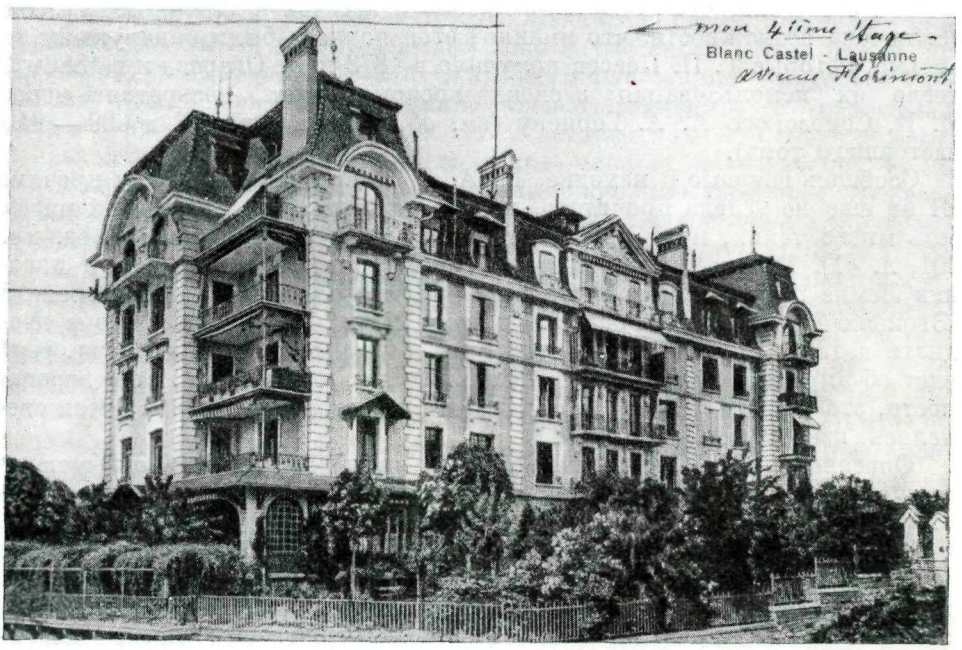
Очень был бы рад повидаться с вами и обо многом побеседовать. Думаю, что и вы, как очень многие, слышите о нас такой вздор, такой свист людей, которым пролетарская республика оказалась мачехой за их отношение к нуждам и интересам трудящихся масс, что такая беседа немало разъяснит вам, насколько и кто прав объективно.

---

* В январе 1920 г., когда еще шли бои на фронтах гражданской войны, страна отмечала пятидесятилетие смерти Герцена. Под редакцией Лемке в издании Музея революции в Петрограде 21 января была выпущена «однодневная газета памяти А. И. Герцена» под названием «Колокол». В разделе «Герцениада» напечатано несколько заметок, несомненно написанных Лемке. «Архив семьи Герцена,—читаем мы в одной заметке,— при первой возможности будет подготовлен Натальей Александровной Герцен при содействии М. К. Лемке к перевезению в Россию. Обширность и важность этого архива совершенно исключительны». В заметке «Живые дети Герцена» тепло говорится о «патриархе» фамилии — Наталье Александровне: «Как страстно чтит Наталья Александровна память своего отца и является верной хранительницей всего громадного его архива! С какой любовью, с какой нежностью она пересматривает эти заветные бумаги и рукописи, как рада каждому, кто проявляет интерес к Герцену!.. Богатству материалов, данных редактором издания в его комментариях, наша родина обязана преимущественно ей».

Я сам долго крепился, долго и вдумчиво осматривался, долго исследовал существо революции и кончил тем, что год назад вступил в партию, которой суждено перевернуть весь мир. Совершив этот шаг на пятидесятом году своей жизни, ни к чему не обязанный, ничем внешним не толкаемый, я горжусь, что хоть под конец своей жизни включил себя в ряды людей, героически и твердо борющихся против мировой буржуазии» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, лл. 199—200 об.).

Ответила ли Н. А. Герцен на это письмо—неизвестно. В архиве Лемке следов никаких нет. Но в «пражской коллекции» имеется два идентичных экземпляра ответа, датированного 5 февраля 1923 г. Возможно, что перед



ДОМ В БЛАН-КАСТЕЛЕ В ЛОЗАННЕ, ГДЕ ЖИЛА Н. А. ГЕРЦЕН
Вид на открытом письме, посланном Н. А. Герцен М. К. Лемке 3 октября 1912 г.
Стрелками Н. А. обозначила свою квартиру (верхний этаж)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

нами оригинал и копия неотправленного письма. В этом письме Н. А. Герцен отказывалась вести переговоры с Лемке (там же, ед. хр. 328, лл. 13 и 14).

2

Из переписки Лемке явствует, что при издании собрания сочинений ему приходилось постоянно сталкиваться с недостаточной осведомленностью наследников Герцена о том, что̀ хранится в их семейном архиве, и с их «домашней цензурой», которой они пытались подвергнуть многие материалы, так или иначе, по их мнению, компрометирующие семью.

В начале переписки А. А. Герцен предупреждал Лемке: «Вы совершенно ошибаетесь, предполагая, что у меня находится еще богатый материал, относящийся к жизни или к деятельности моего отца: *кроме неизданной тетради „Былого и дум“* (которую мы порешили не выпускать, во всяком случае прежде 1920 г.), *у меня нет ничего*, и все, что находилось у меня, находится теперь в Москве, в Румянцевском музее» (письмо

от 12 октября 1905 г.— ИРЛИ, ед. хр. 295, л. 1). Однако при детальном ознакомлении с семейным архивом впоследствии удалось выявить значительное число новых материалов. Вспомним обнаруженные Н. А. Герцен в ноябре 1914 г. на чердаке лозаннского дома пачки писем Герцена к Огареву. «Значит, есть еще места, вами не обследованные?— писал не без укоризны ей в ответ Лемке.— Пожалуйста, поспешите убедиться, что больше нет таких мест и все разобрано» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 152).

Н. А. Герцен в письме от 26 декабря 1914 г. разъясняла: «Найденная мною пачка, повидимому, была отложена особо моим братом ⟨...⟩ Как только письма будут переписаны, я их пришлю вам» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 43).

Она сообщила, что найденные письма относятся к 1868—1869 гг. Не исключена возможность, что именно в этой пачке и были обнаружены те письма, которые Т. П. Пассек получила в 1873 г. от Огарева и в 1886 г., после их использования в своих воспоминаниях, возвратила через М. И. Семевского А. А. Герцену (см. об этом на стр. 603 и 609 — 610 настоящего тома).

Сообщая впервые о находке, И. А. Герцен заметила, между прочим: «Я их еще не успела прочитать, но мне кажется, что среди этих писем есть много таких, которые не могут быть напечатаны» (там же, ед. хр. 301, л. 41). Можно предполагать, что часть этих недостающих в издании Лемке писем Герцена к Огареву публиковалась в советское время в «Звеньях» и в т. 61 «Литературного наследства». Характерно, что в двадцати недавно опубликованных письмах к Огареву за 1868—1869 гг. речь идет об интимной драме самой Натальи Александровны. По всей вероятности, это отчасти и явилось причиной того, что не вся пачка писем сделалась известной Лемке.

Опасаясь публикации материалов, в какой бы то ни было степени компрометирующих родственников Герцена, наследники писателя постоянно проявляли повышенный интерес к новонайденным материалам о Герцене. Когда бумаги покойной Н. А. Тучковой-Огаревой поступили к М. О. Гершензону, Лемке немедленно ознакомился с имевшимися там письмами Герцена. «Как же вы нам не сказали об этом?— писала из Лозанны Наталья Александровна Герцен.— Гершензон желает напечатать эти листки и говорит, что вы согласны; он спрашивает у нас разрешение. Я написала ему, что если вы согласны, то и мы согласны, и чтобы он раньше прислал нам копию, чтоб иметь представление, о каких листках идет речь» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 11).

В письме от 9 октября 1907 г. Николай Александрович Герцен посвятил Лемке в суть своих опасений. «В сущности, — писал он, — пресловутая пятая часть ⟨«Былого и дум»⟩ не содержит ничего компрометирующего Н. А. ⟨Герцен-мать⟩. И если мы до сих пор не желаем издавать ее, то делаем это во избежание неприятной полемики с наследниками Гервега. Дело в том, что последний выставлен в далеко не благородной и очень компромстирующей его роли, о чем родные его догадываются, и нам известно, что они ни перед чем не остановятся, чтобы выгородить своего деда. Вот настоящая причина, побуждающая нас пока не печатать этой части. Другое дело, если они начнут, — тогда, во имя истины, мы, может быть, вынуждены будем сделать это...» (там же, ед. хр. 306, лл. 17 об.— 18) *.

---

* 15 сентября 1907 г. Лемке писал Н. А. Герцену: «Да, считаю нужным сообщить вам, *но совершенно конфиденциально*, что „Былое“ имеет случай приобрести подлинники писем Гервега и сделает это, чтобы их никогда не печатать, если вы предоставите им право напечатать пятую часть „Былого и дум“. Меня просили поддержать эту мысль (кажется, Гершензон на стороне „Былого“ в этом вопросе), но я думаю о ней иначе и нарочно скрыл свое мнение, сообщая о нем *только вам*. По-моему, вам не следует раз-

По поводу публикации писем Герцена, в которых встречались неблагоприятные для Н. А. Тучковой-Огаревой отзывы, между Лемке и Н. А. Герцен развернулась продолжительная дискуссия. Пока Тучкова-Огарева была жива, Лемке сам шел на компромисс и считал, что не все сведения о ней, содержащиеся в переписке, должны быть раскрыты читателю. Он писал Наталье Александровне Герцен 12 мая 1913 г.: «Я думаю, что надо отложить все те письма, в которых сказано больше, чем напечатано в „Вестнике Европы"*, и если это большее таково, что проливает свет на отношения к Огаревой и пр. Это не значит, что я буду придираться к словам, но важно не дать возможности кому-нибудь после выхода нашего издания писать, что в таком-то письме пропущено то, в другом — другое, и таким образом, под видом критики рассказать то, что мы считаем пока неуместным» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 67)**. 30 декабря 1913 г. Огарева умерла. Лемке придерживался мнения, что теперь нет оснований скрывать правду о ее трагической роли в судьбе Герцена. 22 января 1914 г. он писал Н. А. Герцен: «Смерть Огаревой развязывает нам руки, и теперь, полагаю, в отношении всего, что говорит Герцен о ее роли в его жизни, можно быть свободнее. Это важно для изучения Герцена и для того, чтобы знать, какая гиря тянула этого человека вниз, когда он стремился вверх» (там же, ед. хр. 327, л. 88).

Н. А. Герцен ответила на это, как отвечала и прежде в подобных случаях: «Я все-таки думаю, что о роли Огаревой в жизни отца нужно писать с осторожностью. Нужно помнить, что она очень страдала и что все-таки ей были присущи и хорошие стороны. Кое-что можно опубликовать, но, конечно, не все» (письмо от 7 февраля 1914 г.— ИРЛИ, ед. хр. 300, л.21 об.). Лемке отозвался следующим образом на это письмо: «Я хорошо понимаю чувства, руководящие вами, когда вы говорите, что Огареву надо щадить. Я понимаю это и по существу и поэтому сам призываю читателя в своих комментариях не бросать в нее камнем осуждения именно потому, что, никому не устроив жизнь лучше, она расстроила ее и себе первой. Это, как видите, влияние наших лозаннских бесед. Понимаю также, что очень резкие выражения по ее адресу можно удалить и *нужно*, но при всем этом надо же понять, что Герцен не будет понят читателями до тех пор, пока они не прочтут его же слов и писем о своей жизни с этой женщиной. Надо дать полное понятие о том, как она сломала эту жизнь и *кого* отняла у нас. Простите меня, но этот вопрос громадной важности, гораздо больше, чем память Огаревой» (письмо от 17 апреля 1914 г.—ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 128) Этот взгляд на Огареву, как известно, и был выражен Лемке в комментариях.

Подробному обсуждению подвергались в переписке и другие вопросы семейной жизни Герцена.

Н. А. Герцен писала Лемке 13 декабря 1912 г.: «Я изъяла из переписки целый ряд писем моего отца к ⟨моему⟩ брату, писем, в которых отец

решать печатание, чтобы не ослаблять интереса к будущему полному собранию сочинений, а если, действительно, появление пятой части находится в зависимости только от приобретения писем Гервега, то просто купить их через „Былое". Впрочем, я, главным образом, против того, чтобы „Былому" дать право печатания пятой части: с их стороны это просто афера для добывания подписчиков, число которых понижается заметно» (ЦГАЛИ, ед. хр. 326, л. 3 об.). Повидимому, речь идет о тех 20 письмах Гервега к Герцену, которые Лемке напечатал в примечаниях к «Былому и думам» (XIV, 34—89).

* Публикация писем Герцена, хранившихся в Румянцевском музее (дар А. А. Герцена), в «Вестнике Европы», 1907, №№ 6, 7; 1908, №№ 1, 2, 3.

** Сразу же после смерти Огаревой М. О. Гершензон писал Лемке: «Могу удостоверить, что Н. А. Тучкова-Огарева сама была за обнародование *всей* истины и не раз упорно говорила мне это. По-моему, вы можете печатать о покойнике все,—другое дело живые: Наталья Александровна, г-жа Моно, М. К. Рейхель» (ИРЛИ, ед. хр. 311, л. 51 и об.— См. также «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой. Л., 1929, стр. 498).

мой делает ему слишком строгие и не совсем заслуженные замечания. Если у вас встретятся такие же места в тех письмах, которые вы взяли с собою *, то прошу вас эти места выпустить. Я уверена, что мой отец сам отказался бы от этих жестких слов, если бы он увидел то научное положение и вообще те результаты, которых впоследствии добился мой брат. Я могу сказать, что брат мой в высшей степени совмещал в себе качества человека науки, общественного деятеля и что касается частной его жизни — примерного отца и мужа. Я уверена, что мой отец был бы против опубликования тех писем или тех мест в его письмах, в которых говорится о семейных *трениях* и вообще о слишком интимных семейных делах» (ИРЛИ, ед. хр. 297, лл. 19 об.— 20). Николай Александрович Герцен также предупреждал Лемке: «Нам ⟨...⟩ хотелось бы получить от вас уверение, что многое из того, что будет вам сообщено, не только не подлежит опубликованию, но даже не может быть предметом частных разговоров» (там же, ед. хр. 307, л. 10 об.).

Лемке пользовался каждым случаем, чтобы преодолеть излишнюю щепетильность наследников. В этом отношении характерно письмо его от 2 апреля 1914 г.:

«Теперь, после смерти Огаревой, вероятно, нет надобности пропускать некоторые места в письмах к Саше ⟨т. е. к А. А. Герцену⟩, где явно говорится о ней. Между тем, самих этих мест я не имею и не знаю, что в них. Например, в письме от 30 марта (1859 г.) из Фуляма, которое кончается замечанием о Качановском, мне неизвестно начало. Хотелось бы, чтобы вы пересмотрели теперь такие выпущенные места и дослали бы мне их, если считаете возможными для печати. Точно так же вы не прислали мне письма к Саше относительно его мысли жениться на Эмме Фогт**, а Пассек во втором томе говорит об этом *три* страницы. Точно так, как вы боялись назвать Нидергрубера, а у Огаревой он назван на двух страницах.

Нам надо стремиться к полной передаче ⟨истины⟩, где она не причинит горя или неприятности живущим или их детям. Что он побранивает Сашу за неаккуратность, за редкие и поверхностные письма и пр. — это очень важно, потому что показывает, как он следил за ним и его воспитанием, а Сашу это нисколько не унижает, потому что кто же не знает, что из него вышел выдающийся ученый, и кто не будет видеть из моих же комментариев, каким хорошим человеком он показал себя в жизни» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 124—124 об.).

«Что касается желания Александра Александровича жениться на Эмме Урих,— писал Лемке 17 апреля 1914 г.,— то, повторяю, об этом есть в литературе подробные рассказы и известно отношение по ним Герцена ⟨...⟩ Мадам Тереза вряд ли может быть в обиде ⟨...⟩ Там, где говорится о том, что бросает какую-нибудь тень на А. А. и из последующих писем не выясняется, что это не так, там, я понимаю, ⟨надо⟩ пропустить несколько слов, как, например, в письме от 30 марта, где он упрекает его в непередаче письма Фогт. Но таких случаев немного»—там же, ед. хр. 327, л. 127—128 об.).

Н. А. Герцен ответила Лемке уклончиво: «Письмо от 30 марта из Фуляма я поищу, просмотрю еще раз и тогда скажу, можно ли печатать или нет» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 2).

В издании Лемке этого письма нет: оно публикуется — под датой 20 марта 1860 г. — в следующем, 64, томе «Лит. наследства».

Николай Александрович Герцен предупреждал Лемке 26 мая 1912 г., что письма Герцена к приятельнице его, М. К. Рейхель, чрезвычай-

---

* Речь идет, повидимому, о копиях.

** Эмма Урих, родственница Фогтов.

М. К. ЛЕМКЕ
Фотография 1923 г.
Собрание В. М. Лемке, Ленинград

но интимны, «даже неудобно поручить их переписывать третьему лицу, и только незначительная часть их подлежит опубликованию» (там же, ед. хр. 307, л. 20 об.). А позднее, 5 июля, сообщал: «Что касается писем, то я послал с г. Ивановым-Разумником копии всех главных писем, остается, может быть, 3—4 десятка писем, которые не стоит переписывать» (там же, л. 25). Характерно разделение писем на «главные» и «неглавные» при подготовке полного собрания сочинений. Возможно, что часть именно этих писем опубликована теперь по «пражской коллекции» в 61-м томе «Литературного наследства».

Иногда копии присылались уже в «обработанном» виде. «Что же касается встречающихся в копиях фамилий,— сообщала Н. А. Герцен 19 мая 1913 г.,— от которых оставлена только первая буква, а остальное зачеркнуто, то объясняется это очень просто: в подлинниках имеются полные фамилии, но я просила Я. А. * оставить только первую букву, так как мне не хочется, чтобы эти лица, о которых говорится не всегда лестное, фигурировали под полными фамилиями» (там же, ед. хр. 298, л. 31—31 об.). Лемке оспаривал это решение и, в целом, стоял на принципиальной позиции, но иногда шел на вынужденные компромиссы, как это видно, например, из следующего письма: «Не всегда могу согласиться с вами относительно скрытия за первую букву всей фамилии. Это имеет значение только тогда, когда отзыв сделан резкий, но случайный, и притом до сих пор об этом лице такие же отзывы не появлялись уже в напечатанных сочинениях или письмах Герцена. В противном случае наша с вами деликатность будет впустую и только вызовет потом обвинение редактора в неумении прочесть фамилию. Во всяком случае, в каждом отдельном случае это придется нам с вами решить особо»** (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 66).

---

* Я. А. Зильберштейна, помогавшего снимать копии.

** Так, например, Лемке особо оговаривает «домашнюю» купюру в т. XIX, на стр. 402.

Иногда к Лемке присылались не копии, а только копии с копий. Вот письмо Н. А. Герцен от 19 мая 1913 г.: «Сестра ⟨Ольга⟩ мне прислала уже пачку копий писем отца к ней и к Мейзенбуг, но это только часть, да и то не подлинники, впрочем, копии сделаны очень аккуратной особой. M-elle Isabella Monod — лучший друг мой. На днях Я. А. ⟨Зильберштейн⟩ начнет переписку этих копий (так как сестра требует их обратно)» (ИРЛИ, ед. хр. 298, л. 32 об.). Можно полагать, что здесь мы встречаемся уже с двойной семейной цензурой. Недаром Н. А. Герцен писала Лемке 5 января 1914 г.: «Я забыла вас попросить, чтобы вы во всех письмах моего отца выпускали те места, где говорится о m-elle Meysenbug в том смысле, что она не хотела отдать Ольгу и препятствовала ей вернуться к отцу. Вы понимаете, что на самом деле все было гораздо сложнее. Французы говорят: „Cherchez la femme“*. Я бы сказала в данном случае: „Cherchez Наталью Алексеевну“. Вы ведь знаете, сколько дисгармонии она породила в нашей семье своею близостью к моему отцу. Ольга *сама* не хотела вернуться домой, зная, что тут около папаши находится Наталья Алексеевна. Все это объяснить публике невозможно, поэтому лучше совсем не говорить об этом и выпустить те места, где m-elle Мейзенбуг выступает в таком неприятном свете. Вообще прошу вас, когда у вас сомнение или затруднение, нужно ли и можно ли опубликовать то или иное место из писем отца, спрашивайте меня. У меня здесь оригиналы, я могу справиться и решиться, можно ли публиковать» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 5—5 об.).

Последнее слово в этих делах, повидимому, принадлежало Н. А. Герцен. «Я все-таки нахожу,— писала она 26 апреля 1914 г.,— что даже после смерти Огаревой нужно щадить ее память и не печатать слишком резких выражений, которые мой отец иногда допускал по ее адресу. Письмо относительно проекта женитьбы на Эмме Фогт я не прислала из внимания к Терезе Герцен, которую это могло бы огорчить. Нидергрубера боялась назвать *не я*, а Мария Каспаровна ⟨Рейхель⟩, которая даже и письма-то дать не хотела» (там же, ед. хр. 301, л. 2—2 об.).

Все это показывает, что наследники дали Лемке не все письма и что некоторые из писем, как мы видим, были напечатаны, по требованию наследников, с более или менее значительными купюрами.

3

Издание Лемке впервые дало широкое представление читателю о размахе публицистической деятельности Герцена в «Колоколе». При установлении авторства Герцена в анонимных статьях «Колокола» перед Лемке вставали огромные трудности. Он пользовался при работе книгой Л. А. Тихомирова, вышедшей в Женеве в 1887 г. под названием «Колокол». В ней было собрано свыше двухсот статей Герцена, опубликованных в «Колоколе» .Можно ли верить безусловно Тихомирову? Лемке утверждал, что можно. «Немногие случайные ошибки не могут ее опорочивать»,— писал он (I, стр. IX).

Экземпляр книги Тихомирова Лемке получил для пользования от Натальи Александровны Герцен. Сам Тихомиров писал Лемке 29 декабря 1912 г., что он при публикации статей Герцена руководствовался следующими источниками: «Во-первых,мне дал свой экземпляр „Колокола“ Н. Жуковский, который эмигрировал что-то в начале 60-х годов и был близким Герцену человеком, вроде секретаря, почитателя и ученика**. Он в своем экземпляре своевременно отмечал личные статьи Герцена. Я хорошо знал Жуковского, по-приятельски. Лишь в очень немногих

* «Ищите женщину» (франц.).

** Близость Жуковского к Герцену сильно преувеличена Тихомировым.

случаях Жуковский руководился не отметками, а личными воспоминаниями, но таковых статей в мой сборник и не вошло. Второй источник был сын Герцена, то есть его экземпляр с отметками статей Александра Ивановича. Сына Герцена я лично не знал, но заочно мы знали друг друга и вели дело посредством переписки. Он также ручался за точность своих отметок статей А. И. Герцена. На основании этих источников я составил сборник и не ввел в него ни одной статьи, которой принадлежность не была бы подтверждена обоими вышеуказанными лицами» (I, стр. VIII).

Лемке захотел лично ознакомиться с этими источниками, использованными Тихомировым. Однако экземпляра «Колокола» с пометками Жуковского он достать не смог. Об экземпляре же, принадлежавшем А. А. Герцену, он осведомился у родственников. «Где экземпляр „Колокола", бывший сначала ⟨у⟩ А. А., а потом переданный Вырубову?— спрашивал он в письме к Н. А. Герцен от 20 мая 1914 г.— Мне страшно важно все, что может помочь установить авторство хоть десятой части статей в „Колоколе", никем не подписанных. Подумайте об этом, и нельзя ли что-нибудь сделать? Разумеется, книгу Тихомирова имею в виду и пр.» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 135 об.). Н. А. Герцен отвечала 6 июня 1914 г.: «Экземпляр „Колокола", о котором вы говорите, бывший сначала у Саши, а потом переданный Вырубову, был возвращен нам и теперь находится у Николая» (ИРЛИ, ед. хр. 301, л. 18 об.).— «Нет ли в экземпляре „Колокола" у Николая Александровича каких-нибудь пометок под статьями неподписанными?»— спрашивал Лемке в письме от 30 мая 1914 г. (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 138). Н. А. Герцен отвечала: «Относительно авторства никем не подписанных статей в „Колоколе" я решительно ничего сказать не могу, по той простой причине, что ничего не знаю, и не знаю, к кому по этому поводу обратиться» (ИРЛИ, ед. хр. 301, лл. 18 об.— 19). Из переписки не видно, получил ли Лемке этот экземпляр «Колокола». В издании, помимо ссылок на Тихомирова, есть много статей из «Колокола», «установленных по АСГ». Статьи, атрибутированные Лемке лично, «по интуиции», оговорены особо. Что означает в данном случае «установлено по АСГ»? Значит ли это, что в АСГ была в наличии подлинная рукопись Герцена, удостоверявшая авторство и с которой был сверен печатный текст? Или же сюда входят и простые указания родственников на авторство Герцена? В издании есть и такие пометки: «По указанию А. А. Герцена сестре» (под № 2149). Или под № 3234, 3275 и др. из «Kolokol» помечено, что установлено «по указанию А. А. Герцена». Но какого рода было это указание,— в письме или на экземпляре издания,— неясно. Более ясным является, например, указание под № 3284 — «по письму А. А. Герцена, хранящемуся в АСГ». Может быть, такие указания были сделаны во время лозаннских бесед? Обращают на себя внимание следующие строки из письма Натальи Александровны Герцен от 30 ноября 1912 г.: «На нескольких номерах „Колокола", находившихся у Марии Каспаровны, мы нашли приписки рукой Александра Ивановича, которые мы тоже перепишем» (там же, ед. хр. 297, л. 18). Точно установить, о каких «приписках» на экземплярах «Колокола» идет речь, теперь, конечно, невозможно.

Большое число указаний Натальи Александровны о новых текстах Герцена целиком использовано Лемке, и здесь нет нужды о них распространяться. Однако и теперь представляют интерес некоторые ее свидетельства. Так, в письме от 15 июля 1913 г. она писала: «Сестра моя Ольга прислала мне две рукописи на французском языке, написанные рукою отца. Одна состоит из шести страниц с заголовком „Quatrième partie" („Четвертая часть", 1847—1852)—„Aux amis en Russie". Другая рукопись представляет собою тетрадь из тридцати четырех страниц (тоже на французском) с заголовком „Vues alpestres" („Альпийские виды").

Genève, 1867 г.» (ИРЛИ, ед. хр. 298, л. 43). Лемке отвечал 8 августа 1913 г.: «Первая рукопись мне совершенно неясна: „Четвертая часть“ имеет другие даты — не 1847—1852, а 1842—1847 ⟨...⟩ Что касается „Альпийских видов“, то их надо сравнить с „Швейцарскими видами“ в десятом томе женевского издания. Если это окажется не то или с значительными вариантами, то и это мне нужно. Прошу списать обе вещи по-французски и перевести по-русски под вашим наблюдением, чтобы передать характер стиля и языка» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 80). Оба произведения вошли в издание (XIII, 297—300 и XIV, 766—786). Французский оригинал удостоверяет точное название «Альпийских видов». Остается неясным, почему Лемке считал возможной другую датировку при «Quatrième partie». Кроме того, Лемке не указал, есть ли разночтения с французским текстом.

Лемке первый предпринял обследование заграничной периодики. Ему удалось выявить несколько новых статей Герцена, опубликованных на иностранных языках, перепечатки этих статей в различных странах. Но ему и его помощникам далеко еще не все удалось найти. К тому же, используя в комментариях множество статей и заметок о Герцене в иностранной прессе, Лемке иногда только глухо упоминал о них, не давая точной ссылки.

В общей таблице запросов Лемке и на отдельных карточках (ЦГАЛИ, ед. хр. 337 и 338) имеются следующие сведения: «Франкфуртская газета 1848 г. до 8 сентября — о столкновении Герцена с парижской полицией» (ед. хр. 337, л. 1). Помечено, что именно послано для выяснения Эльману и Эльбауму. Но, видимо, следов найти не удалось, так как в издании Лемке этого материала нет.

Запрос: «„L'Avenir“, 1851, октябрь. Что о книге Герцена?». Помечено: «Написано Туманову». Ответ неизвестен, в издании Лемке материала нет.

В комментариях к т. V (стр. 365) Лемке указывает: «В № 90 „Journal de Genève“ 1849 г. от 9 ноября сообщено, что в новом органе „Alliance des Peuples“ в числе сотрудников фигурирует и Герцен, но мне ничего не удалось найти в подтверждение этого сообщения».

В письме к жене от 24 июня 1851 г. Герцен сообщал: «В „Республике“ и в „Univers“ было напечатано об моей истории в Сардинии» (VI, 419). Лемке, в «Канве биографии» с отсылкой на VI том, стр. 419, указывает: «В „La République“ и в „L'Univers“ напечатано о высылке Герцена из Сардинии» (XXII, 255). Между тем, И. А. Герцен пометила на своих карточках, которые она отправляла Лемке: «„République“ и „Univers“ — июнь 1851, о деле Герцена в Сардинии. Газеты найдены, тщательно просмотрены по два раза каждая, справок никаких. Найдено в Национальной библиотеке» (ЦГАЛИ, ед. хр. 338, л. 1).

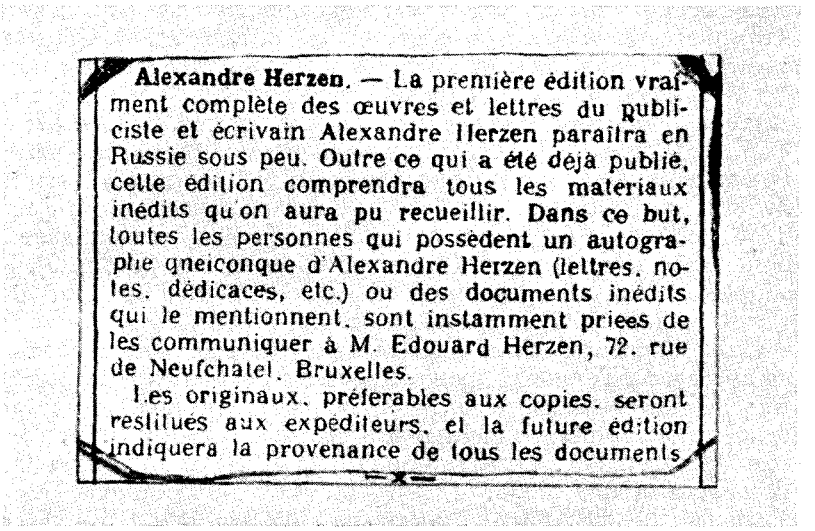
Особенно важны указания на новые тексты Герцена.

В письме к М. Мейзенбуг от 19 сентября ⟨1858 г.⟩ Герцен сообщал: «...поляки ⟨...⟩ написали дурацкую статью против меня и Огарева, будто мы слишком умеренны. На случай, если вы не читали моей статьи в газете Маццини, я вам ее посылаю» (IX, 340). В «Канве биографии» это сообщение отнесено к 1859 г. и под рубрикой «до 19 сентября» дана, в сущности, перефразировка письма: «Поляки написали „дурацкую статью“ против Герцена и Огарева, обвиняя их в умеренности» (XXII, 301). «Поместил статью в „Pensiero ed Azione“ (IX, 340). Ни год, ни номер газеты не указаны. В переписке с наследниками никаких следов попыток разыскать эту газету не имеется*.

* Может быть, здесь речь шла о статье Герцена «Царь Александр II» в «Pensiero ed Azione» от 15 сентября 1858 г., переизданной в наше время. См. «Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 59—64.

Под рубрикой «до 20 мая 1868 г.» в «Канве биографии» категорически утверждается: «В „Gazeta Narodowa“ напечатана статья Герцена» (XXII, 369). Здесь же ссылка на т. XX, стр. 299. На указанной странице XX тома напечатано письмо Герцена к Огареву от 26 мая ⟨1868 г.⟩, в котором сказано: «Если в „Газете народовой“ была „Леонтина“, а не „Fleurs doubles“, то следует сделать следствие: я рукописи *никому* не давал». Место это никак не пояснено Лемке.

В письме к Н. А. Герцен от 31 декабря 1913 г. Лемке писал: «„Le Bulletin d'association internationale“ конца 1857 — оттуда статью Герцена об эмансипации крестьян» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 84 об.)*.



Alexandre Herzen. — La première édition vraiment complète des œuvres et lettres du publiciste et écrivain Alexandre Herzen paraîtra en Russie sous peu. Outre ce qui a été déjà publié, cette édition comprendra tous les matériaux inédits qu'on aura pu recueillir. Dans ce but, toutes les personnes qui possèdent un autographe quelconque d'Alexandre Herzen (lettres, notes, dédicaces, etc.) ou des documents inédits qui le mentionnent, sont instamment priées de les communiquer à M. Edouard Herzen, 72, rue de Neufchatel, Bruxelles.

Les originaux, préférables aux copies, seront restitués aux expéditeurs, et la future édition indiquera la provenance de tous les documents.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДГОТОВКЕ К ПЕЧАТИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА И СБОРЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНИЯ

«L'Etoile Belge» от 14 ноября 1913 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

В письме от 14 марта 1914 г. Н. А. Герцен сообщала: «Получила несколько справок из Брюсселя („Nation“). Помимо тех номеров, которые вы указали, нам резюмировали также два номера за 1852 (№№ 141 и 146), в которых содержится описание похорон моей матери и коротенькие письма А. И. Герцена в редакцию с уведомлением об его пожертвованиях в пользу нуждающихся г. Ниццы и в пользу эмигрантов» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 32 об.).

В VII томе, на стр. 53, Лемке поместил письмо Герцена к интенданту г. Ниццы с предложением пожертвовать деньги для раздачи бедным (из № 181 «Nation») и в примечании ссылается на сообщение «L'Avenir de Nice» о пожертвованиях Герцена в пользу эмигрантов. Но Н. А. Герцен говорит о письмах Герцена в редакцию «National». Лемке не упоминает и №№ 141 и 146 этой газеты.

В письме Лемке от 27 января 1914 г. говорится: «В „Nation“ 1853 г. после 10 апреля есть заметка о свадьбе дочери Фогта. Это сочинение

* Имеется в виду статья, включенная Герценом в брошюру «La conspiration russe de 1825» (London, 1858) под названием «Le premier pas vers l'émancipation des paysans serfs en Russie» (XXII, 89—94).

Герцена. Надо списать» (ЦГАЛИ, ед. хр. 328, л. 90). Этой заметки в издании нет. У Натальи Александровны есть пометка: «Получен ответ („Nat.“, № 170)», но эта пометка почему-то зачеркнута самой Н. А. Герцен (ЦГАЛИ, ед. хр. 337, л. 7 об.) и ниже отнесена к другому запросу.

У Лемке возник вопрос: «Что мог печатать Герцен в 1853 г. в нью-йоркских газетах и журналах и в каких? Очень важно выяснить» (там же, ед. хр. 327, л. 91 об.). Но, видимо, ничего установить не удалось (там же, ед. хр. 337, л. 9). В том же письме такой же безрезультатный вопрос: «Что напечатано в феврале и январе в „Avenir de Nice“ 1853 г. самим Герценом?» (там же, л. 91 об.).

5 марта 1914 г. Лемке писал Н. А. Герцен: «В „Italia del Popolo“ начала 1857 г. (I—III) есть статья о России. Не Герцена ли?» (там же, ед. хр. 327, л. 116). Ответ неизвестен (там же, ед. хр. 337, л. 9 об.). Среди заявок Лемке встречается указание: «Во второй половине 1849 года в каких-то женевских журналах были отзывы об ученых трудах Герцена по части естествознания, написанных тогда же» (там же, ед. хр. 327, л. 57; ед. хр. 337, л. 7 об. и ед. хр. 337, л. 1). И в другом месте: «Какая и о чем статья Герцена в конце ноября или декабря 1854 г. в „L'Homme“?» (там же, ед. хр. 327, л. 121 об. и ед. хр. 337, л. 8 об.). «Что напечатано в феврале и январе 1853 в „Avenir de Nice“ самим Герценом?»— спрашивает Лемке в другом письме (там же, ед. хр. 327, л. 91 об. и ед. хр. 337, л. 9). И еще: «Что написал Герцен в августе или сентябре 1858 г. в „Italia del Popolo“» (там же, ед. хр. 327, л. 121 об. и ед. хр. 337, л. 9 об.)*.

В своих библиографических комментариях Лемке неоднократно ссылается на автографы Герцена, хранившиеся в то время в частных руках. Судьба многих из них неизвестна. Так, например, не удается установить, где находятся подлинники, хранившиеся до революции у Э. П. Юргенсона (№№ 240, 1312), К. К. Тизенгаузена (№ 350), Л. Э. Бухгейма (№ 454), В. И. Яковлева (№№ 1228, 1230), М. И. Колесникова (№ 1359), Б. В. Сукачева (№ 2535), Ф. И. Витязева (№ 1099-bis), П. Е. Щеголева (№№ 402-bis, 1022-bis, 1139-bis). Подлинники также находились в «Кружке Герцена» (№ 1954) и товариществе М. О. Вольф (№№ 2606, 2650, 2657, 2699, 2705)

Иногда Лемке, — вероятно, по рассеянности, — не указывал место хранения подлинника (см. №№ 1312-bis, 1653), отметив только: «Сверено с подлинником» (подлинники или копии, принадлежавшие самому Лемке, были оговорены особо — №№ 22, 2379).

Лемке возлагал преувеличенные надежды на Вятский архив. В письме к Н. А. Герцен от 8 октября 1913 г. он радостно сообщал: «На днях мною будут получены дела архива вятского губернатора, до которых я так давно добирался. Ура!» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 28 об.).

Но эти надежды не оправдались. У Лемке встречается только одна ссылка на Вятский архив в комментариях к статье Герцена «Вотяки и черемисы» (№ 135). Лемке с явной досадой говорит о «двух делах» губернского правления о Герцене, которые только и сохранились в Вятке...» и которые, против ожидания, оказались так скудны материалами (I, 536).

В одном из писем Н. А. Герцен отмечала: «Я получила письмо от Ф. Родичева, в котором он, между прочим, пишет: „Во время моего пребы-

---

* Кроме того, Лемке просил найти и обследовать еще такие издания: «L'Exile. Almanach pour 1851», Paris; «Italia e Popolo», 1854,11 апреля; «Almanach de l'exile», 1855, Jersey; «Kurijer Lwowsky», 1889, № 61; «Revolté», 1890, 11 мая, supplément; «Arme Teufel», 1890, 11 мая; «Neue freie Presse», 1876, 20 и 29 сентября; «Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst», 1853—1858; «Europe», 1873, № 10; «Gazetta Narodowa», 1878, №№ 180—227, «Wiener Presse», 1870; «Северогерманская корреспонденция», 1862, № 192; «Берлинские военные листки», 1862, № 7; R a l l i. In Exile; Otto C o r w i n. Erinnerungen. Лейпциг, 1880; Т х о р ж е в с к и й. Мемуары; T. F r i c, Memoiren, и др.

вания в Вятке — 24 часа — сделали открытие целой пачки писем вашего отца, но я не успел посетить их собственника. Все, что надо, сделает редакция местной газеты". Получили ли вы какие-нибудь сведения об этих письмах? Надо обязательно раздобыть копии (если не оригиналы) этих писем. Об этом я, впрочем, еще напишу Родичеву». И еще в одном письме: «Узнали ли вы и достали ли что-нибудь из Вятки? Это был бы, в самом деле, клад, если бы то, что говорит Родичев, оправдалось» (Письма Н. А. Герцен от 3 и 16 января 1914 г.—ИРЛИ, ед. хр. 300, лл. 2—2 об.; 13—13 об. Результаты поисков неизвестны. Повидимому, это были письма Герцена к Скворцову, Машковцеву или какому-либо другому вятскому приятелю Герцена.

В начале 1913 г. шла неизвестно чем закончившаяся переписка Лемке с Николаем Александровичем Герценом о поисках архива Ф. В. Лугина*. Н. А. Герцен писал 3 января 1913 г.: «Относительно архива Ф.В. Лугина я думаю, что лишнее писать брату моему <т. е. П. А. Герцену, известному московскому врачу> в Москву: он этим вопросом не займется; гораздо вернее обратиться к вдове покойного, и я это на днях сделаю» (там же, ед. хр. 307, 39—39 об.).

Как Лемке, так и наследники принимали меры для выявления рукописей Герцена за границей. Однако результаты оказались, против ожидания, незначительными. Розыски велись, как мы знаем, путем воззваний в печати, запросов непосредственно в библиотеки, архивы, к частным лицам и антикварам.

«Обращение во все влиятельные заграничные газеты по поводу присылки подлинников (или копий) А. И.,— писала Н. А. Герцен 26 ноября 1912 г.,— будет сделано: в Италию уже послано». Но тут же она делала оговорку: «Мы считаем, что в обращениях во французские и немецкие газеты неудобно упоминать о «полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена»: Гервеги могут встревожиться и помешать делу собирания материалов или вообще сделать какую-нибудь неприятность» (там же, ед. хр. 297, л. 17). Из переписки видно, что такие обращения все же были напечатаны и вызвали отклики со стороны владельцев автографов Герцена.

13 декабря 1913 г. Лемке известил Н. А. Герцен: «Недавно в газетах сообщалось, что кем-то и у кого-то в Брюсселе найдены несколько сот писем, касающихся эпохи издания „Полярной звезды"**. Надо спешить все это выяснить» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 57). На это Н. А. Герцен отозвалась следующим образом: «Вы просите навести справку по поводу сообщения в газетах о том, что „кем-то у кого-то найдены несколько сот писем, касающихся эпохи издания „Полярной звезды". Вы понимаете, что это так туманно, что выяснить что-нибудь почти невозможно. Нужны более определенные указания» (ИРЛИ, ед. хр. 300, лл. 1 об.—2). Вскоре она, однако, сообщила: «Мы все-таки напали на след той пачки писем, которая вас интересует. Недавно умер Гектор Дени, шеф социалистической партии в Бельгии, который оставил целую пачку автографов. Среди этих автографов уже найдено одно письмо моего отца. Разборка этой пачки писем еще не кончена, но, по словам m-elle Дени, есть надежда найти в этой пачке еще несколько писем папаши» (письмо от 31 января 1914 г.—

---

* Речь идет, несомненно, о Владимире Федоровиче Лугинине (1834—1911), профессоре химии в Московском университете, либерале, в молодости эмигранте, поддерживавшем связи с Герценом и Огаревым.

** По всей вероятности, это сообщение появилось в иностранной печати, и Лемке знал о нем лишь по слухам; в ином случае он снабдил бы свой запрос точным указанием на источник. В русских газетах: «Русское слово», «Речь», «Новое время» и «Русские ведомости», которые мы просмотрели за ноябрь-декабрь 1913 г., таких сообщений не было.

ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 18—18 об.). В издании Лемке имеется только одно письмо, упомянутое Н. А. Герцен,— к Леону Фонтену (XVII, 129).

«От Трюбнера я получила письмо,— с неутешительными результатами: у них ничего нет»,— сообщала Н. А. Герцен (ИРЛИ, ед. хр. 297, л. 12).

8/21 февраля 1913 г. Н. А. Герцен писала Лемке: «Не знаете ли вы, что за сочинение „Die Geheimnisse von Petersbourg“ („Тайны С.-Петербурга“) моего отца? На каком языке оно было написано и стоит ли начать переговоры с книгопродавцем Welter?» (там же, ед. хр. 298, л. 8). Лемке отвечал 14 февраля: «Предлагаемая рукопись для меня не совсем нова: я думаю, что А. И. написал книгу „Петербургские тайны“, но для этого нет достаточных доказательств. Рукопись может дать их, но если она написана им или, по крайней мере, подписана. В этом надо удостовериться, прежде чем покупать, но сделать это надо поскорее»* (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 61). «Я просила Вырубова,— писала Н. А. Герцен 17 марта того же года,— просмотреть рукопись „Тайн Петербурга“, предложенную нам одним парижским книгопродавцем: Вырубов ответил мне, что эта рукопись не представляет никакого интереса, так как написана „на каких-то полицейских бланках“ и не рукой моего отца» (ИРЛИ, ед. хр. 298, л. 17—17 об.). Какие основания имел Лемке думать, что Герценом написаны «Тайны Петербурга» и почему он сразу же потерял всякий интерес к книге, узнав, что она написана «на полицейских бланках», остается непонятным.

В 1907 г. зятем Герцена, Габриэлем Моно, были опубликованы письма Герцена к Мишле. Лемке заинтересовался публикацией. «Говорят,— писал он 27 сентября 1913 г., — у Моно есть не только письма, но и рукописи. Надо бы все это выяснить окончательно, если уже не выяснилось» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 32 об.). Н. А. Герцен отвечала 29 января 1914 г.: «Мишле все бумаги оставил своей жене, а m-me Мишле оставила их моему покойному beau-frère'у** Габриэлю Monod; вероятно, и письма моего отца к Мишле попали к нему и, следовательно, находятся теперь у моей сестры Ольги» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 20). В результате из двадцати восьми писем Герцена к Мишле и одной надписи на книге три первые даны Лемке по изданию Моно, с переводом М. Гершензона, а остальные опубликованы в издании по копиям с подлинников семейного архива. В настоящее время автографы шести писем Герцена к Мишле, хранящихся во Французской Национальной библиотеке, микрофильмированы, и один экземпляр микрофильма находится в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Н. А. Герцен получила копии писем своего отца, хранившиеся в Национальной библиотеке (девять писем к Э. Кине) и в Британском музее в Лондоне (письмо к Р. Гриффину, надпись для Р. Граната***); кроме того она завязала связи в Германии. «Я узнала,— писала она,— что в Берлине имеется русский архив-музей, основанный кн. Д. Бебутовым, которым в настоящее время заведует некто г. Вязьменский (его адрес: Berlin, Ansbacherstrasse, 17); в этом музее имеется специальный отдел Герцена. Я вошла в переписку с г. Вязьменским и надеюсь от него кое-что получить. На днях я получу список всего, что имеется в архиве кн. Бебутова» (там же, ед. хр. 298, л. 38). А затем, в письме от 15 июля 1913 г.: «У одного берлинского коллекционера, как оказывается, есть несколько писем моего отца; я постараюсь их раздобыть или, по край-

---

* В том же письме Лемке дальше писал: «„Тайны Петербурга“, кажется, написаны по-русски, но, может быть, я ошибаюсь. Следует достать эту книгу (изд. 1866 г.) через Бера и мне ее прислать с посылкой всего другого» (л. 61 об.).

** свояку (франц.).

*** В письме от 7 апреля 1914 г. Н. А. Герцен, между прочим, указывает: «В Англии работает для нас Керженцов (Пл. Лебедев)» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 42).

ПЕТЕРБУРГЪ 21 ЯНВАРЯ 1920

КОЛОКОЛЪ

ОДНОДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА

Цена 3 рубля.

Основные даты биографии Герцена.

Из моих воспоминаний.

Самый близкий друг Герцена.

Коммунисты и Герцен.

Мысли о Герцене.

«КОЛОКОЛ»—ОДНОДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА. ПЕТЕРБУРГ, 21 ЯНВАРЯ 1920 г. Издана под редакцией М. К. Лемке, в ознаменование пятидесятилетия со дня смерти Герцена

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ней мере, списать» (там же, л. 43 об.). С Г. М. Вязьменским встречался в 1914 г. в Петербурге и сам Лемке.

О письмах берлинского коллекционера ничего не известно. Что касается переписки Н. А. Герцен с Вязьменским, то она, видимо, дала Лемке некоторые материалы для комментария. В предисловии к первому тому, наряду с другими лицами, он благодарит за помощь Д. И. Бебутова.

Г. М. Вязьменский писал к Н. А. Герцен 26 июня 1913 г.: «В архиве-музее, основанном кн. Давидом Иосифовичем Бебутовым, имеется специальный отдел Герцена, в котором мы собираем все, что относится к памяти Александра Ивановича, а также все его сочинения, напечатанные на разных языках ⟨...⟩

Между прочим, я нахожусь в сношениях с антикварами, приказав им доставлять мне все письма Герцена к издателям. Письма продаются по 5—10 марок. Имеются они и у знаменитых коллекционеров автографов (частных лиц). Когда они попадут в мои руки, я переправлю их вам. Недавно франкфуртский книгопродавец Baer продал экземпляр „Полярной звезды“ с надписью А. И. и Огарева Фр. Боденштедту. Знаю я также о рукописях и письмах, имеющихся у проф. Шиффа; но вы, наверное, хорошо с ним знакомы...» (ЦГАЛИ, ед. хр. 306, л. 1 и об.).

Представляют интерес некоторые детали из истории разыскания текстов, опубликованных Лемке. В комментариях Лемке эти детали опущены. Они могут, однако, явиться вехами для дальнейших поисков. «На наше воззвание во французских газетах,— писала Н. А. Герцен Лемке 21 ноября 1913 г.,— мы получили единственный, но очень приятный отклик в виде письма от французского посланника в Гааге Marcellin Pollet. У него оказались три письма моего отца к Tallandier (и одно написанное мною тоже к Tallandier, который в свое время был учителем жены M. Pollet — урожденной Scheurer-Kestner)» (ИРЛИ, ед. хр. 299, л. 26—26 об.). Все они опубликованы Лемке (№№ 1794, 2385, 2419) со ссылкой на архив наследников.

15 декабря 1913 г. Н. А. Герцен писала Лемке: «...Вас, наверное, обрадует тот факт, что нам из Парижа прислали еще нигде не опубликованное письмо моего отца к Ch. Chassin'у⟨...⟩. Прислал нам его H. Monin, профессор одного парижского college'а, который нашел это письмо в архиве Ch. Chassin. Этот Chassin был французским публицистом и политическим деятелем (род. в 1831 г.) и был одно время редактором упомянутого журнала „Les Etats Unis“» (там же, л. 34). Лемке отвечал 9 декабря: «Присланному письму к Шассену очень рад. Побольше бы их» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 56). Письмо опубликовано Лемке (№ 2821) с пометкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве Ch. Chassin», но где этот архив — не указано.

«Какой-то Otto Carmin из Женевы (очевидно, читавший наше воззвание),— писала Н. А. Герцен 20 марта 1914 г.,— прислал нам „Vom anderen Ufer“ 1850 г. (на немецком), с следующим посвящением рукою Александра Ивановича — переписываю его, так как оно может представить для вас интерес: „Александре Христиановне Энгельсон, русской по сердцу от русского. Ницца. 1851, 31/19 января“» (там же, ед. хр. 300, л. 38—38 об.). Эта надпись Лемке напечатана (VI, 155).

Невыясненным остается следующее место в письме Лемке от 9 апреля 1914 г.: «По словам Ковалевского, бернский Фогт показывал ему массу лежащих в куче бумаг, говоря, что там есть многое и о Герцене, но ничего не разобрано. Нельзя ли с ним войти в сношение и хоть руками „смирновца“* разобрать все, чтобы взять все интересное для нас? Скорее!» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 126 об.).

---

* Так почему-то звали в семействе Герценов Я. А. Зильберштейна.

«Нельзя ли снестись с какой-то Зоти, у которой, говорят, есть рукописи и письма?» — осведомлялся Лемке 11 октября 1913 г. (там же, л. 34 об.). Ответ был получен следующий: «M-me Зоти была belle-mère* моего племянника Петруши; она умерла три-четыре года тому назад. Моего отца она никогда не знала, и я не слыхала, чтобы у нее были рукописи и письма моего отца. Впрочем, я могу спросить об этом ее мужа, хотя уверена в отрицательном ответе» (ИРЛИ, ед. хр. 299, л. 17 об.). Ссылок на Зоти у Лемке нет.

Переписка позволила Лемке уточнить ряд фактических подробностей из жизни и деятельности Герцена и его окружения. Так, Н. А. Герцен сообщала 31 января 1914 г.: «Во время болезни и смерти мамаши в Ницце был только Карл Фогт, тот, который занимался естественными науками, физиологией и т. д.; насколько помнится, другого Фогта тогда в Ницце не было, а Карл Фогт мог лечить мамашу, так как он был врачом. (Но главным доктором был другой, кажется Bonfils. Кто такой Беше и Лемуан — я не знаю, но, насколько я представляю себе из писем, это были люди, у которых находилась девочка Хоецкого. Я постараюсь достать фотографию деревни Шатель и школы. Не знаю, был ли папаша в этой деревне, а если был, то не больше одного раза; поэтому я не думаю, чтобы кто-нибудь из шательских старожилов помнил папашу ⟨...⟩ На чем основано ваше убеждение, что папаша и мамаша находились в Париже в конце января 1850 г. до июня? Я сомневаюсь, чтобы они на такой срок оставили нас в Ницце, а сами оставались в Париже. А может быть мы, дети, были с ними? Расспрошу еще Марию Каспаровну и потом опять вам напишу» (ИРЛИ, ед. хр. 300, л. 7—17 об.).

В письме от 7 февраля 1914 г.: «На конверте, в котором Гервег вернул письмо мамаши, Гервег ничего не написал, он только переделал адрес и поставил новые печати» (там же, л. 22 — 22 об.).

«Вы ошибаетесь,— писала Н. А. Герцен 17 апреля 1913 г.,— что оригинал „Долга прежде всего“ написан по-немецки, хотя бы уже потому, что мой отец не настолько владел немецким языком, чтобы писать на нем статьи; оригинал, по всей вероятности, написан по-русски и переведен на немецкий каким-нибудь русским сотрудником отца» (там же, ед. хр. 298, л. 22 об.).

Просмотрев первый лист первого тома издания Лемке, Н. А. Герцен писала ему 3 апреля 1915 г.: «Еще вы пишете (в главе „Комментарий“): „Свободно владея несколькими иностранными языками: французским, немецким, английским, итальянским и отчасти латинским, — Герцен и т. д.». Это не совсем верно. Свободно он владел только французским языком; на английском и итальянском он только объяснялся, по-немецки говорил довольно свободно, но неправильно» (там же, ед. хр. 300, л. 8). Лемке исключил из этой фразы в предисловии слово «свободно».

Лемке предполагал богато иллюстрировать свое издание. В его архиве осталась общая роспись иллюстраций, собиравшихся также при активной помощи наследников Герцена.

Николай Александрович Герцен писал Лемке 7 мая 1912 г.: «У нас есть оригинальные портреты Герцена, писанные Витбергом, Ге и моей тетушкой, Натальей Александровной Герцен. Есть, конечно, и разные другие фотографические и дагерротипические портреты. У Натальи Александровны, кроме того, имеется альбом подлинных портретов многих современников, друзей и родственников Герцена» (там же, ед. хр. 307, л. 11).

В письме от 26 ноября 1913 г. Лемке просил дать ему точное описание портретов Герцена и его родственников (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 20 об.).

---

* тещей (франц.).

«Герцена надо дать буквально все, и даже самое неудачное, как материал к иллюстрации его жизни,— писал Лемке Н. А. Герцену 27 мая 1914 г. — В литературе о портретах все это будет указано. Наталью Александровну — тоже. Детей — дать наиболее характерное, опуская все то, что снято после смерти отца, — это уже не касается его как изучаемого нами автора и отца, умершего в определенное время. Внуков и их жен и пр. совсем не даю, потому что очень нарушило бы план: ни одного из них Герцен сам не видал» (ЦГАЛИ, ед. хр. 327, л. 136 — 136 об.). Портреты предполагалось разместить в хронологическом порядке, группируя для экономии места по несколько на странице. Всего должно было быть во всем издании более полутораста иллюстраций*.

Вследствие трудных условий военного времени от этого интереснейшего замысла Лемке пришлось отказаться.

* * *

Многолетняя переписка Лемке с наследниками Герцена дает ценный материал для биографии и библиографии великого писателя, намечает пути для поисков утерянных оригиналов его произведений и писем, а также характеризует методы работы редактора в период подготовки этого поистине монументального издания, сохраняющего свое значение и для нашего времени. Многочисленные страницы переписки согреты теплом творческого содружества редактора-энтузиаста с любимой дочерью Герцена.

---

*См. в настоящем томе обзор Н. П. Анциферова «Иконографические и мемориальные материалы в „пражской коллекции“».— *Ред.*

МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ» И «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЙ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ»

СПРАВКА

Составил Л. Р. Ланский

Три последних тома «Литературного наследства», посвященных Герцену и Огареву, построены, в основном, на документальных материалах «пражской» и «софийской» коллекций. В этих томах опубликовано, описано и представлено в виде аннотаций подавляющее большинство рукописей, хранящихся в обоих архивных фондах. Целью настоящей справки является краткий обзор материалов, не нашедших отражения на страницах «Литературного наследства» вследствие того, что они были опубликованы ранее или выявлены уже после окончания работы над герценовскими томами «Литературного наследства»,— а также документов, лишенных сколько-нибудь значительного научного интереса.

Материалы, не имеющие отношения к Герцену и Огареву, в настоящую справку не включены*.

Для удобства пользования справка разбита на отдельные тематические рубрики.

I. «ПРАЖСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»

1. РУКОПИСНЫЕ КОПИИ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА

Помимо автографических рукописей Герцена, описанных в настоящем томе в специальной работе, среди материалов коллекции находится несколько рукописных копий, сделанных неустановленным почерком и представляющих интерес вследствие того, что авторские оригиналы, с которых они были сняты, остаются неизвестными. Это — копии пятой части «Былого и дум», которая при жизни автора не издавалась, и список статьи «Michel Bakounine», служивший наборным оригиналом при публикации в парижском журнале «Revue Bleue» (№ 16 за 1908 г.). Здесь же хранятся переводы отдельных глав «Былого и дум» на французский и английский языки (рукописи и машинопись).

2. ПИСЬМА ГЕРЦЕНА

Кроме писем, опубликованных в «Литературном наследстве», в «пражской коллекции» находятся автографы двух неизданных записок Герцена. Первая из них, от июня 1854 г., адресована Марии Каспаровне Рейхель. В ней Герцен сообщает о предстоящей высылке фотографий. Вторая, начинающаяся словами: «А. вряд будет ли особенно доволен мною...» — и относящаяся к середине 1860-х годов, адресована неустановленному лицу.

---

* Не включены также в нашу справку материалы, хотя бы только упомянутые в «Литературном наследстве».

Автографов писем Герцена, вошедших в собрание его сочинений под редакцией М. К. Лемке, в коллекции находится свыше четырехсот. Большинство из них относится к 1850—1860-м годам и адресовано М. К. Рейхель, Н. А. Тучковой-Огаревой, М. Мейзенбуг и детям Герцена. На многих из этих писем имеются неопубликованные приписки Огарева, детей Герцена и Тучковой-Огаревой. Писем Герцена к другим корреспондентам, из числа опубликованных Лемке, в коллекции очень немного. Самым ранним из них является французский оригинал письма к шефу жандармов, гр. А. Ф. Орлову, из Ниццы, от 23 сентября 1850 г. Рассказывая в «Былом и думах» об обстоятельствах, при которых написано было это письмо, Герцен указывает, что набросал его вначале по-французски, но, переписывая начисто, решил перевести на русский язык (XIII, 421—422). Русский текст письма был полностью напечатан самим Герценом в «Былом и думах», первоначальный же французский оригинал, никогда не публиковавшийся, находится в «пражской коллекции».

В LXXII главе «Былого и дум» («La belle France») Герцен напечатал русский перевод своего письма к Наполеону III от 30 мая 1861 г. с ходатайством о разрешении ему въезда во Францию. Черновик французского подлинника также хранится в «пражской коллекции».

Помимо этих писем, здесь находятся черновики следующих писем Герцена: к Н. И. Тургеневу (от 28 марта 1861 г., написано совместно с Огаревым), к И.С. Тургеневу (от 10 марта 1864 г.), к М. А. Бакунину (от 29 апреля 1867 г.), к Ж. Мишле (от 11 февраля 1868 г.) и к Огареву (от 23 июля 1868 г., отрывок — см. XXI, 25). В письме Герцена к И. С. Тургеневу имеются значительные расхождения с окончательным текстом, напечатанным Лемке по беловому автографу*.

В коллекции имеется еще несколько рукописных копий писем Герцена, сделанных разными лицами: к К. Д. Кавелину (от 31 декабря 1845 г. и 7 июня 1862 г.), к А. Бенни (от 19 ноября 1861 г.) и к М. А. Бакунину (от 1 сентября 1863 г.)**. На копии последнего письма, сделанной рукой А. А. Герцена, следующая автографическая запись Герцена, обращенная к сыну:

Вейтберги

Нанять дачу—напр⟨имер⟩ в конце марта на берегу озера—между Лозанной и Вето. Так, чтоб можно было иной раз всем жить вместе.

Оставить небольшую квартиру для Огар⟨ева⟩ в Лондоне.

---

* Приведем здесь один весьма интересный вариант из этого письма, отмечая прямыми скобками места, зачеркнутые Герценом:

«[Мы утратили наше влияние, но придет время, когда русская молодежь, „дети“, которых я не боюсь, скажут спасибо тем русским, которые протестовали во время пущей оргии подлейшего, свирепейшего патриотизма. В этом я уверен. Ты не был обязан протестовать, но не должен был давать санкцию своим именем.]

Что же такого удивительного, что я поверил [тому, что в Париже слышал [рассказ] от ближайших твоих знакомых,— прямо или через их друзей,— что ты писал государю], что ты письменно отрекаешься от прежних связей, и это тем больше, что [это правда] ты это сделал на самом факте, что в последнем письме твоем (поправка «Дню») — ты прямо говоришь о прекращении переписки. Мне говорили, будто человек, *которому ты показывал* письмо, обратил твое внимание на эту фразу, но что ты ее оставил. Даю тебе честное слово, что мне это было сказано, этого ручательства тебе довольно, не могу же я называть имен. [Впрочем, это было так распространено в Париже, что ты без меня доберешься. Если это выдумка, мне жаль несколько слов напечатанных, но я тебе объяснил, почему я не имел права отвергнуть этот слух.

Оставь политику, укроти патриотизм.] Не ты один с нами так ,— будь снова независимым писателем и оставь нас в нашей опале, мы верой и правдой служили и служим своему делу. Может, надобно новые силы, новые лица — мы охотно передадим „детям“ отцовское дело. Впрочем, быть в опале у общественного мнения, над *которым царит подлый Катков, не беда еще*».

** Лемке перепечатал текст этого письма с несовершенной публикации Драгоманова, восходящей к черновику. На полях надпись А. А. Герцена: «Все документы по этому делу хранятся у Ал. Ал. Герцена».

Если дача очень хороша, перевезти в нее вещи и нанять ее на три года, пожалуй без мебели.

Без всяких натяжек ты проживешь месяца два с Татой, а остальное время она будет (в нынешнем году) у меня <?> или на свиданье с Ольгой.

Поезжайте вместе в Милан,— если это нужно,— и в Ниццу.

Спал<ьни> тебе
Огар<еву>
мне
5 спал<ен> *Тате*
Тв<ой отец>

Сохранилась также большая запись, сделанная Герценом на французском языке («12 novembre. Voilà mon opinion sur l'affaire...») и относящаяся, повидимому, к 1869 г., когда он попытался в последний раз собрать в одном месте всю свою семью (см. публикацию этой записи в следующем, 64-м, томе «Лит. наследства»).

3. ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ

В коллекции хранятся три немецких письма вятской приятельницы Герцена, Полины Тромпетер (Скворцовой), на бытовые темы (1830-е гг.); четыре письма (1840-х годов) Т. А. Астраковой к Герцену и его жене (по характеру близки к опубликованным в т. 62 «Литературного наследства» и почти повторяют их содержание) и, наконец, три письма И. П. Галахова: от 24 августа 1845 г. (опубликовано, не полностью, в «Русской мысли», 1892, № 7), от 27 сентября 1845 г. из Венеции (неизданное) и от 23 августа 1846 г. (цитату из него см. в «Русской мысли», 1892, № 7). Во втором письме Галахов, испытывавший нужду в деньгах, просил Герцена «взять на себя скучнейший труд» и продать хранящиеся у него картины работы Айвазовского и других художников или же разыграть их в лотерею.

В последнем из перечисленных писем Галахов писал Герцену: «Где ты? Что ты? Эти дни питаюсь твоими письмами об истории философии, увлекательными для меня по любви к предмету и к автору. На одной из одушевленных страниц о возрождении наук чувство быстро перебросилось к вам, и я оставил тетрадь, чтобы поздороваться с тобой, любезный друг. На два-три письма мои из Рима, может быть и пустые, но все-таки знаки симпатии, ты не откликнулся. Ну, все равно: я уверен в приязни и доверенности». Далее Галахов сообщает, что слышал от Боткина о намерении Герценов, ехать за границу; он уведомляет, что зиму проведет с сестрой в Венеции, и приглашает Герценов приехать в этот «оригинальнейший из городов». На обороте этого письма надпись Герцена: *Друг Г<алахов>, любезный друг* — и карикатурный рисунок пером.

В декабре 1851 г., после гибели (при кораблекрушении у Гиерских островов) матери и малолетнего сына, Герцен пожертвовал 250 франков для раздачи неимущим жителям г. Гиера. Сохранилось письмо к Герцену от морского комиссара М. Одибера (упоминаемого в «Былом и думах») от 4 декабря 1851 г., с благодарностью за это пожертвование; здесь же находятся другие два письма аналогичного характера, связанные с пожертвованием после смерти жены Герцена 500 франков в пользу нуждающихся города Ниццы. В первом из них, от 13 мая 1852 г., главный интендант г. Ниццы, выражая благодарность Герцену, сообщал, что часть его пожертвования будет роздана нуждающимся, а 100 франков будут переданы детскому приюту. Во втором письме, от 18 мая 1852 г., дежурный управляющий ниццского приюта для малолетних детей, Поль Готье, благодарил Герцена за сумму, предоставленную приюту. Все три письма — на французском языке.

Помимо писем В. С. Печерина к Герцену, опубликованных впервые в предыдущем, 62-м, томе «Лит. наследства», в «пражской коллекции» хранятся автографы трех опубликованных ранее самим Герценом писем Печерина к Герцену — от 11 и 15 апреля и 3 мая 1853 г.

Здесь же находится письмо к Герцену И. Г. Головина, датированное 25 марта 1854 г. и сохранившееся в виде печатного оттиска со следующей вступительной заметкой Герцена: «По желанию г. Головина я печатаю немедленно письмо его, полученное мною 26 марта 1854 г. А. Герцен» (см. XIV, 355).

На последнем листе обширного письма Шедо-Ферроти к Герцену, от 19 августа 1861 г., напечатанного вскоре самим автором письма в виде брошюры, следующая лаконичная надпись рукою Герцена: *Plus conservateur que le gouvernement* *. *Пусть разрешат в России писать против.*

Здесь же и другая надпись Герцена:

Елагин — *VII книжка «Голосов»*
Панин — *Разбор*

В коллекции сохранились и два не известных ранее письма знаменитого русского врача С. П. Боткина к Герцену. Оба письма относятся к 1868 г. В первом из них Боткин ставит Герцену диагноз, утверждая, что у него несомненно диабет, и дает медицинские советы; он сообщает одновременно, что вскоре приедет в Париж и «очень и очень был бы рад увидеть многоуважаемого больного». На этом письме надпись Герцена: «Hôtel Angleterre». Во втором письме Боткин извещает Герцена о том, что приедет в Париж 14 сентября вечером и что с 15 по 20 сентября будет к его услугам. Он доводит до сведения Герцена, что лечение в Карлсбаде можно начать с 25 сентября.

Среди материалов коллекции имеется несколько писем к Герцену, связанных с изданием «Колокола»: письмо из Дрездена (от 8 октября 1859 г.), какого-то курляндского немца J. v. E., предлагающего доставлять сведения о злоупотреблениях в России; анонимное письмо без даты, на французском языке, в защиту попечителя Училища правоведения — принца П. Ольденбургского (отклик на статью «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка».—«Колокол», 1861, л. 90.—Ср. XI, 129); адресованное Герцену и Огареву письмо некоего Ф. Ч. из Константинополя (от 20 октября 1861 г.), с критикой русских должностных лиц в Турции и с просьбой о пособии. Ф. Ч. сообщает, что он уже в четвертый раз безрезультатно обращается к издателям «Колокола», и предлагает взять на себя распространение изданий Вольной русской типографии; анонимное письмо какого-то читателя «Колокола» либерального толка, разглагольствующего о деятельности Герцена и призывающего его к «беспристрастию»; конец письма без даты неустановленного лица (из Парижа) в котором сообщается о получении двух писем Герцена (от 27 и 29 июля); к письму приложена корреспонденция (без начала) в «Колокол» того же автора — об офицере Ведельмейере и одесских педагогах — Лохвицком и Миницком.

13 августа 1866 г. датирована следующая записка, подписанная группой женевских эмигрантов — Гулевичем, Мерчинским, Николадзе и еще одним лицом, фамилию которого не удалось разобрать:

«Герцену

Касаткин передал Николадзе, что Долгоруков, оскорбившись каким-то письмом Элпидина, донес президенту Камперио, что Элпидин противузаконно содержит типографию и печатает брошюры, в доказательство чего представил брошюру, выпущенную Элпидиным на днях.

Подобный поступок Долгорукова заставляет нас передать редакции этот донос для помещения его в число обличительных статей „Колокола“».

Упомянем здесь также о курьезном, неподписанном письме к Герцену женевского «Космопоэтического общества» с требованием опубликовать в «Колоколе» открытое письмо лондонского отделения этого «общества» (ср. XVIII, 385—386).

---

* Более консервативен, чем правительство (франц.).

4. РУКОПИСИ ОГАРЕВА

Значительное место в коллекции занимают автографы Огарева — его стихотворные, публицистические и автобиографические произведения, записные книжки, отдельные записи, а также разрозненные заметки и выписки.

Помимо материалов, напечатанных в трех томах «Литературного наследства», мы находим здесь статьи: «Арифметика», «Голод и новый год», «Народные земледельческие училища», «Письмо к читателю „Колокола"», «Русские реформы», «Современная заметка», «Plan d'une vie chrétienne», «Rêves et réalité», и др. Из поэм и стихотворений: «18 декабря вечером», «Грановскому», «До свидания!», «К Лидии», «Кто кого любил», «Магдалина», «Мне снилося, что я в гробу лежу», «Михайлову», «Моя биография», «Сквозь серебряного дыма...», «Пророк», «Простите этот серый склад...», «Студент», «Тате», «Фантазия», «Чудное наше славянское племя...», «Элпидину, Николадзе и Серно-Соловьевичу», «Юмор» (отдельные главы), «Я у окна стою один...» и мн. др.

Здесь же находятся показания С. И. Серебренникова швейцарским властям, написанные рукой Огарева *.

На последней странице отрывка из «Писем об общем вопросе» — надпись Герцена: *Будет еще статья колонны в три — о войне и Смесь.— Очень хорошо, если и Огар⟨ева⟩ ст⟨атья⟩ и конец о финансах поместится.*

Этот № я прошу отпечатать к 29 июня — мы так и пойдем, не опаздывая.

На полях беловой рукописи третьей части поэмы Огарева «Юмор» — надпись Герцена: *Сим заключается первый выпуск «Поляр⟨ной⟩ звезды». Тотчас по отпечатании — следует издать.*

Там же, на обороте л. 19, надпись Герцена: *В объявлении о «Полярной звезде» надобно поставить заглавие всех глав «Былого и думы» и прочих статей.*

На одной из заметок для французского «Колокола» карандашная надпись Огарева: *Это все еще в Смесь, и надо теперь, чтоб не вышло поздно. Но дайте знать, пожалуйста, Чернецкий, чтоб я к завтра настолько и приготовил.*

На литографированной листовке, озаглавленной «От старообрядцев к народу», — рукописные примечания Огарева.

В записной книжке Огарева, подаренной Огаревым Н. А. Герцен-дочери с надписью: *Моей Наташе. 1860 г. 25 мая* — ответная запись Н. А. Герцен: «Ты мне, а я тебе — тут была страничка, страшно грустная, я ее вырвала, чтоб тебе думалось тихо и светло, когда ты будешь писать в этой книге».

5. ПИСЬМА ОГАРЕВА

В коллекции находится несколько писем и записок Огарева, не вошедших в тома «Литературного наследства»: два письма к М. А. Бакунину (от 31 октября 1862 г. и 12 октября 1863 г.— рукой Н. А. Тучковой-Огаревой), текст телеграммы к нему же без даты (от весны 1870 г.); по одному письму (без дат) к Н. А. Герцен-матери, Н. А. Герцен-дочери, В. Т. Кельсиевой **, Н. М. Сатину, г-ну Сирилю (на французском языке) в Ниццу, к неизвестной (на английском языке) и, наконец, два письма к Н. А. Тучковой-Огаревой.

Упомянутая телеграмма Огарева к Бакунину имеет конспиративный характер (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», СПб., 1906, стр. 380). Речь в ней идет о С. Г. Нечаеве («бое»). Приводим текст ее в русском переводе:

«Локарно. Терезине Педрацини, для Антонии.

Предоставь мне право голосовать за тебя на заседании по поводу дел моего боя и телеграфируй сразу же. Это крайне необходимо. О г а р е в».

---

* В «софийской коллекции» хранится объяснительная записка самого Серебренникова по этому же вопросу.

** На этом письме приписка Герцена: *Посылаю вам пять фунтов и дружески кланяюсь и Вам и Милуше.*

На обороте письма к г-ну Сирилю запись Огарева:

Наборщику на три месяца	*400 фр.*
Бумага 18 франков (стопа 500)	*126*
Наем квартиры	*30*
Тираж	*156*
Брошировка	*50*
Mise en page *	*45*
Почта	*.50*
total **	*857*

Представляет интерес черновой текст заявления Огарева, датированный «10 ноября ⟨1872 г.⟩. Женева»:

«Сим заявляю, деньгами русского фонда на русскую печать в 1870 году [выдал] распорядился я, нижеподписавшийся [а вовсе не], без всякого участия Бакунина [как утверждает Маркс, из ненависти к Бакунину, желая обвинить его в похищении денег], как утверждают его враги. Сим заявляю, что показание [Маркса] его врагов ложно».

Здесь же сохранились печатные листовки Огарева: «В память людей 14 декабря 1825» и «Наша повесть».

6. ПИСЬМА К ОГАРЕВУ

Помимо писем к Огареву, напечатанных в «Литературном наследстве», в коллекции находятся следующие письма: русского посланника в Лондоне, барона Ф. И. Брунnова (от 4/16 мая 1859 г.), с сообщением, что посольствам запрещено принимать запечатанные письма на имя царя; эмигранта Н. А. Вормса (от 20 января 1867 г., из Веве), с просьбой дать ему рекомендацию к Л. И. Мечникову; неустановленного лица (конец 1860-х годов) о ходе занятий с Лизою Герцен; канцелярии швейцарской конфедерации (от 25 апреля 1870 г. из Берна) об отказе предоставить убежище С. Г. Нечаеву до расследования вопроса о предъявлении ему обвинения в убийстве; фабриканта Грачева (от 12 июля 1870 г.) с просьбой сообщить об условиях подписки на «Колокол»; письмо R. (от 22 февраля 1872 г., из СПб.): «Шевелев арестован был в Париже за участие в коммуне, сидел в Бастилии ⟨!⟩. 4-го февраля сего года выдан Версальским правительством русскому, посажен в Петропавловскую крепость, в Алексеевский равелин. Призываем к допросу по делу наследства Мясниковых, где замешан помощник графа Шувалова. Сам Шевелев обвиняется в трех уголовных преступлениях, и дело об нем скоро наступит. Припомните Шуйского, он его и выследил» (письмо приведено здесь полностью); письма упомянутого Н. А. Шевелева (от 6/18 и 12 марта 1869 г.), человека с темной биографией, повидимому поддерживавшего связь с III Отделением (в первом письме он оправдывается в обвинении, будто является врагом Герцена; второе письмо — отклик на получение от Огарева двух брошюр и писем)***; письма его жены Варвары Шевелевой (от 15/27 марта, из Сан-Марино, от 2/14 апреля, из Ниццы, и от 13 августа 1868 г., из Женевы) по поводу издания книги Н. Шевелева «Землеописание»; во втором из них, кроме того, отклик на получение письма Огарева от 10 марта; письмо Габриэля Моно (от 3 ноября 1873 г.) с извещением о высылке 400 франков.

Вероятно, Огаревым же было получено адресованное в Вольную русскую типографию в Женеве письмо издателя журнала «Истина», священника Константина Голубова (без даты), с просьбой выслать объявление о книгах, касающихся раскола.

---

* верстка (франц.).

** итого (франц.)

*** Два неизданных письма Огарева к Шевелеву (от 9 и 14 марта 1869 г.) хранятся в ЦГИАМ (ф. 112, ОППС, он. 1, 1872, № 85).

На литографированном «Послании ко всем поповцам, обитающим в пределах России и за границею» следующая надпись, обращенная к Огареву и Герцену: «Милостивые государи. Просим вас, не откажитесь напечатать в „Колоколе" (если не выходит „Общее вече") сие послание, полезное нам всем — староверам и вашему общему делу. А если не желаете, нелицеприятно о сем объявите нам в исходящем номере, и мы будем знать». На заметке «В Москве доморощенной все есть...» надпись: «Прошу поместить г. редактора Н. П. Огарева. Ваш друг забытый К о н с т а н т и н».

Кроме того, в коллекции находятся обращенные к Огареву три письма А. А. Герцена (от 12 января 1867 г., 22 сентября 1869 г. и без даты), три письма Лизы Герцен (конца 1860-х годов), семь писем Ольги Герцен (1864—1873 гг. и без дат).

7. ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

В коллекции сохранились выписки из протокола Большого совета Фрейбургского кантона от 6 мая 1851 г. о предоставлении гражданства Герцену и его семье; заверенные копии завещания Герцена, составленного 1 августа 1852 г.; инвентарный список имущества, оставшегося после смерти Герцена; вексель Эммы Гервег, выданный ею Герцену 20 августа 1850 г. при получении от него взаймы 10 000 франков; расписки матери(?) и брата Н. А. Герцен (жены) — Аксиньи Фроловой и Петра Захарьина в получении денежных сумм, переданных Герценом; квитанция банкирской конторы P.-F. Bonnat et C° в Женеве о выплате Огареву по ордеру братьев Ротшильдов 7000 франков, переведенных со счета Герцена; находится здесь также счет Чернецкого Огареву от 2 мая 1870 г. с обозначением долга по печатанию «Колокола».

8. ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА

В «пражской коллекции» находятся следующие прижизненные издания сочинений Герцена: «Vom anderen Ufer» (Hamburg, 1850); «Briefe aus Italien und Frankreich» (Hamburg, 1850); «Вольное русское книгопечатание в Лондоне.— Братьям на Руси»* (Лондон, 1853); «Поляки прощают нас!»* (Лондон, 1853); «The Russian People and their socialism» (London, 1855); «Discours d'Alexandre Herzen, exilé russe, prononcé au meeting tenu le 27 février 1855, dans St.-Martin's Hall, à Londres, en commémoration des grands mouvements révolutionnaires de 1848» (London, 1855) с дарственной надписью Герцена: «*A mademoiselle Natalie Herzen, Richmond, Chalmondelay Loge*»; «Aus den Memoiren eines Russen». Dritte Folge (Hamburg, 1856); «L'Etoile Polaire sur la mort de Stanislas Worcell» (London, 1857); «Русский народ и социализм» (Лондон, 1858); «Крещеная собственность», изд. 2 (Лондон, 1858); «La conspiration russe de 1825...» (Londres, 1858); «A Monsieur le ministre de l'Intérieur à Dresde» * (Londres, 1858); «A l'illustre Sénat de la ville libre de Francfort-sur-le Mein» * (Londres, 1858); «Calomnie» * (Londres, 1858); «Memoiren der Kaiserin Katharina II» (Hannover, 1859), с предисловием Герцена; «La presse russe à Londres aux Serbes et Monténégrins»* (Londres, 1860); Lettre du rédacteur du „Kolokol" à son excellence l'ambassadeur russe à Londres»* (Londres, 1861); «Из „Колокола" и „Полярной звезды"» (Лондон, 1863); «Концы и начала» (Norkoeping, 1863); «Nouvelle phase de la litterature russe» (Bruxelles, 1864)**; «Полярная звезда» на 1857, 1859, 1862 (вып. 1) и 1869 гг. и отдельные листы из других книжек; «Колокол», лл. 94 и 145 от 15 марта и 15 сентября 1861 г.

Помимо этого, в коллекции находятся переплетенные в виде книги печатные листы статей Герцена из «Отечественных записок» и «Современника»: «Письма об изучении природы», «Дилетантизм в науке», «По поводу одной драмы», «Новые вариации на старые темы».

---

* В виде листовки.

** *На л. 16 об. этой брошюры рукой Герцена* (?) *корректурным знаком внесено исправление: слово* lettre *изменено на* ode; *на л. 17* Prachevski *исправлено на* Petrachevski.

Здесь же находится сборник, озаглавленный: «Сочинения Герцена: а) изданные в Петербурге, б) рукописные». Он составлен из статей Герцена, вырезанных из разных номеров «Отечественных записок» и «Современника» и переплетенных вместе с рукописными статьями, написанными неустановленным почерком. Дата на титульном листе: «С.-Петербург, 1857 г.».

Содержание сборника:

а) Печатные тексты: «Записки одного молодого человека»; «Еще из записок одного молодого человека»; «Кто виноват?» (отдельное издание 1847 г.); «Из сочинения доктора Крупова»; «Письма из Avenue Marigny»; «Сорока-воровка»; «Историческое развитие чести» (заголовок рукописный).

б) Переплетенные рукописи с заголовком: «Рукописные сочинения Герцена, ходившие по рукам до появления лондонских книжек»: «Состав русского общества»; «Москва и Петербург»; «Письмо к государю»; «Ум хорошо, а два лучше» (статьи третья и четвертая не вписаны в сборник — обозначены только заглавия).

9. КНИГИ И ЛИСТОВКИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

Брошюра «Разбор манифеста 26 августа 1856 г.» (из третьей книжки «Полярной звезды»); «Собрание постановлений по части раскола. Том I. Постановления министерства внутренних дел», вып. 2. (Лондон, 1863; на полях крестиком отмечены отдельные постановления); Сочинения Т. Н. Грановского, т. II (Москва, 1856); «Богдан Хмельницкий» Н. Костомарова, изд. 2, т. I (СПб., 1859); Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева (Лейпциг, 1861); «Трумф». Трагедия в двух действиях И. А. Крылова (Берлин, 1859), с дарственной надписью: «Mr Ogareff de la part de l'éditeur» *; «Nord-Fahrt entlang der Norwegischen Küste», von Carl V o g t (Frankfurt a/M, 1863); «Сын. Рассказ из времен XVII века» Н. Костомарова (СПб., 1865) Gustav R a c h. Aus meiner Festungszeut (Pest, Wien und Leipzig, 1868. Между стр. 10—11 и 28—29 вшиты и вложены выписки из этой книги с упоминаниями о Герцене); листовка «Русские студенты!» (1869); «A M. Victor Hugo, président du congrès de Lausanne»—открытое письмо Emile Acollas, от 10 сентября 1869 г. (в виде печатного листка).

Огареву, вероятно, принадлежала брошюра А. Эльсница, В. Смирнова, Вл. Гольштейна, Л. Гольденберга, М. Бакунина и Вл. Озерова «Ist Netschajeff ein politischer Verbrecher oder nicht» (Zürich, 1872) **.

10. РАЗНЫЕ РУКОПИСИ

В «пражской коллекции» хранится ряд рукописей М. А. Бакунина в автографах и копиях; объяснения И. Демонтовича и полковника Лапинского по поводу их экспедиции (от 20 апреля 1863 г.); обращение поляков по поводу приглашения их на обед в честь Герцена; несколько рукописей неустановленных лиц: «Все обстоит благополучно — дефицит в 8 миллионов» (о контрабанде на границах Польши); «Современное политическое и экономическое положение всех стран Европы»; «В Москве доморощенной все есть...»; «Послание ко всем поповцам, обитающим в пределах России и за границею», и др.

---

* Г-ну Огареву от издателя (франц.).

** В «пражской коллекции» хранится также значительное количество книг, газет, журналов, оттисков и вырезок, принадлежавших детям Герцена: посмертные издания сочинений Герцена, брошюры о нем, газетные и журнальные статьи 1870 — 1930-х годов. Особенно много материалов, относящихся к столетнему юбилею Герцена, широко отмечавшемуся в России и за границей в 1912 г.

Отметим среди сохранившихся книг драму А. В. Сухово-Кобылина «Дело», изд. 2-е, М., 1887, с авторской дарственной надписью: «Александру Александровичу Герцену. На память от А. В. Сухова-Кобылина. 1898 года. 17 января. Больё» и пометкой на л. 4: «Ѣ. Автор просит пóперву прочесть драму по этому сокращенному для *сцены* тексту».

11. ПЕРЕПИСКА РАЗНЫХ ЛИЦ

Из многочисленных писем разных лиц к разным лицам отметим письма Т. А. Астраковой к Н. А. Герцен-матери и к Н. А. Герцен-дочери; В. П. Боткина к П. В. Анненкову и Н. А. Герцен-матери (с обращениями и к самому Герцену); И. П. Галахова к М. Л. Огаревой; В. И. Кельсиева к Е. К. Гижитскому; Ю. Куруты к Н. А. Герцен-матери; И. С. Тургенева к М. А. Бакунину (от 28 октября 1862 г.), А. А. Герцену (от 26/14 октября 1869 г.), Н. А. Герцен-дочери (от 6 апреля, 18 июня, 14 сентября, 21 августа 1875 г.) и В. Ф. Лугинину (от 8 октября 1862 г.); А. А. Тучкова к Н. А. Тучковой-Огаревой; Ш.-Э. Хоецкого к Н. А. Герцен-матери.

Марии Каспаровне Рейхель адресован ряд находящихся в коллекции писем от детей Герцена, А. В. и Е. К. Станкевичей, Е. С. Некрасовой, А. Фогта и др. Имеются здесь и письма М. К. Рейхель к разным лицам.

Н. А. Герцен-дочери адресованы, помимо перечисленных выше, письма Лизы Герцен, М. Deline, Д. Гильома, неустановленного лица (от 10 июня 1868 г.), с рассуждениями о книге Герцена «С того берега» и др.

Представляет интерес следующая выдержка из письма будущего зятя Герцена, Габриэля Моно, относящаяся к концу 1860-х годов (приводим ее в переводе с французского): «Здесь находился Герцен-отец; я просто наслаждался знакомством с ним. Это очень симпатичный человек, одна из тех сильных и жизнерадостных натур, из которых мысль, красноречие, нежность изливаются волнами, без расчета и самоконтроля, свойственного холодным западным натурам. Я не встречал столь блестящих, столь естественных и столь многосторонних собеседников. Нет такого научного, философского и литературного вопроса, которого б он не коснулся с оригинальностью и неистощимым остроумием». На этой выдержке из письма надпись Н. А. Герцен, адресованная неустановленному лицу: «Вот что пишет своему отцу * Габриель Моно в 1867 г. Пришлите мне назад эту копию с Сашей, пожалуйста».

II. «СОФИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ»

1. РУКОПИСНЫЕ КОПИИ СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА

Рукописная копия статьи Герцена «Публичные чтения профессора Рулье» (копия 1840-х годов).

2. РУКОПИСИ ОГАРЕВА

Статья «Будущность»; письмо 4-е из «Частных писем об общем вопросе»; «La prison (Fragment de mes mémoires)»; «Statistische Anmerkungen zu der Theorie des Vorschritts»; отрывок статьи о земских учреждениях; записи на экономические темы; стихотворения «На новый год (Лаврову)», «Ожидание» и «In moment sad, when life grows dull; драма «Les nouveaux venus dans le monde pratique» с подписью A. Droit (на французском языке) и выписки из государственных постановлений о скопцах.

3. ПИСЬМА ОГАРЕВА

Черновик письма Огарева к В. С. Печерину от 29 марта 1863 г. (это письмо было опубликовано в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 480—482 по беловому тексту, хранящемуся в ИРЛИ) и письмо его к Р. Цехановскому (Н. Сумарокову) от 21 октября 1873 г., в котором Огарев писал: «Умоляю вас, не делайте предполагаемой вами нелепости, т. е. откажитесь сами от дуэли. Это будет разумно и благородно; вы сделаете хорошее дело, где вы откажетесь от ничтожного самолюбия и не принесете вреда ни русской эмиграции, ни русским, хорошо настроенным людям. Иначе вы принесете вред и тем и другим. Русские посмотрят на это с презрением, правительство русское с удовольствием и с надеждою преследования; швейцарское правительство оставшегося в живых посадит в тюрьму на 30 лет. Все это совершенно нелепо. Если вы Ада-

* *В подлиннике ошибочно*: о своем отце.

мовича считаете порядочным человеком, то ваша обязанность отказаться от всякой дуэли; если вы его считаете (и то достоверно) человеком подозрительным, то не стоит того с ним драться, а разве только поколотить...» (О Роберте Цехановском см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 758—759).

4. ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

Из писем разных лиц к Герцену и Огареву в коллекции находятся: письмо Авдотьи Глинки к Герцену (от января 1859 г.), напечатанное по копии в «Звеньях», VIII, 1950, стр. 41—54; письмо русского посланника барона Бруннова к Огареву (от 2 июня 1859 г.), напечатанное (с купюрами) самим Огаревым в «Колоколе», и письма М. П. Лозинского к Огареву. Два из них от 1876 г. были опубликованы в предыдущем томе «Лит. наследства». Четыре письма, оставшихся неопубликованными, также, повидимому, относятся к 1876 г. В первом (от 23 июля) Лозинский, пересылая Огареву письмо и портрет Ф. И. Родичева, предлагает сообщить необходимые «сведения и справки»; во втором письме (от 29 августа, из Веве) Лозинский извещает Огарева, что через две недели предполагает отправиться в Россию, и передает ему подробности об отношении отдельных слоев населения России к славянскому вопросу; в следующем письме из Веве от 29<!>августа Лозинский сообщал, что уезжает, и просил срочно ответить ему; наконец, в письме от 10 сентября из Петербурга Лозинский информирует Огарева об отъезде Родичева в Сербию, вследствие чего письмо к нему Огарева не могло быть передано, и рассказывает о возбуждении, царящем в русском обществе в связи с предстоящей русско-турецкой войной.

5. РАЗНЫЕ РУКОПИСИ И ПЕЧАТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В «софийской коллекции» сохранилось несколько рукописей, имеющих прямое отношение к издательской деятельности Герцена и Огарева: корреспонденции из России, копии с официальных документов, статьи, предназначавшиеся для печати, и т. п. Мы находим здесь донесение Варшавского следственного комитета о тайных обществах, адресованное в. кн. Константину Павловичу (от 22 декабря 1826/3 января 1827 г.); «Краткий журнал» графа К. Ф. Толя о пребывании в действующей армии (1831 г.); рукопись «Отрывки из дневника семинариста» за подписью «Судбин»; «Историческую записку, составленную университетской комиссией по поводу происходивших в сентябре и октябре месяцах 1861 года беспорядков между студентами Московского университета, и представленную университетским советом чрез его превосходительство г-на попечителя Московского округа» (адресована министру народного просвещения); «Список с представления г. сенатору, ревизующему, по высочайшему повелению, Калужскую губернию, начальника Калужской губернии»; материалы о «беспорядках» в Харьковском университете (будут напечатаны в одном из ближайших томов «Лит. наследства»); полемическую статью петрашевца Ф. Н. Львова о декабристе Д. И. Завалишине; текст открытого письма А. П. Щапова к кн. П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г. (также будет напечатано в одном из ближайших томов «Лит. наследства»); объяснительная записка С. И. Серебренникова от 25 мая 1870 г. о его аресте швейцарскими властями; рукопись «Письма Ф. Вихерского к генералу Ф. Ф. Трепову» (напечатано Женевской типографией в 1869 г.— см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 738); рукопись неустановленного лица — воспоминания о генерале С. А. Хрулеве; отрывок из рукописи на французском языке — об экзекуциях крестьян; материалы по одесскому карантину (1858); рукопись неустановленного лица — «„Предисловие издателя“ к книге Варрена „О справедливых отношениях“»; отрывок из рукописи С. И. Астракова с описанием своего изобретения; последняя страница рукописи П. А. Мартьянова о бурлацкой артели, датированная «28 января 1862. Londres»; русский перевод речи Ф. Лассаля на рабочем собрании в Дюссельдорфе (1863) и др.

Здесь же находится счет Огареву от фирмы «Burgson and Newmans» (от 23 августа 1860 г.), а также один экземпляр чрезвычайно редкого теперь английского журнала «The English Republic» (от апреля 1854 г.) с публикацией третьего письма из цикла «Russia and the old World» Герцена.

ТРИБУНА

От редакции. В 61-м томе «Литературного наследства» напечатана статья и публикация М. В. Нечкиной «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)». Вопрос о датировке некоторых документов, введенных в публикацию, в первую очередь вопрос о времени возникновения записки «Цель русского движения», вызвал споры среди исследователей. Имея в виду принципиальную важность этого вопроса для раскрытия содержания новых документов и тем самым для определения их места и значения в истории революционного движения в России, «Литературное наследство» считает полезным вынести дискуссию на страницы своего издания.

Ниже печатается статья Ш. М. Левина и ответ на нее М. В. Нечкиной.

К ДАТИРОВКЕ НОВЫХ ОГАРЕВСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В 61-м томе «Литературного наследства» М. В. Нечкиной опубликовано «Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева». Сравнительно подробные сведения об этих документах М. В. Нечкина сообщила еще в 1947 г. в статье «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» («Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 105—122). В 1953 г. в «Литературном наследстве» документы напечатаны полностью. Новые документы представляют значительный научный интерес и, естественно, привлекли большое внимание исследователей.

Вполне понятно, что плодотворное использование документов предполагает прежде всего их правильную, по возможности точную датировку. М. В. Нечкина с самого начала предложила и свою датировку. Относительно третьего, четвертого и пятого документов мы не находим оснований для пересмотра предложенных дат. В отношении датировок двух первых документов, условно именуемых «Идеалы» и «Цель русского движения», возникают сомнения, которыми мы считаем полезным поделиться.

Рукопись «Идеалы», по убеждению М. В. Нечкиной, возникла «между маем и июнем 1859 г.» (М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.).— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 469, 494; М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.).— «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. XIII, вып. 1, 1954, стр. 58).

Нам кажется более осторожным расширить границы искомой даты документа и отнести рукопись «Идеалы» примерно к 1859—1860 гг. Возможно,— несмотря на ту или иную степень «неувязки» между содержанием рукописи с одной стороны и пропагандой Огарева в «Колоколе» за 1859 г.* с другой,— что «Идеалы» относятся к 1859 г. (хотя едва ли не более вероятной датой является 1860 г.). Законность дат 1859—1860, с нашей точки зрения, подкрепляется пунктом 10 раздела рукописи «Идеалы», названного автором: «Первоначальные труды общества» («Лит. наследство», т. 61, стр. 499). Рекомендуя, в числе других форм работы общества, издание книг и деятельность «странствующих агентов-преподавателей», Огарев поясняет, что «публичные лекции

* На этой стороне дела — на расхождении между концепцией документа «Идеалы» и печатными высказываниями Огарева в «Колоколе» — сосредоточил свое внимание Б. П. Козьмин в статье «Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом» («Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. XII, вып. 2, 1953). Разноречие, безусловно, налицо, хотя все же, пожалуй, не столь резкое и глубокое, как оно кажется Б. П. Козьмину. В документе мы не находим прямого плана «возможного, по мнению его автора, восстания в России» (стр. 152), плана «революционного переворота» (стр. 155); там есть проект нового более или менее идеального («Идеалы» — наименование раздела документа) государственного и общественного устройства и план общества, исподволь подготовляющего (нелегальными и легальными средствами) почву для осуществления такого нового строя. С другой стороны, характер взглядов, высказывавшихся Огаревым в «Колоколе», не исключал идеи полезности тайного общества в России. Огарев безусловно был сторонником — и до 1861 г.— соединения открытой общественной работы с нелегальными действиями всякого рода.

входят в моду, их можно распространить даже по селам». Известно, что публичные лекции стали «входить в моду» с 1859 и, в особенности, с 1860 г., когда из Петербурга они довольно широко распространились на Москву, Казань, Одессу, Киев и другие города.

Для приурочения рукописи только к 1859 г., а тем более к маю — июню 1859 г., мы не видим достаточно веских оснований: соответствующих по значению аргументов пока не было предъявлено.

Единственным доводом в пользу даты: «между маем и июнем 1859 г.»— остается наличие в конце рукописи «Идеалы» фразы: «Общеславянская конфедерация теперь немыслима; она может уясниться только настоящей войной» («Лит. наследство», т. 61, стр. 500). М. В. Нечкина высказывает полную уверенность, что этой войной «может быть лишь так называемая Итальянская война 1859 г.— война Австрии против союза Сардинии с Францией...» (там же, стр. 494). Мы не можем разделить эту уверенность исследователя. Верно, что война 1859 г. («франко-австрийская» в более распространенном наименовании) ставила, по крайней мере косвенно, «вопрос о судьбе славянских народов». Однако этот вопрос не мог быть снят ни поражением австрийских войск при Сольферино 24 июня 1859 г. (оно, напротив, придавало этому вопросу еще большую актуальность), ни даже подписанием Виллафранкского договора в июле того же года или завершением (в конце 1859 г.) последовавших за Виллафранкским договором длительных дипломатических обсуждений. Большое возбуждение в славянском мире наблюдалось потом в течение 1860 г. в связи с «итальянской войной» в собственном, точном смысле (так называли ее и современники), войной за освобождение и объединение Италии. Возбуждение, как известно, отнюдь не прекратилось и в следующем году, да и позже. В некоторых кругах считались с возможностью прямой поддержки со стороны наиболее передовых сил итальянского национально-освободительного движения восставшим и развертывавшим открытые военные действия против султанской Турции народам Герцеговины, Боснии, Черногории *. Настойчивыми были в 1860—1861 гг. разговоры о вмешательстве держав в итальянские дела, об угрозе общеевропейской войны. Надо отметить, что Огарев проявлял живой интерес к этим международным событиям; ярким свидетельством этого является, например, его письмо к Герцену от 19 сентября 1860 г. («Русские пропилеи», т. 4. М., 1917, стр. 246—247).

Следует ли совсем игнорировать «итальянскую войну» 1860 г. при попытках ответить на вопрос, о какой войне мог говорить Огарев в «Идеалах»? Думается,—не следует, для этого нет пока оснований. Наконец, нельзя забывать и событий, происходивших на самом Балканском полуострове. На протяжении 1858—1862 гг. почти не прекращались боевые действия между южнославянскими народами и Турцией, принимая по временам характер открытой войны. Огарев мог иметь в виду и эту затяжную борьбу, мог и о ней говорить, как о «войне». Недаром в советской исторической литературе можно встретить упоминания о «четырехлетней войне» Черногории с Турцией — в применении к событиям 1858—1862 гг.

Возникает еще вопрос: как нужно читать приведенную фразу Огарева, к чему относится в ней слово «только»? Не следует ли понимать фразу в том смысле, что война может лишь именно «уяснить», но ни при каких условиях не решить вопрос о славянской конфедерации. При таком толковании «Сольферино» (если принять, что документ «Идеалы» писался во время франко-австрийской войны) уж никак не могло бы сыграть в глазах Огарева роль такой грани, за которой интерес «уяснения» проблемы для него исчез бы. Другими словами, документ «Идеалы» — допуская, повторяем, что он был составлен в 1859 г. — мог быть написан и до, и после битвы при Сольферино, мог даже быть написан и в течение некоторого времени после прекращения военных действий.

---

* «Италия подает руку Черногории и Герцеговине», — писали «С.-Петербургские ведомости» (№ 64 от 19 марта 1861 г.). Та же газета через несколько дней, публикуя сообщение о высадке отряда гарибальдийцев «между верхней Албанией и австрийской Далмацией», выражала мнение, что итальянский вождь направит путь «на север, где найдет восстание Герцеговины в полном разгаре» (№ 67 от 23 марта 1861 г.).

Чтобы исчерпать все возможные толкования далеко не вполне ясной и понятной фразы Огарева, на которую целиком опирается датировка М. В. Нечкиной, надо прибавить, что слово «настоящая» могло вообще быть употреблено в значении не «нынешней» (войны), а «подлинной» (или «серьезной», «решительной» и т. п.). Мысль Огарева в таком случае можно было бы, например, понять и следующим образом: только «настоящая» война, а не происходящая долголетняя война более или менее партизанского типа позволила бы уяснить проблему общеславянской конфедерации. Мы отнюдь не собираемся настаивать на таком толковании, но считаем и подобную гипотезу не исключенной.

* * *

Еще бóльшие сомнения вызывает предложенная датировка другой рукописи Огарева—«Цель русского движения». М. В. Нечкина говорит о 1860 г., как о «наиболее правдоподобной дате возникновения рукописи...» («Лит. наследство», т. 61, стр. 500). В статье «Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации» (стр. 55) М. В. Нечкина еще категоричнее заявляет, что «Цель русского движения» датируется 1860 г. С этим утверждением трудно согласиться. Рукопись содержит краткий набросок плана вооруженного восстания. Хотя на протяжении именно 1860 г. позиция и Огарева, и Герцена претерпевает очень существенные изменения, все же весьма многочисленные их высказывания, бесспорно относящиеся к 1860 г., не позволяют предположить прямого ожидания (и тем более призыва) ими восстания в близком будущем. Представления Огарева о желательном и возможном ходе событий выражены были во втором из «Писем к соотечественнику», напечатанном в «Колоколе» от 1 августа 1860 г.; дальнейшее развитие эти представления получили в его статье «На новый год», опубликованной в «Колоколе» от 1 января 1861 г. Спору нет, по тону и содержанию эти статьи, особенно вторая, во многом отличны от прежних. Тем не менее план, намечаемый рукописью «Цель русского движения», значительно разнится от пожеланий и мыслей, развитых Огаревым в упомянутых статьях середины и даже конца 1860 г. Зато он тесно примыкает к статьям, письмам, воззваниям Огарева 1862 г. (отчасти и к статьям середины и второй половины 1861 г.). Рукопись «Цель русского движения» очень близка, между прочим, к напечатанной М. В. Нечкиной, в составе той же публикации 61-го тома «Литературного наследства», рукописи «Заграничные общества», вполне правильно датируемой исследователем 1862 г. Постановка задач движения совпадает в обоих документах — совпадает не только по смыслу, но и по букве, по важнейшим формулировкам (ср. «Лит. наследство», т. 61, стр. 509, от слов: «Теперь цель» и т. д.).

Серьезного внимания заслуживает постановка в документе «Цель русского движения» вопроса о Земском соборе: «Цель русского движения: созвать Земский собор из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом, без различия сословий, для всеобщего нового устройства России 〈...〉 Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания» («Лит. наследство», т. 61, стр. 501). Революционная агитационная кампания, в центре которой был поставлен лозунг всенародного «Земского собора», стала широко развертываться весною и в середине 1862 г. «Мне кажется, что уяснить необходимость Земского собора становится делом обязательным»,— указывал Огарев Николаю Серно-Соловьевичу в июне 1862 г. (М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», изд. 2. СПб., 1908, стр. 21). Примерно в июле-августе 1862 г. Огарев писал Миллю: «Народное представительное собрание, избранное на основе всеобщего 〈...〉 избирательного права,— вот идея, которая, мне кажется, волнует сейчас всю страну» («Лит. наследство», т. 61, стр. 898). План революционных действий, намеченный в рукописи «Цель русского движения», и — не в последнюю очередь— место, отводимое в этом плане борьбе за Земский собор, неизбежно наводят на мысль, что рукопись может скорее всего относиться к 1862 г.

Но как быть с аргументацией, выдвигаемой М. В. Нечкиной в защиту своей датировки? Основное доказательство в пользу даты «1860 г.» М. В. Нечкина видит в том, что в основе программы, формулируемой рукописью, стоит требование освобождения кре-

стьян от крепостного нрава. Дополнительное подтверждение она усматривает в следующем за этим пункте требований — об «отдаче общинам (громадам, миру) земли, им принадлежащей — как есть межа...» «Народное выражение «как есть межа» еще раз подтверждает,— пишет М. В. Нечкина,— что документ относится ко времени до крестьянской реформы 1861 г., потому что Огарев в противном случае должен был бы употребить не настоящее, а прошедшее время» («Лит. наследство», т. 61, стр. 473).

Чтобы объективно оценить степень убедительности изложенной аргументации, напомним прежде всего точный текст главного требования рукописи «Цель русского движения». Оно заключается в «немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного, на людей и землю» («Лит. наследство», т. 61, стр. 501).

Спросим себя: могла ли такая формулировка выйти из-под пера Огарева после 19 февраля (точнее — 5 марта) 1861 г., или это надо считать невозможным. Ответ кажется нам ясным: *да, вполне могла*. Реформа не дала «немедленного уничтожения всякого крепостного права» — помещичьего и уже подавно казенного — на людей; нечего и говорить, что она не уничтожила крепостного (феодального) права на землю.

Хорошо известна оценка реформы 19 февраля представителями русской революционной демократии, в частности — оценка ее Огаревым. Еще в канун объявления реформы, в статье «На новый год», Огарев предсказал, что «новый указ о крестьянах» не будет концом крепостного состояния («Колокол», л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 749). Через несколько месяцев после обнародования «Положений» 19 февраля Огарев выступил со своим знаменитым «Разбором нового крепостного права». Крестьяне, доказывал Огарев, фактически *«не вышли»* из крепостной зависимости, крепостное право (по существу) *«не отменено»* («Колокол», л. 101 от 15 июня 1861 г., стр. 848). Стоя на такой позиции, разве не мог и — больше того — не должен был Огарев выступить и после реформы с процитированным выше требованием?

Лозунг «освобождения», освобождения с землей, неоднократно провозглашался в демократической печати после февраля — марта 1861 г. Приведем несколько примеров.

В июньской книге «Современника» за 1861 г. была напечатана статья Николая Серно-Соловьевича по вопросу о земском заемном банке. Автор указывал, что освобождением крестьян с землей Россия «может доказать» (т. е. в будущем могла бы доказать, а не доказала) «возможность осуществления *утопии* — распространения права собственности на всю массу населения» (Н. С е р н о - С о л о в ь е в и ч. Размышления по поводу статьи г. Шилля о государственном или земском заемном банке. — «Современник», 1861, № 6, стр. 289). В известном «Ответе Великоруссу», приписываемом тому же Н. Серно-Соловьевичу и опубликованном в сентябре 1861 г., задача революционного лагеря определялась так: «Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей» («Колокол», л. 107 от 15 сентября 1861 г., стр. 897). Программа эта, сформулированная приблизительно через полгода после реформы, по сути дела целиком совпадала с теми требованиями, какие значатся в рукописи Огарева.

Уже в следующем году (1862) Микаэл Налбандян в своем труде «Земледелие как верный путь» требовал — «объявить крепостного совершенно свободным вместе с землей» (М. Н а л б а н д я н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 412).

Наконец, приведем еще один пример из прокламационной литературы 1862 г. Воззвание «Офицеры», распространенное в Петербурге весною 1862 г., свою программу требований открывало пунктом: «Освободить крестьян с землей, выдав помещикам вознаграждение». Прокламация эта была перепечатана в 133-м листе «Колокола» от 15 мая 1862 г. (стр. 1108).

Приведенные выдержки, по нашему мнению, не оставляют сомнений в том, что решающее для датировки, устанавливаемой М. В. Нечкиной, положение рукописи «Цель русского движения» не может служить убедительным доказательством дореформенного происхождения этого документа.

Дополнительный аргумент уважаемого исследователя также не кажется нам доказательным. Работы по размежеванию земли только еще начинались, и Огарев мог и

должен был — и в 1861 г., и в 1862 г.— писать: «как есть», а не: «как была» межа. Напомним, что в статье «Что нужно народу» (лето 1861 г.) Огарев предлагал объявить, что «крестьяне свободны с той землей, которою теперь владеют» («Колокол», л. 102 от 1 июля 1861 г., стр. 854). Он пользовался, следовательно, и после реформы настоящим, а не прошедшим временем. То же и в статье «Ход судеб» через год после реформы. Огарев повторяет здесь свою прежнюю точку зрения: «...По самой правде, следовало бы все земли к селам прирезать и выдать дворянам тягловый пай; но до сущей правды дойти мудрено; если — грех пополам — на мировую пойти, то пусть оставят крестьянам всю землю, какой они теперь владеют»,—с прирезкой из помещичьей земли при недостаточных наделах («Колокол», л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1016).

Пункт о «меже», впрочем, наводит на другую мысль, не лишенную значения для датировки: он предусматривает передачу общинам «земли, им принадлежащей», а не всей земли. Если тут нет случайности, зависевшей, быть может, от чернового характера наброска, то нельзя ли из этого заключить, что рукопись «Цель русского движения» была составлена до того, как Огарев выступил с лозунгом: «Земля чтоб вся осталась за миром и помещик таким же мирским пайщиком, как и другие». Это положение заимствуется нами из статьи Огарева «Куда и откуда», появившейся в «Колоколе» от 22 мая 1862 г. (л. 134, стр. 112).

Можно было бы допустить (хотя, повторяем, это вовсе не представляется нам бесспорным), что документ был написан *до мая* 1862 г.

Таковы некоторые наши соображения по датировке ценных новых материалов, опубликованных М. В. Нечкиной и заслуживающих дальнейшего внимательного изучения.

Ш. Левин

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ КОНСПИРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОГАРЕВА ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

ОТВЕТ Ш. М. ЛЕВИНУ

Вопрос о датировке известных конспиративных документов Огарева из «пражской коллекции» имеет большое научное значение. Он важен для исследования русского революционного движения,— правильное определение времени возникновения документов многое уясняет в обстановке революционной ситуации 1859—1861 гг.

Приурочение документов к определенным датам требует тщательной аргументации,— прямой датировки авторского происхождения они не имеют.

Ш. М. Левин первый выступает с научной критикой датировок, предложенных мною при публикации найденных документов. Заслуга его тем существеннее, что он не ограничивается критическими соображениями, направленными против моих выводов, но дает и свое позитивное решение вопроса. Соглашаясь с предложенной мною датировкой последних трех документов из опубликованных пяти, Ш. М. Левин предлагает для первого документа (рукопись «Идеалы») несколько иные даты (1859—1860 гг. вместо 1859 г.), а для второго («Цель русского движения») совсем новое, не совпадающее с предложенным мною, определение времени возникновения рукописи (не 1860 г., как предлагаю я, а 1862 г).

Для внесения в вопрос ясности отвлечемся на минуту от критических замечаний Ш. М. Левина относительно предложенных мною дат и сначала взвесим те позитивные доказательства, которыми критик поддержигает выдвигаемое им новое решение.

В пользу своей датировки рукописи «Идеалы» Ш. М. Левин приводит, собственно, единственное доказательство,— он опирается на слова Огарева: «Публичные лекции входят в моду, их можно распространить даже по селам». Само собою разумеется, что множественность доказательств не имеет решающего значения,— достаточно и одного веского доказательства для установления даты. В данном случае Ш. М. Левин считает таким доказательством известный факт, что публичные лекции стали «входить в моду» «с 1859 и, в особенности, с 1860 г., когда из Петербурга они довольно широко распространились на Москву и Казань, Одессу, Киев и другие города». Однако распространение лекций имело свою довольно сложную историю,— оно началось ранее 1859 г. и кончилсь позже 1860 г. Если вдуматься в фактический материал этой истории, то приходишь к выводу, что общее впечатление — публичные лекции «входят в моду»—могло быть создано разнообразными событиями. Самая формулировка говорит о начальной стадии процесса распространения публичных лекций, но какие именно грани полагает Ш. М. Левин определяющими для этого начального этапа, мы не знаем. Эта сторона дела напрасно им оставлена без внимания. Тем более потому, что исследователь не считает предлагаемые им даты—1859 и 1860 гг.—равноценными; он ценит выше вторую из них («едва ли не более вероятной датой является 1860 год»). Но почему? Начальный этап лекционного оживления скорее относится

к 1859 и даже к 1858, нежели к 1860 г. Более того, если публичные лекции стали более широко распространяться «в особенности» с 1860 г., то можно ли этот год отнести к начальному периоду распространения лекций? И на этот вопрос нет ответа. Мы так и не знаем, какой именно фактический материал о публичных лекциях имеет в виду исследователь. Имеет ли Огарев в виду лекции в Казани и Одессе, намекает ли на публичные лекции в зале Пассажа на Невском проспекте, говорит ли он о нашумевших лекциях П. Л. Лаврова о современном значении философии или же до него дошли слухи о публичных лекциях профессоров Петербургского университета в пользу недостаточных студентов, — во всех этих случаях мы можем получить несовпадающие даты. На лекции Лаврова, прочитанные в декабре 1860 г., Огарев, разумеется, мог откликнуться и в 1861 г. А почему вычеркивать более ранние годы? В истории распространения лекций немало подлежащих анализу предшествующих событий. Вот свидетельство одного из осведомленных современников: «Собрание в университете профессоров, которые будут читать публичные лекции. Председательствовал попечитель. Ценковский отказался, потому что ему много труда от публичных чтений в Пассаже». Это записал в своем дневнике А. В. Никитенко в декабре 1858 г. («Дневник», т. II. М., 1956, стр. 51). Публичным лекциям посвящена и более ранняя запись в том же дневнике в октябре 1858 г. (там же, стр. 41). Нельзя, конечно, мобилизовать фактический материал за другого автора, но незавершенность аргументации ясна.

Зато свою критическую часть Ш. М. Левин сопроводил детальными соображениями и ссылками на первоисточники. Проанализируем их.

Я опираюсь при датировке документа на тезис Огарева, выделенный и обособленный им в рукописи через разделительные знаки: «Общеславянская конфедерация теперь немыслима; она может уясниться только настоящей войной» («Лит. наследство», т. 61, стр. 500).

«Настоящей войной», которая могла иметь решающее значение для создания общеславянской конфедерации, могла быть, на мой взгляд, только война 1859 г. Франции и Сардинии против Австрии. Этот вывод основывался на том, что сами Огарев и Герцен, не питая ни симпатий, ни доверия к Наполеону III, тем не менее, в тот момент высоко ценили военные потенции Франции, двинувшейся на лоскутную Австрийскую империю, тюрьму славянских народов. «...Разве есть люди, настолько нищие пониманием, что и взаправду думают, что Наполеон ночи не спит, а все кручинится о том, что Италия не свободна?»— иронически спрашивал Герцен в статье «Война», специально посвященной событиям 1859 г. (X, 2). Но он все же полагал, что в этом столкновении «романский мир одолеет сводную разношерстную Австрию...» (X, 3). А стоит рухнуть Австрии,— возникают огромные возможности для славянской конфедерации: «Если же Австрия уничтожится как *сводное* государство, то тогда, какие бы судьбы романского мира ни были, *мы всеми парусами входим в новую эпоху*» (X, 4). Начинается — по Герцену — новая эра и для славянских народов: «Стоит взглянуть на карту, чтоб понять, что от Балкан до Адриатики готовы звенья обширной конфедерации с славными берегами, с естественными границами и с плодоноснейшей почвой» (X, 8). Позже во второй статье о войне 1859 г. Герцен прямо писал: «Мы думали, что он ⟨Наполеон III.— *М. Н.*⟩ выгонит австрийцев из Италии и задавит ее потом своим деспотическим покровительством. Такой удар — чего нет другого — *оканчивал чужеядную Австрийскую империю, призывал к жизни славян и мадьяр*» (X, 68—69. Курсив мой.— *М. Н.*). Следовательно, Герцен и вместе с ним Огарев в начале войны 1859 г. думали, что в результате побед Наполеона III может рухнуть Австрийская империя. После войны они стали думать несколько иначе. Если угодно, можно, конечно, критиковать эту точку зрения и приходить к выводу, что Герцен и Огарев преувеличивали и делали ошибки в анализе международного положения. Но факт остается фактом,— *они так думали* и на этом строили свои проекты об общеславянской конфедерации,— в этом отношении текст «Идеалов» разительно сближается с цитированным текстом статьи Герцена «Война», относящейся к началу военных событий 1859 г. Ш. М. Левин напрасно обходит молчанием этот мой довод (я привожу его в своей работе «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации».— «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1947, № 2, стр. 111). Особенности войны 1859 г., специфи-

ческая трактовка ее возможного исхода Герценом и Огаревым и текстуальное сближение соответствующих утверждений в статье Герцена «Война» и в рукописи Огарева «Идеалы» и дали мне основание для датировки последней 1859 годом. Упоминание же о «моде» на публичные лекции не только не противоречит, а напротив, соответствует этой датировке, потому что 1859 год в истории распространения лекций как раз более подходит к н а ч а л ь н о м у характеру этого распространения, о котором говорит Огарев.

Но Ш. М. Левин выдвигает еще другой тезис: последующие события 1860 г. в борьбе за объединение Италии также могут быть названы просто «войной» и также подходят поэтому под понятие «настоящей войны», о которой говорит Огарев. Однако к этим событиям прежде всего явно не подходит безоговорочно взятое понятие «войны». Ведь основной характер событий иной: прежде всего — *революционное движение*, возглавленное Гарибальди, *революционная война* Италии за свое воссоединение. Тут на первый план выступает другой критерий, определяющий понятие,— критерий *революционности*, который всегда отличали от прочих признаков Герцен и Огарев. Они и не называли гарибальдийское движение просто «войной», находили для него иные определения. Главное же в том, что в центре событий борьбы итальянского народа стояло именно *воссоединение Италии*, а не сокрушение Австрийской империи как таковой — нигде ни у Огарева, ни у Герцена не встретили мы формулировок, похожих на приведенные выше,— о том, что в результате героической борьбы гарибальдийцев рухнет Австрия и создастся общеславянская конфедерация. *Характер* борьбы и *цели* борьбы в 1860 и 1861 гг. (последний год Ш. М. Левин опускает в предложенной им датировке — почему?) совершенно иные и не только объективно иные, но не совпадающие и в *субъективном* понимании Герцена и Огарева. Кстати, подходя к вопросу с другой стороны, Ш. М. Левин сам признает принципиальное различие военных событий 1859 и 1860 гг., противопоставляя «долголетнюю революционную войну более или менее партизанского типа — настоящей войне». Следовательно, согласно мнению самого критика, по *характеру* самих *военных действий* Огарев мог *не* считать «итальянскую войну» 1860—1861 гг. «настоящей» войной... Тут налицо несомненное противоречие в критической аргументации.

Но как можно «возбуждение», царившее «в славянском мире» во время войны за освобождение Италии, приравнять к возможностям создания *общеславянской конфедерации?* Где и когда высказывались об этом Герцен и Огарев? Да кстати и известный корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», на которого ссылается Ш. М. Левин, говорит вовсе не об этих возможностях,— у него и намека нет на общеславянскую конфедерацию. Он говорит в контексте своих корреспонденций об элементах славянского возбуждения лишь как о моментах, *облегчающих* движение Гарибальди, революционную борьбу за воссоединение Италии — и только.

Что касается революционно-национальной борьбы 1860 г. в границах Турции, то ни Герцен, ни Огарев не приписывали этому движению решающего значения для возможностей создания общеславянской федерации. Вместе с тем они также никогда не применяли к этому движению безоговорочного термина «война», под которым они — как и в обычном словоупотреблении — разумели прежде всего вооруженное столкновение *самостоятельных государств*. Заметим, кроме того, что борьбу славянских народов в рамках Турецкого государства вообще трудно привлечь для датировки,— она начинается много ранее и длится много позже интересующих нас дат. Героическая же борьба маленькой самостоятельной Черногории никак не могла сама по себе создать обстановку возможности реализовать всеславянскую конфедерацию и поэтому не удовлетворяет главному признаку искомого события.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что упомянутую в тексте «Идеалов» войну правильнее всего считать войной 1859 г., а не революционной борьбой Италии за воссоединение в 1860—1861 гг. и не национально-революционной борьбой славянских народов на Балканах в 1860 г., потому что ни та ни другая борьба, во-первых, не удовлетворяют признаку возможности создания *общеславянской конфедерации;* во-вторых, и та и другая имеют существенно иной характер, по сравнению с войной 1859 г. (и объективно и субъективно,— в представлении Герцена и Огарева); в-третьих, эта национально-

революционная борьба никогда не именовалась Герценом и Огаревым безоговорочно «войной», а сопровождалась какими-то пояснениями и квалификациями, подчеркивавшими революционно-национальную сущность событий (в то время как война 1859 г. постоянно именовалась в их произведениях и переписке просто «войной») (X, 1, 30, 45, 50, 68 и др.); в-четвертых, войну 1859 г. приходится предпочесть и в силу прямого свидетельства Герцена, связавшего ее с возможностью общеславянской конфедерации (X, 8).

Но тут внезапно в ход наших рассуждений врывается совершенно новое обстоятельство. Оказывается, критик вообще не уверен, можно ли понимать войну, упомянутую Огаревым в «Идеалах», как какую-либо конкретную войну... Может быть, полагает Ш. М. Левин, выражение «настоящая война» просто выражает общее понятие «подлиной войны», противопоставленное войне, так сказать, не подлинной, не настоящей... «Мысль Огарева в таком случае можно было бы, например, понять и следующим образом,— пишет Ш. М. Левин:— только «настоящая» война, а не происходящая долголетняя война более или менее партизанского типа позволила бы уяснить проблему общеславянской конфедерации». Правда, Ш. М. Левин не собирается настаивать на этом странном толковании, но считает подобную гипотезу не исключенной. Следовательно, критик *колеблется* между двумя взаимноисключающими друг друга толкованиями. Подобная позиция — неотъемлемое право исследователя. Можно сколько угодно колебаться между взаимноисключающими друг друга толкованиями. Но в таком случае исследователь лишается права настаивать на выводах, построенных на *одном* из этих взаимноисключающих толкований. Если он не уверен, в каком смысле — конкретном или абстрактном — употреблено слово «война», то лишены базы все его рассуждения о том, что «пока нет оснований» исключать «итальянскую войну» 1860 г. из предположений, о какой войне идет речь в «Идеалах» (см. выше стр. 868 в настоящем томе). Как же «нет оснований»? А если речь вообще идет не о конкретной войне, а о некоем абстрактном понятии,— тогда все конкретные предположения об итальянских событиях 1860 г. вообще рушатся.

На наш взгляд толкование «настоящей войны» в качестве абстрактного понятия в «Идеалах» начисто исключено контекстом документа. Такое толкование требовало бы *противопоставления* одного типа войны другому (т. е. войны партизанского типа — «большой войне»). Но этого противопоставления в рукописи нет. Кстати, нет там и ни единого слова ни о предполагаемых Ш. М. Левиным действиях «партизанского типа» у Гарибальди или у кого-либо другого. Контекст документа не позволяет принять предложенного толкования.

Остается сказать два слова о Сольферино и Виллафранкском договоре. Я тщательно искала, где же это я употребила столь неудачные слова о том, что вопрос о судьбе славянских народов «мог быть снят» поражением австрийских войск при Сольферино, или же что Сольферино «могло бы сыграть в глазах Огарева роль такой грани, за которой интерес „уяснения" проблемы для него исчез». Я так никогда не думала. Приведенные формулировки полностью принадлежат Ш. М. Левину, аналогичных им в моем тексте нет. Налицо явное недоразумение. Слова Огарева о войне не оставляют никаких сомнений, что война *еще не только длится*, не кончилась, *исход ее неясен*. Это и было основанием для более детальной датировки — и только. Я писала: «Так как в момент написания рукописи положение дел для Огарева еще не «уяснилось», можно с большой долей вероятности предположить, что рукопись писалась до поражения Австрии при Сольферино, когда уже никаких сомнений в самом исходе войны быть не могло» («Лит. наследство», т. 61, стр. 494). Где же здесь «потеря интереса», «снятие вопроса»? Здесь лишь констатация того, что слова о войне *написаны в тот момент, когда исход войны еще неясен*. А после Сольферино и Виллафранкского мира он был *уже ясен*, и Огарев дал бы тогда какую-то *другую* формулировку, сделал бы из событий какие-то выводы. Ни о какой «потере интереса» и речи нет. Что же касается дат, то разгром австрийской армии при Сольферино произошел 24 июня 1859 г., перемирие в Виллафранке — через две недели (8 июля), а через три дня — свидание Наполеона III и австрийского императора определило предварительные условия мирного договора. События,

следовательно, развивались и «уяснялись» *стремительно*, снимая колеблющуюся формулировку Огарева, понятную в условиях начала войны, когда исход ее еще не был ясен.

* *
*

Перейдем теперь к документу «Цель русского движения». Сначала опять-таки отвлечемся на минуту от критических замечаний по адресу моей датировки и взвесим позитивные доводы критика в пользу другой даты — 1862 г.; это поможет уяснить вопрос по существу.

Основанием для новой датировки является прежде всего вопрос о Земском соборе. Агитационная кампания, в центре которой был поставлен лозунг всенародного Земского собора, действительно, весною и в середине 1862 г. велась уже широко. Поэтому, аргументирует свою мысль Ш. М. Левин, и рукопись «Цель русского движения» может скорее всего относиться к 1862 г.; вывод подкреплен цитатой из письма Огарева к Н. А. Серно-Соловьевичу, из которой видно, что Огарев считает обязательным делом агитировать за необходимость Земского собора.

Вывод этот вполне убедителен лишь при условии, что Огарев *примкнул* к агитации за Земский собор, кем-то ранее обдуманной и начатой, причем сделал это не сразу, а тогда, когда кампания уже широко развернулась. В этом случае и документ «Цель русского движения», где лозунг Земского собора как раз подробно обосновывается, должен быть прикреплен именно к этому моменту. Какие-то общественные группы задумали кампанию, начали ее, довели до широкого разворота — и тогда убедили Огарева в правильности лозунга. Только при этой предпосылке документ «Цель русского движения» может трактоваться как *начало* увлечения Огарева лозунгом Земского собора, а письмо к Серно-Соловьевичу — как действие, которое по времени совпадает с работой над рукописью «Цель русского движения», в которой автор уяснил себе значение агитации за Земский собор.

Но чем же доказана столь важная презумпция? Чем подкреплено, что кампания агитации за Земский собор была уже в разгаре, широко развернулась, когда Огарев отдал себе отчет в значении лозунга и решил его поддерживать? Как раз это — исходное — положение решительно ничем не доказано.

На мой взгляд Огарев как раз и принадлежит к составу *инициаторов* этой кампании. Он относится к числу лиц, ее задумавших. Поэтому широкий разворот агитационной кампании за Земский собор — отнюдь не довод для датировки рукописи. Силлогизм: 1) Огарев упоминает Земский собор, 2) кампания за Земский собор *широко развернулась* в 1862 г., 3) *следовательно*, рукопись Огарева относится к 1862 г.— не выдерживает критики.

Что такое Земский собор? Это — учредительное собрание. Оно должно состоять «из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом без различия сословий», и должно принять решение о том, каково будет «всеобщее новое устройство России». Лозунг учредительного собрания — старый лозунг русского революционного движения буржуазного периода, возникший еще на этапе дворянской революционности. Это требование выдвигалось декабристами, начиная с Союза Благоденствия,— каждая из декабристских организаций внесла свою долю в его разработку. Восстание 14 декабря прошло под этим лозунгом. Декабристы предпочитали называть учредительное собрание «Великим собором» (отметим даже совпадение имени существительного) или «Всеобщим собором» *, но даже в то время иногда встречается название «Зем-

* Ср. показание К. Ф. Рылеева о том, что было решено «созвать на Великий собор народных представителей из всех сословий народа, которые должны будут решить судьбу государства». Ср. «...с тем однако ж, чтобы и тот устав, который будет принят обоими обществами, был представлен великому народному собору как проект...». Ср. также «...представить на рассмотрение Великого собора как проект...». См. «Восстание декабристов», т. I, стр. 104, 154, 187, 192, 232, 459 и др. В конституции Никиты Муравьева употреблено то же наименование: Народный собор (§ 97, вариант конституции, хранившийся в бумагах И. И. Пущина). См. Приложения к книге Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев», 1933, стр. 334.

ский собор». Буржуазному революционному движению этот лозунг присущ органически (лишь Пестель и Южное общество спорили против него, отстаивая идею введения демократической конституции силою диктатуры Временного революционного правительства). Действительно, свержение абсолютизма требовало решения вопроса о форме правления и принципах конституции через собрание выборных от всего народа, от всей земли. Коль скоро Герцен и Огарев стояли за свержение *абсолютизма* и за «всеобщее новое устройство России» (республиканское или конституционно-монархическое — решит Собор), им нельзя было не думать об учредительном собрании, опыт созвания которого в революционные эпохи был многократно испробован в революционной борьбе Запада. Следовательно, в развитие революционного мировоззрения лозунг Земского собора не вносил ничего нового,— он был неизбежным логическим звеном борьбы с абсолютизмом и крепостничеством — лозунгами буржуазной революции. Новым было практическое внимание к нему, деловая разработка принципа, сосредоточенная агитация.

Прокламация петербургского революционного центра «Барским крестьянам», составленная Н. Г. Чернышевским, призывала к всеобщему организованному крестьянскому восстанию — объективно — во имя этого лозунга (крестьянское восстание для автора прокламации не было, разумеется, самоцелью). Прокламация допускала —правда, считая это худшим исходом — даже установление в России конституционной монархии, хотя предпочитала, конечно, республиканский строй. Датируется эта прокламация временем до реформы 1861 г., по-видимому *близким* к реформе. «Великорусс», широко развернувший агитацию за учредительное собрание, был уже следующим этапом борьбы за свержение абсолютизма и созыв народных представителей,— его агитация также относится к 1861 г. Мне представляется, что документ «Цель русского движения» в общем совпадал по времени с прокламацией «Барским крестьянам» и входит в комплекс действий *инициаторов* борьбы за Земский собор, *начинающих* кампанию за этот лозунг в годы революционной ситуации. Самое содержание документа «Цель русского движения» носит характер доказательства необходимости созыва Земского собора. Нет оснований утверждать, что это вообще первый документ Огарева, где развиваются подобные мысли, но это один из первых, так как он не говорит о Земском соборе как о чем-то само собой разумеющемся (подобно упоминанию в цитированном письме к Н. А. Серно-Соловьевичу), а поясняет в первых же строках не только самое понятие Земского собора, но и аргументирует его неизбежность и необходимость.

Перечислив по пунктам *шесть* основных программных требований, Огарев делает заключение, что «всего этого без общего Земского собора учредить и постановить нельзя», т. е. мотивирует необходимость Земского собора. Он даже питает какую-то слабую надежду на согласие царя на Земский собор, хотя более реальным считает отрицательную позицию самодержавия в этом вопросе («Если (или так как) государь не хочет созвать Земского собора...»). Эта позиция в точности соответствует его колеблющемуся, но все же преимущественно отрицательному отношению к царю в «Письмах к соотечественнику» (1860) и в статье «На новый год» («Правительство будет не совершать преобразования, а мешать им. Поневоле и со скорбью общество придет к заключению: „От правительства ждать нечего, станемте на свои ноги“»). И «Цель русского движения» и указанные статьи в «Колоколе» проповедуют отдачу земли общинам и общинное владение, передачу крестьянам той земли, «которою теперь [крестьяне] владеют» (ср. «Лишь бы народу осталась вся земля, которую он теперь на себе пашет...»), настаивают на уничтожении сословий и равноправии граждан, на уничтожении казенного чиновничества и замене его выборными людьми (ср. «Упразднение казенного чиновничества» в статье «На новый год»), декларируют областные самоуправления и соединение областей в один общий Союз (федерацию) (ср. «устроив областные самоуправления, все увидят необходимость подать друг другу руку на общие интересы и соединиться в федерацию, в общий Союз славяно-русских областей» («Письма к соотечественнику», «На новый год», «Что нужно народу» и др. См. Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М., 1952, стр. 387, 530, 531, 390, 385, 389, 384).

Но «Цель русского движения», несмотря на многочисленные совпадения и сближения требований с программными заявлениями в статьях «Колокола», дает и нечто *большее*, нежели эти статьи, многое *договаривает*, ставит точки над i, трактует конспиративные вопросы, о которых нельзя было открыто говорить в «Колоколе». Удивляться этому нельзя,— конспиративные решения не всегда и не полностью отражались в «Колоколе»,— такова была *тактика* Лондонского центра в лице Огарева и Герцена, и ее нетрудно понять: политическая деятельность во многих отношениях требовала конспирации, и публиковать конспиративные решения надо было в нужное время. Самый же факт *неполного* совпадения конспиративных документов и статей в «Колоколе» разительно ясен, и просто удивительно, что требуется его доказывать. В 1857 г. возникла «Записка о тайном обществе» Огарева, где доказывалось, что тайное общество полезно, возможно и необходимо. Разве эта записка была тогда же опубликована в «Колоколе»? Разве рукопись «Идеалы» появилась на его страницах накануне реформы? Нет, подобные документы в целом не публиковались — и если открытый лозунг созыва учредительного собрания — Земского собора — не попал тогда же на страницы «Колокола», то в этом нет ничего удивительного: он тогда был конспиративным и находился в состоянии разработки; когда пришло время, лозунг этот нашел отражение на страницах «Колокола». Следовательно, в условиях, когда *конспиративный* документ сопоставляется с публикациями в открытой вольной печати, никак нельзя аргументировать от того обстоятельства, что конспиративный документ *дает больше*, чем-то отличается от опубликованного в вольной печати,— и делать это доказательством более поздней датировки конспиративного текста. Как раз наоборот: многие открытые революционные лозунги неизбежно должны были сначала проходить стадию конспиративной разработки и обсуждения, а уже *потом*, позже, выходить на страницы открытой вольной печати,— обратный порядок и немыслим. При аргументации датировок это необходимо принимать во внимание.

Теперь перейдем к первому программному требованию документа — уничтожению крепостного права, которое послужило мне основанием для датировки документа 1860 годом и вызвало возражения Ш. М. Левина. Согласно Огареву, «всеобщее новое устройство России» состоит прежде всего «в немедленном уничтожении всякого крепостного права, помещичьего и казенного, на людей и землю».

Слово «всякого» явно относится к двум основным формам крепостного права — «помещичьего и казенного». Ш. М. Левин напрасно потратил труд на детальное доказательство того, что Огарев и Герцен полагали, что после реформы 1861 г. народ подпал под новое крепостное право и был царем обманут. Это общеизвестно. Только дело в том, что Герцен и Огарев, чтобы подчеркнуть, что они имеют в виду время *после* 19 февраля, говорили о *новом* крепостном праве, а не просто о крепостном праве. Огарев даже так и озаглавил свою статью — «Разбор *нового* крепостного права». Удивительным образом критик не замечает, что в его же материале наличествуют разнообразные определительные слова, поясняющие, что после 19 февраля 1861 г. речь идет о *новом* крепостном праве. «Ответ Великоруссу» требует «*полного* освобождения крестьян», поскольку подразумевается, что освобождение 19 февраля не было *полным*. М. Налбандян требует объявить крепостного «совершенно свободным», поскольку «свобода» 1861 года никак не могла назваться «совершенной». Да примеры из текстов других авторов даже излишни, поскольку налицо выражение самого Огарева — «*новое* крепостное право».

Составляя свой программный документ *после* 1861 г., Огарев не преминул бы вставить это или какое-либо аналогичное определительное слово просто, чтобы быть понятным. Он писал бы в этом случае о немедленном уничтожении *нового* крепостного права, как о первом элементе «всеобщего нового устройства России». Но он так не написал,— очевидно, потому, что не ощутил в этом необходимости, в то время как ощутил же он ее, так сказать, на следующий день после освобождения, работая над статьей «Разбор нового крепостного права».

Это и заставляет меня предпочесть гипотезу, что он писал тогда, когда еще не было нужды в подобном определении, т. е. при старом крепостном праве, до реформы 1861 г.

Сопоставим тексты, на которые ссылается Ш. М. Левин:

Документ «Цель русского движения» (1860)

«Цель русского движения: созвать Земский собор из посланцев ото всех уездов, выбранных всем народом, без различия сословий, для всеобщего нового устройства России, которое состоит:
[Далее следуют шесть программных пунктов].

Образовавшись, общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех концов на Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками, оставляя по дороге селы и города учреждать сам свой внутренний порядок, с упразднением казенного чиновничества и клича клич на общий Земский собор, который, если б император не захотел его, собрался бы помимо его воли и выбрал бы царя нового — если нужно — или составил бы при себе правительственный совет из людей, перед Земским собором ответственных».

Документ «Заграничные общества» (1862)

«Теперь цель: цель — привести правительство к созванию Земского собора, на основаниях трех адресов (общего — формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), то есть на основаниях, что земли — земское достояние, что управление выборное и что области распределятся по собственному желанию на самостоятельные отделы федерации. Далее цель — если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом»,

Это сопоставление доказывает, что в то время, когда писались оба документа, лозунг о созвании Земского собора *не был снят* (а часто ли он снимался в русском революционном движении?), разрабатывался далее (второй текст более разработан и детализирован — в нем речь идет о трех определенных адресах, о которых речи не было в первом документе; тактическая особенность организации восстания — «со всех периферий *разом*»— также интересная практическая деталь, отсутствовавшая в первом документе). Никаких доказательств полной *одновременности* возникновения сопоставление текстов, указанных Ш. М. Левиным, на мой взгляд не содержит.

Что же касается выражения «как есть межа», то тут Ш. М. Левин прав,— Огарев употреблял настоящее время в *аналогичных* случаях и *после* реформы,— но для меня это соображение играло лишь дополнительную роль, воспринималось как деталь. Датировка документа «Цель русского движения» 1860 годом продолжает представляться мне на основе изложенных соображений самой правдоподобной.

Хотелось бы подчеркнуть большую ценность соображений Ш. М. Левина о видоизменении лозунга о земле в статье Огарева «Куда и откуда» (май 1862 г.), где впервые формулируется положение «Земля чтоб вся осталась за миром и помещик — таким же мирским пайщиком как и другие». Но в соответствии с изложенным выше этот тезис, на мой взгляд, хронологически выходит за рамки обсуждаемого периода.

Хотелось бы, кончая ответ, еще раз выразить удовлетворение, что началось *научное* обсуждение датировок «пражских» документов,— правда, почти через десять лет после первой их публикации,— но все же началось. Будем надеяться, что оно продолжится, самое главное—почин.

М. Нечкина

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К ТРЕМ ТОМАМ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА», ПОСВЯЩЕННЫМ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ*

Составила Н. Д. Эфрос

I. ПОРТРЕТЫ ГЕРЦЕНА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, СКУЛЬПТУРА

Герцен в младенческом возрасте. Рис. неизв. художн., 1813 г. из альбома, подаренного Герцену Огаревым ПК.—III,**755.

Герцен. Рис. А. Л. Витберга, итал. карандаш, 1836 г. МИИ.—III, вклейка между стр. 8—9.

Герцен. Рис. В. И. Филипповича (?), 1842 г., из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—I, 733.

Герцен. Рис. Т. Г. Шевченко в его дневнике, 1857 г. (по грав. Леммеля). Музей Т. Г. Шевченко, Киев.—II, 641.

Герцен. Пастель неизв. художн. по фото С. Г. Левицкого, 1861 г. ГЛМ (ранее ПК).—I, 153.

Герцен. Рис. А. Е. Бейдемана, 1860-е г. 5 РМ.—I, 495.

Герцен. Масло Н. Н. Ге, 1867 г. ГТГ — I, цветн. вклейка, фронтиспис.

Герцен. Масло работы Н. А. Герцен (дочери). Автокопия, 1867 г. Собр. Н. Ю. Герцен, Москва.—II, фронтиспис.

Герцен. Модель надгробного памятника. Скульптура работы П. П. Забелло, 1870—1872 гг. Местонахожд. ориг. неизвестно, воспр. по негативу. ПК.—II, 295.

Герцен. Рис. И. А. Астафьева. Местонахожд. ориг. неизвестно, воспр. с фототипии—II, 313.

Герцен. Рельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г. ГТГ.—III, 213.

Герцен. Памятник во дворе старого здания МГУ. Скульптура Н. А. Андреева, 1921 г.—III, 573.

---

* Список условных сокращений

Государственная историческая библиотека, Москва — ГИБ
Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва — ЛБ
Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград — ГПБ
Государственная Третьяковская галерея, Москва — ГТГ
Государственный Исторический музей, Москва — ГИМ
Государственный Литературный музей, Москва — ГЛМ
Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва — МИИ
Государственный Русский музей, Ленинград — ГРМ
Государственный Эрмитаж, Ленинград — Эрм.
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва — ИМЛ
Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Ленинград — ИРЛИ
Коллекция документов Герцена и Огарева, переданная правительством Чехословацкой республики в дар Академии наук СССР, «пражская коллекция», хранившаяся ранее в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР), ныне — в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), Москва — ПК
Коллекция документов Герцена и Огарева, переданная Болгарской Академией наук в дар Академии наук СССР, «софийская коллекция», ныне — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Москва—СК
Московский областной государственный исторический архив — МОГИА
Музей истории Ленинграда — МИЛ
Музей революции, Ленинград — МРЛ
Музей Революции, Москва — МР
Научная библиотека Московского государственного ордена Ленина университета им. М. В. Ломоносова — МГУ
Отдел истории русской культуры Эрмитажа — ОРК
Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва — ЦГАЛИ.
Центральный Государственный исторический архив, Москва — ЦГИА

** Римские цифры обозначают тома I, II, III (61, 62, 63) «Литературного наследства», арабские — страницы.

Герцен. Бюст (дерево) работы С. Т. Коненкова, 1951 г. Собр. скульптора, Москва.—II, 577.
Герцен. Бюст работы С. Т. Коненкова в парке нового здания Московского университета на Ленинских горах. Гранит, 1953 г. —II, 251.
Герцен. Скульптура (гипс) работы М. И. Мильбергера, 1954 г. Музей латвийского и русского искусства, Рига.—III, 83.
Герцен в Крутицких казармах. Рис. О. А. Дмитриева, 1956 г. ГЛМ.—III, 295.

ЛИТОГРАФИИ И ГРАВЮРЫ

Герцен. Литогр. Леона Ноэля, 1847 г. Сохранилась в «деле» о Герцене бельгийской полиции. ЦГАЛИ.—III, 301.
Герцен. Литогр. Замаскированное изображение в русском подцензурном издании — «Портретная галерея русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей» А. Э. Мюнстера, СПб., 1859.—II, 471.
Герцен. Грав. портрет, воспроизведенный в немецком журнале «Die Gartenlaube», 1861, № 48, при анонимной статье о Герцене: «Русский патриот».—I, 91.
Герцен. Грав. К. Адта, 1890-е гг. МИИ.—II, 423.
Герцен. Офорт В. В. Матэ, около 1900 г. ГРМ.—II, 713.
Герцен. Офорт М. В. Рундальцева, 1905 г. МИИ.—II, 53.

ФОТОГРАФИИ

Герцен. Дагерротип, 1850 г. ГИМ.—I, вклейка между стр. 112—113.
Герцен. Дагерротип 1850—1852 гг. ПК.—I, 29.
Герцен. Фото с дарственной надписью Герцена М. К. Рейхель от 4 февраля 1854 г. ПК.—I, 209.
Герцен с дочерью Татой. Дагерротип начала 1850-х гг. ПК.—I, 293.
Герцен. Фото 1850-х гг. ИРЛИ.—II, 163.
Герцен. Фото 1861 г. с дарственной надписью неустановленного лица В. П. Боткину. ИРЛИ.—II, 43.
Герцен. Фото 1861 г. с дарственной надписью неустановленному лицу от 19 июля 1862 г. Частное собр. Польша. Воспр. с поздн. перепечатки. ИРЛИ.—III, 167.
Герцен. Фотография в альбоме «Panthéon parisien» («Парижский пантеон») в тексте биографической статьи о Герцене Шарля Эдмона, 1861 г. Портрет продавался в пользу польского революционного фонда. ГПБ.—II, 525.
Герцен. Фото с дарственной надписью неустановленному лицу, февраль 1865 г. ГИМ.—III, 317.
Герцен. Фото с дарственной надписью неустановленному лицу, октябрь 1869 г. ГЛМ.—I, 383.
Герцен на смертном одре. Фото 21—23 января 1870 г. ПК.—III, 525.

II. ПОРТРЕТЫ ОГАРЕВА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, СКУЛЬПТУРА

Огарев. Рис. неизв. художн., 1830-е гг. ГЛМ.—I, 707.
Огарев. Масло неизв. художн., 1830-е гг. ГИМ.—I, цветн. вклейка между стр. 456—457.
Огарев. Силуэт, 1840-е гг. с дарственной надписью М. Л. Огаревой Е. В. Салиас де Турнемир. ГЛМ.—I, 809.
Огарев. Рис. Х. Я. Рейхеля, 1842 г., из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—I, 723.
Огарев. Портрет, отобранный при обыске у студента А. Ф. Ергина в июне 1862 г. Рис. карандашом с гравюры конца 1850-х гг. ЦГИА — III, 111.
Огарев. Памятник во дворе старого здания МГУ. Скульптура Н. А. Андреева, 1921 г.—III, 579.
Огарев. Плакат М. Л. Иоффе, 1948 г.—II, 671.

ГРАВЮРЫ

Огарев. Грав. конца 1850-х гг. с дарственной надписью Огарева старшей дочери Герцена Н. А. Герцен. ПК.—I, вклейка между стр. 472—473.

ФОТОГРАФИИ

Огарев. Фото с дарственной надписью Огарева М. Ф. Корш от 2 июня 1857 г. ГИМ.—I, 883.
Огарев. Фото, конец 1860-х гг. ГИМ.—II, 201.
Огарев на смертном одре. Фото, 12—13 июня 1877 г. ПК.—III, 501.

ГРУППА

Герцен и Огарев. Фото с дарственной надписью Герцена М. К. Рейхель от 9 декабря 1860 г. ГИМ.—I, 179.

III. АВТОГРАФЫ ГЕРЦЕНА

«...Чтоб выразуметь эту исповедь страдальца...». Автобиографический набросок, 1833—1834 гг. (?). ЦГАЛИ.—I, 9, 10.

Запись показаний, данных на допросе первой Следственной комиссии 24 июля 1834 г. МОГИА.—III, 275.

Записная тетрадь Герцена 1836 года, купленная Е. С. Некрасовой в 1872 г. «под Сухаревой башней» в Москве. Обложка и листы с пометами Герцена. ЛБ.—III, 623.

Письмо к Огареву от 14 ноября—4 декабря 1839 г. ПК.—I, 387.

Шуточное объявление о переезде Н. Х. Кетчера в Петербург, 1843 г. Написано совместно с Т. Н. Грановским. ЛБ.—II, 101.

Запись в дневнике от 19 июня 1845 г., на обороте листа с надписью Н. А. Герцен (жены). ЛБ.—III, 359.

Список, рукой Герцена с посвященного ему стихотворения Огарева «Я ехал ночью *по полю пустому...*», 1846 г. ЛБ.—I, 755

Памятная надпись Т. Н. Грановскому, сделанная в прощальный вечер 18 января 1847 г. перед отъездом за границу. Вынарапана на нижней стороне подставки для бутылки. Частное собрание, Москва.—III, 555.

Письмо к П.-Ж. Прудону от 27 августа 1849 г. ПК.—II, 493.

«Долг прежде всего». Листы авторизованного списка, 1851 г. ЦГАЛИ.—I, 35.

«Посвящение (Николаю Огареву)». Рукопись на франц. языке, 1851 г. ПК.—I, 25.

Письмо к М. К. Рейхель от 2 апреля 1852 г. ПК.—I, 325.

Черновой набросок письма к Огареву от 3 апреля 1852 г. ПК.—I, 391.

«Былое и думы (Братьям на Руси)». Первоначальный вариант введения, переписанный Герценом для М. К. Рейхель, 2 ноября 1852 г. ПК.—I, 373.

Письмо к Шарлю Рибейролю от 19 ноября 1854 г. ПК.—I, 219.

«О буржуазной Европе. Письмо первое». Листы рукописи на франц. языке, 1854—1855 гг. ПК.—I, 101.

Помета Герцена на списке стихотворения П. Л. Лаврова (?) «...На празднества, бывшие в Москве...», 1856 г. СК.—III, 193.

«Былое и думы». Лист черновой рукописи части VI, глава «Лондонская вольница пятидесятых годов», 1856—1857 гг. СК.—II, 63.

«Былое и думы». Глава «Oceano Nox». Страницы «Полярной звезды» на 1859 г. с правкой и вставками Герцена. ПК.—II, 15.

Письмо к Ференцу Пульскому от 12 мая 1859 г. Воспр. с фото (подлинник в Будапеште). МГУ.—I, 253.

«Что, в самом деле, проще и доступнее, как понятие старости и смерти...». Запись начала 1860-х гг. ПК.—I, 124.

Запись на полях вырезок из английских газет с материалами, характеризующими отношение английского суда к неимущим классам, 1860-е гг. ПК.—III, 803.

Непроизнесенная речь о 19 февраля 1861 года. Лист черновой рукописи. ПК.—III, 67.

«Двоюродный братец». Набросок ответа на статью Н. Г. Чернышевского, 1861 г. ПК.—I, 121.

Письмо к Сахновскому от 17 апреля 1863 г. Библиотека Польской Академии наук, Краков.—III, 141.

Запись на полях «Приложения» к бельгийской газете «La Rive Gauche» («Левый берег») № 40 от 19 ноября 1865 г. ПК.—III, 809.

«Былое и думы». Лист черновой рукописи части VIII, глава «Без связи», 1867 г. СК.—III, 751.

Надпись от 24 апреля 1867 г. на иллюстрированном листе почтовой бумаги, посланном дочери Ольге. ПК.—I, 279.

Пометы на корректуре объявления об издании «Колокола» на франц. языке и письмо к Ст. Тхоржевскому от 25 октября 1867 г. на обороте этой корректуры. ЛБ.—I, 399, 400.

«Писарев». Лист черновой рукописи статьи на франц. языке, 1868 г. ПК.—III, 737.

Гранка «Kolokol'a» № 13 от 15 октября 1868 г. с пометами Герцена и его правкой. ПК.—III, 815.

«Панславист Шедо-Ферроти и русские ужасы». Листы списка с правкой и вставками Герцена. Список сделан Н. А. Герцен (дочерью) с французского текста статьи, 1868 г. ПК.—III, 687.

«К старому товарищу». Листы рукописи письма первого, 1869 г. ПК.—I, вклейка между стр. 158—159.

«К старому товарищу». Листы рукописи письма четвертого, 1869 г. ПК.—I, 167.

«Между старичками». Лист авторизованного списка статьи, сделанного Н. А. Герцен (дочерью), с эпиграфом рукой Герцена, 1869 г. ПК.—I, 185.
Письмо к Огареву от 12 января 1870 г. ПК.—I, 451.
Последний автограф Герцена: строки, обращенные к Огареву. Вписаны в письмо к нему Н. А. Герцен (дочери) от 18 января 1870 г. ПК.—III, 481.

IV. АВТОГРАФЫ ОГАРЕВА

Запись показаний, данных на допросе первой Следственной комиссии, июль 1834 г. МОГИА.—III, 284.
«Песнь пленного индейца». Ноты на слова А. И. Полежаева, 1840-е гг. ЛБ.—III, 85, 86.
Ноты на слова Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...», 1840-е гг. ГЛМ.—I, 767.
«Хочу еще письмо писать...», «Дай расскажу тебе, мой друг...». Стихотворения к М. Л. Огаревой, 1840 г., ПК.—I, 605.
Письмо к Евд. В. Сухово-Кобылиной от 14/2 октября 1844 г. ЦГАЛИ.—I, 873.
Письмо к Герцену от 10 декабря 1846 г. ПК.—I, 739.
Дарственные надписи в альбоме, подаренном Герцену: от 25/13 июля 1858 г. и 6 апреля 1870 г. для Н. А. Герцен (дочери). ПК.—III, 769.
«Радаев». Лист рукописи поэмы 1859 г. с позднейшей дарственной надписью Т. П. Пассек М. И. Семевскому от 7 августа 1885 г. ИРЛИ.—III, 619.
«Моя исповедь». Глава первая. Лист рукописи 1860—1862 гг. ПК.—I, 675.
«Рудольфов транш». Стихотворение, посвященное Л. Н. Толстому, 1861 г. ПК.—I, 629.
Письмо (черн.) к Джону Стюарту Миллю от июля — августа 1862 г. ПК.—I, 897.
Надпись и стихотворение, посвященное Н. А. Герцен (дочери) в книге для рисования, подаренной ей 11 декабря 1862 г. ПК.—III, 447.
«Мой русский стих, живое слово...». Стихотворение, обращенное к Мэри Сетерленд, 1862—1864 гг. ПК.—I, 633.
«Настоящее и думы (письма к Герцену)». Стихотворения, 1863 г. ПК.—I, 637.
Проект районирования революционных организаций. Запись на листе в записной книжке, 1863 г. ПК.—I, 559.
Письмо (черновик) к Эмилю Квантену от 15 мая 1863 г. Международный институт социальной истории, Амстердам.—III, 147.
Письмо к И. П. Ворожцову от 18 января 1865 г. Было найдено при обыске у Ворожцова. ЦГИА.—III, 339.
«Осужденному». Стихотворение, обращенное к Д. В. Каракозову, 1866 г. ПК.—I, 643.
«Встреча». Рукопись листовки, 1869 г. ПК.—I, 591.
Отрывок из статьи «Памяти Герцена», 1870 г. ПК.—I, 573.
«Записки русского помещика». Черновая рукопись в записной тетради, 1873 г. ЛБ.—III, 591.

СОВМЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Дарственная надпись Герцена от 22 июля 1859 г. в записной тетради Огарева и стихотворение Огарева «Памяти Рылеева» на другом листе той же тетради. ЛБ.—III, 105.
«Заграничные общества...». Революционно-конспиративный документ, написанный Огаревым и содержащий помету Герцена, 1862 г. ПК.—I, вклейка между стр. 504—505.
Письмо Огарева к В. С. Печерину от 11 или 12 марта 1863 г. Черновик с надписью Герцена. СК.—II, 477.

V. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

ГЕРЦЕНА

Альбом печатных отрывков и списков сочинений Герцена, 1857 г. Титульный лист и *оглавление рукописной части*. ПК.—II, 279.
Объявление (на франц. языке) о предстоящем выходе в свет третьей книжки «Полярной звезды», 1857 г. ПК.—II, 363.
«Большая книга». Альбом, подаренный Герцену Огаревым, 1858 г. (переплет). ПК.—III, 769.
Сообщение о назначении В. Н. Панина председателем редакционных комиссий, напечатанное Герценом в траурной рамке. «Колокол», л. 65-66 от 15 марта 1860 г.—II, 383.

Приглашение на праздник в честь «начала освобождения крестьян», организованный Герценом. «Колокол», л. 95 от 1 апреля 1861 г.—III, 69.
Сообщение о покушении на Герцена, готовившемся русской полицией. Вырезка из парижской газеты «Opinion nationale» от 16 октября 1861 г. ПК.—III, 669.
Прокламация «К молодому поколению». Список, сохранившийся в бумагах Герцена, 1861 г. ПК.—II, 181—182.
Пай вольной русской типографии в Женеве с факсимиле Герцена, 1865 г. ПК.—I, 277.
Объявление в газете «Голос» от 4 марта 1866 г. о поступлении в продажу в книжном магазине Е. П. Печаткина в Петербурге романа Герцена «Кто виноват?».—II, 271.
Сообщение, напечатанное Герценом, с целью дезориентировать русскую полицию, о прибытии за границу С. Я. Жеманова, бежавшего из Казанской тюрьмы, а в действительности находившегося в России.— «Колокол», л. 237 от 15 марта 1867 г.—II, 729.
Сообщение о смерти Герцена, напечатанное в парижской газете «La Marseillaise», № 36 от 23 января 1870 г.—III, 529.
Обращение комитетов по чествованию памяти Герцена в связи со столетием со дня его рождения. Подписано Г. В. Плехановым, П. А. Кропоткиным, В. М. Озеровым, С. Я. Елпатьевским, Анатолем Франсом, Ал. Стейнлейном, Габриэлем Моно и др. Вырезка из неустановленной французской газеты, 1912 г. ПК.—II, 435.
Объявление о подготовке к печати полного собрания сочинений Герцена и сборе материалов для этого издания, помещенное наследниками писателя в «L'Etoile Belge» от 14 ноября 1913 г. ПК.—III, 847.

ОГАРЕВА

Проект договора Огарева с крестьянами села Верхний Белоомут, отпущенными им на волю, 1841 г. ЦГАЛИ.—I, 847.
Список рукой А. А. Потебни (?) офицеров — членов революционной организации 1860-х гг. в записной книжке Огарева. ПК.—I, 513—514.
Список стихотворения Огарева «Арестант», отобранный при обыске у студента А. Ф. Ергина в июне 1862 г. ЦГИА.—III, 115.
Инструкция о порядке отсылки агитационной литературы «Земли и воли» в Польшу и Россию, 1863 г. Написана рукой А. А. Слепцова (?) в записной книжке Огарева. ПК.— I, 555.
Показание В И. Кельсиева от 8 августа 1867 г., удостоверяющее, что письмо, найденное у Ворожцова, написано Огаревым. ЦГИА.—III, 341.
Свидетельство, подтверждающее передачу Огаревым Нечаеву части Бахметевского фонда. Составлено 20 июня 1870 г. ПК.—III, 499.
Мандат, выданный Огареву «Центральным комитетом спасения Франции» в дни Лионского восстания (сентябрь 1870 г.). ПК. —II, 439.

ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Список лиц, арестованных по общему с Герценом и Огаревым делу, с указанием мест их заключения, 1834 г. МОГИА.—III, 285.
Извещение Герцена и Огарева от 12 мая 1862 г. об основании «Общего фонда» при редакции «Колокола». ИМЛ.—II, 393.
Обложка 4 тома дела «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», 1862—1864 гг. ЦГИА.—II, 565.
Правила акционерного общества Вольной русской типографии с автографическими подписями Герцена, Огарева и других членов общества, 1865 г. Написаны рукой В. И. Касаткина. ЛБ.—I, 273.

ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Список крестьян, погибших при усмирении волнений в селе Бездна. Составлен в апреле — мае 1861 г. Музей Татарской АССР, Казань.—II, 117.
Печать общества «Земля и воля». Воспроизводится с одной из нелегальных листовок, выпущенных обществом в 1863 г. ИМЛ.—II, 649.
Донесение иркутского жандармского штаб-офицера шефу жандармов от 23 февраля 1866 г. о подготовке в Восточной Сибири вооруженного восстания, в котором ближайшее участие принимал Н. А. Серно-Соловьевич. Документ содержит указание на дату смерти Н. А. Серно-Соловьевича, ранее точно не установленную. ЦГИА.—II, 569.

Обложка дела III Отделения о Пестереве и Ворожцове, 1866 г. ЦГИА.—III, 313.
На Семеновском плацу во время гражданской казни петрашевцев 22 декабря 1849 г.
Чертеж Д. Д. Ахшарумова, в письме к В. И. Семевскому от 5 апреля 1901 г. ЦГИА.—III, 185.
Петрашевцы на эшафоте во время церемонии гражданской казни 22 декабря 1849 г. Чертеж Д. Д. Ахшарумова в письме к В. И. Семевскому от 5 апреля 1901 г. В пояснительном тексте указана неточность, допущенная в описании сцены гражданской казни в записках М. А. Корфа, процитированных В. И. Семевским в его статье «Из истории общественных идей в конце 1840-х годов».—«На славном посту». Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому. СПб., 1901 <?>. ЦГИА.—III, 186.

VI. КНИГИ И СТАТЬИ С НАДПИСЯМИ

ГЕРЦЕНА

Письма об изучении природы (письмо третье). Оттиск из «Отечественных записок» 1845, № 7. С дарственной надписью П. В. Анненкову. ИРЛИ.—II, 41.
Письма об изучении природы (письмо пятое). Оттиск из «Отечественных записок» 1845, № 11. С надписью Н. Х. Кетчеру. ЛБ.—I, 777.
Публичные чтения г-на профессора Рулье. Оттиск из «Московских ведомостей» №№ 147 и 148 от 8 и 11 декабря 1845. С надписью Н. Х. Кетчеру. ЛБ.—II, 21.
Капризы и раздумье. Оттиск из «Петербургского сборника», 1846. С надписью Н. Х. Кетчеру. ЛБ.—II. 697.
Кто виноват? Искандера. СПб., 1847. С дарственной надписью С. Л. Поленовой. ИРЛИ.—II, 275.
Au citoyen rédacteur de l'Homme.—«L'Homme», № 13, 22 février, 1854.—Первая публикация письма: «К гражданину редактору „L'Homme"». Газетная вырезка с правкой рукой Герцена. ЛБ.—I, 221.
Оба лучше.—«С.-Петербургские ведомости», 1856, № 206 от 2 сентября.—Первая публикация статьи, за подписью «В. Б.». Газетная вырезка с поправками и пометами Герцена. ПК.—II, 339.
«Полярная звезда на 1857 год», Лондон. С дарственной надписью Мальвиде Мейзенбуг. ПК.—II, 59.
Письма из Франции и Италии Искандера (1847—1852). Изд. второе Н. Трюбнера. Лондон, 1858. С дарственной надписью неустановленному лицу. ЛБ.—I, 319.
«Полярная звезда на 1859 год», книга пятая. Лондон, 1859. С дарственной надписью Фридриху Боденштедту. ИРЛИ.—II, 347.
За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая Искандера. Лондон, 1860. С дарственной надписью Н. И. Тургеневу. ГЛМ.—I, 195.
Былое и думы Искандера. Том третий. Лондон. Вольная русская типография, 1862. С дарственной надписью неустановленному лицу. Собр. Н. П. Анциферова, Москва.— I, 269.
Записки декабристов. Выпуски второй и третий. Лондон, 1863. С дарственной надписью А. К. Бакуниной. Частное собр. Париж.—II, 589.
Былое и думы, ч. VII. «Полярная звезда», кн. VIII. Типографские листы с дарственной надписью М. К. Рейхель от 27 июля 1868 г. ПК. —I, 377.
Le docteur Kroupoff <Доктор Крупов>.—«Revue Française», 1858.—Страницы журнала с правкой рукой Герцена, сделанной при переиздании перевода повести в «Kolokol», 1868. ПК.—I, 411.
Статья о Герцене в «Биржевых ведомостях» № 73 от 1 марта 1869 г. Газетная вырезка с пометами Герцена. ПК.— III, 821.
Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России, ч. I, с автографическою надписью Герцена, 1832 г. ГЛМ.—I, 715.

ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

<Дмитриев-Мамонов Ф. Н.> Эпистола от генерала к его подчиненным или генерал в поле со своим войском... М., 1770. С шуточными надписями Герцена и Огарева К. Д. Кавелину. ГИБ.—I, 779.

VII. ПЕЧАТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРЦЕНА. ИЗДАНИЯ, ИМ ВЫПУСКАВШИЕСЯ И РЕДАКТИРОВАВШИЕСЯ. КНИГИ И СТАТЬИ О НЕМ

Письмо из провинции. Статья 1835—1837 гг.—«Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком», кн. III. М., 1840.—I, 15.
«La voix du Peuple» 25 septembre 1849, N. Specimen. Пробный номер газеты П.-Ж. Прудона, издававшейся при материальной поддержке Герцена и его сотрудничестве.—II, 499.

Vom anderen Ufer. Hamburg, 1850, Hoffmann und Campe.— Первое отдельное издание «С того берега». ПК.—I, 243.
Briefe aus Italien und Frankreich (1848—1849). Hamburg, 1850. Hoffmann und Campe.— Первое отдельное издание «Писем из Франции и Италии». ПК.—I, 245.
⟨Wer hat Schuld?⟩ Russlands Novellendichter Uebertragen und mit biographisch-kritischen Einleitungen von Wilhelm Wolfsohn. Dritter Theil. Alexander Herzen. Leipzig, 1851.—Перевод на немецкий язык повести «Кто виноват?».—II, 327.
Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси. Литогр. листок, 1853 г. ПК.—I, 267.
Du développement des idées révolutionnaires en Russie par Alexandre Herzen. London, 1853. Второе издание книги «О развитии революционных идей в России».—II,722.
Russlands sociale Zustände von Alexander Herzen. Hamburg. Hoffmann und Campe. 1854.—Третье издание книги «О развитии революционных идей в России», вышедшее под смягченным для немецкой цензуры заглавием «Социальные порядки России».—II, 723.
Herr Redacteur. Открытое письмо к редактору газеты «Kölnische Zeitung» от 16 июня 1854 г. Газетная вырезка. ПК.—I, 217.
To the editor of the Globe... «The Globe» 25 October 1855.— Письмо к издателю «The Globe». Газетная вырезка. ПК.—III, 797.
L'Etoile Polaire sur la mort de Stanislas Worcell (traduit du russe). Londres, 1857. Франц. перевод некролога Ворцеля, написанного Герценом. ПК.—I, 228.
А. Радищев. Путешествие из С.-Петербурга в Москву. London, Trübner 1858. С предисл. Герцена.—II, 505.
Le Monde russe et la révolution. Mémoires de A. Herzen. Traduit par H. Delaveau. Paris, 1860.—Франц. перевод «Былого и дум», появившийся под измененным названием «Русский мир и революция».—I, 41.
Историческое развитие революционных идей в России. А. Герцен. Издание первое в переводе. Посвящается студентам Московского университета. М., 1861.— Литогр. издание московского студенческого кружка П. Э. Аргиропуло и П. Г. Заичневского. Первое издание на русском языке книги Герцена «О развитии революционных идей в России». ЛБ.—II, 239.
Русская кровь льется.—«Колокол», л. 98-99, 15 мая 1861.—Первая публикация статьи. Герцен включил в нее отрывок из письма к нему С. С. Громеки от 18 апреля 1861 г.— II, 113.
Из воспоминаний об Англии.—«Искра», 1861, № 24, 30 июня. Первая публикация за подписью «Н. Огурчиков».—II, 131.
A Monsieur le rédacteur de «La Cloche».— «La Cloche», Bruxelles, 20 septembre 1862. Письмо к редактору газеты Леону Фонтэну.—II, 645.
Концы и начала Искандера с предисловием автора. Norrkoeping. ⟨Женева⟩, 1863.— Первое отдельное издание.—II, 681.
А. А. Потебня.—«Колокол», л. 161, 15 апреля 1863 г. Сообщение о гибели Потебни.— I, 565.
Nouvelle phase de la littérature russe. Par A. Herzen (Iskander), 1864. Bruxelles et Gand. Новая фаза русской литературы.—Отдельное издание очерков Герцена, печатавшихся в газете «La Cloche».— II, 675.
Н. Г. Чернышевский. — «Колокол», л. 186, 15 июня 1864. О приговоре над Чернышевским. — II, 661.
Кто виноват? Роман в двух частях. СПб., изд. В. О. Ковалевского, 1866.— II, 267.
Нашим польским братьям. 1866.— Корректурный оттиск листовки. ПК.— I, 135.
Une voix russe sur la guerre.—«La Rive Gauche», № 29, 22 Juillet, Bruxelles, 1866.—Перевод статьи Герцена «Война» под измененным названием «Голос русского по поводу войны». ПК.—I, 407.
La colonie russe. Par Iskander (A. Herzen). Paris-Guide par les principaux écrivains et artistes de la France. 1867, deuxième partie, Paris. — Статья Герцена «Русская колония» в путеводителе по Парижу, выпущенном к Всемирной выставке. Там же факсимиле Герцена и других участников сборника.— I, 417.
«Kolokol» («La Cloche»), № 1, Genève, 1 Janvier, 1868.—Издание «Колокола» на франц. языке.—III. 253.
«Колокол (Русское прибавление)» № 1, Женева, 1 января 1868 г.—Прибавление к изданию «Колокола» на франц. языке.—III, 261.
Supplément du «Kolokol» («La Cloche»), Genève, le 15 février 1869. — Первый и единственный номер французского прибавления к изданию «Колокола» на франц. языке.— III, 267.
Скуки ради, гл. VI.—«Неделя», СПб., 1869, № 10, 23 февраля (7 марта).—Очерки печатались за подписью «И. Нионский».—I, 139.
Monsieur le rédacteur. Письмо-опровержение к редактору газеты «Le Nord»; 16 марта 1869 г. Газетная вырезка. ПК.—I, 427.
Раздумье. (Разные вариации на старые темы), М., изд. Е. А. Троян ⟨А. В. Скалона⟩, 1870. Сборник избранных сочинений Герцена.—II, 572.
Письма об изучении природы. Сочинение автора «Раздумья». М., изд. Е. А. Троян

⟨А. В. Скалона⟩, 1870.—Первое отдельное издание. Книга была запрещена цензурой и почти весь тираж ее уничтожен. ЛВ.—II, 573.
Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена (с портретом автора). Издание детей покойного. Женева, 1870.—В этом сборнике были впервые напечатаны «Письма к старому товарищу».—I, 199.
Zeitgenossen. Biographische Skizzen von Alfred von Wurzbach. Alex. Herzen (Mit Porträt). Leipzig, 1871.—Биографический очерк о Герцене.—II, 83.
⟨Рассказ о Левке из «Доктора Крупова»⟩. «Игрушечка». Журнал для детей. СПб., 1882, № 9, 14 марта.—Напечатан под названием «Рассказ Саши» в тексте воспоминаний Т. П. Пассек.—III, 637.
Памяти Герцена. «Социальдемократ» № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.—Первопечатный текст статьи В. И. *Ленина*. ИМЛ.—I, 161.
«Колокол»—однодневная газета памяти Герцена. Пг., 21 января 1920. Издана под ред. М. К. Лемке в ознаменование пятидесятилетия со дня смерти Герцена. ЛБ.—III, 851.

VIII. ПЕЧАТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОГАРЕВА. ИЗДАНИЯ, ИМ ВЫПУСКАВШИЕСЯ И РЕДАКТИРОВАВШИЕСЯ

Стихотворения Н. Огарева. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1856.—Первое издание стихотворений Огарева.—II, 451.
Ответ на ответ Великоруссу. Прокламация. Летучие листки № 1, Гейдельберг, 1862. ЛБ.—II, 425.
Essai sur la situation russe. Lettres à un anglais par N. Ogareff. Londres, Trübner. 1862.—Первое издание брошюры Огарева: Очерк современного положения России.—II, 481.
Ответ на письмо об «Общем вече».—«Общее вече», № 2, от 22 августа 1862.—III, 133.
Первое письмо (к В. И. Баксту). Литогр. изд., Лондон, май, 1862. С припиской Герцена. ЦГИА.—III, 121.
Всему народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота. Лондон, 1863. Листовка Огарева и А. А. Слепцова ИМЛ.—II, 197.
Братья-солдаты, ведут вас бить поляков. Листовка. Издание Вольной русской типографии. Лондон, 1863. ИМЛ.—II, 487.
«Из-за матушки за Волги...». Стихотворение.—«Вольный песенник», второй выпуск, 1869. ПК.—I, 583.
Мужичкам. Листовка Огарева, 1869. ПК.—I, 587.
«Колокол» № 1, Женева, 2 апреля 1870. Возобновленное издание.—III, 709.
Будущность (посвящается памяти Герцена).—Листовка Огарева. Женева, 1870. ИМЛ.—II, 401.
Эмс. Стихотворение. — «Игрушечка». Журнал для детей, СПб., 1882, № 13.—Напечатано за подписью «Н. О—в».—III, 615.

ГЕРЦЕН—ОГАРЕВ

14-ое декабря 1825 и император Николай. (По поводу книги барона Корфа).—Сокращенное переиздание одноименной книги, выпущенной редакцией «Полярной звезды».—Лондон, 1858. Собр. Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва.—II, 667.
To the editor of the «Daily News», 1860. December 27. —Открытое письмо к издателю английской газеты «The Daily News». Газетная вырезка. ПК.—I, 259.

IX. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ЖИВОПИСИ И МУЗЫКЕ

Былое и думы. Рис. А. Шенка в издании мемуаров на франц. языке: Le monde russe et la révolution. Mémoires de A. Herzen. Paris, 1860—I, 41, 47, 53, 59, 65, 71, 75.
Доктор Крупов. Мирная марсомания. Картина маслом А. В. Устинова, 1850-е гг. Название картины, по-видимому, заимствовано художником из повести Герцена. ГТГ.—I, 413.
Кто виноват? Рис. М. С. Протасовой. 1947 г. ГЛМ.—II, 351, 355.
«Impromptu passione». Воспоминание о Бельтове и Любе. Музыка М. П. Мусоргского. Посмертное издание сочинений М. П. Мусоргского под редакцией В. Г. Каратыгина. СПб.—М., 1911. — III 95.
Сорока-Воровка. Черная акв. В. Я. Тарасовой, 1951 г. ГЛМ.—II, 371, 375.
Песня о земле и воле (отрывок из стихотворения «Забытье»). Рис. неизвестн. художн. на сюжет стихотворения Огарева.—«Работник» № 13, январь 1876, Женева. ИМЛ.—II, 135.

X. РИСУНКИ Н. А. ГЕРЦЕН (дочери) и ОГАРЕВА

Рисунок Н. А. Герцен в письме к Огареву из Ниццы, 1868 г. ПК.—III, 471.
За табльдотом в гостинице Федер в Генуе. Зарисовки Н. А. Герцен, 1869 г. ПК.—III, 454, 455.
Рисунок Огарева. Пейзаж, сепия, 1834 г. ЦГАЛИ.—I, 711.

XI. ПОРТРЕТЫ РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ, КОРРЕСПОНДЕНТОВ И ДРУГИХ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Аргиропуло П. Э., Фото, 1860-е гг. ГИМ.—II, 243.
Астраков С. И. Фото, 1860-е гг. ГИМ. —II, 13.
Бакунин М. А. Фото, 1860-е гг. ПК.—III, 155.
Белинский В. Г. Грав. с портрета К. А. Горбунова 1843 г. —«Полярная звезда на 1856 год», книга вторая.—I, 83.
Бенни Артур. Фото, 1862 г. ИРЛИ.— II, 31.
Боткин В. П. Рис. неизв. художн., 1848 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по фото. ИРЛИ.—II, 39.
Буташевич-Петрашевский М. В. Акв., 1840-е гг. ОРК.—III, 173.
Волконский С. Г. Масло неизв. художн., 1860-е гг. МРЛ.—III, 103.
Ворцель Станислав. Грав., 1850-е гг. ПК.—I, 227.
Вырубов Г. Н. Фото, 1866 г. ИРЛИ.—II, 57.
Гааг Л. И. Масло на меди И. З. Летунова, 1820-е гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по негативу. ПК.—III, 395.
Гааг Л. И. Дагерротип конца 1840-х гг. ПК.—I, 309.
Галахов И. П. (?). Рис. Х. Я. Рейхеля, 1844 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—II, 65.
Гарибальди Джузеппе. Раскрашенная литогр., 1860-е гг. МИИ.—I, 127.
Герцен А. А. Масло. Портрет, подаренный Герцену Гарибальди в 1854 г. ПК.—I, 395.
Герцен А. А. Фото с надписью Герцена неустановленному лицу, 1850-е гг. ПК.—I, 519.
Герцен А. А. Фото, 1905 г. ПК.—III, 717.
Герцен Е. И. Рис. неизв. художн. 1813 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 417.
Герцен Коля. Дагерротип конца 1840-х гг. ПК.—I, 311.
Герцен Коля. Дагерротип, 1850 г. ПК.—III, 411.
Герцен Лиза. Фото, начало 1860-х гг. ГИМ.—III, 461.
Герцен Лиза. Рис. Н. А. Герцен (дочери), 1860-е гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по негативу. ПК.—I, 833.
Герцен Н. А. (жена). Рис. карандашом неизв. художн. с акварельного портрета, 1848 г. ИРЛИ.—III, 357.
Герцен Н. А. (жена). Масло неизв. художн. по дагерротипу, 1850—1851 гг. ПК.—I, вклейка между стр. 312—313.
Герцен Н. А. (жена) на смертном одре, акварель Жюли Массе, 1852 г. ГЛМ (ранее ПК).—III, 765.
Герцен Н. А. (дочь). Фото, начало 1860-х гг. ГЛМ.—III, 487.
Герцен Н. А. (дочь). Фото, 1860-е гг. ГЛМ.—I, 435.
Герцен Н. А. (дочь). Фото, 1860-е гг. ГИМ.—III, 445.
Герцен О. А. Фото, конец 1860-х гг. ГИМ.—III, 469.
Голубева (Витберг) В. А. с сыном. Рис. А. Л. Витберга, 1848 г. ГТГ.—I, 22.
Гончаров О. С. Грав. И. И. Матюшина с рис. П. Ф. Бореля. «Рус. старина», 1883, № 4.—II, 77.
Грановская Е. Б. Акв. К. А. Горбунова, 1845 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. На портрете дарственная надпись Герцена М. К. Рейхель от 13 мая 1857 г. ПК.—I, 775.
Грановский Т. Н. Рис. К. А. Горбунова, 1845 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—I, 771.
Грановский Т. Н. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1846 г. ГТГ.—III, 89.
Грановский Т. Н. Фото, 1850-е гг. ГИМ.—II, 89.
Грановский Т. Н. на смертном одре. Фото, принадлежавшее Герцену. ПК.—II, 103.
Зайчневский П. Г. Фото, 1863 г. ГИМ.—II, 247.
Захарьин П. А. Рис. К. А. Горбунова, 1840-е гг. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 779.
Захарьина (Фролова?) А. И. — мать Н. А. Герцен. Миниатюра на слоновой кости неизв. художн., 1810-е гг. ГЛМ.—III, 365.
Зотов В. Р. Фото, 1860-е гг. ИРЛИ.—II, 143.
Каракозов Д. В. перед казнью. Рис. И. Е. Репина, 1866 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по фото. — I, 642.
Кашперов В. Н. Фото, 1870-е гг. Частное собр., Москва.—II, 153.
Кетчер С. Н. Рис. К. А. Горбунова, 1845 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 387.
Ковалевский В. О. Фото, 1869 г. Архив АН СССР, Лгр.—II, 265.
Корш М. Ф. Рис. К. А. Горбунова, 1845 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 431.

Крупский К. И. Фото, 1860-е гг. ИМЛ.—I, 517.
Лавров П. Л. Фото, 1870-е гг. ГИМ.—II, 285
Лемке М. К. Фото, 1923 г. Собр. В. М. Лемке, Лгр.—III, 843.
Лопатин Г. А. Фото, 1884 г. ГИМ.—III, 493.
Львов Ф. Н. Фото, 1860-е гг. ИРЛИ.—III, 233.
Матвей Савельевич—слуга Герцена. Рис. Х. Я. Рейхеля (?), 1843 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 783.
Марко-Вовчок М. А. Фото, 1860-е гг. ГИМ.—II, 301.
Маццини Джузеппе. Литогр., 1849 г. МИИ.—I, 901.
Маццини Джузеппе. Фото, 1860-е гг. ГИМ.—II, 307.
Мельгунов Н. А. Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг. ГТГ.—II, 323.
Михайлов М. Л. Литогр. портрет с надписью неустановленного лица на обороте Нелегальное изд., 1861 г. ПК.—I, 423.
Михайлов М. Л. перед отправкой на каторгу. Картина неизв. художн., 1861 г. Место нахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по фото. ПК.—II, 427.
Неизвестный. Рис. неизвестн. художн., 1840-е гг. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 787.
Николадзе Н. Я. Фото, 1870-е гг. ИРЛИ.—II, 405.
Обручев Н. Н. Фото, 1877 г. ИРЛИ.—II, 415.
Огарева М. Л. Масло П. Н. Орлова, 1844 г. ГТГ.—I, 603.
Орсини Феличе. Литогр. с рис. Ф. Болла. МИИ.—I, 340.
Пассек Т. П. Масло А. А. Маркова, 1889 г. ГПБ.—III, 569.
Печерин В. С. Фото, 1860-е гг. ЛБ.—II, 467.
Пизакане Карло. Грав. ИМЛ.—I, 341.
Потебня А. А. Фото. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с позднейшего пересним ка. Собр. С. И. Шкроба, Москва.—I, 541.
Прудон П.-Ж. Литогр., 1848 г. ПК.—I, 239.
Прудон П.-Ж. Фото, 1860-е гг. ГИМ.—II, 491.
Рашель, поющая Марсельезу—«L'Illustration» от 8 апреля 1848 г.—I, 211.
Рейхель Адольф. Фото, конец 1850 — начало 1860-х гг. ГИМ.—I, 347.
Рейхель (Эрн) М. К. Рис. К. А. Горбунова, 1845 г. ПК.—III, 421.
Рейхель М. К. Фото, 1860-е гг. ПК.—I, 303.
Рейхель М. К. Фото, 1900-е гг. ПК.—III, 587.
Сажин М. П. Фото, 1867 г. ГИМ.—II, 521.
Сазонов Н. И. Фото, 1850-е гг. ГЛМ.—II, 529.
Салиас де Турнемир Е. В. Масло неизвестн. художн., 1860-е гг. ГЛМ.—I, 829.
Саффи Марк-Аврелий. Фото, 1850-е гг. ПК.—II, 547.
Серно-Соловьевич А. А. Фото, 1860-е гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по фототипии. ГИМ.—II, 549.
Серно-Соловьевич Н. А. Фото, конец 1850 — начало 1860-х гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по негативу. ПК.—II, 553.
Сетерленд Мэри у могилы Огарева. Фото, конец 1870-х гг. ПК.—I, 635.
Слепцов А. А. Фото, 1870-е гг. ГИМ.—II, 431.
Соколовский В. И. Грав. неизвестн. художн., помещенная в 3-м изд. стихотворений поэта. СПб., 1867—III, 291.
Сухово-Кобылина Евд. В. Миниатюра конца 1830-х гг. ГЛМ.—I, 609.
Тургенев И. С. Фото, 1860-е гг. ГИМ.—II, 359.
Тургенев И. С. Офорт М. В. Рундальцева, с портретом Герцена в «Заметке», 1905 г. МИИ.—II, 783.
Тургенев Н. И. Фото, 1860-е гг. ГИМ.—II, 585.
Турчанинов И. В. в форме командира 19-го полка иллинойских волонтеров, которым он командовал, участвуя в рядах армии северян в войне против рабства в Америке 1861—1863 гг. С фотографии, помещенной в книге: The Photographic History of the Civil War, 1911.—II, 593.
Тучков А. А. Рис. Х. Я. Рейхеля, 1844 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым ПК.—I, 743.
Тучкова-Огарева Н. А. Рис. Н. А. Герцен (дочери), 1859 г. ПК.—I, 751.
Тучкова-Огарева Н. А. Фото, начало 1860-х гг. ГЛМ.—I, 419.
Тхоржевский Станислав. Фото, 1860-е гг. ПК.—III, 257.
Утин Е. И. Фото с дарственной надписью И. А. Рождественскому от 25 сентября—6 декабря 1861 г. ИРЛИ.—II, 659.
Утин Н. И. Фото с дарственной надписью И. А. Рождественскому от 8 марта 1862 г ИРЛИ.—II, 623.
Филиппович В. И. <?>. Рис. Х. Я. Рейхеля, 1841 г. Из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—II, 693.
Хованская М. А. Миниатюра на слоновой кости неизвестн. художн., 1810-е гг. ГЛМ.—III, 366.
Чернышевская О. С. Фото, 1865 г. ГИМ.—III, 333.
Чернышевский Н. Г. Рис. Н. Н. Миклухи-Маклая с фото 1859 г. ГЛМ.—I, 275.

Чернышевский Н. Г. Фото, 1859 г. Экземпляр, принадлежавший студенту Московского университета Кривцову, 1862—1866 гг. ГИМ.—III, 665.
Чернышевский Н. Г. Портрет маслом Б. В. Щербакова, 1952 г. ГЛМ. —II, 653.
Щепкин М. С. Фото, 1850-е гг. ГИМ.—III, 657.
Щербина Н. Ф. Фото с дарственной надписью В. В. Пассеку от 5 мая 1859 г. ГИМ.—II, 733.
Яковлев А. А. (отец Н. А. Герцен). Масло неизв. художн., 1790-е гг. ИРЛИ.—III, 367.
Яковлев И. А. Масло на меди И. З. Летунова, 1820-е гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по негативу. ПК.—III, 397.

ГРУППЫ

Арестованные студенты Петербургского университета в Кронштадтской казарме. Изображены: Алхазов П., Гогоберидзе Вис., Гогоберидзе Дав., Гулевич М. С., Дукельский Вл., Евтушевский В., Исарлов Я., Коваленский Ф. И., Лордкипанидзе Кир., Николадзе Н. Я., Пиотровский И. А., Фатуровский Н., Церетелли Г., Челокаев Ав., офицер, караульные солдаты. Фото, конец ноября 1861 г. ГИМ.—II, 125.
Гарибальди и Мерославский на острове Капрера. Иллюстрация из журнала «Die Gartenlaube», № 7, 1861 г.—II, 391.
Дети Герцена — Саша, Коля, Тата. Фото с утраченного рисунка К. А. Горбунова, 1845 г. ПК.—III, 549.
Дети Герцена — Саша и Тата. Дагерротип начала 1850-х гг. ГЛМ.—I, 317.
Дочери Герцена — Наталья, Ольга и Лиза. Фото конца 1850-х—начала 1860-х гг. ГИМ.—I, 397.
У А. А. Герцена в Лозанне. Изображен А. А. Герцен с женой и дочерью Нериной. Фото, 1890-е гг. ГЛМ.—III, 759.
Грот К. К. Милютин Н. А., Милютина М. А., Тургенев И. С., Ханыков Н. В. на даче Милютина в Баден-Бадене. Фото, конец 1860-х гг. ИРЛИ.—II, 700.
Комитет студентов Петербургского университета, ведавший в 1861 г. пособиями учащимся: Гайдебуров П. А., Герд А. Я., Гогоберидзе В. Л., Ламанский С. И., Макаров А. Н., Моравский П. Ф., Неклюдов И. А., Пантелеев Л. Ф., Печаткин Е. И., Спасский П. Л., Утин Н. И., Хорошевский В. Ю. Фото, 1861 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с позднейшего переснимка. ГИМ.—II, 611.
Лемке М. К. у И. А. Герцен в Лозанне за разбором рукописей Герцена. Фото, 1912 г., ПК.—III, 833.
Тучкова-Огарева Н. А. с дочерьми Герцена Татой и Ольгой. Фото, конец 1850-х гг. ГЛМ.—III, 511.

XII. АВТОГРАФЫ РОДНЫХ, ДРУЗЕЙ, КОРРЕСПОНДЕНТОВ И ДРУГИХ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Письмо В. Г. Белинского к Герцену от 26 января 1846 г. ПК.—II, 779.
Письмо Артура Бенни к В. И. Кельсиеву от 7/19 февраля 1862 г. ПК.—II, 25.
Письмо Л. И. Гааг к М. К. Рейхель от 9 июля 1851 г. ПК.—III, 409.
Запись, сделанная Н. А. Герцен (женой) в дневнике Герцена, в день его рождения 25 марта 1845 г. ЛБ.—III, 359.
Письмо Н. А. Герцен (жены) к Т. Н. Грановскому от июня — июля 1848 г. ЛБ.—III, 381.
Запись, сделанная Н. А. Герцен (женой) для Герцена в дни предсмертной ее болезни. ПК.—I, вклейка между стр. 312—313.
Письмо Н. А. Герцен (жены) к М. К. Рейхель от 1 апреля 1852 г. ПК.—I, 345.
Список рукой Н. А. Герцен (дочери) стихотворения С. Я. Надсона «На могиле Герцена». ПК.—III, 563.
Письмо О. С. Гончарова к Герцену от 21/9 июня 1863 г. ПК.—II, 73.
Письмо Т. Н. Грановского к Герцену от июля — августа 1849 г. ГИМ.—II, 95.
Письмо С. С. Громеки к Герцену от 18 апреля 1861 г. с описанием событий в селе Бездне, включенным Герценом в статью «Русская кровь льется».—«Колокол», л. 98-99 от 15 мая 1861 г. ПК.—II, 111.
Письмо В. Р. Зотова к Герцену от 5/17 сентября 1867 г. ПК.—II, 145.
Нотный автограф В. Н. Кашперова в письме к Огареву от 14 февраля 1864 г. ПК.—II, 151.
«Русалка». Романс В. Н. Кашперова на слова Лермонтова. Посвящен Н. А. Тучковой-Огаревой, 1857 г. (ноты). ПК.—III, 127.
Письмо В. И. Кельсиева к Герцену от 23 февраля 1864 г. ПК.—II, 189.
Письмо И. И. Кельсиева к Герцену от сентября 1863 г. ПК.—II, 231.
Письмо В. О. Ковалевского к Герцену от 22 октября 1863 г. ПК.—II, 261.

Стихотворение П. Л. Лаврова «Н. П. Огареву», 12 ноября 1876 г. ПК.—II, 293.
Статья Ф. Н. Львова об «иркутской дуэли», 1860 г. СК.—III, 235.
Записка Ф. Н. Львова о деле петрашевцев, 1860 г. Листы с пометами М. В. Буташевича-Петрашевского и неустановленной руки. СК.—III, 177—178.
Письмо Джузеппе Мадзини к Герцену от конца марта 1857 г. ГИМ.—II, 305.
Письмо Н. А Мельгунова к Герцену от 1 декабря 1856 г. ПК.—II, 331.
Письмо Н. Я. Николадзе к Огареву от 14 мая 1865 г. ПК.—II, 407.
Письмо Н. Н. Обручева к Герцену и Огареву от 8 сентября 1861 г. ПК.—II, 419.
Письмо В. М. Озерова к П. Л. Лаврову от 8 мая 1871 г. ИМЛ.—II, 459.
Письмо Т. П. Пассек к Огареву от 19 ноября (1 декабря) 1873 г. с упоминанием о найденной ею тетради с рукописями Герцена 1830-х гг. ПК.—III, 17 (см. также Огарев «Радаев»).
Следственное показание (записка) Н. Н. Пестерева о посещении им Герцена и Огарева в Лондоне весной 1864 г. и о беседах с Герценом об организации побега Чернышевского. 1867. ЦГИА — III, 327.
Письмо В. С. Печерина к Герцену от 10 марта 1863 г. ПК.—II, 475.
Адрес Герцена, написанный Прудоном на письме от 15 сентября 1849 г. ПК.—II, 497.
Письмо Н. И. Сазонова к Герцену от 1 июля 1849 г. с припиской Эдмунда Хоецкого. ПК.—II, 535.
Письмо Н. А. Серно-Соловьевича к Герцену и Огареву, пересланное из Алексеевского равелина Петропавловской крепости., первая половина 1864 г. ПК.—II, 557.
Письмо О. Токаржевича и группы его товарищей, сотрудников польского журнала «Гмина» к Герцену от 5 мая 1860 г. ПК.—II, 579.
Письмо И. С. Тургенева к Герцену от 6/18 сентября 1860 г. ПК.—II, 785.
Письмо И. С. Тургенева к А. А. Герцену от 22 января 1870 г. о смерти Герцена. ПК.—III, 535.
Письмо И. В. Турчанинова к Герцену от 22 марта 1859 г. ПК.—II, 601.
Письмо Н. И. Утина к Огареву от 8 октября 1863 г. ПК.—II, 627.
Письма А. А. Чумикова к Герцену от 5 и 9 августа 1851 г. ПК.—II, 716, 717.

XIII. КНИГИ С НАДПИСЯМИ, ПЕЧАТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОРРЕСПОНДЕНТОВ И ДРУГИХ СОВРЕМЕННИКОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА. ИЗДАНИЯ, УПОМИНАЕМЫЕ В ИХ ПЕРЕПИСКЕ

‹Белюстин И. С.› Описание сельского духовенства. Русский заграничный сборник, 1858.—Анонимное заграничное издание.—III, 199.
«Будущность» № 1, 1860, 15 сентября.—Журнал П. В. Долгорукова, издававшийся в эмиграции. ПК.—II, 127.
‹Вормс Н. А.› Белый террор или выстрел 4 апреля 1865 года. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции. Лейпциг, 1875 — Отдельное издание статьи, первоначально напечатанной в «Колоколе», 1867 —II, 49.
L'Italie pittoresque. ‹Живописная Италия›. Paris, 1834.—Книга, упоминаемая Н. А. Герцен (женой) в письмах к Герцену, 1839 г.—III, 371.
‹Koenig H.› Literarische Bilder aus Russland. Herausgegeben von H. Koenig. Stuttgart und Tübingen. 1837.—Очерки русской литературы Кенига, написанные при участии Н. А. Мельгунова.—II, 319.
Пассек Т. П. Воспоминания. Оттиск из декабрьской книжки «Русской старины», 1872 г. С дарственной надписью А. А. Герцену и восстановленными автором от руки строками, вычеркнутыми цензурой. ЛБ.— III, 631.
Пассек Т. П. Корректура XV главы «Воспоминаний», предназначавшаяся для майской книжки «Русской старины» 1875 г. Вариант, запрещенный цензурой. ИРЛИ.—III, 45.
Пассек Т. П. «Воспоминания». Глава о смерти Герцена. Корректурные гранки для «Русской старины» 1887 г. с вычерками А. А. Герцена. ИРЛИ.— III, 605.
Письма Герцена к Огареву, включенные Т. П. Пассек в ее «Воспоминания». Корректурные гранки «Русской старины» 1887 г. с вычерками А. А. Герцена. ИРЛИ.— III, 611.
Пиотровский, Р. Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь, 1843—1846 гг. Norrkoeping, 1863.—III, 143.
Плеханов Г. В. А. И. Герцен и крепостное право. 1912. Оттиск статьи с дарственной надписью автора Н. А. Герцен (дочери). ПК.—III, 503.
«Работник». Газета для русских рабочих. Женева. № 14-15, февраль — март 1876. с рис. к рассказу А. И. Иванчина-Писарева «Раек» и рассказу неустановленного автора «На богатого суда не ищи, а сам с него взыщи». ИМЛ.— II, 288, 289.

Жорж Санд. Орас. Рис. Мориса Санда к одноименному роману Ж. Санд, 1853 г. Грав. А. Делавиля.—I, 109.
Утин И. И. К образованным классам. —Листовка, изд. одной из пятерок петербургского отделения общества «Земля и воля». ИМЛ.—II, 619.
Фейербах Л. Сущность христианства, сочинение Людв. Фейербаха, перевод, сделанный со второго исправленного издания Филадельфом Феомаховым <П. И. Рыбниковым>, London, Trübner, 1861.—II, 707.
Чернышевский Н. Г. Что делать? изд. М. К. Элпидина. Веве <Женева>, 1867.—III, 161.
...Юбилей М. С. Щепкина.—Оттиск статьи из «Прибавлений» к литературному отделу «Московских ведомостей» 1855, № 143. С дарственной надписью Щепкина М. К. Рейхель. ПК.—III, 656.

XIV. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

РОССИЯ

Владимир

Владимир. Картина маслом Сократа Воробьева, 1836. ГИМ.— I, 389.
Вид главной (Большой) улицы от Золотых ворот во Владимире и дома, в котором в 1838 г. жил Герцен. Фото В. Кукушкина, 1860—1870-е гг. Владимирский краеведческий музей.—III, 31.
Золотые ворота с видом на дом, в котором в 1838 г. жил Герцен. Раскрашенная литогр., 1850-е гг. Владимирский краеведческий музей.—III, 33.

Волга

Волжские типы; утес Стеньки Разина. Фото, сохранившиеся в ПК.—III, 347, 349.

Вятка

Дом, в котором в 1835—1837 годах жил Герцен. Фото, 1955 г. ГЛМ.—III, 49.

Казань и бывшая Казанская губерния

Башня Сумбеки. Литогр. 1846 г. с рис. А. Дюрана, 1839 г. ГИМ.—I, 17.
Памятник воинам, павшим при взятии Казани. Литогр. с рис. Эдуарда Турнерелли, 1839 г. ГИМ.—I, 19.
Татарская деревня близ Казани. Литогр. 1847 г. с рис. А. Дюрана, 1839 г. ГИМ.—I, 18.
Тюрьма при Казанском кремле. Отсюда 21 ноября 1866 г. бежали А. Я. Щербаков и С. Я. Жеманов, приговоренные к каторжным работам по делу о «казанском заговоре». Эта же тюрьма — место первого заключения В. И. Ленина в декабре 1887 г. Фото. Центральный музей В. И. Ленина, Москва.—II, 727.
Могила Антона Петрова в селе Антоновке Куйбышевского района Татарской АССР (ранее село Бездна Спасского уезда Казанской губернии). Фото 1920-е гг. Музей Татарской АССР, Казань.—II, 121.

Крым

Вид на Аю-Даг. Акв. Н. Г. Чернецова, 1837 г. Эрм.—I, 789.

Москва

Вид на Кремль из-за Москвы-реки. Картина маслом М. И. Бочарова, 1840-е гг. ГИМ.—I, 529.
Вид на Москву. Литогр. Энгельмана с рис. А. Кадоля 1825 г. ЛБ.—III, 23.
Виды Москвы из окон Рогожской части. Рис. А. В. Уткина, арестованного по общему с Герценом и Огаревым делу. 1834—1835 гг. ЦГИА.—III, 279.
Вид на Москву с Воробьевых гор. Раскраш. литогр. с рис. А. Кадоля, 1820-е гг. ГЛМ.—I, 685.
Дом на Плющихе (теперь № 52), принадлежавший Астраковым. Фото, 1930-е гг. ГЛМ.—II, 19; III, 545.
Дом Гагариной в Малом Власьевском переулке (теперь № 10), в котором по возвращении из Новгородской ссылки в 1842 г. жил Герцен. Фото, 1940-е гг. ГЛМ.—III, 553.

Дом в Малом Власьевском переулке (теперь № 7), принадлежавший Е. И. Герцену. Фото 1912 г. ПК.—III, 425.
Дом Гурьева на Драчевской (теперь Трубной) улице, где в 1842—1843 гг. жил Т. Н. Грановский. Фото, 1930-е гг. ГЛМ.—II, 97.
Дом на углу Трубной площади и Цветного бульвара (теперь № 2), где происходили встречи членов революционной группы Н. А. Ишутина и Д. В. Каракозова. Фото, 1926 г. МР.—II, 51.
Дом А. А. Яковлева на Тверском бульваре (теперь № 25), где родился Герцен. Фото, 1940-е гг.—III, 401.
Дом И. А. Яковлева в Большом Власьевском переулке («Старый дом»), где в детские и юношеские годы жил Герцен. Фото, 1912 г. ПК.—I, 691.
Дом И. А. Яковлева на углу Сивцева-Вражка и Малого Власьевского переулка (теперь № 25/9); здесь в 1833—1834 гг. до своего ареста и ссылки в Вятку и позднее в 1846—1847 гг. до отъезда за границу жил Герцен. Фото, 1912 г. ПК.—I, 735; фото, 1930-е гг. ГЛМ.—III, 19.
Дом И. А. Яковлева в Сивцевом-Вражке (теперь № 27), в котором в 1843—1846 гг. жил Герцен. Вид со двора. Фото, 1956 г. ГЛМ.—III, 553.
Дома И. А. Яковлева в Сивцевом-Вражке (теперь № 25/9 и № 27). Фото, 1937 г. ГЛМ.—III, 583.
Здание Пречистенской части (теперь улица Кропоткина № 22), где с 21 июля по 5 сентября 1834 г. содержался под арестом Герцен. Фото, 1890-е гг. ГЛМ.—II, 255.
Здание Петровских казарм жандармского дивизиона на Петровке. Здесь в июле — ноябре 1834 г. содержался под арестом Огарев. Фототипия. «Альбом зданий, принадлежащих московскому городскому общественному управлению», т. I, 1913.—III, 281.
Красная площадь в Москве в 1812 г. Рис. Ф. Я. Алексеева. ГТГ.—III, 577.
Крутицкие казармы. Акв. А. Михайлова, 1860-е гг. ГИМ.—III, 595.
Обер-полицмейстерский дом на Тверском бульваре. Здесь происходили допросы Герцена в 1834 г. Фототипия. «Альбом зданий, принадлежащих московскому городскому общественному управлению», т. I, 1913.—III, 281.
Панорама Москвы. Картина маслом А. Кадоля, 1820-е гг. Музей истории и реконструкции Москвы.—III, 13.
План дома И. А. Яковлева на углу Сивцева-Вражка и Малого Власьевского переулка (теперь № 25/9). Сделан М. К. Рейхель в письме к Е. С. Некрасовой, 1901 г. ЛБ.—III, 582.
Симонов монастырь. Рис. К. И. Рабуса, 1843 г. ГТГ.—III, 27.

Подмосковные

Васильевское. Общий вид. Вид на Москву-реку. Фото В. С. Молчанова, 1949 г. ГЛМ.—III, 37, 41.
Васильевское. Церковь. Фото, 1900-е гг. ПК.—III, 37.
Парк в Загорье, имении М. А. Хованской, где Н. А. Захарьина обычно проводила лето. Фото, 1937 г. ГЛМ.—III, 369.
Кунцево. Парк. Фото, ГЛМ.—I, 697.
«Похищение Прозерпины», скульптурная группа в Кунцевском парке. Фото. ГИМ.—I, 695.
Дом и церковь в Перхушкове, имении А. А. Яковлева («Химика»). Фото, 1912 г. ГИМ.—III, 601.
Дом и пруд в Покровском. Фото Н. П. Киселева, 1937 г.—I, 357.
Парк в Соколове, где Герцен провел лето 1845 г. и 1846 г. Фото 1937 г. ГЛМ.—III, 389.
Подмосковная почтовая станция Черная грязь. Здесь 19 января 1847 г. происходили проводы, устроенные московскими друзьями, уезжавшему за границу Герцену. Фото, 1930-е гг. ГЛМ.—II, 93; III, 557.

Петербург

Алексеевский равелин. Фото, 1873 г. МРЛ.—II, 558.
Вид на Петропавловскую крепость. Литогр., 1860-е гг. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по фото. ГИМ.—II, 225.
Петербургский университет. Литогр., 1854 г. ИРЛИ.—II, 615.
Дом Лерхе на Большой Морской (теперь улица Герцена № 25), где в 1840—1841 гг. жил Герцен. Фото, 1946 г. ИРЛИ.—III, 627.
Дом № 14 на улице Салтыкова-Щедрина (ранее Кирочной) в Ленинграде, принадлежавший Н. А. Спешневу, где в 1848—1849 гг. собирались петрашевцы. Фото, 1955 г.—III, 181.
Невский проспект у Аничкова дворца. Акв. В. С. Садовникова, 1851 г. Эрм.—I, 861.
Невский проспект. Акв. В. С. Садовникова, 1850 г. МИЛ.—I, 785.

Старое Акшено

«Аллея Огарева». Фото С. М. Грошева, 1949 г.—I, 531.
Парк; усадебный дом; пруды и здание суконной фабрики; усадебный дом со стороны пруда. Фото В. Чернобаева, 1861—1862 гг. ГИМ.—I, 679, 729, 747, 749.

Усолье

Виды солеваренного завода (Усолья), куда летом 1864 г. был привезен Чернышевский для отбывания каторжных работ. Рис. Ст. Катырла, находившегося на каторге вместе с Чернышевским. Были сделаны в письмах каторжан к товарищам и задержаны III Отделением. ЦГИА.—III, 323.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

АНГЛИЯ

Кабинет Огарева в Гринвиче. Фото, 1870-е гг. ПК.—I, 569.
Лондон. Гравюра, 1850-е гг. ГЛМ.—II, 637.
Дом в Лондоне, где жил Герцен. Фото, 1850-е гг. На переднем плане Герцен в семейном кругу. ИРЛИ.—II, 193.
Дом в Тедингтоне, близ Лондона, где с 28 июня 1863 г. по август 1864 г. жил Герцен.— «The Daily Graphic» от 3 апреля 1906 г. ПК.—II, 599.
Лондон с видом на собор Св. Павла. Грав. Б. Жерольда. London by Gustave Doré and Blanchard Jerold, 1872 г.—I, 355.
Лондонский мост через Темзу. Литогр., 1840-е годы. ГЛМ.—I, 249.
Ночная сцена в лондонских доках; под мостом через Темзу; лондонские трущобы; в лондонской таверне; лондонская улица; барки на Темзе. Грав. по рис. Гюстава Доре. London by Gustave Doré and Blanchard Jerold, 1872 г.—I, 350, 363, 367, 369, 817.

ИТАЛИЯ

Аппиева дорога. Акв. С. Корроди, 1868 г. ГЛМ.—III, 451.
Венеция. Грав. из «Живописной Италии», 1834 г.—III, 373.
Генуя. Литогр. с рис. Леопольдины Дзонетти-Борзино. МИИ.—I, 333.
Итальянский пейзаж. Картина маслом неизв. художн., 1849 г. Собр. А. С. Минкина, Лгр.—III, 437.
Итальянский пейзаж. Акв. Сократа Воробьева, начало 1850-х гг. ГТГ.—I, 907.
Итальянский пейзаж. Акв. Сократа Воробьева, 1852 г. ГТГ.—III, 435.
Каррарская каменоломня. Фото с картины Н. Н. Ге; принадлежало Н. А. Герцен (дочери). Подлинник в ГРМ, 1868 г. ПК.—III, 465.
Милан. Площадь и собор. Раскраш. литогр., 1850-е гг. МИИ.—II, 417.
Неаполитанский залив с видом на Неаполь и Везувий. Акв. неизвестн. художн., 1830-е гг. МИИ.—I, 622—623.
Неаполитанские типы. Раскраш. литогр. Гаэтано Дура, 1850 г. МИИ.—III, 439.
Неаполь. Грав. из «Живописной Италии», 1834 г.—III, 377.
Пейзаж с дорогой в окрестностях Неаполя. Картина маслом А. А. Иванова. ГРМ.— II, 155
Ницца. Общий вид. Литогр. Жюля Арну, 1850-е гг. МИИ.—I, 329.
Виды Ниццы. Фото из альбома «Souvenirs de Nice», 1857 г. ГИМ.—III, 405, 413.
Виды Ниццы. Иллюстрации на почтовой бумаге писем Н. А. Герцен (дочери) к Огареву от 21 января и 19 февраля 1869 г. ПК.—III, 475.
Ницца. Вид на открытом письме, адресованном Н. А. Герцен (дочерью) М. К. Лемке, 2 декабря 1912 г. ПК.—I, 191.
Ницца. Вид из окна дома Дуйса, в котором в 1851—1852 гг. жил Герцен. Рис. Н. А. Герцен (жены), 1851 г. ГИМ.—I, 315.
Дом Сю в Ницце, в котором в 1850—1851 гг. жил Герцен. Акв. Ж. Гио, 1850 г. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. с негатива. ПК.—I, 323.
Могила Герцена в Ницце. Фото, 1919 г. ГИМ.—I, 577.
Похороны Н. А. Герцен (жены) в Ницце. Картина маслом Ипполита Каффи, 1852 г. ГЛМ (ранее ПК).—III, 361.
Пизанская башня. Раскраш. литогр., 1830-е гг. МИИ.—I, 607.
Понтийские болота. Картина маслом А. А. Иванова, 1840-е гг. ГРМ.—I, 443.
Рим. Вид. на Тибр и замок Св. Ангела. Фото, принадлежавшее Н. А. Герцен (дочери). ПК.—I, 619.
Рим. Вид на Тибр и на остров Тиберино. Рис. неизвестн. художн., 1840-е гг. МИИ.— I, 905.

Комната Евд. В. Сухово-Кобылиной в Риме. Акв. Ф. А. Клагеса. МИИ.—I, 869.
Панорама Рима с Монте-Пинчо. Акв. и гуашь С. Корроди, 1852 г. МИИ.—I, 615.
Рим. Площадь Св. Петра. Картина маслом Г. Г. Чернецова, 1850 г. ГРМ.—I, 615.
Фонтан и колоннада Св. Петра в Риме. Грав., 1837 г. МИИ.—I, 617.
У стен старого Рима. Рис. М. Н. Воробьева, 1846 г. ГТГ.—I, 865.
Флоренция. Литогр. ГИМ.—I, 439.
Флоренция. Вид из Лоджии на площадь Сеньории. Акв. В. Морица, 1829 г. ГИМ.—I, 611.
Флоренция. Галерея Уффици. Грав., 1830-е гг. МИИ.—I, 613.
Флоренция. Лестница в Палаццо Борджелло. Акв. Эрнеста Бенза. МИИ.—I, 612.
Флоренция. Эскиз маслом Н. Н. Ге, 1868 г. Музей русского искусства, Киев.—III, 459.

ФРАНЦИЯ

Гиерские острова.—«L'Illustration» от 19 ноября 1853 г.— I, 307.
Париж. Елисейские поля. Авеню Мариньи. Литогр. 1850-е гг. ГПБ—I, 241.
Газетный ларек в Париже. Грав. «L'Illustration» от 10 июля 1848 —II, 531.
Париж. Итальянский бульвар. Раскраш. литогр., 1840-е гг. МИИ.—I, 87.
Улица Риволи в Париже, на которой находилась последняя квартира Герцена, где он и умер. Автолитогр. Ф. Бенна, 1860-е гг. ГЛМ.—I, 187.
Похороны в бедном квартале Парижа. Шарманщица на бульваре в Париже. Рис. В. Г. Перова, 1863 г. ГТГ.—I, 171, 183.

ШВЕЙЦАРИЯ

Веве. Раскраш. литогр.— «La Suisse. Collection de vues pittoresques par Deroy», 1866. МИИ.—II, 137.
Женева. Раскраш. литогр., 1850-е гг. ИРЛИ.—I, 141.
Лозанна. Раскраш. литогр. — «La Suisse. Collection de vues pittoresques par Deroy», 1866. МИИ.—II, 683.
Дом в Блан-Кастеле в Лозанне, где жила Н. А. Герцен (дочь). Вид на открытом письме Н. А. Герцен к М. К. Лемке от 3 октября 1912 г. ИРЛИ.—III, 839.
Лугано. Павильон; памятник Вильгельму Теллю. Фото с надписями Герцена дочери Лизе. Были посланы в письме от 12 августа 1865 г. ГЛМ.—I, 404, 405.
Люцерн. Грав. Ж.-М. Колба по рис. Л. Робака.—«La Suisse. Collection de vues pittoresques avec texte historique et topographique. Par H. Ruge, t. I. Darmstadt», 1860. МИИ.—I, 837.
Дорога через Симплон. Раскраш. литогр.— «La Suisse. Collection de vues pittoresques par Deroy», 1866. МИИ.—I, 143.
Часовня Вильгельма Телля на Фирвальдштатском озере. Раскраш. литогр. «La Suisse... par Deroy», 1866. МИИ.—I, 431.
Фрейбург. Раскраш. литогр.— «La Suisse... par Deroy», 1866. МИИ.—II, 677.
Цюрих. Раскраш. литогр. — «La Suisse... par Deroy», 1866. МИИ.—I, 337.

РАЗНЫЕ

Варшавско-Венская железная дорога Польская литогр., 1852 г. ГИМ.—II, 379.
Гейдельбергский университет. Фото из альбома «Heidelberg und seine Umgebung». 1880-е гг.— II, 705.
Липованская рыбацкая деревня в Добрудже. Фото, 1910—1913 гг.—II, 205.
Дунай. Сулинский рукав. Грав. по рис. В.-Г. Бартлетта, 1847 г. William Beotie. «Le Danube illustré».—II, 209.
Константинополь. Пера, лестница Юксек-Калдырым; Галатский мост. Фото, конец 1880-х гг. МИИ.—II, 173, 177.
Турецкое кафе в Рущуке. Грав. по рис. В.-Г. Бартлетта, 1847 г. William Beotie. «Le Danube illustré».—II, 213.

XV. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

Польское восстание 1830 г. Штурм тюрьмы в Варшаве. Сражение у арсенала в Варшаве. Грав. с рис. Дитриха. ГИМ.—I, 79.
Вторжение народа в зал Национального собрания в Париже 15 мая 1848 г. «L'Illustration» от 21 мая 1848 г. —I, 288.
Июньские дни в Париже. Ламорисьер ведет переговоры с повстанцами у баррикады в квартале С.-Мартен. «L'Illustration» от 8 июля 1848 г.—I, 295.
После июньских дней. Арестованные повстанцы на улицах Парижа.—«L'Illustration» от 8 июля 1848 г.—I, 105.

«Франция спасена». Буржуа после подавления июньского восстания.—«L'Illustration» от 8 июля 1848 г.—I, 97.
Париж в 1848 г. Продавец газет. «L'Illustration» от 10 июля 1848 г. —II, 501.
После июньских дней в Париже. Жены и дети повстанцев у ворот тюрьмы.—«L'Illustration» от 23 июля 1848 г.—I, 297.
Посадка на корабль в Гавре участников июньского восстания, отправляемых в ссылку. «L'Illustration» от 12 августа 1848 г.—I, 299.
Париж в 1848 г. Клуб. Грав. 1848 г. МИИ.—I, 93.
Осада французскими войсками Рима. Первая атака города 30 апреля 1849 г.—«The Illustrated London News» № 371 от 19 мая 1849 г.—II, 533.
Демонстрация 13 июня 1849 г. в Париже.—«L'Illustration» от 15 июля 1849 г.—I, 289.
13 июня 1849 г. в Париже. Разгром отрядом национальных гвардейцев типографии, где печатались республиканские и демократические газеты.—«L'Illustration» от 23 июня 1849 г.—I, 237.
Бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г. во Франции. У баррикады в Сент-Антуанском предместье в Париже 3 декабря. На улицах Парижа 5 декабря. Войска «прочищают» город; расстрел республиканцев на Марсовом поле в Париже 8 декабря.—«Illustrierte Zeitung» № 445 от 10 августа 1852 г.—II, 537, 539, 543.
Восстание в селе Бездна. 1861 г. Картина маслом Е. Н. Сапиро и Д. Э. Виницкого, 1951 г. ГЛМ.—II, 107.
Крестьянское восстание в 1861 г. Картина маслом С. В. Герасимова, 1951 г. ГИМ.—I, 497.
Чтение манифеста об освобождении крестьян, обнародованного 5 марта 1861 г. Акв. неизв. художн., 1861 г. ГИМ.—III, 63.
Сцены из американской жизни. Продажа негров в Виргинии. Вести с войны.—«The Illustrated London News» *от 16 февраля и 25 мая 1861.*—II, 597.
Пожар 28—29 мая 1862 г. в Петербурге. Раскраш. литогр., современная событию. ГИМ. — I, 815.
Польское восстание 1863 г. Отправка рекрутов из Варшавы. Краковские волонтеры ночью покидают город, чтобы присоединиться к повстанческой армии.—«L'Illustration» № 1045 от 7 марта и № 1048 от 29 марта 1863.—II, 562, 563.
Прибытие Гарибальди в Англию.—«The Illustrated London News» от 16 апреля 1864 г.—I, 128.
Гарибальди в Лондоне.—«The Illustrated London News» от 23 апреля 1864 г.—I, 131.
Чествование Гарибальди «дюками и лордами».—«The Illustrated London News» от 23 апреля 1864 г.—I, 129.
Покушение Березовского на Александра II в Париже, 6 июня 1867 г.—«Illustrierte Zeitung» № 1253 от 6 июля 1867 г. и «The Illustrated London News», № 1431 от 15 июня 1867 г.—II, 147.
Похороны 12 января 1870 г. французского журналиста Виктора Нуара, убитого принцем Пьером Бонапартом.—«The Illustrated London News» № 1577 от 22 января 1870 г.—I, 447.
Лион в дни восстания (сентябрь 1870 г.).—«The Illustrated London News», № 1627 от 17 декабря 1870 г.—II, 443.
Улица в рабочем квартале Лиона.—«The Illustrated London News», № 1627 от 17 декабря 1870 г.—II, 447.
«Умрем!» Последняя битва коммунаров. Расстрелянные коммунары.—«The Illustrated London News», № 1652 от 27 мая 1871 г. и «Illustrierte Zeitung», № 1459 от 17 июня 1871 г.—II, 461.
Подписка на акции Привислинской железной дороги в государственном банке 13 апреля 1874 г. Рис. А. И. Зубчанинова. Местонахожд. ориг. неизвестно. Воспр. по негативу МР.—II, 511.

XVI. РОССИЯ ЭПОХИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ

Кулак. Рис. П. М. Боклевского, 1860-е гг. ГИМ.—I, 853.
Деревня. Картина маслом Ф. А. Васильева, 1869 г. РМ.—I, 507.
Бедная деревня. Картина маслом неизв. художн., 1850-е гг. ГИМ.—III, 221.
Возвращение с покоса. Автолитогр. Л. К. Плахова, 1845—1846 гг. ГИМ.—I, 855.
Фельдъегерь. Картина маслом Н. Е. Сверчкова, 1860-е гг. Собр. А. С. Минкина, Лгр.—II, 509.
Крепостная деревня. Рис. Н. С. Чернова. Конец 1840-х—начало 1850-х гг. ГИМ.—I, 759, 761.
Внутренний вид избы. Картина маслом Н. С. Чернова, 1864 г. ГРМ.— I, 763.
Сельский базар. Сепия А. Ф. Чернышева, 1851 г. МИИ.—I, 849.
Под конвоем. Акв. Н. А. Ярошенко. ГРМ.—II, 235.

XVII. КАРИКАТУРЫ

Павел I. Карикатура 1799 г. из альбома, подаренного Герцену Огаревым. ПК.—III, 775.
«Без руля и без ветрил». Французская карикатура на перепуганных революцией европейских монархов. «Le Charivari», от 18 апреля 1848 г.—I, 223.
Парижские адвокаты. Грав. по рис. О. Домье, 1848 г. МИИ.—1, 96.
Кобден, Брайт и Гибсон — участники буржуазно-пацифистского «конгресса мира». 1849 г. Карикатура О. Домье. МИИ.—I, 361.
Карикатуры эпохи Крымской войны. Рис. П. М. Боклевского. 1856 г. ГИМ.—I, 234, 235.
Карикатура периода подготовки крестьянской реформы. Рис. А. Корсакова, 1858 г. ГИМ.—I, 499.
Карикатура на русскую официозную газету «Le Nord». Рис. Н. А. Степанова.—«Искра» № 28 от 24 июля 1859 г.—II, 335.
Пробуждение Италии. Автолит. О. Домье, 1859 г. МИИ.—I, 903.
Виньетка сатирического журнала «Гудок» № 43 за 1862 г. с изображением Герцена. Грав. по рис. А. Богданова.—I, 263.
Карикатура на выступление русской антидемократической печати против Герцена. Рис. А. Л. Юшанова.— «Развлечение» № 28 от 11 июля 1862 г.—I, 149.
Карикатура с упоминанием лондонской «Полярной звезды».—«Искра» № 45 от 23 ноября 1862 г.—II, 343.
Отклик «Искры» на правительственное преследование «Колокола». Карикатура неизв. художн., грав. Н. Куренкова.— «Искра» № 49, от 21 декабря 1862 г.—III, 217.
Карикатура на крепостников.—«Искра» № 50, от 30 декабря 1862 г.—II, 367.
В. Н. Панин. Карикатура из альбома карикатур 1860—1870-х гг. ГИМ.—II, 387.
«Папаша Тьер». Карикатура Кленка (рис. карандашом 1870-е гг.). ИМЛ—II, 455*.

* * *

При помещенных в томах некрологах И. В. Сергиевского и Я. З. Черняка помещены их портреты. — II, 863, 866.

* Иконографический и иллюстративный материал по Герцену и Огареву см. также в тт. 7-8 (1933 г.), 39-40, 41-42 (1941 г.) и 64 (печатается) «Литературного наследства».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составил Ю. И. Масанов

А. Б., криптоним А. И. Бенни — 688.
Агрикола, Юлий — 285.
Айвазовский, Иван Константинович — 857.
Айзеншток, Иеремия Яковлевич — 657.
Акимова — 99.
Аккерман — 119.
Аксаков, Иван Сергеевич — 153, 157, 158, 441, 517, 571, 734, 823.
Аксаков, Константин Сергеевич — 554.
Аксаков, Сергей Тимофеевич — 660.
Аксенфельд, переводчик —798.
Александр I — 22, 195, 234, 262.
Александр II — 59—62, 64—66, 68, 70, 72—74, 76, 96, 108, 110, 161, 170, 188, 191—95, 209, 218—22, 240, 241, 266, 267, 308—10, 318—20, 352, 438, 440, 442, 523—25, 527, 532, 570, 574, 607, 663, 664, 666, 667, 673, 675, 676, 678, 680, 682—86, 688, 694, 704, 709, 731, 818, 819, 822, 826, 846.
Александр Невский — 789.
Александров, Василий Максимович — 162, 500.
Алексеев, Федор Яковлевич — 577.
Алексеев, одесский педагог —825.
Алексей Петрович, царевич — 187.
Алексей, повар — 15, 16.
Альбединский, П. П.— 226, 227.
Альбертини, Николай Викентьевич — 108, 123.
Альтгауз, Юлиус — 523, 540.
Альфонский, Аркадий Алексеевич — 422, 550, 551.
Андреев, Николай Андреевич — 213, 573, 579.
Анна Иоанновна, имп. — 190.
Анненков, Иван Александрович — 238, 239.
Анненков, Павел Васильевич — 87, 209, 355, 356, 358, 376, 384, 385, 430, 438, 506, 519—22, 644, 763, 863.
Антонелли, Петр Дмитриевич — 174, 181, 189.
Антоний, архиепископ — 139.
Антонович, Максим Алексеевич — 321.
Анциферов, Николай Павлович — 6, 93—102, 355—92, 418, 430—42, 443—504, 541, 654, 753—92, 854.
Апраксин, Степан Федорович — 350.
Араго, Эманюэль — 537.
Араго, Этьен — 537.
Аракчеев, Алексей Андреевич — 195, 196.
Арапетов, Иван Павлович — 208.
Арапов, Николай Устинович — 313.
Аргиропуло, Перикл Эммануилович — 670.
Ариосто, Лодовико — 768.
Арним (рожд. Брентано) Элизабет фон (Беттина) — 92.
Астафьев, Иван Александрович — 764.
Астраков, Иван Васильевич — 541.
Астраков, Николай Иванович — 27, 28, 35, 49, 541, 543, 756, 790.
Астраков, Сергей Иванович — 386, 422, 541, 544, 549, 554—59, 864.
Астракова, Татьяна Алексеевна — 6, 11, 355, 356, 358, 366, 367, 375—80, 430, 437, 523, 536, 539, 540, 541—59, 566, 576—78, 584, 599, 638, 640, 652, 654, 722, 791, 857, 863.
Астраковы — 28, 436, 437, 545, 559.
Афанасьев, Александр Николаевич — 658—60.
Ахшарумов, Дмитрий Дмитриевич — 185, 186, 189.
Ашер, книгопродавец — 82, 87.
Ашукина, Мария Григорьевна — 6, 156, 383.

Бабст, Иван Кондратьевич — 207, 209.
Баженов, Василий Иванович — 208.
Баженов, Николай Кириллович — 660.
Базен, Франсуа Ашилл — 826.
Базилева, Зинаида Петровна — 220, 222, 693.
Базура — 830.
Байрон, Джордж Ноэль Гордон — 15, 278, 282.
Бакст, Владимир Игнатьевич — 6, 81, 107—25, 128, 144, 145, 456.
Бакунин, Михаил Александрович — 6, 74, 75, 81, 90, 101, 109—111, 113, 146, 148—51, 153—158, 228, 230, 231, 236, 238, 239, 252, 265, 266, 268, 305, 311, 325, 332, 351, 356, 358, 402, 404, 415, 440, 441, 443, 485—91, 495, 497—500, 517, 523—28, 537, 560, 594, 635, 636, 673, 695, 696, 699—701, 703—06, 710, 711, 745, 767, 774, 801, 802, 823, 856, 859, 860, 862, 863.
Балашевич-Потоцкий, агент III Отделения — 115.
Бальи, Жан Сильвен — 38.
Барковская, П. М. — 317.
Барни, Жюль — 463.
Барсов — см. Нечаев, С. Г.
Басаргин, Николай Васильевич — 776.
Бауэр, А. — 773.
Бауэр, Василий Васильевич — 739.

Бахметев, Павел Александрович — 150, 151, 257.
Бахметьев, Николай Николаевич — 278.
Бахтин, Николай Иванович — 64.
Бебутов, Давид Иосифович—835, 850, 852.
Бедан, Франсуа Сюльпис — 278.
Беер, сестры — 358.
Безобразов, Николай Александрович — 205.
Бекетов, Владимир Николаевич — 739.
Беккер, Иоганн Филипп — 701.
Беккер, Иосиф Исаакович — 792.
Беккерель, Антуан Цезарь — 88, 89.
Беклемишев, Федор Алексеевич — 165, 228—39, 560.
Белинская (рожд. Орлова), Мария Васильевна — 90, 358, 430.
Белинский, Виссарион Григорьевич — 81, 90—92, 159, 160, 200, 280, 282, 356, 358, 379, 385, 430, 580, 650, 653, 699, 768, 773, 774, 777, 782, 792; см. еще: Бульдогов, Петр.
Беллина, де — 525—27.
Беллини, Винченцо — 36.
Беллюстин, Иван Степанович — 197—206, 216, 217.
Белоголовый, Николай Андреевич — 6, 106, 165, 166, 229, 230, 306, 560—64.
Белюз — 695.
Белявская, Ирина Михайловна — 139—45.
Бенардаки, Дмитрий Егорович — 236, 239.
Венда, польский эмигрант — 162.
Бенкендорф, Александр Христофорович — 195, 287.
Бенни, Артур Иванович — 679, 856; см. еще А. Б.
Бер — 850.
Беранже, Пьер Жан — 278, 280.
Бердушек, Мориц — 523, 540.
Березовский, Антон Иосифович—161, 226.
Бернацкий, Алоизий Проспер — 408.
Бернацкий, Николай Николаевич — 467.
Бернгард, студент — 272.
Беррю, Камилл — 795.
Берсеньев, Иван Архипович — 208.
Бестужев, Николай Александрович — 311, 749.
Беттина Брентано — см. Арним, Элизабет.
Бетховен, Людвиг, ван — 91, 92.
Бецкой, Иван Иванович — 207, 208.
Бечаснов, Владимир Александрович — 311.
Беше — 853.
Бибиков, Дмитрий Гаврилович — 195.
Бибиков, Матвей Павлович — 283, 286.
Биггз, Каролина — 523, 536.
Биньон, Элизабет — 825, 826.
Био, Жан Батист — 38.
Бисмарк, Отто Эдуард — 225, 750.
Бистром, Карл Иванович — 668.
Благосветлов, Григорий Евлампиевич — 311, 322, 638, 639.
Блан, Луи — 69, 171, 298, 830.
Блекет, изд. — 811.
Блудов, Дмитрий Николаевич — 64, 110.
Блюммер, Леонид Петрович — 138.
Боборыкин (Петр Дмитриевич?) — 222.
Бобрищев-Пушкин, Павел Сергеевич — 776, 792.
Богатырев, Шоэль Шулимович — 128, 706, 707.
Богучарский, Василий Яковлевич — 832.
Боденштедт, Фридрих — 852.
Боке, Жан Батист — 523, 535, 539, 756.
Болховский, Дмитрий Николаевич — 273, 274.
Бонгар, Эдуард — 75.
Бордюгов, Иван Иванович — 667.
Борисов, Андрей Иванович — 776.
Борнан, прусский врач — 750.
Боровиковский, Александр Львович — 208.
Бородин, Александр Порфирьевич — 569.
Боткин, Василий Петрович — 88, 89, 307—09, 358, 376, 380, 554, 556, 559, 857, 863.
Боткин, Михаил Петрович — 449, 452.
Боткин, Сергей Петрович — 74, 858.
Боузн, Элиза — см. Галахова Э.
Боццарис, Марко — 54.
Бранди, Леон, псевд. Л. И. Мечникова — 102.
Браницкий, Ксаверий Брониславович — 264, 265, 307.
Браунер, Богуслав — 706.
Бригген, Александр Федорович — 776.
Брокгауз, изд. — 402.
Бруннов, Филипп Иванович — 115, 668, 669, 683, 799, 819, 860, 864.
Брюллов, Карл Павлович — 208.
Буало-Депрео, Николя — 735.
Бузе, Шарль дю — 822, 823.
Булич, Николай Никитич — 436, 437,442.
Бульдогов, Петр, псевд. В. Г. Белинского — 92.
Бунин, Афанасий Иванович — 541.
Буржуа, Леон Виктор — 500.
Буташевич-Петрашевский, М. В. — см. Петрашевский, М. В.
Бутков, Владимир Петрович — 216, 229, 306—10.
Бутурлин, Михаил Дмитриевич — 660.
Бухгейм, Лев Эдуардович — 848.
Бушканец, Ефим Григорьевич— 662—67.
Бушо — 14.
Быкова, Е. — 230.
Бюрти, Ф. — 763.
Бюше, Филипп Жозеф Бенжамен — 277.

В. Б., криптоним А. И. Герцена — 796.
Валерио, Лоренцо — 126, 128.
Валуев, Петр Александрович — 107, 125, 330, 686, 688, 730.
Вапро, Луи Густав — 300, 302.
Варлен, Луи Эжен—793, 827, 828.
Варнгаген фон Энзе, Карл Август — 92.
Варрен — 864.
Вахтерева, Мария Васильевна — 76, 148.
Ведельмейер, офицер — 858.
Веденяпин, Аполлон Васильевич — 311.
Ведров, Владимир Максимович — 635.
Вейль, Жорж — 695.
Величковский — 743.
Вельти, Эмиль — 74, 77, 78.
Венгеров, Семен Афанасьевич — 197.
Венский — см. Пикулин, П. Л.
Венцель, Карл Карлович — 232, 237, 238.

Вера Артамоновна, няня Герцена — 418, 419, 422, 428, 554.
Вердер, Карл — 87, 92.
Вернер, Абрам Готлиб — 21.
Веселаго, Феодосий Федорович — 689, 693, 694.
Веселитский-Божидарович, Гавриил Сергеевич — 108—12, 116, 117.
Вестман — 77, 78.
Ветошников, Павел Александрович — 351.
Вигель, Филипп Филиппович — 658.
Видерман фон Барановский, Ленгард Петрович — 325.
Вико, Джованни Баттиста — 294.
Виктор Эммануил, итал. король — 128, 463.
Вильчур, М. — 70.
Вильям-Вильмонт, Николай Николаевич — 478.
Висконти — 743.
Витали, Иван Петрович — 15.
Витберг, Александр Лаврентьевич — между 8—9, 24, 25, 53, 599, 632, 649—54, 758, 761, 784, 853.
Витязев, Ферапонт Иванович — 848.
Вихерский, Феликс — 263, 264, 864.
Владимир Александрович, вел. кн. — 221, 222.
Владимиров, Николай Львович — 108, 110.
Водо, Октавий (Октавиус Алексис) — 274, 280.
Волков, Федор Иванович — 208.
Волконский, Сергей Григорьевич — 81, 102—06, 311, 656, 776.
Володимиров — 454, 455.
Володимирова, Екатерина — 454, 464.
Володимировы — 453—55.
Волькенштейны — 656.
Вольтер, Франсуа Мари Аруэ — 693, 698, 750.
Вольф, Маврикий Осипович — 832, 848.
Вольфзон, Вильгельм — 402, 403.
Вормс, Николай Александрович — 612, 860.
Воробьев, Сократ Максимович — 435.
Ворожцов, В. Н. — 349.
Ворожцов, Василий Прокофьевич — 350.
Ворожцов, Иван Прокофьевич — 6, 311—14, 320, 338—52.
Ворожцов, Михаил Прокофьевич — 348, 349.
Воронихин, Андрей Никифорович — 208.
Ворцель, Станислав — 305, 774, 790, 799, 804, 830, 834.
Вырлина, Александра — 364.
Вырубов, Григорий Николаевич — 469, 470, 472, 473, 476, 479, 482, 484, 485, 517—20, 530, 537, 743, 745, 762, 815, 823, 831, 845, 850.
Высоцкий, Иосиф — 830.
Вышинский — 312.
Вяземский, Павел Петрович — 864.
Вяземский, Петр Андреевич — 62, 540.
Вязьменский, Г. М. — 850, 852.

Гааг, Готлиб Вильгельм — 410.
Гааг, Готлиб Фридрих — 410.
Гааг, Луиза Ивановна — 6, 363, 391, 393—415, 418, 420, 432, 433, 468, 554, 556, 578—82, 652—54,771, 772, 791, 857.
Гааг, Маргарита — 410.
Гагарин, Григорий Григорьевич — 207, 208.
Гагарин, Павел Павлович — 64, 65, 68, 170, 181, 182, 187, 190, 826.
Гагарина — 429.
Гадеман — 735.
Гай, Людвиг — 35.
Галактионов, Степан Филиппович — 208.
Галахов, Алексей Дмитриевич — 209.
Галахов, Иван Павлович — 355, 383, 384, 543, 550, 783, 784, 857, 863.
Галахова, Мария Павловна — 384.
Галахова (рожд. Боуэн), Элиза — 384.
Галилей, Галилео — 500, 501.
Галле, Луи — 126, 128, 446, 763.
Гант, Торнтон — 801.
Гарибальди, Джузеппе — 305, 309, 326, 386, 426, 453, 460—63, 522, 538, 692, 729, 730, 770, 791, 800, 820, 822, 874, 875.
Гарибальди, семейство — 462.
Гатцук, Алексей Алексеевич — 616.
Гауг, Эрнст — 756.
Ге, Николай Николаевич — 458, 459, 465, 654, 757, 759, 760, 790, 853.
Гебель, Франц Ксавер — 294, 296.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих — 90, 302.
Гедерштерн, Александр Карлович — 310.
Гей (Gay), изд. — 251, 258, 259.
Гейм, Иван Андреевич — 32.
Гейман, Родион Григорьевич — 39, 274, 342.
Гейне, Генрих — 201.
Гейтман, Е. — 792.
Гексли, Томас Генри — 827.
Генерозов — 236.
Георгиевский, Григорий Петрович — 831.
Гербель, Николай Васильевич — 671.
Гервег, Адда — 398, 399, 406.
Гервег, Георг — 88, 89, 355, 363, 382, 394, 396, 398—401, 403, 406, 407, 410, 415, 519—21, 788, 801, 840, 841, 849, 853.
Гервег, Горас — 398, 399, 788.
Гервег, Эмма — 396, 398—401, 403, 406—08, 519, 521, 849, 861.
Гердер, Иоганн Готфрид — 294.
Герст, изд. — 811.
Геру, А. — 670.
Герцен, Александр Александрович (сын)— 63, 65, 113, 128, 129, 139—43, 145—50, 152, 153, 254, 300, 302, 304, 305, 307, 308, 326, 332, 356, 362, 380, 382, 384, 385, 388—92, 396, 398, 403, 404, 406, 408, 410, 422—26, 440, 444, 449, 452, 455—58, 460, 461, 463, 466, 477—79, 482, 484, 502, 505—08, 514—21, 530—36, 540, 546, 549, 552, 554, 556, 558, 566, 570, 594, 595, 605, 608—11, 631, 645, 646, 650, 651, 653, 654, 713—22, 740, 742, 756, 757, 759—61, 763, 767, 768, 770—72, 786, 788, 791, 796, 824, 831, 832, 839—42, 845, 856, 857, 861—63.
Герцен, Александр Александрович — (внук) — 494.

Герцен, Алексей Александрович (Лелябой) — 462, 505, 507—10, 771.
Герцен, Владимир Александрович — 758, 791.
Герцен, Егор Иванович — 6, 10, 11, 282, 308, 399—401, 404, 409, 413—39, 533, 559, 576—78, 582, 620, 621, 652—54, 722, 778.
Герцен, Елена Александровна (Лелягерл) — 505, 507—10, 771.
Герцен, Елизавета Александровна —256, 259, 260, 262, 263, 445, 458, 462, 463, 467—69, 471, 472, 474, 476, 477, 483, 484, 488, 494, 496, 505, 508, 510, 512—19, 521, 534, 536, 539, 641, 642, 717, 720, 721, 754, 764, 771, 791, 860, 861, 863.
Герцен, Елизавета Александровна (Лика) — 549—51, 559.
Герцен, Иван Александрович — 551.
Герцен (рожд. Захарьина), Наталья Александровна — 6, 9, 11, 12, 16, 20, 24, 26—29, 36, 43, 44, 46—49, 53, 87, 355—92, 396, 398—401, 403—09, 413, 414, 419, 426, 430, 432, 433, 444, 468, 483, 505, 506, 519—21, 536, 541—43, 545—52, 554—59, 568, 578—81, 585, 586, 609, 618, 632, 649, 650, 652—54, 753, 756, 758, 760, 761, 764—68, 779, 786, 788—92, 840, 846, 847, 853, 854, 857, 859, 863.
Герцен, Наталья Александровна — 6, 69, 126, 128, 153, 302, 303, 306, 307, 326, 376, 379, 390—92, 396, 400, 403, 406, 416, 420, 422—25, 427—29, 433, 440—505, 507, 508, 510, 511, 514—20, 530, 532—34, 536, 539, 540, 542, 548, 549, 552, 554, 556, 559, 568, 603, 606, 609, 610, 612, 613, 654, 687, 713, 717—22, 731, 733, 743, 745, 749, 752—54, 756—68, 770—73, 775, 777, 782, 784, 786—92, 800, 831—50, 852, 853, 857, 859, 861, 863.
Герцен, Нелли Юльевна — 758, 791.
Герцен, Нерина Александровна — 759.
Герцен, Николай Александрович (Коля) 363, 376, 379, 382, 390, 396, 400, 402, 403, 405, 407, 409, 411, 413, 415, 420, 433, 468, 543, 549, 552, 554, 556, 581, 768, 786, 788, 791, 800, 801, 857.
Герцен, Николай Александрович (внук) — 654, 754, 758, 763, 790, 831, 834—37, 840, 842, 845, 849, 853, 854.
Герцен (в замуж. Моно), Ольга Александровна — 100, 302, 306, 392, 394, 396, 400, 405, 409, 422, 425, 440, 444—46, 448, 449, 452, 453, 455—57, 461, 462, 468, 483, 484, 505, 507, 508, 511, 514, 516, 519, 520, 523, 530, 531, 609, 720—22, 757, 762, 767, 768, 770, 773, 786, 791, 836, 838, 841, 844, 845, 850, 857, 861.
Герцен, Ольга Александровна (внучка) — 757.
Герцен, Петр Александрович — 758, 768, 791.
Герцен (рожд. Феличе), Терезина — 466, 759, 770, 772, 774, 787, 791, 836, 842, 844.
Герцони, секретарь Гарибальди — 820.
Гершензон, Михаил Осипович — 472, 616, 831, 840, 841, 850.
Гете, Иоганн Вольфганг —47, 50, 55, 87, 92, 278, 282, 478, 479.
Гефнер — 746.
Гижицкий, Евгений Казимирович — 863.
Гизо, Франсуа — 294.
Гиллер, Агатон — 150.
Гильдебрант, Федор Андреевич — 32, 274.
Гильом, Джемс — 863.
Гильом, типогр. — 490, 491.
Гинзбург, Лидия Яковлевна — 9—11, 540, 620, 708—11.
Гио, Жак — 788.
Гирс, Николай Карлович — 74, 77, 78.
Гладстон, Вильям — 525.
Глазенап, фон, Б. А. — 226, 227.
Глинка (рожд. Голенишева-Кутузова), Авдотья Павловна — 864.
Глинка, Михаил Иванович — 126.
Говоров, Сергей Козьмич — 650, 652.
Гогель, Николай Васильевич — 310, 698.
Гогенцоллерны — 815.
Гоголь, Николай Васильевич — 200, 211, 214, 216, 282, 655, 801.
Голиок, Джордж Джекоб — 805.
Голицын, Александр Федорович — 107, 272.
Голицын, Дмитрий Владимирович — 21, 271, 272.
Голицын, Сергей Михайлович — 271, 272, 287.
Голицын, Юрий Николаевич — 69, 446, 774.
Голицын, типогр. — 338.
Головачева, Наталья Филипповна — 321.
Головин, Иван Гаврилович — 399, 402, 403, 406, 408, 801, 858.
Головинский, Павел Казимирович — 168, 172—74.
Головнин, Александр Васильевич — 64, 124, 125, 678—81, 683—86, 688, 690, 694.
Голохвастов, Дмитрий Дмитриевич —565, 577, 626.
Голохвастов, Дмитрий Павлович — 26, 34, 38, 296, 565, 626.
Голохвастов, Николай Павлович — 273, 429, 565.
Голохвастов, Павел Иванович — 410.
Голохвастова, Зинаида Николаевна — 429, 518.
Голубов, Константин Ефимович — 131, 132, 860, 861.
Голуховский, Агенор — 157.
Голынский, Александр Викентьевич — 800.
Гольбейн, Ганс — 446.
Гольденберг-Гетройтман, Лазарь Борисович — 862.
Гольденвейзер, Александр Борисович — 106.
Гольштейн, Владимир Августович — 862.
Гончаренко, Агапий (Андрей) — 69, 70, 308.
Гончаров (Гончар), Осип Семенович — 130, 134, 138.
Горбунов, Кирилл Антонович — 387, 421, 431, 549, 652, 654, 753, 763, 765, 768, 774, 777, 779—82, 784—86, 790—92,

Гордеев, Федор Гордеевич — 208.
Горсуязи — 736.
Горчаков, Александр Михайлович — 64, 661.
Горье, студент — 272.
Готье, Поль — 857.
Гофман, К. И. — 422.
Гофман, Эрнст Теодор Вильгельм — 277, 282.
Гофман, изд. — 402, 812.
Гранат, Р. — 850.
Грановская (рожд. Мюльгаузен), Елизавета Богдановна — 358, 379, 380, 386, 392, 434, 435, 442, 559, 777, 785, 786, 789.
Грановский, Тимофей Николаевич — 81, 82, 87—89, 282, 355, 356, 358, 363, 366, 370, 378, 380—82, 385, 386, 388, 391, 392, 430, 433—35, 439, 440, 442, 543, 544, 547—50, 554—57, 559, 617, 634, 714, 763, 773, 774, 777, 780, 785, 859, 862.
Грасс, Филипп — 763, 773.
Грачев, корреспондент Огарева — 860.
Грегоровиус, Фердинанд — 448—50.
Греч, Николай Иванович — 525.
Григорий, митрополит — 215.
Григорович, Дмитрий Васильевич — 726, 745.
Григорьев, Василий Васильевич — 627, 630.
Григорьев, Николай Петрович — 168, 169, 175, 183, 184, 188—90.
Григорьев, Петр — см. Шапошников, П. Г.
Гриневич — 312.
Гриффин, Р. — 850.
Грин, Теодор Соломонович — 655—60.
Губер, Эдуард Иванович — 90.
Гулевич (Зрачков), Михаил Семенович — 245, 612, 858.
Гумбольдт, Александр — 29, 34, 385.
Гурко, Иосиф Владимирович — 752.
Гуровский, Адам — 812.
Гурьев, Дмитрий Николаевич — 232, 239.
Гурьянов, Владимир Петрович — 271—86.
Гусев, Виктор Евгеньевич — 126.
Гусева, Полина — 645.
Гучков, Е. Ф. — 130, 131.
Гюго, Виктор — 42, 52, 188, 521, 522, 538, 756, 795, 830, 862.
Гюго, Шарль — 522.

Д. П., сотрудник «Русского вестника» 1862 г. — 679.
Давид, корректор — 726, 750.
Давыдов, Иван Иванович — 30.
Давыдов, неустановл. лицо — 518.
Данилевский, Николай Яковлевич — 171, 189.
Данич, Юлиан — 252, 258, 262.
Данте, Алигьери — 41, 42, 375, 775.
Дашкова, Екатерина Романовна — 730.
Дебу, Ипполит Матвеевич — 176.
Декарт, Рене — 99.
Делаво, Ипполит — 152, 153, 801, 812.
Деламар — 128.
Деларош, Поль — 766.
Дельпьер, Октавий — 298, 299.
Делянов, Иван Давыдович — 683.
Демонтович, Иосиф — 862.
Денегри, Франческо — 799.
Дени, Гектор — 849.
Дени, г-жа — 849.
Денисов, Андрей — 138.
Дерер, С. — 523, 528, 529, 537.
Джотто ди Бондоне — 446.
Дидро, Дени — 750.
Динго, Восаний — 69.
Дистлер, Ирина Васильевна — 107.
Дмитревский, Иван Афанасьевич — 660.
Дмитриев, Иван Иванович — 273.
Дмитриев, Олег Алексеевич — 295.
Дмитриев, Сергей Сергеевич — 191—96, 209—19, 226, 227.
Дмитриев-Мамонов, Эммануил Александрович — 89, 786.
Добровольский, В. Л. — 500.
Добролюбов, Николай Александрович — 59, 60, 198, 199, 466, 664, 667, 672, 673, 777.
Довольный, а не обманутый, псевд. неизв. корреспондента «Morning Advertiser» — 810, 811.
Долгоруков, Василий Андреевич — 65, 68, 107, 181, 306—10, 313, 683, 685.
Долгоруков, Иван Михайлович — 658, 660.
Долгоруков, Петр Владимирович — 68, 93, 103, 106, 124, 125, 145, 247, 249, 250, 256, 258, 350, 668, 708—11, 733, 736, 742, 778, 794, 820, 858.
Достоевский, Федор Михайлович — 169, 175, 188, 189, 643.
Драгоманов, Михаил Петрович — 669, 673.
Дрейфус, Альфред — 502.
Дружинин, Александр Васильевич — 208.
Дружинин, Николай Михайлович — 876.
Друэ, Эрнестина — 521.
Дубельт, Леонтий Васильевич — 181, 183, 190, 195, 297, 714.
Дубовиков, Алексей Николаевич — 6, 9—55, 416—29, 541—59, 565—646, 668—70, 713—22.
Дубровин, Николай — 108, 119.
Дудинский, З. И. — 422.
Дудышкин, Степан Семенович — 243.
Дуйс, домовладелец — 788.
Дунаев, сибирский купец — 312.
Дура, Гаэтано — 439.
Дурасов, Егор Александрович — 273.
Дуров, Сергей Федорович — 170, 174, 175, 188—90.
Дюма (сын), Александр — 796.
Дюпра, супрефект — 76.
Дюруа — 740, 741.
Дюфур, книготорговец — 679.
Дягилев, Павел Дмитриевич — 683, 684.

Европеус, Александр Иванович — 189, 311, 320.
Егоров, Алексей Егорович — 208.
Еденауер — 227.
Екатерина II — 57, 159, 182, 190, 207, 300, 698, 730, 816, 817, 819, 861.
Елагин, Николай Васильевич — 678, 682—84, 858.
Елагина, Авдотья Петровна — 541.
Елизавета Петровна, имп. — 190, 672, 673, 675.

Ергин, Александр Федорович — 111, 115.
Ермилов, Федор — 133, 138.
Есипов, Павел Петрович — 658—60.
Ефремов, Петр Александрович — 617, 761, 791.

Жабицкий, Антон — 804.
Жансен — 304.
Жардель, Германия — 494—96.
Жеманов, Семен Яковлевич — 320.
Жерве — 110.
Жирарден, Эмиль—476, 524, 526, 527, 811.
Жиркевич, Иван Степанович — 657, 660.
Жорж Санд — 462, 796.
Жуковский, Василий Андреевич — 15, 21, 541, 607, 661.
Жуковский, Николай Иванович — 317, 514, 561, 844, 845.

Забелло, Пармен Петрович — 758.
Завалишин, Дмитрий Иринархович — 166, 311, 864.
Завонский — 321.
Загибенин, Ст. — 683.
Загоскин, Михаил Васильевич — 229.
Загоскин, Михаил Николаевич — 660.
Заичневский, Петр Григорьевич — 670.
Зайцев, Варфоломей Александрович — 321, 322, 351.
Зайцева (в замуж. Якоби), Варвара Александровна — 311, 321, 322.
Закревский, Арсений Андреевич — 62, 215, 568.
Замперини, маццинист —495, 496.
Засядко, Дмитрий Александрович — 559.
Захаров, Андреян Дмитриевич — 208.
Захарьин, Павел Александрович — 781.
Захарьин, Петр Александрович — 777, 779, 781, 791, 861.
Захарьина (рожд. Фролова), Аксинья Ивановна — 364, 365, 401, 419, 650, 861.
Захарьина (в замуж. Селина), Екатерина Александровна — 419.
Захарьина, Ольга Павловна — 781.
Захарьина, Софья Александровна — см. Семичева, С. А.
Збруев, А. — 761, 778.
Зенкович, Леон — 804.
Зильберштейн, Я. А. — 843, 844, 852.
Зонненберг, Карл Иванович — 28, 49, 53, 418, 422, 556, 580, 581, 589, 590, 618, 626, 782.
Зонтаг, Генриэтта — 396, 398.
Зоти — 853.

Ибаев, Лев Александрович — 272.
Иваницкий, Наполеон-Казимир — 320.
Иванов, Александр Андреевич — 207, 208.
Иванов, Николай Алексеевич — 271.
Иванов-Разумник, Разумник Васильевич —843.
Иванов, студент — 497.
Иванов, крестьянин — 825.
Ивашев, Василий Петрович — 776.
Ивашева (рожд. Леданту), Камилла Петровна — 776.
Игельстром, Осип Андреевич — 57, 58.
Игнатьев, Павел Николаевич — 672, 675.
Извольский, Петр Алексеевич — 237, 239.
«Изменник», подпись в «Русских прибавлениях к «Kolokol» — 225.
Ильин, Николай Иванович — 658.
Ильинский, Игорь Владимирович — 128.
Иованович, Владимир — 258, 259.

Кабанов, Илларион Егорович (Ксенос)— 139.
Кабе, Этьен — 159, 695.
Кавелин, Константин Дмитриевич —64, 102, 209—11, 226, 240, 241, 379, 438, 479, 554, 556, 557, 559, 669, 856.
Кавелина (рожд. Корш), Антонина Федоровна — 554, 556, 557.
Кавеньяк, Луи Эжен — 380, 382.
Кадоль, Огюст Жан Батист Антуан — 13, 23.
Каменский, Сергей Михайлович — 655—60.
Кампе, изд. — 402, 812.
Камперио — 858.
Кани, типогр. — 406.
Канн-Новикова, Елизавета Исааковна — 125—28.
Кантор, Рувим Моисеевич — 710, 711.
Капефиг, Жан Батист Оноре Раймонд—295.
Капнист, Павел Алексеевич — 108.
Каразин, Василий Назарович — 261, 262.
Каракозов, Дмитрий Владимирович — 101, 118, 226, 227, 312, 318, 319, 324, 336, 340, 740, 826.
Каратыгин, Вячеслав Гаврилович — 95.
Карганов, А. А.—230.
Карно, Лазарь — 735.
Карпов, Василий Дмитриевич— 236, 239.
Карр, Эдуард —355.
Картен, книгопродавец — 82, 87.
Картсков, неустановл. лицо — 548.
Касаткин, Виктор Иванович — 139, 245, 247—50, 254, 255, 258, 324, 325, 332, 333, 540, 671, 754, 756, 761, 790, 858.
Касаткина, Елизавета Васильевна — 523, 540.
Каспрович, Э. Л., изд. — 191.
Касторский, Михаил Иванович — 688—90.
Катенев, Василий Петрович — 169, 184.
Катков, Михаил Никифорович — 138, 154, 158, 342, 526, 571, 597, 626, 679, 682, 685, 686, 688—94, 697—99, 734, 822, 856.
Катырло, Станислав — 323.
Каффи, Ипполит — 361, 766, 767, 790.
Качеиовский, Дмитрий Иванович — 437, 438, 442, 842.
Кашкин, Николай Евгеньевич — 168, 174, 189.
Кашперов, Владимир Никитич — 81, 125—128, 446.
Квантен, Эмиль — 6, 81, 145, 150.
Кедров, С. И. — 418.
Кельсиев, Василий Иванович — 111, 130—35, 137, 138, 158, 307—10, 321, 340, 341, 729, 734, 824, 863.
Кельсиев, Иван Иванович— 158.
Кельсиева (рожд. Щербакова), Варвара Тимофеевна — 859.
Кернер, бельгийский консул —300.
Кеслен, изд. — 258, 259, 262, 266.

Кетчер, Николай Христофорович — 12, 26, 28, 81, 82, 87, 90—92, 209, 386, 388—91, 419, 435, 438, 439, 542, 543, 547, 550, 554, 559, 577, 578, 641, 651, 652, 715, 761, 763, 767, 777, 780, 781,
Кетчер, Серафима Николаевна —355, 356, 386—91, 550, 554, 559, 578, 777, 780, 781, 786, 790.
К-ий, И., подпись И. И. Кулжинского — 820.
Киндяков, Николай Михайлович — 271, 272, 290.
Кинкель, Иогани Готфрид — 829.
Кинэ, Эдгар — 695, 696, 730, 800, 850.
Кирилл, митрополит — 139.
Киселев, Николай Дмитриевич — 310.
Киселев, Павел Дмитриевич — 234, 310.
Клапка, Георг — 818.
Клевенский, Митрофан Михайлович— 697.
Клейнмихель, Петр Андреевич — 195, 196.
Клиентова, Александра Григорьевна — 355.
Ключарев, Григорий Иванович — 419, 422, 715.
Клячко, Юлиан — 81, 142, 144.
Книканин, Стефан Петрович — 829.
Княжевич, Александр Максимович — 64.
Ковалевский, Владимир Онуфриевич —6, 75, 81, 139—42, 321, 338, 348, 852.
Ковалевский, Евграф Петрович — 216, 677, 678.
Ковалькова, Вера Яковлевна — 312, 315.
Козлов, Александр Алексеевич — 208.
Козлов, Иван Иванович — 15.
Козловский, Михаил Иванович — 208.
Козьмин, Борис Павлович — 6, 107, 108, 126, 128—30, 150—53, 159, 161, 162, 192, 200, 244, 247, 311, 340, 560—64, 602, 645, 695, 696, 700, 701, 711, 712, 867.
Кок, де, Поль — 796.
Кокоринов, Александр Филиппович — 208.
Колачек, Адольф — 402, 812.
Колесников, Михаил И. — 848.
Колокольцев, Григорий Дмитриевич — 283, 284, 286, 596.
Кольбер, Жан Батист — 525.
Кольберн, Генри —816, 829.
Кольдези, фотогр. — 770.
Кольцов, Алексей Васильевич — 607.
Комаров, Михаил Федорович — 697.
Комаров, Т. — 697—99; см. еще Чаплия.
Комиссаров, Осип Иванович — 318, 319.
Констан, Бенжамен — 813.
Константин Николаевич, в. кн. — 64, 143, 144, 330, 438, 442, 798.
Константин Павлович, в. кн. — 234, 864.
Константинов, Семен Тимофеевич — 108, 117—20.
Коперник, Николай — 36, 38, 288.
Коперский, С. А. — 192.
Корде, Шарлотта — 763.
Коростин, Алексей Федорович — 649—54, 758.
Корреджио, Антонио Аллегри — 92.
Корроди, Сальмон — 451.
Корсаков, Михаил Семенович — 228—31, 238, 239, 337.
Корсини — 432.
Корф, Модест Андреевич — 104, 190.
Корш, Антонина Федоровна — см. Кавелина (рожд. Корш), А. Ф.
Корш, Валентин Федорович — 379.
Корш, Евгений Федорович — 209, 379, 386, 392, 430, 433, 435, 438, 439, 442, 549, 551, 554, 559, 654, 763, 767, 781, 784.
Корш, Любовь Федоровна — см. Крылова (рожд. Корш), Л. Ф.
Корш, Мария Федоровна — 321, 355, 376, 378, 380—82, 384—86, 390—92, 430—42, 536, 547, 550—52, 554, 556, 558, 559, 577, 781, 786.
Корш, Федор Евгеньевич — 392, 768.
Кост, Л., врач — 523, 534, 539.
Кост, жена Л. Коста — 534.
Костомаров, Всеволод Дмитриевич — 670.
Костомаров, Николай Дмитриевич — 670.
Костомаров, Николай Иванович — 698, 699, 862.
Костров — 237, 239.
Коцебу, Август Фридрих — 54.
Кошут, Лайош — 756, 807, 818, 819, 829, 830.
Краббе, Николай Карлович — 221, 222.
Кравченковы — 657.
Краевский, Андрей Александрович — 92, 697, 708, 710.
Крамской, Иван Николаевич — 207.
Крейц, Киприян Антонович, — 57, 58.
Кремлев, Юрий Соломонович — 91.
Кривцов, Сергей Иванович — 665.
Крылов, Иван Андреевич — 53, 862.
Крылова (рожд. Корш), Любовь Федоровна — 551.
Крюков, Дмитрий Львович — 543, 550.
Ксенос — см. Кабанов, Илларион Егорович.
Кубалов, Борис Георгиевич — 228—39.
Кувязев — 320.
Кудро, А. — 827.
Кузен, Виктор — 277, 286, 288.
Кузьмин, Сергей Иванович — 297—305, 484, 486, 497.
Кузьмина (Козьмина), крепостная актриса — 655, 658—60.
Кукель, Болеслав Казимирович — 228.
Кукушкин, В., фотограф — 31.
Кулешов, Василий Иванович — 831—54.
Кулжинский, Иван Григорьевич—820; см. еще: К-ий, И.
Кулиш, Пантелеймон Александрович — 698.
Куманин — 772.
Куренков, Н. — 217.
Курочкин, Василий Степанович — 671.
Курочкин, Николай Степанович — 245.
Курута, Юлия Федоровна — 355, 863.
Кухарский — 312.
Кушева, Екатерина Николаевна — 126.
Кушелев-Безбородко, Григорий Александрович — 63.
Кюстин, де, Адольф — 525.

Лаблаш, Луи — 432, 441.
Лавинский — 236.
Лавров, Петр Лаврович — 191—94, 443, 484, 485, 500, 518, 710, 711, 863, 873.
Лаврский, Виктор — 733.
Лазарев — 500.

Лакомб, Поль — 877.
Лакруа, А., изд. — 304, 730.
Ламартин, Альфонс — 476, 526.
Лангевич, Мариан — 140, 142.
Ланский, Леонид Рафаилович — 6, 71—73, 81—89, 159—61, 207, 208, 503, 523—40, 594, 640, 725—52, 793—830, 855—864.
Ланской, Петр Петрович — 314, 336, 352.
Ланской, Сергей Степанович — 62, 64, 667.
Лапинский, Теофиль — 862.
Лаплас, Пьер Симон —38.
Лапре, Вильгельм — 312, 315, 318, 322, 324, 332, 344, 345.
Ларионов, полковник — 349.
Лассаль, Фердинанд — 864.
Лафайет, Мари Жозеф — 813.
Лахтин, Алексей Кузьмич — 287—91, 294—96, 750.
Лебедев, Николай Егорович — 634, 689.
Лебедев (Керженцев), Платон Михайлович — 850.
Леверсон — 816.
Левин, Шнеер и Менделевич — 867—879.
Левицкий, Сергей Львович — 128, 129, 208, 414, 570, 757, 758, 761, 762, 774, 781.
Левье, врач — 464.
Леданту, Камилла Петровна — см. Ивашева, К. П.
Леднев, Петр Иванович — см. Павел Прусский.
Ледрю-Роллен, Александр Огюст — 538.
Лейкина-Свирская, Вера Романовна — 165—90.
Леман, Анри — 452, 453.
Лемке, Вера Михайловна — 843.
Лемке, Михаил Константинович — 9, 12, 20, 35, 36, 38, 46, 47, 65, 108, 116, 117, 142, 151, 153, 158, 240, 230, 271, 272, 282, 287, 297, 303, 310, 352, 423, 424, 504, 506, 518, 536, 537, 541, 559, 566, 568, 599—602, 610, 612, 613, 618, 620, 622, 625, 632—34, 636, 651, 653, 654, 674, 690, 710, 713, 714, 725—40, 742, 743, 745—49, 752, 754, 756—62, 764—68, 770—76, 778, 779, 782, 784—88, 790—95, 800, 820, 831—54, 856, 869.
Леммель, М. — 764, 773.
Лемуан — 853.
Ленин, Владимир Ильич — 59, 61, 70, 223, 440, 667, 673, 674.
Ленц — 332.
Леонидов, Л. Л. — 224, 225, 697—99.
Лерминье, Жан Луи — 292, 293.
Лермонтов, Михаил Юрьевич — 127, 644, 671, 792.
Леру, Пьер — 81, 159—61.
Леруа, изд. — 262.
Лесков, Николай Семенович — 571.
Летунов, Иван Захарович — 395, 397, 652—54, 771, 772.
Летурно, Шарль — 827.
Лефевр, Андре — 827.
Лефрень, Жак, псевд. Эли Реклю — 696.
Ливен — см. Матвей Савельевич (Ливен?)
Лилов, Андрей Иванович — 237, 239.
Линев, Александр Логинович — 107, 108, 116—20.
Линков, Яков Иосифович — 59—70, 151, 223, 224, 250—68.
Линтон, Вильям — 730, 802.
Липранди, Иван Петрович — 174, 179, 180, 182.
Литвинова, Елизавета Федоровна — 524.
Литке, Федор Петрович — 752.
Лодер, Христиан Иоганн — 32.
Лозинский, Мелентий Платонович — 864.
Ломоносов, Михаил Васильевич — 675.
Лонгинов, Михаил Николаевич — 593, 597, 625, 626, 638.
Лопатин, Герман Александрович — 443, 493, 496, 497, 500, 710.
Лосенко, Антон Павлович — 208.
Лохвицкий, Александр Владимирович — 858.
Луве де Куврэ, Жан Батист — 796.
Лугинин, Владимир Федорович — 108—10, 117, 250, 332, 520, 849, 863.
Лукинина — 762.
Лукреций — 620.
Лукьянов, Яков Афанасьевич — 273, 280.
Лунин, Михаил Сергеевич — 776.
Львов, Федор — 660.
Львов, Федор Николаевич —6, 165—90, 228—39, 311, 318, 864.
Львов, Федор Федорович — 208.
Львова-Львицкая (в замужестве Поленова), Софья Львовна — 414.
Льюис, Джордж Генри — 801.
Любавин, Николай Николаевич — 701.
Любанский, неустановл. лицо — 259.
Людовик Филипп — 306.
Людовик XIV — 791.
Ляпкий, Евгений Александрович — 502, 503, 792.

М. К., криптоним М. И. Касторского (?) — 690.
Мазепа, Иван Степанович — 698.
Макашин, Сергей Александрович — 74—78, 105, 145—50, 282, 561, 707.
Макашина, Мария Степановна — 43, 44.
Макиавелли, Никколо — 196.
Маклакова, Лидия Федоровна — 100, 500.
Маковицкий, Душан Петрович — 106.
Максимович, Михаил Александрович — 31, 274, 277, 278.
Макшеева, Н. А. —502.
Малец (?)— 706, 707.
Малов, Михаил Яковлевич — 273.
Малярдье — 537.
Мандельштам, Лидия Сергеевна — 602.
Мандельштам, Роза Семеновна — 602.
Мария Николаевна, в. кн. — 207, 208.
Мария Стюарт — 729.
Маркелова, Александра Григорьевна — 321, 322.
Марко Вовчок, псевд. М. А. Маркович— 568, 602.
Марков, А. А. —569.
Маркович, Мария Александровна — 303, 568, 569, 602; см. еще Марко Вовчок.
Маркс, Адольф Федорович — 832.
Маркс, Карл — 700, 701, 801, 829, 860.
Мартен, Анри — 537, 812, 813.
Мартос, Иван Петрович — 208.
Мартьянов, Петр Алексеевич — 68, 125, 864.

Масленников, Иван Михайлович — 271, 272.
Маслов, Иван Ильич — 209.
Массе, Жюли — 765—67, 786.
Массоль, Мари Александр — 537.
Матвей Савельич (Ливен?) слуга Герцена — 777, 782, 783, 790, 792.
Маторина, Раиса Павловна — 673.
Маттенаи, г-жа — 535.
Маттеучи, Карло — 460.
Махмет-Али — 54.
Маццини, Джузеппе — 69, 75, 77, 78, 326, 426, 517, 537, 539, 692, 742, 756, 775, 799, 819, 820, 822, 830, 846.
Машковцев, Аркадий Петрович — 271.
Машковцев, Егор Петрович — 271, 272, 849.
Медведев, Михаил Михайлович — 661.
Медведева, Прасковья Петровна — 49, 399, 400, 418, 422, 580.
Медведева, Софья Петровна — 418, 429.
Медведевы — 580, 581.
Мезенцов, Николай Владимирович — 339, 630.
Мейзенбуг, Мальвида-Амалия — 100, 126, 261, 262, 299, 306, 309, 310, 440, 446, 452, 453, 455—57, 462, 467, 468, 483, 484, 505, 507, 519, 530, 531, 538, 539, 585, 726, 745, 756, 787, 816, 844, 846, 856.
Мекленбургский, герцог — 310.
Мельгунов, Николай Александрович — 386, 402, 404, 554, 556, 559, 715.
Мельгунова, Софья Карловна — 556, 559.
Менделеев, Дмитрий Иванович — 569.
Мендельсон, Николай Михайлович —436.
Мерославский, Людвиг — 116, 140, 142.
Мерчинский, В. — 858.
Меттерних, Клемент Венцель — 21.
Мехеда, офицер — 230.
Мечников, Лев Ильич — 100—102, 114, 159, 245, 482, 500, 743, 745, 860; см. еще Бранди, Леон.
Мещерская, Анна Борисовна — 599.
Мещерский, Александр Николаевич — 464, 713, 718—719, 722.
Микель Анжело — 450.
Милль, Джон Стюарт — 162, 171, 869.
Мильбергер, Михаил Иосифович — 83.
Мильгаузен — см. Мюльгаузен.
Мильер — 537.
Милютин, Борис Алексеевич — 238, 239.
Милютин, Владимир Алексеевич — 714.
Милютин, Дмитрий Алексеевич — 239.
Милютин, Николай Алексеевич — 239, 308.
Миницкий, Иван Федорович — 858.
Минкин, Анатолий Самойлович — 437.
Михайлов, А.—595.
Михайлов, Михаил Илларионович (Ларионович) — 71, 125, 240, 315—17, 322, 325, 670—73, 753, 776, 777, 858.
Михаэлис, Мария Петровна —72, 73, 352.
Мицкевич, Адам — 142, 157, 516.
Мицкевич, Владислав — 81, 142—44.
Мишель, Каролина — 716, 719.
Мишле, Адель — 523, 531, 850.
Мишле, Жюль — 152, 153, 166, 294, 518, 531, 661, 730, 795, 850, 856.
Модзалевский, Борис Львович — 106.
Модзалевский, Лев Николаевич —109.
Молоствов, Константин — 110.
Молчанов — 238, 239.
Молчанов, Виктор Сергеевич — 37, 41.
Момбелли, Николай Александрович — 169, 170, 175, 176, 179, 184, 187—89.
Моно, Габриэль — 457, 460, 483, 515, 516, 519, 520, 530, 720, 850, 860, 863.
Моно, Изабелла — 844.
Моно, Ольга Александровна — см. Герцен (в замужестве Моно), О. А.
Мордини, Антонио — 756, 820.
Мордовцев, Даниил Лукич — 159, 760.
Морозов, Николай Александрович — 761.
Морошкин, Федор Лукич — 26, 274.
Мошкалов, Павел Сергеевич — 108, 119.
Мрозовский — 311.
Мрочек, Александр — 320.
Мрочковский, Валерьян — 74, 75, 264—66.
Муравьев, Михаил Николаевич — 64, 65, 68, 101, 107, 108, 215, 222, 227, 312, 525, 671, 672, 674, 802.
Муравьев, Никита Михайлович — 776,876.
Муравьев-Амурский, Николай Николаевич — 165, 166, 188, 230—32, 236—39, 560, 664.
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович — 776.
Муравьев (Карский), Николай Николаевич — 752.
Мурашко — 312.
Мусоргский, Модест Петрович — 95.
Муханов, Павел Александрович — 311.
Мюллер, Иоганн — 87.
Мюллер-Стрюбинг, Герман — 89.
Мюльгаузен, Елизавета Богдановна — см. Грановская, Е. Б.
Мюльгаузен, Федор Богданович — 82, 87, 89.
Мюльгаузен, Юлия Богдановна — 559.
Мясников, золотопромышленник — 179.
Мясниковы — 860.
Мясоедов, Григорий Григорьевич — 759.

Н., криптоним Н. П. Огарева — 615.
Н. О., криптоним Н. П. Огарева — 615.
Набоков, Иван Андреевич — 181.
Нагель, Владимир Францевич (Борисович) — 108, 110, 116.
Надсон, Семен Яковлевич — 563.
Назимов, Владимир Иванович — 61.
Найдич, Эрик Эзрович — 208.
Налбандян, Михаил Лазаревич — 756, 870, 878.
Наполеон I — 30, 410, 737.
Наполеон III — 153, 191—93, 297, 696, 818, 856,873, 875.
Нарышкины — 184.
Наталья Константиновна («Костенька»), няня Герцена — 418, 422.
Натансон, Марк Андреевич — 162.
Наумов, тобольский чиновник — 312.
Наумова, Мария Павловна — 593.
Неверов, Януарий Михайлович — 783.
«Незабвенный» — см. Николай I.
Неклюдов, Михаил Сергеевич — 228—39, 560.
Неклюдов, Николай Александрович — 108, 109.

Некрасов, Николай Алексеевич — 195, 208, 655, 671, 713.
Некрасова, Екатерина Степановна — 9, 355, 375, 394, 398, 502, 566, 581, 582, 606, 620, 623, 638, 650, 651, 653, 654, 718, 722, 753, 754, 757, 758, 760, 761, 764, 766—68, 770—72, 774, 777, 782, 788, 789, 863.
Неофит, иеромонах — 138.
Несвицкая — 283.
Неффтцер, Огюст — 811, 812.
Нечаев, Сергей Геннадиевич — 477, 485, 486, 488—500, 514, 700—03, 706, 708, 710—12, 859, 860.
Нечкина, Милица Васильевна — 6, 116, 118, 149, 867—879.
Нибур, Бартольд Георг — 294.
Нидергрубер — 842, 844.
Никитенко, Александр Васильевич — 195, 196, 198, 873.
Никитин, Сергей Александрович — 153 — 57.
Никитина, В. — 518.
Николадзе, Николай Яковлевич — 81, 161, 162, 561, 858, 859.
Николаева —321.
Николай I — 16, 31, 57, 58, 60, 73, 104, 156, 166, 170, 175, 177, 179, 180, 182, 187, 188, 190, 195, 196, 205, 207, 212, 272, 287, 406, 415, 524, 538, 661, 703, 798, 805, 814, 817, 822.
Новиков, Николай Иванович — 159, 776.
Новикова, Ольга Алексеевна — 570.
Новицкий, Петр Васильевич — 108.
Новосветин, А., подпись под статьей в ред. «Колокола»— 243.
Ножин, Николай Дмитриевич — 118.
Норов, Авраам Сергеевич — 62.
Носков, Михаил Павлович — 278, 280, 282.
Ноэль, Леон — 300, 301, 758, 759, 761, 790.
Ньютон, Исаак — 38.

«Обманутый», псевд. неизв. корреспондента «Morning Advertiser» — 810, 811.
Оболенская, Екатерина Алексеевна —74.
Оболенская (рожд. Сумарокова), Зоя Сергеевна — 74—78.
Оболенский, Алексей Васильевич — 74 — 78.
Оболенский, Василий Иванович — 274, 282.
Оболенский, Иван Афанасьевич—271, 272, 274, 282, 293.
Обручев, Владимир Александрович — 71.
Обручев, Владимир Афанасьевич — 190.
О-в, Н., подпись Н. П. Огарева — 615, 616.
Ог...в, Н., подпись Н. П. Огарева — 615.
Огарев, Платон Богданович — 35, 283, 284, 291, 593, 597.
Огарева, Анна Платоновна — см. Плаутина (рожд. Огарева), А. П.
Огарева (рожд. Рославлева), Мария Львовна — 91, 367, 543, 595, 610, 650, 651, 699, 863.
Огрызко, Иосафат Петрович — 310, 698.
Одибер, М. — 857.
Одоевский, Александр Иванович — 776.
Одоевский, Владимир Федорович — 654.
Озеров, Владимир Михайлович — 485, 498, 501, 502, 862.
Озеров, Петр Иванович — 273.
Озерова, Александра — 485, 498.
Окен, Лоренц — 31.
О'Коннель, Даниэль — 169, 176, 190.
О'Коннель (рожд. Мате), Фредерика — 763.
Оксман, Юлиан Григорьевич — 102—06, 590, 641.
Олибер — 332.
Ольга Андреевна, приемная дочь Н. А. Тучковой-Огаревой — 514.
Ольдекоп, Карл Карлович—231, 232, 238.
Ольденбургский, Петр Георгиевич — 858.
Орлов, Алексей Федорович — 179, 215, 856.
Орлов, Михаил Федорович — 233, 239, 273.
Орлов, Николай Алексеевич — 596, 644.
Орлов — 321.
Орлова, Мария Васильевна — см. Белинская М. В.
Орловский старожил, псевд. неизв. лица— 660.
Орсини, Феличе — 756.
Остен-Сакен, Дмитрий Ерофеевич— 57, 58.
Оуэн, Роберт — 69, 104, 536, 738.

Павел I — 22, 775, 778.
Павел Прусский (Леднев, Петр Иванович) — 81, 130—39.
Павленков, Флорентий Федорович — 355, 413, 654, 831, 832.
Павлинов, Николай Михайлович — 334—38.
Павлов, Михаил Григорьевич — 31, 32, 38, 39.
Павлов, Николай Филиппович — 678, 679, 692, 693, 714, 715.
Павлов, Платон Васильевич — 858.
Павлова, Каролина Карловна — 548, 559.
Падлевский, Сигизмунд — 150, 310.
Палацкий, Франц — 706.
Палуччи, маркиз — 819.
Пальм, Александр Иванович — 188, 190.
Панаев, Валериан Александрович — 210, 211.
Панаев, Иван Иванович — 91, 92, 655, 763.
Панаева, Авдотья Яковлевна — 92, 366, 412.
Панин, Виктор Никитич — 62, 211, 215, 216, 218, 222, 406, 526, 858.
Панов, Николай Александрович — 776.
Панютин, Федор Сергеевич — 819.
Пардигон, Ф. — 809, 827.
Пархоменко, Михаил Никитич — 537.
Пассек, Александр — 571.
Пассек, Александр Вадимович — 568, 570—72, 602.
Пассек, Вадим Васильевич — 29, 30, 39, 44, 46, 277, 294—96, 567, 568, 596, 597, 599—601, 629, 633.
Пассек, Владимир Вадимович — 568, 570, 571.
Пассек, Вячеслав — 205.
Пассек, Людмила Васильевна — 39—42, 276.

Пассек (рожд. Кучина), Татьяна Петровна — 6, 9—12, 14, 15, 17, 18, 20, 26, 28, 29, 35, 36, 38, 39, 42—50, 55, 274, 276, 282, 286, 355, 358, 394, 410, 412—14, 416, 418, 420, 423, 426, 429, 482, 488, 497, 502, 541—46, 559, 565—646, 772, 778, 786—787, 840, 842.
Паткуль, Александр Владимирович — 672.
Пацев, Григорий Маниевич — 280, 282.
Пачелли, г-жа — 767.
Пашков, Ипполит Александрович — 568, 583—89, 597, 626, 643, 645.
Пеликан, А. В. — 679, 690—93.
Пеллико, Сильвио — 808.
Пелопид — 692.
Пенизи — 477, 606, 609.
Перевощиков, Дмитрий Матвеевич — 30, 38, 39.
Перемышлевский, Михаил Дмитриевич — 271.
Переселенков, Степан Александрович — 106, 470, 877.
Перов, Василий Григорьевич — 759.
Перовский, Лев Алексеевич —179, 180, 208.
Перрон, Шарль — 264—66, 268.
Перцель, Мориц — 830.
Перцов, Эраст — 670.
Пестель, Павел Иванович — 103, 104, 106, 802, 877.
Пестерев, Николай Николаевич —6, 311—52.
Петр I — 192, 277, 763.
Петр Федорович, камердинер Герцена— 28, 34.
Петрашевский, Михаил Васильевич — 6, 159, 165—190, 228—32, 237—39, 311, 318, 326, 861.
Петрик, книготорговец — 349—51.
Петров, А. — 627.
Петров, Василий Петрович— 273, 276, 280.
Петров, Павел Яковлевич — 282.
Петров, Петр Николаевич — 772.
Печаткин, Евгений Петрович — 255.
Печерин, Владимир Сергеевич — 857, 863.
Пианчиани, Луиджи — 56.
Пигот, Эдуард — 794.
Пий IX — 384, 432, 442.
Пикар, полковник — 502.
Пикулин, Павел Лукич — 434, 436.
Пинегин, М. — 660.
Пиотровский, Руфин — 142—44.
Пирогов, Николай Иванович — 119.
Пирожков — 236.
Писарев, Дмитрий Иванович — 242, 678, 737, 742.
Плаутин, Сергей Федорович — 593.
Плаутина (рожд. Огарева), Анна Платоновна — 88, 89.
Плеханов, Георгий Валентинович — 503, 700.
Плец, фон (рожд. Галахова), Надежда Павловна — 385.
Погодин, Михаил Петрович — 88, 89, 153, 154, 156, 198, 734.
Погосский, Александр Фомич — 673, 674.
Поджио, Александр Викторович — 106, 311, 560.
Поджио, Лариса Андреевна — 560.
Полевой, Ксенофонт Алексеевич — 274.
Полевой, Николай Алексеевич — 274, 277.
Полежаев, Александр Иванович — 85, 86, 272, 280, 671.
Поленова, Софья Львовна — см. Львова-Львипкая, С. Л.
Политковский, Александр Гаврилович — 195.
Полторацкий, Сергей Дмитриевич — 829, 830.
Полынцев, Петр Иванович — 237, 239.
Поляков, Марк Яковлевич — 90—92.
Постников, Николай Васильевич — см. Роман, Карл Арвид.
Постный, псевд. П. Н. Ткачева — 644.
Потанин, Григорий Николаевич — 190, 311.
Потапов, Александр Львович — 107, 630.
Потебня, Андрей Афанасьевич — 142—44, 756, 790.
Потемкин — 180.
Почека, Яков Иванович — 293.
Прово, Елизавета Ивановна — 14.
Прово, муж Е. И. Прово — 14.
Протопопов, Иван Евдокимович — 14.
Прудон, Пьер Жозеф — 152, 171, 517, 518, 703, 774, 775, 791, 794.
Прыжов, Иван Гаврилович — 197.
Птоломей, Клавдий — 38.
Пугачев, Емельян Иванович — 60, 61.
Пузыревский, Александр Казимирович— 58.
Пульский, Франпишек — 807, 818.
Путинцев, Владимир Александрович — 9, 27, 46, 157—59, 725—52.
Путятин, Евфимий Васильевич — 119, 672, 675.
Пушкин, Александр Сергеевич — 14, 15, 92, 208, 272, 280, 569, 607, 614, 644, 671, 777, 792.
Пушин, Иван Иванович — 776, 792, 876.
Пыпин, Александр Николаевич — 321, 334, 436, 502.
Пыпины — 336.
Пьерар — 297.

Рабус, Карл Иванович — 27.
Рагозин, Евгений Иванович — 523, 531, 532.
Радищев, Александр Николаевич — 159, 776.
Радклиф, Анна — 75.
Раевская (рожд. Середкина), Евдокия Моисеевна — 234, 239.
Раевский, Владимир Федосеевич — 165, 228—31, 233, 234, 236, 238, 239.
Раевский, Михаил Федорович — 423, 424, 426.
Разин, Степан Тимофеевич — 515.
Раппо, силач — 251.
Распайль, Франсуа Венсан — 538.
Ратынский, Николай Антонович — 544, 616, 629, 632, 634.
Рафаэль — 771.
Раше де Пиль — 35.
Редкин, Петр Григорьевич — 551, 554, 556, 559.

Рейхель, Адольф — 382, 398, 422, 446, 533, 715.
Рейхель (рожд. Эрн), Мария Каспаровна — 9—11, 63, 196, 210, 299, 302, 308, 355, 362, 366, 375, 376, 380, 382, 392—409, 411, 413, 415, 416, 420—23, 425—33, 436, 442, 444, 466, 468, 503, 523, 532—34, 542—44, 550, 554, 556, 558, 559, 566, 568, 569, 572—76, 578—83, 587, 588, 592, 593, 600, 601, 606—08, 614, 618, 621, 624, 625, 638, 640, 644, 654, 656, 669, 715, 727, 757, 767, 768, 770—72, 785—87, 791, 792, 804, 806, 841, 842, 844, 845, 853, 855, 856, 863.
Рейхель, Христиан (Карл Христиан Филипп) Яковлевич — 753, 763, 766, 772, 779, 780, 782—85, 790, 791.
Рейхель, Эрнест — 771.
Реклю, Эли — 695, 696.
Реклю, Элизе — 695, 696.
Ремонд, Сарра — 540.
Репнин, Николай Григорьевич — 656, 657.
Рибейроль, Шарль — 56, 730, 795, 796.
Рив, Эмилия — 444, 756.
Ригер, Франц Владислав — 154, 706.
Рист, Леонард — 772.
Рист, Шарль — 757, 758, 760, 772.
Рихтер, Андрей Александрович — 338.
Рихтер, акушерка — 548.
Ричель — 439, 442.
Ричель, г-жа — 439, 442.
Ришелье, Арман Жан Дюплесси — 183, 190.
Робеспьер, Максимилиан — 14, 184, 693.
Роденберг, Юлиус — 800.
Родионов — 745.
Родичев, Федор Измайлович — 832, 848, 849, 864.
Розенблюм, Николай Германович — 306—10.
Рокка, Пьер Паскаль — 406, 468.
Рокка, вдова П. Рокка — 468, 473.
Рождественский, Иван Александрович — 673.
Роман, Карл Арвид Иоганнович (Постников, Николай Васильевич) — 709—11.
Романович — 237, 239.
Романовы, династия — 817.
Роскина, Наталья Александровна — 6, 505—22.
Росс, Джемс — 21.
Россель, Джон — 500.
Ростовцев, Яков Иванович — 61, 62, 181, 222.
Ростопчин — 728.
Ростопчина (рожд. Сушкова), Евдокия Петровна — 614.
Ротчева, Е. П. — 229, 238.
Ротшильд, Джемс — 266, 268, 427, 669, 861.
Рошфор, Анри — 523, 537.
Рубакин, Николай Александрович — 836.
Рудницкая, Евгения Львовна — 27, 240—42, 244—46, 287—96, 541, 702—05.
Рулье, Карл Францевич — 863.
Руперт, Вильгельм Яковлевич — 236.
«Русский», подпись в «Колоколе» — 210.
«Русский либерал», псевд. К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина — 226.
«Русский либерал», подпись неизв. лица под письмом в ред. «Колокола» — 226.
«Русский художник», неизвестный автор неопубликованной корреспонденции в «Колоколе» — 206—208.
«Русский человек», подпись в «Колоколе» — 604, 666.
Руссо, Жан-Жак — 388, 787.
Руссо, Тереза — 388.
Рыбушкин, Михаил Самсонович — 660.
Рык, штабс-капитан — 142.
Рыкачев — 237, 238.
Рыковы — 140, 142.
Рылеев, Кондратий Федорович — 15, 105, 106, 614, 671, 749, 776, 862, 876.
Рындзюнский, Павел Григорьевич — 130, 139, 157—59, 197—206.

Сабанеев, Иван Васильевич — 233, 234, 239.
Сабуров, Яков Васильевич — 108, 118, 715.
Саваскевич, Л. — 830.
Савинов, Александр Николаевич — 208.
Савицкий (Стелла), Иван Михайлович — 452, 756.
Садык-паша — см. Чайковский, М. И.
Сазонов, Николай Иванович — 27, 28, 283, 618.
Салиас де Турнемир, Андрэ — 333, 617.
Салиас де Турнемир, Евгений Андреевич — 634.
Салиас де Турнемир, Елизавета Васильевна — 332, 333, 617.
Салтыков, Михаил Александрович — 273.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович — 74, 639.
Самарин, Юрий Федорович — 517, 745.
Сантини — 42.
Сатин, Алексей Николаевич — 641.
Сатин, Николай Михайлович — 82, 84, 87, 88, 90, 92, 273, 274, 276, 277, 282—85, 295, 390, 512, 513, 540, 543, 551, 641, 655, 713—22, 859.
Сатина (рожд. Тучкова), Елена Алексеевна — 379, 446, 512, 513, 545, 717.
Сатина, Елена Николаевна — 719, 722.
Сатина, Наталья Николаевна — 713—22.
Сатины — 713—22.
Саффи, Марк Аврелий — 529, 535, 536, 540, 774—75, 790, 820, 830.
Саффи, Нина — 535, 540.
Сахновский (Сохновский) — 81, 141, 142, 145.
Сватиков, Сергей Григорьевич — 108.
Свистунов, И. Я. — 566.
Семевский, Василий Иванович — 59, 60, 169, 185, 186, 190.
Семевский, Михаил Иванович — 11, 546, 566, 572—75, 586, 592, 594, 596, 604, 608—10, 612, 613, 615, 618—22, 624—26, 628, 638, 840.
Семичева (рожд. Захарьина), Софья Александровна — 399, 418.
Сенатор — см. Яковлев, Л. А.
Серебренников, Семен Иванович — 499, 500, 859, 864.

Середкина, Евдокия Моисеевна — см. Раевская (рожд. Середкина), Е. М.
Серезоль, швейцарский адвокат — 77.
Серно-Соловьевич, Александр Александрович — 131, 135, 162, 268, 311, 322, 324, 325, 334, 338, 351, 466, 561, 564, 701, 859.
Серно-Соловьевич, Николай Александрович — 59, 123, 151, 316, 338, 776, 869, 870, 876, 877.
Серовский, польский генерал — 57, 58.
Сетерленд, Генри — 510, 511, 596, 597.
Сетерленд, Мери — 502, 505, 510, 511, 513, 514, 597, 719—21, 773, 774.
Сеченов, Иван Михайлович — 569—72.
Сириль, адресат Огарева — 859, 860.
Сисмонди, Жан Шарль Леонард — 278.
Скаретка, Иван Иванович — 271, 287, 290.
Скарятин, Владимир Дмитриевич — 93, 95, 97, 99—102.
Скарятина, Надежда Владимировна — 93, 94, 97, 100—02.
Скарятина, Ольга Ростиславовна — 81, 93—102.
Скворцов, Андрей Ефимович — 849.
Скибинский, Алексей Иванович — 243.
Скотников, Егор Осипович — 208.
Скребицкий, Александр Ильич — 209.
Слепцов, Александр Александрович — 6, 81, 128, 145, 150—53, 674.
Слепцов, Алексей Александрович — 153, 247.
Слепцов, Василий Александрович — 153.
Слепцов, Василий Алексеевич — 688.
Слепцов, Дмитрий Александрович — 153.
Слепцов, Николай Александрович — 153.
Случевский, Константин Константинович — 110.
Смирнов, Валериан Николаевич — 862.
Смирнова, Елена Ивановна — 792.
Смолин, И. С. — 677, 693.
Собко, Николай Петрович — 760, 772.
Соколов, Александр Иванович — 274, 282.
Соколовский, Владимир Игнатьевич — 271, 272, 286, 287, 290, 291.
Сократ — 91.
Соллогуб, Владимир Александрович — 550, 655.
Соловьев, Николай Иванович —242, 243.
Соловьев-Несмелов, Николай Александрович — 602.
Сорокин, Михаил Федорович — 271, 272.
Спартанский, А., подпись в «Колоколе»— 210, 666.
Спешнев, Николай Алексеевич — 168, 169, 171, 172, 175—76, 181, 183, 188—90, 311, 318.
Спринк, литогр. — 758, 767.
Ставассер, Петр Андреевич — 208.
Сталь, К. Г. — 272.
Станкевич, Александр Владимирович — 391, 430, 442, 863.
Станкевич, Елена Константиновна — 391, 430, 441, 863.
Станкевич, Николай Владимирович — 82, 87, 282, 385, 773, 783.
Старов, Иван Егорович — 208.
Старчевский, Альберт Викентьевич —685.
«Старый поэт», псевд. Н. П. Огарева — 616.
Стасов, Владимир Васильевич — 757, 760.
Стасюлевич, Михаил Матвеевич — 832.
Стахович, Михаил Александрович — 655.
Стеклов, Юрий Михайлович — 696.
Стелла —см. Савицкий, И. М.
Стоевич — 829, 830.
Стойчев, И. К. — 157.
Странден, Н. — 312, 352.
Стрекалов — 278.
Струве, Бернгардт Васильевич — 236, 239.
Стуарт, Александр Федорович — 108—10, 112, 113.
Субботин, Николай Иванович — 131.
Суворин, Алексей Сергеевич — 616.
Суворов, Александр Аркадьевич — 318.
Сугерий, аббат — 386.
Судбин — 864.
Сукачев, Б. В. —237, 848.
Сулима, генерал — 236.
Сулин, Яков — 311, 320, 321.
Сумароков, Николай (Цехановский, Роберт)—863, 864.
Сумарокова, Зоя Сергеевна — см. Оболенская, З. С.
Суслова, Аполлинария Прокофьевна — 749.
Сухово-Кобылин, Александр Васильевич — 274, 655, 862.
Сухово-Кобылина, Евдокия Васильевна — 617.
Сухозанет, Иван Онуфриевич — 62.
Сухомлинов, Михаил Иванович — 739.
Сухотин, полицмейстер — 239.
Сытин, Иван Дмитриевич — 832.
Сю, Евгений — 190.
Сю, домовладелец —398, 403—05, 788.
Сюлли, Максимилиан — 525.

Таландье, Альфред — 305, 483, 523, 529, 530, 805, 852.
Таль, Н А., псевд. Н. И. Утиновой—604.
Талькевич — 830.
Тассинари, Валериан — 534, 539.
Тассо, Торквато —449.
Таузинец — 829.
Тацит, Публий-Корнелий — 285.
Тенеман — 286, 288.
Теплякова — 513.
Тесье дю Моте, Мари Эдмон — 268, 483, 774, 775, 790.
Тесье дю Моте, жена М. Э. Тесье дю Моте — 483.
Тизенгаузен, Карл Карлович — 848.
Тимашев, Александр Егорович — 215, 583, 612, 625, 628, 629, 825.
Тимковский, Константин И. — 168, 172, 188, 189.
Тихомиров, Лев Александрович — 844, 845.
Тихонравов, Николай Саввич — 673.
Ткачев, Петр Никитич — 644.
Толль, Эммануил (Феликс) Густавович — 172, 174, 189.
Толстая, Анастасия Ивановна — 599.
Толстой — 675, 730.
Толстой, Лев Николаевич — 102, 106, 777, 790.

Толстой, Федор Петрович — 569, 571, 599.
Толстой, Яков Николаевич — 309, 310, 570, 602.
Толь, Карл Федорович — 864.
Томкин, Уриа — 826.
Торе, Теофиль — 764; см. еще Bourger, W.
Тразибул — 692.
Трапезников, Иннокентий Никанорович —321.
Трепов, Федор Федорович —263, 264, 864.
Третьяков, Павел Михайлович — 653, 759, 760.
Третьяков, Сергей Михайлович — 653.
Тромпетер (Скворцова), Полина — 47—50, 54, 55, 857.
Трубецкой, Николай Иванович — 153, 307—09, 311.
Трубецкой, Николай Платонович —309, 310.
Трусов, Антон Данилович — 74, 78, 252, 712.
Трюбнер, Николай — 300, 762, 763, 814, 850.
Тулубьев — 309, 310.
Туманов — 846.
Тургенев, Иван Сергеевич — 62—65, 102, 110, 114, 117, 208, 209, 222, 310, 363, 428, 438, 478—80, 482, 485, 503, 517, 518, 520, 523, 531, 535, 539, 550, 607, 635, 668, 669, 753, 771, 806, 856, 863.
Тургенев, Николай Иванович — 104, 153, 812, 856.
Тучков, Алексей Алексеевич — 87—90, 505, 512, 513, 584, 603, 777, 780, 863.
Тучкова, Елена Алексеевна — см. Сатина Е. А.
Тучкова-Огарева, Наталья Алексеевна— 6, 11, 68, 69, 100, 106, 127, 256, 259, 260, 262, 263, 267, 305, 306, 325, 326, 355, 368, 370, 375, 376, 378, 379, 414, 440, 446, 455, 457, 458, 460, 462—64, 467—69, 471, 472, 474, 476—78, 480, 482—84, 486, 488, 494—96, 498, 499, 502, 505—23, 530, 534—36, 539, 540, 544—46, 566, 567, 576, 584—86, 590, 599, 603—06, 608—10, 615, 617, 621, 635, 638, 640—42, 651, 652, 713, 716, 718—22, 749, 763, 767, 771, 780, 791, 820, 826, 834, 840—42, 844, 854, 859, 863.
Тучковы — 376, 378, 379, 432, 584, 585, 716, 792.
Тхоржевский, Станислав — 65, 66, 68, 69, 249, 251, 252, 255—62, 266, 268, 348, 457, 490, 494, 502, 518, 534, 669, 674, 708—11, 743, 746, 848.
Тьер, Даниил — 730, 800.
Тьери, Огюстен — 290, 295.
Тютчев, Николай Николаевич — 209.
Тютчев, Федор Иванович — 677, 678.

Убини, Николай Степанович — 271, 272.
Убри, Павел Петрович — 309, 310.
Уваров, Алексей Сергеевич — 68.
Уваров, Сергей Семенович — 29, 35, 682.
Уманец, Игнатий Алексеевич — 423, 426.
Унковский, Алексей Михайлович — 109.
Урих, Эмма — 842, 844.
Усов, Степан Александрович — 686.
Успенский, М.— 418.
Устинов, Григорий Григорьевич — 453—55.
Устиновы — 453, 455.
Утин, Евгений Исаакович — 756.
Утин, Исаак Осипович — 325.
Утин, Николай Исаакович — 71, 74, 75, 78, 119, 224, 244, 245, 252, 311, 322, 324, 325, 332, 333, 345, 346, 348, 350, 351, 561, 700, 756.
Утина, Наталья Иеронимовна — 604, 609.
Уткин, Алексей Васильевич — 271, 272, 279.
Ухтомский — 208.
Ушаков, Андрей Иванович — 182, 190.

Ф. Ч., автор письма к Герцену — 858.
Фази, Жан Жак (Джемс) — 399, 400, 402.
Фазиль Митхад Ага—225.
Фаминцин, Андрей Сергеевич — 739.
Фарси, Камилл — 75.
Федосеева, Елизавета Петровна—677—94.
Фейербах, Людвиг — 302.
Феличе, Терезина — см. Герцен Т.
Фере — 500.
Филарет, митрополит — 64, 197.
Филиппович, Владимир Иванович — 756, 784, 785.
«Финляндец», псевд. неустановл. лица в «Колоколе»— 150.
Фиркс, Федор Иванович — 678, 683; см. еще Шедо-Ферроти.
Фишер, Григорий Иванович — 274.
Фишер, К. А. — 653.
Фишер фон Вальдгейм — 32.
Флери, А. — 152, 153.
Флери, Эдуард — 152, 153.
Фляг, А. М. — 422.
Фогт, Адольф — 863.
Фогт, Густав — 823.
Фогт, Карл — 300, 307, 308, 398—400, 403, 404, 406—08, 494, 517, 518, 570, 719—21, 767, 819, 826, 842, 853, 862.
Фогт, Эмиль — 523, 540.
Фогт (рожд. Фоллен), мать А., К. и Э. Фогтов — 518.
Фон-Визин, Михаил Александрович — 776.
Фонтен, Леон — 799, 800, 849.
Фор, Паскаль Жозеф — 56.
Франк, А.— 201, 406.
Фребель, Юлиус — 795.
Фрелих — 100.
Фридлендер— 109.
Фрикен, Алексей Федорович — 452.
Фрич, И. В. — 128.
Фролов, Николай Григорьевич —87—89, 91, 92, 384, 385, 714.
Фролова, Аксинья Ивановна — см. Захарьина, А. И.
Фролова (рожд. Галахова), Елизавета Павловна — 385.
Фурье, Шарль — 104, 174, 176, 189.
Фуше, Жозеф — 735.

Хан — 243.
Ханыков, Александр Владимирович — 168, 174.
Ханыков, Николай Владимирович— 307—09.
Ханыкова — 517.

Хильнич, Г. — 523, 540.
Хитрово — 232.
Хмелевский — 337.
Хмельницкий, Богдан — 862.
Хованская (рожд. Яковлева), Мария Алексеевна — 27, 274, 362, 364, 366, 369, 416, 419, 542, 599.
Хоецкий, Карл-Эдмунд (Шарль-Эдмон)— 71, 128, 152, 153, 264, 265, 408, 756, 762, 757, 853, 863.
Холмский — 107.
Хомяков, Алексей Степанович — 154.
Хотинский, Матвей Степанович — 112, 113, 538, 794.
Хрулев, С. А. — 864.
Хрущев, Дмитрий Петрович — 309, 310.
Худяков, Иван Александрович — 108, 118, 197, 312, 331, 352.

Цверцякевич, Иосиф — 116, 249, 259.
Цейтлины, изд. — 832.
Ценковский, Лев Семенович — 873.
Цехановский, Роберт — см. Сумароков, Н.
Цеэ, Василий Андреевич — 677, 678, 680, 681, 685, 688—90, 694.
Цицерон — 285.
Цынский, полицмейстер — 271, 272, 287, 296.

Ч., криптоним Б. Н. Чичерина — 209.
Чаадаев, Петр Яковлевич — 544.
Чайковский (Садык-паша), Михаил Илларионович (Станиславович) — 157.
Чаплия, псевд. Т. Комарова — 262, 263, 697—99.
Чаплыгин — 110.
Чарторыйский (Чарторыжский), Адам — 142, 157, 307.
Чарторыйский, Владислав — 140, 142.
Чевкин, Константин Владимирович — 64.
Челищев, А. А. — 282.
Челищев, Егор Николаевич— 274, 282.
Челищев, Михаил Николаевич — 282.
Чемесов, Евграф Петрович — 208.
Ченснович — 466.
Черкасский, Владимир Александрович — 154.
Черкесов, Александр Александрович — 322, 324, 325, 332, 338, 561, 756.
Чернецкий, Людвиг — 66, 69, 247—49, 250—68, 523, 534, 699, 700, 701, 711, 712, 726, 728, 738, 745, 858, 861.
Черносвитов, Р. А.—168, 172, 175, 189, 190.
Чернышев, Александр Иванович — 195.
Чернышевская, Ольга Сократовна — 333—38, 351.
Чернышевский, Михаил Николаевич — 334—36, 338.
Чернышевский, Николай Гаврилович — 5, 6, 59, 60, 71—73, 98, 120, 151, 161, 162, 311—14, 320, 322—25, 327, 331, 332, 334—38, 348, 351, 352, 453, 466, 502, 665—67, 713, 756, 867, 869, 877.
Черняк, Яков Захарович — 107—25, 151, 242, 243, 247—49, 259, 671—76, 713, 715.
Чичерин, Борис Николаевич — 209—19, 226, 438, 439, 442, 664, 666, 678, 679, 684.
Чуковская, Лидия Корнеевна — 6.
Чулкова, Екатерина Николаевна — 291.
Шаликов, Петр Иванович — 15.
Шапошников, Петр Григорьевич — 190.
Шапошников, неустановл. лицо — 255.
Шарко, Жан Мартен — 480, 482.
Шарра, Жан Батист Адольф — 830.
Шассен, Шарль — 537, 852.
Шаховской, Александр Александрович — 660.
Шашков, Серафим Серафимович — 644.
Шебуев, Василий Кузьмич — 208.
Шевелев, Николай Алексеевич — 266, 267, 711, 860.
Шевелева, Варвара — 860.
Шевченко, Тарас Григорьевич — 599, 764.
Шевырев, Степан Петрович — 88, 89.
Шедо-Ферроти, Д. К., псевд. Ф. И. Фиркса — 108, 668, 669, 678, 679, 683, 684, 687, 726, 745, 858.
Шекспир, Вильям — 53, 82, 578, 659, 829.
Шелашников, К. Н. — 336, 337.
Шелгунов, Николай Васильевич — 72, 311, 315—17, 322.
Шелгунова, Людмила Петровна — 311, 315, 316, 320—22, 324, 325, 335.
Шелгунова, мать Л. П. Шелгуновой— 322.
Шелгунова, сестра Л. П. Шелгуновой — 322.
Шеллер-Михайлов, Александр Константинович — 644.
Шеллинг, Фридрих Вильгельм — 31, 82, 285.
Шереметьев — 746.
Шестунов, М. П. — 238, 315.
Шешковский, Степан Иванович — 182, 190.
Шиллер, Фридрих — 15, 26, 50, 53, 55, 278, 282, 289, 292, 785.
Шилль, Иосиф Николаевич — 870.
Шипов, генерал — 752.
Шифф, Гуго — 460, 477, 514.
Шифф, Мориц — 456, 460, 464, 478, 479, 720, 774, 775, 852.
Шифф, жена проф. М. Шиффа — 456, 460, 464, 478.
Шлегель, Фридрих — 286, 288.
Шлоссер, Фридрих Христофор — 316, 321.
Шляпкин, Иван Александрович — 602.
Шнеур — 341—44.
Шомбург, банковский служащий — 427.
Шпильман, Иоганн — 400, 403, 415, 420, 581, 768.
Штейн, И. Ф. — 657.
Штраух — 113.
Шубинский, полковник — 272, 287.
Шувалов, Иван Иванович — 672, 675.
Шувалов, Петр Андреевич — 226, 227, 312, 314, 331, 336, 337, 352, 670, 672, 675, 730, 860.
Шульгин, Виктор Николаевич — 311—52.
Шульце-Делич, Герман — 245.

Щапов, Афанасий Прокофьевич — 350, 864.
Щеглов, Дмитрий Федорович — 679, 689, 690.
Щеголев, Павел Елисеевич — 848.

Щедрин, Сильвестр Федосеевич — 208.
Щедрин, Федосий Федорович — 208.
Щепкин, Дмитрий Михайлович — 434, 442.
Щепкин, Михаил Семенович — 92, 433, 434, 554, 559, 655—60, 767, 785.
Щепкин, Николай Михайлович — 436.
Щепкин, Павел Степанович — 30.
Щепкина (рожд. Станкевич), Александра Владимировна — 542, 780, 781.
Щепкина, Елена Дмитриевна — 657.
Щербаков — 74, 733.
Щербинин, Михаил Павлович — 684, 685.

Эйхенвальд, фотогр. — 319.
Экк, Иван Иванович — 14.
Элпидин, Михаил Константинович — 161, 162, 500, 710—12, 858, 859.
Эльбаум — 846.
Эльман — 846.
Эльсберг, Яков Ефимович — 47.
Эльсниц, Александр Леонтьевич — 862.
Энгельман — 23.
Энгельс, Фридрих — 700, 701, 801.
Энгельсон, Александра Христофоровна — 98, 399, 402, 403, 404, 406, 728, 746, 756, 767, 777, 852.
Энгельсон, Владимир Аристович — 98, 166, 399, 404—06, 408, 586, 728, 746, 756, 767, 768, 774, 777.
Энгр, Жан Огюст Доминик — 453.
Эпаминонд — 692.
Эржина — 311
Эрн, Гавриил Каспарович — 727.
Эрн, Мария Каспаровна — см. Рейхель, М. К.
Эрн, Прасковья Андреевна —554.
Эрпф (Эрпфин), Вильгельмина Регина — 410.
Эртаулов, Гурий — 657.
Эртель, Александр Иванович — 639.
Эстергази — 502.
Эфрос, Наталья Давыдовна — 6, 56—58, 393—415, 711, 792.

Юматов, Н. — 93.
Юнге (рожд. Толстая), Екатерина Федоровна — 569, 570.
Юниус — 817.
Юргенсон, Эрнест Петрович — 848.

Языков, Николай Михайлович — 671.
Языкова, Екатерина Александровна — 774.
Якоби, Павел Иванович — 140, 142, 324.
Яковлев, Александр Алексеевич — 367, 565, 650, 791.
Яковлев, Алексей Александрович — 274, 276, 401, 565, 601, 789.
Яковлев, Василий Иванович — 848.
Яковлев, Иван Алексеевич — 10—12, 16, 19, 22, 31, 34, 37, 40, 273, 278, 280, 391, 397, 410—14, 416—18, 428, 543, 553, 565, 568, 576—83, 599, 615, 616, 629, 630, 649, 652—54, 771, 772, 778, 787, 879, 792.
Яковлев, Лев Алексеевич — 12, 15, 16, 34, 273, 274, 278, 280, 577, 634, 653, 772, 781.
Яковлев, Петр Алексеевич — 567, 599.
Яковлева, Елизавета Петровна — 599.
Яковлевы — 580, 621, 625.
Якушкин, Иван Дмитриевич — 749, 776.
Якушкин, Павел Иванович — 71, 72, 125, 128, 328.
Яниш, Карл Андреевич — 714.
Ястржембский, И. Л. — 171, 189.

Acollas, Emile — 862.

Baer, книгопродавец — 852.
Blanchard, типогр. — 266.
Bonfils, врач — 853.
Bonnat, P.-F. — 861.
Bourger, W., псевд. T. Tope — 764.

Cellini, Benvenuto — 462.
Collot — 537.
Corwin, Otto — 848, 852.

Deline, M. — 863.
Deveria, A. — 791.
Dewolf, Smith — 110.
Dumas, химик — 87.

Fric, T. — 848.

Georges, Marianna — 463.

H., рецензент «Jahreszeiten» 1859 г.— 817,

J. V. E., автор письма к Герцену — 858,

Labbé, J. — 823.
Lebrun, Elisabeth — 22.

Mario, m-me — 461.
Masacio — 450.
Michel, Caroline — 482.
Monay, садовник — 249.
Monin, H. — 852.
Morot — 537.

Pollet, Marcellin — 852.

R., автор письма к Огареву — 860.
Rach, Gustav — 862.
Ralli — 848.
Rocher, Ad. — 827.

S., автор письма к Александру II — 220.
Sarghan— 540.

Thomas, P.-F.— 161.
Traufmann, R. — 410

Vernoy, H. — 538.
Vinant, Gaby — 538.

Wagnière, Frédéric — 738.
Watelet — 788.
Welter, книгопродавец — 850.

Z., подпись в «Рус. прибавл. к „Kolokol"» — 225.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ РЕДАКЦИИ 5

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРЦЕНА

О СЕБЕ». РАННЯЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Исследование и публикация А. Н. Дубовикова

ВВЕДЕНИЕ 9
ГЛАВЫ О ДЕТСТВЕ 12
«ОГАРЕВ» 16
«УНИВЕРСИТЕТ» 26
«ЛАНДЫШ» 39
«ANÁГКН» 42
«ЧАСОВ В ВОСЕМЬ НАВЕСТИЛ МЕНЯ...» 44
«СИМПАТИЯ» 47

РУССКАЯ ПАСХА». СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «L'HOMME»

Публикация Н. Д. Эфрос 56

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ О 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Публикация Я. И. Линкова 59

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ «LE TEMPS» и «DAILY NEWS»

Публикация Л. Р. Ланского 71

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОЙ». СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «LE SIÈCLE»

Публикация С. А. Макашина 74

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1844—1868 гг.

ОГАРЕВ — ГЕРЦЕНУ и Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Публикация Л. Р. Ланского 81

ОГАРЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ и В. Г. БЕЛИНСКОМУ

Публикация М. Я. Полякова 90

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГЕРЦЕНА с О. Р. СКАРЯТИНОЙ

Публикация Н. П. Анциферова 93

ОГАРЕВ — С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

Публикация Ю. Г. Оксмана 102

ОГАРЕВ — В. И. БАКСТУ И ДРУГИМ ОРГАНИЗАТОРАМ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ЧИТАЛЬНИ

Публикация Я. З. Черняка 107

ОГАРЕВ — В. Н. КАШПЕРОВУ
Публикация Е. И. Канн-Новиковой 125

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ — РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «THE MORNING STAR»
Публикация Б. П. Козьмина 128

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОГАРЕВА С ПАВЛОМ ПРУССКИМ (П. И. ЛЕДНЕВЫМ)
Публикация П. Г. Рындзюнского 130

А. А. ГЕРЦЕН и А. И. ГЕРЦЕН — В. О. КОВАЛЕВСКОМУ
Публикация И. М. Белявской 139

ГЕРЦЕН — ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ
Публикация И. М. Белявской 142

ОГАРЕВ — ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ
Публикация С. А. Макашина 145

ОГАРЕВ И ГЕРЦЕН — А. А. СЛЕПЦОВУ
Публикация Б. П. Козьмина 150

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ
Публикация С. А. Никитина 153

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ
Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева 157

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ
Публикация Л. Р. Ланского 159

ОГАРЕВ — Н. Я. Николадзе
Публикация Б. П. Козьмина 161

ИЗ АРХИВА «КОЛОКОЛА» И ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

«ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ». РУКОПИСЬ Ф. Н. ЛЬВОВА С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО
Публикация В. Р. Лейкиной-Свирской 165

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПАМФЛЕТ НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА II
Публикация С. С. Дмитриева 191

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ
Публикация С. С. Дмитриева 195

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ. «РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»
Публикация П. Г. Рындзюнского 197

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»
Публикация Л. Р. Ланского 206

ПРОТЕСТ ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА» ЧИЧЕРИНА. К ВОПРОСУ О РАЗНОГЛАСИЯХ СРЕДИ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ XIX в.
Публикация С. С. Дмитриева 209

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
Публикация З. П. Базилевой 220

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова 223

АВТОР «NON POSSUMUS» — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Л. Леонидова 224

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»
Публикация С. С. Дмитриева 226

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»
Публикация Б. Г. Кубалова 228

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»
Публикация Е. Л. Рудницкой 240

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА
Публикация Я. З. Черняка 242

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «КОЛОКОЛА»
Публикация Е. Л. Рудницкой 244

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ И ТИПОГРАФСКИМ ДЕЛАМ

ПИСЬМА В. И. КАСАТКИНА
Публикация Я. З. Черняка 247

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО
Публикация Я. И. Линкова 250

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ В ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
ДОПРОСЫ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ИЮЛЕ 1834 г.
Публикация В. П. Гурьянова 271
ДОПРОС ОГАРЕВА 24 СЕНТЯБРЯ 1834 г.
Приложение: письмо А. К. Лахтина к Огареву
Публикация Е. Л. Рудницкой 287

ГЕРЦЕН ПОД НАДЗОРОМ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ
Публикация С. И. Кузьмина 297

ГЕРЦЕН В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1861 г. ПИСЬМА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ В. П. БУТКОВА К ШЕФУ ЖАНДАРМОВ кн. В. А. ДОЛГОРУКОВУ

Публикация Н. Г. Розенблюма 306

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНИХ СВЯЗЕЙ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА С РОССИЕЙ

1. ПЕСТЕРЕВ У ГЕРЦЕНА 311
2. СВЯЗИ ВОРОЖЦОВА С ОГАРЕВЫМ 338

Статья и публикация В. Н. Шульгина 311

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНА). МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

ВВЕДЕНИЕ 355
I. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ 364
II. ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН 375
Приложения: I. Письма к Н. А. Герцен. II. Отклик на смерть Н. А. Герцен . . 383

Статья и публикация Н. П. Анциферова

ПИСЬМА О ГЕРЦЕНЕ В БУМАГАХ М. К. РЕЙХЕЛЬ

ИЗ ПИСЕМ Л. И. ГААГ

Приложение: Луиза Ивановна Гааг. Биографическая справка.

Публикация Н. Д. Эфрос 493

ПИСЬМА Е. И. ГЕРЦЕНА

Публикация А. Н. Дубовикова 416

ПИСЬМА М. Ф. КОРШ

Публикация Н. П. Анциферова 430

СТАРШАЯ ДОЧЬ ГЕРЦЕНА (ТАТА)

ПИСЬМА. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация Н. П. Анциферова

Введение 443
I. 1863—1867 гг. Поездка в Рим и художественное воспитание Н. А. Герцен.— Флорентинский кружок русской молодежи.—Совместная жизнь с Герценом в Женеве и во Флоренции.— Встреча с Гарибальди 446
II. 1867—1869 гг. Попытки сплотить семью.— Конгресс лиги мира и свободы.— Болезнь Огарева. — Портрет Лизы. — Герцен в Виши. — Сочинение Огарева «С утра до ночи» («День»).—Шуточная пьеса Н. А. Герцен «Фотографии (с оригинала)».— Нервное заболевание Н. А. Герцен 46
III. 1870 г. Последняя болезнь Герцена. — Смерть и похороны. 480
IV. 1870—1877 гг. Подготовка невышедшего сборника «Полярная Звезда».— Попытки создать биографию Герцена.— Воспоминания Н. А. Герцен «Мои встречи с Нечаевым».— Ее общественные интересы.—Н. А. Герцен у смертного одра Огарева 484
Заключение 502

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Публикация Н. А. Роскиной 505

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ГЕРЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ И «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Статьи М.А.Бакунина и С.Дерёра в«La Marseillaise» и А. Таландье в«La Démocratie».— Заметки в английской, бельгийской, германской, французской и швейцарской прессе.—Письма Ю. Альтгауза, Т. А. Астраковой, М. Бердушека, К. Биггз, Ж.-Б. Боке, О. А. Герцен, Е. В. Касаткиной, Л. Коста, г-жи А. Мишле, Огарева, Е. И. Рагозина, М. К. Рейхель, М.-А. Саффи, И. С. Тургенева, Н. А. Тучковой-Огаревой, Э. Фогта, Г. Хильнича и Л. Чернецкого

Публикация Л. Р. Лянского 523

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРЦЕНЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. А. АСТРАКОВОЙ

Публикация А. Н. Дубовикова 541

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. А. БЕЛОГОЛОВОГО О ГЕРЦЕНЕ

Публикация Б. П. Козьмина 560

ВОСПОМИНАНИЯ Т. П. ПАССЕК «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Исследование А. Н. Дубовикова

Введение 565
«Корчевская кузина» 567
Замысел «Из дальних лет» 572
Работа по собиранию мемуарных материалов 575
Переписка о Огаревым и его работа над «Записками русского помещика» 588
Письма Герцена и Огарева в воспоминаниях Пассек 599
Произведения Герцена и Огарева в воспоминаниях Пассек 613
Цензурная история «Из дальних лет» 622
Заключение 636
Приложение: Справка о письмах Огарева к Т. П. Пассек 641

СООБЩЕНИЯ

ПОРТРЕТ ГЕРЦЕНА 1836 г. РАБОТЫ А. Л. ВИТБЕРГА

Сообщение А. Ф. Коростина 649

К ИСТОРИИ «СОРОКИ-ВОРОВКИ»

Сообщение Т. С. Грица 655

В. А. ЖУКОВСКИЙ И А. М. ГОРЧАКОВ — ЧИТАТЕЛИ ГЕРЦЕНА

Сообщение М. М. Медведева 661

О ДВУХ ПИСЬМАХ В РЕДАКЦИЮ «КОЛОКОЛА»

Сообщение Е. Г. Бушканца 662

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ГЕРЦЕНУ

Сообщение А. Н. Дубовикова 668

ТРИ АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ 1860-х ГОДОВ В БУМАГАХ ОГАРЕВА

Сообщение Я. З. Черняка 671

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ САМОДЕРЖАВИЯ С ИЗДАНИЯМИ ГЕРЦЕНА

Сообщение Е. П. Федосеевой 677

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ»

Сообщение Б. П. Козьмина 695

ИЗ АРХИВА «РУССКОГО ПРИБАВЛЕНИЯ» К ФРАНЦУЗСКОМУ «КОЛОКОЛУ»

ПИСЬМА Т. КОМАРОВА (ЧАПЛИИ) — ОГАРЕВУ и ГЕРЦЕНУ

Сообщение Л. Л. Леонидова 697

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»?

Сообщение Б. П. Козьмина 700

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗОБНОВЛЕННОГО «КОЛОКОЛА» 1870 г.

ПИСЬМО РЕДАКТОРАМ НОВОГО «КОЛОКОЛА»

Сообщение Е. Л. Рудницкой 702

ПИСЬМО ЧЕШСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Сообщение Ш. Ш. Богатырева 706

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ДЛЯ СЕДЬМОГО НОМЕРА «КОЛОКОЛА»

Сообщение Л. Я. Гинзбург 708

ПОЧЕМУ ПРЕКРАТИЛСЯ ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ «КОЛОКОЛ»?

Сообщение Б. П. Козьмина 711

«САТИНСКИЙ ДОЛГ» ГЕРЦЕНУ

ПИСЬМО А. А. ГЕРЦЕНА К Н. Н. САТИНОЙ

Сообщение А. Н. Дубовикова 713

ОБЗОРЫ И ОПИСАНИЯ

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА В «ПРАЖСКОЙ» И «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЯХ

Описание Л. Р. Ланского и В. А. Путинцева . . . 725

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Обзор Н. П. Анциферова

Введение 753
Портреты Герцена 756
Портреты членов семьи Герцена 764
Портреты друзей. Портреты общественных деятелей 772
«Большая книга» 777
Памятные места. Мемориальные вещи 786

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫРЕЗКИ В АРХИВЕ ГЕРЦЕНА

Обзор Л. Р. Ланского 793

ПЕРЕПИСКА М. К. ЛЕМКЕ С НАСЛЕДНИКАМИ ГЕРЦЕНА. ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» И «ПУШКИНСКОГО ДОМА»

Обзор В. И. Кулешова 831

МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ» И «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЙ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ»

Справка Л. Р. Ланского 855

ТРИБУНА

К ДАТИРОВКЕ НОВЫХ ОГАРЕВСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Статья Ш. М. Левина 867

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ КОНСПИРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОГАРЕВА ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Статья М. В. Нечкиной 872

Указатель иллюстраций

Составила Н. Д. Эфрос 880

Именной указатель

Составил Ю. И. Масанов 898

В ТОМЕ 178 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И 1 ВКЛЕЙКА

Литературное наследство, том 63

*

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Н. И. Игнатова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 1-94В.
Сдано в набор 6/VI 1956 г. Подп. в печать 17/X 1956 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 58=79,46+1 вкл.
Уч.-изд. лист. 76,7. Т-09361. Тираж 6000 экз. Изд. № 1521.
Тип. зак. 767

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18.
Телефон Г-5-29-66

Цена 45 руб.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64,
Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99.
Шубинский пер., д. 10

РАНЕЕ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ТРИ ГЕРЦЕНО-ОГАРЕВСКИХ ТОМА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

ПЕРВЫЙ ТОМ (№ 61)

ОТ РЕДАКЦИИ

ГЕРЦЕН

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА. СТАТЬИ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

РАННИЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАБРОСОК
Публикация А. Сергеева

ЗАТЕРЯННАЯ СТАТЬЯ О КАЗАНИ
Публикация И. Яковлева

В АЛЬБОМ В. А. ВИТБЕРГ
Публикация Л. Гинзбург

У ИСТОКОВ «БЫЛОГО И ДУМ»
Публикация Ю. Красовского

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ «ДОЛГ ПРЕЖДЕ ВСЕГО»
Публикация Ю. Красовского

САТИРА-ПАМФЛЕТ ПРОТИВ КОСМОПОЛИТИЗМА
Публикация Я. Эльсберга

О БУРЖУАЗНОЙ ЕВРОПЕ
СТАТЬЯ ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОГО ЦИКЛА СЕРЕДИНЫ 1850-х ГОДОВ
Предисловие Я. Эльсберга
Публикация Л. Ланского

ДВЕ ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ
Публикация В. Александрова

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ОТРЫВКА ИЗ «БЫЛОГО И ДУМ»
Публикация В. Путинцева

НАБРОСОК ОТВЕТА НА СТАТЬЮ ЧЕРНЫШЕВСКОГО
Публикация В. Путинцева

ЗАПИСЬ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ
Публикация Х. Коштояница

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ГЛАВА ИЗ «CAMICIA ROSSA»
Публикация В. Путинцева

ОБРАЩЕНИЕ К ПОЛЬСКИМ ДЕМОКРАТАМ
Публикация Я. Черняка

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА ИЗ ЦИКЛА «СКУКИ РАДИ»
АЛЬПИЙСКИЕ ВИДЫ. — ЖЕНЕВА
Публикация В. Путинцева

ОТВЕТ «БИРЖЕВЫМ ВЕДОМОСТЯМ»
Публикация В. Путинцева

ГЕРЦЕН И ЕГО ПИСЬМА «К СТАРОМУ ТОВАРИЩУ»
Предисловие Д. Чеснокова
Публикация В. Путинцева и Я. Черняка

Последняя авторская редакция писем «К старому товарищу»
Основной текст. Варианты
Новые материалы к истории текста писем «Старому товарищу»

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ»
ОТВЕТЫ ОГАРЕВА «СТАРОМУ ДРУГУ»

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1847—1869 гг.

М. С. ЩЕПКИНУ
Публикация Л. Ланского

ПЕРИКЛУ МАЦЦОЛЕНИ
Публикация Я. Линкова

РЕДАКТОРУ «KOLNISCHE ZEITUNG»
Публикация Л. Мандельштам

ШАРЛЮ РИБЕЙРОЛЮ
Публикация Я. Линкова

СТАНИСЛАВУ ВОРЦЕЛЮ
Публикация И. Белявской

ТОМАСУ КАРЛЕЙЛЮ
Публикация М. Алексеева

НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЛЬСКОМУ ЭМИГРАНТУ
Публикация И. Белявской

ПЬЕРУ ЖОЗЕФУ ПРУДОНУ
Публикация Натальи Эфрос

ГЕНРИ-ЧАРЛЬЗУ КЭРИ (?)
Публикация Л. Гинзбург

Б. Н. ЧИЧЕРИНУ
Публикация Л. Гинзбург

ФЕРЕНЦУ ПУЛЬСКОМУ
Публикация Б. Козьмина

Г. Я. БУДКОВСКОМУ
Публикация В. Кулешова

ЭМИЛИИ РИВ
Публикация Л. Ланского

ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ «DAILY NEWS»
Публикация Л. Мандельштам

Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИРКСУ)
Публикация Я. Эльсберга

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
Публикация Б. Александрова

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ
Публикация Л. Ланского

ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ «МОЛОДОЙ ЭМИГРАЦИИ»
Публикация Б. Козьмина

ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН
Публикация Н. Анциферова

КАРЛУ-ЭДМУНДУ ХОЕЦКОМУ
Публикация И. Белявской

ГОТФРИДУ КИНКЕЛЮ
Публикация И. Белявской

КАРЛУ ГИСКРА
Публикация А. Углова

НЕИЗВЕСТНОЙ
Публикация Л. Гинзбург

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НЕДЕЛЯ»
Публикация В. Александрова

М.-Э. ТЕСЬЕ ДЮ МОТЭ
Публикация Натальи Эфрос

ПИСЬМА К М. К. РЕЙХЕЛЬ 1850—1852 гг.
Публикация Н. Анциферова

ПИСЬМА К Н. П. ОГАРЕВУ 1864—1870 гг.
Публикация Ю. Красовского

НЕУЧТЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
Составили Л. и Р. Мандельштам

ОГАРЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ. ПУБЛИЦИСТИКА. АГИТАЦИОННЫЕ И ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ (1859 — 1861 гг.)
Статья и публикация М. Нечкиной

Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева

1. ‹Цель, методы и организация общества›
2. ‹Цель русского движения›
3. ‹Заграничные общества›
4. ‹Список офицеров — членов революционной организации›
5. ‹Три вопроса›

НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОГАРЕВА
Вступительная статья, публикация и комментарии Я. Черняка
Из публицистического наследия.
Агитационные и сатирические произведения.
Лирика

«МОЯ ИСПОВЕДЬ» ОГАРЕВА
Статья и публикация М. Нечкиной

ПИСЬМА ОГАРЕВА

ПИСЬМА ОГАРЕВА К ГЕРЦЕНУ
I. Годы студенчества (1832—1833)
Публикация Е. Рудницкой
II. «Аншенский период» (1846—1851)
Публикация Ю. Красовского

ПИСЬМА ОГАРЕВА К Е. В. САЛИАС ДЕ ТУРНЕМИР
Публикация Б. Козьмина

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1839—1869 гг.
Из писем к М. Л. Огаревой
Публикация Е. Рудницкой

ПИСЬМА К ЕВД. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ
Публикация Я. Черняка

Н. А. МИЛЮТИНУ
Публикация Н. Захарьина

Н. В. АЛЬБЕРТИНИ
Публикация Б. Козьмина

ДЖ. СТЮАРТУ МИЛЛЮ
Публикация Н. Захарьина

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ
Публикация Н. Захарьина

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «GIOVENTÙ»
Публикация Л. Ланского

К НЕИЗВЕСТНОМУ
Публикация Е. Рудницкой

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ ОГАРЕВА
Библиографический указатель
Составили Л. и Р. Мандельштам

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составил Ю. Масанов

В томе 255 иллюстраций и 7 вклеек

ВТОРОЙ ТОМ (№ 62)

ОТ РЕДАКЦИИ

ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

С. И. И Т. А. АСТРАКОВЫ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

АРТУР БЕННИ — В. И. КЕЛЬСИЕВУ И ГЕРЦЕНУ
Публикация С. А. Радина

В. П. БОТКИН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

ПАУЛИНА ВИЛЬКОНСКАЯ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

Н. А. ВОРМС — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

Г. Н. ВЫРУБОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

И. С. ГАГАРИН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

И. П. ГАЛАХОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

В. А. ГОЛЬШТЕЙН И В. Н. СМИРНОВ — ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ ПЕРЕПИСКИ О. С. ГОНЧАРОВА С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ
Публикация П. Г. Рындзюнского

СИМЕОН ГОРСКИЙ — ОГАРЕВУ И ДРУГИМ ЭМИГРАНТАМ
Перевод Л. Р. Ланского

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Я. З. Черняка

С. С. ГРОМЕКА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

М. С. ГУЛЕВИЧ — ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. В. И В. П. ДОЛГОРУКОВЫХ С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ
Публикация Н. Н. Захарьина

Н. И. ЖУКОВСКИЙ — ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

В. Р. ЗОТОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова

В. Н. КАШПЕРОВ — ОГАРЕВУ
Публикация Е. Н. Канн-Новиковой

В. И. КЕЛЬСИЕВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: письма Филарета Захаровича
Публикация П. Г. Рындзюнского

И. И. КЕЛЬСИЕВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: письма к В. Т. Кельсиевой
Публикация П. Г. Рындзюнского

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. О. КОВАЛЕВСКОГО С ГЕРЦЕНОМ И М. А. БАКУНИНЫМ
Приложение: письмо Карла Фогта к Герцену
Публикация С. Я. Штрайха

Д. Е. КОЖАНЧИКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского

А. А. КРИЛЬ — ОГАРЕВУ
Публикация Е. Л. Рудницкой и Я. З. Черняка

Л. И. ЛАВРЕНТЬЕВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. М. Долотовой

П. Л. ЛАВРОВ — ОГАРЕВУ
Публикация Ш. М. Левина

М. П. ЛОЗИНСКИЙ — ОГАРЕВУ
Публикация Я. З. Черняка

М. А. МАРКОВИЧ (МАРКО ВОВЧОК) — ГЕРЦЕНУ
Публикация В. А. Тумановой

ДЖУЗЕППЕ МАЦЦИНИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского

Н. А. МЕЛЬГУНОВ — ГЕРЦЕНУ
Приложение: письмо К. Д. Кавелина к Герцену
Публикация Н. Н. Захарьина

Л. И. МЕЧНИКОВ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

П. С. МОШКАЛОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина

В. Ф. НАГЕЛЬ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина

ВЛАДИСЛАВ НЕГОЛЕВСКИЙ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

В. Ф. НЕФТЕЛЬ — ОГАРЕВУ
Публикация И. М. Бархаша

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ — ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ
Публикация Я. З. Черняка

Н. Н. ОБРУЧЕВ — ОГАРЕВУ
Публикация Н. Н. Новиковой
Приложение: Я. З. Черняк. Был ли Н. Н. Обручев адресатом письма, взятого при аресте Чернышевского?

В. М. и А. ОЗЕРОВЫ — ОГАРЕВУ
Приложение: два письма П. Л. Лаврову о Парижской Коммуне
Публикация С. И. Шкроба

ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. С. ПЕЧЕРИНА С ГЕРЦЕНОМ И ОГАРЕВЫМ
Публикация А. А. Сабурова

ПОЛЬСКИЕ ДЕЯТЕЛИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П.-Ж. ПРУДОНА С ГЕРЦЕНОМ
Публикация Натальи Эфрос

П. А. РАДИЩЕВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. И. Костровой

Ф. И. РОДИЧЕВ — ОГАРЕВУ
Приложение: письмо к В. М. Озерову
Публикация С. И. Шкроба

К. САБУРОВА (?) — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова

М. П. САЖИН — ОГАРЕВУ
Публикация Б. П. Козьмина

Н. И. САЗОНОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. Е. Застеннера

МАРК-АВРЕЛИЙ САФФИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Р. Ланского

А. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ОГАРЕЗУ
Публикация Б. П. Козьмина

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: четыре документа о подготовке вооруженного восстания в Сибири От редакции

А. В. СКАЛОН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Н. П. Анциферова

О. ТОКАРЖЕВИЧ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Белявской

Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. М. Долотовой

Н. И. ТУРГЕНЕВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Ю. Г. Оксмана

И. В. ТУРЧАНИНОВ И ЕГО ЖЕНА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Д. И. Заславского

А. С. УВАРОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация И. М. Бархаша

Е. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ
Публикация Б. П. Козьмина

Н. И. УТИН — ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
Приложение: письмо к А. Д. Трусову
Публикация Б. П. Козьмина

В. И. и Л. Д. ФИЛЛИППОВИЧИ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Натальи Эфрос

Н. В. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация А. Н. Дубовикова

Я. Н. ХАНЫКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. Л. Рудницкой

А. А. ЧУМИКОВ — ГЕРЦЕНУ
Публикация М. Я. Полякова

А. Я. ЩЕРБАКОВ — ОГАРЕВУ
Публикация С. И. Шкроба

Н. Ф. ЩЕРБИНА — ГЕРЦЕНУ
Публикация Е. В. Гиппиуса

АННОТАЦИИ

АННОТАЦИИ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Письма М. В. Белинской, Л. П. Блюммера, Ф. Вихерского, Дж.-Б. Гандольфи, А. Гончаренко, А. Гуровского, В. Добровольского, М. И. Железнова, Л. Коста, Ак. Крупина (?), Л. Масловского и др., Н. А. Мельгунова, Л. И. Мечникова, В. Мрочковского, Г. Мюллера-Стрюбинга, неустановленных лиц, В. Ф. Нефтеля, В. М. Озерова, Н. и С. Павловских, И. А. Пашкова, А. П., В. С., С. Ф. и Ф. С. Плаутиных, М. П. Погодина, Н. В. Постникова (К.-А. Романа), Л. А. Ренгартена, Е. А. и Е. В. Салиасов, Н. М. Сатина, С. И. Серебренникова, А. Е. Скворцова, Н. Сумарокова, Эд. Тибо-Бриньоля, О. Токаржевича, С. Тхоржевского, А. С. Уварова, С. А. Усова, В. Фенина, А. Цехановецкого, С. Чарушина, В. Шеншиной, П. Я. Шютца, М. К. Элпидина и Н. А. Юренева

Составил Л. Р. Ланский

ОБЗОРЫ

КРИТИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(по автографам пражской коллекции)

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА
Обзор Н. А. Роскиной

ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО
Обзор К. П. Богаевской

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА
Обзор А. М. Долотовой

ПИСЬМА В. Г. БЕЛИНСКОГО
Обзор К. П. Богаевской

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА
Обзор А. М. Долотовой

ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА, А. К. БАКУНИНОЙ, В. П. БОТКИНА, Н. Х. КЕТЧЕРА, С. ЛАЗАРЕВИЧА, П. В. НОВИЦКОГО, И. И. ПАНАЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. А. ПОЛЕВОГО, И. САВИЦКОГО, Н. В. СОКОЛОВА, Л. Н. ТОЛСТОГО, Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИКСА), М. А. ЯЗЫКОВА И АНОНИМНОЕ
Обзор Н. А. Роскиной

БИБЛИОГРАФИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ДО 1955 г.
Составили Л. С. Мандельштам, Р. С. Мандельштам и Е. М. Сабсович

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ОГАРЕВУ

ПАМЯТИ УШЕДШИХ ТОВАРИЩЕЙ
И. В. СЕРГИЕВСКИЙ
Некролог

Я. З. ЧЕРНЯК
Некролог

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Н. А. Роскина

В томе 236 иллюстраций и 1 вклейка

ТРЕТИЙ ТОМ (№ 63)

ОТ РЕДАКЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРЦЕНА

«О СЕБЕ». РАННЯЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Исследование и публикация А. Н. Дубовикова

Введение
Главы о детстве
«Огарев»
«Университет»
«Ландыш»
«ANAΓKH»
«Часов в восемь навестил меня...»
«Симпатия»

«РУССКАЯ ПАСХА». СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «L'Homme»
Публикация Н. Д. Эфрос

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ О 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова

ГРАЖДАНСКАЯ КАЗНЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО. ПИСЬМА В ГАЗЕТЫ «LE TEMPS» и «DAILY NEWS»
Публикация Л. Р. Ланского

«ДЕЛО ОБОЛЕНСКОЙ». СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «LE SIÉCLE»
Публикация С. А. Макашина

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ 1844—1868 гг.

ОГАРЕВ — ГЕРЦЕНУ И Т. Н. ГРАНОВСКОМУ
Публикация Л. Р. Ланского

ОГАРЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ И В. Г. БЕЛИНСКОМУ
Публикация М. Я. Полякова

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ГЕРЦЕНА С О. Р. СКАРЯТИНОЙ
Публикация Н. П. Анциферова

ОГАРЕВ — С. Г. ВОЛКОНСКОМУ
Публикация Ю. Г. Оксмана

ОГАРЕВ — В. И. БАКСТУ И ДРУГИМ ОРГАНИЗАТОРАМ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ЧИТАЛЬНИ
Публикация Я. З. Черняка

ОГАРЕВ — В. Н. КАШПЕРОВУ
Публикация Е. И. Канн-Новиковой

ГЕРЦЕН и ОГАРЕВ — РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «THE MORNING STAR»
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ОГАРЕВА С ПАВЛОМ ПРУССКИМ (П. И. ЛЕДНЕВЫМ)
Публикация П. Г. Рындзюнского

А. А. ГЕРЦЕН и А. И. ГЕРЦЕН — В. О. КОВАЛЕВСКОМУ
Публикация И. М. Белявской

ГЕРЦЕН — ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТАМ
Публикация И. М. Белявской

ОГАРЕВ — ЭМИЛЮ КВАНТЕНУ
Публикация С. А. Макашина

ОГАРЕВ и ГЕРЦЕН — А. А. СЛЕПЦОВУ
Публикация Б. П. Козьмина

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ
Публикация С. А. Никитина

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ
Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ
Публикация Л. Р. Ланского

ОГАРЕВ — Н. Я. НИКОЛАДЗЕ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ АРХИВА «КОЛОКОЛА» и ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

«ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ». РУКОПИСЬ Ф. Н. ЛЬВОВА С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО
Публикация В. Г. Лейкиной-Свирской

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПАМФЛЕТ НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА II
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ
Публикация С. С. Дмитриева

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ. «РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»
Публикация П. Г. Рындзюнского

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»
Публикация Л. Р. Ланского

ПРОТЕСТ ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА» ЧИЧЕРИНА. К ВОПРОСУ О РАЗНОГЛАСИЯХ СРЕДИ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ XIX В.
Публикация С. С. Дмитриева

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
Публикация З. П. Базилевой

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ 19 февраля 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова

АВТОР «NON POSSUMUS» — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Л. Леонидова

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»
Публикация В. Г. Кубалова

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА
Публикация Я. З. Черняка

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «КОЛОКОЛА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ И ТИПОГРАФСКИМ ДЕЛАМ

ПИСЬМА В. И. КАСАТКИНА
Публикация Я. З. Черняка

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО
Публикация Я. И. Линкова

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ
Публикация С. А. Никитина

ГЕРЦЕН — ОГАРЕВУ
Публикация П. Г. Рындзюнского и В. А. Путинцева

ГЕРЦЕН — ПЬЕРУ ЛЕРУ
Публикация Л. Р. Ланского

ОГАРЕВ — Н. Я. НИКОЛАДЗЕ
Публикация Б. П. Козьмина

ИЗ АРХИВА «КОЛОКОЛА» И ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

«ЗАПИСКА О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ». РУКОПИСЬ Ф. Н. ЛЬВОВА С ПОМЕТКАМИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКОГО

Публикация В. Г. Лейкиной-Свирской

СТИХОТВОРЕНИЕ-ПАМФЛЕТ НА КОРОНАЦИЮ АЛЕКСАНДРА II
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМО «РУССКИХ ЛЮДЕЙ» КЛЕЙНМИХЕЛЮ
Публикация С. С. Дмитриева

О РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РУССКОМ ДУХОВЕНСТВЕ. «РАЗБОР» КНИГИ И. БЕЛЮСТИНА «ОПИСАНИЕ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА»

Публикация П. Г. Рындзюнского

ПИСЬМО «РУССКОГО ХУДОЖНИКА»
Публикация Л. Р. Ланского

ПРОТЕСТ ПРОТИВ «ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА» ЧИЧЕРИНА. К ВОПРОСУ О РАЗНОГЛАСИЯХ СРЕДИ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ XIX В.
Публикация С. С. Дмитриева

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
Публикация З. П. Базилевой

СТАТЬЯ О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ПОСЛЕ 19 февраля 1861 г.
Публикация Я. И. Линкова

АВТОР «NON POSSUMUS» — ГЕРЦЕНУ
Публикация Л. Л. Леонидова

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»
Публикация С. С. Дмитриева

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАКУНИНА ОБ «ИРКУТСКОЙ ДУЭЛИ»
Публикация Б. Г. Кубалова

ПИСЬМО «ИЗ ДРУЖЕСКОГО СТАНА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

РЕПЛИКА НЕИЗВЕСТНОГО НА ЗАМЕТКУ ОГАРЕВА
Публикация Я. З. Черняка

ПРОГРАММА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «КОЛОКОЛА»
Публикация Е. Л. Рудницкой

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ И ТИПОГРАФСКИМ ДЕЛАМ

ПИСЬМА В. И. КАСАТКИНА
Публикация Я. З. Черняка

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО
Публикация Я. И. Линкова

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ
В ДОКУМЕНТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
Допросы Герцена и Огарева в июле 1834 г.
Публикация В. П. Гурьянова
Допрос Огарева 24 сентября 1834 г.
Приложение: письмо А. К. Лахтина к Огареву
Публикация Е. Л. Рудницкой

ГЕРЦЕН ПОД НАДЗОРОМ БЕЛЬГИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ
Публикация С. И. Кузьмина

ГЕРЦЕН В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1861 г. ПИСЬМА СТАТС-СЕКРЕТАРЯ В. П. БУТКОВА К ШЕФУ ЖАНДАРМОВ КН. В. А. ДОЛГОРУКОВУ
Публикация Н. Г. Розенблюма

ИЗ ИСТОРИИ ПОЗДНИХ СВЯЗЕЙ ГЕРЦЕНА и ОГАРЕВА С РОССИЕЙ
1. Пестерев у Герцена
2. Связи Ворожцова с Огаревым
Статья и публикация В. Н. Шульгина

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНА). МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ
Введение
I. Автобиографические документы
II. Письма Н. А. Герцен
Приложения: I. Письма к Н. А. Герцен. II. Отклик на смерть Н. А. Герцен
Статья и публикация Н. П. Анциферова

ПИСЬМА О ГЕРЦЕНЕ В БУМАГАХ М. К. РЕЙХЕЛЬ
Из писем Л. И. Гааг
Приложение: Луиза Ивановна Гааг. Биографическая справка
Публикация Н. Д. Эфрос

Письма Е. И. Герцена
Публикация А. Н. Дубовикова

Письма М. Ф. Корш
Публикация Н. П. Анциферова

СТАРШАЯ ДОЧЬ ГЕРЦЕНА (ТАТА)
Письма. Автобиографические наброски. Воспоминания
Публикация Н. П. Анциферова
Введение.
I. 1863 — 1867 гг. Поездка в Рим и художественное воспитание Н. А. Герцен.— Флорентинский кружок русской молодежи. — Совместная жизнь с Герценом в Женеве и во Флоренции.— Встреча с Гарибальди.
II. 1867—1869 гг. Попытки сплотить семью. — Конгресс лиги мира и свободы.— Болезнь Огарева. — Портрет Лизы.— Герцен в Виши. — Сочинение Огарева «С утра до ночи» («День»).—Шуточная пьеса Н. А. Герцен «Фотографии (с оригинала)».— Нервное заболевание Н. А. Герцен.
III. 1870 г. Последняя болезнь Герцена. — Смерть и похороны.
IV. 1870—1877 гг. Подготовка невышедшего сборника «Полярная звезда».— Попытки создать биографию Герцена. «Воспоминания Н. А. Герцен «Мои встречи с Нечаевым».— Ее общественные интересы.— Н. А. Герцен у смертного одра Огарева.
Заключение.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ
Публикация Н. А. Роскиной

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ГЕРЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ И «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Статьи М. А. Бакунина и С. Дерёра в «La Marseillaise» и А. Таландье в «La Démocratie».— Заметки в английской, бельгийской, германской, французской и швейцарской прессе.— Письма Ю. Альтгауза, Т. А. Астраховой, М. Бердушека, Б. Биггз, Ж.-Б. Боке, О. А. Герцен, Е. В. Касаткиной, Л. Коста, г-жи А. Мишле, Огарева, Е. И. Рагозина, М. К. Рейхель, М.-А. Саффи, И. С. Тургенева, Н. А. Тучковой-Огаревой, Э. Фогта, Г. Хильнича и Л. Чернецкого
Публикация Л. Р. Ланского

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРЦЕНЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. А. АСТРАКОВОЙ
Публикация А. Н. Дубовикова

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.А.БЕЛОГОЛОВОГО О ГЕРЦЕНЕ
Публикация Б. П. Козьмина

ВОСПОМИНАНИЯ Т. П. ПАССЕК «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА
Исследование А. Н. Дубовикова

Введение
«Корчевская кузина»
Замысел «Из дальних лет»
Работа по собиранию мемуарных материалов
Переписка с Огаревым и его работа над «Записками русского помещика
Письма Герцена и Огарева в воспоминаниях Пассек
Произведения Герцена и Огарева в воспоминаниях Пассек
Цензурная история «Из дальних лет»
Заключение
Приложение: Справка о письмах Огарева к Т. П. Пассек

СООБЩЕНИЯ

ПОРТРЕТ ГЕРЦЕНА 1836 г. РАБОТЫ А. Л. ВИТБЕРГА
Сообщение А. Ф. Коростина

К ИСТОРИИ «СОРОКИ-ВОРОВКИ»
Сообщение Т. С. Грица

В. А. ЖУКОВСКИЙ и А. М. ГОРЧАКОВ — ЧИТАТЕЛИ ГЕРЦЕНА
Сообщение М. М. Медведева

О ДВУХ ПИСЬМАХ В РЕДАКЦИЮ «КОЛОКОЛА»
Сообщение Е. Г. Бушканца

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ГЕРЦЕНУ
Сообщение А. Н. Дубовикова

ТРИ АГИТАЦИОННО-САТИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯ 1860-х ГОДОВ В БУМАГАХ ОГАРЕВА
Сообщение Я. З. Черняка

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ САМОДЕРЖАВИЯ С ИЗДАНИЯМИ ГЕРЦЕНА
Сообщение Е. П. Федосеевой

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ»
Сообщение Б. П. Козьмина

ИЗ АРХИВА «РУССКОГО ПРИБАВЛЕНИЯ» К ФРАНЦУЗСКОМУ «КОЛОКОЛУ»
Письма Т. Комарова (Чаплии) — Огареву и Герцену
Сообщение Л. Л. Леонидова

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»?
Сообщение Б. П. Козьмина

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗОБНОВЛЕННОГО «КОЛОКОЛА» 1870 г.

ПИСЬМО РЕДАКТОРАМ НОВОГО «КОЛОКОЛА»
Сообщение Е. Л. Рудницкой

ПИСЬМО ЧЕШСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
Сообщение Ш. Ш. Богатырева

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ДЛЯ СЕДЬМОГО НОМЕРА «КОЛОКОЛА»
Сообщение Л. Я. Гинзбург

ПОЧЕМУ ПРЕКРАТИЛСЯ ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ «КОЛОКОЛ»?
Сообщение Б. П. Козьмина

«САТИНСКИЙ ДОЛГ» ГЕРЦЕНУ
Письмо А. А. Герцена к Н. Н. Сатиной
Сообщение А. Н. Дубовикова

ОБЗОРЫ и ОПИСАНИЯ

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГЕРЦЕНА В «ПРАЖСКОЙ» И «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЯХ
Описание Л. Р. Ланского и В. А. Путинцева

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Обзор Н. П. Анциферова

Введение
Портреты Герцена
Портреты членов семьи Герцена
Портреты друзей. Портреты общественных деятелей
«Большая книга»
Памятные места. Мемориальные вещи

ГАЗЕТНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ВЫРЕЗКИ В АРХИВЕ ГЕРЦЕНА
Обзор Л. Р. Ланского

ПЕРЕПИСКА М. К. ЛЕМКЕ С НАСЛЕДНИКАМИ ГЕРЦЕНА. ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ» и «ПУШКИНСКОГО ДОМА»
Обзор В. И. Кулешова

МАТЕРИАЛЫ «ПРАЖСКОЙ» и «СОФИЙСКОЙ» КОЛЛЕКЦИЙ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ»
Справка Л. Р. Ланского

ТРИБУНА

К ДАТИРОВКЕ НОВЫХ ОГАРЕВСКИХ ДОКУМЕНТОВ
Статья Ш. М. Левина

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ КОНСПИРАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОГАРЕВА ИЗ «ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ»
Статья М. В. Нечкиной

Указатель иллюстраций
Составила Н. Д. Эфрос

Именной указатель
Составил Ю. И. Масанов

В томе 178 иллюстраций и 1 вклейка